

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Call

151

* JCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

=

*Ἐροί τί τί μακρὸν, τοῖς πείρους μή δύνασθαι περὶ
ἀποῦ τῶ ἀνακτῶ μήτε γράσθαι μήτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ εἴη δέξαν των κρυγοσθέντων ἀσθημάτων
ἐν τοῖς ἐπιγυρομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλαμπόσθη τῶν
το ἀδελφώντων καὶ των ἀδελφόντων.*

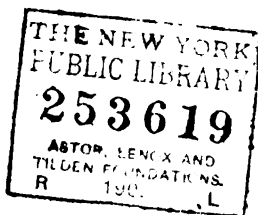
Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО-ОСЬМОЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЕ.
1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

сз тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое
шело экземпляръ. Санктпетербургъ, 21 октября 1849.

Ценсоръ Н. Срезневскій.

Исправл. долги. ценсора В. Лангера.

УЧЕБНИКЪ
АРИТМЕТИКИ
СЪ ПРАКТИЧЕСКИМЪ
УЧЕБНИКОМЪ

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ГВАЯ-ДЛИРЬ.

=

ЭТЮДЪ ИЗЪ БЫТА ИСКУСКИ.

=

НОЧЬ ВТОРАЯ.

I.

И годъ промчался... Въ полуиракъ,
Согнувши изнуренный станъ,
Сидѣлъ на трепетномъ гамакѣ *
Весь блѣдный Гвая. Кустъ лианъ
Надъ нимъ каскадомъ рассыпался.
И жадно, страстно онъ вдыхалъ
Ихъ сильный запахъ, улыбался,
Глаза болѣзненно смыкалъ.

Его подруга молодая,
Чуть-чуть дыша, полунагая,

* Гамакъ — упрямая колыбель изъ бумажной ткани, которую обыкновенно вѣшали въ садахъ или гротахъ.

Видѣлась робко въ темнотѣ.
 И на маньоковомъ листѣ —
 Округлый ликъ малютки-груди
 Дрожалъ туманною чертой....
 Какъ капля матовая ртути
 Блеститъ, дрожить сама-собою.

Лика, страстна малнице Чалла.... *
 Она послѣдняя пѣвица
 Съ зѣвиной тонкостью жреца
 Своей красой очаровала.
 Небесъ любимица Гвал-Ллиръ
 Въ рукахъ ея покинетъ мѣръ,
 Въ рукахъ одной.... И всѣ полна
 Ваханка дикимъ упоеньемъ, —
 И завтра срокъ, — и съ нетерпѣньемъ
 Прощальной ночи ждетъ она.

Завинувъ на спину головку,
 Ломая руки, жаркій пухъ
 Одеждъ отбросивъ на цыновку, —
 Она чуть переводитъ духъ.
 И вдругъ встаетъ, хватаетъ кубокъ.
 Скользя, рассыпалась коса....
 Горять и сохнуть розы губокъ,
 Какъ звѣзды — вестьхнули глаза.
 И станъ свой тонкій нагибая
 Къ груди счастливица, вся пылая,
 Она садится передъ нимъ —
 Съ своимъ сосудомъ золотымъ.

II.

— «Какъ бога — Чалла любить брата,
 Малнице Ллиру говорить.
 « Съ тобой покинуть жизнь я рада, —
 « Судьба меня не утрашитъ!...»

* Чалла — имя собственное, еще означаетъ понятіе хитрости или скорѣе жадности, падшихъ до сластолюбія, меланхолическихъ дикароковъ Мексики.

« Ты проклялъ вес, ты проклялъ мать,
 « Не содрогнувшись ты отдать
 « Ринился годы жизни цѣлой
 « За нашихъ дѣвъ. И скоро три —
 « Съ тобой завяли. Жертвъ снѣло
 « Свое измученное тѣло
 « Теперь отдашь ты. Но — смотри,
 « Вотъ кубокъ, кровь зѣти громучей
 « Въ его вниѣ... Прійми его, —
 « И закипитъ твоей духъ могучій,
 « И часъ мученья твоего
 « Подыметъ Мехику гровою, —
 « И грянетъ вѣсь войной былою
 « Капикъ съ тѣсннѣ уснувшихъ горъ...
 « Но ты молчишь?... Боязи, укрѣь,
 « Тоска твоей омрачили взоръ...
 « Ужель меня покинешь ты?
 « Ужель пора? она взываетъ.
 И эхо съ тонной высоты
 « Пора! печально отвѣчаетъ...

III.

Отнулся Лирь на эти звуки.
 Откинувъ влажный шолкъ кудрей,
 Съ ганака бросился онъ къ ней...
 Сплелся трепетныхъ рукъ,
 Сжались ладныя уста, —
 И вѣтан гиблага куста
 Надъ упоенною четой
 Склонилась нѣжной головой.

« На завтра — смерть! Но слушай, Чалла...
 « Рассказавъ дѣловъ ты внимала.
 « Была пора, къ намъ бѣлый геній
 « Съ морей востока приходилъ.
 « Закошемъ вѣры, учрежденій
 « Жрецовъ онъ нашихъ научилъ,
 « Онъ какъ дитя былъ тихъ, незлобенъ;
 « Нокрывый черной челеной,
 « Весь бѣлый — съ бѣлой бородей,

« Мемъ нашихъ горъ, богамъ подобенъ,
 « Ходилъ онъ права всей землей *.
 « Онъ въ нашихъ жертвахъ не нуждался,
 « Его законъ — была любовь.
 « Но, говорить, онъ стоеквался
 « По дальнимъ братьямъ и разстался
 « Съ пустынной Мехикою вновь....
 « Да, онъ ушелъ въ края чужіе, —
 « Но, удаляясь, указалъ
 « Отцамъ востокъ, и завѣщалъ, —
 « Что скоро, велѣдъ ему, другіе
 « Къ намъ духи бѣлые придуть,
 « И всѣмъ безсмертіе дадутъ
 « На этомъ свѣтѣ... Жизнь земную, —
 « Какъ нашу хижину родную,
 « Бросать намъ, Чалла, тяжело»....

— «Но, братъ мой, солнце такъ свѣтло,
 « Такъ пышны звѣздныя дубравы **
 « Саванны неба голубой.
 « Не тамъ ли въ вѣчности святой,
 « Мы будемъ жить, подъ сѣнью славы,
 « Съ тобой, орелъ мой молодой?...
 « Властитель! близокъ срокъ прощанья, —
 « Душа моя полна огня.

* *Азтекское преданіе о большомъ дугѣ*, Кветсалькогюатль, — см. Гумбольдтъ — «Essai sur la Nouvelle Espagne», 1808 года, и Прескоттъ. Кн. III, гл. 6 — его «History of the Conquest of Mexico», — также томъ I. — его «Conquest of Peru», 1848 года. — Потомъ: «Библиотека Для Чтенія» статья, М. Шевалье «Авангардъ Хр. Колумба», 1847 года, М 4. — «Финскій Вѣстникъ» 1845 года, М III, статья «Объ открытіяхъ древнихъ Скандинавовъ» и М V — статья «О древнемъ зданіи въ Нью-Портѣ, на островѣ Родъ-Эйландѣ». И наконецъ — «Mémoires des Antiquaires du Nord», 1843 — 1845 года, — статья Карла Хр. Раена, автора «Antiquitates Americanae». — Авторъ этихъ примѣчаній обѣщаетъ читателямъ представить отдельную статью объ этомъ любопытномъ Кветсалькогюатль, божествѣ древнихъ Азтековъ.

** *Звѣздныя дубравы, сады* — chortos ouranon, выраженіе поэта Гезнхія. Его приводитъ Гумбольдтъ — въ «Kosmos», примѣчаніе 3.

- Ты помнишь нигъ того свиданья,
- И полночь ту, когда меня
- Впервые жадными руками
- Встрѣчалъ ты въ этой тишинѣ?... —
- Смотри же, снова передъ нами
- Та жъ ночь, тѣ-жъ звѣзды въ вышинѣ, —
- И будто тѣмъ же огнями
- Какъ мы — проникнуты оиѣ...

IV.

Нѣтъ, прочь твои объятя, прочь!
 Не исцѣлить ниѣ сердца, Чалла...
 Тлѣтворной страстью вся ты стала, —
 А эта дѣвственная ночь
 Такъ безмятежна, такъ высоко
 Чиста, безгранная. Глубоко
 Объаты сномъ гиганты горъ.
 И Оризаба, храмъ двуглавый,
 Дымитъ свой пламень величавый, —
 Свой вѣчно-тлѣющій костеръ.
 Нѣмой восторгъ мечты объемлетъ,
 И гимны слышатся съ небесъ.
 И цѣлый мѣръ какъ будто дремлетъ
 Подъ снѣью дѣвственныхъ завѣсъ....

Бѣги, страдалецъ, — ночь одна
 Еще во власть тебѣ дана.
 Скорѣй покинь свой гротъ кристальный,
 Сокройся въ мракъ нѣмыхъ деревъ, —
 И встрѣтитъ день тебя прощальный
 Въ покоѣ слѣзъ, подъ грѣзой сновъ,
 На лонѣ дремлющихъ садовъ....

И быстро плѣнникъ молодой
 Изъ свода темнаго выходитъ.
 Оиѣ робкій взоръ кругомъ обводитъ,
 И вдругъ дрожить, и самъ не свой
 Идетъ пустынною тропой.
 Въ концѣ тропы той есть одинъ
 Утесъ, — о немъ припомнилъ Гвая....

Съ него видѣе голубая
Гряда родныхъ его долинь.

V.

На черно-синемъ небѣ, пылью
Алмазныхъ звѣздъ окружена
Сребристо-бѣлая луна.
Въ прозрачномъ воздухѣ — ванилью
И ананасомъ пахнетъ. Садъ
Въ каймѣ бамбуковыхъ оградъ —
Чуть движеть тѣнь листовъ. Фонтаны
Журчатъ въ аллеяхъ. Здѣсь и тамъ
Взвился на воздухъ по скаламъ
Широколистые бананы.
И съ тонкихъ, пальмовыхъ стволовъ,
Одѣтый въ брызги свѣтляковъ,
Струится плющъ.... А далѣ — мгла
Чернѣй вороньяго крыла....
Въ прохладѣ сонной тигръ свободный
Не шелохнетъ сухимъ кустомъ.
Косматый пенъ тройнымъ кольцомъ
Обнялъ, и спитъ удавъ голодный, —
И подъ серебряной росой
Сверкаетъ желтой чешуей.

Мерцанье ночи, тихій лепетъ
Фонтановъ, видъ родимыхъ горъ,
Все — обаяло слухъ и взоръ
Страдальца. Жизни сладкій трепетъ
Проникъ въ больную грудь. Слеза
Въ улыбкѣ радостной блеснула.
И грѣза легкая сомкнула
Его усталые глаза.
Онъ спитъ, а дымчатой волной
Надъ нимъ кружится мошекъ рой.
Со звонкихъ лозъ сальсапарелли —
Въ нѣмой тиши, со вѣкъ сторожъ,
Встаютъ задумчивыя трели....
И Гвал-Лиру снится сонъ.

VI.

Не лоно моря-океана
 Колышетъ знойный ураганъ;
 Предъ нимъ волнуется саванна
 Коврами яркими лянъ.
 Не челноки скользятъ рядами,
 Не по валамъ ихъ весла мчатъ;
 То тучки вольными орлами
 Надъ Кордильерами кружатъ.

Волканы, горы снѣговыя,
 Онъ васъ узналъ, бѣлой дикарь;
 Онъ васъ узналъ, лѣса родные, —
 Природы сынъ, природы царь.
 Здѣсь съ томогъукомъ онъ скитался,
 Кормилъ убогую сѣмью;
 Въ лодкѣ истерзанной пускался
 На ловъ по бурному ручью.
 Случалось, здѣсь у водопада,
 Склонясь въ колѣни головой,
 Сидитъ онъ. Быстрая гроза
 Предъ нимъ жемчужной пеленой
 Несется. Волны по обломамъ
 Дробятся, прыгаютъ, кипятъ, —
 Клубами змѣй скользятъ, шипятъ, —
 И съ дикимъ ропотомъ и громомъ
 Слетаетъ въ бѣзду водопадъ....
 А Гвая-Ллрѣ тревожной душой
 Стремится вдаль, къ инымъ краямъ, —
 Къ высокимъ храмамъ и дворцамъ,
 Къ столицѣ пышной Монтепумы....

VII.

И видитъ онъ вигвамъ * родной.
 Но отъ дождей зныи сырой
 Размытъ онъ весь. Его костеръ

Потухъ, и съ визгомъ вѣтеръ горь
 Въ немъ ходитъ ходуномъ, одинъ —
 Владыка дремлющихъ долинъ.
 Не смята вокругъ него трава
 Слѣдами легкихъ мокасннъ *.
 Одна нагая голова
 Торчитъ у входа на шестъ....
 И вдругъ — въ безмолвной пустотѣ —
 Окровавленными устами
 Она замолвила: «Межъ нами
 Свирѣпый голодъ шировавъ.
 Кочевье мерло. Изнывалъ
 И я. Но разъ, въ минуту злую,
 Я матеръ Гваеву большую
 Отъ всѣхъ украдкой задавилъ....
 И сытъ три дня, три ночи былъ!»

Мои мнѣ братья отомстили, —
 Съ живаго сняли волосъ,
 И на колъ, черепъ насадили....
 И воронъ вырвалъ мнѣ глаза....
 Но знаю я, — враги мои
 Всѣ перемерли. Разнесли
 Ихъ трупы мутные ручьи.
 Они засыпаны песками, —
 И раки синими клещами
 Впились въ ихъ мертвые уста».

И голова вокругъ шеста
 Кружилась звонко. Сердце Гвал
 Все изнывало. Замирая,
 Въ бреду, въ слезахъ очнулся онъ....
 Но мирный блескъ исхода ночи
 Смежилъ испуганныя очи.
 И Лиръ другой увидѣлъ сонъ. —

VIII.

На небѣ — вечеръ. Зной пустыни
 Облилъ огнями куполъ синий.

* *Мокассы* — сандалін изъ древесины. Digitized by Google

Ликуетъ городъ. Не видать
 Въ дѣмъ болѣ грѣшныхъ покаяній,
 Терзаній плоти; не слыжать
 На перекресткахъ призываній
 На гибель бури и громовъ.
 Народъ кипитъ. Толпы рабовъ
 Несутъ кумирь Тескатлепока.
 Роскошный бюстъ красавца бога, —
 Съ колчаномъ стрѣлъ въ рукѣ одной,
 Съ зеркальнымъ вѣромъ въ другой,
 На голубомъ шару, на тронѣ,
 Сілетъ въ радужной коронѣ.

Его уносятъ въ главный храмъ,
 Въ дыму кадиль, и ставятъ тамъ —
 На вышнѣ, подъ сводъ пурпурный
 Бумажныхъ тканей и щитовъ, —
 И льютъ душистый сѣкъ плодовъ
 Предъ нимъ въ серебряныя урны.

IX.

Обрядъ открытъ. На площадь храма
 Стремится радостный народъ.
 Свирѣли, бубны, гулъ тамъ-тама
 Повсюду слышатся. И вотъ —
 Въ плащахъ изъ легкихъ перьевъ цѣтцъ
 Подходятъ воины рядами,
 Сверкая мрачными цѣтми
 Отатуированныхъ лицъ *.
 Луки, щиты, и верхъ колчана
 Оплетены въ гирлянды розъ, —
 И развѣваются у стана
 Пучки, съ враговъ Тенохтитлана **.
 Оскальпированныхъ волосъ.

Подъ звукъ коралловыхъ роговъ,
 За ними, въ мантияхъ богатыхъ,

* Дикари Америки *татуируются* и до-сихъ-поръ, если собираются
 на войну или празднуютъ какое-либо торжество.

** *Тенохтитланъ* — другое названіе Мексики.

Пять тысяч избранных жрецовъ
Идутъ. Въ клочкахъ сѣдннхъ косматыхъ
Ихъ черный, жертвенный покровъ.

И вереницею печальной
Все выше, выше мрачный храмъ
Они, какъ лентою спиральной,
Объемають, вьются къ небесамъ.

X.

Гонцы кричатъ. Народъ толпится
Съ дарами раковинъ, плодовъ,
Металловъ, амбры и цвѣтовъ.
И вдругъ все вздрогнуло, стремится....
Вотъ онъ, вотъ плѣнникъ молодой, —
Плыветъ въ пироги расписной.

Угрюмъ и дикъ, какъ жрецъ печальный,
Глядитъ на встрѣчу жертвы храмъ.
Съ его главы пирамидальной
Костры дымятся по краямъ.
Межъ нихъ овальной яшмы камень
Сверкнулъ.... И вотъ сильнѣе пламень
Рванулся въ небо, затрещалъ, —
Кумиръ на тронѣ просіялъ *,
Блѣднѣеть, гаснетъ солнца кругъ.

Прощаясь съ міромъ наслажденій,
Въ послѣдній разъ среди подругъ,
Идѣтъ пѣвецъ въ дыму куреній —
На роковой, призывный звукъ.
Онъ рветъ съ себя цвѣты и платья,
Тамъ-тамъ онъ свой о камень бьетъ....
И молча въ страшныя объятія
Холодной гибели идетъ.

* Храмы изображены въ рисункахъ Maurin и въ Ser. et Cout.
Наковецъ — у Прескотта. —

XI.

Надѣты звонкія оковы.
 Тѣснѣй становятся жрецы.
 Всѣ ждуть. Кащиковы гонцы
 Принять священный трупъ готовы.
 Въ тужь ночь — на блюдѣ золотомъ,
 Роскошно убранный цвѣтами,
 Облитый саго и виномъ, —
 Сіять онъ будетъ за столомъ
 Царя. Кровавый прахъ съ мольбами
 Пожрутъ. Семь сутокъ пировать
 И Бога славить будутъ гости.
 А тамъ сожгутъ нагія кости,
 Счастливица новаго искать
 Начнутъ, и новый будетъ пиръ, —
 И такъ исчезнетъ Гвая-Лирь....

Встасть ли вихорь надъ землею, —
 Летитъ онъ, все испровергаетъ.
 Несется бѣшеною рѣкой
 Утѣсы, долы затопляеть;
 Иль тенлой, страстною волной
 Пахнетъ и плечи дѣвъ ласкаетъ....
 И вдругъ исчезъ, — и лишь одна
 Листокъ лѣаны, имъ измятой,
 Трещеца въ воздухѣ долины,
 Его напомнить въ часъ отрады,
 Средь мира новаго картинъ!

XII.

Угасъ пѣвца послѣдній день....
 Средь страшныхъ кликовъ увлекаютъ
 Его на смертную ступень, —
 И пять жрецовъ его хватаютъ.
 Уже на камень роковой
 Онъ положенъ. Уже сѣкира
 Взялась надъ грудью Гвая-Лира.
 И брызжетъ кровь. И жрецъ шестой
 Сквозь рану быстро запускаетъ

Нагую руку, чуть дыша, —
 И въ злобной радости дрожа
 Живое сердце вырываетъ....
 Оно трепещеть у него....
 Безмолвно жрецъ его подьмлетъ
 Къ зарѣ угасшей, — вотъ его
 Бросаетъ къ идолю... И внемлетъ
 Страдаецъ смутный гулъ кругомъ.
 И видитъ тамъ, внизу, въ волненьи,
 Толпа — въ восторгѣ неземномъ —
 Поверглась ницъ — въ благоговѣннѣ....

Очнулся скорбный Гвад-Давръ,
 Глядитъ — въ саду овъ. Небо утро
 Сияетъ сводомъ перламутра.
 И тихъ, и дивецъ божій міръ.
 Облитый яркими лучами,
 Бонется овъ подыять глаза.
 Родимой матери слезами
 Чело его кропитъ роса....

Вдругъ слышитъ овъ, изъ за кустовъ —
 Его зовуть.... И замирая
 Вскочилъ, глядитъ безмолвный Гвад
 На встрѣчу жертвенныхъ гонцовъ....

Но что-же это, — рой видѣній
 Къ нему вернулся? Вкругъ него
 Рядъ бѣлыхъ вонновъ *.... его
 Влечетъ съ улыбкой свѣтлый геній,
 И вдалъ указываетъ, — а тамъ
 Уже не выются къ небесамъ
 Огни крестовъ. Могучій храмъ
 Стоитъ, молчитъ, какъ-будто внемлетъ
 Сказаньямъ даины роковой, —
 И тихо, тихо крестъ подьмлетъ
 Надъ очарованной землей.

* См. Прескоттъ: — кн. III, гл. 5, и кн. V, гл. 7.

НОЧЬ ТРЕТЬЯ.

I.

.....
 Промчался дивъ. Въ борьбѣ яревой
 Палъ исполнить Теночтитланъ.
 И Новый-Свѣтъ покрылся славою
 Жоругви гордой христіанъ.
 Миръ возвращенъ. Троемъ боя
 У ногъ Кортеса сложены.
 И вотъ сподвижники войны:
 Американскаго героя —
 Корабль спускаютъ въ океанъ,
 Корабль Кастильи посвященный,
 Дарами Андовъ нагруженный,
 Дарами пышныхъ поморянъ.
 И часъ ударилъ. Капитанъ
 Трубить въ Кастилію походъ....
 Походъ желанный настаетъ.

Вечерній сумракъ. Тѣнью алой
 Огней зари сквозь флеръ луны
 Хребты валовъ окроплены.
 Свѣжѣтъ вѣтеръ. Заплескало
 Въ снастяхъ упругихъ. Налился
 Широкий парусъ. Грудью твердой
 Скользнулъ по вѣтру куттеръ гордой.
 Надъ мачтой гибкой флагъ взвился
 Фатой пурпурной. Улетѣли
 Назадъ вершины береговъ.
 И купы пышныхъ острововъ
 По горизонту засинѣли
 Предъ нимъ. Сильнѣй пошла волна.
 Свѣтлѣ блѣдная луна
 Зажглась. Раздвинулись широко
 Саванны моря. Одинок
 Пожесся куттеръ.... И скалы
 За нимъ кремнистыя сѣкрылись.

И звѣзды ярко отразились.
И серебромъ зачешулись
Зелено-сизые валы....

II.

Корабль летитъ. Толпой веселой
Испанцы праздные сидятъ
На палубѣ. И ковшъ тяжелый
Обходитъ ратниковъ. Звучать
Межъ ними кости роковыя....
Пылаютъ взоры игрока.
Дрожитъ коварная рука,
Теряя пѣзо золотые,
Мечомъ и кровью нажитые.... *
И брань, и шумъ, и пьяный смѣхъ.
И страсть тревожить алчно всѣхъ.

Вдали огней, у пушки мѣдной,
Склонясь на бортъ, въ тѣни, монахъ
Стоитъ задумчивый и блѣдный.
Въ его ввалившихся глазахъ —
Восторгъ.... Онъ мысленно летитъ
Въ громадно-мертвенный Мадритъ....
Туда за ярыя моря, —
Подъ острый сводъ монастыря.
Вотъ дома онъ.... Межъ братій слышно,
Что самъ король его приметъ!....
И передъ дворъ сурово-пышный
Его ведутъ. Холодный потъ
Бѣжитъ со лба его. Покорно —
Аzteки пестрые за нимъ,
За грознымъ пастыремъ своимъ,
Идутъ. И робко штатъ придворный
Тѣснится вокругъ него.... И онъ —
У трона гордо вознесенъ.
Обсѣчены интригамъ лапы.
Король во власть его даетъ
Весь дальній мѣръ.... И съ буллою папы, —

* Известно, что сподвижники Кортеса возвращались въ Испанію, потерявъ въ игрѣ все свое состояніе.

Подъ сънью кардинальской шляпы,
Владыка за море идетъ.

III.

Игра шуми́й!... На бочкѣ ви́нной,
Въ кругу азартномъ, капитанъ
Сидитъ—взбѣшенный!... Поваръ длинный
Очистилъ рыцаря карманъ!...
Ни звонкой цѣпи, ни браслета
На толстомъ кѣтъ!... Едва
Позоръ стерпѣла голова, —
Когда на дряблага поэта
Литой шишакъ засѣлъ съ нею,
Съ гигантской лысины ея.

Языкъ проклятьями стрѣляетъ.
Носъ жирно-красный побѣлѣлъ.
И Донъ Осмала присмирѣлъ!...
Тоскливо мутный взоръ сверкаетъ.
Къ землѣ оплывшая рука
Скользитъ. Качнулся онъ слегка, —
И рухнулся, и носомъ звонко
Запѣлъ, — и сталъ хитрить онъ тонко
Во снѣ, какъ лучше бѣ обѣтить
Ему атекскую красотку,
Что тамъ внизу; свою находку
Въ тиши до времени сокрыть,
И отъ супруга затантъ.

Межъ-тѣмъ фонарь лучомъ багровымъ
Плащи и лица игроковъ
Зажегъ фигурно. Подъ покровомъ
Небесъ, надъ всплесками валовъ, —
Ихъ буйный кругъ картиной чудной
Глядитъ изъ мрака!... Непробудно
Хранитъ подъ пѣсни капитанъ!...
Монахъ — ужъ напою. Римъ лобзаютъ
Его стопы!... Припоминаетъ
Онъ о Кортесѣ!... Другу санъ
Кацки Мехики вручаетъ!...

И улыбается себя, —
Своей блистательной судьбѣ.

IV.

Въ подводной вѣствѣ, въ триумфъ свойномъ,
Межъ владыкъ золота, сыны —
Вънчанныкъ Аидъ — загосподенъ...
Ярно оковъ жельзомъ гнойнымъ
Тѣла ихъ слабыя гнететь
И жалить. Звучно-мѣрно бьеть
Ихъ другъ о друга качкой.... Слезы
Изъ глазъ изъязвленныхъ бѣгутъ...
И, съ воплемъ бѣшеной угрозы,
Они катаются, режутъ...
И кандалы свои грызутъ.

Но молчаливъ ихъ стражъ. Одинъ
Онъ образъ тихій Мехиканца
Хранить. Космы его сѣдинъ
На бѣлый плащъ доминиканца
Спадаютъ, раннею грозой
Опеленныя.... Съ тоской
Крестомъ къ груди прижаты руки.
Немолчно-плачущіе звуки
Страдальцевъ духъ его язвятъ...
Но мысль—покорна, протокъ взгляды,
Слегка дрожащія уста
Полны молитвъ.... И весь любовью
Проникнуть новый сынъ Христа!
Но вотъ онъ вадрогнулъ. Сердце провью
Въ немъ залилось.... Знакомый міръ
Встааетъ въ душѣ его.... Тоскливо
Мяется грудь... И торопливо
На дверь онъ смотритъ, и пугливо
Чему-то внемлетъ Гваля-Алльръ....

V.

Пышна каюта Дошъ-Осмала.
Но передъ ней малышко Чалла —

Въ гранадской тишинѣ своей,
 Въ серьгахъ, въ ажемсннхъ сериоврахъ,
 И въ алыхъ шелковыхъ шальварахъ; —
 Великолѣпнѣй и пышнѣй!....
 Побѣдъ не мало Дошъ-Осмала
 Въ кругу красавицъ одержалъ.
 Побѣдамъ счетъ онъ потерялъ...
 Но непреклонной волей Чалла
 Предъ властелиномъ вознеслась, —
 И отчимъ пракомъ повладела,
 Богомъ роднымъ вѣрной быть,
 Врагамъ за вѣру отомстить....

Въ раздумьи горестномъ чуть дышитъ
 Малинче. Вдругъ изъ тюрма слышитъ
 Стонъ раздирающій она...
 И, какъ ножомъ пробуждена,
 Раздувши ноздри; вся дрожа, —
 И ужасаясь, и спѣша, —
 Она къ тюрмѣ подводной сходитъ
 И дверь тяжелую отводитъ.

ГВАЯ-ЛАНРЪ.

Ты здѣсь, сестра!... Ты-ль это?!...

ЧАЛЛА.

Я —

Раба защитница твоя!
 Долой оковы землякамъ, —
 И мечь желанная врагамъ
 Свершится....

ГВАЯ-ЛАНРЪ.

Небо защищаетъ
 Мнѣхъ спасителей! Боговъ —
 Не тронетъ мечъ.... А жизнь враговъ
 Хранить Творецъ повелѣваетъ....

ЧАЛЛА.

Боговъ?! Нѣтъ, нѣтъ.... Пришельцы злые, —
 Какъ всѣ мыг-смертные, больные,
 Не боги.... Духъ коварный ихъ
 Постыденъ.... Звѣри виѣсть съ ними
 Воюють.... Молніи за нихъ...
 Они собаки свиньи.

Азтекскихъ вонновъ травать,—
 Они съ рабынями ихъ спать....
 У нихъ ни мѣнса, ни злата
 Земля не знаетъ.... Ихъ страна —
 Однимъ оружіемъ богата,
 Одною алчностью полна.—
 Иди за ними!! Бѣлый демонъ
 Покорство, преданность почитать....
 Но полководствуетъ не весть онъ....
 Отщепенъ хищника найдеть!—

Сидитъ опять въ раздумьи Чалла....
 Полночь.— Каюту Донъ-Осмала
 Наполнилъ 'сладострастный паръ
 Индійскихъ уривъ.... Мятужный жаръ
 Колеблетъ Чаллы грудь.... Душа
 Къ былому рвется.... И, дрожа,—
 Малинче снова къ трюму сходитъ,
 И роковую дверь отводитъ.

ЧАЛЛА.

Ты плачешь, братъ мой? Будь спокоенъ,
 Теперь твой духъ отцовъ достоинъ....
 Очнись.... смотри, съ тобою я —
 Раба—любимца твоя....
 Раба желаній....

ГВАЯ-ЛЛИРЪ.

Слаще мѹки

Всей жизни—мертвыхъ благъ твоихъ!...
 Поди!! Ужель забыть для нихъ
 Мнѣ Спаса проткнутыя руки,
 Его страдальческую кровь,
 Его всемірную любовь,
 И духъ незлобивый?... Ужель
 Мнѣ чистый крестъ мой поругать
 Съ тобой, —и пасть мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ?...
 Скажи, — ужель твоей постели
 Себя мнѣ, грѣшница, отдать?...

Мракъ. Въ тучи прячется луна....
 Грозный грозы вскочила Чалла.

Нымыъ отчаяньемъ полна,
 Съ зажженнымъ факеломъ она—
 Опять предъ дверью трюма стала!...
 И вновь идетъ, и вся кипитъ,
 И, задыхаясь, говоритъ:—

ЧАЛЛА.

Ты хочешь, братъ, спастись?

ГВАЯ-ЛИРЬ.

Нѣтъ!

ЧАЛЛА.

Сломить врага, и пирь кровавый
 Свершить надъ хищниками славы?...
 Да будетъ славенъ сынъ побѣдъ!
 Да мечь забудутъ дѣти плѣна....
 Постыдна черная измѣна....
 Постыденъ рушенный завѣтъ!—

ГВАЯ-ЛИРЬ.

А, трусь! Свершились опасенья....
 Рабъ жизни—рабъ своихъ враговъ!
 Но проклялъ крикъ его презрѣнья,
 Проклятъ родины, отцовъ!...
 Бѣгутъ года.... Пескомъ заноситъ
 Долину Андъ.... Летитъ, кричитъ
 Косматый вѣронъ,—пищи проситъ....
 А кондоръ * брату говоритъ:

ЧАЛЛА.

«Гдѣ жъ Мехиканцы?... Ни въ Чолулѣ,
 Ни въ битвахъ грозныхъ, ни въ горахъ,
 Ни въ Тласкаланѣ, ни въ лѣсахъ—
 Не видно ихъ? Они заснули?
 Они укрылись? — Замолчитъ
 Крылатый царь, и улетитъ,
 Ровня слезы, за предѣлы
 Азтекскіе. — И вотъ лежатъ
 Нагія кости. Прахомъ стрѣлы
 Заноситъ. Тлѣютъ и хрустятъ
 Останки жизни. Зной пустыни
 Заразой гонитъ воздухъ синій....
 А вѣронъ вѣтся и глядитъ

На кости, — славникъ днѣй потомокъ,
И плачеть грустно и летить
Съ обломка кости на обломкѣ...
Прости-жь, о! родина...

Сказала

И факелъ быстро полетѣлъ
На кладъ съ порокомъ. И Чала
Съ свирѣпой радостью вняла,
Какъ окъ, воткнувшись, зашипѣлъ
Надъ страшной массой.... И на мигъ
Потухъ.... Толпа полунагихъ
Азтековъ смолкла въ ожиданьи
Удара,—въ тихомъ упованьи
Творя мольбы... И скоро крикъ
Ужасный раздался изъ трюма:
— Великъ, могучъ Тескатлепокъ!
Великъ и славенъ Монтецума....
Спустилъ стрѣлу вонтель-богъ!...
Спустилъ стрѣлу, стрѣла летить,—
Огнемъ небесъ она разитъ! —
И все очнулось!— Донъ-Осмала
Вскочилъ — весь блѣдный и нѣмой.
Матросы шумною толпой
Поднявшись, замерли.... Упала
На всѣхъ карательной грозой
О смерти мысль.... И стихли вѣи!...
И въ ужасающей красѣ
Картинной взрыва озарились
Саванны дѣвственныхъ валовъ,
И даль прозрачныхъ облаковъ, —
И грани двухъ земныхъ мировъ
Борьбою смерти огласилась.

ГР. ДАННЬЕВСКІЙ.

ЖИТЕЙСКАЯ ШКОЛА.

=

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

==

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КТЕВІЯ ПЕТРОВНА ОЗЕРСКАЯ, вдова.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ТУРУСОВА, сл. тетка (45 лѣтъ).

АНДРЕЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОВОРКОВЪ (40 лѣтъ).

ЛЕВЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНСКІЙ, бѣдный чиновникъ, служащій въ одномъ ведомствѣ съ Говорковымъ (30 лѣтъ).

ГОСПОДИНЪ КРАСНОЩЕКОВЪ, охотничья волковникъ (35 лѣтъ).

ГРАФЪ *** (55 лѣтъ).

МАДРИМЪ БЕДОРОВИЧЪ ЗВѢЗДИНЪ, вѣщій поэтъ.

МАДАМЪ ТУРУХТАНОВА, старая барыня.

АННЕТТА (40 лѣтъ)

БАБЕТТА (35 лѣтъ)

ПАШЕТТА (30 лѣтъ)

} сл. дочери.

МАДАМЪ КЛЕЦМАЯ, молодая дѣвушка одрета, портюга Краснощекова.

Г. СЕРГѢЕВЪ

Г. ГАРШЕНКО

Г. ПАЩЕНКО

Г. ФИГУРИНЪ

} осужденіе въ министерецѣ.

ИВАНЪ, камердинеръ Озерской.

1-й

2-й

} слуги.

Горничная.

Гости разныхъ званій и лѣтъ.

Осцилянты.

1-й

2-й

3-й

4-й

} старушки разныхъ лѣтъ и званій.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Озерской.

Театръ представляетъ комнату въ новѣйшемъ вкусѣ. На-право отъ актера дверь въ уборную Озерской; на первомъ планѣ окно; на-лѣво, такая же дверь; въ срединѣ общій входъ.

=

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ:

Утро.

КАМЕРАДНЕРЪ ИВАНЪ, ВХОДЯ СЪ ДВУМА ПИСЬМАМИ.

Да что жъ это? пора бы кончить, право....

Что это, барыня? ей, ей.

Ну, шла бы замужъ поскорѣй....

Такъ нѣтъ! все ждетъ, хитритъ, заводитъ всѣхъ лукаво

И такъ, и сякъ, то — влѣво, вправо...

Ну, долго-ль эдакъ до грѣха?

Эхъ! лучше бъ выбрать жениха,

Коль надоѣла участь вдовья.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ИВАНЪ и ГОРНИЧНАЯ.

ИВАНЪ, ОБРАЩАЯСЯ КЪ НЕЙ СЪ ВѢЖНОСТЬЮ:

Ахъ, прелесть! добраго здоровья!

Ну, что-съ? спокойно-ль ночьку провели?

Сна не видали-ли какого?

ГОРНИЧНАЯ, ПРИСѢДАЯ.

Нѣтъ-съ...

ИВАНЪ.

Нѣтъ-съ?

ГОРНИЧНАЯ, УВИДЯ ПИСЬМА.

А это что?

ИВАНЪ.

Извѣстно: принесли

Отъ Глинскаго письмо, да вотъ отъ Говоркова....

Отдайте барынѣ, да и прошу узнать,

Какой отвѣтъ прикажутъ дать?

ГОРНИЧНАЯ, ВЗЯВЪ ПИСЬМО.

Отъ, эти женихи! наскучили ужасно!

ИВАНЪ, ЗАГРЫВАЯ СЪ НЕЮ.

Какъ! я наскучилъ вамъ?

ГОРНИЧНАЯ.

Но вы... а тѣ, что къ ней вотъ пишутъ то напрасно.

ИВАНЪ.

Да; вышла-бъ поскорѣй, и ходъ дала бы намъ...

ГОРНИЧНАЯ.

Да, ужъ тогда-бъ и мы...

ИВАНЪ.

Вотъ, тетка похлопочеть.

ГОРНИЧНАЯ

Турусова?... *(вспомнивъ)* ахъ! да!

Я шла сказать тебѣ: что намъ грозитъ бѣда!

Видь тетка, говорятъ, жить съ барынею хочеть!

ИВАНЪ.

Какъ! здѣсь? на что? зачѣмъ?

ГОРНИЧНАЯ.

Чтобъ вишь, по своему всѣмъ править,

А болѣе, какъ говорятъ, за тѣмъ,

Чтобъ домъ племянницы на модный ладъ поставить.

ИВАНЪ.

Ну, это... впрямь бѣда!... насъ свяжетъ по рукамъ!...

Старуха — бойкая, сварливая, скупая...

ГОРНИЧНАЯ.

Нѣтъ, мало: говорятъ — ехидная и злая...

Она не нравится всѣмъ нашимъ женихамъ,

Все сватаетъ своихъ, а нашимъ-то мѣшаетъ...

ИВАНЪ.

Такъ... такъ... и точно, къ намъ, совсѣмъ переѣзжаетъ?

ГОРНИЧНАЯ.

Со всѣмъ *(Слышенъ звонокъ)*. Чу! барыня....

ИВАНЪ, СМОТЯ ВЪ ДВЕРЬ НА-ПРАВО.

Да... да... она!

ГОРНИЧНАЯ, ОТВОРЯЯ ЕЙ ДВЕРЬ.

Смотри-ка какъ задумчива... грустна...

ИВАНЪ, ВПОЛГОЛОСА.

А какъ-же? цѣлый годъ вдовѣтъ, въ эти лѣта!...

Забѣтъ вѣдь горе хоть кого.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТЪЖЕ и ОЗЕРСКАЯ, въ утреннемъ платьѣ.

ГОРНИЧНАЯ.

Сударыня...

ОЗЕРСКАЯ, ВЫХОДЯ ИЗЪ ЗАДУМЧИВОСТИ.

Что ты?...

ГОРНИЧНАЯ, ОТАВЛЯЯ ЕЙ ПИСЬМО.

На письма ждутъ отвѣта,

Отъ Говоркова...

ИВАНЪ, ПОДХОДЯ.

И отъ Глинскаго...

ОЗЕРСКАЯ, ПОСМОТРѢВЪ НА КОНВЕРТЫ.

Чего?...

Ахъ, да!... я вижу... вижу... знаю.

ИВАНЪ.

Желають видѣть васъ...

ОЗЕРСКАЯ.

Ну, чтожь? я ожидаю.

ИВАНЪ.

Обоихъ, значитъ, вы прикажете принять?

ОЗЕРСКАЯ.

Да. Преданныхъ друзей пріятно посѣщенье!

Бросаетъ письма на столъ.

Мнѣ-жъ такъ наскучило мое уединенье,

Что града буду я всѣхъ вмѣстѣ увидать.

Ступайте.

Иванъ и горничная уходятъ въ разные стороны.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ОЗЕРСКАЯ, ОДНА, ГЛУБОКО ВЗДЫХАЯ, СѢДИТСЯ.

Боже мой! какъ страшно я страдаю!

Задумывается.

Другимъ же... вѣтъ завидна жизнь моя!

А я на жизнь рошщу... чего-то ожидаю?...

Я часто даже плачу... и не знаю,

Исполнится ли то, чего желаю я?...

Всѣ обожатели и тетушка — хлопотать

Чтобъ вышло замужъ я скорѣй!...

Одни, — мнѣ счастье вѣрное пророчать,

Другіе жъ говорятъ: нѣтъ счастья у людей!

Встаеть.

Чтожь дѣлать?... право, мнѣ ужъ на себя досадно!

Я молода, вдова, богата, правлюсь всѣмъ....

А между-тѣмъ

Всѣ годы лучшіе проходятъ безотрадно!

Подойдя къ столу, беретъ оба письма.

Тогда, какъ счастье, быть-можетъ.... вотъ, въ рукахъ!

Ко мнѣ, что день, то новыя посланья....

Всѣ женихи, то въ прозѣ, то въ стихахъ

Мнѣ дѣлаютъ формальныя признанья,

А я.... смѣшно сказать! съ которыхъ поръ

Не смѣю ни на что рѣшиться!...

Да отчего же? что за вздоръ!

Неужли, въ выборѣ, могу я ошибиться?...

Во мнѣ (какъ говорятъ) и умъ, и ловкость есть,

Достоинства людей я вѣрно оцѣню,

Чего же я боюсь?... нѣтъ! надо предпочесть

Кого нибудь! да.... да.... сегодня-жъ я желаю

Рѣшить судьбу свою! (*разсматривая письма*) Которое жъ прочесть?

Два обожателя придутъ мнѣ снова

Любовь и преданность съ рукою предлагать....

И такъ, сперва прочтемъ посланье Говоркова,

Онъ какъ-то больше всѣхъ умѣетъ обѣщать.

Читаеть письмо.

«Несравненная, обожаемая Евгенія Петровна!

«Позвольте объяснитьсь съ вами, можетъ-быть въ послѣдній разъ! потому-что ожидая такъ долго вашего рѣшенія и занимаюсь только вами, я началъ много терять по службѣ; а это для такого человѣка какъ я, и нелѣпо, и непростительно!....»

Говорить.

Какъ! онъ мнѣ смѣетъ такъ писать?...

Читаеть.

«Если бъ я зналъ: что, потерявъ во мнѣнїи начальства, я въ удовольствіе получу вашу руку?... Но, увѣ! вотъ ужъ около года, вы со мной такъ-же холодны, какъ и съ другими.... стало-быть, при такихъ обстоятельствахъ, что-же мнѣ остается? заглушить мою страсть и просить у васъ позволенія — лично пожелать вамъ всякаго счастья — и разстаться. Ожидая вашего отвѣта, остаюсь.... до гроба вашъ другъ и слуга, Говорковъ.»

Съ досадою мнетъ письмо.

А! этого ужъ я никакъ не ожидала!

Онъ, кажется, меня намѣренъ испугать?...

Не хочеть-ли, чтобъ всѣмъ отъ дома отказала?...

Нѣтъ! нѣтъ! ужъ этому, конечно, не бывать!

Онъ выбралъ предурное средство,

Меня поймать на фразахъ и словахъ!

Нѣтъ! стоить только съ нимъ приняться за кокетство, —

И Говорковъ.... погибъ на вѣкъ въ моихъ сѣтяхъ!

Прочтемъ другое.... (распечатывая).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ОЗЕРСКАЯ, ИВАНЪ и ТУРУСОВА.

ИВАНЪ.

Анна Алексѣевна!

Турусова входитъ быстро.

ОЗЕРСКАЯ, бросаясь ей на встрѣчу.

Ахъ! тетюшка! вы здѣсь! какъ благодарна я!

Я такъ огорчена.... разстроена душевно....

ТУРУСОВА, скороговоркой, но лъственно.

Неужто? ай! ай! ай! ну, здравствуй, жизнь моя!

Цѣлуются и усаживаются.

Ну, что съ тобой? приедемъ, потолкуемъ,

Открой свою мнѣ душевную, открой....

Поплачемъ виѣтъ, погорюемъ....

И горе сниметь какъ рукой!

ОЗЕРСКАЯ.

Представьте: вотъ письмо отъ Говоркова —
Онъ отъ меня бѣжить!

ТУРУСОВА.

Ну, чтожъ? найдемъ другаго!

А не другаго, — третьяго! любаго!

О! будь ка у меня твой домъ и капиталъ,

Такъ нужды нѣтъ, что я ужъ устарѣла!

А такъ бы всѣми здѣсь вертѣла,

Что каждый фантикъ бы у ногъ моихъ лежалъ!

За денешки, теперь, радъ всякій пресмыкаться.

ОЗЕРСКАЯ.

Напротивъ, тетенька; вотъ этотъ написалъ:

Что будто чрезъ меня онъ въ службѣ пострадалъ.

И вотъ, грозитъ придти проститься, отказаться....

ТУРУСОВА, разгорячалась.

Какъ! отъ красавицы? съ нѣвнѣемъ? вотъ чтó!

Ахъ, онъ!.... да видно-ли гдѣ такое звѣрство?

Да я.... да я, противъ него, за то
Вооружу сейчасъ любое министерство!

Да за тебя, я, ангелъ мой,

Готова шумъ поднять какъ на пожаръ!

Да я, лишь захочу, его поступокъ злой

И всѣ грѣхи, сейчасъ проишнуть въ формуляръ!

Да я, его....

ОЗЕРСКАЯ.

Нѣтъ! нѣтъ! я васъ благодарю....

Видъ онъ мнѣ нравится....

ТУРУСОВА.

Вотъ чтó!... ну, ты бѣ рѣшила,

Да и къ вѣнцу скорѣй!...

ОЗЕРСКАЯ.

Боюсь.... вотъ посмотрю

Какое я еще посланье получила,

Отъ Глинскаго?

Развертываетъ письмо.

ТУРУСОВА.

Еще? о, Господи прости!

Отъюду женихи!... ну, ну, прочти, прочти....

ОЗЕРСКАЯ, читаетъ.

«Добрая Евгенія Петровна! Вы, безъ сомнѣнiя, помните, что когда-то сами предложили испытать мою любовь и преданность? и я отдалъ себя въ полную вашу волю! Видя вашихъ друзей и обожателей, — которые, разумѣется, всѣ лучше меня, — я молчу какъ убитый, повинуюсь вашему взгляду, и не смѣю упрекнуть ни въ чемъ! Да, Евгенія Петровна, терпѣнiе мое — или преодолѣть всѣ враждебныя обстоятельства, — или, уничтоживъ всѣ лучшiя надежды, заставить меня на-всегда удалиться отъ свѣта! Въ ожиданiи роковой развязки, надѣюсь, что вы позволите мнѣ нынче видѣть васъ; остаюсь до гроба преданный вамъ Глинскiй».

ТУРУСОВА.

Вотъ былъ бы мужъ вполнѣ: какъ тихъ, учтивъ, послушень....

ОЗЕРСКАЯ, въ раздумьѣ.

Да.... съ нимъ бы, кажется, я счастье нашла?...

Представьте: я — скучна, — и онъ ужасно скучень!

А весель — лишь тогда, когда я весела....

Мнѣ угодить, всегда отъищеть средство;
Обижу я его.... онъ извинить!

Капризъ мой, прихоть ли кокетства,
Все оправдаетъ и простить!

ТУРУСОВА.

Такъ это кладъ! вотъ съ нимъ бы обвинчалась,
А я благословлю!...

ОЗЕРСКАЯ.

Ахъ, Боже мой! да я.... ужъ много разъ рѣшалась....
Но я, мою свободу.... такъ люблю!

Что вѣкъ бы съ нею не разсталась!

ТУРУСОВА, выразительно.

За это, я ужъ не хвалю.

Да чтò въ свободѣ-то?... нная вѣкъ свободна,
А никому, къ-несчастью, не угодна!

Нѣтъ, нѣтъ, оставшись ужъ вдовой,
Такъ долго выбирать опасно, ангель мой!

У васъ, у вдовушекъ, словечко это въ модѣ:

Свободою — всѣ бредать иногда....

Но ты подумай-ка, — ну чтò, какъ на свободѣ

Ты вдругъ старѣть начнешь? бѣда!

Охъ! какъ появятся проклятыя морщины,

Узнають, — засмѣють!... да я теперь: ну вотъ,

И рада-бъ броситься въ объятія мужчины,

Да ни одинъ злодѣй и ухомъ не ведеть!

Какъ быть! такой ужъ сталъ народъ злодѣйскій;

Ужъ я, повѣришь-ли? теперь

Хоть объявляй въ газетѣ полицейской,

Никто не явится, повѣрь.

Нѣтъ, душечка, ужъ лучше будетъ это,

Какъ замужъ выйдешь ты опять;

Ахъ, кстати: я тебѣ пріѣхала сказать,

Что ты свела съ ума извѣстнаго поэта.

ОЗЕРСКАЯ.

Какого?...

ТУРУСОВА.

Звѣздкина Володю! онъ кричить:

Что лишь одной тобою дышетъ!

Что безъ души тебя боготворить,

И на твои глаза давно поэму пишетъ;

На дняхъ, ко мнѣ онъ какъ то прилетѣлъ,

И совершенно озадачилъ!

Онъ отъ любви къ тебѣ, смотрю, и — поблѣднѣлъ,

И похудѣлъ, и... даже кашлять началъ!

Ахъ, сколько о тебѣ онъ мнѣ стиховъ читалъ!

Въ тебѣ какого-то нашелъ онъ идеала,

И прочая... потомъ ужасно умолялъ,

Чтобъ я объ немъ тебѣ сказала;

Лишь вспомнить про тебя — вздохнетъ, прольетъ слезу,

И загорится весь!... такъ я, за нимъ заѣду.

И, ужъ какъ хочешь, привезу

Его, голубчика, къ обѣду.

ОЗЕРСКАЯ.

Все это хорошо, и лестно... но... боюсь....

Что, если вдругъ я выйду замужъ,

И въ выборѣ моемъ, къ-несчастью, ошибусь?...

Что будетъ послѣ, тамъ?... вѣдь тамъ — ужъ,

Какъ въ мужъ не найдешь покорности, любви,

Ужъ какъ ни грустно будетъ, а живи.

ТУРУСОВА.

Э! душечка, на все на это есть возможность!

Заранѣ хлопочи все взвѣсить, расчитать,

И жениха изволь, въ предосторожность —

Что называется — до свадьбы въ руки взять!

Такъ поступай, какъ я съ покойнымъ поступала:

До свадьбы я свои устроила дѣла,

Его — я по рукамъ и по ногамъ связала,

Сама же, все, все въ руки забрала!

И ты дай знать вполнѣ, что ты одна хозяйка,

Чтобъ твой женихъ ужъ зналъ впередъ

Характеръ твой, и власть. — А то, имъ волю дай-ка.

Иной модѣй тотчасъ все въ руки заберетъ.

По этому, смотри вѣрнѣй на Говоркова....

Съ нимъ, кажется, добра не будетъ ни какова!

Онъ дерзокъ, смѣлъ, — поразгляди,

И прямо объяснись, въ-просакъ не попади.

ОЗЕРСКАЯ.

А что-жъ, и въ-самомъ дѣлѣ, отчего бы

Сегодня жъ, имъ характеръ свой

Не выказать для пробы?..

А мнѣ-жъ наскучило, признаться, быть вдовой.

ТУРУСОВА.

Да, да, пора рѣшиться, ангелъ мой!

А то, вѣдь знаешь, дѣло вдовье
 Опасное! хоть ты, добра, скромна на видъ,
 Но, здѣсь, проклятое злословье
 И безпорочное созданье очернить!
 Особенно, у насъ есть злыя старушѣнки,
 Которымъ, кажется, съ родни самъ Сатана!
 Такія смѣтницы, такія пустозвонки,
 Изъ мухи — едятъ слона!
 Ахъ, кстати: знаешь что случилось
 Съ мадамъ Курбатовой? совсѣмъ съ ума сошла!
 Въ чахотку мужа вогнала,
 И въ лейбъ-драгугъ того поручица влюбилась!

ОЗЕРСКАЯ.

Неужли? ахъ, какъ жаль....

ТУРУСОВА.

Да, да,

Ужасно жаль! я чуть не плачу....

Однако, что-жъ я время трачу?

Мнѣ надо съѣздить кой-куда....

Идетъ, потомъ возвращается.

Ахъ! нѣтъ, постой, вотъ новость-то узнала:
 Съ Елецкой ты знакома?

ОЗЕРСКАЯ.

Бѣжу къ нимъ;

А что?

ТУРУСОВА, за тайну.

Отъ бабушки тихонько убѣжала

Съ любезнѣйшимъ полковникомъ своимъ!

ОЗЕРСКАЯ.

Возможно-ли!?

ТУРУСОВА.

Да! да! а вѣдь сиротка,

Которая себя вела такъ тихо, кротко....

Но, впрочемъ, я злословить не хочу,

Какъ многія у насъ.... прощай же, я лечу....

Мнѣ надо побывать въ Пассажѣ.

ОЗЕРСКАЯ.

Но, вы прїѣдете? я буду ожидать.

ТУРУСОВА.

Да, да, мой другъ, нельзя же;
 Чѣмъ кончишь ты, вѣдь я должна же знать;

Я прямо приекачу къ обѣду;

А тамъ,

Предъ свадьбою твоей, я къ вамъ

Какъ мы условились, совѣтъ ужъ переѣду.

Живя со мной, повѣра, не попадешь въ бѣду;

Ты съ мужемъ будешь жить по модѣ,

Открыто.... я же здѣсь, по собственной методѣ

Во всемъ дому у васъ порядокъ заведу.

ОЗЕРСКАЯ.

Ахъ, тетенька! за ваше поветчене,

Я васъ благодарить, не нахожу и словъ!...

ТУРУСОВА, съ чувствомъ.

Зачѣмъ? служить роднымъ мое предназначене!

ДВѢНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢЖЕ и ИВАНЪ.

Иванъ, громко.

Андрей Сергѣичъ Говорковъ!

ТУРУСОВА.

Ну, вотъ, и очень нестати!

ОЗЕРСКАЯ, Ивану.

Прости.

Иванъ уходитъ.

ТУРУСОВА, цѣлуя Озерскую.

Да умудрить тебя Господь!

Да исполнить тебѣ великой благодати!

А чтобъ никто не смѣлъ тебѣ глаза колоть,

Ищи: чтобъ мужъ былъ человекъ не вздорный,

Чтобъ онъ былъ тихъ, учтивъ передъ тобой,

Чтобъ онъ былъ вѣкъ слуга покорный,

А ты, старайся быть вѣкъ полной госпожей!

Тогда лишь въ бракъ ты узнаешь рай земной!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢЖЕ и АНДРЕЙ СЕРГѢВИЧЪ ГОВОРКОВЪ, входитъ, важно раскла-

ниваясь.

ТУРУСОВА, обращаясь къ нему.

Андрей Сергѣичъ! ну, вотъ это страхъ похвально!

Вы съ извнненіемъ къ Евгеньюшѣ моей?

ГОВОРКОВЪ, серьезно.

Кто? я-съ?...

ТУРУСОВА.

Ну, да! виновный натурально
Съ повинной головой притти обязанъ къ ней.

А вы-таки не въ шутку провинились!

Помилуйте! съ чего вы вдругъ рѣшились
Къ моей племянницѣ обидно такъ писать?

ГОВОРКОВЪ.

Простите.... право, я.... не думалъ обижать....

ТУРУСОВА.

Не думалъ? (ей) слышишь ты?

ОЗЕРСКАЯ.

Садитесь.... да, признаться....

Я не ждала никакъ, что вы со мной,

На вѣкъ хотите распрощаться.

ТУРУСОВА, энергически.

Съ такимъ сокровищемъ! ахъ-ты Создатель мой!
(Ему) Да это, батюшка, ужъ просто вѣроломство!

Вотъ, всё-то нынче вы

Мужчины, таковы:

Не цѣните любви, ни дружбы, ни знакомства!....

ОЗЕРСКАЯ.

Позвольте, тетенька: вамъ надо ѣхать?....

ТУРУСОВА.

Да!

Сейчасъ, сейчасъ, (ему) вы просто эгоисты,

Воѣ! всё, я вижу, господа!

А мы-то: батюшки! какъ ангелы, такъ чисты!

ГОВОРКОВЪ.

Быть-можетъ.... но....

ТУРУСОВА, перебивая его.

Да такъ ужъ! такъ! я знаю васъ давно!

Я пожила-таки на свѣтѣ, посмотрѣла;

Покойникъ мужъ меня хоть обожалъ,

Но еслибъ я нападки всё терпѣла,

Такъ онъ-бы въ гробъ меня вогналъ....

Однако жъ, нѣтъ.... Господь мнѣ слышалъ,

И покаралъ виновнаго не даромъ!

Поссорившись со мной, какъ грѣшный человекъ,

Онъ, слава Богу, кончилъ вѣкъ

Апоплексическимъ ударомъ!

(Ему) И вотъ, что ждетъ васъ всѣхъ злодѣевъ, всѣхъ!
говорковъ, съ сердцемъ.

Но, Анна Алексѣевна! позвольте....

ТУРУСОВА, также.

Нѣтъ! нѣтъ! мнѣ некогда, увольте!

Вы кайтесь передъ ней, за свой ужасный грѣхъ!

А я спѣшу.... (ей) смотря: чтобъ извинился

Во всемъ, во всемъ, онъ предъ тобой,—

Иначе, я вступлюсь....

ИВАНЪ, входя говоритъ громко.

Къ вамъ Глинскій!

ТУРУСОВА.

Ну! другой!

И тотъ какъ разъ сюда явился!

ОЗЕРСКАЯ, про себя.

Тѣмъ лучше: вынче же, вполне

Хочу я кончить испытанье.

(Ивану) Проси.

Иванъ уходитъ.

ТУРУСОВА.

Ну, такъ прощай! и извини, что мнѣ

Ей-Богу, некогда! (Говоркову) Прощайте! до свиданья!....

Идетъ.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

ТѢЖЕ и ГЛИНСКІЙ, входя очень скромно и учтиво
раскланывается съ дамами.

ТУРУСОВА, Глинскому.

А! здравствуйте, нашъ Левъ Ивановичъ! ну? что? какъ?
Здоровы ли?

ГОВОРКОВЪ, про себя.

Проклятая старуха!

ГЛИНСКІЙ.

Благодарю-съ.... не очень.... такъ и сякъ....

Сухо кланяясь Говоркову.

ТУРУСОВА.

Да что жъ вы съ нимъ встрѣчаетесь такъ сухо?

Ахъ! да! я поняла.... (Гегеню) однако же мой другъ,

Прощай! мнѣ право недосугъ!

Смотри-жь: я привезу и твоего поэта;
Прощайте, господа.... (ей) Не забывай свидѣта...

ОЗЕРСКАЯ.

Нѣтъ, я васъ провожу.

(Мужчинамъ) Вы извините?...

Говорковъ и Глинскій кланяются.

ТУРУСОВА, съ чувствомъ.

Ахъ! вотъ ангажъ! вѣтъ скажу!

О, душевные! прощай! дай Богъ тебѣ здоровья!

Смотри жъ: старайся имъ формально доказать,

Что не бѣднѣея ты: ни толковъ, ни злословья,

И репуте свое умѣешь поддержать!

(Мужчинамъ) А вамъ скажу: что вы должны ей покориться!

Ложать у ногъ! Боготворить ее!

Такія женщины — вѣками здѣсь рѣдятся!

(Евгени) Ты рѣдкоеть! кладъ! сокровище мое!

Говорить на ходу.

Умѣешь уважать родство, и наши лѣта....

Объ уходятъ.

глинскій, про себя.

О, Господи! зачѣмъ, живетъ старуха эта?

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ГОВОРКОВЪ и ГЛИНСКІЙ.

ГОВОРКОВЪ, про себя,

Ушла! но, чортъ возьми.... и этотъ Глинскій тутъ.

Надоѣдаетъ мнѣ!.... всегда придетъ, вертнется....

Неужли, такъ-какъ я, и этотъ жалкій шутъ,

За милой вдовушкой, изволеть волочиться?....

Ему, съ гордостью.

Что, Левъ Иванычъ? вы... пришли сюда опять,

По уважительнымъ, я думаю, причинамъ?

Навѣрно вдовушкѣ, хотите рассказать:

Какъ нынче обошли окладомъ васъ, и чиномъ?

Не такъ ли?..

Глинскій, стараясь быть спокойнымъ.

Нѣтъ, Андрей Сергѣичъ...

Говорковъ.

ГЛИНСКІЙ.

Нѣтъ-съ.

Говорковъ.

Такъ за чѣмъ-же?...

ГЛИНСКІЙ.

Такъ-съ.

Говорковъ.

Да это не отвѣтъ.

Послушайте: давно я страхъ желаю,
Сказать вамъ на-прямки, однажды навсегда:
Видъ чай извѣстно вамъ, зачѣмъ я здѣсь бываю?

ГЛИНСКІЙ.

Чтобы жениться.

Говорковъ.

Да, сударь! да! да!

Такъ вы, какъ человѣкъ, я знаю, хладнокровной
Поймете, если я заранѣ объявлю:

Что, обвинявшися съ Евгеніей Петровной,
Я здѣсь прислуживаю ея не возлюблю!

ГЛИНСКІЙ.

Да-съ! такъ и слѣдуетъ.

Говорковъ.

Ага! вы догадались?

(Жметъ ему руку) Прощайте-же!

ГЛИНСКІЙ, учтиво кланаясь, остается на
мѣстѣ.

Прощайте-съ....

Говорковъ, видя, что онъ не уходитъ.

Чтѣ же вы?..

Оставьте-жъ насъ!

ГЛИНСКІЙ.

Да вы... еще... не обвинялись.

Говорковъ.

Какъ!

ГЛИНСКІЙ.

Да-съ. Я, не у васъ въ дому, а у вдовы.

Говорковъ, съ досадою.

А! ну, такъ слушайте жъ! я прямо вамъ, по дружбѣ
Рѣшительно и смѣло все скажу,

Какъ повинваю васъ на службѣ,

И какъ я здѣсь объ васъ сузу:

Въ дѣлахъ, извѣстно всѣмъ, вы, исполнительъ слабой!
Хоть любите служить и многимъ угождать,

Хоть вѣтесь и ужомъ и жабой,

Но, этимъ вы при насъ, не въ силахъ много взять!

А здѣсь? Ну, что вы здѣсь такое?

Вѣдь даже совѣстно сказать,

Какое вы лицо смѣшное

Здѣсь всякій день изволите играть!

Вы здѣсь стараетесь все слышать и развѣдать,

И милой вавоушкѣ учтиво угодить,

Но, для чего? чтобъ даромъ пообѣдать,

Или, за хлопоты, подарочекъ схватить?

Зато ужъ васъ, въ такой цѣвѣ и ставятъ;

Чуть ошибетесь вы, другой возьмете тонъ,

Такъ вамъ когда-нибудь рѣшительно объявятъ:

«Вы надоѣли намъ! подите, сударь, вонъ!»

Глинскій, съ испугомъ.

Неужли-съ? Господи!

Говорковъ, насмѣшливо.

Васъ чуть не бьютъ здѣсь палкой!

Насмѣшки, прихоти, вы рады все снести.

Вы здѣсь угодникъ самый жалкій!

Васъ шлютъ туда, сюда...

Глинскій.

Не смѣю не пойти.

Говорковъ.

Не смѣете?..

Глинскій.

Не смѣю-съ...

Передъ Евгеніей Петровной, я —

Вполнѣ благоговѣю! и, надѣюсь...

Говорковъ.

Чего?..

Глинскій.

Что преданность ей нравится моя.

Говорковъ, съ досадою.

Такъ я-жъ вамъ говорю: когда вы не уйдете,
Вы пострадаете!

Глинскій.

Кто-жъ въ жизни не страдалъ!

ГОВОРКОВЪ.

И ошибетесь въ расчетъ!...

ГЛИНСКІЙ.

Нѣтъ-съ ; за бухгалтера я должность исправляю,

Когда служилъ по счетной части;

И знаю я, что васъ сюда влечетъ

Окромя пламенной-то страсти.

Еще другой расчетъ....

Такъ я, сей-часъ его представляю вамъ въ угоду:

Здѣсь, десять тысячъ въ годъ у вдовушки доходу,

У васъ —

Покудова, одна съ;

(Окромя тѣхъ бездѣлицъ экономныхъ

Отъ подвиговъ невѣдомыхъ и темныхъ,

Что вами спрятаны подъ тѣнь

На чѣрный день)....

Такъ вамъ, какъ все отдастъ Евгенія Петровна,

Однадцать у васъ тогда и будетъ ровно.

ГОВОРКОВЪ, вполголоса сердито.

Что будетъ у меня, нѣтъ,

Не ваше сударь дѣло!

ГЛИНСКІЙ.

Да какъ не быть! мужчина вашихъ лѣтъ,

Который такъ рѣшительно и смѣло

Противъ упрямства вдовушки идетъ....

Тотъ все получить, все найдетъ!

ГОВОРКОВЪ, дерзко.

Да ужъ по вашему не станемъ мы тереться,

Какъ милости, чего-то ожидать,

Съ подобострастіемъ предъ вдовушкой вертѣться,

И ничего не смѣть ни думать, ни сказать!

Нѣтъ! съ женщиной привыкъ я дѣйствовать свободно!

Зато ужъ и всегда поставлю на своемъ!

ГЛИНСКІЙ.

Да-съ; это и умно и благородно!

А я.... вотъ, все боюсь.... и вѣчно ни причемъ.

ГОВОРКОВЪ.

А развѣ ужъ и вы посвататься хотите?

ГЛИНСКІЙ.

Кто? я-съ? да смѣю-ль я? вы сами посудите....

Нѣтъ! я здѣсь такъ-съ, на случай, для услугъ....

Иль просто, какъ домашній другъ.

ГОВОРКОВЪ.

Какъ! что? вы? другъ домашній?...
То есть: какъ злой шпіонъ, вы на такомъ счету?

О! такъ теперь я врагъ вашъ! врагъ всегдашній!

И вѣчно вамъ вредить, за первый долгъ почту!

ГЛІНСКІЙ.

Помните-съ! да я, и такъ людьми обиженъ!

На службѣ — изъ-за васъ, я обойденъ,

Какъ круглый сирота, униженъ,

За чтó жь? зато, что я и кротокъ и смиренъ....

ГОВОРКОВЪ.

Нѣтъ! тѣхъ, кого зовутъ домашними друзьями,

То есть: людей, подобныхъ вамъ —

Я не щажу! и спуска вамъ не дамъ!

Да! нынче-жъ вдовушка на вѣкъ простится съ вами!

Съ смиренья вашего — личину я сорву!

По городу, вездѣ гдѣ надобно ославлю,

Отъ всѣхъ надеждъ отрѣчься васъ заставлю,

Со свѣта, сударь, васъ сживу!

Запомните: вы здѣсь послѣдній разъ сегодня!

ГЛІНСКІЙ, смиренно.

Какъ-быть! я все стерплю, что воля дастъ Господня!

ГОВОРКОВЪ.

Смотрите-же: я человекъ прямой!

Вы знаете, какъ всѣмъ я правду рѣжу смѣло?...

ГЛІНСКІЙ, ударяя на слова.

Да; знаю, всё-съ! (*про себя*) давно слѣжу я за тобой!

И всё твой дѣла, въ одно шиваю дѣло.

(*Ему*) А я, какъ сирота, отъ ссоры уклонюсь —

За тѣмъ, что правила такого я держусь:

« Пусть давятъ, жмутъ меня! сулятъ бѣды, гоненье....

Защита мнѣ, « терпѣнье! и терпѣнье!...

Отходить въ-сторону.

ГОВОРКОВЪ, про себя.

Ну такъ узнаешь ты меня, домашній другъ!

Чтобъ онъ не смѣлъ себя или другихъ здѣсь сватать,

Я вдовушкѣ открыто, вслухъ

Берусь его на славу отпечатать!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ТЪЖЕ и ОЗЕРСКАЯ.

ОЗЕРСКАЯ, весело.

Ахъ, господа, простите мнѣ, что я
Заставила себя такъ долго дожидаться....

ГОВОРКОВЪ.

Помилуйте....

ГЛИНСКІЙ.

Нашъ долгъ....

ОЗЕРСКАЯ.

Все тетушка молъ....

При проходахъ, опять мной стала восхищаться!

Ужасно какъ добра ко мнѣ.

Садится и ихъ приглашаетъ.

ГЛИНСКІЙ.

Да съ.... ужъ и видно, что вполне
Благословенная старушка!

ГОВОРКОВЪ, про себя.

Проклятая, превредная болтушка!

ОЗЕРСКАЯ.

И такъ, Андрей Сергѣичъ.... признаюсь.

Посланьемъ вашимъ я огорчена ужасно!

Про себя.

Я прежде съ нимъ какъ должно обязалась,

Теперь я тетушкой настроена прекрасно!

ГОВОРКОВЪ,

Огорчены? мнѣ жаль.... тутъ нѣтъ вины моей.

ОЗЕРСКАЯ.

Какъ нѣтъ? позвольте.... вы.... вы только посудите:

Я.... (обращаясь къ Глинскому) Левъ Иванычъ! что жъ вы? поскорѣй

Мую Мимишку принесите!

ГЛИНСКІЙ, вскочивъ съ мѣста.

Ахъ! виновать-съ.... простите.... Я сейчасъ....

Скрывается въ комнату на-право.

ОЗЕРСКАЯ, продолжая.

Да; упрекнуть меня грѣшно на этотъ разъ....

Хоть вы и любите меня, я очень знаю,

Я даже вѣрю вамъ.... и чувствовать должна

Сама бы также.... но, что жъ дѣлать? увѣрю,

Что—противъ воли, я покуда холодна.

Меня пугаетъ все: вашъ нравъ, хоть и прекрасный,
Но, послѣ свадьбы.... можетъ быть....

Измѣнится?... такъ мнѣ пріятно-ль будетъ жить?
Иль сдѣлаться рабой, униженной, подвластной....

Избави Богъ! страхъ будетъ тяжело!

А потому, нельзя ль намъ прямо объясниться?...

ГОВОРКОВЪ, съ чувствомъ.

Прекрасно! очень радъ, что вамъ на мысль пришло....

Ахъ! страсть моя!...

ГЛИНСКІЙ, вышелъ нѣсколько ранѣе и показывая Говоркову маленькую собачку.

Да къ ней нельзя не пристраститься!

Какая шерсть у ней!

Какая мордочка! а лапки?... и ей-ей,

Легка — какъ мячикъ!...

Андрей Сергѣвичъ? вы.... вы любите собачекъ?

Отдаетъ Озерской.

ГОВОРКОВЪ, обнясь.

Послушайте, сударь: прошу оставить насъ!

ГЛИНСКІЙ, отходя.

Ахъ, виновать-съ....

ОЗЕРСКАЯ, лаская собачку.

Мими! что ты скучна, дружечикъ?

ГЛИНСКІЙ, подбѣгая.

Угодно-съ, я ее развеселю для васъ?

ГОВОРКОВЪ, про себя.

О, шутъ!

ОЗЕРСКАЯ.

Нѣтъ.... дайте ей вы сахару кусочикъ.

ГЛИНСКІЙ.

Бѣгу, бѣгу сейчасъ!

Опять скрывается.

ГОВОРКОВЪ.

Простите мнѣ, Евгенія Петровна....

Но, съ вами говорить при немъ я не могу!

ОЗЕРСКАЯ.

Какъ! отчего-жъ?

ГОВОРКОВЪ.

Нельзя мнѣ видѣть хладнокровно,

Какъ подличаетъ онъ, какъ гнется весь въ дугу....

Помилуйте!

ОЗЕРСКАЯ.

Ну, какъ же вамъ не стыдно?
Онъ угождаетъ мнѣ во всемъ,

Старается...

ГОВОРКОВЪ.

Да, да, но, знаете-ль о чемъ?...

ОЗЕРСКАЯ.

О чемъ бы ни было, но такъ обидно
Вамъ про товарища не должно говорить;
Вы выѣсть служите....

ГОВОРКОВЪ, про себя.

Не долго намъ служить!

(Ея). Но, послѣ мы объ немъ. Цѣль нашего свиданья:

Чтобы вполнѣ другъ другу передать
Все то, что на душѣ: всѣ мысли, всѣ желанья,
Чтобъ послѣ ужъ ни въ чемъ себя не упрекать?...

ОЗЕРСКАЯ.

Да; откровенность намъ теперь необходима.

ГОВОРКОВЪ.

Такъ знайте-же: что нѣтъ изъ женщинъ ни одной,
Которая бы мной,

Была такъ искренно любима!

Ахъ, этотъ взглядъ такъ много говорить!

Такъ много счастья высокаго сулить....

Въ немъ вижу я блаженство и отраду!

Евгенія! клянусь: вы чудно-хороши!

По этому плѣнительному взгляду,

Я вижу въ васъ всѣ качества души!

Все....

ОЗЕРСКАЯ, перебивая.

Это я ужъ слышала....

ГОВОРКОВЪ.

И снова

Сегодня, завтра стану повторять:

Довольно — вамъ сказаннаго слова,

И я готовъ всю душу вамъ отдать!

Да! страсть моя не есть тѣ жалкія страстишки,
Которыя....

ГЛАВНСКІЙ, также войдя нѣсколько ранѣе.

Вотъ сахаръ, для Минкиши.

ГОВОРКОВЪ.

Опять!

ОЗЕРСКАЯ.

Благодарю....

ГОВОРКОВЪ, про себя.

Быть такъ, ужъ потерплю....

Но послѣ, я съ нимъ рассчитаюсь!

ГЛИНСКІЙ, Озерской.

Позвольте, я ее ужъ кстатн покормлю?....

ОЗЕРСКАЯ, вѣтренно.

Нѣтъ, нѣтъ, подите прочь!

ГЛИНСКІЙ.

Извольте-съ, удаляюсь....

Отходить.

ОЗЕРСКАЯ, также.

Ахъ, нѣтъ.... постойте... гдѣ вы тамъ?

ГЛИНСКІЙ, возвращаясь.

Здѣсь! что прикажете?

ОЗЕРСКАЯ.

Пожалуйста, подите....

И отъ меня, тамъ, къ повару пошлите,
 Чтобъ сдѣлалъ нынче онъ обѣдъ изящный намъ;
 Сегодня съ тетушкой, поэтъ здѣсь будетъ кушать,
 Который можетъ мнѣ уже кой-что прочесть,

ГЛИНСКІЙ.

А мнѣ, позвольте послушать?...

ОЗЕРСКАЯ.

О, да.

ГОВОРКОВЪ, про себя.

На все готовъ, чтобъ даромъ лишь поѣсть!

ГЛИНСКІЙ.

Такъ въ кухню, съ поваромъ, я лучше самъ увижусь....

ОЗЕРСКАЯ.

О, нѣтъ.... зачѣмъ же вамъ?...

ГЛИНСКІЙ.

Ахъ, Боже мой,

Да этимъ я нисколько не унижусь....

Я созданъ быть для васъ покорнѣйшимъ слугой!

Идетъ.

ОЗЕРСКАЯ, немного погодя.

Ахъ! Левъ Иваичъ! я еще забыла!

Постойте-же!...

ГЛИНСКІЙ, возвращаясь.

Чего-съ?

ОЗЕРСКАЯ.

Я вамъ не дамъ вздохнуть....

Прощаясь со мной, страхъ тетушка просила,

Чтобы ужъ я спѣла что-нибудь....

Прощу васъ, новенькихъ романсовъ поищите....

ГЛИНСКІЙ.

Зачѣмъ же просите? вы просто прикажите!

Для васъ, вы знаете, мнѣ жизнь не дорога!

(Раскланиваясь) И такъ, имѣю честь.... нижайшій вашъ слуга!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢЖЕ, кромѣ ГЛИНСКАГО.

ОЗЕРСКАЯ.

Какой онъ милый! всячески услужить....

ГОВОРКОВЪ.

Да-съ; это въ немъ одна замѣтная черта;

Онъ, какъ бѣднякъ и круглый сирота,

И въ нашемъ вѣдомствѣ изъ милости лишь служить.

ОЗЕРСКАЯ.

Однако жъ, онъ не глупъ....

ГОВОРКОВЪ.

Зато и не уменъ.

Хоть бьется заслужить по-болѣе довѣрья,

Хоть всѣмъ глупцамъ подъ-часъ, и кланяется онъ,

Но лишь ведетъ журналъ, да чинить перья.

ОЗЕРСКАЯ.

А.... это.... не по васъ?...

ГОВОРКОВЪ.

Вы угадали: да!

Низкопоклонникомъ я не былъ никогда!

(Про себя). Немножко прихвастнуть не худо передъ нею.

(Ей). Я правду говорить открыто — не робѣю!

Обмана, лжи, ни въ комъ я не терплю!

Пусть меня зовутъ — капризнымъ и бранчивымъ,

Но я ужъ не могу, люблю,

Люблю быть справедливымъ!

Вся канцелярія, подъ часть, мнѣ говорятъ :

«Андрей Сергѣичъ ! вы, ужъ слишкомъ !
«Нельзя-же такъ» !...—А я, хоть кто тутъ не стоитъ,
Я, прямо: старикамъ и нашимъ всѣмъ мальчишкамъ
Всю правду выною вполнѣ ! на чистоту !

За то ужъ, я и на такомъ счету...

Боятся всѣ, кто подъ моимъ началомъ !

И, если ужъ теперь всѣ плачутъ иногда....

Но, ежели я буду генераломъ, —

Бѣда ! всѣмъ, всѣмъ рѣшительно бѣда !

ОЗЕРСКАЯ.

А ! значить, вы — опаснѣйшій мужчина !

Но, въ генералы вы когда жъ ?...

ГОВОРКОВЪ.

Скорѣй хочу...

Я генерала получу,

Я думаю, черезъ.... четыре чина.

ОЗЕРСКАЯ.

Во сколько-жъ времени ?...

ГОВОРКОВЪ.

Ну, вотъ !

Я время вамъ не назначаю....

Однако-жъ скоро. Каждый годъ

Я чина по два получаю:

На службѣ, мнѣ ужасно какъ везетъ.

ОЗЕРСКАЯ.

Такъ вамъ завидуютъ иные?...

ГОВОРКОВЪ.

Безъ-сомнѣнья !

Завидуютъ ужасно тамъ и тутъ....

Случалось такъ: не ждешь, не просишь награжденья,

А смотришь: что нибудь дадутъ !

И такъ, вы видите, я вамъ во всемъ открылся !

Открылъ прямой характеръ свой,

Въ моихъ надеждахъ не таялся,

Сказалъ—какъ васъ люблю я всей душой !

Чего же вы еще хотите ?

Скажите-жъ наконецъ,

Скажите:

Когда мы подъ вѣнецъ ?

ОЗЕРСКАЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, во всемъ признайтесь совершенно:

Какъ слѣдуетъ, по чести, откровенно.

Я, такъ же вѣдь знаю вы, вилочетельна подь-часъ....

Но, если до вѣнца есе буду знать про васъ,

Тогда ужъ я и сожалѣть не стану,

Когда въ васъ что-нибудь недоброе найду.

ГОВОРКОВЪ.

Ахъ, Богъ мой! да я все сказалъ вамъ безъ обману!

Я... скромно, нравственно всегда себя веду....

ОЗЕРСКАЯ.

Ну, нѣтъ.... на этотъ счетъ, я вашихъ обстоятельствъ

Вполнѣ не знаю.... да и тетушка твердить:

Что, будто, у мужчинъ.... у многихъ, говорить,

Есть тѣмъ житейскихъ, тайныхъ обязательствъ,

Которыя они стараются скрывать

За тѣмъ, что.... будто, ихъ несмѣютъ разорвать.

ГОВОРКОВЪ, про себя.

Какъ? неужели ей извѣстно?

Не можетъ быть!... (Ей) помиуйте да я

Веду, и велъ себя такъ честно,

Что всѣмъ завидна жизнь моя!

О репутаціи моей, когда хотите,

Коммиссію пожалуй нарядите!

Я не боюсь! я изъ-всѣхъ мужчинъ,

Быть-можетъ, именно, одинъ,

Который, нравственно въ сей жизни подвизался!

ОЗЕРСКАЯ.

Но.... вы.... влюблялись же?....

ГОВОРКОВЪ.

Да!... раза два, слегка,

Какъ будто-бы влюблялся....

Но, только такъ.... въ окно.... издалека....

ОЗЕРСКАЯ.

Неправда! нѣтъ.... невѣрится мнѣ что-то....

ГОВОРКОВЪ.

Какъ честный человекъ! я правду говорю....

Случалось: что, къ иной.... въ окно смотрю, смотрю,

И что жъ? такая вдругъ возьметъ меня зѣвота,

Что отойдешь, да и начнешь дремать!

Такъ это можно-ли любовью называть?

ОЗЕРСКАЯ.

Да.... полно, такъ ли?...

ГОВОРКОВЪ.

О! такъ это ужъ безбожно!...

ОЗЕРСКАЯ, перебивая его.

Андрей Сергѣичъ! въ бракъ вступать,
 А пуще во второй, должна я осторожно;
 Мой первый мужъ былъ старъ, и грубъ, и страхъ упрямъ!
 Уединенно жилъ, былъ — эгоистъ ужасной!

И я, изъ всѣхъ замужнихъ дамъ,
 Считалась самою несчастной!

Я не жила, а мучилась вполне!

Не смѣла думать веселиться....

Такъ ужъ теперь, грѣшно бъ и стыдно было мнѣ,
 Столичной жизнию вполне не насладиться!

По этому, теперь, я про себя скажу,

Чего отъ мужа я хочу и ожидаю:

Чтобъ онъ любилъ меня; и все, что прикажу,

Все слѣпо исполнялъ, чего ни пожелаю!

Чтобъ онъ, всегда своей женой,

Какъ даромъ истиннымъ гордился!

Чтобъ вѣчно былъ доволенъ мной,

И никогда чтобы со мною не бранился!

Чтобъ мнѣ и тетускѣ онъ рабски вѣкъ служилъ,

Чтобъ исполнялъ всегда, чтò бъ мы ни говорили,

Чтобъ онъ, вполне себя намъ посвятилъ,

Чтобъ прихоти мои, ему закономъ были!

Чтобъ угождалъ, лелѣялъ и берегъ,

Чтобъ былъ довѣрчивъ и пріятель,

Чтобъ каждый взглядъ мой, или намекъ

Ему былъ дорогъ и понятенъ!

Чтобъ жилъ со мной открыто онъ весь вѣкъ,

Былъ веселъ, милъ, со всѣми друженъ,

Какъ умный, свѣтскій человекъ!

Вотъ, нынче мужъ какой мнѣ нуженъ!

ГОВОРКОВЪ, удивленный.

Помилуйте! да вы хотите, чтобы я

Для васъ, почти совсѣмъ переродился!...

ОЗЕРСКАЯ.

Всецѣпременно! въ томъ вся цѣль моя.

ГОВОРКОВЪ, нерѣшительно.

Но... это... трудно... нѣтъ, а я... надеждой льстился,
Что...

ОЗЕРСКАЯ, смотря на него пристально.

Что жъ?... какою же?...

ГОВОРКОВЪ.

Да, былъ въ надеждѣ той,

Что я, какъ человѣкъ... на службѣ занятой...

Найду въ васъ женщину...

ОЗЕРСКАЯ, насмѣшливо.

Да! женщину, я знаю:

Которой ничего дороже мужа нѣтъ?

Которая вставать обязана чѣмъ свѣтъ,

Заботиться, чтобъ мужъ — успѣлъ напитокъ чаю,

Потомъ, одѣть его на службу, угодить,

И до крыльца за нимъ бѣжать все слѣдомъ,

Пока онъ вымолвить: прощай! — а тамъ, спѣшить

На кухню хлопотать, чтобъ угодить обѣдомъ;

Потомъ, какъ занятой супругъ

Разстроенный со службы возвратится,

Жена обязана какъ другъ,

Передъ своимъ кумиромъ суетиться!

Чтобъ пообѣдалъ онъ, да чтобъ уснуть успѣлъ,

А тамъ, стараться, какъ онъ встанетъ,

Чтобъ онъ за преферансъ вплоть до ночи засѣлъ,

И всѣмъ твердить: *мой душка страшно занятъ!*

Встаетъ быстро.

Нѣтъ! не для этого на свѣтъ я рождена!

Вамъ, не жена, — хозяйюшка нужна!

Которая-бъ была тиха и незамѣтна,

Служила бъ вѣчно, безъответно

Какъ мебель вообще?... о, Боже мой!

Да лучше умереть, чѣмъ быть такой женой!

ГОВОРКОВЪ.

Ну, вотъ ужъ вы готовы разсердиться.

Изъ-за пустыхъ, ничтожныхъ словъ...

Я такъ люблю васъ... что готовъ

Почти на всѣ условья согласиться!

ОЗЕРСКАЯ.

Почти? нѣтъ! кто влюбленъ, кто преданъ мнѣ,

Тотъ нуженъ и работъ обязанъ быть исполнѣ!

Я говорю вамъ прямо, откровенно!

По этому, и вы извольте дать отвѣтъ:

Согласны-ль вы со мною совершенно?

Иль не согласны? нѣтъ?..

ГОВОРКОВЪ, въ нерѣшимости.

Помилуйте! вѣдь я... на службѣ! и обязанъ....

ОЗЕРСКАЯ, вѣтренно,

О службѣ вашей я и не желаю знать!

Служите, или нѣтъ, но кто ко мнѣ привязанъ

Тотъ долженъ ужъ при мнѣ на службѣ состоять!

Притомъ же, у меня есть вѣрнаго дохода

Вѣдь десять тысячъ серебромъ!

Такъ я могу желать: чтобъ мужъ и весь мой домъ

Все дѣлали лишь мнѣ одной въ угоду!

ГОВОРКОВЪ, подумавъ немного.

И.... это.... рѣшено?

ОЗЕРСКАЯ.

Да! да!

ГОВОРКОВЪ.

Ну, если, такъ,

То.... надо разсудить, какъ слѣдуетъ объ этомъ.

ОЗЕРСКАЯ, подходя къ окну.

Да, да.... иначе, я, и не вступаю въ бракъ....

Увидявъ окнѣ.

Ахъ! тетушка опять! и неужли съ позтомъ?

Примите ихъ, а я займуся туалетомъ.

Вѣдь вы прїѣдете обѣдать?...

ГОВОРКОВЪ.

Очень радъ....

Но завтра у меня докладъ,

Такъ до обѣда я обязанъ позаняться....

ОЗЕРСКАЯ.

Ну, такъ прошайте же! мы будемъ дожидаться....

О бракѣ, образъ мыслей мой,

Я высказала вамъ такъ прямо, какъ хотѣла....

Но, помните и то: я цѣлый годъ вдовѣла,

Такъ мнѣ.... весьма легко понравится другой!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

ГОВОРКОВЪ, потомъ вскорѣ госпожа ТУРУСОВА.

говорковъ, смотря ей вслѣдъ.

Гы! чертъ возьми! она.... съ характеромъ какъ видно....

Мнѣ, десять тысячъ въ годъ серебромъ

Приятны!... но за нихъ, вотъ что обидно:

Быть надо у жены весь вѣкъ подъ башмакомъ!

Безъ тетки-бы, съ женой поладить можно....

Но, съ теткой, мудро, чтобъ не попасть въ обманъ.

Увѣренъ я, что тетка тутъ безбожно

Сама трудилась составить хитрый планъ!

Ахъ! какъ бы я желалъ, со свѣта сжить старуху!

Она всѣхъ сватаетъ, и можетъ помѣшать.

ТУРУСОВА, съ живостью, торопясь.

Лечу къ тебѣ, мой ангелъ, что есть духу,

Чтобъ новость самую пріятную сказать!...

Осмотрѣвъ вдругъ комнату.

Что жъ это? вы одинъ?... ну! славно! понимаю!

Она обидѣлась? вы, значитъ, не вполнѣ,

Раскалялись предъ ней въ своей вниѣ?

Ну, гдѣ же совѣсть въ васъ? гдѣ Богъ-то? я не знаю!

ГОВОРКОВЪ, съ досадою.

Какая совѣсть тутъ! я такъ разогорченъ!

И вѣрно черезъ васъ все это....

ТУРУСОВА.

Вотъ забавно!

Да что я сдѣлала? и что это за тонъ?...

ГОВОРКОВЪ.

А то, что вы ее.... настроили исправно!

ТУРУСОВА.

Что? что?...

ГОВОРКОВЪ.

Да! это мнѣ обидно, не шутя!

Конечно.... я влюбленъ!... но, я вѣдь не дитя,

И.... не какой-нибудь пономанникъ безсловесный!...

ТУРУСОВА.

Ну кто? что же вы? вельможа всѣмъ известный?

Что вы гордитесь-то? скажите, мой отецъ?

Что, лучше вы еси или богаче, что ли?

Она здѣсь славится, какъ женщинъ образецъ!
 А вы... чѣмъ славны тамъ, въ служебной-то юдоли?
 Ну, чѣмъ?...

ГОВОРКОВЪ.

Но я....

ТУРУСОВА, перебивая его, и постепенно
 разгорячаясь.

Ну что? не думаете-ль вы,

Что намъ безъ васъ нѣтъ счастья? пустое!

Нѣтъ! у такой хорошенькой вдовы

Тма жениховъ! да такъ, что нѣтъ отбоя!

Да вотъ, сейчасъ, недалеко искать:

Почтенье, дружбу, все просилъ ей передать,
 Красавецъ! молодецъ! и отставной полковникъ!

Не то, что вы какой-то тамъ чиновникъ!

Открыто говоритъ: что и влюбленъ онъ въ насъ,

Что думаетъ объ насъ всѣдневно и всечасно,

Что объ смѣло каждый разъ

Распоряжаться имъ мы вправѣ самовластно!

А какъ сложенъ! какой огонь въ глазахъ!

Какъ сталъ передо мной: ну что это? картина!

Ну, съ головы до ногъ, во всѣхъ статьяхъ

Для женщины—надежнѣйшій мужчина!

ГОВОРКОВЪ.

Помилуйте! да я совсѣмъ....

ТУРУСОВА, также.

Разстались съ ней?

Ну, что жъ! Богъ съ вами! отправляйтесь!

Ищите въ жены тамъ чиновныхъ дочерей,

Тамъ рады будутъ вамъ, лишь только приласкайтесь....

А ужъ Евгеньюшка моя

Благодаря Творца, не изъ такого роду!

Она горда, съ достоинствомъ, какъ я!

О! десять тысячъ-то имѣй-ко я доходу!....

Говоровъ пожимаетъ плечами.

Такъ я бы.... нечего плечами пожимать!

Извѣстно мнѣ, какъ вы благонадежны!

Поддайся вамъ, такъ будешь вѣкъ страдать!

Нѣтъ! вы пока въ рукахъ, тогда лишь только нѣжны....

На Божій свѣтъ ужъ я по своему глянжу:

Закононой властью тамъ хотъ вы намъ и грозите,

Но я, на этотъ счетъ,—ужь извините!

Ни подь какой закожь не подхожу!

Я въ женскомъ родѣ — исключенье!

Племянница меня взяла за образецъ,

Такъ дѣло кончено! и такъ, мое почтенье!

Прощайте, батюшка! прощайте, мой отецъ!

Г О В О Р К О В Ъ.

Ахъ, Богъ мой! дайте-жъ мнѣ хоть мало объясниться!

Ужъ я теперь хочу....

Т У Р У С О В А, также.

Вотъ! всё-то таковы :

Чего же, батюшка? ужъ не хотите-ль вы

На мнѣ съ отчаянья жениться?

Г О В О Р К О В Ъ, нетерпѣливо.

О, нѣтъ! избави Богъ! я вамъ хочу сказать....

Т У Р У С О В А, обидясь.

Избави Богъ? что? что?.... вотъ вѣжливость мужская!

Вотъ! послѣ этого, прошу ихъ уважать!

Да что вы? развѣ я старуха ужъ такая,

Что никому и въ жены не гожусь?

Да что вы о себѣ такъ думаете важно?

Ошиблись, батюшка! какъ я привиражусь

Такъ я еще весьма бываю авантюжна!

А онъ: «избави Богъ!»! изволилъ произнести!

Вѣдь экая, подумаешь, нелѣпность!

Во мнѣ, и полнота, и свѣжесть, ловкость, крѣпость,

Ну, словомъ: *comme il faut*, была всегда, и есть!

«Избави Богъ»!.... да это преобидно!

Сказать въ глаза.... да какъ же вамъ не стыдно?

Да я здѣсь на счету вполне солидныхъ дамъ!

Съ такой комплекціей, дай Богъ, жену-то вамъ!

Г О В О Р К О В Ъ.

Благодарю, ненужно, для чего же?...

Когда ужъ я избралъ...

Т У Р У С О В А.

что? что?

Еще насмѣшливость? иронія? мой Боже!

Хорошъ женихъ! онъ теткѣ мститъ за то,

Что отъ племянницы пришлось отказаться!

Хорошъ женихъ! хорошъ признаться....

Такъ я стара?.... (увидя входящаго Глинскаго).

ИВЛЕННИ ТРИНАДЦАТОЕ.

ТѢЖЕ и ГЛИНСКІЙ, съ нотами въ рукахъ.

ТУРУСОВА, указывая на Глинскаго.

Да вотъ! онъ кажется весь вѣкъ
Услужливъ, справедливъ, и добрый человекъ,
Онъ про меня вамъ скажетъ, онъ разсудитъ....
говорковъ, про себя.

Нѣтъ, лучше ужъ уйти, а то добра не будетъ....
(Ей) Помилуйте! вы къ слову придралась,
И взъялись на меня! какъ будто преступленья....

ТУРУСОВА.

Нѣтъ! я обижена! (Глинскому) Голубчикъ, потрудись,
Скажи ты обо мнѣ свое прямое мнѣнье....

Что я? стара ужъ очень? и дурна?
Въ морщинахъ что-ли я? уродлива? скажите....
глинскій, про себя.

Ай! ай! старуха взбѣшена!

(Ей) Позвольте: я не знаю.... извините....

Желалъ бы знать! кто васъ разогорчилъ?

ТУРУСОВА,

Да вотъ, Андрей Сергѣичъ, пренаивно
Здѣсь комплиментъ сейчасъ мнѣ отпустилъ:
Что-будто я стара, несносна и противна!

глинскій.

Неужто? ай! ай! ай! (про себя) ужъ такъ и быть, вступлюсь,
Чтобъ только помѣшать злодѣю Говоркову!

(Ей вслухъ) Вы, стары? вы? нѣтъ, я не нахожу-съ,
Повѣрьте моему честному слову!...

ТУРУСОВА Говоркову.

Вотъ! слышите?

говорковъ, про себя.

О, льстецъ!

ТУРУСОВА, Глинскому.

Такъ какъ я вамъ кажусь?

Глинскій.

Хоть вамъ мои слова и похвалы не лестны, —

Я знаю.... но скажу, что вы въ моихъ глазахъ,

Характеромъ, лицомъ, на дѣлѣ и словахъ,

Вы, такъ связать.... эпитично интересны!

ГОВОРКОВЪ, про себя.

О, низкій плутъ!

ТУРУСОВА.

Вотъ честная душа!

ГЛАНСКИЙ.

И вашия качества дивлюсь я ежедневно!

(Говоркову) А вамъ скажу, ни сколько не грѣша:

Что дай Богъ вамъ жену, какъ Анна Алексѣвна!

Чтобъ въ ихъ объятіяхъ, могли вы всѣмъ сказать:

«Вотъ счастье! вотъ Божья благодать!»

ТУРУСОВА.

Вотъ откровенность-то (цѣлуя его) голубчикъ мой! красавецъ!

Вотъ ужъ утѣшилъ то! (Говоркову) вотъ что онъ говорить!

А вы....

ГОВОРКОВЪ про себя.

Вѣдь этакой мерзавецъ!

Онъ мнѣ рѣшительно вредить!

ей вслухъ.

Послушайте же! Анна Алексѣвна!

Я съ вами, можетъ-быть, неловко поступилъ,

Но для чего-жъ кричать и нападать такъ гнѣвно?

Я правду говорить всегда и всѣмъ любилъ!

И это знаетъ ужъ Евгенія Петровна....

ТУРУСОВА.

Ну, вотъ, извольте жъ вы тутъ слушать хладнокровно:

Онъ про меня, вишь, правду говорить!

Что я дурна, стара, онъ утверждать изволить!

ГЛАНСКИЙ.

И про кого-жъ? про васъ!

ТУРУСОВА.

Позорить и срамить!

Говоркову со злобою.

Но кто мнѣ правдою не въ бровь, а въ глазъ ужъ колетъ,

Такъ я вѣдь съ тѣмъ сама по правдѣ разочтусь!

Пойду къ племянницѣ, все выведу паружу!

ГЛАНСКИЙ, тихо ей.

А я вамъ помогу-съ!

ТУРУСОВА.

Нѣтъ! Боже насъ спаси, попасть къ такому мужу!

Да такъ и жену онъ срѣжетъ безъ стыда!

Да еще въ обществѣ пожалуй, безъ оглядки,

Онъ ради правды, иногда

Начнеть высчитывать лѣта и недостатки,
 И то и сѣ описывать начнеть,
 Откроеть, разбереть,
 А злыя женщины и рады будутъ пищѣ,
 Племянницу мою ославить, осмѣять.
 Нѣтъ, батюшка! нѣтъ, дѣло будетъ чище,
 Какъ больше васъ она не будетъ принимать!
 Пусть я стара! дурна! но безъ того не выйду,
 Пока противу васъ — не подниму весь домъ!
 О! я вѣдь какъ почувствую обиду,
 Такъ ужъ поставлю на своемъ!
 Хочеть уйти.

говорковъ, удерживая ее.

Постойте-жъ! я прошу....

ТУРУСОВА.

Прочь! прочь! вы душегубецъ!
 Неуважающій приличій викакихъ!
 Нѣтъ! въ этомъ домѣ вы ужъ больше не живихъ!
 Вы врагъ нашъ! вы злодѣй! вы варваръ! правдолюбецъ!!!
 Уходитъ на право.

говорковъ.

Ушла! попался жъ я! чортъ взялъ бы злыхъ старухъ!
 (Глинскому). Ну! помвите жъ меня, и вы домашній другъ!
 Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ГЛИНСКІЙ, одинъ, молча потирая руки
 стоптъ нѣсколько времени.

Ага! мои дѣла.... все лучше, понемногу....
 Они поссорились.... благодаренье Богу!
 Авось со вдовушкой поближе я сойдусь....
 А тамъ.... какъ я женюсь.... да выйду на дорогу....
 Не всё же гнутъся мнѣ! авось и *распрямлюсь!*
 Уходитъ на право.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляет маленькую гостиную, хорошо меблированную. Дверь на-право въ спальню Евгенія. Средняя дверь выходитъ въ садъ. На-лѣво отъ актера въ глубинѣ сцены окно, подлѣ стоитъ въ видѣ комода пианино. На лѣвой же сторонѣ, вдоль стѣны, маленькій подный диванъ — или козетка, подлѣ столикъ, стулья, или табуреты на колесахъ. На правой сторонѣ такая же мебель.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ОЗЕРСКАЯ и ТУРУСОВА, сидятъ почти на авансценѣ съ правой стороны, разговаривая вполголоса. ГЛИНСКІЙ, сидитъ бокомъ къ зрителямъ у фортепіано, и въ минуту открытія занавѣса дѣлаетъ вслухъ нѣсколько простыхъ аккордовъ. ЗВѢЗДИНЪ (въ очкахъ), сидитъ на-лѣвой сторонѣ противъ дамъ и не спускаетъ глазъ съ Евгенія.

ТУРУСОВА, послѣ слѣданныхъ аккордовъ
Глинскимъ, — Евгенію вполголоса.

Да! этотъ Говорковъ ужасный человѣкъ!

Избави Богъ тебя, съ такимъ соединиться!

Ты будешь съ нимъ не веселиться.

А плакать, и страдать весь вѣкъ!

ОЗЕРСКАЯ.

Признаться, вы меня порядкомъ напугали!...

ТУРУСОВА.

А что онъ про тебя, мой другъ, наговорилъ,

Такъ я, и Левъ Ивановичъ, мы не знали

Что дѣлать? вотъ спроси: онъ тутъ со мною былъ.

ОЗЕРСКАЯ.

Да что же именно?...

ТУРУСОВА.

Да то же,

Что обезумѣлъ онъ! на дѣло не похоже!

Не изъ-чего со мной затѣялъ споръ,

Какой-то правдою дурацкой хвастать началъ,

Забывъ приличіе, понесъ ужасный вздоръ,

Всѣ недостатки наши обозначилъ!

Кричитъ: что у тебя нѣтъ вовсе красоты,
Что ты — страхъ вѣтрена, что ты не домохозяйка,

И что изъ всѣхъ кокетокъ ты —

Опасная и страшная кокетка!

Что будто нѣтъ въ тебѣ ни на волосъ добра!

Что ты капризна, зла! и.... такъ какъ я, стара!

Каковъ?

ОЗЕРСКАЯ.

Не можетъ быть!

ТУРУСОВА, показывая на Глинскаго.

Да вотъ спроси: онъ скажетъ

Какъ я взбѣсилась за тебя!

Кричитъ: что никого онъ въ свѣтѣ не уважить!

И честнымъ здѣсь считаетъ лишь себя.

А между-тѣмъ, вотъ Левъ Ивановичъ слышалъ,

И мнѣ, одинъ мой другъ, за тайну рассказалъ:

Что Говорковъ въ отставку чуть не, вышелъ.

За то, что честь свою ужъ крѣпко запятналъ.

ОЗЕРСКАЯ.

Да.... да.... и какъ со мной онъ нынче объяснялся,

Когда узналъ, чего отъ мужа я хочу,

Условия всѣ принять, какъ-будто.... не рѣшался!

Но я узнаю все, всѣ тайны обличу.

Мнѣ странно: онъ сказалъ, что будетъ здѣсь обѣдать,

А не былъ!... такъ теперь наединѣ

Хочу у Глинскаго я разспросить, развѣдать,

А онъ же служить съ нимъ, и очень преданъ мнѣ.

ТУРУСОВА.

Э! полно! стоитъ ли разспрашивать про это?

Смотри: Володя-то съ тебя не сводить глазъ....

Обрадуй, оживи поэта!

Онъ отъ любви къ тебѣ, совсѣмъ почти угасъ!

Вотъ онъ бы могъ, пренѣжнымъ быть супругомъ!

А? такъ ли?...

Глинскій во время этого разговора удаляетъ минуту
незамѣтно подслушать ихъ.

ОЗЕРСКАЯ.

Можетъ-быть.... но вотъ моя бѣда:

Онъ такъ поэзіей проникнуть, какъ недругомъ!

И ужъ мечтаетъ такъ, что страшно иногда!

Вы помните, какъ за обѣдомъ

Онъ изъ поэмы намъ отрывочки читалъ?

Съ какимъ-то жаромъ, даже съ бредомъ,
Все въ этомъ мѣрѣ проклиналъ!

ТУРУСОВА.

Да пусть его и бредитъ и мечтаетъ!

А ты-себѣ, какъ хочешь веселись!...

За то вѣдь мужъ—поэтъ!... тебя весь свѣтъ узнаетъ!

Ну-жъ, побесѣлуй съ нимъ, попробуй, объяснись!...

А если онъ тебѣ не посердцу, хоть мало,

Такъ есть женихъ — полковникъ! знаешь, тотъ

Что бросилъ Надиньку Елецкую? ну вотъ,

Завидный мужъ! ты съ нимъ разъ десять танцовала,

Онъ нынче общалъ съ визитомъ прискакать.

Любаго выбирай!... но только поскорѣе!

Пора тебѣ пожить открыто, веселѣе!...

ОЗЕРСКАЯ.

Пора!... но знаете-ль, какъ трудно выбирать?...

Вслухъ Звѣздкину.

Владимиръ Федорычъ! да что жъ вы все молчите?

ТУРУСОВА, подходя къ нему.

Да! въ-самомъ-дѣлѣ! что вы тамъ

Засѣли въ уголкѣ, ни съ кѣмъ не говорите?...

(Тихо ему) Откройте страсть свою! она проститъ все вамъ.

Звѣздкинъ, вздрогнувъ пудушливымъ голосомъ.

Возможно-ль?!

ТУРУСОВА.

Да! а вѣкъ молчать, вѣтъ прока!

Звѣздкинъ, подойдя къ Озерской, взды-
хаешь, потомъ говоритъ всю роль не
такъ-какъ другіе, а больше на распѣвъ.

Простите!... я... страдаю душой!

Разочарованный глубоко!...

Леталъ крылатою мечтой

Такъ уповательно далѣко!

Такъ восхитительно высоко!...

Какъ только можетъ геній мой!

Складываетъ крестообразно руки, и качая головой, смотритъ на Евгению,
глинскій, во все время наблюдая за ними,
говоритъ, сидя у фортепіано,
про себя.

Забредалъ и поэтъ любезной чепухой!

ТУРУСОВА, тихо Звѣздкнну.

Мечты и гевій свой оставьте вы покуда!

А просто ей признайтесь въ любви.

ЗВѢЗДКННЪ, тѣмъ же удушливымъ тономъ.

О! если бы я смѣлъ!...

ТУРУСОВА.

Небайтесь!...

ГЛИНСКІЙ, также.

Дѣло худо!...

ТУРУСОВА.

Ну! Богъ тебя благослови!

ОЗЕРСКАЯ, Звѣздкнну.

Присядайте здѣсь....

Звѣздкннъ садится.

ТУРУСОВА.

А я по саду прогуляюсь,

Вотъ, съ Львомъ Ивановичемъ....

ГЛИНСКІЙ.

Я, право, не могу-съ....

Я разучить романсъ для вѣчера стараюсь,

И не хочу отстать, покуда не добьюсь.

ТУРУСОВА, тихо Глинскому.

Такъ не мѣшайте-жъ имъ! смотрите!

ГЛИНСКІЙ, тихо ей.

Ахъ! какъ можно!

Я, пальчикомъ, чуть-чуть, тихонько, осторожно!...

ТУРУСОВА.

Ну, то-то же!

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ТѢЖЕ, кромъ ТУРУСОВОЙ.

ОЗЕРСКАЯ, про себя.

А что-жъ? хотъ очень молодъ онъ....

За что постъ! и пламенно, влюбленъ!

Ему вслухъ.

Владиміръ Федорычъ! скажите, ради Бога,
Что такъ печальны вы? Я не хочу грустить!

Разговоритесь хоть немного!

Жизнь безъ того скучна...

звѣздкинъ, мрачно.

О! да! не стоить жить!

Что наша жизнь?... Одна мечта пустая!

Въ собраньяхъ — скука и застои,

Гдѣ вздоръ несутъ, не разсуждая

О жизни лучшей, неземной!

ОЗЕРСКАЯ.

Ахъ, это есть, никакъ, въ поэмѣ вашей?...
Стихи у васъ прекрасны всѣ, —

И очень гладки....

глинскій, про себя.

Къ чести нашей:

Такъ гладки, словно какъ шоссе.

ОЗЕРСКАЯ.

Но, безъ поэмъ, скажите откровенно:

Вы влюблены?

звѣздкинъ, съ энергій.

О! да! всей силою души!

Люблю — восторженно! безумно! неизмѣнно!

Души не слышу въ ней!...

глинскій, продолжаетъ наблюдать.

Души себя, души....

звѣздкинъ.

И эта страсть не дѣтская, не вспышка,

Она на дѣй души пылаетъ! жметъ! гнетѣтъ!...

глинскій.

Притомъ же, у него одышка,

Такъ онъ не долго важнѣетъ! *(Разбираетъ ноты)*

ОЗЕРСКАЯ.

Прекрасно! только кто-жъ предметъ-то вашей страсти?

Вотъ что, желала бъ я узнать.

звѣздкинъ, вздыхая.

Она!... она одна!... та женщина, въ чьей власти

Убить любовь мою! или къ жизни вновь призвать!...

ОЗЕРСКАЯ.

Пріятно слышать.... ну, да кто-жъ она такая?

звѣздкинъ.

Мой идеалъ! мой геній! два рая!

ОЗЕРСКАЯ, ПЕТЕРПЪЛОВО.

Да безъ поэзіи, скажите просто, кто?

ЗВЪЗДКИНЪ.

Ахъ, роскошь! граціи! предъ нею я... ничто!

ОЗЕРСКАЯ.

Такъ не дурва лицомъ?

ЗВЪЗДКИНЪ.

Лицомъ — бѣлѣе снѣга!

ОЗЕРСКАЯ.

И не глупа?...

ЗВЪЗДКИНЪ.

Умна — какъ ясный день!

ОЗЕРСКАЯ.

И сложенà не дурно?...

ЗВЪЗДКИНЪ.

Прелесть! нѣга!

ГЛИНСКІЙ, про себя, вздохнувъ.

О, Господи! какая дребедень!

ОЗЕРСКАЯ.

И вы желаете, чтобъ васъ она любила?

ЗВЪЗДКИНЪ, замечтавшись.

О! да! желалъ бы всей душой,

Чтобы она меня блаженствомъ надѣлила!

И чтобъ отвѣтила на страстный голосъ мой!

Чтобъ также — съ страстію неистовой, безумной,

Презрѣвши свѣтъ и свѣтскихъ болтуновъ,

Ушла со мной отъ жизни шумной,

Подъ сѣнь таинственныхъ лѣсовъ!

Туда! гдѣ не дойдутъ до насъ людскіе толки,

Гдѣ нѣтъ людей, — тамъ рай! тамъ чувства оживутъ!...

ГЛИНСКІЙ, впадая въ тонъ голоса.

Гдѣ нѣтъ людей, за то есть злые волки,

И также дичь пороть поэту не дадутъ.

ОЗЕРСКАЯ.

Какъ! жить въ лѣсу? ну, что за дикая идея!..

ЗВЪЗДКИНЪ.

Да! только тамъ и жизнь, гдѣ нѣтъ людей!

ОЗЕРСКАЯ.

Нѣтъ! это черезъ-туръ! здѣсь право веселѣе,

Чѣмъ жить въ лѣсу, между звѣрей.

звѣздкинъ, съ энергіей.

Но, люди здѣсь, не тѣже ль звѣри ?

Они готовы насъ замучить ! истерзать !

Коварство, зло, и вѣчныя потери

За что отъ нихъ свосить ? не лучше ль убѣжать ?

Что, этотъ свѣтъ ? Овъ пестрый шутъ, нарядный !

Всякъ занять лишь собой, дѣлами, да дѣтми !

Не лучше-ль жить въ пещерѣ смрадной,

Чѣмъ вѣчно няньчиться съ людьми ?

ОЗЕРСКАЯ.

За что же люди *всѣ* не правятся поэту ?

Въ чемъ виноваты всѣ ?

звѣздкинъ,

Вотъ въ чемъ, я не таю :

Я, мой талантъ на жертву отдалъ свѣту !

Ему — всѣ чувства я въ стихахъ передаю :

*Тоску души, мечты, страданья, укоризны,**Пою любовь, пожаръ страстей...*

И что-жь за все ? средн моей отчизны

Незвасмый ни кѣмъ, толкаюсь межъ людей !!

Никто не хочетъ звать объ участи поэта !

О ! люди — звѣри здѣсь вполнѣ :

Хоть бы одинъ журналъ, или газета,

Разъ занкинулась обо мнѣ !

Для нихъ, какъ-будто бы и нѣтъ меня на свѣтѣ !

До-сей поры, моихъ стиховъ въ печати нѣтъ !!

Вотъ, какъ у насъ объ истинномъ поэтѣ,

Заботится коварный этотъ свѣтъ !

Нѣтъ ! конечно ! убитый и отцвѣтшій,

Не призванный, здѣсь жить я не могу !

Я лучше скроюсь съ подругой ! убѣгу !..

озерская, про себя.

Какъ жаль ! хорошъ поэтъ, да только... сумасшедшій !

Ему вслухъ, вставая.

Ну, добрый путь ! желаю вамъ

Уединенной жизнью наслаждаться...

А мы, ужъ какъ ни худо будетъ намъ,

Отъ свѣта и людей не можемъ отказаться !

Неправда-ль, Левъ Ивановичъ ?

глинскій, вскочивъ съ мѣста, подходитъ къ ней.

Да съ ..

Свѣтъ такъ хорошъ! притомъ, такъ любить васъ...

Грѣшно вамъ въ лѣсъ бѣжать отъ свѣта.

Пусть вѣкъ свой въ лѣсъ глядятъ

Голодный волкъ, или душа поэта...

Но, замъ!...

звездкинъ, про себя.

Да что за звѣрь тутъ вѣется и ворчитъ?

(Евгеніи) Такъ знайте же, Евгенія Петровна:

Что, страсть моя....

ОЗЕРСКАЯ.

Объ ней, я слышала, мой другъ...

И напрямки скажу вамъ хладнокровно:

Какъ вамъ не по душѣ весь нашъ житейскій кругъ,

Такъ и — въ поэзіи плохая вамъ забава!

Вамъ не жена нужна, а выспрошенная слава...

Вамъ нашихъ прихотей, желаній, не помать;

По мнѣ: ужъ если жить, такъ нечего мечтать!

Мечтательность — болѣзнь, по моему смѣшная...

глинскій.

Нѣтъ съ, болѣе: опасная и злая!

Особенно вредна для жевщицъ: ихъ мечты

Страхъ портать цвѣтъ лица, лишаютъ красоты,

И прочаго....

ОЗЕРСКАЯ.

Да, да, ужасно неприятно!

звездкинъ.

Позвольте... какъ же вы?.. мнѣ право, непонятно...

ОЗЕРСКАЯ.

Какъ быть!.. (Глинскому) Гдѣ жъ тетушка?..

глинскій.

Чтобъ намъ не помѣшать,

Она теперь въ саду гуляетъ....

ОЗЕРСКАЯ, про себя.

Пойду же ей рѣшительно сказать:

Что мужъ поэтъ совсѣмъ добра не общаетъ!

(Обоимъ) Однако-жъ, господа, прошу не уѣзжать...

Мы вечеромъ порѣзвимся, поплашемъ,

И что нибудь пожалуй пропоемъ....

глинскій.

О! съ радостью! я весь къ услугамъ вашимъ!

ОЗЕРСКАЯ, тихо ему.

А послѣ, надо намъ поговорить вдвоемъ.

Уходитъ въ садъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢЖЕ, кромѣ ОЗЕРСКОЙ.

глинскій, про себя, потирая руки.

Ага! въ отставку, вотъ ужъ и поэтъ-любовникъ!

Повѣсилъ носъ, и дуракомъ глядитъ....

Я очень радъ! но мнѣ... еще бѣда грозить:

Прійдетъ свататься, ужъ не поэтъ, полковникъ!

Не то, что онъ... (показывая на Звѣздкина) или нашъ братъ...

Красавецъ, съ головы — до пятъ!

Какъ взглянуть! вдовы всѣ, всѣ дѣвушки, старухи,

Такъ вотъ и льнутъ къ нему, какъ мухи!

звѣздкинъ, самъ съ собою.

Она казалась мнѣ навъна и проста....

И что же?... скрылась вдругъ, какъ рѣзвая мечта!

Взглянувъ на Глинскаго, подходитъ къ нему и хватается за руку.

Послушайте! а... что вы здѣсь такое?

Вы — врагъ мой? или — другъ? кто вы?

глинскій.

Я-съ?... я здѣсь существо бѣднѣйшее, простое,

Домашній другъ.... молоденькой вдовы.

звѣздкинъ.

Домашній другъ?... такъ я вамъ объявляю:

Что я отъ всей души такъ презираю васъ!

Такъ ненавижу васъ! такъ злобно проклиная!...

глинскій, улыбаясь.

Опять поэзія! что слово, то возгласъ!

Оно, по вашему.... (мы скажемъ откровенно),

Красиво, выпренно, высоко и отменно

Браните вы порядочныхъ людей....

Да только, ни къ селу — ни къ городу, ей-ей!

звѣздкинъ.

Какъ! что?...

глинскій.

Да! да-съ! позвольте объясниться:

Кто вздумалъ свататься, чтобы скорѣй жениться,
Такъ надо, въ себя на жертву здѣсь отдать,
Иль, выждавъ случая, вдову атаковать....

Она, вы видите, сама еще не знаетъ

Что дѣлать ей?... все ищетъ, выбираетъ....

И если выберетъ, такъ вѣрно не изъ насъ.

звѣздкинъ.

Какъ! что? нѣтъ! тетка сколько разъ
Твердила мнѣ: что я женюсь непременно!...

глинскій.

А вы и вѣрите? нѣтъ-съ! то же и одно

Ужъ многимъ здѣсь натвержено!

А точно избранъ кто? не знаемъ совершенно.

звѣздкинъ.

Я избранъ! я!...

глинскій.

Нѣтъ, кажется, другой!...

Здѣсь будетъ женишскъ, хоть хуже васъ душой,

За то ужъ въ чемъ другомъ, съ нимъ трудно спорить....

звѣздкинъ.

Возможно ли!

глинскій.

Да.... да.... красавецъ! и въ чести....

Полковникъ! (*про себя*) ахъ, постой.. что? еслибъ ихъ свести,

И хорошенько перессорить?...

Благая мысль!

звѣздкинъ.

Какъ! что сказали вы?

Соперникъ явится?...

глинскій.

Конечно....

Въ числѣ поклонниковъ хорошенькой вдовы,
Онъ, черезъ тетушку, здѣсь дѣйствуетъ успѣшно.

Но, впрочемъ, если вамъ, приняться, захотѣтъ,

Такъ вы, владея чуднымъ даромъ слова,

Такъ можете его отщелкать, оттерѣтъ,

Что онъ ужъ не пріѣдетъ снова.

звѣздкинъ, посмотрѣвъ на него.

Благодарю!... простите, что сперва

Я васъ почелъ врагомъ.... вы — доброе созданье!

Обнимаетъ его.

Беру назадъ мои обидныя слова!

г л и н с к и й.

А я благодарю за рѣдкое вниманье!...

(Про себя) Такъ подождемъ его! (ему) Да-съ; я хоть и бѣднякъ,
Но истинный, прямой добрякъ!

Вдохнувъ, показывается на сердце.

Ахъ! здѣсь.... повѣрьте, есть всѣ чувства человѣка....

Но всѣ они покудава живутъ —

Подъ спудомъ, тутъ....

Я жду, какъ люди нынѣшняго вѣка

Мой умъ и чувства разовьютъ....

Давненько жду! и думаю: авось-ли,

Полезенъ буду я?... хоть не теперь, а послѣ....

Конечно, трудно ждать! иль зло переносить....

Трудиться годы — безвозмездно, —

Но.... видно надо такъ; какъ быть!

Съ усмѣшкою:

Вѣдь иногда, и зло — бываетъ намъ полезно.

з в ѣ з д к и н ѣ.

О! съ вашею душой, и въ нашъ продажный вѣкъ,

Вы — рѣдкость! феномень!... разсѣйте жъ безпокойство:

Кто мой соперникъ? звѣрь, иль человѣкъ?

Какого онъ ума, характера и свойства?

г л и н с к и й.

Ума въ немъ.... такъ, почти что не видать;

А ежели проглянетъ, такъ случайно.

За то ужъ личностью, я долженъ вамъ сказать,

Онъ занятъ, занятъ чрезвычайно!

А такъ-какъ онъ имѣнье промоталъ,

Крестьянъ проѣлъ и проигралъ,

Такъ вотъ, теперь, какъ модникъ шеголетъ,

Да ищетъ женскихъ *protégé*,

Невѣсть богатыхъ оболъщаетъ,

Чтобъ послѣ быть съ женою въ дѣлежъ;

Хлопочетъ смѣло, дерзко, шибко,

Игдѣ лишь увидалъ онъ пользу, и кредитъ,

Глаза горять! въ лицѣ улыбка,

А въ сердцѣ — демонъ! демонъ злой сидитъ!

Ну, словомъ: «нашъ полковникъ малый видный»,

Такъ говорить стоустая молва....

И только не гремятъ лишъ славою завидной

Его душа и голова;

Онъ — то, что здѣсь у насъ : онагры, атаманы
 Столичныхъ щаякъ, при усахъ,
 Которые свои карманы
 Повытрясли на карточныхъ бояхъ;
 Да, да, онъ ничего почти не любитъ въ жизни,
 Какъ только — карты, да вино....
 И чѣмъ въ лицо ему ни брызни,
 Онъ оботрется, все равно.
 Крутя усы, онъ надовсѣмъ смѣется,
 Глядитъ на женщинъ соколомъ,
 И слабый полъ, любуясь молодцомъ,
 Влюбляется, и нехотя сдается!

звѣздкинъ.

А! хорошо! я радъ, что съ нимъ сойдуся!...
 Соперничества я нисколько не боюсь!
 Любовь моя разрушитъ всѣ преграды!
 Евгенія должна лишь мнѣ принадлежать!
 Иначе, я въ пылу досады
 Рѣшусь на все!...

глянскій.

Нѣтъ-съ, шума затѣвать
 Вы не извольте, ради Бога!...
 А посчитайтесь такъ съ полковникомъ, слегка,
 Посбавьте важности немного,
 Кольните остренькимъ словцомъ издалика,
 Чтобъ онъ почувствовалъ, кто выше:
 Простой полковникъ, иль поэтъ?
 Ахъ! кажется, они.... пожалуйста-жъ, потише....

звѣздкинъ.

Не бойтесь.... о! я понялъ вашъ совѣтъ!...

глянскій.

Я самъ полковника, признаться, ненавижу!
 Хоть онъ со мной и ласковъ иногда,
 Но.... все не отъ души....

звѣздкинъ.

Я такъ его унижу,
 Что онъ отсюдова исчезнетъ на-всегда!

Ходить въ волненіи по комнатѣ.

глянскій.

Прекрасно! я впередъ съ побѣдой поздравляю!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЪ ЖЕ и ТУРУСОВА, выходит торопливо.

ТУРУСОВА, Звѣздкннѣ.

Ну, что, голубчикъ мой? положимъ ты поэтъ,
Твои таланты я хоть очень уважаю,
А, какъ понравиться? — въ тебѣ таланта нѣтъ!
Вѣдь вотъ племянница тобою недовольна!

ЗВѢЗДКННѢ.

Не знаю самъ, чѣмъ я не угодилъ?
Идей моихъ потокъ, и... нѣжныхъ чувствъ неволью
Я высказалъ, я все вынулъ....

ТУРУСОВА, сердито.

Да что за радость ей тутъ слушать о потокахъ?

Что въ идеальной этой болтовнѣ?

Не въ фразахъ важность тутъ, и дѣло не въ намекахъ,
А вся эссенція въ хорошенькой женѣ!
А ты, знай охаешь! да разный вздоръ горлашишь!

Къ чему такую дичь вести?

Къ чему ты въ лѣсъ вдову до свадьбы манишь?

Ахъ, Господи прости!

Прилично-ль это? а? (Глинскому) Скажите?...

ГЛИНСКІЙ, подходя.

Да съ... не ловко....

(Про себя) Она все за него! о, старая чертовка!

ЗВѢЗДКННѢ.

Пусть такъ! я, можетъ-быть... немножко поспѣшилъ....
Но я поправлю все!

ТУРУСОВА.

Да трудно ужъ поправить!

Къ ней женишень такой чудесный прикатилъ,
Что для него она, чай рада всѣхъ оставить!

Онъ съ ней теперь въ саду,

И такъ-то мастерски пустился въ объявление,
Что вѣрно женится!

ЗВѢЗДКННѢ.

Нѣтъ! нѣтъ! Я къ вамъ пойду,

И заслужу опять ея расположенъ!...

ТУРУСОВА.

Неужто? вотъ, хвалю! кто истинно влюбленъ,
 Тотъ долженъ быть настойчивъ! смѣль! уменъ....
 глинскій, про себя.
 Да; но съ невѣстой не такую!
 Тутъ, вичего не выиграешь съ бою....

ТУРУСОВА.

Ну, ну, дай Богъ тебѣ!... а какъ же ты начнешь?
 звѣздкинъ.

Какъ слѣдуетъ, влюбленному до страсти!
 Пускай полковникъ вашъ любезенъ и хорошъ,
 Пусть женщины его покорны власти!
 Я предъ Евгеніей его разоблачу!

Уѣхать нехотя заставлю!

И если захочу,

Всю славу громкую его — я обезславлю!

ТУРУСОВА.

Такъ! такъ! и признаюсь: сама бы рада я,
 Чтобъ выбрала тебя племянница моя;
 Ты и моложе и добрѣе,
 Съ тобою, наша жизнь была-бъ повеселѣе.
 Но, только ты, смотри, себя не урони!
 Я и племянницѣ шепну.... ахъ! вотъ они....

Идетъ имъ на встрѣчу.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢЖЕ, ОЗЕРСКАЯ и КРАСНОЩЕКОВЪ, одѣтый въ модномъ фракѣ, съ
 усами, ведетъ Озерскую подъ руку.

ОЗЕРСКАЯ.

Нѣтъ! нѣтъ! полковникъ, я невѣрю, какъ хотите!...
 Не можетъ быть!...

КРАСНОЩЕКОВЪ, важнымъ тономъ.

Parole d'honneur!...

ОЗЕРСКАЯ.

И вамъ не жаль ея?

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Нисколько.

ОЗЕРСКАЯ.

Ну, скажите!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Она не стонътъ васъ!...

ОЗЕРСКАЯ.

Неправда! это вздоръ!

ТУРУСОВА.

О комъ вы спорите?

ОЗЕРСКАЯ.

Объ Надинькѣ Елецкой!

Она въ полковника страхъ влюблена была,
Теперь онъ говоритъ — простилась съ жизнью свѣтской,
И будто, чрезъ него, ужъ въ монастырь пошла!

ТУРУСОВА.

Неужто?...

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Чтожъ! Богъ съ ней!... ахъ, Левъ Ивановичъ! вы-ли?...

Жметъ руку Глинскому.

ГЛИНСКІЙ.

Да, я-съ.... къ-услугамъ вашимъ весь....

Подаетъ стулъ Евгениі и теткѣ.

КРАСНОЩЕКОВЪ Турусовой.

А это кто еще такъ важно ходитъ здѣсь?

ТУРУСОВА, вполголоса.

А это нашъ поэтъ....

ОЗЕРСКАЯ.

Вѣдь вы вамъ говорили?...

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Ахъ, да! который любитъ васъ?

А свѣтъ, и всѣхъ людей негодными находитъ?

(Евгениі) Охъ, этихъ молодцовъ довольно есть у насъ!

Какъ онъ смѣшно глядитъ!.. какъ держится!... какъ ходитъ!...

Такъ вамъ Елецкую жаль очень....

Усаживаются.

ОЗЕРСКАЯ.

Очень жаль!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Но я не объяснилъ вамъ всю ея печаль....

Она, до-сей-поры, навѣрное считала:

Что точно я влюбленъ, и что женюсь на ней.

Знакомымъ всѣмъ объ этомъ прокричала,

Расхвасталась вездѣ побѣдою своею!
И вдругъ, при ней, при всѣхъ на балѣ, хладнокровно
Я объявлялъ: что я, конечно, побѣжденъ,
Что, точно, въ женщину прекрасную влюбленъ!
Но эта женщина.... Евгенія Петровна!

ОЗЕРСКАЯ.

При всѣхъ!...

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Parole d'honneur!...

ОЗЕРСКАЯ.

При всѣхъ!... и что-жь она?

КРАСНОЩЕНОВЪ.

Она? о! если-бъ тутъ вы посмотрѣли!
Вдругъ — сдѣлалась бѣлье молотна!
Потомъ, вся вспыхнула! а щеки посинѣли!
И тутъ, ея знакомые, родня,
Пошли шептаться всѣ и проклипать меня
На разные чувствительные тоны!...
Съ Елецкой обморокъ!... всѣ бросились служить,
И всевозможные духи, спирты, флаконы
Ей къ носу стали подносить!

Смѣется.

ОЗЕРСКАЯ.

Полковникъ! вы злодѣи! вѣдь это ужъ безбожно!

ТУРУСОВА.

Да! да!...

звѣздички, будто самъ съ собою, расхаживая по комнатѣ.

Нѣтъ! для нѣмыхъ у насъ, все можно!

КРАСНОЩЕКОВЪ, быстро оборачиваясь.

Что? что онъ говорить?...

глинскій, стоя у стула, вполголоса Краснощекову.

Не знаю-съ! не слыхалъ....

ОЗЕРСКАЯ.

Ну, что-жь потомъ?...

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Потомъ, на вло еще весь балъ
Я началъ танцовать безъ отдыха съ другими!
Хорошенькихъ дѣвицъ и самыхъ дремныхъ дамъ
Я ангажировалъ, и съ ними
Смѣялся отъ души и вздохамъ и елезамъ
Отверженной невѣсты — самозванки!...

Поступокъ мой — оди́хъ — обворожилъ!
 Другихъ — которыя лишь съ виду христіанинъ,
 Я ищеніемъ своимъ вполне разодолжилъ!
 Ну, словомъ: случай быль для женщинъ преудобный —
 Потѣшиться на-счетъ себя подобной!
 Тутъ близъ меня, сейчасъ составился кружокъ;
 Поклонницъ разныхъ лѣтъ — скопилось до десятку!
 Одна — въ знакъ дружбы мнѣ тайкомъ дарить цвѣтокъ,
 Другая — ленточку, та бантикъ, та перчатку....
 Ну, просто, такъ всё занялся мной,
 Что я.... parole d'honneur! три дня былъ самъ не свой!

ОЗЕРСКАЯ.

Прекрасно!

ТУРУСОВА.

Признаюсь!.... Отлично!...

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Нѣтъ, къ-несчастью!

Своими шутками я многимъ повредилъ;
 Другія женщины пристали съ пѣвной страстью,
 Однако жъ, васъ любя.... всѣхъ бросилъ я, забылъ!

Хоть многія, я знаю, и страдаютъ,

Клануть меня, судьбу, и слезы проливаютъ....

ОЗЕРСКАЯ.

Неужли?....

ТУРУСОВА.

Ай! ай! ай!

ГЛЕНСКИЙ.

Какъ жаль!....

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Parole d'honneur!...

ЗВѢЗДКИНЪ, также.

О! люди созданы на зло и на поговоръ!....

КРАСНОЩЕКОВЪ, снова взглядываетъ на
 Звѣздкина сердито, потомъ
 продолжаетъ.

Ну, и Елецкая узнала лишь объ этомъ,
 Возненавидѣла и насъ и шумный свѣтъ,

Связавъ себя торжественнымъ обѣтомъ

Въ монастырѣ забыть все горе прежнихъ лѣтъ!

Звѣздкинъ, съ энергіей.

Высокая черта! великая натура!

ТУРУСОВА.

Нѣтъ! а по-чѣму: она скорѣ дура!
 Кто-жъ нынче отъ любви такъ дѣлаетъ у насъ?
 Да! глупо такъ гоняться за женщиной!
 (Евгеніи) Не правда-ль?...

ОЗЕРСКАЯ.

Признаюсь!... услыша вашъ разговоръ,
 Я вижу, что всѣхъ бѣдъ, невольно я причиною...
 КРАСНОЩЕКОВЪ.

Конечно....

ОЗЕРСКАЯ.

Кто-жъ молву изволилъ распускать?
 Да вотъ и тѣтушка сегодня мнѣ сказала:
 Что съ вами вздумала Елецкая бѣжать?
 Кто жъ это выдумалъ?

ТУРУСОВА, сконфуженная.

Не я, молва солгала!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

О, да... всѣхъ выдумокъ нельзя и перечестъ!
 (Турусовой) Про васъ я не скажу... быть можете покойны...
 Однако-жъ, сплетницы у насъ такія есть,
 Что привилегіи рѣшительно достойны!

ТУРУСОВА.

Да! есть-таки.... и я.... вамъ прямо расскажу,
 Какихъ я именно здѣсь знаю....

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Позвольте, нѣтъ, ужъ я васъ удержу...
 Оставьте ихъ.... я всѣхъ ихъ презираю!
 (Евгеніи) Чтобъ только вамъ лишь доказать любовь,
 Я радъ....

ОЗЕРСКАЯ, перебивая его.

Для женщинъ зла надѣлать вновь?
 Не такъ ли?... ну, а что? какъ вдругъ мы ошлбемся?
 Что, если и у васъ все выйдетъ не любя?
 Какъ въ мысляхъ мы и чувствахъ не сойдемся?
 И если вы меня.... не влюбите въ себя?
 Положимъ, что для женщинъ вы опасны!
 Что вы привыкли всѣхъ плѣнять и побѣждать,
 Что вы любезны и прекрасны....
 А я.... вдругъ всѣмъ на зло, васъ стану убѣгать?
 Скажите, тѣтушка: что если-бъ такъ случилось?

ТУРУСОВА.

Да что, мудреного! ты судишь преумно!
Уж если женщина до слабости влюбилась,
Бѣда! и стыдно и грѣшно!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

О! я не думаю, чтобъ вы не оцѣнили
Моей любви и качествъ тѣхъ,
Которыя....

ОЗЕРСКАЯ, также.

Пусть такъ! но я спрошу при всѣхъ:
Что? если-бъ вы меня ни чѣмъ не побѣдили?
Ни качествомъ, ни сердцемъ, ни лицомъ?

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Ни чѣмъ? помиуйте!.... да это невозможно!
Меня поздравили ужъ вашимъ женихомъ,
А вы....

ОЗЕРСКАЯ.

Зачѣмъ спѣшить? и такъ неосторожно!
(Про себя) Онъ такъ самолюбивъ, что страхъ!
Но, лучше-ль онъ другихъ, мнѣ скоро будетъ видно.
(Вслухъ) Однако-жъ я, при васъ, забыла о друзьяхъ!....
Они обидятся....

ГЛЯНСКІЙ.

О, нѣтъ-съ.... мнѣ не обидно....

звѣздочки, подходя къ сидящимъ, гово-
рить Евгенію.

Забыли о друзьяхъ? но, вамъ должны простить!
Прекрасной женщиной такъ сродно заблужденіе...

Ей даже можно извинить

И о друзьяхъ ошибочное мнѣніе!

Мрачно.

Разочаруйтесь: повѣрьте, въ жизни сей

Друзья безчувственны, лукавы!

Здѣсь даже вовсе нѣтъ друзей!

Одни лишь страшные удавы!

Посмотрѣвъ на Краснощекова, отходить въ глубину.

ТУРУСОВА.

Ну, отпустилъ опять, пошелъ!

ОЗЕРСКАЯ.

Какъ, нѣтъ друзей? да я теперь между друзьями...
Не правда-ли?

КРАСНОЩЕКОВЪ.

О, да! поэтъ ужъ слишкомъ воля,

И ошибается, считая насъ врагами;
(Звѣздкину) Чтобъ строго такъ судить людей,
 Такъ надобно пожить, и ихъ узнать поближе....

ГЛИНСКІЙ, тихо Звѣздкину.

Онъ задѣваетъ васъ!....

ТУРУСОВА.

Вотъ, слышите? *(тихо ему)* смѣлѣй!

Не осрамись, мой батюшка, смотри же!

Садится подлѣ Евгениі и тихо разговариваетъ съ нею.
 Глинскій подалъ ей стулъ, потомъ опять становится подлѣ
 Звѣздкина.

ЗВѢЗДКИНЪ.

Полковникъ! если мнѣ даете вы совѣтъ,
 Благодарю! но, въ немъ мнѣ нужды нѣтъ!
 Пускай иной — побольше видѣлъ, пожилъ,
 Поболѣ меня — надѣлалъ зла,
 Побольше выросъ онъ, несчастныхъ поумножилъ,
 И меньше всѣхъ другихъ наказанъ за дѣла....
 Но, можно ли сказать: что тотъ ужъ много знаетъ?

И вѣрно судить родъ людской?

А если только онъ на фразахъ выѣзжаетъ?

Какъ человѣкъ ничтожный и пустой?

ГЛИНСКІЙ, тихо Звѣздкину.

Прекрасно!...

Подходить къ полковнику.

ТУРУСОВА, тихо Евгениі.

Пусть ихъ, пусть....

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Такъ кто жъ? не вы-ль, учитель?

(Тихо Глинскому). Помѣшанъ онъ?....

ГЛИНСКІЙ, тихо Краснощекову.

Какъ юный сочинитель.

Онъ передъ вдовушкой увиантъ хочетъ васъ!

Незамѣтно опять переходитъ къ Звѣздкину.

КРАСНОЩЕКОВЪ.

А! такъ я съ нимъ раздѣляюсь сейчасъ!

Вполголоса Озерской.

Послушайте, Евгениі Петровна!

Поэтъ комнѣ въ соперники идетъ,

Такъ вы позволите, чтобъ я на этотъ счетъ
Потѣшилъ васъ?... мы кончимъ полюбовно....

ОЗЕРСКАЯ.

Мы не мѣшаемъ вамъ....

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Merci!

Продолжая говорить съ нею тихо.

ГЛИНСКІЙ, тихо Звѣздкину.

Чуть струсьте вы при ней, такъ Боже упаси!

Незабѣтно переходить къ Озерской и становится позади ея стула.

КРАСНОЩЕКОВЪ, вслухъ.

Я, можетъ-быть, смѣшонъ, что подаю совѣты?...

Но, иногда нельзя... долгъ красенъ платежемъ!

Особенно, когда здѣсь юные поэты

Начнутъ весь свѣтъ чернить своимъ перомъ.

Обращаясь къ дамамъ.

Представьте: иногда читаешь чушь такую,

Что право злость возьметъ! все пашутъ свысока!

Все лѣзутъ на луну, ругая жизнь земную,

За чтѣ же именно? что дали имъ щелчка!

(Звѣздкину) Ужъ не за то-ль и вы нашъ бѣдный свѣтъ браните?

звѣздкинъ, обиженный.

Напротивъ, я вамъ отвѣчать готовъ:

Что я ни отъ кого не получалъ щелчковъ,

Къ какимъ, быть-можетъ, вы привыкли.... извините!

Хоть молодъ я, хоть мой талантъ

Не оцѣненъ еще, не понятъ,

Однако же, его, я знаю, не уронять,

Ни всѣ редакторы, ни самый модный фронтъ,

Никто! я выжду, я заставлю

Моей поэмъ цѣну дать!

Я всѣхъ моихъ враговъ нарочно въ ней представлю,

И докажу, какъ ихъ умѣю понимать!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

То есть: какъ многіе изъ вашихъ юныхъ братій

Въ неспозволительной сатирѣ, вы на насъ

Нанижете отчаянныхъ проклятій,

Угрозы, громовъ? прекрасно! въ добрый часъ!

А кто же главный-то предметъ въ поэмѣ вашей?

ТУРУСОВА.

Глаза! да, да, глаза Евгеньюшки моей!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Какъ! чудные глаза влaстительницы нашей?

Предметъ.... *ragole d'honneur!* возвышенный ей-ей!

Звѣздкншу насмѣшливо.

Но, чтобъ такимъ заняться описаньемъ,
 Чтобъ выразить вполнѣ, ихъ душу, блескъ и цвѣтъ,
 Поэту надѣ быть съ умомъ и дарованьемъ....

Подъ силу-ль вамъ такой предметъ?

Притомъ же, кромѣ глазъ... въ поэмѣ есть и люди,
 Я думаю?...

ЗВѢЗДКНВЪ, ВЫРАЗИТЕЛЬНО.

Да! есть.... людишекъ жалкій классъ,
 Который, не щадя ни ногъ, спины, ни груди,
 Бѣжить, плѣняется чудесной силой глазъ!

Есть многіе.... есть любящіе чисто,
 Съ душой, страдающей въ тиши,
 Есть, что-то въ родѣ афериста,
 Безъ сердца вовсе, безъ души!
 Есть тѣ, которымъ — все ничтожно!
 Для картъ и денегъ, кто готовъ —
 И бросить женщину безбожно,
 И осмѣять ея любовь!

Есть, именно, не люди, а людишки,
 Пороковъ, зла, убійственная смѣсь,
 Которые вездѣ заводятъ здѣсь интрижки,
 И всѣхъ обманываютъ здѣсь!
 Есть, франты тѣ, которыхъ личность
 Лишь только можетъ поддержать,
 И эту личность, — за наличность
 Они кой-какъ стараются продать.

Есть тѣмъ поклонниковъ — невинныхъ и виновныхъ,
 И отставныхъ, вы встрѣтите у насъ,
 И безъ чиновъ людей, и грѣшниковъ чиновныхъ,
 Всѣ подъ вліяніемъ чудесной силы глазъ!
 И каждый выставленъ какъ пламенный любовникъ!
 Всякъ ищетъ нравиться, или шутить мастерски,

Ну, словомъ: даже есть полковникъ,
 Дающій юношамъ ужасные щелчки!

КРАСНОЩЕКОВЪ, СКОМФУЖЕННЫЙ.

Ого! полковникъ?...

ЗВЪЗДКИНЪ.

Да!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Да это презабавно!

ЗВЪЗДКИНЪ.

Не знаю я, забавно-ль для него?

Но я имъ замалелъ подробно и исправно,
И опишу вполне героя моего!

КРАСНОЩЕКОВЪ, теряя терпѣніе.

Ну, не совѣтую... поэтамъ слабымъ, хилымъ

Съ такимъ лицомъ нельзя шутить!... (*грозитъ ему*).

ЗВЪЗДКИНЪ.

О! нѣтъ! онъ мнѣ, я чувствую, по сиданъ,

Хотя физически, сильнѣй онъ, можетъ-быть...

Его характеръ я и подвиги ужъ знаю!

А потому, представлю вамъ на судъ,

Какъ эдакихъ людей я понимаю,

Которыхъ здѣсь, прекрасными зовутъ.

Герой мой: кое-какъ и кой-чего добился

Черезъ женщинъ, бывши въ дружбѣ и связяхъ;

Потомъ, герой во фракъ преобразился,

Какъ проигрался въ-пухъ и прахъ!

Положимъ, что ему родъ женскій вслухъ дивится:

«Какъ онъ любезенъ! какъ онъ милъ!»...

А онъ злодѣй, чтобы обогатиться,

Ужъ тьму несчастныхъ погубилъ!

Но что ему бѣды людскія!

Онъ, совесть, стыдъ, забылъ давно!

Лишь былъ бѣ горы золотыя,

Да серебряное вино!

И такъ, съ улыбкою — то нѣжною, — то важной,

Все ищетъ жертвы мой герой

Съ своей любовію продажной!

Съ своей копѣчной душой!

Вотъ, вамъ портретъ живой, и мидный...

Какъ ни слаба моя рука,

Хоть я, поэтъ, по-вашему и диллѣй,

Но, въ силахъ дать и самъ идеалъ!

ТУРУСОВА, Евгений.

Ого! какъ нашъ поэтъ задѣлъ красавца!

КРАСНОЩЕКОВЪ, ПОДХОДЯ КЪ ЗВѢЗДИННУ, СЪ
УГРОЗОЮ. ВПОЛГОЛОСА.

Вы забываетесь! любезнѣйшій поэтъ!...

ЗВѢЗДИННЪ.

Нисколько! я хочу душенпродавца,
Губителя невѣсть, повыващить на свѣтъ!

КРАСНОЩЕКОВЪ, СХВАТИВЪ ЕГО ЗА РУКУ, ЗА-
ДЫХАЮЩИМЯ ГОЛОСОМЪ.

Молчите! а не-то, забывъ приличье, съ вами...

ЗВѢЗДИННЪ.

Не горячитесь! мы здѣсь между друзьями...

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Молчите-же!! не-то...

ЗВѢЗДИННЪ.

Ну что-же, мой герой?..

Говорять между собою тихо.

ГЛИНСКІЙ, ТИХО ЕВГЕНИИ.

И это женихи! Создатель мой!

Чѣмъ вамъ-бы лишь служить, и вами заниматься,
Они здѣсь хвастаютъ, и рады хоть подраться!

ОЗЕРСКАЯ, ТИХО.

Да; не по мнѣ они... я не хочу быть тутъ!

Скажите мнѣ, когда они уйдутъ;

А мнѣ вы скажете, что я не такъ здорова.

Уйдемте, тетушка...

ТУРУСОВА.

Да какъ-же?...

ОЗЕРСКАЯ.

Тсъ!... ни слова!

Озерская и Турусова уходятъ на право.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢЖЕ, КРОМЪ ОЗЕРСКОЙ И ТУРУСОВОЙ.

КРАСНОЩЕКОВЪ, ПРОДОЛЖАЯ УГРОЖАТЬ ЗВѢЗ-
ДИННУ.

Да! прикусите вашъ язвительный языкъ!

Не-то, я вамъ клянусь!...

ЗВѢЗДИННЪ, ГРОМОГЛАСНО.

Молчать я не привыкъ!

Я правду говорю открыто, громко, смѣло!

ГЛИНСКІЙ, ПРО СЕБЯ СЪ ДОВОЛЬНОЮ МННОЮ.

Ага! мое все лучше, лучше дѣло!...

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Такъ вы расклетесь !...

Звѣздкинъ.

Мнѣ жизнь не дорога !

Но, я люблю ее! я ею брежу!

Уйдите сами вы ! не то, я васъ зарѣжу,
Какъ ненавистнаго злодѣя и врага !

Глинскій, также.

Прекрасно!...

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Чортъ возьми ! да онъ совсѣмъ забылся !

Обращался на-право.

Евгенія Петровна ! гдѣ-жъ она ?...

Глинскій.

Ушла-съ.... вдругъ сдѣлалась больна....

И съ тетушкой припадокъ вдругъ случился.

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Какъ жаль ! а я хотѣлъ.... (съ досадою) но, вотъ кто виноватъ !
Все этогъ, пишущій крикунъ, неосторожный....

Глинскій, тихо Краснощекову.

О, да-съ ! мальчишка преничтожный !

Подходя къ Звѣздкину, вслухъ.

Зачѣмъ шумѣть ? ай ! ай !...

Звѣздкинъ, вполголоса.

Зачѣмъ, чтобъ этотъ фатъ

Не смѣлъ осмѣивать мой умъ, и дарованье !

Глинскій, тихо Звѣздкину.

Да ! преничтожное созданье!

КРАСНОЩЕКОВЪ, подходя къ Звѣздкину.

О ! послѣ этого, за дерзкое вранье,

За ваши глупости, я съ вами рассчитаюсь !

Глинскому.

Скажите ей, что навѣстить ее

Я непременно нынче постараюсь.

Звѣздкину съ дерзостью.

Гдѣ вы живете ? а ?

Звѣздкинъ, отдавая ему карточку.

Вотъ адресъ....

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Я возьму,

И буду къ вамъ по-утру непременно !

О! вы расклетесь! я такъ вамъ ротъ зашму,
Что уничтожу совершенно!

Уходитъ.

звѣздкинъ, вслѣдъ ему.

Ничтожный франтъ! о, да! я буду ждать!

Обращаясь къ Глинскому, самодовольно.

Что? хорошо?...

ГЛИНСКІЙ.

Ну! нечего сказать!

Позвольте, я васъ расцѣлюю!...

звѣздкинъ.

Благодарю.... чрезъ часъ, я навѣщу больную.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

глинскій одинъ, глядя вслѣдъ Звѣздкину,
качаетъ головою, и пренебрегаетъ
съ глубокою досадою.

Глупцы! глупцы! Ужель придете вновъ?
Не грѣхъ-ли вамъ, мою-то портить кровь?
Я больше всѣхъ васъ мучусь и страдаю!

Сильнѣй васъ всѣхъ ее люблю!...

А между-тѣмъ молчу, и ожидаю....

съ глубокимъ чувствомъ.

И часто, даже плачу!... а терплю!

Какъ быть! я видѣлъ ужъ примѣры,

Что здѣсь невыгодны насильственные мѣры!...

Да, Левъ Иванычъ! погоди....

Побудь пока, бѣдняжка, назадъ....

А тамъ.... вѣдь есть же Богъ!... Не вѣкъ и мнѣ терзаться,
Страдать душой, молчать, и пресмыкаться....

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ГЛИНСКІЙ и ОЗЕРСКАЯ, входитъ осторожно.

ОЗЕРСКАЯ.

Что, Левъ Иванычъ? что? ушли они?

ГЛИНСКІЙ.

Ушли-съ....

ОЗЕРСКАЯ.

Поссорились ?...

ГЛИНСКИЙ.

О, Боже сохрани!

Так перессорились, что, чай, дойдеть до драки!

Я, признаюсь, не ожидаю....

Совсѣмъ забылся, такія забѣлки!

Такой скандалъ!

И пусть, полковникъ смѣлъ, хвастливъ и непокоренъ,
Ужъ избалованъ онъ, и въ грошъ не ставитъ свѣтъ.

А то, и худенькій поэтъ,

Смотрите, какъ задоренъ!

Какъ только дуракомъ его называли врагъ,

Онъ и обидѣлся сейчасъ!

ОЗЕРСКАЯ, раздумывая.

Да... оба ни въ они.... не по душѣ, признаться!

Поэтъ — нечтательнъ, разсѣянъ, золъ, смѣшонъ...

Полковникъ....

ГЛИНСКИЙ, впадая въ ея тонъ.

Лишь собой изволить заниматься....

ОЗЕРСКАЯ.

Да... и хвастунъ большой.... и, вовсе не умеешь....

ГЛИНСКИЙ.

Притомъ, онъ поступилъ съ Елецкой такъ порочно:—

Онъ съ ней былъ обрученъ!...

ОЗЕРСКАЯ.

Онъ бросить всѣхъ готовъ!

Да... да... вы правы... точно....

По моему: всѣхъ лучше.... Говорковъ!

ГЛИНСКИЙ, про себя съ сильною досадою.

Какъ! Говорковъ опять?! а я....

ОЗЕРСКАЯ.

Я васъ просила

Все разузнать объ немъ.... онъ всѣхъ милѣе мнѣ!

Ну? чтѣ-жъ узнали вы?...

ГЛИНСКИЙ, про себя,

О, дьявольская сила!

Дѣй эту нитку всю ни въ выдержать вполнѣ!...

ОЗЕРСКАЯ

Такъ объясните же, я васъ прощу безъ шутокъ....

Неправда-ль? лучше-снъ?....

ГЛАЗИНСКИЙ, приняв свой обыкновенный
ТОНЪ.

О, лучше! добрь, уменъ,
(Улыбался) А какъ своихъ малютокъ
Ежeminутно нѣжить онъ!

Какъ истинный отецъ семейства!

ОЗЕРСКАЯ, съ испугомъ.

Что такое?!...

Какихъ малютокъ?... чьихъ?...

ГЛАЗИНСКИЙ, спокойно.

Своихъ: я ихъ выдалъ....

Но что это за мальчики!... ихъ двое;
Двоихъ ему Создатель даровалъ.

ОЗЕРСКАЯ.

Такъ онъ.... женатъ?

ГЛАЗИНСКИЙ

О, нѣтъ-съ.... онъ человекъ упрямой....

ОЗЕРСКАЯ.

А!... стало быть?...

ГЛАЗИНСКИЙ.

Ну, да.... онъ бережетъ себя....

И эти дѣточки, такъ прижиты.... любя,
Съ какой-то нравственной дамой.

ОЗЕРСКАЯ.

Что слышу я! такъ.... онъ злодѣй!...

Онъ мнѣ клялся! и вдругъ.... о! это невозможно!

ГЛАЗИНСКИЙ.

Нѣтъ-съ, можно... только осторожно....

За-то, какъ любить онъ хорошенькихъ дѣтей!
Да какъ и вамъ пріятно будетъ! да-съ, ей Богу!

Одинъ еще у мамки, на груди,

А ужъ другой сталъ бѣгать понемногу,

Иль влезетъ на отца, да и кричитъ: пади!

Преннтересная семейная картина!

ОЗЕРСКАЯ, сама съ собою.

Ахъ, онъ безсовѣстный!... онъ извергъ, не мужчина!...

Онъ мнѣ божился.... онъ клялся!...

И чтожь!...

ГЛАЗИНСКИЙ.

Конечно.... ну, пускай себя, тихонько

Однимъ бы хотъ сынкомъ обзавелся,..

А то, двумя! нехорошо! многошко....

(*Про себя*) Ахъ! вотъ бѣда, теперь минуточку пропуститъ!

(*Ей, ласково*) Чтѣ съ вами сдѣлалось, Евгенія Петровна?

Въ сильномъ волненіи.

Вотъ, стульчикъ.... полноте грустить....

(*Про себя*) Творецъ!.... какъ сердце вдругъ забилось неровно....

О! вразуми меня!.... (*Ей*) Послушайте: вамъ грѣхъ,

Сердиться такъ за этотъ неуспѣхъ!...

ОЗЕРСКАЯ, въ отчаяніи.

Помилуйте! да вы не знаете, какъ страстно

Онъ увѣрялъ, что любить всей душой!

А между-тѣмъ.... нѣтъ, я рѣшительно несчастна!

глинскій, съ непритворнымъ чувствомъ.

Несчастны! вы?.. о, Боже мой!

Вы ошибаетесь! вамъ счастье такъ возможно!

Оно васъ ждетъ! оно такъ близко насъ!

Лишь только на другихъ, вы не смотрите ложно,

И вы увидите, кто вѣрно любить васъ!

Всѣ эти люди развѣ понимаютъ

Какъ надо истинно и преданно любить?

Они лишь хвастаются, и объ одномъ мечтаютъ:

Чтобъ ваше только имя имѣнье захватить!

Они, до свадьбы васъ, положивъ, превозносятъ,

Но, всѣ предатели! я понялъ ихъ тотъ-часъ!

Они оставляютъ васъ и бросаютъ!

Какъ бросилъ другихъ, моложе васъ!

Они понятія прямого не имѣютъ,

Чтѣ значитъ: женщину любимой угождать?

Какъ съ сердцемъ истиннымъ, предъ ней благоговѣютъ!

Какъ рабски надобно ее оберегать!

Лелѣять! вѣжить! дать ей волю

Всѣхъ очаровывать собой!

Всѣхъ этихъ прихотей, всѣхъ радостей на долю,

Всего, какъ надо дать ей полною рукой!

Какъ слову каждому должны повиноваться,

Отъ милой женщины, свосить капризъ и брань,

Какъ идолу, какъ чуду поклоняться!

И каждый жизни часъ, все приносить ей въ дань!

Все для жены: вся служба, честь, награда!

Все честолюбіе, всѣ блага бытія!

Вотъ нужна вамъ.... вотъ, вотъ какого надо!
И вотъ, что только могъ-бы сдѣлать.... Я!!

ОЗЕРСКАЯ, внимательно слушая его, при-
ходить въ волненіе.

Возможно-ль! вы?....

ГЛННСКІЙ.

О! было-бъ все возможно!....

Переѣнявъ тонъ, старается улыбнуться.

Но.... я, къ-несчастью.... бѣднякъ.... и сирота....

А потому, во мнѣ.... все кажется ничтожно!

И даже самая похвальная черта

Вѣкъ не замѣчена!... нѣтъ; женщины несколько

Не въ-правѣ всѣхъ насъ осуждать!

И та, которая лишь жалуется только,

Не повинная насъ,— та будетъ вѣкъ страдать!

Ей не понять души — съ чистѣйшимъ увлеченьемъ!

Вы, только осмѣять умѣете лишь насъ....

ОЗЕРСКАЯ, почтительнымъ тономъ.

Ахъ! Левъ Ивановичъ.... нѣтъ! повѣрите, я.... на васъ....

Гляжу теперь.... съ невольнымъ уваженьемъ!....

О! да.... вы стоите.... той преданной любви,

Которой, отъ другихъ, я не могла дождаться....

ГЛННСКІЙ, про себя, скрываетъ волненіе.

Ну! Господи благослови!

Теперь ужъ за нее, съумѣю я ириваться!

Ей съ упрекомъ.

Любви?... послушайте: я преданъ вамъ во всёмъ!

Къ чему-жъ, вы шутите съ несчастнымъ бѣднякомъ?

ОЗЕРСКАЯ.

Кто? я шучу? о, нѣтъ....

ГЛННСКІЙ.

А, впрочемъ, какъ хотите:

Хоть смѣйтесь надо мной, дурачьте и шутите

Отъ васъ, насмѣшка злая—въ радость мнѣ!

Такъ я освоился съ несчастьемъ.

ОЗЕРСКАЯ.

Напротивъ: я давно собираюсь съ участьемъ

Узнать подробно все: о вашей всей роднѣ,

О васъ самихъ,—мнѣ право интересно...

Я не шучу вамъ говорю.

ГЛИНСКІЙ, посмотрѣвъ на нее.

Чтобъ посмѣяться послѣ? очень дество!

Покорно васъ благодарю!...

ОЗЕРСКАЯ, нетерпѣливо.

Да гдѣ же! если я участие принимаю,

Какой-же смѣхъ? Я васъ прошу! ну... ну... сейчасъ!

Приглашая его съестъ.

ГЛИНСКІЙ.

О, ангель доброты! я такъ васъ уважаю....

Что каждый взглядъ считаю за приказъ!

Помолчавъ немного.

Да! да! я.... обреченъ къ несчастью, съ малолѣтства!

Отца, чуть помню я.... въ пятнадцатомъ году,

Онъ на войнѣ убитъ. Тутъ, вскорѣ, на бѣду,

Родные отняли у матушки наследство.

Однако же, она старалась кое-какъ,

Чтобъ хоть домашнее мнѣ дали воспитанье.

И только испытать всѣ нужды и страданье,

Она вступитъ рѣшилась въ новый бракъ;

Какой-то нашъ сосѣдъ, и также вдовый,

Взялъ васъ къ себѣ. — Увы! не въ добрый часъ!

Картежникъ! негодяй! охотникъ псовый,

(Какихъ въ провинціи довольно есть у насъ),

Чуть не забылъ меня! такъ я не полюбился....

Меня и матушку такъ вотчимъ сталъ стѣснять,

Такъ подло, звѣрски обходился,

Что мать.... тайкомъ меня не смѣла приласкать!

Бывало, съ нимъ хоть мало мы заспоримъ,

Бѣда! такъ былъ онъ золь и строгъ!

Однако-жъ, день и ночь учился я, какъ могъ....

И, наконецъ, такъ свыкся съ горемъ,

Такъ родственна мнѣ стала нищета,

Что я ни передъ кѣмъ не смѣлъ разинуть рта!

А съ смертью матушки.... еще мнѣ хуже стало!

Я безъ того куска не съѣмъ бывало,

Пока его слезами не смочу!... да! вотъ

Какъ выросъ я, какъ я терпѣлъ мученье!

Вотъ участь горькая сиротъ,

Вотъ вамъ мое происхожденье!

Помолчавъ немного, продолжаетъ.

Потомъ, кой-какъ, пріѣхалъ я сюда,

Старался кончить курсъ, и.... поступилъ на службу!

Но, сиротѣ—безъ средствъ, и тутъ бѣда!

Дѣльцы старинные мнѣ доказали дружбу:

Старался мой умъ обрѣзать такъ и сикъ,

Распорядились такъ хитро и смѣло,

Чтобъ я, почти не дѣлалъ дѣла,

Да и отъ дѣла чтобъ не бѣгалъ я никакъ.

Молчаніе.

Такъ я безъ участи слыву за несчастливца!

И такъ терплю ужъ нѣсколько годовъ,

Отъ злѣйшаго врага и сослуживца!

И этотъ врагъ....

ОЗЕРСКАЯ.

Кто? кто?...

ГЛИНСКІЙ.

Вашъ милый Говорковъ!

ОЗЕРСКАЯ.

Возможно-ль!...

ГЛИНСКІЙ.

Да! меня онъ жметъ и унижаетъ!

Вездѣ онъ по своимъ связямъ

Ежеминутно мнѣ дорогу заграждаетъ....

О! сколько я терплю?... нельзя постигнуть вамъ!

И буду все терпѣть! вѣдь Божій гнѣвъ не вѣченъ!

Пусть я теперь убить судьбой своей:

И если человѣкъ такъ сталъ безчеловѣченъ —

Что ужъ не вѣруеть въ порядочныхъ людей,

Такъ Богъ поможетъ мнѣ въ моей сиротской долѣ!

И если злые дни — плодъ добрый принесутъ,

Тогда, быть-можетъ, по-неволѣ

Мнѣ справедливость отдадутъ!

ОЗЕРСКАЯ.

Возможно ль?... какъ? что я узнала!

Какъ стыдно мнѣ! о Боже мой!

Какъ я до-сей-поры васъ худо понимала!

Какой у васъ характеръ золотой!

И вдругъ вполнѣ лишь узнаю сегодня!

О! съ-этихъ-поръ признаться ужъ не грѣхъ —

Что вы мнѣ нравитесь, ей Богу, больше всѣхъ!

ГЛИНСКІЙ, въ восторгѣ.

Я? нравлюсь вамъ?... о! благодать Господня!

ОЗЕРСКАЯ.

Въ васъ столько есть души, терпѣнья и ума,
Всего, что именно въ мужчинѣ я искала,
Чего и тетушка желала мнѣ сама,
И вдругъ! такъ близко въ васъ теперь я увидала!
Гдѣ тетушка?...

Идти на-право къ дверямъ.

глинскій, едва удерживая радость.

Возможно-ль!... о, Гворецъ!

Ужаси къ пристани притекъ я наконецъ?...

ОЗЕРСКАЯ, нетерпѣливо.

Да гдѣ-жъ вы? Анна Алексѣевна?

Скорѣй! скорѣй! подите къ намъ!...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢЖЕ и ТУРУСОВА.

ТУРУСОВА.

Что? что, мой ангелъ?...

ОЗЕРСКАЯ.

Вотъ! рекомендую вамъ....

Вотъ мой женихъ! съ которымъ я душевно
Желаю въ бракъ вступить!

И вамъ, и мнѣ, вотъ кто лишь можетъ угодить!

ТУРУСОВА.

Неужто? Левъ Иванычъ! поздравляю!

Вотъ-что! отбилъ у всѣхъ!... (Ей) и ты рѣшилась?...

ОЗЕРСКАЯ.

Да!

Онъ лучше всѣхъ, мнѣ предаць былъ всегда!

И я его за то всѣмъ, всѣмъ предпочитаю!...

глинскій, сквозь слезы.

А я... да нѣтъ! боюсь повѣрить я....

Я... самъ не свой!... я помѣшаюсь!...

О, Господи!... (Евгеніи) о, ангелъ! жизнь моя!...

Сокровище!... (хватаясь за голову) не знаю-съ....

Что это?... отчего?... и какъ?...

Неужто я... любимъ?... и съ ней вступаю въ бракъ?...

Евгенія!... (подавая стулъ теткѣ) пожалуйста садитесь....

Вамъ тяжело стоять....

Евгенія!... еще признайтесь, побожитесь, —
Что вы рѣшаетесь мнѣ вѣкъ приваждать!...

ОЗЕРСКАЯ.

Да! да! мой другъ! клянусь серьезно! передъ Богомъ!

ТУРУСОВА, съ живостью.

Ну! вотъ теперь-то, мнѣ хлопоть

Ужъ будетъ полонъ ротъ!

Все дѣлать, закупать, скакать по всѣмъ дорогамъ!

Разсказывать, приказывать вездѣ,

То — деньгами сорить! то....

ГЛЯНСКІЙ, испугавшись.

Какъ, сорить?... гдѣ? гдѣ?...

Зачѣмъ-же торжество? мнѣ страшно! лучше скромно,

Тихонько кончить все.... безъ шума, экономя....

ТУРУСОВА.

Нѣтъ, вѣтъ, мой батюшка! ужъ не мѣшайте мнѣ:

На радости такой, не до расчета!

Ты, какъ женихъ, молчи! ты въ-сторонѣ,

Ужъ обо всемъ моя теперь забота!

(Евгеніи). Не правда ль, душенька?...

ОЗЕРСКАЯ.

Конечно, я должна

Всѣмъ показать — что я щедра и не бѣдна....

Да, да, во всей красѣ теперь себя покажемъ!

ТУРУСОВА.

Ужъ именно: покажемъ и расскажем!

Ну, Говорковъ-то твой, я чай, съума сойдетъ!

А молодецъ — полковникъ, просто ахнетъ!...

ОЗЕРСКАЯ.

Да, да, я думаю!...

ТУРУСОВА.

А твой поэтъ? ужъ тотъ,

Я думаю, совсѣмъ съ отчаянья зачахнетъ!

ОЗЕРСКАЯ.

Богъ съ ними!

ГЛЯНСКІЙ.

Именно: Богъ съ ними, на-всегда!

ТУРУСОВА.

Какъ! на-всегда?

ГЛЯНСКІЙ.

А что-жь?

ТУРУСОВА.

НѢТЬ! ЧТО-ТЪ! ИНОГДА

Пусть прѣзжаютъ къ намъ; мы будемъ съ ними друзья....

ГЛИНСКІЙ.

Да что-жъ за дружество? вѣдь намъ они ненужны....

ТУРУСОВА.

НѢть, мой родной, нельзя! у насъ ужъ рѣшено
Вотъ какъ.... Евгеньюшка! пока вы не женались,

Такъ я теперь ему ужъ за одно

И объясню, какъ жить мы равьше сговорились.

(Глинскому съ важностью) Во первыхъ: надобно, чтобы ты впе-
редъ ужъ зналъ,

Что дѣль нѣтъ тебѣ — въ приходѣ и расходѣ;

А чтобы ты здѣсь вѣкъ жилъ — да поживалъ

По нашей собственной методѣ.

Глинскій, Турусовой съ удивленіемъ.

По за-шей?!...

Озѣрская, перебивая его.

Да.... любезный Левъ Ивановичъ.... я —

Хотѣла бы.... вѣдь вамъ вѣдѣнъ жизнь моя:

Я съ первымъ мужемъ все скучала,

Я мучилась, и жизни не видала....

А потому, теперь, любя васъ.... я хочу....

ТУРУСОВА.

Ну, да! угодно вамъ пожить, побеселиться!

Да ужъ повѣрьте, я, я жить васъ научу!

Я всѣхъ заставаю — вамъ дивиться!

(Глинскому строго) И потому, голубчикъ мой, смотри!

Люби жену свою, какъ хочешь съ ней красуйся,

Но, что истратишь ты, мнѣ тотчасъ говори,

И ни во что, ужъ болѣе не суйся!

Глинскій.

Какъ! ни во что?..

ТУРУСОВА.

Да, да, весь домъ,

Покупки всѣ, всѣ выдачи, расчеты,

Ужъ это не твои, а наши все заботы;

Мы на свою ответственность беремъ;

Ты никогда не долженъ тутъ мѣшаться!

Всѣмъ домомъ, я одна берусь распорядиться.

Т. ХСѪІІІ. — Отд. I.

Что нужно для тебя, спроси,
И я все дамъ тебѣ безъ замедленья ;
Но, умнчать.... у ! Боже упаси !
Иль выходить изъ должнаго почтенья, —
Бѣда твоя ! ужъ ты не нуешь намъ !

ОЗЕРСКАЯ.

Ахъ, тетушка, да онъ все знаетъ это самъ...
Онъ всё дѣла, всю власть уступить вамъ охотно !
Не правда-ли, мой другъ ?..

ГЛИНСКІЙ, про себя.

Меня прижали плотно !
Но, такъ и быть, пока.... (имѣ объимъ) помилуйте, я радъ !
Мое-ли дѣло тутъ входить въ распоряженъе ?
Зачѣмъ ? лишъ-бы жену мою, мой кладъ
Лелѣять ! вотъ мое прямое назначенъе !
А прочее... какъ вы хотите тамъ !
Хоть въ-пятеро еще расходовъ вы прибавьте !
Хоть весь нашъ домъ вверхъ дномъ поставьте !
Помилуйте ; какое дѣло намъ ?

ОЗЕРСКАЯ.

Конечно. Лишь-бы мы такъ жили, какъ хотѣли...

ГЛИНСКІЙ, подражая ей.

Ну, да !.. а деньги всё... что деньги ? соръ земной !

ОЗЕРСКАЯ.

Притомъ же, въ жизни вы... ужъ столько претерпѣли !...

ГЛИНСКІЙ, перебивая.

Что эта жизнь мнѣ рай ? конечно, ангелъ мой !
Блаженство сущее ! кто-жъ будетъ недоволенъ ?
Свободно вы жизнь будете вести,

И я отъ всякихъ дѣлъ уволенъ !
А тамъ что ?.. да по мнѣ трава хоть не расти !
На все согласенъ я ! на все, что вамъ угодно !

ОЗЕРСКАЯ, съ восхищеніемъ.

Вотъ, тетушка, вотъ мужъ !

ТУРУСОВА.

Да ! судить превосходно !
Позволь, себя, мой другъ, облобызать !.. (цѣлуетъ его.)
Ты... чудо-человѣкъ ! ты ей и мнѣ находка !..

ГЛЕНСКИЙ.

А вы... о, Господи! не женщина! не тетя!...
Нѣтъ! вы какая-то... да просто, благодать!

Ну, что бы мы безъ васъ? ну, гдѣ намъ! знаемъ что мы?

Я съ деньгами былъ вѣчно не знакомъ!

Мы прожили-бы все какъ пустодомы!

Нѣтъ! мы безъ васъ, погибнемъ! пропадемъ!

А вы все знаете устроить такъ искусно:

Что намъ-то хорошо, — и вамъ-то будетъ вкусно!

(Евгени) Не правда-ли?

ОЗЕРСКАЯ.

О, да!..

ТУРУСОВА.

Да! да!

ГЛЕНСКИЙ.

Да! да!

(Тетка) Я вѣчно вашъ! (Евгени) и вашъ отнынь навсегда!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢЖЕ и ИВАНЪ.

Иванъ, громко.

Полковникъ прискакалъ и видѣть васъ желаетъ!

ВЪСЪ.

Полковникъ!..

ИВАНЪ.

Да-съ; и не одинъ.

ОЗЕРСКАЯ.

И Говорковъ?

ИВАНЪ.

Нѣтъ-съ; съ нимъ тотъ блѣдный господинъ,

Который... сочиняетъ.

ГЛЕНСКИЙ.

А! значитъ, ссоры нѣтъ...

ОЗЕРСКАЯ.

Ну, что жъ? принять?

ГЛЕНСКІЙ.

Ахъ нѣтъ, Евгенія, ведите откажи!
Они все наше стѣніе раскромты!

ТУРУСОВА.

Да чѣмъ же?..

ГЛЕНСКІЙ.

Станутъ намъ мѣшать,
Начнутъ меня бранить, и васъ беспокоить!..
Пожалуйста! откажемъ имъ!
А лучше прямо ихъ на свадьбу пригласимъ...

ОЗЕРСКАЯ.

Да, тетушка, и въ самомъ-дѣлѣ,
До свадьбы точно, я ихъ видѣть не должна...

ТУРУСОВА.

Ну, хорошо.

ОЗЕРСКАЯ, Ивану.

Скажи: что я больна,
Что я лежу въ постелѣ.

Ступай!

Иванъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢЖЕ, кромя ИВАНА.

ГЛЕНСКІЙ; цѣмля руку.

Благодарю! вотъ такъ! обомъхъ вонъ!

ТУРУСОВА.

Однако, послѣ ты будь ласковъ и умнѣ:
Старайся съ ними вѣкъ поддерживать знакомство!

ГЛЕНСКІЙ.

Поддерживать? ну, да! тамъ, послѣ... послѣ.... я....

ОЗЕРСКАЯ, ласково.

И Говоркову... все простите вѣроломство!..

ГЛЕНСКІЙ.

Простить?!

ОЗЕРСКАЯ, еще ласковѣ.

Да... для меня....

ГЛИНСКИЙ

Милый, душа моя!

И точно: быть такой красавицы супругомъ,
И вдругъ не угождать? не помириться съ другомъ?
(Который хоть меня чуть-чуть не задавилъ!)
Но, Богъ съ нимъ! для тебя, я всемъ врагамъ простить!

ОЗЕРСКАЯ.

Ахъ! какъ ты добръ!

ГЛИНСКИЙ.

О, нѣтъ! что это! погодите-съ:

Вы, послѣ, добротѣ моей не надвиньтесь!

А это—ничего!

Показывая на сердце.

Что я вотъ здѣсь дошу! что я лелѣю!...

Теперь вамъ высказать не въ силахъ! не умѣю!

Но вы узнаете, что я за существо!

ОБЪ.

Мы вѣрны! впрочемъ!...

ГЛИНСКИЙ.

Да! ужъ мнѣ повѣрить можно!

Я столько испыталъ, что вижу все какъ должно.

ТУРУСОВА.

Такъ дѣло кончено (переходя къ Евгению) Пойдемъ-же хлопотать,

Придумывать, записывать, считать....

На славу я хочу распорядиться!

Такъ ты сегодня мнѣ побольше денегъ дай,

А завтра, я съ утра поѣду суетаться....

ОЗЕРСКАЯ.

Берите, сколько вамъ угодно!...

ГЛИНСКИЙ, про себя.

Ай! ай! ай!...

(Теперь) И я бы вамъ помочь....

ТУРУСОВА.

Э! гдѣ тебѣ! куда ты!

Тутъ столько будетъ всякой разной траты,

Что ты и не сведешь концовъ!

(Евгению). Пойдемъ!... простись же съ нимъ, да погѣнѣй, ша-
лунья...

ОЗЕРСКАЯ, подавая руку Глинскому,
съ чувствомъ.

До завтра! да?...

ГЛИНСКІЙ, цѣлуя ей руку.
 О, да! приду съ семи часовъ!...

объ уходить.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ГЛИНСКІЙ, одинъ.

Она мол!... а ты! ты старая модунья,
 Постой.... теперь, я такъ и быть, молчу....
 Но, послѣ ... я тебя скручу!...
 За грѣшныя дѣла, совѣты, злую волю,
 Тебя, и многихъ здѣсь, по своему прощкою!!
 Уходить.

И. ГРИГОРЬЕВЪ.

ЗАМОСКОВНАЯ ЛѢТОПИСЬ

О НАШИХЪ ЖЕНСКИХЪ ДѢЛАХЪ И О ДРУГИХЪ.

=

КНИГИ ВТОРЫЯ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

I.

— Дуняша!

— Чего изволите?

— Не приходилъ ли почталіонъ?... писемъ не принесъ ли?....

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Это удивительно! Можно ли, чтобы почта не приходила еще!.... а письмо должно быть непременно!.... Велика Андрею опять сходить и узнать.... да толкомъ....

— Слушаю-съ.

— Пстой! если почта пришла, да еще не разобрали, пусть онъ дождется, и, если есть письмо на мое имя, пусть принесетъ сюда поскорѣе.

Та, которая отдала это приказаніе, очевидно ожидала чего-то чрезвычайнаго важнаго: на лицѣ ея и во всѣхъ движеніяхъ выразились нетерпѣніе и беспокойство. Она, нѣсколько разъ,

то откладывала въ-сторону свое вязаніе , то снова за него принималась ; вставала, ходила по комнатѣ , смотрѣла на часы, выглядывала въ окно; но время шло, а посланный не возвращался. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, старушка, — это была старушка, хотя лѣта ея не превышали того возрасту, когда бѣльшая часть женщинъ еще не думаютъ отказываться отъ желанія нравиться, а у почтенной дамы сохранилось еще многое, чему могли бы позавидовать и вовсе не почтенныя, — словомъ сказать, старушка, потому-что нельзя же было не назвать ея старушкой и по одеждѣ и по манерамъ, которыя ясно показывали отсутствіе всякой претензіи на молодость и красоту; и такъ старушка взялась уже за колокольчикъ, потерявъ терпѣніе, какъ-вдругъ стукъ растворившейся двери заставилъ ее живо обернуться.

— Чтѣ? письмо? вскричала она, бросившись на встрѣчу вошедшему. Ахъ! это вы, Петръ Петровичъ! сказала она потому, увидѣвъ, что вошелъ не тотъ, кого ожидала.

— Вы ждете письма, Настасья Аванасьевна? спросилъ гость, безъ церемоніи усаживаясь на диванъ. Откого?

— Хорошъ вопросъ! Разумѣется, отъ Фелицы! Будто вы не знаете, что я не имѣю извѣстія до-сихъ-поръ!.... Да говорите же скорѣе!.... вы получили?.... чтѣ пишетъ вамъ племянникъ?....

— Нѣтъ, я не получалъ ничего, и нарочно пришелъ узнать отъ васъ, чтѣ дѣлается тамъ съ ними....

— А я почему знаю! Ни строчки не пишетъ! ни одной строчки!.... Каково!.... Вѣдь можно съ ума сойти, Петръ Петровичъ!.... говорила Настасья Аванасьевна, съ отчаяніемъ опускаясь на диванъ.

— И! полноте! Какъ вамъ не стыдно тревожиться изъ пустяковъ!....

— Это по вашему пустяки?.... Да чтѣ и говорить съ вами!.... Хоть весь свѣтъ перевернись вверхъ дномъ, хоть цѣлый домъ обрушится вамъ на голову, вы и то не тронетесь съ мѣста.... Не всѣ же созданы такими хладнокровными, Петръ Петровичъ! У меня, слава Богу, не желѣзное сердце, я не умѣю быть безчувственной, не могу оставаться спокойной, когда, можетъ-быть, Фелица....

— Просто завеселилась; танцуетъ, гуляетъ, забавляется, и не пишетъ, потому-что у ней не остается ни одной свободной минуты.

— Нѣтъ, нѣтъ, Фелица не такова!.... она не забудетъ

своей старухи-тетки. Развѣ не знаете, какъ она меня любить?... Нѣтъ, это не даромъ! Впередъ никогда не отпущу ея безъ себя! Въ дорогѣ мало ли что можетъ случиться! Дошадн испугалась, понесли; карета опрокинулась; Фелица сломала руку или ногу и лежитъ теперь въ какой-нибудь деревушкѣ, гдѣ доктора не отыщешь за сто верстъ кругомъ. И къ чему мнѣ было отпускать ее безъ себя!.... А все вы! пристади къ горлу.... отпустите! отпустите!.... Правда, что отказать—то было трудно.... Варвара Михайловна такъ просила! Фелицѣ такъ хотѣлось! въ эти лѣта невозможно лишать ея удовольствій.... да еще какихъ! Случай такой — рѣдкость. Не оставаться же ей скучать затѣмъ, что неспособныя дѣла удерживаютъ меня въ этомъ гадкомъ городишкѣ.

— Сломать руку или ногу не помѣшало бы ей и ваше присутствіе, Настасья Аванасьевна....

— Оно такъ! да все же я была бы съ нею.

— Ну, что жъ изъ этого? Ни руки, ни ноги вправить вы бы не могли.... боль не уменьшилась бы отъ вашего плачу. Да что за пустяки такіе! вы забываете, что Клорина поѣхала съ нею и, вѣрно, если бы что случилось, тотчасъ бы увѣдомила васъ....

— Да, да, точно! Клорина извѣстила бы меня; я могу быть спокойна.... Однако письма—то все-таки нѣтъ, Петръ Петровичъ!

— Ахъ, Боже мой! да имѣйте же терпѣніе, милая Настасья Аванасьевна! Подумаешь, что Фелица Богъ знаетъ куда заѣхала!... Кто повѣритъ, что вся эта тревога оттого, что семнадцатилѣтняя дѣвушка не пишетъ изъ деревни, которая только въ двухъ-стахъ верстахъ отсюда! Вы не хотите взять въ соображеніе, что она уѣхала туда веселиться, стало-быть не мудрено имѣть ей мало свободнаго времени; а въ добавокъ она влюблена; изъ чего и слѣдуетъ очень натурально, что она не думаетъ о другихъ, какъ—скоро возлюбленный находится тутъ же. Перестаньте мучить себя по-пустому, и поговоримте лучше о дѣлахъ.... Что? вы никакъ не думаете ускорить свадьбу?

— Вотъ? опять за свое! Что вы это, Петръ Петровичъ?... Сначала согласились со мною, положили вмѣстѣ отложить на годъ, а теперь то и дѣло пристааете....

— Я согласился, потому-что вы непременно такъ хотѣли; а признаюсь, мнѣ жалъ бѣдныхъ дѣтей: зачѣмъ отклады-

вать вхъ счастье? зачѣмъ отнимать у нихъ одинъ лишній день блаженства?....

— Господи! что это съ вами сдѣлалось?... холодный Петръ Петровичъ разжалобился!.... Давно ли вы стали такъ со-страдательны?

— Съ-тѣхъ-поръ какъ испыталъ, чего можетъ лишить отсрочка....

Вѣроятно Настасья Аванасьевна поняла смыслъ этихъ словъ, она задумалась на минуту, потомъ отвѣчала тихо:

— Теперешній случай не имѣетъ ничего общаго....

— По-крайней-мѣрѣ я надѣюсь....

— Такъ объ чемъ же толковать? я, кажется, объяснила вамъ мои резоны. Скажите, пожалуйста, к чему мнѣ спѣшить?

— Но к чему и ждать?

— Какъ к чему? Помилуите, Петръ Петровичъ!.... оба еще такъ молоды!

— Въ годъ-то не состарѣются. Но всѣ эти проволоочки и откладки ни к чему не ведутъ, если у васъ нѣтъ чего-нибудь на умѣ.

— Какъ! что такое?

— Да такъ! почему я знаю! Можетъ-быть вы отклады-ваете съ намѣреніемъ, можетъ-быть вовсе не желаете этой свадьбы; можетъ-быть Александръ вамъ не нравится....

— Что вы! что вы!.... вы, просто, съ ума сходите! Я ли не хочу выдать Фелицы за Александра?.... Какъ могутъ такія мысли приходиться вамъ въ голову!... Будто вы не знаете какъ я люблю вашего племянника! Не говорю уже о томъ, что онъ мнѣ дорогъ какъ пріемный сынъ вашъ. Во всѣхъ отношеніяхъ я не могу желать лучшаго жениха для моей Фелицы.

— Такъ объясните же мнѣ ваше упорство, котораго я, право, не понимаю. Вамъ этотъ бракъ по-сердцу; молодые люди безъ ума другъ отъ друга: зачѣмъ же дѣло стало?

Настасья Аванасьевна не отвѣчала; она услышала голосъ Андрея въ передней и мигомъ была уже за дверьми.

— Есть письмо?.... такъ давай скорѣе! закричала она вошедшему въ залу старику, лакею.

— Какъ же! есть! да еще не одно, а два.... почтмейстеръ приказалъ вамъ кланяться.... вотъ здѣсь у меня въ карма-нѣ, чтобы не потерять, матушка Настасья Аванасьевна.

— Ахъ, Боже мой! давай скорѣе! и Настасья Афанасьевна выхватила у него письма съ нетерпѣнiемъ.

— Петръ Петровичъ! письмо отъ Фелицы! кричала она, бросаясь въ гостиную.

Кинувъ безъ вниманiя другое письмо на столъ, она торопливо подала Петру Петровичу кувертъ, надписанный дорогимъ почеркомъ. Онъ тотчасъ же сорвалъ печать и началъ читать вслухъ:

— «Ахъ, милая тетенька, какъ мнѣ скучно здѣсь безъ васъ!....»

— Вотъ вы говорили, что она забыла меня за веселостями!

— Мнѣ! Скучно у Головыхъ... вмѣстѣ съ Александромъ... странно!

— Ну, пожалуйста, безъ замѣчанiй! Поскорѣе, сдѣлайте одолженiе!

Петръ Петровичъ продолжалъ:

«Никогда не прощу себѣ, что согласилась на предложенiе «Варвары Михайловны. Вы не повѣрите, какая нестерпимая тоска въ ихъ смертельно скучномъ обществѣ. Несмотря на «безпрерывныя празднества, танцы, гулянья, катанья, я «умираю отъ скуки. Можетъ ли быть весело тамъ, гдѣ всѣ «думаютъ и мечтаютъ только объ одной особѣ, когда уси- «лiя, заботы и старанiя всѣхъ и каждаго устремлены толь- «ко на то, чтобы угождать и глядѣть въ глаза этой осо- «бѣ? Отъ матери до послѣдняго изъ гостей включительно, «всѣ сходятъ съ ума отъ Надежды Головой; она одна посто- «янный предметъ вниманiя и обожанiя всего общества безъ «исключенiя. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы не счи- «талъ долгомъ своимъ быть отъ нея въ восторгѣ. Пусть бы «еще она стѣдила того: а то невозможно представить себѣ ни- «чего неприятнаго, противнаго этой сухопарой, неуклюжей, «жеманной, приториой, старой дѣвушки: я бьюсь объ за- «кладъ, ей далеко за двадцать — навѣрное! Но у ней, гово- «рятъ, миллионъ: а это — рай прелестей для мужчинъ, пред- «логъ къ лести и низостямъ для женщинъ. Я знаю такихъ «молодыхъ людей, которые находятъ ее красавицей, когда, «по-идему, она чуть-чуть не уродъ. Стоить ли послѣ этого «быть похожей на человѣка! Прiѣзжайте сюда, ангелъ те-

«стенка! бросьте ваши дѣла; мнѣ ужасно грустно. Зачѣмъ, «зачѣмъ, поѣхала я сюда!

«Прощайте, цѣлую ваши ручки и жду васъ.

«Ваша Ф.»

— Только? спросила Настасья Аванасьевна, когда Петръ Петровичъ въ раздумѣ положилъ письмо на столъ.

— Только, отвѣчалъ онъ, съ недоумѣніемъ поглядывая на хозяйку.

— Странно, Петръ Петровичъ!

— Странно, Настасья Аванасьевна!

— Что-жь это значитъ?

— Я тоже не понимаю!

— Ей скучно тамъ, гдѣ безпрестанные танцы, гулянія, катанія! Похоже ли это на Фелицу!

— И ни слова объ Александрѣ!

— Ни слова о томъ, отчего она такъ долго не писала! И что за отчаянный тонъ письма!

— Неужели въ-самомъ-дѣлѣ Надежда Толова такъ дурна какъ описываетъ ее Фелица, сказалъ послѣ минутнаго размышленія, Петръ Петровичъ. Объ ней шла у насъ другая молва.

— Эхъ, Петръ Петровичъ! можно ли вѣрить молвѣ! Ужъ извѣстно, какъ вздумаютъ, такъ за-даромъ прокричатъ чудомъ не вѣсть кого. Нашъ городъ на это мастеръ. Фелицѣ я вѣрю болѣе чѣмъ всѣмъ. Она у меня не завистлива, слава Богу: да и не чему завидовать, сама хороша! А жаль мнѣ, жаль, что Надежда не удалась въ мать. Варвара-то Михайловна считалась у насъ первой красавицей, помните, Петръ Петровичъ?

— Извините, не первой, а второй! былъ кто-то еще получше ея.... помните ли, ея неразлучная подруга....

— Подnote, пожалуйста, Петръ Петровичъ! Никогда не могла я сравниться съ Варварой Михайловной....

— Подnote скромничать, Настасья Аванасьевна! Развѣ вы забыли, кто былъ первымъ украшеніемъ всѣхъ баловъ? Вспоминать, такъ вспоминать все! Помните, какъ мило танцовали вы экоеезъ?... помните, какъ бывалъ счастливъ одинокъ человекъ, когда вы дарили его одною изъ вашихъ чудесныхъ улыбокъ и какъ, послѣ того, вы же сдѣлали его несчастнѣйшимъ изъ людей?...

— К чему говорить о томъ, что произошло, Петръ Петро-

жить?... минувшаго не воротить; я была тогда молода, неопытна.... вы же вѣдь горевали недолго?...

— Потому-что и не стоило изнывать отъ горя. Вы вышли за другаго! Конечно, на это была воля покойнаго отца вашего; я знаю, онъ шутить не любилъ, и это его вина, что я былъ обманутъ такимъ жестокииъ образомъ; я васъ не виню, вамъ не легко было справиться съ желѣзною волей старика; вы были почти ребенокъ; въ шестнадцать лѣтъ трудно имѣть столько твердости характера, чтобы наперекоръ всѣмъ обстоятельствамъ остаться вѣрно любимому человѣку и не порхнуть птичкой за нелюбимаго — Клариссы Гарло рѣдки.... Этого еще мало, что вы вышли за-мужъ: ютъ что хуже всего охолодило меня, Настасья Аванасьевна: вы такъ скоро утѣшились!... Я, по глупости, воображалъ, что меня любятъ искренно; гляжу! тотчасъ послѣ свадьбы вы уже безъ ума отъ мужа. Нѣтъ, слуга покорный! съ чего же мнѣ-то умирать отъ любви....

— Вотъ прекрасно! такъ по вашему, я не должна была любить мужа, который обожалъ меня, глядѣлъ мнѣ въ глаза, предупреждалъ мои малѣйшія желанія, и въ добавокъ былъ добрейшій, благороднѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ?... Какъ это можно! какая ужасъ! не любить мужа!... Развѣ это не долгъ?... по неволѣ, а любить надо!... Конечно, не хорошо, да въ слово, потомъ отказать .. но, вы сами знаете, такъ было угодно батюшкѣ, и я была такъ молода. Ужъ если на то пошло, такъ скажу вамъ откровенно, зачѣмъ я не хочу спѣшить свадьбою Фелицы. Она тоже почти ребенокъ: пусть еще время удостовѣритъ, точно ли, искренно ли она привязана къ *нему*. Иногда, знаете, думаешь сама, что влюблена, а потомъ.... потомъ оказывается совсѣмъ другое. Вотъ мнѣ казалось, что я влюблена въ васъ.... да еще какъ, до безумія!... а послѣ вышло, что я любила не васъ, а мужа. Почему знать! можетъ, вышедши за васъ, я не была бы такъ счастлива какъ съ покойнымъ Степаномъ Кондратьевичемъ, ве во гнѣвъ вамъ будь сказано, Петръ Петровичъ!

— Не извольте беспокоиться! Я ни сколько не въ претензіи. Я, кажется, доказалъ вамъ постоянной дружбой, что въ душѣ не сохранилось непріязненнаго чувства, и, если напомнилъ о быломъ, то, право, не затѣмъ, чтобы сдѣлать вамъ упрекъ, немножко поздній, и вовсе неумѣстный, послѣ нашей пятнадцатилѣтней дружбы.

— А у меня изъ ума не выходитъ Фелица, Петръ Петро-

вичъ, сказала послѣ минутнаго молчанія Настасья Аванасьевна. Какъ хотите, это что-то ненатурально!...

— Всеконечно Настасья Аванасьевна, совершенно не натурально.... Но вотъ этимъ, можетъ-быть, объяснится что-нибудь, примолвилъ Петръ Петровичъ, взявъ со стола письмо, забытое тамъ въ жару разговора. — Вы до-сихъ-поръ и не подумали распечатать.... хорошо, что я нечаянно взглянулъ и увидалъ почеркъ Александра. Прочтите-ка, что онъ пишетъ.

— Скажите! я заговорила и совѣтъ забыла.... Все равно, читайте сами.... Да скорѣе же, Петръ Петровичъ! какой вы несносный!... такъ ли вы были неторопливы, когда за мной ухаживали?

— Позвольте, сударыня.... вы тоже не были такъ сердиты....

« Добрая, несравненная тетушка! Какъ жаль, что вы не
« могли поѣхать къ Толовымъ! какъ пріятно провели бы вы
« время въ кругу такихъ милыхъ и любезныхъ женщинъ,
« какъ Варвара Михайловна и прелестная дочь ея. Варвара
« Михайловна безпрестанно о васъ вспоминаетъ. Она гово-
« ритъ, что и теперъ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, она
« любитъ васъ какъ лучшаго друга своей молодости. Она
« чрезвычайно желаетъ, чтобы ваши дѣла позволили вамъ
« пріѣхать къ ней въ деревню поскорѣе. Я останусь здѣсь
« можетъ-быть долѣе, нежели какъ предполагалъ сначала.
« Варвара Михайловна непремѣнно хочетъ удержатъ своихъ
« гостей до поздней осени, а я лучше и не желаю. Не
« помню, чтобы когда-нибудь проводилъ я время такъ ве-
« село, такъ пріятно. Здѣсь каждый день — новая забава,
« новое удовольствіе. Толова — гостепріимная и радушная
« хозяйка; любитъ жить открыто. Къ ней собирается от-
« борнѣйшее общество нашей губерніи; и какъ деревня ея
« только въ двѣнадцати верстахъ отъ города, то вся город-
« ская аристократія обрадована пріѣздомъ богатой, свѣт-
« скій сосѣдки съ дочерью красавицей, и домъ Толовой съ
« утра до вечера наполненъ гостями. Помните ли, какъ за-
« пущено было Утѣшино послѣ смерти покойнаго брата Вар-
« вары Михайловны? Теперъ его не узнать. Все отдѣлано
« заново. Можете же себѣ представить, какъ весело летитъ
« время среди шумнаго общества въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все
« прелестъ, все очарованіе, начиная съ дочери самой хозяй-

«ки. Я сказалъ уже вамъ, что никогда и нигдѣ не было
«мнѣ такъ пріятно, какъ у Толовыхъ, а теперь прибавлю,
«что никогда не видалъ молодой особы очаровательнѣе На-
«дежды Толовой. Не знаешь чему болѣе удивляться, рѣд-
«кой ли красотѣ ея лица или несказанной привлекатель-
«ности обращенія. Ея восхитительная любезность, ея умъ,
«образованность, ставятъ ее гораздо выше всѣхъ мнѣ извѣст-
«ныхъ молодыхъ дѣвушекъ. Въ этой плѣнительной бесѣ-
«дѣ съ нею часы становятся минутами, и я совершенно очаро-
«рованъ Надеждою. Просто, чудо, тетушка!... увѣрю
«васъ.

«Прощайте, дорогая тетушка, кланяйтесь дялюшкѣ, и
«скажите, что я буду писать къ нему на дняхъ.

«Вашъ А».

— Часъ отъ часу не легче! сказала со вздохомъ Настасья
Аванасьевна, когда Петръ Петровичъ пересталъ читать.
Чѣ за безтолковщина! Одна пишетъ одно, а другой—дру-
гое....

— Это очень понятно, замѣтилъ сквозь зубы Петръ Пе-
тровичъ: наши влюбленные поссорились.

— Поссорились! вскричала Настасья Аванасьевна, вспле-
снувъ руками. Фелица поссорилась съ Александромъ!...
быть не можетъ!... зачѣмъ ссориться?... измѣнить.... дѣло
другое; но ссориться.... какая глупость! Развѣ мы съ вами
ссорились.

— Всеконечно, нѣтъ, Настасья Аванасьевна. Но не всѣ
же такъ умны какъ вы. Неужели вы еще сомнѣваетесь? Сравните
оба письма! Отчего ни тотъ ни другая не закнулись ни слова
другъ о другѣ, когда до-сихъ-поръ онъ только бредилъ Фелицей,
а она Александромъ?... Отчего она скучаетъ у Толовыхъ,
когда до смерти любитъ танцовать и веселиться?... Отчего
ей черезъ-чуръ скучно, ему черезъ-чуръ весело?... Съ чѣмъ
это сообразно: она находитъ Толову уродомъ, онъ красавицей?
... Повѣрьте, въ ихъ письмахъ нѣтъ ни слова правды,
грусть одной, веселость другаго, эти чрезмѣрные хвалы,
эти безпредѣльные похвалы, все преувеличенія. Дѣло ясно:
они написали всю эту галиматью на-зло одинъ другому.

Настасья Аванасьевна, то блѣднѣла, то краснѣла. Она
любила Фелицу выше всего на свѣтѣ и душевно желала выдать
ее за племянника Петра Петровича, своего вѣрнаго и пре-

даннаго друга, какъ это и доказывается несомнительно тѣмъ, что она откладывала безпрестанно бракъ ихъ, крайне желанный Петру Петровичу, чтобы сказаннаго вѣрнаго и преданнаго друга помучить нежножко, по законамъ женской дружбы.

Послѣ десятилѣтняго супружества, потерявъ мужа, котораго выучилась обожать противъ своего желанія, Настасья Аванасьевна Врокина едва не лишилась ума отъ горести, и вдругъ, въ первый мѣсяцъ вдовства, ее постигло новое несчастіе, смерть нѣжно любимаго брата.

У Настасьи Аванасьевны не было дѣтей. Съ кончиною мужа и брата у ней не осталось ни одного близкаго и дорогаго существа; никого, кромя двухъ-лѣтней дочери брата, которой передъ смертью препоручилъ ей единственное дитя свое, еще при жизни лишившеся матерн. Настасья Аванасьевна, благодаря великой горести своей, привязалась всѣмъ сердцемъ къ этой малюткѣ, сосредоточила въ Фелицѣ одной всѣ свои радости и всѣ надежды и, еще молодая, прекрасная собою, отказалась отъ свѣта и посвятила жизнь племянницѣ.

Петръ Петровичъ Хилковскій, напротивъ, по флегмѣ своей первый философъ нашей губерніи и по минувшей молодости прежній обожатель и женихъ ея, не далъ убить себя грусти. Онъ былъ другомъ ея покойнаго брата и выбранъ имъ въ опекуны дочери. Внезапная любовь Настасьи Аванасьевны къ мужу нѣкогда удивила его, но съ ума не свела: очень скоро въ сердцѣ его не оставалось глубокихъ слѣдовъ страсти, которая никогда не была сильна до того, чтобы продолжаться безъ надежды на взаимность. Настасья Аванасьевна, съ своей стороны, послѣ второй любви къ мужу, едва сохраняла слабое воспоминаніе о первой любви къ обожателю, любви самой непрочною, несмотря на ея громкую славу. Когда попеченіе о сиротѣ, дочери чело-вѣка, равно любимаго обоими, снова сблизило прежнихъ любовниковъ, они не только не упомянули о прошломъ, но даже какъ-будто совсѣмъ забыли о своихъ древнихъ отношеніяхъ. За то прочная, искренняя дружба учредилась безшолвно между ними. Настасья Аванасьевна была несчастна, одинока; мужъ оставилъ ей много запутанныхъ тяжбъ, и добрый Петръ Петровичъ, въ душѣ котораго, какъ обыкновенно въ мужской душѣ, все-таки не изглаживалось участіе къ жепщинѣ, нѣкогда возлюбленной, помогалъ ей и сло-

вомъ и дѣломъ. Мужчины вообще не умѣютъ забывать прежнее совершенно: такая иногда скука!... а иногда это и очень удобно. Вотъ и она, наприимѣръ, чувствуя себя не совсѣмъ правою передъ нимъ, теперь съ признательностью принимала его преданность. Дружескія сношенія ихъ скоро превратились въ тѣсную взаимную привычку. Настасья Аванасьевна мало-по-малу приучилась разсуждать умомъ и мыслить мыслями Петра Петровича, браня его, упрямясь, вора и мучая всячески, по мѣрѣ силъ и возможности: на то дружба!... Что бы ни случилось, по дѣламъ ли или по хозяйству, Петръ Петровичъ долженъ былъ переспорить ее и рѣшить все окончательно. Настасья Аванасьевна иначе не умѣла жить.

Сначала, разумѣется, о возстановленіи взаимныхъ отношеній между прежней невѣстою и прежнимъ женихомъ толковали разнo и много сосѣди по деревнѣ. Но всему на свѣтѣ есть конецъ, даже сплетнямъ. Натолковались, да и перестали. Увидѣли, что бывшіе любовники только спорятъ, а не ссорятся на смерть: слѣдовательно они не любовники, а только друзья. Ничто не мѣшало имъ жениться. Они и не подумали объ этомъ: быть-можетъ потому, что нѣкогда были влюблены другъ въ друга. Сосѣды и сосѣдки удивлялись — даже инья досадовали — на худой конецъ можно было бы пошпировать на ихъ свадьбѣ, — но такъ-какъ положеніе дѣла не измѣнилось и клеветать рѣшительно было не на что, то наконецъ всѣ, еще съ большею досадою, принуждены были о дружбѣ двухъ друзей отзываться съ уваженіемъ. Друзья, съ своей стороны, приняли равнодушно и начало и прекращеніе этихъ толковъ.

Время между-тѣмъ уходило, Фелица росла. Настасья Аванасьевна стала задумываться часто, качать иногда головою и вздыхать.

— Не правда ли, мы очень счастливы, Петръ Петровичъ? сказала она однажды, глубоко вздохнувъ.

— Я такъ счастливъ, что даже и не вздыхаю, отвѣчалъ ей хладнокровный другъ.

— А жаль вѣдь будетъ потерять это счастье, Петръ Петровичъ? продолжала она, опять вздохнувъ.

— Кто же вамъ велитъ терять? не теряйте!

— Да будто это зависитъ отъ меня! мы съ вами старыи, останемся, какъ были, вмѣстѣ; а Фелицу-то мнѣ жалъ!

— А что такое съ нею?

— Теперь пока еще ничего. Но придет же время, что надо будет съ ней разстаться. Выйдетъ за-мужъ, увезутъ ее отъ насъ....

— Ну, можетъ-быть, и не увезутъ, отвѣчалъ съ улыбкой Петръ Петровичъ.

Настасья Аванасьевна вспыхнула отъ восхищенія. Въ словахъ Петра Петровича заключался для нея многозначительный намекъ. Она поняла, что ея желаніе рагдѣляетъ Петръ Петровичъ, и была въ восторгѣ. Это однако не прекратило вздоховъ, напротивъ, вздохи шли crescendo день отъ дня.

— Зачѣмъ вы такъ беспокоитесь? сказалъ однажды Петръ Петровичъ. Не бойтесь, все будетъ хорошо!

Настасья Аванасьевна прикинулась удивленной.

— Что же вы, Петръ Петровичъ?... я не понимаю васъ....

— Эхъ, полноте! Какъ вамъ не стыдно! хитрите вдумали со мной!... Будто я васъ не знаю! Вамъ хочется, чтобъ Александръ женился на Фелицѣ.... такъ или нѣтъ?...

— Да, признаюсь.... я бы не прочь....

— Зачѣмъ не говорите вы всей правды? какое тутъ не прочь.... Вамъ просто смерть хочется.... сначала вы не знали, соглашусь ли я. Отгадать не трудно было. Вы скоро успокоились на этотъ счетъ, но теперь васъ мучитъ другое опасеніе: понравятся ли они другъ другу.... признайтесь, такъ ли?...

— Ну, нечего дѣлать! Колдунъ! вы угадали.... боюсь!.. смерть боюсь!... страшно!.. ну какъ въ-самомъ-дѣлѣ они-то не согласятся!... жаль будетъ, ужасно жаль.... Чего бы лучше? и по лѣтамъ и по состоянію пара, сосѣди по деревнямъ, а главное, остались бы мы всѣ четверо вѣкъ вмѣстѣ.... вѣдь былъ бы рай!...

— И будетъ!

— Ахъ, кто можетъ это знать! Дѣло сердечное: ну, какъ не придутся по душѣ другъ другу?...

— Придутся, повѣрьте мнѣ, я знаю, что говорю....

— Ахъ, какой вы странный, Петръ Петровичъ! вотъ заладили свое! Ну, какъ вамъ можетъ быть извѣстна напередъ такая вещь!

— Миѣ извѣстна, я знаю, и утверждаю.... не спорьте только.... я докажу вамъ въ нѣсколькихъ словахъ. Ему

двадцать-четыре года, ей семнадцать, она не красавица, но чрезвычайно мила, ума у ней довольно, по образованію она въ состояніи его понять.... какъ же вы хотите, чтобы живя почти вмѣстѣ, видясь каждый день, онъ остался равнодушнѣе къ ней? Развѣ это въ порядкѣ вещей? Надо же молодому сердцу разыграться, а на кого другаго можетъ пасть выборъ его здѣсь? Въ любви все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ сближеній.... сначала онъ займется ею, можетъ-быть, такъ, отъ скуки, а тамъ ея милыя свойства довершатъ благо начатое. Вѣроятно ли, чтобы молодой человѣкъ, съ свободнымъ сердцемъ, живя въ дружеской связи съ молоденькой, прелестной, образованной дѣвушкой, устоялъ противъ искушенія, противъ прелести нечистаго духа, противъ любви!

— Ну, ужъ Богъ съ вами, Петръ Петровичъ! какъ вы можете говорить о любви, такъ просто уши вянуть. Вы говорите объ этомъ какъ о снѣ. Любовь, батюшка мой — мудреное дѣло. Если сердце не занято, оно такъ.... почти такъ. А если занято? вотъ въ чемъ и штука! Кто поручится, можетъ-быть у него, у Александра, привязанность другая на душѣ?...

— У Александра еще нѣтъ привязанности, сказалъ равнодушно Петръ Петровичъ.

— Ахъ, матушка, Петръ Петровичъ! какой вы спорщикъ!.. что вы это?... за двѣ тысячи верстъ хотите все знать! Какъ это можно! Да развѣ онъ станетъ вамъ писать?...

— Я это вижу изъ его поступковъ. Будто мудро помять! Послушайте, какія я предложилъ ему условія и какъ онъ принялъ ихъ.... Вы знаете какого мнѣнія я о помѣстьяхъ?

— То есть, на-счетъ того, что всякой помѣщикъ долженъ самъ управлять своимъ имѣніемъ. Вы на этомъ помѣшаны.

— Неможно! Вотъ я и написалъ къ нему, что представлю на выборъ: если ему нравится столица, пусть онъ остается и вступитъ тамъ въ службу; въ такомъ случаѣ послѣ моей смерти онъ получитъ капиталъ, а не деревню, потому-что я продамъ ее такому человѣку, который дастъ мнѣ слово самъ управлять имѣніемъ....

— Какъ? Вы не шути думали продать? разстаться съ Дубравой, бросить насъ?...

— И! нѣтъ! какъ это можно? Слушайте. Вотъ ка-

ковъ былъ мой планъ. Если бы Александръ не чувствовалъ себя способнымъ къ занятіямъ такого рода, если бы былъ не расположенъ по характеру или по чему другому посвятить себя сельскому хозяйству, я имѣлъ намѣреніе прискаты такого покушника для моей Дубравы, который послѣ моей смерти могъ бы замѣнить меня и продолжать все мною начатое.... Конечно, найти такого человѣка не легко, но я взялъ бы на себя трудъ поискать.... даже, скажу вамъ, у меня былъ уже на примѣтѣ....

— Кто же это, кто ?

— Саворинъ.

— Господь съ вами, Петръ Петровичъ ! такой старикъ ! Да онъ вѣдь старѣе васъ....

— Смерть лѣтъ не разбираетъ; очень легко могло бы статься, что онъ бы пережилъ меня: да притомъ вы знаете, какъ онъ вышкочилъ жену ? Послѣ его смерти она хорошо повела бы все хозяйство.... но дѣло не въ томъ. Покупщика прискивать не нужно. Александръ мнѣ отвѣчалъ, что онъ въ восторгѣ отъ моего предложенія, что вполне раздѣляетъ мои мнѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, что ему по душѣ простая, тихая, деревенская жизнь, что для него не можетъ-быть большаго наслажденія какъ посвятить себя совершенію какого-нибудь полезнаго предпріятія, а усовершенствоваться на своемъ участкѣ земли сельское хозяйство, улучшить крестьянскій бытъ, умножить и обезпечить общія выгоды владѣльца и поселянъ, кажется ему дѣломъ вполне достойнымъ трудовъ благомыслящаго гражданина. Стало-быть, у него нѣтъ ни какой привязанности въ Петербургѣ, когда онъ такъ охотно къ намъ ѣдетъ ?

— Оно такъ, конечно, но все-таки я буду спорить съ вами, Петръ Петровичъ. Эти резоны представили вы за него : а Фелица-то что скажетъ ? приглянется-ли онъ ей ?

Петръ Петровичъ разсмѣялся.

— У васъ, сказалъ онъ, страсть создавать себѣ пустыя опасенія. Ну, скажите, какъ можетъ дѣвочка; въ лѣтахъ Фелицы, не предаться всей душой тому, кто первый умно и мило заговоритъ ей о любви ? Помните, что Александръ молодъ, превосходно воспитанъ, вѣроятно не дурень собой, потому-что въ дѣтствѣ былъ похожъ на мать, что онъ образовался въ петербургскомъ университетѣ, что онъ за поясъ заткнетъ всѣхъ здѣшнихъ жениховъ, что Фелица будетъ его видѣть каждый день, что онъ станетъ ухаживать за

всю, и чтобы еще послѣ этого она не влюбилась въ него безъ памяти? Да этого умомъ человѣческимъ понять нельзя!

И все такъ случилось, какъ предсказывалъ Петръ Петровичъ. Александръ пріѣхалъ и очаровалъ всѣхъ трехъ. Дядя пришелъ въ восторгъ отъ его высокихъ агрономическихъ наклонностей: страстное рвеніе, съ которымъ онъ принялся раздѣлять его труды, улучшенія, заботы, обещаю дѣйствительно произвести новаго Тара. Фелицѣ понравилась поэтическая наружность молодого человѣка, задумчивое выраженіе лица, большіе полные неизъяснимой кротости и доброты глаза. Настасья Аванасьевна... о! она восхищалась больше всѣхъ. Вскорѣ по пріѣздѣ Александра ей не мудрено было отгадать, что дѣло пойдетъ на-ладъ; и точно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, *дети* были безъ ума, какъ полные люди. Петръ Петровичъ торжествовалъ, Настасья Аванасьевна таяла, но, къ великому удивленію ея друга и къ крайнему огорченію *дтей*, она вдругъ вздумала объявить, что свадьба отлагается на годъ. Какъ ни упрасивалъ Петръ Петровичъ, который, по воспоминанію, терпѣть не могъ отсрочекъ, она упорно стояла на своемъ. Ей хотѣлось посмотреть, не разлюбитъ ли племянница невзначай. Она опасалась дѣйствія своего вліянія на склонность Фелицы къ Александру.

Нездолго до начала этого правдиваго разсказа, Настасья Аванасьевна, по случаю какой-то старой тяжбы, пришлось уѣхать въ уѣздный городокъ К***. Петръ Петровичъ предлагалъ ей свои услуги. Она предпочла отправиться сама, потому-что чрезвычайно интересовалась этимъ процессомъ, а по нетерпѣливости характера, ей не могло быть достаточно письменныхъ увѣдомленій. Но, разумѣется, Петръ Петровичъ долженъ былъ провожать ее. Безъ его совѣтовъ, безъ споровъ съ нимъ, ей невозможно было приняться ни за какое дѣло. Они отправились втроемъ. Фелицу увезли противъ ея воли, но — дѣлать нечего — не оставаться же ей одной съ Александромъ! Онъ бы и самъ былъ не прочь поѣхать съ ними, но Настасья Аванасьевна резолюціей своей опредѣлила, что какъ помолвка еще не объявлена, то жениху не кстати таскаться за невѣстою хвостомъ.

Не успѣли пріѣхать и размѣститься по квартирамъ, Настасья Аванасьевна, у старой пріятельницы, Петръ Петро-

вичь у стараго знакомца, какъ вдругъ, въ одно утро, старушкѣ принесли съ почты письмо.

— Ахъ, Боже мой! вотъ новость! скажите пожалуйста, кто могъ ожидать! вскричала она съ радостью и изумленіемъ. Петръ Петровичъ!... а Петръ Петровичъ!... вообразите.... Голова..., Варвара Михайловна, прикатила въ наши края.

— Голова? это по какому случаю? зачѣмъ?

— А Богъ знаетъ! прочтите намъ, Петръ Петровичъ это письмо.

— Кто эта Голова? спросила Фелица.

— Голова, душа моя, была мнѣ искреннимъ другомъ лѣтъ двадцать-пять тому назадъ. Наши отцы были сосѣди по деревнямъ. Утѣшино, это ея имѣнье, помнишь, ты все жалѣла, что въ такомъ прелестномъ мѣстѣ никто не живетъ? Она тутъ росла, тутъ воспитана, можно сказать, вмѣстѣ со мною, мы видались каждый день, вмѣстѣ вступили въ свѣтъ, вмѣстѣ вышли замужъ, и вотъ теперь двадцать пять лѣтъ какъ мы разстались. Мужъ, послѣ свадьбы, тотчасъ увезъ ее. Онъ былъ богатъ, и, говорятъ, на рукахъ носилъ ее. Сначала мы переписывались, потомъ мои несчастія, ея безпрестанные переѣзды, прекратили наши сношенія. Слыхала я, что и она также овдовѣла, что дочь у ней очень мила, и что они живутъ открыто. Утѣшино досталось ей послѣ смерти брата, этому теперь лѣтъ десять. Тогда я надѣялась, что она пріѣдетъ сюда. Но нѣтъ, она все жила въ Петербургѣ, за-границу ѣздила много разъ, и не думала сюда пожаловать. Наконецъ явилась. Очень приятно будетъ увидаться съ нею.... да что же вы, Петръ Петровичъ, читайте поскорѣй!

Петръ Петровичъ сталъ читать.

« Другъ мой! что я слышу? вы здѣсь? Помните-ли вы « меня еще? Цѣлые вѣка мы не видались, но я всегда свя- « то хранила въ сердцѣ счастливыя воспоминанія о нашей « юности и нашей дружбѣ. Надѣюсь, что она не прекрати- « лась отъ времени и отъ обстоятельствъ. Я пріѣзжала, въ « Утѣшино на лѣто, и была тотчасъ у васъ. Мнѣ сказали, « что вы уѣхали по дѣламъ въ К...». Бросьте дѣла, старый « другъ мой, и пріѣзжайте къ намъ. Я хочу здѣсь повесе- « литься. Всѣ сосѣди приглашены мною въ Утѣшино, но « васъ я приглашаю первую — васъ и вашу племянницу.

« Безъ отговорокъ и отсрочекъ, милая Анастасія ! Если бы
 « вамъ не возможно было принять сейчасъ участіе въ на-
 « шихъ увеселеніяхъ, то отпустите ко мнѣ вашу прелест-
 « ную племянницу. Она будетъ ихъ украшеніемъ. Я отъ
 « всѣхъ слышу безконечныя похвалы ея уму, граціи, лю-
 « безности и превосходному воспитанію, которое вы ей да-
 « ли. Она приноситъ вамъ несказанную честь. Если бо-
 « ятесь отпустить ее одну въ дорогу, я предоставлю вамъ
 « пригласить ко мнѣ отъ моего имени кого-нибудь изъ на-
 « шихъ общихъ знакомокъ, которой бы вы могли довѣрить
 « ненаглядное дитя на время дороги; а здѣсь она будетъ
 « на моихъ рукахъ, подъ моимъ надзоромъ, при мнѣ вмѣ-
 « стѣ съ моей дочерью, пока вы сами къ намъ не пожалуе-
 « те. Но я надѣюсь, что, для старинной подруги, вы
 « отложите дѣла въ-сторону и пріѣдете поцѣловать меня
 « вмѣстѣ съ Фелицей. Говорятъ, Хилковскій — съ вами.
 « Скажите ему тысячу милыхъ вещей отъ меня. Его я такъ
 « же жду, какъ скоро дѣла позволятъ».

— Нѣтъ! ужъ какъ ей угодно, а я не намѣрена бросать
 дѣла! сказала Настасья Авапасьевна рѣшительнымъ тономъ.
 Напишу ей, что очень благодарна, а ѣхать не могу.

— Напрасно, замѣтилъ Петръ Петровичъ. Дѣло окончить
 могу я одинъ.

— Ахъ, Петръ Петровичъ! Петръ Петровичъ! ну, какъ
 вамъ не стыдно говорить такія вещи! Чтò вы можете тутъ
 сдѣлать безъ меня! гдѣ вамъ!... Да и какъ ѣхать теперь!
 не успѣла вздохнуть, измучилась въ дорогѣ, и вдругъ опять
 скакать! Конечно, пріятно было бы увидаться съ Варварой
 Михайловной: да на все есть время. Послѣ окончанія дѣла.

— Такъ Фелицу вы отпустите по-крайней-мѣрѣ?

— Какъ это? съ кѣмъ? Вы сами не знаете, чтò говорите,
 Петръ Петровичъ.... а умный человекъ!

— Нѣтъ, очень знаю.... Вотъ пригласите Клорину отъ
 имени Толовой къ ней въ деревню. Фелица поѣдетъ съ ней.
 Кажется, вы можете быть спокойны. Клорина замѣнитъ
 васъ во всемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— А я васъ прошу.

— А я васъ не слушаюсь.

— Зачѣмъ же вы заставляете бѣдное дитя изнывать здѣсь
 въ тоскѣ и скукѣ?

— Пусть приучается подь моимъ руководствомъ ходить по дѣламъ, хлопотать у судей и секретарей, писать бумаги.... ходатайствовать вовсе не скука. Вы ничего не понимаете.

— Если я ничего не понимаю, такъ прощайте. Я вамъ не нуженъ. Я уѣзжаю къ Толовой.

— Что это? что это?... Вы съ ума сошли что ли? Развѣ это дружба? Погодите! постойте....

И Настасья Аванасьевна глубоко задумалась. Она приѣтила какъ крупныя слезы катились изъ глазъ Фелицы, и когда дѣвушка уѣжала въ свою комнату вся въ слезахъ, старушка чуть не прослезилась сама.

— Ну, скажите, Петръ Петровичъ, произнесла она съ упрекомъ: зачѣмъ вы такъ настаиваете! Вскружилъ ей голову!... Вотъ какой вы!

— Потому, что я не люблю несправедливости. Ей семнадцать лѣтъ. Зачѣмъ лишать ее такого рѣдкаго случая повеселиться? У Толовой будетъ большой сѣздъ. Фелица увидитъ тамъ множество мужчинъ, сравнитъ другихъ съ Александромъ, полюбитъ болѣе или совѣмъ разлюбить. Тутъ-то вамъ и можно будетъ убѣдиться, дѣйствительна ли ея привязанность или нѣтъ.

Петръ Петровичъ говорилъ такъ долго и такъ хорошо, что наконецъ рѣшилъ дѣло. Настасья Аванасьевна не могла не согласиться. Въ добавокъ получено было еще письмо отъ Александра: онъ неотступно звалъ всѣхъ ихъ къ Толовымъ, съ которыми знакомъ былъ по Петербургу. Въ тотъ же вечеръ объявила Настасья Аванасьевна Клариной, своей хозяйкѣ, доброй и вѣрной женщиной, что Толова приглашаетъ ее къ себѣ съ Фелицей, которую довѣряютъ ей какъ драгоценность.

Кларина была въ восторгѣ и обѣщала не спускать Фелицу съ глазъ. Петръ Петровичъ торжествовалъ. Онъ надѣялся, что Настасья Аванасьевна не выдержитъ : соскучится безъ Фелицы скоро и отправится ей вслѣдъ. А это и было нужно для скорѣйшаго рѣшенія дѣла. Безъ Настасьи Аванасьевны онъ бы разомъ кончилъ тяжбу мировой.

Клариной было сказано по секрету, что Фелица невѣста Александра: слѣдовательно можно позволить ему открыто оказывать ей угожденія. И онъ благополучно уѣхали.

Продолжительное молчаніе влюбленныхъ, которое за тѣмъ послѣдовало, сильно обезпокоило Настасью Аванасьевну впоследствии. Давно жданныя два письма ужасно

напугали ее. Мысль о размолвкѣ до-того ее взволновала, что Петръ Петровичъ не зналъ какъ успокоить своего почтеннаго друга.

— Вотъ, видите! кричала она: вотъ изволите видѣть! я была права, когда не соглашалась сыграть свадьбу по-вашему, тотчасъ! Хорошъ вашъ племянничекъ, нечего сказать! Такой же безтолковый какъ вы, позвольте сказать. Ужъ если женихомъ выкидываетъ такія штуки, что-жъ будетъ, когда женится!...

— Какъ вы скоры на обвиненія, Настасья Аванасьевна! Зачѣмъ предполагать, что виноватъ Александръ?...

— Такъ кто же виноватъ?... Зачѣмъ, зачѣмъ!... развѣ вы не видите, что Фелица въ ужасномъ горѣ?... Значитъ ей измѣнили для другой... Вотъ вамъ и агрономія!... Славнымъ вещамъ выучили вы своего Александра! Ахъ! мужчины! мужчины!... Но болѣе всѣхъ виноваты вы, батюшка, Петръ Петровичъ! Вы все торопили свадьбой; и будетъ свадьба: только невѣста не та.... да еще увидимъ, останется ли женихъ въ выигрышѣ!...

— Перестаньте! какъ вамъ не стыдно дѣлать изъ мухи слона! Можно ли приписывать столько важности ссорѣ влюбленных?... Ну, что жъ! поссорились и помиряются!

— Помиряются? Кто? какъ?... да я сама не позволю Фелицѣ помириться! Ахъ, Петръ Петровичъ! состарѣлся, отецъ мой, а въ женщинахъ и до-сей-поры аза не смыслишь! Помириться!... прошу покорно!... измѣннику надо отмстить прежде....

— И, уже отмстивши, можно помириться, замѣтилъ Петръ Петровичъ съ усмѣшкой.

— Ну, да! отмстивши хорошенько.... дѣло другое, съ важностью произнесла Настасья Аванасьевна: можно простить.

— Измѣннику?

— Да, да! измѣннику! извергу!

— А измѣнницѣ?

— Это не ваше дѣло! съ живостью возразила Настасья Аванасьевна, покраснѣвъ до ушей. Что вы понимаете въ измѣнницахъ! Вамъ всѣмъ кажется, будто вамъ измѣняютъ, тогда какъ оказываютъ вамъ благодѣяніе. — Гдѣ же тутъ измѣнница? продолжала она, выхвативъ письмо, которое Хилковскій еще держалъ въ рукахъ: онъ по-уши влюбился!... извольте прочесть!... я совершенно очарованъ ею....

такъ она жила.... любезна.... хороша!... Что вы скажете на это?

— Я скажу, что мой Александръ не такой вѣтренникъ, чтобы въ три недѣли лишиться той горячей привязанности, которой онъ далъ столько доказательствъ....

— Э, батюшка! что вы говорите! что вы понимаете!... женщина помудренѣе агрономіи. Не вамъ, Петръ Петровичъ, толковать о женщинахъ. Ловкая кокетка въ три недѣли хоть кого сведетъ съ ума.... а агронома и въ три часа!

— Согласенъ, но можетъ-быть Надевка Толова ни сколько тутъ не виновата; можетъ-быть она только предлогъ, а они поссорились за другое, за какую-нибудь глупость, бездѣлицу! Лучше, подумаемъ какъ бы поскорѣе поправить дѣло. Оно немножко мудроно заочно.... особенно, когда причина неизвѣстна....

— Причина очевидна! Причина — Толова!...

— Толова только предлогъ, навѣрное....

— Причина ли, предлогъ ли, а дѣло можетъ выйти не шуточное. Я сама не своя. Сердце такъ и замираетъ. Долго ли до бѣды! Положимъ, что теперь онъ только такъ, въ сердцахъ на Фелицу, восхищается Толовой. Да если онъ нишетъ такія похвалы въ сердцахъ, стало-быть онъ въ сердцахъ и ухаживаетъ за Толовой.... на зло!... а ухаживая въ сердцахъ, долго ли влюбиться вправду?... Она этого не перенесетъ! У меня сердце обливается кровью!...

Настасья Аванасьевна заплакала.

— Что мнѣ съ вами дѣлать! Не сговоришь и не переувѣришь! Я вижу только одно средство помочь бѣдѣ: поѣзжайте сами къ Толовымъ.

— А дѣло-то?

— Да что дѣло! Дайте мнѣ довѣренность, я останусь здѣсь хлопотать за васъ.

— Э!... э!... вотъ что!... дать вамъ довѣренность!... чтобъ вы мнѣ испортили все дѣло!... за которымъ я столько хлопотала, ѣздила, просила!... У меня резолюція уже почти въ рукахъ, а вы, пожалуй, готовы тутъ безъ меня помириться. Уѣхать!... нѣтъ! слуга покорная! ужъ какъ вамъ угодно, Петръ Петровичъ, я безъ васъ не уѣду. Извольте прежде выручать насъ изъ бѣды, которую сами же наѣдали. Я тутъ ничего не могу сдѣлать. Женихи-то что секретари: съ ними надо осторожно. Извольте взять съ собою все свое хладнокровіе. Я вспыльчива, я разсержусь, мо-

жетъ-быть и еще хуже испорчу все... Конечно, жаль бросить дѣло... да счастье Фелицы, мое спокойствіе — тоже дѣло. Ахъ, бѣда, бѣда! Петръ Петровичъ, Петръ Петровичъ! вѣдъ Александръ-то знакомъ былъ съ Толковыми въ Петербургѣ: ну если онъ ужъ тамъ былъ въ нее влюбленъ!...

— Вотъ новость! — Нельзя ли придумать еще чего?...

— Да развѣ это невѣроятно?... развѣ этого не могло быть?... Вду! вду! вду!... Но вы со мной. Довѣренность я дамъ Кондукору.... такой сутяга!... ужъ околѣтетъ на гербовой бумагѣ, а не помирится! Онъ уже прежде предлагалъ свои услуги. Ступайте, ступайте къ нему; нечего терять время.

И Настасья Аванасьевна почти протолкала Хилковского въ дверь....

II.

Вечеръ. Время неподобное. На небѣ ни облачка. Заходящее солнце тихо тонетъ въ прозрачной лазури. Группы мужчинъ и женщинъ разсыпались по саду. Общество — большое и, кажется, очень оживлено.

Посмотрите пристальнѣе: вы найдете тутъ много знакомыхъ лицъ и много такихъ, съ которыми я познакомлю васъ теперь или при слѣдующихъ свиданіяхъ, а ихъ будетъ тьма тьмущая, предупреждаю васъ.

Вотъ красавица Грулева. Она все также чудно хороша, все также обворожительно прелестна, и все по прежнему величаво холодна.

А эта, въ пышномъ, кисейномъ платьѣ, вся въ лентахъ, оборкахъ, кружевахъ?... ба! да это наша прокурорша! Какой у нея странный видъ! какъ гордо повертывается она на своихъ короткихъ ножкахъ! съ какимъ чванствомъ глядитъ на всѣхъ! Тутъ что-нибудь не даромъ.... Ну, такъ и есть!

Вотъ летитъ къ ней черезъ всю аллею съ огромнѣйшимъ букетомъ, улыбаясь, изгибаясь, съ готовымъ комплиментомъ на губахъ, извѣстный москѣ Валуновъ. Онъ теперь у насъ вмѣсто Долоновскаго назначенъ стряпчимъ, и Марья Алексѣевна, какъ видно, успѣла прибрать его къ рукамъ.

А вотъ и несравненный Сергѣй Павловичъ плетется по аллѣ, раскланиваясь съ тѣмъ и съ другимъ.... Вотъ прокуроръ. Вотъ носорогъ Грулевъ. А тамъ далѣе нашъ знамени-

тый докторъ Карлъ Адамовичъ, да миленькій мой докторъ Иванъ Павловичъ.... да мало ли еще кто!

Посмотрите на этого прекраснаго, высокаго, сѣдаго старика. Какой контрастъ съ его миниатюрной, свѣженькой подругой! Она такъ молода! а онъ такъ старъ! Она такъ дѣтски весела, а онъ такъ дипломатически важенъ. Если бы ему надѣть на голову ночной бумажный колпакъ, онъ удивительно походилъ бы на одного изъ двухъ гранитныхъ сфинксовъ, двухъ символовъ мудрости, которые прежде грекались отъ египетскаго зною при Нилѣ Желтомъ, а теперь дрожать отъ русскаго холоду, при Невѣ Синей, передъ Академіей Художествъ. Это Саворинъ, богатый помѣщикъ, первый послѣ Хилковскаго агрономъ нашей губерніи. Всѣ ѣздятъ любоваться на его помѣстье, устроенное на-диво и на его жену, созданную на-славу. Несмотря на безчеловѣчную разницу въ лѣтахъ, замѣтите, съ какой нѣжностью опирается она на руку мужа, какъ весело блестятъ ея свѣтлые глаза! Это оттого.... я не скажу. К чему разбалтывать напередъ? Жизнь и дѣянія жены Саворина составятъ отдѣльную лѣтопись. Объ ней довольно на этотъ разъ.

Лучше полюбуйтесь на *совершенство*: такъ прозвали у насъ вотъ эту молодую даму, которая думаетъ только о мужѣ, дѣтяхъ, матери, отцѣ. Это идеаль, котораго напрасно вздумали бы вы достигнуть: исполнять вы можете все то же что она; распорядиться домою, воспитывать дѣтей, ухаживать за отцомъ, матерью больными, управлять за мужа всѣмъ; но у васъ не будетъ ни этого спокойнаго виду, ни постоянной любезности, которые не оставляютъ Шевровой ни на минуту посреди такого множества заботъ. Поглядите на нее вдоволь: долго не увидите вы ея; очередь лѣтописей моихъ не скоро дойдетъ до нея.

Сколько Шеврова вкушаетъ уваженія, столько негодованія, толковъ, криковъ возбуждаютъ двѣ другія особы, дама и дѣвица, вотъ тѣ, что тамъ, надувшись, съ сердцемъ разговариваютъ вдвоемъ. Какъ жаль! досада вовсе не пристала къ ихъ премиленькимъ чертамъ. Взаимная непріязнь ихъ служить поводомъ къ страшнымъ пересудамъ. Сколько анекдотовъ ходитъ у насъ объ осемнадцатилѣтней мачихѣ и шестнадцатилѣтней падчерицѣ, которыя такъ искренно ненавидятъ себя взаимно, что не только ссорятся, но чуть-чуть глазъ не царапаютъ другъ другу.... Но это, я думаю, нападки. Не станемъ вѣрить сплетнямъ. Подождемъ, че-

резь двѣ, три книги мы узнаемъ коротко и капризныхъ Бровиныхъ.

Пойдемте далѣе.... Боже мой! какое сходство! Это вѣрно двѣ сестры. Онѣ такъ похожи другъ на друга, что ихъ можно было бы принять за близнецовъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя найти болѣе разительнаго контраста. Въ выраженіи этихъ двухъ прелестныхъ фізіономій залегла такая рѣзкая черта разности характеровъ и можетъ-быть чего-нибудь другаго, что, взглядываясь въ нихъ, скоро можно замѣтить, что сходство ограничивается просто наружною формою. Обѣ сестры интересны, но въ старшей вы примете болѣе участія, когда узнаете, что она.... я опять чуть не проболталась! Надо снова просить терпѣнія. До сестеръ Крадовыхъ доберемся мы въ свое время; а теперь не угодно ли обратить вниманіе на эту остренькую брюнетку, въ движеніяхъ которой такъ много миловидности, столько простоты. Жаль однако, что она одѣта безвкусно. Кчему эта тяжелая, золотая цѣпь, эти баядерки брилліантовыя серьги. Не кстаті для деревни, и не по лѣтамъ. Какъ же она попала въ нашъ бонтонный кругъ? Очень просто. Отецъ — миллионеръ. Она у этой важной бороды единственная дочка. За ней ухаживаютъ всѣ, кто для себя, кто для племянника, для сына, для брата, но Таня Шляпова не тронулась еще никуда. Погодите; придетъ и на нее чередъ. Я никого не пропущу: нато лѣтопись! Оставимъ теперь Таюшу, и поспѣшимъ туда, гдѣ такая тѣсная толпа, гдѣ всѣ любятъ съ такимъ почтительнымъ восторгомъ.... На кого?... Закройте глаза: васъ ослѣпитъ эта лучезарная красота. Передъ ней меркнетъ даже Грулева. Это чистѣйшій типъ самаго высокаго поэтическаго прекраснаго, о какомъ Нѣмцы никогда и не мечтали въ своихъ эстетикахъ. До-сихъ-поръ этой красавицы никто не видалъ въ нашемъ городѣ. Ей только шестнадцать лѣтъ. Она еще не выѣзжаетъ; ее привезли сюда на нѣсколько часовъ по убѣдительной просьбѣ хозяйки, которая нѣкогда знала ея мать. Катя Лонова живетъ въ деревнѣ, безъ родителей, но не сиротой. Хотя матери нѣтъ уже давно на свѣтѣ, а отца она почти не видитъ никогда, ее однако же обожаютъ два преданныхъ до безконечности существа. Воспитательница ея, почтенная старушка, другъ покойной матери, и нѣкто Владимъ, помѣщикъ, богачъ, аристократъ. Онъ съ дѣтства занимается воспитаніемъ Кати, живетъ и дышетъ только для нея. У насъ идетъ молва, что нѣкогда онъ

былъ влюбленъ въ маменьку Кати, и не женился оттого, чтобы остаться вѣрнымъ памяти бѣдной Софьи, которая умерла будтобы отъ любви къ нему.... Исторія длинна, запутана и довольно замѣчательна; вы вѣрно не откажетесь выслушать ее, особенно когда узнаете, что нашъ добрый Сергѣй Павловичъ игралъ въ ней большую роль. Надѣюсь, что вы уже полюбили этого простодушнаго болтуна, который вретъ отъ полноты доброты сердечной: а знаете ли? онъ, болтунъ, Сергѣй Павловичъ, умѣетъ тоже и помолчать, когда это ужасно нужно. Видите ли какъ взволновалъ его видъ Кати. Онъ, просто, остолбенѣлъ. «Боже мой! какое сходство!» прошепталъ онъ, закрывъ глаза рукой.

Бѣдный Сергѣй Павловичъ! какая длинная грустная слеза разлилась у него подъ рукою! какая бездна воспоминаній заклокотала въ этомъ бумажномъ сердцѣ. Никто этого не знаетъ; вы одни будете знать со-временемъ. Теперь пора заняться дѣломъ, всеобщей исторіи дѣлъ Настасьи Аванасьевны, оставивъ въ покоѣ будущихъ героевъ и героинь. «Да гдѣ же герои? мы ихъ не видали?» въ правѣ сказать вы мнѣ: «все только женщины да дѣвушки!» Ахъ! и увы! что же мнѣ дѣлать, когда вся наша губернія состоитъ изъ однихъ женщинъ и дѣвушекъ! Мужчинъ у насъ нѣтъ вовсе. Есть какіе-то.... но всё, съ позволенія сказать, мужья — скука — конецъ — существа вовсе не интересныя. Надо заранѣе вамъ объявить, что героевъ придется мнѣ выписывать издалека. Что же прикажете! мы ужасно бѣдны на этотъ счетъ. Впрочемъ, если угодно, вотъ москѣ Рундовъ, молодой человѣкъ довольно замѣчательный: видъ у него благородный и пріятный, но самъ онъ портитъ свою наружность этимъ надменнымъ, насмѣшливымъ выраженіемъ лица. Съ нимъ говорить другой молодой человѣкъ, немножко грустный, немножко блѣдный, родъ уѣзднаго Вертера въ переводѣ съ нѣмецкаго. При взглядѣ на него вамъ становится жаль его. И вы навѣрное его пожалѣете, когда узнаете, какое страшное горе сразило его, годъ тому назадъ. Пока мѣсть не спрашивайте меня о Жировинѣ. Вотъ еще не худо принять въ соображеніе того молодаго человѣка, который такъ задумчиво слѣдуетъ взоромъ за двумя сестрами, выше сего изложенными. Одна изъ нихъ занимаетъ Верхову пресильно. Которая?... Этого нельзя сказать теперь.

Всѣ очень веселы, всѣ гуляютъ, со всѣхъ сторонъ слышатся говоръ, шумъ, смѣхъ. Пожилой господинъ съ умной и

открытой энциклопедией безпрестанно переходитъ изъ одной аллеи въ другую, какъ будто кого-то ищетъ. Его обступаютъ съ распросами, съ восклицаніями.

— Петръ Петровичъ! вы здѣсь! ужь воротились?... а Настасья Аванасьевна пріѣхала ли?... Ну что? какъ ваши дѣла?... Окончили благополучно?...

Но Петръ Петровичъ отрывисто отвѣчаетъ на вопросы и привѣтствія, весь занятый своими поисками.

— Не можете ли вы сказать мнѣ, Сергѣй Павловичъ, гдѣ мой племянникъ?

— Не знаю! Я самъ только сейчасъ изъ города и никого порядкомъ не разсмотрѣлъ. Ахъ! я вамъ расскажу презабавную исторію...

— Погодите, мнѣ теперь не до исторіи.

— То есть, анекдотъ, который вышелъ у насъ по палатѣ...

— Послѣ! послѣ!... Что же это значитъ? нѣтъ ни Александра, ни Фелицы, ни дочери хозяйки. Гдѣ же они всѣ?

— Надежда Николаевна уѣхала прогуливаться послѣ обѣда, сказалъ подошедшій Валуновъ. Фелиція Николаевна и Александръ Оттовичъ съ нею же; они вѣрно скоро будутъ назадъ.

— Сколько гостей! что такое празднуютъ нынче Толовы?

— О! здѣсь всякій день точно такіе праздники, отвѣчалъ Валуновъ.

— Вотъ какъ! Весело живетъ Варвара Михайловна! И все это, конечно, для дочери. Вѣрно Надежда Николаевна большая любительница веселостей?

— Не могу вамъ доложить, отвѣчалъ съ насмѣшкою Валуновъ. Что любить, чего не любить Надежда Николаевна, это очень мудро узнать....

— Знаете ли, замѣтилъ Петръ Петровичъ, что эти слова немножко отзываются досадою не совсѣмъ счастливаго обожателя....

Валуновъ захохоталъ.

— Какъ видно, что вы не знаете Толовой! отвѣчалъ онъ, покачавъ плечами. Зная эту дѣвушку, вы не стали бы предполагать возможности влюбиться въ такой неодушевленный предметъ. Въ ней нѣтъ достаточнаго количества страсти даже и для мазурки.

— Право? такъ Толова только прекрасная статуя?

— Прекрасная?... И то еще под сомнѣніемъ....

— Нѣтъ, ужъ позвольте сказать, вы судите несправедливо! перебилъ Мирвуловъ. Нельзя отнять, что она очень хороша!

— Что же въ ней хорошаго? Больше ничего какъ умѣнье одѣваться. Она искусно выбираетъ то, что ей къ-лицу, вотъ и все!

— Помилуй, Валуновъ! какой ты вздоръ несешь! перебилъ интересный, мой любимый докторъ, докторъ-музыкантъ, который проходилъ мимо и остановился. Съ чего ты взялъ это? Голова напротивъ чрезвычайно незначительна въ своемъ костюмѣ: онъ простъ до небрежности.

— Ба! до небрежности! Эта небрежность, повѣрьте, стоитъ ей большихъ расчетовъ и соображеній.

— Полно! развѣ Голова способна углубляться въ теорію туалета?....

— Вы, господа, странныя дѣла излагать изволите, важно возразилъ Хилковский: не способна пристраститься даже къ танцамъ!.... не способна даже одѣться къ лицу... что же это за млекопитающее плотоядное пресмыкающееся?

— Это одно изъ тѣхъ созданій, которыхъ природа не наградила ничѣмъ съ избыткомъ, а надѣлила всѣмъ по немногу, подхватилъ Рундовъ. Наружность ея не привлечетъ взору настоящаго любителя прекраснаго, но можетъ понравиться посредственнымъ знатокамъ красоты. Ума у ней доставеть на приличное поддержаніе пріятной бесѣды въ гостиной, но разсудить что-нибудь разсудкомъ, обдумать, сообразить, этого у ней и не спрашивайте. Чувства.... да кто станетъ искать чувства въ свѣтской женщинѣ?....

«Нѣтъ! подумалъ Петръ Петровичъ: нечего беспокоиться, мой Александръ не влюбится въ эту санктпетербургскую куклу!»

— Прибавьте къ тому, продолжалъ Рундовъ, безцвѣтность характера. Голову можно поставить въ какое угодно положеніе въ жизни: она вездѣ пойдетъ какъ заведенные часы, ровно и спокойно. Я думаю никакія превратности судьбы, никакія радости, огорченія, бѣдствія, не въ состояніи поколебать ея невозмутимаго хладнокровія. Ей бы слѣдовало избрать себѣ девизомъ: *мнѣ все-равно!*

— Не опрометчиво ли дѣлаете вы эти заключенія? сказалъ Петръ Петровичъ, съ любопытствомъ слушавшій толки о дѣвушкѣ, которую племянникъ его осыпалъ такими

восторженными похвалами. Надежка Толова еще такъ недавно здѣсь?

— Разгадывать такіе характеры не трудно. Она тотчасъ высказывается вамъ вся. Вы найдете ее одинаковою какъ въ первый день знакомства, такъ и въ послѣдній.

Въ это время нѣсколько дамъ проходило мимо, и молодые люди присоединились къ нимъ. Петръ Петровичъ остался съ Сергѣемъ Павловичемъ.

— Оно такъ! да не совсѣмъ такъ! сказала Мирвуловъ. Можно ли увѣрить, чтобы въ такой благовоспитанной дѣвкѣ, въ Надеждѣ Николаевнѣ Толовой, такъ-таки и не было ничего хорошаго! Она могла бы послужить украшеніемъ и не здѣшнему обществу. А что касается до того, примѣрно сказать, то есть, относительно къ прочему, то.... какъ бы вамъ доложить.... въ-самомъ-дѣлѣ, точно, привлекательнаго съ ней мало. Богъ знаетъ! характеръ что ли такой: звилосоюзка вѣрно! только не обращаетъ, знаете, ни на кого вниманія. Вотъ молодымъ людямъ оно и не понутру....

— Стало-быть она въ родѣ Грулевой, горда, полна презрѣнія къ здѣшнему провинціальному, не столичному.

— И нѣтъ! Грулева и она какъ день и ночь.... Ольга Александровна презрительна не безъ толку. Она себя на умѣ. Посмотрите-ка вы на нее: она знаетъ цѣну своему лицу, знаетъ, чѣмъ ея носикъ лучше или хуже другаго носика, на какомъ основаніи приколата у ней всякая ленточка; она дорожитъ собой. Ей не нравятся вотъ наши франты; ей весело помучить ихъ. «Они, дескать, не стоятъ моего свѣтлаго взгляду!» Ну, да и притомъ въ мужа влюблена впритворно. А Надежда Толова совсѣмъ другое: такъ-себѣ, ни те, ни се! Всѣ угоджаютъ ей, въ глаза смотрятъ; судите сами, дочь первой помѣщицы у насъ, богачихи, хлѣбосолки: ну, словомъ, всѣ кланяются, а она ничего этого не видитъ, а глазамъ не мигнетъ... и усомъ не поведетъ.... не изъ пренебреженія, — а такъ-сказать, съ дуру; не знаетъ себѣ цѣны.... Вѣжлива, ласкова со всѣми, а недостаетъ чего-то. Любезности, привлекательности, ни на копѣйку въ ней нѣтъ!

— И такого мнѣнія объ ней здѣсь всѣ?

— А Богъ ихъ знаетъ! не разберешь! Сначала, разумѣется, всѣ ахали, да восхищались. Варвару Михайловну, вы знаете, помнятъ многіе какъ дочь самаго богатаго барина, любимаго и уважаемаго человека. Вотъ и обрадовались ей

пріѣзду, особенно когда нашли, что она не заражена столичнымъ чванствомъ, но также хлѣбосольна и радушна, какъ былъ старикъ, ея отецъ. Посудите сами: для насъ, для горожанъ, безпрестанно обѣды, вечера; для помѣщиковъ, соудей, пріютъ открытый на цѣлое лѣто, точнехонько какъ у покойнаго отца, если вы припомните, Петръ Петровичъ... Разумѣется, молодежь и стала за дочерью увиваться, какъ говорится, турусы на колесахъ подпускать: да какъ увидѣла, что Надежда Николаевна не то чтобы пренебрегаетъ, а не замѣчаетъ просто ничего, такъ и начали растарабарывать съ досады. Она, дескать, такая, она сякая; а все-таки въ глаза ей лѣзутъ... Вотъ сами увидите. Ей Богу, такъ! Зачѣмъ мнѣ лгать!

— Кто же больше всѣхъ ей угождаетъ?,... спросилъ Петръ Петровичъ, въ нетерпѣніи допытаться замѣтно ли для другихъ какъ около Толовой увивается племянничекъ, потому-что, надо сказать по совѣсти, какъ Петръ Петровичъ ни разувѣрялъ Настасью Аванасьевну, но самъ онъ не былъ совершенно увѣренъ и спокоенъ. Конечно, Александръ казался прочно и основательно влюбленнымъ въ свою нарѣченную невѣсту: но кто можетъ поручиться за постоянство двадцати-четырёхлѣтняго агронома? Если Толова успѣла заинтересовать его, дѣло могло принять дурной оборотъ для надеждъ двухъ старыхъ друзей. Но въ ту минуту какъ Мирвуловъ открывалъ ротъ для отвѣту, въ саду засуетились. «Пріѣхали! пріѣхали!» раздавалось со всѣхъ сторонъ, и многіе изъ гостей поспѣшили къ экипажамъ, которые остановились у садовой калитки, въ концѣ той аллеи, гдѣ находился Петръ Петровичъ съ губернскимъ болтуномъ. Хилковскій пошелъ вслѣдъ за другими, устремивъ все свое вниманіе въ ту сторону, откуда приближались тѣ, кого онъ такъ нетерпѣливо ожидалъ. Издали, незамѣченный ни Александромъ, ни Фелицей, онъ хотѣлъ подмѣтить, возлѣ кого идетъ почтенный племянникъ, какой у него видъ, и что за роль онъ здѣсь разыгрываетъ?... Петръ Петровичъ зналъ, что не должно пренебрегать малѣйшими отгѣнками, когда желаешь вывѣдать завѣтныя тайны сердца. Петръ Петровичъ считалъ себя знатокомъ въ сердечныхъ дѣлахъ, несмотря на увѣренность Настасьи Аванасьевны въ противномъ.

Прежде всего увидалъ онъ Фелицу. Она шла впереди одна. Лицо ея не показалось ему ни задумчивымъ, ни печаль-

ымъ; напротивъ, оно было необыкновенно оживлено. Если бы это происходило отъ радости скорого свиданія съ теткой, о прїѣздѣ которой, вѣроятно, успѣли уже ей доложить, это одушевленіе не было бы такъ торжественно, такъ глубоко, такъ необыкновенно при всегдашнемъ беззаботномъ выраженіи лица. Но болѣе всего удивило Хилковского то, что ни въ этой, ни въ прочихъ группахъ, онъ не замѣчалъ своего племянника. Въ недоумѣніи отъ такой странности, онъ пошелъ-было вслѣдъ за Фелицей, которая съ Клариною направлялась къ дому. Ему хотѣлось спросить, гдѣ Александръ; но какъ для этого надо было пройти мимо кружка, составившагося около дочери хозяйки, то онъ остановился и съ любопытствомъ устремилъ взоръ на ту, которая могла надѣлать имъ съ Настасьей Аванасьевной великихъ хлопотъ.

Съ перваго взгляду Хилковскій увидалъ, что ни Александръ, ни Фелица не сказали правды. Наружность Толовой ни сколько не отличалась той замѣчательной красотой, которой такъ восхищался въ письмѣ Александръ, но также и не походила на описаніе, представленное его невѣстой. Черты Толовой не поразили глазъ мудраго агронома ни особенною правильностью, ни необыкновенною прелестью, но онъ признался самъ себѣ, что такія лица не на каждомъ шагу встрѣчаются, и что мимо ихъ не проходятъ безъ вниманія. Болѣе благородной наружности, болѣе умныхъ глазъ, болѣе доброй улыбки, онъ еще не видывалъ; особенно улыбка показалась ему удивительно пріятною; каждое движеніе, каждая поза мерцали граціей и достоинствомъ; но во взглядѣ замѣтна была большая разсѣянность и какое-то невниманіе къ словамъ, къ вопросамъ, къ угожденіямъ окружающихъ.

— Не больны ли вы, Надежда Николаевна? спросила одна дама. Вы какъ-будто похудѣли; вы очень блѣдны.

Толова ничего не отвѣчала. Дама подумала, что она не слышала и повторила вопросъ.

— Это отъ усталости, отвѣчала Толова тихо.

— Но вы только сидѣли въ коляскѣ, вы не ходили пѣшкомъ, замѣтилъ Валуновъ.

— Да!... продолжительное заключеніе въ экипажѣ тоже утомительно, отвѣчала она съ равнодушіемъ и положила на скамью свою соломенную шляпку.

Петръ Петровичъ замѣтилъ, что легкій румянецъ мелькнулъ на ея блѣдныхъ щекахъ. Онъ встревожился.

— Это не даромъ! Ея разсѣянность, блѣдность, краска,

все это странно совпадаетъ съ письмами дѣтей. Кто знаетъ! можетъ она точно замечталась объ Александрѣ и провѣдала, что онъ почти обрученъ съ другой. Посмотримъ!

Наблюдения Хилковского были прерваны тоненькимъ серебристымъ голѣскомъ:

— Здравствуйте, Петръ Петровичъ! Вы здѣсь?... Ахъ, какъ я рада васъ видѣть! Пойдемте! Мнѣ хочется быть съ вами.

Петръ Петровичъ обернулся. Возлѣ него стояла Фелица, такая свѣженькая, розовая, пригожая, что сердце агронома невольно забилося надеждой. «Можно ли разлюбить такую милочку!» подумалъ онъ, обнимая дѣвушку съ плодотворнымъ восторгомъ. Она увлекла его всторону.

— Петръ Петровичъ! сказала Фелица, послѣ нѣсколькихъ привѣтствій и распросовъ, осмотрѣвшись нѣтъ ли кого-нибудь по-близости: возьмите на себя трудъ сказать теменькѣ, что я раздумала и не хочу за Александра...

Это что значитъ?

— Такъ, ничего. Просто, мнѣ не хочется выходить замужъ, вотъ и все тутъ.

— Ты шутишь, душа моя?

— Ни сколько, утѣрю васъ, я очень твердо рѣшилась.

— Полно вздорить, Фелица. Что у васъ тамъ такое съ Александромъ? Расскажи-ка мнѣ откровенно. Вѣдь я тебѣ лучший другъ, и ты всегда имѣла довѣріе къ моей преданности. Вѣрно вы поссорились, и за какія-нибудь пустяки?...

— Не могу ничего вамъ рассказывать. Могу сказать вамъ только, что не бывать Александру моимъ мужемъ! не бывать!

— Ого! вѣрно онъ не на шутку провинился! Постой, я приведу его къ тебѣ съ повинной головой.

— Не дѣлайте этого! вскричала Фелица, останавливая Хилковского. Онъ не пойдетъ, да и я сама не прійму его. Между нами все кончено.

— Будто бы! Такъ у васъ была серьезная ссора?

— Очень. Я сказала Александру рѣшительно, что скорѣе брошусь въ воду, чѣмъ выйду за него замужъ.

— Ай! ай! до чего дошло! Послушай, милый другъ, расскажи все, не упрямясь. Я посмотрю, соображу; можетъ, преступникъ не такъ виноватъ, какъ тебѣ кажется, можетъ, и ты не совсѣмъ права....

— Что до того, кто правъ, кто виноватъ! Все равно. Все кончено!

— Можеть ли это быть? А мнѣ что-то не вѣрится! Что же такое у васъ тамъ вышло? изъ-за чего вы могли поссориться до такой степени, чтобы разойтись совсѣмъ?... Эти-ми вещами не шутятъ, милый другъ; замужество — дѣло великое, святое; нужна серьезная причина, чтобы женихъ и невѣста отказались другъ отъ друга. Подумала ли ты, какъ это огорчитъ тетеньку? Ты не знаешь, что она душевно желаетъ видѣть тебя въ союзѣ съ Александромъ?

— Тетенька такъ меня любитъ, что не станетъ требовать отъ меня неумѣстной жертвы.

— Ты счастье, о которомъ столько мечтала, называешь жертвой! Стало-быть точно ты разлюбила.

— Совсѣмъ! совсѣмъ!... и не говорите мнѣ даже объ этомъ человѣкѣ!

«Плохо!» подумалъ Петръ Петровичъ съ бабами не лобьешся до-толку. «Надо поговорить съ племянникомъ».

— Гдѣ же *этотъ человекъ*? спросилъ онъ.

— Не знаю.

— А мнѣ сказывали, что онъ катался вмѣстѣ съ вами?

— Онъ провожалъ насъ верхомъ, но потомъ отсталъ или уѣхалъ впередъ, право не помню.

Петръ Петровичъ въ раздумьѣ повернулъ къ дому.

— Потрудитесь же сообщить тетенькѣ о моемъ рѣшительномъ намѣреніи, сказала вслѣдъ ему Фелица.

— Нѣтъ, мой милый другъ, отвѣчалъ онъ; этого я не беру на себя. Мнѣ жаль огорчить Настасью Аванасьевну; да и съ какой стати... я даже не знаю, изъ чего у васъ вышла размолвка. Поговори съ ней сама, и то совѣтую прежде подумать. Ступай однако къ ней. Она давно уже ждетъ тебя.

Просьба Фелицы показывала, что ей не хочется самой объясняться съ Настасьей Аванасьевной, и Хилковскій, отказываясь отъ порученія, надѣялся все передѣлать прежде, чѣмъ Фелица рѣшится объявить теткѣ свое непостижимое рѣшеніе.

Врокина отдыхала. Не привыкнувъ къ ѣздѣ на почтовыхъ, она до того утомилась, что не хотѣла выходить изъ своей комнаты. Петръ Петровичъ очень былъ радъ, что не встрѣтился съ Настасьей Аванасьевной до свиданія съ Александромъ.

Живо беспокоясь о причинѣ ссоры, онъ окинулъ тревожнымъ взоромъ все собраніе въ замѣ. Та, которая должна была сдѣлаться предметомъ его наблюденій до самого того времени, пока онъ не убѣдится въ неосновательности или въ справедливости своихъ опасеній, сидѣла въ кругу дамъ. Онъ снова принялся ее разсматривать.

Да! точно! думалъ онъ: эта головка не приведетъ въ восторгъ истиннаго любителя прекраснаго, какъ сказалъ Рундовъ; въ ней нѣтъ той художественной красоты, которой ищутъ живописецъ или ваятель, но к чему это, когда она кажется олицетвореніемъ всего нравственно прекраснаго?

Петръ Петровичъ былъ не изъ числа тѣхъ агрономовъ, которые ничего не понимаютъ кромѣ сурѣпицы. Съ умомъ основательнымъ и просвѣщеннымъ и съ рѣдкой проницательностью, онъ жилъ не даромъ на свѣтѣ и не для *проформы* носилъ пару глазъ во лбу. Утѣшенія науки и очарованія искусства, вся эта прелесть высшаго земнаго бытія, безъ которой жизнь была бы простымъ пищевареніемъ и человѣкъ не стоилъ бы костюли, находили въ душѣ его свѣтлое и отрадное помѣщеніе. Онъ умѣлъ жить мыслью и открывать достойное вниманія тамъ, гдѣ другой не замѣчалъ ничего кромѣ обыкновенной наружности. Петръ Петровичъ стоялъ такимъ образомъ, что отъ него не укрывались ни взгляды ни движенія Толовой. Подъ предлогомъ разсматриванія картинъ и эстамповъ съ лорнетомъ въ рукѣ, онъ слѣдилъ за ней внимательно, и убѣждался все болѣе и болѣе, что передъ нимъ одно изъ тѣхъ привилегированныхъ существъ, на которыя природа наложила печать высокаго нравственнаго превосходства. Въ этой дивно выразительной фізіономіи каждая черта дышала умною мыслью или свѣтилась какимъ-нибудь сокровеннымъ чувствомъ. Отъ глазъ до улыбки, все было проникнуто самой непринужденной граціей, такой благородной простотою, что агрономъ, обожатель Пушкина, невольно вспомнилъ эти стихи великаго поэта:

«Она была нетороплива
 Не холодна, не говорлива,
 Безъ взора нагаго для всѣхъ,
 Безъ притязаній на успѣхъ.
 Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ»

Безъ подражательныхъ затѣй
Все было тихо, просто въ ней.

«Прошу покорно! что натолковали мнѣ эти пустомели! думалъ онъ, припоминая слова молодыхъ людей, съ которыми говорилъ въ саду. Рундовъ, правда, не совсѣмъ дуракъ; но даже и Рундовъ ничего не смыслить въ этомъ лицѣ. Если она похожа на статую, такъ эта статуя произведение великаго художника и въ этомъ мраморѣ болѣе ума, болѣе огня, болѣе истинной жизни, чѣмъ въ мѣстѣ живаго болвана, именуемаго за-урядъ господиномъ или госпожею. Чудное долото! Бездна прекрасной жизни струится по алебастровымъ жилкамъ этого благороднаго камня.... и—какая досада! — толкъ въ этой жизни начинаешь знать тогда уже, когда своя собственная жизнь почти вся издержана! Когда кисть уже валится изъ дряхлой руки, тутъ только видишь, гдѣ сквозитъ настоящее чувство въ природѣ и понимаешь какъ слѣдовало живописать его. Велѣно прежде слѣпо наслаждаться, а потомъ уже узнать источникъ наслажденія. Распоряженіе — немножко странное, но вѣроятно полезное для бѣльшинства роду человѣческаго, которому суждено быть вѣчно слѣпыми».

— О чемъ вы такъ глубоко задумались, Петръ Петровичъ? спросилъ его вдругъ Рундовъ, садясь возлѣ.

— Соображаю и повѣряю ваши наблюденія. Не могу однако сказать, чтобы находилъ ихъ очень вѣрными.

— Какія наблюденія?

— Да надъ Головой! По вашему описанію я думалъ найти эту молодую особу куклой на пружинахъ; но теперь гляжу и вижу совсѣмъ другое.

— Вотъ какъ! Ужъ не вскружила ли вамъ голову эта красавица?

— Слѣды головы не такъ-то легко кружатся, мой почтеннѣйшій. Будетъ того, что я нахожу ее способною кружить головы другимъ.

— Неужели?

— Право такъ! У ней презамѣчательная наружность. Я не понимаю, какъ это вы могли насказать мнѣ такихъ несообразностей.... извините выраженіе.

— У всякаго свой вкусъ. Вамъ Голова понравилась, мнѣ нѣтъ....

— Меня удивляетъ не то, что она вамъ не нравится: это

дѣло личного вкуса. Самые совершенныя красавицы не всѣмъ нравятся. Но я нахожу удивительнымъ то, что вы старались подать мнѣ о Толовой такое понятіе, которое во-все къ ней не прилагается.

— Какъ не прилагается ?

— Конечно ! вы представляли мнѣ ее автоматомъ , а я не встрѣчалъ еще физиономіи, болѣе богатой душою.

— А говорили вы съ ней ?

— Нѣтъ.

— Ну, то-то и есть ! Попробуйте, поговорите ! Посмотримъ, что тогда скажете.

«Что за странности ! подумалъ Хилковскій. Ужъ не хочеть ли онъ меня увѣрить, что она глупа !»

— Я смѣю думать, Алексѣй Васильевичъ, что вашими устами говоритъ предубѣжденіе. Можетъ ли быть, чтобы эта дѣвушка была не тѣмъ, что кажется взоръ, что кажется лицо ? Я не вѣрю....

— Э ! э ! перебилъ молодой человекъ шутя ; это что-то подозрительно ! Она вправду васъ очаровала ! Не обмѣнялись даже и полусловомъ, только взглянули, и уже стали ея ревностнымъ защитникомъ ! Но она, право, не стоитъ того.... вы забыли старинную поговорку, которая гласитъ, что — *наружность обманчива....*

— Не для всякаго, Алексѣй Васильевичъ. Я нѣсколько знатокъ въ людяхъ и имѣю слабость воображать, что могу оцѣнить человека довольно вѣрно по его физиономіи. Какъ дѣло пошло у насъ на разговорки, то позвольте же и мнѣ привести одну, которую я слышалъ въ Бессарабіи отъ киченевскаго турецкаго муллы : *умный тотчасъ узнаетъ дурака, потому-что самъ никогда былъ дуракомъ, но дуракъ никогда не узнаетъ умнаго, потому-что самъ никогда умнымъ не былъ.* Согласитесь, что поговорка эта совсѣмъ не глупа, даромъ что не въ Парижѣ выдумана. Умный человекъ можетъ принять маску глупца, хитрый простяка, но можетъ ли лицо выражать умъ, когда его нѣтъ въ головѣ ?...

— Да я не говорю, чтобы Толова была глупа, отвѣчалъ Рундовъ, значительно смущенный турецкою поговоркою. Отъ умной женщины до пошлой дуры — огромное разстояніе. Наденька Толова, по-моему, стоитъ на-серединѣ. Я сказалъ вамъ въ саду : у ней всего по немногу. Она довольно недурна, довольно образована, довольно умна, если хотите ; но все-таки она не выходитъ изъ ряду тѣхъ обы-

красивыхъ женщинъ, которыя встрѣчаются повсюду и которыхъ отсутствіе не производитъ ни сожалѣнія ни радости.

— Вы или ошибаетесь, или съ намѣреніемъ такъ говорите, сказалъ агрономъ. Посредственность не можетъ придать своей наружности того замѣчательнаго превосходства, которое здѣсь бросается въ глаза, потому-что она превосходства не понимаетъ, а только завидуетъ ему. Въ этой же снѣжномъ взоръ мой не встрѣчаетъ ни малѣйшаго слѣда заисти.

— Я самъ почти также думалъ прежде, отвѣчалъ молодой человекъ послѣ минутнаго молчанія и съ легкимъ отбѣнкомъ грусти: но теперь, узнавъ Голову короче, все это кажущееся превосходство для меня не существуетъ. Когда знаешь, что заключается подъ этой заманчивой оболочкой, то очарованію мѣста быть не можетъ.

— А! такъ вы были очарованы сначала?

— Да.... почти!

— Не оттого ли она кажется вамъ теперь бездушной, что душа ея не полетѣла на встрѣчу вашей?... Признайтесь!... Вы смѣетесь?... Я готовъ смѣяться вмѣстѣ съ вами. Но вотъ каковы всѣ вы, господа эгоисты! Если женщина не отвѣчаетъ вамъ тѣмъ же, что вы ей предлагаете, вы тотчасъ прокричите ее статуей, автоматомъ, уродомъ. Не полюбили васъ, такъ ужъ и не способны любить никого и ничего....

— Вы уже думаете, что я былъ влюбленъ!... И! нѣтъ! Она только заинтересовала меня съ перваго взгляду, какъ теперь заинтересовала васъ, и я старался сблизиться съ нею, безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія. Но послѣ каждаго нашего разговору во мнѣ оставалось такое тяжелое, непріятное впечатлѣніе.... Это странное равнодушіе ко всему... эта апатія.... Въ ней рѣшительно нѣтъ сердца. Развѣ этого не случается?... Она будетъ говорить съ вами цѣлый часъ о какомъ-нибудь предметѣ, и вы не услышите ни одного слова, сказаннаго съ увлеченіемъ.

— Алексѣй Васильевичъ! сказала Рундову вдругъ подошедшая хозяйка: нельзя ли составить кадрили?... Похлопочите, пожалуйста. Вы такой любезный....

Онъ всталъ и побѣжалъ къ дѣвицамъ.

— А вы, Петръ Петровичъ, не хотите ли партію въ вистъ или въ преферансъ? Во что вы играете?

— Благодарю. Позвольте мнѣ не играть?

— Что же такъ? Вы картъ не любите? Чѣмъ же могу пріятно занять васъ? Я боюсь, что вы соскучитесь у меня....

— Мнѣ всегда весело тамъ, гдѣ есть на что посмотреть. Въ вашемъ домѣ столько интереснаго, занимательнаго, прекраснаго.... Благодарю васъ за милую внимательность, но обо мнѣ не беспокойтесь.

— Вы все тотъ же, Петръ Петровичъ; время не измѣнило васъ; бывало и прежде все сидите себѣ поодаль отъ другихъ и наблюдаете. Я помню, вы очень рѣдко пускались въ танцы и только съ избранными....

— Да! я всегда больше любилъ смотрѣть какъ веселятся, чѣмъ участвовать въ веселостяхъ, а теперь, на старости лѣтъ и подавно не остается мнѣ ничего болѣе какъ любоваться на другихъ....

— Такъ станемте любоваться вмѣстѣ!... ваши воспитанники такая милая, прекрасная пара....

— Вы очень снисходительны, сударыня. Ваше одобрѣніе чрезвычайно лестно и для нихъ, и для меня. Но признаюсь откровенно, что въ ту минуту какъ вы изволили подойти ко мнѣ, я не думалъ ни объ Александрѣ ни о Фелицѣ: я глядѣлъ или лучше сказать; я любовался на вашу дочь, Варвара Михайловна.

— Вамъ нравится Надежда? спросила Голова, отыскивая дочь глазами.

Она сидѣла за фортепіано. Въ залѣ становились на мѣста, начиналась кадриль. Задумчиво наклонившись надъ инструментомъ, молодая дѣвушка разсѣянно перебирала клавиши, и Петру Петровичу показалось, что глаза матери остановились на ней съ грустной нѣжностью.

— Я не умѣю хвалить, никогда не умѣлъ, это мой смертельный грѣхъ въ отношеніи къ ближнимъ, сказалъ онъ: но когда гляжу на Надежду Николаевну, мнѣ кажется, что я вижу женщину такъ какъ она должна быть въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Я такъ предполагаю по наружности, потому—что не успѣлъ еще познакомиться съ Надеждой Николаевной....

— И вы сказали бы тоже самое, если бы знали ее короче, отвѣчала Голова съ тѣмъ же легкимъ признакомъ грусти въ голосѣ, какую Хилковскій уловилъ уже въ ея взглядѣ.— Вы тронули во мнѣ самую чувствительную струну, продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія. Если бы я не любила васъ давно, какъ стариннаго друга нашего семейства, я бы

полюбила васъ за эти слова. Какъ вы хорошо угадали мою Надежду! О! если бы вы знали, какое это рѣдкое, благородное дитя!

« Это не очень утѣшительно », подумалъ Петръ Петровичъ. Если это правда, то она не въ шутку можетъ быть опасна намъ съ Фелицей ».

— И зачѣмъ вы привезли ее сюда, примолвилъ онъ, отвѣчая вслухъ своей тайной досадѣ. То есть, прибавилъ онъ поправляясь, когда Толова взглянула на него съ удивленіемъ: то есть, я хотѣлъ сказать, что Надеждѣ Николаевнѣ вездѣ трудно найти человѣка, способнаго оцѣнить ее по достоинству, но здѣсь въ провинціи и думать объ этомъ не возможно.

— Вы, какъ я вижу, охотникъ женить и выдавать замужъ, отвѣчала Толова съ улыбкой, которую опять таки Петръ Петровичъ съ своимъ напряженнымъ вниманіемъ нашелъ немножко принужденной. Моя Надежда еще молода, до-сихъ-поръ я не думала объ ея замужествѣ.

— Конечно, вамъ не к чему торопиться и.... я думаю.... что вы будете очень разборчивы на этотъ счетъ....

— Я предоставила Надеждѣ полную свободу, отвѣчала Толова какъ-то холодно.

— Это такъ только говорится, Варвара Михайловна, замѣтилъ онъ шутливо. Позвольте не повѣрить вамъ. Ужъ будто вамъ будетъ пріятно, если Надежда Николаевна вдругъ сдѣлаетъ выборъ, который по чему бы то ни было не....

Хилковскій не договорилъ. Дверь гостиной, возлѣ которой онъ стоялъ, вдругъ отворилась и вошла молодая дама, съ наружностью довольно благопристойною для того-чтобы не быть забытой на балѣ. Онъ успѣлъ однако жъ примѣтить, или вообразить, что при послѣднихъ словахъ его Толова взглянула на него съ страннымъ выраженіемъ: какъ-будто испугъ или замѣшательство промелькнули въ ея взглядѣ.

— Ахъ! Петръ Петровичъ, какъ я рада васъ видѣть! Можно ли васъ поздравить? спросила молодая дама улыбаясь, между-тѣмъ какъ хозяйка отъ нихъ удалялась.

— Съ чѣмъ? спросилъ онъ, отвѣчая на поклонъ ея.

— Какъ съ чѣмъ? Говорятъ, у васъ скоро свадьба... вашъ Александръ Оттовичъ женится.

— На комъ?

— Вотъ кореша! Поелоте, господишь притворщикъ. Не хотите ли увѣрить меня, что это неправда?

— Я ни въ чемъ не увѣрю васъ; я спрашиваю.

— Вы прутите! отвѣчайте серьезно. Женится вашъ племянникъ?

— Надѣюсь, что женится.... когда-нибудь.

— А не теперь, не скоро?

— Не знаю.

— Кому же это знать?

— Я думаю, ему самому. Спросите его.

— Онъ не признается.

— Стало-быть не съ чѣмъ и поздравлять меня.

— А можетъ ему запрещено говорить? Но для чего скрывать передъ друзьями, когда дѣло рѣшено и кончено!

— А если даже оно и не начиналось?

— Полноте! полноте! Такъ, видно, я про то знаю лучше вашего.

— Можно вѣрить и не вѣрить....

— Я вѣрю.

— Какъ вамъ угодно.

— Вы ужасный иезуитъ. Отъ васъ никакъ не добьешся правды.

— Подождите, увидите сами.

— Я не люблю ждать.

— Вы такъ любопытны?

— Да! ужасно!... но любопытна только тамъ, гдѣ дѣло дѣйствительно интересно.

— А васъ интересуетъ мой племянникъ?

— Меня интересуютъ всѣ не-женатые.

— Стало-быть и я въ томъ числѣ?

— Вы?... вы хуже чѣмъ женатый, вы старикъ.

Хилковскій засмѣялся.

— Вы черезъ-чуръ откровенны. Знаете ли, что я готовъ обидѣться?

— Я это сказала изъ угожденія вамъ. Вѣдь вы же сами пожаловали себя въ старики! Вы давно уже хвастаетесь тѣмъ, что старъ. И подъ этимъ предлогомъ, чѣмъ бы самому жениться, вы пустились въ сваты. Я вѣдь знаю, вы все это сестряпали! А не к чему вамъ такъ торопиться! Александру Отговичу, я думаю, не болѣе двадцати трехъ или четырехъ лѣтъ.... Зачѣмъ женить его такъ рано?

— Весь слыхомъ озабочиваетъ судьба моего племянника, Евгенія Ивановна?

— Что-жъ дѣлать, когда у меня такое доброе сердце! Мнѣ жаль его!

— Развѣ вы думаете, что онъ будетъ несчастливъ, когда женится? Вы имѣете, какъ видно, не слишкомъ хорошее мнѣніе о супружествѣ. Вашъ мужъ раздѣляетъ ли его?

— Это его секретъ. У мужей умъ и понятія своего роду. Объ Александрѣ Оттовичѣ я сожалѣю потому-что его заставляютъ жениться.

— Заставляютъ!?...

— Очень ясно! Посмотрите: похожъ онъ на счастливаго жениха?

И она показала на Александра, который встаетъ и входитъ въ залу. Обыкновенно спокойныя черты его были такъ богато и разстроены, что Хилковский не зналъ, что возразить Евгенію Ивановичу. Онъ осматривалъ кругомъ съ невольнымъ безпокойствомъ: ему казалось, что всѣ могутъ прочесть на лицѣ племянника и разрывъ съ невестой и тайную страсть къ другой. Евгенія Ивановна между-тѣмъ удалилась и молодые люди обступили ее съ вопросами и комплиментами, которые въ нашей губерніи въ большомъ употребленіи.

Хилковский поспѣшилъ къ племяннику.

— Здравствуй, Александръ, сказалъ онъ, протянувъ ему руку.

— Какъ! вы здѣсь, дядюшка! Я ничего не зналъ о вашемъ пріѣздѣ.... отвѣчалъ молодой человекъ, съ смущеніемъ пожимая руку дяди. Давно пріѣхали?

— Часа два будетъ.... я искалъ тебя вездѣ.... скажи, гдѣ это ты пропадалъ столько времени?

— Я ѣздилъ верхомъ и сейчасъ только воротился.

— Зачѣмъ же ты отлучился отъ общества?

Александръ намѣнился въ лицѣ.

— Я нездоровъ, сказалъ онъ съ усмѣшкою. Мнѣ нужно уединеніе.

Слуга доложилъ Петру Петровичу, что Настасья Аванасевна изволила требовать его къ себѣ. Обѣщаніе прійти сейчасъ не удовлетворило требующей власти. Новый докладъ о томъ, что просятъ пожаловать немедленно. Почтенный агрономъ хотѣлъ отложить повиновеніе не болѣе какъ на пять минутъ, чтобы поговорить съ племянникомъ,

но новый посланецъ приудилъ его къ безотлагательному и неуклонному исполненію дружескихъ велѣній.

— Досадно. Да дѣлать нечего! Видно дѣло къ спѣху.

III.

Настасья Аванасьевна ждала Петра Петровича съ такимъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ, что прислушивалась къ каждому шороху въ корридорѣ. Десять разъ выглядывала она за дверь, и десять разъ ворочалась къ своимъ кресламъ съ досадою обманутаго ожиданія. Дорѣгой Петръ Петровичъ уговорилъ ее не дѣлать никакихъ распросовъ ни Фелицѣ ни Александру. Онъ боялся ея вспыльчивости.

— « Подавайте видъ, будто вы ничего не подозрѣваете: это всего лучше. Я держусь той теоріи, что между мужемъ и женой, женихомъ и невѣстой, не должно быть ни посредниковъ ни переносчиковъ. Предоставьте виновныхъ мнѣ, если они виновны, и будьте спокойны; я не допущу ни до чего противнаго вашимъ желаніямъ. Клариной тоже не спрашивайте. Если она замѣтила что-нибудь, то сама вамъ расскажетъ. Слушая ее, не показывайте виду, что сколько-нибудь опасаетесь Толовой. Кларина прекрасная женщина, но не кстати посвящать чужихъ въ наши семейныя дѣла».

Настасья Аванасьевна въ бѣдѣ всегда безпрекословно довѣряла уму и опытности Петра Петровича: она принималась спорить съ нимъ тогда уже, когда бѣда миновалась. Какъ ни въ чемъ не бывало, она очень мило поздоровалась съ племянницей, говорила съ ней преважно о платьяхъ, лентахъ и другихъ разныхъ бездѣлицахъ, которыя часто важнѣе дѣлѣ въ жизни, и не сдѣлала ни малѣйшаго намека на странность писемъ, даже не упомянула объ Александрѣ. Фелица тоже молчала объ немъ. Она очевидно ждала распросовъ тетки, но та какъ будто не замѣчала ея принужденнаго виду и скоро отпустила ее внизъ, сказавъ, что намѣрена отдохнуть съ дороги. Это былъ одинъ изъ достопамятнѣйшихъ подвиговъ благоразумія и дружбы Настасьи Аванасьевны. Но что происходило въ сердцѣ!... Вся надежда была на Кларину: та навѣрное проболтается съ перваго шагу, и любопытство Настасьи Аванасьевны утолитъ жгучую жажду свою въ сладкой чашѣ потаенныхъ вѣстей, которую вынче смертныя

называют сплетнями, но боги нѣкогда на Олимпѣ называли амвросіей. Но съ Клариной ей никакъ не удавалось остаться наединѣ. То хозяйка, то Фелица, то тотъ, то другой не оставляли сначала Настасью Аванасьевну; а потомъ Варвара Михайловна усадила Кларину за карты, и Настасья Аванасьевнѣ болѣе нечего было дѣлать какъ, въ отчаяніи, приняться за Петра Петровича. Онъ навѣрное уже успѣлъ рассмотреть Толову, подмѣтить обращеніе Александра съ нею, узнать или проникнуть все, и все пересказать Настасьѣ Аванасьевнѣ. Гдѣ же онъ? Зачѣмъ нейдетъ? Чтѣ онъ тамъ дѣлаеть?... О! несносный! жестокій! безчеловѣчный!... не другъ, а мучитель!... тигръ!.. агрономъ!... хуже Татарина!...

Наконецъ раздался отголосокъ знакомой походки. Настасья Аванасьевна чуть не вспрыгнула съ кресель, и не успѣлъ Хилковский переступить черезъ порогъ, какъ она воскликнула:

— Ну, чтѣ, Петръ Петровичъ?

— Ничего, отвѣчалъ тотъ съ своимъ обыкновеннымъ спокойствіемъ.

— Какъ ничего? Вѣдь они точно въ ссорѣ?

— Да! кажется!

— Какъ такъ, *кажется*? Значить, вы еще ничего не узнали до-сихъ-поръ?

— Не узналъ! Александра совсѣмъ почти я не видалъ. Съ Фелицей едва перемолвилъ нѣсколько словъ. Развѣ можно такъ скоро?

— Помилуйте, Петръ Петровичъ! въ цѣлый вечеръ не вывѣдать ничего! На чтѣ это похоже?... Вотъ какъ ведете дѣла! Вотъ какъ вы исполняете свои обѣщанія!... Вы рѣшительно ни къ чему не способны. А я, какъ дура, на васъ полагаюсь! слушаюсь совѣтовъ! повинуюсь вашимъ наставленіямъ!... Охъ! охъ! мнѣ дурно!...

— Ничего.... пройдетъ!

— Не пройдетъ! не пройдетъ!!.. мнѣ дурно.... зачѣмъ приказали вы мнѣ молчать? Я не прощу вамъ этого никогда.

— Я ужъ васъ просилъ напрасно не беспокоиться, не вмѣшиваться ни во чтѣ, и предоставить дѣйствовать мнѣ одному.

— Заставить меня молчать!... да это, просто, измѣна. Давно могла бы я узнать все подробно отъ Фелицы: а я... по

вашей милости.... ни слова съ ней!... какъ-будто ничего не знаю!

— И прекрасно! Не подавайте виду....

— Не подавайте виду!... да это еще хуже измѣны! Вы сослали меня на каторгу!

— Сдѣлайте милость, помолчите еще немного.

— Я умру.

— Не опасайтесь этого.

— Я взбѣшусь!

— Этого я не онасаюсь.

— Такъ я стану плакать!

— Вотъ это поважнѣе. А впрочемъ не дурно. Оно облегчитъ васъ, успокоитъ ваше взволнованное нетерпѣнiе. Самый мудрый совѣтъ спрятанъ Богомъ на днѣ слезъ.

— Вы тиранъ! Что это у васъ за манера такая! молчать, да молчать!... виду не показывать.... какъ это возможно?... гдѣ это слыхано?... Вы мнѣ врагъ, а не другъ! Я васъ ненавижу!

— Послушайте, Настасья Аванасьевна, сказалъ Хилковский, подвигая къ ней свои кресла: скажите, для-чего вы отложили свадьбу на годъ?

Настасья Аванасьевна взглянула на него съ испугомъ.

— А что? развѣ вы думаете, что ссора ихъ кончится дурно? спросила она.

— Нѣтъ, не то! Я сдѣлалъ вамъ этотъ вопросъ для того, что если вы припомните причину, ради которой такъ настоятельно отлагали свадьбу, то навѣрно образумитесь и поймете, зачѣмъ я дѣйствую теперь такимъ-образомъ.

Настасья Аванасьевна однако ничего не понимала.

— Причина, сказала она, съ недоумѣнiемъ поглядывая на Хилковского: причина извѣстна вамъ; кажется, Фелица еще почти ребенокъ: я хотѣла дать ей время пожить на свободѣ, наглядѣться на людей, испытать себя. Въ ея дѣта что еще за любовь! Богъ знаетъ, что такое чувствуетъ она къ вашему Александру!... ну, черезъ годъ можно было бы узнать истину, сообразиться, рѣшить дѣло основательно....

— Стало-быть, даромъ что вамъ очень желательна эта свадьба, вы никакъ бы не рѣшились выдать Фелицу за Александра, если бы дѣйствительной привязанности между ними не оказалось?

— О чемъ тутъ спрашивать! Никогда и ни за что на свѣтѣ! Фелица у меня одна, невѣста она не бѣдная, можетъ вы-

брать кого хочеть: хотъ бы вовсе нищій былъ, только былъ бы ей по-сердцу.

— Ну, вотъ видите ли, милая Настасья Аванасьевна: теперь и представился случай увѣриться, такъ ли они любятъ другъ друга какъ намъ казалось.

Настасья Аванасьевна поблѣднѣла.

— Ужъ вѣрно случилось что-нибудь очень дурное, Петръ Петровичъ, когда вы такъ говорите! отвѣчала она голосомъ, прерывавшимся отъ внутренняго волненія. А помните, въ то самое утро, какъ я получила письма дѣтей, не вы ли убѣдительноѣйше увѣряли меня, что Александръ не способенъ перемѣниться? Теперь же вы сами сомнѣваетесь! Скажите ради Бога, что онъ?... Какъ онъ? точно влюбленъ въ Толову? вы замѣтили?... вы узнали?... Навѣрное вы узнали!?

— Не пугайтесь, не беспокойтесь, дорогая Настасья Аванасьевна! Ничего вѣрнаго я еще не знаю. Дѣти точно дуются другъ на друга, но я надѣюсь вскорѣ все привести въ порядокъ, съ помощью нѣкоторой осторожности. Если бы мы съ вами добивались только того, чтобы женить ихъ во что бы ни стало, не принимая въ разсчѣтъ ничего кромѣ выгодъ этого союза, то, конечно, можно было бы устроить дѣло безъ большаго труда. Довольно было бы представить имъ, что этотъ бракъ необходимъ для нашего съ вами спокойствія, прибѣгнуть еще къ кое-какимъ доводамъ и съ помощью угрозъ и ласкъ уговорить того и другаго, но такимъ-образомъ цѣль наша не была бы достигнута: мы сострипали бы бракъ по разсчету, а не по сердцу. Вы вѣдь не хотите этого, не правда ли?

— Нѣтъ, нѣтъ! что это за замужство! Я не хочу уговаривать! А что, Петръ Петровичъ, какъ вы находите, Фелица хуже Толовой?

— Нѣтъ.... ни сколько; ихъ даже сравнивать нельзя; Толова совсѣмъ въ другомъ родѣ.

— А очень хороша-таки?

— Нельзя сказать.... наружность впрочемъ замѣчательна, и хорошо себя держитъ.

— А Александръ крѣпко увивается около нея?

— Я не видалъ ихъ вмѣстѣ; онъ ѣздилъ куда-то, и сейчасъ только воротился.

— Ахъ, Боже мой, Петръ Петровичъ! что же вы это здѣсь сидите? Вы меня губите! У васъ неизлечимая страсть—

сидѣть да болтать. Тамъ, можетъ, не знай что происходитъ, а вамъ и нужды нѣтъ?... Не бойтесь вы Бога, Петръ Петровичъ! Главнаго-то вы и не видали. Вы всегда такъ ведете дѣла! Ну, признайтесь теперь сами: не умно ли я сдѣлала, что не вышла за васъ за-мужъ! Самъ Богъ просвѣтилъ мое сердце. Вы, своей ужасной флегмой, давно положили бы меня въ гробъ.

— Я, съ моей стороны, ничего не потерялъ, Настасья Аванасьевна. Вы меня браните точно такъ же, какъ будто я былъ крѣпокъ вамъ по браку.

— Это по искренней дружбѣ! Да васъ нельзя не бранить. Ужъ вамъ говорить, что только сидите да болтаете, а вы все-таки свое!... ни съ мѣста не трогаетесь!

— Вѣдь вы сами за мной прислали?... Прощайте.... иду!... спокойной ночи!

— Куда же вы идете!... погодите!... скажите прежде, что вы тамъ будете дѣлать. Вы опять глупостей надѣлаете!

— Нѣтъ! нѣтъ! я знаю, что нужно дѣлать! Вы уже мнѣ говорили. Прощайте.

— Несносный!

Въ радости, что нашелъ предлогъ такъ скоро отдѣлаться отъ очарованной нѣжной дружбы, Петръ Петровичъ уже переступилъ за порогъ, какъ Настасья Аванасьевна закричала ему отчаяннымъ голосомъ:

— Петръ Петровичъ! воротитесь! ради Бога, воротитесь! Куда вы бѣжите какъ угорѣлый! Вы видите, что Кларина идетъ ко мнѣ, и вы уходите! Воротитесь, можетъ она пришла что нужно мнѣ рассказать.

— Ну, такъ пусть рассказываетъ! Выслушайте ее внимательно, осторожно, а послѣ мнѣ расскажите.

— Вы сами не знаете что говорите! Развѣ я могу все такъ подробно пересказать?... Притомъ же безъ васъ я тотчасъ проболтаюсь, и послѣ вы же будете бранить меня до обмороку... развѣ я васъ не знаю!

Нечего дѣлать, Петръ Петровичъ воротился. Кларина вошла вмѣстѣ съ нимъ.

— Что это вы, Татьяна Алексѣевна, такъ рано извели кончить преферансъ?...

— Гдѣ кончить!... Я карты передала.

— Что же это? вамъ не везло?...

— Нѣтъ, не то!... мнѣ хотѣлось съ вами поговорить.

— Очень пріятно....

— Не знаю, Настасья Аванасьевна, пріятно ли будетъ мнѣ все, что я, съ позволенія вашего, осмѣлюсь сказать....

Настасья Аванасьевна съ ужасомъ взглянула на Петра Петровича.

— Вѣрно на счетъ моей глѣзбы вамъ что-нибудь такое написали?... сказала она, спустя моментъ, съ удивительною тонкостью и посмотрѣла торжественно на своего вѣрнаго друга, который особеннымъ движеніемъ головы восдальность ея мудрости.

— Нѣтъ, совсѣмъ не то.... Очень рада, Петръ Петровичъ, что я васъ застала : здѣсь дѣло касается и васъ ...

Настасья Аванасьевна сидѣла какъ на иголкахъ.

— Какое же это дѣло, Татьяна Алексѣевна? любопытно знать.... сказала она прехвтро.

— Да что и говорить, Настасья Аванасьевна! Хорошо что вы сами сюда пріѣхали. Я уже собиралась къ вамъ писать....

— Ну, ну!... что же такое случилось?...

Отъ глубокаго саркастическаго взгляду Петра Петровича дальнѣйшія слова замерли у нея на губахъ.

— Случится ничего не случилось; а не хорошо.

— Ахъ, матушки! это вы вѣрно про Фелицу?...

— Точно такъ!

— Она вамъ какое-нибудь непочтеніе оказала?

Настасья Аванасьевна снова съ торжествующимъ видомъ взглянула на Хилковскаго: она такъ ловко и такъ чудесно поправилась!... Мудрый другъ отдалъ ей полную справедливость, кивнувъ головою съ особеннымъ акцентомъ.

— И! нѣтъ, Настасья Аванасьевна! продолжала Кларина, на счетъ себя я вашей племянницей очель довольна.... да вотъ съ женихомъ-то у нихъ что-то всѣ порядки перепутались.

— Неужели? А я и знать не знаю.... Изъ-за чего же это оно?

— И ума не приложу!... не понимаю!... все шло хорошо, вдругъ точно что между ними пробѣжало.... просто, удивительная вещь!

— Что-жъ тутъ удивительнаго? подхватилъ Хилковский: молодцы! Долго ли повздорить изъ пустяковъ?

— Пустяки пустякамъ рознь, Петръ Петровичъ! Помните, возможно-ли это, тянется вотъ ужъ пятый день. Я сама была молода, сама была въ невѣстахъ, у насъ тоже выходили разные окказы, но.... ссориться пять дней сра-

ду.... нѣтъ, такой республики у насъ никогда не бывало. Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ, ей-Богу я не знаю!... Вотъ вамъ образъ сниму со стѣны: ни на минуточку не оставяла Фелиціи Николаевны, даже въ карты сегодня сѣла въ первый разъ играть.... Да они-то все по-французскому между собою.... Слышу, говорятъ крупно, а о чемъ, не умѣю разобрать.... Спрашиваю, отвѣчаютъ, что ничего, дескать, мы такъ это про себя толкуемъ.... А посмотрю! глаза совсѣмъ не тѣ.... по лицу видно, что въ неудовольствіи другъ на друга.... Ну, думаю! плохо! прійдется написать.... а вы тутъ кстати пожаловали сами. Теперь ужъ стало-быть забота не моя. Насилу нашла удобную минутку, чтобы передать вамъ, чтѣ знаю; и то ужъ мнѣ пора, тамъ меня ждутъ за преферансомъ. Распоряжайтесь какъ сами знаете: мое дѣло — васъ предупредить, а прочее остальное до меня не касается. Спокойной вамъ ночи, пріятнаго сна....

— Чтѣ же вы теперь скажете, Петръ Петровичъ? спросила Настасья Аванасьевна, оставшись съ нимъ одна. Чтѣ дѣлать? на чтѣ рѣшиться?

— Я уже сказалъ вамъ, что болѣе нечего дѣлать какъ молчать и ждать.

— Да я не понимаю зачѣмъ ихъ не распросить?

— Милая Настасья Аванасьевна, къ чему это ведетъ! вы знаете, какъ благороденъ Александръ. Онъ не захочетъ отступить отъ даннаго слова. Съ Фелицей вдвоемъ, пожалуй, онъ готовъ разный вздоръ говорить, но вамъ, но мнѣ, развѣ онъ скажетъ, что хочетъ разрыву съ невѣстой? разумѣется что никогда! Если поводъ охлажденія — Толова и если мы подадимъ видъ, что догадываемся о причинѣ ссоры, онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы скрыть, не только отъ насъ, но даже и отъ невѣсты, свои настоящія чувства, и такимъ-образомъ отниметъ возможность наблюдать....

— Да чтѣ намъ за прибыль въ этихъ наблюденіяхъ! Всю жизнь толкуете вы о наблюденіяхъ, каждое дѣло дѣлаете наблюденія, Богъ знаетъ надъ чѣмъ.... надъ горохомъ, надъ капустой, надъ овсомъ, даже... прости Господи!... надъ поросятами и надъ пѣтухами.... а чтѣ вы толковое наблюдаи, позвольте васъ спросить?

— Вѣдь вы хотите, чтобы Александръ женился на Фелицѣ по любви? Такъ если онъ дѣйствительно занятъ другою, какъ же иначе узнать истину и привести его на благой путь?

— А вы надѣетесь.... если бы даже....

— Надѣюсь.... только вы не мѣшайте мнѣ.

— Ахъ, Петръ Петровичъ! другъ мой! горе мое сердечное! хотъ бы вы мнѣ рассказали какимъ это будетъ манеромъ? Я все-таки умнѣ васъ.... я — женщина и въ любви смыслю болѣе всѣхъ мужчинъ.

— Одно изъ двухъ: или Толова стѣитъ или не стѣитъ обожанія. Если нѣтъ, то я берусь заставить Александра устыдиться своей новой любви, своего непостоянства....

— Петръ Петровичъ! Петръ Петровичъ! что вы? какой вздоръ пришелъ вамъ въ голову!... да вѣдь это еще смѣшнѣе наблюденій надъ пѣтухами!

— Совсѣмъ не смѣшнѣе! Не трудно замѣтить въ ней что-нибудь такое, что можетъ открыть ему глаза; разумѣется, надо поступать съ умнѣемъ, съ толкомъ, искусно, неприкѣтно отъ него самого. .. Я берусь за это, если Толова не заслуживаетъ его любви.

— Ахъ! Петръ Петровичъ! Петръ Петровичъ! сами вы говорите частенько, что не всегда любятъ достойныхъ, иногда взываютъ Богъ знаетъ по комъ!

— Мой Александръ не способенъ къ такой. безумной страсти....

— Не потому ли, что вы дѣлаете вмѣстѣ *наблюденія* надъ баранами и надъ сурѣпницей и производите *опыты* со свекловицей на крестьянскихъ огородахъ?

— Именно, потому! Тутъ-то я и узналъ всѣ хорошія качества его души. Да притомъ.... притомъ.... и Толова, кажется, не такая дѣвушка....

— То есть, вы думаете, что она лучше всѣхъ, что она чудо чудесъ?....

— Я ничего не думаю.... я ее не знаю.... но положимъ, что она точно стѣитъ быть любимой: если она добра, благородна и умна, я обращусь прямо къ ней съ просьбой содѣйствовать мнѣ и разочаровать Александра....

— Все прекрасно! вотъ это ужъ совершенно на васъ похоже!... Хорошо вы знаете женщинъ!... Ахъ, Боже мой! что это у васъ за идеи!... Позвольте только васъ спросить: а если Толова сама влюбилась въ него, развѣ она захочетъ вамъ содѣйствовать?

— Въ такомъ случаѣ судьба!... надо будетъ покориться необходимости.

Встасья Анастасевна вспыхнула.

— Покориться необходимости! Смотри пожалуй! Да съ

чего вы это взяли, что мы съ Фелицей должны кому бы то ни было покоряться. Я покойнику мужу никогда не покорялась.. а необходимости, позвольте сказать, и подавно! Покоряйтесь сами, если хотите, а меня прошу ужъ извинить! Вамъ все равно, конечно, вы ничего не потеряете. Толова — завидная партія. Гдѣ Фелицѣ равняться съ ней!

— Вы жестоки, мой добрый другъ! полноте! какъ вамъ не стыдно! Будто вы не знаете, что Фелица нѣтъ такъ же дорога какъ и Александръ? Вы не подумали о томъ, что наговорили, и я не стану даже васъ разувѣрять. Повторяю вамъ, что, какъ дѣло идетъ о чувствахъ, те другой дороги нельзя избрать. Очень весело будетъ намъ съ вами, если Александръ поведетъ къ вѣнцу Фелицу съ досадою на будущую жену и съ тайной страстью къ другой! Если эта страсть существуетъ, надо умно погасить ее сперва.... Ни правоченія, ни уговариванія не могутъ тутъ помочь; надо дѣйствовать на умъ, на внутреннее убѣжденіе...

— Когда васъ слушать, такъ вы совершенно правы.... такая досада! Ну, ужъ пусть будетъ по-вашему! Оно не дурно — съ достовѣрностью все узнать. Можетъ, Александръ и вѣтренъ, какъ всѣ мужчины.... такъ легче убѣдиться теперь чѣмъ послѣ свадьбы. Свѣтъ не клиномъ сошелся: найдется Фелицѣ другой женишокъ по-вѣрнѣе, хоть, признаюсь, не могу подумать равнодушно.... Ну, если они разойдутся, тогда что! Бѣда! просто, бѣда!

— Богъ милостивъ! Все будетъ хорошо, не беспокойтесь. Вѣдь мы это только такъ думаемъ, предполагаемъ, догадываемся на-счетъ Толовой.. Но если и въ-самомъ-дѣлѣ, такъ и тутъ еще нѣтъ причины отчаяваться: день дню не равенъ, что нравится сегодня, то бываетъ противно завтра. Спите спокойно и не заботьтесь ни о чемъ.

— Ваша правда, Петръ Петровичъ! Утро вечера мудренѣе. Хорошо, что мы толкомъ, спокойно, обстоятельно переговорили съ вами; теперь во мнѣ сомнѣніе исчезло, когда вы такъ хорошо растолковали, такъ умно расположились дѣйствовать, по обдуманному плану. Спасибо вамъ!

Настасья Аванасьевна прослезилась и разсталась съ Петромъ Петровичемъ съ сердцемъ полнымъ благодарности, дружбы и надежды.

— Только, пожалуйста! закричала она ему, когда онъ поцѣловавъ ей руку, отворялъ дверь въ корридоръ: пожалуйста, не употребляйте агрономіи съ моею милашкой, не

дѣлайте ни наблюдений ни опытовъ надъ Фелицей. Съ Александромъ дѣлайте что угодно !

Хилковский сошелъ въ залу. Тамъ вальсировали. Онъ осмотрѣлся кругомъ. Александръ игралъ на фортеціано, Фелица вертѣлась съ какимъ-то франтомъ, Надежда Толова сидѣла у окна возлѣ группы дамъ и мужчинъ, но отдѣльно. Петръ Петровичъ подошелъ къ нимъ ближе. Надежда не принимала участія въ разговорѣ. Облокотившись на открытое окно, она вдыхала свѣжій вечерній воздухъ, отъ времени до времени оборачивала голову, какъ будто желала показать изъ учтивости, что она слушаетъ и слышитъ слова гостей-сосѣдей. Хилковскому было ясно, по разсѣянности ея взглядовъ, что она и не знаетъ о чемъ идетъ рѣчь.

А рѣчь шла о предметахъ величайшей важности. Когда онъ подходилъ, въ группѣ съ одной стороны Христофоръ Панкратьевичъ, дородный чиновникъ съ основательной репутаціей и основательнымъ жалованіемъ, колоссальная цѣль надеждъ чадолюбивыхъ матушекъ, произносилъ трогательную элегію о томъ, что съ отгѣздомъ Долоновскихъ въ городъ нашемъ завелась страшная скука — негдѣ повеселиться — никто не даетъ баловъ — завелся начальникъ съ такимъ задумчивымъ, меланхолическимъ характеромъ, — онъ живетъ тихо, и всѣ по его примѣру притихли — онъ не охотникъ давать балы, и никто баловъ не даетъ — съ другой стороны толковали о знаменитомъ вопросѣ — есть ли еще нынче любовь на свѣтѣ? Этого вопроса, въ высшей степени современнаго, въ вашей губерніи до-сихъ-поръ не рѣшили. Въ обѣихъ столицахъ тоже. Въ Парижѣ тоже. И кажется, никогда не рѣшатъ его. Есть въ Европѣ очень сильная партія, которая утверждаетъ, что любви нѣтъ и быть не можетъ въ нашъ вѣкъ, положительный, разсчетливый и вовсе не поэтической. Изъ ста мужчинъ, считающихъ себя за умницъ девяносто-девять принадлежатъ къ партіи, къ которой, кромѣ извѣстнаго числа, отставныхъ кокетокъ, между прочими, принадлежитъ и мосьё Валуновъ. Мосьё Валуновъ, именно, произносилъ свой приговоръ въ эту минуту — если хотите, не свой, а выкраденный изъ печатной книги — но совершенно достойный этого примѣчательнаго въ своемъ родѣ ума :

— И полноте, господа ! кто въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ

приписываетъ какую-нибудь важность любви? Чувство и пары — двѣ несомѣстныя силы. Одна непременно должна уничтожать другую. Пары сдѣлали нашъ вѣкъ, наше общество, наши понятія и наши дѣйствія совершенно механическими. Мы существуемъ и дѣйствуемъ какъ колеса и рычаги въ одной огромной механикѣ, основанной, какъ всякая механика, на точномъ вычисленіи, на разчетѣ. Для чувствъ тутъ нѣтъ мѣста. Любовь стала нынче преданіемъ... легендою вѣковъ рыцарства, вѣковъ мечты и поэзіи.

— Позвольте представить вамъ мое почтеннѣйшее возраженіе, перебилъ агрономъ, вмѣшиваясь въ этотъ достопамятный разговоръ. Этотъ парадоксъ я уже слышалъ и читалъ много разъ, и всегда размышленіе давало мнѣ въ результатѣ тотъ выводъ, что безвѣріе въ любовь съ одной стороны — источникъ, а съ другой — признакъ большой безнравственности. Я — старикъ, и болѣе всѣхъ васъ, господа, имѣлъ бы права хвастаться моею опытностью и презирать великое чувство, движущее вселенной, на основаніи нажитаго познанія его неудобствъ и его недостатковъ, но отставка моя отъ дѣлъ этого чувства не мѣшаетъ мнѣ быть справедливымъ. Самая страшная и самая возвышенная страсть въ природѣ, этотъ Прометеевъ огонь, согрѣвающаящій все твореніе, любовь, не перестанетъ быть никогда; — несмотря на пары, на математику и на эгоизмъ вѣка, удаляющагося болѣе отъ поэзіи и душевныхъ восторговъ, — основаніемъ всего благороднаго въ человѣчествѣ. Посчитайтесь съ совѣстью: вы сами, выдавая себя за приверженцевъ положительности и промышленнаго разчету, вы сами сколько въ жизни сдѣлали прекраснаго, сколько разъ бывали добрыми, великодушными, готовыми на всякое самопожертвованіе по поводу любви! Сказать, что любовь исчезла съ земли, одно и то же, что сказать будто честность исчезла и всѣ люди стали мерзавцы: а это было бы не только несправедливо въ цѣломъ, но и не совѣтъ кстати въ порядочномъ обществѣ. Я, по моей личной опытности, вѣрю въ природное благородство человѣка, въ постоянную, инстинктивную склонность его къ прекрасному и славному, и въ силу любви приводить эту естественную склонность въ дѣйствіе....

— Вы развращаете молодежь, Петръ Петровичъ, позвольте вамъ доложить, сказалъ Кузьма Кузьмичъ, расчетливый помѣщикъ, который любви не любилъ, потому-что она не всегда выходитъ въ итогахъ своихъ согласною с приходо-

расходными книгами. Вы изволите возвеличивать силу и права любви, а молодымъ особамъ только и нуженъ этотъ предлогъ, чтобы дѣйствовать наперекоръ соображеніямъ родителей и благоразумію старшихъ.

— Ваша правда! съ живостью подхватила Елена Тимоѣевна: это очень опасно проповѣдывать. Свѣтъ и безъ того совершенно перепортился, старыхъ дѣвъ завелось бездна — а отчего? — оттого что молодые особы начали разсуждать о смѣлѣ и правахъ любви. Бывало, родители найдутъ жениха, скажутъ — бери, и дочь выходитъ замужъ не разсуждая; а теперь присватается и отличнѣйшій женишокъ, всемъ хорошій, должность видная, состояніе порядочное: нѣтъ! этого еще мало! Залазять свое — не нравится!.... и, того гляди, останутся старыми дѣвицами....

И Елена Тимоѣевна значительно взглянула на высокую, блѣдную дѣвушку, которая сидѣла рядомъ. Та покраснѣла и потупила взоръ.

— И пусть ихъ остаются! сказалъ Петръ Петровичъ. Лучше быть старой дѣвушкой, чѣмъ привести сердце, счастье и жизнь свою въ жертву гнусному разсчету. Я уважаю дѣвушекъ, молодыхъ людей, и всякаго, кто умѣетъ отказаться отъ житейскихъ выгодъ для душевныхъ удовольствій, для прямыхъ влеченій сердца, для восторговъ, которые вмѣстѣ — и личное блаженство и начало всего великаго.

Высокая, блѣдная дѣвушка бросила на Петра Петровича взглядъ, исполненный глубокой признательности.

— Не надо превозносить стараго времени и оуждательнѣйшее, продолжалъ агрономъ: потому только, что намъ, пожилымъ, нѣкогда было веселѣе и отраднѣе на свѣтѣ чѣмъ нынче. Свѣтъ не только не хуже прежняго, но напротивъ, онъ становится лучше и лучше, и физически и нравственно, несмотря на случайные вздоры обществъ и сумасбродства умовъ кривыхъ, испорченныхъ. Зло всегда будетъ, но всякій разъ оно будетъ иначе и не такъ тлетворное, тогда какъ масса добра безпрестанно увеличивается.

— То есть, вы хотите сказать, замѣтилъ Рундовъ, что и нынче еще есть мужчины, способные принести женщинѣ въ жертву самый выгодный разсчетъ, есть женщины, готовые отказаться для блага другихъ отъ самыхъ сладостныхъ желаній.

— Есть! съ убѣжденіемъ произнесъ агрономъ. Есть. Digitized by Google

всегда были!.... и всегда будут!.... должны быть, когда бы и не хотѣли.... иначе и быть не можетъ.

— Только нынче ихъ не видно, подхватилъ остроумный москъ Валуновъ.

— Я опять вамъ скажу, что тутъ нынче не значитъ ровню ничего. Истинныя привязанности рѣдко бывали всегда, и прежде и теперь, или, точнѣе, онѣ рѣдко провозглашаютъ свои прѣкрасные подвиги. Въ тысячу разъ болѣе; повѣрьте, дѣлается добра подъ завѣсою тайны, въ великодушномъ безмолвіи, нежели сколько тщеславіе или обстоятельство доводятъ до общаго свѣдѣнія, трубя во всеуслышаніе о замѣчательныхъ почему-нибудь поступкахъ; а что даже приносить несказанную честь роду человѣческому, это ручается за благородство его природы, это — залогъ его будущихъ успѣховъ въ нравственности, которая, такъ же какъ и вещественное благосостояніе, не можетъ не улучшаться мало-по-малу, не совершенствоваться безпредѣльно. Жизнь человѣческая, въ-самомъ-дѣлѣ, становится постепенно съ развитіемъ образованности, промышленности, расчету, не только удобнѣе, опрятнѣе, пріятнѣе, легче, но вмѣстѣ съ тѣмъ и честнѣе, душевно-чище, великодушнѣе....

Разсужденіе Хилковского, произносимое съ жаромъ добродушія и авторитетомъ всѣми уважаемаго человѣка, разогнало непримѣтно всю эту стаю модныхъ вѣроновъ, черныхъ птицъ злобщей глупости, порхающихъ по бальнымъ паркетамъ. При послѣднихъ словахъ его Рундовъ уже стоялъ у карточнаго стола, гдѣ онъ держалъ большое пари; Валуновъ давно уже любезничалъ съ Марьей Алексѣвной, Христофоръ Панкратьевичъ усердно вальсировалъ съ блѣдной дѣвушкой, Елена Тимоѣевна провожала ихъ глазами, съ самодовольной улыбкой, Кузьма Кузьмичъ зѣвалъ на всѣ четыре вѣтра.

Хилковскій собирался пробраться къ племяннику, когда взглядъ глубокій, проницательный, взглядъ Надежды Толовой остановилъ его. Она глядѣла на него пристально, съ тою ясною улыбкой, которая придаетъ столько прелести серьезнымъ лицамъ.

— Скажите, какъ это случилось, что вы успѣли сохранить такое благородное понятіе о свѣтѣ и о людяхъ? Вы уважаете чувство, котораго люди обыкновенно или не признаютъ или осмѣиваютъ. Вы вѣрно были очень счастливы всегда?

— Я никогда ничего не презиралъ, вотъ весь мой секретъ,

сударыня, отвѣчалъ Петръ Петровичъ, вриятно удивленный этимъ началомъ.

— Мнѣ кажется, что только человекъ, не обманутый въ своихъ надеждахъ, не испытавшій неудачъ въ жизни, можетъ имѣть такое хорошее мнѣніе о другихъ.

— Этого нельзя сказать. Однихъ неудачи заставляютъ презирать и ненавидѣть весь свѣтъ; другіе же, напротивъ, сохраняютъ довольно здраваго смысла, чтобы не судить цѣлаго свѣта по тѣмъ немногимъ лицамъ, съ которыми пришлось имъ имѣть дѣло...

— И не презирать въ другихъ истиннаго чувства, даже когда оно вредитъ ихъ видамъ.... Не такъ ли? это ваше мнѣніе?...

Петръ Петровичъ наострилъ уши. — «Что это она говорить?... къ чему клонится это дополненіе?» думалъ онъ.

— Такъ бы должны думать всѣ.... присовокупила Надежда.

Она остановилась, обтерла платкомъ лобъ какъ-бы желая отогнать тяжелую мысль, и задумалась.

Агрономъ долго и внимательно смотрѣлъ на эту странную дѣвушку, которой сталъ опасаться. По глазамъ, неподвижно устремленнымъ въ окно, видно было, что она вовсе забыла и о началомъ разговоръ и объ его присутствіи.

Онъ принужденъ былъ сознаться, что общее мнѣніе объ ней имѣло нѣкоторое основаніе, особенно, когда дѣлая свои наблюденія надъ нею во все остальное время вечера, онъ увидѣлъ, что она всегда и вездѣ являлась одинаково безстрастной, равнодушной, невнимательной. Минутная вспышка одушевленія, оживившая ее въ этомъ короткомъ разговорѣ, не возвращалась болѣе. Предоставивъ матери всѣ хлопоты любезной хозяйки, молчаливая и серьезная, сама она не занималась ни кѣмъ изъ гостей, и отвѣчала на вопросы съ лаконизмомъ, способнымъ навести прѣстуду. Но наблюденія Хилковскаго были не полны. Онъ не видалъ Александра вмѣстѣ съ Толовой. Прямо изъ за-фортельяно молодой человекъ ускользнулъ въ свою комнату, и вечеръ кончился, а Петръ Петровичъ все еще не зналъ, на чемъ оставить свои догадки.

IV.

На другой день агрономъ проснулся поздно. Наканунѣ долго раздумывалъ онъ въ постели о вечернихъ событіяхъ

и утромъ вознаградилъ себя проспавъ до десяти часовъ. Страхъ Настасьи Аѳанасьевны, для которой каждая минута была драгоценною, заставила его быстро вскочить съ постели. Онъ поспѣшно занялся своимъ туалетомъ, принарядился второпяхъ, причесалъ свои сѣдые волосы, и пошелъ въ залу. Тамъ уже находилось почти все утѣшинское общество. Елена Тимоѣевна встрѣтила Хилковского любезными шутками на счетъ продолжительнаго покою. Рундовъ напротивъ увѣрялъ, что почтенный агрономъ не могъ уснуть во всю ночь отъ новыхъ идей, овладѣвшихъ имъ наканунѣ, и, обращаясь вдругъ къ Александру, читавшему газету, прибавилъ.

— Поздравьте дядюшку, Александръ Оттовичъ: онъ очарованъ со вчерашняго вечера.

— Кѣмъ? или чѣмъ? спросилъ племянникъ.

— Какъ вы не-догадливы!

Рундовъ взглядомъ указалъ на Толову.

— Чтѣ-жъ, у дядюшки прекрасный вкусъ!

— Ты находишь?

— Конечно.

Евгенія Ивановна посадила агронома возлѣ себя и, тѣмъ, которому вся мужская половина нашей губерніи привыкла повиноваться, принялась снова читать ему нравоученіе касательно неумѣстности женить племянника противъ его сердца. Съ трудомъ Хилковскій успѣлъ уйти отъ названой допросицы, оглядываясь во всѣ стороны, не смотря ли на него Настасья Аѳанасьевна съ готовою разразиться грозою за бездѣйствіе и потерю дорогаго времени. Фелица была весела, шутила и смѣялась; Александръ не поднималъ глазъ съ газеты, Надежда вышивала; но въ лицѣ ея виднѣлись слѣды легкаго утомленія: она какъ-будто дурно провела ночь. Обмѣниваясь нѣсколькими словами съ подходящими къ пальцамъ, она, казалось, исключительно занята была работою и едва ли кто-нибудь, кромѣ внимательнаго Петра Петровича, замѣтилъ, что время отъ времени она взглядывала то на Фелицу, то на Александра. Настасья Аѳанасьевна, сущій Аргусъ въ чепцѣ, всѣ свои сто глазъ устремила на нихъ троихъ и по нетерпѣливому движенію ея пальцевъ, въ которыхъ такъ и прыгали спицы, можно было догадаться, что и отъ нея не укрылись эти короткіе, едва примѣтные, взгляды.

Наконецъ Настасья Аванасьевна увидала Хилковского, сдѣлала ему знакъ и вышла съ нимъ на балконъ.

— Теперь, я все знаю! сказала она, едва владея собою. Это она всему причиной! все это ея штуки! Вы, батюшка, ничего не видите! Я въ одинъ мигъ все разобрала до-чиста.

— Чтó такое?

— Помилуйте! Развѣ вы слѣпы? Она то и дѣло смотреть на него....

— Такъ чтó-жъ изъ этого?

— Да то, что теперь все объяснилось.

— Далеко не все. Погодите.

— Чего еще вы хотите дожидаться? Пока она бросится къ нему на шею при всѣхъ! Охъ! вы! наблюдатель, наблюдатель!... Подите дѣлать наблюденія надъ горохомъ, а не надъ женскимъ сердцемъ. Не ваше дѣло сударь! Сдѣлайте одолженіе, Петръ Петровичъ, кончите все поскорѣе! Я хочу конца!

— Чтó жъ вы прикажете мнѣ дѣлать? я уже говорилъ вамъ, если я спрошу Александра....

— Кто вамъ говорить объ Александрѣ! Оставьте его въ покоѣ. Такой притворщикъ! Цѣлое утро, безъ васъ, хоть бы разъ онъ взглянулъ на Толову, а все-только смотрѣлъ на Фелицу. Меня, видно, испугался. Я вижу изъ этого, что самъ собою онъ навѣрное и не подумалъ бы о Толовой, да она прикинулась влюбленной и морочить его.... такая кокетка! Молодому человѣку долго ли вскружить голову! Съ ней-то вамъ и надо переговорить.... Такъ-таки прямо и объявить, чтобы она не питала пустой надежды.

— Какъ это можно! разсудите сами, Настасья Аванасьевна! это такой щекотливый предметъ.

— Когда захотите доказать мнѣ дружбу, такъ сдѣлайте. Не мнѣ учить васъ! Какъ-нибудь, сначала стороной, обняками, а тамъ и прямо, только по деликатнѣй. А ужъ какъ вамъ угодно, я ждать не намѣрепа! Помилуйте, на чтó это похоже! Чтобы я позволила какой-нибудь дѣвчонкѣ разстроить счастье моихъ дѣтей?... да я знать ничего не хочу! да я надѣлаю такого шума, что они свѣту Божьяго днемъ не увидятъ!

Она не унималась до-тѣхъ-поръ, пока Хилковскій не обѣщала ей объясниться съ Толовой въ самомъ непродолжительномъ времени, въ тотъ же день если удастся. Внутренно онъ находилъ, что время еще не наступало для подобнаго

объясненія. Напрасно Настасья Аванасьевна мигала ему, когда во время завтрака Толова оставалась одна въ гостиной: онъ всё еще ждалъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, какъ вдругъ его выжидательная метода была опрокинута однимъ изъ тѣхъ громовыхъ событій, противъ которыхъ бессильна вся пронизательность человѣческая. Настасья Аванасьевна, объявивъ Петру Петровичу, что онъ — баба, что въ кашустномъ кочанѣ ума и толку болѣе чѣмъ въ его ученой головѣ, храбро пошла сама на приступъ, рѣшась погибнуть или уничтожить врага въ главной его крѣпости — за пальцами. Не задолго до обѣда, когда всё разсѣялись по саду и комнатамъ, и въ залѣ не осталось никого кромѣ Надежды Толовой и Петра Петровича, она бомбою влетѣла къ нимъ, подсѣла къ пальцамъ молодой дѣвушки, и начала:

— Надежда Николаевна! долго ли думаете вы остаться у насъ здѣсь?

— До осени, я полагаю, отвѣчала Надежда.

— Я спрашиваю не изъ любопытства, продолжала Настасья Аванасьевна. Въ сентябрѣ назначена свадьба моей Фелицы съ племянникомъ Петра Петровича. Мнѣ бы очень лестно было видѣть васъ въ повѣздѣ невѣсты, да и Александръ Оттовичъ, кажется намѣренъ просить Варвару Михайловну въ посаженныя матери.... не такъ ли, Петръ Петровичъ?

Хилковскій не вѣрилъ ушамъ своимъ. Вотъ что называется прямо приступать къ дѣлу! Онъ выпучилъ оба глаза, чтобы наблюдать дѣйствіе этой вѣсти на Толову, но къ удивленію его и Настасьи Аванасьевны, Надежда ни мало не измѣнилась въ лицѣ и самымъ натуральнымъ тономъ спросила:

— Зачѣмъ вы такъ далеко отлагаете ихъ свадьбу?

— Приданое, знаете, еще не все готово. Да признательно сказать, до свадьбы слѣдовало бы еще цѣлый годъ ждать: я хотѣла валожить испытаніе на влюбленныхъ, да теперь вижу, что можно сократить срокъ: они такъ ужасно любятъ другъ друга!... не такъ ли, Петръ Петровичъ?

Онъ утвердительно кивнулъ головою и опять сталъ наблюдать Толову, но она, продолжая работать, отвѣтила просто и непринужденно, что онѣ съ матерью съ удовольствіемъ отложатъ свой отъѣздъ на столько времени, сколько пожелаетъ Настасья Аванасьевна:

— Неужели мы промахнулись Петръ Петровичъ? спросила

Врокина, выйдя изъ залы вскорѣ послѣ этого разговору и отправляясь отыскивать Фелицу.

— Кажется, что такъ! отвѣчалъ онъ, взглянувъ еще разъ издали на блѣдное, но по-прежнему спокойное лицо Надежды.

— А всему виноваты вы! продолжала Настасья Аванасьевна съ примѣтнымъ смущеніемъ. Вотъ какой чепухи вы надѣлали!...

Агрономъ не считъ нужнымъ оправдываться. Онъ между-тѣмъ думалъ про себя: «Если эта дѣвушка действительно не разстроена любовью, то пусть Александръ и занятъ ею: она станетъ помогать мнѣ»... Не безъ нѣкотораго однако безпокойства ждалъ Хилковскій объясненія съ Фелицей. Онъ помнилъ, что она ему вчера говорила.

Фелицу позвали на-верхъ. Настасья Аванасьевна обняла ее, поцѣловала, и объявила ей неожиданное извѣстіе. Петръ Петровичъ ожидалъ, что будетъ буря, но вмѣсто того, Фелица вспыхнула радостью, бросилась къ теткѣ на шею, пришла въ восторгъ. Очевидно, блѣдное дитя любило безъ памяти и вчера говорило въ сердцахъ. Агрономъ сталъ дышать свободнѣе. Пока все шло хорошо. Оставивъ тетку съ племянницей обниматься и цѣловаться, онъ пошелъ за Александромъ. Молодой человѣкъ сидѣлъ за фортепiano и игралъ что-то очень грустное. Дядюшкѣ показалось, что слезы льются изъ каждой ноты, что въ этихъ заунывныхъ звукахъ стонетъ угнетенная, растерзанная душа. Хилковскій встревожился еще больше, когда въ полурастворенную дверь передъ нимъ мелькнуло блѣдное лицо Надежды. Она еще сидѣла за работой, но руки, вмѣсто того чтобы выдерживать иголку, вытирали слезы, градомъ катившіяся изъ глазъ. Агрономъ не зналъ, что дѣлать. Настасья Аванасьевна провозгласила свадьбу и они здѣсь сходятъ съ ума вдвоемъ! Не сказать ему вельзя: сказать—онъ пожалуй рухнетъ на полъ. «Ну! пусть будетъ что будетъ! подумалъ онъ: лучше разомъ все покончить».

Александръ обернулся и, увидѣвъ дядю, всталъ.

— Александръ, другъ мой! сказалъ Хилковскій, отводя его сторону: я пришелъ тебѣ объявить новость. Настасья Аванасьевна наконецъ согласна.... Фелица тоже.... теперь, назначить свадьбу зависитъ совершенно отъ тебя.

Александръ вспыхнулъ точно такъ же какъ Фелица, только

не бросился на шею къ дядѣ, а напротивъ опустился на кресла: ноги его такъ дрожали, что онъ не могъ стоять.

— Неужели? прошептавъ онъ, оправляясь отъ волненія: ахъ, дядюшка! ахъ Петръ Петровичъ! можетъ ли это быть?

Онъ пожалъ руку дяди, вскочилъ съ мѣста и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Отъ меня зависитъ, продолжалъ онъ: разумѣется, скорѣй?... скорѣй!...

Глаза его заблестали, и на губахъ мелькнула улыбка, такая свѣтлая, такая радостная, что ученый агрономъ остолбенѣлъ.

За дверью раздался звонкій голосокъ Фелицы. Она громко разговаривала и смѣялась. Едва этотъ голосъ долетѣлъ до залы, какъ Александръ измѣнился въ лицѣ. Блѣдность смѣнила краску: онъ остановился и тяжело вздохнулъ. У дяди голова пошла кругомъ: ученый агрономъ тутъ ужъ рѣшительно ничего не понималъ.

Фелица явилась на порогъ съ торжествующимъ лицомъ. Дядя не спускалъ глазъ съ племянника, который подошелъ къ невѣстѣ и, взявъ ея руку, нѣсколько разъ прижалъ къ губамъ. Дядя видѣлъ, что поцѣлуи были нѣжны, очень нѣжны, но ему показалось, что племянникъ медленно, какъ бы неохотно, какъ-будто съ усиленіемъ, подходилъ къ Фелицѣ.

«Что за противорѣчія! То какъ-будто радъ!... то словно не хочетъ!»!

Блѣдный дядя! А каково было ему, когда, при вѣсти о помолвкѣ, всѣ прибѣжали поздравлять, и Надежда, по примѣру другихъ, подошла къ невѣстѣ и жениху! Всѣ системы сѣвооборотовъ перепутались у него въ головѣ: до-того видъ Толовой сбилъ его съ пути. Слѣда слезъ какъ-будто не бывало; съ улыбкой, съ чувствомъ, пожала Надежда руку Александру и Фелицѣ и спокойно усѣлась на любимое мѣсто свое къ окну. Обычное хладнокровное разсужденіе Хилковскаго оказалось недостаточнымъ для разбору этихъ противорѣчащихъ явленій. Едва онъ успѣлъ сказать себѣ, что это — умѣнье свѣтской дѣвушки владѣть собою, какъ внутреннее убѣжденіе возражало, что выразительная фізіономія Надежды должна была бы хоть отчасти отразить волновавшія душу ощущенія. Напрасно силился онъ открыть въ Толовой притворство: ничего натянутого въ ней не замѣчалось. Между-тѣмъ недавнія слезы приходили ему на память и давили умъ сомнѣнемъ. Чтобы сбросить съ сердца тя-

жалео время, онъ вызвалъ на лицо самую веселую улыбку и, радостно потирая руки, подошелъ къ окну Надежды.

— Какъ я радъ! какъ я счастливъ! сказалъ онъ. Право, этому никто не повѣритъ....

— Отчего же не повѣритъ? напротивъ, это очень натурально, отвѣчала Надежда, поднимая на него свои умные, благородные и на этотъ разъ удивительно спокойные глаза.

— Никто не повѣритъ, потому-что никто не знаетъ, какъ имъ было жаль этихъ бѣдныхъ дѣтей....

Удивленіе промелькнуло въ напряженномъ взглядѣ Надежды.

— Развѣ эта свадьба не была рѣшена давно?

— Да.... но она отложена была на такое долгое время.... я страдалъ вмѣстѣ съ влюбленнымъ....

— Вотъ люди избалованные судьбою! прервала Надежда нѣсколько одушевляясь. Вамъ ждать тяжело!... А какъ дорого дали бы другіе, чтобъ имѣть возможность ждать....

Голосъ ея, по наблюденію агронома, какъ будто измѣнился при этихъ словахъ.

— Но надо знать, отвѣчалъ онъ, какъ искренно, необыкновенно, можно даже сказать безумно влюблены они....

Едва замѣтная улыбка проскользнула по губамъ Надежды, между-тѣмъ какъ голова ея слегка наклонилась. Движеніе это какъ-будто показывало, что она согласна съ Хилковскимъ относительно къ великой взаимной страсти влюбленныхъ, но улыбка выражала совсѣмъ не то.

— Да, они очень любятъ другъ друга, примолвилъ Петръ Петровичъ глубокомысленно: я слѣдилъ за ихъ любовью... я ее знаю.... она началась, и развилась при мнѣ....

Надежда задумалась, и не отвѣчала. Петръ Петровичъ продолжалъ.

— Есть въ жизни время, когда счастье для насъ состоитъ въ томъ, чтобъ видѣть счастье близкихъ намъ особъ. Я помнюдѣль двадцатью годами....они такъ блаженствуютъ теперь, что ничего въ мірѣ нельзя сравнить съ счастьемъ быть любимымъ и любить....

Надежда молчала; только легкой, розовой отгѣнокъ свѣтилъ матовую блѣдность щекъ и губы слегка задрожали. Онъ продолжалъ:

— Настасья Аванасьевна была неумолима; она даже вѣрнаго слова не давала. Представьте себѣ положеніе Але-

ксандра! Его мнѣ было жаль особенно. Фелица тоже чрезвычайно любить, но въ ея дѣта, съ ея характеромъ нельзя составить себѣ такого опредѣленнаго понятія о важности супружества по чувству; она безотчетно предается влеченію души; она любить, потому-что весело любить. Но я дрожалъ за моего Александра. Онъ избралъ себѣ эту привязанность цѣлью для жизни, основалъ все счастье свое на ней, а кто любить съ такимъ убѣжденіемъ, для этого обманутое ожиданіе, видъ одиночества безъ цѣли, безъ надежды, равны нравственной смерти....

Теперь ужъ не трудно было примѣтить, что Надежда сдѣлала сверхъестественное усиліе, чтобы удержать пару алмазныхъ слезинокъ, которыя чуть-чуть не выкатились изъ глазъ, отуманенныхъ выраженіемъ тяжкаго страданія. Агрономъ, при всей ограниченности своихъ свѣдѣній въ запутанной наукѣ женскаго генераль-баса, очевидно попалъ ощупью на чувствительную ноту того зѣрнаго тону, на который было настроено ея сердце! блѣдность, безпокойство нервный трепеть, все говорило за нее. Она любить!... это несомнѣнно! Петръ Петровичъ былъ дотога деликатенъ, что при такихъ ясныхъ признакахъ смущенія, продолжать начатый разговоръ, онъ счелъ бы за варварство. Достаточно и этой блѣдности и этого волненія. Онъ тотчасъ примѣтилъ предметъ бесѣды и вскорѣ отошелъ, но съ убѣжденіемъ, что теперь надо удвоить и осторожность и вниманіе: эта дѣвушка готова уотребить всѣ мѣры, чтобы произвестъ разрывъ.

Однако ни въ этотъ вечеръ ни въ слѣдующее утро ничего особеннаго не случилось. Надежда снова превратилась въ ледъ. Ничто не обнаруживало въ ней внутренняго волненія, она была, какъ всегда, безстрастна и равнодушна ко всему. Чтѣ происходило въ душѣ Александра, это опять трудно было разобрать. Съ невѣстой онъ былъ внимателенъ и нѣженъ, но прежняго горячаго стремленія, прежней предупредительности, прежней страстной привычки быть съ нею неразлучно за нимъ не значилось. Порой Хилковскому чудилось даже, что глаза племянника блещать очень грустнымъ свѣтомъ и чтѣ-то болѣзненное, безпокойное проглядываетъ въ выраженіи лица.

Чтѣ значило все это? Гдѣ конецъ нити-спасительницы, чтобы выйти изъ темнаго лабиринта догадокъ?

Вдругъ одно обстоятельство явилось на помощь. Не объ-

ясняя сущность дѣла, оно по-крайней-мѣрѣ давало возможность сколько-нибудь подвинуться впередъ. На небѣ цѣлое утро собиралась гроза. Воздухъ былъ удушливъ, до-того что наводилъ тоску. Все утѣшинское общество скончалось въ гостинной. Разговоръ не вязался: несносный жаръ отнималъ и способность и охоту говорить. Даже Елена Тимоѣевна молчала: стало-быть было ужасно жарко!... Надежда, какъ большая часть нервныхъ женщинъ, вѣсколько боялась грома. Когда молнія изрѣдка прорѣзывала густыя тучи и раскаты глухо отдавались вдали, каждый разъ легкая дрожь замѣтно пробѣгала по ея членамъ и блѣдность разливалась по лицу. Какъ скоро удары начали повторяться чаще, а молнія ярче блистать, она встала съ мѣста, чтобы спустить стору. Рука ея была протянута къ шнуру, какъ вдругъ разразился страшный громовый ударъ. Дамы почти всѣ вскрикнули, а Надежда даже не имѣла силы закричать. Закрывъ глаза, она зашаталась и простерла впередъ руки, какъ-будто ища опоры, чтобъ не упасть. Но ее поддержала ловко чѣлто внимательная рука. Это продолжалось менѣе одного мгновенія и прежде чѣмъ присутствующіе сообразились, Александръ — внимательная рука принадлежала собственностью ему—уже успѣлъ бережно опустить Надежду на стулъ и отойти. Движеніе молодого человѣка было очень естественно: онъ стоялъ недалеко отъ того мѣста; но какъ ни естественно было движеніе, какъ ни коротко одно мгновеніе, наблюдательный Петръ Петровичъ успѣлъ положить свои мѣтки и на удивительное присутствіе духа молодого человѣка, и на сверкнувшій гнѣвомъ взоръ Фелицы и повелительный взглядъ Надежды, которымъ она какъ-будто приказывала его родному племяннику поспѣшить къ невѣстѣ, поблѣднѣвшей отъ испуга или отчего-то другаго.

Для вмигъ рѣшился на прямое и откровенное объясненіе съ Надеждой. Она признаетъ право невѣсты: стало-быть не хочетъ становиться между женихомъ и ею; стало-быть Хилковскій можетъ смѣло обратиться къ благородству ея сердца, и она пойметъ его. Можетъ-быть, платя откровенностью за откровенность, она чистосердечно расскажетъ ему все. Можетъ-быть, эта привязанность—у ней только мимолетная прихоть и она дастъ слово не мѣшать законному ходу дѣла. Откладывать было невозможно: только утромъ Надежда оставалась наединѣ. Въ Утѣшинѣ постоянно гостили дамы и нѣкоторые изъ окрестныхъ помѣщиковъ, по большей ча-

сти старики; прочіе мужчины, все люди должностные, пріѣзжали каждый день изъ города, кто къ обѣду, кто вечеромъ. Когда наѣзжали эти господа, къ Надеждѣ приступъ былъ труденъ. На зло своей невнимательности и холодности она безпрестанно бывала окружена толпой. Гроза прекратилась, время близилось къ обѣду, Петръ Петровичъ почти бѣгомъ бросился къ Надеждѣ, которая тогда находилась въ саду. Онъ уже подходилъ къ аллеѣ, гдѣ мелькало ея розовое платье. Но вотъ новая препона предпоставлена его нѣжной заботливости. Съ Надеждою былъ кто-то. Они разговаривали. Петръ Петровичъ съ досадою повернулъ назадъ.

Очевидно нашъ дядя обрѣтался въ одной изъ тѣхъ черныхъ годимъ хлопотъ, которыя обыкновенно преслѣдуютъ добрыхъ дядей въ этомъ мірѣ негодныхъ племянниковъ. Ему суждено было безпрестанно переходить отъ одной догадки къ другой, и ничего не узнавать навѣрное. Онъ ясно разглядалъ того, кто разговаривалъ съ Надеждой. Но едва взглянулъ онъ на него и на ее, какъ рѣшимость объясниться улетѣла и новое предположеніе образовалось въ головѣ. Что же такъ быстро перемѣнилось его намѣреніе? что новаго увидалъ онъ? Если хотите, ровно ничего: дѣло само по себѣ было очень простое; Надежда гуляла съ однимъ изъ гостей, пріѣхавшимъ ранѣе всѣхъ. Но такой наблюдательный агрономъ не могъ не поразиться тѣмъ удивительнымъ обстоятельствомъ, что собесѣдникъ Надежды былъ тотъ самый господинъ, котораго Христофоръ Панкратьевичъ называлъ, и справедливо, нелюдимомъ, человѣкомъ съ мрачнымъ и меланхолическимъ характеромъ. Отчего этотъ дикарь такъ часто адѣсь? Онъ пріѣзжалъ сюда недавно! Зачѣмъ онъ безпрестанно рыщетъ къ Толовымъ, онъ, до-сихъ-поръ почти не выѣзжавшій изъ-дому? Ни громъ ни молнія не задержали его! Зачѣмъ Надежда говоритъ съ нимъ съ одушевленіемъ, она, такая безстрастная всегда? Конечно, доброму дядѣ не безызвѣстно, что она знакома съ нимъ по Петербургу, что даже очень дружна была съ его сестрой; но все-таки эта внимательность мрачности къ ледовитости—не въ порядкѣ вещей и составляетъ въ губерніи феноменъ, достойный примѣчанія. Вслѣдствіе чего Петръ Петровичъ и счелъ долгомъ удалиться, тѣмъ болѣе, что на него не обращали вниманія. Разговоръ былъ, какъ-видно, презанимательный.

V.

Не долго Петръ Петровичъ оставался единственнымъ обладателемъ своего любопытнаго наблюденія. Феномень вскорѣ былъ замѣченъ всѣмъ Утѣшнымъ и даже удовлетворительно растолкованъ. Не успѣли затихнуть поздравленія помолвленными, какъ всѣ въ тихомолку говорили уже о другой свадьбѣ, еще болѣе интересной по положенію, которое предполагаемыя женихъ и невеста занимали въ обществѣ. Попробуйте въ нашей губерніи оказать двушкѣ малѣйшее вниманіе: васъ тотчасъ женятъ на ней хоромъ. Въ настоящемъ случаѣ однако сплетня казалась довольно основательною. Человѣкъ съ меланхолическимъ характеромъ слишкомъ часто посѣщалъ Утѣшино. Онъ, врагъ всякаго шума, бывалъ по нѣскольку разъ въ недѣлю у Толовыхъ, гдѣ всегда было такъ шумно. Такое насиліе своему характеру, такое посягательство на свой покой, такое нарушеніе всѣхъ своихъ склонностей и привычекъ, разрѣшаются однимъ только словомъ: свадьба. Для такого важнаго случая человѣкъ, какъ извѣстно, перерождается или по-крайней-мѣрѣ наряжается въ новую натуру, скинувъ съ себя старую, и бросивъ ее, покамѣсть, куда-нибудь въ темный уголь. По минованіи случая, онъ вытаскиваетъ свою старую натуру изъ темнаго угла и одѣнется въ нее по-прежнему, по домашнему, безъ церемоніи. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые судятъ о людяхъ по праздничному платью! Замѣчаніе это совершенно общее: оно не имѣетъ примѣненія къ настоящему дѣлу и уступается читателю въ прибавокъ, сверхъ предмета повѣсти, въ видѣ чистаго барыша. Дѣло вотъ въ чемъ. Заволинъ—такъ звали человѣка съ меланхолическимъ характеромъ—былъ вдовецъ, лѣтъ сорока, съ тонкими, очень неправильными чертами, серіозный, съ обращеніемъ нѣсколько сухимъ. Лицо его вовсе нельзя было назвать красивымъ, исключая глазъ, которые безспорно были необыкновенно хороши; прекрасной формы, чуднаго, темноголубаго цвѣту, пронизательные, блестящіе и сіяли дивнымъ выраженіемъ ума и доброты. Это былъ человѣкъ замѣчательный, составившій себѣ отлично-извѣстное имя.... чѣмъ.... объ этомъ позвольте умолчать. Въ нашемъ городѣ онъ занималъ первое мѣсто. Петръ Петровичъ былъ увѣренъ,

что если у Надежды есть тайная страсть къ Александру, она безъ большой борьбы можетъ подавить ее: Заволинъ былъ находкой, завиднымъ женихомъ. И повелительный взглядъ во время громоваго удара, и этотъ оживленный въ аллеѣ разговоръ, удостовѣрили Хилковскаго, что дѣло пошло на ладъ. Посѣщенія Заволина, возобновлявшіяся чаще и чаще, и исключительное вниманіе его къ дочери хозяйки, были бы уже достаточными поводами къ толкамъ, если бы новое обстоятельство не подтвердило еще болѣе общей догадки.

Въ одно утро, когда всѣ сидѣли за завтракомъ, Варварѣ Михайловнѣ подали большой пакетъ, привезенный нарочнымъ изъ города. Распечатавъ тотчасъ, она нашла тамъ множество писемъ, которыя тотчасъ же были розданы по адресамъ присутствующимъ. Всѣ удивились, всѣ поспѣшно сорвали печати, всѣ переглянулись, всѣ посмотрѣли на Надежду, которая, ничего не замѣчая, спокойно разговаривала съ Петромъ Петровичемъ. И было чему удивиться и отчего переглянуться! Эти письма были не что иное какъ пригласительные билеты на балъ къ его мрачности Владиславу Васильевичу Заволину.

— Вотъ Елена Тимоѣевна! вскричалъ Христофоръ Панкратьевичъ: мы съ вами недавно горевали, что у насъ веселятся мало! Такъ вотъ вамъ и балъ! да еще у кого!... глазамъ не вѣрится... домосѣдъ, меланхоликъ! Вы будете имѣть честь танцевать у сплина. Это не всякому случается.

— Ну, рѣдкость, удивленіе, нечего сказать! отвѣчала Елена Тимоѣевна вполголоса, а впрочемъ рано или поздно, диво это должно было совершиться, прибавила она, значительно указывая головою въ ту сторону, гдѣ сидѣла Надежда.

— Вы слышите какъ всѣ удивляются, сказалъ тихо Петръ Петровичъ Надеждѣ.

— Чему? спросила Надежда.

— Вы не слышали?

— Нѣтъ.

— Вотъ этому.... продолжалъ онъ, показывая пригласительный билетъ.

— Я все-таки не понимаю.

— Неужели?

— Право, нѣтъ. Что это? пригласительный билетъ на балъ. Что-жъ тутъ удивительнаго?

— О! очень многое, если хотите! Человѣкъ, который дѣлаетъ этотъ балъ, жилъ почти отшельникомъ....

— Ну, такъ давайте удивляться вмѣстѣ, сказала Надежда улыбувшись.

— Нѣтъ, вамъ не слѣдуетъ.

— Миѣ?... отчего же именно миѣ?

— О! какъ вы скрытны! К чему это?... Неужели вы думаете, что здѣсь ужъ давно не говорятъ....

— Но, ради Бога, о чемъ?...

— Вы опять не понимаете? Просто, бѣда съ вами! Вы принуждаете меня быть откровеннымъ. О томъ, что этотъ балъ предвѣщаетъ что-то, чему я радуюсь отъ всей души.

Надежда не отвѣчала. Агрономъ ждалъ, что она улыбнется или покраснѣетъ, но она вмѣсто того направила важный продолжительный взглядъ въ противоположную сторону. Петръ Петровичъ также повернулъ голову туда, куда она такъ выразительно взглянула и встрѣтилъ точно такой же важный и такой же длинный да еще въ добавокъ вопросительный и удивленный взглядъ, которымъ Александръ обтѣивался съ Надеждой. Прежде чѣмъ дядя свелъ и сличилъ эти два взгляда, Надежда уже сошла по ступенькамъ крыльца въ садъ, рядомъ съ Александромъ, и они углубились въ аллею. Согласитесь, что всѣ агрономы, при этой перипетии могли бы подумать Богъ знаетъ что: какъ же Петру Петровичу не возымѣть разныхъ странныхъ мыслей! Дорого бы далъ онъ, чтобы послушать разговоръ ихъ: въ первый разъ во всю жизнь вспыхнуло у него въ сердцѣ такое глупое желаніе, отъ котораго и самъ онъ покраснѣлъ: но Петръ Петровичъ утѣшилъ себя мыслью, что и самому умному человѣку можетъ случиться быть дядею. Судьба не разбираетъ. Онъ ограничился кореннымъ званіемъ своимъ наблюдателя. Александръ былъ задумчивъ, Надежда встревожена, по окончаніи таинственнаго совѣщанія, на которое, впрочемъ, кромѣ его не обратилъ вниманія никто. Настасья Аванасьева, Фелица и всѣ прочіе были слишкомъ заняты предстоящимъ счастіемъ и баломъ. Да и что удивительнаго можно было найти въ этой прогулкѣ? Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, и самъ Петръ Петровичъ не нашелъ бы ея странной, но теперь все становилось доказательствомъ и уликою въ его глазахъ. Пока онъ ломалъ голову надъ этою новою задачею, Утѣшино все обернулось вверхъ дномъ отъ толковъ и хлопотъ. Рѣшили единогласно, что между

ними все кончено и что вѣрно тутъ и объявятъ о помолвкѣ. Всѣ вообще были въ отличномъ расположеніи духа. Впрочемъ нѣкоторые по-тихоньку горевали; но такихъ было очень мало. Горевали дочери Кузьмы Кузьмича, которыми расчетливый папенька на отрѣзъ отказалъ въ новыхъ платьяхъ, да высокая блѣдная дѣвушка. Эта даже плакала украдкой.... отчего?... вы это узнаете впоследствии. Суматоха была порядочная, экипажи неслись то изъ города то въ городъ, заказывались платья, наколки, чепцы, сочинялись чудныя газовыя и тюлевыя идеи и чудныя сердечныя надежды.

— А Надежда Николаевна-то что жъ ничего не шьетъ? рассуждала Елена Тимоѣевна съ одной изъ своихъ пріятельницъ.

— Будто мало нарядовъ привезла она съ собой! основательно замѣтила пріятельница.

— Да для невѣсты бы надо, кажется, что-нибудь особенное....

— Можетъ она и запасла на случай.

— Все же слѣдовало бы посуетиться, похлопотать, а она сидитъ камнемъ на мѣстѣ!

— Для секрету, я думаю; чтобы не догадались.

— Что вы! какой тутъ секретъ! Нѣтъ, это такъ.... такая у ней манера.... она вѣдь, между нами будь сказано, ни рыба ни мясо.... видно теперь это въ модѣ въ Петербургѣ.

И не одну Елену Тимоѣевну занимало безконечное равнодушіе Надежды. Все женское народонаселеніе Утѣшила горѣло краснымъ пламенемъ нетерпѣнія узнать, во что облечется невѣста въ день помолвки. Спросить Надежду не рѣшались: можетъ и нарядъ — секретъ, какъ помолвка. Разспрашивали горничную; но та не получала никакихъ приказаній. Евгенія Ивановна, самая любопытная и самая отважная изъ всѣхъ, поднялась на хитрость: она, очень скромно и очень учтиво, осмѣлилась освѣдомиться у Надежды Николаевны, какого цвѣту будетъ ея платье — не голубое ли? — если голубое, то она въ отчаяніи — потому-что сама она намѣрена быть въ голубомъ, и ея платье, естественно, потеряетъ весь свой цвѣтъ возлѣ чудной петербургской матеріи.

— Я еще сама не знаю, отвѣчала Надежда съ остринной улыбкой.

— Вы, вѣрно, будете въ бѣломъ?

— Не знаю!... Но не думаю.

— Хитрить! сказала тихо Евгенія Ивановна Петру Петровичу. Секретничаетъ!

— А вы ужасно любопытны, сказалъ ей Петръ Петровичъ. К чему вамъ это? Вѣдь увидите сами: недолго ждать.

— Вы ничего не понимаете! отвѣчала Евгенія Ивановна. Если бѣлое, тогда она.... разумѣется!

— Что такое разумѣется?

— Она невѣста!

Въ умѣ агронома просвѣтлѣло. Самому ему стало любопытно, въ какомъ платьѣ явится Надежда и вмѣстѣ съ прочими съ жаднымъ любопытствомъ ждалъ онъ, вечеромъ, входу Толковыхъ въ гостиную, когда наступило время ѣхать въ городъ на балъ. Толковы долго не являлись. Пробыло уже девять; дѣвѣнцы особенно начинали терять терпѣніе.

— Ей хорошо! невѣста! не засидится!... а намъ какво; прѣдешь поздно, не найдешь кавалера, всѣ будутъ ангажированы....

— А для меня, такъ все равно, сказала Марья Алексѣевна, которая чванно развалившись на диванѣ, безпрестанно посылала Валунова то за вѣромъ, то за перчатками, то за букетомъ. Я танцую съ Валуновымъ первую и шестую кадраль.... и мазурку тоже, я думаю. Очень пріятно имѣть своего постояннаго, домашняго кавалера. Василій Ѳедоровичъ всегда въ восторгѣ, когда можетъ намъ съ мужемъ угодить.

— Вы ошибаетесь, возразилъ одинъ чудный, женскій голосокъ. Мосье Валуновъ будетъ танцовать мазурку со мной.

Очаровательный взоръ сопровождалъ эти невѣроятно изумительныя слова, которыя поразили, не только Бигулину, но и самого Валунова, только-что вошедшаго въ гостиную съ цвѣтами въ рукѣ. Какъ! красавица Грулева ангажируетъ его сама? Недостигаемая звѣзда сама слетаетъ къ нему и озарять его такимъ восхитительнымъ взглядомъ? Тутъ есть отъ чего сойти съ ума. Марья Алексѣевна покраснѣла, пожелтѣла, позеленѣла: какая дерзость! похитить у нея ея достояніе! Да на что это похоже! Дѣлать нечего, Марья Алексѣевна! Не сплетничать бы вамъ! Вашъ злой языкъ былъ причиной свадьбы Долоновскихъ. Грулева не проститъ вамъ этого. Она рѣшила, что похитить у васъ Валунова, и быть тако. Она выждала удобную мину-

ту, и вотъ онъ — въ ея власти! Съ-этихъ-поръ рушилось владычество Марьи Алексѣевны. Грулева совершенно свела Валунова съ ума: при томъ количествѣ ума, какое за нимъ числится, это было и нетрудно. Сначала она завладѣла имъ изъ мести; потомъ кокетство и желаніе разсѣяться отъ домашнихъ огорченій, завлекли ее далѣе.... а тамъ.... вы конечно еще не забыли сцены въ павловскомъ воксалѣ, мнѣ къ этому ничего не остается прибавлять.

Пока волшебный взоръ Грулевой взметалъ подъ облака одного и повергалъ другую въ бездну отчаянія, всѣ впились глазами въ отворяющуюся дверь. Ожидали увидѣть Надежду въ бѣломъ воздушномъ платьѣ, съ торжествующей улыбкой на лицѣ. Но, вмѣсто бѣлаго газоваго зашумѣло тяжелое шелковое платьѣ, вмѣсто лучезарной юной улыбки явилось озабоченное лицо гнѣвной осени: изумленнымъ взорамъ любопытнаго собранія явилась Варвара Михайловна одна.

— Поѣдемте; пора, сказала она обезумѣвшимъ гостямъ своимъ. Надежда не поѣдетъ; у нея ужасная мигрень.

Одинъ только Петръ Петровичъ, котораго это извѣстіе поразило сильнѣе чѣмъ всѣхъ прочихъ, замѣтилъ, посреди всеобщей суматохи, какіе недовольные, укоряющіе взгляды бросала маменька Толова на Александра; только одинъ онъ слышалъ, какъ въ то время, когда всѣ усаживались на линейку, Александръ сказалъ почтеннѣйшей Варварѣ Михайловнѣ:

— Право, я тутъ не виновать....

На балѣ, аханья, восклицанія, толки, предположенія были безконечныя, особенно, когда увидѣли, что хозяинъ, выслушавъ извѣщеніе Варвары Михайловны, ужасно измѣнился въ лицѣ и былъ не въ духѣ во весь вечеръ. Александръ за то былъ чрезвычайно веселъ, и безпрестанно танцевалъ съ Фелицей, которая тоже казалась рѣзвѣе и веселѣе чѣмъ когда-нибудь. Настасья Аванасьевна изволила быть такъ довольна обращеніемъ его съ невѣстой, что нѣсколько разъ на балѣ твердила Петру Петровичу какъ жестоко она ошибалась, какъ была неправа передъ этимъ несравненнымъ молодымъ человѣкомъ. Но у Петра Петровича щемило сердце: Александръ былъ неразгадаемъ на его глаза. Которую изъ двухъ обманываетъ онъ?... Какъ добиться до истины!... Но допустить этого невозможно. Петръ Петровичъ не допустить! Обмановъ, низостей, онъ терпѣть не можетъ. Онъ выведетъ племянника на чистую воду и.. . горе ему!... племянникъ узнаетъ, что такое — честный дядя!

На другой день агрономъ всталъ рано и уѣлся на скамейкѣ у крыльца, чтобы первому встрѣтиться съ Надеждой въ то время, какъ она утромъ выйдетъ въ садъ. Онъ ждалъ недолго. Надежда скоро показалась на балконѣ. На лицѣ ея не было ни какихъ слѣдовъ вчерашняго нездоровья; Петръ Петровичъ нашелъ ее, напротивъ, чрезвычайно свѣжей, сохвѣтъ не такой блѣдной какъ обыкновенно, и очень спокойной какъ всегда.

— Надежда Николаевна! мое глубокое почтеніе.... Вы идете гулять? Позвольте предложить вамъ руку.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Какое прекрасное время.... не правда ли?

Надежда уже подавала ему руку. Но въ эту минуту слуга принесъ ей письмо. Взглянувъ на надпись, она распечатала торопливо, пробѣжала нѣсколько строкъ, извинилась, что должна уйти и затворила за собою дверь. Долго ждалъ ее Хилковский; наконецъ потерялъ терпѣніе: она не выходила цѣлое утро и, когда стали освѣдомляться о ея здоровьѣ, Варвара Михайловна отвѣчала, что у ней, послѣ мигрени, оставалась еще легкая головная боль. Вотъ это ужъ крючокъ! Хилковский зналъ навѣрное, что это неправда, и онъ утвердился въ мысли, что и мигрень и головная боль служатъ здѣсь только предлогомъ, чтобы отдѣлаться отъ человѣка съ меланхолическимъ характеромъ и отъ него.

Передъ обѣдомъ когда Хилковский прохаживался по аллеѣ передъ домомъ въ раздумьѣ и въ самыхъ черныхъ понятіяхъ о коварствѣ молодой дѣвушки, вдругъ съ верхняго балкона позвалъ его тихій и сладкій голосокъ. Онъ поднялъ голову: Надежда кивала ему головой, улыбаясь.

— Вы мнѣ предлагали утромъ гулять вмѣстѣ, сказала она. Мнѣ помѣшали... потомъ я была нездорова.... Не хотите ли теперь?

— Очень радъ! отвѣчалъ Хилковский, обрадовавшись, что она сама подаетъ ему такой прекрасный случай къ объясненію.

Надежда сошла въ садъ.

— Я чрезвычайно рада побесѣдовать съ вами, сказала она. Не знаю почему, но я чувствую большое довѣріе къ вамъ и къ вашему характеру, который я представляю себѣ чрезвычайно благороднымъ. Мнѣ кажется, будто съ дѣтства моего я знакома съ вами и, боясь всѣхъ, васъ я не боюсь ни сколько; что касается до уваженія къ вашему

уму, въ немъ вы не можете сомнѣваться. Я должна раздѣлять это уваженіе со всѣмъ здѣшнимъ обществомъ, которое можетъ судить объ этомъ лучше моего. Послушайте, Петръ Петровичъ, продолжала она съ своимъ яснымъ взоромъ и спокойнымъ тономъ, взявъ его руку и увлекая въ ближайшую аллею: — неужели вашимъ помолвленными надо ждать еще до октября?

Петръ Петровичъ такъ изумился ея любезному краснорѣчію и этому вопросу, что нѣсколько времени смотрѣлъ на Толлову не говоря ни слова.

— Да!... сказалъ онъ наконецъ, такъ у насъ рѣшено.

— Напрасно, возразила Надежда, качая головою: напрасно! Вамъ бы, напротивъ, надо поспѣшить.

— Вы думаете?

— Да; это моя мысль.

— Но они такъ молоды, что мы думали, лучше подождать...

— Развѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ они много станутъ старѣе? Когда счастье лежитъ у нашихъ ногъ, смѣшно ходить вокругъ него и не поднять. Ждать счастья.... вотъ этого я не понимаю! Счастье не дается ждать.... Или оно, или горе...

— Я совершенно согласенъ съ вами.... но Настасья Аванасьевна хотѣла удостовѣриться въ привязанности дѣтей....

— Какихъ тутъ надо еще удостовѣреній?... Неужели вы не видите, что они любятъ другъ друга безъ ума?

— Вы находите?... вы такъ думаете?... спросилъ Хилковский, стараясь проникнуть ее взоромъ.

— Я совершенно увѣрена въ этомъ, такъ же какъ и въ томъ, что они будутъ очень счастливы.... только надо поспѣшить. Боже мой! откладывать счастье тѣхъ, кому мы такъ пламенно желаемъ счастья!... мнѣ жаль ихъ... они такъ молоды, такъ хороши, такъ привязаны другъ къ другу!... Уговорите Настасью Аванасьевну, Петръ Петровичъ! вѣдь вы сами мнѣ сказали, помните?...

Каждое слово Толловой вѣяло отрадой на дядино сердце. Выраженіе лица ея было такое искреннее, голосъ былъ такой убѣдительный, что сомнѣніе въ чистосердечіи равнялось бы безразсудству. Находясь еще въ виду прежнихъ подозрѣній, которыя тревожили его честную душу заслуженною укоризною, Петръ Петровичъ молчалъ. Къ счастью, онъ примѣтилъ Александра, который задумавшись шелъ на встрѣчу къ нимъ.

— Александръ! сказалъ онъ, прикрывъ свой стыдъ, или

чтобъ неожиданно и разомъ нанести рѣшительный ударъ: какъ ты думаешь, если вмѣсто октября мы сыграемъ свадьбу черезъ три недѣли, хорошо это будетъ или нѣтъ?

Александръ схватилъ руку дяди и съ чувствомъ пожалъ ее.

— Я шелъ просить васъ объ этомъ, дялюшка, сказалъ онъ съ радостнымъ волненіемъ.

— Такъ ты точно будешь радъ?

Александръ взглянулъ съ изумленіемъ.

— Что за вопросъ! Будто вы не знаете, что все счастье моей жизни заключается въ этомъ союзѣ? Поспѣшите, дялюшка, умоляю.... я буду вѣчно вамъ благодаренъ.

Голосъ и лицо молодого человѣка, точно такъ же какъ голосъ и лицо Толовой, не противорѣчили словамъ.

Петръ Петровичъ принужденъ былъ подумать, съ досадою, что ему, видно, суждено весь вѣкъ оставаться озадаченнымъ дядею. Странное дѣло! ума, кажется, у него довольно: а онъ всегда ошибается! Александръ любитъ Фелицу. Надежда равнодушна къ Александру. Теперь это неоспоримо; теперь это ясно для него какъ солнце. Въ лѣта и съ характеромъ Александра, онъ не въ состояніи должно придать голосу и лицу такой глубокой отпечатокъ страсти; Надежда, сколько онъ ее знаетъ, не способна такъ искусно издѣваться надъ его сѣдиною. Съ этой минуты онъ твердо убѣдился въ несправедливости своихъ подозрѣній, тѣмъ болѣе что радость Александра, когда Настасья Аванасьевна назначила наконецъ свадьбу черезъ шесть недѣль, не имѣла границъ. Занятый только любовью и невѣстой, женихъ на золотыхъ крыльяхъ восторга воль самыя облака, на которыхъ Петръ Петровичъ съ Настасьею Аванасьевной сидѣли уже въ торжествѣ и ликованіи. Агрономъ начиналъ думать, что все казавшееся ему темнымъ и загадочнымъ въ отношеніяхъ Александра и Надежды было игрою его воображенія: дотога признаки нѣжности племянника къ Фелицѣ были пылки, дотога глаза Надежды блистали радостью, когда она смотрѣла на блаженствующихъ дѣтей Петра Петровича и его друга, Настасьи Аванасьевны. Ея сильное участіе въ судьбѣ обрученныхъ еще увеличало то участіе, которое Хилковский съ перваго разу къ ней чувствовалъ. Каждый день плѣняла она его сильнѣе, ученому агроному почему-то было жаль ея. Смотри на выразительныя черты ея, онъ спрашивалъ себя, чѣмъ доведено это по-наружности полное жизни, чувство, ума созданіе до такого безгра-

стнаго и равнодушнаго состоянія? Отчего Надежда только скользила по землѣ, между житейскими дѣлами, не касаясь ни до чего? Между-тѣмъ несмотря на эту апатическую оболочку, на эту морозную атмосферу, которою была окружена, она разливала вокругъ себя неодолимое обаяніе, обладала какъ солнце, и особенною притягательною силою, увлекавшею къ ней всѣ эти толстыя и тяжелыя тѣла, которыя у насъ зовутъ мужчинами и женщинами. Ей старались нравиться, ею занимались, она стояла вездѣ на первомъ мѣстѣ, не добиваясь ни какого и даже не замѣчая оказываемыхъ ей отличій. Неужели не найдется человѣкъ, думалъ агрономъ, который бы оживилъ своимъ дыханіемъ это интересное прозябаемое, отогрѣлъ огнемъ своимъ этотъ рѣдкій цвѣтокъ, увядающій въ этомъ холодномъ воздухѣ, не понимающаго ея общества, въ тлетворныхъ испареніяхъ всеобщей глупости и всеобщаго себялюбія? Изъ окружающихъ Надежду, безспорно, одинъ Заволинъ былъ способенъ совершить это преобразование, но внимательность его пропала даромъ; послѣ бала онъ не пріѣзжалъ болѣе. Петръ Петровичъ былъ увѣренъ, что если бы Заволинъ сблизился съ Надеждой, то онъ бы нашелъ возможность разбудить въ ней душу, сердце, воображеніе. Но чтобы этого достигнуть, Заволину надлежало бы любить сильно, глубоко, страстно, а такая коммиссія ему не по характеру. Въ такомъ человѣкѣ едва ли можетъ зародиться привязанность великая, могучая, упорная, готовая къ борьбѣ, способная къ трудной побѣдѣ, словомъ, такая привязанность, какой нужно для произведенія переворота въ чувствахъ и въ понятіяхъ этой необыкновенной дѣвушки.

Ровно черезъ недѣлю послѣ того какъ всѣ сомнѣнія Хилковскаго такъ счастливо разсѣялись, послѣ обѣда Настасья Аванасьевна сдѣлала Петру Петровичу многозначительный знакъ головой.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ тихо, подходя къ ней.

— Пожалуйте ко мнѣ, въ мою комнату; тамъ вы узнаете, что мнѣ угодно, — и Настасья Аванасьевна величественно отправилась на верхъ.

Петръ Петровичъ смиренно послѣдовалъ за нею, предчувствуя, что будетъ буря. Вѣрно что-то не ладно у «дѣтей». Настасья Аванасьевна, войдя въ свою спальню, тщательно притворила дверь: потомъ, всплеснувъ руками съ аханьемъ, опустилась на диванъ.

— Что такое случилось? спросил Хилковский.

— Ну, Петръ Петрович! хорошъ племянникъ вашъ! Какъ онъ смѣетъ играть такія штуки съ моей Фелицей! Да скажите вы мнѣ, пожалуйста, игрушкой, что-ли, она ему да-лась! Черезъ пять недѣль свадьба, а онъ... на что это похоже?... хоть бы ужъ послѣ свадьбы... а то-женихомъ!— Петръ Петрович! Петръ Петрович! какъ-быть! что дѣ-лать! научите!... придумайте!... спасите... спасите насъ съ Фелицей!

Настасья Аванасьевна залилась слезами. Петръ Петровичъ встревожился серьезно.

— Да что тамъ такое? растолкуйте, ради Бога! повторялъ онъ.

— Что тутъ толковать! мерзость! подлость!... обманъ!... Въдъ Александръ-то въ перепискѣ съ Толовой... скажите, каковъ голубчикъ...

— Полноте! кто вамъ это сказалъ? откуда вы узнали! Вамъ навралъ вздоръ!

Вздоръ?... Нѣтъ, сударь, не вздоръ! собственными глазами видѣла!... собственными руками взяла....

— Что вы видѣли и что вы взяли?

— Письмо, сударь, письмо!

— Гдѣ же это? какъ?

— Позвольте, позвольте. Все сейчасъ узнаете. Боже мой! какой содомъ!... срамъ рассказывать!... Послѣ обѣда, когда всѣ пошли гулять, я осталась одна въ столовой. Вдругъ, вижу изъ окошка, что въ аллеѣ Надежда Николаевна раз-хаживаетъ съ Александромъ... вдвоемъ, извольте замѣ-тить..... одни одинешеньки!... Они себѣ разсуждаютъ!.... а я все гляжу; имъ меня не видно сквозь стекло.... да еще нарочно и занавѣскою закрылась. Вотъ, говорили они дол-го.... очень долго.... и, кажется, горячо; потомъ она ему въ руку и сунъ бумажку, а сама и была такова. Тутъ кто-то подошелъ къ Александру: онъ поскорѣй — бумажку-то въ портфель. Ну, Петръ Петровичъ, у меня сердце такъ и за-кипѣло. Я тотчасъ—къ Александру. Но, пока я сходила съ крыльца, онъ успѣлъ удрать въ свою комнату. Я — за нимъ; хотѣла было сдѣлать сцену, раскричаться, поднять тревогу, отдѣлать его порядкомъ, да побоялась вашего ти-ранства. Вы не простили бы мнѣ того, что я васъ не пре-дупредила. Станетъ бранить, думаю себѣ: лучше поступить деликатно и письмомъ завладѣть тихонько, безъ шуму. Съ

письмомъ въ рукахъ, выведу злодѣевъ на чистую воду, уличу, уничтожу. Александръ! я говорю: позвольте-ка мнѣ вашъ портфель, мнѣ нужно снять узоръ.... Что же думаете! каковъ, молодчикъ! онъ безстыдникъ, даже и не смѣнулся и въ лицѣ, вынулъ портфель изъ карману, бумаги при мнѣ же въ ящикъ стола запихалъ, а мнѣ отдалъ пустую кожу. Но я себѣ на умѣ; тоже какъ ни въ чемъ не бывало — ахъ! говорю, я совсѣмъ и забыла.... васъ Фелица ждетъ! Онъ тотчасъ вышелъ со мной, но я, только-что онъ пропалъ изъ виду, воротилась, прямо въ ящикъ, да и подцѣпила письмо. Только вѣдь скажите, какая плутовка: по-нѣмецки изволила написать! Если-бы по-французски, я бы разобрала; а тутъ поневолѣ и стала въ тупикъ. Ну-ка, Петръ Петровичъ, поскорѣе, извольте читать!

Настасья Аванасьевна вынула изъ карману сложенную въ видѣ письма бумагу, открыла, выпрямила, и, держа ее по краямъ крѣпко обѣими руками, придвинула къ глазамъ агронома.

— Читайте.... и говорите что тутъ такое написано!

— Позвольте мнѣ письмо въ руки....

— Я?... письмо вамъ въ руки!... Сумасшедшая я, что-ли? Развѣ я васъ не знаю!.... У васъ на этотъ счетъ такая низкая манера!.... вы совершенно безсовѣстный человекъ! вы возьмете письмо и, не читавши, бросите его въ огонь. Нѣтъ, вы ужъ меня прочили... я знаю какъ вы поступаете....

— Съ краденными письмами, важно примолвилъ Петръ Петровичъ, съ суровымъ и негодующимъ лицомъ.

— Называйте ихъ какъ угодно, съ живостью подхватила Настасья Аванасьевна: только, я вамъ объявляю, что если вы не станете читать и говорить мнѣ, что тутъ написано, я внесу письмо въ залу, покажу всему собранію, надѣлаю здѣсь ужасныхъ сценъ.... и вамъ болѣе стыда и труда будетъ расхлебывать кашу, которую я заварю, нежели теперь читать мнѣ письмо, которое я добыла.

— Вы хотите сказать: тайно похитила.

— Ну, похитила!

— Я не могу быть вашимъ сообщникомъ въ такомъ поступкѣ, извините меня, Настасья Аванасьевна. Для честныхъ людей, чужая тайна....

— Смотри, пожалуй! чужая тайна! вскричала она, покраснѣвъ отъ гнѣву. Дѣло идетъ, кажется обо мнѣ.... то есть, о Фелицѣ. Фелица или я, это все равно!

— Ни вы ни Фелица не имѣете права красть.... это стыдно!.... это грѣхъ!.... Пусть дѣло, сколько угодно, идетъ объ насъ, а подобный поступокъ имѣеть одно только названіе: воровство!

— Вы не хотите читать.

— Не могу!.... хотя бы и хотѣлъ. Извините меня и....

— Такъ я иду внизъ съ этимъ письмомъ, сказала Настасья Аванасьевна рѣшительнымъ тономъ и бросилась къ двери.

Постойте! что вы дѣлаете! вскричалъ почтенный агрономъ въ ужасномъ испугѣ, схвативъ ее за руку: послѣ того намъ обоимъ придется бѣжать отсюда со стыдомъ, съ позоромъ!.... вся губернія станетъ ужасы объ насъ рассказывать!.... образумьтесь, мой добрый другъ! послушайте меня!

— Знать ничего не хочу!

— Погодите!... дайте письмо.... я прочитаю.

— Читайте въ моихъ рукахъ.

— Да такъ читать невозможно: почеркъ очень мелкій. Умоляю васъ, позвольте мнѣ самому....

— Вы бросите въ огонь!

— Не брошу.

— Такъ разорвете!

— Не разорву.

— Честное слово?

— Даю вамъ честное слово!.... клянусь вамъ всѣмъ, чѣмъ хотите.

Ну, такъ возьмите. Берите же!.... ахъ, какой неповоротливый.... да поскорѣе пересказывайте содержаніе.... переводите отъ слова до слова.

Петръ Петровичъ взялъ драгоценный документъ, обтеръ платкомъ потъ со лба, надѣлъ очки, взглянулъ на начало, на подпись и, быстро сложивъ письмо, спряталъ его въ свой карманъ.

— Письмо не отъ Головой, и писано оно не къ Александру, съ живостью сказалъ онъ остолбѣнѣвшей Настасьѣ Аванасьевнѣ, которая уже собиралась броситься на злодѣя-агронома со всѣми силами своей могучей дружбы. Это письмо ни до васъ, ни до Фелицы, ни до моего племянника не касается, и мы не должны знать его содержанія.

— Не правда!... вы меня обманываете!...

— Можете повѣрить слову вашего стариннаго друга. Вы знаете, что я не лгу никогда.

— Такъ отъ кого же оно и къ кому? Говорите!

— Ни отъ кого, и ни къ кому. Собственно, это даже и не письмо.

— Петръ Петровичъ! Петръ Петровичъ! вы меня умирить хотите.... чтѣ же это такое?.... Ахъ, батюшки!.... я просто на полъ упаду!

— Настасья Аванасьевна, сказалъ Хилковскій, съ важно-стью отдавая ей похищенную бумагу обратно: отнесите это на прежнее мѣсто.... Повторяю вамъ еще разъ: это — не отъ Толовой и не къ Александру....

— Чтѣ вы это?.... да я видѣла сама! А ошибки тутъ быть не можетъ. Въ портфель только и была эта бумажка, да деньги....

— Я вамъ говорю, содержаніе этой бумаги къ намъ не относится. Вы думали, что это — письмо, любовная записочка, а это — просто нѣсколько выписокъ изъ одной нѣмецкой книги.... Я теперь вспомнилъ: Надежда Толова при мнѣ общала ихъ Александру....

Петръ Петровичъ лгалъ однако жъ и такъ же отважно какъ самый ученый агрономъ, который сѣлъ писать для журнала статью объ успѣхахъ своего сельскаго хозяйства. Точно это было не письмо Толовой къ Александру, однако это было настоящее письмо, а не выписка изъ книги, и притомъ письмо очень важное. Оно теперь находится у меня. Я учредила у себя губернской архивъ для складки сердечныхъ документовъ, въ которомъ собраны и хранятся въ порядкѣ, могу сказать, безцѣпныя этого роду сокровища. Письмо, о которомъ рѣчь, внесено одною любительницею секретовъ въ это главное депо и помѣщено мною подъ номеромъ 89,145, въ числѣ самыхъ подлинныхъ и самыхъ любопытныхъ актовъ. Настасья Аванасьевна долго не могла опомниться отъ изумленія, но Петръ Петровичъ такъ торжественно божился, что наконецъ нельзя было не повѣрить и она съ радостью, если не со стыдомъ, поспѣшила отнести бумажку на мѣсто.

Вотъ чтѣ значится въ этомъ письмѣ.

«Возобновивъ съ вами, милая Надежда Николаевна, наше «прежнее знакомство, я убѣдился, и остаюсь твердо убѣжденнымъ, что вы — и только однѣ вы — можете осуше-

«ствитъ для меня то, чего исполненіе я уже считалъ почти невозможнымъ. Я боюсь, что когда вы будете читать эти строки, насмѣшливая улыбка пробѣжитъ по вашимъ устамъ. Какъ! человекъ, которому вы такъ явно показали ваше пренебреженіе, осмѣливается снова докучать вамъ! Какіе можетъ онъ еще питать надежды, когда не далѣе какъ вчера вы не удостоили принять знакъ его угожденія? Но какъ ни самонадѣяннымъ могу я вамъ казаться, дѣло свѣдетъ о моемъ счастіи и, можетъ статься, о вашемъ собственномъ, и я долженъ обезпечить васъ просьбой о вниманіи на нѣсколько минутъ.

«Я не стану говорить, что люблю васъ той горячей страстью, которая заставляетъ безъ взаимности терять расуздокъ и ненавидѣть жизнь. Вы такъ разсудительны, такъ безстрастны, такъ спокойны, что я могу любить васъ очень и оставаться совершенно въ своемъ умѣ. Но признаюсь, что возможность провести жизнь съ вами, обладать сокровищами вашей души, вашего ума, и можетъ-быть и вашего сердца, кажется мнѣ неоцѣненнымъ случаемъ, который, съ моей стороны, пренебрегать было бы безразсудно. Вашъ спокойный и разсудительный характеръ, долженъ ставить васъ выше обыкновенныхъ предразсудковъ. Поэтому я рѣшаюсь обратиться прямо къ вамъ съ вопросомъ. Скажите мнѣ откровенно, безъ всякихъ постороннихъ совѣтовъ и слушаясь только голоса вашего сердца: хотите ли вы быть моей женой?

«Я буду ждать недѣлю. Если въ слѣдующій четвергъ утромъ не получу отъ васъ никакого отвѣту, я болѣе не увижу васъ. Я тогда постараюсь васъ забыть. Напротивъ, вашъ призывъ пріѣхать въ Утѣшино, будетъ обѣщаніемъ, даннымъ въ обмѣнъ за мое слово, которое, въ такомъ случаѣ, свято и ненаруσιμο.

«Но каково бы ни было ваше рѣшеніе, вы, я надѣюсь, будете считать меня вашимъ вѣрнымъ и неизмѣннымъ другомъ навсегда.

«З—нъ».

Письмо написано по-нѣмецки и, вѣроятно, для того, чтобы не могло быть предварительно прочитано матерью, которой этотъ языкъ былъ неизвѣстенъ. Въ этотъ день кончался срокъ. Все это очень хорошо. Но зачѣмъ это письмо у Александра: вотъ вопросъ!....

Петръ Петровичъ, при всей слѣпотѣ своей честности, ворячая письмо въ рукахъ, не могъ не увидать, что это — просьба о вступленіи въ бракъ. Ему, такъ же какъ и вамъ, не понятно было: зачѣмъ эта просьба передана Александру?... Вѣдь не на его же племянникѣ хочетъ жениться человекъ съ меланхолическимъ характеромъ!... На прошлой недѣлѣ Заволинъ давалъ балъ. Предметъ его обожанія не поѣхалъ, а Александръ извинялся въ этомъ передъ матерью! Агропомъ снова сильно встревожился, и было чѣмъ. Предложеніе очевидно не принимали: иначе Заволинъ былъ бы здѣсь съ утра. Ему отказываютъ... явственно для Александра! Въ большомъ безпокойствѣ сошелъ онъ въ нижній этажъ. Лавры блистательной побѣды, только-что одержанной надъ Настасьей Аванасьевной, нисколько не утѣшали его. Онъ былъ совершенно разстроенъ. Но первое лицо, встрѣтившееся глазамъ его при входѣ въ гостиную, было — о, радость! о, торжество! — Заволинъ!... Онъ сидѣлъ возлѣ Надежды у ея рабочаго стола. Петръ Петровичъ чуть не вскрикнулъ: Заволинъ здѣсь, стало-быть Надежда выходитъ за него замужъ. Петръ Петровичъ едва не закричалъ — ура! Онъ поправилъ лавры на побѣдоносномъ челѣ своемъ и сталъ душевно радоваться, во-первыхъ, за дѣтей: какъ бы то ни было, Надежда переставала быть имъ помѣхой къ счастью; во-вторыхъ, за себя, потому-что онъ не обманулъ Настасью Аванасьевну и ей не за что было бранить его; въ-третьихъ, за Надежду, нравившуюся ужасно его хладнокровію. Женщина, которой умъ и сердце были въ состояніи сочувствовать такому человѣку какъ Заволинъ, будетъ непременно счастливѣйшей женой. Не говоря уже о томъ, какъ отраднo проводить жизнь съ человѣкомъ, надѣленнымъ неопытными сокровищами благородной души и необыкновеннаго ума, Заволинъ сверхъ того давалъ женѣ своей одно изъ тѣхъ именъ, которыя заставляютъ женщину краснѣть отъ удовольствія. Своимъ характеромъ, своими привычками онъ обезпечивалъ ей то домашнее спокойствіе, которое такъ рѣдко дается женѣ замѣчательнаго человѣка, преслѣдуемаго обыкновенно толпою восторженныхъ почитательницъ. Онъ былъ не способенъ увлекаться женскимъ обожаніемъ, и женщина, выбранная имъ, могла спокойно, съ увѣренностью опираясь на его руку, идти по скользкому пути жизни.

Заволинъ, какъ я уже сказала, сидѣлъ возлѣ Надежды,

ю если онъ называлъ согласіе ея счастіемъ, надо было признаться, что счастье страннымъ образомъ дѣйствовало на него. Неразговорчивость Надежды какъ-будто перешла къ нему. Углубившись въ мысли, онъ почти не вступалъ въ разговоръ ни съ кѣмъ. Мрачное лицо стало еще мрачѣе и прояснялось только въ тѣ мгновенія, когда глаза его встрѣчались съ глазами Надежды, которая, напротивъ того, была необыкновенно оживлена. Конечно, ничего похожего, не только на счастье, но даже и на простое удовольствіе, не проявлялось и въ ея спокойныхъ по обыкновенію чертахъ, но я должна замѣтить, что никогда еще не видала я болѣе разговорчивой и любезной, какъ она была теперь съ Заволиннымъ, и только съ нимъ однимъ.

Петръ Петровичъ, вспомнивъ прогулку свою съ нею въ саду, долженъ былъ самъ себя признаться, что одинъ только онъ, да Заволинъ, производятъ въ ней такой чудный переворотъ. Изъ этого естественно слѣдовала любопытный вопросъ: въ кого же изъ двухъ она влюблена?... въ Заволина или въ Петра Петровича? Но агрономъ не захотѣлъ, изъ скромности, утруждать голову свою его рѣшеніемъ. Онъ воротился къ первому своему плану дѣйствій: ничего не сказалъ Александру о письмѣ. Очень опасно упоминать о такихъ вещахъ, когда нѣтъ предстоящей опасности Споры нѣтъ, что между его племянникомъ и Надеждой существуетъ короткость, странная довольно, но зачѣмъ разбирать ее? не должно ли все скоро кончиться само собой? Александръ женится на Фелицѣ, Надежда выйдетъ за Владислава, Настасья Аванасьевна перестанетъ браниться, и весь міръ будетъ спокоенъ, счастливъ и веселъ.

Вечеръ прошелъ безъ замѣчательныхъ происшествій. Хилковскій слышалъ какъ Надежда, на прощанье, протягивая руку Заволину, сказала: до завтра! Но это до-завтра не прояснило прекрасныхъ глазъ его. И на другой день онъ былъ задумчивъ, серіозенъ, ни сколько не похожъ на жениха. О помолвкѣ не объявляли. Такъ прошло нѣсколько дней. Задумчивость Владислава не прекращалась, тогда какъ Надежда замѣтно оживлялась съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Блѣдныя щеки ея покрылись розовой краскою, глаза свѣтились, если не радостью, то по-крайней-мѣрѣ большимъ чѣмъ прежде одушевленіемъ; она стала необыкновенно хороша.

Однажды — это было дней шесть послѣ того какъ Петръ Петровичъ одержалъ свою знаменитую побѣду, — онъ ра полагался у себя въ комнатѣ немножко всхрапнуть послѣ обѣда. Облачившись въ халатъ, онъ потягивался на постели между прельщеніями Земледѣльческой газеты, которую держалъ въ рукахъ, и Морфея, который протягивалъ и нему свои объятія, какъ вдругъ Земледѣльческая газета свалилась на полъ, Морфей улетѣлъ, и Петръ Петровичъ поворотился къ стѣнѣ, приподнялъ голову, облокотился на изголовье, притаилъ дыханіе, и въ этомъ положеніи пр сидѣлъ неподвижно съ часъ. Всякій, кто бы увидалъ, какъ Петръ Петровичъ безъ видимой причины безпрестанно и мѣнялъ выраженіе лица, могъ бы окаменѣть отъ изумленія. То любопытство проглядывало сквозь раскрытыя губы поднятыя брови, то молнія беспокойства мелькала въ глазахъ, то все это смѣнялось вдругъ или досадою и напруженнымъ вниманіемъ. Коротко сказать, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ жестоко походилъ на сумасшедшаго и на духовидца.

ДЕЙЛА.

=

КОРОБОЧКА.

=

I.

Это было зимою 1848 года. Молодой человекъ, лѣтъ двадцати-семи или осьми, дремалъ, послѣ обѣда, на кушеткѣ. Тихій, едва слышный звукъ колокольчика у дверей въ прихожей, отдѣленной гостиною отъ кабинета, прервалъ сладкую дремоту сибарита, любившаго засыпать въ невозмутимой тишинѣ.

«Кому бы это быть?» подумалъ онъ и прибавилъ мысленно: «Не въ пору гость хуже Татарина!.... Ужъ въ-самомъ-дѣлѣ не Татаринъ ли съ халатами?»

— Кто тамъ? спросилъ онъ громко.

Вошелъ человекъ, то-есть слуга.

— Какая-то женщина....

— Хорошо одѣта?

— Не важно.

— Молодая?

— Средственная.

— Недурна собою?

— Блѣдная-съ.

— Ты глупъ.

Человекъ улынулся, не обидясь, повидимому.

«Вѣроятно, какая-нибудь попрошайка, одна изъ тѣхъ нецеремонныхъ особъ, которыя обыкновенно ищутъ счастья у каждой двери съ мѣдною дощечкою. Въ рукахъ ихъ всегда наготовѣ циркулярное письмо ко всѣмъ сострадательнымъ людямъ.... *Милостивый государь и благодѣтель! Благодарственные обстоятельства, юненіе рока.... Или, какъ не-*

давно свирѣцствовала эпидемія: *Холера похитила у меня мужа, а у дѣтей моихъ отца. Оставшись съ многочисленнымъ семействомъ безъ куска хлѣба, прибѣгаю къ извѣстному вашему христіанскому милосердію.... Что-нибудь въ этомъ родѣ?*

Молодой человѣкъ имѣлъ привычку думать вслухъ.

— Позови ее сюда, или возьми у нея письмо.... Почему не помочь бѣдной....

— Она безъ письма. Не то салопница, не то госпожа.... Коробочка, говорить...

— Коробочка? Ужъ не та ли госпожа Коробочка, которую хотѣлъ надуть плутъ Чичиковъ, торгуя у нея мертвыя души....

Хотя послѣднія слова не были обращены къ слугѣ, безсомнѣнія, не читавшему знаменитой поэмы, гдѣ собрать его, Петрушка, играетъ немалозначительную роль, однакожъ, слуга, совершенно понявъ господина, положительно отвѣчалъ:

— Никакъ вѣтъ-съ: она продаетъ коробочку.

— Интересно!.... Пусть войдетъ.

Черезъ минуту, робко вошла въ кабинетъ женщина лѣтъ тридцати, дѣйствительно бѣдно одѣтая, худая, болѣзненнаго вида. Смущеніе и, можетъ-быть, подавленная гордость вызвали какую-то странную, багровую краску на ея щеки, впалыя, взжёлкшія; темныя, мутныя глаза ея сверкали тусклымъ свѣтомъ потухающаго угдя. Въ замѣшательствѣ она не могла произнестъ ни слова; красивая коробочка, бонбоньерка, дрожала въ ея рукѣ.

Молодой человѣкъ приподнялся съ кушетки. Благородная наружность этой женщины, сохранявшей еще слѣды миловидности, если не красоты; несчастье, страданіе, выражавшіяся въ чертахъ ея рано отцвѣтшаго лица, внушали невольное участіе и уваженіе.

— Что вамъ угодно? чѣмъ могу быть вамъ полезенъ? сказалъ онъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ, уничтожающимъ сухое, непривѣтливое значеніе подобныхъ словъ.

— Я продаю коробочку, — отвѣчала она почти шепотомъ; посинѣлыя губы ея чуть двигались. На дворѣ былъ морозъ градусовъ въ двадцать, а на ней ветхій салопъ, правда, довольно опрятный, но, казалось, не слишкомъ теплый; изъподъ черной, изношеной бархатной шапочки выбивались

черные, густые волосы; старыя перчатки еѣма держались на еѣ длинныхъ, высохшихъ пальцахъ.

— Прекрасная коробочка! сказала молодой человекъ. Въ модной кондитерской такая стоитъ рублей пять серебромъ. Не уступите ли еѣ за эту цѣну?

— Вы очень добры.... я буду благодарна, если пожалеете за нее два рубля, сколько платять кондитеры; но теперь, послѣ праздника, они вовсе не берутъ: говорятъ, что своихъ много. Крайность заставила меня беспокоить васъ.... матушка моя лежитъ больная.... Я исходила напрасно всѣ кондитерскія.... Дворникъ здѣшняго дома (мы живемъ въ сосѣднемъ) сказалъ мнѣ, что, можетъ-быть, вы купите....

— Охотно. Кстати, я общалъ кузинѣ.... Вы даже обязываете меня.... безъ того, я легко бы забылъ. И, сказавъ это, молодой человекъ, подошелъ къ конторкѣ...

— У меня нѣтъ сдачи, — сказала бѣдная продавщица, не принимая вручаемой ей десятирублевой бумажки.

— Я попрошу васъ приготовить мнѣ другую бонбоньерку.... только не торопитесь: вы сами, кажется, не совсѣмъ здоровы....

— Постараюсь сдѣлать еѣ какъ можно лучше....

— Черезъ недѣлю я пришлю за коробочкой.

Не возражая болѣе, она взяла деньги, поблагодарила молодого человека, поклонилась ему и вышла съ большою радостью; которая какъ-то дико выражалась на еѣ больномъ и горестномъ лицѣ.... то былъ внезапный лучъ солнечный, случайно пробѣгающій по мрачному небу....

II.

Когда удалилась эта несчастная, скромный благотворитель, достойный кандидатъ въ члены общества посѣщенія бѣдныхъ, снова прилегъ на кушетку и машинально закрылъ глаза; но онъ уже не могъ заснуть; жалкая женщина тревожила его покой и воображеніе, въ которомъ создавался цѣлый романъ приключеній, доведшихъ еѣ до бѣдности. Мелькнули разныя предположенія, разумѣется, гадательныя. Еѣ слабый, но мелодическій голосъ, проникающій въ сердце, не переставалъ ему слышаться; душѣ его вкругъ сдѣлалось тяжело и грустно. Онъ всталъ и долго хо-

диль по комнатѣ. Между-тѣмъ смерклось; онъ велѣлъ подать лампу и началъ разсматривать свое приобретёніе. Въ изящной коробочкѣ, точно, было много вкуса и мастерства; раскрашенная картинка, вклеенная въ крышечку, изображала Фанни-Эльслеръ, танцующую качучу....

Филантропъ положилъ бонбоньерку и взялъ со стола афишу: на Большомъ театрѣ въ тотъ вечеръ также должна была танцовать Фанни, въ «Мечтѣ Художника». Пробило семь. Молодой человекъ занялся своимъ незатѣйливымъ туалетомъ, и черезъ полчаса уже пробирался къ третьему ряду кресель, пожимая, на пути, руки знакомымъ и въ разбѣянности наступивъ кому-то на ногу.

— Ты, Гриша, какъ-будто не въ своей тарелкѣ сегодня? сказалъ ему, въ антрактѣ, рослый, плотный дѣтина, который всегда былъ въ своей тарелкѣ, ѣлъ изъ нея за четверыхъ, и въ кафе-ресторанахъ читалъ не журналы, а только карту блюдъ, единственную, любимую его газету. Имѣя причину ближе познакомиться съ нимъ читателя, не скроемъ, что онъ и всему остальному въ современной литературѣ и журналистикѣ оказывалъ такую же внимательность, не потому собственно, чтобы онъ того вполне заслуживали, по потому, что вообще словесность—древняя, среднихъ вѣковъ и новѣйшая, классическая, романтическая, риторическая и даже «натуральная», позднѣйшій цвѣтъ генія поэзіи, облеченной въ циническія и тривиальныя формы—была ему не по вкусу. Чуждый обременительнаго недуга всякаго знанія и размышленія, онъ чувствовалъ ко всему печатному неодолимую антипатію, но изъ приличія оправдывалъ ее слабостью зрѣнія, въ слѣдствіе чего и носилъ очки, не придававшія ему, однако, ученаго вида. Не гоняясь, впрочемъ, за репутаціей человека начитаннаго, по особенному устройству головы и сердца, онъ, вопреки естественному размѣщенію, выше всего въ свѣтѣ ставилъ свой желудокъ, и такъ его упитывалъ, что съ небольшимъ въ тридцать лѣтъ успѣлъ уже приобрести изрядное брюшко. Съ каждымъ годомъ прогрессивно распространяясь, оно уподобляло его разжирѣвшему въ барскомъ домѣ лакею; тѣмъ не менѣе онъ считалъ себя Аполлономъ Бельведерскимъ, красавцемъ перваго разбора.

Гриша ничего не отвѣчалъ на его замѣчаніе, притворяясь, что прилежно лорнируетъ какую-то модную даму въ

бензартъ, очень занятую своимъ сосѣдомъ, юношей лѣтъ девятнадцати или двадцати.

— Съ кѣмъ это она такъ любезничаетъ?

— Новое лицо, сказалъ другой знакомецъ, стоявшій подлѣ Гриши : дебиотантъ-архитекторъ....

— Архитекторъ?

Гриша молчалъ, направивъ бинокль въ другую сторону, къ одной изъ крайнихъ ложъ бель-этажа.

— Нечего тамъ смотрѣть! Особы давно знакомыя.... Да вымолви хоть слово!!.. Отвѣчаетъ жестами, какъ нѣмой!.. Не въ духѣ, рѣшительно не въ духѣ.... чѣмъ-то разстроены, озабочены?

— Не удалось выспаться послѣ обѣда.

— Пустяки, не то! Съ тобою случилось что-нибудь непріятное? Не проигрался ли вчера, не измѣнила ли самая постоянная изъ непостоянныхъ?

— Ты мастеръ угадывать, ты первый петербургскіи филологъ и психологъ.... отъ твоей пропизательности ни что не укроется....

— Не хвалюсь этимъ ; однакожь, понимаю, что ты, кажется, смѣешься надо мною, и прошу тебѣ колкость не вначе, какъ на условіи, чтобъ ты непременно рассказалъ мнѣ свое горе, со всѣми подробностями?

— Прошу у тебя извиненія, и не рассказываю, потому-что со мною не случилось ничего, ни пріятнаго, ни непріятнаго....

— Одно изъ двухъ : или не тавсь, или съ тобою дѣйствительно случится непріятное.... Ты съ нѣкотораго времени обращаешься со мною холодно и насмѣшливо....

Благотворитель нетерпѣливо повернулся; мнимо-обиженный взялъ его за плечо, и плушутя, полусеріозно требовалъ объясненія. Приходилось—или исполнить его настойчивое желаніе, или завести съ нимъ ссору. Ни того, ни другаго не хотѣлось Гришѣ, хорошо знавшему любопытнаго вопрошателя, которому до всего и до всѣхъ было дѣло, который любилъ придирается ко всякому и за всякое, сколько-нибудь неосторожное, выраженіе. Наглый и дерзкій, уклончивость, разборчивость и уваженіе къ себѣ людей порядочныхъ, онъ принималъ за вынужденную уступчивость изъ уваженія къ его фигурѣ. Не понимая снисхожденія, внушаемаго благоразуміемъ, онъ умолкалъ тогда лишь, когда ему, въ свою очередь, выговаривали твердое, рѣзкое,

полновѣсное слово, немедленно въ такомъ случаѣ успѣковался и, будучи, какъ всѣ подобныя храбрцы, величайшимъ трусомъ, предпринималъ поспѣшную ретирату....

Антрактъ длился, пріятель не отставалъ, Гриша не видѣлъ спасенія.

— Быть такъ! сказалъ онъ наконецъ, не находя еще достаточнаго повода пустить въ ходъ успокоительное слово, и въ убѣжденіи, что его страдатель болѣе смѣшонъ, нежели опасенъ. — Ты узнаешь удивительную и предлинную исторію.

Немногосложная повѣсть о посѣщеніи больной женщины рассказана была въ двѣ минуты.

— Ты далъ этой женщинѣ десять рублей серебрами? Я тебя всегда любилъ, а съ этой минуты уважаю. А что обѣщанный тобою ужинъ?

— Пожалуй, сегодня, если тебѣ угодно....

— Очень, очень угодно: ловлю на словѣ! Вмѣстѣ отсюда ѣдемъ.... Ты, Гриша, *bon-vivant*, просто душа моя! Я не могъ бы на тебя разсердиться, и чудесно повеселюсь съ тобою, когда деньги будутъ.... А теперь — вѣришь ли? — нѣтъ даже на извощика!!.. Эги балы, театры, опера, балетъ, маскарады, пикники, портные, сапожники, рестораны, дорого стоятъ! У меня столько долговъ, что я, право, не знаю, чѣмъ все это кончится!.. Батюшка сердится за нихъ въ каждомъ письмѣ. Говорить, что больше не станетъ присылать, велитъ выходить въ отставку и ѣхать въ деревню; хочетъ женить меня....

— Кто эта счастливица, тебѣ предназначенная? — подхватилъ четвертый общій знакомый, кресло котораго было подлѣ нихъ: но взвилась завѣса и антрактные разговоры прекратились.

По окончаніи «Мечты», любопытный вопрошатель первый вспомнилъ о вещественномъ. Къ замышленному на чужой счетъ ужину онъ успѣлъ пригласить еще двоихъ, шепнувъ имъ, что Гриша «при деньгахъ» и можно «кутнуть».

За ужиномъ у Дюссо, этотъ Аполлонъ Бельведерскій, почерпнувъ въ коньякѣ новой храбрости, ни съ того, ни съ сего, привязался къ сидѣвшему за сосѣднимъ столомъ пожилому, почтенному человѣку, съ которымъ почти вовсе не былъ знакомъ, встрѣчаясь съ нимъ здѣсь во второй или въ третій разъ. Сказанное почтеннымъ человѣкомъ, въ отвѣтъ, короткое, но выразительное слово, онъ безмолвно

проглотилъ съ кускомъ котлетки и запылъ темнымъ хересомъ, разсудивъ, вѣроятно, что испанская гордость и раздражительность не всегда умѣстны. Любитель безпокойныхъ эпизодовъ, онъ, ссорясь съ цѣлымъ свѣтомъ, преспокойно между-тѣмъ оставался всеобщимъ другомъ, самымъ незабываемымъ. Его всѣ обѣгали, а онъ искалъ сблизенія со всѣми; послѣ вчерашняго неудовольствія, имъ же затѣяннаго, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пріятельски протягивалъ сегодня руку, и тутъ же снова начиналъ новую сцену, размовку, возбуждавшую, разумѣется, не досаду, а смѣхъ или холодное презрѣніе. Особого рода популярность служила ему щитомъ, эгидою отъ справедливыхъ возмездій. — «Меня любятъ и угождаютъ мнѣ», говорилъ онъ иногда, толкуя въ свою пользу разсчитанное съ нимъ обхожденіе. Его ограниченный умъ и грубая натура не позволяли ему догадаться, что многіе оставляютъ безъ вниманія его выходки изъ одной лишь боязни «компрометировать» самихъ себя. Инымъ, однакожь, въ томъ числѣ и Грищѣ, онъ былъ противенъ, невыносимъ. Послѣ ужина у Дюссо, филантропъ нашъ внутренно поклялся всячески избѣгать этого слишкомъ воинственнаго въ мирное время Аполлона. Съ кѣмъ поводишься, за такого и прослывешь, основательно думалъ Гриша, вспоминая старинную поговорку....

Но въ настоящемъ разсказѣ новое столкновеніе съ господиномъ Бельведерскимъ неизбѣжно, потому-что онъ, именно онъ, *герой* начинающейся повѣсти.... если позволите, еще «герой нашего времени», — лице, конечно, не столь исключительное и эксцентрическое, какъ «Печоринъ» Лермонтова, но оттого не рѣже встрѣчаемое въ обществѣ....

III.

У Гриши, или Григорья Алексѣевича, была кузина, и кузина драгоцѣнная — замужняя, стройная брюнетка, изъ разряда «львицъ», опасныхъ улыбками и взорами, которые сводятъ съ ума юношей и заставляютъ ребячиться степеннаго человѣка. Ее звали Натальей Павловной. Она, оставляя всякія описанія; изображенія, она, однимъ словомъ, была хороша, и Григорій Алексѣевичъ, иногда, не безъ основанія, сравнивалъ ее съ Натальей Павловной Пушкина, которая, какъ извѣстно, очень

пристыдила «Графа Нулина», обманутаго въ ожиданіи легкой побѣды.

Дня черезъ два или черезъ три послѣ пріобрѣтенія бонбоньерки, на крышечкѣ которой Фанни Эльслеръ отплясывала качучу, Григорій Алексѣевичъ собрался сдѣлать утренній визитъ кузинѣ. Мужъ ея, управлявшій дѣлами какого-то частнаго учрежденія, обыкновенно въ это время дома не бывалъ, и добрая супруга, безъ-сомнѣнія, скучала въ его отсутствіи....

Наполнивъ коробочку отборными конфетами, взятыми у извѣстнаго кондитера, филантропъ нашъ явился къ прекрасной кузинѣ и, послѣ предвозвѣстительнаго звонка, доставляющаго удобство приготовиться къ приему гостя, засталъ ее за какимъ-то вышиваньемъ, которое длилось уже полтора года, потому, что она принималась за работу только при посѣтителяхъ, собственно для вида, чтобъ сидѣть не сложа руки, и потупляя глазки, будто бы внимательно устремленные на узоръ.... изъ такого наклоннаго положенія опытное кокетство искусно извлекаетъ разныя выгоды и преимущества....

— Насилу-то я дождалась тебя, George! Гдѣ это пропала ты цѣлую недѣлю?

— Былъ не совсѣмъ здоровъ, Natalie; къ тому же вдругъ получилъ нѣсколько писемъ, которыя требовали неотлагательнаго отвѣта....

— Не совсѣмъ здоровъ?... Этого, однакожь, не видно: ты цвѣтешь....

Жоржъ улыбнуся, легкимъ наклоненіемъ головы поблагодаривъ кузину за привѣтствіе.

— А давно ли завелась у тебя обширная корреспонденція? продолжала она съ притворною небрежностью и неопредѣленною усмѣшкой. Ужъ не нарочно ли ты выписалъ изъ Парижа эту бонбоньерку?... Премиленькая, прибавила она, рассматривая маленькій подарокъ.

— Нѣтъ, это петербургское произведеніе. Я купилъ у одной госпожи, которая сама ихъ дѣлаетъ....

— И разноситъ по домамъ! Верно, молоденькая и хорошенькая?

— Была молодѣ и хороша.

— А, такъ ты давно ее знаешь?

— Покамѣстъ я видѣлъ ее впервые въ жизни. Какая-то несчастная, больная....

— Сколько ты далъ ей за эту коробочку?

Жоржъ отвѣчалъ, рассказавъ всѣ подробности.

Наталья Павловна недоувѣрчиво покачала головою и стала снова разглядывать мнимо-таинственную бонбоньерку.

Новый осмотръ былъ менѣе снисходителенъ.

На этотъ разъ въ ней *оказались* разные недостатки, грубость работы, безвкусіе, короче,—«пятна на солнцѣ», которое само вступалось за прекрасную коробочку : зимній его лучъ, скользя по зеркальному стеклу окна роскошнаго будуара, восхитительно игралъ на миниатюрномъ изображеніи Фанни....

Григорій Алексѣевичъ, попросилъ позволенія закурить папирсъ.

Флегма кузена раздосадовала Наталью Павловну. Она опять принялась за невинную бонбоньерку, ворочала ее, ворочала, наконецъ открыла, взяла одну конфетку, попробовала, сдѣлала гримасу и бросила назадъ.

Жоржъ не обращалъ или не хотѣлъ обращать ни малѣйшаго вниманія на ея продѣлки, а ее-то пуще это бѣсило.

— Если бъ не красивыя, дорогія обертки, сказала она, я могла бы подумать, что эти конфеты куплены въ мелочной лавочкѣ....

— Да, отвѣчалъ Жоржъ медленно и равнодушно : кондитеры и табачные фабриканты скоро балуются послѣ первыхъ блистательныхъ успѣховъ.... но, слѣдуя за большинствомъ, я беру конфеты у Балле, ѣмъ излеровскіе разстегайчики и курю спиглазовскіе папирсы.

— Je te supplie, George.... fais moi ce plaisir... оставь кондитеровъ и табакъ! ты сожжешь мою работу своимъ спиглазовскимъ папирсомъ....

— Prêt à tout, я готовъ на все! воскликнулъ молодой человѣкъ двусмысленно, бросилъ папирсъ въ каминъ и, принявъ серіозный видъ, почтительно произнесъ : Vous n'avez qu'à ordonner, madame!

Наталья Павловна надула губки и нѣсколько минутъ молчала.

— Скажите, спросила потомъ кузина, когда она принесетъ къ вамъ другую, заказанную коробочку?

Григорій Алексѣевичъ пожалъ плечами. Онъ уже прежде объявилъ кузинѣ, что *пошлетъ* за коробочкой и сказала даже адресъ продавицы ; но самыя эти подробности возбу-

для особенное любопытство и странный подозрѣнія Наталья Павловны.

Видя, что свиданіе и бесѣда, въ которой дружеское мѣстоименіе ты зашѣлилось въжливимъ еы, не клеятся, Жоржъ взявъ шляпу, въжливо, въ свою очередь, поклонился кузинѣ, поручилъ ей засвидѣтельствовать его почитеніе супругу ея, Всеволоду Сергѣевичу, и медленно вышелъ изъ комнаты.

Наталья Павловна, ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ, не удержала его и, при выходѣ кузена, не отвела глазъ отъ выповзанья — такъ прилежно занялась вдругъ своею работою....

Но лишь только замолкли шаги Григорья Алексѣевича, лѣживо проходившаго чрезъ анфиладу покоевъ и, можетъ быть, надѣявшагося, что его воротятъ, Наталья Павловна сильно, нетерпѣливо позвонила, кинувъ нескончаемое вышиванье въ сторону.

Вошла ея довѣренная горничная, Параша....

Стоитъ Параша передъ ней....

Друзья мои, Параша эта
Наперсница ея затѣй;
Шьетъ, моетъ, вѣсти переноситъ,
Изношенныхъ капотовъ проситъ.
Порою барина смѣшитъ,
Порой на барина кричитъ,
И жметъ предъ барыней отважно.
Теперь она толкуетъ важно
О Жоржѣ, о дѣлахъ его,
Не пропускаетъ ничего —
Богъ вѣсть развѣдать какъ успѣла!

Но, по примѣру Пушкинской Натальи Павловны, наша Наталья Павловна не говоритъ, наконецъ, своей наперсницѣ: «полно, надоѣла!» Она, напротивъ, спрашиваетъ ее, долго спрашиваетъ, блѣдитъ, краснѣетъ, принужденно смѣется, непринужденно сердится....

Параша, пригожествомъ немного уступающая своей госпожѣ, рада, несказанно рада «оказій» мстительно наслетничать на Григорья Алексѣевича, который, по врожденной непринимчивости, оставлялъ безъ вниманія ея закулисныя улыбки и явное, во многихъ удобныхъ случаяхъ, желаніе свискать его благорасположеніе.

Недѣля отсутствія Жоржа, его корреспонденція, коробочница, холодный, уклончивый тонъ кузена при теперешнемъ

съ имать свиданіи, «обстоятельныя» свиданія, приобретенныя отъ словескотной и еще болѣе злословной горничной, удостовѣрившей, что, какъ ей привелось довѣдать, Григорій Алексѣевичъ большой волокита, хоть по наружности и смиренникъ, — при чемъ не забыта и древняя поговорка: «въ твоемъ озерѣ черти водятся», — подобное же мнѣніе о Жоржѣ родной его тетки, Анны Марковны, которая злится на племянника, на весь свѣтъ и даже на своего шюса, съ тѣхъ-поръ какъ доктора запретили ей пить кофе, — все это крайне безпокойно настроило воображеніе Натальи Павловны и утвердило ее въ нѣкоторомъ намѣреніи, принятомъ еще до укола кузена.

Между-тѣмъ часы указывали половину четвертаго.

Отдавъ Парашѣ какія-то секретныя приказанія, она весело выпорхнула въ гостиную, словно ни въ чемъ не бывала, выпорхнула по слѣдующей причинѣ....

Сначала раздался у подъѣзда повелительный звонокъ, и черезъ минуту въ залѣ послышались полновѣсные шаги....

Наталья Павловна, поспѣшившая встрѣтить близкаго человѣка, друга, половину своей души, радостно бросается на шею высокому, плотному мужчинѣ, лѣтъ сорока пяти, и весьма солидной наружности....

То — нужно ли сказывать? — былъ почтенный, всѣми многоуважаемый Всеволодъ Сергѣевичъ....

Послѣ нѣжнаго супружескаго облобызанія, горячаго и живаго (о коварныя женщины)! счастливый мужъ довольно-торопливо направилъ стопы свои въ столовую, гдѣ изъ открытой уже сушовой чашы подымался легкій паръ, приносящій жаждущему обонянію, возбуждающій аппетитъ, запахъ разныхъ приностей....

Но систематическій Всеволодъ Сергѣевичъ предварительно выпилъ добрую рюмку горькой померанцовой водки, и, самоудовольно сядя за столъ, сказалъ :

— Фу, какъ утомился! До ста бумагъ подписалъ, Наташа!

IV.

Въ убогомъ деревянномъ домѣ, который пріютился подлѣ четырехъ-яруснаго кирпичнаго или каменнаго (какъ неправильно называютъ), въ небольшой комнатѣ, просто, но чисто убранной, сидѣла въ старыхъ креслахъ женщина лѣтъ пятидесяти. Она очевидно только-что начинала

оправляться отъ болѣзни. Двѣ ширмы, обтянутыя полинявшимъ зеленымъ коленкоромъ, скрывали двѣ кровати, поставленныя у противоположныхъ стѣнъ. На вѣтхомъ диванѣ, краснаго, впрочемъ, дерева, передъ круглымъ столомъ, сидѣла другая женщина, лѣтъ тридцати, уже намъ знакомая....

Она приготовляла коробочку, заказанную Григорьемъ Алексѣвичемъ....

Въ комнатѣ было полутемно: одна стеариновая свѣча, закрытая зонтикомъ изъ синей тафты, едва освѣщала предметы и безмолвныхъ хозяекъ....

Однакожъ, скромное жилище это, хотя и свидѣтельствовало о крайней бѣдности его обитателей, но, во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ, сохраняло возможное приличіе, какую-то порядочность. Постоянный трудъ обѣихъ женщинъ, матери и дочери, когда имъ позволяло здоровье, пособлялъ нѣсколько замаскировать нищету.

Что онѣ ѣли, это было ихъ тайна.

Онѣ во всемъ, во всемъ себѣ отказывали, только бы не лишиться средствъ жить хоть въ этакой комнатѣ и не зажигать неопрятную сальную свѣчу....

Не тщеславіе, а слѣдствіе прежнихъ привычекъ, внутреннее чувство, не терпящее безобразія, непривлекательности во внѣшности, въ окружающемъ, заставляли ихъ посылно поддерживать эту «роскошь»....

Надъ диваномъ висѣлъ, въ поблекшей золотой рамѣ, портретъ очень красиваго мужчины, брюнета, съ меланхолическимъ выраженіемъ лица и съ орденскою ленточкой въ петлицѣ.

Старушка по-временамъ вздыхала, охала; дочь, молча, работала. По блѣднымъ, иссохшимъ ея щекамъ порою скатывались слезы и упали на цвѣтную бумагу, которая, небольшими, тщательно наръзанными кусочками, лежала на столѣ, вмѣстѣ съ другими матеріалами для клеенія коробочекъ.

Было близъ осьми часовъ вечера. По обильному снѣгу мчались экипажи, но ихъ слабый стукъ не доходилъ въ комнату, сквозь плотные ставни оконъ.

Посреди какой-то полумогильной тишины, вдругъ позвонили у дверей этой печальной комнаты.

Старушка вздрогнула, дочь встала отпереть.

Къ удивленію обѣихъ хозяекъ, въ дверяхъ показались не-

знакомая нарядная дама и за нею кокетливая, вертлявая горничная.

Читатели, должно полагать, менѣе удивлены, неосшибочно угадывая, что эти незваные и неожиданные посѣтительницы были не кто иные, какъ Наталья Павловна и ея «наперсница», Параша....

Одного взгляда «львицы», которая имѣла человѣческое и притомъ женское сердце, одного взгляда на комнату и ея живицъ, оказалось достаточнымъ для совершеннаго разсѣяніи прежнихъ подозрѣній....

Всякое сомнѣніе исчезло передъ открытой дѣйствительностью, передъ этимъ затаеннымъ убожествомъ двухъ больныхъ женщинъ, особенно младшей, которая не переставала трудиться, хотя ей явно оставалось уже немного дней....

Наталья Павловна быстро прочитала на ихъ лицахъ загородную повѣсть долгихъ страданій, тихихъ и покорныхъ. Въ минуту созрѣло въ умѣ ея благое намѣреніе. Она прямо проступила къ дѣлу, увѣренная, что ее поймутъ съ первыхъ словъ....

— Вы приготовляете премилыя бонбоньерки, начала она мягкимъ, нѣжнымъ и вкрадчивымъ голосомъ. Кузень подарилъ мнѣ вашу работу: но я хотѣла бы имѣть къ Святой ведѣль штукъ десять такихъ коробочекъ.... Времени еще довольно.... вы успѣете.... я прошу васъ не торопиться, не утруждать себя слишкомъ, — прибавила она ласково, взявъ за руку смущенную знакомку кузена, которая, казалось, хотѣла прервать ее.... Будемъ откровенны, хотя видимъ другъ друга въ первый разъ.... вамъ надобно поберечься, полечиться.... потому-что вы.... больны.... больше нежели ваша матушка....

Старушка, въ знакъ согласія, одобрительно и благодарно закивала головою.

Наталья Павловна подошла къ ней и также взяла ее за руку. Зная, что пожилые люди благоразумнѣе, сговорчивѣе, менѣе щекотливы, благотворительница тихонько передала ей сѣренькій пятидесятирублевый билетъ и сказала вполголоса:

— Это впередъ за коробочки.... ради Бога, возьмите! Я вижу, я понимаю, что вы терпите нужду.... Съ завтрашняго дня у васъ будутъ постоянный докторъ и служанка, вы будете во всемъ обезпечены.... О, не отвергайте искренняго

участія! Это была бы непростительная гордость: вы убили бы себя и дочь....

Старушка, въ отвѣтъ, признательно пожала руку незнакомой посѣтительницы: она не въ силахъ была говорить, не наплась что сказать; дочь ея также молчала. Наталья Павловна привѣтливо простилась съ ними, довольная добрымъ дѣломъ и, главное, совершенно успокоенная на-счетъ Жоржа. Она мысленно сознавала себя виновною передъ нимъ, и воображеніе ея пріятно рисовало свиданіе признанія послѣ маленькой размолвки.

— Богъ милостивъ, Ольга! сказала старушка, когда нарядная дама оставила ихъ въ удивленіи отъ неожиданной помощи.

— Богъ милостивъ! повторила дочь. Помните, маменька, какъ въ молодые, счастливые годы, я боялась смерти. Одна мысль, что неизбежно когда-нибудь умереть, приводила меня въ трепеть.... Теперь.... теперь я утѣшаюсь мыслію, что здѣшняя жизнь не вѣчна. кратковременна.... Такъ, маменька, Богъ премудръ и многомилостивъ!...

Нельзя передать выраженія, съ какимъ произнесены были Ольгою всѣ эти слова. Слабый голосъ ея дрожалъ и въ глазахъ показались слезы. Старушка не могла понять, тяжело ли было ея дочери принимать подаваніе, предложенное, впрочемъ, такъ разборчиво, или же они вызваны были воспоминаніемъ о томъ, что довело обѣихъ до необходимости не отказываться отъ милостыни....

Онѣ печально поговорили еще съ полчаса; потомъ Ольга уложила старушку въ постель и сама легла. Скоро ли онѣ уснули, и спокойнѣ ли, нежели въ прежнія ночи; долго ли волновавшія ихъ мысли отгоняли отъ нихъ сонъ, — хроникѣ нашей неизвѣстно! Тайны и думы изголовья трудно рассказывать, и подушки не умѣютъ подслушивать душевнаго говора засыпающихъ: но то были бы сказанія любовныя, хотя и не историческія. Только дѣти, глупцы и безсознательные счастливыцы предаются сну мгновенно, безъ тревоги воспоминаній и ощущеній, безъ повѣрки минувшаго дня и многихъ прошедшихъ дней.... Но глубокая тишина водворилась въ комнатѣ. Мѣрный, глухой звукъ маятника простыхъ стѣнныхъ часовъ, однообразнымъ своимъ движеніемъ, сообщалъ еще болѣе какой-то дикости и унынія безмолвію. Такъ видъ одинокаго странника въ степи или уединеннаго цвѣтка въ заброшенномъ полѣ увеличиваетъ угрю-

мость и мертвенность пустынной мѣстности, раскинутой подъ обширнымъ шатромъ небеснымъ.... Въ переднемъ углу, передъ образомъ Спасителя, теплилась лампада, которую Ольга обыкновенно зажигала на ночь. Ширмы скрывали покоившихся: не задумчивый бюветъ, словно живой, выставлялся изъ рамы, глядѣлъ на Ольгу, и она, можетъ-быть, смотрѣла на него, потому-что портретъ висѣлъ прямо противъ ея постели....

V.

Наталя Павловна вспомнила обѣщаніе.

На другой день, бѣдная женщины уже окружены были невозможными помеченіями, полнымъ достаткомъ, едва не избыткомъ и роскошью....

Одинъ изъ лучшихъ врачей столицы, годовой докторъ Натальи Павловны, по ея порученію, внимательно осмотрѣлъ и спросилъ объихъ предоставленныхъ его искусству пациентокъ. На вопросъ о нихъ покровительницы, при первомъ свиданіи съ нею, онъ отвѣчалъ, что старушка дѣйствительно гораздо надежнѣе, и черезъ недѣлю будетъ совершенно здорова, что ей нужны только укрѣпительныя лекарства....

«А дочь?» спросила Наталя Павловна.

— Дочь, — проговорилъ докторъ тихо и неохотно, — дочь умереть со вскрытіемъ Невы....

— Неужели невозможно спасти ее? Неужели искусство ваше такъ слабо?

Достойный потомокъ Эскулапа печально улыбнулся и сказалъ :

— Нѣтъ, оно достигло высокой степени и силы, но не дѣлаетъ чудесъ, невозможнаго. Меня призвали поздно. У нея двѣ неизлечимыя болѣзни: чахотка, въ послѣднемъ градусѣ развитія, и — я въ томъ увѣренъ — страшное душевное горе, котораго она, конечно, не расскажетъ ни мнѣ, ни вамъ....

Докторъ, человекъ превосходнаго сердца, не желая обнаруживать свои чувства, сталъ разсматривать экранъ, и говорилъ о Фанни Эльслеръ, о новомъ балетѣ.

Наталя Павловна грустно задумалась. И отвѣчая между-тѣмъ доктору о балетѣ, подавила прекраснѣйшій вздохъ, который могъ бы выкупить нѣсколько заблужде-

ній, нѣсколько «милыхъ шалостей» любой модной женщины....

Знакомство, странное знакомство, начатое чѣмъ-то похожимъ на ревность, продолжалось по внушенію, болѣе возвышенному. Наталья Павловна, раза два въ недѣлю, посѣщала благодѣтельствованныхъ ею, и скоро убѣдилась, что онѣ заслуживали полного участія и уваженія. Въ Ольгѣ, не смотря на ея молчаливость, она нашла образованный умъ и нѣжнѣйшую душу; въ характерѣ ея матери — христіанскую твердость и покорность судьбѣ. Иногда нарядную даму сопровождалъ Жоржъ, и здѣсь оставались они вмѣстѣ полчаса, часъ, передъ театромъ, куда потомъ отвозила ихъ карета Натальи Павловны. Часовъ въ девять являлся въ ложу и Всеволодъ Сергѣевичъ, супругъ, обыкновенно долго отдыхавшій послѣ обѣда, какъ всѣ дѣловые люди, утомленные утренними занятіями....

Въ половинѣ марта 1849, бѣдная Ольга слегла наконецъ въ постель. Приставленная къ ней особая служанка тотчасъ дала знать объ этомъ Натальѣ Павловнѣ: благотворительница поспѣшила навѣстить больную. По предварительной запискѣ, пришелъ и Жоржъ.

Ольга спала.

Сострадательный докторъ, истощая всѣ дары латинской кухни, доставлялъ несчастной, по-крайней-мѣрѣ, временное успокоеніе, долженствовавшее вскорѣ уступить вѣчному....

Старушка не плакала, не жаловалась....

Она давно уже привыкла къ мысли о неизбѣжной, скорой смерти дочери, на сколько можетъ привыкнуть къ такой мысли материнское сердце....

Спокойная горестъ выражалась на ея желтомъ лицѣ, покрытомъ глубокими морщинами....

Довольно, впрочемъ, словоохотливая обыкновенно, она теперь молча вязала шерстяную кофточку. Быстро двигались въ ея пальцахъ длинныя спицы, точно она очень торопилась окончить работу....

Богъ вѣдаетъ, что происходило въ ея душѣ при видѣ двухъ молодыхъ, здоровыхъ, счастливыхъ особъ, помѣстившихся подлѣ ширмы, скрывавшей ея умирающую дочь. Она не начинала разговора.

Такъ прошло двѣ, три минуты.

Наталья Павловна и Григорій Алексѣевичъ помѣнялись

нѣсколькими незначительными словами, и потомъ кузень, почти безъ всякой нужды, сталъ поправлять лампу (подарокъ щедрой благотворительницы—кузины). Неопытный въ этомъ дѣлѣ, онъ едва совсѣмъ не потушилъ ея.

Неудача съ лампою напомнила ему какую-то давнюю свѣтскую исторію, въ которой внезапныя потемки произвели большое недоразумѣніе.

Желая по-возможности развлечь мрачное расположеніе старушки, Григорій Алексѣевичъ вздумалъ рассказать куріозный анекдотъ....

— Ревность нерѣдко доводитъ до смѣшнаго и несправедливаго....

Но только успѣлъ онъ произнести эти простые слова, старушка выронила изъ рукъ вязанье, и горесть, повидимому успокоенная, умиренная, пробудилась въ чертахъ ея со всею силою, съ невыразимымъ страданіемъ. Кузень и кузина испугались.

— Ревность доводитъ до ужаснаго.... неровнымъ голосомъ сказала старушка, стараясь овладѣть собою и принимаясь снова за работу. — Жестокая ревность сгубила мою бѣдную Ольгу, прибавила она съ волненіемъ....

Дальные свойственники переглянулись. При всей безукоризненной филантропіи, ихъ давно мучило любопытство, но они не смѣли и, какъ особы разборчивыя, не хотѣли распрашивать, вивѣдывать....

Теперь кладъ самъ давался въ руки: случайность, казалось, расположила старушку къ большей противу прежняго откровенности и спимала печать «тайны» съ предшествовавшей жизни Ольги. ..

— Вы столько оказали намъ добра, продолжала ея мать, обращаясь къ посѣтителю и посѣтельницамъ и, можетъ-быть, угадывая ихъ внутреннія мысли, что я не стану долѣе скрывать отъ васъ причину нашего несчастія....

— О, мы выслушаемъ вашъ рассказъ, какъ повѣсть о родной сестрѣ! прервала кузина съ неподдѣльнымъ чувствомъ. Мы поймемъ вашу горесть и слезы....

— Я выплакала всѣ мои слезы, и мнѣ остается новое горе — пережить и похоронить дочь. Такъ Богу угодно!....

Дочь моя была замужемъ. Но вотъ уже около девяти лѣтъ, какъ онъ оставилъ насъ, добрый, благородный человекъ....

Я не вымолвлю ни одного упрека, расскажу лишь проше-

шество, безъ всякихъ жалобъ. Теперь все кончено! Скоро Богъ ихъ разсудитъ и проститъ вину, ошибку, да рано или поздно, здѣсь или тамъ, покараетъ виноватаго....

Я выдала Ольгу по девятнадцатому году. Они были страстно влюблены другъ въ друга, оба хороши собою. Когда ихъ вѣнчали, всѣ говорили: «завидная парочка!» Его видите вы на портретѣ. Больная, убитая судьбою, Ольга не сохранила и слѣда красоты. Но она была красавица, рѣдкая красавица! Повѣрьте мнѣ: я говорю это безъ материнскаго ослабленія и тщеславія. Ахъ, всякая гордость, всякое тщеславіе убиты въ насъ!...

Зять мой служилъ прежде въ арміи, при генералѣ ***; но когда генералъ, послѣ турецкаго похода, получилъ другое назначеніе, по гражданской части, то и его взялъ къ себѣ, правителемъ канцеляріи. Ольга узнала будущаго своего мужа уже во фракѣ: въ кавалерійскомъ мундирѣ онъ былъ, вѣрно, еще красивѣе....

Зять мой не имѣлъ почти никакого состоянія. Онъ самъ обыкновенно, смѣясь, говорилъ, что у него родоваго и благопріобрѣтеннаго семь душъ съ пѣтухомъ. Но достаточное жалованье и виды въ будущемъ позволяли ему жениться безъ приданаго, по влеченію сердца.

Они жили скромно, однакожъ очень прилично; выѣзжали иногда въ свѣтъ, а зимою раза два, три и на балы въ дворянское собраніе, гдѣ моя Ольга кружила голову молодежи, никого сама не замѣчая, никому не оказывая предпочтительнаго вниманія. Она безъ памяти, нѣжно любила своего мужа.

Два года не налетало ни одного облачка, ни тѣни на ихъ счастье, голубиное согласіе. Я любовалась дѣтьми и мысленно благодарила Бога. Ольга моя единственная дочь....

У нихъ былъ назначенный день, маленькіе вечера, по вторникамъ. Собиралось не много, но, большей частью, люди хорошіе, добрые, да нѣсколько любезныхъ дамъ. Въ числѣ постоянныхъ нашихъ посѣтителей, красовался высокій, довольно стройный блондинъ, прежній сослуживецъ Ольгина мужа. У него были хорошенькіе усики, голубые глаза, а впрочемъ, лице не выразительное, хоть и смазливое; вообще онъ не блисталъ слишкомъ ни наружными, ни умственными свойствами....

За ширмами послышалось легкое движеніе: Ольга проснулась, закашляла. Старушка умолкла....

VI.

Григорій Алексеевичъ и Наталья Павловна не могли не вклясть въ себя объ этомъ неожиданномъ, въ самомъ началѣ, перерывѣ разсказа, но досада ихъ сдѣлалась удивительнѣе, когда вдругъ Ольга, слабымъ, невозможнымъ голосомъ, заговорила изъ-за ширмы:

— Продолжайте, маменька, продолжайте! Я хочу, чтобы наши благодѣтели знали всё. Намъ не отъ чего красѣть; мы не должны оставлять въ сомнѣніи, что я, можетъ-быть, заслужила свой жребій, или, по крайней мѣрѣ, была его виновницей... Меня скоро не станетъ... пусть могила моя будетъ безукоризненна....

— О, развѣ мы сомнѣвались? съ легкимъ, нѣжнымъ уврекомъ возразила Наталья Павловна. Участіе наше искренне; доверчиво! (Наталья Павловна не осудила бы неумолимо, если бы Ольга и была виновною). Но, Бога ради, успокойтесь! Большой вредно малѣйшее раздраженіе.... Не будутъ ли вамъ тяжелы слова матушки, не растревожатъ ли васъ прискорбныя воспоминанія?... Лучше когда-нибудь послѣ, въ другой разъ....

— Мнѣ ничего уже не вредно и все бесполезно! съ неизъяснимымъ уныніемъ отвѣчала Ольга. Говорите, маменька!

Что-то горестно-повелительное выразилось въ этой плачевной проебѣ.

Повинуясь ей, старушка продолжала:

— Ничтожному блондину нравилась Ольга, то есть нравилась не исключительно, а какъ всё прочія хорошенькія женщины. Ограниченный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, онъ не способенъ былъ къ настоящей любви, къ сильному чувству, да и ни къ чему порядочному. Пустой вѣтряникъ, хвастунъ, увѣренный въ своихъ наружныхъ преимуществахъ, онъ, разсказывали, имѣлъ два, три незавидные успѣха, и разъ, какимъ-то горячимъ мужемъ, былъ вызванъ на дуэль, отъ которой благоразумно уклонился, уѣхалъ куда-то.... По старымъ фамильнымъ связямъ, онъ былъ вхожъ въ хорошіе дома, но свѣтскія женщины смѣялись надъ нимъ и гнали его прочь. И въ мелкихъ кругахъ, гдѣ онъ пресмѣшно разыгрывалъ роль важнаго человѣка, случилось ему не болѣе. Во всякомъ обществѣ, гдѣ его успѣвалъ разгадать, — а для этого достаточно было двухъ,

трехъ встрѣчь съ нимъ, — онъ служилъ цѣлью, крѣпкою мишенью эпиграммъ, которая все терпѣла. Въ первыя встрѣчи имъ забавлялись, послѣ скучали его присутствіемъ. Зять мой обходился съ нимъ за-просто, безъ малѣйшей церемоніи, почти грубо — онъ его, къ-несчастью, зналъ давно и, стало, давалъ ему полную цѣну. Ольга также его дурачила, и — тогда счастливая, рѣзвая шалунья — ловко притворялась, будто къ нему равнодушна. Онъ принималъ это за чистую монету, любезничалъ, вздыхалъ, не отчаявался, надѣялся. Зять, казалось, не совсѣмъ одобрялъ шутку жены, но никогда не выговаривалъ ей, ни словомъ, ни взглядомъ. Мнимый, неопасный соперникъ не стоилъ неудовольствія. Я только замѣчала, что мужъ Ольги хмурится, и говорила съ дочерью, посоветовала ей не шутить. Ольга послушалась, и съ-тѣхъ-поръ холодная вѣжливость хозяйки дома замѣнила прежнюю шаловливость молодой женщины.

Но, увы! совѣтъ мой не исполнился. Послѣдствія не оправдали ожиданія. Оба, и неотвязный любезникъ, и зять мой, человѣкъ мнительный, недоувѣрчивый, съ воображеніемъ, которое легко настраивалось къ какой-нибудь упорной идеѣ, — оба они, говорю, иначе истолковали эту перемѣну поведения. Въшалось еще третье лицо, франтъ, уже отцвѣтавшій, но по тому самому человѣкъ опытный, и притомъ не глупый, интриганъ, съ сердцемъ злопамятнымъ. Онъ давно былъ занятъ Ольгою, и, оскорбленный ея невниманіемъ, изъ явнаго обожателя превратился въ тайнаго мстителя. По основательной догадкѣ нашей, этотъ систематическій господинъ взялъ блондина подъ свое покровительство и руководство, желая, по-крайней-мѣрѣ, скомпрометировать *добродѣтельную, строгихъ правилъ красавицу* — такъ называлъ онъ Ольгу. Наученный, нашколенный имъ, любезникъ нашъ ободрился, началъ смѣло ее преслѣдовать, рѣшился даже писать къ ней, по городской почтѣ, дерзко требуя свиданія. Посланіе это очевидно было продиктовано другимъ — въ немъ умышленно были вставлены выдуманная обстоятельство, намеки, и такъ искусно, что, казалось, наглець имѣлъ если не права, то поводы къ своему безстыдному требованію.

Не умѣю рассказать вамъ негодованія Ольги. Насилу я могла ее успокоить. Она изодрала письмо и, съ общаго нашего соглашенія, скрыла эту продѣлку отъ мужа, чтобъ не встревожить его пустяками, не возбудить несправедли-

ныхъ подозрѣній; но я, при первомъ посѣщеніи блондина, порядкомъ вымала ему голову, предупредила, чтобъ онъ остерегся — не то будетъ худо, если зять узнаетъ. Ольга была менѣе меня умѣренна, и на-прямки сказала блондину, что онъ глупецъ, и что только именно по этой причинѣ ему прощается. Онъ сконфузился, извинился. Тѣмъ дѣло и кончилось. Два вторника молодецъ нашъ не показывался, а на третій пріѣхалъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, отлично зашитой, разлущенный, удивительно довольный собою; все на немъ было съ иголочки, лоснилось, блестяло, — цѣпочки, перстни, печатки. Видно, ему дали новый урокъ, сказали, чтобъ онъ не робѣлъ, не смущался первою неудачею, завѣрили въ дальнѣйшемъ успѣхѣ...

Низкое мщеніе, точно, не дремало и дѣйствовало по обдуманному плану. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого новаго появленія блондина, и зятю принесли съ городской почты письмо. Онъ прочиталъ, поблѣднѣлъ, вспыхнулъ, и не сказавъ ни слова, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Мы его не видѣли до слѣдующаго дня. Когда, на другое утро, онъ вышелъ къ чаю, его почти нельзя было узнать: щеки у него осунулись, глаза блуждали, весь онъ измѣнился. Я и Ольга глубоко огорчились. Мы убѣждены были, что вѣроятно, къ анонимному письму — орудію черной интриги, которое нерѣдко употребляютъ противъ людей слабохарактерныхъ и чувствительныхъ — присоединили копию съ письма блондина къ Ольгѣ. Печальный, разстроенный, мужъ ея молчалъ; впрочемъ, уходя въ свою канцелярію, довольно ласково, хотя и привужденно, простился съ нами. Быть тутъ бѣдѣ, подумала я — собираются тучи.... Лишь онъ ушелъ, Оля моя принялась плакать на-взрыдъ, плакала битыхъ два часа, а потомъ вдругъ вздумала съѣздить въ модный магазинъ, гдѣ ей что-то шили.... Богъ вѣсть откуда, и любезникъ нашъ прискакалъ туда на биржевомъ лихачѣ; говорить, нужно шляпку для сестры заказать и отослать въ деревню. Ольга не хотѣла и отвѣчать ему, отвернулась.... смотреть, въ магазинъ входитъ — ея мужъ.... Вотъ, когда они возвратились домой, вышла очень серьезная домашняя сцена. Взбѣшенный зять настаивалъ на томъ, что свиданіе Ольги съ блондиномъ, въ модномъ магазинѣ, было условленное, объявляя, что и самъ онъ, разумѣется, не случайно явился вслѣдъ за ними, что онъ давно уже замѣчалъ, и прочее, тому подобное. Совершенно невинная Ольга, клялась, что любитъ толь-

но мужа — онъ покачалъ головою и обидно усмѣхнулся. Ольга, въ свою очередь, разсердилась и, не подумавъ, сказала, что еслибѣ, по несчастью, когда-нибудь полюбила другого, то, ужь конечно, это былъ бы не блондинъ. Зять, странно взглянувъ на жену и снова усмѣхнувшись очень жалкимъ, возразилъ, что отъ *несчастнаго* кокетства до проступка не такъ далеко, какъ вообще полагають, что спокойствіе и честь мужа нельзя ставить между «улыбками» и «глазками», что въ самомъ предположеніи возможности несчастія — когда-нибудь полюбить другого — не обнаруживается постоянства въ склонностяхъ, но что, впрочемъ — онъ совершенно съ этимъ согласенъ — насильно милымъ не будешь. Онъ говорилъ еще многое, на тотъ же ладъ, довольно дѣльное и основательное въ общемъ смыслѣ; только вовсе несправедливое и очень жесткое въ примѣненіи къ Ольгѣ. Напрасны были всѣ ея увѣренія — онъ ее и слушать не хотѣлъ: такъ мѣтко и запутанно ведена была закулисная интрига. Я наконецъ вступилась за дочь. Мое посредничество показалось ему фанильнымъ заговоромъ. Онъ сказалъ, что мнѣ, безъ-сомнѣнія, должно быть прискорбно видѣть такіе плоды *строгаго* воспитанія дочери, и наговорилъ разныхъ другихъ учтивыхъ колкостей. Указать прямо на гнусную интригу мы обѣ не смѣли, потому-что скрыли отъ него письмо блондина. Онъ также умалчивалъ объ этомъ обстоятельстве. Однакожъ я ему заявила, что если онъ унижается до ревности къ блондину, до такого неуваженія къ женѣ и къ самому себѣ, то лучше пошлому волокитѣ отказаться отъ дому, а для собственнаго успокоенія, съ толкомъ развѣдать, удостовѣриться....

Этими неосторожными и нѣсколько рѣзкими словами, я только подлила масла въ огонь.

— Прекрасно, превосходно! сказалъ онъ. Я стану развѣдывать, удостовѣряться, отказывать отъ дому, самъ подтверждать молву, пересмѣшничество, *клевету*, если вамъ угодно?... Не хотите ли вы, чтобъ я сдѣлался сказкою города, чтобъ на меня указывали пальцами?... Нѣтъ, я этого не потерплю! Всякое другое горе можно и должно перенести, стыда и позора никогда!

Раздраженный зять занесся далеко, выросилъ муху въ слона. Великаго труда стоило мнѣ помирять ихъ послѣ сильной двухъ-дневной размолвки. Мало-по-малу онъ успокоился и, кажется, подавлялъ въ себѣ смѣшныя подозрѣнія. Ясный взглядъ Ольги краснорѣчиво опровергалъ хитро-устроенный

случай. Прошло двѣ, три недѣли. О прошедшемъ не было и поминна. Они, повидимому, любили другъ друга какъ прежде, можетъ-быть больше прежняго: но взаимная довѣренность, простосердечная ласка уже не возвращались. Внимательно наблюдая за мужемъ Ольги, я не могла не видѣть, что онъ, внутренно, не забылъ этого вздорнаго случая, что душа его страдаетъ. А блондинъ, между-тѣмъ продолжалъ къ ней ѣздить. Ѣздили и другіе молодые люди. Зять мой косо смотрѣлъ на всѣхъ ихъ. Ольга, уже болѣе благоразумная и осторожная, ни съ кѣмъ не шутила, не разговаривала даже долго и весело. Духа бѣда начало! Тѣмъ печали и неудовольствія не сходила съ лица ревнивца: статья можетъ, самую скромность, наружную уклончивость жены онъ приписывалъ за тонкое лицезрѣіе, коварство. Когда сомнѣніе однажды закрадется въ душу, его не скоро истребишь совершенно, особенно, если оно скрытно поддерживается со стороны. Выдумка переходила изъ устъ въ уста. Блондинъ и руководитель его, вѣроятно, первые распускали слухи; оба они не хотѣли простить — одинъ слова «глупецъ», другой оказаннаго ему пренебреженія. Перешептыванья, двусмысленныя рѣчи, разумѣется, не укрывались отъ напряженнаго вниманія зятя, и, можетъ-быть, не разъ стояли ему мучительныхъ усилій терпѣнія, — можетъ-быть, онъ не разъ рѣшался покончить съ блондиномъ....

Вторники были для него настоящею пыткой, и чтобъ какъ-нибудь, хоть на время, подъ благовиднымъ предлогомъ, прекратить эти вечера, онъ перемѣнилъ квартиру, нанялъ домикъ въ отдаленномъ концѣ города.... Гостиная выходила въ садъ, очень миленькій, уютный. По утрамъ, пока мужъ не возвращался изъ должности, Ольга работала въ бесѣдкѣ, я хлопотала въ домѣ по хозяйству.... Въ одинъ день.... какъ теперь помню, у меня тогда болѣли зубы, и я посылала за ближайшимъ господиномъ Вагенгеймомъ.... Былъ уже пятый часъ, а зять еще не приходилъ изъ канцеляріи. Пробило пять, шесть, его все нѣтъ. Ольга стала беспокоиться, велѣла убирать со стола.... видно, къ обѣду не будетъ.... Что бы это значило?... Вдругъ прибѣгаетъ горничная....

— Да баринъ дома, у себя въ кабинетѣ.

— Когда же онъ воротился?

— Не знаю-съ.

— Поди, узнай, кто отворялъ ему двери? Звонка не было слышно.

— Петръ говоритъ, что когда его послали за дантистомъ, онъ не заперъ дверей на ключъ. Вѣрно, въ это время, баринъ и пріѣхалъ.

— И ничего не сказалъ?

— Ничего; они прошли сперва въ гостиную, а потомъ, черезъ садъ, въ кабинетъ. Настя видѣла.

— Да что жъ она молчала до-сихъ-поръ?

— Ея не было дома; послѣ того, какъ баринъ воротился, она тотчасъ ушла....

— Да, я велѣла ей сходить въ магазинъ.... сказала Ольга.

Я взглянула на дочь и замѣтила, что она очень смущена, встревожена.... Боже мой! Ужъ не опять ли какія-нибудь недоразумѣнія, сплетни? Ольга пошла въ кабинетъ къ мужу: но кабинетъ былъ запертъ изнутри, и зять черезъ двери проговорилъ, что ему некогда, что онъ занятъ важнымъ дѣломъ и просить не мѣшать. Странно! Ни вечеромъ, ни на другой день утромъ онъ не показывался къ намъ, и не пускалъ къ себѣ никого, кромѣ Петра, который приносилъ ему завтракъ и обѣдъ. На третій, на четвертый день тоже, и въ канцелярію не ходилъ, разъ только велѣлъ Петру снести туда какой-то пакетъ. Мы ума съ Ольгой не могли приложить—она, впрочемъ, почти ничего не говорила, плакала, не спала ночи. Я наконецъ рѣшилась добиться смысла всей этой непонятной исторіи, и постучалась у кабинета. Зять впустилъ меня. На немъ, что называется, лица не было; на письменномъ столѣ лежали пистолеты; сторы опущены, въ комнатѣ беспорядокъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ сухо, привставъ съ дивана.

— Угодно, чтобъ вы перестали терзать мою дочь.

— Ваша дочь меня обманула....

— Вы ошибаетесь.... васъ обманываютъ злые, низкіе люди. Прежде нежели обвинять мою дочь въ воображаемомъ проступкѣ, къ которому она не способна, надобно имѣть неоспоримыя доказательства, а не какія-нибудь анонимныя письма или заугольные изобрѣтенія....

— Доказательства? воскликнулъ онъ съ горечью и запальчивостью.—У меня ихъ двадцать, и сверхъ-того одно, которое стоить двадцати. Собственными глазами я видѣлъ добродѣтельную дочь вашу въ объятіяхъ прекраснаго блондина съ голубыми глазами....

Я обомлѣла, не могла произнестъ ни слова.

— Согласитесь, продолжалъ онъ съ страшнымъ спокойствіемъ, — согласитесь, что стрѣляться за такую женщину и съ такимъ человѣкомъ, значило бы огласить выстрѣломъ свое несчастіе и безчестіе — ищеніе слишкомъ старое, осуждаемое и божескими и человѣческими законами, и даже общественнымъ мнѣніемъ, и притомъ совершенно бесполезное, не возвращающее ни чести, ни счастья.... Самому застрѣлиться.... да, пожалуй!... Признаюсь, я почти рѣшался разстаться съ жизнью.... но — я такое слабое созданіе! — у меня недостало характера, и достало религіи....

Онъ добрый, великодушный человѣкъ, онъ сжалится надъ нею! подумала я, не увѣренная въ тѣ минуты, виновна ли она, или невинна, и не прерывая его.

— По природѣ моей, продолжалъ онъ: я не могу ни кому мстить, но не могу и не долженъ долѣе жить съ вашей дочерью — роль *свѣтскаго* мужа не по мнѣ. Я получилъ воспитаніе простое, старинное. Мы тихо разойдемся. .. навсегда. Черезъ нѣсколько дней я получу отставку, и уѣду куда-нибудь, далеко....

— О, нѣтъ! вы не сдѣлаете этого! вы не захотите убить Ольгу! вскричала я, бросилась передъ нимъ на колѣни и схватила его за обѣ руки. Сердце мое сжималось, но ему, вѣроятно, показалось это притворною выходкою, придуманною сценою. Онъ легонько освободилъ свои руки, поднялъ меня и твердо вымолвилъ:

— Драма или комедія кончена! Зачѣмъ эти лишніе эффекты? Какъ я сказалъ, такъ и будетъ.... Оставьте меня....

Въ глазахъ его дрожали слезы, а въ голосѣ была злость и неумолимая холодность.

Наталя Павлавна слушала нетерпѣливо; флегматическій Жоржъ разсѣянно перебиралъ свои брелоки; за ширмой было тихо; думали, что Ольга опять уснула, въ изнеможеніи.

— Я пересказала разговоръ нашъ дочери. Съ Олей сдѣлался обморокъ; насилу привели ее въ чувство. Когда она нѣсколько успокоилась, я осторожно стала ее спрашивать: она созналась, что мужъ говорилъ правду....

Я ахнула, всплеснула руками.

— Такъ ты виновна, Ольга?

— О, Боже! Выслушайте меня, маменька! Я сидѣла тогда въ бесѣдкѣ, не отрывая глазъ отъ работы. Вы знаете, я готовила ему сюрпризъ ко дню его рожденія, торопилась кончить.... Мнѣ было такъ пріятно въ саду. Не предчувствуя

бѣды, я ощущала безотчетное счастье.... Вдруг самшу жесткость подлѣ бесѣдки, и думаю, что это пробирается моя кошечка, ищетъ меня. Я подаю ей голосъ, зову ее.... поднимаю глаза — передо мною стоитъ блондинъ съ торжествующимъ видомъ и съ раскраснѣвшимися щеками; въ глазахъ у него дерзость, рѣшимость; онъ улыбается такъ странно и обидно.... Я оробѣла, хотѣла закричать, но голосъ замеръ на губахъ моихъ; испуганная, я бросилась-было изъ бесѣдки; но онъ заслонилъ мнѣ дорогу, схватилъ меня, обнялъ... все это случилось въ одну минуту; я не успѣла оборониться.... Онъ, явно, былъ на-веселѣ. Его, вѣроятно, нарочно подпоили и подослали.... Наконецъ, я успѣла вырваться изъ его сильныхъ рукъ.... онъ захохоталъ и убѣжалъ въ салитму.... Теперь ясно, что мужъ мой видѣлъ всю эту неслыханную сцену.... О, я несчастная! Онъ понялъ ее иначе, и его ничѣмъ не разубѣришь: онъ не согласится, что я была жертвою наглости, что мнѣ встать именно за то, что я всегда любила и люблю только его, никогда и мыслію не имѣяла моимъ обязанностямъ....

Однакожъ Ольга пыталась объясниться съ мужемъ, умоляла его слезами, убѣжденіемъ, мольбою истинны: но то была тщетная надежда! Онъ не впустилъ жену, не хотѣлъ ее видѣть, хотя она цѣлый часъ рыдала у дверей его кабинета, называла его нѣжнѣйшими именами, заклинала всѣмъ святымъ на землѣ и въ небѣ. Онъ или не слышалъ или не хотѣлъ слышать....

— Это безчеловѣчно, это варварски! съ невольнымъ гнѣвомъ воскликнула Наталья Павловна.

— Это просто по-скиески! прибавилъ Григорій Алексѣевичъ.

— Не браните его! отозвался болѣзненный голосъ за ширмою. Я простила его; можетъ-быть, простилъ уже и Богъ. Несчастнаго, конечно, давно нѣтъ въ живыхъ.... Маменька, оканчивайте скорѣе.... мнѣ очень тяжело.... Кажется, я умираю....

Старушка не выдержала. Она залилась слезами. Кузень и кузина также прослезились. Старушка, всхлипывая, съ трудомъ, въ немногихъ словахъ, досказала истинную новѣсть....

Странный сухой кашель давилъ Ольгу....

Но оставимъ эти печальныя картины, и перенесемъ воображеніе читателя въ другое общество, болѣе-веселое. Пусть

одни плачутъ и умираютъ. Не весь миръ — лавареть. Есть много мѣстъ и людей праздничныхъ, счастливыхъ.... до поры, до времени....

VII.

Нѣсколько молодыхъ людей, отъ двадцати до тридцати-пяти лѣтъ, или около того, катили на трѣйкахъ за городъ, дальше менѣе за городъ, въ Ижору, за Ижору....

Такая пришла фантазія, хотя между ними не было ни одного барона....

То были «испытатели сильныхъ ощущеній», путевыхъ впечатлѣній....

Они устроили оригинальный пикникъ, безъ запасовъ, безъ валиски, не везли даже съ собою хорошаго вина....

Ребята забалованные, пресыщенные наслажденіями, они предоставляли свою инициативу, задуманную экспромтомъ, на произволъ случая, и самая невѣдливость его таинственныхъ распоряженій составляла привлекательную сторону затѣи.

Въ этой шалостной компаніи были два, знакомыя намъ лица: Григорій Алексѣевичъ, сговорчивый, на все согласный, если дѣло шло не о серьезныхъ вопросахъ добра и чести, и — статья-можетъ, уже забытый читателемъ — Аполонъ Бельведерскій, согласный на все безусловно, никогда не задававшій себѣ никакихъ вопросовъ — тяжелое бремя лунныхъ головъ....

Они приплетался всюду, гдѣ что-нибудь устраивалось, затѣвалось, въ родѣ пирушки, прогулки или иного времяпрепровожденія, изобрѣтаемаго людьми досужими.... Такимъ-то образомъ, снова, какъ въ началѣ нашей повѣсти, случайно сошелся онъ съ Жоржемъ, который нѣсколько мѣсяцевъ съ нимъ не встрѣчался, и которому теперь и впріятно и неприятно съ нимъ....

У Жоржа что-то на умѣ, а Бельведерскому и чертъ, по словицѣ, въ тотъ день былъ не братъ. Ему, накануне, прислали денегъ; портфель его важничалъ, храни въ себѣ, между прочимъ, двѣ широкія, радужныя бумажки — два государственныхъ кредитныхъ билета; и кошелекъ его не уступалъ портфелю, туго набитый полумимпералами; сверхъ-того, въ разныхъ карманахъ разложены были у него демозитки мѣняшаго достоинства: сѣренькія, фіолетовыя, красненькія, си-

венькія, зеленоватыя, и, наконецъ, маленькіе желтые руб-
ли; въ огромныхъ карманахъ шароваръ онъ безпрестанно
звенѣлъ мелкимъ серебромъ, а изъ кармаповъ прочаго его
одѣянія ежеминутно показывались различные сигарочни-
цы — въ одной, серебряной, съ золотыми разводами и эма-
лью, содержались папирасы; въ другой, сафьянной тисненой,
яркаго цвѣта, легкія, тоненькія сигары—*quene-de-gat*, или
крысы хвосты; въ третьемъ, изъ свѣтлой, мягкой кожи—
крѣпкія и толстыя гаванскія; у часовъ явилось множество но-
выхъ привѣсокъ, на рукахъ колець и перстеньковъ; коро-
че, онъ блисталъ и блестялъ въ полной мѣрѣ, а кредиторы
пока оставались безъ удовлетворенія — застигнутый дома
врасплохъ, самымъ настойчивымъ и неотвязнымъ, онъ
бросилъ на драку одну радужную, и дѣло съ концемъ....

Смеркалось, когда они остановились, иззябшіе, голодные,
верстъ за полсотни слишкомъ отъ Петербурга. Чтѣ бы ужъ
имъ было докатить до знаменитой форелью Помераніи, съ го-
стинницею, обильной и привозными городскими и мѣстными
сельскими продуктами.... Но, во-первыхъ, лошади приуста-
ли, а во-вторыхъ, въ *утонченный* расчетъ изнѣженныхъ го-
рожанъ входилъ именно дрянной завзжій трактиръ или по-
стоялый дворъ, гдѣ сноному и даже плохому можно обра-
доваться, какъ рѣдкости, диковинкѣ.

— Ну, чтѣ у васъ тутъ есть? кричалъ Аполловъ, входя въ
темную комнату одноэтажнаго деревяннаго домика, побря-
кивая золотомъ, серебромъ, привѣсками и прочимъ.

— Все, что угодно-сь! отвѣчалъ проворный половой, сует-
ясь и потряхивая полотенцемъ, которое было у него на-
вернуто на лѣвой рукѣ. Чего изволите приказать?

— Ну, принеси хоть рябчиковъ.... да побольше, дюжины
двѣ....

— Рябчиковъ-сь нѣтъ.

— Телятины, курятины, ветчины, пожалуй?

— Не пожелаете ли изъ постнаго?.... Рыба есть всякая,
ерши, окуни, треска, заливная бѣлужина — только на про-
шлой недѣлѣ приготовлена....

— О, боги! мы умремъ здѣсь голодною смертью!.... Уби-
райся ты съ своею трескою!.... Вотъ свѣжей икорки хоро-
шо бы.... съ калачемъ?

— Паусная у насъ отличная....

— Проклятіе!.... Поддай скорѣе чаю, да смотри не копор-
скаго!

— Помилуйте, мы держимъ первыи сортъ-съ....

Между-тѣмъ какъ Бельведерскій распорядился, а половой изъявлялъ живѣйшую, не трогаясь съ мѣста, готовность исполнить всѣ его требованія, остальные члены общества развязывали шарфы, которыми окутаны были ихъ шеи, сбрасывали съ плечь шубы, освобождали ноги отъ теплыхъ кодошъ. Обрадовавшись внезапнымъ гостямъ, самъ хозяинъ «заведенія» подалъ свѣчи, и тогда лишь путники наши замѣтили, что они здѣсь не одни, что ихъ компанія увеличилась....

Въ углу комнаты, единственной довольно чистой въ этомъ деревенскомъ ресторанѣ, «комнаты для господъ», неподвижно сидѣлъ человекъ неопредѣленныхъ лѣтъ, смуглый, худой, какъ Паганини; въ черныхъ, какъ смола, волосахъ его, тамъ и сямъ, свѣтилась просѣдь, а глаза странно сверкали, и яркій взглядъ ихъ походилъ нѣсколько на взглядъ коцѣннанаго....

На немъ былъ ветхій, истертый черный сюртукъ, весь застегнутый; подлѣ него лежала старая, выношенная медвѣжья шуба и простая, неокрашенная палка....

Поглядѣвъ на него, и потомъ оборотясь къ нему спиною, Бельведерскій высунулъ языкъ и вполголоса сказалъ: «Вотъ фигура!»

Ему не отвѣчали; всѣ, особенно Жоржъ, пристально смотрѣли на «фигуру», въ-самомъ-дѣлѣ необыкновенную....

Съ злодѣйскою она не имѣла ничего общаго: но въ лѣсу, въ сумракѣ осенняго вечера, ее смѣло можно было бы выдать за привидѣнiе, или, по меньшей мѣрѣ, за выходца съ того свѣта....

Дальнѣйшее созерцанiе этого господина прервано было новымъ появленiемъ полового, съ огромнымъ, размалеваннымъ подносомъ и цѣлою дюжиною расписанныхъ и позолоченныхъ чашекъ.

— Саксонскій фарфоръ! съ улыбкою сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Прочь фарфоръ, вонъ чашки — давай стаканы! закричалъ Аполдонъ, чрезвычайно довольный тѣмъ, что здѣсь никто не мѣшалъ ему приказывать, первенствовать.

Согласно требованiю его, половой убралъ чашки, подалъ стаканы, и, наконецъ, пыхтя, торжественно внесъ испо-

линскій сосудъ, вычищенный на славу, горѣвшій какъ золото и объемомъ своимъ рѣшительно пристыжавшій замѣчательное брюшко Бельведерскаго. Самоваръ шумно кипѣлъ и, наполняя комнату теплымъ паромъ, пустился разигрывать разныя мелодіи, въ подражаніе которымъ легко было бы сочинить «самоваръ-польку», по тому примѣру, какъ сочинены «паровозъ-полька», польки, изображающія откупориваніе бутылокъ, шипѣніе шампанскаго, и другія въ томъ же родѣ модныя, увеселительныя композиціи....

Старшій изъ пріѣзжихъ товарищей принялъ на себя обязанность хозяина, амфитріона, и, предварительно составивъ смѣту, сталъ разливать чай.

Но, въ — торопяхъ, нѣкоторые необходимые материалы были упущены изъ виду и, какъ водится, приступили къ смѣтѣ дополнительной, спросили лимоновъ и рому — нельзя сказать «слабаго» утѣшенія въ недостаткѣ лучшаго удовлетворенія гастрономическихъ привычекъ....

Господину, сидѣвшему въ углу, также подали чай....

— А мы давно съ тобою, Гриша, не сталкивались! началъ Аполлонъ, разогрѣтый пуншемъ: съ-тѣхъ-поръ, какъ ужинали у Дюссо.... помнишь, послѣ «Мечты Художника».... Ну, что твоя коробочница? Ты не перестаешь о ней заботиться....

— Коробочница?... кстати вспомнилъ!... Господа, — сказалъ Жоржъ, медленно, съ своею обычною флегмою и разстановкою, — господа! ужинь, по всей вѣроятности, будетъ у насъ преплохой.... Стало-быть, полезно, по возможности, уменьшить аппетитъ.... И расскажу вамъ жалостный случай.... Сужу, съ вашего позволенія, по себѣ.... Если мнѣ грустно, я дня два могу оставаться безъ пищи....

— Рассказывай, рассказывай, безъ предисловія! возгласили собесѣдники.

— Предисловіе — фундаментъ! — ввернулъ бывшій тутъ архитекторъ.

— Мы безъ того въ какомъ-то подвалѣ, возразилъ другой.

— Снимай крышу съ своего жалостнаго случая, — подалъ голосъ третій, достойно поддерживая замысловатую игру словъ. ..

— Да, да, рассказывай скорѣе! Слушаю и кушаю!! набавилъ Аполлонъ, прихлебывая изъ стакана и воображая, что выразился остроумно....

— Смотри, не подавись! значительно произнесъ Жоржъ, и повелъ обѣщанный рассказъ...

Комната, всѣ ея лица и предметы исчезали въ облакахъ дыма отъ трубокъ, сигаръ и папирсъ; въ неисчерпаемомъ самоварѣ не осталось ни капли воды; на огромныхъ стѣнныхъ часахъ ударило полночь, когда Григорій Алексѣевичъ, говорившій съ какою-то методическою вялостью, но не безъ ѣдкости, приближался къ окончанію своей и нашей повѣсти.

— Взгляните-ка! кажется, и тотъ слушаетъ? замѣтилъ кто-то изъ собесѣдниковъ, указывая на господина, сидѣвшаго въ углу.

— Пусть его! съ необыкновенною кротостью примолвилъ Бельведерскій. — Какой-то несчастный... въ чемъ душа держится?

— Твоей душѣ должно быть покойнѣе, просторнѣе! сказалъ Гриша своимъ ровнымъ, безмятежнымъ голосомъ, иногда, однако, коловшимъ не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Почему-то Аполлонъ опустилъ свои, не отвѣчая на дерзкую, обидную выходку Жоржа.

— Къ развязкѣ! къ развязкѣ! — потребовали прочіе.

— Да какая тутъ еще развязка? Я почти кончилъ. Спусти надѣлю послѣ объясненія съ тещею, этотъ слишкомъ ревнивый мужъ, этотъ странный человѣкъ ушелъ передъ обѣдомъ со двора. Цѣлый день, до поздняго вечера, до глубокой ночи, ожидали его возвращенія: но онъ не возвращался до-сихъ-поръ. На-утро толкнулись въ его кабинетъ, увидѣли ключъ въ замкѣ двери, вошли въ комнату и нашли тамъ, на столѣ у дивана, запечатанное письмо, адресованное на имя тещи. Онъ трогательно, благородно прощался съ ними на вѣки, просилъ не справляться о немъ, не отыскивать его, прибавляя, впрочемъ, что это было бы бесполезно, потому-что его не найдутъ, и ни чѣмъ не убѣдятъ перемѣнить рѣшеніе. Онъ заключалъ письмо горестнымъ сознаніемъ, что измѣна любимой, жены (то есть нижная измѣна) отравила его жизнь и что смерть будетъ единюю его надеждою. Въ письмо вложены были двѣ тысячи рублей ассигнаціями, сбереженные имъ отъ жалованья въ теченіе всей службы — больше у него ничего не было. Этими деньгами и продажею домашняго скарба жили еще нѣсколько лѣтъ, потомъ стали работать. Нѣжныя руки Ольги приготавливали прелестныя бонбоньерки. Сколько

претерпѣла эта жестоко покинутая женщина, можно вообразить, но не рассказать. Она еще жива, невинная мученица. Докторъ говоритъ, что она умретъ со вскрытіемъ Невы....

При этихъ словахъ, до слуха собесѣдниковъ долетѣлъ протяжный отголосокъ звука, похожаго на человѣчскій стонъ, тяжело вырвавшійся изъ груди.

— Это вѣтеръ воетъ на дворѣ, сказалъ Бельведерскій, очень приунывшій.

— Нѣтъ, это, кажется, тотъ господинъ охаетъ, — возразилъ архитекторъ, поправляя нагорѣвшія свѣчи.

— Не мудрено! посмотрите, какой хворый! пояснилъ другой.

И всѣ замолчали.

— Что это нашъ Аполлонъ какъ-будто бы привадутился? спросилъ старшій изъ собесѣдниковъ. — Съ нимъ это рѣдко случается, и ему дума не къ лицу.

— Онъ, вѣрно, сердится на *блондина*, сказалъ Жоржъ: расканивается за него....

— Такъ ты думаешь, что это былъ я? вскричалъ Бельведерскій, быстро повернувшись на стулѣ. Онъ и въ продолженіе всего разказа вертѣлся, кусая себѣ губы.

Его восклицаніе и движеніе возбуждили общее вниманіе.

— Да, въ-самомъ-дѣлѣ... портретъ *блондина* очень подходит.... опять заговорилъ старшій.

— Ну, если бѣ и точно это былъ я.... что за бѣда? былъ молодцу не укора, — отвѣчалъ Аполлонъ, оправившись. Ольга была совсѣмъ не такая овечка, какъ рассказывалъ Жоржъ, и любила не одиныхъ кошечекъ. Мужъ ревновалъ ее не безъ причины и бросилъ по-дѣломъ...

Тутъ произошла совершенно-неожиданная сцена.

Столикъ, за которымъ сидѣлъ малеко въ углу хворый господинъ, вдругъ съ шумомъ повалился на полъ, и незнакомецъ, вскочивъ съ своего мѣста, опротясь подборѣжалъ къ Бельведерскому. Всѣ, съ любопытствомъ и какимъ-то невольнымъ страхомъ, смотрѣли на высокую «фигуру», развалину человѣческую, которая, при всей ея паганиниевской худобѣ, сохраняла еще статность, слѣды бывшей мужественной красоты....

— Поклянитесь, что вы сказали правду! раздался вынужденный, хриплый голосъ этого человека. Поклянитесь честию и совѣстью! Вотъ, передъ вами образъ?

Бельведерскій задрожалъ, поблѣднѣлъ, отступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Господа! сказалъ онъ: что это значить? почему этотъ господинъ позволяетъ себѣ вмѣшиваться?... Милостивый государь! продолжалъ онъ, обращаясь къ незнакомому: мы не имѣемъ чести знать васъ, и я считаю себя въ правѣ не отвѣчать на вашъ неумѣстный, дерзкій вопросъ...

Полумертвецъ страшно взглянулъ на Бельведерскаго, и слова къ нему приблизился....

Всѣ встали, ожидая *развязки*.

Но гнѣвъ и энергія, на мгновеніе одушевившіе этого человѣка, мгновенно же исчезли. Руки его опустились, онъ странно покачалъ головой и, какъ-будто одумавшись, уже слабымъ, едва слышнымъ голосомъ, промолвилъ:

— Извините меня, добрые господа! я увлекся участіемъ къ разсказу и *забылся*.... Вы, милостивые государи, видите, я человѣкъ больной.... пробираюсь въ Петербургъ.... къ роднымъ, в. вѣроятно, скоро умру тамъ.... не взыскивайте съ меня за выходку!

У Жоржа разрывалось сердце, когда бѣдняга провозносилъ эти слова. Мучимый, едва не увѣренный въ догадкѣ, Жоржъ подумалъ: Боже мой, какое столкновеніе случайностей!

— Ага, струсилъ! вполголоса сказалъ Бельведерскій, медленно выставляясь впередъ.

— Нѣтъ, я не струсилъ.... *вы меня не знаете!*... Посмотрите на меня!... Не правда ли, я не кажусь счастливымъ, и мнѣ никто не позавидуетъ?... Не будьте же менѣе другихъ великодушны — не хвалитесь ни побѣдами надъ женщинами (ихъ такъ легко оклеветать), ни храбростью съ вашимъ братомъ.... вы можете доказывать ее иначе, не здѣсь и не со мною.... А впрочемъ, если угодно... я, хоть и не опасный противникъ, къ вашимъ услугамъ, готовъ.... *вожалуй, сію минуту?*

Бельведерскій еще разъ попытлся: но, казалось, хотѣлъ возражать, похрабриться....

— Послушай, Аполлонъ! тихо, но рѣшительно сказалъ ему Жоржъ, отведя его въ сторону. — Если ты вымолвишь еще одно слово, будешь имѣть дѣло не съ нимъ — онъ мертвецъ — его грѣшно обижать, — а со мною! Ты знаешь, я человѣкъ смиренный — однако жъ, подѣ-часъ шутить не люблю... Имѣй къ себѣ хоть каплю уваженія! Неужели

ты не понимаешь, какъ тебѣ должно быть неловко здѣсь? Вѣдь мы не олухи, и всякое дальнѣйшее объясненіе въ конецъ бы тебя уничтожило!..

Бельведерскій слушалъ съ недоумѣніемъ, но послушался совѣта.

Во время этого переговора, незнакомый надѣлъ своего недѣдя и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Жоржъ догналъ его въ сѣняхъ....

Ямщики давно успѣли выкормить лошадей, и скоро тройки понеслись обратно въ Петербургъ....

Снѣжная, по сторонамъ дороги, пустыня, освѣщаемая тусклымъ мерцаніемъ звѣздъ, наводила тоску и уныніе. Общество молчало, мѣняясь изрѣдко нѣсколькими незначительными словами. Притомъ было холодно и неудобно разговаривать.

Не смотря на то, одинъ изъ ямщиковъ, именно красовавшійся на облучкѣ саней, въ которыхъ сѣдѣли Жоржъ, Бельведерскій и архитекторъ, парень лѣтъ двадцати и больно словоохотливый, пустился было въ разговоръ съ господами, объявилъ, между прочимъ, что онъ грамотный, купилъ недавно, на Апраксиномъ, пѣсенникъ, и, долго мурлыкая себѣ подъ носъ, затянулъ наконецъ какую-то веселую....

— Перестань! сказалъ Жоржъ.

— Довольно! сказалъ архитекторъ.

— Пой! сказалъ Бельведерскій. У тебя чудесный голосъ!

Ямщикъ, нѣсколько обиженный этимъ разномысліемъ, умолкъ, съ досады, жестоко и крайне несправедливо, стегнувъ кнутомъ коренную, которая исполняла свое дѣло со всею лошадиною ревностью....

«Столкновеніе случайностей», какъ думалъ Жоржъ, точно, было небывковенное, и не ограничилось рассказаннымъ. Отыскался и главный виновникъ, открылась тайная пружина всего происшествія.... Сцѣпленіе обстоятельствъ выдуманно не романистами, а скрывается въ самой дѣйствительности, въ самой жизни. Въ ея крутящемъ водоворотѣ, все, рано или поздно, выбрасывается со дна на берегъ.... къ несчастью, иногда слишкомъ поздно, и жалкіе обломки уже ни къ чему не служатъ, являя лишь печальныя

картины нашего земнаго странствованія. Какъ ни хитро пообрѣтательное воображеніе повѣствователей, — безчисленные эпизоды жизненныхъ драмъ гораздо запутаннѣе....

Супругъ Натальи Павловны полюбопытствовалъ наконецъ узнать, куда это она такъ часто ѣздитъ по вечерамъ. Наталья Павловна не имѣла причины секретничать, и трогательно, съ сердечнымъ краснорѣчіемъ женщины, рассказала мужу всю исторію. Выслушавъ ее, Владиміръ Сергѣевичъ внезапно почувствовалъ сильную дурноту. Послали за докторомъ, и тотъ основательно заключилъ, что это, можетъ-быть, вліяніе эпидеміи, припадокъ холеры, или, по-крайней-мѣрѣ, холеріны, но что, впрочемъ, нѣтъ ничего опаснаго....

— Надобно беречься простуды, сказалъ онъ: зима продолжительная, и Нева, въ нынѣшнюю весну, не скоро вскроется....

Эти слова напомнили Натальѣ Павловнѣ предсказаніе доктора объ Ольгѣ. Но не всѣ чахоточные дожидаются вскрытія рѣкъ, и переправа черезъ одну изъ нихъ, черезъ Стиксъ, всегда готова....

Докторъ стоялъ, однако жъ, на томъ, что Ольга непремѣнно бы дожила до вскрытія Невы, если бъ не новая катастрофа — неожиданное появленіе «призрака», «скелета», какъ онъ выразился о возвратившемся послѣ девятилѣтней отлучки мужъ Ольги — нужно ли прибавлять — томъ самомъ господинѣ паганинѣвской худобы, котораго мы недавно видѣли въ деревенскомъ трактирѣ....

Никто не слышалъ горестнаго объясненія Ольги съ ея мужемъ, да, вѣроятно, между ими не было уже никакихъ расчетовъ, и уста ихъ, взаимно, не произнесли поздняго, бесплоднаго упрека. Время оправдало обоихъ, и ревнивецъ, у смертнаго одра жены, съ невыразимымъ отчаяніемъ узналъ свое заблужденіе, несправимую ошибку, убѣдился, что «двадцать» мнимыхъ «доказательствъ» мнимаго проступка состояли въ ловко-сплетенной выдумкѣ и мастерски веденной интригѣ. Тогда всѣ случаи, наружно обвинявшіе жену, казались ему горькою, неопровержимою истиною, не допускавшею сомнѣнія и возраженій. Чувствительная, гордая и слабая душа разбилась при мысли обманутой, поруганной довѣренности, и еще тяжеле было сознаніе предпочтенія, оказаннаго человѣку ничтожному. Несчастливая увѣренность въ дѣйствительности невыносимаго оскорбленія и коварства со стороны жены вырвали съ корнемъ самую любовь изъ сер-

ца, гдѣ оставалась холодная язва самолюбія, память непримиримой обиды. Статся можетъ, размышленіе, болѣе спокойное, и сократило бы срокъ ихъ разлуки, если бѣ мщение скрытнаго врага имѣло границу. Неудовлетворенное и обидливое, оно довершило свой обдуманный замысль. Достойный Всеволодъ Сергѣевичъ — это былъ онъ — зналъ, куда удалился мужъ Ольгинъ и, отъ времени до времени, носылалъ къ нему новыя анонимныя письма, съ обязательнымъ сообщеніемъ, что поиннутая жена находитъ утѣшеніе. Только въ послѣдніе три года, когда благородный иститель, въ свою очередь, сдѣлался счастливымъ супругомъ, прекратились вѣсти объ Ольгѣ, и въ сердцѣ ея мужа проснулось жалость и нѣжнѣйшая нѣкогда привязанность. Онъ пожелалъ самъ увидѣть и удостовѣриться. Онъ увидѣлъ и удостовѣрился. Вотъ все, что, въ немногихъ словахъ, было пояснено при печальномъ свиданіи. Они безмолвно пожали другъ другу руку, и оба невольно взглянули на святѣйшій ликъ Спасителя, который простилъ осудившихъ его и молился за нихъ....

По словамъ доктора, Ольга, передъ смертью, потеряла рассудокъ, что, какъ онъ замѣтилъ, рѣдко случается съ точнотными. Въ одинъ изъ послѣднихъ его визитовъ, она странно захохотала ему въ глаза, дикимъ, судорожнымъ смѣхомъ, который прерванъ былъ удушливымъ кашлемъ....

Мужъ пережилъ жену цѣлою недѣлею....

Кузень и кузина рядомъ похоронили несчастныхъ на кладбищѣ Святаго-Митрофанія, которое хотя и новѣйшее въ Петербургѣ, не, достаточно уже заселенное, замѣчательно изящными и дорогими памятниками. Всеволодъ Сергѣевичъ, занятый дѣлами, не препятствовалъ женѣ и ея кузену исполнить послѣдній долгъ филантропическаго ихъ увлеченія, недовѣрчиво, однако, поглядывая на Жоржа, неразлучнаго ея спутника.... Ольга, какъ водится, скоро была бы забыта, еслибъ ея не напоминала иногда сохранныя въ будоарѣ Натальи Павловны коробочка.

Л. ВРАНТЬ.

=

ЖИТЕЙСКАЯ ШКОЛА.

Комедия въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ домъ сиротки.

На правой сторонѣ отъ актера: большая гостиная комната, убранная въ новѣйшемъ вкусѣ. Мебель ореховая, вся почти на колесахъ. По срединѣ комнаты виситъ китайскій фонарь. Дверь въ глубинѣ ведетъ прямо въ залу. — При водити́нзанавѣсѣ, вдали слышна балльная музыка.

На лѣвой сторонѣ отъ актера: богато-освѣщеннй залъ, украшенный во многихъ мѣстахъ картинами. При поднятій занавѣсы, гости обоего пола оканчиваютъ послѣдніе такты кадрили, раскланиваются и расходятся кому куда угодно. Говорящіе персонажи усаживаются на авансценѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ГРАФЪ ... , почтенный съдой ст-ригъ, сидитъ на авансценѣ, разговаривая съ ГЛИНСКИМЪ, который идетъ въ балльное платье.

СЕРГѢЕВЪ, ФИГУРИНЪ, ГАРПЕНКО и ПАЩЕНКО, послѣ танца собираются въ кружокъ и разговариваютъ то громко, то вполголоса.

СЕРГѢЕВЪ, взявъ у официанта мороженое.

Каковъ же Глинскій-то? — прости, тихъ я не лукавъ....

глинскій, Графу съ чувствомъ.

Клянусь вамъ графъ:
Для пользы службы, я себя не
побаживю!...

графъ, ласково.

А я... вполне твой умъ, усердье,
оцѣню:

То мнѣнне, что теперь я объ
тебѣ имѣю,

Увидишь ты, что я отнюдь не
измѣню...

Продолжаютъ разговоръ тихо.

графъ, продолжая так-
же ласково.

Всѣхъ Говорковыхъ я съ тобою
не сравняю...

Ты долженъ быть прѣ мнѣ! ты.
многихъ поумнѣй...

глинскій, кланяясь.

Благодарю васъ, графъ!...

А вотъ онъ какъ!... (пожирая
мороженое.)

Другіе трое, видѣть.

Да... да....

Продолжаютъ разговоръ тихо.

Гарпенко, будто споря
съ кѣмъ.

Нѣтъ! Глинскаго, я лучше всѣхъ
васъ знаю:

Онъ. болѣе чѣмъ простъ! онъ
даже глупъ! ей-ей!

Прочіе смѣются тихо.

Пашенко.

Но Графъ въ немъ взялъ
участье,

Не сирѣста же!... и трудно,
чтобъ дуракъ

Живился этакъ....

Гарпенко.

Что жъ? тутъ нѣтъ ума, а
счастье!

Капризъ у вдовушки, у графа,—
просто такъ!

И ты, и я. и онъ, тутъ также
могъ случиться....

Другіе, также разговаривая, ѣдятъ
мороженое.

глинский, продолжая
разговоръ.

Хотя не оправдалъ довѣренности
онъ,

Но вамъ легко простить....

графъ, строго.

Нѣтъ! съ нимъ мнѣ поми-
рится

Не позволяютъ — совѣсть и
законъ!

Не лично за меня онъ стѣбитъ
наказанья,

Но именно за то, что сдѣлалъ
тѣму вреда!

Да! Говоркову нѣтъ за службу
оправданья!

Онъ позабылъ свой долгъ; безъ
страха, безъ стыда,

Онъ смѣлъ пренебрегать казен-
нымъ интересомъ!

Нѣтъ! вы должны его все дѣло
разобрать,

за всѣ года!...

Глиньскій почтительно кланяется
графу, продолжая разговоръ
тихо.

СЕРГѢЕВЪ, громкогласно.

О! тотъ совѣтъ другая статья!
Нашъ Говорковъ уменъ, со вку-
сомъ, съ вѣсомъ,

И правду рѣжетъ смѣло на
прямки!

Десятокъ Глиньскихъ! онъ поса-
дитъ въ дураки!

ГАРШЕНКО.

Да! Говорковъ, конечно....

ПАЩЕНКО.

Съ Говорковымъ
Гдѣ жъ сговорить ему!... вѣдь
тотъ, какъ срѣжетъ словомъ,
Такъ всякаго сконфузитъ!...

СЕРГѢЕВЪ.

Молодецъ

Во всемъ!

Продолжаютъ.

ГЛЕНСКИЙ.

Хоть я его давно не уважаю...
Но вы... какъ новый нашъ на-
чальникъ и отецъ....
Отставкою его накажете? и толь-
ко?...

ГРАФЪ, строго.

Нѣтъ, милый мой!... нѣтъ! Бо-
же упаси!

Такихъ людей нельзя щадить
несколько!

Онъ вреденъ всемъ! нѣтъ,
нѣтъ, и не проси!...

Гленскій продолжаетъ его упра-
шивать.

сержантъ, продолжаетъ.

Всеми взядъ! и мнѣ одно лишь
только странно:
Какъ могъ онъ Гленскому, нестѣ-
сту уступить?

Онъ былъ любимецъ, въ вой-
сздѣлѣ постоянно....

Фигуринъ, таинственно.

Я рассказалъ бы вамъ, да стран-
но говорить!...

Всѣ.

Э! что за вздоръ!...

Слушаютъ Фигурина, который на-
чинаетъ рассказывать.

ГРАФЪ.

Да, мой предшественникъ по-
койный,

Начальникъ былъ и добрый
и достойный,

Какъ это видно по всему...

Но слишкомъ доверялъ любим-
цу своему.

Фигуринъ, товарищамъ,

Жениться не хотѣлъ! характеръ
безпокойный....

Ну, поняли?

Всѣ.

Вотъ что!...

Продолжаютъ.

Digitized by Google

ГРАФЪ.

И такъ, все дѣло въ томъ:

Какъ разберешь, узнаешь обо
всемъ,

Потребуй отъ него подробнаго
отчета,

И ни въ видъ представь сей-
часъ!

ГЛИНСКІЙ.

Ахъ, графъ! хотъ эта мнѣ не по-
сердцу работа,

Но я... по совѣсти исполню вашъ
приказъ.

Графъ, слушая Глинскаго, очень
челу-то удивляется и смѣется.

Фигурки, ридикюсы.

Ну, да! съ ней Говорковъ давно
заказъ ужъ заказан!

Она повстаетъ, онъ любитъ
суету,

Ну, такъ и рѣшено: онъ будетъ
другъ всегдашній,

А Глинскій муженькомъ, такъ
только... на счету.

Всѣ тихо смѣются и аплодируютъ.

ГРАФЪ весело.

Что? что? ты принялъ всѣхъ?
послалъ имъ пригла-
шенія?

ГЛИНСКІЙ.

Какъ быть! къ жени изъ
снисхожденія,

До свадьбы я все это общалъ!

И въ этомъ странномъ я, курь-
ёзномъ состоянн

Обязанъ быть до нѣкоторыхъ
поръ.

ГРАФЪ.

Да какъ же, при твоёмъ умѣ и
дарованн,

Ты поддался?...

ГЛИНСКІЙ.

Увы! тамъ была угроза.

И, слы въ нѣкоторыхъ мнѣмъ вашнхъ
не мнѣнтся,

Лншь въ вашнхъ бы глазахъ, се-
бя не уронить....

А я ужъ сдѣлалъ планъ, какъ
мнѣ распорядиться,
Чтобъ въ полномъ смыслѣ
мужемъ быть.

Такъ если бы, въ послѣдствіи,
случилось:

Что вдругъ на вашего усердна-
го слугу

Къ вамъ жалоба, претензія
явилась?

Защиты лишь отъ васъ я толь-
ко ждать могу....

ГРАФЪ.

А! значитъ, ты расцелъ, что ну-
жно для успѣха?...

Вотъ что! ну, хорошо!

Жистъ ему руку и встаетъ.

ГРАФЪ.

Однако, гдѣ жъ твоя прекрасная
жена?...

ГЛАВНСКІЙ.

Танцуетъ, рѣзвится....

Увидя входящую Евгению,

Ахъ! нѣтъ! вотъ, вотъ она!...

Евгения! мой другъ! вы графа
позабыли....

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

ТѢЖЕ и ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА,
въ балетномъ платьѣ.

ГРАФЪ, ей на встрѣчу.

Напротивъ, я скорѣй скажу,

СЕРГѢЕВЪ, таинственно.

Полковникъ тоже? нѣтъ?...

ФИГУРИНЪ.

Да мало: по-уши влюбленъ еще
поэтъ!

ГАРШЕНКО, сѣется.

Неужли?...

СЕРГѢЕВЪ

Господа! да я умру со смѣха!

Всѣ сѣются и расходятся, потомъ
снова собираются въ кружокъ.

ТѢЖЕ, и вскорѣ являются на аванъ-
сценѣ дѣвочки АННЕТА и БАБЕ-
ТА, первая 40 лѣтъ, вторая 35 лѣтъ.

Что мужа вы, мой ангелъ, раз-
любили;

Ужъ сколько времени я съ нимъ
вотъ здѣсь сижу,

А вы, сюда и не зайдете!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, графъ! чтобъ я, такъ вѣ-
тренна была!

Напротивъ, въ мужъ я сокрови-
ще нашла!

Счастливейо меня жены вы не
найдете!

Я такъ его люблю! такъ сча-
стлива, что мнѣ

Здѣсь всё завидуютъ! завидуютъ
вполнѣ!

И точно: лишь теперь я счастье
понимаю....

Я весела, и всё довольна мной!

Я въ обществѣ друзей, которыхъ
уважаю,

Меня ласкаютъ всё, — всё пре-
даны душой!

И все ему обязана я этимъ!

Онъ мнѣ хлопочетъ уго-
дить....

Повѣрьте же, что всё, кого мы
здѣсь ни встрѣтимъ,

Всѣ видятъ, что его стараюсь я
любить!

А вы!...

ГРАФЪ.

А я, старикъ, такъ значить ху-
до вижу?...

Ну, виновать, что жъ дѣлать, ан-
гелъ мой....

Дѣвочки АННЕТА и БАБЕТА про-
ходятъ по авансъ-сценѣ.

АННЕТА.

Да, да, ша сосиг.... мужчине я
просто ненавижу!

БАБЕТА.

И я!...

Проходятъ и съ презрѣніемъ
глядятъ на тѣхъ, которые на
авансъ-сценѣ.

графъ, Евгений.

— Я, хоть и строгъ, но чело-
вѣкъ не злой...

Живѣть руку ей.

глинскій, графу.

Всѣ нынче служатъ ей
Съ особеннымъ какимъ-то
жаромъ!

графъ.

Однако-жъ, гдѣ полковникъ?

Тихо Глинскому.

Твой злодѣй?...

Сѣсть въ экарте со мной онъ
добивался....

глинскій.

Графъ! гдѣ угодно вамъ? я по-
зову сейчасъ....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, полковнику нельзя
на этотъ разъ:

Со мной танцуетъ онъ....

графъ.

Э! онъ натапцовался!

Пора и отдохнуть ужъ наве-
вѣць....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Но, я....

глинскій, тихо женѣ.

Да; уступи ты графу въ уго-
жденіе....

Онъ, посаженный нашъ
отецъ,

Начальникъ мой, нашъ другъ
и покровитель....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Конечно... да...

Фигуринъ, снова подхо-
дя съ своими товарищами.

И графъ-то ласковъ къ ней на-
вѣрно ужъ не даромъ!
всѣ, вмѣстѣ.

Неужто? бѣдный мужъ!..

Расходятся, встрѣчаются съ Гомор-
ковымъ, которому нечестливо гла-
вниются.

ГРАФЪ, заи́чал Кра-
снощекова

А! вотъ онъ самъ!...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТАЖЕ Д. КРАСНОЩЕКОВЪ, ПОТОМЪ
вскорѣ входитъ ТУРУХТАНОВА.

Входитъ ГОВОРКОВЪ, чрезвычайно
разстроенный, садится на аванъ-сце-
нѣ и задумывается.

ГРАФЪ

Подожнижь! что же вы? хо-
телись

Со мною въ экартѣ?...

КРАСНОЩЕКОВЪ, не видя
Евгенія.

Во что угодно вамъ!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ что! такъ съ вами я сего-
дня не танцую?

КРАСНОЩЕКОВЪ, спохватясь.

Ахъ, да!... нѣтъ, графъ.... нельзя....

ГЛНДСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, прошу играть!
(Женѣ) Мой ангель! Я тебя
ангажирую....

Я мастерь самъ, что хочешь
танцовать!

За сценою слышна музыка.

ГРАФЪ, Краснощекову.

Ну, значить вы свободны?

Поддейте-жь....

Уходитъ во внутреннія комнаты,
Глнскій его провожаетъ.

КРАСНОЩЕКОВЪ, Евгенія
тихо.

Виновать! но я.... *parole*
d'honneur!...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, также
ему.

Подите прочь! безпамятный,
негодный!...

ГЛНДСКІЙ, возвращаясь,
женѣ.

Что? что дружечекъ мой?

Т. ХСVIII. — Отд. I.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

О, ничего! такъ.... вздоръ!...
Краснощекъ уходитъ за гра-
фомъ; является ТУРУХТА-
НОВА, Евгенія встрѣчаетъ ее и
усаживаетъ.

ТУРУХТАНОВА, Евгениі.

Нѣтъ! душно тамъ.... я здѣсь
ужъ посижу....

А дочки пусть тамъ рѣзвятся,
танцуютъ....

Пусть отличаются.... онѣ такъ
любятъ свѣтъ!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Да, да, онѣ собой здѣсь всѣхъ
интересуютъ....

ТУРУХТАНОВА, съ гордостью.

О, да! мои Appette, Babelle,
Rachette....

Во-истинну—краса столицы!
глинскій, съ вровіей.

Да съ! точно граціи! безсмерт-
ныя дѣвицы!

Пойдемъ-же, ангелъ мой!...
Береть ее подъ руку.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Идемъ, идемъ сейчасъ!

(Турухтановой).

Прислать къ вамъ тетюшку? она
замѣнитъ насъ....

ТУРУХТАНОВА.

Спасибо, душечка, да, мы-бъ съ
ней поболтали;

А мнѣ же надобно ...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА и ГЛИНСКІЙ.

Сію минуту!

Оба уходятъ.

ГОВОРОКЪ, вскочивъ
съ мѣста

Ну, погоди же ты, пройдох!
Хоть и женился ты.... но я не
погляжу!

Тебѣ, въ послѣдствіи, придется
очень плохо!...

Расхаживаетъ, обдумывая что-то

ТУРУХТАНОВА, смотря
всгдъ. Евгений, громко
вдыхаетъ и показывая
рукой.

Вотъ!

Вотъ и еще вдову, какъ на-смѣхъ
обвинчали....

А дьсушки — сидятъ!...

Задумывается.

ТУРУХТАНОВА, сама съ собою.

А на моей Annette.... Babette....
Rachette....

Женился бь.... хоть какой-ни-
будь чиновникъ!

ТУРУХТАНОВА, также.

Ужъ просто-бы.... какой-нибудь!

ТУРУХТАНОВА.

Хоть-бы какойнибудь тамъ
отыскался!

ГОВОРКОВЪ, смотря во
внутренія
комнаты.

Вотъ онъ! съ женой идетъ!

Съ ней хочеть танцовать!... да
гдѣ жь поэтъ-любов-
никъ?

Я обещалъ ему дать дружескій
совѣтъ....

Продолжая смотрѣть.

ГОВОРКОВЪ, также самъ
съ собою.

Теперь, я всѣхъ готовъ наищенье
подстрекнуть!

Сперва, кокетка эта

Пусть полюбуется проказами по-
эта!

А тамъ....

ГОВОРКОВЪ.

Да гдѣ онъ тамъ? куда онъ за-
терялся?

Нѣтъ, Глинскій! мы возьмемъ
свое!

Разрушимъ, отравнимъ, все счастье
твое!...

ГОВОРКОВЪ, разгорячался.

На смѣхъ, на зло, на все готовъ
я посягнуть!

ТУРУХТАНОВА, ВСЕ ЗАНЯТА
ОДНОЮ МЫСЛЮЮ.

Сперва бы для Annette, какой-
нибудь....

ТУРУХТАНОВА.

И для Babette.... какой-нибудь,
хоть не мудреный!...

ТУРУХТАНОВА.

А для Fanchette?... ну, что-жь? и
ей какой-нибудь!...

Но, какъ на грѣхъ, все нѣту
никакова!

Хоть дочка каждая ума и хо-
роша,

И за кого-нибудь хоть каждая
готова,

Хоть-бы посвѣталась заблудшая
душа!

Ну, нѣтъ-таки! вотъ надо бы.... а
нѣту!

А ужъ пора бы обуть!... особен-
но Аннетту!

ГОВОРОКОВЪ.

Что нѣтъ, что графъ отецъ ихъ
посаженный!

Я и его на нихъ вооружу!
Старикъ и простъ и слѣпъ, а я
давно служу....

ГОВОРОКОВЪ.

Графъ къ намъ вступилъ не
такъ давно....

Такъ отомстить совсѣмъ не
мудрено!

Притомъ-же, страхъ горять, когда
бываетъ болѣе!....

Тогда рѣшительно охъ всѣмъ
недоволенъ!

Такъ Глинскаго я тутъ службою
подтолкнулъ!...

ГОВОРОКОВЪ, УМЛЕНА ЗАВѢ-
КНИА.

А! вотъ и онъ!...

ТУРУХТАНОВА.

Пора Аннеточкѣ! давно, давно сидеть!...

ТУРУХТАНОВА.

Межъ-тѣмъ, всѣмъ нравится она....

Со всѣми франтами безъ устали танцуетъ!...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТУРУХТАНОВА и АННЕТА, дочь ея уродливой физиономіи; ярко-краснаго цвѣта платье, и такіе же цвѣты на головѣ, за нею вскорѣ выходитъ БАБЕТА и ПАШЕТА, одѣты такъ же.

ТУРУХТАНОВА.

Ба! ба! что это ты, Annette? Неужли ты въ мазуркѣ такъ устала?...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ГОВОРКОВЪ и ЗВѢЗДИНЪ, въ отчаяніи.

ЗВѢЗДИНЪ.

Мой другъ! что дѣлать? я убить!

Бросается въ кресла на аванъ-сценѣ.

ГОВОРКОВЪ.

Вотъ, женщина! любишь, а бьешь! горюешь!

Послушай!...

ЗВѢЗДИНЪ.

Ждалъ ли я? чтобы это сатана!...

Ахъ! вразуми!...

Говорятъ между собою. Звѣздинъ, съ отчаяніемъ бьетъ себя въ грудь, то по головѣ, то по ногамъ, то вскакиваетъ; Говорковъ его урезониваетъ.

АННЕТА, грубыми го-
лосомъ, со злобою.

Ахъ, снѣге маман! въ глазахъ
темнѣеть свѣтъ!

Представьте: не берутъ, и я не
танцовала!!

ТУРУХТАНОВА.

Mon Dieu!

АННЕТА.

Хоть бы одинъ явился кавалеръ!
Какъ позволять? какъ такъ рас-
поряжаться?

Чтобъ тремъ сестрамъ... неслы-
шанный примѣръ!

Какими-то заштатными остаться!!

ТУРУХТАНОВА.

Mon Dieu!...

АННЕТА, слыняе.

Grand Dieu!! о стыдъ, о срамъ!
Тамъ быть нельзя! надъ нами
всѣ смѣются!

Maman!...

ГОВОРКОВЪ.

Такъ смѣйся же, страдать не ну-
жно намъ!...

АННЕТА.

Мы страдаемъ! мучимся!...

БАБЕТА, входитъ также
въ отчаяньи.

Я не могу очнуться!...

Maman!... ахъ, срамъ! скажите
мнѣ: за что?

За что?...

ТУРУХТАНОВА.

Ну? ну?...

БАБЕТА.

Насъ не беретъ ни кто!!

ТУРУХТАНОВА.

Неужто?...

АННЕТА И БАБЕТА, вѣсть.

Да! да!...

звѣздкинъ, громко, вы-
слушавъ Говоркова

Да!...

ТУРУХТАНОВА, съ упре-
комъ.

Вотъ люди! вотъ народецъ!...

АННЕТА.

Хоть бы старикъ какой?...

БАБЕТА.

Хоть бы какой уродецъ!...

АННЕТА.

А то, ни кто!...

БАБЕТА.

Ни кто!...

ТУРУХТАНОВА, съ чув-
ствомъ.

Миланки!... во Pachette?...

НАШЕТА, входитъ так-
же сильно разо-
буженная.

Мужчины гадкіе! въ нихъ про-
сто вкусу нѣтъ!

Ахъ, сѣге шапан!...

ТУРУХТАНОВА.

Ну, что?... и ты не танцевала?

НАШЕТА.

Ахъ! поп!... ждала, ждала... и съ
горя убѣжала!

АННЕТА почти муж-
скимъ голосомъ.

Я въ бѣшенствѣ!..

БАБЕТА, подражая.

И я!...

НАШЕТА, также.

И я!...

ГОВОРКОВЪ, продолжая
разговоръ.

И ты! и я...

звѣздкинъ.

Да! да! независть тутъ, а ревно-
сти змѣя!

Бьетъ себя въ грудь-

НАШЕТА.

Въ презрѣннѣ бытъ!... о, ужась!

БАБЕТА.

Ужась!...

АННЕТА.

Ужась!!

ТУРУХТАНОВА.

Амурчики мои! чѣмъ вамъ помо-
жетъ мать?...

всѣ дочери.

Вы намъ должны помочь! защи-
ту намъ сыскать!...

ТУРУХТАНОВА.

Какую жъ?

НАШЕТА.

Мужа!

БАБЕТА.

Мужа!!

АННЕТА, протяжно.

Мужа-съ!!!

Всѣ бросаются въ объятія матери.

ТУРУХТАНОВА, всѣ въ сле-
захъ.

Красавицы мои! отрада старыхъ
лѣтъ!

Милашечки! мое родное племя!....

Я вижу, чувствую, что вамъ да
вно-бы время....

Да жениховъ то нѣтъ!

ДОЧЕРИ, вопіющими
голосами.

Нѣтъ? ахъ! маман!!!!...

ГОВОРКОВЪ, весело.

Здѣсь такъ случается верѣдко:
Здѣсь ловкій, умный человекъ,
Безпечно, весело дружится съ
мужемъ вѣкъ,
Когда жена его, въ душѣ ко-
кетка!

звѣздкинъ, стараясь
снѣяться.

Да! точно.... ха! ха! ха! чтобъ
лучше отомстить,

Прочь слезы! надо быть муж-
чиной!...

Чтобъ горемъ жизнь его вѣрнѣе
помрачить,
Такъ надо это прикрыть весе-
лою личиною!

ГОВОРКОВЪ.

Да и полковникъ нашъ... хоть такъ-
же былъ влюбленъ,

Но проглотилъ обиду;
Хоть будетъ мстить, я знаю.—
Что же онъ?

Играетъ, пляшетъ онъ... чтобъ
не подать въ виду!

Такъ смѣйтесь же и вы...

звѣздникъ, вскопчнѣв.

Ха! ха! смѣюсь! смѣюсь!

Я даже съ ней теперь и танцо-
вать пушусь!...

ГОВОРКОВЪ.

А мужа, между-тѣмъ, изподтиш-
ка дурачьте!...

Ха! ха! ха!...

звѣздникъ.

Ха! ха! ха!...

ТУРУХТАНОВА.

Красавицы не плачьте!...

ДОЧЕРИ.

Наша маман!... вѣдь горю нѣтъ
конца!...

Рыдаютъ пуще и садятся по уг-
ламъ комнаты.

ТУРУХТАНОВА, бѣгая отъ
одной къ другой.

А вы испортите слезами цвѣтъ
лица!...

Побѣганивъ за дочерями, аозетъ
рукой слугу, который прино-
ситъ стаканъ воды; старуха
каждой дочери дастъ выпить
немного, потомъ достаетъ фла-
конъ со спиртомъ и также на-
каждой предлагаетъ нюхать.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢЖЕ и ГЛИНСКІЙ, входитъ очень
веселый.

ГЛИНСКІЙ.

А! вотъ они! друзья мои!... да
что жъ вы,
Любезнѣйшіи поэтъ? жена тамъ
ищетъ васъ!

Говоркову.

А васъ искавши я, изшаркалъ
всѣ подошвы!

ГОВОРКОВЪ.

Меня?...

ГЛЕНСКИЙ.

Да! да! (*Звѣздкинѣ*). Ну,
ну, идите же сейчасъ!

звѣздкинѣ, жистъ ску
руку.

Иду, иду, нашъ другъ, и нашъ
счастливецъ!...

Уходитъ.

ГЛЕНСКИЙ, про себя.

Нѣтъ, я жистъ теперь ска-
залъ,

Что я страдаю такъ, какъ въ
жизни не страдалъ!

Авось придетъ узнать? (*Говор-
кову*). Ну, другъ и со-
служивецъ!

При графѣ я теперь.... ужъ прямо
вамъ скажу:

Вполнѣ довѣренной особю служу!

ГОВОРКОВЪ.

А!... значитъ, въ милость вы по-
пали? подслужились?

ГЛЕНСКИЙ.

Ну, да, и прочее.... какъ думаютъ
крючки....

А потому, мы съ нимъ серьезно
и рѣшились,

Пораскопать въ дѣлахъ старин-
ные грѣшки!

Графъ ваши всѣ дѣла ко мнѣ до-
ставитъ на домъ;

Гдѣ есть у васъ неправильный
отчетъ....

Особенно, по всѣмъ поставкамъ и
подрядамъ,

Онъ хочетъ разъяснить въ дѣ-
лахъ весь темный ходъ.

Такъ вы ужъ, мой любезный, не
серантесь,

Гдѣ я на чистоту, законно по-
ступлю....

Какъ только позову, сейчасъ ко
мнѣ явитесь!

Я правду, можете-быть.... не
меньше васъ люблю!

ГОВОРКОВЪ, икнув-
шись.

Какъ! графъ вамъ поручилъ?!...

ГЛЕНСКІЙ.

Да! мы займемся дружно!
Хоть правда, на словахъ, полезна
и нужна,

Однако жъ, намъ повѣрять
нужно,

На дѣлъ-то у васъ такая ли
она?...

Я, вотъ, для этого женился на
богатой,

Чтобъ мнѣ всегда, предъ всѣми
чистымъ быть!

Чтобъ ни одинъ крючекъ
проклятый,

Не могъ меня безчестно под-
купить!

И такъ, графъ ждетъ объ васъ
подробной справки,

Такъ вы подумайте.... на счетъ
своей отставки;

Покайтесь въ грѣхахъ, я васъ
прошу любя....

А иначе—приняйте на себя!

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ГОВОРКОВЪ и ГОСТИ.

ГОВОРКОВЪ.

Ба! это что?... ужъ онъ.... и мнѣ
готовить сѣти!...

Ужъ онъ!... да съ нимъ бѣда!...

Ходить разстроженный и оглади-
вается.

ТУРУХТАНОВА, из отчаян-
на.

Благодарю вас, дайте!
Да поможет!

ТУРУХТАНОВА.

Я съ вами съ ногъ собьюсь!...

ТУРУХТАНОВА.

О, Господи! зачемъ такъ рано
нужь окончался?...
Да перестаньте же! Annette! Ba-
bette!... Rachette!

ДОЧЕРИ.

Но въ состоянн!... Охъ!...

ДВЕНЬКЕ ОСЬМОН.

ТЪЖЕ, и ГЛИНСКІЙ, съ веселымъ
лицомъ.

галичскій.

Что это? у меня на балъ плачь
и скрежетъ?

Mesdames! что съ вами?

ДОЧЕРИ, на разные го-
лоса.

Дурно!... дурно!... ахъ!...

ТУРУХТАНОВА.

Ахъ, Левъ Ивановичъ! вотъ!...

Качая головой указываетъ на до-
черей.

ГЛИНСКІЙ.

Да... да... я понимаю!

Не стыдно ль? у меня въ го-
стяхъ

и плакать, и страдать?... нѣтъ!
я не позволю!

Помилуйте у насъ такъ мало дамъ...

Обращаясь къ внутреннимъ двер-
нямъ, которыя ведутъ въ залу,
зоветъ громко.

ГОВОРКОВЪ.

Хоть я... конечно, не боюсь...
Однако... чортъ возьми!...

ГОВОРКОВЪ.

Не даромъ же за мной онъ все
слѣдить старался!...

ГОВОРКОВЪ.

Охъ! не важить бы бѣдъ?...
Да, если графъ велѣлъ... такъ
онъ меня зарѣжетъ!...

Бросается на стулъ.

Между-тѣмъ, Фигуринъ, Сергѣевъ,
Гарпенко и Пашенко появля-
ются въ залѣ, и издали, съ
любопытствомъ смотрять на
Говоркова, шепчутъ что-то
другъ-другу на ухо, указыва-
ютъ на него пальцами, потомъ
скрываются, приводятъ дру-
гихъ, которые также занима-
ются Говорковымъ, и помещаю-
тшяся уходить.

Друзья!

Ивановъ, Сергѣевъ, Пашенко, и
Фигуринъ.

(Тихо.) Поправить зло, прика-
зываю вамъ!

Ангажируйте ихъ....

СЕРГѢЕВЪ.

Извольте. — (Аннетъ) вамъ
угодно

Мазурку?...

АННЕТА, вскочивъ.

Съ радостью!...

БАБЕТА, подавая руку
Пашенко.

Съ охотой!...

АННЕТА, подавая руку
Фигурину.

Хоть сей часъ!...

Всѣ уходить во внутреннія ком-
наты.

ТУРУХТАНОВА, обвиняя
Глинскаго.

Спаситель мой! отецъ! какъ это
благородно!

Честъ дома моего, ты поддер-
жалъ и спасъ!...

ГЛИНСКІЙ.

Послушайте! я радъ всѣмъ въ свѣ-
тѣ угождать!

ТУРУХТАНОВА.

Я вижу! и жена за то тебя даже
любить!

ГЛИНСКІЙ.

А я-то какъ люблю, сказать вамъ
не умѣю!...

Она — сокровище мое!

ГОВОРКОВЪ, вскакивая.

Да! онъ убьетъ меня! онъ честъ
мою погубить!...

ГОВОРКОВЪ,

Чтожъ дѣлать? если онъ на-
чнетъ ревизовать?...

Посмотрѣвъ въ глубину залы, опять
садится.

ГЛИНСКІЙ.

Не знаю только, какъ вознагра-
дить ее?...

Вседневно думаю объ этомъ, и
тоскую....

Что, еслибъ я богатъ былъ
какъ она?

О! какъ бы счастлива была моя
жена!

Но, лучше съ ней ужъ я объ
этомъ потолкую.

Теперь я.... самъ не свой!... хо-
чу одинъ побывать....

Подумать кой-о-чемъ.... чтобъ
вновь ей угодить.

ТУРУХТАНОВА.

Иду, мой другъ.... вотъ чело-
вѣкъ! вотъ мужъ то!
Вотъ-бы Аннеточкѣ!... да нѣтъ,
какъ на бѣду!...

ГЛИНСКІЙ.

Аннеточкѣ?... *(пораженный но-
вою мыслью).*

Ахъ, да! позвольте, я найду!...

ТУРУХТАНОВА, всплеснувъ
руками.

Найдешь? Аннеточкѣ? неужто?...
Вотъ чудо бы!...

ГЛИНСКІЙ, про себя.

Да! ему я славно-бъ отом-
стилъ!...

(Ей) Вотъ видите: хоть онъ и
небольшое чудо,

Но, ей вѣдь сорокъ ужъ....

ТУРУХТАНОВА.

Ахъ! это-то и худо!

Такъ ужъ по мнѣ, Богъ съ нимъ!
какой онъ тамъ ни будь!

ГОВОРКОВЪ.

Всѣхъ дѣлъ я вдругъ испра-
вить не успѣю....

ГОВОРКОВЪ.

А ему все яму рыль!...
Теперь же....

Лишь только бѣ, хоть одну мнѣ съ
шею-то спихнуть!

ГЛАНСКИЙ.

Такъ я подумаю, подумаю.... ступайте....

Но, чуръ до времени, про это не болтайте.

ТУРУХТАНОВА.

Изволь! изволь, спаситель мой!

(особо).

Ахъ! что за человѣкъ! ей Богу, золотой!...

Уходить.

ГЛАНСКИЙ, самъ съ собою.

Теперь... прибѣгну я къ уловкѣ
театральной,

Чтобъ довершить вполнѣ, что я
предположилъ.

Смотрить въ залу.

ГЛАНСКИЙ.

Я вовсе не рожденъ быть мужемъ
на подставку!

Нѣтъ! я желаю все имѣть въ сво-
ихъ рукахъ!

А такъ жить съ женой... погубишь
неизбѣжно!...

Ходить, обдумывая что-то.

ГОВОРКОВЪ.

О! этотъ человѣкъ.... мой врагъ,
ужь капитальной!...

Какъ глупо, что его я гналъ и
не любилъ....

ГОВОРКОВЪ.

Что жъ дѣлать мнѣ?... какъ вдругъ
я получу отставку?

Бѣда! и мысль одна меня при-
водитъ въ страхъ!...

ГОВОРКОВЪ.

Я, впрочемъ, точно много ви-
новать!

Отчеты прежніе.... я составлялъ
небрежно....

И, если, все разрыть?... Google

ГЛИНСКІЙ.

Жена такая — кладъ!
Но, надобно дойти, дорыться нѣтъ
до клада!...

ГЛИНСКІЙ.

Тогда, себѣ вполне я руки раз-
вижу!...

ГЛИНСКІЙ.

Тогда ужъ теткѣ злой не буду
я обязанъ,
И всѣмъ друзьямъ тогда я друж-
бу докажу!...

ГЛИНСКІЙ.

А пуще, другу Говоркову.
Сторицей долженъ я воздать!

ГЛИНСКІЙ продолжая
мысль.

Что утаилъ, чего себѣ от-
мѣрилъ,
Какъ хвасталъ правдою, все
долженъ я раскрыть!...

ГОВОРКОВЪ.

Да, дѣлать нечего.... поладить съ
Глинскимъ надо!...

ГОВОРКОВЪ.

Но какъ? вѣдь не легко! Я весь
запутанъ, связанъ!...

ГОВОРКОВЪ.

Ни дружбѣ, ни честному слову,
Онъ не захочетъ вѣры дать!

ГОВОРКОВЪ.

Межь-тѣмъ, какъ я серьезно
всѣхъ увѣрилъ
Что правду всѣмъ могу открыто
говорить!

Теперь же...

ГОВОРКОВЪ.

Да! да! онъ всѣ дѣла раскроетъ...
обнаружить,
И вѣрно городъ весь узнаетъ
мой позоръ!...

Ахъ! Богъ мой!...

Снова бросается въ отчаяніи на
стулъ и закрываетъ лицо ру-
ками.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ГЛИНСКИЙ, къ нему входятъ въ
большомъ безпокойствѣ СЕРГѢЕВЪ
и ГАРНЕНКО, вскорѣ послѣ Сергѣева.

СЕРГѢЕВЪ, Глинскому
вполголоса.

Вотъ сюрпризъ! нашъ Го-
ворковъ не служить?

ГЛИНСКИЙ.

Уже?

СЕРГѢЕВЪ.

Да! да! и тамъ толкуютъ всё....
да вздоръ

Не странно ль? человекъ отлич-
ный и полезный,
Прекраснѣйшей души! такъ ува-
жаемъ былъ;
И вдругъ! за что жъ?..

ГЛИНСКИЙ,

Такъ надо, другъ любезный!

ГАРНЕНКО, также очень
озабоченный.

Ну, господи, самъ графъ серъоз-
но объявилъ,

Что Говоркова онъ отнынѣ пре-
зираетъ!

Что даже наказать въ примѣръ
другимъ желаетъ!

За что? помилуйте!...

СЕРГѢЕВЪ.

Прекрасный человекъ!

И вдругъ!..

ГАРНЕНКО.

О, да! достойный уваженья!

Да и златокъ въ дѣлахъ.... вѣдь
странно?..

ГОВОРКОВЪ.

НѢТЬ СПАСЕНЬЯ!

Проналъ я!...

СЕРГЪЕВЪ.

Какъ стоялъ за правду весь
свой вѣкъ!

ГЛИНСКІЙ, съ ироніей.

Да! всѣ кричатъ: «что жилъ
онъ постоянно,
«И въ уваженіи у всѣхъ, и тамъ
и тутъ;
«Въ довѣренности былъ и вдругъ...
такъ странно,

Выразительно.

«Прекрасный человекъ, а
плутъ!

СЕРГЪЕВЪ, оглядываясь.

Ахъ! Левъ Ивановичъ! что вы?..
я не слышу!

Уходитъ затыкая уши.

ГЛИНСКІЙ.

Напрасно!..

ГАРШЕНКО, также огля-
дываясь.

Отъ него хоть я... и не за-
вишу...

А все-таки... да вѣтъ! хоть онъ
и эгоистъ,
Но съ чистою душой, и эти слу-
хи ложны!

ГЛИНСКІЙ громко.

Съ чистѣйшею дошой! а на руку
не чистъ!

ГАРШЕНКО.

Ай! Левъ Ивановичъ!.. ай! какъ вы
неосторожны!..

Уходитъ въ страхъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ГЛИНСКІЙ; потомъ сейчасъ вхо-
дитъ ПАЩЕНКО; а за нимъ ФИГУ-
РИНЪ.

ГЛИНСКІЙ.

А! значитъ, графъ свой гнѣвъ не
могъ поудержать...
Возсталъ на Говоркова!..

ПАЩЕНКО, ВЪ ПОПЫ-
ХАХЪ.

Какъ! неужли? скажите Левъ
Иванычъ?

Андрей Сергѣича, отъ насъ ужъ
прочъ?..

ГЛАНСКІЙ.

Какъ быть!..

ПАЩЕНКО.

А; нѣ сейчасъ шепнулъ Гав-
рило Андреевичъ.

Скажите! вѣдь какой былъ че-
ловѣкъ!

Въ глаза всѣмъ рѣзалъ правду
цѣлый вѣкъ!

Былъ человекъ вполне пре-
красный....

А вышелъ, что?...

ГЛАНСКІЙ.

А вышелъ—плутъ ужасный!
Грозъ нѣ вѣкъ его ревизио-
вать....

И вы, должны помочь нѣ, какъ
хотите....

Шепчутся.

ПАЩЕНКО, ПРОДОЛЖАЯ.

Извольте прикажите,
И я готовъ!...

Продолжаютъ совѣтоваться.

ГОВОРКОВЪ.

Что начать?..

Я... я... рѣшительно отъ страха,
растерялся!..

Уйду!.. чортъ возьми! а я оти-
стить сбирался!

Я думалъ, что его сумѣю по-
губить!..

Хочетъ уйти и не знаетъ на что
рѣшиться. Вскорѣ вдали опять
показываются Сергѣевъ и Гар-
пенко и наблюдаютъ за Го-
ворковымъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ

ГОВОРКОВЪ и ЗВѢЗДКИНЪ.

Звѣздкинъ.

Ахъ, милый другъ! спѣшу вамъ
радость разсказать!....

Я съ нею танцевалъ!...

ГОВОРКОВЪ.

Богъ съ вами, милый другъ!
Вы веселы.... а я! я просто вонъ
изъ рукъ!
Я самъ не свой! я мучусь.... и
страдаю...

Прощайте!...

Звездкинъ.

Это что?... нѣтъ! я вамъ про-
читаю

Что я на муженька, танцую, на-
бросила...

Какъ оцёртила его чудесно! какъ
допала!...

Вотъ... вотъ... сей часъ окончу...
Садится и пишетъ у маленькаго
стола.

ГОВОРКОВЪ.

Э! Богъ съ вами!...

Уходитъ. Сергѣевъ и Гарнецко,
вмѣстѣ съ другими гостями,
показываютъ на Говоркова и
посмѣиваются.

нащепко, утвердительно.

О! былъ ужасный плутъ! но...
это между нами...

Фигуринъ, войдя, съ
чувствомъ жметъ
руку Главскому.

Ну, такъ! я зналъ и говорилъ
впередъ:

Что графъ возвыситъ васъ, а
не унизитъ....

Что онъ вашъ умъ оцѣнитъ и
пойметъ!

И, къ благу вашему, къ себѣ на
вѣкъ приблизитъ....

Душевно рады мы!....

нащепко, также.

А я какъ радъ за васъ!
Ей Богу!....

Фигуринъ, перебивая.

Да и всѣ! всѣ рады такъ, что
чудо!

ГЛАНСКИЙ, сухо.

Благодарю, друзья.... да; многимъ
будетъ худо,

Кто съ Говорковымъ дружень
былъ подь часъ....

Пашенко.

О! я съ нимъ отъ роду, ей Богу,
и не знался!

Фигуринъ.

А я... и въ новый годъ съ ви-
зитомъ не являлся!

Глинскій, смотря въ
цирквию.

Ну, да!... я вѣрю вамъ.... Ахъ,
вотъ идетъ жена!

Скажите, что я здѣсь.... ступай-
те, вонъ она!....

Пашенко.

Бѣгу-съ! такъ съ вами мы от-
дѣлаемъ злодѣя?

Глинскій, не слушая
его.

Да... да... отдѣлаемъ!... (Фигури-
ну) А вы?

Фигуринъ.

И я бѣгу!

Оба уходятъ, пожавъ руку Глин-
скому.

Звѣздкинъ, пишетъ и
говоритъ самъ съ
собою.

Отдѣлаю его злодѣя, какъ могу!
Ужъ благо мнѣ пришла богатая
идея!...

Пишетъ.

Глинскій, одинъ.

Смотря снова въ залу.

Ахъ! вотъ она! сюда ле-
титъ!

Ну! ну! на сцену все: натуру
и искусство!...

Садится у стола и какъ будто въ
большомъ горѣ подтираетъ го-
лову обѣими руками.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

ГЛИНСКИЙ и ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, ВЪ ДЕСЯТЬ
ПЯТЬ.

Да, точно! Вотъ онъ гдѣ сидитъ!...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, ПОДХОДИТЪ.

Мой другъ! да что съ тобой?....

ГЛИНСКИЙ, КАКЪ БУДТО
ОЧНУВШИСЬ.

Ахъ! это ты, дружечекъ милый?....

Цѣлуешь руку и снова задумывается.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Что ты? здоровъ ли?....

ГЛИНСКИЙ.

Я?... не знаю, ангелъ мой!..

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ты, сдѣлался такой печальный,
и унылый....

ГЛИНСКИЙ.

Да! я измученъ весь!... холодный потъ на лбу...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ!... точно...

ГЛИНСКИЙ.

Тяжко мнѣ... я весь въ волненьи!

Въ досадѣ на себя, на глупую судьбу!...

Въ такомъ мучительномъ, обидномъ положеньи,

Звѣздкинъ, отрывисто.

Безъ сердца!... безъ ума!... безъ совѣсти! безъ чувства!..

Да! это онъ!...

Довольный собою, пишеть.

Что выразить нельзя!... прости
меня, мой другъ!...

Поди, танцуй... не безпо-
койся....

Не спрашивай!.... авось, прой-
детъ ведугъ....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Какъ! *мнѣ* не спрашивать?....

Ну, да.... ступай, — не бой-
ся....

Съ чувствомъ.

Благодарю тебя! благодарю
вполнѣ,

Зарядное, отрадное вниманье...

Но, время ли теперь, чтобъ
мнѣ

Свое высказывать стра-
данье?

Поди... танцуй....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ! ты меня перепу-
галъ!...

Какъ! мы всё веселы, а ты
одишь страдаешь?....

Скажи мнѣ, что съ тобой?....

Садится подлѣ него.

ГЛЕНСКІЙ, посмотрѣвъ
на нее.

Ты, хочешь знать?....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Да! да!....

ГЛЕНСКІЙ, какъ будто
скрѣпя сердце.

Изволь! узнаешь.

Да, впрочемъ, и грѣшно бѣ пе-
редъ такой женой,

Но высказать всей тайны за-
душевной,

звѣздкинъ, весело.

Ну, Гленскій, ты пропалъ!
Продолжаетъ.

звѣздкинъ.

Да! да!....

Которая, как демонъ злой,
Терзаетъ душу мнѣ тоскою еже-
дневной!....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Возможно ли!....

ГЛЫНСКІЙ.

О, да! представь себя:
Мнѣ, даже жаль, что я.... не на
другой женился.

Женись я на ней, не на те-
бѣ....

Я очень бы легко съ судьбою
помирлся!

Мое ничтожество мнѣ не бы-
ло бѣ въ укорь,

Я меньше бы страдалъ отъ го-
рести (*ударивъ рукою
по столу*) проклятой!

Чѣмъ здѣсь.... теперь!....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Какъ, другъ мой? (*Улыбалась.*)
Что за вздоръ!

Какъ! не доволенъ ты, женив-
шись, на богатой?....

защелкнула, придуны-
вая чашку.

Да!.... нѣтъ!....

ГЛЫНСКІЙ, рѣши-
тельно.

Да! не доволенъ! призна-
юсь.. .

И больше отъ того несчастливъ,
недоволенъ,
Что я люблю тебя!.... что я тобой
горжусь!

Что ты сокровище!.... да! если бѣ
я былъ водень

За все воздать тебѣ какъ должно,
ангелъ мой!

За ласки, за любовь, за это пред-
почтенье

Предъ всѣми, кто гонялся
за тобой;

За нѣжное объ мужѣ попе-
ченье,

За все, за все! какъ ты доб-
ра, мила,

И какъ охотно ты мнѣ руку от-
дала....

О! только я вполнѣ цѣнить
умѣю,

Какъ это дорого! Какъ должно бѣ
наградить

Такую женщину!.... но средствъ
я не имѣю,

За это все достойно отпла-
тить!

И это больно мнѣ!.... любя тебя
безмѣрно,

Я бы желала, чтобъ счастье
твое

Завидно было всѣмъ! чтобъ бы-
ло прочно, вѣрно,

Чтобъ ты жила въ раю, сокрови-
вище мое!....

Теперь, пойми же ты, какъ мнѣ
досадно, больно,

И можно ль мнѣ душевно не
страдать?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Такъ вотъ, въ чѣмъ горе все?....
но я вѣдь всѣмъ довольна!

И счастлива, мой другъ!....

галинскій, съ горькой
улыбкой.

Но это все довольство, это
счастье,

Я развѣ далъ тебѣ? моя ли жерт-
ва тутъ?

Мое ли было тутъ участие?

И это ль полнымъ счастьемъ
зовутъ?

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! какъ я и
чувствую и знаю

Чего достойна ты, какъ жить
бы ты могла,

Какъ я всего тебѣ желаю....

Ты въ миллионъ бы разъ счаст-
ливѣе жила!

звѣздкинъ, подумавъ.

Нѣтъ! такъ нельзя сказать!....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, растроганная.

Неужли?...

ГЛИНСКІЙ.

Да, имѣй я только состо-
янье,
Хоть напримѣръ, твое.... о, Бо-
же мой!

Здѣсь было бы вполне блестя-
щее собранье!

Весь высшій кругъ плѣнился
бы тобой!

Имѣй, лишь только, я твои
доходы,

Ты безконечно бы рѣзвилась и
пѣла!

Законодательницей моды
Для всей столицы бѣ ты бы-
ла!

И не было-бѣ ни дня, ни вече-
ра, ни бала,

Гдѣ-бѣ не являлась ты, толпой
окружена....

И все чего-бѣ душа твоя лишь
пожелала,

Ты всѣмъ-бы отъ меня была
надѣлена!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, другъ мой! какъ ты добръ!...

ГЛИНСКІЙ.

Э, полно! что же я?

Я ничего не сдѣлалъ! всякій
знаетъ....

Я только лишь смотрю, какъ
тетушка твоя

На старыи ладъ, тебя и всѣхъ
насъ угощаетъ;

звѣздкинъ, впадая въ
тонъ Глинскаго.

Да! этотъ мужъ — предъ ней,
такъ пышно раздѣтой....
Какъ темный хвостъ, за
свѣтлою кометою!....

Ситется и пишеть.

Ну, что-это за балъ? вѣдь то-
чно какъ въ глуши!

Никто, почти ни разу
Не улыбнулся отъ души!
Всѣ веселятся здѣсь, и пляшутъ
по заказу!

Гдѣ жь эти—роскошь? вкусъ?
и блескъ?

И гости самые.... смотри: како-
го сорта?

Толпятся, бѣгаютъ, повсюду
шумъ да трескъ,
А тѣни нѣтъ того изящнаго
коморта,

Той свѣткой прелести, той умной
простоты,

Гдѣ дышетъ балъ вполне очаро-
ваннымъ!...

Нѣтъ, ангелъ мой! ни тѣтушка,
ни ты,

Не знаете, какъ жить съ хоро-
шимъ состояньемъ!

Но, погоди: я докажу тебѣ
Какъ надо жить, чтобъ жизнью
наслаждаться!

Грабъ оцѣнилъ меня,—прибли-
зилъ ужъ къ себѣ,

И скоро дастъ всѣ средства
мнѣ подняться!

О! вотъ тогда и ты оцѣнишь,
ангелъ мой

Что для тебя нѣбу я въ пред-
метъ?

Какую роль, должна играть ты
въ свѣтѣ?

Итакъ тебя люблю я всей душой!..
ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, другъ мой! если ты лишь
обо мнѣ хлопчешь,

О счастьи моемъ, и о моей судьбѣ,
Возьми монъ всѣ деньги, если
хочешь!

И дѣлай все, какъ нравится
тебѣ!

ГЛАНСКІЙ.

Кто? я? чтобъ взялъ твое? Такъ
ты моя не знаешь!

Во время сценъ Гланскаго съ же-
ною, являетсяъ залу: ТУРУ-
СОВА и ТУРУХТАНОВА и нѣ-
сколько разъ проходилъ на
аванъ-сценѣ, разговаривая по-
жду собою.

Чтобъ женщины я деньги
сталъ сорить?

Помилуй! что ты предлагаешь?

И какъ-то тебѣ не стыдно
говорить?

Нѣтъ! я своимъ приобрѣ-
теньемъ

Обязанъ жертвовать, дѣлиться
вѣкъ съ тобой,—

А если, жить мнѣ женнымъ
имѣнемъ,

Какая-жъ будетъ жертва?—ни
какой!

Я столько гордъ, что не же-
лаю, право,

Чтобъ обо мнѣ вездѣ пошла та-
кая жъ слава,

Какая о мужьяхъ о многихъ
здѣсь идетъ:

«Онъ чрезъ жену нашелъ имѣнье,
вѣсь, и ходъ,

«И прочая».... нѣтъ! мы свое на-
жить съумѣемъ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, НЕТЕР-
ПѢЛИВО.

Но, этого намъ долго ждать!...
притомъ,

Мы точно, съ тѣтушкой, поняты
на выемъ,

Кажь: лучше надо жить? какъ
весь устроить домъ?

А ты, какъ мужъ и умный, и
солідный,

И любящій свою жену,

Какъ, наконецъ, мужчина даль-
новидный

Устроишь именно все лучше....
да?... ну! ну!

Не смѣйте возражать! оставьте
гордость вашу!

Я знаю васъ давно, и все дол-
жна отдать!

ЗВѢЗДИКИНЪ.

Ну, Глинскій, ты потишь!

Встаешь, и увидя Турусову съ Ту-
руктавовой, раскладывается
и скрывается во внутреннѣхъ
покояхъ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Чтобъ жизнь устроитъ намъ,
Извольте жъ завтра все въ руки
моихъ принять!

ГЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ, ангель мой!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Да да! при добромъ, рѣдкомъ
мужѣ,

Я жить хочу, ничѣмъ дру-
гихъ не хуже!

ГЛЕНСКІЙ, вставая.

Нѣтъ, другъ мой! не приму! я
лучше подожду....

Твое должно твоимъ всегда и
оставаться!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, съ чув-
ствомъ.

Мое, должно твоимъ отнынѣ на-
зываться!

Я завтра жъ на тебя все! все
переведу!

ГЛЕНСКІЙ, вскрикнувъ.

Какъ! на меня?...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Да, да! пусть это всѣмъ дока-
жетъ:

Какъ жертвую и я, для мужа
моего!

ГЛЕНСКІЙ, цѣлуя ея
руки.

Евгенія!...

ТУРУСОВА, на аван-
сценѣ Турух-
тановой.

Везъ насъ, онъ, ничего не
скажетъ,
Не сдѣластъ, не сдѣлаетъ ничего!...

ТУРУХТАНОВА.

Неужто?...

ГОВОРЯТЪ ТѢМЪ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Тетунка тебя не понимала,
Такъ пусть, какъ водится, жи-
вотъ она при мнѣ.
И больше ничего....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Такъ рѣшено?...

ГЛИНСКІЙ, съ силь-
нымъ чувствомъ.

Евгенія!... я... плачу!

Ты видишь ли? я плачу, но
шутя!...

Клянусь, беречь тебя, какъ ми-
лое дитя!

Какъ нещичко мое!... за эту пе-
редачу

Все, все я сдѣлаю, что нужно
для тебя!

Какъ мужъ, какъ вѣрный другъ,
себя не пожалѣю!...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Я вѣрю!...

ГЛИНСКІЙ.

Да, другъ мой! я увѣрить смѣю:
Мои способности, усердье, чест-
ный трудъ,

Все я тебѣ отнынѣ посвя-
щаю!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Благодарю тебя!.. однако, что жъ
мы тутъ,

Забыли о гостяхъ!..

ГЛИНСКІЙ.

Я все позабываю!

Любуюся твоею красотой!

Твоею, истинно-примѣрной доб-
ротой!

Иди, иди, танцуй... прекрасный
мой ребенокъ!

Мой ангелъ!..

Провожаетъ ее и возвратяся на
аванъ-сцену съ торжествующимъ
видомъ.

Такъ и быть! все вытерплю!..
снесу...

ТУРУСОВА, также.

Ужъ чтобъ я ни сказала,
Такъ онъ, какъ водится, послу-
шенъ намъ вполне!

ТУРУСОВА.

Всѣ дѣла взяла я на себя!

За то, жену и домъ отъ гибели
спасу!

ГЛИНСКІЙ.

Да что жъ? была бы голова,
А отстоять легко законныя пра-
ва....

ГЛИНСКІЙ.

Притомъ, какъ перечестъ
Да свѣрить... такъ у насъ у *всѣхъ*
расчеты есть!

Въ простомъ кругу, и въ
модномъ свѣтѣ...

Какъ всмотришься въ людей, да
съ ними поживешь,
Вездѣ *житейскую комедію* най-
дешь!

И если люди здѣсь, бранять и
упрекають

Меня!.. Богъ съ ними! пусть
бранять!

Иные, знаю я: *все* въ свѣтѣ осуж-
даютъ!

А сами-то, тайкомъ частенько
такъ грѣшатъ,

Что только, Господи! прости ихъ
согрѣшенья!

Идетъ къ срежней двери и смот-
реть въ залу съ большимъ вни-
маніемъ.

ТУРУСОВА.

Да, да! не мужъ онъ, а теле-
нокъ!

Какъ нужно ей!..

ТУРУХТАНОВА, ей.

Вотъ счастье-то! вотъ бы моею
Аннетѣ

Такого же найти?

Проходятъ во внутреннія комнаты.

Въ это время ГАРПЕНКО и ПА-
ЩЕНКО являються на аван-
сценѣ разговариваютъ про се-
бя.

ГАРПЕНКО.

Да! Глинскій, человекъ!..

ПАЩЕНКО.

Достойный повышенья!

ГАРПЕНКО.

А Говорковъ? что онъ? былъ
дерзокъ! былъ гор-
децъ!..

глинский, также самъ
съ собою.

Что жъ это Наденьки Елецкой я
не вижу?...
Я съ ней условился тайкомъ по-
толковать
На счетъ полковника....

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ГЛИНСКИЙ и НАДИНА ЕЛЕЦКАЯ.

глинский.

Ахъ! вотъ она!... ну? что
вы?

Бѣдняжка! страждете? я здѣсь
давно васъ жду...

Елецкая, очень встревожена, при
входѣ отъ изнеможенія бро-
сается на кресла и платкомъ
оттираетъ заплаканные глаза.

глинский.

Ну, что-жъ вы скажете?...

Елецкая.

Ужаснѣйшую вѣсть!

Онъ презрѣлъ все: любовь мою
и честь!

И свротство мое онъ предавъ
посмѣянью!..

О, Боже мой!... за что погиб-
нуть я должна?

За что обречена къ такому испы-
танью?..

Ужель за-то, что я... безъ по-
мощи, одна?

Наденька.

Нѣтъ, хуже: негоднй! рѣшитель
но наглець!..
Проходить.

Фигуринъ, проходя вѣстѣ съ
Сергѣевымъ.

Я, сплетень не навяжу..
Но Говорковъ всего былъ дол-
женъ ожидать!..

Сергѣевъ, Фигурину.

Кому ты говоришь?..
Продолжаютъ разговаривать тихо.

Сергѣевъ.

Онъ всѣмъ служилъ на горе и
бѣду!

Всѣхъ насъ кругомъ чернилъ!..

Фигуринъ, уводя его.

Наглець, на все готовый!..
Оба проходить.

ГЛАНСКИЙ.

Что жь ваша бабушка?..

ЕЛЕЦКАЯ.

Что? плачешь, и страдаешь!
Спасите насъ!.. узнайте все: вѣдь
онъ —

Въ Емелинѣ безъ памяти влюбленъ!

Онъ мнѣ и вамъ догиболь замышляеть!..

ГЛАНСКИЙ.

Полковникъ!..

ЕЛЕЦКАЯ.

Да! онъ клятву дагь:
Отвѣтить за то, что вы на ней
женаты!

Да, для нея меня онъ бросилъ,
осмѣлгь!

Все для нея забылгь!..
Плачешь.

ГЛАНСКИЙ.

Неужли?.. (про себя) о, проклятый!

Не даромъ я давно за нимъ
слѣжу!..

(Ея) Но успокойтесь...

Утѣшая се, говорятъ тихо.

ГЛАНСКИЙ.

Полноте! къ чему жь мы такъ
горюемъ?

Чтожъ плакать, духомъ упа-
дать,

Мы будемъ дѣйствовать и честь
свою спасать!

Я знаю, что хлопотъ мнѣ бу-
детъ много...

Но лишь-бы прежде мнѣ съ же-
ной дѣла свести,

Потомъ, и за враговъ примусь я
очень строго!

Т. ХСVIII. — Отд. I.

Съ появленіемъ ЕЛЕЦКОЙ, въ залѣ
появляется ЕВГЕНІЯ ПЕТРО-
ВНА разговаривая съ ЗВѢЗД-
КИНЫМЪ, и потомъ, по уходѣ
Звѣздкина, приходитъ КРАСНО-
ЩЕКОВЪ, и также увидаётся
около Емелин.

звѣздкинъ, Евгений съ
любезностью.

Кадриль вѣдь мы танцуемъ?
Прошу васъ!.. я ввратъ сей-часъ
же принаму...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Пожалуй!...

Звѣздинъ съ довольной миной бѣ-
жить хлопая въ ладоши.

Евгенія приглашаетъ другихъ дамъ
и кавалеровъ начать танцы.
Нѣсколько паръ собираются на
аванъ-сценѣ.

Богъ дастъ, и вашу честь съ
 нѣмъ мы спасти!
 Но плачьте же, мой бѣдный
 другъ: пойдите...
 КЛЕЦКАЯ, съ отчаяніемъ.
 Ахъ! нѣтъ!... я не могу!...

ГЛЫНСКІЙ, выразительно.
 Отчаяніе — грѣхъ! спасетъ ли
 васъ оно?
 Надѣйтесь!... и что Всевышнимъ
 суждено,
 То будетъ такъ, Его опредѣ-
 леньемъ!
 Я больше васъ обижевъ былъ,
 страдалъ!...
 Но я, я *спрошалъ*! Я все сно-
 сѣлъ съ терпѣніемъ!
 И вотъ, вы видите: Богъ все
 мнѣ даровалъ!
 Такъ успокойтесь же... на-
 дѣйтесь....
 Пойдите, тамъ васъ ждутъ...
 не плачьте и расстѣ-
 тесь....
 Не все потеряно! авось, бѣда
 пройдетъ!
 Богъ и законъ всегда защит-
 ники сиротъ!
 Оба уходить въ залу.

Въ это время входятъ въ гости-
 ную ТУРУХТАНОВА, ТУРУ-
 СОВА, за ними еще двѣ ста-
 рушки и усаживаются попар-
 но разговаривая между собою.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Ну, что же мы? начнемте!...
 Краснощекоевъ въ эту минуту го-
 воритъ что-то Евгеніи, она ему
 грозитъ.

КРАСНОЩЕКОВЪ, тихо Ев-
 геніи.

Я васъ не уступлю поэту!
 Parole d'honneur!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ! нѣтъ! на васъ я зла!...

КРАСНОЩЕКОВЪ, также.

Я оправдаюсь....

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, вслухъ
 другимъ.

Что жъ? *ви-за-ви* намъ нѣтъ?...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢЖЕ, и ГЛИНСКІЙ, подводя
ЕЛЕЦКУЮ.

глинскій, съ веселой
миной.

Какъ вѣтъ, мой другъ? вотъ
Надинька пришла...

(Женъ.) Ты съ кѣмъ же?...

Евгенія показывается на Красно-
щекова.

А! съ полковникомъ! пре-
красно!

(Елецкой.) А вы, вотъ съ ними...
Показывая на Фигурина.

Я не въ силахъ.... я усталъ....

звездкинъ, входя.

Готово все! начнемте...

краснощековъ, насмѣш-
ливо.

Жаль.... напрасно!

Поэтъ заставилъ ждать...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Какъ быть! и опоздалъ....

звездкинъ, обиженный.

Какъ!...

глинскій.

Такъ же! мѣше мечтайте!.

Теперь ужъ, батюшка, подите, не
мѣшайте....

Звездкинъ уходитъ, ударивъ себя
по головѣ.

Музыка играетъ кадрили, всѣ
танцуютъ.

Глинскій садится и наблюдаетъ
за женою, иногда подходитъ къ
Елецкой и разговариваетъ съ
нею тихо.

Къ концу кадрили, входятъ:

звездкинъ, въ отчая-
ніи, не замѣчая си-
дящихъ старухъ,
говорить самъ съ
собою.

Ахъ! я убить!... я опоздалъ!...

О! будь же проклять этотъ
балъ!

Бросаясь на стулъ, произносить
иначе.

Не стоитъ жить съ людьми, поэту
мировому!...

Не стоитъ мучиться! стра-
дать!...

Я опоздалъ! она! она могла ска-
зать!

При мужѣ.... отдалась дру-
гому!...

О, люди!... что же вы?... ска-
жите мнѣ скорѣй?...

Вы ко всему — и холодны и
глухи!

Что жъ здѣсь?... здѣсь даже нѣтъ
подобія людей!

Однѣ лишь слабыя, отжившія ста-
рухи!...

турусова, туруктанова, и двѣ
другія сварухи, делушавшія въ его
слова, подходятъ разобившимъ и
говорять ему вѣстѣ разными голо-
сами, все громче и громче, до конца
дѣйствія.

Что?... что?... мы, не люди?... ахъ,
взрзрзр! ахъ, злодѣи!...

Онь за людей мою не счи-
таеть!!

Вонъ, что поётъ! вонъ, что
онъ сочиняеть!

Ахъ, ты молокососъ! да есть ли
Богъ въ тебѣ?...

Ахъ, ты воспитанный ка-
лѣка!

При вѣхъ срамить! кричать,
мечтаетъ о себѣ!

Да ты не стоишь самъ названья
человѣка!

Звѣздкинъ, не звалъ что сказать,
затыкаетъ уши.

Ты съ нами живи! тогда и
осуждай!

Теперь же... нѣтъ! не смѣй, в
рта не разѣвай!!!

Смотри же, и впередъ от-
выки!

И прикуси языкъ! ни слова
чурь!... не пики!!!...

звѣздкинъ, кричить.

Ай! ай!...

старухи, еще громче.

Молчи! не пощалимъ!

Мы загрыземъ тебя! съѣдимъ!!!

Занавѣсъ падаетъ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ,

=

И Л Ъ Н И К И.

=

Въ мирѣ нѣтъ ничего безусловнаго. Обстановка вещи есть часть вещи. Нельзя судить Ю Новозеландца по понятіямъ Француза, а Птоломей по Копернику, о Конфуціѣ по Гегелю. Двадцать вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ Платона, и воскресивъ онъ теперь, онъ не узналъ-бы ни Рима, ни Италиі, ни латинскаго языка. Быть, вѣрованія, понятія, вкусъ,—все измѣнилось съ-тѣхъ-поръ. Но это только формальная сторона жизни. Человѣкъ остался человѣкомъ. Въ человѣчествѣ, какъ и въ отдѣльной личности, есть нѣчто неизмѣнное, есть норма, безъ которой не существовало-бы рода, какъ безъ частной, определенной природы лица не возможна личность. Вотъ корень сочувствія нашего къ прошедшему и надеждъ на будущее. Вотъ почему имѣютъ для насъ смыслъ исторія и искусство, отжившее свою эпоху.

Только тѣмъ дальше отъ насъ эта эпоха, тѣмъ необходимѣе изученіе ея. Многое, конечно, понятно въ произведеніяхъ древняго искусства само-по-себѣ, непосредственно: это тѣ неизмѣнныя черты человѣческаго духа, которыя вѣчною печатью ложатся на всѣ его творенія,— это бессмертная душа искусства. Но внѣшность, обстановка, костюмъ,— все условное, все случайное (и мѣстѣ съ-тѣмъ неизмѣнное), все, что измѣняется съ теченіемъ вѣковъ,— неприятно поражаетъ привыкшаго къ инымъ формамъ, или даже является ему бессмысленнымъ. Къ тому, что насъ окружаетъ, мы приглядѣлись и, что еще важнѣе, каждую мелочь внѣшней жизни мы понимаемъ какъ часть цѣлаго; но явленіе, выхваченное изъ чуждой намъ эпохи и страны, носитъ на

себѣ характеръ отрывка, и часто не имѣетъ для насъ смысла, какъ буква, вырванная изъ рѣчи.

Вотъ почему необходимо изученіе вѣдшихъ условій, подъ которыми возникло какое-нибудь произведеніе искусства,— необходимо по крайней-мѣрѣ на столько, чтобы примирить насъ съ мнимыми шереховатостями, поставивши насъ на ту точку зрѣнія, съ которой смотрѣли на это произведеніе его современники.

Такъ и въ Плавтѣ многое должно показаться намъ страшно, многое непонятно. Однако-же Плавтъ не забыть, Плавта читаютъ, Плавтомъ восхищаются. Это доказываетъ, что есть въ немъ вѣчто существенное, истинно художественное, неизмѣнно прекрасное, а странности—дѣло случая, или, яснѣе, вещь условная. Кто не находитъ эстетическаго наслажденія въ чтеніи комедій Плавта, тотъ долженъ по-крайней-мѣрѣ сознаться, что онъ имѣютъ интересъ историческій, какъ живая картина нравовъ давноминувшаго времени.

Драма въ Римѣ была растеніемъ чужеземнымъ, пересаженнымъ съ греческой почвы. Сенека писалъ не для сцены, Теренцій не для народа. Исключеніе остается за Плавтомъ. Его репертуаръ, несмотря на греческій костюмъ, проникнутъ настоящимъ римскимъ духомъ, и служитъ дополненіемъ къ гражданской исторіи Рима. Тутъ вы видите частную жизнь побѣдителей міра,—и, какъ мелки являются они на этой сценѣ! Монументальное величіе героевъ исчезло, и передъ вами самые обыкновенные люди. Вы привыкли воображать себѣ Римлянина совершающимъ чудеса храбрости на полѣ битвы,—посмотрите же на хвастуна. Римская матрона является вамъ постоянно въ образѣ матери Коріолана или Лукреціи, не могущей пережить свое безчестіе, — полюбуйтесь же куртизанками, у которыхъ проводилъ время римскій *beau monde*. Вы привыкли рисовать въ своемъ воображеніи Римлянъ, начинающихъ войну за оскорбленіе ихъ посла, — посмотрите-же на паразита нахлѣбника, сносящаго оплеухи ради стакана вина и куска ветчины. Вы знаете, что римскій невольникъ былъ вещь, а не лицо, что онъ былъ нуль на форумѣ,—посмотрите, какую роль играетъ онъ дома. Вы привыкли присутствовать на народныхъ собраніяхъ и внимать ораторамъ, загляните же на рынокъ, на гулянье, и послушайте, о чемъ толкуютъ и чѣмъ волнуются въ глухомъ переулкѣ.

Очень естественно, что въ картинѣ частной жизни Римлянъ многое поразитъ незнакомаго съ ихъ бытомъ своею мнимою

странностью. Здѣсь не мѣсто, да мы вовсе и не нацѣлены представить полное описаніе нравовъ, привычекъ, занятій, удовольствій и всѣхъ мелочей образа жизни Римлянъ. Необходимо однако-же указать на двѣ, три частности, безпрестанно встрѣчающіяся у Плавта. Нѣсколько словъ о римской женщинѣ и римскомъ невольникѣ разрѣшать для читателя много загадочнаго въ его комедіяхъ.

Женщины въ римскомъ обществѣ не было: не было въ томъ значеніи, въ какомъ является она у насъ. Римская матрона пользовалась глубокимъ уваженіемъ, но это уваженіе не облызывало мужа ея ни къ чему. Женщина не была лицомъ свободнымъ; она принадлежала мужчйнѣ. Мужъ былъ глава въ своемъ домѣ и семействѣ, и не подлежалъ никакому контролю. Римляне цѣнили въ человѣкѣ не человѣка, а гражданина. Только на форумѣ Римлянъ подвергался суду общественнаго мнѣнія, и нравственное значеніе человѣка понимали только въ смыслѣ гражданскомъ. Хорошій человѣкъ, *vir bonus*, былъ тотъ, кто соблюдалъ законы республики, и не больше.

Жена и дочь римскаго гражданина знали только свой очагъ и пралку. За порогомъ своего дома онѣ не играли никакой роли. Общество собиралось только у куртизанокъ, женщинъ очень легкой нравственности, но красивыхъ, остроумныхъ, граціозныхъ, верьдью ученыхъ, даровитыхъ, и виѣсть съ тѣмъ лукавыхъ и хитрыхъ. На нихъ смотрѣли въ Римѣ совѣсмъ не съ той точки зрѣнія, какъ у насъ. Никто, конечно, не видалъ куртизанки въ гостяхъ у римской матроны, но зато много женатыхъ Римлянъ бывали въ гостяхъ у куртизанокъ, и имъ не ставилось это въ порокъ.

Это вѣроятно не единственная причина, почему у Плавта есть только женщины этаго разбора, и нѣтъ римскихъ матронъ. Въ глнскѣхъ безъ всякаго сомнѣнія, была-же своя жизнь и разыгрывались семейныя драмы и комедіи, но семья римскаго гражданина была святыней, которой не смѣлъ коснуться драматическій писатель. По той же самой причинѣ не выводитъ Плавтъ на сцену и гражданъ, облеченныхъ какою бы то ни было властью. Ни въ комедіи, ни въ трагедіи римской не встрѣтите вы ни консула, ни претора, ни эдила, ни квестора, ни трибуна. Драматургъ не могъ ихъ касаться. Герои и полубоги принадлежали къ области поэзіи, но семейныя и государственныя отношенія были истинноосновенны.

Также странно, какъ отсутствие женщины, должно показаться намъ присутствіе невольника въ римской жизни и комедіи.

Въ невольничестве попадали различнымъ образомъ: неприятель, взятый въ плѣнъ Римляниномъ, дѣлался его невольникомъ; должниковъ присуждали въ невольники кредиторамъ; невольничество было наказаніемъ за вѣкоторыя преступленія; отецъ имѣлъ право продать своего сына; всѣ подкидыши были невольниками своихъ воспитателей; и кромѣ того въ Римъ привозили на корабляхъ цѣлые транспорты продажныхъ невольниковъ. Ихъ выставляли на рынкѣ, надѣвали имъ на голову вѣнокъ, а на шею дощечку съ краткимъ описаніемъ ихъ качествъ.

Римскій невольникъ былъ передъ закономъ не лицо, а вещь. Въ этомъ опредѣленіи высказано все. Онъ не имѣлъ никакихъ правъ: ни права собственности, ни права личной свободы, ни права жизни. Господинъ могъ дѣлать съ нимъ, что ему угодно. Невольникъ не могъ жениться, то есть право его на женщину, данную ему для сожителства, простиралось не далѣе, какъ сколько угодно было господину. Самый союзъ этотъ имѣлъ особое названіе, *contubernium*, въ отличіе отъ настоящаго брака, *matrimonium*, — и отъ господина зависѣло разеторгнуть такой союзъ, когда ему вздумается. Точно также невольникъ не могъ имѣть семьи, то есть не игралъ въ ней никакой роли, не имѣя никакихъ правъ надъ своими дѣтьми. Дѣти его были такая же собственность господина, какъ и онъ самъ.

Несмотря на это положеніе, невольники играли весьма значительную роль въ частной жизни Римлянъ. Они исправляли всѣ домашнія должности и ремесла. Въ числѣ ихъ было много художниковъ, врачей, поэтовъ, ученыхъ. Многіе изъ нихъ были люди чрезвычайной образованности, умные и опытные. Имъ нередко поручалъ отецъ воспитаніе и обученіе своего сына, самъ совѣтовался съ ними въ важныхъ дѣлахъ, давалъ имъ важныя порученія, возвышалъ ихъ на степень довѣренныхъ лицъ и даже друзей. Это противорѣчіе между гражданскими правами и нравственнымъ значеніемъ невольниковъ, бросается въ глаза. Вамъ странно будетъ видѣть у Плавта, что невольникъ, очень хорошо помня свое положеніе и даже напоминая о немъ своему господину, говоритъ ему въ то-же время удивительныя вещи. Это явленіе нельзя изъяснить иначе, какъ изъ нравственнаго значенія римскаго невольника.

Такое положеніе невольниковъ сдѣлало возможнымъ явленіе такъ называемыхъ *lenones*. *Leno* былъ собственно продавецъ, де-

вольниковъ; но преимущественно онъ велъ торгъ невольницами; онъ скупалъ ихъ, продавалъ на время, или на всегда; и домъ его бывалъ открытъ за деньги для кого угодно.

Плавинуръ говоритъ Федруму (Circulio, act. I, scena I), идущему въ домъ ленона: «Туда никто не запрещаетъ тебѣ идти. Все продажное позволено покупать, лишь-бы были деньги; по публичной дорогѣ всякій воленъ идти. Не слѣдуетъ только пропивать на чужой дворъ; оставь въ покоѣ чужихъ женъ, вдовъ, дѣвушекъ, а впрочемъ люби кого хочешь».

Вотъ какъ смотрѣли на леноновъ и ихъ ремесло. Мудрено-ли вѣселя этого, что рѣдко кто миновалъ эти подводные камни, и что тутъ завязывались и развязывались сотни интригъ, даже поважнѣе любовныхъ похождевій. Нечему, слѣдовательно, удивляться, что и у Плавта леноны встрѣчаются очень часто.

Отрѣзнявшись на первый разъ этими немногими строками. Если удастся предпріятіе мое передать русской публикѣ всего Плавта, введевіе къ нему будетъ пространнѣе.

Еще два слова — о жизни Плавта. О ней извѣстно весьма немногое. Онъ родился въ Сарсинѣ, въ Умбрин, въ 527 году по постройкѣ Рима. Когда онъ пріѣхалъ въ столицу и какъ сдѣлался директоромъ труппы, неизвѣстно. Только давая свои пьесы, которыя сильно нравились публикѣ, онъ приобрѣлъ значительное состояніе. Потомъ, пустившись въ коммерцію, онъ оправдалъ слова Горация :

Qui fit, Mæcenas, ut nemo, quam sibi sortem
Seu ratio dederit, seu fors objecerit, illa
Contentus vivat, laudet diversa sequentes?

Но въ торговлѣ ему не повезло. Онъ вошелъ въ неоплатные долги и былъ отданъ въ невольники. Плавтъ не палъ однако-же духомъ и написалъ въ это время нѣсколько комедій, доставившихъ ему средство откупиться на волю. Онъ умеръ въ 579 году по постройкѣ Рима.

А. КРОНЕВЕРТЪ.

=

ПЛѢННИКИ.

КОМЕДІЯ МАРКА АКЦІЯ ПЛАВТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

РЕГИОНЪ, богатый старикъ.

ФИЛОПОЛЕМЪ, старшій сынъ его.

ТИНДАРЪ, меньшой сынъ его, называвшійся прежде Пегниономъ; теперь невольникъ Филократа.

ФИЛОКРАТЪ, молодой Элсецъ, военнопленный

АРИСТОФОНТЪ, молодой Элсецъ, другъ Филократа, тоже военнопленный.

ЗРГАЗИМЪ, parasite *.

СТАЛАГМЪ, бѣглый невольникъ Региона.

ЛОРАРІЙ Региона **.

Мальчицъ, слуга Региона.

Другіе невольники.

Дѣйствіе происходитъ въ Каллидонѣ, въ Этоліи.

ПРОЛОГЪ.

ПРОЛОГЪ.—ТИНДАРЪ и ФИЛОКРАТЪ, скованные вѣстѣ, стоятъ передъ домомъ Региона.

ПРОЛОГЪ, къ зрителямъ, указывая на Тиндара и Филократа.

Вотъ пара плѣнниковъ; плѣнниковъ этихъ, которыхъ передъ вами пара, — не трое и не четверо, а двое; зову васъ во свидѣтели, что говорю сущую правду ***. Старикъ, живущій въ этомъ домѣ, Регионъ, отецъ вотъ этого (*указываетъ на Тиндара*). Какъ же это, спросите вы, сынъ попалъ въ невольники къ отцу? Все

* Паразитъ — блюдолизъ, нахлѣбникъ. Это лицо встрѣчается въ весьма многихъ комедіяхъ Плавта и другихъ древнихъ комиковъ.

** Лораріемъ назывался невольникъ, обязанность котораго была наказывать другихъ по приказанію господина.

*** Въ подлинникѣ шутка эта относится къ тому, что плѣнники стоятъ, а не сидятъ. По-русски не ловко было передать ее въ точности. Впрочемъ, эта точность была-бы только внѣшняя; сущность шутки въ переводѣ не измѣнилась.

объясню вамъ, только слушайте. У старика было два сына; одного изъ нихъ, четырехлѣтняго мальчика, похитилъ невольникъ Гегиона, бѣжалъ съ нимъ въ Элиду и продалъ его отцу — вотъ этого (*указываетъ на Филократа*). Поняли? Хорошо. Однако вонъ въ заднихъ рядахъ кто-то качаетъ головою. Тебѣ негдѣ видно сѣсть? Такъ ступай прогуляйся, — на улицѣ много мѣста; а мнѣ ради тебя не охрипнуть: я актеръ и голосъ мнѣ нуженъ. Вы, господа, вписанные въ цензъ*, извольте получить остальное: я не хочу ни у кого оставаться въ долгу. Бѣглый невольникъ, какъ я уже имѣлъ честь доложить вамъ, продалъ краденаго ребенка отцу вотъ этого пльнника (*указываетъ на Филократа*), а тотъ подарилъ его своему сыну, его ровеснику. Теперь онъ отступилъ невольникомъ въ домъ своего отца, но отецъ ничего объ этомъ не знаетъ. Боги играютъ людьми какъ мячомъ.

Теперь вы знаете, какъ потерялъ Гегионъ одного сына. Потому загорѣлась война между Этолянами и Элейцами, и другой сынъ его взятъ въ пльнъ. Его купилъ въ Элидѣ медикъ Мевархъ, и Гегионъ началъ скупать пльнныхъ Элейцевъ, въ надеждѣ вымѣнять на кого-нибудь изъ нихъ своего сына. Онъ не знаетъ, что младшій у него въ домѣ. Услышавши вчера, что въ числѣ взятыхъ въ пльнъ Элейцевъ находится всадникъ знатной и богатой фамиліи, онъ не пожалѣлъ денегъ, лишь бы выручить сына, и купилъ у квесторовъ изъ добычи вотъ этихъ двухъ**.

Купленные выдумали хитрость, посредствомъ которой невольникъ возвратилъ своего господина на родину. Они обмѣнялись именами и одеждой. Вотъ этотъ (*онъ указываетъ на Тиндара*) назвался Филократомъ, а этотъ (*указываетъ на Филократа*) — Тиндаромъ. Невольникъ взялся разыграть роль господина и возвратилъ ему сво-

* Цензъ — поголовная опись гражданъ, — производилась черезъ каждые пять лѣтъ. Каждый гражданинъ былъ обязанъ явиться къ цензору и объявить ему свое имя, лѣта, состояніе, мѣсто жительства, членовъ семьи и прислугу. На основаніи этой ревизіи цензоры вписывали каждого гражданина соответственно его состоянію въ одинъ изъ пяти установленныхъ классовъ. Остальные, не имѣвшіе никакого состоянія, пролетаріи, оставшіеся внѣ ценза, пользовались меньшими гражданскими правами и занимали въ театрѣ заднія скамьи. Одному изъ нихъ-то соитуетъ актеръ идти прогуляться, и обращается потомъ къ сидящимъ впереди, *спинными въ цензъ*.

** Квесторы продавали военную добычу въ пользу казны, восначала вика и солдатъ.

боду; онъ спасаетъ этимъ, самъ того не зная, и брата, возара-
щая его отцу и отечеству. Не въ первый разъ слѣпой доходитъ
до цѣли, которой не достигъ бы зрячій! Сами не понимая впол-
нѣ своей хитрости, они устроили дѣло такъ, что сынъ остается
невольникомъ у отца. Какъ слѣзть, подумаешь, человекъ!

Еще два слова: цѣса стѣитъ того, чтобы вы обратили на нее
вниманіе. Она составлена не на образецъ другихъ: въ ней нѣтъ
ни неприличныхъ стиховъ, ни содержателя непристойнаго дома,
ни хитрой любовницы, ни солдата хвастуна.

Этоляне ведутъ войну съ Элейцами; но вы не бойтесь: битвы
будутъ происходить за сценой. Мы комики, и въ трагедію за-
шатаемся не наше дѣло. А если кому-нибудь изъ васъ непремѣнно
хочется драки, — что-жь, стѣитъ только задѣть соседа. Я-же съ
моимъ удовольствіемъ помогу выбить нѣзъ него охоту къ надоб-
нымъ зрѣлищамъ, разумѣется, если онъ насконитъ на молодца
посильнѣе.

Прошайте, суди правосудные, войны нецобѣдныя, въ мирѣ
и на войнѣ!

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЭРГАЗИЛЪ, ОДИНЪ.

Молодежь провала меня куртизанкой, зато, что я являюсь на
пиры незваный, *invocatus* *. Сказано въ шутку, а выходитъ
правда: дѣло извѣстное, — игрокъ, бросая кости, взываетъ среди
шума пиршества, къ своей любовницѣ; спрашиваю васъ: призва-
на она или нѣтъ? Конечно призвана, *invocata*; еще несомнѣннѣе
призванъ (или не призванъ, *invocatus*) паразитъ: его не зовутъ,
къ нему не зываютъ, а онъ какъ крыса на чужую крупу. Когда

* Вся эта тирада основана на непереводаимой игрѣ словъ: *invocatus*
значитъ *незваный* и *тотъ, къ которому зываютъ* — *invocqué*. Римскіе игроки
нѣтъли обыцковеніе зывать, бросая кости, къ своей любовницѣ, и въ
такомъ случаѣ о ней можно было сказать *invocata* — *qu'elle est invocqué*.
Насмѣшники провали Эргазила куртизанкой потому, что онъ тоже
былъ на пиру *invocatus*, только въ другомъ смѣслѣ слова, то есть *не-
званый*, — а онъ изъясняетъ это по своему.

дѣла откладываются въ сторону и граждане разсыпаются по деревнямъ *, тогда и мы, паразиты, хоть откладывай въ сторону свои зубы. Улитка прячется во время засухи въ раковину и живёт собственнымъ сокомъ, — развѣ перепадетъ иногда росинка, другая; такъ и нашъ братъ, бѣднякъ паразитъ, соси свою лапу, пока кормильцы его отъѣдаются изъ деревнѣ. Лѣтомъ, во время каникулъ, мы похожи на гончихъ; зимою, во время всеобщей дѣятельности, превращаемся въ жирныкъ, мешастыныхъ, мушкетерныхъ дворянъ. И тутъ-то умѣи и пощечину снести, и лѣвъ подставить подъ летящую посуду, или надѣвай суму и ступай за тригеминскія ворота **. Со мной того и смотри, что такъ случится. Этоляне воюють съ Элейцами, и кормилецъ мой, мой штепель *** Филополенъ въ плѣну. Вотъ домъ отца его, старика Гегіона, — не могу безъ слезъ смотреть на эти стѣны!

Старикъ впустился на дѣло не совсемъ благородное, и ему не среднее, но оно можетъ возратить ему сына: онъ скупаетъ вѣнчанковъ, въ надеждѣ вымѣнять на кого-нибудь изъ нихъ Филополена. Пойду къ нему.... А! вотъ отворяется дверь, — та самая дверь, въ которую я такъ часто выходилъ, пошатываясь отъ вина.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ГЕГИОНЪ, ЭРГАЗИЛЪ, ЛОРАРІЙ и невольники. Плѣнники въ глубинѣ театра.

Гегіонъ, Лорарію.

Слушай! Вонъ плѣнники, которыхъ я купилъ вчера изъ добычи у вестора; сними съ нихъ общую цѣпь и наложи на нихъ отдѣльныя оковы, полегче. Пусть ходятъ куда угодно, въ домъ и изъ дому; только не спускать съ нихъ глазъ. Свободный чело-вѣкъ въ неволѣ, что вольная птица въ клеткѣ, — дай только слу-чай, мигомъ улизнетъ, и поминай какъ звали.

Лорарій.

Кому не хочется на волю!

* Главнѣйшія должности въ Римѣ занимали патриціи, богатые владельцы; лѣтомъ они разбѣжались по своимъ помѣстьямъ, и дѣла въ это время останавливались.

** Тригеминскія ворота вели къ гавани, и тамъ всегда толпилось множество народа. Ничіе, естественно, рассчитывали здѣсь на большую по-лишу.

*** Богачей, окруженныхъ толпою слугъ, кліентовъ и нахлебниковъ, лестцы величали въ Римѣ титловъ царя, т. е.

ГЕГИОНЪ.

Въ тебѣ я до сихъ-поръ не замѣчалъ этого желанія.

ЛОРАРИЙ.

Хочешь, я докажу тебѣ его на дѣлѣ?

ГЕГИОНЪ.

Смотри, какъ-бы на тебя за это чего-нибудь не надѣли.

ЛОРАРИЙ.

Я хочу только оправдать твое сравненіе съ вольною птицею.

ГЕГИОНЪ.

А я, для большаго сходства, посажу тебя пожалуй въ клетку. — Полно вздоръ молоть, сдѣлай, что приказано, и ступай.

ЭРГАЗИЛЪ, въ-сторону.

О, если-бы ему удалось! Не выкуни онъ сына, мнѣ придется пропасть ни за грошъ. На нашу молодежь плоха надежда: только и думаютъ, что о себѣ. Филоподемъ—другое дѣло: онъ не измѣнилъ обычаямъ предковъ, — я ни разу не заставлялъ его смѣяться даромъ. — Отецъ его тоже человѣкъ очень достойный.

ГЕГИОНЪ.

Схожу къ брату, освѣдомиться объ остальныхъ монхъ плѣнникахъ: не напроказили ли чего-нибудь ночью,—а потомъ сейчасъ возвращусь домой.

ЭРГАЗИЛЪ.

Жаль мнѣ бѣднаго старика! Ради сына онъ взялся за ремесло тюремнаго сторожа. Впрочемъ, по мнѣ пусть сдѣлается хоть палачемъ, лишь-бы достигъ своей цѣли.

ГЕГИОНЪ.

Кто тутъ говоритъ?

ЭРГАЗИЛЪ.

Это я, жалѣю о твоей участи; — изсохъ, постарѣлъ, изчахъ, изнылъ, сокрушаясь о твоемъ горѣ. Взгляни на меня: кости да кожа! Дома въ ротъ ничего нейдетъ; только въ гостяхъ иногда и перекусишь.

ГЕГИОНЪ.

Здравствуй, Эргазилъ!

ЭРГАЗИЛЪ, плачетъ.

Да благословятъ тебя боги, Гегіонъ!

ГЕГИОНЪ.

Не плачь.

ЭРГАЗИЛЪ.

Мнѣ не плакать? Мнѣ не оплакивать такого юношу?

ГЕГИОНЪ.

Я всегда считалъ тебя другомъ моего сына.

ЭРГАЗИЛЪ.

Да, только утративши вещь, человекъ познаетъ ей цѣну. Съ-
тѣхъ-поръ какъ сынъ твой въ плѣну, я понялъ, чего я лиши-
лся! О! о!

ГЕГИОНЪ.

Ты ему чужой, и тебя такъ огорчаетъ его несчастіе; какво
же мнѣ потерять единственнаго сына?

ЭРГАЗИЛЪ.

Чужой? я ему чужой? О, Гегіонъ, не говори этого и не ду-
май. Тебѣ онъ единственный сынъ, мнѣ другъ и благодѣтель, не
единственный, а единственнѣйшій.

ГЕГИОНЪ.

Несчастіе друга огорчаетъ тебя какъ твое собственное; это
прекрасно, — но не теряй надежды.

ЭРГАЗИЛЪ.

О!

ГЕГИОНЪ, тихо.

Да, именно: о! Его огорчаетъ то, что кочорты объѣдалъ теперь
распущены. (Громко). Неужли ты не нашелъ до-сихъ-поръ никого,
кто набралъ-бы для тебя, достойнаго вождя, новую армию лизо-
блюдовъ?

ЭРГАЗИЛЪ.

Разумѣется, нѣтъ. Никто не хочетъ взяться за это дѣло, съ-
тѣхъ-поръ какъ нѣтъ твоего Филополема.

ГЕГИОНЪ.

Да, впрочемъ, что тутъ удивительнаго! Шутка-ли сколько тебѣ
нужно солдатъ: тебѣ набери и хлѣбниковъ, и булочниковъ, и
припичниковъ, и пирожниковъ, и цѣлый флотъ, безъ котораго
ты не можешь обойтись *.

ЭРГАЗИЛЪ.

Вотъ участь генія: такой полководецъ какъ я, — и сиди сложа
руки!

ГЕГИОНЪ.

Говорю тебѣ: не теряй надежды. Сынъ мой возвратится, вѣ-
роятно, на этихъ дняхъ, домой. Въ числѣ моихъ плѣвниковъ есть

* Непереводимая игра словъ: нечисля дружины солдатъ, необходи-
мыя для войска объѣдалъ подъ предводительствомъ Эргазила, Гегіонъ
называетъ жителей такихъ городовъ, имена которыхъ имѣютъ гастро-
номическое значеніе: *pistor* — хлѣбникъ, *Pistoriensis* — жители города
Писторіуна; *panis* — хлѣбъ, *Panicci* — жители города Паны; *placento* —
пирогъ, *Placentini* — жители города Плаценція, и прочая.

богатый и знатный Элеецъ; на него надѣюсь я вымѣнять Фило-
полема.

ЭРГАЗИЛЪ.

Да помогутъ тебѣ боги и богини!

ГЕГИОНЪ.

Отозванъ ты куда-нибудь на ужинъ?

ЭРГАЗИЛЪ.

Нѣтъ. А зачѣмъ ты спрашиваешь?

ГЕГИОНЪ.

Сегодня день моего рожденія; приходи ко мнѣ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Хорошо.

ГЕГИОНЪ.

Только не взыщи: угощеніе будетъ скромное.

ЭРГАЗИЛЪ.

Лишь-бы не слишкомъ скромное; а то я подумаю, что ужинаю дома.

ГЕГИОНЪ.

Пожалуйста, приходи.

ЭРГАЗИЛЪ.

Изволь, если кто не позоветъ меня съ друзьями на лучший пиръ. Я какъ продажная земля: принадлежу тому, кто дастъ больше.

ГЕГИОНЪ.

Хороша земля! пропасть бездонная. Во всякомъ случаѣ, милости просимъ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Хоть сейчасъ.

ГЕГИОНЪ.

Нѣтъ, прежде поини, не поймалъ-ли гдѣ зайца; я вѣдь угощу чуть не ежомъ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Этимъ меня не испугаешь; у меня желѣзные зубы. Приду.

ГЕГИОНЪ.

Да и пища у меня не мягка.

ЭРГАЗИЛЪ.

Но террами-же ты питаешься?

ГЕГИОНЪ.

Произведеніями земли.

ЭРГАЗИЛЪ.

Земля производитъ и свиной *.

* Свиинна была въ эпоху Плавта самымъ законнымъ кушаньемъ Римлянъ. Ее приготовляли различными способами.

ГЕГІОНЪ.

А овощей еще больше.

ЭРГАЗИЛЪ.

Угощай вми больныхъ. Что еще?

ГЕГІОНЪ.

Не опоздай.

ЭРГАЗИЛЪ.

А когда же это со мною случилось?

УХОДИТЬ.

ГЕГІОНЪ.

Пойду домой, расчесть, много-ли осталось моего капитала у банкира. Къ брату поспѣю и послѣ.

УХОДИТЬ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЛОРАРІЙ, и другіе невольники ГЕГІОНА; ФИЛОКРАТЪ, ТИНДАРЪ.

ЛОРАРІЙ.

Богамъ безсмертнымъ угодно было свергнуть васъ въ несчастіе, — переносите же его равнодушно: это облегчитъ вашу участь. Дома вы были люди свободные, здѣсь вы плѣнники; водчинитесь же принятымъ обычаямъ и смягчите нго покорностью волѣ господина.

ФИЛОКРАТЪ, плачетъ.

О, о, о!

ЛОРАРІЙ.

Слезы не помогутъ; только глаза заболятъ. Лучше старайся сохранить бодрость среди несчастія.

ФИЛОКРАТЪ.

Стыдно носить цѣпи.

ЛОРАРІЙ.

Но и снять ихъ нельзя купившему васъ за деньги. Дай онъ вамъ свободу, ему придется раскаяться.

ФИЛОКРАТЪ.

Чего ему опасаться? Мы не забудемъ нашего долга, если съ васъ снимутъ оковы.

ЛОРАРІЙ.

Ничемъ вы не думаете какъ бы убѣжать.

Бѣжать? Куда?

ФИЛОКРАТЪ.

На родину.

ЛОРАРІЙ.

Мы не станемъ подражать бѣглымъ невольникамъ.

ФИЛОКРАТЪ.

ЛОРАРІЙ.

Отчего-же? Если представится случай, совѣтую не упустить его.

ФИЛОКРАТЪ.

Позволь попросить тебя объ одномъ.

ЛОРАРІЙ.

Что такое?

ФИЛОКРАТЪ.

Позволь намъ переговорить безъ свидѣтелей.

ЛОРАРІЙ.

Изволь (*Невольникамъ*). Отойдите. — (*Филократу*) Только не затягивайте вашей бесѣды.

ФИЛОКРАТЪ.

Мы кончимъ въ одну минуту. (*Тиндару*) Поди сюда.

ЛОРАРІЙ, невольникамъ.

Отойдите.

ТИНДАРЪ, имъ же.

Мы вамъ много обязаны за исполненіе нашего желанія.

ФИЛОКРАТЪ, Тиндару.

Отойдемъ подальше, чтобы насъ не слышали, и не проникли въ тайну нашего замысла. Хитрость не въ хитрость, если не повести ее умно; не сумѣй ее скрыть, самому придется плохо. Ты будешь моимъ господиномъ, я притворюсь твоимъ невольникомъ; но роли надо разыграть искусно и осторожно; смотри-же, не дремай.

ТИНДАРЪ.

Я свое дѣло сдѣлаю.

ФИЛОКРАТЪ.

Надѣюсь.

ТИНДАРЪ.

Видишь-ли: я рискую собою для спасенія твоей, драгоценной для меня, жизни.

ФИЛОКРАТЪ.

Знаю.

ТИНДАРЪ.

Не забудь-же этого, когда достигнешь своей цѣли. Люди

всѣхъ всѣ таковы, что когда чего желаютъ или просятъ, такъ куда какъ добры; а получивши желаемое, теряютъ память и измѣняютъ дружбѣ. Отъ тебя, однако же, я этого не ожидаю и не посоветую тебѣ ничего, чего не посоветовалъ-бы родному отцу.

ФИЛОКРАТЪ.

А я готовъ назвать тебя отцомъ. Ты мнѣ дѣйствительно второй отецъ.

ТИНДАРЪ.

Спасибо.

ФИЛОКРАТЪ.

Повторяю тебѣ еще разъ: я не господинъ твой, а невольникъ. — Богамъ безсмертнымъ угодно было сдѣлать меня, твоего господина, товарищемъ твоего невольничества, и я не приказываю тебѣ, какъ бывало прежде, но заклинаю тебя неизвѣстностью нашей участи, ласковымъ обращеніемъ отца моего съ тобою, нашимъ общимъ плѣномъ, — обращайся со мною такъ же за-просто, какъ обращался я съ тобою, когда ты былъ монимъ невольникомъ; не забывай, кто ты былъ, и кто ты теперь.

ТИНДАРЪ.

Я не забуду, что я — ты, а ты — я.

ФИЛОКРАТЪ.

Въ такомъ случаѣ мы можемъ рассчитывать на успѣхъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

РЕГИОНЪ, выходитъ изъ своего дома. ФИЛОКРАТЪ, ТИНДАРЪ, невольники.

РЕГИОНЪ, въ двери.

Я сейчасъ ворочусь; разспрошу ихъ только кое о чемъ. (Невольникамъ) Гдѣ плѣнники, которыхъ я велѣлъ привести сюда?

ФИЛОКРАТЪ.

Невольники твои позаботились сдѣлать этотъ вопросъ лишнимъ; взгляни на наши цѣпи и стражу.

РЕГИОНЪ.

Кто хочетъ остережся отъ обмана, тотъ будь самъ на сторожѣ и другимъ вели сторожить. Самый осторожный часто бываетъ обманутъ. Не въ-правѣ-ли я стеречь васъ, купивши дорого за наличныя деньги?

ФИЛОКРАТЪ.

Мы не въ-правѣ осуждать тебя за то, что ты насъ стере-

жестъ, также какъ и ты не въ правѣ осудить насъ, если мы воспользуемся случаемъ и убѣдимъ.

РЕГИОНЪ.

У васъ точно также стерегутъ моего сына.

ФИЛОКРАТЬ.

Онъ взятъ въ плѣнъ?

РЕГИОНЪ.

Да.

ФИЛОКРАТЬ.

Такъ не мы же одни принуждены были сдаться!

РЕГИОНЪ, Филократу.

Поди сюда. Я хочу сдѣлать тебѣ нѣсколько вопросовъ наединѣ; только смотри — не лгати!

ФИЛОКРАТЬ.

Что знаю, скажу по правдѣ, чего не знаю, скажу что не знаю.

ТИНДАРЪ, въ сторону.

Отбръеть-же онъ моего старика! Вотъ уже и бритвы расплавлены; не хочеть даже повязать ему полотенца, чтобы не запачкать платья. Не знаю, выбръеть-ли онъ его на-голо, или только подстрижетъ; а я окорналъ-бы его отличнѣйшимъ образомъ.

РЕГИОНЪ.

Скажи мнѣ, что по твоему лучше: быть невольникомъ или свободнымъ чело̀вѣкомъ?

ФИЛОКРАТЬ.

По моему лучше быть тѣмъ, кому жить лучше. Невольничество было для меня, впрочемъ, до сихъ-поръ, не тягостно. Дома мнѣ было житье не хуже господскаго сына.

ТИНДАРЪ, въ сторону.

Хорошо сказано! что твой Фалесъ Милезійскій! Пустомеля въ сравненіи съ нимъ! Говорить, какъ-будто родился невольникомъ!

РЕГИОНЪ.

Къ какой фамиліи принадлежитъ этотъ Филократъ?

ФИЛОКРАТЬ.

Къ именитой и славной фамиліи Полипузіевъ.

РЕГИОНЪ.

А самъ онъ у васъ въ чести?

ФИЛОКРАТЬ.

Онъ пользуется уваженіемъ первѣйшихъ гражданъ.

РЕГИОНЪ.

И богатъ?

ФИЛОКРАТЬ.

У отца его денегъ куры не клюютъ.

ГЕГІОНЪ.

Какъ? отецъ его живъ?

ФИЛОКРАТЬ.

Былъ живъ, когда мы выступили въ походъ. Теперь — известно одному Орку.

ТИНДАРЪ, въ сторону.

Дале идти на ладъ. Не просто лежать, а философствовать.

ГЕГІОНЪ.

Какъ его зовутъ?

ФИЛОКРАТЬ.

Тезаврохризонникохризидъ *,

ГЕГІОНЪ.

Вѣроятно, его прозвали такъ за богатство?

ФИЛОКРАТЬ.

За скуность и жадность.

ГЕГІОНЪ.

Что ты говоришь? Такъ онъ скупъ?

ФИЛОКРАТЬ.

Невротнѣйшій скрага. Посуди самъ: даже генію своему приносить онъ жертвы не иначе, какъ въ глиняныхъ самосскихъ сосудахъ: боится какъ бы геній его не обокралъ. Можешь себя вообразить, много-ли довъряетъ онъ другимъ.

ГЕГІОНЪ, ведетъ его къ Тиндару.

Поди сюда. Распрошу еще его. (Тиндару) Филократъ! невольникъ твой честный малый: онъ рассказалъ мнѣ все, и я знаю, кто ты. Если ты будешь со мною также откровененъ, тебѣ-же будетъ лучше.

ТИНДАРЪ.

Онъ исполнилъ свой долгъ, сказавши тебѣ истину. Я хотѣлъ, правда, скрыть мое благородное происхожденіе и богатство, но не вижу, зачѣмъ бы невольнику моему бояться тебя меньше, нежели меня, утратившаго свободу и отечество. Судьба войны порочнаго со мною. О чемъ прежде не смѣлъ бы онъ и заикнуться, теперь исполняетъ на дѣлѣ. Фортуна вертитъ людьми по своему произволу. Меня, человѣка свободнаго, сдѣлала она невольникомъ. низринула съ высоты долу. Меня, привыкшаго повелѣвать, заставила повиноваться другому. Но я самъ былъ главою дома, и если судьба дала мнѣ такого же господина, мнѣ нечего бояться несправедливости и жестокихъ приказовъ. Вотъ о чемъ хотѣлъ я тебѣ напомнить, если позволишь, Гегіонъ.

* Фамилія въ родѣ русской: *Золототысяжниковъ*.

ГЕГИОНЪ.

Говори смѣло.

ТИНДАРЪ.

Я былъ также свободенъ, какъ твой сынъ. Обоихъ насъ лишила свободы вражеская рука. Онъ въ невольничествѣ у насъ, также какъ я у васъ. Но есть надъ нами Богъ, который слышитъ и видитъ ваши дѣла. Онъ не попуститъ, чтобы съ твоимъ сыномъ обходилось хорошо, если ты будешь обходиться со мною дурно. Злою воздастся тебѣ за зло, и добромъ за добро. Какъ ты сожалѣешь о твоёмъ сынѣ, такъ мой отецъ — обо мнѣ.

ГЕГИОНЪ.

Знаю. Но подтверждаешь-ли ты сказанное твоимъ невольникомъ?

ТИНДАРЪ.

Я подтверждаю, что отецъ мой очень богатъ, что родъ мой очень знатенъ. Но заклинаю тебѣ, Гегіонъ, не жадничай, потому что я богатъ; не доведи отца моего до того, чтобы онъ предпочелъ оставить меня, единственнаго своего сына, невольникомъ въ твоёмъ домѣ, гдѣ я буду одѣтъ и накормленъ на твой счетъ, нежели видѣть меня просящимъ милостыню на родинѣ.

ГЕГИОНЪ.

Благодаря богамъ и доблести моихъ предковъ, я довольно богатъ, и не всякій барышъ считаю за прибыль. Я знаю, многіе обогатились, пользуясь случаемъ, но иногда бываетъ лучше понести убытокъ, нежели получить барышъ. Я ненавижу золото: оно внушило людямъ много зла. Выслушай, что я думаю: сынъ мой и плѣну у васъ въ Элидѣ; возврати мнѣ его, и я отпущу тебя съ твоимъ невольникомъ безъ всякаго выкупа. Инымъ образомъ ты не получишь свободы.

ТИНДАРЪ.

Требованіе твое справедливо; ты благородный человекъ. Скажи мнѣ: сынъ твой принадлежитъ частному лицу или казнѣ?

ГЕГИОНЪ.

Онъ принадлежитъ меду Менарху.

ФИЛОКРАТЬ.

Это кліентъ его отца (онъ указываетъ на Тиндара). Дѣло пойдемъ какъ по маслу.

ГЕГИОНЪ.

Такъ помоги-же мнѣ его выкупить.

ТИНДАРЪ.

Хорошо. Но исполни и ты мою просьбу.

ГЕГИОНЪ.

Изволь, все, что могу.

ТИНДАРЪ.

Такъ выслушай: я не требую, чтобы ты меня отпустилъ, пока сынъ твой еще не возвратился, но прошу тебя, назначь цѣлу за моего невольника, и позволь мнѣ послать его къ отцу, чтобы онъ уговорилъ его на обмѣнъ твоего сына.

ГЕГИОНЪ.

Нѣтъ, я пошлю лучше другаго, когда заключимъ перемиріе; онъ можетъ исполнить твое порученіе.

ТИНДАРЪ.

Не годится посылать къ отцу незнакомаго человѣка; это значить напрасно терять время. Пошли этого, онъ нигомъ сладить дѣлу. Ты не найдешь никого вѣрнѣе; отецъ мой никому не доверитъ больше его; онъ его любимецъ, и ему смѣло поручить онъ твоего сына. Не опасайся ничего; я отвѣчаю за его вѣрность; я его знаю, — и онъ меня знаетъ.

ГЕГИОНЪ.

Хорошо, я пошлю его, только условимся прежде въ цѣнѣ.

ТИНДАРЪ.

Согласенъ. Чѣмъ скорѣе къ дѣлу, тѣмъ лучше.

ГЕГИОНЪ.

Если онъ не возвратится, ты дашь мнѣ за него двадцать мнѣнъ *?

ТИНДАРЪ.

Дашь.

ГЕГИОНЪ, НЕВОЛЬНИКАМЪ.

Снимите съ него цѣпи. Снимите ихъ съ обонхъ.

ТИНДАРЪ.

Да исполнять боги всѣ твои желанія! Ты возвращаешь мнѣ честь, освобождая меня отъ оковъ. Какъ легко безъ этого ошейника!

ГЕГИОНЪ.

Добро, сдѣланное честному человѣку, приноситъ добрые плоды. Теперь ты можешь послать его; прикажи ему, что сказать отъ тебя отцу. Позвать его сюда?

ТИНДАРЪ.

Позови.

ГЕГИОНЪ.

Да обратится все это ко благу моему, моего сына и вась обо-

* Около полутора ста рублей серебромъ.

ихъ"! (Филократу) Новый господинъ твой приказываетъ тебѣ исполнить въ точности все, что прикажетъ тебѣ твой прежній господинъ. Я продалъ тебя ему за двадцать минъ, и онъ хочетъ послать тебя къ своему отцу для выкупа моего сына, то есть, для обмѣна его на моего цѣнника.

ФИЛОКРАТЬ.

Я готовъ исполнить его и твои приказанія, какъ колесо, которое можно вертѣть и вправо и влево.

РЕГИОНЪ.

Ты, вижу, малый не промахъ, Поди сюда. (Тиндару) Вотъ, предоставляю его въ твоё распоряженіе.

ТИНДАРЪ.

Спасибо: ты даешь мнѣ возможность извѣстить отца о моемъ положеніи и моихъ желаніяхъ. — Тиндаръ! Мы условились, что я пошлю тебя въ Элиду къ моему отцу, и если ты не возвратишься, то я долженъ буду заплатить за тебя двадцать минъ.

ФИЛОКРАТЬ.

И хорошо сдѣлано. Отецъ твой ждетъ меня или кого-нибудь съ вѣстями отсюда.

ТИНДАРЪ.

Такъ слушай-же, что ему сказать.

ФИЛОКРАТЬ.

Филократъ! Я сослужу тебѣ эту службу усердно, какъ служилъ до-сихъ-поръ. Всею душою, всѣмъ сердцемъ, всѣми силами постараюсь я быть тебѣ полезнымъ.

ТИНДАРЪ.

Въ такомъ случаѣ ты исполнишь долгъ твой. — Слушай: во-первыхъ, кланяйся моему отцу и матери, роднымъ и друзьямъ; скажи имъ, что я служу человѣку благородному, который обходится со мною какъ нельзя лучше.

ФИЛОКРАТЬ.

Этого я не позабылъ-бы сказать и безъ твоего приказанія.

ТИНДАРЪ.

Не будь при мнѣ сторожа, я воображалъ-бы себя свободнымъ. Сообщи отцу моему условіе на-счетъ выкупа сына Регионова.

ФИЛОКРАТЬ.

Ты только напрасно меня задерживаешь; все это вещи извѣстныя.

ТИНДАРЪ.

Пусть прилетѣтъ его въ обмѣнъ за насъ двоихъ.

* *Quae res bene vortat mi*, etc. Общепринятая фраза при начинаніи какого-нибудь дѣла, — такъ какъ у насъ: *св. Бжемы!*

ФИЛОКРАТЬ.

Хорошо.

РЕГИОНЪ.

И пусть не медлить; это для всѣхъ будетъ лучше.

ФИЛОКРАТЬ.

Онъ не меньше тебѣ желаетъ увидѣть сына.

РЕГИОНЪ.

Кому не мила родной сынь!

ФИЛОКРАТЬ, Тиндару.

Прикажешь сказать ему еще что-нибудь?

ТИНДАРЪ.

Скажи ему, что я здоровъ, и что мы жили съ тобою, Тиндаръ, душа въ душу; что ты ни разу ни въ чемъ передо мною не провинился, что я тобою доволенъ, что ты служилъ мнѣ вѣрою и правдою, и не измѣнилъ мнѣ во время несчастія ни словомъ, ни дѣломъ. Скажи ему это отъ меня, Тиндаръ: онъ не покусится отпустить тебя наволю; я самъ упрошу его, если возвращусь домой. Твоему уму, твоей дружбѣ, твоимъ стараніямъ буду я обязанъ свиданіемъ съ отцомъ: ты рассказалъ Региону о моемъ богатствѣ и родѣ, и это умное признаніе освободило меня отъ оковъ.

ФИЛОКРАТЬ.

Да, это правда, и я радъ, что ты это не позабылъ. Какъ мнѣ было не послужить тебѣ? Начни я вычислять, Филократъ, все, что ты для меня сдѣлалъ, я не кончилъ бы до ночи; будь ты конемъ невольникомъ, ты не могъ-бы быть мнѣ преданнѣе.

РЕГИОНЪ.

О великодушные люди! Я готовъ плакать! что за любовь, что за преданность! Какъ хвалить этотъ невольникъ своего господина!

ФИЛОКРАТЬ.

Клянусь Поллуксомъ, онъ стоитъ въ сто разъ большихъ похвалъ.

РЕГИОНЪ, Филократу.

Теперь ты имѣешь случай завершить твою вѣрную службу: исполни его порученіе.

ФИЛОКРАТЬ.

Я употреблю все мои старанія, и зову въ свидѣтели Юпитера, что не измѣню Филократу.

РЕГИОНЪ.

Честный человѣкъ!

ФИЛОКРАТЬ.

И буду для него стараться, какъ для самого себя.

ТИНДАРЪ.

Желаю, чтобы ты оправдалъ слова твои на дѣлѣ. Если я не хвалилъ тебя столько, сколько-бы хотѣлось, — такъ ты знаешь почему, и не будешь, надѣюсь, на меня сердиться. Не забудь, прошу тебя, что я отсылаю тебя домой на честное слово, и назначивши за тебя цѣну, самъ остаюсь здѣсь заложникомъ. Не оправдай пословицы: «изъ глазъ — изъ памяти», и не оставь меня здѣсь въ невольничествѣ ради тебя; приведи сюда сына Гогіонова. Ты знаешь, что я поручился за тебя двадцатью минами; не измѣни же тому, кто не измѣнилъ тебѣ. Отецъ мой, я въ томъ увѣренъ, сдѣлаетъ все, что слѣдуетъ. Сохрани во мнѣ всегдашняго друга, и приобрѣти новаго въ этомъ старикѣ. Заложивъ тебя твоей рукой, которую пожимаю въ эту минуту, будь въ рѣшъ мнѣ, какъ я былъ вѣренъ тебѣ. Ты теперь мой господинъ, мой патронъ, мой отецъ; тебѣ вѣряю я мои надежды и мою судьбу.

ФИЛОКРАТЪ.

Ты наговорилъ довольно. Будешь-ли доволенъ, если я столько же сдѣлаю?

ТИНДАРЪ.

Да.

ФИЛОКРАТЪ.

Я возвращусь порадовать васъ обоихъ. Имѣете вы сказать еще что-нибудь?

РЕГИОНЪ.

Воротись какъ можно скорѣе.

ФИЛОКРАТЪ.

Само собою разумѣется.

РЕГИОНЪ.

Иди за мною; я дамъ тебѣ на дорогу денегъ, и возьму у претора синграфъ.

ТИНДАРЪ.

Какой синграфъ?

РЕГИОНЪ.

Который онъ долженъ предъявить въ арміи, чтобы его пропустили въ Элиду. — Ты ступай домой.

ТИНДАРЪ, ФИЛОКРАТУ.

Счастливыи путь.

ФИЛОКРАТЪ.

Прощай.

Тиндаръ уходитъ въ домъ.

РЕГИОНЪ, ТИХО.

Хорошо я сдѣлалъ, что купилъ ихъ у квесторовъ; теперь сынъ мой,—если это угодно богамъ,—освобожденъ. А долго колебался я, купить-ли ихъ, или не купить. (*Невольникамъ*) Присматривайте за тѣмъ, который вышелъ; безъ сторожа, чтобъ и за порогъ не выглядывалъ. Я сейчасъ приду домой. — Схожу къ брату, взглянуть на прочихъ плѣнниковъ, да кстати спрошу, не знаетъ ли кто изъ нихъ этого Филократа. (*Филократу*) Ступай за мною; прежде всего надо отправить тебя.

Они уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Плохо, когда ищешь, ищешь, ищешь, и на силу наконецъ найдешь, гдѣ перекусить; хуже, когда ищешь и все таки ничего не находишь; а ужъ о томъ и говорить нечего, когда знаешь, что хоть ищи не ищи, все равно ничего не найдешь. — Ну, выдался денекъ! Глаза-бы ему выпарапалъ за то, что онъ до такой степени ожесточилъ всѣхъ противъ меня. Голоденъ такъ, что кажется весь міръ съѣлъ-бы, а обѣда нѣтъ какъ нѣтъ! Плохо приходится паразитамъ! Молодежь отворачивается отъ бѣднаго шута,—не хочетъ знать застольныхъ Спартанцевъ, вольныхъ мучениковъ краснобаевъ, у которыхъ ротъ полонъ остротъ, а за душой ни копѣйки. На обѣдъ кого нынче зовутъ? того, кто и самъ, пожалуй, позоветъ къ себѣ. На рынокъ кого посылаютъ? Паразита, какъ бывало прежде? Нѣтъ, сами себя. Сами, безъ стыда, гордо поднявши голову, идутъ съ площади къ продавцу невольницъ, какъ-будто въ народное собраніе судить преступниковъ. Шутовъ не ставятъ ни въ грошъ: всѣ безъ ума отъ самихъ себя.— Къ кому не подходилъ я сегодня на площади! «Здравствуйте, говорю; ну что, у кого мы обѣдаемъ? Въ отвѣтъ ни слова. «Неужели ни у кого»? Молчатъ какъ нѣмые; хоть бы улыбнулись. «Гдѣ же, по-крайней-мѣрѣ, ужинаемъ?»

Покачиваютъ головой, и только. — Я имъ анекдотецъ, — анекдотецъ первѣйшаго достоинства, какимъ бывало прежде обезпечивалъ себѣ обѣдъ на цѣлый мѣсяцъ, — никто не смѣется. Дѣло ясное: сговорились; хоть-бы зубы оскальилъ кто-нибудь, какъ злая собака! Дѣдать нечего, вижу, что надо мной смѣются; етошелъ, и къ другимъ; тоже самое; я къ третьимъ, все тоже; я къ четвертымъ, и тутъ не лучше; стакнулись, какъ куницы въ Веллабрѣ. * Ушелъ я съ площади, — досадно стало; бродилъ тамъ и другіе паразиты, съ такимъ же успѣхомъ. — Рѣшено: прибѣгну къ покровительству закона, ** сдѣлаю доносъ: умышляютъ де уморить насъ голодомъ, за каковое противозаконное дѣйствіе и присудить ихъ, на основаніи существующей дороговизны, къ пятидесяти обѣдовъ въ мою пользу. *** Да. — Пойдти теперь къ гавани, не зацѣплю ли тамъ обѣда; не удастся, такъ отправлюсь на тощій ужинъ къ Гегіону.

УХОДИТЬ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ГЕГИОНЪ и АРИСТОФОНТЪ.

ГЕГИОНЪ.

Что можетъ быть пріятнѣе возможности вести свои дѣла ко благу общему? Удачно купилъ я этихъ плѣнниковъ! Всѣ бѣгутъ мнѣ на встрѣчу, воѣ меня поздравляютъ; руки устали отъ дружескихъ пожатій; едва могу опомниться отъ града привѣтствій. Насилу отдохнулъ у претора; прошу у него синграфъ, — синграфъ выданъ, врученъ Тивдару, и Тивдаръ отправился въ Элду. Оттуда захожу домой и потомъ къ брату, навѣстить моихъ плѣнниковъ. Спрашиваю: не знаетъ-ли кто Элейца Филократа? и вотъ (*указываетъ на Аристофонта*) нашелея ему пріятель. Я говорю ему, что Филократь у меня; онъ умоляетъ позволить ему съ нимъ повидаться, и я приказываю его освободить. — (*Аристофонту*) Ступай за мною; ты увидишь твоего друга.

Они входятъ въ домъ.

* Известный рынокъ въ Римѣ.

** Законъ преслѣдовалъ барышничество съѣстными припасами, производившее искусственную дороговизну и голодъ.

*** Съ виновнаго въ преступленіи противъ общественнаго блага взимался штрафъ, часть котораго обращалась въ пользу казны, а часть отдавалась доносчику.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТИНДАРЪ, выбѣгаетъ изъ другихъ дверей.

Теперь хотъ ложись и умирай. Нѣтъ спасенія, нѣтъ надежды! Пришелъ конецъ, — отъ бѣды не увернуться, ото жи не отелгаться, отъ хитрости не отхитриться! Все рушилось, тайна отгрыта, обманъ какъ на ладони! Сгубилъ меня этотъ Аристофонтъ; онъ меня знаетъ, онъ другъ и родственникъ Филократу. Сама богиня спасенія не можетъ спасти меня! Развѣ какая-нибудь хитрость....да поди, выдумывай! Голова идетъ кругомъ; что ли затѣвешь, все вздоръ! — Пропалъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТИНДАРЪ. ГЕГІОНЪ и АРИСТОФОНТЪ, выходятъ изъ дому-
ГЕГІОНЪ.

Куда могъ онъ уйти изъ дому?

ТИНДАРЪ.

Кончено! Врагъ близко. Что скажешь ты, Тиндаръ? Что выдумашь? Въ чемъ запрешься? Въ чемъ признаешься? Рѣшительно не знаю, что дѣлать. Лучшс-бы лишили тебя боги жизни, Аристофонтъ, нежели отечества. Ты разрушаешь весь нашъ замыселъ, и мнѣ не спасти его, если не выдумаю какой-нибудь отчаянной уловки:

ГЕГІОНЪ, Аристофону.

Поди сюда, вотъ онъ (*указываетъ на Тиндара*); можешь съ нимъ поговорить.

ТИНДАРЪ, отворачиваясь отъ Аристофонта.

Есть ли кто-нибудь несчастнѣе меня?

АРИСТОФОНТЪ.

Что это значитъ, что ты отъ меня прячешься, Тиндаръ? Что ты смотришь, какъ-будто отъ роду меня не видалъ? Теперь я, правда, такой-же невольникъ какъ и ты, но на родинѣ я былъ человѣкомъ свободнымъ, а ты невольникъ съ самаго дѣтства.

ГЕГІОНЪ.

Что тутъ удивительнаго, что онъ отъ тебя отворачивается, если ты называешь его Тиндаромъ вмѣсто Филократа.

ТИНДАРЪ.

Гегіонъ! Это сумасшедшій; его всё знаютъ въ Элидѣ. Пожалуйста, не слушай его бредней. Онъ за роднымъ отцомъ и матерью гнался однажды съ копьемъ. Лучше отойди отъ него по дальше; онъ страдаетъ болѣзнью, отъ которой отплевываются. ***

ГЕГИОНЪ.

Уведите его прочь!

АРИСТОФОНТЪ, Тиндару.

Какъ, негодяй? Такъ я по-твоему сумасшедшій? Я гнался за отцомъ и матерью съ копьемъ? Отъ меня отплевываются?

ГЕГИОНЪ.

Что-жъ такое: многіе страдаютъ этою болѣзнью, и многихъ спасали отъ нея плевки.

АРИСТОФОНТЪ.

И ты ему вѣришь?

ГЕГИОНЪ.

Въ чемъ?

АРИСТОФОНТЪ.

Что я сумасшедшій?

ТИНДАРЪ, Гегіону.

Посмотри, какъ онъ дико смотритъ. Отойди, Гегіонъ; бѣшенство его разыгрывается,—берегись.

ГЕГИОНЪ.

Самъ вижу, что онъ не въ своемъ умѣ, если называетъ тебя Тиндаромъ.

ТИНДАРЪ.

Иногда онъ забываетъ и свое собственное имя.

ГЕГИОНЪ.

А сказалъ, что вы съ нимъ друзья.

ТИНДАРЪ.

Благодарю покорно за такую дружбу: Орестъ, Алкмеонъ и Ликургъ, нѣ такіе-же друзья. **

АРИСТОФОНТЪ.

И ты осмѣливаешься клеветать на меня, мерзавецъ? я тебя не знаю?

* При видѣ больного падучею болѣзнью, плевали въ-сторону, чтобы отгнать отъ себя несчастье, или на больного, потому-что слюна считалась специфическимъ лекарствомъ отъ этого недуга.

** Эти лица часто являлись на трагической сценѣ и сдѣлались символами бѣшеннаго безумія.

ГЕГІОНЪ.

Я думаю, это ясно: Филократа ты называешь Тиндаромъ; говоришь съ однимъ, а называешь другаго.

АРИСТОФОНТЪ.

Это онъ выдаетъ себя за другаго, и отпирается отъ своего истиннаго имени.

ТИНДАРЪ.

Что и говорить! тебѣ повѣрять больше, нежели Филократу!

АРИСТОФОНТЪ.

Право, подумаешь, что ложь убѣдительнѣе истины. Взгляни мнѣ въ глаза.

ТИНДАРЪ.

Ну?

АРИСТОФОНТЪ.

Говори: ты отпираться, что ты Тиндаръ?

ТИНДАРЪ.

Я не Тиндаръ.

АРИСТОФОНТЪ.

И утверждаешь, что ты Филократъ?

ТИНДАРЪ.

Да.

АРИСТОФОНТЪ, Гегіону.

А ты ему вѣришь?

ГЕГІОНЪ.

Больше, нежели тебѣ и себѣ. Тотъ, за котораго ты его признаешь, отправился сегодня въ Элиду, къ его отцу.

АРИСТОФОНТЪ.

Къ какому отцу? какой у невольника отецъ? *

ТИНДАРЪ.

Ты самъ сдѣлался изъ свободнаго человѣка невольникомъ, и я не теряю надежды на освобожденіе, если доставлю свободу его сыну.

АРИСТОФОНТЪ.

Ты смѣешь говорить, что ты рожденъ свободнымъ?

ТИНДАРЪ.

Да, я говорю, что Филократъ рожденъ свободнымъ. **

* Слово *отца* принималось у Римлянъ больше въ смыслѣ гражданскомъ, нежели естественномъ. Права и отношенія родства существовали только между людьми свободными. Невольникъ былъ вещь, и не могъ быть ни отцомъ, ни сыномъ.

** Non equidem me liberum, sed Philocratem esse ajo. Тройная игра словъ: эта фраза можетъ значить: 1) я не говорю, что я свободенъ, но что Филократъ свободенъ 2) я не говорю, что я свободенъ, но что я Филократъ; 3) я не говорю, что я Вакхъ (*Liber*), но что я Филократъ.

АРИСТОФОНТЪ.

Что это значить? Онъ свѣтаетъ надъ тобою, Гегіонъ. Онъ невольникъ, и у него отъ-роду не бывало много невольниковъ, кромѣ себя самаго.

ТИНДАРЪ.

У тебя у самаго нѣтъ ни кола, ни двора, такъ тебѣ хочется, чтобы всѣ были на тебя похожи. Впрочемъ, удивляться тутъ нечему: нищія всегда завидуютъ богатымъ.

АРИСТОФОНТЪ.

Не вѣрь ему, Гегіонъ; это безразсудно. Онъ говоритъ, что хочетъ выкупить твоего сына, — это мнѣ что-то не нравится, — онъ замышляетъ не доброе.

ТИНДАРЪ.

Знаю, что тебѣ этого не хочется; но я освобожу его, съ помощью боговъ. Да, я возвращу Гегіону сына, а онъ возвратитъ меня отцу. Затѣмъ и посланъ туда Тиндаръ.

АРИСТОФОНТЪ.

Ты самъ Тиндаръ. Въ Элидѣ нѣтъ другаго раба Тиндара.

ТИНДАРЪ.

За чѣмъ попрекаешь ты меня невольничествомъ, въ которое свергла меня судьба войны?

АРИСТОФОНТЪ.

Это становится нестерпимо.

ТИНДАРЪ, Гегіону.

Слышишь? бѣги! Онъ пуститъ въ насъ камнемъ, если его не свяжутъ.

АРИСТОФОНТЪ, яростно.

А!

ТИНДАРЪ.

Смотри, какъ разгорѣлись у него глаза! Вели принести веревокъ; видишь, какъ пятна выступаютъ у него на лицѣ; желчь его разъигрывается.

АРИСТОФОНТЪ.

А на тебѣ разъигралась-бы смола, если бы Гегіонъ зналъ, кто ты. *

ТИНДАРЪ.

Онъ начинаетъ бредить; онъ грезитъ на-яву.

ГЕГИОНЪ.

Не велѣтъ-ли его схватить?

ТИНДАРЪ.

Разумѣется, не помѣшаетъ.

* Преступниковъ обмазывали смолою и сжигали живыми.

АРИСТОФОНТЪ, Тиндару.

Счастье твое, что нѣтъ у меня въ рукѣ камня; я разможмлъ бы тебѣ черепъ. Выдавать меня за сумасшедшаго!

ТИНДАРЪ,

Слышишь: онъ ищетъ камня.

АРИСТОФОНТЪ.

Гегіонъ, я желаю сказать тебѣ два слова на единѣ,

ГЕГИОНЪ.

Говори оттуда; я слышу.

ТИНДАРЪ, Гегіону.

Не подходи къ нему; онъ откажетъ тебѣ кося.

АРИСТОФОНТЪ.

Гегіонъ! не вѣрь ему, что я сумасшедшій, — я никогда не терялъ разсудка. Если ты боишься, вели связать меня; только вели связать и его.

ТИНДАРЪ.

Слышишь: онъ самъ проситъ связать его.

АРИСТОФОНТЪ.

Мелхи, Филократъ-самозванецъ! я докажу, что ты Тиндаръ. Что ты дѣлалъ мнѣ знаки?

ТИНДАРЪ.

Какіе я тебѣ дѣлаю знаки? (Гегіону) не подходи; не было-бы бѣды.

ГЕГИОНЪ.

А что, если я подойду?

ТИНДАРЪ.

Онъ понесетъ тебѣ такую околесицу, что въ сто лѣтъ не доберешься смысла. Будь на немъ доспѣхи, такъ вотъ тебѣ Аяксъ клянется.*

ГЕГИОНЪ.

Ничего, подойду.

ТИНДАРЪ, въ сторону.

Теперь кончено! я подъ ножами! что тутъ дѣлать?

ГЕГИОНЪ.

Говори, Аристофонтъ, если имѣешь что-нибудь сказать мнѣ. Я слушаю.

АРИСТОФОНТЪ.

Ты думаешь, что слова мои бредъ, но я говорю тебѣ истину. Разувѣрься: я не сумасшедшій, и страдаю только одною болѣзью, — работою. Да отлучишь меня царь боговъ и смертныхъ на вѣки

* Аяксъ былъ такинъ же типомъ бѣшенства и безумія, какъ Орестъ, Аяксонъ и Ликуръсъ.

отъ родины, если я говорю неправду: это такой-же Филократъ, какъ ты и я.

ГЕГИОНЪ.

А! такъ кто-же онъ?

АРИСТОФОНТЪ.

Я уже сказалъ это съ самаго начала. Если это окажется не такъ, лини меня навсегда свободы и отцовскаго дома.

ГЕГИОНЪ. Тиндару:

Что ты на это скажешь?

ТИНДАРЪ.

То, что я твой невольникъ, а ты мой господинъ.

ГЕГИОНЪ.

Я спрашиваю не о томъ. Былъ ты когда-нибудь свободнымъ?

ТИНДАРЪ.

Былъ.

АРИСТОФОНТЪ.

Неправда; онъ лжетъ.

ТИНДАРЪ.

А тебѣ почему это знать? Развѣ ты былъ повивальной бабкой у моей матери?

АРИСТОФОНТЪ.

Я зналъ тебя ребенкомъ, когда еще самъ былъ дитя.

ТИНДАРЪ.

А теперь мы съ тобою не дѣти. Не мѣшайся въ мои дѣла; развѣ я мѣшаюсь въ твои?

ГЕГИОНЪ.

Отца его зовутъ Тезаврохризоникохризидъ?

АРИСТОФОНТЪ.

Нѣтъ; въ первый разъ слышу это имя. Отца Филократа зовутъ Теодоромедъ.

ТИНДАРЪ, въ-сторону.

Теперь я погибъ безвозвратно! проклятое сердце! такъ и плыть, когда я самъ едва держусь на ногахъ отъ страха.

ГЕГИОНЪ.

Въ самомъ-дѣлѣ? Такъ онъ дѣйствительно не Филократъ, и былъ въ Элидѣ невольникомъ?

АРИСТОФОНТЪ.

Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но гдѣ же Филократъ?

ГЕГИОНЪ.

Тамъ, гдѣ мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы онъ былъ. Я обманутъ, я убитъ хитростью этого негодяя! Смотри однако-же...

АРИСТОФОНТЪ.

Я говорю не на-обумъ. Все это суцая правда.

РЕГИОНЪ.

Въ-самогъ-дѣлѣ?

АРИСТОФОНТЪ.

Ничто не можетъ быть вѣрнѣе. Я и Филократъ, мы съ самаго дѣтства были друзьями.

РЕГИОНЪ.

А каковъ онъ собою?

АРИСТОФОНТЪ.

Худошавый, бѣлый, съ острымъ носомъ и черными глазами; волосы рыжеватые и курчавые.

РЕГИОНЪ.

Такъ и есть!

ТИНДАРЪ, въ-сторону.

Завязъ по самую шею! Горе вамъ, розги, которыя будете изломаны на моей спинѣ!

РЕГИОНЪ.

Надули!

ТИНДАРЪ.

Что-же вы, цѣпи, не обнимаете ногъ монахъ? Просяте меня о защитѣ, — я васъ не выдамъ.

РЕГИОНЪ.

Негодян! сыграть этакую штуку! Выдать невольника за свободнаго, а свободнаго за невольника! Я отдалъ ядро, и оставилъ себя скорлупу орѣха. Позволить одурачить себя въ глаза! (Указывая на Тиндара.) По-крайней-мѣрѣ этотъ не будетъ надо мною смѣяться. Эй Колафъ, Кордалионъ, Кораксъ, — ремней!

ЛОРАРИЙ.

Не сходить-ли въ лѣсъ?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

РЕГИОНЪ, ТИНДАРЪ, АРИСТОФОНТЪ, НЕВОЛЬНИКИ.

РЕГИОНЪ.

Надѣть на него цѣпи!

ТИНДАРЪ.

За что? въ чемъ я провинился?

РЕГИОНЪ.

И ты еще спрашиваешь, сѣятель и жнецъ преступленій?

ТИНДАРЪ.

Почему-же и не пахарь? Земледѣльцы всегда прежде пахутъ, а потомъ сѣютъ.

ГЕГИОНЪ.

Какова смѣлость!

ТИНДАРЪ.

Невинному плѣннику бояться нечего, особенно передъ своимъ господиномъ.

ГЕГИОНЪ.

Свяжите ему по-крѣпче руки.

ТИНДАРЪ.

Я твой; пожалуй, прикажи нкѣ котъ отрубить. Но сложи, за что ты на меня гнѣваешься?

ГЕГИОНЪ.

За то, что ты разрушилъ твоими козлями всѣ мои планы, убилъ всѣ мои надежды, исторгъ у меня обманомъ Филократа. Я считалъ его за невольника, а тебя за свободного. Вы обидѣлись именами и ролями.

ТИНДАРЪ.

Да, я сознаюсь,—все это такъ, какъ ты говоришь. Онъ ушелъ отъ тебя обманомъ, благодаря моей хитрости. Неужли ты гнѣваешься на меня за это?

ГЕГИОНЪ.

Узнаешь на крестѣ.

ТИНДАРЪ.

Ничего; лишь-бы казнь была не по заслугамъ. Если я погибну, а онъ, какъ обѣщаль, не возвратится, я оставлю по себѣ память благороднаго поступка. Обо мнѣ скажутъ: онъ освободилъ плѣннаго господина своего изъ невольничества у враговъ, и возвратилъ его отцу и отечеству, принеся себя въ жертву для спасенія его жизни.

ГЕГИОНЪ.

Насладись же твоею славой въ Ахеронѣ.

ТИНДАРЪ.

Славная смерть — безсмертіе.

ГЕГИОНЪ.

Хорошо; вотъ я велю тебя прежде истязать до смерти, а тамъ, пожалуй, будь себѣ безсмертенъ.

ТИНДАРЪ.

Ты раскаяешься въ этомъ, когда возвратится Филократь; а онъ возвратится.

АРИСТОФОНТЪ, въ-сторону.

Боги безсмертные! Теперь я догадываюсь въ чемъ дѣло. Другъ мой свободенъ; онъ дома на родинѣ,—это прекрасно; но худо то, что я такъ неосторожно погубилъ вѣрнаго слугу.

ГЕГИОНЪ, Тиндару.

Не приказывалъ-ли я тебѣ говорить мнѣ правду?

ТИНДАРЪ.

Приказывалъ.

ГЕГИОНЪ.

Какъ-же ты осмѣлился солгать?

ТИНДАРЪ.

Истина погубила-бы того, кому я служилъ, а ложь спасла его.

ГЕГИОНЪ.

За то она погубить тебя.

ТИНДАРЪ.

Все равно. Я спасъ моего господина и радуюсь его спасенію. Отецъ поручилъ мнѣ сына.... Дурно-ли по твоему я поступилъ?

ГЕГИОНЪ.

Очень дурно.

ТИНДАРЪ.

А по моему, напротивъ того, очень хорошо. Подумай: если-бы твой невольникъ сослужилъ такую службу твоему сыну, не благодарилъ-бы ты его? Не отпустилъ-бы ты его на волю? Не сказалъ-бы ты: вотъ вѣрный слуга? Отвѣчай.

ГЕГИОНЪ.

Можетъ-быть.

ТИНДАРЪ.

За что же сердишься ты на меня?

ГЕГИОНЪ.

За то, что ты остался вѣренъ ему, а не мнѣ.

ТИНДАРЪ.

Какъ? ты хочешь, чтобы тотъ, кто сдѣлался невольникомъ твоимъ только со вчерашняго дня, предпочелъ тебя тому, съ кѣмъ росъ онъ съ самаго дѣтства?

ГЕГИОНЪ.

Такъ отъ него-же жди и награды. (*Невольникамъ*) Наложите на него тяжелыя цѣпи. (*Тиндару*) Тебя отведутъ въ каменоломни; другіе выламываютъ по осьми камней въ день, а ты будешь выламывать по шестнадцати, или получать по шести-сотъ розогъ.

АРИСТОФОНЪ.

Заклинаю тебя богами и смертными, Гегіонъ, не губи его!

ГЕГИОНЪ.

Напротивъ того, я приму все шѣры, чтобы сберечь его. Ночью онъ будетъ на цѣпи подъ стражей, а днемъ на работѣ подъ землей. Я буду казнить его не дни, а годы.

АРИСТОФОНТЪ.

Ты рѣшился?

ГЕГИОНЪ.

Также вѣрно, какъ то, что я умру. (*Невольникамъ*) Отведите его къ кузнецу Ипполиту, пусть надѣнетъ ему на ноги тяжелые кандалы; оттуда — за городъ въ каменоломни къ моему вольноотпущенному, Кордалу; скажите ему, что я приказалъ держать его какъ можно строже.

ТИНДАРЪ.

Я не стану просить тебя о пощадѣ. Жизнь моя въ опасности, но отнять ее у меня опасно, а послѣ смерти мнѣ болѣе нечего, и дожидаясь до глубочайшей старости, срокъ страданія будетъ все-таки не дологъ. Прощай и будь счастливъ, хотя ты и не заслуживаешь такого желанія. Ты же, Аристофонтъ, ты благоденствуй по заслугамъ: тебѣ обязанъ я моею участію.

ГЕГИОНЪ.

Ведите его.

ТИНДАРЪ.

Прошу только объ одномъ: когда возвратится Филократъ, неволь мнѣ съ нимъ повидаться.

ГЕГИОНЪ, НЕВОЛЬНИКАМЪ.

Ведите его, говорю я, или вамъ не сдобровать!

ТИНДАРЪ.

Тихе! тихе! И толкаютъ и держатъ!

Его уводятъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГЕГИОНЪ, АРИСТОФОНТЪ.

ГЕГИОНЪ.

Его посадятъ въ тюрьму; онъ этого стоить. А другимъ вѣжникамъ наука: не отваживаться на такую дерзость. Не случись Аристофонта, они провели-бы меня на чистоту. Прошу послѣ этого довѣрять людямъ; нѣтъ, — обманулъ разъ, и довольно. — Несчастный! Я мечталъ освободить сына, — мечты мои исчезли. Одного утратилъ у меня невольникъ четырехлѣтнимъ мальчикомъ, и я не могъ отыскать ни его, ни похитителя; старшій взятъ въ плѣнъ, — и вотъ я бездѣтный отецъ. — (*Аристофонту*) Поидемъ, я отведу тебя назадъ. Меня не пощадили, не пощажу-же и я никого.

АРИСТОФОНЪ.

Я проснулся въ цѣпяхъ; видно въ нихъ-же придется и заснуть.

Уходить.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Юпитерь, небесъ властитель! Ты спасаешь, ты обогащаешь,— ты угощаешь меня! Передо мною всѣ блага міра: деньги, слава, игры, веселья, пиры, праздники, торжества, подарки, обѣды, ужины и выпивки! Basta кланяться! Теперь все въ моихъ рукахъ: пріятелю ли услужить,—услужу; врага-ли погубить — погублю,— такимъ благополучіемъ надѣвль меня этотъ благополучившій въ благополучныхъ днѣхъ! Ни за что, ни про что вдругъ разбогатѣть! — Бѣгу сейчасъ къ Региону, извѣстить его о счастьи, какого ему и во снѣ не снилось. Закину плащъ за плечо, какъ невольникъ въ комедіи *, и первый принесу ему пріятную вѣсточку. Надѣюсь, что онъ сочтетъ обязанностью кормить меня за это всю жизнь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

РЕГИОНЪ, ЭРГАЗИЛЪ.

РЕГИОНЪ.

Чѣмъ больше объ этомъ думаю, тѣмъ досаднѣе становится. Какъ позволить обмануть себя такъ? Какъ не замѣтить, что они лгутъ? Весь городъ подыметъ меня на смѣхъ, когда узнаютъ. Какъ появиться на площади, гдѣ всѣ стануть говорить: «вотъ онъ, шутрый старикъ, который вѣрять всему, что ему ни скажутъ». — Не Эргазиль-ли это тамъ? Онъ закинулъ плащъ; зачѣмъ это? Эргазиль, не замѣчая Региона.

Не итъшать же, Эргазиль! За дѣло! — Прочь съ дороги, кому жизнь мила!

РЕГИОНЪ.

Онъ собирается драться.

* Невольники обыкновенно бѣгали, исполняя данныя имъ порученія, и потому являлись на сценѣ съ закинутымъ за плечо плащомъ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Прочь! Ступай, каждый своею дорогой, — здѣсь заговариваться не совѣтую. У меня кулакъ что твоя баллиста, * локоть — что катапульта, плечо — что таранъ; — подставляю ногу — съ ногу долой, подставляю руку — зубы вонь!

ГЕГИОНЪ.

Кому онъ грозить? Не могу постичь.

ЭРГАЗИЛЪ.

Кто встрѣтится со мной, тотъ встрѣтится со смертью!

ГЕГИОНЪ.

Что это онъ затѣваетъ такъ грозно?

ЭРГАЗИЛЪ.

Съ дороги, говорю я вамъ! Послѣ прошу на меня не пенять. Оставайтесь дома, или будетъ плохо!

ГЕГИОНЪ.

Дивное дѣло, какъ онъ расхрабрился; должно быть сытъ, — храбрость сидитъ у него въ брюхѣ. Жаль-же мнѣ того, кто накормилъ его до такой отваги!

ЭРГАЗИЛЪ.

Съ дороги, мельники! Сгоняйте вашихъ свиней, отъ вони которыхъ мимо мельницъ проходу нѣтъ! Попадется свинья мнѣ на встрѣчу, — я изъ васъ выколочу отруби!

ГЕГИОНЪ.

Словно преторскій эдиктъ читаетъ. — Сытъ, это вѣрно.

ЭРГАЗИЛЪ.

Съ дороги, продавцы тухлой рыбы, отъ которой народъ бѣжить изъ базилики ** на форумъ! Съ дороги, говорятъ вамъ, или я отпотчю васъ по рылу вашими плетушками, чтобы вы знали, легко-ли нюхать ихъ чужимъ носамъ! Съ дороги, мясники, продавцы столѣтнихъ ягнятъ и овецъ подозрительнаго возраста! Попадись мнѣ только кто-нибудь съ баравиной, въ порошокъ сотру!

ГЕГИОНЪ.

О, го, го! Подумаешь, эдилъ отдаетъ свои приказанія. Не слыла-ли его Этоляне, чего добраго, торговымъ приставомъ? ***

ЭРГАЗИЛЪ.

Теперь я не паразитъ, а царь превыше всѣхъ царей: — неситъ

* Баллиста и катапульта — военные машины для метанія камней; таранъ — для разбиванія стѣнъ.

** Базилики были большія зданія съ галлерейми для прогулки. Первая базилика выстроена въ Римѣ въ 568 году.

*** *Agoranomis*, чиновникъ, имѣющій надзоръ надъ съѣстными припасами.

ный транспортъ отборнѣйшей провизіи вступаетъ въ гавань моего желудка. — Однако нечего медлить; пора обрадовать Гегіона, пора пренсполнить сердце бѣднаго старика восторгомъ.

ГЕГІОНЪ.

Чѣмъ это собирается онъ меня обрадовать?

ЭРГАЗИЛЪ, сту чится въ двери къ Гегіону

Эй, кто-нибудь! Отворяйте! Проворнѣ!

ГЕГІОНЪ.

Видно пора ужинать.

ЭРГАЗИЛЪ.

Проворнѣй, говорю я! Растворайте двери настѣжъ, не то разлетятся въ щепки!

ГЕГІОНЪ, тихо.

Заговорю съ нимъ. (Громко) Эргазилъ!

ЭРГАЗИЛЪ, не оборачиваясь *.

Кто зоветъ Эргазила?

ГЕГІОНЪ.

Обрати на меня твои взоры.

ЭРГАЗИЛЪ, также.

Ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ для тебя то, что никогда не сдѣлаетъ для тебя Фортуна. Кто ты?

ГЕГІОНЪ.

Оглянись; я Гегіонъ.

ЭРГАЗИЛЪ.

А! благороднѣйшій изъ благородныхъ! Вотъ встрѣча кетати!

ГЕГІОНЪ.

Вѣрно кто-нибудь пригласилъ тебя въ гавани на ужинъ, такъ вотъ ты мною уже и брезгаешь.

ЭРГАЗИЛЪ.

Дай твою руку.

ГЕГІОНЪ.

Руку?

ЭРГАЗИЛЪ.

Да, руку. Давай же!

ГЕГІОНЪ.

На.

ЭРГАЗИЛЪ.

Радуйся.

* Огромность римскихъ театровъ и невзыскательность зрителей позволили разыгрывать подобныя сцены. Зовомый какъ-будто не узнаеть зовущаго, и отвѣчаетъ ему, не оборачиваясь.

- Чему? ГЕГИОНЪ.
- Радуйся, говорю тебе. Ну же! ЭРГАЗИЛЪ.
- Мнѣ не до веселья. ГЕГИОНЪ.
- Полно, не горюй. Я какъ рукой сяду твою гору. Радуйся! ЭРГАЗИЛЪ.
- Смыло! ГЕГИОНЪ.
- Хорошо, я радуюсь, хоть и не знаю чему. ЭРГАЗИЛЪ.
- Прекрасно. Прикажи.... ГЕГИОНЪ.
- Что? ЭРГАЗИЛЪ.
- Развести огромный огонь. ГЕГИОНЪ.
- Огромный огонь? ЭРГАЗИЛЪ.
- Да, огромный, непомерный огонь. ГЕГИОНЪ.
- Не прикажешь-ли зажечь для тебя домъ, ненасытный коршунъ? ЭРГАЗИЛЪ.
- Не сердись. — Прикажешь ты или не прикажешь приготовить скороды и посуду? Пошлешь или не пошлешь за рыбой? ГЕГИОНЪ.
- Онъ бредитъ на яву. ЭРГАЗИЛЪ.
- За свиной, бараньей и цыплятами? ГЕГИОНЪ.
- Ты, я вижу, умѣешь жить, только жаль что не начто. ЭРГАЗИЛЪ.
- За окорокомъ, семгой, мокрелью, тунцомъ, камбалой и сыркомъ? ГЕГИОНЪ.
- Тебѣ легче все это перечислить, нежели отвѣдать за мнѣ столкомъ. ЭРГАЗИЛЪ.
- Такъ ты думаешь, что я все это для себя? ГЕГИОНЪ.
- Разочаруйся, пожалуйста: голоденъ ты у меня не будешь, но

и лишнего не найдемъ. Ко мнѣ прошу являться съ обыкновеннымъ аппетитомъ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Мнѣ стоить сказать слово, такъ ты самъ раскошелишься.

ГЕГИОНЪ.

Я?

ЭРГАЗИЛЪ.

Да, ты.

ГЕГИОНЪ.

Что-ли ты мнѣ, господинъ, что-ли?

ЭРГАЗИЛЪ.

И благодарствуй. Хочешь, я тебя ошастливлю?

ГЕГИОНЪ.

Пожалуйста не погуби.

ЭРГАЗИЛЪ.

Дай руку.

ГЕГИОНЪ.

Ниволь.

ЭРГАЗИЛЪ.

Да благословятъ тебя боги!

ГЕГИОНЪ.

Ровно ничего не понимаю.

ЭРГАЗИЛЪ.

Вели приготовить чистые сосуды, и привести откормленнаго агненка.

ГЕГИОНЪ.

Зачѣмъ?

ЭРГАЗИЛЪ.

Для жертвоприношенія.

ГЕГИОНЪ.

Какому богу?

ЭРГАЗИЛЪ.

Мнѣ! Я твой Юпитерь, я твой Свѣтъ, твоя Фортуна и Радость, твое Веселье и Благоденствіе. Меня долженъ ты умилостивить тучными жертвами и возліяніемъ.

ГЕГИОНЪ.

Ты сильно, кажется, проголодался.

ЭРГАЗИЛЪ.

Мнѣ это вовсе не кажется.

ГЕГИОНЪ.

Не спорю. Я сговорчивъ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Вѣри, — привычка съ дѣтскихъ лѣтъ.

ГЕГИОНЪ.

Да сразить тебя Юпитерь!

ЭРГАЗИЛЪ.

Да сразить онъ тебя! А мнѣ ты долженъ сказать спасибо за добрую вѣсточку: я принесъ тебѣ изъ гавани цѣлый коробъ счастья. — Я ужинаю у тебя.

ГЕГИОНЪ.

Поди прочь, шутъ! ты опоздалъ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Ты могъ-бы это сказать, если-бы я пришелъ раньше; теперь ты долженъ выслушать радостное извѣстie: я сію минуту видѣлъ въ гавани, на кораблѣ, сына твоего Филополема. Онъ живъ и здоровъ; съ нимъ пріѣхалъ твой плѣнный Элеецъ, и невольникъ твой Сталагимъ, укравшій у тебя меньшаго сына.

ГЕГИОНЪ.

Проподи ты, негодяй! Ты издѣваешься надо мною.

ЭРГАЗИЛЪ.

Да избересть меня въ свои жрецы богиня Діета, если я не видѣлъ *....

ГЕГИОНЪ.

Моего сына?

ЭРГАЗИЛЪ.

И моего генія-хранителя.

ГЕГИОНЪ.

Съ плѣннымъ Элейцемъ?

ЭРГАЗИЛЪ.

Да, клянусь Аполлономъ!

ГЕГИОНЪ.

И съ Сталагимомъ, укравшимъ моего сына?

ЭРГАЗИЛЪ.

Да, клянусь Корою!

ГЕГИОНЪ.

И ты видѣлъ ихъ теперь?

ЭРГАЗИЛЪ.

Клянусь Пренестой!

ГЕГИОНЪ.

Онъ пріѣхалъ!

* Въ подлинникѣ Эргазилъ клянется богиней Довольства, Сытости: *Na me amabil sancta Saturitas, et.* Отрицательная форма русской фразы требуетъ, чтобы онъ клялся богиней Діетой или, если угодно, богиней Голода.

Клянусь Сигнией!

ЭРГАЗИЛЪ.

Точно-ли?

РЕГИОНЪ.

Клянусь Фрузинономъ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Хорошо-ли ты разглядѣлъ?

РЕГИОНЪ.

Клянусь Алатріей!

ЭРГАЗИЛЪ.

Да что ты клянешься варварскими городами *?

РЕГИОНЪ.

Затѣмъ, что они также неудобоваримы, какъ твой ужинъ, по твоимъ словамъ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Шутъ!

РЕГИОНЪ.

Ты мнѣ не вѣришь, а я говорю тебѣ по совѣсти. — Кстати: какою націе былъ Сталагмъ?

ЭРГАЗИЛЪ.

Сициліянецъ.

РЕГИОНЪ.

А теперь онъ Галлъ: щеголяетъ въ ошейникъ **.

ЭРГАЗИЛЪ.

Скажи, ты меня не обманываешь?

РЕГИОНЪ.

Нѣтъ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Боги безсмертны! Я начинаю новую жизнь, если это правда.

РЕГИОНЪ.

ЭРГАЗИЛЪ.

Неужели ты еще сомнѣваешься, послѣ всѣхъ моихъ клятвъ? Ступай въ гавань, посмотри самъ.

РЕГИОНЪ.

Конечно, конечно пойду. А ты распорядись, пожалуйста, по

* Всѣ эти города находились въ Италіи, а для Грековъ все, находившееся внѣ Греціи, было варварское. Впрочемъ, это слово не имѣло того значенія, какое имѣетъ оно у насъ: варварское значило: чужеземное, иностранное.

** Непереводимая игра словъ: *Bojus est, Bojam terit*, — «Онъ Бойецъ, бьетъ ошейникъ», — или: «онъ Бойецъ, женатъ на Бойлкѣ».

хозяйству. Требуи, бери, приказывай, что хочешь; я дѣлаю тебя моимъ дворецкимъ.

ЭРГАЗИМЪ.

Отколоти меня палкой, если я совралъ.

ГЕГИОНЪ.

Я задамъ тебѣ безконечный пиръ, если ты сказалъ правду.

ЭРГАЗИМЪ.

У кого?

ГЕГИОНЪ.

У меня и моего сына.

ЭРГАЗИМЪ.

Честное слово?

ГЕГИОНЪ.

Честное слово.

ЭРГАЗИМЪ.

Такъ и сынъ твой, честное слово, возвратился.

ГЕГИОНЪ.

Приготовь все какъ слѣдуетъ.

Уходитъ.

ЭРГАЗИМЪ.

Счастливо воротиться.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ:

ЭРГАЗИМЪ, одинъ:

Онъ поручилъ мнѣ распорядиться по хозяйству! Боги бессмертные! сколько искрошу я свиныхъ тушъ! Сколько истреблю я окороковъ! Какъ разражусь я надъ ветчиной и бужениной! Какой работы задамъ я мясникамъ и колбасникамъ!—Да что! всего въ три дни не перечесть! Надо не теряя времени вступить въ должность: сперва учню судъ и расправу надъ ветчиной, а потомъ поспѣшу на помощь невинно повѣшеннымъ окорокамъ.

Онъ входитъ въ домъ Гегиона.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МАЛЬЧИКЪ ГЕГИОНА, выходящій изъ дому.

Истреби тебя Юпитеръ со всеми твоими паразитами, и всѣхъ, кто ихъ кормитъ! Этотъ Эргазимъ разразился надъ нашимъ домомъ какъ кара небесная. Ни дать ни взять голодный волкъ;

дрова, а думалъ, гуня мѣдъ и разтерзаны; зубами-щелкасть, такъ что морозъ по кожѣ подираетъ. Въ кладовой все въ одну минуту стало вверхъ дномъ. Схватилъ ножъ, и разомъ у трехъ тушъ отхватилъ языкъ. — перебилъ всю посуду, которая помалаче чотверка. — Къ цезарю приотказъ, мадам-ли готовить вино въ бочкахъ? Разбилъ все погреба, обшарилъ всѣ шкафы. — Прощайте за нимъ, невольники, а я схожу къ Гегіону. Надо ему сказать, чтобы сдѣлалъ новый запасъ, если намѣренъ питаться. Что касается до стараго, такъ отъ него конечно не останется ни крошечки. — Да, вреднѣе уже и теперь есть что-нибудь.

Уходитъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ГЕГИОНЪ, ФИЛОПОЛЕМЪ, ФИЛОКРАТЪ, СТАЛАГМЪ въ цѣпяхъ.
Невольники.

ГЕГИОНЪ, Филополему.

Благодареніе Юпитеру и богамъ! Наконецъ они возвращаютъ тебя отцу, прекращаютъ скорбь, которую я испытывалъ во время твоего отсутствія, и передаютъ мнѣ въ руки моего невольника. Филократъ сдержалъ свое слово. Довольно вытерпѣлъ я горя, довольно пролилъ слезъ!

ФИЛОПОЛЕМЪ.

Ты уже высказалъ мнѣ твое горе. Займемся дѣломъ.

ФИЛОКРАТЪ.

Я сдержалъ мое слово. Я возвратилъ тебѣ сына. Чтò мнѣ за это?

ГЕГИОНЪ.

Я ничѣмъ не могу отблагодарить тебя за эту услугу.

ФИЛОПОЛЕМЪ.

Можешь, отецъ мой, также какъ и я. Боги дадутъ намъ возможность воздать ему по заслугамъ. Ты можешь вознаграждать его.

ГЕГИОНЪ, Филократу.

Чтò тутъ много говорить! Требуй, я ни въ чемъ тебѣ не откажу.

ФИЛОКРАТЪ.

Возврати мнѣ моего невольника; онъ остался у тебя заложни-

комъ, — онъ всегда готовъ быть жертвовать собою для меня, я хочу наградить его за преданность.

ГЕГИОНЪ.

Изволь, я готовъ исполнить твою просьбу, также какъ и всякую другую; только не сердись на меня, что въ минуту гнѣва я поступилъ съ нимъ довольно жестоко.

ФИЛОКРАТЬ.

Что ты ему сдѣлалъ?

ГЕГИОНЪ.

Я велѣлъ его сковать и отослалъ въ каменоломни, узнавши, что меня обманулъ.

ФИЛОКРАТЬ.

Увы! честный человѣкъ пострадалъ ради моего спасенія!

ГЕГИОНЪ.

Зато я не возьму съ тебя за него ни гроша. Отпускаю его даромъ.

ФИЛОКРАТЬ.

Клянусь Поллуксомъ, ты великодушный человѣкъ! Вели-же его позвать.

ГЕГИОНЪ.

Изволь. — Эй, кто-нибудь! Сюю минуту привести сюда Тигдара. — (*Филополему и Филократу*) Войдите; я между-тѣмъ распрошу у этой статуи, изсѣченной плетью (*указываетъ на Сталагма*), что случилось съ меньшимъ моимъ сыномъ. Вы покажите выкупайтесь.

ФИЛОПОЛЕМЪ.

Пойдемъ, Филократъ.

ФИЛОКРАТЬ.

Иду.

Они уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ГЕГИОНЪ и СТАЛАГМЪ.

ГЕГИОНЪ.

Ну, подойди-ка сюда, добрая душа, другъ мой любезный.

СТАЛАГМЪ.

Что-же остается мнѣ, если такой человѣкъ какъ ты говорить неправду? Я не былъ и не буду ни доброй душой, ни твоимъ другомъ. Напрасно льстишь себя пустою надеждой.

ГЕГИОНЪ.

Надѣюсь, ты понимаешь свое положеніе. Будь откровененъ, и участь твоя сдѣлается нѣсколько легче. Говори правду.... впрочемъ, до-сихъ-поръ этого за тобою не водилось.

СТАЛАГМЪ.

Не думаешь-ли ты, что я этого устыжусь?

ГЕГИОНЪ.

Я заставляю тебя устыдиться: ты у меня покраснѣешь съ головы до ногъ.

СТАЛАГМЪ.

Нашелъ кого страшать! Не новичокъ я тебѣ дался. Оставь это и говори дѣло, если хочешь узнать что-нибудь.

ГЕГИОНЪ.

Ты, я вижу, тароватъ на слова, — однако совѣтую поудержаться.

СТАЛАГМЪ.

Какъ хочешь.

ГЕГИОНЪ, въ-сторону.

Онъ былъ послушный ребенокъ; теперь не то. (*Громко.*) Слушай, что я тебя спрошу, и отвѣчай мнѣ обстоятельно; правда можетъ улучшить твою участь.

СТАЛАГМЪ.

Пустое! Будто я не знаю, что заслужилъ!

ГЕГИОНЪ.

Однако ты можешь избавиться отъ части наказанія.

СТАЛАГМЪ.

Да, отъ частички. На мою долю приходится много: я бѣжалъ, я укралъ и продалъ твоего сына.

ГЕГИОНЪ.

Кому?

СТАЛАГМЪ.

Элейцу Теодоромеду Полиплузію, за шесть минъ.

ГЕГИОНЪ.

Богъ безсмертные! Отцу Филократа!

СТАЛАГМЪ.

Я знаю его лучше тебя; я видѣлъ его чаще, нежели тебя.

ГЕГИОНЪ.

Спаси, Юпитеръ, меня и моего сына! — Филократъ! Заклинаю тебя твоимъ геніемъ, иди сюда!

ДВАНЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ГЕГІОНЪ, СТАЛАГМЪ и ФИЛОКРАТЪ.

ФИЛОКРАТЪ.

Что тебѣ, Гегіонъ? Приказывай.

ГЕГІОНЪ.

Вотъ онъ говоритъ, что продалъ моего сына отцу твоему за шесть мнѣ.

ФИЛОКРАТЪ.

Дешево-ли?

СТАЛАГМЪ.

Пошелъ двадцатый годъ.

ФИЛОКРАТЪ.

Онъ лжетъ.

СТАЛАГМЪ.

Или ты лжешь. Помнишь, отецъ твой подарилъ тебѣ ребенка; тебѣ и ему было тогда четыре года.

ФИЛОКРАТЪ.

Какъ звали его? Если ты говоришь правду, скажи.

СТАЛАГМЪ.

Пегіонъ. Вы называли его Тиндаромъ.

ФИЛОКРАТЪ.

Отъ чего-же я тебя не узнаю?

СТАЛАГМЪ.

Оттого, что люди забываютъ тѣхъ, въ комъ не имѣютъ нужды.

ФИЛОКРАТЪ.

Скажи еще: тотъ-ли самый былъ подаренъ мнѣ, котораго ты продалъ отцу?

СТАЛАГМЪ.

Тотъ самый, сынъ Гегіона.

ГЕГІОНЪ.

Живъ онъ еще?

СТАЛАГМЪ.

Не знаю. Я получилъ деньги, а до остальнаго мнѣ нѣтъ дѣла.

ГЕГІОНЪ, Филократу.

Что ты на это скажешь?

ФИЛОКРАТЪ.

То, что по всему этому сыномъ твоимъ оказывается Тиндаръ. Мы съ нимъ вмѣстѣ воспитывались и выросли.

ГЕГІОНЪ.

Я счастливъ и несчастливъ, если это такъ! несчастливъ тѣмъ,

что казнил родного сына. Горько подумать, что я поступилъ съ нимъ такъ несправедливо, — о, зачѣмъ промедлилъ не въ но-сіи власти! — (*Увидѣвши Тиндара*) Вотъ онъ, въ цѣпяхъ, неза-служенныхъ его доблестью.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ГЕГИОНЪ, ФИЛОКРАТЬ, СТАЛАГМЪ и ТИНДАРЪ.

ТИНДАРЪ.

Я видѣлъ много картинъ, изображающихъ казни Ахерона; но-что онѣ въ сравненіи съ этой каменоломней, гдѣ нѣтъ конца труду и отдыха тѣлу! Мнѣ дали игрушку какъ ребенку какого-нибудь патриція: мнѣ даютъ для забавы галокъ, утокъ, перепелокъ, — мнѣ дали позабавиться вотъ этимъ удодамъ (*показыва-етъ кирку, которою выламываютъ камни*). А! вотъ мой го-сподень, — и другой: онъ воротился изъ Эллады.

ГЕГИОНЪ.

Здравствуй, сынъ мой!

ТИНДАРЪ.

Сынъ? — А, я знаю, почему ты зовешь меня сыномъ: ты даль-нѣ увидѣть свѣтъ.

ФИЛОКРАТЬ.

Здравствуй, Тиндаръ!

ТИНДАРЪ.

Будь здоровъ и ты, за котораго я страдаю.

ФИЛОКРАТЬ.

Ты свободенъ и богатъ, Тиндаръ. Вотъ твой отецъ. Вотъ неволь-никъ, который управляетъ тебѣ, когда тебѣ было четыре года, и продалъ моему отцу за шесть микъ. Ты былъ подаренъ мнѣ отцомъ. (*Указывая на Сталагма*) Мы привезли его изъ Эллады, и онъ все открылъ.

ТИНДАРЪ, указывая на Гегіона.

А его сынъ?

ФИЛОКРАТЬ.

Братъ твой тамъ, въ домѣ.

ТИНДАРЪ.

Что ты говоришь? ты привелъ его?

ФИЛОКРАТЬ.

Да, онъ тамъ.

ТИНДАРЪ.

Ты поступилъ благородно.

ФИЛОКРАТЪ.

Вотъ отецъ твой.— Вотъ воръ, укравшій тебя ребенкомъ.

ТИНДАРЪ.

А я предамъ взрослога палачу.

ФИЛОКРАТЪ.

И по дѣломъ.

ТИНДАРЪ.

Да, я не останусь у него въ долгу. (Гегіону) Такъ ты мой?

ГЕГИОНЪ.

Сынъ мой!

ТИНДАРЪ.

Теперь только припоминаю я... какъ снвозь сонъ,— да, ствнительно.... отца моего звали Гегіономъ.

ГЕГИОНЪ.

Это я.

ФИЛОКРАТЪ.

Вели-же сять съ него цѣни и наложить ихъ на похитит

ГЕГИОНЪ.

Да, да. Войдемъ. Я велю позвать кузнеца, и подарю эти ему (указываетъ на Сталагма).

СТАЛАГМЪ.

Для нищаго и то прибыль.

ГРУППА.

Зрители! Въ этой пьесѣ чистые нравы. Въ ней нѣтъ ни бовной интриги, ни безстыдныхъ ласкъ, ни подмѣна дѣтат кражи денегъ, ни юноши, втайнѣ отъ отца выкупающаго любовницу. Поэты рѣдко сочиняютъ такія комедіи, которы рошаго человѣка научаютъ дѣлаться еще лучшимъ. Априйте, если вы не скучали, цѣнители скромной доблести!

А. КРОНЕВЕРТЪ.

=

РИШЛІЕ

И ЕГО ПЛЕМЯНИЦА.

=

РАЗСКАЗЪ П. ДЕ-НЮССЕ.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

I.

Директоръ театра, будучи предувѣдомлень, что дворъ намѣревается присутствовать при его представленіи, сталъ хлопотать, чтобъ все было достойно такихъ высокихъ особъ.

Свѣчей въ люстры и канделябры вставили вдвое больше обыкновеннаго, и вмѣсто одного приставили двоихъ людей съ щипцами для поддержанія яркаго свѣту. Лавки, поставленныя съ обѣихъ сторонъ сцены и приготовленныя для семнадцати придворныхъ особъ, были отдѣланы заново.

Всѣмъ хотѣлось сидѣть на этихъ лавкахъ, потому-что на особъ, занимавшихъ мѣста эти, смотрѣли какъ на самихъ актеровъ. Между-тѣмъ, сидящіе въ ложахъ пользовались нѣкоторыми выгодами; самая темнота способствовала очарованію зрителя; кому же, дамы были оттуда виднѣе, и глаза, привыкая скоро къ полу-свѣту, могли безъ труда рассмотреть всѣ находящіяся въ залѣ лица. Такимъ образомъ, послѣднія пользовались лучшею пер-

спективом, и звали по-крайней-мѣрѣ, что дѣлалось между зрителями, между-тѣмъ какъ для сидящихъ подлѣ сцены, исключая актеровъ, почти ничего не было видно.

Испанскій посланникъ утромъ того дня послалъ разставить кресла въ ложѣ своей.

Съ трехъ часовъ по полудни партеръ и ложи были заняты; дворъ тоже скоро пріѣхалъ.

Экшпажей и лакеевъ была бездна; давно не было такого большаго сѣзда.

Герцогиня де-Шеврѣзъ сидѣла въ первомъ ярусѣ съ мадамъ де-Монбазонъ, своей мачихою, и мадамъ де-Геменѣ, невѣсткою.

Не было никакого сомнѣнія, что во всемъ театрѣ не было роскошнѣе этой ложи, потому-что у трехъ особъ этихъ не было соперницъ ни въ здоровьи, ни въ свѣжести, ни въ красотѣ.

Подлѣ нихъ сидѣла принцесса де-Кондѣ, сестра графа де-Монморанси, съ маркизою де-Рамбуліе. Далѣ виконтесса д'Оши, держа въ одной рукѣ карандашъ, а въ другой комедію, которую должны были играть, отличалась позою ученой женщины; ей хотѣлось дать замѣтить, что она дѣлаетъ своего рода отмѣтки. Голова д'Эфіа выставилась изъ окошечка аванъ-сцены, и взоръ его искалъ герцогиню де-Шеврѣзъ.

Ровно въ четыре часа послышались три удара, и представленіе началось.

Играли «Мелиту», комедію молодаго Корнеля, новаго писателя, на котораго имѣли большія надежды. Публика очень любила эту пьесу и потому на нее было обращено все вниманье.

Къ-несчастью пошелъ дождь, и падая на крышу, производилъ такой шумъ, что заглушала голоса актеровъ.

Дождевыя капли капали сквозь дурно сколоченныя доски и превратились въ струю, которая потекла по партеру и принудила актеровъ остановить на минуту представленіе.

Исключая маленькой этой непріятности, пьеса шла какъ нельзя лучше. Послѣ Корнелевой «Мелиты», Жоделѣ, съ напудренными мукою лицомъ представлялъ разные балаганныя фарсы. Для зрителей это было удобное время разговаривать между собою и дѣлать другъ другу визиты. Позади герцогини де-Шеврѣзъ оставались пустыя кресла; Пюилюрапъ завладѣлъ ими. Только успѣлъ онъ сѣсть, какъ въ ложу вошли д'Эфіа и испанскій посланникъ. Послали за креслами для Мирабеля.

д'Эфіа, голова котораго была занята порученіемъ кардинала, бѣсился на всѣ эти церемоніи.

Такъ какъ Пюйлоранъ былъ не въ милости при дворѣ, и какъ маршалу хотѣлось вымѣстить на немъ свою досаду, то онъ, обратясь къ молодому человѣку, спросилъ отрывисто, почему онъ не въ Орлеанѣ?

— Потому, отвѣчалъ де-л'Ажъ, что до отъѣзда мнѣ надо еще проучить нѣкоторыхъ невѣждъ.

— Я вижу здѣсь, сказала Мирабель, три пары глазъ, изъ которыхъ достаточно одной, чтобы удержать Пюйлорана, не смотря на всѣ возможныя опасности.

— И въ этихъ трехъ парахъ, вскричалъ д'Эфиа, находится одна, для которой я поѣхалъ-бы въ Китай, если-бъ только владѣтельница глазъ этихъ приказала.

— А можно ли узнать, спросила красавица Монбазонъ, для которой изъ васъ вы предприняли-бы такое дальнее путешествіе?

— Вѣрно не для меня, сказала княгиня де-Гемевѣ. Маршалъ очень хорошо знаетъ, что я не пошлю его никуда, даже въ Бисетръ.

— Тутъ не можетъ быть тайны, продолжалъ д'Эфиа; всѣ видятъ, что сердце мое насквозь проколото чудными глазами герцогини де-Шеврѣвъ.

— А до какаго мѣста вы поѣхали-бы для меня? спросила мадамъ де Монбазонъ.

— До Японскихъ острововъ, маркиза, и тотчасъ-же по возвращеніи изъ Китая.

— Такъ поѣзжайте лучше къ перуанскимъ рудникамъ, сказала сѣтась княгиня де-Гемевѣ.

Слухи носились, будто мадамъ де-Монбазонъ раззоряла своихъ обожателей.

— Не слишкомъ хвастайтесь своею преданностью; потому-что я въ-самомъ-дѣлѣ могу послать васъ въ Китай и навсегда тамъ оставить.

— Господи! вскричалъ д'Эфиа, неужели я никогда не подвигнусь впередъ? Неужели пять лѣтъ постоянной и молчаливой любви, судьба всего міра, самыя обширныя, высокія предпріятія, собственное ваше благополучіе и прочность будущности вашей не могутъ тронуть вашего каменнаго сердца?

— Да, не могутъ, отвѣчала герцогиня; вы забываете, что не-мелкіе важныя отношенія останавливаютъ обширныя ваши предпріятія. Вы забываете то-же, чья кровь течетъ въ нашихъ жилахъ, что покрываетъ нашу голову, и кто таковы наши отецъ, братъ и мужъ.

— А вы забываете, какова у насъ голова, продолжалъ д'Эоіа, забываете то-же, на что способна, когда доведутъ ее до отчаянія, такая душа какъ наша. Послушайте, герцогиня, будете хорошими друзьями, и позвольте надѣяться, что вы когда-нибудь смягчитесь.

— Очень рада, если любовь въ безуміи своемъ подаетъ вамъ эту надежду; но царское сердце, однажды закрытое вновь не открывается.

— Думайте о томъ, что говорите, герцогиня, вскричалъ Мирабель, вы слишкомъ далеко зашли; что-же до васъ касается, маршалъ, то для чести покровителей вашихъ я желаю, чтобъ любовь ваша, столь молчаливая и столь постоянная, довела васъ до самой опасной дерзости.

— Понимаете вы, что все это значить? спросила красавица Монбазонъ.

— Посланникъ гораздо повѣдливѣе васъ съ вами, отвѣчала мадамъ де-Гемендъ.

— Потому-что меня больше вашего занимаетъ разговоръ носъ д'Эоіа, и что мнѣ надо хорошо понимать его. Развѣ мы не знаемъ, что высокія предпріятія принадлежать не ему, и что между судьбой Европы и мнимой страстью его къ герцогинѣ нѣтъ ничего общаго?

— Тайна ваша открыта, сказалъ Пюйморанъ, обращаясь къ д'Эоіа.

д'Эоіа былъ пораженъ такою провнцательностью; онъ хотѣлъ всѣхъ обмануть и заставить думать, что шутилъ; но Мирабель принялъ самый серьезный видъ.

Прощаясь съ герцогиней, посланникъ поцѣловалъ ей руку и сказалъ:

— Я увѣренъ, что отвѣты ваши всегда будутъ достойны особы, которую вы представляете, и той крови, о которой сейчасъ говорили. Между-тѣмъ, если дѣло дойдетъ до угрозъ, то помните, что я отгадаю загадку, и что весь міръ возстанетъ, если я займусь только.

Де Мирабель, сказавъ еще нѣсколько комплиментовъ дамамъ, вышелъ изъ ложи не поклонясь д'Эоіа.

При выходѣ изъ театра, Пюйморанъ увидѣлъ въ толпѣ, въ двухъ шагахъ отъ себя Пистоля и его двухъ товарищей.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ строгимъ голосомъ.

— Я слышалъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ атаманъ, что по-славо за испанскими гайдуками, потому-что тутъ будетъ схватка;

а во этому случаю я и являю; неравно и вамъ предстоитъ ка-
кая-нибудь опасность. Сейчасъ увидите, что я говорю правду.

Въ ту же самую минуту, д'Эфіа, пріѣхавшій въ кардинальскую
жилищу, потребовалъ людей своихъ, которые закричали:

— Посторои́тесь, дайте проѣхать кардинальской каретѣ.

— Карету испанскаго посланника! закричали люди Мирабеля.

Объ кареты подѣхавъ вмѣстѣ сѣѣшлись, и въ суматохѣ этой
одна изъ лакееевъ Мирабеля, хотя никто его не трогалъ, закричалъ:
«Рѣзутъ! давятъ!» Шестъ гайдуковъ поспѣшили къ нему во по-
нощи и съ яростію напали на кардинальскихъ слугъ. Трое ла-
кееевъ министра были ранены, и карета его принуждена была
уступить посланнической. Д'Эфіа выходилъ изъ себя отъ бѣшен-
ства.

— Объ этомъ вѣрво стануть говорить, сказалъ онъ.

— Если король спроситъ, отвѣчалъ Мирабель, то я объясню
ему все какъ было.

Дамы разлетѣлись какъ стая испуганныхъ птицъ; нѣвыя воз-
вратились въ залу, а нѣвыя выскочили на улицу и побѣжали ку-
да глаза глядятъ; мужчины же, услыхавъ стукъ оружія, выхва-
тили шпаги, сами не зная, что съ ними дѣлать.

Наконецъ д'Эфіа сѣлъ въ карету, и увидавъ Пюйлорана, обра-
тилъ весь гнѣвъ свой на молодаго человека.

— А! Пюйлоранъ! вскричалъ онъ: бунтовщикъ! возмутитель!
бейте! рѣжьте его! Кардиналь разрѣшитъ васъ.

Тотчасъ же собралась толпа, составленная изъ людей, ищущихъ
только случая оказывать всевозможныя услуги.

Бандиты стали между толпой и де-л'Ажемъ и такъ бойко,
такъ храбро защищались, что пылъ искателей счастья очень за-
мѣтно поубавился.

Пюйлоранъ прошелъ мимо нихъ, держа шпагу къ верху; ко-
поть его, съ факеломъ въ рукахъ слѣдовалъ за нимъ.

Дойдя до угла улицы, они увидѣли герцогиню, которая, стоя
по колѣна въ грязи, хохотала отъ всего сердца. Пюйлоранъ отъ-
вскзалъ ея карету, посадилъ, и самъ съ нею сѣлъ. Трое гайду-
ковъ бросились на лошадей герцогини и они уѣхали безъ даль-
нѣйшихъ приключеній.

Вечеромъ, около осьми часовъ, испанскій посланникъ пріѣхалъ
къ герцогинѣ и сказалъ:

— Дѣла ваши хорошо идутъ. Въдъ кутерьму эту я надѣлалъ
и ногу подвостаться, что ловко навязался на сеору. Д'Эфіа не-
премѣнно ставеть жаловаться; это дойдетъ до короля, меня бу-

дуть спрашивать зачѣмъ завелъ я такой шумъ, а я стану молчать и дамъ понять, что честь королевы не позволяетъ объяснить дѣла. Король будетъ настаивать, тогда я, послѣ долгихъ просьбъ и убѣжденій, потребую особенной аудіенціи и объявлю его величеству всѣ интриги министра, любовь его и дерзкіе замыслы. Если кардиналъ вывернется изъ этого дѣла, то я стану считать его за самаго изворотливаго человѣка.

Онъ и въ-самомъ-дѣлѣ былъ таковъ и больше еще, чѣмъ воображалъ Мирабель.

Пока у герцогини де-Шеврѣзъ ужинали и пили за скорое паденіе кардинала, Ришліе, предупрежденный д'Эфіа, сидѣлъ уже у жороля. Не знаютъ какимъ образомъ выпутался онъ изъ бѣды, но черезъ сутки надъ головами враговъ его разразился страшный громъ. Оберъ-церемоніймейстеръ пріѣхалъ объявить испанскому посланнику въ формахъ, допускаемыхъ этикетомъ, запрещеніе являться ко двору безъ приглашенія, королеву Марію сослали въ замокъ Компьенъ; герцогиня де Шеврѣзъ получила приказъ удалиться къ себѣ въ Дампьеръ, а Пюйлорана предупредили, что если онъ не вернется въ Орлеанъ, то несмотря на пропускной листъ, его засадятъ куда нибудь. Чтѣ-же касается до несчастной Анны Австрійской, то она скоро замѣтила какъ далеко кардиналъ простиралъ свою дерзость и презрѣніе къ ней, потому-что не переставалъ преслѣдовать ее своими любезностями.

Пюйлоранъ выѣхалъ изъ Парижа.

Проѣзжая верхомъ по Адской улицѣ (rue d'Enfer), онъ встрѣтилъ совершенно новую карету, запряженную чудесною шестернюю.

Карета эта остановилась, и изъ окна выставилось худое лицо Лопеса.

— Если бъ вы захотѣли быть поблагоразумнѣе, маркизь, сказалъ онъ, то вмѣсто того, чтобы ѣхать искать себѣ, за тридцать лѣтъ, пристанища, гдѣ не найдете покою, вы ѣхали-бы теперь въ такомъ-же спокойномъ экипажѣ. Кардиналъ сдѣлалъ меня своимъ казначеемъ и назначилъ государственнымъ совѣтникомъ.

— Если бъ онъ сдѣлалъ тебя губернаторомъ, то и тогда бы ты остался негодаемъ.

— Ну, если бъ вы могли еще ибавиться своей участію! продолжалъ Лопесъ. Но вспомните мое слово, что когда нибудь, а вы всё-таки будете наблюдателемъ и признаннымъ шпиономъ его

высочества; кардиналъ вбилъ себѣ это въ голову, и непремѣнно поставитъ на своемъ.

— Если-бъ ты шелъ пѣшкомъ, то я ударилъ-бы по спицѣ тростью государственнаго совѣтника.

— Вотъ чтó значитъ, продолжалъ Мавръ, не отвѣчая де л'А-жу, служить кардиналу охотно, и находить въ томъ собственное удовольствіе! Ѣздишь въ спокойной каретѣ и смѣешься надъ всѣми ударами, даже надъ ударами тростью. Вы прїѣдете туда же куда и я, только сквозь тысячу опасностей. И потому, я неведля выбралъ кратчайшую дорогу. Прощайте; вы знаете, что должны мнѣ сто эку.

— погоди, я сейчасъ заплачу тебѣ.

— Не хочу. Я за ними пришлю наканунѣ вашего ареста. Прощайте, маркизь, желаю вамъ счастливаго пути.

Сказавъ это, Абенсерахъ закричалъ кучеру ѣхать и карета исчезла съ быстротою молніи.

Такимъ образомъ кончилась первая интрига Пюйлорана.

Если кто хочетъ смотрѣть на эти усилія великодушной и дѣлательной юности, какъ на мелкія, ничтожныя интриги, тотъ весьма ошибется. Это были вѣрные порывы къ чему-то лучшему, къ чему-то благородному, желаніе уничтожить злоупотребленія и ввести правду на бѣлый свѣтъ. Разумѣется, что къ этимъ интригамъ примѣшивалось тоже и честолюбіе, но его можно извинить, принявъ въ соображеніе всѣ опасности, которымъ подвергался недовольные и несчастный конецъ ихъ; всѣ они, за такую необдуманность, заплатились жизнью. Ктому жъ, лезть и низость открывали тогда во Франціи такую широкую и легкую дорогу, что нельзя было не имѣть нѣкоторой благодарности къ молодымъ людямъ, желавшимъ идти по другому, болѣе опасному пути.

Эта первая неудача была такъ жестока для бѣднаго Пюйлорана, и дотого уничтожила его, что увиженная гордость не дозволяла больше внимать разсудку. Онъ считалъ за стыдъ довольствоваться этой несчастной попыткой и не хотѣлъ показать, будто боится неровной борьбы. Пюйлорану стало досадно, онъ хотѣлъ поставить на-своемъ, и придавая болѣе величія своимъ предпріятіямъ, рѣшился впоследствии вести умнѣе дѣла свои.

Пюйлоранъ слишкомъ хорошо зналъ, какъ была вѣтрена герцогиня де-Шеврѣзъ, чтобъ привязаться къ ней серьезно, а между-тѣмъ, когда на другой день прїѣзда своего въ Орлеанъ, получилъ письмо отъ Морѣ, который увѣдомлялъ его, что герцогиня начи-

наеть забывать его и возвращается къ Шатоньеру, онъ догорчилъ, какъ-будто бы вовсе не ожидалъ такого извѣстiя.

Покинутый чичисбей считается такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, что о немъ говорятъ какъ о погодѣ; а между-тѣмъ для того, покинуть, такое несчастье не можетъ сравниться ни съ чѣмъ въ свѣтѣ. Конюху Феролесу, записывающему вздохи господина своего, досталось-бы много дѣла, если бы онъ былъ немъ въ эту минуту. Къ-счастью еще, что вихрь происшедшаго неумышленного властолюбiя неумолимаго кардинала и вновь рожденнаго опасности не давали Пюлорану времени и свободы даваться грустнымъ мыслямъ и любовнымъ мечтанiямъ.

II.

Въ нѣсколько дней дворъ Орлеанскаго значительно увеличился, но несмотря на количество, не отличался качествомъ. Сбылось очень много. Герцогу было крайне неприятно, что совсѣмъ незнакомые люди позволяли себѣ съ нимъ разнаго рода волости; нѣкоторые назывались его слугами, другiе любимцами или друзьями, или людьми пользующимися его покровительствомъ. Увѣкоръ очутилось двѣнадцать парикмахеровъ, двадцать портняжковъ, столько же шляпочниковъ и безчисленное множество повара. Принцъ отлично ѣлъ и спалъ такъ спокойно, какъ-будто бы какъ-нибудь совсѣмъ забылъ о немъ. Онъ смѣялся надъ бездѣйствительностью брата, потому-что въ это время Людовикъ-Тринадцатый ничего не дѣлалъ, а варилъ только варенье и игралъ на баритонѣ, что не мѣшало однако Гастону потерять цѣлую недѣлю изученiемъ искусства дѣлать веревки. Де ла-Валетъ, прiѣхавши къ Гастону съ приказанiями отъ короля, засталъ его съ пучкомъ веревки въ рукахъ, между-тѣмъ какъ Вулай вертелъ колесомъ. Де ла-Валетъ не могъ удержаться отъ смѣха; но герцогъ умѣлъ пользоваться положенiемъ, въ которомъ его застали.

— Вы сами видите, сказалъ онъ, что я не думаю возмущать государство. Самозванцы не имѣютъ привычки учиться какому-нибудь ремеслу. Позвольте мнѣ только связать эти три веревки, и тогда я къ вашимъ услугамъ.

Де ла-Валетъ, въ самыхъ умѣренныхъ выраженiяхъ, изложилъ ему порученiе короля.

Его величество, сказалъ онъ, питаетъ къ вамъ тѣ же нѣжные братскiя чувства, проситъ возвратиться ко двору и объѣхать

что вы найдете тамъ всё удовольствіи и почести, какія только можете желать. Король требуетъ только одного: чтобы вы удалили отъ себя двохъ или трохъ повѣренныхъ, которые, пользуясь дружбою вашею, даютъ вашему высочеству дурные совѣты.

— Я получилъ приказаніе, прибавилъ де-ла-Валетъ, упробить ваше высочество удалить отъ себя Пюйлорана и ле-Коавьё, но король согласенъ оставить перваго, принимая въ соображеніе дружбу....

— То есть, перебилъ Гастонъ, принимая въ соображеніе малыя услуги, которыми онъ можетъ угодить брату, если захочетъ выдавать мои тайны; вѣдь мы знаемъ, что кардиналъ не отдумалъ еще заставить его играть такую почетную роль. И потому, скажите брату, что онъ слишкомъ ошибается если думаетъ, что можно еще уговорить меня, что я презираю и угрозы его, и ласки, и притворное желаніе помириться со мною.

Послѣ отъѣзда де-ла-Валета, дѣла стали принимать очень серьезный видъ.

Герцогъ д'Эльбефъ, правитель Пикардін, послалъ тайно сказать королевѣ Маріи, что держитъ сторону Гастона. Герцогъ Бельгардъ, правитель Бургундін, предложилъ Гастону пристанище въ Дижонѣ. Аббатъ д'Эльбефъ, племянникъ альбійскаго епископа, возвратился въ то же время изъ Лангедока, гдѣ Монморанси, тамошній губернаторъ, обласкавъ его, тоже обѣщаль содѣйствіе, и герцогъ Карлъ де-Гизъ отворилъ недовольнымъ врата Прованса. Всѣ эти лица были отъявленные враги кардинала.

Съ одиннадцатаго марта со всѣхъ сторонъ слетались въ Орлеанъ предложенія услугъ, обѣщанія, увѣренія въ преданности, и одобренія. Гастонъ еще больше прежняго носилъ шляпу свою на бекрень, дѣлалъ парады и упражнялся въ командованіи войскъ. Даже самъ Пистоль начиналъ надѣяться, что со временемъ его возалуютъ въ государственные совѣтники.

Двѣнадцатаго марта въ Орлеанъ пришелъ приказъ, въ которомъ Гастона лишали его владѣній, ле-Коавьё обвиняли въ возмущеніи, а Пюйлорана объявляли измѣнникомъ.

Въ то же время пришло извѣстіе, что шесть тысячъ войскъ, предводимаго самимъ королемъ, шло на Орлеанъ. Сопротивленіе было невозможно и потому Гастонъ бѣжалъ.

Лучше бы было, если бы онъ не выказалъ своей трусости и передъ бѣгствомъ окончилъ свой туалетъ: но онъ сѣлъ на лошадей, полуодѣтый, и рейтузы догнали его за пять мѣ отъ Орлеана. Нѣсколько дней спустя, Гастонъ и друзья его были въ Панси.

Царствующій домъ Лорена, который былъ мало извѣстенъ во Франціи, состоялъ изъ пяти особъ, вовсе не схожихъ ни характеромъ, ни наружностью.

Герцогъ Карлъ-Четвертый, верѣшительный и слабый, глядѣвшій изъ подлобья, соединялъ въ себѣ всѣ недостатки, необходимыя для кардинала того времени, когда пастыри перкви занимались мирскими дѣлами, и предавались свѣтскимъ удовольствіямъ. Кардиналъ лоренскій и епископъ тульскій, братъ его, человекъ гордый, смѣлый, предприимчивый, въ полномъ смыслѣ слова вельможа, съ достоинствомъ могъ бы поддерживать санъ царствующаго герцога. То же самое можно было сказать и о тѣхъ ихъ аббатисѣ, де-Ремирмонъ, женщиѣ умной, провицательной, одаренной талантами. Принцесса Маргарита, сестра герцога, кроткая, набожная, простодушная дѣвушка, но немного огравиченнаго ума, была бѣ пренинтересная аббатиса; а между-тѣмъ, глядя на ея цвѣтушую, осьмнадцатилѣтнюю красоту и милый нравъ, нельзя было желать скрыть подъ покрывало столько прелестей. Добродѣтели и достоинства Маргариты шли ко всѣмъ сословіямъ, и тѣмъ болѣе бракъ шелъ ей къ лицу, что глаза дѣвушки, исполненные невинности, ручались за счастье супруга; и вотъ почему Гастонъ Орлеанскій, какъ только увидѣлъ Маргариту, такъ съ перваго же дня влюбился въ нее.

Мадамъ де-Фальсбургъ, пятый членъ лоренскаго дома, старшая сестра принцессы Маргариты, была престранная женщина. Никогда никто не встрѣчалъ такого непонятнаго сердца. Оставшись вдовой двадцати пяти лѣтъ и утомясь уже бракомъ, она вполне наслаждалась и высоко цѣнила независимость, и ни за что въ мірѣ не хотѣла съ нею разстаться. Что бѣ обожатели не отнимали у нея дорогаго времени, она сокращала ихъ нуть. Компрометируя себя для котораго-нибудь изъ обожателей, она выкупала это какою-нибудь неожиданною выходкою въ пользу другаго. Все повидимому казалось въ ней внезапнымъ, но въ сущности было обдуманно и исполнено таинственности; можетъ быть, относя всѣ поступки ея, движенія, мысли и чувства къ той независимости, которою она такъ дорожила, и нашли бы истолкованіе этой живой загадки. Употреблять слишкомъ большія усилія, чтобъ поправиться ей, значило покушаться на независимость, которую она такъ охраняла, принуждать сердце ея, стѣснять въ выборѣ и, слѣдовательно, уничтожать въ ней довѣріе. Изъ чего вышло, что тѣ, которые воображали будто болѣе другихъ имѣютъ право на ея благосклонность,

заслужил только одно презрѣніе ея. Другіе опять видя вольное обхожденіе ея съ мужчинами, хотѣли овладѣть ею; но вмѣсто успѣха получали отказы и крайне удивлялись, что ихъ отвергали. Ни одна женщина не давала въ жизни своей столько оплеухъ, какъ мадамъ де-Фальсбургъ. Если любимый человѣкъ переставалъ нравиться этой женщинѣ и, несмотря на то, старался удержать ее, то становился смертельнымъ врагомъ ея; мадамъ де-Фальсбургъ называла его тогда неблагодарнымъ, тираномъ, и говорила, что онъ во зло употребляетъ доброту ея.

Если ей пріятно было оставаться въ прежнихъ сношеніяхъ съ стариннымъ другомъ, а между-тѣмъ она отдавала справедливость достоинствамъ новаго, то все не могла понять, какъ новый осмѣливался дуться на стараго и старался выжить его, или что первый дерзалъ досадовать, когда пріѣзжалъ второй. Къ-счастью, женщины такого рода страшно нравятся мужчинамъ.

Въ день пріѣзда Орлеанскаго въ Нанси, герцогъ лоренскій задалъ огромный пиръ. Гастону воздавали всевозможныя почести, а за Пюйораномъ, какъ и за любимцемъ его, также всё ухаживали. Банты на шпагу, разнаго рода подарки и уваженіе, которымъ окружали его, доказывали какъ высоко цѣнили его и какъ надѣялись на вліяніе его на герцога. Но угожденія эти были лишнія, Маргарита и безъ того произвела на Гастона такое сильное впечатлѣніе, что въ глазахъ его выражалось непремѣнное намѣреніе жениться на ней.

Аббатисса де-Ремирмонъ, окончившая воспитаніе Маргариты, во случаю торжества позволила своей племянницѣ повеселиться. Каждый день былъ ознаменованъ какимъ-нибудь новымъ удовольствіемъ: дворъ веселился отъ всей души, и тѣмъ болѣе, что цѣль этихъ увеселеній пришлась всѣмъ по сердцу. Но посланный отъ короля разстроилъ немного пиры и праздники; онъ привезъ запрещеніе Гастону вступать въ союзъ съ лоренскимъ домомъ. Гастонъ отвѣчалъ, что не можетъ жениться безъ позволенія матери, а какъ она находится въ заточеніи въ Комиенѣ, то его величеству нечего бояться. Послѣ отъѣзда посланнаго, исключая родныхъ, президента де Коанье и Пюйорана, никто уже не говорилъ о бракѣ.

Такимъ-образомъ три мѣсяца прошли въ весельѣ, и кардиналъ говорилъ, что герцогъ утолялъ гнѣвъ свой барскимъ вареньемъ.

Любовь Гастона очень походила на любовь его брата; онъ говорилъ съ невѣстою своею о лошадяхъ, собакахъ, веревкахъ и объ искусствѣ дресировать соколовъ на воронъ. По всему видно

было, что оба брата не отъ отца выучились такимъ любезно. Сепантъ и Шарниэ, камеръ-юнкеры его высочества, к утру приходили расправлять манишку его и платье, такъ что являлся во дворецъ въ довольно порядочномъ видѣ; но нѣтъ большаго труда уговаривать его, чтобъ къ вечеру онъ не являлъ туалетъ. Снисходительные находили даже, что вебрежъ эта очень шла къ нему, что это доказываетъ человекъ хорошаго тона. Ктому жъ веселый нравъ Гастона, его молодость и скрашивали остальное. Съ вступленіемъ лѣта, балы и танцы дѣлались рѣже. Кардиналъ лоренскій и аббатисса Ремирмонъ философствовали съ де Коанье. Герцогиня лоренская принимала дамъ. Пюйлоранъ игралъ въ шахматы съ принцемъ Фальсбургъ, а Гастонъ нахвастывалъ любезности своей невестѣ. Въ это самое время разнесся слухъ, будто Пюйлоранъ женился на принцессѣ Фальсбургъ.

Между-тѣмъ сильно побудительныя причины заставляли нашего держать себя въ почтительномъ разстояніи отъ этой принцессы. Она была влюблена въ какого-то зарейнскаго маркиза пресмѣшнаго и предурнаго собою молодого человека, который засыпалъ въ обществѣ и мучилъ свою возлюбленную безпрестанными любезностями. Онъ не отходилъ отъ нея, сидѣлъ во время игры съ зажмуренными глазами, и какъ только она кончила игру, сейчасъ просыпался.

Пюйлоранъ, глядя на Фальсбургъ не могъ понять, какъ можно разомъ эта женщина, во всемъ блескѣ красоты и молодости, восторжествуя всѣмъ восхищались, могла броситься на такого смѣшного человека, и такой странный, циничный вкусъ ввухалъ ему преодолимую къ ней холодность.

Однажды вечеромъ, когда гостинная ея представляла обыкновенную картину, и когда маркграфъ, по обыкновенію своему сидѣлъ у стола, на которомъ играла его возлюбленная, принцесса играла въ карты и шла изъ игры всадника и стала биться объ закладъ, что Пюйлоранъ не возьметъ королевы, что въ-самомъ-дѣлѣ и случилось.

— Какъ! вскричала она, вы не умѣете взять королевы, а думаете какъ я взяла всадника! Развѣ вы не видите, что эти, стоя поперегъ, мѣшаютъ ей, что ей хочется отъ нихъ бодаться? Развѣ вы не видите, что этотъ тяжеловѣсный король, который спитъ подлѣ нея съ глупымъ и простодушнымъ видомъ, не въ состояніи удержать ее между шиповъ? Если вы не можете на помощь къ этой несчастной, такъ я сама научу васъ посредствому освободить ее.

Сказавъ это, принцесса схватила королеву и перемѣшила нѣшкы; это значило, что она проиграла.

— Програла! вскричала она со смѣхомъ; но скука отошла, королева вышла изъ бѣды, и тяжеловѣсный король просыпается слишкомъ поздно, чтобы удержать ее за собой.

На другой день Пюйлоранъ отправился къ принцессѣ; всякій изъ его мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое.

Принцесса была одна въ непарадныхъ комнатахъ.

Увидѣвъ Пюйлорана, она смутилась и показавъ рукою на диванъ, сѣла подлѣ него, не говоря ни слова.

— Очень радъ, сказалъ де-ла'Ажъ, помолчавъ немножко, что королева отдѣлалась отъ всѣхъ несчастныхъ, обступающихъ ее нѣшекъ. Теперь можно наконецъ узнать, что она думаетъ и говорить съ нею свободно.

— Если всадникъ костью, отвѣчала принцесса, то ему должно быть все равно.

— Да могъ ли онъ быть инымъ, сказалъ Пюйлоранъ, взявъ за руку принцессу, когда между нимъ и королевою покоился костью король? Вѣдь не мелкія преграды останавливали его, съ нимъ всегда можно справиться; но когда владѣтельный принцъ занимаетъ мѣсто, то всадникъ, чтобъ не обжечься, остается костью, и очень умно дѣлаетъ. Теперь, другое дѣло: звезда маркграфа, повидимому угасаетъ, и потому я умоляю васъ позволить мнѣ воспользоваться случаемъ наследовать тяжеловѣсному Германцу и схватить столь чудную, столь завидную корону. Скажите только слово, и всадникъ до того преобразится, что ни одинъ изъ принцевъ не стапетъ такъ жаждать правленія какъ этотъ костью рыцарь.

Тутъ не надо было похихивать, какъ это сдѣлалъ Прометей, Зевсовъ огонь, чтобъ одушевить костью всадника: для этого достаточно было одного поцѣлуя принцессы; и де-ла'Ажъ скоро увидѣлъ, что звезда маркграфа въ самомъ-дѣлѣ ушла гораздо ниже горизонта.

Между-тѣмъ первое слово, которое произнесла принцесса, когда пришла въ себя, крайне удивило нашего героя.

— Вотъ наша свадьба и разстроилась! сказала она.

Пюйлоранъ просилъ объяснить ему, что это значило.

Послѣ долгихъ убѣжденій и распросовъ, она отвѣчала:

— Правда, что вы должны знать мои тайныя мысли... такъ знайте, что я ужасно боюсь втораго брака. Вы давно мнѣ нравитесь, и со вчерашняго дня я полюбила васъ. Герцогъ, братъ мой, распо-

доженъ къ вамъ, ктому жъ покровительство, оказываемое вамъ цюгомъ Орлеанскимъ, имѣеть тоже на него большое вліяніе; тому если бъ вы офціально просили руки моея, если бъ я увидала, что меня упрашиваютъ со всѣхъ сторонъ, то мнѣ трудно бъ не уступить столькимъ просьбамъ. Но теперь.... все измѣнилось. Я сдѣлалась вашею любезною неожиданно, случайно. К чему теперь вѣнчаться!... На женщинѣ, которая ведетъ себя легкомысленно, какъ я, не такъ-то скоро рѣшаются женихи. Изъ этого слѣдуетъ, что я нарочно поступала какъ безумная, какимъ образомъ, я избавляюсь отъ брака, котораго боюсь больше всего въ мірѣ; но какъ всегда бываетъ, что изъ одной пропасти выпадаешь въ другую, то я, вотъ еще чего боюсь: чтобъ вы стали презирать меня за такое поведеніе и не заставили рѣчь, что я была такъ откровенна. Я буду въ отчаяніи, потому что люблю васъ, и отвращеніе мое къ браку не мѣшаетъ жадности вашей привязанности.

Обдумайте все это, и если странность поведенія моего и людей не внушатъ вамъ ужаса, то у меня останется еще на некоторое время, которое поможетъ мнѣ заслужить ваше уваженіе. Оставьте меня долго въ неизвѣстности, и сегодня вечеромъ играя въ шахматы, скажите, что думаете вы обо мнѣ и каковъ намѣренъ дать этому дѣлу. Каковъ ни будь приговоръ, я покорюсь ему какъ справедливому дѣйствию моего безумія.

Когда Пюйлоранъ простился съ мадамъ Фальсбургъ, въ его душѣ пробудились самыя противоположныя чувства. Не было ли это странное открытіе системою, уже нѣсколько разъ пробованною, чтобъ прикрыть странными идеями любви и пріятности пріключеніямъ такого рода? или красавица только для ослѣпленія Пюйлорана привела въ исполненіе такую сумасбродную фантазію? Въ первомъ случаѣ, молодой человекъ рисковалъ привязаться серьезно къ такому созданью, которое заставитъ дорого заплатить за нѣсколько дней счастья, а въ другомъ случаѣ онъ могъ думать, что ему отдавали преимущество передъ другими женщинами и назначали привелегированное мѣсто; расудокъ его въ одну сторону, а любовь и тщеславіе — въ другую.

Вечеромъ, когда всѣ собрались во дворцѣ, и когда маркизъ обыкновенію своему заснулъ, мадамъ де-Фальсбургъ высыпавъ на столъ всѣ шахматы, исключая всадника, котораго приподняла верху трепещущою рукою, сказала Пюйлорану:

— Возьмите его и сами рѣшите, оставаться-ли ему въ Парижѣ или нѣтъ.

— Онъ на все готовъ, отвѣчалъ Антоанъ де-л'Ажъ. Можетъ-быть онъ будетъ несчастливъ, но не отступитъ назадъ.

Сказавъ это, Пюйморанъ бросилъ на столъ всадника, который сѣлся съ другими шахматами.

III.

Надо удивляться благоразумію тѣхъ, кто взвѣшиваетъ в дурную и хорошую сторону какого-нибудь сердечнаго дѣла, и предвидя или опасности или хлопоты, умѣетъ владѣть своими чувствами. Большая часть молодыхъ людей не такъ поступаетъ; они не такъ разсудительны, не такъ благоразумны. Когда страсть овладѣваетъ ими, они перетолковываютъ все, не въ свою, а въ ея пользу. Она располагаетъ ихъ судьбою и ведетъ куда угодно, даже часто къ погибели. Пюйморанъ, очарованный прелестями мадамъ де-Фальсбургъ, до-того предался своей страсти, что забылъ в преслѣдованья кардинала и то, за чѣмъ пріѣхалъ въ Лоренъ. Чтѣ-же касается до несчастнаго маркграфа, то онъ переѣхавъ черезъ Рейнъ, утѣшался охотою въ Шварцвальдѣ.

Такъ-какъ мадамъ Фальсбургъ желала соединенія сестры своей съ герцогомъ Орлеанскимъ, то Пюйморанъ всѣми мѣрами старался устроить этотъ бракъ, который былъ рѣшенъ во время прогулки двора въ лоренскихъ горахъ. Антоанъ съ утра до вечера сидѣлъ у своей возлюбленной, которая раздѣляла его упоенье.

Посреди роскошной природы, любуясь красотами ея, онъ часто повторялъ ей:

— Мы никогда не будемъ такъ счастливы. Такое блаженство бываетъ только разъ въ жизни!

Минуты любви проходили въ особенномъ созданномъ ими мѣрѣ и какъ-будто вовсе не касавшемся остальнаго ихъ существованія. Въ этомъ блаженствѣ они чувствовали особенную милость Божию, и послѣ долгихъ часовъ, проведенныхъ въ горахъ или рощахъ, Пюйморанъ глядѣлъ на Фальсбургъ и говорилъ:

— Когда-нибудь ты покинешь, забудешь меня, но никогда не забудешь времени, проведеннаго въ этой чудной странѣ.

Тогда она увѣряла его въ неизмѣнной любви.

Пока Гастонъ и другъ его занимались любовными продѣлками, Людовикъ-Тринадцатый намѣревался идти на Лоренъ и рѣшился разорить ее. Маршалъ де-ла-Форсъ стоялъ уже въ Шампань и

предводительствовалъ войсками. Пюйлоранъ былъ королемъ дичью, и охота долженствовала скоро пачаться. Гастонъ больше оставаться между принцами, которыхъ подвергалъ шенному разоренію. Онъ уѣхалъ изъ Нанси, женись тайно на принцессѣ Маргаритѣ, и въ отчаяніи, что долженъ былъ разстаться съ молодою женою.

Последніе дни передъ отъѣздомъ, мадамъ Фальсбургъ тоже въ отчаяніи и высказывала грусть свою со всеѣмъ пыломъ глупаго разстроганной души.

Если-бъ Пюйлоранъ разсудилъ хладнокровно, то увидалъ бы, что принцесса утѣшала его тѣ же самыя выраженія какъ и герцогиня де-Шеврё. Можно-ли не вѣрять слезамъ возлюбленной? Сердце де-л'Амбурга рывалось на части, когда онъ садился въ карету съ герцогомъ Орлеанскимъ.

Пріѣхавъ въ Брюссель, она застала тамъ Марію Медичи, которая убѣжала изъ компіеньскаго замка. Она со слезами обняла своего возлюбленнаго сына. Инфанта испанская приняла и Марію Медичи со всеѣми возможными почестями.

Все стали по-немногу утѣшаться, проклиная кардинала и готовясь къ войнѣ.

Между-тѣмъ Пюйлоранъ ежеминутно получалъ письма отъ принцессы; она отдавала ему отчетъ во всеѣхъ своихъ помыслахъ и чувствахъ, говорила о глубокой скорби, сожалѣла о прошедшемъ, и выраженія любви съ каждымъ курьеромъ становились все сильнѣе и сильнѣе. Казалось, что время разлуки жило любовникамъ лучшимъ удостовѣреніемъ во взаимной вѣрности, и что отсутствіе должно было еще крѣпче сдѣлать сердца ихъ.

Принцесса отправилась въ лоренскія горы, откуда писала Пюйлорану, что снова желаетъ увидѣть тѣ обворожительныя мѣста гдѣ сильнѣе чувствовала всю свою нѣжность. Она сама говорила, что племянникъ графа Гастелля становится въ ряды ея предковъ; но что если она не пожертвовала своею свободою за него, для Пюйлорана, то тѣмъ болѣе не сдѣлаетъ этого для него.

Въ тотъ самый день, почти тотчасъ-же по полученіи письма Пюйлоранъ встрѣтился съ маркграфомъ, котораго подкосилъ недугъ. Онъ такъ же, какъ спалъ при дворѣ лоренскомъ.

Уидагъ Пюйлорана, онъ тотчасъ же подбѣжалъ къ нему и заговорилъ съ самымъ ласковымъ видомъ.

— Ну что, любезный другъ?... спросилъ онъ: кажется, мы находимся съ вами въ одинаковомъ положеніи? вы заняли мое мѣсто, а другой занялъ ваше; зачѣмъ же уѣхали вы, зачѣмъ оставили мнѣ возлюбленную одну? Это значило, съ такою женщиною какъ принцесса, — на вѣкъ разстаться.

— Я не понимаю васъ, вскричалъ Пюйлоранъ съ сильнымъ біеніемъ сердца.

Да можетъ-ли быть, чтобъ вы не знали того, что уже всѣмъ извѣстно? Я объясню вамъ въ нѣсколькихъ словахъ. Вамъ извѣстно, что племянникъ графа Гастелля оиціально представился претендентомъ на руку принцессы. Герцогъ Карлъ, который желалъ снова выдать сестру свою за-мужъ, принялъ его сторону. Принцессѣ надобно провбы семейства, и чтобъ отдѣлаться отъ нихъ, она взяла въ чичисбен того, кого хотѣли ей дать въ мужья. Однажды вечеромъ она похитила молодаго человѣка и уезла въ горы, гдѣ они глазъ на глазъ, какъ два голубка, провон цѣлую недѣлю. Вотъ письмо изъ Нанси, гдѣ мнѣ описываютъ эту продѣлку.

Маркграфъ вынулъ изъ кармана письмо, гдѣ въ-самомъ-дѣлѣ было подробное описаніе похожденій мадамъ Фальсбургъ.

У Пюйлорана помутилось въ глазахъ; но онъ скрылъ волненіе и дочиталъ до конца письмо, разбивающае его счастье.

— Впрочемъ, продолжалъ со смѣхомъ маркграфъ, меня это не такъ удивляетъ какъ другихъ, потому-что съ нѣкоторыми измѣненіями, это моя собственная исторія. Въ прошедшемъ году я пріѣхалъ въ Лоренъ съ тѣми-же намѣреніями какъ и этотъ итальянскій графъ. Мадамъ Фальсбургъ отвела меня въ сторону и развернула передо мной цѣлую систему, систему прекрасную, которую изобрѣла на вопросъ о бракѣ и средствахъ, придуманныхъ ею, какъ-бы обойти эту страшную пучину. Чтобъ избѣжать брачныхъ цѣпей, она вдругъ бросилась ко мнѣ на шею и стала вѣтъ, что боится потерять мое уваженіе, и что она погубила себя въ моемъ мѣстѣ; но что она даетъ себѣ слово, вѣрностью и любовью возвратитъ мое уваженіе. Напрасно боялась она; я не переставалъ уважать ее; и только теперъ принужденъ сознаться, что она этого не стоила.

Разоблаченіе было ужасно. Приключенія съ маркграфомъ и итальянскимъ графомъ были тоже приключенія Пюйлорана. Под-

мостки надеждъ и чудныхъ грезъ падали въ прахъ, и тѣй любовникъ понималъ теперь настоящій смыслъ одной писанной принцессой, которая говорила: «Все что случилось вѣзано въ моемъ сердцѣ». Слова эти можно было примѣлить къ двумъ предметамъ, какъ къ графу Гастеллу такъ и къ ерештвеннику. Вѣчная вѣрность мадамъ де-Фальсбургъ прервалась два мѣсяца.

Отецъ де-л'Ажа провелъ всю жизнь при дворѣ и поэтому говаривалъ сыну, что онъ долженъ быть готовъ къ разочарованіямъ и измѣнамъ со стороны женщинъ.

Въ досадѣ Пюйлоранъ согласился съ правилами отца.

Впоследствии увидимъ, что опытъ заставилъ его перемѣнить свое мнѣніе, потому-что когда всѣ покинули его, одна только любовь и преданность женщины спасли жизнь ему.

Философія и правила бывають очень хороши при соображеніи въ ту минуту, когда призываетъ ихъ на дѣлѣ, они не приносятъ большой пользы. Грустное открытіе невѣрности мадамъ Фальсбургъ такъ сильно потрясло Пюйлорана, что онъ сдѣлался болѣе философомъ.

Послѣ четырехъ-дневной лихорадки онъ хотѣлъ закидать камнями коварную, и потому написалъ съ пол-дюжины писемъ, которыя потомъ разорвалъ, бросилъ въ каминъ и рѣшилъ забыть.

Такъ-какъ лоренскій курьеръ продолжалъ привозить ему страстные посланія, въ которыхъ каждое слово была чаша мёда, то Пюйлоранъ почувствовалъ такое презрѣніе и омерзѣніе къ принцессѣ, что вымечился самыми выраженіями ненависти.

Однажды утромъ Пистоль вошелъ въ комнату де-л'Ажа.

— Ваше сіятельство, сказалъ онъ, въ одной харчевенной крылѣ какого-то тайнаго посланнаго изъ Франціи: онъ хочетъ говорить съ вами. Лицо это я видѣлъ въ Рюэлѣ, между герцогскими людьми. Остерегайтесь его, можетъ-быть, это нибудь злодѣй, убійца. Онъ увѣряетъ, будто имѣетъ власть за что-то отъ имени племянницы его святѣйшества.

— Племянницы кардинала! вскричалъ Пюйлоранъ. Писать поскорѣй этого посланца и приведи сюда.

Недавно уязвленное сердце гораздо легче тронуть, чѣмъ сердце котораго любовь уже давно вылетѣла. Воспоминанія снова пробудились въ нашемъ героѣ. Обманутое сердце оживиться, жаждало только другаго предмета болѣе достойнаго любви. Всѣ надежды его обратились тогда къ простодушному

нелому образу молодой дѣвушки, которая столь сильно была признана къ нему, что такъ далеко посылала узнавать о немъ. Сколько предосторожностей, сколько труда стоило молодой дѣвушкѣ, чтобы рѣшиться на такой необдуманный поступокъ! Въ одну минуту воображеніе молодаго человѣка загорѣлось тысячью огней, и онъ съ удивительнымъ снисхожденіемъ разрѣшалъ самого себя отъ грѣха невѣрности: онъ боялся только одного, не изъ своей головы выдумалъ все это Пистоль; но скоро успокоился, увидавъ бандита въ сопровожденіи переодѣтаго агента.

Это въ-самомъ-дѣлѣ былъ одинъ изъ кардинальскихъ слугъ.

— Ваше сіятельство, сказалъ онъ, мадамъ-азель де-Понъ Шато прислала меня сказать вамъ, что въ знакъ дружбы вы дали ей перстенъ, который, съ общаго согласія, рѣшено возвратитъ вамъ обратно, если вы перемѣнитесь въ чувствахъ. Узнавъ, что вы любите принцессу фальсбургскую, она возвращаетъ вамъ подарокъ и для успокоенія вашей совѣсти разрѣшаетъ васъ отъ всѣхъ клятвъ и увѣреній.

IV.

Междоусобія 1632 года уже столько разъ были описаны, что считаемъ лишнимъ рассказывать ихъ здѣсь. Сообщимъ только одинъ особенный эпизодъ того времени.

Весною, слабое войско Гастона было готово двинуться впередъ. Оно состояло изъ пяти тысячъ всадниковъ Французовъ и Кроатовъ. Что же касается до взводовъ Неаполитанцевъ, то они бѣльшую частью состояли изъ бродягъ, воровъ и трусовъ; настоящихъ солдатъ было очень мало.

Чтобъ не отстать отъ кардинала, Гастонъ издалъ свой манифестъ, гдѣ объявлялъ Ришліе нарушителемъ общаго спокойствія, притѣснителемъ честныхъ людей и невыносимымъ тираномъ всей Франціи.

Въ іюнѣ, Орлеанскій вступилъ въ предѣлы Франціи черезъ городокъ Андело, откуда писалъ манифестъ. Армія его медленно подвигалась въ Бургундію, гдѣ герцогъ д'Эльбёвъ собралъ нѣсколько войска; потомъ перешла черезъ Жеводанъ, часть Прованса, и пошла внутрь Лангедока, гдѣ ожидалъ ее герцогъ де-Монморанси. Въ это время король вооружилъ три различныя войска: одно, подъ предводительствомъ д'Эфиа, наблюдало за Ло-

реной и отраждало границы отъ непріятельскихъ войскъ; до подъячальствомъ маршала де-ла-Форсть, шло за мятежи до Бокера; третье, предводимое Шомбергомъ, отправлено встрѣчу къ непріятелю черезъ Лиможъ и Альби. Король, сопровождаемый небольшою свитою скучающихъ фаворитовъ и ерестовъ, пріѣхалъ ждать рѣшенія въ Лионъ, между-тѣмъ какъ дивалъ, въ великолѣпныхъ экипажахъ, везъ съ собою короля весь цвѣтъ дворянъ Ангулема и Бордо.

Лицо, жесты, манеры и вся наружность Монморанси олицетворяли великаго полководца; но для этого ему недоставало только дѣянія. Гордый взглядъ его выражалъ геройскую душу. Глядя на него дѣйствуетъ оружіемъ, какъ управляетъ лошадью, невозможно было не принять его за воина, призваннаго повелѣвать; но, только онъ отворялъ ротъ, то всѣхъ приводилъ въ удивленіе чуждымъ выраженіемъ лица; онъ говорилъ безтолкововѣрно, останавливался на каждой фразѣ, и если не могъ говорить или найти слова, то досказывалъ жестами и руками. Когда нельзя было удержаться отъ смѣху, такъ первое впечатленіе противорѣчило второму. Воинъ этотъ великодушіемъ и храбростью воспламенялъ воображеніе; но обѣ эти добродѣтели доходили у него до безумія; первая дала ему власть надъ народомъ, а вторая была причиною его смерти. По характеру Монморанси былъ герой, а по уму гораздо ниже своего сана. Когда онъ былъ не правъ, то тщеславная гордость не позволяла ему соглашаться въ томъ, онъ не слушалъ тогда ни голоса истины, ни здраваго смысла. Даже самая очевидность казалась ему противорѣчіемъ, которое приводило его къ ярости. Казалось, что ему стоило только показаться, какъ бы онъ былъ бѣднымъ рыцаремъ прежнихъ романовъ, чтобы уничтожить все войско; за-то женщины считали его великимъ героемъ; онъ кружилъ имъ головы однимъ своимъ именемъ....

Съ перваго дня появленія своего въ войскѣ Орлеанскаго герцога, не обращая вниманія ни на Морё ни на д'Эльбе-Фортель повелѣвать всѣми; между тѣмъ какъ оба они считались такими-же храбрыми полководцами какъ и Монморанси, если не больше. Чтѣ-же до Пюлорана, то онъ возненавидѣлъ его и сказалъ, будто де-ла-Ажъ, посовѣтовавъ Гастону начать раньше назначеннаго срока, испортилъ все дѣло. Къ обвиненію этому Монморанси прибавилъ, что одна его шпага замѣнитъ тысячу челоуѣкъ, и что онъ исправитъ глупости Гастона любимица.

Орлеанскій, находя такіа выраженія слишкомъ дерзкими

никъ однако довольно власти надъ собою, чтобъ удержаться отъ гнѣва и избѣжать ссоры, которая могла бь испортить дѣл его.

Д'Эльбёфъ оставилъ войско и принялъ начальство надъ корпусомъ, посланнымъ въ Бокеръ, противъ маршала де-ла-Форсъ. Графъ де-Морё, требуя только случая сразиться, доказалъ снисходительность своего характера. Пьюлорану досталось одному перенести вспышки Монморанси, но онъ не унывалъ.

По прибытіи въ Кастельнодари собрали военный совѣтъ. Гастонъ принялъ важный, глубокомысленный видъ, почему видно было, что онъ чувствуетъ необходимость выказать свою волю. При первой шуткѣ Бло и Булаа, которые осмѣлились смѣяться въ это время, онъ заставилъ ихъ замолчать. Графъ де-Брионъ, Подебаль и Гула стояли подлѣ него вмѣстѣ съ иностранными полководцами, съ которыми Гастонъ обходился очень ласково. Ле-Козаньё съ-тѣхъ-поръ, какъ выѣхалъ изъ Орлеана, въ первый разъ облекся въ одежду сановника и разстался съ оружіемъ и кавалерійскимъ нарядомъ.

Такое появленіе разсмѣшило собраніе. Изъ искателя приключеній, онъ вдругъ сдѣлался важнымъ сановникомъ; но Гастонъ остановилъ хохотъ, и совѣтъ разѣлся въ кружокъ, на солонѣ въ небольшомъ анбарѣ.

— Господа, сказалъ Гастонъ, вамъ всѣмъ извѣстно сколько усилій и труда намъ стоило, чтобъ собрать войско, и какими дорогами мы должны были идти, чтобъ привести его сюда, слѣдовательно вамъ легко понять, что если мы потеряемъ сраженіе, то навсегда погибнемъ, между-тѣмъ какъ кардиналъ всегда найдетъ способъ спастись. У непріателя нашего три войска; онъ можетъ, если понадобится, вооружить и четвертое. У насъ-же напротивъ, войска такъ мало, что мы должны беречь его, слѣдовательно благоразуміе и осторожность намъ всего нужнѣе.

Герцогъ де-Монморанси употребилъ цѣлую четверть часа на то, чтобъ сказать только, что онъ не думалъ еще о слѣдствіяхъ позоренія, по той простой причинѣ, что рѣшился, если его побѣдятъ, умереть на полѣ сраженія. Намѣреніе это дотога воспламенило Монморанси, что мысли его смѣшались и онъ прибавилъ:

— Чтò до меня касается, то я поступилъ какъ тотъ великій испанскій полководецъ, который собственною рукою зажегъ весь флотъ, не оставивъ въ цѣлости ни одного корабля, истребивъ огнемъ всѣ паруса и снасти.

— Я не слыхалъ, что вы зажгли флотъ, вскричалъ де-Морё

— Вы не понимаете красоты моего примѣра, отвѣчалъ погъ. Герой этотъ, какъ мнѣ поинится, имѣлъ такую возвышенную душу, что поэтъ Теофиль, одинъ изъ величайшихъ гениевъ воря о другомъ такомъ же великомъ полководцѣ, вспомнилъ черту эту въ стихахъ своихъ.

— Жаль, что я не читалъ, отвѣчалъ Морѣ, Теофило стиховъ, а то бы я понялъ васъ.

— Герцогъ, сказалъ Гастонъ Орлеанскій, приводить въ мѣръ Фернанда-Кортеса, который, пріѣхавъ въ Америку, с корабли свои, чтобъ не оставить солдатамъ своимъ друго дежды на спасеніе, какъ завоеваніе новой части свѣта.

— Именно такъ! вскричалъ де-Монморанси: я говорилъ о нандѣ-Кортесѣ. Сказавъ, что я зажегъ флотъ, я не хотѣлъ рять, будто и въ-самомъ дѣлѣ я истребилъ корабли. По мом всѣмъ извѣстны, и я никогда не хвастаюсь тѣмъ, чѣмъ могу похвастаться, хотя точно такъ-же какъ и всякой др могу зажечь корабли. Въ словахъ моихъ слѣдовало н смысла....

Монморанси, не найдя слова, остановился, и такъ красно во замахалъ руками, что всѣ отгадали мысль его.

— Переноснаго смысла? спросилъ Гастонъ.

— Ваше высочество поняли меня, отвѣчалъ герцогъ, а де-Морѣ не понялъ.

— Потому-что не видитъ, сказалъ Морѣ, задѣтый за такимъ замѣчаніемъ: к чему замѣшался тутъ Теофиль съ е поэмами? Если въ воображеніи своемъ вы зажгли короле флотъ, то я въ своемъ собственномъ тоже зажегъ четыре ца свѣта, покорилъ сто державъ, разбилъ нѣсколько ть войскъ и замучилъ кардинала. Для того развѣ мы собра чтобъ рассказывать другъ другу свои бредни? Пойдите, я сейчасъ расскажу, что видѣлъ прошлую ночь во снѣ.

Слушая такой разговоръ, чужеземные полководцы съ уд шіемъ посматривали другъ на друга и покачивали въ недоу сѣдыми своими головами. Но къ-счастью, въ ту минуту, Монморанси побагровѣвъ отъ гнѣва приготовлялся отвѣчат чальникъ артиллеріи, старый, обстрѣлянный испанскій сол спросилъ позволенія говорить.

— Господа, сказалъ онъ, прежде всего, мнѣ кажется, не димымъ рѣшить вопросъ: надо или нѣтъ дать сраженіе. схватка будетъ завтрашній день, то мнѣ съ вечера надо нять приказанія, чтобъ ночью завѣяться приготовленіями.

— Помилуйте! вскричалъ Орлеанскій, для чего создано и войско, если не затѣмъ, чтобъ драться? Чего-жъ ищутъ стоя лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, если не случая напасть на него.

— Славно сказано! вскричалъ Морё. На этотъ разъ мы согласны съ вами. Вѣдь мы и то теперь лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, такъ покажемъ ему, какая кровь течетъ въ нашихъ жилахъ. Съ мечомъ въ рукахъ я брошусь въ эту толпу непріятеля и онъ узнаетъ тогда во мнѣ сына покойнаго короля и Жаклинны де-Буэль.

— Я никогда не видалъ такихъ прекрасныхъ рукъ какъ у вашей матушки, сказалъ герцогъ.

— Таково у нея и сердце.

— Въ этомъ я несколько не сомнѣваюсь.

— И вы скоро увидите, достоинъ ли я называться ея сыномъ.

— Господа, сказалъ президентъ ле-Коаньё, вы смѣялись надо мной, что я надѣлъ судейскую одежду; а теперь васъ нельзя принять за полководцевъ, собравшихся на совѣщаніе.

— А за кого же, позвольте спросить, можно насъ принять? сказалъ Монморанси, ужъ не за такихъ ли рабиновъ, какъ вы сами? Погодите до завтраго, тогда увидите какая разница между вашимъ и нашимъ сословіемъ, и на какомъ огромномъ разстояніи находимся мы другъ отъ друга.

— Да вѣдь еще не рѣшено, сказалъ Гастонъ, будемъ ли мы завтра драться, объ этомъ-то именно мы и совѣтуемся теперь. Можемъ ли мы начать сраженіе? Принесетъ ли оно намъ пользу? Что лучше: ждать Шомберга или напасть на него? Вотъ вопросы, на которые должно отвѣчать.

— Слѣдуетъ драться, когда находишься въ полу-лѣѣ отъ непріятеля, сказалъ Монморанси. Дайте мнѣ распорядиться этимъ дѣломъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Гастонъ: представьте только намъ планы, чтобъ мы знали какъ дѣйствовать и въ случаѣ нужды помочь вамъ.

Монморанси повторилъ десять разъ:

— Вотъ что я сдѣлаю.... вотъ какъ намѣренъ дѣйствовать.... вотъ какъ примусь за дѣло....

Потомъ запутался, не будучи въ состояніи ничего придумать.

Морё хотѣлъ помочь ему своимъ знаніемъ и самъ запутался, повторяя свои мысли подобно Монморанси.

— Если-бъ мы разставили войско такимъ образомъ?... погодите, я покажу вамъ...

Морё также остановился; ему, какъ и Монморанси тогда же не пришло въ голову.

Дюдоранъ задумавъ преслать начальника артиллеріи, чтобы согласился быть суеверомъ этой комедіи.

— Сзади насъ находится дѣсь; этого пунята назначить о томъ, чтобы помѣстить туда...

— Пѣхоту, перебилъ маршалъ.

— Артиллерію, сказалъ комендантъ.

— Артиллерію и пѣхоту, чтобы поддержать ее, прибавилъ цогъ.

— Мы станемъ защищать этотъ центръ пѣхотою, раздѣливъ на два корпуса; кавалерія же заставитъ пушки и отадесть с лять, чтобы привлечь непріятеля въ поле. Если ей удастся, она отступитъ, чтобы намъ можно было стрѣлять, если же и то не будетъ общаго сраженія, и мы останемся въ своихъ траншеяхъ.

— Вы истинно умный человекъ, потому что изложилъ планъ мой, сказалъ Монморанси.

— Вашъ планъ хорошо обдуманъ, сказалъ Гастонъ Орскій. Теперь раздадимъ роли. Чтобы вести кавалерію и на перестрѣлку, надо выбрать осторожнаго и хладнокровнаго ч вѣка.

— Я берусь за это, сказалъ маршалъ.

— Ради Бога, вскричалъ Морё, дайте мнѣ это порученіе.

— По-моему, такъ ни тому, ни другому не слѣдуетъ брать за это дѣло, сказалъ Гастонъ: вы оба слишкомъ вспыльчивы. Ктому же вы начальники, предводители войска, и если съ случится какое нибудь несчастье, то солдаты потеряютъ довѣрчіе и мы всё можемъ погибнуть.

— Надѣюсь, вскричалъ Монморанси, что никто въ мірѣ не удержитъ меня выстрѣлить изъ пистолета вмѣстѣ съ аванпостными, если бѣ даже пришлось идти съ однимъ конюхомъ.

— Ни меня тоже, сказалъ Морё, если бѣ даже пришлось одному безъ конюха.

— Если вы ужъ непремѣнно хотите, сказалъ Гастонъ, то дѣте оба съ патью стами польскихъ всадниковъ моей собственной гвардіи, узнать позицію непріятеля; но не забудьте на условіи: если Шомбергъ не выйдетъ изъ засады, то ограничьтесь перестрѣлкою и до-тѣхъ-поръ не вызывайте его на неравное сраженіе, пока мы снова не соберемса и не рѣшимъ военнымъ совѣтомъ какъ дѣйствовать дальше.

— Я знаю какъ, потому-что самъ выдумалъ планъ.

— Не сомнѣйтесь, что я болѣе нежели вашей замальчивости, отдаю Гастонъ, хотя планъ этотъ и вамъ выдумать, однако помалите адъютанту моему де-Ріе сопровождать васъ и стоять подлѣ васъ во время сраженія, напоминать вамъ, если неравно вѣтъ храбрости слишкомъ далеко увлечетъ васъ, то, что вы обещали мнѣ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Монморанси, отрядъ де-Ріе не помѣшаетъ мнѣ.

Маршалъ и де-Морё рассказали другъ другу бездну самыхъ горькихъ любезностей, что не подавало большой надежды на успѣхъ войска; подлѣ этого сошлѣ молчаливо вѣсомымъ умникомъ, во время котораго шутили и сибались надъ кардиналомъ и его приверженцами.

На другой день съ разсвѣтомъ, Гастонъ всталъ и началъ одѣваться, но когда пристегивалъ эгрессомъ мантію, руки его дрожали и лицо было блѣднѣе обыкновеннаго; однакожъ волненіе это продолжалось недолго. Скоро ударили въ барабанъ.

Морё и Монморанси сѣли на лошадей и до-того были уже воснаменены мыслью о сраженіи, что почти не слушали наставленій герцога; и надо сказать, что рѣдко можно встрѣтить такіа прекрасныя и воинственныя лица, какъ у этихъ двухъ полководцевъ.

Всѣ были уже готовы къ выступленію, какъ-вдругъ въ лагерь привели Кавоа, капитана кардинальской гвардіи, который прибылъ съ мирными предложеніями.

При первомъ словѣ о мирѣ, Гастонъ остановилъ его съ истиннымъ величіемъ.

— Слишкомъ поздно, сказалъ онъ. Я увижу себя въ глазахъ всего войска, если послушаюсь твоихъ совѣтовъ въ ту минуту, когда всадники мои съ мечемъ въ рукахъ готовы вступитъ въ бой. Не можетъ-быть, чтобъ король, который теперь находится въ Лионѣ, прислалъ тебя ко мнѣ, а если ты явился отъ имени дерзкаго кардинала, то скажи ему, что сердце мое навсегда для него закрыто, и что я не принимаю отъ него никакихъ предложеній. Скажи ему въ какомъ положеніи ты засталъ насъ, и иди туда, откуда пришелъ. Авангардъ мой будетъ твоимъ козломъ и пистолеты его доложутъ Шамбергу, чѣмъ кончилось твое посольство.

Монморанси, удивленный такою рѣчью, соскочилъ съ лошади, подбѣжалъ къ принцу, съ жаромъ помахалъ его руку и сказалъ:

— Какъ былъ я несправедливъ къ вашему высочеству надѣлся на вашу опытность и думалъ, что благоразуміе васъ деть врагомъ моей славы. Но теперь, когда узналъ все в душѣ вашей, то чувствую себя прониженнымъ глубокимъ униженіемъ къ вашей волѣ и пламеннымъ восторгомъ къ вашей славе. Если предпріятіе наше не удастся, то умереть, служа вамъ, будетъ для меня самымъ сладостнымъ утѣшеніемъ.

— Обвинимся, любезный братъ, отвѣчалъ герцогъ; и пошелъ впередъ!

Глядя на поцѣлуи и объятія ихъ, въ нѣсколькихъ шагахъ неприятели, кто бы могъ усомниться въ храбрости одного изъ нихъ; кто бы могъ осмѣлиться подозрѣвать котораго-нибудь трусости? Даже самъ Пюйлоранъ, который зналъ вдоль и поперекъ характеръ Гастона, не зналъ, что думать въ эту минуту шло, что вѣроятно обстоятельства, время и мѣсто возмущенія принца до герца, котораго онъ сжималъ въ своихъ объятіяхъ. Посредствомъ ума, герцогъ умѣлъ замѣнить добродѣтели, которыхъ у него не было, и въ тогдашнихъ обстоятельствахъ простосердечно и довѣрчиво взялъ на себя личину храбрости, даже ему самому показалось, будто онъ чувствуетъ порывы трепеть.

V.

Какъ только всадники отправились, Гастонъ возвратился къ лагерю, гдѣ главное войско устроило себѣ засады, и сталъ артиллерію.

Неприятельскіе аванпосты были такъ близко, что менѣе черезъ четверть часа сраженіе началось. На правомъ флангѣ началась перестрѣлка.

Герцога предупредили, что Морэ какъ сумасшедшій сражался въ отрядъ кардинальскихъ мушкетеровъ, и что получилъ четыре раны, изъ которыхъ одна, повидимому, была смертельна. Его привесли на носилкахъ.

Между тѣмъ Монморанси, услыхавъ перестрѣлку на правомъ флангѣ, бросился въ ту сторону, и попалъ въ широкій ровъ, котораго однаго выбрался. Съ нимъ было только пять офицеровъ.

Неприятели ввалили на нихъ; но Монморанси дрался храбро и убилъ многихъ, дѣлалъ чудеса и наконецъ принужденъ былъ сдаться. Онъ былъ покрытъ ранами.

Новости эти одна за другою прилетали въ лагерь.

Начальникъ артиллеріи подошелъ къ Орлеанскому и сказалъ:

— Я думаю, что ваше высочество переимѣнитъ приказанія. Если вамъ угодно будетъ спасти герцога де-Монморанси, то планъ, утвержденный вчерашнимъ совѣтомъ, уже никуда не годится. Пушки наши въ хорошемъ состояніи, лошади свѣжи, въ одну минуту мы можемъ очутиться у рва и истребить непріятеля. Пѣхота можетъ окружить оба непріятельскіе фланга и начать съ пользою сраженіе. Поэтому не угодно-ли вашему высочеству рѣшить, что дѣлать: дать-ли генеральное сраженіе или дать погибнуть герцогу де-Монморанси?

— Погодите, я подумаю, отвѣчалъ герцогъ.

Гастонъ вдругъ забѣгалъ по лѣсу и наконецъ въ изнеможеніи оперся на дерево.

— Именемъ чести, заклинаю васъ, сказалъ Пюйлоранъ, не бѣгайте и не показывайте своего смущенія! Станутъ сомнѣваться въ вашей храбрости....

— Несчастные! кричалъ князь въ отчаяніи; они погубили себя и насъ! Что дѣлать теперь?!

— Вы слышали, что предлагаетъ вамъ этотъ старый воинъ, знающій ремесло свое. Отдайте приказъ и мы можемъ еще, выигравъ сраженіе, спасти Монморанси.

— А если насъ побьютъ?

— Такъ что-жъ! мы умремъ тогда вмѣстѣ съ друзьями,

— Нѣтъ, вскричалъ герцогъ въ ужасномъ волненіи, я къ этому еще не приготовился, я не думалъ, что буду драться сегодня. Ты предлагаешь мнѣ все такое неожиданное. Въ эту минуту я не могу идти навстрѣчу непріятеля; это невозможно. Выслушай меня, Пюйлоранъ: какъ тебѣ кажется, не замѣтилъ ли кто-нибудь моей боли? Ужъ не обезславленъ ли я? Если ты думаешь то же самое, то дай приказаніе къ нападенію, а какъ я чувствую, что во время сраженія непременно осрамлю себя, то поклянись мнѣ, что не допустишь до этого и употребишь всѣ зависящія отъ тебя мѣры; я хочу сохранить свою честь и доброе имя.

— Ради Бога, не говорите этого, сказалъ съ жаромъ Пюйлоранъ; вы сами себя не знаете, потому-что храбры, неустрашимы и никто въ мірѣ не осмѣлится подумать о васъ противное.

Герцогъ схватилъ друга своего и сказалъ съ такимъ выраженіемъ, которое трудно передать:

— Не я, а ты не знаешь меня.

Послѣ этого нельзя было ожидать ничего хорошаго. by Google

Тогда Пюйлоранъ, обратясь къ офицерамъ, сказалъ:

— Господа, его высочество въ отчаяніи отъ несчастія, стигнутаго герцога де-Монморанси и графа де-Морё, хотѣлъ послать на помощь все свое войско; но я представилъ ему, что снѣгъ этихъ двухъ храбрыхъ воиновъ не должно губить сто народу, и потому мы не выйдемъ изъ своей засады *.

Сердце слабаго человѣка — загадка.

Если бы исполнили то, что было рѣшено и если-бы сражаніе началось по плану, заранѣе приготовленному, то Гастонъ по опасности навѣрное бы сохранилъ благородную и храбрую ружность.

Маленькій запасъ храбрости, съ которымъ онъ всталъ утрѣ непримѣнно поддержалъ бы его до конца сраженія; но новыя требующія отлагательства обстоятельства до-того взволновали его, что онъ совершенно упалъ.

Настильнодарское сраженіе не стоило внаго названія перестрѣлки. Взявъ въ плѣнъ Монморанси, Шомбергъ остановился и не пошелъ далѣе. Выгоды его не позволяли ему долѣе жаться. Ночью узнали, что онъ удалился.

Гастонъ хотѣлъ удалиться въ Безіеръ, и въ продолженіе того короткаго переѣзда солдаты его начали разбѣгаться, такъ во время отступленія, изъ пяти тысячъ пѣхоты осталось только пятьсотъ человѣкъ.

Гастонъ, чувствуя свою гибель, впалъ въ такое отчаяніе, въ которое бы устыдилась даже женщина: онъ никуда не показывался и говорилъ невнятные слова, какъ во время лихорадки.

На десятый день д'Эгбонъ прибылъ въ Безіеръ отъ короля; на одиннадцатый пріѣхалъ Бюльонъ съ предложеніемъ отъ кардинала.

Начались переговоры; тогда разумѣется пришла очередь бимцевъ Гастона дрожать за свою безопасность.

Когда Гастонъ узналъ, что жизнь его, состояніе и свободность останутся неприкосновенными и что только честь его и дружина могутъ пострадать, то не имѣлъ даже столько власти надъ собою, чтобъ скрыть свою радость.

Когда д'Эгбонъ увѣрялъ его, что король все еще считаетъ его своимъ добрымъ братомъ и охотно возвращаетъ ему свободу, если онъ не станетъ больше покидать отечества и

* Въ запискахъ своихъ Ришліе обвиняетъ Пюйлорана и говоритъ, что онъ помѣшалъ Гастону спасти Монморанси.

матся дурманъ совѣтовъ, то съ языка герцога сорвался слова:

— Дешево же я разквитался.

Потомъ онъ спросилъ у д'Эгбона, продолжаетъ ли братъ его сочинять церковную музыку и варить варенье.

Король, съ небольшою свитою выѣхалъ изъ Ліона и по дорогѣ въ Безьеръ принималъ ключи всѣхъ покорившихся ему городовъ.

Не смѣя показать болзни своей, Гастонъ помышлялъ, что мать его происходитъ изъ рода Медичисовъ, поэтому полагалъ, что слѣдкія рѣчи, переданныя ему д'Эгбономъ, могли быть раставленными силками? Противорѣчія, замѣченныя Гастономъ въ разговорахъ, послѣдоваго, еще больше усилили страхъ его. Д'Эгбонъ не говорилъ еще о бракѣ герцога съ принцессою Маргаритою. Однажды утроемъ онъ проговорился, что бракъ этотъ вовсе не правится королю, и что если бы Гастонъ не былъ женатъ, то скорѣе бы могъ надѣяться, что его вполне простятъ. Изъ этого слѣдовало, что Гастону нечего было надѣяться на прещенье, потому что онъ былъ женатъ.

Друзья герцога, услыжавъ, что онъ требуетъ сапоги со шпорами и спрашиваетъ, вѣтъ ли у него въ конюшнѣ хорошей лошади, которая бы могла выдержать трудный путь, увидѣли, какое дѣйствіе произвели на него слова д'Эгбона.

Между-тѣмъ, 19 сентября 1632 года пріѣхалъ курьеръ съ эстафетой и передалъ маркизу де-Бюльону новыя приказанія кардинала, который обѣщалъ полное прощеніе Орлеанскому, если тотъ дастъ присягу, что не обѣщивать еще съ принцессою Маргаритою. Гастонъ поднялъ руку и присягнулъ, что не женатъ.

— Если такъ, сказалъ де-Бюльонъ, то вамъ нечего бояться, прошлое ваше забыто. Теперь займитесь друзьями, приверженцами вашими: кардиналъ обѣщалъ простить герцога д'Эльбёа; что же касается до маршала Монмаранси, то не совѣтую вамъ и просить за него; кардиналъ министръ не захочетъ и слышать о человѣкѣ, взятомъ съ оружіемъ въ рукахъ.

— Я буду однако просить за него; но что будетъ съ Пюйораномъ?

— Приказанія кардинала говорятъ въ пользу Пюйорана. Его не отставляютъ отъ двора вашего, а напротивъ прощаютъ только съ нѣкоторыми условіями, которыя мы узнаемъ съ будущимъ курьеромъ. Вотъ письмо къ нему; я нашелъ его между присланными ко мнѣ депешами. Не знаю отъ кого оно; но можетъ быть онъ узнаетъ изъ него какое-нибудь обстоятельство, кото-

рое смягчить гнѣвъ кардинала. Прочтите это письмо, Пюльи и приготовьтесь къ своей роли.

— Къ какой роли ?

— Завтра узнаете.

Де л'Ажъ сломалъ печать и посмотрѣлъ скорѣй на коне слѣдней страницы. Тамъ стояло имя Маргариты де-Повъ.

«Бѣдный рыцарь мой, писала племянница кардинала, моя еще идетъ кругомъ; не знаю, что дѣлается подлѣ меня, думаю, что я спасла вамъ жизнь. Постараюсь объяснить подробно, порядкомъ. Не стану бранить васъ, что вы поладили съ моимъ дядей, и предпочли дружбу мою самолюбивой все политика и вы знали, что я въ этомъ ничего не понимаю, воть что ужаснѣе всего.... это ваша измѣна! Увѣряя меня въ любви, вы думали, что шутите, и я приняла эти шутки за серьезныя. Когда я узнала, что вы влюблены въ другую, то не спала ни одной ночи сряду, отослала вашъ перстень и прокляла счастье моего времени нашего дѣтства. Посмотрите, какихъ вы надѣлали ужасовъ. Но вамъ отплатили за то зло, которое вы мнѣ сдѣлали; и вы видите, что возлюбленная ваша бросила васъ. По собственному сужденію, вы можете судить о моемъ».

«Съ тѣхъ поръ какъ съ Монморанси случилось несчастье, толпами прибѣгаютъ къ моему дядѣ, бросаются передъ нимъ на колѣна и молятъ о помилованіи своего героя, который, по моему, любилъ многихъ. Мадамъ де-Геннѣ въ слезахъ пишетъ къ намъ изъ Парижа на почтовыхъ. Вчера опять три прекрасныя девицы недали кардиналу ужинать своими слезами и клятвами. Только королева и мадамъ де-Шеврѣзъ просили о помилованіи. Гибель ваша была неминуема, потому-что дядя мой ревнуетъ къ королевѣ и ненавидитъ, не знаю за что, герцогиню. Я была послана просить о помилованіи, которыхъ не спасутъ своего несчастнаго героя, между тѣмъ какъ я спасу того, кого люблю. Я въ это время просить за васъ, когда кардиналъ будетъ въ хорошемъ положеніи духа, старалась найти удобную минуту и наконецъ пришла сегодня утромъ. Видя, что я спокойно вышиваю, онъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ и назвалъ умницей, что я не наговорила ему просьбами о Монморанси. Тогда я бросила иголку, сказала ему за рукавъ, и сказала, чтобъ онъ не торопился хвалить меня, что я хочу послѣ всѣхъ и больше всѣхъ надоѣсть ему, — кричать и плакать громче, чѣмъ всѣ красавицы вмѣстѣ; не объ Монморанси, а о другомъ. Онъ засмѣялся и спросилъ, такъ ли этотъ счастливый смертный. Я назвала васъ и об».

что ни на минуту не дамъ ему покою, если онъ васъ не помилуетъ. Кардиналь сдѣлалъ гримасу; а я очень хорошо знаю, что значить такая гримаса, она не предвѣщаетъ ничего добраго. Когда кардиналь не хочетъ исполнить просьбы, то брови его такъ прыгаютъ, что дѣлается страшно.

— Пьюлоранъ, сказалъ онъ, самый неблагодарный человекъ. Я любилъ его, а онъ обманулъ меня, и потому заслуживаетъ, чтобъ я забылъ его въ несчастьи.

— Да, онъ неблагодаренъ, вскричала я; но я у ногъ вашихъ... спасите его! это будетъ ваше мщеніе!

— Это женское мщеніе, отвѣчалъ онъ, а я не женщина, я государственный человекъ.

— Что это вы говорите, дядюшка? продолжала я, прощеніе есть несть христіанина и служителя вѣры.

— Такъ-какъ я увидала, что слова мои тронули его, то не приставала больше и оставила его.

«Вечеромъ былъ большой приемъ, народу было много. Я хотѣла идти на свою половину и не смѣла даже подойти къ дядѣ, чтобъ проститься съ нимъ, какъ вдругъ онъ позвалъ меня такимъ строгимъ голосомъ, что я вся оледенѣла.

— Сударыня, сказалъ онъ мнѣ, самымъ грубымъ голосомъ: знайте, что я хорошій христіанинъ и вѣрный служитель вѣры. Мы оба отомщены.

«Я бросилась къ нему на шею и разцѣловала его отъ всего сердца.

— Дочь моя, продолжалъ онъ, я обязанъ тебѣ такимъ чувствомъ, за которое небо наградитъ меня. Не проси ничего больше, потому что надо теперь подумать о пользѣ государства.

«Мнѣ и то нечего было больше просить. Я побѣжала поскорѣй къ себѣ въ комнату, чтобъ объявить вамъ эту счастливую новость. Курьеръ отправляется завтра; я передамъ ему это письмо черезъ Кавоа, который очень расположенъ къ вамъ. Милый рыцарь мой, во время дѣтскихъ игръ, вы часто спасали меня изъ когтей дракона и рубъ чародѣевъ, а я въ свою очередь спасаю васъ отъ смерти; это мой долгъ, моя обязанность. Я съума схожу отъ радости. Прощайте, неблагодарный. Если вы довольны мною и любите меня еще, то возвратите мой перстень.

P. S. «Я забыла сказать вамъ, что дядюшка прощаетъ васъ съ нѣкоторыми условіями, которыхъ не говорить, но которыя объявятся въ письменномъ договорѣ между королемъ и герцогомъ Гастономъ».

VI.

Сердце Пюльорана разрывалось отъ стыда, угрызения совѣсти и униженія.

Маргарита говорила правду, что была отищена, потому что неблагодарнаго сердца нѣтъ ужаснѣе мести—какъ прощенье. Это созданіе больше чѣмъ прощало своего друга: оно продало жизнь ему. Этого было достаточно, чтобы утѣшить Пюльорана и заставить его забыть принцессу Фальсбургскую. Повзвизав державшаяся на глазахъ его, совершенно упала, и онъ самъ выскочилъ какъ могъ тосковать о такой странной и испорченной женщинѣ: онъ скорѣе бы согласился вырвать совѣсть свою, чѣмъ оставить въ немъ хотя малѣйшій слѣдъ прежнихъ вѣрности, и въ эту минуту почувствовалъ съ восторгомъ какъ новая любовь воскресла въ сердцѣ его, гораздо свѣжѣе и живѣе прежняго. Такой переворотъ въ чувствахъ нашего героя заставилъ его гораздо разсудительнѣе, такъ-что онъ могъ равнодушно переносить перевороты и невзгоды жизни и политики.

Пока Гастонъ страдалъ бессонницею отъ безпокойства, Пюльоранъ только и думалъ какъ бы ему отослать перстень маркизы де-Понъ-Шатô. Конюху его, переодѣтому въ крестьянское платье удалось, въ ту минуту, когда дворъ пріѣхалъ въ Монпелье, передать ей этотъ знакъ дружбы и любви.

Вечеромъ 25-го сентября, маркизъ де-Бульдъ принесть ему мирный договоръ, послѣдній пунктъ котораго былъ писанъ по волю кардинала. Вотъ что въ немъ заключалось.

«Шестое. Пюльоранъ, главный виновникъ всѣхъ смутъ и преступленій его высочества, отдаляющихъ его въ продолженіи двухъ лѣтъ отъ короля его брата, клятвенно обѣщается унизить его величество и его святѣйшество кардинала о козняхъ и интригахъ бытъ во вредъ государству, государя и его королевства. Если ему извѣстны еще нѣкоторыя обстоятельства, относящіяся до герцога, которыя угодно будетъ знать королю и его величеству не знаетъ еще, то онъ откроетъ ихъ безъ отлагательства. Онъ объявитъ, прежде чѣмъ король милуетъ его по вышеозначеннымъ условіямъ, что желаетъ, чтобы его считали за виновнаго, такъ это и есть въ-самомъ-дѣлѣ. Онъ будетъ отвѣчать головою своею въ вѣрности исполненіи означенныхъ здѣсь пунктовъ!»

Гастонъ, прочитавъ бумагу, гдѣ духъ кардинала былъ еще явственнѣе, тѣмъ почеркъ его, передалъ ее, красивъ, любимцу своему и сталъ свистать и ходить по комнатѣ.

— Какой дашь ты на это отвѣтъ? спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Очень простой: что такую цѣною не покупаю своего спасенія.

— Такъ чтобы не произнести ложнаго обѣщанія ты дашь отрубить себѣ голову? Клянись, что будешь выдавать меня, и спасай жизнь свою.

— Я не могу публично безчестить себя.

— Въ такомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнн, что ты погибнешь, бѣдный другъ мой.

— Погибну такъ погибну! нечего дѣлать!

Герцогъ посмотрѣлъ на часы, звнулъ два, три раза, сталъ жаловаться что усталъ и ушелъ къ себѣ въ комнаты. Пюйморанъ повѣлъ, что герцогъ покидаетъ, предастъ его. Онъ разгорячился, и не предупредя ни кого о своемъ намѣренн, вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ Монпелье.

Прѣхавъ туда съ разсвѣтомъ дня, онъ пошелъ прямо къ Кавоа, который спалъ еще.

— Боже! какое безуміе! вскричалъ Кавоа, увидавъ де-л'Ажа; насъ немедленно арестуютъ и мнѣ же дадутъ это порученіе.

— Ну что жъ, вы исполните долгъ свой, отвѣчалъ Пюйморанъ; но во-первыхъ начните съ того и объявите кардиналу о моемъ прѣздѣ, и скажите ему, что я прѣхалъ исполнить шестой пунктъ нашего договора, объявить тайны наши, герцоговы и мои мысли.

Кавоа всталъ съ постели, ворча на такое непріятное порученіе, и наконецъ проводилъ Пюйморана до дому, гдѣ жилъ кардиналъ.

Камеръ-юнкеры, ожидающіе выхода его святѣйшества, отступили назадъ въ ужасѣ, увидавъ любимца Гастона. Одни окаменѣли отъ ужаса, другіе разбѣжались и въ одну минуту вѣсть объ его прѣздѣ перешла отъ господъ къ лакеямъ, отъ лакеевъ къ горничнымъ, а отъ горничныхъ къ барынямъ. Дамы вскочили съ постелей часомъ раньше обыкповеннаго.

Между-тѣмъ кардиналъ прислалъ сказать, что не хочетъ принимать Пюйморана.

Въ эту самую минуту вбѣжала Маргарита; она была взволнована, разстроена, но прелестна.

— Я знаю, въ чемъ состоитъ шестой пунктъ условій, сказала

она, и ждала вашего приѣзда. Я обещаюсь, что вы увидите министра. Вотъ талисманъ, который отворитъ вамъ дверь.

Сказавъ это, она показала возвращенный перстень, потомъ жала.

Спустя нѣсколько минутъ, гофъ-фурьеры позвали Пюйлора къ его святѣйшеству.

Кардиналъ сидѣлъ за туалетомъ, подлѣ него стояли лакей, беръ и парикмахеръ его, а мадемуазель де-Понъ-Шато, сидѣла на широкихъ креслахъ, пристально, строго и недоброжелательно смотрѣла на кардинала.

— Пюйлоранъ, сказалъ министръ, позвольте мнѣ безъ церемоній дать вамъ маленькое наставленіе: для виновнаго вы закидываете слишкомъ назадъ голову. Очень близкія и по родству и по долгу мнѣ особы, просили за васъ. Я согласился, и если дадите слово, то сдержу его; но надо же чтобъ и съ вашей стороны была та же готовность удовлетворить насъ.

— Ваша свѣтлость, отвѣчалъ молодой человекъ, если мнѣ не нравится, что голова моя слишкомъ закинута, то прикажите рубить ее, пока я еще могу называться честнымъ человекомъ, потому что, завтра, если бѣ я покорился вамъ, было бы слишкомъ поздно умирать съ честью.

Кардиналъ перемигнулся съ Боа-Роберомъ. — По этому вы считаете за безчестье возставать противъ меня, подавать мнѣ дурные совѣты и дѣлать безпорядки? Развѣ это честно? Развѣ объ этомъ даже и не подумали? Смирнитесь, молодой человекъ.

— Я и то сознаюсь въ винѣ моей. Чтò жъ могу еще сказать?

— Между мной и вами есть маленькіе расчеты.... Я хочу поставить на своемъ, по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время. Вы согласитесь моей волѣ, и мы снова сдѣлаемся друзьями.

— Я никогда не буду другомъ его святѣйшества, пока вы не перестанете унижать меня до ремесла шпиона.

Услыхавъ это, Маргарита въ негодованіи вскочила съ кресла.

— Такъ вотъ что причиною вашей ссоры! вскричала она. Вы хотите унижать того, кого я люблю! товарища моего дядю, котораго вы мнѣ дали слово пощадить! Это низко! недостойно слуги вашего святѣйшества! Если вы не хотите, чтобъ васъ бранили, говорите такихъ гадкихъ вещей; а не то, несмотря ни на какое могущество ваше, я разсержусь на васъ.

— Пусть на меня сердятся и бранятъ, но я поставлю на своемъ, отвѣчалъ кардиналъ. Надо, чтобъ онъ уступилъ мнѣ.

— Не уступайте, Пюйлоранъ, я не хочу этого! вскричала дѣвушка съ невыразимымъ высокомеріемъ. Честь ваша мнѣ такъ же дорога какъ своя собственная! Между нами ужъ и безъ того бедна пропасть, такъ не прибавляйте же еще къ этому стыда и униженія.

Губы кардинала заходили: онъ хитро и злобно улыбнулся.

— Это что-то новое! сказалъ онъ, я не зналъ, что между Пюйлораномъ и моей племянницей бедна пропасть! Что ты на это скажешь, Боа-Робертъ?

— Я думаю, отвѣчалъ Боа-Робертъ, что вашему святѣйшеству придется уступить, потому-что тутъ замѣшалась любовь; а такихъ дѣлъ дѣтвой жалъ огорчать. Надѣюсь, что у васъ на это не хватитъ духу.

— Такъ пусть они объяснятся, сказалъ кардиналъ.

— Ваша свѣтлость, продолжалъ съ чувствомъ Пюйлоранъ, я страстно люблю вашу возлюбленную племянницу, и чтобъ имѣть хотя слабѣйшій лучъ надежды на ваше согласіе, я отдалъ бы все, исключая чести. Такъ посудите жъ, какъ долженъ былъ я страдать поссорясь съ вами; каково было мое положеніе, когда вы принудили меня ссориться съ тѣми, отъ кого зависѣло мое счастье; но этому вы можете судить, какъ я дорожу своею совѣстью, что всмотря на все страданія я отказался отъ вашихъ предложеній. Я имѣлъ довольно причинъ любить васъ и показывать вамъ свое уваженіе; но вы дотогу довели меня, что изъ преданнаго челоуѣка я сталъ врагомъ вашимъ, и даже теперь я принужденъ отказаться отъ милости, которая могла бъ сблизить меня съ той, которую люблю.

— Ну, а ты, душенька, сказалъ кардиналъ, хочешь тоже прижаться?

— Какъ же, дялюшка, хочу, отвѣчала краснѣя дѣвушка, и тѣмъ болѣе, что къ этому представляется случай: я открою вамъ чувства, которыхъ Пюйлоранъ не знаетъ еще, а можетъ-быть и угадать. Въ дѣтствѣ моемъ, я почувствовала къ нему самую нѣжную дружбу; но съ тѣхъ-поръ, мнѣ кажется, что дружба эта перешла....

— Въ любовь, не такъ ли душа моя? Договаривай не робѣй....

— Ахъ! дялюшка.... не сердитесь; но вы въ этомъ больше виноваты, чѣмъ я. Я любила его долгое время, сама того не зная, а когда увидѣла его въ несчастіи, преслѣдуемаго вами, узнала тогда, что таилось въ глубинѣ моего сердца.

— Ваша свѣтлость, сказалъ Боа-Робертъ, стали бы вы сожалѣть о вашей милой племянницѣ, если бѣ неравно она умерла?

— Хорошо вопросъ!

— Или занемогла?

— Какъ ты глупъ, аббатъ!

— А чтобъ она не умирала, надо чтобъ она не хворала, а чтобъ не хворать, надо хорошо спать и кушать; а чтобъ хорошо спать и кушать, не надо имѣть горя, а дѣвушки всегда горюютъ когда ихъ различаютъ съ предметами ихъ любви; изъ чего я и заключаю, что племянница ваша умретъ, если вы не отдадите ее за Пюйлорана.

Кардиналъ обратился къ Антоану де-л'Ажу.

— Вы видите, сказалъ онъ, что не понимаете своей пользы. Вы уступите мнѣ въ одномъ, а я вамъ въ другомъ; дѣла ваши пойдутъ тогда хорошо, да и мои лучше. Герцогъ не стѣбитъ такой съ вашей стороны преданности. Можетъ-быть я и упрямлюсь немного; но я хочу имѣть это удовлетвореніе. Такъ если вы хотите служить мнѣ, я позволяю вамъ куртизанить моею племянницѣ.

— А я, вскричала дѣвушка, отказалась бы отъ такого жениха, который былъ бы довольно низокъ, чтобъ покупать меня такою цѣною. Прощайте, Пюйлоранъ, уваженіе мое къ вамъ возрастаетъ по мѣрѣ моего горя; будьте несчастны и если ужъ надо, то умирайте, но не соглашайтесь на постыдный торгъ; ну его свѣтлости кардинала, вмѣсто одной будутъ двѣ жертвы.

Сказавъ это, Маргарита вышла, заливаясь слезами.

— Повсему видно, сказалъ Боа Робертъ, что вашей свѣтлости очень хочется разстроить эту свадьбу.

— И она бы слишкомъ скоро уладилась, если бѣ я не поставилъ нѣкоторыхъ преградъ. Кажется и самому Пюйлорану не хочется сдѣлаться вдругъ моимъ племянникомъ.

— Ваша свѣтлость!.... вскричалъ бѣдный де-л'Ажъ: наслаждайтесь торжествомъ своимъ. Я самый презрѣнный человекъ.

Кардиналъ съ самодовольнымъ видомъ намазалъ себѣ щеки мыломъ.

— Условія договора уже рѣшены, сказалъ онъ. Ужъ теперь это не до меня касается, а до короля и его брата.

— Такъ ведите же меня къ ногамъ короля. Можетъ быть я и найду въ душѣ его правосудіе и милосердіе.

— Вы хотите говорить съ нимъ? вскричалъ министръ, оттамъ

кивая руку парикмахера и глядя сверкающими глазами на Пюй-лорана. Что ж вы ему скажете? Ужъ не намѣрены ли на меня жаловаться?

— Я защищаюсь, ваше свѣтлость ; не надо перемѣнять ролей.

— Однако я не допущу васъ до короля.

— Такъ позвольте мнѣ по-крайней мѣрѣ писать ему и просить избавить меня отъ клятвы, которой требуютъ отъ меня въ местномъ пунктѣ договора.

— Пишите вотъ тутъ. Я самъ передамъ ваше письмо.

Пюйлоранъ написалъ на-скоро:

«Государь!

«Пусть считаютъ меня виновнымъ , но я не могу присягать, что обязываюсь открывать мысли и намѣренія его высочества, иначе я недостойнъ буду дружбы, которую удостоиваетъ меня герцогъ. Если вашему величеству не угодно будетъ избавить меня отъ клятвы , на которую я ни зачѣмъ въ мѣрѣ не могу рѣшиться , то мнѣ не остается больше ничего, какъ поручить себя вашему милосердію».

Кардиналъ прочиталъ это письмо и положилъ къ себѣ въ карманъ , потомъ посмотрѣвъ на молодаго человѣка , сказалъ улыбаясь:

— Идите съ миромъ. Письмо ваше скоро будетъ въ рукахъ короля. Отвѣтъ на него получите въ Безьерѣ. Чтобъ черезъ часъ васъ здѣсь не было.

Пюйлоранъ уѣхалъ въ Безьеръ , гдѣ на другой день получилъ записку отъ кардинала.

Вотъ она :

«Вы гораздо счастливѣе чѣмъ этого стѣите. Король избавляетъ васъ отъ клятвы. Не воображайте однако , чтобъ это означало возвращеніе королевскихъ милостей. Уѣзжайте съ его высочествомъ въ Туръ или Блоа , единственные города, въ которыхъ герцогу позволено жить. Я посмотрю, стѣите-ли вы прощенія, которое вамъ такъ дешево достается».

За первымъ посланнымъ прискакалъ скоро и другой и подаль Пюйлорану ящичекъ , въ которомъ онъ нашелъ бирюзовое кольцо и письмо, которое и безъ подписи можно было узнать отъ кого оно.

«Что это сдѣлалось съ дядюшкой? писала Маргарита. Онъ совершенно перемѣнился и съ ужасомъ произноситъ потихоньку

ваше имя. Увѣряють, будто это происходитъ оттого, что боится потерять расположение короля. Если минута эта настанетъ, то спросите у вашего сердца, чего хотите вы сить у кардинала».

Наконецъ, ночью прѣвѣхалъ третій посланный съ письмомъ герцогини де-Шеврѣзъ.

«Любезный Пюйлоранъ, писала герцогиня: кардиналъ, вчера королю просьбу вашу, употреблялъ всѣ средства, возстановить противъ васъ его величество и одѣлать чтобъ онъ отказалъ вамъ; но въ ту минуту король былъ что-то сердитъ на Сенъ-Симона, и когда ему подали просьбу, то онъ взялъ ее, вздохнулъ и сказалъ: «Братъ счастье меня: есть люди, которые его истинно любятъ и соглашались скорѣе умереть, чѣмъ обмануть его, между-тѣмъ мои приближенные, если бы могли только, непременно предали бы». Снизавъ это, онъ посмотрѣлъ сердито на министра, призвавъ васъ отъ клятвы и не мучить больше какъ онъ далъ это до-сихъ-поръ. Этотъ первый признакъ неудовольствія возстанія короля противъ тиранства кардинала радуется влететь весь дворъ. Пользуйтесь этимъ, но будьте осторожны: достигаете ли счастья или гибели».

Слушая записку, Гастонъ прыгалъ отъ радости, и переполненный отъ страха къ высокому брѣю, кричалъ, что владычество кардинала-деспота кончилось; но Пюйлоранъ далъ ему замѣтить, что у короля, прежде чѣмъ онъ рѣшится разстаться съ своимъ министромъ, могутъ явиться и другіе признаки отвращенія; что Людъ Тринадцатый очень привязанъ къ кардиналу; что эта привязанность управляетъ имъ и всѣми его дѣйствіями, и потому угодники Гастона не ворчатъ, не сердятся, а ѣхаютъ спокойно въ Блуазонъ и въ-самомъ-дѣлѣ отправились туда сопровождаемые толпами своихъ преданныхъ друзьями.

VII.

Пока Гастонъ и его любимецъ ожидали въ Блоа или мѣсто для короля или шенія кардинала, въ Парижѣ производились надъ Монморанси, который во время сраженія получилъ смертельную рану.

«Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Монморанси; окровавлен-

утомленный отъ ранъ, перешелъ съ поля сраженія на эшафотъ: его казнили въ Тулузѣ, тридцатаго октября 1632 года.

Вскорѣ послѣ того дворъ раздѣлился на двѣ партіи. Кардиналъ, сопровождаемый свитою, достойною какого-нибудь сатрапа, отправился въ Гіённу. Королева, только съ самою необходимою прислугою отправилась по другой дорогѣ въ Бордо, а король 31 октября уѣхалъ въ Парижъ.

Однажды утромъ почтовый экипажъ въѣхалъ на дворъ замка Блюа. Пюйморанъ подошелъ къ окну и увидалъ гадкое лицо Бюльона, этого ревностнаго вѣстанка дурныхъ новостей. Это обеспокоило его. Черезъ четверть часа Пюйморана позвали въ кабинетъ герцога: онъ пошелъ туда и засталъ Гастона съ плешмонъ въ рукахъ отъ кардинала, изъ Бордо.

Письмо это было адресовано къ королю въ видѣ рапорта и написано такимъ слогомъ, какъ пишутся духовныя.

«Если ваше величество, говоритъ министръ, не хочетъ чтобы его обвиняли въ слабости, то не должны позволять переменить условія договора, подписаннаго въ Монпелье. Условія эти должны быть выполнены, а какъ бракъ члена царствсннаго дома всегда считался государственнымъ дѣломъ, потому-что изъ него происходятъ или благо или гибель отечества, то слѣдуетъ удостовѣриться, соединенъ ли герцогъ или дѣтъ тайнымъ бракомъ съ лоренскою принцессою. Хотя его высочество и утверждаетъ въ прокламатъ, однако новыя и подробныя свѣдѣнія возбуждаютъ подозрѣніе, которое должно уничтожить, привела дѣло въ ясность. Если бы открылось, что его высочество обмануль, въ такомъ важномъ дѣлѣ ваше величество, то вы имѣете право отказаться отъ пощады и милостей, которыми осыпали своего брата и его друзей. Особенно Пюйморану надо будетъ отдать строгій отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Вы избавили его отъ присяги, однако это не мѣшаетъ ему повиноваться вашимъ приказаніямъ, означеннымъ въ шестомъ пунктѣ договора. Предупреждать государя о всѣхъ козняхъ противъ государства есть долгъ вѣрнато подданнаго. Милости и забвенія прошедшаго не касаются до проступковъ, въ которыхъ не признаются. Слѣдовательно, отъ Пюйморана должно снова требовать полнаго и совершеннаго признанія. Онъ долженъ говорить, долженъ прежде всего быть подданнымъ вашего величества, а потомъ уже другомъ и повѣреннымъ герцога. Если бракъ его съ лоренскою принцессою уже заключенъ, то Пюйморанъ долженъ объявить это; а чтобы онъ не

могъ отговариваться незнаніемъ казинъ, которой подвергается за ложь, то его надо предупредить, что дѣло идетъ о его жизни, если онъ не откроетъ всю правду».

На поляхъ было написано рукою короля. «Согласенъ: пусть Бюльонъ свезетъ эту депешу къ его высочеству и допроситъ Пюйлорана».

Пюйлоранъ взялъ бумагу; пока онъ читалъ ее, Гастонъ скорыми шагами ходилъ по комнатѣ, и при всякомъ поворотѣ толкалъ ногою то стулъ, то другую какую-нибудь вещь, находящуюся въ комнатѣ.

Наконецъ онъ остановился и вскричалъ:

— Ты видишь какъ онъ ненавидитъ меня, и ненависть эта вѣчно, до могилы будетъ преслѣдовать меня. Никогда не выдавалъ я такого адскаго упорства. Надо, чтобъ одинъ изъ насъ погибъ.

Гастонъ выходилъ изъ себя, и по-мѣрѣ того какъ возрасталъ его гнѣвъ, языкъ все больше и больше запутывался. Наконецъ герцогъ подбѣжалъ къ Бюльону, и схвативъ его за рукавъ, сказалъ:

— Чортъ этакой! не знаю, кто мѣшаетъ мнѣ задушить тебя. Я велю бросить тебя въ рѣку, а самъ стану на мостъ и буду смотрѣть, какую рожу ты будешь дѣлать. Если не хочешь быть съѣденъ рыбами, такъ убирайся въ Бордо.

Кардиналъ столько разъ толкалъ и колотилъ Бюльона, что такое обхожденіе Гастона не было ему въ диковинку и потому онъ несколько не робѣлъ, подошелъ еще ближе и сказалъ:

— Ваше высочество, я присланъ сюда королемъ, и если не убираюсь отъ сюда какъ вы желаете, то для вашей же пользы, потому что вы погибнете, если я возвращусь безъ отвѣта. Тутъ дѣло идетъ о вашей и Пюйлорановой жизни.

— Такъ вотъ мой отвѣтъ! вскричалъ Гастонъ. Скажи кардиналу, что онъ вывелъ меня изъ терпѣнія. Онъ хочетъ, чтобъ одинъ изъ насъ погибъ. Такъ пусть же онъ самъ погибаетъ. Я велю лакеямъ своимъ заколотить его.

— Ваше высочество не помните, что говорите, сказалъ Бюльонъ. Черезъ часъ я возвращусь и надѣюсь, что найду васъ спокойнѣе.

Какъ только королевскій комиссаръ вышелъ, Пюйлоранъ увелъ Гастона въ садъ; ему надо было освѣжиться, притти въ себя.

Оба они стали разсуждать и совѣщаться на-счетъ новыхъ слѣжковъ, разставленныхъ общимъ ихъ врагомъ. Кардиналъ говорилъ

въ бумагѣ этой, что *подробныя свидѣнія* возродили подозрѣніе насчетъ брака герцога съ Маргаритой Лоренской. Но всему видно было, что кардиналъ былъ увѣренъ въ этомъ и что слово подозрѣніе было вставлено за тѣмъ только, чтобъ заставить герцога и Пюйлорана погубить себя отговорками. Съ другой же стороны, если Гастонъ сознается, что тайно женатъ, то сознается и въ ложной присягѣ своей, произнесенной во время мирныхъ переговоровъ. Герцогъ понималъ, въ какое страшное положеніе ставилъ его кардиналъ, и ярость его противъ Бюльона была ничто иное, какъ школьническая хитрость; онъ сердился на кардинала; а какъ его тутъ не было, то хотѣлъ вынѣстать досаду свою на его посланномъ. Министръ пыталъ герцога, а для чести Гастона такая пытка была невыносима. Разсуждая другъ съ другомъ, Гастонъ и его любимецъ дошли до берега рѣки, гдѣ проходила дорога въ Парижъ.

Принцъ, изнемогая отъ стыда и отчаянья, схватилъ себя за голову и закричалъ громко:

— Неужели я не найду ни одной души, которая бъ избавила меня отъ этого человѣка?

— Вотъ рука и душа, сказалъ чей-то голосъ.

Это былъ Пистоль, который идя сзади, подслушалъ разговоръ ихъ.

Принцъ обернулся и увидалъ Пистоля со шляпою въ рукахъ, съ вытянутыми впередъ ногами и съ сіяющимъ лицомъ.

— Какая веселая рожа! сказалъ Гастонъ улыбаясь; я видѣлъ гдѣ-то эту гримасу.

— Никогда, отвѣчалъ Пюйлоранъ, не встрѣчалъ я такого испорченнаго, а между-тѣмъ рѣшительнаго и храбраго злодѣя, какъ этотъ.

— Честь и слава мнѣ! вскричалъ бандитъ театральнымъ тономъ. Я извѣстенъ одному изъ величайшихъ привцевъ въ мірѣ и уважаемъ его повѣреннымъ. Счастіе мое устроено. Будьте увѣрены, ваше высочество, что позовете меня если не захотите погнубить. Ужъ я давно говорилъ это маркизу Пюйлорану. Я слышалъ отъ отца Іосифа, что кардиналъ ненавидитъ васъ обоихъ и ли за-что въ мірѣ не пощадитъ. Я удивляюсь терпѣнію вашего высочества.... между-тѣмъ какъ жизнь человѣческая такая пустая вещь... ее можно уничтожить такую бездѣлицею. К чему жъ имѣть тогда столько народу въ своемъ распоряженіи, столько рукъ, готовыхъ поразить отвратительнаго кардинала, и названіе сына и брата

та короля? Вотъ я и бѣдный человѣкъ, а не такъ легко позволю себя обидѣть; если у меня есть врагъ, то я иду въ кабакъ, встрѣчаюсь тамъ съ нимъ, завожу ссору, разможу его и конецъ кощовъ.

— Тебѣ нечего заботиться о своей репутаціи.

— По этому репутація пренеловкая вещь? Но вѣдь кардиналъ на все то именно и нападетъ, онъ хочетъ помрачить вашу славу; она тонетъ и проситъ помощи. Если вы не поможете ей, она погибнетъ....

— Каковъ философъ! сказалъ Гастонъ, улыбаясь.

— Хорошій языкъ долженъ быть остръ какъ шпага.

— Послушай, Пистоль, сказалъ Пюйлоранъ, герцогъ смѣется надъ тобой, а ты вѣроятно думаешь, что тебя принимаютъ за какое нибудь важное лицо, и потому сдѣлай милость не вышваивайся туда, куда тебя не просятъ.

— Не бойтесь, отвѣчалъ разбойникъ, я знаю ремесло свое, и прошу у его высочества только предпочтенія передъ моими собратьями, потому что рано или поздно, а ему придется рѣшиться на крайнія средства; а я устрою такъ, чтобъ это дѣло было моимъ послѣднимъ подвигомъ и увѣнчало бы всѣ остальные.

— Неужели ты и въ-самомъ-дѣлѣ думаешь, сказалъ герцогъ, когда ушелъ бандитъ, что мы дойдемъ до того, что рѣшимся на злодѣяніе.

— Какъ вы можете допускать такія мысли! отвѣчалъ Пюйлоранъ.

— Не знаю; но я обезславленъ во всѣхъ отношеніяхъ и остаюсь окруженъ тысячею непріятностей и опасностей.

— Мы избавимся отъ нихъ не иначе какъ преступленіемъ.

Въ эту минуту, карета, запряженная четвернею, остановилась посреди дороги, и знакомый Гастову голосъ приказалъ отворить дверцы.

Ле-Козаньѣ вышелъ изъ кареты. Онъ снова былъ въ курьерскихъ сапогахъ, въ длинномъ плащѣ, со шпагою за поясомъ.

— Я застаю васъ очень кѣтати, сказалъ онъ: Монморанси, въ день казни объявилъ тайну вашего брака. Следовательно договоръ уничтожается, и вамъ нельзя, если хотите быть въ безопасности, оставаться во Франціи. Ваше высочество, какъ братъ короля, пощадятъ еще; но меня и Пюйлорана станутъ судить; а какъ мнѣ не хочется ѣсть грибы изъ Венсвскаго лѣсу, то я и улетаю. Не угодно-ли и вамъ сѣсть въ карету?

— Некуда торопиться, отвѣчалъ Пюйлоранъ.

— Какъ угодно. Что же до меня касается, то я до тѣхъ поръ не буду чувствовать головы на плечахъ, пока не дойду до границъ Лорены.

Ле-Козмьё сѣлъ въ карету и уѣхалъ, не простясь.

Новость, привезенная имъ, разрѣшила сомнѣнiя. Гастонъ чувствовалъ всю опасность своего положенiя. Онъ могъ знать въ вѣрность короля, и тогда кардиналъ можетъ дѣлать съ нимъ все, что хочетъ.

Герцогъ возвратился въ замокъ, гдѣ Бюльонъ ожидалъ его съ нетерпѣнiемъ.

— Ваше высочество, сказалъ королевскiй комиссаръ, позвольте мнѣ возвратиться къ кардиналу.

— Да что жъ мѣшаетъ вамъ? отвѣчалъ герцогъ.

— Вамъ не угодно дать мнѣ отвѣта.

— Мнѣ нечего отвѣчать вашему кардиналу. Что же до короля, то скажите ему, что я проникнуть любовью и уваженiемъ къ моему брату, и что буду отвѣчать ему черезъ котораго-нибудь изъ слугъ своихъ.

— Все это, сказалъ Бюльонъ, вѣрно передастся его святѣйшеству и королю; но какъ я обязанъ исполнять должность свою, то мнѣ надо депрешить повѣреннаго вашего высочества. Пюйлоранъ, вы видѣли изъ письма кардинала и приказа короля, что должно объявить, что дѣлалось противъ благосостоянiя государства. Я приказываю вамъ отвѣчать на сей вопросъ: «Желать ли высочество или нѣтъ на Маргаритѣ, принцессѣ Лоренской?»

— Его высочество сказалъ вамъ, отвѣчалъ Пюйлоранъ, что прилететь отвѣтъ королю съ которыми-нибудь изъ слугъ своихъ.

— Такъ ничего больше не остается говорить? спросилъ Бюльонъ. Подумали ли вы о слѣдствiяхъ, могущихъ произойти отъ велѣнiя вашего отвѣчать.

Гастонъ всталъ и повелительно показывая на дверь, вскричалъ:

— Довольно! вонъ отсюда и сію же минуту!

Бюльонъ поклонился и вышелъ.

Передъ комнатами, занимаемыми прежде Маріей-Медичи находилась терраса, называемая Бретонскою Жердюю, откуда представлялся глазамъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ Турени.

Пюйлоранъ съ герцогомъ ходили по этой террасѣ и провали средства къ своему спасенію.

Какъ всё слабохарактерные, Гастонъ то выходилъ изъ то впадалъ въ самое глубокое отчаяніе. Умъ его изнемогалъ подъ тяжестью трудностей, и онъ простосердечно признавался, что мысль де-Коанье поразила его; президентъ сказалъ: «Ваше высочество пощадятъ какъ брата короля».

— И въ-самомъ-дѣлѣ, прибавилъ принцъ, зачѣмъ такъ коняться?

И говоря такимъ образомъ, Гастонъ такъ выразительно трѣпалъ на любимца своего, что ему не надо было ничего прибавлять, чтобы быть понятнымъ :

«Друзья мои, и ты самъ погибнете, но я выпутаюсь».

— Разумѣется, что вамъ нечего бояться, отвѣчалъ Пюйлоранъ. Если достаточно пить и ѣсть спокойно, ѣздить въ театръ и вить зайца, то вѣтъ ничего легче какъ достичь той степени славы, которой всё добиваются. К чему безпокойство, что подумаетъ о насъ свѣтъ. Вѣдь ваше высочество узнаете, что напишутъ о васъ историки, а если кто увидитъ осмѣлится сказать : «Вотъ человѣкъ, который преклонилъ голову свою передъ кардиналомъ и уговорилъ друзей своихъ вѣвать за нимъ на опасное предпріятіе, предалъ ихъ въ руки врага, не думая даже вступить за нихъ»: то вы не обратитъ на него своего вниманія и танцуя въ балетѣ или приклеивая ленточки къ медалямъ, забудете эту непріятность.

— Правда, что я играю не слишкомъ блестящую роль въ свѣтѣ; но если бѣ я сталъ даже и метаться, то и тогда не живу дольше назначеннаго срока.

— Напротивъ, вскричалъ Пюйлоранъ, въ униженіи вы живете дольше, потому-что вамъ будетъ спокойнѣе...

— Такъ ты совѣтуешь мнѣ бѣжать и снова вооружиться?

— Нѣтъ; мнѣ самому очень нравится въ васъ такое положеніе духа. Оставайтесь здѣсь, удовлетворите требованія роля и покоритесь его министру; а чтобы освѣтить славу послѣднимъ блескомъ величія, согласитесь на разрывъ съ пессою Маргаритою. Тогда имя ваше станетъ летать изъ уста и долетитъ наконецъ до Рима.

— Безъ моего согласія нельзя разторгнуть этотъ бракъ! сказалъ принцъ.

— Да вы согласитесь.

— Никогда! Скорѣе мѣни изрубятъ на части, чѣмъ прину-
дять къ такой низости.

— А я говорю, что согласитесь; и если бь король былъ здѣсь,
вы бь согласились въ эту же минуту.

— Такъ бѣжнть! бѣжнть! кричала герцогъ. Эй! Кто тамъ!
людей!

— Успокойтесь! Короли еще нѣтъ, онъ будетъ сюда только
черезъ три дни.

— Такъ что жь намъ дѣлать? Какой отвѣтъ дать брату. Научи,
что говорить и что дѣлать.

— Охотно. Вотъ что надо написать королю: «Госудрь, при-
знаюсь чистосердечно, что я не сказалъ правды на счетъ моего бра-
ка; но можно ль было требовать отъ человека доведеннаго до
крайнаго отчаяння, чтобъ онъ обвинилъ самъ себя. Если меня
принуждаютъ къ признанью для того только, чтобъ еще больше
унизить, то я соглашюсь, открывая вамъ мою душу унизиться
только передъ одними вами; но не передъ кѣмъ больше. Такъ
знайте жь, что двѣнадцатаго января нынѣшняго года, я соеди-
нился бракомъ съ принцессою Маргаритою, и рѣшусь скорѣе ли-
шиться жизни, чѣмъ расторгнуть эти священныя узы. Теперь я
все высказалъ, и мнѣ не въ чемъ больше признаваться. Если
же послѣ этого, меня снова будутъ преслѣдовать, то я буду имѣть
право думать, что враги мои, увѣряя, что откровенность моя
заслужить ваше прощеніе, — хотѣли только играть какъ монны
такъ и вашими чувствами».

— Пошлемъ это письмо, продолжалъ де-ла-Ажъ, а сами убѣ-
живъ, и станемъ ждать дѣйствій его въ какомъ-нибудь надеж-
номъ мѣстѣ. Потомъ вернемся и будемъ сильнѣе прежняго;
потому-что король начинаетъ негодовать на самоуправство карди-
нала. Какъ только мы уѣдемъ, онъ разсердится на кардинала,
что онъ принудилъ насъ къ такой крайности, когда все можно
было устроить мирно. Насъ вызовутъ и тогда настанетъ очередь
врага нашего дрожать передъ нами.

Бюльонъ, уѣзжая изъ замка, замѣтилъ какъ герцогъ и Пюльор-
анъ гуляли по террасѣ и потому отгадалъ намѣреніе ихъ бѣ-
жать. По возвращеніи своемъ онъ сообщилъ догадку эту кар-
диналу, прибавивъ, что они взобрались на Бретанскую Жердь какъ
жуки, которые, когда хотятъ летѣть, взбираются на маковки де-
ревъ; но шутка эта не разгладила морщинъ на лбу министра, онъ
даже не улыбнулся, потому-что угадалъ намѣреніе Пюльорана и опа-

сность, которой самъ подвергалея послѣ третьяго разрыва. И въ самомъ дѣлѣ, получивъ письмо отъ брата, король сталъ роптать на министра и досада его еще больше усилилась, когда онъ услышалъ, что Гастонъ и Пюйлоранъ бѣжали изъ Блоа. Тогда онъ сказалъ, что не хочетъ больше чтобъ его заставляли сердиться въ то время, когда онъ не сердить. Такимъ-образомъ кончилась вторая интрига Антоана-де-л'Ажа противъ кардинала Ришліё. Въ послѣдствіи увидимъ какимъ-образомъ Пюйлоранъ умѣлъ ввести въ эту интригу первую особу Франціи и Наварры, и какимъ-образомъ особа эта, отъ которой должно было ожидать успѣха, испортила все дѣло.

=

РИШЛІЕ

И ЕГО ПЛЕМЯННИЦА.

=

РАЗСКАЗЪ П. ДЕ-МИЮССЕ.

=

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

I.

Автоанъ де-л'Ажъ хотѣлъ войти въ милость по одной волѣ короля, не смотря на сопротивленіе кардинала. Игра эта была немного опасна; но въ интригахъ такого рода, въ самой опасности есть какая-то прелесть, потому-что придастъ величіе предпріятію.

Людовикъ Тринадцатый тотчасъ бы возвратилъ брата, если бы министръ, подъ предлогомъ, будто желаетъ пользы государству, не тѣшилъ злобы своей и не увѣрялъ короля, что семейная эта ссора можетъ сдѣлаться полезнымъ предлогомъ для покоренія Лорены.

И потому при французскомъ дворѣ старались казаться гораздо больше разгнѣванными на бѣгство Гастона, чѣмъ были въ-самомъ-дѣлѣ, и войску велѣно было идти на Нанси, куда оно и вошло безъ всякаго сопротивленія.

Т. ХСVIII. — Отд. II.

Орлеанскій съ приверженцами своими удалился въ Брюссель. Испанская инфанта приняла ихъ съ большимъ еще величіемъ чѣмъ въ первый разъ. Герцогу, на содержаніе дома выдавалось въ мѣсяць пятнадцать тысячъ ливровъ, что въ давнее время считалось огромной суммой. Молодымъ леди состоящимъ въ свитѣ герцога, раздали золотыя цѣпи съ бриллиантами, на которыхъ было изображеніе испанскаго короля; а бѣглымъ офицерамъ даво денежное награжденіе. Такія щедроты ослѣпили маленькій дворъ герцога Орлеанскаго. Изгнанники же, въ ожиданіи такнхъ подарковъ не могли дать ничего, — платили только почетомъ. Герцогъ подалъ примѣръ, объявивъ себя обожаемъ дочери графа Колонія, и скоро не было ни одной фрейлины, которой не нашлось бы поклонника въ свитѣ герцога.

Слѣдуя этой модѣ, Пюйлоранъ тоже сталъ ухаживать за мадамъ де-Шимэ и отдавать справедливость ея красотѣ. Событія перваго пребыванія Гастона Орлеанскаго въ Брюссель испанскія дамы стали учиться по-французски. Представленія стихамъ, танцамъ, музыкѣ не было конца, и не проходила одной ночи безъ серенады или бала.

Такъ-какъ испанскій этикетъ нанстрожайшій во всемъ свѣтѣ, то инфанта была спокойна за своихъ фрейлинъ. Благодарность дворцовыхъ стѣнъ, любовь вздыхателей выражалась въ поклонахъ, и молодые люди говорили съ своими побѣдителями только въ пріемные часы и при столыкихъ свидѣтеляхъ, чтобы не терять времени, и могли спать преспокойно, не заботясь, что дѣлаютъ дамы.

Съ полъ-дюжины ссоръ оживили всѣ эти прудѣлки.

Исключая маркиза Васеласа, который погибъ отъ собственихъ веловкости, другихъ несчастій не было. Послѣ обыкновеннаго перерыва мирялись, и большая часть изъ нихъ была оговорена съ этимъ Гастономъ.

Инфанту забавляли эти шадости, и если бѣ кардиналъ захотѣлъ только быть свисходительнѣе, то могъ бы, пользуясь знакомствами французской молодежи въ чужой странѣ, помирити инфанту съ Испаніей черезъ посредничество Гастона.

Мадамъ де-Шимэ, молоденькая дебютантка на поприщѣ свѣта, во всемъ смыслѣ слова красавица, съ сердцемъ и талантомъ шенно дѣвственннмъ, гдѣ чувства, какъ только что вышедши изъ яйца птички, начинали шевелиться, пробовала изподово тихо и скромно разговаривать съ Пюйлораномъ.

Книгиня, мать ея, особа умная, здравомыслящая, присутствовала при этихъ разговорахъ. Она видѣла, что мадамъ де-Шимэ влюбилась въ Пюйлорана.

что иное, как шутка, и потому была совершенно спокойна; снисхождение ей происходило тоже отъ дружбы къ Пюйморану, который былъ ей за это слишкомъ благодаренъ, чтобы обманывать ее, и музыканты, приемылаемые по вечерамъ де-л'Ажемъ, играли какъ для дочери такъ и для матери. И такъ кромѣ четырехъ или пяти букетовъ и столькихъ же лентъ, брошенныхъ лъвучкою изъ окна, Пюйморанъ, не извлекъ иной пользы изъ своихъ почныхъ прогулокъ, не включая простуды въ плечахъ и уврѣнности, что любимъ прекрасною, молодою особю; но онъ большого и не желалъ.

Когда въ Брюсселѣ веселились, раздоръ нашелъ средство пробраться туда и поселиться между врагами кардинала.

Королева-мать, начинающая старѣть, дѣйствовала только по совѣтанъ отца Шантелу. Подагрикъ этотъ съ злодѣйскою душою и яростною фizioноміей, былъ однако полонъ жизни и жерчи. Марія - Медичи и совѣтницы ея, ненависть которыхъ недопускала приискрѣнїя съ кардиналомъ, обвинили Пюйморана, будто онъ ведетъ переговоры безъ ихъ содѣйствїя; впрочемъ они и не ошиблись, потому что Гастонъ велъ тайную переписку съ бранды своими, королемъ.

Принцесса Фальсбургская, которая не могла простить Пюйморану ни того, что не надула его, ни продолки, которую съ нимъ сыграла, соединилась съ отцемъ Шантелу и съ герцогомъ д'Эльбѣю. Что же касаеться до президента де-Коаньё, то онъ, завидуя силъ Атевана де-л'Ажа, перешелъ на сторону королевы-матери.

Испанцы съ своей стороны роптали и гваржили, что Гастонъ въ мѣтну гостепрїимства и ласкъ инванты, оставилъ во Фландри только свои старые платя.

Однажды вечеромъ, Пюйморана луть не застрѣлили.

Маркизь д'Этонъ, губернаторъ Брюсселя, очень шумѣлъ и хлопоталъ, и хотя показывалъ, что отъездиваетъ злодѣя, однако не отъезжалъ его. Впослѣдствїи узнали, что это былъ человекъ, подкупленный аббатомъ Шантелу.

Однажды Гастонъ получилъ письмо, съ начала до конца писанное рукою короля.

«Съ ужасомъ узналъ я, любезный братъ, говорить Людовикъ-Тринадцатый, что жизнь твоя, на чужой сторонѣ подвергается опасности. Возвратись къ истиннымъ друзьямъ своимъ. Я прощаю твоихъ и съ этой же минуты возвращаю тебѣ вѣжностъ и веровительство брата. Кавалеру д'Эльбѣю поручено доставить тебѣ такія условїя, на какія можно согласиться».

Съ тѣмъ же курьеромъ пришло письмо къ Пюйморанъ кардинала.

Вотъ оно :

«Его величество, забывъ прошедшее, позволяетъ вамъ въ кровомъ дружбы, которою удостоиваетъ васъ его высочество сѣсть къ ногамъ его. Я радуюсь, что вы отдѣлились отъ гантовъ, которые не должны надѣяться на прощенье, и я радуюсь, что Богъ спасъ васъ отъ глупѣйшихъ интрижекъ-быть я докажу вамъ, и разтрогаю даже сердце васъ какъ въ дружбѣ такъ и въ ненависти, я всегда дѣлаю концомъ».

Подъ подивсю кардинала мадемоазель де-Понъ-Шатô сала :

«Дядюшка ищеть сургучъ и печать, но не находитъ, что и то, и другое у меня въ карманѣ. Я пользуюсь этою той, чтобъ сказать вамъ, что кардиналъ взялъ меня сей уху и спросилъ, очень ли буду я рада видѣть васъ и пріимнѣ будетъ слушать ваши любезности. Бѣгите скорѣй изъ ненавистной страны, васъ чуть не застрѣлили. Подписе обѣщайте все, и пріѣзжайте скорѣе, если не хотите, что умерла отъ скуки и безпокойства... Его святѣйшество меня; послѣ скажу вамъ, что онъ говорилъ мнѣ и чего и времени написать».

Автоанъ де-л'Ажъ желалъ вернуться во Францію не что боялся мужскихъ выстрѣловъ, но потому, что люб ему совѣтовала и нашептывала столько причинъ, гораздо тельнѣе причинъ честолюбія.

Маргарита де Понъ-Шатô скучала этою трагическою дателью, которая держала ее возлюбленнаго въ такомъ далекомъ разстоянн.

Пюйморанъ съ нетерпѣннѣмъ ожидалъ договора кардина рѣшимся подписать его безъ прекословно.

Каково же было его удивленн и радость, когда онъ увидѣ что условія эти были вовсе не такъ стѣснительны какъ далѣ, и что на нихъ можно было согласиться и безъ люб

Прибывшій ночью курьеръ разбудилъ его и подаль бумагой которой находились условія, писанныя по диктовкѣ мн рукою де-Шавиннъ :

Тайный договор между его святѣйшествомъ Арманомъ дю-Плесси, кардиналомъ, герцогомъ де Ришліе и Антоаномъ де-л'Ажель, маркизомъ де Пюйлораномъ, первымъ камергеромъ его королевскаго высочества герцога Гастона Орлеанскаго.

1. Кардиналъ, желая доказать Пюйлорану свое расположеніе и радость, которую чувствуетъ, видя совершенное и окончательное примиреніе, устроенное вышеупомянутымъ Пюйлораномъ, между королемъ и герцогомъ, возвращаетъ ему свою прежнюю дружбу и довѣріе.

2. Въ знакъ дружбы этой, кардиналъ обѣщаетъ Пюйлорану званіе герцога и пэра королевства, при первой услугѣ, оказанной имъ королю.

3. Пюйлоранъ во многихъ случаяхъ доказывалъ иѣжную склонность свою къ мадемоазель де-Понъ-Шато, меньшей племянницѣ его святѣйшества. Кардиналъ одобряетъ эту склонность и позволяетъ вышеупомянутому Пюйлорану надѣяться на благоприятныя желанія его слѣдствія.

4. Въ замѣнъ этихъ милостей Пюйлоранъ обязывается и клянется жизнью и честью объявлять королю обо всемъ, что можетъ быть предпринято противъ блага государя и государства. Наконецъ вышеупомянутый Пюйлоранъ обѣщаетъ употребить все, что по законамъ чести только возможно, чтобъ уговорить герцога разторгнуть бракъ свой съ принцессою Маргаритою Лоревскою.

Не иѣшкая ни минуты, Антоанъ написалъ въ низу договора свое согласіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Тронутый до глубины души благодарностью къ королю и министру за ихъ милости, я прошу прощенія у его величества за свои прежніе проступки и обязываюсь честью и жизнью въ точности исполнить четвертый пунктъ договора.

Пюйлоранъ, не помня себя отъ радости, подписалъ договоръ. Въ эту минуту его позвали къ герцогу.

Полу-одѣтый Гастонъ прыгалъ въ потьмахъ.

Договоръ его съ королемъ былъ также благопріятенъ какъ и Пюйлорановъ съ кардиналомъ.

Ему возвращали его званіе при дворѣ, помѣстья, жалованье, пенсію, губернаторство, и прощали, исключая де-Коаньё, всѣхъ его приближенныхъ. Одного только требовалъ король, чтобъ онъ съ терпѣніемъ перенесъ совѣщаніе сорбонскихъ докторовъ на

счетъ дѣйствительности его брака, не дѣйствительность раго король обѣщалъ разсмотрѣть въ такихъ же формахъ и прочихъ подданныхъ королевства.

Чтобъ выбраться изъ испанскихъ владѣній, Гастону надобно было имѣть немного осторожности и скромности; но характерные люди на всякомъ шагу поступаютъ необдуманно. Въмѣсто того, чтобъ сидѣть спокойно и ожидать случая вырваться во Францію, Гастонъ рѣшился идти къ брисселскому губернатору, чтобъ узнать, какъ расположены въ нему города. Добрыя вѣсти, лежавшія у него въ карманѣ, до того новали ему кровь, что онъ не могъ скрыть своей радости, и онъ такъ и хотѣлось болтать. Онъ началъ тѣмъ, что сталъ говорить надъ кардиналомъ; потомъ, испугавшись такой осторожности, хотѣлъ поправиться и, принявъ тонъ серьезности, началъ заговорить о новой войнѣ; онъ обязывался, если испанскій король захочетъ помочь ему — низвергнуть короля и заточить его въ монастырь. Недовѣрчивые взгляды испанскихъ полняковъ смущали Гастона, и страхъ помѣшалъ, какъ онъ забывался, толкая его все ближе и ближе къ катастрофѣ. Наконецъ онъ дошелъ до того, что предложилъ тутъ же подписать этотъ трактатъ съ инфантой.

Маркизь д'Этона воспользовался случаемъ, подалъ Гастону и предложилъ самому написать условія этого трактата. Погнѣвъ, пойманный на словѣ, не смѣлъ отказаться. Онъ селъ за столъ и началъ писать такой трактатъ, лучше котораго онъ не могъ и желать его католическое величество. Онъ требовалъ надцать тысячъ пѣхоты, три тысячи кавалеріи, двѣ роты артиллеріи и полмилліона ливровъ для начатія кампаніи противъ герцога кардинала.

Пюйлоранъ, не подозрѣвая, что дѣлается у Этона, зашелъ къ нему мимоходомъ въ ту минуту, когда Гастонъ, безъ всякаго противленія, отказывался отъ французскаго престола, и предлагалъ на часть Русильона и на Лорену.

Услыхавъ такія неслѣпости, Пюйлоранъ окаменѣлъ отъ удивленія, а герцогъ, пристыженный, смущенный такимъ грубымъ поступкомъ, смотрѣлъ на любимца своего, вытаращивъ глаза свои.

— Вы пришли кстати, сказалъ губернаторъ Пюйлоранъ, этотъ трактатъ не достаетъ одного, касающагося до васъ лично. Королю, государю моему, будетъ извѣстна страсть мадемоазель де Шинэ, и чтобъ удержать васъ въ странѣ

онъ сдѣлаетъ вамъ самыя выгодныя и самыя блестящія предложенія.

Пюйлоранъ просилъ позволенія взглянуть на трактатъ, взявъ его въ руки, и прочитавъ нѣсколько строкъ — немедленно разорвалъ его.

— Все это недовольно обдуманно, сказалъ онъ, особенно же не должно быть писано рукою герцога.

Губернаторъ сказалъ что-то по-испански окружающимъ его вельможамъ, потомъ, обратясь къ герцогу Орлеанскому, прибавилъ:

— Ваше высочество, какъ кажется, получило хорошія извѣстія изъ Франціи. Я радуюсь, что вы примирились съ вашимъ братомъ.

Въ эту минуту, Гастонъ, чтобъ скрыть свое смущеніе, хотѣлъ-бы провалиться въ преисподнюю. Онъ началъ было увѣрять въ противномъ и пускаться въ новыя сказки; но Пюйлоранъ, схвативъ его за руку, вывелъ насильно.

Вечеромъ, испанскіе комиссары шныряли около герцогскаго дворца, и на почту отданъ былъ приказъ не давать лошадей ни одному Французу.

Тридцать гайдуковъ, подкупленныхъ президентомъ ле Коаньё, отцемъ Шантелу и принцессой Фальсбургской, искали Пюйлорана, чтобъ схватить его, гдѣ только встрѣтятъ.

Таковы были слѣдствія мнимыхъ хитростей Гастона Орлеанскаго. Въ такихъ обстоятельствахъ бѣгство становилось необходимымъ, а выходы Гастона отнимали возможность на спасеніе, которое становилось очень трудно.

Утромъ, осьмага октября, герцогъ послалъ предложить губернатору охотиться на лисицу. Маркизь д'Этонъ не смѣлъ не отнустить охотничьихъ экипажей; но отвѣчалъ, что занять должность и пока его высочество будетъ охотиться, онъ останется съ Пюйлораномъ; это значило, что маркизь де-л'Ажъ останется въ Брюсселѣ заложникомъ.

Гастонъ, будучи увѣренъ, что на вѣкъ разстается съ своимъ любимцемъ, обнялъ его и ускакалъ въ восторгѣ, что оставилъ за собою испанскую Фландрію.

Уже съ девяти часовъ утра носился слухъ о бѣгствѣ Французовъ. Между-тѣмъ Пистоль прибѣжалъ предупредить Пюйлорана, что по случаю смотра войскъ можно попытаться убѣжать изъ города.

Де-л'Ажъ, взявъ съ собою одного Пистоля, вскочилъ на лошадь,

и съ самымъ спокойствіемъ его видѣть въ ней действительность
 скому кварталу. ^{ль} ^{чь} же формахъ

Подъѣхавъ къ дому княгини Шимэ, которая стояла
 черью на балконѣ, онъ поклонился имъ и хотѣлъ было заго-
 но мать махнула ему рукой, чтобъ онъ не останавливался
 жалъ скорѣй; дочь же бросила ему платокъ, обшитый круж-
 который онъ, по модѣ того времени, привязалъ къ плечу.

У намюрской заставы находился полкъ инфанта короля
 маневрировавшій въ это время.

Между любопытными Испанцы замѣтили двухъ всад-
 которые, пользуясь движеніемъ войска, ѣздили передъ фро-

Однѣ изъ офицеровъ, узнавъ де-л'Ажа, вскричалъ: «Пюй-
 бѣжить!»

Нечего было долѣ колебаться. Пюйлоранъ съ вожатыми
 имъ повернули на проселочную дорогу и исчезли вдал-
 солдата, пытаясь пересѣчь имъ дорогу, бросились черезъ п-
 наткнулись на канаву, и бѣглецы наши безъ особенныхъ
 ключевій домчались до большой дороги, идущей во Франц-

Послѣ пяти-минутной скачки во весь опоръ, Пистоль
 себя въ опасности, остановился, посмотрѣлъ издали на бр-
 скія колокольни и вскричалъ:

— Прощай, испанское гостепрѣимство, голландская рат-
 вы, бѣлокуроыя субретки милыхъ фландрскихъ кабачковъ, и
 мое нѣжное прощанье!

Съ этой минуты звѣзда Антоана де-л'Ажа начинаетъ
 шаться, и если бы не происшествія, которыя остается м-
 сказать, я бы не предпринялъ писать его исторію.

Двадцать перваго октября Гастонъ пріѣхалъ въ Сен-Д-
 и былъ принятъ королемъ очень холодно, какъ будто пос-
 это не нравилось ему. Пюйлоранъ находился въ Рюэлѣ, куда о-
 герцога къ обѣду. Гастонъ пріѣхалъ съ двѣнадцатью камер-
 которыхъ министръ тоже пригласилъ.

Какой торжественный день для нашего героя! Вои-
 кардиналъ обнимаетъ, ласкаетъ его и ведетъ гулять въ
 Главные фонтаны спущены, столы съ фруктами, конфет-
 винами разставлены въ гротахъ, музыка играетъ.

Передъ тѣмъ какъ идти въ столовую, кардиналъ съ
 скою улыбкою говоритъ Пюйлорану:

— Вы, какъ Полиемъ; считаете овецъ своихъ и не
 досчитаться. Я прикажу позвать племянницъ.

онъ сдѣлаеть вамъ самыя ровожденія и самыя токы свои, подоложенія.

— Ваше высочество, сказалъ министръ, обращаясь къ Гастону, вотъ три личика, для которыхъ прошу вашего снисхожденія и благосклонности. Старшей, мадамозель дю-Плесса-Шивра, нѣтъ еще двадцати-двухъ лѣтъ; это преумная и претепенная особа, что и видно по этому маленькому ротуку, кроткому взору и философскимъ движеніямъ. Графъ де-Гиншъ хочетъ выучить ее искусству любить, и повидному онъ, кажется, хорошо знаетъ свое дѣло, потому-что она слушаетъ терпѣливо его уроки. Мадамозель Мари де Понъ-Шатъ, старшая изъ меньшихъ, пренабожная особа, и до-сихъ-поръ хотѣла оставаться въ монастырѣ, чтобъ кушать тамъ варенье и учиться музыкѣ. Строгость правилъ ея видна по изящному вкусу въ ея одеждѣ, а мосье де-ла-Валеть, который уже давно влюбленъ въ эту милочку, учитъ ее теперь уставу своего собственнаго сочиненія. Что же до послѣдней, то это моя фаворитка. Будучи вооружена своими семнадцатью годами, станомъ сифиды, плутовскими глазами, блѣлыми локонами и этой остроумной рожцей, она всѣхъ васъ перехитритъ. Я никогда не осмѣлюсь дѣйствовать противъ ея воли и не возмусь выбирать ей мужа. Пускай дѣлаеть какъ хочетъ. Если Пюльорану угодно вести къ столу эту плутовку и сѣсть подлѣ нея, то я попрошу его дать ей нѣкоторые совѣты на счетъ выбора мужа, потому-что въ дѣлахъ такого рода, я думаю, онъ прекрасный совѣтникъ. Теперь, пойдемте обѣдать. Ваше высочество любить хорошее вино, я поподчую васъ самымъ лучшимъ.

Въ домѣ кардинала все было чрезвычайно роскошно и великолѣпно, столъ накрытъ по царски, метръ д'отели, облитые золотомъ, съ жезломъ въ рукѣ и шпагою при бедрѣ, шли передъ мясными блюдами, какъ это водилось у прицезвъ крови. Все подавалось на серебрѣ изящной работы. Принцъ удивлялся такому богатству.

— Я бѣднякъ, говорилъ онъ, въ сравненіи съ вашимъ святѣйшествомъ, и когда ворочусь къ себѣ въ деревню и стану рассказывать о чудесахъ этихъ нашему аббату, то всѣ назовутъ меня сочинителемъ.

Два винныхъ прилива къ головѣ отца Юсефа расположили его къ раскаянію. Онъ униженно просилъ прощенья у его высочества, что поддерживалъ упрямство кардинала ни въ чемъ не уступать, и съ нетерпѣніемъ дожидаяся конца обѣда, чтобы разцѣловать ручки герцога, котораго всегда обожалъ. Гас-

тонъ подсмѣивался, однако съ снисхожденіемъ, на-счетъ нѣжности, которая вдругъ очутилась на двѣ бутылки. Въ это время Антоанъ де-л'Ажъ разговаривалъ шепотомъ съ своей со-сѣдкой и отъ избытка счастья приходя въ умпленье, говорилъ ей что-то нѣжное; но дѣвушка спрашивала его съ колкою улы-кою, не пилъ ли онъ изъ одной бутылки съ отцемъ Іосифомъ.

Пюлоранъ замѣтилъ, что красота Маргариты распустилась какъ цвѣтокъ. Онъ восхищался ея розовыми, свѣжими щеками, приходилъ въ восторгъ отъ коралловыхъ губокъ и таилъ отъ але-бастровыхъ рукъ.

— Это политическіе предметы, говорила пресеріозно дѣвушка, слѣдовательно вы должны глядѣть на нихъ съ уваженіемъ; вѣдъ я представляю третій пунктъ вашего мирнаго договора. И этотъ третій пунктъ надѣлъ для васъ самый лучшій нарядъ. Какъ нра-вится вамъ эта прическа?

— Прелестная; никогда не видалъ я такой совершенной кра-соты какъ ваша!

— О! дядюшка осмотрѣлъ ее со всѣмъ возможнымъ тщаніемъ. Онъ превзошелъ себя въ этомъ третьемъ условіи. Но я напередъ говорю, что на счетъ четвертаго пункта намъ будетъ о чемъ по-думать. Кардиналъ готовится помучить васъ.

На этотъ разъ мы оставимъ геройскія чувства и покажемъ свою снисходительность. Притворитесь, будто старались раз-стрсить бракъ герцога, тогда вашъ скорѣй состоится. Дорога че-резъ Брюссель такъ длинна, что вы не скоро дойдете до меня такимъ путемъ; и потому свѣтую вамъ птти другой дорогой. Если дядюшка станетъ слишкомъ многого требовать, то третій пунктъ вступится за васъ. Онъ знаетъ, какъ надо усмирять кардиналовъ, дѣлать ихъ ручными; и розовыя ленты, кото-рыя вы видите на плечѣ его, вамъ назначены.

— Кажется, дѣти веселятся, сказалъ кардиналъ.

— Оставьте насъ въ покоѣ, отвѣчала дѣвушка; мы разби-раемъ условія договора.

Вечеромъ представляли одну изъ лучшихъ піесъ Коллета, въ которую поэтъ Шапелинъ вставилъ прекрасную тираду въ честь Гастова. Его высочество посылаетъ за авторомъ тирады. Ему представляютъ бѣдняка въ изношенномъ платьѣ, нечесанномъ па-рикѣ, разорванной фрезѣ и черныхъ чулкахъ, сдѣлавшихся рыжи-ми отъ грязи и дождей; но подъ грязною этою оболочкою скры-вается гениальный Шапелинъ, и Гастовъ, снявъ съ руки бри-ліантовый перстень, подарилъ его любимцу музъ и Аполлона.

На другой день, всѣхъ примирившихся ожидали въ Лувръ; королева также хотѣла праздновать возвращеніе своего деве-ра. Народъ толпился около кареты герцога и смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, хотя и видѣлъ его по-крайней-мѣрѣ сто разъ; но несчастія возвысили его въ глазахъ толпы.

Сколько надо имѣть твердости духа и силы воли, говорила толпа, глядя на Гастона, чтобъ сопротивляться такъ долго тиранству этого неумолимаго министра. Это герой, который не потерпитъ, чтобъ его долѣе преслѣдовали, и его святѣйшеству придется поубавить своей спѣси и упрямства.

За обѣдомъ королевы, Пюйлорана посадили подлѣ мадамъ де-Шеврѣзъ, которая отъ души, чистосердечно поздравляла его со счастьемъ и успѣхами въ свѣтѣ.

Вечеромъ, къ балу пріѣхали племянницы кардинала. Женихи съ невѣстами открыли балетъ, и Пюйлоранъ танцовалъ съ надюазель де-Повъ-Шатѵ. Подъ конецъ минуета, дѣвушки отшпилили съ плечъ ленты и отдали ихъ своимъ обожателямъ. Пюйлоранъ облекся въ цвѣта своей возлюбленной, и до свадьбы ему запрещался другой цвѣтъ, какъ розовый. Королеву занимала эта церемонія; она улыбалась рѣзвой и простодушной Маргаритѣ и подъ конецъ бала подарила тремъ сестрамъ по брилліантовому аграфу и браслету.

Гастонъ снова поселился въ люксамбургскомъ дворцѣ. Пюйлоранъ, возвратясь въ занимаемую имъ прежде комнату, вспомнилъ то время, когда онъ представлялся и былъ принятъ ко двору.

Онъ хотѣлъ было лечь въ постель, какъ кто-то постучалъ въ его спальную, и онъ увидалъ передъ собою желтое лицо Лопеса.

— Ваше сіятельство, сказалъ Абенсеррахъ, мнѣ надо вамъ сказать только одно слово отъ имени его святѣйшества: вотъ уже два дня какъ васъ угощаютъ, ласкаютъ, носятъ на рукахъ и позволяютъ куртизанить молодой дѣвушкѣ, которую вы любите, и рука которой вамъ обѣщана. По всему этому видно, что кардиналъ возвращаетъ вамъ свою дружбу. Въ замѣнъ всѣхъ этихъ милостей онъ ожидаетъ отъ васъ одной только услуги. Завтра начнутся вренія на счетъ развода герцога; и его святѣйшество надѣется на вашу помощь и содѣйствіе. Если дѣло уладится, то меньше чѣмъ черезъ недѣлю мы поздравимъ васъ счастливымъ супругомъ, герцогомъ и перомъ Франціи. Чтѵ отвѣчать мнѣ кардиналу?

— Что сдѣлаю все, что по чести можно сдѣлать, чтобъ удовлетворить его.

— Такъ примите жъ поздравленія мои, герцогъ; на будущей недѣлѣ вы будете засѣдать въ парламентѣ на креслахъ съ высокою спинкою. Желаю вамъ спокойной ночи и пріятнаго сна.

— Погоди, Лопесь, вотъ уже три года какъ я долженъ тебѣ сто червонныхъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство.... стоитъ ли объ этомъ говорить? я сказалъ вамъ, что приду за ними на-канувѣ вашего ареста; но если вы будете свиходительны къ кардиналу, то потребую свои деньги тогда, когда фортуна ваша дойдетъ до такой высоты, что вы будете на недосягаемомъ мѣстѣ.

Лопесь исчезъ и оставилъ Пюйлорана въ смущеніи и безпокойствѣ, какъ будто бы можно было предвидѣть, что заключается въ будущемъ.

II.

Гастонъ преспокойно разговаривалъ съ любимцемъ своимъ, въ кабинетѣ медалей, объ императорѣ Константинѣ, какъ вдругъ ему доложили о пріѣздѣ семи докторовъ, приславныхъ кардиналомъ доказать его высочеству недѣйствительность его брака. Гастонъ, со щеткою въ рукѣ, сметалъ въ это время пыль съ медалей.

Онъ приказалъ отворить двери, и ученые съ длинными фижоніями, какъ доктора, созванные на консилиумъ, вошли торжественно въ залу. Въ головѣ процессіи шелъ политическій капюшонъ отца Юсефа, потомъ шла черная мантия Бутинье, потомъ мрачныя и назидательныя лица отцовъ Гудрина, оратора; Мальяра, іезуита; Рабардо, профессора теологіи, и Леско и Изамбера, сорбонскихъ докторовъ.

Принесли кресла, и важныя особы эти составили грозное полукружіе, вооруженное логикой, правами и законами.

Гастонъ, всегда готовый все принимать въ смѣшную сторону, садится на столъ, и взявъ себя за животъ говорить:

— Вы пришли очень кстати, потому-что я чувствую вотъ здѣсь, глухую боль, и помощь науки мнѣ необходима. Принесли ль вы по-крайней-мѣрѣ аптеку?

— Мы пришли лечить не тѣло, а душу вашего высочества,

отвѣчаетъ скромно отецъ Іосифъ, и принесли лекарство, которое усноконитъ и облегчитъ ее.

Засѣданіе открыто.

Отецъ Іосифъ началъ высокопарныя пренія о бракахъ августѣйшихъ особъ вообще и о бракѣ Гастона Орлеанскаго въ особенноти.

По его мнѣнію, если бракъ этотъ не будетъ уничтоженъ, то государство и даже вся Европа подвергнутся опасности, и что все христіанство погибнетъ, падетъ безъ возврата. Почтенный отецъ Іосифъ прибавляетъ, что Римъ пойметъ эту необходимость и не замедлитъ прислать разрѣшающую буллу.

Де-Бутинье всталъ въ свою очередь и говорилъ, что по его мнѣнію брату короля нельзя вступить въ законный и дѣйствительный бракъ безъ согласія и одобренія его величества, особенно когда нѣтъ дофина, и когда вышеупомянутый братъ считается наслѣдникомъ престола. Въ такомъ случаѣ герцогъ облакается въ права самаго дофина, слѣдовательно подвергается тому же присмотру, и покоряется тѣмъ же обязанностямъ. Король имѣетъ надъ нимъ власть отца. А какъ герцогъ поступилъ противъ воли этой главы семейства и сочетался бракомъ безъ его соизволенія, то союзъ этотъ уничтожается и становится незаконнымъ, недѣйствительнымъ.

Доктора долго говорили въ этомъ родѣ; Гастонъ слушалъ ихъ то улыбаясь, то блѣднѣя.

Наконецъ онъ всталъ и сказалъ:

— Господа, вы насаказали мнѣ такъ много поучительнаго, прекраснаго, что разумъ мой не можетъ обхватить всего вдругъ. Погодите, дайте мнѣ подумать и посоветоваться съ Пюйораномъ; и если я найду, что бракъ мой и въ-самомъ-дѣлѣ незаконенъ, то нечего дѣлать, проглочу ваше лекарство.

Доктора, восхищенные такимъ рѣшеніемъ, встали, поклонились принцу и ушли церемоніальной процессіей, воображая, что несутъ уже хоронить чувства и любовь супруга. Но Гастонъ не хотѣлъ даже отвѣчать на консультацію, которую считалъ комедіей. Однако Пюйоранъ уговорилъ его смотрѣть на это дѣло какъ на серьезное, хоть для того только, чтобы не разсердить министра. И такъ рѣшено было, что Гастонъ пойдетъ къ королю и станетъ умолять его, чтобы онъ не заставлялъ его просить папу о разводѣ,—чего требовалъ кардиналъ и о чемъ говорили во время консультаціи доктора, — что это унижить его, и что онъ не можетъ поступать противъ своей совѣсти.

Пюйлоранъ взялъ на себя передать отвѣтъ принца кардиналу Герцогу и любимецъ его отправились вмѣстѣ въ Сенъ-менъ.

Доѣхавъ до Рюэля, Пюйлоранъ вышелъ и отправился министру, а герцогъ поѣхалъ далѣе.

При появленіи де-л'Ажа двери распахнулись настезь. Кардиналъ привалъ будущаго своего племянника съ улыбкою, дружески за руку и повелъ на терассу.

— Вѣроятно, ваше святѣйшество надѣется, что я представлю полную покорность герцога, сказалъ Пюйлоранъ. Во-первыхъ вотъ официальный отвѣтъ, который я долженъ передать въ слово: «Не смотря на желаніе угодить королю, своему герцогу, посовѣтовавшись съ совѣстью, считаетъ принцесса Маргариту, пока бракъ его не будетъ объявленъ гражданскимъ и духовнымъ судомъ недѣйствительнымъ, настоящею и законною своею женою».

— Это не худо, сказалъ министр. Посмотримъ теперь можемъ надѣяться отъ вліянія его любимца.

— Во-первыхъ я обязываюсь не допускать герцога дѣйствовать противъ желанія короля, когда его величество станетъ просить папу о разводѣ. Онъ дастъ вамъ свободу дѣйствовать самъ займется медалями или удовольствіями.

— Очень хорошо, отвѣчалъ министр; черезъ нѣсколько надо будетъ устроить, чтобъ онъ тоже приписалъ нѣсколько словъ на нашей депешѣ.

— Не ругаюсь, чтобъ онъ на это согласился; но я уговорилъ его, чтобъ онъ, когда король позоветъ его, не шутилъ этого дѣла въ шутку и говорилъ о немъ серьезно.

— Вы оказываете намъ, другъ мой, большую услугу, сказалъ министр. Такъ-какъ капитанъ отца Іосифа и докторовъ и въ-самомъ-дѣдѣ очень смѣшны, то мы бы не могли погибнуть, еслибъ герцогъ вооружился въ глазахъ короля какимъ-нибудь оружіемъ. Я все еще боюсь, чтобъ онъ не сталъ дѣлать бунтовъ.

Чего кардиналъ боялся, то и случилось.

Гастонъ, забывая наставленія Пюйлорана, вошелъ къ герцогу держа себя обѣими руками за животъ.

— Ахъ! государь, сказалъ онъ, пожалейте надъ бѣднымъ дальцею, которому доктора ваши прописали семь самыхъ горькихъ, самыхъ горькихъ и самыхъ густыхъ микстуръ.

ствую вотъ тутъ, въ правомъ боку, ужасную боль отъ пластыря *незаконнаго брака*, который преворачиваетъ всю мою внутренность, а на лѣвомъ лежитъ другой, называемый пластыремъ *недѣйствительнаго брака*, который душитъ, моритъ меня!

Король разсмѣялся, глядя на гримасы большого, а Гастонъ, ободренный успѣхомъ, началъ съ разными фарсами представлять совѣщанье и торжественный входъ докторовъ. Онъ передразнивалъ сильный голосъ отца Юсефа, занканье одного, картавленье другого, пискъ третьяго и все это приправлялъ схоластическими выраженіями. Король до того смѣялся, что хватался за бока. Наконецъ, среди этихъ выходокъ, Гастонъ передразнивая одного изъ судей своихъ, обращается къ самому королю и говоритъ сильнымъ голосомъ:

— Слѣдовательно, вы сами видите, что виноваты, я доказалъ вамъ это: а если вы все еще станете упорствовать и думать, что заражены болѣзью *conjungo*, то мы дадимъ вамъ въ такихъ большихъ приемахъ этого лекарства, что вы лопнете, тогда увидимъ, будете ли вы еще мужемъ принцессы Маргариты Лоренской; а если станете роптать, то разженимъ не только васъ, но всѣхъ родныхъ вашихъ, и друзей, и дворъ, и всю вселенную!

Вѣсть эта долетѣла до Руоля и какъ громомъ поразила кардинала, который прискакалъ во дворецъ съ самымъ строгимъ и озабоченнымъ лицомъ; но король продолжалъ смѣяться, самъ передразнивая отца Юсефа и Бутинье.

— Знаете-ли, кардиналъ, сказала она, что я совершенно обезоруженъ. И что за радость представляться разсерженнымъ, когда я самъ захохоталъ сейчасъ вмѣстѣ съ вами. Остадимъ этотъ шдоръ и не будемъ болѣе о немъ думать. Рѣшено, Гастонъ выкрадетъ свое дѣло.

— Какимъ важнымъ дѣломъ вы играетесь такимъ образомъ, отвѣчалъ министръ.

— Ну такъ судите сами! вскричалъ король. Поручаю вамъ это дѣло. Только меня не шутывайте.

— Я беру его на себя: вашему величеству надо будетъ только подписать.

Возвратясь въ Парижъ, Пюйморанъ началъ представлять герцогу какъ необдуманнымъ былъ его шутка; но Гастонъ отвѣчалъ, что шутка эта поправилъ дѣла ихъ.

На другой день отецъ Юсифъ прїѣхалъ такъ рано въ Либуръ, что засталъ Пюлорана еще въ постелѣ.

— Возлюбленный сынъ мой, сказалъ онъ, войдя въ комнату съ кардиналомъ провели всю ночь въ занятїяхъ. Вотъ рѣшительная просьба къ папѣ; она докажетъ ея сочувствію, въ самомъ ли дѣлѣ мы такъ смѣшны, какъ ему кажется. Вся просьба умѣстилась на шести страницахъ и подана уже королю и министрамъ. Успѣхъ зависить теперь отъ Уговорите герцога, что бы онъ подписалъ эту бумагу и два мѣсяца бракъ его уничтоженъ.

— Вы предполагаете во мнѣ гораздо больше власти, чѣмъ имѣю въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Пюлоранъ. Если бы я могъ рѣшительнѣе чувствовать герцога, то онъ былъ бы тогда автоматомъ или ребенкомъ, котораго слѣдовало бы отдать на руки нянечки.

— Мы считаемъ это дѣло труднымъ, продолжалъ Юсифъ, потому-то именно и обращаемся къ вамъ. На это надо намъ вамъ даемъ его и позволяемъ употребить хитрость и хитрости. Оставляю вамъ бумагу, а вы воспользуйтесь удобной минутой и заставьте его подписать:

— Не скрываю отъ васъ, что не надѣюсь на успѣхъ.

— Однако это необходимо. Вы знаете, что кардиналъ нечестивъ, и что женитьба ваша, состояніе, положеніе въ свѣтѣ нимъ словомъ все, зависить отъ успѣха этого дѣла.

— Но если наконецъ я не успѣю.

— Не пеняйте тогда на кардинала, а проститесь навсегда счастьемъ, герцогствомъ и царствомъ.

— Признайтесь однако, что это будетъ и несправедливо стою.

— Каковъ человѣкъ есть, таковъ и останется. Услуга за услугу, это девизъ кардинала. Прощайте, дитя мое; постарайтесь обдѣлать это дѣло; вы приближаетесь къ торжественной минутѣ, когда звѣзда ваша должна засіять, всѣмъ блескомъ своимъ навсегда померкнуть.

Аббатъ оставилъ Пюлорана въ страшномъ смущеніи отъ блестящихъ угрозъ. Положеніе его было ужасно. Если герцогъ Гастона не хотѣлъ заставить его разыгрывать роль вѣлика совершенно низкаго, то не могъ надѣяться на его покорность. Недоумѣніе бѣднаго Пюлорана было неразгаданное. Нечего сказать, что заставляло его содѣйствовать видамъ кардинала.

Герцогъ, самый ненадежный хранитель своей чести, такъ не вѣрилъ ее своему любимцу, что тотъ могъ употребить

этотъ священнѣйшій залогъ. Докучливостью и хитростью онъ могъ бы вырвать согласіе на подпись; но зато могъ тоже потерять дружбу и довѣріе герцога, когда тотъ впоследствии сталъ бы мучиться стыдомъ и раскаяніемъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, Пюйлоранъ основалъ бы свое счастье на низости, а душа его воставала противъ этой мысли; онъ краснѣлъ самъ передъ собою, и наконецъ, когда уже рѣшился отказаться отъ преступныхъ этихъ замысловъ, то надежды его, улетая одна за одной, вырвали изъ глазъ слезы, и онъ зарыдалъ какъ ребенокъ.

Между тѣмъ, Людовикъ Тринадцатый, которому повраились шутки брата, послалъ за нимъ конюха съ малой конюшни. Гастонъ уѣхалъ въ Сенъ-Жерменъ, рѣшась дѣйствовать этимъ новымъ оружіемъ. Бумага, присланная Пюйлорану кардиналомъ, перемѣнила его расположеніе духа. Де-л'Ажъ подаль ее герцогу въ ту минуту, когда онъ садился въ карету.

Король ожидая шутку, смѣху, и когда увидѣлъ, что братъ его ираченъ, разсерженъ, то обманутое ожиданіе заставило его обратить гнѣвъ свой на кардинала.

— Не безпокойся, не обращай вниманія на преслѣдованія этого неугомоннаго, несноснаго человека, сказалъ король, глядя на Гастона. Я не потерплю, чтобъ онъ разлучалъ насъ долѣе. Брось эту бумагу ко мнѣ на столъ; а я забуду ее. Теперь, какъ добрые братья, поговоримъ на свободѣ.

Въ эту минуту двери распахнулись и въ комнату вошелъ кардиналъ. Король былъ недоволенъ; блѣдное лицо его покрылось почти незаметнымъ румянцемъ. Онъ опустилъ глаза передъ испытующимъ взоромъ министра. Если бы кардиналъ осторожно ошупалъ грунтъ, то могъ бы одержать внезапную побѣду, потому что отъ него можно было уничтожить Гастона. Но онъ увлекся досадою.

— Я, кажется, пришелъ не кстати, сказалъ министръ, и помѣшалъ, вѣроятно, его высочеству разхвалять меня передъ вашимъ величествомъ.

Замѣшательство короля перешло немедленно въ гнѣвъ.

— Гастонъ справедливо на насъ жалуется, сказалъ онъ; намъ хотѣлось поговорить, повеселиться какъ вчера, а вы то сдѣлали, что веселость его улетѣла. Устройте такъ, чтобъ приходя ко мнѣ отъ не древося съ собою такой ирачной тоски; будетъ съ меня и своей собственности. Оставьте меня въ покоѣ съ вашимъ величествомъ поручаю, зачѣмъ вы принесли его. Я не стану сегодня заниматься.

— Такъ я оставляю ваше величество въ веселыхъ разговорахъ, отвѣчалъ министръ обидливымъ тономъ, и пока вамъ не угодно будетъ принять меня, я буду ждать въ комнатахъ Бутинье.

— Идите къ Бутинье, сказалъ Людовикъ сердитымъ голосомъ.

Послѣ ухода министра, Гастонъ употребилъ всѣ силы, чтобы развеселить брата, что и удалось ему послѣ сильныхъ напряженій ума.

Его величество снова сталъ веселъ.

— Какъ пріятно говорить, вскричалъ онъ, когда тутъ нѣтъ министра; пусть его сидитъ у Бутинье.

Наконецъ, черезъ часъ послали сказать кардиналу, что онъ можетъ придти заниматься; но дежурный офицеръ возвратился одинъ, и доложилъ, что его сватѣйшество изволилъ уѣхать въ Рюэль.

— Какъ я радъ! вскричалъ король, потирая руки отъ удовольствія; онъ сердится на меня, и увидишь, что завтра у него будетъ подагра. Я знаю всѣ его уловки. Онъ думаетъ испугать меня; но какъ-бы удивился, если бъ узналъ, что я только тогда и отдыхаю, когда онъ сердится.

Сервіанъ пріѣхалъ во дворецъ и объявилъ, что проѣзжая черезъ Рюэль, онъ узналъ отъ отца Юсефа, что съ кардиналомъ сдѣлалась лихорадка, и что онъ легъ въ постель съ подагрой.

— Чудесно! вскричалъ король, такъ я могу отдыхать цѣлую недѣлю. Надо воспользоваться временемъ. Послушай, братъ, пріѣзжай ко мнѣ завтра, только пораньше и привози съ собой Пюлорана. Онъ не любитъ кардинала; мы позабудемся на его счетъ, позлословимъ. Чтобы намъ было свободнѣе, я увезу васъ охотиться въ версальскіе лѣса; только ни кому ни слова: слышишь!

III.

Слѣдующій день остался памятенъ въ придворныхъ лѣтописяхъ. Пока король вставалъ и одѣвался, всѣ замѣтили нѣкоторый безпорядокъ въ этикетѣ, что возмутило даже самыхъ неустрашимыхъ. Исключая Сенъ-Симона, никто не получилъ никакихъ приказаній, и король ложась на-канунѣ въ постель, притворился, будто забылъ объ этомъ; но когда уже совсѣмъ легъ, то послалъ за сокольничимъ и приказалъ: взявъ соколовъ, немедленно ѣхать въ Версаль и никому не говорить объ этомъ ни слова.

Странная вещь, скороходъ, которому поручены были вина и закуска, не получалъ приказаній. Въ этотъ день король одѣвался въ малыхъ апартаментахъ, и когда Гастонъ и Пюйлоранъ прѣехали, то Людовикъ, надѣвъ въ присутствіи всего двора обыкновенное свое платье, сошелъ въ-низъ съ однимъ Сенъ-Симономъ, къ крайней досадѣ эпанченосцевъ, которые должны были провожать его до кареты. Лошадей заложили по тайному приказу камердинера Нейерта. Сенъ-Симону, какъ оберъ-егерь-мейстеру, слѣдовало бы вестн на подушкѣ охотничій ножъ и шпоры; но ножъ этотъ и шпоры находились уже при бедрѣ и пяткахъ его величества. Непонятно было, какимъ-образомъ могъ произойти такой беспорядокъ. Даже самъ Гастонъ, хотя и былъ предупрежденъ, однако остолбенѣлъ отъ удивленія, увидавъ брата на крыльцѣ, дѣлающаго ему знакъ оставаться въ каретѣ, и садящагося въ свой экипажъ только въ сопровожденіи одного Сенъ-Симона.

Изъ дворцовыхъ оконъ выглядывали лица, блѣдныя отъ удивленія.

Гастонъ отѣхалъ уже четверть лѣ отъ Сенъ-Жермена и сказалъ во весь опоръ за экипажемъ брата.

Въ это время скороходъ съ виномъ, предупрежденный Нейертомъ объ отъѣздѣ короля, чуть не упалъ въ обморокъ отъ испуга, что опоздалъ. Несчастный собиралъ въ поспѣхахъ предметы, выстакенные на реестрѣ, какъ-то: осемь хлѣбовъ, сухари, конфекты, фрукты, четыре пирога съ говядиной, салфетки и бутылки съ виномъ. Кладя все это въ красный суконный мѣшокъ, онъ плакалъ, вздыхалъ и рвалъ на себѣ волосы. Гофъ-фурьеръ, готовя серебро, ножи, вилаки, рюмки, стаканы и фарфоровыя блюда, терялъ голову, рвалъ, металъ все, проклиналъ всѣхъ, и вмѣсто того, чтобъ уложить все это на лошадь малой охоты, онъ сѣлъ въ колымагу, запряженную шестернею и поскакалъ во весь опоръ, дрожа всѣмъ тѣломъ, что опоздаетъ къ завтраку.

Король уже охотился съ часъ, и соколы его успѣли схватить съ дюжину сорокъ и воронъ, когда гофъ-фурьеръ и скороходъ прибыли къ назначенному мѣсту. Страхъ и волненіе ихъ развеселили короля.

Накрыли завтракать на лугу. Собесѣдниковъ было только четверо, а провизіи привезли на пятнадцать человѣкъ.

Гастонъ подаль салфетку его величеству, а какъ кравчаго тутъ не было, такъ врестой камеръ-лакей попробовалъ за него вино. За десертомъ, король махнулъ рукой и сказалъ прислугѣ:

— Можете идти, господа.

Тогда поняли, отчего произошел такой беспорядокъ, слуга удалилась подъ деревья, дѣлая свои замѣчанія и закл.

— Сколькó труда, вѣрчалъ король, чтобъ поговорить на свободѣ! Теперь только я вижу свою неволю! Мнѣ и говорить съ братомъ 'наединѣ, и я не могу этого сдѣлать. ко вездѣ народу! у дверей, за дверьми. на каждомъ шагу, что во всемъ домѣ нѣтъ нѣсточка, гдѣбъ я могъ высказатъ въ полной увѣренности, что ее никто не подслушалъ. На это если только сороки не слушаютъ насъ, то я думаю, что и удобное для того мѣсто. Знаешь ли что, братъ? вѣдь преве вернуть все вверхъ дномъ и вести интриги? Я насла теверь этимъ удовольствіемъ, которымъ ты и Пюйлоранъ часто наслаждался. Я хочу посоветоваться съ вами обо отчетъ одного очень важнаго дѣла, на которое не могу с шиться. Его святѣйшество кардиналъ, сидя въ Рюэль, и показывать видъ, будто вызываетъ меня на бой. Онъ д что безъ него и житья нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. Мнѣ не п этотъ повелительный тонъ, и если онъ станетъ продолжа то я докажу ему, что со мною нельзя шутить. Слушай хорошевыко, братъ. Во время переговоровъ о манту наслѣдствѣ, мой родственникъ и союзникъ, герцога скій, для поддержанія правъ своихъ, просилъ моей ши. Я собралъ совѣтъ. Шомбергъ и Шатильонъ был брые полководцы; ихъ не пугала война; а между-тѣмъ ве вѣтовывали мнѣ предпринимать такую трудную и раззорит вонну изъ за такого маленькаго государства, какъ герцогс туанское, и такого ничтожнаго союзника, какъ герцогъ скій. Только одинъ человекъ осмѣлился объявить мнѣ, чт престола требуетъ вступить за право вѣрнаго союзника котораго несправедливо отнимаютъ наслѣдіе его предко слѣдуетъ лучше вѣмъ пожертвовать, чѣмъ оставить его счастія. Честный человекъ этотъ былъ кардиналъ; онъ в истинное участіе въ моей славѣ. И послѣ этого, какъ д ты, можно ли отдѣлаться отъ такого неустрашаемаго мнни

— Но вотъ что труднѣе будетъ найти и замѣнить ум лтельность кардинала.

— Однако ты самъ видишь, что безъ него у меня б стало ни храбрости, ни твердости.

— А графъ де-Совессонъ, спросилъ Пюйлоранъ, прие валъ при вашемъ совѣтѣ?

— Нѣтъ не присутствовалъ, отвѣчалъ король. Графа тутъ не было, вѣкъ дулся тогда на кардинала и сидѣлъ у себя дома.

— Онъ посоветовалъ бы вамъ войну. А герцоги де-Гизъ и де-Бульонъ были въ совѣтѣ?

— Нѣтъ не были: первый скрывался въ Провансѣ, другой въ Седанѣ.

— А Монморанси?

— Кардиналъ послалъ его осматривать войско.

— Ваше величество замѣтить, что кардиналъ тщательно удаляетъ отъ вашей особы всѣхъ храбрыхъ и честныхъ людей, жаждущихъ какъ и онъ самъ, славы, чести и похвалъ. Герцогъ де-Монморанси пылкимъ характеромъ своимъ увлекъ бы васъ на войну; Бульонъ и Гизъ посоветовали бъ то же самое; а кардиналу не хотѣлось разыгрывать роль только мудреца, который управляетъ и охлаждаетъ пылъ страстныхъ воиновъ, то онъ такъ устроялъ, чтобъ быть въ одно и то же время и неустрашимымъ совѣтникомъ и храбымъ примирителемъ. Отдалите этого завистника и вы увидите силу, твердость, мудрость и осторожность людей, которыхъ кардиналъ умѣетъ держать въ отдаленіи отъ престола. Этотъ сильный министръ всегда такъ поступаетъ; привлекаетъ къ себѣ слабыхъ, ничтожныхъ и дѣлаетъ ихъ своими орудіями, а тѣхъ, кто не хочетъ передъ нимъ унижаться и можетъ возвыситься самъ собою, посредствомъ собственныхъ заслугъ, тѣхъ онъ удаляетъ или навсегда разбиваетъ ихъ будущность, потому что заслуги и слава ихъ не принесутъ ему никакой пользы.

— Такъ ты думаешь, продолжалъ король, что если мы оставимъ его въ Рюэлѣ, то найдемъ на его мѣсто людей достойныхъ, которыхъ онъ подавляемъ своимъ могуществомъ.

— Безъ сомнѣнія, государь.

— Такъ не говорите жъ объ этомъ никому. Это будетъ наша тайна; а я подумаю обо всемъ.

Сенъ-Симонъ позвалъ прислугу, и по возвращеніи въ Сенъ-Жерменъ, этикетъ снова пришелъ по немногу въ прежній порядокъ.

Когда кардиналъ страдалъ подагрой, то диктовалъ приказы свои Бутилье. Вдругъ всѣ занятія прекратились. Отецъ Юсифъ нигде не показывался; ни какой бумаги не выходило изъ Рюэля, и ни одного изъ слугъ его святѣйшества не было видно ни въ Луврѣ, ни во дворцѣ. Напрасно поклонники иквистра подѣзжали къ дверямъ его, онъ не растворялся. Даже Боа-Робера и Ботроэ,

этихъ необходимыхъ свидѣтелей кардинальскаго туалета, и каки больше въ его уборную. Никто ничего не зналъ ни о повѣреніяхъ, ни о дѣйствіяхъ его святѣйшій мрачная боязнь выражалась на лицахъ всѣхъ его приближенныхъ. Друзья его скрывались и только одно журчанье воды нарушало мертвую тишину его загороднаго дворца.

Однажды утромъ, Пюйлоранъ, ида играть въ кегли, попался на углу улицы съ Лопесомъ. Мавръ опустилъ гонимый хотѣлъ пройти незамѣченнымъ.

Пюйлоранъ остановилъ его.

— Ты не убѣжишь отъ меня, вскричалъ молодой человекъ. Отвѣчай: что значить такая странная неподвижность двора?

— Почему мнѣ знать? Можетъ-быть онъ опасно боленъ, вижу его, все равно какъ и другіе.

— Это не правда. Повѣренности твои не прекращаютъ время болѣзни.

— Когда его святѣйшество или скучаетъ, или груститъ безъ удовольствія слушаетъ мои исторіи, и не вѣдаетъ мнѣ васъ, маркизъ, надо спрашивать, нѣтъ ли чего нового свѣтъ. Не слышать ли кто будетъ первымъ министромъ? Не дадутъ ли вамъ котораго-нибудь изъ титуловъ его шествія? Хоть наприимѣръ званіе главнокомандующаго на восточными силами Франціи? Меньшаго вамъ и дать нельзя.

— Ты забавляешься надо мною, плутъ этакой? Но не вѣдаетъ не требуешь своихъ денегъ; по этому я знаю что мнѣ нечего бояться.

— Вы сильнѣе насъ; король совѣщается съ вами на воздухѣ, на версальской травѣ. Передъ вашей силой мы все знаемъ знамена свои. Такъ приготовляйтесь къ паденію короля и будьте увѣрены, что онъ останется такъ же величественъ такъ же славенъ и благороденъ, какъ былъ во время своего шествія. Ну, а Маргарита? . . . вы и ее разлюбили? вы принесете ее въ жертву какъ и бѣднаго дядю ея?

— Помилуй, Лопесъ, можно ли допускать такіа мнѣ люблю ее болѣе жизни. Зачѣмъ нѣтъ у меня довольно денегъ чтобъ сдѣлать изъ нея владычицу вселенной! Зачѣмъ не требовать руки ея у министра; вступитъ съ нимъ въ переговоры; я возвратилъ бы ему тогда милость короля, отдавъ чтобъ удовлетворить его. Но если онъ падетъ, то скажи что я никогда не покину свою возлюбленную. Скажи

миному этому существу, что только для нея одной я подвергаю жизнь свою опасности; что только о ней одной я думаю, и докажу, что не мщение, а любовь руководила моими дѣйствіями.

— Хорошо, я передамъ все это барышнѣ. Прощайте, маркизъ, а болѣзнь тоскою по родинѣ и потому возвращаюсь въ Испанію.

Сказавъ это, Лопесъ захохоталъ злобно и убѣжалъ отъ Пю-жорана.

Дю-Галье, капитанъ гвардіи, былъ рослый, статный и красивый молодой человекъ.

Однажды вечеромъ король посмотрѣлъ ему въ лицо и обратился къ Орлеанскому, сказалъ:

— Вотъ славный малый, который вѣрно съумѣетъ посадить кардинала въ карету и отправить его въ Ангудемъ.

— Свезу! отвѣчалъ Дю-Галье, и не одного, если прикажетъ его величество.

— У насъ хорошіе слуги, сказалъ король проходя мимо.

Въ тотъ же вечеръ, когда король ложился спать, Гастонъ подавалъ ему сорочку. Его величество спросилъ не слышать ли чего-нибудь о министрѣ.

Сенъ-Симонъ отвѣчалъ, что онъ прикидывается опасно больнымъ.

— Онъ до-тѣхъ-поръ ставеть прикидываться, пока и въ самомъ дѣлѣ не умретъ, сказалъ король.

Пока дежурный камердинеръ ставилъ складную кровать свою подѣ королевской, Людовикъ пожалъ руку брата, и пожелавъ ему вслухъ доброй ночи, прибавилъ шопотомъ:

— Првходи завтра утромъ; пора предпринять нѣкоторыя мѣры.

Утромъ, во время вставанья, король чувствовалъ себя всегда нездоровымъ, слабымъ, въ какомъ-то изнеможеньи, которое отнимало у него и волю и память.

Гастонъ напомнилъ ему вчерашнее намѣреніе.

Людовикъ насилу вспомнилъ, и потребовавъ спирту и холодной воды, справился о погодѣ; потомъ сталъ жаловаться на холодъ, на жаръ, и не хотѣлъ ни о чемъ больше говорить.

Въ продолженіи дня съ возвращеніемъ силъ, онъ сдѣлался бодрѣе и сказалъ Гастону:

— Надо подумать о мѣрахъ, какія должно предпринять въ этомъ дѣлѣ, но для этого мнѣ надо прежде поправиться въ здоровьѣ.

Случай былъ потерянъ: но по временамъ король жестоко под-

шучивалъ надъ кардиналомъ, надъ его подагрой и упорнымъ заключеніемъ въ Рюэль.

Прошли двѣ недѣли въ разговорахъ и намѣреніяхъ.

Однажды утромъ Гастонъ, выжидающій случая поговорить съ королемъ наединѣ, подстерегъ его въ ту минуту, когда онъ входилъ въ комнату, гдѣ были собаки.

Герцога вошелъ за нимъ.

— Государь, сказалъ онъ, надо на что-нибудь рѣшиться. Ставьте кардинала и покажите однажды на всегда, что вы заставите служить себя такъ какъ надо.

— Вотъ уже недѣли, какъ я о другомъ и не думаю, отъ короля, но вижу много препятствій. Если я отдамъ дѣла Дюбуатри, Бутинье, Бульону или Сервьяву, то они тотчасъ же пойдутъ въ Рюэль и сообщатъ все кардиналу, а человѣкъ этотъ на меня такое вліяніе, что если онъ придетъ, и я увижу, что онъ снова проситъ его.

— Такъ не допускайте его до себя, а позовите лучшихъ, Сервьяна и другихъ къ себѣ въ кабинетъ; составьте новое министерство и новый совѣтъ, и чтобъ все было кончено въ два часа времени. Прикажите мнѣ сообщить имъ вашу волю, и я сумѣю заставить ихъ молчать.

— Хорошо, дѣйствуй какъ знаешь.

— Такъ рѣшено? Смотрите же не раздумайте. Сегодня утромъ я переговорю съ Бутинье, де-Ноё, Бульономъ и Сервьяномъ. Когда угодно вамъ будетъ принять насъ всѣхъ вмѣстѣ и принять рѣшеніе?

— Завтра послѣ обѣда.

— Такъ до завтра. Вы избавитесь отъ своего кардинала, если онъ придетъ, то не принимайте его.

— Рѣшено и подписано.

IV.

Когда Гастонъ возвратился въ залу, то лицо его сіяло торжествомъ, что опытный глазъ тотчасъ же могъ приговорить кардинала.

Привѣхавъ въ Парижъ, первымъ дѣломъ Гастона было назначеніе новыхъ министровъ.

Отъявленные враги кардинала съ намѣреніемъ выбрали начальниками кабинета Сервьяна, человека съ хорошими

ранъ и притворно наружностью; герцогу встрѣтилъ его на церковной паперти и привезъ въ Люксембургъ, а за Бульонемъ послалъ одного изъ секретарей своихъ, который искалъ его по всѣмъ домамъ и возвратился съ нимъ тогда, когда все уже собралось. Что же до Бутинье, то онъ жилъ въ Сенъ-Жерменѣ, следовательно было время о немъ подумать.

Будущихъ министровъ ввелъ въ кабинетъ медалей.

Герцогу, любившій говорить рѣчи, ясно изложилъ имъ намереніе короля и роздалъ высшія, назначенныя имъ должности.

Де-Ноле, человѣкъ необыкновенно набожный, какъ смиренный христіанинъ, покорился внидавшимъ на него милостямъ; а Бульонъ не могъ скрыть своей радости. Трое избранныхъ остались ужинать въ Люксембургѣ и пили за успѣхъ своего управленія. Такимъ образомъ нельзя было предполагать, чтобъ который-нибудь изъ нихъ проболтался. Между-тѣмъ, въ воздухѣ есть всегда какое-то дуновение, предвѣщающее великія событія.

Когда герцогу сталъ раздѣваться и ложиться спать, то увидѣлъ шестьдесятъ новыхъ лицъ, которыя прежде никогда не являлись ему. Пюйлорану тоже все угождали и выжидали случая сказать что-нибудь лестное. Герцоги, пэры, губернаторы провинцій кланялись ему, поручали себя его милости. Это походило на всеобщее предчувствіе; но никто не зналъ еще, что перемена эта должна была произойти на другой день. Гастонъ и Пюйлоранъ не спали цѣлую ночь и провели ее въ воздушныхъ замкахъ. Наконецъ насталъ день, но день темный, сумрачный, потому что это было одиннадцатаго ноября.

Небо начинало загораться, когда карета герцога подъѣхала къ крыльцу люксембургскаго дворца. Лошади помчались стрѣлою. Меньше чѣмъ въ полтора часа онъ доѣхалъ до Сенъ-Жермена. Ле-Кудрэ-Монпансиэ, котораго герцогу оставилъ тамъ накануне, ожидалъ его верхомъ, у подошвы горы, и какъ только завидѣлъ его карету, то немедля замахалъ шляпою.

— Былъ здѣсь кардиналъ? спросилъ Гастонъ.

— Ни души не было изъ Рюэля, отвѣчалъ ле Кудрэ; кардиналъ преспокойно спитъ себѣ.

— Дай Богъ, чтобъ это былъ вѣчный сонъ! вскричалъ герцогу.

Бутинье, не подозревая своего счастья, покорился въ объятіяхъ Морфея. Гастонъ разбудилъ его и таща за ноги сказалъ со смѣхомъ:

— Надо сдѣлать новое платье, пріятель; эта одѣждится министру.

— Не понимаю, что́ хочетъ сказать этимъ ваше величество, отвѣчалъ Бутинье.

— Прикажите подать вина; а я за это объявлю вамъ новую новость. Я такъ торопился къ вамъ, что не успѣлъ завтракать.

Принесли завтракъ, за которымъ Гастонъ разсказалъ случилось въ продолженіи однихъ сутокъ.

— Вотъ дѣло, хорошо приведенное къ концу! вскричалъ Бутинье. Тутъ все есть, даже тайна, которую такъ трудно узнать. Прощай теперь могущество и власть первѣйшаго министра въ мірѣ! Наслѣдство его трудно будетъ таскать, сто одного насъ будетъ трое.

Шесть камергеровъ, самыхъ близкихъ къ герцогу, и Бутинье одинъ за другимъ. Это были: ле-Кудрэ, Шарни, двое братьевъ Сенантъ и дю-Плесси.

Въ десять часовъ была назначена обѣдня.

Прошло девять, какъ Пюйлорана вызвали и сказали какой-то человѣкъ престранной наружности желаетъ видѣть и сообщить что-то важное. Человѣкъ этотъ былъ Пислосы его были включены и онъ изнемогалъ отъ усталости.

— Маркизь, сказалъ онъ, хотя вы мнѣ и не сообщали намѣреній, но я угадываю, что вы дѣйствуете теперь въ нибудь важномъ предпріятіи. Вы не дали мнѣ никакихъ вѣстей, однако я самъ отъ себя сталъ караулить въ Рию. Смотрѣлъ, что тамъ сейчасъ торопятся закладывать кардинала я узналъ кардинала по его красной мантии и мнѣ идетъ во дворецъ, и я опередилъ его четвертью часа. Предвѣстивъ васъ, теперь дѣлайте какъ знаете.

Пюйлоранъ былъ такъ блѣденъ когда возвратился въ Бутинье увидавъ его, сказалъ.

— Посмотрите, вотъ идутъ не добрыя вѣсти.

— Не пугайтесь, господа, сказалъ Пюйлоранъ, кардинала во дворецъ и черезъ десять минутъ будетъ уже тамъ. Пусть не смѣетъ покушаться говорить съ королемъ. Если король приметъ его, мы торжествуемъ; если же приметъ....

— То мы погибаетъ! вскричалъ Гастонъ. Я не остаюсь тогда, и бѣгу въ Лорену! Эй! кто тамъ! лошадей!

— Погодите! вскричалъ Пюйлоранъ. Подождите пока не войдетъ въ дворецъ кардиналъ успѣлъ войти къ королю.

— Пусть ждет тотъ, кто хочетъ, сказалъ герцогъ, выходя изъ себя; я не намѣренъ умирать въ Венсенскомъ замкѣ. Бѣдемъ, бѣдемъ!

— Помилуйте, продолжалъ Пюйлоранъ, не васъ, а меня туда посадятъ. Король держитъ свое слово, и если далъ его, то не приметъ кардинала. Сойдите на дворцовый дворъ и не отступайте передъ миною, или по крайней мѣрѣ невѣрною опасностью. Кто ручается, что дю-Галле не арестуетъ его? Можетъ-быть онъ больше вашего теперь боится. Сойдите господа, и по кажемъ-вразу, что мы не боимся его.

Шестъ камергеровъ присоединились къ Пюйлорану и почти весельно увлекли Гастона. Черезъ пять минутъ прѣехала карета кардинала. Вмѣсто того, чтобъ остановиться у главнаго подъѣзда, кучеръ повернулъ въ-лѣво и подъѣхалъ къ боковой лѣсницѣ, ведущей въ тайные покои.

Герцогъ блѣднѣлъ и тарашилъ глаза, которые чуть не высказывали изъ своихъ впадинъ.

Его святѣйшество, проѣзжая мимо, бросилъ спокойный взглядъ на враговъ своихъ.

— Оставайтесь здѣсь, сказалъ Пюйлоранъ, обращаясь къ принцу и друзьямъ его. Я же попробую пробраться за кардиналомъ, и узнаю, какъ приметъ его король, и кому надо бояться ошалы, намъ или кардиналу.

Когда Пюйлоранъ всходилъ по первымъ ступенямъ, то слышалъ надъ собою шорохъ шаговъ министра. У кардинала былъ хорошъ слухъ.

— Кто-то слѣдитъ за нами, сказалъ онъ Кавао: посмотрите, кто тамъ.

Кавао остановился, послушалъ, потомъ отвѣчалъ:

— Никого, ваше святѣйшество, вы изволили ослышаться.

Двери въ особые покои отворились; дежурный камердѣреръ, не получивъ никакого приказанія, впустилъ министра.

Въ эту самую минуту вошелъ Пюйлоранъ.

Къ счастью еще, что Нейертъ, а не другой былъ въ этотъ день дежурнымъ.

Онъ схватилъ Пюйлорана за руку, увлекъ въ-сторону и приложилъ палецъ ко рту, сдѣлавъ знакъ, чтобъ онъ молчалъ. Потомъ втолкнувъ его въ гардеробную, гдѣ висѣло охотничье платье, и поставилъ подлѣ перегородки, сквозь доски которой можно было все слышать.

— Такъ вотъ, наконецъ, сказалъ министръ, этотъ проклятый

человѣкъ, который надеждаетъ вашему величеству, душноносимыми духами, кашляетъ такъ, что разстроиваетъ не довольно чисто держать свои ногти. Какъ это ваше ство такъ долго могли переносить такого раздушеннаго м. Осада Ромеля капитана мускусомъ, который совершенно тель побѣду надъ Лореной, такъ-что будущіе истори муть: «Злосчастный этотъ кардиналь прославилъ бы своего; и одержалъ бы побѣду во время италянской и еслабѣ не сухой нашель, который уничтожалъ всё до его дѣйствій и мудрость его совѣтовъ.

— А! вижу, вскричалъ король со смѣхомъ, что его ство продалъ меня.

— Нѣтъ! за это я отвѣчаю! продолжалъ кардиналь ему хочется царствовать за васъ, а Пюйлорану управл дарствомъ за меня. Удалитесь. Почему и не уступитъ это этимъ ушнымъ головамъ?

— Не уступайте, оставайтесь; только, что жъ намъ д братовъ?

— Подъ вѣрной стражей послать въ Блоа.

— А съ Пюйлораномъ?

— Въ Венсенскій замокъ, государь, въ темницу!

— Никогда! Я его сообщникъ. Если я оставлю его, имѣть по-крайней-мѣрѣ право на мое состраданіе.

— Мнѣ все равно; не сегодня такъ завтра люди эти туда, куда сѣдуетъ, потому-что изтощать и состраданіе и доброту, и терпѣніе. Они не могутъ избѣгнуть своей.

Де Нейертъ сдѣлалъ знакъ Пюйлорану, что ему бѣжать; потомъ отворивъ двери, сказалъ ему шепотомъ:

— Прощайте! желаю вамъ добраго пути.

— Я не уѣхалъ еще, отвѣчалъ Пюйлоранъ.

Гастонъ съ друзьями ожидалъ де-л'Ажа ввизу лѣстницы Герцогъ, какъ онъ привыкъ это дѣлать въ опасныхъ тельствахъ, говорилъ безъ умолку, бряцалъ деньгами нанѣ, тарашилъ глаза, и все это приправлялъ самыми ст тѣлодвиженіями и взглядами.

— Король оставляетъ насъ, друзья! вскричалъ Пю сбѣгая съ лѣстницы, и въ эту минуточку упрочиваетъ нашу ность: его высочество подъ вѣрною стражею везутъ въ Блоа; меня въ Венсенскую башню, а вамъ всѣмъ дадутъ ры въ Бастилію. Теперь надо условиться, что дѣлать?

— Гдѣ тутъ уговариваться! вскричалъ герцогъ. Развѣ зайцы уговариваются, когда за ними гоняются собаки?

— Еще не все погибло. Когда кардиналъ уйдетъ, то вашему высочеству слѣдуетъ послѣ обѣда идти въ тайный совѣтъ, и мы, упрямивъ короля сдержать слово, можемъ еще взять верхъ надъ его любимцемъ. Что же до бѣгства, то я лучше соглашусь умереть въ темницѣ, чѣмъ въ третій разъ окатиться на бельевыя дорожки. Я остаюсь.

— Я остаюсь съ Шюллераномъ, сказалъ ле-Кудрэ-Монпансиѣ.

— И я тоже! вскричали попеременно одинъ за другимъ Гуля, Шариза, оба Сенанта и дю-Плесси.

— Несчастные! вскричалъ Гастонъ отчаяннымъ голосомъ, вы губите и меня. Великій Боже! что дѣлать? на что рѣшиться?!

— Схватить врага, отвѣчалъ чей-то голосъ.

Пистоль, скрестя ноги, сидѣлъ на тумбѣ и преспокойно глядя на разговаривавшихъ, чистилъ плащомъ своимъ рукоять рапшры.

Настала минута глубокаго молчанія, въ продолженіи которой кто было, что какая-то новая мысль вошла въѣвъ вдругъ въ голову.

Ле-Кудрэ Монпансиѣ подошелъ къ Шюллерану и сказалъ ему:

— Человѣкъ этотъ правъ, намъ остается одно спасеніе— схватить кардинала, на этомъ самомъ мѣстѣ, когда онъ выйдетъ съ лѣстницы.

— Надо схватить его! вскричали въ одинъ голосъ приверженцы Гастона.

— Друзья мои, сказалъ Шюллеранъ, кардиналъ мой заклятой врагъ, но я люблю его племянницу и не могу рѣшиться приговорить его къ заточенію. Дѣлайте, что хотите, я не вмѣшиваюсь.

— Пусть рѣшатъ голоса, сказалъ ле-Кудрэ. Кардинаду извѣстенъ нашъ замыселъ: онъ не проститъ ни одному изъ насъ. Мы всѣ, какъ большіе, такъ и малые, должны погибнуть и месть его будетъ преслѣдовать насъ до самой могилы. Герцогъ точно такъ же пострадаетъ. Въ отчаянныхъ случаяхъ надобны рѣшительныя средства, и потому я издаю голосъ на смерть.

— Да, схватить его, схватить, вскричало нѣсколько голосовъ.

— Безумные! сказалъ Гастонъ, вотъ уже три года какъ для чести своей я завожу интриги и козни, а вы принуждаете меня къ насильству! Нѣтъ! я не могу согласиться на такое дѣло.

Ле-Кудрэ-Монпансиѣ нахмурилъ брови и глаза его приняли яростное выраженіе.

— Если такова воля вашего высочества, сказалъ онъ, можете отстать отъ насъ, какъ Пюйлоранъ, чувства мы понимаемъ и допускаемъ его совѣстливость; но какъ дѣло идетъ о нашей жизни, то мы, несмотря на ваше вѣнчаніе, исполнимъ свое намѣреніе. Судьба кардинала должна рѣшиться голосами, а у насъ противъ одного пять Атаманъ ла-Пистоль дополнитъ дюжину.

Пистоль, перегнувшись тѣломъ впередъ, съ улыбкою подошелъ поближе.

— Такъ насталъ же наконецъ этотъ счастливый денекъ началъ онъ. Я напередъ зналъ, что вы непременно должны прибѣгнуть къ единственнымъ и настоящимъ средствамъ, остальное вздоръ. Господа, дайте мнѣ пароль, и я беру это дѣло. Вы увидите, какъ я славно его обработаю. Согласенъ въ сигналъ.

Гастонъ сталъ бѣгать по двору, потомъ опять приблизился своимъ.

— Такъ вы непременно этого хотите? сказалъ онъ. Дѣлать, я согласенъ, — потому что это единственное и правильное средство къ спасенію: только дайте мнѣ выбрать минуту; я самъ хочу подать сигналъ.

— Пусть рѣшитъ ваше высочество, когда приступитъ къ дѣлу, сказалъ Пистоль.

— Выслушайте меня, сказалъ Гастонъ, я подожду къ проклятому, и выскажу ему все зло, которое онъ мнѣ причинилъ своимъ преслѣдованіемъ, тиранинствомъ и наконецъ прошу ему и дать мнѣ руку вотъ такъ. Какъ только онъ подастъ свою, тогда и я дамъ ему, брось въ этотъ фіакръ и поѣзжай вонъ изъ города, какъ можно скорѣе.

— Рѣшено и подписано! вскричалъ Пистоль. Какъ только онъ подастъ руку свою его высочеству, то я сей-часъ его завожу.

— Смотри же дѣйствуй смѣло, сказалъ Кудръ.

— Помните, ваше превосходительство! отвѣчалъ Пистоль, можете ли вы обо мнѣ такъ думать. Только одни пьяницы дающіеся въ деньгахъ, даютъ промахи. Но когда дѣло идетъ о такомъ важномъ человѣкѣ, какъ наприимѣръ кардиналъ, о которомъ зависитъ такъ много! то мы знаемъ, какъ нужно поступать.

— Не забудь сигнала, прибавилъ Гастонъ: *когда рука будетъ въ моей, хватай!* я хочу успѣть прежде чѣмъ ты успеешь тихонько высказать ему всѣ мои мысли, напомнить ему его же

мстоблюбіе.... хочу чтобъ онъ зналъ, за что погибнетъ. Да, я обличу душу свою. Теперь я готовъ и жду съ нетерпѣніемъ этой рѣшительной минуты. Я рѣшаюсь.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ разговаривавшихъ стоялъ кардинальскій экипажъ, лошади его ржали.

Пюйморанъ отошелъ въ сторону.

Вскорѣ послышался стукъ открываемыхъ и запираемыхъ дверей, потомъ скорые шаги Кавоа, который торопился велѣть подавать кардинальскую карету.

Проходя мимо собравшихся, онъ не замѣтилъ въ попыткахъ волненія, выражавшагося на ихъ лицахъ.

Вдругъ послышались болѣе мѣрные и медленные шаги, потомъ морозъ одежды, волочащейся по ступенямъ лѣстницы.

Пюйморанъ схватился за сердце. Вся кровь его и всѣ жизненные органы закипѣли, забились. Тысячу мыслей, одна противоположите другой, затолпились въ головѣ его, и онъ прошепталъ туть вилтнымъ голосомъ:

— Прощай, Маргарита, ты не пойдешь за смертнаго врага своего леди.

Въ эту минуту кардиналь сошелъ съ лѣстницы. Величественное лицо его нисколько не измѣнилось, когда онъ увидѣлъ передъ собою шестерыхъ главныхъ враговъ своихъ, имѣющихъ наиболѣе причинъ ненавидѣть его.

Враги составили около него полукружіе, Пистоль подкрался сзади, и Гастонъ прервалъ молчаніе.

V.

— Ваше святѣйшество, сказалъ онъ, подходя къ министру, мнѣ надо переговорить съ вами, и смотрите, будьте откровенны въ своихъ отвѣтахъ, а не то берегитесь, я знаю, что вы опять погубили меня во мнѣніи короля.

— Ваше высочество ошибаетесь, отвѣчалъ кардиналь: я и не думалъ вредить вамъ, и полагаю, что не подалъ причины подозревать меня....

— Повторяю вамъ, берегитесь, продолжалъ герцогъ. Пюйморанъ подслушалъ васъ, и мы знаемъ, что вы просили моего изгнанія и гибели друзей моихъ.

Кардиналь вспыхнулъ, и засверкавъ глазами на Пюйморана, сказалъ:

— Я думалъ, что москѣ де-л'Ажъ презираетъ ремесло шпион-

ства. Если вашему высочеству угодно было подсматривать за мною, то бесполезно и спрашивать.

— Я не спрашиваю, вскричалъ герцогъ возвышая голосъ, а приказываю отвѣчать, признаваться... Такъ признавайтесь только самому себѣ ужасныя слѣдствія новой ссоры, которую вы теперь приготовили. Но война эта не продолжится. И потому прежде чѣмъ объявить вамъ ее, я хочу слышать отъ васъ самихъ, отчего происходитъ эта непримиримая ненависть, которую вы меня преслѣдуете? Признайтесь смѣло, за что вы ненавидите меня, а я, въ свою очередь, скажу вамъ за что питаю къ вамъ тѣ же самыя чувства.

— Ваше высочество смущаетъ и оскорбляетъ меня, отвѣчалъ кардиналъ. Я не имѣю къ вамъ ненависти. Избави Боже отъ такого грѣшнаго чувства! я служитель Божій, и потому, часто противъ воли, борюсь со всѣмъ, что противно пользамъ и благосостоянію государства. Я отъ чистаго сердца расположенъ былъ бы любить ваше высочество, если бъ только ему угодно было показывать болѣе покорности волѣ своего августѣйшаго брата...

— Это только одинъ ничего незначащій слова, притворство!... перебилъ Гастонъ. Такъ избавьте и себя и меня отъ пустыхъ, лживыхъ разговоровъ; я имъ не вѣрю. Откройте сердце ваше, откройте его совершенно; это можетъ-быть принесетъ вамъ больше пользы, чѣмъ вы ожидаете. Признайтесь, за что ненавидите, за что презираете вы меня?

— Презираете? Великій Боже! мнѣ?... презирать васъ?!... да за что же?! почилиуйте!... вскричалъ министръ. Если-бъ это была правда, то уваженіе и преданность моя вашему высочеству бы-лабы тогда не что иное какъ низкое лицемеріе?

— Я тоже думаю, и очень боюсь, чтобъ это не повредило вашей чести и безопасности.

— Ахъ! Боже мой! что это сегодня съ вами? я никогда не видалъ васъ такимъ неумолимымъ. Перестаньте оскорблять меня; разговоръ этотъ приводитъ меня въ отчаяніе. Если вамъ угодно, то я скорѣй откажусь отъ всего, даже оставлю правленіе, чѣмъ подамъ поводъ къ такимъ ядовитымъ ссорамъ. Вы сердитесь на меня, потомъ забыли свою досаду, къ чему-жъ снова возобновлять ее. Не отнимайте отъ меня вашей дружбы, станете жить въ мирѣ, тишинѣ, я умоляю васъ объ этомъ какъ о милости.

Министръ сдѣлалъ шагъ впередъ и подаль руку герцогу.

— Не подход! не подход! не мнѣ, аргъ! вскричалъ герцогъ,

отскакивая назад, ты не убьжишь отъ моихъ праведныхъ упрековъ.

— Чтожъ я такое сдѣлалъ, чтобъ можно было обходиться со мною такимъ образомъ? спросилъ удивленный министръ.

— Что ты сдѣлалъ? продолжалъ Гастонъ: изволь, я расскажу тебѣ, если ты самъ не хочешь признаваться. Честолюбіе ваше не можетъ простить мнѣ и никогда не проститъ, что я представилъ королю всю опасность такой неограниченной власти, какою вы пользуетесь, и которую употребляете во зло. Вы знаете тоже, что если бъ я вступилъ на престолъ, то первымъ моимъ дѣйствіемъ была бы ваша опала. Слѣдовательно, вы ничего отъ меня не надѣетесь и совершенно правы. Во всемъ государствѣ я единственный человѣкъ, который можетъ хоть сколько-нибудь противиться вашему тиранству, и вы до-тѣхъ-поръ не будете спокойны, пока совершенно не сотрете меня съ лица земли; изъ чего слѣдуетъ, что вы употребляете самыя низкія средства, чтобъ вредить моей репутаціи, помрачить мою славу, портить мой характеръ и уничтожить чувство, привязывающее меня къ брату. Съ самаго дѣтства вы говорили обо мнѣ какъ о погибшемъ кутилѣ, какъ о человѣкѣ низкомъ, слабомъ, недостойномъ и прочая, потому только что я былъ молодъ, какъ и другіе, шалилъ, бѣгалъ по трактирамъ, билъ вывѣски; изъ этого еще нельзя заключить, чтобъ я былъ низокъ. Вы старались скрыть все, что было во мнѣ хорошаго, потому что боялись уваженія ко мнѣ брата. Только одна ненависть была способна на такое явное противорѣчіе, потому-что вѣтренность и честолюбіе нельзя соединить вмѣстѣ, а между тѣмъ вы такъ дѣйствовали, что вамъ повѣрили.

— Господи Боже мой! вскричалъ министръ, кто-жъ вбилъ мнѣ въ голову такія мысли?

— Не смотрите такъ злобно на Пюльорана, продолжалъ съ запальчивостью Гастонъ; это не его мысли, не онъ вбилъ ихъ мнѣ въ голову, пятнадцатилѣтній опытъ и ваша злоба, которая въ продолженіи всего этого времени не переставала преслѣдовать меня. Какъ только ваша свѣтлость замѣтили привязанность мою къ принцессѣ Марин де Гонзакъ, такъ немедленно возстали противъ этого брака и выбрали мнѣ жену, которую я вовсе не видалъ: это было средство ввергнуть меня въ двойную пропасть непослушанія и несчастія. Между-тѣмъ, къ величайшему вашему горю, я покорился волѣ короля; заглушилъ вопль сердца, стоны, и женился на принцессѣ Монпансиѣ. Я полюбилъ ее не потому, чтобъ доса-

дать вамъ, но потому, что она этого стоила. Пока королева была недовольна мною, вы были ея преданнымъ другомъ, какъ только мы помирились, вы сдѣлались непримиримымъ гомъ и матери и сына. Въ это время я потерялъ жену, которой вы насильно женили меня. Я сожалею ее и до сих пор оплакиваю. Только одна женщина могла замѣнить ее, и эта женщина, это—Маргарита Лоренская. Когда вы узнали, что нравятся, то заранѣе стали интриговать противъ союза. Такъ-что слушая васъ, можно подумать, будто это единственная женщина, съ которой мнѣ нельзя вступить въ бракъ. Вы попадаете въ немилость, хотя я и не успѣлъ еще объявить о своей вѣрности моей къ сестрѣ ихъ. Премудро вы преслѣдовали, за чѣмъ не хочу я жениться на женщинѣ, которой не люблю. Теперь посмотримъ, какъ вы поступали съ приверженцами и друзьями.

— Почитайте, сжегъ кардиналъ, вѣдь все это было и прощено. Воспоминанія эти....

— Пугаютъ васъ, не такъ ли? но погодите, это еще списокъ низостей вашихъ еще не пересчитанъ. У меня былъ другъ, благородный наставникъ, человекъ высокой души, маркизъ Орнано. Со мною обходился жестоко, онъ дѣлалъ мое горе, отчаяніе и; жалелъ надо мною, пожаловалъ ролю. Жалость эту вывели ему въ преступленіе, схватили его въ моихъ глазахъ и бросили въ темницу! Какое было мое отвѣчае! О отвѣчайте сами!

— Мы не знаемъ настоящей причины его смерти, колебался министр; иные приписываютъ ее грибокъ иныя сырости венесенской башни. Я былъ крайне и огорченъ этимъ случаемъ.

— Да, удивленіе ваше равнялось съ горемъ, потому что приказали поподчивать его грибами.

— Поощадите меня, вскричалъ министръ, вспомните щепный санъ.

— Чтѣ за поощада! продолжалъ герцогъ. Вы уморили наставника, лишили меня друга, но это было только на первыхъ подвиговъ. Братъ мой, великій пріоръ вандомскій былъ меня и пугалъ васъ. Его тоже схватили, и тоже въ венесенскую башню.

Перейдемъ теперь къ другимъ жертвамъ. У меня былъ веселый, рѣзвый, вѣтренный, какъ и я, молодой человекъ. Однажды онъ осмѣлился дѣйствовать противъ брака,

былъ мнѣ не по сердцу. Чтò сталося съ бѣднымъ Шалѣ? Отвѣчайте.

— Шалѣ стòилъ наказанія.

— Послѣ этого я васъ поздравляю! нечего сказать! камешная же у васъ совѣсть! Не говорю уже о Бутвилѣ и Дешанелѣ, казненныхъ за простой дуэль, ни о Маршьякѣ; они не у меня служили. Что же до Монморанси, то его бы помиловали, если бъ я не умолялъ пощадить его. Какъ вы поступали съ моими друзьями, приверженцами и слугами? Шодбона, Барадоса, Советера, сослали за то, что они остались мнѣ вѣрны во время опалы. Подчиненные мои потеряли все свое состоянiе. У Вожеласа, ученаго, занятаго изученiемъ красотъ азыка нашего, конфискують все имѣнiе, за то, что онъ получалъ отъ меня пенсiю. Вы не можете мнѣ простить даже и того, что я дѣлаю нѣкоторое добро. Не говорю уже о преступной и дерзкой любви вашей къ..... ни о безумныхъ предположенiяхъ, которыя безграничное честолюбіе ваше позволяетъ вамъ имѣть на эту особу. Но прѣзренiе благородной этой женщины отмстидо вамъ за такое оскорбленiе. Какъ поступили вы съ бѣднымъ Пиррораномъ? За нимъ гнались какъ за дикимъ звѣркомъ, потому-что онъ отказался отъ прекрасной роли шюна его святѣйшества. Успѣхи эти поощряють васъ. До-сихъ-поръ вы гнѣвали только слугъ воцхъ; но теперь вы посягаете на жизнь мою и просите короля запереть меня въ замокъ Бдоа, куда хотите сослать подъ вѣрною стражею. Чаша переполнена и, кажется, нѣтъ надежды, чтобъ мы когда нибудь примиримся....

— Никогда, вскричалъ кардиналъ, я не покорюсь такому приговору, никогда не откажусь отъ счастья, отъ надежды на возреть вашей дружбы. Если ваше высочество приказываетъ, то я выкажу грѣхи свои и признаюсь, что рвенiе къ благу государства доводило меня часто до жестокости. Не отрицаюсь, что я просилъ сейчасъ удаленiя вашего высочества отъ двора, но я отказываюсь, не хочу болѣе допускать такихъ мыслей и готовъ на всѣ возможныя жертвы, чтобъ заслужить только мое прощенiе. Располагайте мною, приказывайте, какъ долженъ я просить у васъ прощенiя и я вполнѣ удовлетворю васъ и друзей вашихъ. Еще разъ умоляю васъ о мирѣ. Дайте мнѣ вашу руку.

Кардиналъ протянулъ обѣ руки и подошелъ къ Гастону, думая, что онъ смягчится.

Кругъ недовольныхъ стиснулся. А Пистоль готовился уже схватить кардинала.

Гастонъ отскочилъ назадъ.

— Прочь, измѣнникъ! вскричалъ онъ, выходя изъ себя другихъ, но не меня Іудиными лобзаніями!

Министръ остолбевѣлъ. Онъ никогда не видывалъ герцога въ такомъ раздраженіи, въ такой ярости, и думалъ уже, что нѣтъ этого характера, переменчивость котораго приводила къ недоумѣнію.

— Успокойтесь, ради Бога, продолжалъ министръ, подблизившись ближе и ближе. Увѣраю васъ въ моей преданности, почтенный герцогъ.

Министръ остановился, и обратился съ умоляющимъ видомъ къ герцогу:

— Господа, уговорите его высочество. присоединитесь ко мнѣ въ просьбѣ къ монарху; вы не станете въ томъ раскаиваться, герцогу, чтобъ онъ простилъ меня. Нѣтъ милостей, которыя бы я не согласился за такую важную услугу, которую вы хотите положить конецъ всѣмъ нашимъ ссорамъ.

— Къ чему такая непреклонность, сказали недовольные, передъ его святѣйшествомъ, дайте ему руку.

— Нѣтъ, не дамъ! вскричалъ герцогъ. Не подходи ко мнѣ, жестокий, ненавидимый тиранъ, не прикасайся ко мнѣ, твоя запятнанная кровью друзей монарха, я не дотронусь къ тебѣ. Прочь!

Кардиналъ остановился и приподнявъ гордо голову, сказалъ:

— Довольно! вы всё видѣли, до чего я униженъ. Можетъ быть ваше высочество станетъ раскаиваться въ своей чрезвѣчной гостини; но будетъ уже поздно. Богъ видитъ мои добрыя дѣла; но если меня отвергають и непремѣнно хотятъ ссоры, позабочусь о своей защитѣ. Прошайте, господа, благодарности за дѣйствіе.

Кардиналъ подозвалъ карету, и лошади, приближаясь, принудили недовольныхъ разойтись; потомъ, прокрадываясь къ министру, оттолкнулъ локтемъ ла-Пистоля, и кардиналъ, сѣвъ въ карету, уѣхалъ, не подозрѣвая даже какой избѣжалъ опасности.

Недовольные посматривали другъ на друга.

Гастонъ свистнулъ, ходилъ по двору и надѣвалъ шляпу и ружье. Кажется, отъ него бы зависѣло придти въ смущеніе, чтобъ избавиться упрековъ, онъ сохранилъ повелительный тонъ, который принялъ на себя во время этой комедіи и сказалъ:

— Господа, я имѣю особенныя причины поступать такъ сейчасъ поступилъ. Пойдите! послѣ узнаете мои намѣренія; забываютъ, что король ждетъ меня по выходѣ изъ церкви.

Прошло десять часовъ.

Гастонъ побѣжалъ въ церковь.

Церемоніймейстеры раздвигая толпу, кричали:

— Король идетъ! посторонитесь!

Людовикъ-Тринадцатый прошелъ съ опущенными глазами и даже не посмотрѣлъ на брата.

Герцогъ проводилъ его до дверей спальни; но какъ только король перешагнулъ черезъ порогъ, такъ дю-Галье, затворяя дверь, произнесъ баснымъ своимъ голосомъ эти значительныя слова:

— Господа, можете удалиться. Это приказъ его величества.

— Король приказалъ мнѣ явиться и самъ назначилъ это время, сказалъ герцогъ.

— Его величеству не угодно принимать сегодня; всѣмъ велѣно отказывать, прибавилъ дежурный капитанъ. Это приказъ.

— Вѣроятно не для меня, продолжалъ Гастонъ.

— Для всѣхъ, отвѣчалъ дю Галье. Это приказъ.

VI.

Гнѣвъ и ярость Гастона произвели сильное впечатлѣніе на кардинала.

Этотъ глубокомысленный политикъ, привыкшій управлять народомъ и королями, почувствовалъ невѣдомый страхъ, увидавъ до какой степени онъ былъ ненавидимъ.

Столько запальчивости, столько бѣшенства и непреклонности въ слабохарактерномъ человѣкѣ крайне удивило его; и было чему удивляться, потому-что не зная въ чемъ дѣло, министръ не могъ подозрѣвать, что подъ личиною гнѣва скрывается новое доказательство слабости Гастона.

Пока министръ разсуждалъ самъ съ собою и въ первый разъ можетъ быть раскаявался въ своемъ тиранствѣ, трепеть и страхъ царствовалъ въ Люксанбурѣ.

Гастонъ плакалъ и стоналъ какъ ребенокъ.

Пюйоранъ, покоряясь своей участи, ожидалъ спокойно стражи, должествовавшей вести его въ темницу.

Другіе враги кардинала приготовлялись бѣжать, а Пистоль, смотря на Францію какъ на потерянную для него страну, намѣревался бѣжать въ Италію, показывать тамъ свое искусство и дарованія.

Маргарита, не надѣясь больше склонить къ милосердію написала тайно къ аббату Дшерей Крестоносной Горы сила мѣсто въ монастырѣ.

Наемная карета, въ которой сидѣли двѣ дѣвушки, пріѣхала въ Рюэль.

Маргарита, ускользнувъ отъ бдительности своихъ вѣдущихъ вышла изъ дому и исчезла, оставивъ кардиналу записку, дошла до него о своемъ отъѣздѣ и намѣреніи удалиться въ свѣта.

Между тѣмъ, королевскій приказъ, по которому герцогу было сослано въ Блоа, а Пюйлорана заточить въ темницу, приходилъ еще.

Его ожидали три дня въ ужасномъ страхѣ и трепетѣ.

Наконецъ, на четвертый день, на дворъ Люксембургскаго кардинальскаго карета, окруженная конюхами и военными, которая соскочивъ съ лошадей, взошла за кардиналомъ въ палату.

Войдя въ залу, онъ приказалъ доложить о себѣ и вѣдущимъ возвращения посланнаго, вошелъ въ галерею, гдѣ Гастона въ приготовленіяхъ къ отъѣзду.

— Ваше высочество, и ты, Пюйлоранъ, сказалъ онъ. Я пришелъ сказать вамъ, и прежде чѣмъ замыкать чемоданы и явиться передъ вашимъ вниманіемъ. Я пришелъ сознаться герцогу, что я виновнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ и сверхъ того неисправимый человекъ. А какъ я рѣшилъ, что вы полюбите волю или неволю, но вы должны будете простить и прилугу васъ къ этому. Во-первыхъ, вы не уѣдете отсюда, пока не угодно больше разставаться съ братомъ, а не приобретете племянника. Пюйлоранъ, отдаю тебѣ племянника. Дипломъ на герцога и пара дадутся тебѣ вмѣстѣ съ нимъ. Приверженцы его высочества получаютъ то, чего желаютъ желаете вы, господа? я на все согласенъ. Надо меня простить, ваше высочество, надо обняться; и на этотъ разъ не паритъ какъ тогда, что я даю Іудины лобзанія.

Герцогъ Орлеанскій бросился въ объятія кардинала.

— А я, вскричалъ онъ, цѣлую васъ поцѣлуемъ истинно герцога. Не напоминайте мнѣ эту ужасную минуту, которой я теперь, потому что не вы, а я былъ Іуда. Мнѣ бы теперь имѣть душу Пора, чтобъ достойно одѣвнуть шедра всаандра.

— Пьюйоранъ, продолжалъ старушка, постарайся преодолѣть свою ненависть, забыть прошедшее. Я вѣрю въ тебя, а ты вѣрь въ меня за дядю.

— Ахъ! ваше святѣйшество, отвѣчала де-л'Ажъ, великодушнѣе ваше уничтожаетъ меня.

— Погоди, это еще не все, я закидаю тебя милостями; но прежде всего намъ надо пуститься съ тобою въ маленькую экспедицію. Пойдемъ похищать одну извѣстную намъ особу.

Кардиналъ посадилъ Пьюйорана въ карету и отправился съ нимъ въ монастырь Дщерей Крестоносной Горы.

Страхъ и ужасъ объялъ всѣхъ, когда кардиналъ вошелъ въ монастырь. Послышался шопотъ, стукъ дверей, ходьба, суматоха, бѣготня. Прїездъ кардинала возмутилъ тишину этого мѣста.

Наконецъ вышла аббатиса; она была блѣдна, разстроена.

— Ваше святѣйшество, сказала она, прежде всего прошу и умоляю васъ не забывать, что вы какъ служитель Божій обязаны уважать и соблюдать правила нашего монастыря.

— Избави меня Боже! отвѣчалъ кардиналъ. Власть моя останавливается у вашихъ рѣшетокъ; но мнѣ бы хотѣлось знать, на какихъ условіяхъ вы согласитесь отдать похищенную у меня овцу.

— Мы не похищаемъ, отвѣчала аббатиса. Послушница Маргарита пришла къ намъ добровольно, следовательно, если захочетъ можетъ выйти.

— Больше я и не требую. Такъ потрудитесь позвать эту послушницу Маргариту и сказать, что я желаю съ нею говорить; но если она непремѣнно захочетъ оставаться здѣсь, то я не стану ее отговаривать.

Аббатиса пошла за Маргаритой.

— Дай Богъ, сказалъ кардиналъ Пьюйорану, чтобъ сестры эти не успѣли уговорить мою племянницу. Надо употребить всѣ средства, чтобъ отговорить ее, даже прибѣгнуть къ драматическимъ средствамъ. Стань вотъ туда въ уголъ и закрой лицо плащемъ.

Дорожное платье Пьюйорана довольно походило на платье свѣты кардинала. Антоанъ де-л'Ажъ, снявъ перевязь и аксельбанты, сталъ прощеломъ къ дверямъ.

Вскорѣ показалась Маргарита, поддерживаемая аббатисой; она была блѣдна и насилу держалась на ногахъ.

— Дядюшка, сказала она взволнованнымъ голосомъ, если я вышла изъ подъ власти главы моего семейства, такъ для того только, чтобъ разорвать всѣ узы, связывающія меня съ міромъ. Те-

верь я покорюсь иностранной словесной верховной власти. — одинъ можетъ расплѣтаться болѣю, и послушаніе, которое я издѣлала на себя по здѣшнимъ правиламъ, избавляетъ меня отъ послушанія вашей воли.

— Вижу, сказала сердито кардиналъ, что твои новыя сестры не теряютъ даромъ времени. Я не забуду такой услуги. Соблаговолите теперь сообщить мнѣ причину вашего рѣшенія.

— Извольте, это не тайна. Я любила чистую, законную любовь чловѣка, котораго вы притворно выбрали мнѣ мужемъ. Государственныя причины заставили васъ разорвать этотъ союзъ, и вы мною пожертвовали. Странно бы было, если бъ у меня стали оспаривать право тосковать, приходиться въ отчаяніе, какъ будто бы чувства женщины должны покоряться своенравію политики, въ которой она ничего не понимаетъ. Очень хорошо знаю, что вы выбрали бы мнѣ другаго мужа; но, повторяю вамъ, что я презираю ваши политическія дѣла.

— Маргарита, сказалъ кардиналъ, кто научилъ тебя такимъ жестокимъ отвѣтамъ?

Дѣвушка колеблясь посмотрѣла на аббатису.

— Здѣсь нельзя лгать, вскричалъ кардиналъ строгимъ голосомъ, нельзя совѣщаться глазами, когда надо говорить правду. Вижу, что тебя тутъ опутали.

— Я говорю, что думаю, отвѣчала дѣвушка.

— Дитя мое, продолжалъ министръ съ кротостью, ты не захочешь моего несчастія, не захочешь меня лишить возлюбленной моей племянницы, утѣшенія и надежды моей старости.

— Дядюшка, пощадите меня, сказала Маргарита, залпываясь слезами, не умножайте моего горя, ужъ и безъ того я довольно несчастлива. У такихъ великихъ; какъ вы, политиковъ, не бываетъ горя; вы скоро забудете меня.

— Никогда, вскричалъ кардиналъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ ты покинула мой домъ, тоска всюду преслѣдуетъ меня. Ты слишкомъ поспѣшила бросить меня; такъ не отнимай же отъ меня, по крайней-мѣрѣ наслажденія простить тебя.

— Слишкомъ поздно, отвѣчала послушница; сердце мое разбито.

— Двадцатилѣтнее сердце легко вылечить, душа моя, и я употреблю всѣ средства, чтобъ закрыть твои раны; а у насъ в лекарство подъ рукой. Подойди, Пюйлоранъ. Дадъ не удалось, посмотримъ, не удастся ли тебѣ.

Пюйлоранъ подбѣжалъ къ рѣшеткѣ.

Маргарита вскрикнула и упала на руки аббатисы.

— Пюй, вы дѣлаете! сказала старушка.¹⁰ се это такъ неприлично....

— Это мое дѣло, отвѣчалъ кардиналъ. Вѣд' это не въ первый разъ, что любовь пресмыкается передъ вашею рѣшеткою. Отворите окно, разтегните ей фрезу и вспырысите водѣй. Обмороки радости не опасны и не продолжительны.

— Ради Бога, помогите! вскричалъ Пюйлоранъ.

— Отворите рѣшетку, сказалъ кардиналъ, обращаясь къ аббатисѣ, чтобъ племянникъ мой, могъ привести въ чувство жену свою. Не надо разлучать супруговъ, къ чему между ними эти крючки и замки.

Аббатиса, вынувъ изъ кармана ключъ, отворила рѣшетку.

Маргарита уже пришла въ чувство, и румянецъ восторга игралъ на прелестномъ лицѣ ея.

— Неужели это правда? сказала она посмотрѣвъ на дядю. Вы не обманываете меня?

— Нѣтъ, не обманываю, душа моя.

Потомъ, обративъ глаза полные слезъ на Пюйлорана, она прибавила:

— Можно вѣрить?

— Вѣрьте, вѣрьте; и вѣрьте тоже, что я умру, если насъ еще разъ разлучатъ.

— Негодныя! я проучу васъ! сказалъ кардиналъ: зачѣмъ сомнѣваться въ истинѣ словъ монахъ! Маргарита, дай ему свою руку.

Маргарита подала руку; де-л'Ажъ поцѣловалъ ее. Въ эту самую минуту кардиналъ, взявъ за талию племянницу, бросилъ ее въ объятія Пюйлорана, и сказалъ со смѣхомъ:

— Вотъ и конецъ! здѣсь скучно; повеземте нашу радость въ другое мѣсто; Пюйлоранъ, возьми подъ руки жену свою, и ѣдемъ; потомъ, обратясь къ аббатисѣ, прибавилъ:

— Прощайте, честь имѣю вамъ кланяться.

По возвращеніи въ Люксембургъ, пріѣзжіе застали тамъ канцлера, трехъ ассистентовъ его, президентовъ парламента и нотариуса его святѣйшества и его высочества.

Свадебный договоръ былъ заранѣе приготовленъ.

Канцлеръ прочиталъ его вслухъ.

По договору этому, Пюйлорану давали во первыхъ: эгильонское герцогство-парство, приносящее тридцать тысячъ червонцевъ доходу. Во вторыхъ прибавили къ маленькому маркизатству Пюйлоранъ, четыре фермы со многими принадлежащими къ нимъ землями, что приносило до сорока тысячъ доходу. Въ третьихъ,

кардиналъ давалъ за племянницей помѣстье свое Боа-ле-полмилліона деньгами, домъ на Болотѣ, пенсію въ десять червонцевъ изъ шкатулки министра и бездну другихъ во-

При каждомъ новомъ доказательствѣ такой невѣроятности, кардиналъ лукаво посматривалъ на Пюйлоранъ и валъ комическимъ тономъ:

— Не знаю, будетъ ли доволенъ этимъ мосьё де-л'Ажу. деть-ли чего сказать противъ этого.

— Что касается до мадамозель де Понъ-Шатò, отвѣчалъ лоранъ, то мосьё де-л'Ажу нечего говорить; но что къ нему собственно относится, то находить, что его осыпали слишкомъ милостями, и что онъ былъ бы доволенъ и менше.

— Непріятность эту можно уничтожить, сказалъ министръ дальѣ.

Канцлеръ сталъ читать свадебный договоръ герцога и вала и де-Гиша, послѣ чего приступили къ подписи. Это должно было довольно долго, потому что свидѣтелей было много. Последнее имя, стоящее на свадебныхъ документахъ было: «государственный совѣтникъ донъ Лопесъ».

— Свѣтлѣйшій герцогъ, сказалъ Абенсѣррахъ, подходя съ улыбкою къ Пюйлорану, вы не забыли, что я вашъ законный заимодавецъ; скоро настанетъ минута, когда я потребую отъ васъ червонцевъ.

— Что до меня, сказалъ кардиналъ страннымъ тономъ, гнѣвъ приниживался къ умилению, то мнѣ надо было бы одного — найти свою возлюбленную племянницу; объ этомъ же я и не думаю. Если бы даже я и опять поссорился съ высочествомъ, если бы отнялъ дружбу свою отъ Пюйлорана, то и тогда отъ меня не отнимутъ племянницы.

— Дядюшка, сказала мадамозель де Понъ-Шатò, не въ такихъ предположеніяхъ, не накликайте на насъ несчастій.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ министръ потирая руки, такъ увидимъ.

VII.

Радость и веселіе скоро разсѣяли непріятное впечатлѣніе, изведенное сатанинскимъ смѣхомъ Лопеса и грозными угрозами кардинала.

Тотчасъ же послѣ подписи свадебныхъ договоровъ все собраніе отправилось въ Рюэль, гдѣ было встрѣчено большою музыкаю. Сорокъ каретъ, были наполнены цвѣтомъ молодежи. Народъ возглашалъ громкія ура и желалъ всякаго счастья новобрачнымъ. Дворы короля, королевы, его высочество и министры, составивъ самый отчетливый выборъ красоты, молодости, богатства, роскоши, блеску, ликовали и праздновали до поздней ночи.

Утромъ, 28 ноября, королева, сопровождаемая княгинею де-Кембалё, герцогинею де Шеврёзъ и маркизою де-Гемевё, присутствовала при одѣваньи трехъ невѣстъ. Она подарила и надѣла на нихъ вѣнчальные покрывала, бездну браслетъ и брилліантовъ, и приколола ленты.

Три жениха пріѣхали изъ Люксавбуръ въ Лувръ, откуда дворъ отправился въ арсеналь. Въ головѣ поѣзда гремѣла музыка.

Какъ только королева вѣхала въ ворота арсенала, тотчасъ же послышалась оглушающая пальба пушекъ и мушкетовъ. Домъ былъ увѣшанъ флагами и знаменами.

На крыльцѣ, обитомъ коврами, въ парадной одеждѣ, стоялъ кардиналъ, окруженный своею свитою. Онъ сошелъ съ крыльца, и встрѣчая королеву привѣтствовалъ ее, потомъ повелъ въ церковь черезъ галерею, украшенную недавно живописью Вуста.

Когда дошли до церкви, музыка замолкла.

Три невѣсты стали передъ приготовленными для нихъ подушками, потомъ приклонили колѣно предъ алтаремъ.

Глядя на ихъ красоту, свѣжесть и молодость, ропотъ одобренія и восторга пробѣжалъ по собранію.

Кардиналъ де-Берюль началъ богослуженіе.

Пюйлоранъ, на верху блаженства, глядѣлъ съ восхищеніемъ на свою возлюбленную, которая, принимая трепетною рукою обручальное кольцо, улыбалась ему изъ подъ покрывала, и въ то же время онъ слышалъ звучный голосъ, произносящій торжественное *да*, которое соединяло его на вѣки съ тою, которую такъ любилъ. Все остальное было для него не что иное какъ хаосъ неопредѣленныхъ ощущений, которыхъ упоенье не давало ему удерживать его въ памяти.

Послѣ церемоніи, когда Пюйлоранъ проходилъ мимо дверей, то какой-то незнакомецъ шепнулъ ему на ухо:

— Молодой человѣкъ, береги свое счастье, и не вступай въ штрихи.

— Я извсегда отъ нихъ отказываюсь, отвѣчалъ Пюйлоранъ.

Тогда распахнулись двери въ столовую, и за столъ, посреди

оглушающаго стука посуды, бутылокъ, ножей и вилокъ, съю триста человекъ гостей.

За десертомъ, въ честь новобрачныхъ читали вслухъ прекрасное стихотвореніе Коллетте, одного изъ лучшихъ писателей того вѣка.

Послѣ обѣда гостей повели въ театральную залу, гдѣ давали довольно скучную пьесу, но она имѣла большой успѣхъ, потому что ей сильно аплодировали. Вечеромъ, артиллеристы сожгли передъ окнами залы фейерверкъ и разноцвѣтные потѣшныя огни, отлетающіе почти на двадцать футовъ отъ земли, разпадались букетами, гирляндами, снопами и другими фигурами.

Послѣ фейерверка всѣ перешли въ оружейную галерею, обстановенную апельсиновыми деревьями, устланную мохомъ и представляющую паркъ, въ которомъ во многихъ мѣстахъ разбросаны были лавки съ различными товарами, освѣщенныя безчисленнымъ множествомъ свѣчей, такъ-что въ эту минуту оружейная галерея походила на настоящую деревенскую ярмарку. Всѣ хорошенькія дамы стояли за прилавками и раздавали проходящимъ фарфоръ, цвѣты, зеркала и другія бездѣлицы, приправленныя остроумными рѣчами, аллегоріями и смѣхомъ.

Послѣ деревенскаго праздника, дворъ отправился въ танцевальную залу.

Балъ открылся менизетомъ, составленнымъ изъ трехъ новобрачныхъ паръ.

Потомъ супруговъ посадили на почетныя кресла, и нашъ герой познакомился съ пріятнымъ положеніемъ оперныхъ любовниковъ, передъ которыми танцуютъ въ послѣднемъ дѣйствіи.

Заключеніе пьесы приближалось.

Около десяти часовъ королева уѣхала, а въ двѣнадцать, герцогиня де-Камбалё, де-Шеврѣзъ и маркиза де-Гемснѣ увели трехъ новобрачныхъ.

Герцоги де-Гишъ и де-Лавалетъ исчезли. Пюйлоранъ намѣревался сдѣлать тоже самое, какъ Кавао схватилъ его за руку и привелъ въ небольшую залу, гдѣ былъ накрытъ столъ на девять приборовъ и ужинъ уже поданъ.

Почти въ ту же самую минуту ле-Кудрэ Монпансиё вошелъ въ противоположную дверь, а за нимъ вскорѣ явились Шарниэ, оба брата Сенантъ, лю-Плесси и Гула, такъ-что всѣ интриганы были на лицо; не доставало только Гастона и бандита Пистола.

— Послушайте, друзья, сказалъ ле Кудрэ, тутъ что то не-

ловко; ужь не приготовилъ ли намъ кардиналъ блюда своего собственнаго издѣлія?

— Спаси и сохрани насъ Боже! вскричалъ дю Плесси; рука его не легка, когда дѣло идетъ о мщеньи.

— Что до меня, сказалъ Гула, то мнѣ бы хотѣлось быть теперь вмѣстѣ съ Пистолемъ, на дорогѣ въ Италію.

Кардиналъ вошелъ подъ руку съ Гастономъ.

Герцогъ, увидавъ всѣхъ своихъ сообщниковъ на лицо, выпучилъ отъ удивленія глаза. Онъ съ боязнію посмотрѣлъ на дверь, что заставило кардинала улыбнуться.

— Господа, сказалъ министръ, пока молодость веселится, мы поужинаемъ. Добрый миръ всегда возстановляется за столомъ, такъ по крайней мѣрѣ дѣлали и говорили предки наши. Садитесь, его высочество по правую мою руку, Пюйлоранъ по лѣвую, а другіе, гдѣ имъ угодно. Я сегодня въ хорошемъ расположеніи духа. Какъ поправился вамъ мой праздникъ? не правда-ли, какъ все хорошо было устроено, особенно для человѣка, который не знаетъ толку въ такихъ вещахъ.

— Какъ нельзя лучше, отвѣчалъ Гула.

— Ваше высочество не любитъ дичи? спросилъ кардиналъ Орлеанскаго.

— Нѣтъ, люблю, отвѣчалъ герцогъ, перевертывая въ рукахъ вилку.

— Понимаю! вскричалъ кардиналъ со смѣхомъ. Отрѣжьте мнѣ отъ куска его высочества. Если метръ-д'отель положилъ что нибудь въ соусъ, то мы захвораемъ всѣ вмѣстѣ. Видно ты не боишься смерти, ле-Кудрэ, продолжалъ министръ, тарелка твоя уже опорожнена?

— И то не боюсь, отвѣчалъ ле-Кудрэ; что за прибыль посягать на такого раззорившагося игрока, какъ я? Бьюсь объ закладъ, за тысячу червонныхъ, что въ этомъ пирогѣ, начиненномъ зайцемъ, нѣтъ ни одной капли мышьяку.

— Принимаю закладъ, сказалъ министръ, и если ты доживешь до втораго блюда, то выигралъ тысячу червонцевъ. Подайте самага лучшаго бургонскаго; я хочу веселиться сегодня, хочу пить больше обыкновеннаго. Надѣюсь, что ваше высочество не станетъ бояться моего вина, какъ боялись дичи, я тотчасъ докажу безвредность его. Господа, пью за забвеніе оскорбленій и совершенное уничтоженіе ненависти, досады и ссоръ.

Громкій впасть, повторенный трижды, принялъ это предложеніе, и стаканы въ минуту опорожнились.

— Намъ остается выпить еще за одно желаніе, сказалъ; я предлагаю тостъ за счастье четырехъ супруговъ.

— Видно бургомское сильно подѣйствовало на ваше шество, сказалъ Гастонъ; вмѣсто трехъ онъ считаетъ четверыхъ.

— Погодите, не торопитесь, продолжалъ кардиналъ, т объяснитса. Подавайте теперь второе блюдо.

Официанты сняли блюда и принесли съ методическимъ комъ тарелки, накрытыя салфетками, которыя поставили каждымъ гостемъ.

— Господа, сказалъ кардиналъ, не трогайте тарелокъ вамъ не скажу. Ты, Пюйоранъ, душа интригъ, начиникрой свою салфетку.

Пюйоранъ открылъ салфетку и увидалъ передъ собою съ королевскими орденами.

— Теперь твоя очередь, Гула, продолжалъ министр.

Гула нашелъ въ складкѣ салфетки дипломъ на государяго совѣтника.

— Ле-Кудрэ, ты выигралъ закладъ; выигрыши передъ

Передъ Кудрэ лежалъ билетъ въ пятьдесятъ тысячъ.

— Ты любишь путешествія, Шарриза, и я постараюсь вытворить твоему вкусу.

На тарелкѣ Шарриза лежало порученіе отъ короля неаполитанскому величеству съ двумя тысячами червонныхъ лованья.

— Теперь ваша очередь, мосье де-Сенантъ.

Оба брата произведены были въ полковники.

— Такъ какъ ты, дю Плесса служишь Пюйорану, ты вѣдливо было бы сдѣлать твоего покровителя первѣйшимъ камержерей двора, а тебѣ не дать ничего; надо чтобъ и на тебѣ хоть капля тѣхъ милостей, которыми его закидали. Престольный герцога и цѣра долженъ носить какой-нибудь титулъ.

Подъ салфеткою у дю-Плесса лежалъ дипломъ на достоинство.

— Чтѣ же до васъ, герцогъ, прибавилъ кардиналъ, т моему положенію я стою слишкомъ ниже васъ, чтобъ милости могли васъ касаться; я только могу угождать вамъ. Пожалуйста снимайте салфетку.

Гастонъ повиновался, и увидалъ передъ собою записку съ содержаниемъ:

«Любезный братъ, забудемъ прошедшее и забудемъ разводъ твой съ принцессою Маргаритою Лоренскою».

вершено конченное дѣло. Мы съ кардиналомъ, изъ любви къ тебѣ, соглашаемся на вашъ бракъ».

— Вотъ почему, сказалъ министръ, я пилъ за здоровье четырёхъ, а не трехъ супруговъ. Теперь, господа, скажите сами, что лучше, быть моими друзьями или врагами?

— Если кто снова будетъ возставать или интриговать противъ насъ, сказалъ герцогъ, то я заранѣе отказываюсь и осуждаю виновныхъ.

Несра злобы сверкнула въ сѣрыхъ глазахъ кардинала и на губахъ его показалась странная улыбка, гдѣ гнѣвъ и радость оспаривали другъ у друга мѣсто.

— Слышите, господа, продолжалъ онъ трепещущимъ голосомъ: бѣда тѣмъ, кто снова вѣшается въ интриги. Въ сани такъ рѣшили. Пюлоранъ, я не удерживаю тебя. Иди куда зоветъ тебя счастье.

— Иди, трижды счастливый человекъ, сказалъ герцогъ. У тебя все есть, и любовь, и почётъ, и богатство. Ты выигралъ дѣло; разыгралъ пьесу; бракъ заключенъ, и занавѣсъ опускается, предоставляя зрителямъ свободу воображать счастье двухъ любящихъ сердецъ. Я даю тебѣ отпускъ на недѣлю; на первую четверть мѣсяца, а тамъ, ты вернешся въ Люксембургъ занять мѣсто свое при моей особѣ.

По случаю свадьбы, герцогъ подарилъ любовницу своему чудесную карету, которая ожидала его у арсенальскихъ воротъ. Она была запряжена великолѣпною шестернею въ роскошной упряжѣ. Четыре гайдука съ зажженными факелами сидѣли на лошадяхъ.

Музыка все-еще играла, и послѣднiе звуки была слышались еще вѣдь сводомъ арсенала.

Пюлоранъ сѣлъ въ карету и отправился домой.

Во время дороги онъ замѣтилъ спящаго у дворецъ Пистола, который держалъ въ рукахъ зажженный факель.

— Назовите, сказалъ онъ, что я вѣшался въ толну слугъ вашихъ, которыхъ такъ много, что вѣроятно найдется мѣсто для стараго слуги; потому-жъ несправедливо было бы выгонять меня въ день вашей свадьбы.

— Но мнѣ некого теперь преслѣдовать, отвѣчалъ Пюлоранъ.

— Нельзя впередъ знать; впрочемъ, я гожусь на всѣ руки; могу быть самымъ скрытымъ, самымъ молчаливымъ камердинеромъ, ученымъ конюхомъ, искуснымъ егеремъ; умѣю передавать любовныя записочки, какъ женатаго такъ и холостаго. Если сто свѣтлости вздумается неравно рожновать, скажю услуги

могу я оказать тогда, потому-что умѣю подематривать, по-
вать и колотить палками.

— Не думаю, чтобъ мнѣ понадобились твои услуги. Я
живъ и жена любитъ меня.

Карета въѣхала на дворъ, Пюйлоранъ выскочилъ и
взбѣжалъ по лѣстницѣ, я въ радостномъ трепетѣ пробѣ-
жалъ въ комнаты.

Последнія слова Гастона пришли ему на память, онъ
выскочилъ на порогъ спальни; избытокъ счастья задушилъ его.

— Господи! вскричалъ онъ, я и въ-самомъ-дѣлѣ три-
женный человѣкъ. Если слава, почести и богатство и
мнѣ, то оставь мнѣ по-крайней-мѣрѣ сердце мое! возлюб-
сдѣлай, чтобъ оно никогда не измѣняло!

VIII.

На другой день свадьбы Гастонъ поѣхалъ съ виан-
герцогинѣ де-Пюйлоранъ. Онъ осмотрѣлъ весь домъ, нач-
конюшенъ до кухонъ, поздравлялъ отъ души новобратнихъ
самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ высказалъ, какъ за-
счастію своего друга.

Пока герцогъ восхищался устройствомъ дома, на л-
послышались громкіе голоса и хохотъ. Это были ле-Кудра
и другіе участники сенъ-жерменскихъ интригъ.

— Славная штука! говорили они; нечего сказать, с-
подарками наградила насъ вчера кардиналъ.

— Посмотрите, сказалъ ле-Кудра, показывая герцогу
вы думаете, что это стоитъ пятьдесятъ тысячъ ливровъ
бы не такъ! тутъ не достаетъ подписи Бульбона, а Буль-
перъ здѣсь вѣтъ; онъ уѣхалъ въ Бордо.

— Что до меня, сказалъ Шаринзэ; то мнѣ хотя и да-
ченіе въ Неаполь, но къ нему тоже не достаетъ подписи
а его величество всю недѣлю не будетъ подписывать.

Назначеніе Гула тоже было написано не по «формѣ». На
водствѣ братьевъ Сенантъ не было восковой печати; а к
Плесси подалъ дипломъ свой хранителю печатей, то ему о-
«Есть затрудненіе».

— Кардиналъ подшутилъ вадъ нами, сказалъ ле-Кудра

три берегись, Пюйлоранъ, можетъ-быть домъ этотъ тоже карточный.

— Что такое? вскричалъ Гастонъ, ужъ не надули-ль и меня? записка, полученная мною вчера отъ короля, ужъ не произведе-нiе-ль Роспильоля.

Роспильоль этотъ былъ въ числѣ секретарей министра; онъ очень искусно умѣлъ поддѣлываться подъ всѣ руки и угадывалъ всѣ возможные шферы.

— Боже Праведный! вскричалъ Шарниэ, ужъ не вѣмецкая ли кула жена твоя, Пюйлоранъ? Ужъ не купилъ-ли кардиналъ племянницъ своихъ у какого-нибудь нюрнбергскаго игрушечника?

— На этотъ счетъ я могу васъ успокоить, господа, отвѣчалъ ле-Лажъ; жена моя настоящая, живая женщина, и въ добавокъ, та самая, которую я любилъ. Приданое ея и капиталы отданы, замокъ Боа-ле-Виконтъ принадлежитъ мнѣ безспорно, а президентъ Сегье назначилъ 7 декабря принять меня въ качествѣ герцога и шара въ парламентъ.

— Тутъ нечему удивляться; кардиналъ всегда былъ пристрастенъ къ Пюйлорану, сказалъ Гастонъ. Съ нами же бѣдниками различиваются фальшивою монетою.

Въ эту минуту, въ комнату вбѣжалъ офицеръ съ малой конюшней и объявилъ, что Сенъ-Симонъ прислалъ его предупредить герцога, что король сердится на брата и говорить, будто онъ слова затѣваетъ нятриги. Кто жъ наговорилъ королю на Гастона и друзей его? Кто былъ этотъ скрытный врагъ? Не самъ ли кардиналъ, который въ одно и тоже время одной рукой раздавалъ недѣйствительныя милости, а другою притѣснялъ? Такая низость казалась невѣроятною; но герцога, по грустному опыту очень хорошо зналъ всѣ хитрости и всѣ уловки кардинала.

Чтобъ не подать поводу къ доносу, Пюйлоранъ, пользуясь отпускомъ, цѣлую недѣлю не выходилъ изъ дому, и недовольные, чтобъ не испортить первую четверть медоваго мѣсяца, не приходили къ нему во все это время, которое какъ ни коротко, однако было самымъ счастливымъ временемъ его жизни. Онъ забывалъ опасости съ обожаемою женщиною, которая платила ему за привязанность такую же цѣнностью.

Утромъ, 5 декабря, герцога, въ ужасномъ волненiи вошелъ въ своему любимцу.

— Пюйлоранъ, сказалъ онъ строгимъ голосомъ, слухи носятъ,

будто ты ведешь переписку съ брюссельскимъ дворомъ; правда, то заранѣе предупреждаю, что не вступлюсь за оставлю все на волю кардинала.

— Слѣдовало бы, отвѣчалъ Пюйморанъ, начать доказательство, что это правда. А я и не писалъ и не получалъ писемъ Брюсселя, и даже, съ-тѣхъ-поръ какъ мы уѣхали, ничего не писалъ о тамошнемъ дворѣ.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Гастонъ, на насъ клевещутъ и я обязанъ открыть этихъ тайныхъ враговъ. Если вы знаете кардинала, который осмѣливается такъ дерзко забавлять васъ нами, то надо изболтать его.

Пюйморанъ велѣлъ подать карету и немедленно отправился въ Рюэль.

Какъ только кардиналъ завидѣлъ племянника, такъ подошелъ къ нему съ отверстыми объятіями.

— Ну, какъ вы поживаете? сказалъ онъ.

— Мнѣ слѣдовало считать себя самымъ счастливымъ въ вѣкомъ, если бъ нѣкоторые слухи не нарушали моего покоя. Говорятъ, будто я нахожусь въ перепискѣ или съ Испанскимъ дворомъ, съ Брюсселемъ, съ которыми-то изъ этихъ дворцовъ... вѣдь я знаю еще въ чемъ меня обвиняютъ.

— Что тебѣ за дѣло до толковъ и обвиненій? сказалъ кардиналъ. Развѣ ты мнѣ не другъ и не племянникъ?

— Я не сомнѣваюсь въ вашемъ расположеніи; но боясь, что меня не подозрѣвали въ неблагодарности, что приведеть къ моему отчаянію и жестоко оскорбить. Если вы знаете что-нибудь изъ клеветы этой, то умоляю васъ показать мнѣ бумагу въ полиціи, чтобъ я могъ пристыдить тѣхъ, кто хотѣлъ губить меня въ вашемъ мѣстѣ.

— Не горячись, не горячись, сказалъ со смѣхомъ кардиналъ. У меня нѣтъ никакихъ бумагъ, а полиція отыскиваетъ двухъ испанскихъ агентовъ, которые скрываются въ Парижѣ въ письмахъ на твое имя. Вотъ и все.

— Если они лжятся, то я выдамъ вамъ не разпечатанные письма и агентовъ.

— Очень хорошо. Не безпокойся о такихъ бездѣлицахъ, опять какія нибудь козни отца Шантелу и принцессы Франциски, а мы, вмѣсто отвѣта и чтобъ порадовать ихъ, пошлемъ вамъ копию съ твоего свадебнаго договора. Чортъ побери эти клеветы, которые напугали герцога и смутили твое счастье. Погоди, вотъ я дамъ тебѣ сейчасъ успокоить

Послѣ-завтра ты заѣдаешь въ парламентъ, а вечеромъ королева дѣлаетъ въ Луврѣ торжественный пріемъ и жалуетъ женѣ твоей герцогскій табуретъ. По этому случаю король возвращается въ Парижъ и приказалъ, чтобъ танцовали балетъ: Ты будешь управлять одною кадрилию; завтра у королевы будетъ репетиція па и фигуръ. Такъ приготовляй же ноги, вынмай самую лучшую свою одежду, зови парикмахера и покупай щегольскія перчатки. Вотъ о чемъ надо сперва заботиться, а послѣ мы примемся за великія опасности, которыми угрожаетъ тебѣ Испанія.

— Нѣтъ средствъ противустоять вамъ, сказалъ Пюйлоранъ съ чувствомъ, пожмая руку кардинала. Я иду къ герцогу, чтобъ успокоить его.

Шесть сенъ-жерменскихъ интригановъ осѣдали лошадей и приготовлялись бѣжать, въ случаѣ, если что случится съ де-л'Ажемъ; потому-что въ неизвѣстности, въ какой они тогда находились, планета его служила имъ путеводною звѣздою.

Узнавъ, что для него дѣлаютъ новые праздники, они стали смѣяться надъ своимъ страхомъ, сняли дорожное платье и занялись балъными приготовлениями.

Даже самъ герцогъ осмотрѣлъ свой гардеробъ, а герцогиня де-Пюйлоранъ собрала на совѣтъ всѣхъ своихъ горничныхъ и швей.

Утромъ 6-го декабря, королева пригласила къ себѣ де-л'Ажа для повторенія кадрилл. Балетъ былъ сочиненъ герцогомъ Ненурскимъ; Ньертъ пѣлъ съ маршалшей де-Теминъ, а знаменитый де-Пальеръ выбиралъ стихи для этого праздника.

Герцогиня де-Шеврѣзъ танцевала въ одной кадриллѣ съ Пюйлораномъ, и была восхитительно граціозна въ фригійской шапочкѣ, съ золотымъ дротикомъ въ рукахъ.

По окончаніи репетиціи, Пюйлоранъ вышелъ съ другими дѣйствующими лицами. Карета его ждала у подъѣзду; въ ту минуту, когда онъ садился, лошади дернули, онъ оступился, упалъ и ушибъ колѣно.

Филиппъ режиссёръ балетовъ, подбѣжалъ къ нему въ испугѣ на помощь.

— Ахъ! Боже мой! не ушиблись ли вы!? Что мы станемъ дѣлать, если вы не будете въ состояніи танцевать, какъ войдутъ безъ насъ фригійскія дамы? Я просто буду въ отчаяніи. Попробуйте встать ли колѣно. Ну, что, больно?

— Ничего, Филиппъ, немножко больно, но къ завтраму пройдетъ, отвѣчалъ Пюйлоранъ.

— Не знаю отчего, ваша свѣтлость, но мнѣ все кажется балетъ этотъ не состоится, что ему помѣшаетъ какое несчастіе; а паденіе ваше еще больше усиливаетъ мои предчувствія. Ужъ я вѣрно не засну нынѣшнюю ночь.

— Спи спокойно. Филиппъ, отвѣчалъ Пюйлоранъ, мыслись и не отъ такихъ бѣдъ.

— Вы смѣтаетесь надъ моимъ страхомъ, а между тѣмъ казалось, что самъ кардиналъ раздѣляетъ его. Отчего жъ свѣтѣйшество сегодня утромъ сказалъ мнѣ: «Поди къ графу Бриону и выучи его входный па, тотъ самый, который дѣлать Пюйлоранъ?» это собственныя слова министра, я осмѣлился ему замѣтить, что графъ не танцуетъ въ здѣшнихъ театрахъ, то его свѣтѣйшество изволилъ отвѣчать: «Если случится съ нимъ что случится, то Брионъ замѣнитъ его при вхо-»

— Неумолимая судьба смилуется, Филиппъ; нога моя вѣдетъ, и Бриона не надо будетъ.

Хотя Пюйлоранъ и смѣялся надъ Филиппомъ, однако не забылъ предвѣщаній танцмейстера, и прошепталъ самъ царице:

— Какъ странно! Почему далъ кардиналъ такой приказъ? Почему занимается онъ такъ этою кадралью? Ужъ это дѣло королевы, чѣмъ его?

Возвратясь домой, Пюйлоранъ засталъ жену въ большихъ потахъ; она кривля, рѣзала, примѣрляла разные уборы, и мысли его разлетѣлись по атласу, лентамъ, духамъ и жевамъ.

Около осьми часовъ вечера, Пистоль явился въ домъ Пюйлорану и просилъ позволенія говорить съ нимъ.

Его впустили.

Осмотрѣвъ комнату и удостовѣрившись, что двери хорошо заперты и что подъ столами и за занавѣсками нѣтъ ни одной души, бандитъ сказалъ шепотомъ:

— Вашей свѣтлости извѣстно, что полиція ищетъ двухъ сыновъ агентовъ. — Я открылъ этихъ агентовъ. Угодно ли вамъ видѣть ихъ?

— Разумѣется, что угодно. Я хочу схватить ихъ и выдать имъ приговоръ. Знаешь ты гдѣ найти ихъ?

— Мнѣ дали порученіе свести васъ съ ними. Одинъ онъ живетъ въ кабацѣ Пеликана, а другой, котораго я не знаю, не знаю гдѣ, — брюгскій аббатъ; у него есть къ вамъ какое-нибудь порученіе, которое онъ хочетъ отдать вамъ собственноручно.

— А можемъ мы схватить этихъ агентовъ, какъ ты д

— Какъ не схватить! но для вѣрности и безопасности возьмемъ лучше съ собою моего вѣрнаго сподвижника Сорокъ-Пятаго.

— Хорошо. Такъ идемъ!

— Погодите, сказалъ Пистоль, одежда ваша не прилична для экспедиціи такого рода. Свѣтлымъ своимъ оружіемъ, бѣлымъ : дукафтаньемъ и золотымъ шитьемъ вы обратите на себя всѣ взоры, а брилліантовая эта застежка какъ кошечья глаза мечеть такія искры, что Боже упаси. Завернитесь-ка лучше вотъ въ этотъ плащъ; хотя онъ не новъ, но былъ свидѣтелемъ многихъ благородныхъ подвиговъ. Въмѣсто шпаги, вооружитесь вотъ этою рапирю, да возьмите еще вотъ эту узловатую палку. Снимите перья со шляпы и падѣньте ее... вотъ такъ.... больше на глаза... Теперь вы вовсе не похожи на герцога... развѣ только носъ да усы герцогскіе.... Ну!... пойдете теперь.

Всѣмъ извѣстно въ какомъ состояніи были тогда въ восемь часовъ вечера парижскія улицы. Исключая главныхъ, мощеныхъ улицъ, всѣ остальные походили на болота. Прохожіе владѣли въ нихъ по колѣна, путались въ травѣ, и счастливы были тотъ, кто добирался до назначеннаго мѣста и не попадалъ въ руки воровъ и мошенниковъ.

Уже давно привыкшій къ бродячей жизни, Пистоль зналъ всѣ переулки и закоулки этого мѣста, и потому безъ особенныхъ приключеній довелъ Пюйлорана до кабака, называемаго Пелкавомъ.

Войдя туда, де-л'Ажъ сѣлъ въ уголъ, а бандитъ сталъ отъискивать посланнаго.

Черезъ четверть часа Пистоль вернулся съ человѣкомъ, закутанымъ въ дырявый плащъ.

— Ваша свѣтлость, сказалъ агентъ, открывая лицо, сдѣлайте милость, посмотрите на меня повнимательнѣе, и постарайтесь припомнить, гдѣ вы меня видѣли, и кто я таковъ.

— Я узнаю тебя, отвѣчалъ Пюйлоранъ, ты старинный слуга княгини Шимэ.

— Точно такъ, ваша свѣтлость; теперь надѣюсь, что мы пойдемъ другъ друга. Ради Бога не принимайте меня за испанскаго агента. Я присланъ не отъ фландрскаго правительства, а отъ дочери княгини Шимэ. Я пришелъ предупредить васъ о замыслѣ, составленномъ противъ васъ здѣшними и брюссельскими вашими врагами. Больше я ничего не знаю. Изъ письма мадамъ де-Шимэ вы узнаете все подробно.

— Дай скорѣй письмо.

— У меня нѣтъ его. Для большей предосторожности, зель де-Шичэ отдала его одному аббату, посланному съ начальствомъ. Если вамъ угодно слѣдовать за мною, то получите письмо; только не берите никого съ собою, и о здѣсь вашихъ людей.

— Иди впередъ; я пойду за тобою.

Пюйлоранъ, оставивъ Пистоля въ кабакѣ, вышелъ въ вожденіи переодѣтаго слуги, который привелъ его въ переулку и сказалъ что-то по фламандски. Чоловѣкъ, сидѣвшій бѣ, всталъ. Тогда слуга подошелъ къ нему и сказалъ:

— Вотъ герцогъ Пюйлоранъ.

: Аббатъ вынулъ бумагу и отдалъ ее де-л'Ажу.

— Порученіе мое кончено, сказалъ онъ, положите въ карманъ, и откройте его не прежде какъ будете дома. Берегитесь, чтобъ кто-нибудь не подстергъ васъ. Знаете еще какъ важны для васъ эти извѣстія. Для того лица и ищетъ насъ, чтобъ онѣ не попались вамъ въ руки. Берегите себя, и да спасетъ васъ Богъ.

: Посланные исчезли въ темнотѣ.

Пюйлоранъ очутился одинъ, и какъ слѣпой пошелъ отъ

Ла-Пистоль, стоя на порогѣ кабака, и услыхавъ, какъ лотить палкой объ стѣну, побѣжалъ къ нему на помощь.

Черезъ часъ оба они были въ Люксанбурѣ.

Де-л'Ажъ не медля ни минуты заперся у себя и началъ писать слѣдующаго содержанія:

• Если вы помните нашу дружбу, Пюйлоранъ, то извините глупость моего поступка. Мы узнали о приниреніи вашемъ къ диналомъ, о неслыханныхъ почестяхъ и богатствѣ, къ которымъ васъ закидали и наконецъ о вашемъ бракѣ. Я была такъ удивлена, что удивлялась этому, но не въ томъ дѣло. Не усомнитесь въ себя роковымъ счастьемъ, будьте на стражѣ. Вы стоите въ пропасти. Тайный посланный отца Юсифа пріѣзжалъ съ цѣлью ставить противъ васъ престранныя, непонятныя интриги. Этотъ посланный уговаривалъ маркиза д'Этона писать въ такомъ смыслѣ, какъ будто бѣ вы снова разположены въ Испаніи. Кардиналъ-инфантъ съ своей стороны написалъ Гастану, и въ письмѣ этомъ дѣлаетъ видъ какъ-будто полагаетъ его недовольнымъ и королемъ и кардиналомъ. Онъ хотѣлъ выставить васъ самымъ неблагодарнымъ и коварнымъ ловѣнкомъ. Если вы уже получили эти письма, то опасайтесь.

велика; но если онъ не дошли до васъ, то должны находиться въ рукахъ министра, и тогда что станетъ съ вами? Не знаю, что и придумать, чтобъ спасти васъ, и ничего не нахожу. Предупреждаю васъ только объ опасности и утомляю небо своими молитвами. Спасите по крайней мѣрѣ хотя жизнь свою. Не смѣю желать, чтобъ новое несчастье привело васъ въ наше отечество; а знаю, что вы не найдете здѣсь счастья.

«Луиза де Шимэ».

Несмотря на это, Пюйлоранъ не могъ вѣрить, чтобъ такой гениальный человекъ захотѣлъ марать ния свое такимъ низкимъ поступкомъ. Это казалось ему невѣроятнымъ; а между-тѣмъ Луиза де-Шимэ доставила самыя подробныя свѣдѣнія. Содѣйствіе Юсефа, этого низкаго ремесленника всѣхъ преступленій, подавало поводъ вѣрить предостереженью.

Пюйлоранъ находился въ жестокой невѣдѣнности.

Легкій ударъ въ дверь вывелъ его изъ раздумья.

Онъ засунулъ письмо въ диванъ и тогда только отворилъ комнату, когда удостовѣрился въ зеркалѣ, что лицо его не обличаетъ никакого безпокойства.

Пюйлоранъ отдвинулъ задвижку, и изъ-за полуотворенныхъ дверей высунулся крючковатый носъ, фосфорическіе глаза и оловяковаго цвѣта лицо, выставляющее два ряда бѣлыхъ и острыхъ зубовъ.

Это былъ Лопесъ Абенсеррахъ, который по привычкѣ или по натурѣ всѣхъ Африканцевъ, молча смѣялся.

— Зачѣмъ пришелъ ты? спросилъ Пюйлоранъ.

Лопесъ большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки сталъ ударять по лѣвой ладони, какъ человекъ считающій деньги.

— Герцогъ, сказалъ онъ, настала минута возвратить мнѣ долгъ.

IX.

Лопеса немало удивило, что Пюйлоранъ ходилъ кругомъ стола и поводилъ руками по лбу, какъ человекъ погруженный въ глубокія размышленія. Онъ призывалъ на помощь хладнокровіе и чувствовалъ, что горе душило его.

Такое озабоченное лицо и походка вовсе не походила на лицо

и походу честнаго должника, который торопится заплатить свой; и потому образца Абенсерраха вытянулся и на цей зилось безпокойство.

— Послушай, сказалъ наконецъ Пюлоранъ, принимая ный видъ, я не ребенокъ и не вѣрю на слово сказкамъ торыни хотять забавлять меня. Вспомни, что ты сказалъ: требую долгъ свой наканунѣ вашего ареста. Следовательно тра меня арестуютъ?

— Помилуйте! ваша свѣтлость, отвѣчалъ Абенсерракъ, можно понимать вещи въ буквальномъ смыслѣ; кому вспоминаете только половицу моей рѣчи; вѣдь я тогда приб
«Или тогда, когда «фортуна ваша до того возвысится, что дете на недосыгаемомъ мѣстѣ».

— Правда, что ты прибавилъ это, однако не вообража меня можно обманывать. Я знаю, мнѣ угрожаетъ больша сность, которую ты долженъ знать въ качества шпюи святѣйшества. Ты знаешь, что меня опутываютъ сѣтями жень сказать, какъ и какимъ образомъ меня арестуютъ?

— Хоть умереть, такъ не знаю.

— Очень можетъ быть, что и умрешь, если не са правды.

Сказавъ это, Пюлоранъ сталъ спиною къ дверямъ и вы изъ ноженъ шпагу.

Лопесь бросился на колѣна, лицомъ на полъ, растянул и сталъ кричать съ немовѣрною быстротою:

— Ваша свѣтлость! клянусь Магометомъ, нашимъ комъ, что вы ошибаетесь. Вспомните, какъ я васъ под валъ, ободрялъ, помогалъ деньгами, когда мы оба были ности, вы, провинциальный дворянчикъ, а я простой камен а теперь вы хотите убивать, рѣзать меня какъ на бойнѣ!

— Такъ говори или умирай, а тебѣ, льстець, не совс удобно умирать теперь, потому что перешелъ въ христ изъ одного честолюбія, а между тѣмъ призываешь бывша его пророка.

— Именемъ моей и вашей матери, не губите меня! я ничего не знаю. Развѣ вы думаете, что кардиналъ стантъ сообщать всѣ свои намѣренія? Ахъ, Боже мой! зачѣмъ по я отечество! зачѣмъ насъ Мавровъ выгнали изъ Испаніи!

— Послушай, собака мусульманскъ, вскричалъ Пюлоранъ ты не хочешь говорить правды, то я убью тебя!

Пюйлоранъ схватилъ Ломаса за воротникъ и кричалъ острее
еще въ груди его.

— Остановитесь! вскричалъ Мваръ, я все скажу, скажу все,
что знаю. Когда ваша милость хотѣли окрестить въ Семъ-Жермонѣ
кардинала, то его статъ-секретно сказалъ при мнѣ: «Я дамъ Пюй-
лорану и герцогство-прество и его возлюбленную; но онъ дорого
те чашъ заплатить, и не долго заплатится мнѣ». А сегодня ут-
ронъ съ языка отца Юсефа сорвался, въ моемъ присутствіи,
эти слова: «Мы скоро расчленимся съ Пюйлораномъ, и ка-
жется не мы, а онъ будетъ въ убыткѣ». Клянусь честью, боль-
ше я ничего не знаю. Послѣ этого я пошелъ къ вамъ во своимъ
домѣ, да и самъ теперь не радъ; провалился онъ окаянный! Я
бы хотѣлъ заплатить за него вдвое и быть теперь въ Африкѣ.
Утворю васъ, что въ сущности, я смотрю на всѣ эти угрозы
кардинала и отца Юсефа, какъ на пустыя слова, потому-что за-
втра васъ принимаютъ въ число герцоговъ и перовъ парламента,
а завтра королева празднуетъ вступленіе въ герцогское досто-
яство вашей супруги, которую вводятъ во владѣніе табурина.
Его высочество тоже находится въ самыхъ дружескихъ отноше-
ніяхъ съ кардиналомъ, и король нарочно ѣдетъ изъ Семъ-Жер-
мона, чтобъ присутствовать при этомъ торжествѣ. Что же за-
ставляеть думать васъ, чтобъ противъ васъ шли дурные за-
мыслы? и кто осмѣлится сомнѣваться въ блескъ счастливой звѣ-
зды вашей? Если же вы все еще думаете, что я знаю все про-
тивъ васъ козни и не вѣрите моимъ клятвамъ, то мнѣ ничего
больше не остается какъ умереть. Такъ убейте же меня и удер-
жите у себя мои деньги; смерть моя и долгъ вашъ останутся у
васъ на совѣсти.

— Замолчи! вскричалъ Пюйлоранъ, я презираю и тебя и жизнь
твою и деньги твои. Можешь оставить ихъ при себѣ.

Мваръ всталъ, взявъ сто червонцевъ, которые Пюйлоранъ
швырнулъ ему и вышелъ изъ комнаты.

Де-л'Ажъ немедленно пошелъ къ Маргаритѣ.

Невыразимый страхъ и ужасъ овладѣли имъ, когда глядя на
нее онъ думалъ, что можетъ потерять ее послѣ падѣнія счастья.

Онъ схватилъ жену въ объятія и прижалъ ее къ сердцу.

— Другъ мой, сказала Маргарита, если что мучитъ тебя, ко-
му жъ откроешь ты свое сердце если не мнѣ?

— Если мщенье, или другое какое непредвидимое несчастье
разорвутъ союзъ нашъ, то обещай мнѣ не предаваться отчаянію
и стараться сохранить жизнь свою.

— Нѣтъ, извините, отвѣчала герцогиня, этого я никакъ обѣщаю, потому-что, если тебя снова станутъ преслѣдовать однимъ только могу остановить дядю, угрозой не пережить соединять судьбу мою съ твоею и пасть подъ тѣмъ ударомъ который поразитъ тебя. Сдѣлавъ отважды эту угрозу, я буду или спасти тебя, или сдержать свое слово. Но что если наканунѣ праздника, который дается въ честь насъ обидѣ? Ужъ не опять ли какая нибудь интрига.

— Избави Боже! не я начинаю интриги, а противъ интригують!

— Дядя мой вытащитъ тебя изъ сѣтей враговъ твоихъ.

Видя спокойствіе и довѣріе герцогини, Пюйжоранъ самъ конлся. Любовь Маргариты, спокойствіе ночи и свѣтлое нее солнце разсѣяли его мрачные мысли. Онъ всталъ въ шенно другомъ расположеніи духа какъ былъ наканунѣ, и шествіе его по парижскимъ улицамъ, встрѣча съ аббатомъ явленіе Лопеса показались ему не больше, какъ страданію. А день 7 декабря былъ такъ половъ пріятныхъ ожиданій что несчастья, кажется, и некуда было всунуть.

Утромъ, въ десять часовъ, президентъ парламента съ четырьмя совѣтниками пришелъ отъ имени парламента, поздравить герцога и доложить ему, что его ожидаютъ въ присутствіи короля.

Бездна каретъ, сопровождаемыхъ камергерами и камергерками верхами, отправилась изъ Люксембурга въ парламента. Дворъ королевы сидѣлъ на возвышеніи.

Президентъ Сегье прочелъ приказъ короля, который возвысилъ камергера его высочества въ званіе герцога-пэра.

Пюйжоранъ произнесъ присягу, и его посадили въ назначенныя для него кресла, между герцогами де-Лавалетъ и де-Бельгунъ.

Чтобъ дать ему случай произнести рѣчь, Сегье предложилъ сказать что нибудь на-счетъ финансовыхъ учрежденій, послѣ чего засѣданіе кончилось.

Церемонія эта продолжалась до трехъ часовъ.

По возвращеніи въ Люксембургъ, Гастону и прислужившимъ оставалось только необходимое время, чтобъ приготовить балу.

Герцогъ Орлеанскій, который въ день свадьбы своей жены надѣтъ новаго платья, былъ одѣтъ на этомъ балѣ въ костюмъ роскошно и великолѣпно, и если бы могъ только бытъ бы однимъ изъ очаровательнѣйшихъ кавалеровъ двора.

Маргарита, вся въ брилліантахъ, въ жемчугахъ, съ глазами, оживленными счастьемъ, представляла собою олицетворенную юность и радость.

Когда Пюйлорану доложили, что герцогъ готовъ ѣхать, онъ пошелъ въ свою рабочую комнату и нашелъ тамъ книжаль, воткнутый въ столъ черезъ голубой бантъ съ девизомъ Фальсбургской принцессы: «Вѣрность умирающему голубому цвѣту». Тутъ лежала и записка, въ которой было: «Умирающій цвѣтъ отистить за себя». Не заботясь о бесполезныхъ розыскахъ, Пюйлоранъложилъ книжаль въ оставленные на столѣ ножны, спряталъ его въ карманъ и поблагодарилъ въ мысляхъ принцессу, что она доставила ему защиту, которая въ случаѣ нужды могла ему пригодиться.

Гастонъ Орлеанскій, чтобъ оказать еще больше чести новой герцогинѣ, посадилъ ее въ свою собственную карету.

Около Лувра тѣснилось столько каретъ, что экипажъ Гастона принужденъ былъ ѣхать шагомъ.

Изъ толпы народа вышелъ человѣкъ, и подходя къ дверцамъ кареты сказалъ по-фламандски въ пол-голоса:

— Не входите въ Лувръ, тамъ васъ арестуютъ!

Маргарита не разслыхала словъ этихъ; но Гастонъ поблѣднѣлъ и спросилъ шепотомъ де-л'Ажа: къ кому относилось это предостереженіе.

— Ко мнѣ, отвѣчалъ Пюйлоранъ; ужь это третье со вчерашнаго дня.

Успокоивши на-счетъ самаго себя, герцогъ нашелъ, что опасность не велика.

— Какъ можно предполагать, сказалъ онъ, чтобъ покушались на твою свободу? какъ можно арестовать кого во время кадрили? Королева не потерпитъ этого.

— И потому ваша свѣтлость видитъ, что я иду впередъ, но съ намѣреніемъ разгадать, открыть эту тайну.

— Если кардиналъ, вскричалъ Гастонъ, осмѣлится ставить съти намъ, въ жилищѣ моихъ предковъ, то я убью его собственною рукою.

Всходя по лѣстницѣ, Гастонъ подозвалъ къ себѣ своихъ камергеровъ.

— Друзья мои, сказалъ онъ, ни подь какимъ предлогомъ не

* Это и въ-самомъ-дѣлѣ былъ ея девизъ.

отложите отъ меня, и если я подымъ зникъ, будьте гото
защитъ.

Свѣта герцога сдвинулась и немедля составила фалангу
рая въ военномъ порядкѣ прошла по комнатамъ.

При входѣ въ залу, дежурная статсъ-дама приняла ногу
цогни и повела къ кресламъ, назначеннымъ ей подл
левы.

Гастонъ поклонился издали, и окруженный своєю свѣт
дошелъ къ камину.

Королева встала, пошла на встрѣчу къ брату, пожалъ
ку и спросила, не хочеть-ли онъ ѣсть подлѣ него.

— Нѣтъ, я ностою, отвѣчалъ Гастонъ невѣжливымъ
сомъ.

— Ну, такъ и я тебѣ за компанію.

Гастонъ тарачилъ испуганные глаза.

Она дернулъ де-л'Ажа за рукавъ и сказала ему на ухо

— Я погибъ, король ласкаетъ меня.

Когда прошла первая минута болѣзни, герцога, который
хорошо притворяться, принялъ спокойный, даже веселый
Музыка заиграла.

Черезъ нѣсколько минутъ церемоніймейстеръ пришелъ
Пюлорану, что герцогиня де-Шеврѣль желаетъ начать с
балетъ.

Новый герцогъ отправился на половину королевы, гдѣ
цать прелестныхъ дамъ, въ фригійскихъ шапочкахъ, съ зор
въ рукахъ дротинками, олюдали его.

Тутъ нечего еще было пугаться.

Первое подозрѣніе подала Пюлорану графъ де-Брионъ
рый, стоя въ углу комнаты, съ большимъ жаромъ разгов
съ балетмейстеромъ Филиппомъ.

Кардиналъ, сидя съ Бутинье въ китайской комнатѣ
тилъ блѣдность Пюлорана.

— Чтѣ съ тобой, любезный племянникъ? закричалъ с
другой комнаты. Брови твои такъ стиснулись, точно бу
тять драться. Ты вовсе сегодня не похожъ на танцора.

— Правда, что у меня не танцы въ головѣ, отвѣчалъ
лоранъ.

— Перестань глумить, молодой человекъ, продолжалъ
нистръ, отложи въ сторону свои мрачныя мысли или
нхъ мнѣ.

— Такъ-какъ не отъ меня зависить убѣжать отъ мр

цислей, то я лучше скажу вамъ, отчего онѣ преслѣдуютъ меня. Изъ этого письма ваше святѣйшество узнаетъ все.

Прудоранъ подалъ письмо мадамъ-азель Шиню.

Кардиналъ, прочитавъ его, спряталъ какъ драгоценность въ карманъ.

— Очедь жаль, сказалъ онъ, что дѣвушки не слушаютъ у меня; онѣ все знаютъ и умѣютъ открывать всѣ тайны. Предостереженія эти прекрасны, но онѣ не должны мѣшать тебѣ тѣпчать.

— Если предостереженія эти были прекрасны, то вы бы жестоко поступили со мною; злонамятство ваше нанесло бы мнѣ послѣдній ударъ и въ эту самую минуту я бь упалъ въ ужасную провасть.

— Оставь насъ, Бутинье, сказалъ министръ, и затвори за собою дверь. У меня есть нѣчто объяснить племяннику.

— Надо прислать вашему святѣйшествоу, спросилъ Бутинье, того человѣка, котораго вы изволите ожидать?

Министръ кивнулъ утвердительно головою и пожалъ плечами, какъ будто бь вопросъ этотъ показался ему или дерзкимъ или неумнымъ.

— Очедь жаль, сказалъ министръ, когда дверь затворилась, что тотчасъ же по полученіи письма мадамъ-азель де-Шиню, ты не пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ. Я бы избавилъ тебя отъ безполезнаго безпокойства и несправедливыхъ подозрѣній. Все это дьявольскія выдумки моего Юсефа. Шутъ этотъ воображалъ, что я такъ же неумолимъ, какъ онъ самъ, что сердце у меня такое же жесткое и не спросилъ меня, осмѣлился рыть тебѣ яму. Довѣсь и онъ послалъ въ Брюссель одного изъ своихъ агентовъ съ тайнымъ порученіемъ дать знать испанскому двору, что его высочество снова расположенъ оставить короля, своего брата. Маркизь д'Этонъ и кардиналъ-инфантъ вручили письма свои этому агенту, который отдалъ ихъ на обыкновенную почту. Письма эти перехватили и отецъ Юсефъ, вытаращивъ глаза, прибѣжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что ты снова вътрагуешь; но помочь было слишкомъ очевидно, я потребовалъ признанія и оба они признались въ своихъ козняхъ. Будь великодушнее, прости этихъ зачестивымъ злодѣямъ; вѣдь мы не можемъ съ нею править ни отъ злости, ни отъ зависти.

— Да вѣдь королю известны эти письма?

— Не думаю, отвѣчалъ министръ.

— Ваше святѣйшество колеблется, не знаетъ что отвѣчать;

между-тѣмъ вѣдь вамъ извѣстно показывали вы ихъ корнѣтъ. На мои вопросы вы отвѣчаете неясными отвѣтами.

— Помилуй, любезный, развѣ я могу теперь не губя себя погрузить въ несчастье собственное семейство, погубить вѣдь ты теперь одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ мать на моей любезной питомицѣ. Развѣ я захочу нарушить и слезами тишину моего мирнаго убѣжища?

— Не знаю, что вы думаете и какъ поступаете, только мнѣ честное слово, поклянитесь, что король не читалъ писемъ.

— Изволь, я готовъ поклясться.

— Честью?

— Честью.

— Полагаюсь на честь вашу, забываю эту подлую инищину прощаю низкимъ ея изобрѣтателямъ.

— Чтобы еще больше успокоить тебя, продолжалъ мнѣ я пошлю за этими письмами въ мой дворецъ и отдамъ ихъ. Оставайся здѣсь, ихъ тотчасъ принесутъ и мы вмѣстѣ съ всѣми этими бумагами.

Кардиналъ вышелъ и Пюйморанъ сдѣлалъ неосторожно послѣдовалъ за нимъ, но какъ предполагать, чтобы переинстру такъ дешево цѣнилъ и совѣсть свою и честь.

Какъ только де-л'Ажъ остался одинъ, такъ немедленно дѣлъ де-Горда, капитана гвардіи, который явился съ чинами солдатами.

Во всей Франціи и Наваррѣ не было такого отвратительнаго лица, какъ де-Горда, и кардиналъ будто нарочно выбранъ для самыхъ неприятныхъ порученій.

— Пюйморанъ, сказалъ онъ, именемъ короля арестую

— Кто далъ вамъ это приказаніе? кардиналъ?

— Самъ король.

— Такъ я безъ сопротивленія отдаю вамъ шпагу. Можете ли вы переговорить съ его высочествомъ?

— Мнѣ предписано строгое запрещеніе допускать до того бы то ни было или передавать ваши письма и просьбы.

— Скажете ли вы по-крайней-мѣрѣ, что со мною будете куда ведутъ меня?

— Еще не знаю, но жду приказаній.

Отецъ Юсифъ, входящій въ потаенную дверь, услышавъ слѣдствія слова де-Горда.

— Приказаній? сказалъ онъ, выставляя голову между двухъ знавшейей, онъ со мною. Обезоруженъ пльаникъ?

— Вотъ шага его, отвѣчалъ де-Гордъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Иосифъ, подавая офицеру предписание короля, идите всѣ за мною. Мосьё де-л'Ажъ почуетъ въ комнатѣ герцога де Шеврѣзъ.

Солдаты окружили Пюлорана и повели его узенькою лѣстницею во второй этажъ, гдѣ герцогъ де Шеврѣзъ, какъ почетный оберъ-камергеръ королевы, занималъ комнату.

Де-Гордъ приставилъ къ дверямъ часоваго, а самъ вышелъ, предоставляя отцу Иосифу допрашивать Пюлорана.

— Любезный другъ, сказалъ аббатъ, вы не хотѣли мнѣ вѣрить, когда въ прошедшемъ году я уговаривалъ васъ покориться кардиналу, вы смѣлились надъ моими совѣтами и упорствовали въ привязанности къ такому человѣку, который принужденъ теперь отказаться отъ васъ. Признайтесь, что не хорошо поступали и тѣмъ болѣе, что я вамъ давно предсказывалъ то, что теперь съ вами случилось. Теперь я умываю себѣ руки.

— Не притворяйтесь, милый мой аббатъ, отвѣчалъ Пюлоранъ. Вы погубили меня; злость ваша дошла до Брюсселя и потребовала, чтобъ вѣриѣ поразить меня, орудія у маркиза д'Этона, въ то время, когда я отъ чистаго сердца примирился съ кардиналомъ.

Отецъ Иосифъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Пюлорана, въ сѣрыхъ глазахъ его выразилась злоба.

— Такъ вы знали, что маркизъ д'Этонъ послалъ вамъ?

— Вчера только узналъ. Мадмоазель де-Шимэ писала мнѣ о всѣхъ вашихъ интригахъ.

— Господи Боже мой, вскричалъ аббатъ; и вы не двигались съ мѣста, когда могли предупредить ударъ? Это не благоразумно, молодой человѣкъ, потому-что еслибъ вы показали королю эти письма, хоть сегодня утромъ, то мы бы навѣрно погибли. Надѣюсь, что въ бумагахъ вашихъ найдется эта опасная для насъ статья?

— Я отдалъ ее сейчасъ кардиналу.

— Тѣмъ лучше. Это было послѣднее доказательство вашей невинности; мы постараемся уничтожить, съечь его. А покуда не принуждайте насъ объеквовать ваши карманы и отдайте добровольно все, что тамъ есть.

Отчаянная мысль мелькнула въ головѣ де-л'Ажа. Онъ вскочилъ, бросился на отца Иосифа, схватилъ его обѣими руками, пова-

лишь на землю, сталъ колѣномъ ему на грудь и правомъ схватилъ аббата за горло.

— Вопль отчаянья вырвался изъ груди Юсефа.

На крикъ этотъ прибѣжалъ де-Гордъ.

— Не подходи! закричалъ ему Юсефъ.

— Адское отродье! вскричалъ Пюлоранъ, такъ-какъ дана надо мною власть, то прикажи офицеру попросить его высочество. Я не выпущу тебя изъ рукъ, пока не пердога.

— Чтѣ мнѣ дѣлать? спросилъ де-Гордъ.

— Иди туда, куда онъ велитъ, кричалъ аббатъ. Упрости мнѣ, чтобъ онъ позволилъ привести сюда герцога. Иди, какъ ни минути. Ради Бога, поторопись.

Де-Гордъ былъ самый акуратный человѣкъ. Онъ пошелъ всегда по приказанію.

— Почтенный отецъ, сказалъ онъ, не знаю долженъ ли я повиноваться приказаніямъ короля. Король възялъ на себя обязанность, чтобъ до него не доходили ни какія просьбы. Кто не исполнилъ еще своей обязанности; не обезоружилъ пистолетомъ. Прежде всего надо силой вырвать васъ изъ рукъ его, если онъ не оставитъ васъ добровольно.

— Ты будешь виноватъ, если онъ задушитъ меня, аббатъ.

— Служба и репутация моя могутъ пострадать.

— Послушаешься ли ты меня или нѣтъ? закричалъ отъ него. Если со мной случится несчастіе, то у тебя отберутъ жалованье, и кардиналъ сошлетъ тебя въ Венсенскій замокъ.

— Де-Гордъ заворчалъ, но повиновался; а несчастный такъ вздыхалъ, что могъ потрясти своды своими вздохами и гласами.

— Ахъ, Боже, Боже мой! какъ это я попалъ въ такую пастъ? точно школьникъ! Добрый, любезный Пюлоранъ, зовешь ты герцога? что скажешь ты ему?

— Негодяй! вскричалъ де-л'Ажъ, такъ ты никакъ не отставишь отъ привычки хитрить? Герцогъ узнаетъ, гдѣ находится наместительство моея невинности и докажетъ ее королю.

— Это не дурная мысль! за чѣмъ не предались вы насъ, сто того, чтобъ интриговать противъ его святѣйшества?

— Теперь слишкомъ поздно разсуждать. Ты стоишь въ пропасти, а я уцѣпился за тебя и могу увидѣть, устрѣмивъ себя втолкнуть туда тебя.

XI.

Мы оставили герцога въ танцевальной залѣ, разговаривающаго съ королемъ и употребляющаго всѣ средства, чтобъ скрыть боль свою.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ ухода Пюйлорана, король принялъ самый ласковый видъ и сказалъ шопотомъ Гастону:

— Я имѣю нѣчто сообщить тебѣ, чтѣ, я думаю, огорчитъ тебя; но чтобъ смягчить это горе, я готовъ на всѣ возможные вознагражденія, какія только тебѣ угодно будетъ просить у меня.

Испуганный герцогъ облокотился локтемъ на голову украшающей камень каріатиды.

— Вы простили меня, государь, отвѣчалъ онъ, возвратили мнѣ милость вашу, чего жъ я могу еще бояться?

— Это дѣло не до тебя лично касается, но до человѣка, котораго ты любишь. Пюйлорана берутъ теперь подъ стражу. Онъ снова интриговалъ, у кардинала есть тому доказательства, а послѣ всѣхъ милостей, которыми его забросали, такая неблагодарность невозможна и должна быть наказана. Не защищай его, не вступайся за такого вреднаго человѣка и я удовлетворю тебя во всемъ, исполню все, чтѣ ты пожелаешь.

— Если у васъ есть доказательства противъ Пюйлорана, то я не противлюсь его аресту.

— Очень радъ видѣть въ тебѣ такое благоразуміе.

Ле-Кудрэ-Монпансид подслушалъ разговоръ этотъ. Онъ обратился къ друзьямъ герцога и сказалъ улыбаясь:

— Вотъ человѣкъ, которому объявляютъ гибель его вѣрнаго, неизмѣннаго друга, и посмотрите, какъ онъ горячо за него вступается. Пусть это служитъ вамъ урокомъ.

Сказавъ это, онъ пробрался къ дверямъ и ушелъ потихоньку.

Въ эту самую минуту, кардиналъ вошелъ въ залу.

— Поди, поди, сказалъ король, и благодари герцога, что онъ избавляетъ насъ отъ безпокойства. Онъ не сердится за строгость нѣръ, къ которымъ принудилъ насъ Пюйлоранъ; такъ-что между нами не будетъ ни шуму, ни ссоры. Я несказавно за это ему благодаренъ.

— Теперь ваше величество должны всѣмъ пожертвовать, отвѣчалъ министръ, чтобъ поддержать дружескія сношенія съ прицдемъ.

Гастонъ, не говоря ни слова и не двигаясь съ мѣста нягъ равнодушіе.

Между-тѣмъ, герцогиня Маргарита, слѣдившая издали раженіемъ лицъ, начинала беспокоиться. Она замѣтила, объ чемъ-то шепчутся и какъ-будто говорятъ объ ея мужѣ.

Тогда, забывъ этикетъ, она вскочила, схватила за руку леву и сказала замирающимъ голосомъ:

— Ради Бога! скажитесь надо мной!... узнайте, что тамъ происходитъ между королемъ и принцемъ; они говорятъ мужѣ.

Королева подозвала герцога де-Шеврѣза и просила его посмотрѣть, что дѣлаетъ Пюйлоранъ.

Герцогъ нагнулся на спинку кресель Анны Австрійской и сказалъ ей что-то на ухо.

Королева вспыхнула, встала и тотчасъ же подошла къ герцогу.

— Ваше величество, сказала она, умоляю васъ, не позволяйте арестовать гостей моихъ. Это значитъ не имѣть ко мнѣ уваженія и оскорблять законы гостепріимства. Если его свѣтѣйшій отецъ доволенъ Пюйлораномъ, то онъ можетъ отложить до завтра свое гнѣвъ и ненависть.

— Тутъ нѣтъ ни мести, ни ненависти, отвѣчалъ король тихимъ тономъ. Я исполняю только мое правосудіе и не хочу обвинять кардинала. Клеветники его надѣли мнѣ.

— Я привыкла къ непріязни кардинала, который пренебрегаетъ тѣхъ, кому я покровительствую, отвѣчала съ горечью королева; но, на этотъ разъ, я не прошу милости, а хочу только чтобы мой мужъ былъ уваженъ.

— Вашъ домъ—мой домъ, отвѣчалъ сердито король. Тотъ же дворянчикъ, какъ Пюйлоранъ, не стоитъ, чтобы его дѣлали столько шуму. Неудобно ли вамъ идти на свѣтъ балъ и веселье не должны останавливаться.

Оскорбленная гордость рѣзко выразилась въ чертахъ Австрійской. Она гнѣвно и презрительно посмотрѣла на королеву и сказала трепещущимъ голосомъ.

— Я не забуду этого милаго одолженія.

Въ эту самую минуту въ залу вошли двадцать французскихъ дамъ и кавалеровъ.

Увидавъ, что графъ де-Брионъ замѣнилъ Пюйлорана, Маргарита вспомнила предчувствія мужа и поняла, что онъ арестованъ.

изпустила пронзительный крикъ и упала безъ чувствъ на руки королевы. Ее увесли за-мертво.

Танцы прекратились.

Длинная фигура де-Горда, явившагося посреди этой суматохи, навела страхъ на все собраніе; каждый боялся, чтобъ его не схватили, и тѣмъ болѣе, что де-Гордъ подошелъ къ кардиналу и сказалъ ему что-то на ухо.

Министръ взялъ подъ руку герцога и сдѣлалъ знакъ капитану идти впередъ.

Всѣ трое вышли поспѣшными шагами, оставивъ собраніе въ недоумѣніи.

Король сѣдѣлъ на своемъ мѣстѣ.

— Господа музыканты, закричалъ онъ громкимъ голосомъ, продолжайте играть, а вы, господа танцоры, не отставайте отъ нихъ.

Но музыканты фальшивили, а танцоры сбивались въ фигуракъ, такъ-что балетъ вовсе не удался.

Пока фригійскія дамы старались попасть въ тактъ, и пока король билъ мѣру музыки, время казалось долгимъ нашему герою, а тѣмъ болѣе отцу Юснѣу.

Прошло десять минутъ, а де-Гордъ все еще не явился.

Напоонецъ послышался шумъ быстрыхъ шаговъ. Сердце де-Л'Ажа забилось отъ боязни и надежды.

Гастонъ вошелъ впередъ; но увидѣвъ Юснѣа въ рукахъ Пюйлорана, онъ замѣтался и ушелъ на студи.

— Чтò ты дѣлаешь! вскричалъ онъ, не губи себя братецъ.

— Ради Бога! отвѣчалъ Пюйлоранъ, не теряйте времени на пустыхъ разговорахъ! идите прямо къ цѣли: съ вами кардиналъ?

— Я здѣсь, сказалъ задыхавшійся министръ.

— Очень радъ. Посмотрите, что я сдѣлалъ съ вашей правой рукою; онъ уцреть, если вы не послушаетесь моего приказа; а главное не хитрить, не лгать, не извертываться, а все то я въ глазахъ вашихъ уничтожу этого негодяя.

— Говори: чего моллаешь?

— Я отдаю вамъ сейчасъ нисѣмо книжки де-Шампо.

— Оно у меня въ карманѣ.

— Отдайте его герцогу.

— Кому? Оно должно быть при твоихъ бумагахъ, а если можеть оправдать, то оправдаеть тебя.

— Вотъ ужъ вы начали меня обманывать. Берегитесь, а его. Отдайте письмо мое герцогу.

— Общаю, что мы не уничтожимъ его.

— Какъ онъ извертывается! Послѣ третьяго отказа отдастъ свою душу.

— Ради Бога! отдайте письмо! кричалъ аббатъ удуго голосомъ.

— Отдайте, прошенталъ Гастонъ, готовый разсыпаться прахъ.

— Да вѣдь это важная бумага, отвѣчалъ колеблясь кардиналъ.

— Такъ умрай же, собака! вскричалъ де-л'Ажъ Юсифу.

— Остановись! вскричалъ министр; вотъ письмо твое бровольно отдаю его герцогу.

Гастонъ Орлеанскій принялъ письмо съ такимъ страхомъ, какъ будто бы оно жгло ему пальцы.

Плюморанъ поднялъ отца Юсифа.

— Что мнѣ съ этимъ дѣлать? спросилъ Гастонъ, держа письмо.

— Я скажу вамъ: письмо это докажетъ мою невинность, потому берегите его какъ сокровище. Оно вамъ такъ необходимо, какъ и мнѣ, потому что насъ съ вами обвиняютъ тайной перепискѣ, васъ, въ перепискѣ съ кардиналомъ, а меня съ маркизомъ д'Этовомъ. Показавъ письмо, вы ясно докажете, что подлогъ этотъ произведенъ Юсифомъ и подлеца Лопеса, дѣйствующихъ по приказу свѣтѣйшества, кардинала. Вы можете погубить ихъ всѣхъ, если докажете низость, которой примѣра не было еще. Министръ вашего брата осмѣливается осквернять его такими черными поступками, и если злодѣи осквернятъ васъ безнаказанными, то послѣ этого надо будетъ отчаиваться правосудіи. Вотъ уже четыре года какъ вы старались пергнуть кардинала и никогда не были еще такъ сильны, какъ хорошо вооружены какъ теперь. Идите къ королю, скажите справедливъ, употребите всю вашу силу, всю волю и доблесть, кардиналъ падетъ. Его свѣтѣйшество извинитъ меня, что я говорю такъ свободно въ его присутствіи; но когда дѣло идетъ о жизни и чести, то учтивость неумѣстна.

Во мѣръ того какъ де-л'Ажъ говорилъ, Гастонъ выпрыгнулъ и ставовился въ позцію, а къ концу рѣчи принялъ ужасный видъ.

— Подлецы! вскричалъ онъ, знаемъ, знаемъ мы теперь наконецъ, что значать ваши ласки и лобзанья. Вы старались убавлять меня хитростью и обманомъ, но я просыпаюсь, и горе вамъ, безбожники! Не бойся, Пюйлоранъ, я изобличу всѣхъ ихъ и прибѣгну къ письму твоему, такъ-что его святѣйшество вдоволь напляшется; прощайте, кардиналъ, вы скоро обо мнѣ услышите.

Принцъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

Кардиналъ, дергая себя за бороду какъ будто для того, чтобы привести въ дѣйствіе умственные способности, стоялъ въ ошеломленіи.

Отецъ Іосифъ спрятался за капитана.

— Іосифъ, сказалъ наконецъ министръ, что ты на это скажешь?

— Во-первыхъ, не надо пугаться, во-вторыхъ, герцогъ не станетъ говорить такъ громко какъ увѣряетъ, въ третьихъ, король не станетъ слушать его такъ благосклонно, какъ его высочество воображаетъ; а въ-четвертыхъ, переночевавши однажды въ венсенскомъ лѣсу, не такъ-то скоро оттуда выходить.

— Капитанъ, сказалъ министръ, на сегодняшнюю ночь поручаю вамъ Пюйлорана, вы отвѣчаете мнѣ за него.

Гастонъ, вооруженный письмомъ княжны де-Шимъ и выросши на нѣсколько локтей, проходилъ скорой и величественною воступью по луврской галлерей; но подходя къ комнатамъ королевы, поступь эта сдѣлалась медленнѣе и робчѣе, а войдя въ переднюю, онъ шелъ уже на цыпочкахъ и, прислушивался боязливо къ звукамъ оркестра, колебался, войти ему или бѣжать домой.

Монтрезоръ, камеръ-юнкеръ графа Соасонскаго и отъявленный интриганъ, вошелъ тоже въ переднюю и засталъ принца въ недоумѣніи надъ бронзовою ручкою: онъ не могъ рѣшиться повергнуть ее и разтворить дверь.

— Вѣроятно, сказалъ со смѣхомъ Монтрезоръ, ваше высочество считаетъ комнату эту Рубиковомъ покойнаго Цезаря?

Гастонъ сообщилъ ему критическое положеніе Пюйлорана и свое собственное недоумѣніе какъ дѣйствовать.

— Не мѣшайте, поступайте рѣшительно, отвѣчалъ Монтрезоръ; войдите смѣло въ залу и прямо къ королю! Требуйте изслѣдованья дѣла; покажите письмо; говорите прямо, даже можете быть и осторожны въ словахъ своихъ. А не то, вы потеряете честь свою, а Пюйлоранъ потеряетъ свободу.

Чувствуя, что нѣтъ спору, Гастонъ одѣлся спѣше и началъ дѣйствовать.

Онъ вошелъ въ залу и прямо къ королю.

— Государь, сказалъ онъ съ тѣмъ достоинствомъ, къ такому искусно умѣть обмануться, если бѣ я доказалъ вамъ такъ, что нельзя сомнѣваться, что агенты отца Иосифа были въ Брѣ и выпросили тамъ письма, которыя погубили Пюлоранъ; если бѣ я доказалъ, что агенты эти сами отдали письма на почту, что нѣтъ вѣрнѣе мысли перехватить ихъ; если бѣ я доказалъ, что и еще только вчера предупредили объ этихъ интригахъ, то онъ узналъ изъ письма княжны де-Шинэ; если бѣ вы узнали Пюлоранъ, не будучи въ состоянн вѣрить такому коварству, да въ письмо это кардиналу, что его святѣйшество отдастъ при свидѣтеляхъ, что онъ принужденъ былъ къ тому силою спасти только отца Иосифа, къ которому Пюлоранъ пришелъ, что бы вы сказали тогда объ изобрѣтателяхъ таковой думки, такого замысла?

— Я приговорилъ бы ихъ къ суду.

— Такъ вотъ доказательства... вотъ письмо мадмоазель мае. Посмотрите, какъ тутъ во всемъ видна правда. Де-четыре солдата были свидѣтели, какъ Пюлоранъ, въ откровеннѣе аббата за горло и этимъ только спасъ письмо и кардинала. Допросите, изслѣдуйте дѣло, представьте мнѣ кого я обвиняю.

Людовикъ посмотрѣлъ на письмо и по-видимому не увидавъ, какую важность могло имѣть это дѣло.

— Это заслуживаетъ особеннаго вниманія, любезный, сказалъ онъ; оставь мнѣ это письмо, а выведу на свѣтъ и оправдаю тебя; но я не въ силахъ переносить такъ много криковъ. Поди теперь, а я переговорю съ кардиналомъ; онъ окажется виноватымъ, то я поступлю съ нимъ строго.

Только что Гастонъ вышелъ, какъ явился кардиналъ. королю онъ тотчасъ догадался, что Гастонъ жаловался; творясь, будто ничего не замѣчаетъ.

Людовикъ-Тринадцатый, избѣгая объясненій, которыя частью разстраивали его слабыя силы угасавшей жизни, рѣлъ ни слова и только слушалъ музыку.

Наконецъ, кардиналъ подошелъ къ королю и сказалъ ему въ тономъ:

— Читали, ваше величество, посланіе мадмоазель

Целую жизнь придется сидеть на самых обидчивых, передъ пререканчивъ глазами этой расовины?

— Отчего жъ и не такъ, если обидчиво справедливо? отвѣчалъ король, набивая тактъ ногою.

— Такъ я буду определятьяся перодъ адмиъ обидчивомъ въ вѣкъ? спросилъ индигитъ обидчивыхъ тономъ. Пюйоранъ и нахорвалъ де Шизъ спорились на счетъ пѣсны.

— Если это такъ, какъ вы говорите, сначала король, такъ за; что жд хотѣлъ вы едъ увидѣть? Завѣтъ не сейчасъ едали герцогу, а тогда только, когда Пюйоранъ готовъ былъ задумываъ кагого аббата?

Но предвѣдъ такого еднѣнаго вопроса, кардиналъ смутился и сердито придодялъ голову.

— Государь, сказалъ онъ, вы знаете и герцога и Пюйоранъ, а меня тоже; вотъ уже десять лѣтъ какъ я вамъ служу вѣрою и правдою. Съ одной стороны честолюбны, съ другой вѣрны слуга, дѣйствиа котораго вѣтъ извѣстны. Слѣдовательно, ваше величество должны сами рѣшить, съ которой стороны обманъ и кто изъ насъ заслуживаетъ больше довѣря, они или я.

— Развѣ я могу знать, кто лжетъ и кто говоритъ правду? вскричалъ король; развѣ я могу это знать? вѣдъ я не сердцеви- дѣтъ! Вы вскружили мнѣ голову вашими исторіями, отъ васъ дѣлѣ вѣтъ покою, вы вѣчно меня сердите, бѣсите и будете причиною, что я умру раньше времени. Убирайтесь отъ меня съ вашими ссорами и объясненіями!... Послушайте, кардиналъ, бросьте въ огонь все эти испанскія бумаги. Обвините брата и возвратите свободу Пюйорану.

— Герцога я обвиню отъ всей души; но не хочу мловать из- вѣтника, за то только, что онъ называется моимъ племянникомъ. Пюйоранъ заслужилъ участь Орнаво.

— Вы жестоки, кардиналъ, но у меня нѣтъ силъ спорить съ вами.

На прошло и четверти часа, какъ Людовикъ сказалъ въ полголоса Севъ-Симону:

— Когда Пюйоранъ посидитъ въ темницѣ, то бьюсь объ закладъ, что у него не будетъ такихъ разчесанныхъ усомъ и такихъ розовыхъ щекъ. Говорятъ, Басомьеръ толстѣетъ въ Бастильи, а Пюйоранъ навѣрное похудѣетъ въ Венсенской башнѣ; такъ это между ними обонии будетъ равновѣсіе.

Между тѣмъ Антоанъ де л'Ажъ оставался въ комнатѣ герцога де Шѣвреза, подъ стражею Горда.

Надѣясь, что Гастонъ сдержитъ обѣщаніе, онъ вздрагивалъ при малѣйшемъ шумѣ, считалъ минуты въ ужасномъ волненіи.

За часъ до разсвѣта привесли приказъ вести узника въ Венсенскій замокъ.

Де-л'Ажъ, окруженный стражею, сошелъ на луврскій дворъ.

Тамъ стояли ле-Кудрэ и другіе его пріатели, точно въ такомъ же положеніи; они находились подъ стражею де-Шараста, другаго исполнителя кардинальскихъ приказаній.

— Не унывай, Пюйлоранъ, закричалъ ле-Кудрэ, а главное не вѣшь венсенскихъ грибовъ.

Де-Гордъ посадилъ де-л'Ажа въ карету и самъ сѣлъ подлѣ него. Двадцать-четыре всадника слѣдовали за каретою.

Начинало свѣтать, когда они пріѣхали въ Венсенскій замокъ.

Пюйлорана помѣстили въ маленькую, чисто убранную комнату, въ которую свѣтъ проходилъ черезъ два довольно широкихъ окна.

Де-Гордъ, помѣстивъ Пюйлорана, вышелъ и замкнулъ на задвижку дверь.

Несчастный Пюйлоранъ со слезами разпростерся съ почестями, богатствомъ и любовью.

XII.

Гастонъ Орлеанскій вскорѣ узналъ, что его обманываютъ, и что Люсиа не станутъ судить.

Когда, на другой день, онъ явился къ кардиналу, то тотъ, какъ предсказывалъ Монтрезоръ, зажалъ ему ротъ обѣщаніями.

Къ вотчинамъ его прибавили нѣсколько важныхъ городовъ и вмѣсто четырехъ, ему подчинили пятерыхъ губернаторовъ провинцій.

Людовикъ принялъ самый ласковый видъ и объявилъ брату, что намѣренъ подарить ему замокъ Гро-Боа, который герцогъ Ангулемскій намѣревался продать.

Гастонъ разсыпался въ благодарностяхъ и когда занкнулся о Пюйлоранѣ, то король перебивалъ его, объявляя ему новыя щедроты.

Однимъ словомъ, Гастонъ не умѣлъ защитить друга и всѣ рѣшили, что онъ останется въ Венсенскомъ замкѣ.

Вышедъ изъ Лувра, герцогъ горько жаловался и ропталъ на брата; но по всему видно было, что онъ радъ былъ выйти, хоть однажды въ жизни, такого же непостояннаго, какъ онъ самъ человѣка.

— Если бы еще король обвинялъ меня, говорилъ онъ и почти-
таль виновнымъ Пюйлорана! Но ни чуть не бывало: онъ никого
въ насъ не обвиняетъ, а избѣгаетъ только ссоръ и шуму. Онъ
нетерпитъ объясненій, суда, изслѣдованій. Видана ль когда-ни-
будь такая робость!

Монтрезоръ, слушая такую выходку, улыбался; но между тѣмъ
уговаривалъ герцога не отчаяваться и употребить всѣ силы, что-
бы спасти Пюйлорана.

— Вамъ остается одно послѣднее средство, сказалъ онъ, это
бѣжать къ кардиналу, прежде чѣмъ онъ успеетъ удостовѣриться,
что вы потеряли надежду на короля, вашего брата. Вы просите
у министра, чтобъ онъ возвратилъ свободу друзьямъ вашимъ,
притыдите его своею кротостью и смиреніемъ; можетъ быть
онъ и тронется такою покорностью и тѣмъ болѣе, что не ожи-
даетъ ея.

Герцогъ нашелъ этотъ совѣтъ отличнымъ.

Онъ сѣлъ въ карету и отправился еще разъ въ кардинальскій
дворецъ.

Его святѣйшество выбѣжалъ на лѣсницу, чтобъ принять вы-
сокаго гостя.

Гастонъ удивительно хорошо умѣлъ представить отчаянье.

Онъ дотого былъ проникнутъ своею ролею, что слезы вы-
ступили у него на глаза.

Онъ подошелъ къ кардиналу и вскричалъ съ жаромъ.

— Вы видите человѣка въ отчаяньи, и если не откроете ему
отеческихъ своихъ объятій, то ему остается только умереть!

Кардиналъ и въ-самомъ-дѣлѣ обнялъ герцога и чмокнулъ его
въ обѣ щеки.

— Чему приписать такой счастливый переворотъ въ вашихъ
чувствахъ?

— Довѣрю къ вамъ, надеждѣ на добрыя ваши намѣренія, от-
вѣчалъ Гастонъ. Будьте монмъ другомъ; мнѣ невыносима такая
жизнь. Король осыпаетъ меня милостями; но вы одни можете
возвратить мнѣ честь, которую я потеряю, если не спасу моего
Пюйлорана.

— Вы жестоко ошибаетесь, потому-что Пюйлоранъ первый
врагъ вашей чести. Забудемъ этого несправимаго человѣка и
порадуемся лучше нашей дружбѣ, которую ужъ теперь никто не
подкопаетъ. Какъ я радуюсь такой счастливой перемѣнѣ, и до-
сихъ-поръ не зналъ еще какъ я люблю ваше высочество. Съ
вами я хочу теперь дѣлать мое могущество, положить волю мою

къ стоилицѣ, вѣдѣть, софтоваться въ доску.... Вы долже
могате мѣѣ въ управленіи государствѣ, должны правде
царя умомъ своимъ.... Теперь Франція будетъ благоденств
вѣя будетъ тихо, спокойно, въ шуму, ни осорѣ, ни че
бій.... все пойдетъ какъ надо! Врагомъ вашимъ былъ
Пруссія! Сдѣлаете, поговорите о дѣлахъ, а пока я в
ползую духами полѣкками, припадками мѣѣ въ М
Тутъ есть женевскія сливы, удивительно вкусныя. Подѣ
и скажете какъ онѣ вамъ кажутся.

Гастонъ сѣлъ нѣсколько сядѣ и совершенно разрѣса
кардиналъ, восхищеннаѣ такимъ результатомъ, насыщая с
дѣѣ: бокалъ розинцевъ, которые герцогъ, радѣѣ подѣ
уметъ съ собою.

Кардиналъ, держа герцога за руки, проводилъ до кареты
щаль съ нимъ, сказалъ полумасковымъ и полухвастливымъ
номъ:

— Вы набрали лучшее средство, въ чемъ не должны
ваться; только въ моихъ объятіяхъ вы найдете успокоеніе.
трите на всѣхъ друзей моихъ! какія у нихъ здоровыя, с
реинныя, счастливыя лица! Какъ они всѣ полнѣютъ! я
мон напротивъ, не снятъ, не вѣдѣтъ и вздохли какъ щепи
жете письма, забудете, что въ нихъ написано, забудемъ
и безпокойныхъ людей.... пусть ихъ сядѣтъ въ кѣтка
ихъ.... Однимъ словомъ, я всѣхъ сильнѣе, и потому с
присоединиться ко мѣѣ; тогда обоюдная ваша сила удвои

Новые друзья обнялись еще разъ, и Гастонъ съ умѣ
сѣлъ въ карету.

Но впоследствии онъ признался Монтрезору, что въ жи
не чувствовалъ себя такъ униженнымъ, пристыженнымъ
недовольнымъ самимъ собою, какъ во время дороги от
надьскаго дворца до Люксамбурга.

Вечеромъ кардиналъ, потирая съ самодовольствіемъ ру
залъ Боа-Роберу:

— Знаешь-ли, аббатъ, к чему надо быть честнымъ чел
и имѣть хорошую репутацію? Чтобъ можно было, когда
му представится случай, надуть, обманывать, и чтобъ
не смѣлъ подозрѣвать тебя въ плутовствѣ. Тебѣ же, съ
репутацію нельзя этого сдѣлать, нельзя дойти даже д
улицы, чтобъ не быть побиту камнями.

— Такъ ваше святѣйшество заслужили сегодня это на

— Во всей силѣ.

— Отъ души поздравляю васъ; но предснимаю мою дурную репутацію и чистую совесть.

— Потому-что за тобой не гонятся, какъ за мной, сто тысячъ враговъ... Но я избавился наконецъ отъ опаснѣйшаго, единственнаго, котораго можно было бояться, и потому именно, что онъ благородно честолюбивъ. Пийлоранъ беспокоилъ меня больше чѣмъ всѣ мои враги вмѣстѣ. Теперь мы можемъ придти въ городъ и надѣяться, что успѣемъ спойкойно эту ночь. Страхъ нашъ улетѣлъ въ Венсенскій замокъ.

Въ эту самую минуту дверь въ комнату распахнулась и на порогѣ явилась Маргарита де-Понъ-Шагò, герцогиня Пийлоранская и Эгльонская.

— Вотъ что можетъ, до послѣдней ночи, возмущать сонъ важнаго святѣйшества, сказала аббать, взявъ шляпу.

— Оставайтесь, сказала герцогиня Боа-Роберу; я бы хотѣла, чтобъ весь міръ могъ меня слышать.

Боа-Роберъ подалъ ей вресла; но она не сѣла, а ставъ передъ кардиналомъ, спросила его холодно, не можетъ ли онъ пожертвовать для нея четверть часа времени, что ей надо переговорить съ нимъ объ очень важномъ предметѣ.

— Посмотримъ, что за важный предметъ! отвѣчалъ кардиналъ, ошеломленный такимъ началомъ.

— Не ожидайте отъ меня, продолжала герцогиня, раздражительныхъ словъ, которыя васъ нисколько не умилуютъ, но дѣлаютъ все злѣе и неумолимѣе. Я знаю ваше каменное сердце и потому храню горе мое для себя и не у вашихъ ногъ стану рыдать и плакать. На это у меня есть свое время. Вы дѣловой человѣкъ, следовательно я буду говорить съ вами дѣловымъ слогомъ, и врочу Боа-Робера, который всегда показывалъ ко мнѣ участіе, поправлять меня, если я не такъ стану изъясняться.

Брови кардинала дотога заходили, дотога подыались къ верху, что чуть не дотронулись до волосъ, а глаза вытаращались отъ удивленія и любоньства.

— О какомъ же важномъ дѣлѣ пришла ты говорить со мною? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Дайте ей объясниться, перебилъ Боа-Роберъ. Развѣ вы боитесь этого ребенка? Не бойтесь, герцогиня, говорите, я могу вамъ, какъ умѣю.

— Ваше святѣйшество, продолжала герцогиня, скоро пять лѣтъ какъ Антоанъ де-л'Ажъ полюбилъ меня, и объяснился вотъ тутъ, въ этомъ дворцѣ, подаривъ въ знакъ вѣрности перстень, кото-

рый вы видите у меня на рукѣ, и который вы хотѣли у Лопеса. Я не тайла отъ васъ своей склонности, вы подала ему слово и, послѣ вашего согласія, я всей душой пристрастилась къ этой любви. Тогда вы уважали Пюйлорана и основывали на немъ надежды и виды, которые до меня не касались. Виды эти и мысли ваши скоро перемѣнились. Когда Пюйлоран провинился, вы отняли отъ него свою дружбу; но какъ мое не могло слѣдовать за политикой, то вы не сердитесь на любовь мою къ человѣку, заслужившему гнѣвъ вашъ. Вы не лишили меня какъ могли и такая доброта трогала меня. На послѣ многихъ страданій я вышла за него и бракъ этотъ, думая, былъ залогомъ неразрывной вашей дружбы съ Пюйломъ; по крайней-мѣрѣ онъ находится въ условіяхъ своего договора. Я полагала, что въ расчетахъ вашихъ вы дѣлаете столько же изъ участія ко мнѣ, какъ изъ своихъ личнѣйшихъ долей; что вы радовались, что могли соединить свои мои сердечнымъ счастьемъ; по-крайней-мѣрѣ вы такъ не лишили отцу моему. Неужели я ошиблась?

— Отвѣчайте, сказалъ Боа-Роберъ; мы спрашиваемъ въ чемъ отдали вы племяннику свою за Пюйлорана; для чего вы хотите ея счастья или для того только, чтобъ помириться сегомъ Орлеанскимъ и его партіей?

— Хорошо вопросъ! Кажется, вы можете разрѣшить его, вспомните, какъ я наградила эту болтушку; я надѣлала ей догство, брилліантами, деньгами, замками, землями, дала такъ-что она богаче всѣхъ моихъ племянницъ; у нея тысячь ливровъ дохода больше чѣмъ у другихъ.

— Слѣдовательно, прежде всего вы заботились объ ея счастіи, сказалъ Боа-Роберъ. Продолжайте, герцогиня.

— Только-что я вышла за мужъ, какъ полиція ваша заставила сѣсти моему мужу; мы узнали объ этихъ низкостяхъ изъ письма одной благородной особы, которая предупредила насъ объ опасности. Я увѣрена въ невинности моего мужа и вы не осмѣлитесь сказать мнѣ въ лицо противное. Неужели даже Пюйлоранъ и былъ виноватъ, такъ не слѣдовало ли ему, представить свидѣтелей, бумаги, сдѣлать допросъ, дать средства къ защитѣ, оправданію?... А вы!... Чтѣ вы сдѣлали?... Своимъ довѣріемъ и благородствомъ онъ показывалъ какъ слѣдовало поступать съ нимъ; онъ самъ пришелъ и показалъ письмо, въ которомъ изложена была вся низкостная поступка! Но Пюйлоранъ не хотѣлъ, не могъ этимъ

рять. Честность эта еще больше васъ смутила и, чтобъ не видать ее, отвязаться отъ нея, вы ускорили его заточеніе и хотѣли уничтожить доказательство его невинности. Въмѣсто того, чтобъ стараться оправдать мужа моего во мнѣніи короля, вы клеветаете какъ заклятый врагъ его. Вамъ бы слѣдовало быть безстрастнымъ судьей, а вы сдѣлались докащикомъ, обвинителемъ и ложнымъ свидѣтелемъ: Самъ король удивился такому жестокому поступку и предложилъ забыть все прошлое; вы же, подъ предлогомъ государственнаго блага, отвергли это предложеніе для того только, чтобъ насытить свою ненависть. Послушайте, что говоритъ народъ, равнодушный зритель несчастій нашихъ: онъ говоритъ, что вы помирились съ герцогомъ, чтобъ ловче обмануть его, и отдали племянницу свою Пюлорану, чтобъ вѣрнѣе и скорѣе погубить его. Что герцогъ, лишась единственнаго честнаго совѣтника, который преданъ былъ ему всемъ сердцемъ, останется теперь безъ опоры.... Отвергая мои обвиненія, вы никого не обманете.... Такъ дѣйствуйте по крайней-мѣрѣ открыто, не лицемерьте, призовите на помощь всю вашу храбрость и хоть однажды въ жизни скажите правду....

— Ну да!.. признаюсь передъ вами, сударыня, которая такъ громко изволить говорить, что гибель Пюлорана необходима для спокойствія королевства. Онъ опять ускакалъ во Фландрію и увлекъ съ собою герцога, изъ котораго дѣлалъ все, что хотѣлъ. Я усыпилъ его милостями, благодѣніями, чтобъ лучше схватить на высотѣ его величія. Теперь онъ нашъ, и это кончено. Для блага государства я пожертвовалъ своимъ домашнимъ счастьемъ. Въ домъ моемъ начнутся смуты, междоусобія; но Франція будетъ по крайней-мѣрѣ наслаждаться покоемъ, котораго лишали ее честолюбцы. Учитесь, сударыня, жертвовать собою какъ я, для блага своего отечества.

— Слышите, что онъ говоритъ? сказала герцогиня, обращаясь къ Боа Роберу; потомъ помолчавъ немного, продолжала:

— Благородарю ваше святѣйшество за чистосердечное признаніе. Надо учиться, говорите вы, жертвовать собою для блага отечества?... Извольте, я сейчасъ сдѣлаю опытъ вашимъ жертвамъ.... Не считайте меня ребенкомъ; отъ горя и несчастій я созрѣла прежде времени. Благодаря вашимъ стараніямъ и попеченіямъ, я сдѣлалась разсудительною и опытною женщиною. Если правда, что для блага государства вы пожертвовали своимъ домашнимъ счастьемъ, то жертвы этой больше не надо. У васъ все будетъ тихо въ домъ... если вы отдадите мнѣ мужа, котораго сами

выбрали.... и я клянусь вамъ честию, что увезу его далеко отсюда, что онъ никогда не увидитъ ни здѣшняго Орлеанскаго принца, который покидаетъ его въ н... Онъ станетъ жить для меня, для меня одной, я буду сажать и наложу на него такія цѣпи, что вы никогда не услышите, потому что въ продолженіи десяти дней, я провела съ нимъ, я узнала всю власть, все могущество его сердцемъ и умомъ. Такъ вотъ дѣло, о которомъ говорить.

— О! какой миленькій, хорошенькій депутатъ! вскрикомъ кардиналъ.

— Совѣтую согласиться, сказалъ Боа Робертъ; и депутатъ этотъ умѣе отца Юсифа.

— Я не добѣрю, отвѣчалъ министръ, брачно-розовымъ; онъ такъ скоро рвется.

— Не шутите!... вскричала герцогиня, и не забывай, поклялась вамъ честию.... и опять клянусь, что если бы захотѣлъ выйти изъ подъ моей власти, то я сама предвезу его.

— Да что жъ ты съ нимъ станешь дѣлать?

— Увезу въ замокъ Боа-ле Виконтъ.

— Невозможно, душа моя! ты и трехъ мѣсяцевъ не удержишь; а при первой интригѣ, вспомни мое слово, опять явится ко двору.

— Клянусь, что онъ навсегда тамъ останется.

— Венсенскія стѣны лучше отвѣчаютъ за его благо. Всѣ осмѣютъ меня, если я соглашусь на такое предвѣзти. Пусть онъ остается тамъ, гдѣ теперь, это гораздо вѣрнее, то слишкомъ было бы весело интриговать, когда знаешь, сто ссылки тебя пошлютъ въ самую живописную страну, сто стражи приставятъ къ тебѣ самую хорошенькую ж...

— Если вы мнѣ откажете, то я буду знать, что не сударства, а ненависть и месть подвигли васъ на такой поступокъ.

— Ваша свѣтлость, сказалъ Боа-Робертъ, вамъ надо на это.

— Пюйлоранъ долженъ служить прищипкомъ для всѣхъ.

— Дядюшка, продолжала герцогиня, не будьте такъ мы, скажитесь надо мной.... Если вы захотите, то можете ворить въ одно и то же время государственныи и домашни...

Докажите, что любите вашу несчастную племянницу и согласитесь возратить ей счастье.

— Ты и безъ того будешь счастлива. Только перестань говорить о Пюлоранъ.

— Если вы отвергаете такое благоразумное предложенте, такъ вотъ что я въ послѣдній разъ объявляю вамъ: Ваше свѣтѣйшество, дѣлан изъ меня орудіе мишеня, играло самими священными чувствами; но орудіе это разламывается въ рукахъ вашихъ; и больше не ваша племянница, а герцогиня де Пюлоранъ, которая умоляетъ вашу свѣтлость позволить ей раздѣлить судьбу мужа своего, котораго вы сами ей выбрали; а барону де Монъ-Шато, отцу моему, я напишу, что нахожусь въ Венсенскомъ замкѣ, и что такимъ-образомъ вы устроили будущность и судьбу его дочери.

— Женщины туда не пускаютъ, и ты останешься моею племянницей, несмотря, что этого не хочешь. Что же до отца твоего-то настанетъ день, когда я дамъ ему отчетъ въ счастья его дочери.

— Каменное сердце!... вскричала герцогиня; но ты встрѣтилса съ такою же желзною волею какъ и твоя... и несмотря ни на что... хотя издали, а я стану раздѣлять судьбу мужа моего. Я отъ всѣхъ убѣгу, не стану съ тобою видѣться и если только приѣду, что ты любишь меня, какъ говоришь, то берегись, смотри, чтобы приверженцы твои не посягнули на жизнь Пюлорана... если онъ умретъ, я для не переживу его...

— Ва! вскричалъ кардиналь, это болтовня разсерженной дѣвочки. Во первыхъ, ты не запрешься, потому-что я привалъ къ этому всѣмъ предосторожности, и ни одинъ монастырь не осмѣлится принять тебя. Во-вторыхъ, мы будемъ съ тобою видѣться, потому что я съумѣю растворить дверь твою; а въ-третьихъ, не позволю умирать съ Пюлораномъ. Если онъ отправится на тотъ свѣтъ, то мы ставемъ смотрѣть за тобою, беречь пуще прежняго, а я не думаю, чтобъ одно горе могло уморить такую прекрасную женщину, во всемъ блескѣ красоты и молодости.

— Такой человекъ какъ ты, не можетъ понять, чтобъ можно было умереть отъ сердечныхъ ранъ! но вѣришь-ли ты, по крайней-мѣрѣ, что можно умереть отъ этой жидкости? Посмотри на эту стьянку, тутъ есть чѣмъ уморить не одну, а двадцать женщинъ, тоже во всемъ цвѣтѣ красоты и молодости.

— Боже мой! вскричалъ министр. Отдай мнѣ эту банку, злоя-

— Не подходите ко мнѣ, отвѣчала герцогиня, или все за одинъ разъ.

— Такъ всё ненавидятъ меня, всё встаютъ противъ

— Смотрите, поберегите ее, сказалъ Боа-Роберъ.

— Да чего жъ она хочетъ? Развѣ я желаю ея смерти? ко и думаю объ ея счастья.

— Не уступайте, герцогиня, продолжалъ Боа-Роберъ; очатся и вступаетъ въ переговоры.

— Нѣтъ, не вступаю, отвѣчалъ кардиналъ. Чего ей е Мужъ ея здоровъ, занимаетъ прекрасную комнату, чита шеть, и даже вовсе не скучаетъ; кто жъ говорить тебѣ, хотять хоронить? Зачѣмъ пугаешь ты меня? спрячь эт лочку неблагодарная, и бойся моего гнѣва.

— Безумный!... отвѣчала герцогиня съ горькою улыби говоривъ мнѣ о своемъ гнѣвѣ... а мнѣ кромѣ Бога не ятся. Смерть превращаетъ власть твою, и могущест останавливается у порога гроба. Теперь я сильнѣе теб кланисъ же, если не хочешь моею смерти, что Пюймор умереть какъ Орнано.

— Объяснюсь, что ему не дадутъ грибовъ. Его корми настоящаго принца.

— Объясняй давать мнѣ знать объ его здоровѣ.

— Каждую субботу я буду присылать тебѣ рапортъ, и раго ты увидишь, что онъ спитъ какъ нельзя лучше и маеть о женѣ своей.

— Прощайте, теперь будетъ отъ васъ зависѣть, чтобъ была счастлива и возвратила вамъ свою дружбу, а до-тѣ родство наше, обоюдная привязанность и всё священныя останутся подъ замкомъ темницы. Когда вамъ будетъ уг вынете оттуда все это.

— Но я буду навѣщать тебя, душа моя, и надѣюсь, что ня не выгонишь.

— Вамъ не будетъ никакого удовольствія, потому-чт престанно буду говорить о мужѣ и не дамъ вамъ минуты

— Экая упрямая!... вскричалъ министръ, когда М вышла. Осмѣливаться говорить мнѣ въ лицо такія дерзости пить со мною въ переговоры, какъ марокскій посланникъ вразумлю ее!...

— Нѣтъ, не вразумите, сказалъ Боа-Роберъ, а приведет въ отчаянье и станете потомъ всю жизнь разсказывать, ваша не проникаетъ въ сердце женщины, но если вы :

танъ господствовать, то положите основу своего владычества на развалинахъ собственнаго семейства.

— Убрайся съ своими мрачными предсказаніями!

— Не смѣя отвѣчать, Боа-Роберъ всталъ и ушелъ.

Когда явились другіе поклонники, то его святѣйшествопринялъ ихъ очень холодно и не захотѣлъ слушать ни сплетней ихъ, ни остротъ.

Стаканка съ какою-то адскою жидкостью не выходила у него изъ памяти и приводила въ трепеть все существо его.

Еслибъ настойчивый человѣкъ этотъ хоть однажды могъ побѣдить свое упрямство, то побѣдилъ бы его въ эту минуту; но у него была, какъ говорила Маргарита, желѣзная воля, и мысль уступить не приходила ему даже въ голову. Кардиналъ ѣздилъ два раза въ недѣлю къ герцогинѣ де-Пюйморанъ. Онъ возилъ ей подарки, гладилъ по лицу, и думалъ, что этимъ могъ смягчить ея горе. Герцогиня не переставала просить за мужа, и упорно требовала или его помилованія, или позволенія заключиться съ нимъ въ Венсенскомъ замкѣ. Ей отказывали и въ томъ и въ другомъ; тогда она садилась за работу и не подымала глазъ на дялю.

Каждую субботу кардиналъ посылалъ племянницѣ рапортъ венсенскаго смотрителя, и изъ этого-то рапорта герцогиня видѣла, что нужъ ея здоровъ.

Въ такомъ состояніи прошли четыре мѣсяца, изъ чего видно было, что кардиналъ не хотѣлъ простить Пюйморана.

ХII.

Однажды вечеромъ Маргарита, королева и герцогиня де-Шеврѣзъ, запершись въ кабинетъ ея величества, разговаривали о чемъ-то очень долго. Неизвѣстно о чемъ говорили онѣ, но два часа прошли въ этомъ совѣщаніи.

На другой день, въ воскресенье, Анна-Австрійская, одѣтая и причесанная съ большимъ вкусомъ, встрѣтилась съ кардиналомъ при выходѣ изъ церкви. Онъ нашелъ ее очень ласковой.

На груди королевы былъ прищипленъ великолѣпный букетъ, который очень понравился кардиналу.

— Если букетъ мой нравится вамъ, сказала улыбаясь королева, то всмотритесь въ него хорошенько; можетъ-быть вы съ нимъ снова увидите.

Черезъ часъ, къ министру явился пажъ королевы; онъ дер-

жалъ подъ мышкою ящичекъ, и былъ немедленно введенъ въ кабинетъ кардинала.

— Что это такое, другъ мой? спросилъ министръ.

— Не знаю, ваша свѣтлость, отвѣчалъ пажъ. Королева казала просить васъ отворить этотъ ящикъ, когда будете въ кабинетѣ.

Какъ только пажъ ушелъ, кардиналъ заперся на замокъ, вышелъ въ комнату и вскочилъ и позвалъ парикмахера.

— Эй! Понсъ! кричалъ онъ, куда это ты запропастилъ это съ тобой сегодня сдѣлалось? Развѣ ты не видишь, что челъкъ какъ чучело? а бороду ты не умѣешь лучше выстричь? иначе нельзя сдѣлать? Дочь что-ли выдаешь за мужа такъ скупившись на помаду? Привнеси скорѣй ящички съ твоими препаратами и убери меня по праздничному. Съдушныя перчатки и налей духовъ въ платокъ; а съ лицомъ я не осмѣлюсь подойти къ ручкѣ на одной дамѣ.

Вечеромъ, отецъ Иосифъ, разговаривая съ однимъ прелатомъ, сообщалъ ему, что кардиналъ все еще имѣетъ претензію на престо.

— Сейчасъ я ходилъ къ нему, продолжалъ отецъ Иосифъ, ввелъ регенсбургскія переписки, чтобъ еще разъ прочесть нѣкоторые параграфы, и засталъ его въ распоряженіи парикмахера. Тотъ кардиналъ сердился, зачѣмъ Понсъ не причесалъ икусомъ. Когда я пришелъ, онъ всталъ, подошелъ къ комоду, отворилъ потаенный ящикъ, чтобъ достать письма: отгадайте, что я увидалъ тогда? Огромный букетъ изъ самыхъ свѣжихъ и что сорванныхъ цвѣтовъ и перевязанныхъ золотою лентою въру для Маріаны де-Лормъ. А между-тѣмъ, вѣдь ему скоро пятьдесятъ; но онъ никогда не вылетитъ отъ дамъ и лѣзвѣй: любви и поэзіи. Женщины и стихи... это его слабость; между-тѣмъ ему нѣтъ счастья ни въ томъ, ни въ другомъ; а сважите на ему это, такъ онъ тотчасъ дойдетъ до мысли вы замышляете противъ королевства. Пусть его платитъ за бостни челоуѣческой.

Наконецъ, кардиналъ пригладился, прядмазался, и съ новой физиономіей отправился къ королеви.

Ида по корридору, министръ старался придать походкѣ свѣтлость, ловкость, развязность; но привычка носить платье придавала всѣмъ движеніямъ его какую-то медленность, а кабинетная жизнь начинала гнуть спина и суставы членовъ, казалось, заржавѣли отъ лѣтъ; исключе-

незабѣтныхъ недостатковъ, кардиналъ былъ очень развязный и любезный кавалеръ.

Онъ думалъ, что у королевы будетъ большое общество, а вышло напротивъ.

— Что это значитъ? сказалъ министръ, войдя въ гостинную, что у вашего величества такое маленькое собраніе?

— Мнѣ такъ захотѣлось, отвѣчала королева; головная боль служила мнѣ предлогомъ отказать многимъ желающимъ быть у меня сегодня. Когда здѣсь бывають политики, вы только съ ними и говорите, а мы скучаемъ и не можемъ наслаждаться вашимъ обществомъ. Теперь вы нашъ, и должны намъ куртизанять.

— Это значитъ, что сегодня вы ласковѣе обыкновеннаго, и не такъ взыскательны....

— Такъ вы находите, что сегодня я должна бы быть болѣе взыскательна?

— Кардиналъ началъ объясняться, но запутался въ отвѣтъ, такъ-что королева подала условный знакъ своей статсъ-дамѣ, которая помѣшала кардиналу продолжать начатое.

Министръ злобно посмотрѣлъ на герцогиню де-Шеврѣзъ и сталъ кусать губы съ досады.

Онъ остался подлѣ королевы, но каждый разъ, какъ хотѣлъ возобновить свой прежній разговоръ, условный знакъ призывалъ герцогиню и кардиналъ, не замѣчая этого, принужденъ былъ оставаться въ карманѣ свои порывы. Потомъ заставили пѣть маршалшу де-Темпль, у которой былъ восхитительный голосъ.

— Послушайте, герцогъ, сказала королева министру, и въ то же время аплодировала пѣвицѣ, зачѣмъ не учились мы музыкѣ? Играете вы на лютнѣ?

— Игрывалъ немного въ молодости.

— Какже я никогда васъ не слыхала? Приходите когда-нибудь утромъ и принесите съ собою хорошую болонскую лютню.

— Съ охотою; только никому не говорите объ этомъ и дайте мнѣ знать, когда будете, какъ сегодня, одни.

— Хорошо, съ нами будетъ только одна герцогиня де-Шеврѣзъ, мы будемъ въ моемъ кабинетѣ.

Кардиналъ возвратился домой въ такомъ восторгѣ, что не чувствовалъ ногъ подъ собою.

На другой день отецъ Юсифъ засталъ его на-заперти, съ камеромъ де-л'Анкло*, знаменитѣйшимъ виртуозомъ того времени.

Его святѣйшество безбожно царапалъ по струнамъ, и минуто спрашивалъ у учителя не слишкомъ-ли это дурно для ваго урока; на что кавалеръ отвѣчалъ, что въ игрѣ его сти нѣтъ ни вѣрности, ни такту.

Въ это время королева отъ души смѣялась съ герцоги Шеврѣзъ, которая говорила:

— Я вовсе не подозрѣвала, чтобъ вы могли имѣть такіе нѣ на кардинала. Еслибъ вы знали, какъ меня это забавляетъ.

— А главное, отвѣчала Анна-Австрійская, когда наступитъ минута, смотрите не разсмѣшите меня....

— Ни за что въ мірѣ.... будьте покойны. Какъ онъ выводитъ глаза, какъ вы потрясываетъ плечами, я ничего не могу и останусь при своемъ постѣ.

Въ ожиданіи музыкально-счастливаго дня, кардиналъ день ѣздилъ въ Лувръ, всегда разчесанный Понсомъ, въ чепчикѣ и башмакахъ, съ праздничной физиономіей.

Однажды, когда его святѣйшество былъ больше обыкновеннаго упоенъ прекраснымъ приѣмомъ королевы, Анна-Австрійская, положивъ ему вѣтеръ на руку, сказала улыбаясь:

— Въ головѣ у меня вертится одна фантазія.... если вы влетворите ее, то я вамъ невыразимо буду благодарна. Дайте вамъ вашу племянницу Маргариту; она ослѣпляетъ своимъ блескомъ; такъ сдѣлайте ей сюрпризъ и выпустите его изъ королевскаго замка.

Лобъ кардинала, до-тѣхъ-поръ веселый, вдругъ сдѣлался мрачнымъ и съжился въ глубокія морщины.

— Ради Бога, сказалъ онъ, не говорите со мной, ваше величество, объ этомъ человѣкѣ. Вы однимъ этимъ словомъ и такъ тѣнька переселили меня въ мрачное подземелье.

— Такъ вы мнѣ отказываете? Любопытно будетъ посмотрѣть, осмѣлитесь ли вы сдѣлать это. Противорѣчіе начинается у меня въ головѣ. Сначала это была только одна фантазія, теперь она превратилась въ страсть. Я хочу, чтобъ Пюйфлоранс пустили, и вы непремѣнно должны его выпустить.

— Какъ это можно! вскричалъ кардиналъ. Дайте по крайней мѣрѣ время подумать, дайте хоть недѣлю сроку на размышленіе.

— Ни часу, ни минуты! я хочу, чтобъ его сейчасъ выпустили.

— Надо однако подумать.

— Какъ вамъ угодно. Идите заниматься государственными дѣлами, и уваженіе мое къ вамъ отложите въ сторону.

Королева встала, потребовала картъ и стала играть.

Прощаясь съ нею, кардиналъ сказалъ ей шопотомъ:

— Успокойтесь, ваше величество. Мы поговоримъ о Пюйлорангѣ на дняхъ.

Въ назначенный день, съ самаго утра привесли лютню, тщательно уложенную въ футляръ. Самъ де л'Анкло настроилъ инструментъ, потому-что у его святѣйшества вовсе не было слуху.

Около полудня, дежурныя дамы услышали чьи-то шаги по потаенной лѣстницѣ, ведущей къ королевѣ, но такіе тяжелые, что трудно было узнать по нимъ кардинала. Потайныя двери растворились и тотчасъ же затворились.

Герцогиня де Шеврѣзъ вынула лютню изъ футляра, накинула на плечи мантию, задрапировалась по-испански, подняла глаза къ небу и принимая видъ хидальго, дающаго серенаду подъ окнами своей возлюбленной, стала царапать по струнамъ.

— Теперь ваша очередь, герцогъ, сказала она, подавая ему лютню. Вы счастливѣе другихъ. Въмѣсто того чтобъ дрожать на улицѣ, вы станете услаждать слухъ ея величества на спокойномъ бархатномъ стулѣ, въ теплой комнатѣ, не страшась ни вѣтру ни дождя.

Ришліе взялъ лютню, сдѣлалъ видъ будто ее настраиываетъ, хотя вовсе не звалъ какъ за это приняться. и принявъ самую живописную позу, то есть самую смѣшную и неловкую.

Герцогиня, облокотясь на спинку креселъ, еще больше выказывала своею прелестью смѣшную сторону сѣзда.

Королева начинала улыбаться, на лицѣ ея не было видно прежней строгости.

Наконецъ кардиналъ началъ играть пьесу, съ необыкновеннымъ успіемъ выученную у де-л'Анкло.

Это была смѣсь нестройныхъ, невнятныхъ звуковъ; безъ мелодіи, безъ такта, безъ выраженія, въ которой ничего нельзя было понять. Мадамъ де Шеврѣзъ качала головою, какъ будто чувствовала тактъ, и до-того могла владѣть собой, что даже не улыбалась. За занавѣской послышался шопотъ и съ трудомъ удерживаемыи смѣхъ; но музыкантъ, занятый своимъ дѣломъ, ничего не слышалъ и кое-какъ добрелъ до послѣдней ноты. Дамы стали ему аплодировать и съ восхищеніемъ хвалять талантъ его, особенно герцогиня, она говорила, что радуется, увидавъ самую рѣдкую вещь въ мірѣ, великаго министра, глубокомысленнаго политика, играющаго на лютнѣ, чтобъ развлечь свою королеву.

— Подумали ли вы о томъ, о чемъ я просила? сказала коро-

лева; это не выходить у меня из головы, и я хочу, чтобы немедленно исполнили, безъ отлагательствъ, безъ отговорокъ.

— Это важное дѣло, отвѣчалъ министръ. Я удовлетворю васъ, ради Бога! чтобъ это осталось между нами.

— Я не говорила никому ни слова.

— Такъ если вы хотите, мы поговоримъ сейчасъ, безъ дѣтелей....

Сказавъ это, кардиналъ посмотрѣлъ на мадамъ де-Пюльоранъ какъ-будто просясь выйти; но герцогиня сдѣлала видъ, что не понимаетъ его.

— Говорите, мы теперь одни, продолжала королева, шаю....

— Одинъ! вскричалъ кардиналъ, нѣтъ еще не одинъ.

— Да развѣ вы не знаете, что у меня нѣтъ тайны отъ герцогини?

— Какъ не знать! но у меня есть отъ нея тайны.

— Говорите, говорите, сказала герцогиня, я вамъ и шаю; кажется, дѣло идетъ о Пюльоранѣ, вы хотите освободить его, не такъ ли?

— Какъ! вамъ уже все сообщили? Это не хорошо всѣмъ ловко и нескромно. Я беру назадъ слово, и вѣрю, что не могу удовлетворить ея величества.

— Хорошо! вскричала герцогиня, такъ опъ самъ теперь виноватъ, если упуститъ случай поцѣловать самую маленькую ручку всѣхъ трехъ королевствъ, когда ручка эдакой-то и желала, и даже сама напрашивалась.

Кардиналъ посмотрѣлъ на алебастровые пальчики королевы, рука которой, совершенствомъ своей красоты, славилась въ Европѣ.

— Вижу, сказалъ онъ, что всегда буду побѣжденъ, когда непріятель является въ лицахъ такихъ хитрыхъ и хорошенеккихъ женщинъ. Пюльоранъ вамъ будетъ занъ своею свободою.

— Ахъ! любезный кардиналъ, вскричала королева, спасибо, деликатно съ вашей стороны! Когда жъ онъ придетъ завтра?

— Ужь и завтра! погодите, дѣла такого рода не могутъ скоро устраниваться. Завтра я поговорю съ королемъ; онъ два опъ подпишетъ прощеніе, а въ понедѣльникъ Пюльоранъ идетъ у ногъ вашихъ.

— Какъ долго.... но наконецъ вы дали мнѣ слово.

— И должны на него надѣяться. Даю вамъ слово, что во вторникъ Пюйоранъ не увидитъ весеннихъ стѣвъ.

Анна-Австрійская съ небрежностью и величіемъ подала ему руку, которой позавидовала бы сама Венера.

Кардиналъ поцѣловалъ ее и потомъ вышелъ, гордясь и восхищаясь этой милостью больше чѣмъ взятіемъ Рошели.

Во время совѣщанія королевы съ кардиналомъ, герцогиня де-Пюйоранъ и четыре фрейлины стояли за занавѣскою въ библиотекѣ Анны-Австрійской и составляли самую живописную группу. Эти прелестныя лица дышали участіемъ, любопытствомъ; стоя на цыпочкахъ, вытянувъ шею и приложивъ ухо къ дверямъ, онѣ насилу дышали и съ жадностью хватали каждый звукъ, вылетавшій изъ кабинета.

Четыре фрейлины, забавлялись этой продѣлкой.

Когда зазвучала лютня и издала такіе смѣшныя звуки, то одна изъ нихъ, не будучи въ состояніи удержать смѣху, убѣжала изъ комнаты, другая упала на диванъ лицомъ въ подушку, а двѣ остальные громко расхохотались; но къ счастью кардиналъ, занятый музыкой, не разслыхалъ этого. Даже сама герцогиня Маргарита не могла удержаться отъ улыбки; но вдругъ улыбка эта замерла на губахъ ея, и на лицѣ выразился страхъ и ужасъ. Герцогиня остолбенѣла....

На порогѣ стоялъ Лопесъ. Выставивъ длинныя зубы свои, онъ молча, съ восхищеніемъ скупца, открывшаго сокровище, глядѣлъ на веселую группу дѣвушекъ. Черные, живые, пронизательные глаза его пожирали ихъ и по всему видно было, что быстрый умъ его обхватилъ и понялъ сокровенный смыслъ этого дѣла.

Абессеррахъ улыбнулся и исчезъ какъ тѣнь, незамѣченный фрейлиннами.

Въ эту минуту потаенная дверь отворилась, и королева, обнявъ Маргариту, сказала:

— Мы побѣдили, душа моя.

— Нѣтъ, не побѣдили, а напротивъ, совершенно разбиты, отъчала герцогиня, заливаясь слезами.

Вечеромъ, парикмахеръ его святѣйшества пришелъ въ обыкновенный часъ съ помадою, щетками и духами причесывать кардинала.

Убираясь вонъ съ своими притираниями, гнѣвно закричалъ инквистръ: я безъ нихъ хорошо причесанъ. Препараты эти не для меня; молодость моя прошла.... Надо мною смѣялись!... такъ пусть же теперь поплячутъ.

XIII.

Герцогиня Маргарита не полагалась на добрыя намѣренія и общанія королевы. Мѣсяць тому назадъ, она дала порученію Пистолю найти какое-нибудь средство для переписки съ мужемъ.

Пистоль помѣстился въ кабакъ, въ деревнѣ, смежной съ Вевсевскимъ замкомъ. Такъ-какъ золото было лучшимъ средствомъ, лучшимъ ключемъ ко всему, то Маргарита дала ему много денегъ.

Половину онъ оставилъ себѣ, и сдѣлалъ благоразумно, потому-что вѣжлива могла остановить его услуги и прекратить переписку супруговъ.

Однажды утромъ, Пистоль прибѣжалъ къ герцогинѣ въ восторгѣ и подалъ ей два письма.

Одно было на имя герцогини де-Пюйморавъ, другое на имя его королевскаго высочества, герцога Гастова Орлеанскаго.

Вотъ содержаніе перваго письма.

«Милая душа моя!

«Не знаю по какому счастью вѣрный Пистоль нашелъ средство подкупить окружающихъ меня людей. Препоручаю тебѣ награждать его; онъ оказываетъ мнѣ большую услугу, доставляя случай сообщить тебѣ послѣднія мои мысли. Не станемъ ослѣпляться, обманывать другъ друга несбыточною надеждою.... тебѣ пшеть теперь не узникъ, а человекъ, приговоренный къ смерти. Сегодня утромъ прислали изъ кардинальскаго дворца приказъ перемѣстить меня въ другую комнату. Губернаторъ, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ предупредилъ меня объ этомъ; но вѣжливость его не можетъ облегчить моего положенія. Меня переводятъ въ ту комнату, гдѣ умеръ герцогъ д'Орнано: туда не заглядываетъ и солнце, даже лучи его никогда не проникаютъ въ эту комнату.

«Приговоръ этотъ не удивлялъ меня. Пять мѣсяцевъ неволи удостовѣрили меня, что мнѣ нечего больше надѣяться ни на дружбу его королевскаго высочества, ни на твою власть надъ кардиналомъ. Онъ никогда не прощаетъ и умереть, не испытавъ что такое милосердіе. Я никогда не сомнѣвался въ любви твоей, милая душа моя. Больше всего меня мучитъ горе твое, что ты не можешь спасти меня, и прихожу въ содроганіе, когда вспомню, какъ

ужасно поразить тебя смерть моя. Миѣ бы легче было покидать миръ этотъ, еслибъ я зналъ, что ты превозможешь печаль свою и что въ слезахъ твоихъ не будетъ слишкомъ большой горечи. Я даю тебѣ годъ времени оплакивать своего друга и носить по немъ трауръ. Послѣ этого срока умоляю тебя возвратитъ себя свѣту, который имѣетъ право тебя требовать, какъ лучшее свое украшеніе; ужъ и того много, что двадцатый годъ своей жизни ты посвятила слезамъ; я не требую и не хочу большаго. Самое пріятное приношеніе, какое ты только можешь сдѣлать моей памяти, это сохраненіе своей жизни и здоровья. Я хочу умереть по христіански, а потому, если ты желаешь соединиться со мною въ будущей жизни, то должна умереть съ такими же чувствами. Такъ изъ любви къ тебѣ, душа моя, я прощаю врагамъ своимъ, прошу Бога, чтобъ Онъ облегчилъ предсмертныя муки, которыя они миѣ готовятъ; миѣ будетъ трудно простить имъ; но любя тебя, на что не рѣшишься? Я охотѣе прощаю человѣку, который преслѣдовалъ меня до могилы, чѣмъ тому, слабость котораго и равнодушіе низвергнули меня въ такое страшное положеніе.

«Я ненавижу плаксивыхъ людей, употребляющихъ во зло чувствительность женщины и пользующихся торжественною минутою смерти, чтобъ вознестъ въ сердце, которое ихъ любитъ, отравленное воспомнаніе, какъ-будто бы посредствомъ ужаснаго завѣщанія этого они надѣются спастись отъ ничтожества, отъ тѣннѣя.

«Развѣ не всѣмъ намъ придется умереть? и не все ли равно гдѣ? въ темницѣ или въ другомъ мѣстѣ? Въ продолженіе всей жизни я былъ совершенно счастливъ только десять дней, и миѣ пріятно вспоминать теперь, что счастье это было безукоризненно. Последнія минуты мои не были бы такъ горьки, если бъ въ минуту разлуки я могъ пожать твою руку; но слезы мои и стоны, горестное разставанье — разтерзаютъ твоё сердце, такъ что для твоего спокойствія можетъ-быть и лучше, что мы не увидимся, несмотря что я бы желалъ умереть въ твоихъ объятіяхъ.

«Возьми подъ свое покровительство слугъ моихъ; обезпечь лю Плесси. Дай денегъ Пистолю; это единственная награда, которая можетъ тронуть его. Несмотря на его испорченность, въ немъ есть много добраго.

«Прощай, ангелъ, душа моя. Живи: прошу тебя объ этомъ и приказываю. Постарайся унять скорбь свою, и молись иногда за того, который идетъ ожидать тебя въ страну, гдѣ не забываютъ тѣхъ, кого любить.

«Обожающій тебя другъ, Антоанъ де-л'Анжъ».

Вотъ второе письмо, адресованное на имя ея королевскаго высочества герцога Гастона Орлеанскаго:

«Ваше высочество!

«Завтра меня переведутъ въ комнату, гдѣ умеръ наставникъ вашъ. Вы знаете, что это значить. Еслибъ ужасный конецъ мой могъ принести вамъ какую-нибудь пользу, я бы не ропталъ на судьбу; но подвергаясь смерти, я съ ужасомъ предвижу, что она обезславитъ ваше имя. Я слишкомъ хорошо знаю ваше высочество и потому не прошу его вступаться за меня и умолять о помилованіи моемъ короля. Когда заключили маршала д'Орнано, вы вступились за него довольно горячо, за бѣднаго Шалѣ не слишкомъ, за Вандома еще меньше, а за Монморанси вовсе бы не вступились, еслибъ меня тутъ не было. Судя по этому, я заключаю, что вы меня совершенно покинули, несмотря что я имѣю право ожидать помощи отъ вашего высочества. Но я не требую этого, а напротивъ спѣшу къ вамъ на помощь съ советомъ; выслушайте его; онъ очень важенъ.

«Не берите себѣ повѣренныхъ, не возставайте противъ могущества великаго человѣка, а преклоните голову передъ его гениемъ. Каждое новое покушеніе ваше низвергнуть его, роняло васъ ниже прежняго; и потому оставайтесь лучше такимъ, какъ Богъ васъ создалъ. Старайтесь избѣжать подобной моеи участи и живите спокойно, въ тиши и въ тѣни; это единственное средство не губить другихъ и слѣдовательно не измѣнять друзьямъ. Простите смѣлость моихъ выраженій. Я пишу вамъ изъ гроба, куда вы столкнули меня, не подавъ руки помощи. Внемлите моему голосу, который умоляетъ васъ выбрать другой путь жизни.... Согласенъ, чтобъ вы шагу не дѣлали для моего спасенія, только съ условіемъ, что у васъ не будетъ больше повѣренныхъ, которыми вы не станете жертвовать для своей слабохарактерности. Мнѣ трудно простить вамъ мою гибель; но, по долгу христіанина я прощаю, какъ могу, и желаю, чтобъ другія ваши жертвы простили бѣ вамъ такъ же великодушно, какъ я.

«За тѣмъ, имѣю честь быть почтительнымъ слугою вашего королевскаго высочества, и молю Бога, чтобъ Онъ надѣлилъ васъ счастьемъ, здоровьемъ, спокойнымъ, безмятежнымъ сномъ и чистою совѣстью.

Антоанъ де-л'Ажъ».

Королева и герцогиня де-Шеврѣзъ, не видя кардинала болѣе четырехъ дней, безъ труда угадали причину его холодности.

Онъ не смѣли пошевелинуться, и ожидали каждую минуту взрыва его гнѣва.

Разнесся слухъ о томъ, какъ поступали съ Пюйлораномъ, и всѣмъ сдѣлалось извѣстно, что его перевели въ комнату д'Орнано.

Королева, по совѣту герцогини, притворилась будто не знаетъ, что кардиналъ на нее сердится, и когда пришелъ понедѣльникъ, день освобожденія Пюйлорана, она послала перваго своего камердиенера Лапорта узнать о здоровьи его святѣйшества.

— Ваша свѣтлость, сказалъ Лапортъ, ея величество прислала меня узнать, лучше ли ногѣ вашей, уменьшилась ли подагра, и приказали напомнить объ обѣщаніи освободить герцога де-Пюйлорана.

— Доложи ея величеству, отвѣчалъ кардиналъ, что я страдаю не отъ подагры, но отъ жестокой раны.... Доложи тоже, что я честный человекъ и разъ давши слово, держу его: я общалъ, что завтра Пюйлоранъ не увидитъ венсенскихъ стѣнъ, и далъ уже нужныя приказанія, чтобъ онъ не увидалъ ихъ.

XIV.

Герцогъ Орлеанскій нашелъ, что письмо Пюйлорана не слѣдуетъ показывать; а потому, положивъ его въ карманъ, не сказалъ никому ни слова. Не имѣя намѣренія ничего предпринимать въ пользу узника, герцогъ все таки поѣхалъ, на всякій случай, къ королю. Онъ засталъ его почти на порогѣ; король отиравлялся гулять, и герцогъ послѣдовалъ за нимъ.

— Братъ, сказалъ онъ съ обычной своей любезностью: цвѣтъ лица твоего сегодня не хорошъ; бѣлки глазъ желты неможко, и я бы не удивился, узнавъ, что ты, какъ и я, страдаешь печевью. Знаешь ли, что разница лѣтъ между нами не велика? Если твое здоровье портится, то ты немного поцарствуешь послѣ меня, а такъ какъ у тебя нѣтъ дѣтей мужескаго пола, то корона перейдетъ на главу принца Кондѣ.

— Съ удовольствіемъ соглашаюсь, отвѣчалъ герцогъ, на то, чтобъ принцы Кондѣ царствовали послѣ насъ. Какъ бы я благодарилъ Бога, если бы не имѣлъ другой причины къ огорченію!

— А что же другое можетъ огорчать тебя?

— Вотъ что. Кардиналъ общалъ обращаться человѣколюбиво съ Пюйлораномъ, а вмѣсто того, онъ велѣлъ бросить его въ ту же темницу, въ которой находился мой наставникъ.

— Умилосердись! вскричалъ король, забудемъ о Пюйлоранѣ, не отравляй моихъ удовольствій. Будемъ лучше, какъ добрые друзья, играть въ мячъ.

— Я не въ состояннн играть, государь, развѣ только тогда, когда вы мнѣ общаете сжалиться надъ Пюйлораномъ.

— Ну хорошо! Съиграемъ партію. Если я проиграю, то выпущу его изъ Венсена; но если выиграю, то ты уже болѣе никогда не говори мнѣ о немъ.

— Какъ, братецъ! Неужели вы можете отказать мнѣ въ своемъ правосудіи и милости?

— И очень могу. Пюйлоранъ заслуживаетъ свое заточеніе, и можетъ остаться въ немъ.

— Если на то пошло, то я лучше желаю попробовать и выиграть ему прощеніе.

— Пожалуй. Ты гораздо притче меня и преимущество должно остаться за тобою; но я предупреждаю тебя, что буду играть со всевозможнымъ тщаніемъ, не жди отъ меня помилованія; а потому старайся играть хорошо.

Уговариваясь такимъ-образомъ объ условіяхъ партіи, они подъѣхали къ Маре, и карета остановилась у jeu de paume. Герцогъ отличался быстротою и ловкостью въ тѣлесныхъ упражненіяхъ; но врожденная робость лишала его отчасти свойственной ему мѣткости взгляда и силъ, лишь только выигрышь начиналъ занимать его. Король, напротивъ, игралъ лучше. Сначала герцогъ сорвалъ шесть очковъ сряду. Людовикъ не только не смутился, но напротивъ, сталъ играть съ болѣшимъ вниманіемъ и осторожностью; при шестомъ мячѣ, онъ прорѣзалъ своей ракетой сверху до низу, мячъ пролетѣлъ горизонтально на палецъ отъ межевой веревки, и герцогъ промахнулся. Съ этой минуты, Гастонъ Орлеанскій, сконфуженный, робѣлъ все болѣе и болѣе и наконецъ совершенно растерялся. Такимъ-образомъ дошли они, съ обѣихъ сторонъ, до одиннадцати. Герцогъ, чувствуя, что рука его дрожить, просилъ отложить партію; но король не соглашался.

— А! сказалъ Людовикъ-Тринадцатый, ты воображаешь, что будучи моложе, не можешь проиграть? Такъ вотъ же! твой Пюйлоранъ останется въ Венсенскомъ замкѣ, и ты мнѣ уже не будешь болѣе жужжать о немъ въ уши. Какъ мы вечеромъ посѣтемся надъ этичъ съ карливаломъ! Дайте мнѣ, добрые люди, другую ракету, чтобъ я имѣлъ возможность послать послѣдній мячъ прямо въ центръ.

Герцогъ смѣшался совершенно и, боясь промахнуться, пустилъ такъ сильно мячъ, что заставилъ его совершить самый правильный полукругъ и тѣмъ удивительно помогъ брату. Король не торопился, но хвативъ мячъ со всего размаху, послалъ его по прямой линіи къ герцогу, который, чтобъ избѣжать удара, долженъ былъ нагнуть голову; тѣмъ кончилась игра.

— Славно! сказалъ Людовикъ, я сыгралъ какъ покойный отецъ мой. Не чувствую себя отъ радости; я, кажется, не уступилъ бы этой партіи за десять тысячъ экю. Пюйлоранъ останется въ заточеніи, и если мнѣ будутъ еще надоѣдать за него, то это, по крайней мѣрѣ, напомнитъ мнѣ о счастливомъ днѣ.

Герцогъ бросилъ на землю свою ракету и уѣхалъ, разгоряченный досадою. Такимъ образомъ исчезло, чрезъ неловкость и робость, послѣднее средство спасенія Пюйлорана. Въ одно утро, кардиналъ и отецъ Іосифъ принимали на аудіенціи венеціанскаго посланника по случаю мантуанскихъ дѣлъ. Министръ не приказалъ никого впускать; но племянница его святѣйшества имѣла привычку входить къ нему во всѣ часы дня. Великолѣпный посланникъ былъ немного приведенъ въ удивленіе при видѣ отчаянной женщины, осмѣлившейся, несмотря на запрещеніе, ворваться въ кабинетъ, броситься къ ногамъ кардинала и тѣмъ прервать ихъ переговоры.

— Ваше святѣйшество, вскричала герцогиня, вы отказали мнѣ въ помилованіи моего мужа, не откажите же мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ позволеніи увидѣть его хоть разъ передъ смертію. Я должна присутствовать при его послѣднихъ минутахъ. Вы не можете запретить мнѣ исполнить этотъ священный долгъ.

— Встань, дитя мое, сказалъ министръ. Боже! въ какомъ ты положеніи! Не плачь такъ, ты можешь заболѣть.

— Дядюшка, не издѣвайтесь этимъ фальшивымъ состраданіемъ надъ моимъ горемъ. Я въ отчаяніи. Если вы мнѣ не позволите войти въ Венецъ, то, сегодня вечеромъ, одного члена изъ вашего семейства не станетъ.

— Господи! посланникъ, вскричалъ кардиналъ, слушаетъ-ли вашъ Совѣтъ-Десяти просьбы женъ заключенныхъ?

— Нашъ Совѣтъ-Десяти, отвѣчалъ Венеціанецъ, не имѣетъ племянницъ; но то, что не долженъ дѣлать Совѣтъ-Десяти, можетъ сдѣлать министръ Людовика-Тринадцатаго.

— Слушай, милая Маргарита, сказалъ кардиналъ, если ты захочешь вооружиться кротостію и терпѣніемъ, то я дамъ тебѣ за это такое вознагражденіе, за которое всѣ бы женщины коро-

левства пожелали объювьть. Я тебя выдамъ за-мужъ за какого нибудь германскаго или италiйскаго принца. Украшу твою голову короной. вмѣсто табурета при нашемъ дворѣ, ты сядешь на престолъ, и цѣлый дворъ будетъ толпиться вокругъ тебя.

— Бездушныи человекъ! вскричала мадамъ Пюлоранъ, не на дѣйся прельстить меня. Если нѣтъ другаго приближшца противъ притѣсненiй твоихъ, кромѣ могилы, я покажу тебѣ кто я, и какимъ сердцемъ ты осмѣлялся забавляться. Я уже тебѣ сказала: сегодня вечеромъ будетъ одной особой меньше въ твоемъ семействѣ.

— Если ты это сдѣлаешь, отвѣчалъ кардиналъ, тогда берегись! Страшать меня своею смертью! Знай же, что я лишу тебя своихъ милостей; отниму герцогство д'Эгильонъ, и отдамъ его моей племянницѣ де-Комбалѣ; ты потеряешь богатство, почести, помѣстья, драгоценныя вещи, посуду и великолѣпныя одѣянiя, и я отошлю тебя въ твою провинцию, въ одномъ платьѣцѣ, точно такъ, какъ ты прiѣхала сюда. О бѣшенство! желать уничтожить себя! Не помню, что говорю, отъ гнѣва.

— Мы оба сходимъ съума, возразила герцогиня, немного успокоюсь. Довольно; вы меня слышали. Даю вамъ срокъ до вечера, чтобъ рѣшиться на что-нибудь. Или я увижусь съ мужемъ, или добровольно покину мiръ, изъ котораго вашъ варварскiй нравъ меня исторгаетъ.

Лишь только мадамъ Пюлоранъ вышла, отецъ Юсифъ, скрепивъ руки, взглянулъ прямо въ глаза кардиналу.

— Не смѣю вѣрить, сказалъ онъ, глазамъ своимъ. Какъ! Вы не умѣете справиться съ двадцатилѣтней женщиной! Вы сумасбродничаете какъ и она, и забавляетесь надеждой переслать ее, тогда какъ ничего нѣтъ легче привести къ какому хочешь результату эти вѣтренныя головки. Вы хватаетесь за обузъ, чтобъ сбить летящее перышко, вмѣсто того, чтобъ просто дунуть потихоньку на него. Ваше святѣйшество, я васъ не узнаю.

— Что же мнѣ дѣлать? Вѣдь я не хочу, чтобъ она уничтожила себя.

— Вы хотите, чтобъ она осталась въ живыхъ, не правда ли? чтобъ она утѣшилась, забыла мужа, вышла въ послѣдствiи за-мужъ и по прежнему любила и утѣшала васъ своими ласками?

— Конечно.

— Пусть же себѣ поплачетъ волю. Вы совсѣмъ не такъ при-нижаетесь за дѣло. Пустите ее повидаться съ Пюлораномъ;

позвольте ей закрыть ему глаза, налиться родой, носить самое черное въ свѣтъ платье, смачивать слезами самыя бѣлыя плавки; пусть ее запретятъ въ замокъ, потоскуеть, соскучится своимъ горемъ, и вы увидите, что изъ чернаго она перейдетъ въ коричневое, потомъ въ лиловое, а тамъ въ голубое, лазуревое и наконецъ въ самое нѣжно-розовое. Если же вы поставите преграду ея печали, если вздумаете переупрямить ее, тогда, конечно, лишитесь ея.

— Предоставляю тебѣ полную свободу дѣйствій. Ступай къ ней, управляй ею. Возьмишь за все; но если ты допустишь ее до смерти, тогда я тебѣ самому сверну шею.

Согласенъ. Спите спокойно, отвѣчаю вамъ за жизнь ея. Теперь; возвратимся къ нашимъ совѣщаніямъ.

— Ваше святѣйшество, сказалъ венеціанскій посланникъ, вѣрно не на регенсбургскомъ сеймѣ научились такой политики.

— Конечно, нѣтъ; я изучилъ ее въ книгѣ простаго здраваго смысла.

Совѣщанія о мантуанскихъ дѣлахъ еще не были окончены, какъ человекъ мадамъ де Пюйморанъ явился вручить кардиналу документы на обладаніе Боа-ле-Виконтъ, грамоту на герцогство д'Эгильонъ и всѣ другіе пергаменты, представлявшіе огромное богатство, которымъ герцогиня обязана была своему дядѣ.

— Юснѣ, закричалъ кардиналъ, убирайся скорѣй, бѣги къ племянницѣ. Отврати несчастье. На тебя полагаюсь я, руководи ею. Брось всѣ дѣла, думай только объ этомъ, не теряя ни минуты.

— Нечего торопиться, сказалъ аббатъ. До вечера еще далеко. Черезъ часъ, мои пріятныя вѣсти произведутъ свое дѣйствіе; будьте покойны. И капуцинъ снова принялся за проектъ о бракѣ дочерей герцога мантуанскаго; но кардиналу было не до политики, и венеціанскій посланникъ изъ скромности удалился, откладывая продолженіе совѣщаній до другаго дня. Отецъ Юснѣ далъ написать министру пропускной листъ къ коменданту Веспеса, и приказалъ подать карету. Покуда закладывали лошадей, отецъ пошелъ въ свои покои, и открывъ деревянный ящичекъ, очень похожій на походную аптеку, вынулъ оттуда пузырекъ; потомъ положилъ его къ себѣ въ карманъ подлѣ ключей и денегъ, отдрался, улыбаясь изподтишка, съ тѣмъ самодовольнымъ и лицемернымъ видомъ, который охотно принимаютъ обманщики, приходящіе къ успѣшному результату своихъ хитростей.

Мадамъ де Пюйморанъ, утопавшая въ слезахъ, не ожидая больше ничего отъ кардинала, была тронута внимательствомъ отца

Иосифа, какъ доказательствомъ его добродѣтели и участія. Аббатъ прикинулся растроганнымъ, разжалобленнымъ, выказывая радость, что ему удалось восторжествовать надъ жестокосердіемъ кардинала.

Герцогиня набросила себѣ на плеча дорожную мантилью, и хотѣла тотчасъ же ѣхать въ Венсенъ.

— Дочь моя, говорилъ отецъ Иосифъ, не хочу васъ обманывать: мы найдемъ вашего мужа въ грустномъ положеніи. Мѣсто, въ которомъ онъ находится, очень нездорово, и я знаю, что Пюйлоранъ на волосъ отъ смерти. Все, что мы можемъ пожелать лучшаго, это — пріѣхать во время, чтобъ закрыть ему глаза. Не надѣйтесь, что мы спасемъ его; это тщетная мечта. Можетъ-быть, для васъ лучше было бы избѣгнуть этой ужасной сцены.

— Нѣтъ аббатъ, отвѣчала герцогиня; у меня достанетъ силъ на исполненіе своего долга, и если я хоть сколько-нибудь могу усладить мученія бѣднаго страдальца, то я это сдѣлаю, хоть бы мнѣ оно стоило, не только спокойствія, но даже жизни.

Мадамъ де-Пюйлоранъ была женщина храбрая; но при приближеніи столь ужасной минуты, чувствительность ея души не могла устоять противъ такого сильнаго потрясенія. Она блѣднѣла, голова ея зѣмлялась. При выходѣ изъ кареты, ноги ея подкосились и она оперлась на руку Иосифа. Въ комнатѣ коменданта, они стали тюремнаго смотрителя.

— Въ какомъ состояніи находится Пюйлоранъ? спросилъ отецъ Иосифъ.

— Онъ скоро умретъ, отвѣчалъ комендантъ.

— Какъ! неужели нѣтъ никакой надежды?

Смотритель покачалъ значительно головой.

— Попробуемъ еще однако, возразилъ отецъ Иосифъ, обратившись къ медицинскимъ пособіямъ. Позовите доктора, я сведите насъ поскорѣе къ больному.

Знаменитая комната д'Орнано находилась подъ каменнымъ сводомъ. Въ углу, на подставкахъ, видѣлась кровать несчастнаго. Узникъ, лежавшій лицомъ къ стѣнѣ, не обернулся, несмотря ни на стукъ двери, ни на голоса, раздавшіеся въ его темницѣ. Больничный сторожъ, сидѣвшій возлѣ него, сдѣлалъ знакъ рукою, что умирающій находится въ летаргій. Герцогинѣ чуть не сдѣлалось дурно при первомъ взглядѣ на мужа, но лишь только она увидала больнаго, то собравъ всѣ силы, подбѣжала къ нему; нагну-

дась надъ его постелью и три раза назвала его по имени—Анто-
анг! такимъ нѣжнымъ и проникающимъ голосомъ, что все при-
сутствующіе замолчали, ожидая вліянія, которое произведетъ на
ушика это воззваніе. Большой повернулся на постель, глядя во
все глаза съ удивленіемъ.

— Это ты, Маргарита, сказалъ онъ; зачѣмъ ты здѣсь? Развѣ
ты осуждена умереть здѣсь?

— Нѣтъ, другъ мой; я пришла подкрѣпить и утѣшить твои
последнія минуты.

— Если такъ, возразилъ Пюйлоранъ, то мои последнія мину-
ты долго еще продлятся.

— Его можно спасти, вскричала герцогиня.

— Попробуемъ, сказалъ аббатъ. Докторъ, не теряйте минуты.
Взгляните, есть ли еще надежда?

Докторъ велѣлъ поднести факель къ кровати и взглянулъ при-
стально на де-л'Ажа.

— Этотъ человѣкъ, сказалъ онъ, не проживетъ двухъ дней.
Зачѣмъ не позвали меня вчера, если хотѣли спасти его?

— Мы не имѣли на это приказаній, отвѣчалъ комендантъ.

— Господа, сказалъ Пюйлоранъ, увѣрю васъ, что я полонъ
жизни. Не кормите меня только какъ господина д'Орнано, и вы
увидите, какъ скоро я буду на ногахъ.

— Скорѣй, помогите, вскричала герцогиня. Докторъ, исполняй-
те вашу обязанность.

— Будьте покойны, сударыня; иду приготовить самъ нужные
вещи, и возвращусь чрезъ минуту.

— Не мѣшайте! закричалъ отецъ Іосифъ.

Докторъ выбѣжалъ.

— Увѣрены ли вы, отецъ Іосифъ, сказалъ комендантъ капу-
цину, что вы поступаете не вопреки намѣреній кардинала?

— Я отвѣчаю за свои приказанія.

— Дѣло въ томъ, что все это не соответствуетъ письменнымъ
приказаніямъ министра.

— Исполняйте безъ опасенія мои словесныя приказанія.

— Неужели, сказала мадамъ де-Пюйлоранъ, мы спасемъ его?

— Я начинаю надѣяться, милая дочь моя.

— Боже! вскричалъ Пюйлоранъ, Іосифъ здѣсь! я погибъ!

Аббатъ ударилъ слегка по плечу сидѣльца и вывелъ его изъ
теницы.

— Надо помочь ему, сказала онъ хладнокровно. Вотъ флаконъ; постарайтесь подать помощь прежде возвращенія доктора.

Пюлоранъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и, казалось, терзался невыразимымъ страхомъ.

— Обвиня меня, Маргарита, говорилъ онъ, намъ осталось немного минутъ; этотъ человекъ не даромъ пришелъ. Не будемъ болѣе заблуждаться. Живи, не оплакивай меня съ слезиною большою горечью. Не предавайся много печали, изъ любви ко мнѣ. Дай мнѣ руку и болѣе ни слова. Не заблуждайся, часъ мой близокъ.

Послѣ минутнаго молчанія, больной попросилъ воды.

— Вотъ, сударь, сказалъ больничный служитель, лекарство которое возвратитъ вамъ силы.

Пюлоранъ поднесъ флаконъ къ носу, и вдохнулъ нѣсколько разъ, какъ-будто голова его становилась свѣжѣе. Но вдругъ лицо его покрылось краской, похожею на здоровый цвѣтъ лица.

— Весьма благодаренъ, сказалъ онъ, я чувствую себя лучше.

Потомъ склонилъ голову на плечо герцогини и вздохнулъ какъ засыпающій человекъ.

Черезъ четверть часа послышались рыданія и отчаянные крики женщины. Герцогиня поняла наконецъ, что держала въ рукахъ трупъ.

Мадамъ Пюлоранъ, оплакавъ въ четыре года мужа, оправдала предсказанія отца Юсифа, вышедши замужъ за Генриха Лорренскаго, князя д'Аркуръ, сына герцога д'Эльбей. Она лишилась однако герцогства д'Эгвилонъ, которое отнялъ у нея кардиналъ, чтобъ отдать другой своей племянницѣ, мадамъ Комбалд.

Его свѣтѣйшество, почести котораго, казалось, достигли высшей точки своего величія, умѣлъ еще однако подняться на степенъ, неслыханную въ лѣтописяхъ королевства.

САМУИЛЬ ТИТМАРШЪ

И ЕГО БОЛЬШОЙ ГОГГАРТИЕВСКОЙ АЛМАЗЪ.

=

ПОВѢСТЬ ТЭКЕРЯ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

I.

Когда я возвращался изъ отпуска на второмъ году своей службы, тётюшка Гоггартн подарила мнѣ брилліантовую булавку, то есть, въ то время это была не булавка, а огромный, старинный фермоаръ, дублинского издѣлія 1795 года, который обыкновенно носовался на груди покойнаго мистра Гоггартн на балахъ у лорда-намѣстника. Этотъ фермоаръ, разсказывалъ онъ, былъ на немъ и въ славной швейцаргильской битвѣ, въ которой одна косичка ударила ему голову на плечахъ, — это впрочемъ только къ слову, а дѣло не въ томъ.

Середину фермоара составлялъ портретъ Гоггартн, въ красномъ шюдартъ венскаго ордена, къ которому онъ принадлежалъ; портретъ былъ окруженъ тринадцатю прядями волосъ, принадле-

жавшими тринадцатью сестрицамъ почтеннаго владѣтеля ферриара. Всѣ эти локоны были въ родѣ золотисто-рыжаго цвѣта, такъ что портретъ Гоггарти среди ихъ былъ, ни дать, ни взять, огромный, кровавый ростбѣнъ, окруженный тринадцатью подрумяненными морковками. Все это было расположено на блюдѣ изъ синей эмали, и коллекція волосъ будто была тринадцатью клочками изъ *большаго гоггартиевскаго алмаза*, какъ его величали въ семействѣ.

Тётушка моя, разумѣется, довольно богата, и было время, когда я думалъ, что не хуже другаго могу быть ея наследникомъ. Во все продолженіе моего мѣсячнаго отпуска, она была чрезвычайно милостива ко мнѣ; часто удерживала меня на чашку чаю, — и каждый разъ, какъ я пилъ съ нею чай, она, то есть моя тётушка, обѣщала отпустить меня съ хорошенькимъ подарочкомъ, когда я поѣду въ столицу; мало того, она даже раза три или четыре приглашала отобѣдать съ нею въ три часа, а послѣ обѣда на вистъ или бостонъ. До картъ я былъ не охотникъ, впрочемъ не ненавидѣлъ ихъ, потому что хотя мы всегда играли часовъ по семи не вставая съ мѣстъ, а я всегда проигрывалъ, однако же проигрышъ мой никогда не превышалъ девятнадцати пенсовъ въ вечеръ. Но за обѣдомъ и за закускою, въ десять часовъ, всегда являлась какая-то адская, смородиновая наливка, кислая, прекрасная, отъ которой я не смѣлъ отказываться, хотя, по чести, каждый разъ бывалъ отъ нея нездоровъ.

Послѣ всѣхъ этихъ угожденій съ моей стороны, и послѣ любезностей и неоднократныхъ обѣщаній тётушки, я былъ твердо убѣжденъ, что она подаритъ мнѣ на прощаніе десятка два гиней, которыхъ у нея были цѣлыя груды въ конторкѣ. И такъ былъ убѣжденъ въ этомъ, что одна молодая особа, по имени Мери Смитъ, которой я говорилъ объ ожидаемомъ подаркѣ, связала зеленый шелковый кошелекъ, и подарила его мнѣ, завернувъ его въ серебряную бумажку. И не пустой былъ кошелекъ, коли говорить всю правду. Во-первыхъ, въ немъ былъ густой локонъ волосъ, такихъ черныхъ, такихъ шелковистыхъ, какихъ вы, вѣроятно, въ жизнь не видали; а во-вторыхъ, въ немъ было еще три пенса, одна половинка серебрянаго шестипенсовика, продѣтая на голубую шелковую ленточку. Ахъ, я зналъ, гдѣ хранилась другая его половинка, и какъ завидовалъ я счастливому обломку металла!

Послѣдній день своего отпуска я, разумѣется, долженъ былъ посвятить мистрисъ Гоггарти. Тётушка была любезнѣе чѣмъ

когда либо, и въ видѣ угощенія велѣла подать двѣ бутылки черной смородиновки, которой я долженъ былъ проглотить бѣольшую половину. Вечеромъ, когда всѣ приглашенныя дамы разошлись съ своими деревянными калошами и служанками, мистрисъ Гоггарти, велѣвшая мнѣ подождать, потушила прежде всего три восковыя свѣчи, горѣвшія въ гостиной, а четвертую взяла въ руку, и затѣмъ пошла къ своей конторкѣ и открыла ее.

О, какъ забилось въ эту минуту мое сердце, хотя я и старался принять равнодушный видъ, и притворился будто ничего не подозреваю.

— Самойлушко, другъ мой, сказала она, перебирая ключи, вынѣй еще стакачикъ розоліо, — такъ называла она проклятое черное зелье, — оно тебя подкрѣпитъ.

Я взялъ бутылку, и посмотрѣли бы вы, какъ дрожала моя рука, между-тѣмъ, какъ бутылка чокалась о стаканъ. Пока я опорожнявалъ его залпомъ, старушка отыскивала что-то въ конторкѣ и приблизилась ко мнѣ, со свѣчою въ одной рукѣ и довольно большимъ пакетомъ въ другой.

— Наступила радостная минута, подумалъ я.

— Самойлушко, любезный племянничекъ, сказала она, имя твое дано тебѣ при крещеніи въ честь твоего благочестиваго дяди; моего незабвеннаго супруга; и изъ всѣхъ моихъ племянниковъ и племянницъ, ты всѣхъ болѣе радовалъ меня всегда своимъ поведеніемъ.

Когда вы узнаете, что у тѣтушки было шесть замужнихъ сестеръ, и что всѣ дѣвицы Гоггарти были давно супругами въ Ирландіи и матерями многочисленныхъ семействъ, тогда вы согласитесь со мною, что отзывъ моей тетушки былъ лестенъ хоть куда.

Милая тѣтушка, сказалъ я тихимъ, взволнованнымъ голосомъ, я часто слыхалъ отъ васъ, что насъ всѣхъ числомъ семьдесятъ три, и повѣрьте, что я вполне чувствую всю цѣну вашего милостиваго отзыва обо мнѣ; я не заслуживаю такого лестнаго мнѣнія, право не заслуживаю.

— Не напоминай ты мнѣ объ этой гадкой ирландской породѣ, вскричала тетушка почти гнѣвно; не говори о нихъ, я ихъ всѣхъ ненавижу, вмѣстѣ съ ихъ матерями! — Дѣло въ томъ, что она была съ ними нѣкогда въ тяжбѣ по имѣнію покойнаго Гоггарти. — Но изъ всѣхъ остальныхъ родственниковъ моихъ, ты, Самуиль, всегда былъ почтительнѣе и всѣхъ привязаннѣе ко мнѣ. Хозяйка твои въ Лондонѣ отзываются съ большою похва-

люю о твоёмъ прилежаніи, благоправіи и честности. Хотя ты получаешь осемдесятъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ жалованья, — очень щедрое вознагражденіе, — ты ни гроша не прожилъ сверхъ своего доходу, какъ водится между молодыми людьми; а въ мѣсячный отпускъ свой постоянно навѣщала свою старушку тетку, которая, увѣряю тебя, душевно благодаритъ тебя.

— О, тѣтушка! сказалъ я, и больше не могъ выговорить ни слова.

— Самуэль, продолжала она: я обѣщала отпустить тебя съ подарочкомъ. Сначала я думала дать тебѣ денегъ, но ты скромный молодой человекъ, не мотъ, и денегъ тебѣ не нужно. Ты достоинъ лучшаго подарка, любезный племянникъ. Я подарю тебѣ то, чѣмъ дорожу болѣе всего въ мірѣ, по... пор... третъ моего незабвеннаго Гоггарти, — (слезы) — вставленный въ фермоаръ, въ который вправленъ драгоцѣнный фамильный алмазъ, о которомъ я не разъ говорила тебѣ. носи его всегда, Самуэль, носи его если любишь меня, на память объ этомъ отлетѣвшемъ отъ васъ ангелѣ, и о любящей тебя тѣткѣ, Сусаннѣ.

И она сунула мнѣ, въ руку фермоаръ. Онъ былъ величиною въ добрую крышку бритвенной кружки, и я скорѣе рѣшился бы надѣть шляпу съ перомъ и парикъ съ косичкою, чѣмъ этотъ подарокъ.

Когда я нѣсколько успокоился и опомнился, я развернулъ бумажку, вынулъ фермоаръ, — хорошъ фермоаръ, съ авбарный замѣкъ! — и медленно сталъ пристегивать его къ мапшкѣ.

— Благодарю васъ, тѣтушка, сказалъ я съ изумительнымъ притворствомъ: я вѣчно буду хранить этотъ подарокъ на память о дарительницѣ, и онъ будетъ всегда напоминать мнѣ дядюшку и моихъ тринадцать ирландскихъ тѣтушекъ.

— Я не требую, чтобъ ты носилъ его въ такомъ видѣ, вскричала мистрисъ Гоггарти, съ волосами всѣхъ этихъ рыжихъ Ирландокъ. Ты вынь волоса.

— Да вѣдь весь фермоаръ будетъ испорченъ, тѣтушка.

— Чтò жъ за бѣда! закажи къ нему новую оправу.

— Не лучше ли, тѣтушка, замѣтилъ я, совсѣмъ бросить оправу? она по нынѣшнимъ модамъ черезчуръ велика; а лучше я вставлю портретъ дядюшки въ рамку, и поставлю на камнѣ, рядомъ съ вашимъ портретомъ. Это прелестная миниатюра.

— Эта миниатюра, сказала мистрисъ Гоггарти торжественно, — *chef-d'œuvre* великаго Мюлькеи, — тѣтушка очень любила слово *chef-d'œuvre*, которое она произносила по-своему *шидюаръ*, и ка-

терю съ словами *бонатонъ* и *аллемоудъ-ди-Парри* составляло все ея французскій денсконъ.— Ты знаешь исторію этого бѣднаго, несчастнаго художника? Когда онъ омончлъ этотъ дневной портретъ по заказу покойной мистрисъ Гоггарти, изъ Гоггарти-кастля, въ граствѣ Мейдъ, она приюдила его на павтѣ, чтобы ѣхать на балъ лорда-нашѣотника, гдѣ играла партію въ пикетъ съ главнокомандующимъ. Чтò побудило ее палъпитъ волоса свѣтлѣ Булочницѣ дочерей вокругъ портрета Миши, я и не придунаю; но онъ былъ оправленъ точь-въ-точь, какъ ты его теперь видишь. — «Сударыня, сказалъ главнокомандующій, будь я Нѣмецъ-басурманъ, если медальонъ, который я на васъ вижу, не портретъ моего дорогаго пріятеля Миши Гоггарти!» Это собственныя слова его превосходительства. Мистрисъ Гоггарти изъ Гоггарти-кастля сняла брошку и подала ее его превосходительству.—Кто писалъ? спросилъ главнокомандующій: я отъ-роду не видалъ такого чудеснаго портрета, такого сходства! — «Мюлькеги, отвѣчала мистрисъ Гоггарти, Мюлькеги, на Ормондской набережной». — Вотъ вамъ мое слово, я съ этой же минуты покровительствую ему, сказалъ главнокомандующій; но вдругъ лицо его нахмурилось, и онъ возвратилъ портретъ съ видомъ неудовольствія.—Въ портретѣ есть одна непростительная ошибка, сказалъ его превосходительство, любившій во всемъ самую строгую аккуратность: и я удивляюсь, какъ пріятель мой Миша, человекъ воонный, не замѣтилъ ея. — «Чтò такое? спросила мистрисъ Гоггарти изъ Гоггарти-кастля». — Да посмотрите, сударыня, онъ изображенъ безъ портупен!

— Съ этимъ его превосходительство взялъ съ досадою карты и деигралъ партію, не сказавъ ни полслова. На слѣдующій день вѣсть объ этомъ случаѣ дошла до Мюлькеги, и бѣдный художникъ тутъ же сошелъ съ ума. Онъ писалъ эту миниатюру какъ самое совершенное свое произведеніе, и клялся, что въ ней не будетъ ни одной ошибки; и такъ сильно подѣйствовало это извѣстіе на его чувствительное сердце! По смерти мистрисъ Гоггарти, дядя твой взялъ портретъ, и всегда носилъ его на себѣ. Сестры его говорили, будто онъ взялъ его себѣ изъ-за алмаза; но это не правда; онъ взялъ его ради ихъ волосъ,—такія неблагодарыня! — и изъ любви къ искусству. Чтò касается до бѣднаго художника, вѣкоторые люди поговаривали, будто неумѣренное употребленіе крѣпкихъ напитковъ ввергло его въ *dif- ficulté*, но я не вѣрю. Выпей же еще стакачикъ розолію, голубчикъ.

Послѣ этого разсказу, тѣтушка моя всегда бывала въ необыкновенно веселомъ духѣ; такъ было и теперь, и на радости она обѣщала заплатить за новую оправу алмаза, и велѣла мнѣ немедленно по прибытіи моемъ въ Лондонъ отнести его къ знаменитому ювелиру Полониусу и прислать ей счетъ.

Въ этой оправѣ, сказала она, золота по крайней мѣрѣ на пять гиней, а на новую оправу пойдетъ не болѣе, какъ на двѣ гиней, съ работою. Однако жъ, ты лишнее возьми деньгами, и купи себѣ, что тебѣ вздумается.

Затѣмъ старушка распрощалась со мною. Было двѣнадцать часовъ, когда я шелъ по большой улицѣ деревни, потому-что разсказъ о несчастной судьбѣ Мюлькеги занялъ добрые полчаса, и я былъ уже не въ такомъ уныніи, какъ по полученіи неожиданнаго подарка. Какъ бы то ни было, разсуждалъ я про себя: бриллиантовая булавка вещь хорошая и придастъ мнѣ щеголеватый видъ, хотя бы я былъ одѣтъ оборвышемъ. И дѣйствительно, платье на мнѣ было очень незавидное. — Чтѣ жъ, продолжалъ я, у меня останется еще три гиней; на нихъ я куплю двѣ пары панталонъ; — и точно, сказать между нами, я очень нуждался въ этой статьѣ наряда; потому-что я только-что пересталъ расти, а панталоны мои были сшиты за полтора года.

Въ такихъ размышленіяхъ шелъ я черезъ деревню, опустилъ руки въ карманъ шароваръ; въ одномъ изъ нихъ былъ кошелекъ бѣдной Мерн, пустой, потому-что я вынулъ изъ него вещи, съ которыми она дала его мнѣ наканунѣ, и спряталъ.... мое дѣло знать, куда я ихъ спряталъ. Но видите ли: въ то время у меня было сердце, и сердце теплое; я приготовилъ кошелекъ Мерн для тѣтушкина подарка, котораго не получалъ, а изъ собственныхъ моихъ деньжонокъ, изъ которыхъ вышло добрыхъ двадцать-пять шиллинговъ за карточнымъ столомъ мистрисъ Гоггартн, я рассчитывалъ, что за уплатою проѣзда, у меня останется всего по пріѣздѣ въ городъ десятокъ съ небольшими шиллинговъ.

Я шелъ по деревнѣ, будто меня толкали въ спину; такъ скоро, что, если бъ возможно, нагналъ бы десять часовъ, которые пробилъ уже за два часа, въ то время какъ я слушалъ безконечные разсказы мистрисъ Гоггартн, за бутылкою гнусаго розоліо. Дѣло въ томъ, что мнѣ было назначено въ десять часовъ свиданіе подъ окномъ нѣкоторой особы, которая должна была въ это время сидѣть у окна въ пашьютоккахъ и въ хорошенькомъ, плоскомъ ночномъ чепчикѣ, и любоваться луною.

Одно было затворено, и даже не видать въ немъ было свѣчи, и какъ я ни шарагалъ, какъ ни стучалъ, какъ ни свисталъ черезъ садовую рѣшетку, какъ ни шѣлъ пѣсенку, которую нѣкоторая особа очень любила, хотя я даже бросилъ въ окно камешкомъ, который ударился въ самый створъ оконнаго переплета, — ничего я не разбудилъ кромѣ больной и презлой дворняжки, которая принялась лаять и выть, и такъ кидалась на меня сквозь рѣшетку, что я думалъ, оставлю носъ свой въ ея зубахъ.

И такъ я принужденъ былъ удалиться со всѣхъ ногъ. На слѣдующее утро матушка и сестры разбудили меня и приготовили мнѣ завтракъ въ четыре часа, а въ пять пришла небесно-голубая почтовая карета, ѣхавшая въ Лондонъ, и я вскарабкался на крышу, не выдавъ Мери Смитъ.

Когда мы проѣзжали мимо ея дома, мнѣ показалось, будто занавѣска въ ея окнѣ была чуть-чуть отдернута; да и окно было отворено, а на канунѣ вечеромъ оно было затворено! Но карета промчалась мимо, а скоро затѣмъ и домъ, и деревья, и кладбище, и Гиксовъ сѣноваль, все скрылось изъ виду.

— Вотъ-то запонка, глядь! сказалъ парень, курившій сигарку водѣ ящичка, взглянувъ на меня и приложивъ палецъ къ носу.

— Дѣйствительно, я нераздѣвался послѣ того, какъ распрошася съ тѣтушкой, и будучи занятъ укладкою своихъ пожитковъ и помышляя о чемъ-то другомъ, совсѣмъ забылъ о брошкѣ мистрисъ Гоггарти, которая торчала съ вчерашняго вечера въ моей фрезкѣ.

II.

Описанныя въ предъидущей главѣ событія совершились лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда на достославный городъ Лондонъ, какъ можетъ быть памятно читателю, нашла страсть учрежденія компаній на всякіе предметы, которыми многіе зашибли порядочныя деньги.

Я былъ тогда, скажу откровенно, тринадцатымъ изъ двадцати четырехъ молодыхъ конторщиковъ, состоявшихъ въ конторѣ военнаго вестдидльсекскаго общества страхованія отъ огня и пожизненнаго страхованія, въ великолѣпномъ каменномъ домѣ общества, въ корнхильскомъ кварталѣ. Матушка употребила че-

тыреста фунтовъ стерлинговъ на приобретение годовою ренты въ этой компаніи, которая дала ей тридцать шесть фунтовъ въ годъ, между тѣмъ какъ никакая другая компанія въ Лондонѣ не дала больше двадцати четырехъ. Правителемъ дѣлъ отъ директоровъ былъ великій мистръ Броу, одинъ изъ владѣтелей торговаго дома подъ фирмою Броу и Гоэ, по левантской торговлѣ. Фирма была новая, но вела огромнѣйшій торговый оборотъ и губкою; на счетъ заготовокъ коринковъ, въ особенности не имѣла она соперниковъ во всемъ городѣ.

Мистръ Броу былъ великимъ трудолюбивымъ въ обществѣ диссентеровъ, и для него красовалось во главѣ каждаго объявленія о пожертвованіяхъ въ пользу богоугодныхъ заведеній, учреждаемыхъ этимъ благотворительнымъ обществомъ, и всегда сопровождалось звонкими сотнями. У него было девять конторщиковъ, на собственной его конторѣ; и никого онъ не принималъ къ себѣ на службу безъ свидѣтельства отъ мѣстнаго приходскаго пастора и школьнаго учителя, удостоившихъ въ доброй нравственности и неукоризненномъ образѣ мыслей предъавателя. Несмотря на то, а можетъ-быть и именно потому, на мѣста въ его конторѣ было столько охотниковъ, что онъ выручалъ отъ четырехъ до пяти сотъ фунтовъ стерлинговъ въ видѣ премій на каждомъ молодомъ человѣкѣ, котораго ему благоугодно было взять къ себѣ на девять часовъ въ сутки, за что онъ посвящалъ его во всѣ тайнства левантской торговли. Онъ былъ также человѣкъ большой руки по учетной части; мы часто сходились къ обѣду съ конторщиками банковскаго маклера, въ трактирѣ подъ вывѣскою Пѣтуха и Шерстанаго-мѣшка, — очень порядочный трактиръ, гдѣ подаютъ за одинъ шиллингъ большую порцію ростбифа, хлѣба, овощей, сыру и полкружки портеру, и одинъ пенни на прислугу, — и эти молодые люди рассказывали намъ, какія огромныя дѣла производилъ Броу на испанскіе, греческіе, и колумбійскіе векселя. Гоэ не принималъ участія въ этихъ дѣлахъ; онъ сидѣлъ дома и исключительно занимался своею торговлею. Онъ былъ очень молодой человѣкъ, почти юноша, тихій и трудолюбивый, принадлежалъ къ сектѣ квакеровъ, и былъ принятъ въ товарищество мистромъ Броу со вѣсомъ тридцати тысячъ фунтовъ капитала; расчетъ очень недурной! Мы говорили за тайну, что фирма выручала среднимъ числомъ въ годъ добрыхъ семь тысячъ фунтовъ стерлинговъ; изъ нихъ Броу бралъ на свою долю половину, Гоэ двѣ шестыя, а оставшая шестая отдавалась старому Тудлоу, бывшему главнымъ при-

каждомъ Броу до вступленія его въ товарищество. Тудлоу всегда должила оборвышема, и мы считали его старымъ орагомъ. Одинъ изъ нашихъ товарищей, Борька Свиннэй, часто говаривалъ, что долл Тудлоу чинное надудательство, и что она оставалась въ ларинэй Броу; но Борька всегда ворчилъ всоснажку, ходилъ къ зеленомъ фразъ по послѣдней картинкѣ, и имѣлъ даровой входъ въ конентгарденскій театръ. Въ ларкѣ, — мы называли это ларкою, хотя это былъ самый великолѣпный магазинъ во всемъ коридальскомъ кварталѣ, — онъ вѣчно рассказывалъ о Вестриксѣ и о мисъ Три, и называлъ

Кленъ ли мой, кленушка,
Кленъ ли мой зеленый!..

одну изъ любимыхъ пѣсень Чарльза Кембля въ «Дѣвъ Маріантѣ», пѣснь, произволившей въ то время ужасный фуроръ; она заимствована изъ какой-то знаменитой сказки и написана вѣркимъ Пикокомъ, занимавшимъ должность конторщика въ правленіи остиндской компаніи; прекрасное мѣсто!

Когда мистръ Броу провѣдалъ, что говорилъ о немъ мистръ Свиннэй, и что онъ имѣлъ даровой входъ въ театръ, онъ пришелъ однажды въ контору, когда всѣ двадцать четыре конторщика были на лицѣ, и произнесъ одну изъ прекрасѣйшихъ рѣчей, какія случалось мнѣ слышать въ жизни. Онъ говорилъ, что ему дѣла вѣтъ до возносимой на него клеветы, что имѣлъ свои убѣжденія, которымъ строго подчиняются всѣ его дѣйствія; но что онъ не могъ оставить безъ вниманія нравъ и поведеніе ни одного изъ лицъ, принимающихъ участіе въ дѣлахъ вольнаго вестданльскаго общества. На нихъ возложено охраненіе благосостоянія нѣсколькихъ тысячъ людей; чрезъ ихъ руки ежедневно проходятъ миліоны денегъ, весь городъ, — все королевство не сводятъ съ нихъ глазъ, и ищутъ въ нихъ примѣра порядка, честности и доброй нравственности. И если онъ видѣлъ, что хоть одинъ изъ тѣхъ, кого онъ считалъ своими дѣтьми, тѣхъ, кого онъ любилъ не меньше болѣе этого примѣра порядка, честности и доброй нравственности, — мистръ Броу всегда выражался такимъ высокимъ слогомъ, — если онъ видѣлъ, что дѣти его пренебрегали снаснительными законами нравственности, безчестія и приличія, — будь виновный на первой или на послѣдней ступени, главный конторщикъ, на шести стахъ фунтовъ въ годъ, или дворникъ, подметающій дѣстницу, — если онъ видѣлъ въ немъ малѣйшій

признакъ распутства, онъ считалъ святою обязанностию отвергнуть отъ себя виновнаго, — и отвергнуть его, хотя бы виновный былъ родной его сынъ!

Окончивъ эту рѣчь, мистръ Броу залился слезами; а мы, не зная, что изъ этого выйдетъ, поглядывали другъ на друга и дрожали, какъ мокрыя курицы; всё, кромѣ Свиннэй, двѣнадцатаго конторщика, который тихонько посвистывалъ. Мистръ Броу отеръ глаза, и окинулъ насъ всѣхъ взоромъ. О, какъ забилось мое сердце, когда онъ взглянулъ мнѣ прямо въ лицо! однако же оно тотчасъ же успокоилось, когда онъ провозгласилъ громовымъ голосомъ:

— Мистръ Робертъ Свиннэй!

— Здѣсь, отвѣчалъ Свиннэй, съ совершеннымъ равнодушіемъ, и нѣкоторые изъ товарищей начали злобно усмѣхаться.

— Мистръ Свиннэй, продолжалъ мистръ Броу еще грознѣе, — когда вы вступили въ мою контору, — то есть въ мое семейство, потому что я могу съ гордостью сказать, сэръ, что это мое семейство, — вы нашли въ немъ двадцать три молодыхъ человека, самыхъ благоправныхъ и скромныхъ, какіе когда-либо ехали за однимъ дѣломъ, какимъ когда-либо ввѣрялось благосостояніе этой обширной столицы и нашего славнаго отечества. Во всемъ вы видѣли, сэръ, скромность, усердіе, и приличное поведеніе; никогда неприличные пѣсни не оглашали этихъ палатъ, посвященныхъ труду; никогда злословіе не шептало клеветы на правителей этого учрежденія... но о нихъ я прехожу молчаніемъ, я могу, сэръ, прейти ихъ молчаніемъ; — никогда пошлые разговоры или неумѣстные шутки не развлекали вниманія трудящихся, и не оскверняли мирной обители труда. Вы нашли здѣсь людей порядочныхъ и благочестивыхъ, сэръ!

— Я заплатилъ за свое мѣсто не хуже другихъ, возразилъ Свиннэй. Развѣ отецъ мой не взялъ акц...

— Молчите, сэръ! Почтенный родитель вашъ взялъ акціи нашего учрежденія, которыя со временемъ дадутъ ему огромный барышъ. Онъ взялъ акціи, сэръ; иначе вамъ никогда бы не бывать здѣсь. Я горжусь тѣмъ, что у каждаго изъ собравшихъ здѣсь юныхъ друзей моихъ есть отецъ, или братъ, или близкій родственникъ, или другъ, который связанъ такимъ образомъ съ вашимъ славнымъ учрежденіемъ; и что нѣтъ между ними ни одного, который бы не имѣлъ личнаго интересу приглашать, за приличную комиссію, другія лица принять участіе въ вашемъ полезномъ предпріятіи. Но, сэръ, я глава компаніи. Вы знаете,

сэръ, что опредѣленіе ваше подписано мною; и я же, сэръ, я, Дюмъ Броу, ходящиму ваше увольненіе. Оставьте насъ, сэръ, оставьте семейство, которое отнынѣ не можетъ болѣе хранить насъ въ нѣдрахъ своихъ! Мистръ Свиннэй, я много пролилъ слезъ, много возсылалъ теплыхъ молитвъ къ Всемогущему Богу, прежде чѣмъ рѣшился на эту мѣру; я долго размышлялъ, и наконецъ рѣшился. Вы должны оставить насъ, сэръ.

— Какъ угодно, сэръ; но не подарю вамъ трехъ мѣсяцевъ жалованья.

— Ваше жалованье будетъ вручено вашему родителю, сэръ.

— До-сихъ-поръ вы мнѣ платили жалованье прямо, не чрезъ посредство моего родителя; значитъ вы хотите только отъ меня отдышаться.

— Составьте расчетъ, мистръ Роундгендъ, что слѣдуетъ Свиннэю за три мѣсяца.

— Двадцать одинъ фунтъ, пять шиллинговъ, Роундгендъ, и безъ вычета за штемпель! проговорилъ Свиннэй. — Вотъ вамъ и росписка, сэръ. А если кто изъ васъ, госнода, пожеласть закусить, сегодня въ восемь часовъ вечера, милости просимъ. Борька Свиннэй къ вашимъ услугамъ; угоститъ васъ на славу. Мистръ Броу, смѣю ли надѣяться, что вы сдѣлаете мнѣ честь выпустить стаканчикъ грогу? Приходите безъ церемоній... всегда радъ дорогому гостю.

Мы не выдержали, и всѣ расхохотались какъ сумасшедшіе.

— Теперь убирайтесь отсюда! заревѣлъ мистръ Броу, и лицо его побагровѣло отъ гнѣва. Борька снялъ съ вѣшалки свою бѣлую шляпу, надѣлъ свою черепицу, какъ онъ ее называлъ, на лѣвое ухо, и вышелъ. Когда онъ удалился, мистръ Броу опять прочелъ намъ утѣшаніе, которымъ мы всѣ дали себѣ слово воспользоваться. За тѣмъ онъ подошелъ къ конторкѣ Роундгенда, положилъ ему руку на шею, и принялся черезъ плечо его пересматривать кассовую книгу.

— Много ли сегодня поступило денегъ, Роундгендъ? спросилъ онъ чрезвычайно ласково.

— Вдова, сэръ, внесла деньги, девять сотъ четыре, десять, шесть. Капитанъ Спаръ доплатилъ за свои акціи; все время ворчалъ, говорить, это уже послѣднее, что онъ имѣеть; пятьдесятъ акцій, два купона.

— Онъ вѣчно брюзжитъ.

— Говорить, что у него теперь ни гроша нѣднаго до выдачи дивиденда.

— И все?

Министръ Роундгендъ перелистала книгу и съелъ итоговъ: тысяча девяносто семь фунтовъ стерлинговъ. Дала у насъ или все въ гору; хотя я понимаю, что когда я поступилъ въ контору, мы обыкновенно весь день сидѣли, сложа руки, сидѣлись, дурачились, читали газеты, и только бросались по нѣстамъ, когда заходила ненарокомъ какой-нибудь пошущица. Броу въ то время не обращалъ вниманія на наши дурачества и шутки, и былъ загадочнымъ другомъ съ Робертомъ Свиннсомъ; но это бывало въ старину, а теперь мы всё трепетали передъ нимъ.

— Тысяча девяносто семь фунтовъ стерлинговъ, и тысяча фунтовъ въ акціяхъ. Слава, Роундгендъ; слава, господа! Помните, что съ каждой помещенной вами акціи получаете вы немедленно по пяти процентовъ! Будьте осторожны въ выборѣ своихъ друзей, господа, работайте прилежно, держите себя скромно, и не забывайте посѣщать храмъ Божій. — Кто поступаетъ на мѣсто министра Свиннса?

— Самуилъ Титмаршъ, сэръ.

— Министръ Титмаршъ, поздравляю. Дайте руку, сэръ; вы теперь двѣнадцатый конторщикъ компаніи, и жалованье ваше увеличивается шестью фунтами въ годъ. Какъ здоровье вашей почтенной родительницы, сэръ? вашей доброй и милой родительницы? Каждый день молюсь, чтобы вашей конторѣ довелось еще много много лѣтъ платять ей ея годовую ренту! Не забывай, что у васъ еще свободныя деньги, она можетъ получить проценты лучше всякихъ, потому что она годомъ старше; а тебѣ будетъ пять процентовъ за компанію, пріятель! Отчего бы итъ итъ не тебѣ, а другому? Молодежь всегда молодежь, а десяти-фунтовой ассигнаціи всегда найдется мѣсто; — не такъ ли, министръ Абеднего?

— Конечно! отвѣчалъ Абеднего, третій конторщикъ, — тотъ самый, который донесъ на Свиннса, — и засмѣялся, какъ и всё мы смѣялись, когда министру Броу угодно было шутить; не то, чтобы шутки его всегда были похожи на шутки, но мы уже по лицу видали, когда онъ хотѣлъ шутить.

— Да, кстати, Роундгендъ, сказалъ министръ Броу, подите сюда на пару словъ о дѣлѣ. Министръ Броу всегда спрашиваетъ васъ, отчего это вы ни когда не завернете къ намъ въ Фульгенъ.

— Министръ Броу слишкомъ любезна, отвѣчалъ Роундгендъ, видя себя отъ радости.

— Назначьте же день, и прикажите, хоть въ субботу, напри-
меръ? у насъ я порекомендую.

— Вы слишкомъ милостивы, сэръ... я не заслуживаю. Мне
было бы чрезвычайно приятно.... во...

— Безъ отговорокъ, братецъ. Послушайте. Лордъ-канцлеръ по
милостибому общалъ оцѣславить меня своимъ присутствіемъ
къ обѣду, и я ждалъ бы представить васъ его милости; вотъ
видите ли, я похвасталъ вами передъ нимъ, описалъ васъ луч-
шимъ дѣльцомъ во всемъ соединенномъ королевствѣ.

Роундгендъ не могъ отказаться отъ такого приглашенія, хотя
говорила намъ передъ тѣмъ, что мистрисъ Роундгендъ собира-
лась провести субботу и воскресенье съ нимъ въ Путней; мы
же, зная, какое было его житье, заранѣе угадывали, что на-
шему главному конторщику порядкомъ достанется отъ супруги,
когда она узнаетъ о случившемся. Мистрисъ Роундгендъ, наде-
ясь сказать, терпѣть не могла мистрисъ Броу, за то, что ми-
стрисъ Броу держала карету, и говорила, что не знаетъ гдѣ на-
ходится Пентонвилъ, и потому не можетъ сдѣлать визитъ ми-
стрисъ Роундгендъ. И то правда, кучеръ ея навѣрное нашелъ бы
дорогу.

— Еще слово, Роундгендъ, прелолажалъ директоръ, помните
ли приказъ на семсотъ фунтовъ стерлинговъ. Да что же ты
такъ озираешься, братецъ? не бойся, я съ ними не убѣгу. Вотъ
такъ: семсотъ... прибавьте уже кстати девяносто. Хорошо. Въ
субботу будетъ собраніе директоровъ, я объявлю имъ употребле-
ніе этихъ денегъ, прежде чѣмъ мы поѣдемъ въ Фульгемъ. По-
ложитесь на меня. Мы заѣдемъ въ Вайрелъ за лордомъ-канцле-
ремъ.

За тѣмъ мистръ Броу сложилъ приказъ, дружески помахавъ ру-
ку Роундгенду, и сѣлъ въ великолѣпную карету, запряженную
хорошими, ожидавшими у подъѣзда. Она всегда ѣздила четвер-
нью, даже въ самень Сити, несмотря что по узкимъ улицамъ есо-
го очень неудобно ѣзда. Бирька Свиннэй говорила обыкновенно,
что пара припрягалась на счетъ компаніи, но ему рѣдко
можно было вѣрить; онъ былъ таковой насмѣшникъ и шутиль.

Не знаю отчего, но въ этотъ вечеръ, когда я возвратился до-
мой съ своимъ товарищемъ Госкинсомъ, одиннадцатымъ контор-
щикомъ, который жилъ на одной квартирѣ со мною, — мы за-
нужены прехорошенькія двѣ комнаты на Салсбургійскомъ скверѣ;
— обычный нашъ члѣстный другъ шелъ какъ-то рано, и по-
казалъ намъ одну комнату; а какъ вечеръ былъ чудесный, то мы

рѣшились прогуляться въ западный конецъ. Ноги наши какъ-то сами направились къ ковенгарденскому театру, и мы очутились передъ самымъ Глобъ-таверномъ, что противъ театра. Тутъ мы вспомнили о гостепрѣимномъ приглашеніи Борьки Свиннэя. Мы никакъ не предполагали, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ угостить товарищей; однако же мы разсудили, что можно войти и посмотреть; во всякомъ случаѣ, тутъ не могло быть ничего худого.

И представьте себѣ, въ каждомъ номерѣ, въ томъ самомъ, гдѣ онъ назначалъ намъ собраться, сидитъ Борька за длиннымъ столомъ, въ облакѣ табачнаго дыму, среди осьмнадцати нашихъ товарищей.

Что за шумъ поднялся при нашемъ появленіи! — Ура! закричалъ Свиннэй, вотъ еще двое! Мери, два стула, и два стакана!.. да подай еще два чайника кипятку и двѣ стопы джину! Ну, кто бы подумалъ, прошу покорно, что и Титмаршъ будетъ?

— Я и самъ не думалъ, отвѣчалъ я; мы зашли сюда совершенно случайно.

При этомъ словѣ поднялся шумъ еще больше прежняго, надо вамъ сказать, что каждый изъ осьмнадцати гостей поочередно, объявилъ, что онъ попалъ совершенно случайно. Правда или неправда, но случай привелъ насъ провести здѣсь время; а гостепрѣимный Борька Свиннэй заплатилъ все до послѣдней полушки.

— Господа, провозгласилъ Свиннэй, я прискалъ себѣ мѣсто, — просто чудо, не мѣсто. Пять гиней въ мѣсяцъ, шесть поѣздокъ въ годъ, своя лошадь и кабриолетъ, и разъѣзжать по западнымъ городамъ Англій по части масла и рыбаго жиру. Тсперь, господа да здравствуютъ Ганвъ и компанія, на Темзской улицѣ, въ лондонскомъ сити.

Я съ такою подробностью говорилъ о вестдильсекскомъ обществѣ страхованія и его управляющемъ-директорѣ, министръ Броу, потому что, какъ вы далѣе увидите, судьба моя и моей бриллиантовой булавки находится въ тѣсной и таинственной связи съ судьбою этого общества.

Надо вамъ сказать, что я между конторщиками вестдильсекскаго общества пользовался какимъ-то особымъ уваженіемъ, потому что былъ лучшаго происхожденія, тѣмъ большая часть моихъ товарищей, получилъ тщательное воспитаніе и порядочное образованіе, а главное потому, что у меня была богатая тетка, министрисъ Гоггартн, которою, не хочу грѣха таять, я довольно любилъ похвастать. Я всегда думалъ, что пользоваться уваже-

вѣсть людей вещь очень хорошая; а если вы при случаѣ не похвалите себя сами, то, повѣрьте мнѣ, никто изъ вашихъ знакомыхъ не возьметъ на себя труда доказать людямъ ваши достоинства, хоть бы затѣмъ, чтобы избавить васъ отъ этой заботы.

Такимъ образомъ, въ первый разъ какъ я пришелъ въ контору по возвращеніи изъ отпуска, и занявъ свое старое мѣсто надъ текущимъ журналомъ, у темнаго окна, что выходитъ въ узкій переулокъ, я тотчасъ объявилъ своимъ сослуживцамъ, что хотя мистрисъ Гоггартъ не подарила мнѣ порядочной суммы денегъ, какъ я ожидалъ, — на эти деньги я общалъ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей угостить ихъ прогулкою по Темзѣ, и потому долженъ былъ объяснить имъ, почему я не получилъ этихъ денегъ, — и такъ я объявилъ имъ, что хотя тѣтушка не дала мнѣ денегъ, зато подарила прекрасный брилліантъ, стоящій по крайней мѣрѣ тридцать гиней; и что я когда-нибудь принесу показать его въ контору.

— Покажи, покажи! вскричалъ Абедего, котораго отецъ торговалъ поддѣльными камнями и мишурными галунами; на что я отвѣчалъ, что непременно покажу его, какъ скоро онъ будетъ оправленъ. Такъ какъ весь мой денежный запасъ истощился въ отпуску, — кромя проѣзда туда и обратно, далъ пять шиллинговъ матушкиной служанкѣ, десять шиллинговъ прислугѣ тѣтушки, двадцать-вѣтъ шиллинговъ проигралъ въ вистъ, да пятьдесятъ-шесть издержалъ на ножницы въ серебряной оправѣ для миленькихъ пальчиковъ нѣкоторой особы, — то Роундгендъ, малый добрый и услужливый, позвалъ меня къ себѣ обѣдать, и далъ мнѣ впередъ мое мѣсячное жалованье, семь фунтовъ, одинъ шиллингъ и восемь пенсовъ. Тутъ-то, на квартирѣ Роундгенда, на Миндльтонскомъ скверѣ въ Пентонвильскомъ кварталѣ, за кускомъ жареной телатины съ свинымъ саломъ, и за стананомъ портевейна, узналъ я и видѣлъ собственными глазами то, о чемъ упоминали выше; именно, какъ терзала его, бѣдняжку, сварливая жена. Несчастный! мы, простые конторщики, воображали: какое счастье сидѣть за особой конторкою и получать пятьдесятъ фунтовъ въ мѣсяцъ, какъ Роундгендъ! Но тутъ я убѣдился, что мы съ Госкинсомъ жили гораздо спокойнѣе и счастливѣе въ своей маленькой квартиркѣ въ третьемъ этажѣ, на Салисбурійскомъ скверѣ, и что у насъ было гораздо болѣе гармоніи, несмотря на то, что наши семейные дуэты частенько отличались совершеннымъ отсутствіемъ ея.

Однажды мы съ Густею Госкинсомъ выпросились у Роувденда, чтобы онъ отпустилъ насъ изъ конторы въ три часа, по домашнимъ дѣламъ, которыя намъ нужно было справить въ западномъ концѣ. Онъ очень хорошо зналъ, что это важное дѣло относилось къ моему знаменитому родовому брилліанту и отпустилъ насъ. Мы отправились. Достигнувъ Мартыновскаго переулка, Густя закурилъ сигарку, чтобы придать себѣ, такъ сказать, болѣе важности, и пускалъ дымъ подъ носъ прохожимъ во всю дорогу по переулку и по бульварамъ, ведущимъ къ Ковентрійской улицѣ, гдѣ, какъ каждому извѣстно, находится магазинъ знаменитаго ювелира Полоніуса.

Дверь была отворена, и къ ней безпрестанно подѣзжали великолѣпные экипажи и изъ нихъ выходили или садилась въ нихъ богато одѣтыя барыни. Густя держалъ руки въ карманахъ; панталоны тогда носили чрезвычайно широкіе, съ широкими лампасами и сапоги или ботинки, — настоящіе щеголи носили сапоги, но мы, купеческіе прикащики, на осьмидесяти фунтахъ въ годъ, довольствовались ботинками, — выглядывали изъ нихъ какъ изъ гнѣздышекъ; а какъ Густя растопырилъ свои руки въ карманахъ, и растянулъ сколько могъ свои шаравары на бедрахъ, пускалъ дымъ изъ своего окурка сигары, постукивалъ своими желѣзными каблуками на панели, и какъ у него были необыкновенно большіе по лѣтамъ его усы, то онъ казался настоящимъ джентльменомъ, и всѣ прохожіе принимали его за молодого человѣка совсѣмъ не того полету, какъ онъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ.

Однако же онъ не хотѣлъ войти въ магазинъ, а остался на улицѣ, вытаращивъ глаза на золотые кубки и самовары, выставленные на окнѣ. Я вошелъ въ магазинъ. Повертѣвшись и покашлавъ нѣкоторое время, потому-что я никогда еще не бывалъ въ такомъ богатомъ магазинѣ, я наконецъ обратился къ одному изъ молодыхъ людей, бывшихъ за прилавкомъ, и сказалъ ему, что желаю поговорить съ мистромъ Полоніусомъ.

— Чтѣ прикажете, сэръ? спросилъ мистръ Полоніусъ, который стоялъ подлѣ того, къ кому я обратился и показывалъ жемчужныя ожерелья трѣмъ дамамъ, — одной старушкѣ и двумъ молоденькимъ, — которыя разсматривали ихъ съ большимъ вниманіемъ.

— Сэръ, сказалъ я, вынимая изъ бокового кармана свое сокровище, эта брошка, я полагаю, уже бывала въ вашихъ рукахъ; она принадлежала моей тѣтушкѣ, мистрисъ Гоггартъ изъ Гоггартъ-кастля.

При этомъ жмени старушка быстро взглянула на меня.

— Я имѣлъ честь продать имъ золотую цѣпочку и часы съ репетицію въ 1795 году, сказалъ мистръ Полоніусъ, ставившій себя въ обязанность помнить все, что кому либо продалъ на своемъ вѣку; — также серебряную пуншевую ложку господину капитану. Какъ поживаетъ господинъ маіоръ, сэръ.... или полковникъ.... или генералъ, сэръ?

— Генералъ, сэръ, съ прискорбіемъ долженъ я вамъ сказать, отвѣчалъ я, хотя сердце мое забилось отъ гордости, что такой знаменитый человекъ говоритъ со мною такъ почтительно, — генералъ Гоггартъ, сэръ, приказалъ долго жить. Тѣтушка подарила мнѣ, однако жъ, этотъ фермоаръ, сэръ, въ которомъ, какъ вы видите, вставленъ портретъ ея покойнаго мужа, и вы очень меня обяжете, сэръ, тщательно сохранивъ его мнѣ. Она желаетъ чтобы вы сдѣлали новую, прочную оправу къ этому бриллианту.

— Будетъ впрочемъ и красиво, сэръ, положитесь на меня.

— И по послѣдней модѣ, прибавилъ я; и потрудитесь переслать ей счетъ. Въ этомъ фермоарѣ много золота, сэръ, которое, надѣюсь, вы примете въ рассчетъ.

— Все, до послѣдняго пенса, сэръ, отвѣчалъ мистръ Полоніусъ, кланяясь и рассматривая фермоаръ. Это драгоценная вещь, продолжалъ онъ, и бриллиантъ, хотя не большой, но прекрасный. Взгляните, миледи. Фермоаръ ирландскаго издѣлія, съ клеймомъ 95 года; онъ вамъ напомнитъ, можетъ-быть, времена вашей первой молодости.

— Перестаньте, мистръ Полоніусъ, отвѣчала старушка; она была очень мала ростомъ, и лицо ея, изрытое безконечнымъ числомъ мелкихъ морщинокъ, очень напоминало морду хорька. Перестаньте, мистръ Полоніусъ; какъ не стыдно вамъ говорить такія рѣчи женщины монхъ лѣтъ? вѣдь мнѣ въ 95 году было уже пятьдесятъ лѣтъ, а въ 96 у меня были уже внучата!

Она протянула пару иссохшихъ, дрожащихъ рукъ, взяла фермоаръ, съ минуту рассматривала его, и потомъ захохотала и сказала: — Ну, ей-Богу, это большой гоггартіевскій бриллиантъ!

Чтожъ это за талисманъ попалъ въ мои руки подумалъ я?

— Взгляните, внучки, продолжала старушка; вотъ вамъ самый большой алмазъ во всей Ирландіи. А этотъ краснолицый господинъ, что въ серединѣ, это бѣдный Миша Гоггартъ, мой двоюродный или троюродный братецъ, тотъ, что былъ влюбленъ въ меня въ 84 году, какъ разъ послѣ того, какъ умеръ вашъ не-

любезный дѣдушка. А эти тринадцать прадѣй влосъ представляютъ его знаменитыхъ тринадцать сестеръ: Бидди, Минни, Тола, Велли, Фредди, Илзи, Тидзи, Микси, Гридзи, Полли, Долин, Нель и Болъ; — всѣ за мужемъ, всѣ дурны какъ нельзя хуже, и всѣ рыжеволосы. Которая же изъ нихъ ваша матушка, молодой чебоуль? хотя, надо отдать вамъ справедливость, вы ни сколько не похожи на свою любезную родню.

Дѣвъ хорошихъ молодыхъ леди устремили на меня двѣ пары прекрасныхъ черныхъ глазокъ, и ждали отвѣта, который онѣ и получили бы, если бы бабушка ихъ не пошла трещать софистицидотовъ о вышепоименованныхъ тринадцати дѣвахъ, о ихъ женихахъ, ихъ любовныхъ неудачахъ, и наконецъ о дуэляхъ бѣдлаго Миши Гоггарти. Она была ходячая общественная лѣтопись за пятьдесятъ лѣтъ. Она до тѣхъ-поръ трещала безъ умолку, пока не прервала ея сильный кашель; въ заключеніе котораго мистръ Половиусъ весьма почтительно спросилъ меня, куда я прикажу прислать булавку, и не желаю ли я сохранить волоса?

— На что мнѣ ихъ, отвѣчалъ я; бросьте.

— А булавку, сэръ?

Мнѣ сначала было совѣстно сказать, гдѣ я живу; но, подумавъ всемогъ и вспоминая, что въ дѣтствѣ еще слышалъ я народную пѣсню, которая гласитъ, что мнѣ-могутъ дать знаніе и рыцаря и маркиза и герцога, но честнаго имени дать не можетъ, я рѣшилъ, что отчего же не сказать мнѣ, гдѣ я живу? что мнѣ за дѣло, что эти прекрасныя и богатыя леди узнаютъ гдѣ я живу.

— Сэръ, сказалъ я, потрудитесь, когда будетъ готова булавка, прислать ее къ мистру Титмаршу, близъ саллсбургскаго савора, въ колокольномъ переулкѣ, въ домѣ подъ № 3; въ третью жажѣ.

— Какъ-съ, сэръ? спросилъ мистръ Половиусъ.

— Какъ! вскричала старушка. — Мистръ Какъ?... Mais, ma chère, c'est imprayable. Пойдите съ нами, вотъ наша карета. Дайте мнѣ руку, мистръ Какъ.... пойдите съ нами и поразоужите маѣ про вашихъ тринадцати тѣтушекъ.

Она схватила меня за локоть и потащила, чуть не бѣгомъ, черезъ весь магазинъ; молодые леди послѣдовали за нею.

— Ну, садитесь же поскорѣе, слышите? сказала она, высувувъ своей острый носъ въ дверцу.

— Не могу, миледи, отвѣчалъ я: меня ждетъ пріятель.

— Ба, пустяки! оставьте его, и садитесь.

И прежде чѣмъ я успѣлъ раскрыть ротъ, чтобы одѣлать вознаграженіе, долгоязыкій лакей въ короткихъ желтыхъ плюшевыхъ брюкахъ и съ напудреною головою толкнулъ меня на подожку и захлопнулъ за мною дверь.

Я только-что успѣлъ, пока карета трогалась съ мѣста, бросить взглядъ на Госкинса, и никогда не забуду его лица въ эту минуту. Стоять мой Густя, раскрывъ ротъ, выпучивъ глаза, съ дымящимся окуркомъ въ рукахъ, и ума не приложить, глазами не вѣрять, что за чудеса такія творятся со мною.

— Кто же онъ такой, этотъ Титмаршъ? думалъ про себя Густя: а на каротѣ корона, ну, вотъ, ей-Богу, корона!....

III.

Я сидѣлъ въ каретѣ спереди, подлѣ прехорошенькой молоденькой леди, на видъ однихъ лѣтъ съ моею милою Мери, те есть семнадцать съ девятью мѣсяцами; противъ насъ сидѣли старая графиня и другая ея внучка, также очень хорошенькая, но десятию годами старше сестры. Я помню, что на мнѣ былъ въ тотъ день мой синій фракъ съ мѣдвыми пуговицами, нашивные шаровары, бѣлый съ меленькими разводами жилетъ, и шелковая шляпа; шелковые шляпы были только-что передъ тѣмъ, въ 22 году, введены фабрикантомъ Донду, и казались гораздо гладковѣтѣ самыхъ лучшихъ пуховыхъ.

— А кто этотъ юноша, спросила старая графиня, съ сильными пряддскимъ акцентомъ, — кто этотъ неуклюжій молодой человекъ, съ желѣзными каблучками, съ такимъ огромнымъ ртомъ и съ бронзовою цѣпочкою, что вытаращилъ на насъ глаза, когда мы сѣли въ карету?

Какъ она успѣла замѣтить, что цѣпочка Густя была не золотая, я не постигаю; но это была правда, и мы купили ее только за шестью передъ тѣмъ, за двадцать пять шиллинговъ и шесть пенсовъ, у Макфейла, что на погостѣ Святаго-Павла. Но мнѣ стало досадно, что она такъ обижала моего друга, и я заступился за него.

— Миледи, сказалъ я, этотъ молодой человекъ называется Августомъ Госкинсомъ. Мы съ нимъ живемъ на одной квартирѣ, и смѣю васъ увѣрить, что во всемъ свѣтѣ не найдете такого добраго товарища и вѣрнаго друга.

— Это очень благородно съ вашей стороны, что вы такъ за

ступаетесь за своихъ друзей, сэръ, сказала другая леди, сидѣвшая подлѣ старушки, и называвшаяся, какъ я узналъ, леди Дженъ, но которую бабушка называла по своему, леди Джинъ.

— Правда, правда, это очень хорошо съ его стороны, леди Джинъ; я люблю молодыхъ людей, которые смѣло говорятъ правду. Такъ его зовутъ Госкинсомъ, такъ ли? Я знаю, друзья мои, всѣхъ Госкиновъ въ Англии. Есть, во-первыхъ, Госкины. Есть еще старикъ, докторъ Госкинсъ въ Батъ, тотъ самый, что лечилъ моего покойнаго Друма отъ жабы.... Да еще бѣдный старикъ Фредерикъ Госкинсъ, генераль, подагрикъ. Помню его еще въ 84 году; онъ былъ тогда такой худенькій, точно спичка, и вертлявъ какъ арлекинъ, и былъ влюбленъ въ меня, — вотъ ужъ былъ влюбленъ въ меня!

— У васъ, кажется, была въ то время тѣма поклонниковъ, бабушка, замѣтила леди Дженъ.

— Какъ же, моя милая! Я слыла чудомъ батскимъ, первую красавицею; вы бы этого теперь и не подумали? ну скажите, по совѣсти, безъ лести, мистръ — какъ бишь васъ?

— Право, миледи, никакъ не подумалъ бы, отвѣчалъ я, потому что старая леди была дѣйствительно дурна, предурна. Но при этомъ отвѣтъ обѣ молодыя леди такъ и покатились со смѣху; и я замѣтилъ, черезъ откинутый верхъ кареты, что оба лакея также выказали зубы подъ своими огромными уснами.

— По чести, вы ужасно простодушны, мистръ какъ бишь васъ, — ужасно откровенны. Но я люблю откровенность въ молодыхъ людяхъ. Я вамъ говорю, что я была первой красавицею. Хоть спросите дядю своего пріятеля, генерала.... Онъ изъ линкольнскихъ Госкиновъ, я тотчасъ это угадала по разительному фамильному сходству.... Онъ старшій сынъ, что ли? Славное у нихъ имѣнье, хотя довольно много на немъ долгу; вѣдь старикъ сэръ Джоржъ былъ бѣдовый человекъ, пріятель съ Генбюри, Вильямомъ, Литльтономъ и прочая! Много ли, мистръ получить вашъ пріятель по смерти адмирала?

— Не отецъ?... онъ долженъ быть непременно его отецъ, повѣрьте мнѣ, я въ этихъ вещахъ никогда не ошибаюсь. Ктожъ его отецъ, по вашему?

— Ей-Богу, миледи, не знаю; но увѣрю васъ, что адмиралъ вовсе не отецъ моему пріятелю.

— Миледи, отецъ Густа торгуетъ кожевеннымъ товаромъ въ Своу-гильскомъ кварталѣ; — человекъ съ достаткомъ, и пользующійся уваженіемъ въ своемъ сословіи. Но Густа только тре-

тѣй сынъ, и потому не многого можетъ ожидать изъ отцовскаго наследія.

При этомъ обѣ молодыя леди улыбнулись, а старушка воскликнула только: — Какъ?

— Люблю васъ, сэръ, сказала леди Дженъ, за то, что вы такъ откровенны. Не желаете ли, чтобы мы васъ куда-нибудь довели, и тамъ высидели, мистръ Титмаршъ?

— Особенной нужды въ этомъ не имѣется, миледи, отвѣчалъ я. — У васъ сегодня шабашъ, — то есть, по-крайней-мѣрѣ, Роундгендъ отпустилъ меня и Густю, и я почту за счастье проѣхать съ вами по парку, если это только вамъ не будетъ неприятно.

— Напротивъ, это доставитъ намъ чрезвычайное удовольствіе, сказала леди Дженъ съ нѣкоторою холодностью.

— О, конечно! воскликнула леди Фанни, хлопая въ ладони; не правда ли, бабушка? А проѣхавшись по парку, можно будетъ прогуляться пѣшкомъ по Кенсингтоновскому саду, если мистръ Титмаршъ будетъ такъ добръ, чтобы служить намъ кавалеромъ.

— Какъ угодно, Фанни, а этому не быть, возразила леди Дженъ.

— А я говорю, что такъ будетъ! вскричала леди Дромъ. — Не видите вы рязвѣ, что я горю нетерпѣніемъ услышать что-нибудь о его дядѣ и тринадцати тѣткахъ, а вы, молодницы, такъ болтаете, что не дадите ни мнѣ, ни моему молодому другу, слова вымолвить!

Леди Дженъ пожала плечами и не вымолвила болѣе ни слова. Леди Фанни, веселая и рѣзвая какъ котенокъ, — если можно такъ неучтиво отзываться о знатныхъ дамахъ, — хохотала, краснѣла, вертѣлась на мѣстѣ, и, казалось, забавлялась досадою сестры. Старая графиня между-тѣмъ трещала безъ умолку, рассказывая предлинную исторію о тринадцати мисъ Гоггарти, и едва дошла до половины, когда мы въѣхали въ паркъ.

Какъ только мы въѣхали въ паркъ, вы не можете себѣ представить, какое множество джентльменовъ верхами стали подъѣзжать къ нашей каретѣ и разговаривать съ дамами. Всѣ они шутили и подтрунивали надъ леди Дромъ, которая, кажется, была знаменитостью въ своемъ родѣ; почтительно кланяясь леди Дженъ, и ухаживали, особенно молодые, за леди Фанни.

А леди Фанни кланялась и краснѣла, какъ слѣдуетъ молодой леди; но въ то же время, казалось, была занята чѣмъ-то другимъ, безпрестанно высовывала голову изъ кареты и пристально смотрѣла въ толпы всадниковъ, будто кого-то искала. А, миледи

Фанни, я очень хорошо зналъ, что это значить, когда молоденькая и хорошенькая леди, какъ вы, кажется разсѣвнною, безпрестанно выглядываетъ изъ кареты, и невпопадъ отвѣчаетъ на дѣлаемые ей вопросы. Будьте покойны: Самуэль Титмаршъ себя умѣ; онъ не хуже другаго знаетъ, что такое вѣкоторая особа, съю васъ увѣрить. Замѣтивъ эти продѣлки, я не могъ удержаться, чтобъ не мигнуть лукаво леди Дженъ, какъ бы хотѣлъ сказать, что де знаю я, что все это значить. — Миледи, вѣроятно, кого-то поджидаетъ! сказалъ я. Тогда леди Фанни въ свою очередь надула губки и раскраснѣлась словно маковъ цвѣтъ; но не прошло минуты, и добрая дѣвушка взглянула на сестру, и обѣ закрыли личики платками и захохотали, — ну, отъ души захохотали, словно будто я отпустилъ самую забавную штуку въ мѣръ.

— *Il est charmant, votre monsieur*, сказала леди Дженъ бабушкѣ. На что я поклонился, и сказала: — *Madame, vous me fait beaucoup d'honneur*. Потому что я и самъ зналъ по-французски, и мнѣ было чрезвычайно пріятно слышать, что я полюбился добрымъ леди. — Я бѣдный, необразованный человѣкъ, миледи, продолжалъ я, незнакомый съ обычаями звитшаго лондонскаго общества; но вполне понимаю, какъ милостиво съ зашей стороны такъ дружески брать меня за руку и позволять мнѣ прогуляться въ вашей великолѣпной каретѣ, и отъ души васъ благодарю за это свихождствіе.

Въ эту минуту господинъ на ворономъ конѣ, съ блѣдыми щеками и съ клочкомъ бородки подъ губою, перавнился съ каретою. Леди Фанни едва примѣтно вздрогнула и быстро отвернулась въ другую сторону; изъ чего я узналъ, что она дождалась наконецъ вѣкоторой особы.

— Леди Дромъ, сказалъ онъ, мое нижайшее почтеніе! Я сейчасъ имѣлъ удовольствіе пробѣхаться съ человѣкомъ, который чуть не застрѣлился изъ безнадежной любви къ прекрасной графинѣ Дромъ, въ... Ну, году ей-богу не упомяну.

— Не Кильблезесъ ли? вскричала старая графиня. О, онъ премилый старикъ, и я хоть сейчасъ готова бѣжать съ нимъ!... Или можетъ быть старый прелать? также прелюбезный человѣкъ; у него еще есть локонь монахъ волосъ, который я подарила ему, когда онъ былъ просто испеланомъ у моего батюшки.... И скажу вамъ, что еслибъ я вздумала теперь сдѣлать такой подарокъ, не откуда бы его взять.

— Полноте, миледи, сказалъ я, вы шутите?

— Безъ шутокъ, сэръ, отвѣчала она; потому, что, ѡназать между нами, у меня на головѣ нѣтъ ни клочка волосъ. Хоть сами спросите Фанни. Никогда не забуду, какъ перепугалась она, душа моя, еще будучи ребенкомъ, когда зашла случайно въ мою уборную, и увидѣла меня безъ парика!

— Надѣюсь, что леди Фанни скоро оправившаясь отъ испуга, сказала некоторая особа, взглянувъ сначала на нее, а потомъ на меня, тѣмъ же глазами; кинувъ будто хотѣла отъѣсть меня. Не повѣрите ли, что леди Фанни не нашла въ ничемъ отвѣчать, проше: — какъ же, благодарю васъ, милордъ. — И говоря это, она запынчалась и покраснѣла, какъ бывало случалось съ нами въ школѣ за Виргилиемъ, когда мы не знали заданнаго урока.

Милордъ продолжалъ поглядывать на меня тѣми же свирѣпыми глазами и проворчалъ что-то о томъ, что онъ усталъ ѣхать паркомъ и надѣялся найти себѣ мѣсто въ паретѣ леди Дронтъ. На что леди Фанни также пробормотала въ отвѣтъ что-то о пріятелѣ ея батюшки.

— Скажи лучше твоей пріятель, Фанни, подхватила леди Дженъ. Мы, конечно, никогда не вздумали бы ѣхать въ паркъ, еслибъ Фанни не захотѣла непременно покатать министра Титмарша. Позвольте мнѣ, господа, представить графа Типтооа министру Титмаршу.

Но вмѣсто того, чтобы снять шляпу, подобно мнѣ, милордъ проворчалъ сквозь зубы, что уснѣть въ другой разъ, и мигомъ ускокалъ на своемъ ворономъ конѣ.

Только что графъ Типтооъ удалился, какъ откуда ни возьмись явился Эдмундъ Престонъ, одинъ изъ младшихъ статъ-секретарей ея величества, — (какъ мнѣ было извѣстно изъ адресъ-календаря, водившагося у насъ въ конторѣ), — и мужъ леди Дженъ.

Мистеръ Эдмундъ Престонъ сидѣлъ на стѣржѣ въ ящикахъ лошади, и былъ человекъ сырой, блѣдный, словно весь вѣкъ свой провелъ закупоренный въ комнатѣ. — Кого это вы подцѣпили? сказалъ онъ жевъ, угрюмо поглядывая то на меня, то на нее.

— Пріятель бабушки и сестрицы Дженъ, лукаво подхватила проказница леди Фанни, взглянувъ изподлобья на сестру, которая въ свою очередь перепугалась и устремила на шалунью умоляющій взоръ, не смѣя вымолвить слова. — Конечно, продолжала леди Фанни, мистеръ Титмаршъ доводится племянникомъ бабушкѣ, по женскому колѣну, черезъ Гоггарти. Вы безъ сомнѣнія знавали семейство Гоггарти, Эдмундъ; когда были въ Ирлан-

дѣя съ лордомъ Бегвигомъ? Позвольте представить васъ племяннику бабушкину, мистру Титмаршу; мистръ Титмаршъ, — братъ мой, мистръ Эдмундъ Престонъ.

Леди Дженъ все это время давила изъ всѣхъ силъ погу сестры, но злая дѣвчонка не обращала вниманія на эти знаки, а я, никогда не слыхавшій о подобномъ родствѣ своемъ, такъ смутился, что не зналъ куда дѣваться. Но я не зналъ причудъ графини Дромъ такъ-какъ ея проказница внучка; надо вамъ сказать, что старушка, только-что передъ тѣмъ пожаловавшая Густю Госкинса въ свои племянники, имѣла страсть всѣхъ и каждого жаловать себѣ въ родни.

— Да, конечно, сказала она, онъ мнѣ племянникъ, и даже не очень дальній. Бабушка Миши Гоггартн была Миллисентъ Бреди, а ова была въ близкомъ родствѣ съ моею тѣтушкою Тоузерь, какъ всѣмъ извѣстно: потому что Децимусъ Бреди изъ Баллбреди былъ женатъ на двоюродной сестрѣ матери тѣтушки Тоузерь, на Белль Свифтъ — которую, моя душа, не должно считать родственницею писателя Свифта, онъ былъ не важнаго роду, — кажется ясно?

— Чрезвычайно ясно, бабушка, сказала леди Дженъ, засмѣявшись, между тѣмъ какъ супругъ ея продолжалъ ѣхать подлѣ насъ, дѣлая самыя кислыя и сердитыя мины.

— Безъ сомнѣнiя, вы знали сестеръ Гоггартн, Эдмундъ? тринадцать рыжихъ дѣвъ, — девять грацій съ четырьмя въ прилачу, какъ называлъ ихъ покойный Кленбой. — Бѣдный Кленбой! также родственникъ мнѣ и вамъ, мистръ Титмаршъ, и также былъ ужасно влюбленъ въ меня. Неужели вы ихъ еще не припоминаете, Эдмундъ? неужели не помните? — не помните Бедн и Мивини, Теди и Винни, Мизи и Гридзи, Полли и Долли, и такъ далѣе?

— Вы бы лучше сѣли въ карету, Эдмундъ, — мистръ Престонъ! сказала леди Дженъ съ безпокойствомъ.

— Я тотчасъ выйду, если прикажете, миледи, сказалъ я.

— Пустяки, пустяки, сиди, прервала леди Дромъ; карета моя. Если мистру Престону угодно сѣсть съ нами, то пусть себѣ садится на козлы, если угодно; а нѣтъ, такъ пусть садится въ карету и сидитъ въ ногахъ.

Очевидно было, что графиня Дромъ нелюбила своего зятя.

Мистръ Престонъ, сказать правду, дрожалъ отъ страху на своемъ конѣ, и радъ былъ какии бы то ни было образомъ уйти отъ бѣшенаго звѣря, который лягался и брыкался задними и пе-

редними ногами. Блѣдное лицо его стало еще блѣднѣе, а руки и ноги тряслись какъ осиновый листъ, когда онъ сошелъ съ лошади и бросилъ поводья слугѣ. Наружность этого человѣка, — господинна, а не слуги, не полюбилась мнѣ съ самой той минуты, какъ онъ подѣхалъ къ намъ и заговорилъ такъ грубо съ своею милою, кроткою женою; я тотчасъ осудилъ его трусомъ, и произшествіе съ бѣшеною лошадыю оправдало мою догадку. Ну, ей Богу, ребенокъ справился бы съ нею; а вотъ, взрослый человѣкъ, у котораго, при первомъ ея безпокойномъ движеніи, душа ушла въ пятки.

— Ну, поскорѣе, Эдмундъ, входите, сказала леди Фанни, смѣясь: подножка опустилась, мистръ Престонъ поморщился, проходя мимо меня, и хотѣлъ сѣсть въ уголъ леди Фанни, потому-что я, увѣрю васъ, съ мѣста не тронулся бы для него; — но плутовка вскричала: — Нѣтъ, нѣтъ, мистръ Престонъ. Томасъ, приклони дверцу. Какъ весело будетъ показать васъ всѣмъ гуляющимъ мистра Престона, сидящаго въ ногахъ!

У! какъ бѣсился господинъ Престонъ, ужъ я вамъ скажу!

— Садитесь на мое мѣсто, Эдмундъ, и не слушайте дурачества Фанни, сказала леди Дженъ съ робостью.

— Нѣтъ, миледи, не безпокойтесь, мнѣ здѣсь очень хорошо, — право, очень хорошо; надѣюсь, что и мистру — этому господину....

— Очень хорошо, покорнѣйше благодарю, сказалъ я. Я хотѣлъ было вызваться сѣсть на вашу лошадь, чтобы отвести ее домой, потому-что вы, кажется, невозможно перепугались; но, скажу откровенно, мнѣ здѣсь такъ хорошо сидѣть, что я не могъ рѣшиться оставить это мѣсто.

Посмотрѣли бы вы, какую гримасу удовольствія сдѣлала при этихъ словахъ леди Дромъ! какъ прищурились ея крошечныя глазки, какъ стиснулись ея тонкія, лукавыя губы! Этотъ отвѣтъ неволью вырвался у меня, потому-что кровь во мнѣ такъ и кипѣла.

— Намъ всегда будетъ пріятно видѣть васъ, любезный племянникъ Титмаршъ, сказала она, и подала мнѣ золотую табакерку; я взялъ шепотку табаку и сталъ втягивать ее въ носъ важно и съ разстановкою, настоящимъ лордомъ.

— Такъ какъ вы пригласили этого господина въ свою карету, леди Дженъ Престонъ, то не слѣдовало ли бы уже пригласить его и къ обѣду? сказалъ мистръ Престонъ, посмѣивъ отъ ярости.

— Я пригласила его въ свою карету, перебила старушка; а какъ мы обѣдаемъ у васъ, и вы же навели меня на мысль, то мнѣ будетъ очень пріятно, если вы пригласите его.

— Какъ сочувствію, я уже отказываю, сказала я.

— О, по чести, это мнѣ весьма прискорбно, возразилъ мистръ Эдмундъ, не спуская съ меня горящихъ гнѣвомъ глазъ.

— Вы не повѣрите, какъ мнѣ жаль, что этотъ господинъ — я все забываю фамилію, — что пріятель вашъ, леди Дженъ, отказалъ. Я такъ надѣялся на удовольствіе видѣть и угощать родственника вашего у себя въ Вайтголлъ.

Смѣшно и глупо было, конечно, со стороны леди Дромъ вездѣ отыскивать себѣ родню, но эти слова зятя ея были уже терпѣливы смѣшны. Ну, любезный Самойлушка, подумалъ я про себя, будь молодцомъ и покажи свою удачу! И я тотчасъ отвѣчалъ, обращаясь къ дамамъ: — Нечего дѣлать, миледи, приглашеніе мистра Престона такъ убѣдительно, что я рѣшаюсь измѣнить слову и доставить себѣ великое удовольствіе отвѣдать его хлѣб-сола. Въ которомъ часу, сэръ?

Престонъ не удостоилъ меня отвѣта, котораго, мнѣ, впрочемъ, и не нужно было; потому-что, видите ли, я вовсе не намѣренъ былъ у него обѣдать, а хотѣлъ только проучить по своему мистра Престона, такъ чтобы онъ не забылъ меня.

Когда карета подъѣхала къ его дому, я со всевозможною вѣжливостію высадилъ дамъ и вошелъ за ними въ переднюю. Въ дверяхъ я взялъ мистра Престона за пуговицу и сказалъ ему, при дамахъ и при двухъ лакеяхъ, — ей-Богу, сказалъ ему при всѣхъ: — Сэръ, говорю, добрая леди Дромъ пригласила меня въ свою карету, и я принималъ приглашеніе не для собственного своего удовольствія, а въ угоду почтенной старушкѣ. Когда же вы, говорю, пригласили меня обѣдать, я рѣшился, говорю, принять приглашеніе, чтобы пошутить надъ вами, и вотъ, говорю, я здѣсь обѣдать съ вами не могу. Прощайте! Добрая молодая леди подошла ко мнѣ, и сказала: — мистръ Титмаршъ, я надѣюсь, что вы не будете сердиться на насъ, — то есть, что вы забудете все случившееся; леди Дромъ схватила ее за рукавъ, крича: — Будетъ, будетъ говорить объ этихъ пустякахъ! — и потащила ее наверхъ. Но леди Фанин смѣло подошла ко мнѣ, протянула свою бѣленькую ручку, и такъ крѣпко и искренно пожала руку и такъ пріятно сказала мнѣ: — Прощайте, любезный мистръ Титмаршъ! что засохли мой языкъ, если бы не покрас-

нѣтъ по самымъ ушамъ, и если кровь не защекотала по всему моему тѣлу!

Когда леди Фанни удалась, я надвинулъ шляпу и вышелъ изъ дому, гордый какъ павлинъ, и безстрашный какъ левъ. Я вышелъ и отправился домой, гдѣ меня ждалъ скромный обѣдъ съ Густею Госкинсомъ, состоявшій изъ вареной баранины: съ тертой рѣпою.

Я сталъ излишнимъ рассказывать Густѣ, — который, сказать между нами, ужасно любопытенъ и любитъ поболтать, — всѣ подробности семейной ссоры, которой я былъ причиною и свидѣтелемъ. Сказалъ ему только, что старушка... — На каретѣ гербъ графовъ Дромъ, перебилъ Густя; я справлялся въ «Указатель перекрѣстныхъ родовъ!» — Сказалъ только, что старушка оказалась мнѣ дальнею родственницею; и что она прокатила меня въ своей каретѣ по парку. На слѣдующій день, когда мы по обыкновенію пришли въ контору, Госкинсъ, какъ вы сами угадаете, поспѣшилъ выболтать все случившееся на-навугъ, присочинивъ еще видовъ небывалого и; признаюсь, что хотя я показывалъ видъ, будто совершенно равнодушенъ ко всему, однакожъ мнѣ отчасти пріятно было, что товарищи узнаютъ часть моихъ походовъ.

Но представьте себѣ мое изумленіе, когда, возвращаясь вечеромъ домой, я встрѣтилъ на лѣстницѣ хозяйку свою, мистрисъ Стокъсъ, ея дочь мисъ Селлину Стокъсъ и ея сына, молодого по-ѣшу, который вѣчно бегалъ и игралъ въ бабки на салисбургскомъ скверѣ, и когда всѣ они побѣжали передо мною вверхъ, въ мою комнату, съ такою поспѣшностью, что едва всѣ не попрали; и когда, наконецъ, войдя въ комнату, я увидѣлъ на столѣ, между нашими двумя флейтами съ одной стороны, и моимъ альбомомъ и Густинными «Донъ-Жуаномъ» и «Указателемъ перекрѣстныхъ родовъ» съ другой стороны, слѣдующее: первое, корзинку крупныхъ, румяныхъ персиковъ, точно щетки моей милей Мери Смитъ; второе, другую корзинку крупнаго, сочнаго, прозрачнаго, тяжеловѣснаго винограду; третье, огромный кусокъ сырой баранины, какъ мнѣ сначала показалось; но мистрисъ Стокъсъ объяснила мнѣ, что это часть дичины, самой лучшей и отборной, какой она еще никогда не видала. Тутъ же лежала, наконецъ, три визитныя карточки слѣдующаго содержания:

Вдовствующая графиня Дромъ.

Леди Фанни Рексъ.

Мистръ Престонъ.

Леди Дженъ Престонъ.

Графъ Типтоуъ.

— И что за карета! говорила мистрисъ Стоксъ, не успѣвшая еще опомниться отъ удивленія: вся въ гербахъ и коронахъ! И два лонъ лакея на запяткахъ, въ желтыхъ плюшевыхъ шарельхъ. А въ каретѣ старушка въ бѣлой атласной шляпкѣ, и другая леди, молоденькая, въ огромной соломенной шляпкѣ съ голубыми лентами, и молодой человекъ, такой высокій и блѣдный, съ бороною подъ губою.

— Позвольте узнать, сударыня, не здѣсь ли живетъ мистръ Титмаршъ? спросила молоденькая леди.

— Здѣсь, миледи, отвѣчала я; но онъ теперь на службѣ, въ конторѣ вестдидьсекскаго страховаго общества, въ Корнгильскомъ кварталѣ.

— Чарльзъ, вынь корзины, сказалъ молодой человекъ.

— Слушаю, милордъ, отвѣчалъ Чарльзъ, и вынулъ изъ кареты эту часть дичины, завернутую въ газетной листъ и на этомъ самомъ фарфоровомъ блюдѣ, и двѣ корзины фруктовъ.

— Сдѣлайте одолженіе, сударыня, сказалъ милордъ, поставьте все это въ квартиру мистра Титмарша, и скажите ему, что мы и леди Дженъ Престонъ приказали кланяться ему, и просимъ его принять этотъ подарочекъ.

И потомъ милордъ отдалъ мнѣ эти карточки и вотъ эту записочку, запечатанную его гербовою печатью.

Тутъ мистрисъ Стоксъ вручила мнѣ записку, которую жена моя хранитъ до настоящаго времени на память, и которой содержаніе слѣдующее:

«Графу Типтоуу поручено отъ леди Дженъ Престонъ изъяснить мистру Титмаршу ея искреннее сожалѣніе и прискорбіе о томъ, что она была лишена вчера его пріятнаго общества. Леди Дженъ въ самомъ непродолжительномъ времени уѣзжаетъ въ свои помѣстья, и потому ей невозможно будетъ въ нынѣшнемъ году принимать знакомыхъ своихъ въ Вайтголлѣ. Но лордъ Типтоуъ надѣется, что мистръ Титмаршъ будетъ такъ любезенъ и приметъ небольшой подарочекъ, заключающійся въ произведеніяхъ сада и парка леди Престонъ, которыми ему, быть-можетъ, пріятно будетъ угостить нѣкоторыхъ изъ тѣхъ друзей своихъ, за которыхъ онъ такъ хорошо умѣетъ заступаться».

При этой запискѣ была еще другая, заключавшая только слѣдующія слова: «Леди Дромъ будетъ дома въ пятницу вечеромъ,

17 июня». И все это сыпалось на меня отъ того, что тетушка Гоггарти подарила мнѣ брилліантовую булавку!

Я не отослалъ дичины; зачѣмъ же мнѣ было отсылать ее? Густа совѣтовалъ мнѣ послать ее мистру Броу; а персики и виноградъ отправить въ Сомерсетшайръ, тетушкѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, мы лучше вотъ что сдѣлаемъ: пригласимъ Борьку Свиннэя и еще полдюжины товарищей, и покутимъ на славу въ субботу вечеромъ.

И въ-самомъ-дѣлѣс лавно мы покутили! На слѣдующее утро я рѣшительно ничего не помнилъ о томъ, что происходило за извѣстный часъ предвѣдущей ночи.

IV.

Въ слѣдующій понедѣльникъ я явился въ контору получасомъ поздиѣе обычнаго времени. Сказать правду, я былъ не прочь отъ того, чтобы дать Госкинсу упредить меня, и рассказать товарищамъ все случившееся. У каждаго человека есть своя доля тщеславія, а моему самолюбію льстило, что товарищи вознижуютъ обо мнѣ высокое мнѣніе.

Пришедши въ контору, я тотчасъ замѣтилъ, что Густа сдѣлалъ свое дѣло; это было видно изъ того, какими глазами смотрѣли на меня товарищи, особенно же Абедего, который посѣщилъ поподчивать меня табакомъ изъ своей золотой табакерки. Самъ Роувгендъ, дѣлая обходъ и дойдя до меня, съ необыкновеннымъ жаромъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ, что у меня превосходный почеркъ, — въ этомъ, смѣло могу сказать, не было лести,—и пригласилъ меня къ себѣ на воскресеніе обѣдать.

— Такого великолѣпнаго угощенія, какъ у вашихъ друзей *завтра* *конца*, сказалъ онъ, ударяя на послѣднее слово, вы не ждите; но мы съ Амеліею всегда рады доброму пріятелю и готовы угостить его по своимъ средствамъ: бутылкою добраго хересу и старого портвейну, и чѣмъ еще Богъ послалъ. Ну, что, будете?

Я отвѣчалъ, что буду; и что приведу съ собою Госкинса.

Роувгендъ сказалъ, что я очень любезенъ, и что ему будетъ очень пріятно видѣть у себя Госкинса. Мы дѣйствительно отпраздновали въ назначенный день и часъ; но хотя Густа былъ одиннадцатымъ конторщикомъ, а я только двѣнадцатымъ, однако же я замѣтилъ, что за обѣдомъ мнѣ подавали первому и бо-

лѣе укажидали за мною, чѣмъ за нѣмъ. Мнѣ дали въ черешашень съ супѣ двое больше телачиныхъ клецокъ, чѣмъ Гоеккину, и положили на тарелку чуть ли не все устрицы съ блюда. Однѣжды Роундгендъ хотѣлъ палить шна Гоеккину прежде чѣмъ нѣтъ; но супруга его, сдѣлавшая на хозяйскомъ мѣстѣ, толстая и сердитая, въ красномъ креновомъ платьѣ и въ токъ, закричала на него: — Антоу! — и бѣдняжка такъ оробѣлъ, что едва не выпустилъ изъ руки бутылки и покрашилъ плуце платья своей супруги. Послушали бы вы, какъ мистрисъ Роундгендъ разговаривала со мною о жителяхъ Западнаго-конца! Само собою разумеется, что у нея былъ «Указатель перскихъ родовъ», и она такъ хорошо знала всю подноготную фамили Дромъ, что я не могъ опомниться отъ удивленія. Она спрашивала меня, сколько лордъ Дромъ имѣлъ ежегоднаго доходу; какъ я думалъ, сколько онъ получалъ, двадцать, тридцать, сорокъ, сто или полтораста тысячъ фунтовъ въ годъ? приглашал ли меня въ Дромъ-кастль? какъ одѣвался молодые люди, и носили ли онѣ эти гадкіе рукава са-гиты, которыя въ то время только что входили въ моду? Нра этомъ мистрисъ Роундгендъ взглянула съ самодовольствіемъ на пару замыливыхъ жирныхъ и всещропныхъ красными пятнами рукъ, которыми она очень гордилась.

— Эй, Самуэлъ, голубчикъ! закричалъ среди нашей бесѣды мистръ Роундгендъ, который все время щедрою рукою подкидывалъ себѣ и нѣмъ портвейну. — Надѣюсь, братецъ, что ты не упустилъ счастливаго случая, и помѣстилъ подлужныя акціи вестдальскаго общества?

— Мистръ Роундгендъ; поставили ли вы караины на мѣсто внизу? — вскричала мистрисъ Роундгендъ съ досадою, желая немедленно прервать заводимый ея мужемъ разговоръ.

— Нѣтъ, Милли; они пусты.

— Сдѣлайте одолженіе, сэръ, не изывайте меня этимъ глупымъ прозвищемъ. Потрудитесь сходить внизъ и сказать Ланси, моей горничной — (взглядъ на меня) — чтобы она сдѣлала чай въ кабинетѣ. У насъ сегодня гость, не привыкшій къ востональскимъ обычаямъ — (другой взглядъ на меня); — но онъ не изымаетъ съ друзей.

Тутъ мистрисъ Роундгендъ пустила вздохъ, отъ котораго высоко поднималась ея богатырская грудь, и бросила на меня третій взглядъ, но такой суровый, что я растерялся и смотрѣлъ совершеннымъ дуракомъ. Чѣмъ касается до Густы, она не говорила съ нимъ ни слова во весь вечеръ; но онъ утѣшался тѣмъ, что ис-

треблялъ несмѣтное количество сахарныхъ сухарей и пирожковъ, и вѣщи весь вечеръ; — время было лѣтнее и нестерпимо знойное, — просидѣлъ на балконѣ, посвистывая и разговаривая съ Роундгендомъ. Мнѣ и самому лучше бы хотѣлось сидѣть съ ними, потому что въ комнатѣ было такъ душно подлѣ толстой, жирной вистрисъ Роундгендъ, которая имѣла привычку жаться къ собесѣдникамъ своимъ на тѣсномъ диванѣ.

— Помните, какіе пріятные вечера проводили мы здѣсь прошлымъ лѣтомъ? слышалъ я, какъ спрашивалъ Госкинсъ, переѣхавшись черезъ рѣшетку балкона, и осматривая молоденькихъ дѣвушекъ, возвращающихся домой съ гулянья; — когда мистрисъ Роундгендъ была въ Маргетъ, а мы съ вами сидѣли здѣсь безъ сюртуковъ, и передъ нами стояла кружка холоднаго пуншу и двѣмъ ящикамъ мэнильв?

— Тшь! перебилъ Роундгендъ, въ трепетѣ: Милли услышитъ.

Но Милли ничего не слыхала; она была слишкомъ занята предлиннымъ разсказомъ о томъ, какъ на балу, который лондонское гражданство давало въ честь союзныхъ войскъ, она вальсировала съ графомъ фонъ-Шлоппенцоллерномъ, о томъ, что у графа были предлинные, прегустые и совершенно сѣдые усы, и какое странное чувство овладѣло ею между тѣмъ, какъ она вертелась вокругъ залы съ великимъ человѣкомъ, котораго рука обвивала ея талію. — Мистръ Роундгендъ никогда не позволялъ ни вальсировать послѣ моего замужства; но въ четырнадцатомъ году этотъ танецъ былъ разрѣшенъ въ честь высокихъ гостей. Въсь было двадцать девять молодыхъ дамъ, — все изъ лучшихъ семей, увѣрю васъ, мистръ Титмаршъ; тутъ были дочери сарго лорда-мера, дочери ольдермана Доббина, три дочери сэра Чарльза Гоппера, что имѣютъ огромный домъ въ Булочной улицѣ; наконецъ ваша покорная слуга; — всего двадцать девять молодыхъ дамъ, которыя нарочно взяли танцовальнаго учителя, и учились вальсировать въ комнатѣ, что надъ египетскою залою въ ратушѣ. Ахъ, какой былъ красавецъ, этотъ графъ фонъ-Шлоппенцоллернъ!

— Это, значитъ, сударыня, что онъ былъ подлѣ пары своей дамы! сказалъ я, и покраснѣлъ по уши отъ собственной своей снѣлости.

— Молчите, негодный льстецъ! сказала мистрисъ Роундгендъ, хлопнувъ меня по рукѣ, въ видѣ любезности, своею полновѣсною рукою. — Всѣ вы, господа, одинаковы, всѣ обманщики.

Графъ напѣвалъ мнѣ тоже самое. Слушай васъ только. До свадьбы все на меду да на сахарѣ; а какъ скоро женились, ничего отъ васъ не жди, кромѣ холодности и равнодушія. Вотъ хоть взгляните на Роундгенда, этого взрослого ребенка, что старается попасть въ бабочку своею камышевою тростью! Можетъ ли такой человѣкъ понять меня? ему ли наполнить пустоту мою сердца? — При этомъ, чтобы придать болѣе силы своему краснорѣчію, она приложила руку къ сердцу. — Ахъ, вѣтъ!... А вы, мистръ Титмаршъ, неужели вы сдѣляетесь такимъ же безчувственнымъ, такимъ же черствымъ, когда женитесь?

Между-тѣмъ какъ она говорила это, звонъ колоколовъ возвѣщалъ окончаніе божественной службы, и толпы народа выходили изъ переквей. Я невольно призадумался о моей милой, возлюбленной Мери Смитъ. И она также, думалъ я, идетъ теперь домой, къ своей бабушкѣ, въ простенькомъ сѣромъ салопѣ, а колокола звонятъ, воздухъ наполненъ чуднымъ ароматомъ сѣна, рѣка блеститъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, серебромъ и золотомъ. Она идетъ за сто-двадцать миль отъ меня, въ Сомерсетшайръ, идетъ домой изъ церкви вмѣстѣ съ семействомъ доктора Спортера, съ которымъ она всегда ходитъ! А я между-тѣмъ долженъ слушать болтовню этой жирной, глупой, гадкой кокетки.

Невольно хватился я за половинку шестипенсовика, о которой я уже говорилъ вамъ, и неосторожно прижавъ руку къ груди, оцарапалъ себѣ пальцы объ свою новую брилліантовую булавку. Мистръ Половиусъ прилегалъ мнѣ ее накануне вечеромъ, и она въ первый разъ красовалась на мнѣ на обѣдѣ Роундгенда.

— Чудесный камень! сказала мистрисъ Роундгендъ; я не снукала съ него глазъ въ продолженіе всего обѣда. Какъ богаты вы должны быть, чтобы носить такія дорогія вещи! И какъ же можете вы зарываться въ простую купеческую контору, когда вы на такой дружеской ногѣ со всею лондонскою знатью!

Не знаю какъ, но эта женщина привела меня въ такое негодованіе, что я вскочилъ съ дивана и бросился на балконъ, не отвѣчая ей ни слова, и съ такою поспѣшностью, что едва не разшибъ себѣ головы объ косякъ двери. — Густя, сказалъ я, мнѣ что то нездоровится, я хотѣлъ бы идти домой; пойдѣмъ со мною.

Густя самъ того только и желалъ.

— Какъ, домой! такъ рано! вскричала мистрисъ Роундгендъ. А я только-что приказала подать закуску. Какъ можно уходить безъ закуски? конечно, наша закуска не то, что у вашихъ знакомыхъ бываетъ... однако же...

— Убирайся съ своею закускою! вертѣлось у меня на языкѣ, и даже чуть не сорвалось. Между-тѣмъ Роундгендъ подошла къ своей женѣ и шепнула ей, что я не совсѣмъ здоровъ.

— Да, сказала Густя съ таинственностью. Вспомните, мистрисъ Роундгендъ, что въ четвергъ онъ былъ званъ на обѣдъ къ своимъ друзьямъ. А вашему брату такой обѣдъ даромъ не обходится, не правда ли, Роундгендъ? Знаете поговорку: Стѣла за карты....

— Не пѣвая на проигрышъ, подхватилъ Роундгендъ, съ быстротою мысли.

— Карты! въ воскресенье! вскричала мистрисъ Роундгендъ гнѣвнымъ голосомъ. — Нѣтъ, ужъ извините, въ моемъ домѣ никто не возьметъ картъ въ руки въ воскресный день. Развѣ мы не въ Англии?

— Вы разслышали, моя милая, никто не думалъ о картахъ.

— Никогда не позволю играть въ моемъ домѣ въ воскресный день, продолжала мистрисъ Роундгендъ, не слушая оправданій мужа, и съ гнѣвомъ вышла изъ комнаты, не простившись даже съ нами.

— Посидите еще, сказалъ мужъ, возмущенному ужасно перепуганный; — посидите еще немного. Она не вернется, пока вы здѣсь; пожалуйста, посидите еще.

Но мы не согласились. Когда мы возвратилась домой, я прочелъ длинное увѣщаніе Густя о томъ, какъ недорого проводить воскресные дни въ баклушничаньи. Мнѣ не спалось; ворочаясь въ постели, я невольно размышлялъ о счастья, которое доставила мнѣ моя брилліантовая булавка; я и не подозревалъ другихъ еще болѣе блестящихъ усеѣховъ, которые она готовила мнѣ, какъ читатель увидитъ въ слѣдующей главѣ.

V.

Сказать правду однако жъ на счетъ булавки, хотя это была послѣдняя вещь, о которой я упомянулъ въ предыдущей главѣ, тѣмъ не менѣе она занимала совсѣмъ не послѣднее мѣсто въ моихъ мысляхъ. Она была прислана мнѣ отъ мистра Полоніуса, какъ я уже говорилъ, въ субботу вечеромъ. Мы съ Густей въ это время сидѣли въ Саддервельскомъ театрѣ, и забавлялись отъ

души, несмотря на то, что были въ дешевыхъ мѣстахъ; на пути домой, мы, кажется, зашли въ трактиръ утолить жажду; впрочемъ, это не идетъ къ дѣлу.

Когда мы вошли въ свою квартиру, на столѣ лежала коробочка отъ ювелира; я взялъ ее открылъ и — о, какъ заблесталъ, какъ загорѣлся мой бриллиантъ подѣ лучами вашей свѣчи.

— Я увѣренъ, что онъ самъ собой освѣтитъ комнату, сказалъ Густя. — Я помню, что читалъ это въ какой то исторіи.

Я очень хорошо зналъ, что онъ читалъ это въ исторіи Хаджи-Гассанъ Альхаббеда, въ «Тысячи и одной ночи». Однако же мы погасили свѣчу, чтобы испытать.

— Ну, что жъ я говорилъ? вѣдь онъ, право, освѣщаетъ всю комнату, сказалъ Густя.

Въ комнатѣ дѣйствительно было довольно свѣтло; но я думаю, что это было не отъ огня моего алмаза, а скорѣе отъ того, что противъ окна нашего горѣлъ газовый фонарь. По крайней мѣрѣ въ моей спальнѣ, куда я долженъ былъ идти безъ свѣчи, и которой окно смотрѣло въ глухую стѣну, не видно было ни зги, несмотря на Гоггартіевской бриллиантъ, и я принужденъ былъ ошупью отыскать въ темнотѣ маленькую подушечку, которую подарила мнѣ нѣкоторая особа, — пожалуй, такъ и быть, назову ее: Мери Смитъ, — и воткнуть въ нее свою драгоценность на ночь. Не знаю отчего, но я почти не спалъ всю ночь, а все только думалъ о булавкѣ; проснулся гораздо ранѣе обыкновеннаго, и — надо сознаться къ стыду моему, — приколотъ булавку въ своему халату и какъ дуракъ все утро любовался собою въ зеркалѣ.

Густя любовался мною не меньше меня самого; потому что съ возвращенія моего изъ отпуска, и въ особенности съ того дня, какъ я прокатился въ каретѣ Леди Дромъ и угостилъ его и товарищей дареною дичиною и фруктами, онъ считалъ меня самымъ великимъ человѣкомъ въ мірѣ, и вездѣ хвасталъ о своемъ другѣ, который въ родствѣ и знакомствѣ со всѣми знатными кругомъ.

Когда мы собирались обѣдать у Роундгенда, такъ какъ у меня не было черной атласной манишви, которая представила бы мою булавку во всемъ ея блескѣ, я принужденъ былъ приколотъ ее въ фреску лучшей моей рубашки, отъ чего, сказать мимоходомъ, кисейная фреска ужасно пострадала. Несмотря на то, булавка, какъ мы уже видѣли, произвела сильное дѣйствіе на хозяевъ; мо-

жетъ быть даже слишкомъ сильное на одного изъ нихъ. На слѣдующій день, по совѣту Густа, я надѣлъ ее, чтобы идти въ контору, хотя ова уже далеко не такъ хороша была во второй день, когда рубашка утратила нѣсколько своей бѣлизны и своего лоску.

Товарищи мои чрезвычайно любовались ею, всѣ кромѣ одного завистливаго Шотландца, Маквортера, четвертаго прикащика; но это было просто изъ зависти и изъ досады за то, что я никогда не дивился какому-то огромному желтому камню съ предикимъ названіемъ, который былъ вставленъ въ его табакерку. Всѣ, кромѣ этого Маквортера, были въ восхищеніи отъ моей булавки; самъ Абедего, который долженъ былъ знать толкъ въ этихъ вещахъ, потому что отецъ его торговалъ поддѣльными камнями, объявилъ, что бриліантъ мой стоитъ по-крайней мѣрѣ десять фунтовъ, и что отецъ его далъ бы мнѣ эту цѣну съ перваго слова.

— Это значить, сказалъ Роундгендъ, что бриліантъ Титмарша стоитъ по-крайней мѣрѣ тридцать фунтовъ. — Мы всѣ засмѣялись, и согласились, что онъ правъ.

Признаюсь откровенно, всѣ эти хвалы и оказываемое мнѣ почтеніе, немного вскружили мнѣ голову. Всѣ товарищи твердили мнѣ, что камень будетъ гораздо виднѣе на черной атласной манишкѣ, и что я долженъ завести черную атласную манишку; я я имѣлъ глупость купить манишку и заплатить за нее двадцать пять шиллинговъ, у Лудлема, въ Пикадилли; потому что Густа увѣрилъ меня, что я долженъ идти въ самый лучший магазинъ, а не покупать дешевый, обыкновенный товаръ, какой продается въ Восточномъ-концѣ. Въ другомъ мѣстѣ я могъ бы купить точно такую же манишку, нисколько не хуже, за шестнадцать шиллинговъ; но когда тщеславіе и охота пощеголять заберутся въ голову молодого парня, его ничѣмъ не удержать отъ дурачества.

Само собою разумѣется, что слухъ о присланной мнѣ въ подарокъ дичинѣ, и о родствѣ моемъ съ леди Дромъ и самимъ Эдуиндомъ Престономъ, дошелъ и до директора нашего, мистра Броу. Абедего, который передалъ ему это, сказалъ даже, что я родной племянникъ леди Дромъ; это мнѣ нисколько не повредило; напротивъ, мистръ Броу возниѣмалъ отъ того еще высшее мнѣніе о моей особѣ.

Мистръ Броу, какъ всѣмъ извѣстно, былъ членомъ парламента отъ мѣстечка Ротенбурга; притомъ онъ считался однимъ изъ богатѣйшихъ членовъ лондонскаго купечества и принималъ всѣхъ

важнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ лицъ въ государствѣ, и часто давалъ намъ великолѣпные праздники въ своей фульгемеккой виллѣ. Часто читали мы въ газетахъ о всѣхъ чудесахъ, которыя происходили на этихъ праздникахъ.

Булавка моя творила просто чудеса; мало того, что она прокаркала меня по парку въ каретѣ знатной графини, подарила мнѣ шесть дичины и двѣ корзины фруктовъ изъ лордскихъ садовъ и парковъ, и доставила мнѣ счастье обѣдать у Роундгенда; она готовила мнѣ еще не такія почести, и начала съ того, что доставила достойное приглашеніе въ домъ нашего директора, мистра Броу.

Онъ давалъ каждый годъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, большой балъ на своей дачѣ, въ Фульгемѣ; по рассказамъ двухъ нашихъ товарищей, удостоенныхъ приглашенія, это былъ чуть не самый великолѣпный изъ всѣхъ праздниковъ, бывающихъ въ Лондонѣ. Членовъ парламента тутъ бывало, что гороху на полѣ въ лѣтнее время, лордовъ и леди безъ счету. Гости и угощеніе, все было самое отборное; я слышалъ, что Гунтеръ, съ Берлейскаго савера ставилъ мороженое, ужинъ и прислугу, — потому что хотя у мистра Броу своей прислуги было не мало, а все таки не хватало на такія многолюдныя собранія. Балы эти, надо вамъ сказать, давала мистрисъ Броу; а не мужъ ея. Онъ былъ изъ диссентеровъ, и не одобрялъ подобнаго рода сходбища; но, какъ онъ говорилъ по секрету своимъ друзьямъ изъ купечества, жена во всемъ управляла имъ, и онъ ни въ чемъ не отказывалъ ей; замѣчательно также, что почти всѣ эти господа отпускали на эти балы своихъ дочерей, когда онѣ были званы, по той причинѣ, что у мистрисъ Броу собиралось все дворянство и вся знать, находившіяся въ столицѣ. Мистрисъ Роундгендъ первая, я знаю навѣрное, охотно дала бы себѣ отрѣзать ухо, только бы туда вѣхать; но, уже говорилъ, ничѣмъ нельзя было убѣдить мистра и мистрисъ какъ я Броу пригласить ее.

Только двое изъ нашихъ товарищей, самъ Роундгендъ и Гуттъ, дватнадцатый конторщикъ, родной племянникъ одаого изъ директоровъ остъ-индской компаніи, были приглашены; мы это знали потому что они еще за нѣсколько недѣль получали приглашенія и немало хвастали этимъ почетомъ. Но за два дня до бала, послѣ того, какъ моя брилліантовая булавка произвела надлежащее дѣйствіе на всѣхъ членовъ конторы, Абелнего, выходя изъ кабинета директора, подошелъ ко мнѣ съ необыкновеннымъ подлюбострастіемъ и сказалъ: — Титмаршъ, мистръ Броу велѣлъ ска-

зять тебѣ, что онъ желаетъ, чтобы ты пріѣхалъ къ нему на балъ въ четвергъ, съ Роундгендомъ.

Я думалъ сначала, что Моисей хочетъ меня подурочить, или по-крайней мѣрѣ, что онъ перевралъ порученіе мистра Броу, потому что приглашенія обыкновенно не дѣлаются такъ отрывисто и въ такомъ повелительномъ тонѣ. Но черезъ нѣсколько минутъ мистръ Броу самъ пришелъ въ контору, и подтвердилъ приглашеніе. — Мистръ Титмаршъ, сказалъ онъ, выходя изъ конторы, вы пріѣдете въ четвергъ на балъ мистрисъ Броу, гдѣ вы встрѣтите нѣкоторыхъ изъ вашихъ родственниковъ.

— Вотъ что значитъ быть хорошаго тона! сказалъ Густя Госкинсъ.

Наступилъ четвергъ, и я дѣйствительно поѣхалъ въ Фульгемъ въ наемномъ кабріолетѣ, который Роундгендъ взялъ для себя, Гутча и меня, и за который онъ не пожалѣлъ дать осемь шиллинговъ.

Считаю излишнимъ описывать великолѣпіе праздника, несмѣтное число лампъ и фонарей у входа и въ саду, множество каретъ, безпрестанно вѣзжавшихъ въ ворота, толпы любопытныхъ подъ окномъ, фрукты, конфекты, мороженое, оркестръ, цвѣты, ужипъ Все это было уже подробно и мастерски описано въ одномъ модномъ журналѣ, корреспондентомъ того журнала, который видѣлъ все изъ оконъ трактира «Желтаго льва», что черезъ дорогу, и передалъ своимъ читателямъ съ достохвальною акуратностью. Имена гостей также можете прочесть въ томъ же журналѣ, гдѣ обозначены и званіе и титуло каждаго. Спиеокъ этотъ скажу мимоходомъ, очень насмѣшилъ насъ въ конторѣ тѣмъ, что мое имя, не знаю какимъ образомъ, попало въ число высокородныхъ. На слѣдующій день мистръ Броу объявилъ во многихъ газетахъ «сто пятьдесятъ гиней награжденія тому, кто доставитъ изумрудное ожерелье, оброненное на балу у Джона Броу, въ Фульгемѣ». Нѣкоторые изъ нашихъ поговаривали, что никто не думалъ обронять такого ожерелья, и что это была просто выдумка мистра Броу, чтобы довести до свѣдѣнія всѣхъ и каждаго, какіе у него великолѣпные праздники, и какое собирается знатное и богатое общество. Но это, безъ сомнѣнія, говорили только тѣ, которые не были приглашены, затѣмъ, чтобы вымѣстить свою досаду.

Само собою разумѣется, что я не упустилъ этого случая блеснуть своею брилліантовою булавкою, и что я нарядился въ свое

лучшее платье, именно : синій фракъ съ мѣдными пуговицами, о которомъ уже говорено выше, нанковые панталоны, шелковые чулки и бѣлый жилетъ ; даже нарочно для этого вечера купилъ пару бѣлыхъ перчатокъ. Но фракъ мой былъ деревенской работы, съ короткою таллею и короткими рукавами, и кажется, показался очень страннымъ нѣкоторымъ изъ бывшихъ тутъ знатныхъ гостей, потому-что они безпрестанно выпучивали на меня глаза и собирались кружкомъ около меня, когда я танцевалъ. Правда, что я приложилъ все свое умѣнье, и выдѣлывалъ все на съ удивительною отчетливостію и быстротою, какъ училъ меня нашъ танцевальный учитель въ деревнѣ.

И съ кѣмъ, вы думаете, имѣлъ я честь танцевать? Изумитесь, когда я скажу.... Съ леди Дженъ Престонъ, которая не уѣхала, какъ видно, въ свои помѣстья ; какъ только она увидѣла меня, тотчасъ чрезвычайно пріятливо пожала мнѣ руку и сама предложила мнѣ танцевать съ нею. *Vis à-vis* нашими были лордъ Типтофъ и леди Фанни Рексъ.

Посмотрѣли бы вы, какъ толпился народъ, поглазѣть на насъ и полюбоваться на мое танцованіе. И въ-самомъ-дѣлѣ было на что полюбоваться ; я танцевалъ какъ мастеръ своего дѣла ; со всѣмъ не то, что прочіе танцоры, въ томъ числѣ и мой визави, которые только ходили съ одного конца залы въ другой, будто ихъ неволею тавцовать, и все время смотрѣли съ усмѣшкою на мою ловкость. Но, по-моему, танцевать такъ танцевать изъ удовольствія ; и Мери Смитъ не разъ говорила мнѣ, что я лучший танцоръ во всемъ околдкѣ. Во время танцовъ, я сказалъ леди Дженъ Престонъ, что я пріѣхалъ въ кабриолетъ, втроемъ съ Роуингендомъ и Гутчемъ, не считая извозчика, и мнѣ леди очень смѣялась, увѣряю васъ, моему разсказу о нашихъ приключеніяхъ. Счастіе мое, что я не поѣхалъ дохой на этомъ же извозникѣ, потому-что возница нашъ зашелъ въ трактиръ «Желтаго льва», и такъ сильно подгулялъ, что на обратномъ пути вывалилъ изъ кабриолета Гутча и нашего главного конторщика.

Меня леди Дженъ избавила отъ этого непріятнаго путешествія, сказавъ что въ ея каретѣ есть лишнее мѣсто, которое ей очень пріятно предложить мнѣ. Такимъ образомъ, въ два часа по полуночи, высадивъ леди Престонъ и ея сестру, и потомъ завезши лорда Типтофа на его квартиру, я съ громомъ пріѣхалъ на Салксбургійскій скверъ, въ великолѣпной каретѣ съ пр-

во-горящими фонарями и съ двумя лакеями, которые такъ сту- чали въ молотокъ у подъезда, что едва не вышибли дверь и вспо- ложнили весь околודокъ. Какъ уморителевъ былъ Густя, высунув- шій въ окно голову свою въ бѣломъ спальномъ колпакъ! Я при- нужденъ былъ просидѣть съ нимъ всю ночь и удовлетворить без- колючные вопросы его о балѣ и о всѣхъ знатныхъ особахъ, ко- торыхъ я видѣлъ. На слѣдующій день онъ все слышанное отъ меня пересказалъ въ конторѣ, прибавивъ, по своему обычаю, еще столько же своего собственнаго изобрѣтенія.

— Мистръ Титмаршъ, спросила меня леди Фанни смѣясь, ко- гда мы сѣли въ карету, — что за человекъ этотъ любопытный толстякъ, хозяинъ дома? Знаете ли, онъ спрашивалъ меня не род- ня ли вы намъ? Я отвѣчала ему: — Какъ же, родня!

— Фанни! сказала леди Дженъ.

— Что жъ тутъ дурнаго? возразила леди Фанни. Сама бабушка развѣ не говорила, что мистръ Титмаршъ ей племянникъ?

— Но ты знаешь, что у бабушки память плоха.

— Извините, леди Дженъ, сказалъ милордъ, я нахожу, что у бабушки вашей память изумительная.

— Можетъ-быть, но не всегда вѣрна.

— Не всегда вѣрна, миледи, сказалъ я; потому-что, помните ли, графиня Дромъ изволила говорить, что пріятель мой Густя Госкинсъ....

— За котораго вы такъ храбро заступились, подхватила леди Фанни.

— Что пріятель мой Густя Госкинсъ также ей племянникъ; а это невозможно, потому что я знаю всѣхъ его родныхъ: они живутъ въ Скорняжновъ улицѣ

Потомъ милордъ сказалъ мнѣ съ нѣкоторою надмѣнностью.

— Повѣрьте мнѣ, мистръ Титмаршъ, леди Дромъ вамъ точ- но такая же тетушка, какъ пріятелю вашему, мистру Госкин- сому.

— Госкинсу, милордъ, сказалъ я. Я и самъ тоже самое гово- рилъ Густѣ; но видите ли, онъ такъ любитъ меня, что хочетъ, во что бы ни стало, чтобъ я былъ въ родствѣ съ леди Дромъ; и какъ я ни бился, чтобъ разувѣрить его, онъ все твердитъ свое, вездѣ это рассказываетъ. Впрочемъ, сказать правду, продол- жалъ я смѣясь, эта родня уже доставила мнѣ не мало счастья и почета.

Тутъ я рассказалъ объ обѣдѣ у мистрисъ Роувдгендъ, кото-

рымъ я былъ обязанъ единственно моеѣ бриллиантовой булавкѣ и ложному слуху о родствѣ и знакомствѣ моемъ съ знатнымъ кругомъ. Потому я искренно благодарилъ леди Дженъ за богатый ея подарокъ, дичину и фрукты, и сказалъ, что я угостилъ ими нѣсколько добрыхъ пріятелей, которые съ душевною благодарностію шли за ея здоровье.

— Дичина и фрукты! вскричала леди Дженъ съ удивленіемъ; увѣряю васъ, мистръ Титмаршъ, я рѣшительно ничего не понимаю...

Въ это время мы проѣхали мимо газоваго фонаря, и я замѣтилъ при свѣтѣ его, что леди Фанни хохотала, устремивъ свои большіе, блестящіе и лукавые черные глаза на лорда Типтоа.

— Леди Дженъ, сказалъ онъ, какъ видно, я долженъ открыть вамъ истину, и сказать, что этотъ подарокъ былъ нечто иное, какъ новая проказа вашей милой сестрицы. Надо вамъ сказать, что мнѣ прислали часть чудесной дичины изъ парка лорда Готльберга; зная, что Престонъ охотникъ до готльбергской дичины, я говорилъ леди Дромъ, — я въ тотъ день сидѣлъ въ ея каретѣ, потому что мистръ Титмаршъ не успѣлъ перебить у меня мѣста, — что намъ ренъ подарить ее вашему супругу. Но леди Фанни, захлопавъ въ свои хорошенькія ручки, объявила на отрѣзъ, что Престону не видать этой дичины, а что она отправится къ молодому человѣку, о приключеніяхъ котораго мы только что разговаривали на канунѣ, именно къ мистру Титмаршу, котораго, говорила Фанни, Престонъ жестоко обидѣлъ, и которому мы обязаны были удовлетвореніемъ. И такъ, леди Фанни потребовала, чтобы мы немедленно отправились на мою квартиру въ Албани, — гдѣ, да будетъ извѣстно мистру Титмаршу, — мнѣ остается пробыть холостякомъ еще одинъ мѣсяцъ.

— Вздоръ! закричала леди Фанни.

— Потребовала, чтобъ мы немедленно отправились на мою квартиру, и взяли помянутую дичину....

— Бабушкѣ было очень тяжело съ нею разстаться, подхватила проказница леди Фанни.

— А потомъ велѣла намъ ѣхать на квартиру мистра Титмарша, и оставить тамъ дичину, присоединивъ къ ней двѣ корзины плодовъ, которыя леди Фанни сама купила у Гренджа.

— А что всего лучше, прибавила леди Фанни, я убѣдила бабушку войти въ квартиру Фр... лорда Типтоа и продиктовать ему изъ собственныхъ устъ записку, которую онъ и написалъ,

и завернула дичину, которую подала намъ эта уродливая старуха ключавца, въ листь «Джона Буля».

Помнится мнѣ, что въ этой газетѣ было одно изъ Раисботомскихъ писемъ, которое мы съ Густею читали въ воскресенье за завтракомъ, и отъ котораго помирали со смѣху. Я рассказалъ это мнѣ дамамъ, и онѣ очень смѣялись; а добрая леди Дженъ сказала, что она прощаетъ проказу сестры и проситъ меня тоже простить ее; на что я отвѣчалъ, что съ радостью прошу не только на этотъ разъ, но и каждый разъ, какъ мнѣди угодно будетъ повторить это оскорбленіе.

Къ-сожалѣнію, однако же, она его не повторила, и я ни разу не получалъ болѣе дичины отъ семейства моей знатной тѣтушки. Только черезъ мѣсяць послѣ бала у мистра Броу мнѣ принесли однажды визитную карточку съ именами: «Графъ Тинтофъ» и «Леди Фанни Тинтофъ»; и при ней большой кусокъ свадебнаго пирога, котораго, прискорбно мнѣ сказать, Густя покушалъ слишкомъ много.

VI.

Булавка моя продолжала свои волшебныя дѣйствія. Вскорѣ послѣ большаго бала у мистрисъ Броу, директоръ нашъ позвалъ меня въ свой кабинетъ, и, пересмотрѣвъ мои счета и поговоривъ со мною немного о дѣлахъ, сказалъ торжественнымъ, покровительственнымъ голосомъ: — чудесная у васъ брилліантовая булавка, мистръ Титмаршъ, и я призвалъ васъ нарочно за тѣмъ, чтобы поговорить съ вами объ этомъ предметѣ. Я нисколько не считаю предосудительнымъ, чтобы молодые люди, состоящіе при моей конторѣ, одѣвались прилично и хорошо; но я знаю, что жалованье ихъ недостаточно для того, чтобы заводить ся подобными предметами роскоши, и мнѣ прискорбно видѣть на васъ такую дорогую вещь. Вы заплатили за нее, — я надѣюсь, что вы за нее заплатили; потому что всего болѣе, молодой человекъ и любезный другъ мой, всего болѣе берегитесь долговъ.

Я рѣшительно не могъ понять, съ чего мистръ Броу вздумалъ читать мнѣ это увѣщаніе на счетъ долговъ и покупки брилліантовой булавки; потому что я зналъ, что онъ уже справлялся о ней, и спрашивалъ откуда я взялъ ее; мнѣ это говорилъ Абедне-

го. — Сэръ, сказалъ я, мистръ Абеднего говорилъ мнѣ, что онъ говорилъ вамъ, что я говорилъ ему, что....

— А, да, точно, мистръ Титмаршъ, помню, помню.. Впрочемъ, я полагаю, вы сами понимаете, что у меня есть другія, болѣе важныя заботы....

— О, конечно, сэръ, отвѣчалъ я.

— Чѣмъ помнить, что конторщики говорили мнѣ о булавкѣ и что у товарища ихъ есть булавка. Стало-быть, вы эту булавку получили въ подарокъ?

— Такъ точно, сэръ, отъ моей тѣтушки, мистрисъ Гоггартъ изъ Гоггартъ-кастля, сказалъ я, возвысивъ голосъ, потому что я немного гордился этимъ Гоггартъ-кастлемъ.

— Тѣтушка ваша должно быть очень богата, если дѣлаетъ вамъ такіе подарки, Титмаршъ?

— Славу-Богу, сэръ, отвѣчалъ я, у нея очень порядочное состояніе. Четыреста фунтовъ въ годъ вдовьихъ денегъ; мыза въ Слоспертонѣ; три дома въ Сквайштейлѣ; и три тысячи двѣсти фунтовъ наличными у банкира, сколько мнѣ известно; вотъ, кажется, все.

Все это я зналъ по тому случаю, что когда я былъ въ отпуску, въ Сомерсетшайрѣ, мистръ Макманусъ, повѣренный моей тѣтушки въ Ирландіи, писалъ ей, что бывшее у нея въ залогъ имѣніе лорда Бралагана было выкуплено, и что полученныя деньги онъ положилъ къ банкиру Коутсу. Положеніе Ирландіи въ то время было самое смутное, и тѣтушка очень благоразумно рѣшилась не оставлять болѣе своихъ денегъ въ этой странѣ, а поискать имъ болѣе надежнаго помѣщенія въ Англіи. Однако жъ, такъ какъ она въ Ирландіи получала съ нихъ постоянно по шести процентовъ, то и слышать не хотѣла о меньшихъ процентахъ, и поручила мнѣ, какъ человѣку свѣдущему въ торговыхъ дѣлахъ, по пріѣздѣ въ столицу, разузнать, не представится ли хорошаго случая пустить въ оборотъ свои деньги по-крайней-мѣрѣ по тѣмъ же процентамъ.

— Какимъ-образомъ вы такъ хорошо знаете состояніе мистрисъ Гоггартъ? спросилъ мистръ Броу, и я все рассказалъ ему.

— Какъ же, сэръ? вы состоите въ каторѣ вестландсекскаго страхового общества, имѣете порученіе отъ своей почтенной родственницы прискать надежный случай выгодно пустать въ оборотъ ея капиталъ, и никогда не говорили ей о компаніи, которой вы имѣете честь служить? Неужели, сэръ, зная, что вы получите

пять процентовъ комиссіи съ каждой помѣщенной вами акціи, вы не совѣтовали мистрисъ Гоггарти присоединиться къ нашему обществу?

— Сэръ, сказалъ я, я честный человѣкъ, и не хотѣлъ дать совѣтъ своей теткѣ за тѣмъ, чтобы воспользоваться комиссіею.

— Я знаю, любезный другъ, что вы честный человѣкъ, — дайте руку! и я также честный человѣкъ, и каждый членъ нашей компаніи честный человѣкъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны быть разсудительны и разсчетливы. У насъ въ книгахъ, какъ вы сами знаете, пять милліоновъ капиталовъ, — пять милліоновъ, вѣрренныхъ нашей чести и внесенныхъ чистыми деньгами, сэръ; — но почему не имѣть намъ двадцать милліоновъ? — сто милліоновъ? Почему этой компаніи не сдѣлаться величайшимъ торговымъ обществомъ въ мірѣ? — Это будетъ, сэръ, будетъ; это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Джономъ Броу, если только Богъ благословитъ мои неутомимыя и безкорыстныя усилія! Но неужели вы думаете, что оно можетъ осуществиться, если каждый изъ васъ не посвятитъ всѣхъ силъ и средствъ своихъ усилію нашего предпріятія? нѣтъ, сэръ, это невозможно; я это твержу, съ своей стороны, вездѣ и каждому. И я горжусь тѣмъ, что дѣлаю. Не войду я ни въ одинъ домъ, чтобы не оставить въ немъ программу вестландьсекскаго общества страхованія. Нѣтъ ни одного торговца или ремесленника, имѣющаго со мною дѣла, который не имѣлъ бы акціи нашего общества на большую или меньшую сумму. Даже слуги мои, сэръ, мои слуги и конюхи, и тѣ, такъ ли, иначе ли причастны къ нашему дѣлу. Первый вопросъ, который я предлагаю каждому, кто ищетъ мѣста въ моемъ домѣ: имѣете ли вы акцію вестландьсекскаго общества, или застрахованы ли вы въ немъ по крайней мѣрѣ? — а потомъ уже: есть ли у васъ хорошіе аттестаты? — И если на первый вопросъ получаю отвѣтъ отрицательный, то говорю просителю: возьмите акцію вестландьсекскаго общества, а до тѣхъ поръ не приходите ко мнѣ. — Вы вѣдь видѣли, сэръ, какъ я самъ пріѣзжалъ на своей четверти въ коптору съ четырьмя фунтами и девятнадцатью шиллингами, и отдалъ ихъ мистру Роундгенду за полкупона для моего дворника? Вы видѣли, что я самъ вычелъ одинъ шиллингъ изъ пяти фунтовъ?

— Видѣлъ, сэръ; это было въ тотъ самый день, когда вы взяли ордеръ на семь-сотъ-семдесятъ-три фунта, десять шиллин-

говъ и шесть пенсовъ; на предпрощающей ведѣль, въ четвергъ.

— За чѣмъ же я выцѣлъ этотъ шиллингъ, сэръ? За тѣмъ, сэръ, что это была моя коммисія, — пяти-процентная коммисія Джона Броу, честно мнѣ заработанная, и потому взятая при всѣхъ. Развѣ я скрывался? Нѣсколько. Или я сдѣлалъ это, потому-что мнѣ дорогъ шиллингъ? Нѣтъ, — продолжалъ Броу, положивъ руку на сердце, — нѣтъ, я это сдѣлалъ по убѣжденію, по тому убѣжденію, которое обуславливаетъ каждое мое дѣйствіе; смѣло призываю небо въ свидѣтели моихъ словъ. Я желаю, чтобы всѣ молодые люди, находящіеся въ моей конторѣ, видѣли примѣръ мой и слѣдовали ему... я желаю этого, и ежедневно молю о томъ Бога. Разберите этотъ примѣръ, сэръ. У дворника моего большая жена и девять человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше; онъ самъ человѣкъ слабаго здоровья, и жизнь его виситъ на волоскѣ; онъ заработалъ на моей службѣ, сэръ, шестьдесятъ съ чѣмъ-то фунтовъ; это все, что могутъ получить послѣ него его дѣти, — рѣшительно все; и еслибъ не эти шестьдесятъ фунтовъ, въ случаѣ его смерти мнѣ пришлось бы скитаться на улицѣ сиротами, безъ крова и безъ хлѣба. Что жъ я для нихъ сдѣлалъ, сэръ? Я положилъ эти деньги на сохраненіе въ банкъ Роберта Гетса, и такимъ образомъ, что по смерти его, они будутъ спасеніемъ его семейству. Всю эту сумму до послѣдняго гроша я обратилъ въ акціи этого общества; Робертъ Гетсъ, мой дворникъ, имѣетъ теперь три акціи вестдильсекскаго страхового общества. Неужели вы думаете, я хочу обмануть Гетса?

— Какъ можно, сэръ! вскричалъ я.

— Обмануть бѣднаго, большого старика, разорить невинныхъ, безпомощныхъ дѣтей! — вы не хотите предполагать этого, сэръ! я былъ бы позоромъ рода человѣческаго, еслибъ рѣшился на такое гнусное дѣло. Но къ чему стремится моя неутомимая дѣятельность, мои постоянныя усилія? Развѣ я не отдаю въ это общество имущество своихъ друзей, своего семейства, свое собственное? развѣ не полагаю всѣ свои надежды, всѣ желанія, все честолюбіе въ успѣхъ этого предпріятія? Но вы, молодые люди, не хотите понять этого, не хотите содѣйствовать мнѣ. Вы, на которыхъ я полагаюсь, которыхъ люблю какъ родныхъ дѣтей, вы не платите мнѣ тѣмъ же. Пока я тружусь, вы сидите слома руки; я изъ кожи вонъ лѣзу, а вы только смотрите... Скажите

ушъ лучше прямо: вы не довѣряете мнѣ! О Боже, это ли награда за всѣ мои попеченія о васъ, за всю мою любовь!

Мистръ Броу былъ въ такомъ сильномъ волненіи, что при этихъ словахъ слезы потекли изъ глазъ его. Признаюсь, я тутъ увидѣлъ въ настоящемъ свѣтѣ всю преступность моей небрежности и моего нерадѣнія.

— Сэръ, сказалъ я, это мнѣ весьма, весьма прискорбно, я не почему другому, а изъ одной только деликатности не говорилъ тетущкѣ о вестндальсекскомъ обществѣ.

— Изъ деликатности, любезный другъ? какая тутъ деликатность, когда идетъ дѣло о выгодахъ, о богатствѣ родной тетки! Скажите изъ нерадѣнія ко мнѣ, изъ неблагодарности, изъ безразсудства, — но не говорите о деликатности; — нѣтъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи о деликатности. Будь всегда честенъ, любезный другъ, и каждую вещь называй настоящимъ именемъ.

— Я былъ безразсуденъ и неблагодаренъ, мистръ Броу, сказалъ я; это теперъ вижу, и сегодня же буду писать тетущкѣ.

— Нѣтъ, лучше не пишите, сказалъ мистръ Броу съ горькою усмѣшкою. Фонды стоятъ на девяносто, и мистрисъ Гоггартъ можетъ получать съ своихъ денегъ по три процента.

— Буду писать къ ней, сэръ; честное слово, буду писать,

— Ну, когда заручились честью, такъ по моему мнѣнію, надо писать; никогда не нарушайте даннаго слова, Титмаршъ, хотя бы въ дѣлѣ самомъ пустомъ. Когда напишете письмо, пришлите его ко мнѣ, а его отправлю на свой счетъ.. Честное слово, отправлю его, прибавилъ мистръ Броу, улыбаясь и проткнувъ мнѣ руку.

Я взялъ ее, и онъ съ жаромъ сжалъ мою руку; потомъ, не отпуская руки, сказалъ мнѣ. — Впрочемъ, вы можете, пожалуйста, сѣсть къ моему столу, и здѣсь написать письмо; бумаги довольно, — перья.

И вотъ я сѣлъ, тщательно очинилъ перо, и принялся за письмо; написалъ самымъ отличнѣйшимъ почеркомъ: «Вольное вестндальсекское общество страхованія отъ огня и пожизненнаго страхованія. Июнь 1822 года». Потомъ: «Милая тетущка» и тутъ остановился, и задумался, что мнѣ писать далѣе. Я всегда былъ ужасно тяжелъ на писанія писемъ. Число и «почтеннѣйшій» или «любезнѣйшій» такой-то много написано, а вотъ далѣе — и становишь. Я залузилъ перо, раялся на сини-

ку креселъ, и сталъ придумывать, что мнѣ писать, и какъ мнѣ писать дальше.

— Ба! сказалъ мистръ Броу, да ты, пріятель, намѣренъ, кажется, просидѣть цѣлый день надъ письмомъ? Слушай, я тебѣ сейчасъ продиктую.

И онъ началъ:

« Милая тетушка,

« По возвращеніи моемъ изъ Сомерсетшайра, я имѣлъ счастье такъ угодить управляющему директору нашего общества и совѣту директоровъ, что они оказали мнѣ необыкновенную милость, и назначили меня третьимъ конторщикомъ.

— Сэръ! сказалъ я.

— Пишите, что я диктую. Мистръ Роундгевдъ оставляетъ должность главнаго конторщика, онъ уже объяснился объ этомъ вчера съ совѣтомъ. Онъ получить званіе секретаря и актуаріуса общества; мистръ Гайморъ займетъ его должность, мистръ Абеднего слѣдующую, а васъ я назначаю третьимъ конторщикомъ. Пишите.

« Третьимъ конторщикомъ, съ жалованьемъ по сту пятидесяти фунтовъ въ годъ. Я знаю напередъ, что это извѣстіе очень обрадуетъ мою добрую матушку и васъ, которая съ дѣтства моего были мнѣ всегда второю матерью.

« Я помню, что когда я былъ въ отпуску, вы спрашивали у меня совѣта на-счетъ того, куда бы выгоднѣе и вѣрнѣе отдать деньги, которыя теперь лежатъ безъ всякой пользы у вашего банкира. Съ-тѣхъ-поръ я не упускалъ ни одного случая получить о томъ самыя точныя свѣдѣнія; и находясь здѣсь въ самомъ средоточіи торговыхъ дѣлъ, я могу сказать безъ хвастовства, что не смотря на свою молодость, я могу дать въ этомъ дѣлѣ совѣтъ не хуже многихъ болѣе пожилыхъ и опытныхъ людей.

« Я много разъ думалъ указать вамъ на наше общество, но чувство деликатности удерживало меня. Я не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь могъ подумать, что я дѣйствую въ этомъ случаѣ изъ какой-нибудь личной выгоды.

« Между-тѣмъ я твердо убѣжденъ, что вестдильсекское общество есть самое надежное и безопасное мѣсто для отдачи вашего капитала, и притомъ дастъ самыя высокіе проценты, какіе вы можете гдѣ-либо получить.

« Положеніе общества, какъ мнѣ извѣстно изъ *самыхъ лучшихъ источниковъ* (подчеркните), слѣдующее:

«Основной, обезпеченный капиталъ составляетъ пять милліоновъ фунтовъ старлинговъ.

Имена директоровъ вамъ извѣстны. Достаточно будетъ сказать вамъ только, что управляющій директоръ — Джонъ Броу, владелецъ фирмы «Броу и Говъ», членъ Парламента и человекъ извѣстный въ Лондонѣ не менѣе самого Ротшильда. Част, но и имущество его, я знаю навѣрное, доходитъ до полумилліона, а послѣдніе дивиденды, выплаченные акціонерамъ вольнаго вестдальскаго страховаго общества, составляли шесть съ одною осмью процентовъ въ годъ.

(Я знаю, что это былъ объявленный нами дивидендъ).

«Хотя акціи продаются теперь на биржѣ съ значительною надценою, однако же первымъ четыремъ конторщикамъ предоставлено право располагать извѣстнымъ числомъ ихъ, до пяти тысячъ фунтовъ каждому, по первоначальной цѣнѣ; и если вы пожелаете, милая тѣтушка, взять ихъ на двѣ тысячи фунтовъ, я надѣюсь, что вы позволите мнѣ предложить къ вашимъ услугамъ частіцу моихъ новыхъ правъ.

«Отвѣчайте мнѣ немедленно, милая тѣтушка, потому-то мнѣ уже предлагали продать всѣ мои акціи по биржевой цѣнѣ».

— Но у меня ихъ нѣтъ, сэръ, сказалъ я.

— Будутъ, сэръ. Я возьму акціи, но мнѣ нужно ваше посредство. Мнѣ нужно присоединить къ обществу столько лицъ честныхъ и съ вѣсомъ, сколько я лишь успѣю. Вы нужны мнѣ, потому-то я полюбилъ васъ; я не скрою даже отъ васъ, что знаю свои собственные виды, я вѣдь человекъ честный и говорю откровенно, что думаю, — зачѣмъ же стану я скрывать, на что вы нужны мнѣ? Видите ли, по положенію компаніи я не могу имѣть болѣе опредѣленнаго числа голосовъ; но если тѣтушка вѣдь возьметъ акціи, я надѣюсь, — вы видите, я говорю прямо, не скрываюсь, — я надѣюсь, что она будетъ подавать голосъ въ моемъ смыслѣ. Теперь понимаете ли меня? Цѣль моя, взять въ мои руки всю компанію; а если это мнѣ удастся, я сдѣлаю изъ нея величайшее торговое предпріятіе, когда-либо задуманное лондонскимъ купечествомъ.

Я подписалъ письмо и отдалъ его мистру Броу для отсылки.

На слѣдующій день я занялъ свое новое мѣсто у конторки третьяго конторщика, къ которой меня привелъ самъ мистръ

Броу, произнеся при этомъ случаѣ увѣдательную рѣчь ^{спросилъ} имъ товарищамъ, изъ которыхъ многіе были всѣмъ этимъ очень недовольны, и начали ворчать про свое старшинство на службѣ. Сказать однако же правду, въ отношеніи лѣтъ службы между нами не было большихъ различій. Компания существовала еще только четвертый годъ, и самый старшій изъ конторщиковъ не имѣлъ передо мною и шести мѣсяцевъ старшинства.

— Всѣмъ намъ на голову сядетъ, говорилъ завистливый Мак-вортеръ; у васъ вѣрно завелись деньги, или у кого-нибудь изъ вашихъ родныхъ? Ужъ не хочетъ ли кто изъ нихъ отдать свои деньги къ намъ?

Я не заблагоразсудилъ отвѣчать ему, но взялъ изъ его табакерки щепотку табаку; я всегда былъ съ нимъ привѣтливъ; сказать правду, и онъ былъ всегда со мною чрезвычайно вѣжливъ. Что касается до Густа, онъ съ этого дня сталъ считать меня какимъ-то высшимъ существомъ. Должно отдать справедливость въ этомъ случаѣ и прочимъ товарищамъ; всѣ они ни сколько на меня не дулись, обходились со мною съ прежнею привѣтливостью и говорили, что если бъ имъ дали выбрать самими, кого бы посадить имъ на голову, они выбрали бы меня, потому-что я никогда никому не дѣлалъ зла и всегда готовъ былъ служить имъ чѣмъ только могъ.

— Знаю, сказалъ мнѣ Абедего, какимъ-образомъ вы получили это мѣсто. Это я вамъ его доставилъ. Я сказалъ мистру Броу, что вы довольно близкій родственникъ Престону, лорду казначейства, что онъ посылаетъ вамъ въ подарокъ дичину и фрукты, и прочая, и прочая. Теперь вы можете быть увѣрены, что онъ ждетъ отъ васъ хорошей услуги съ той стороны.

Я думаю, мысль Абедего была не совсѣмъ безъ основанія, потому-что директоръ нашъ часто говорилъ мнѣ о моихъ родственникахъ, и твердилъ, что я долженъ стараться подвинуть интересы нашего учрежденія въ западномъ концѣ города, убѣдить какъ можно болѣе знатныхъ лицъ брать наши акціи или страховаться у насъ, и такъ далѣе. Напрасно я увѣрялъ его, что мистръ Престонъ мнѣ вовсе не родня и что я не имѣю на него ни какого вліянія. — Ба! отвѣчала Броу, не говорите этого. Развѣ станутъ вамъ такъ, безъ всякой причины, присылать въ подарокъ дичину? Я увѣренъ, что онъ считалъ меня преосторожнымъ, прехитрымъ

уже уже тому-что и не хвасталъ своею знатною роднею, и даже буди въ о скрывалъ отъ всѣхъ свою связь съ нею. Конечно онъ могъ бы узнать всю истину черезъ Густя, который жилъ со мною на одной квартирѣ; но Густя готовъ былъ побожиться, что я на самой короткой ногѣ со всею знатью, и хвасталъ мною вдесятеро болѣе меня-самого.

Товарищи иначе не называли меня, какъ западнымъ.

И все это, думалъ я, оттого, что тѣтушка Гоггарти подарила мнѣ брилліантовую булаву! какъ хорошо, что она не дала мнѣ денегъ, какъ я ожидалъ! Не дай она мнѣ булавки, или даже отнеси я ее только къ другому, а не къ министру Полониусу, леди Дромъ не замѣтила бы меня, а не замѣть меня леди Дромъ, и министр Броу не обратилъ бы на меня вниманія, и мнѣ и во снѣ не видать бы мѣста третьяго конторщика вестдальскаго общества!

Сердце мое забилось отъ всего этого, и я въ тотъ же вечеръ написалъ моею милою Мерн Смитъ о новомъ своемъ назначеніи, предупредилъ ее, что нѣкоторое событіе, котораго одинъ изъ насъ ждалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, можетъ сбыться раньше чѣмъ мы предполагали. И почему жъ бы нѣтъ? Мисъ Смитъ имѣла своихъ собственныхъ семьдесятъ фунтовъ въ годъ, а же получала полтора; а мы дали другъ другу слово обвѣчаться, какъ скоро у насъ будетъ вдвоемъ триста фунтовъ въ годъ. — Ахъ, думалъ я, если бъ мнѣ только можно было сѣздить теперь въ Сомерсетшайръ! я могъ бы снѣю идти къ дому старика Смита, — это былъ дѣдъ Мерн, отставной флота лейтенантъ, имѣвшій половинный окладъ пенсіона, — прямо вошелъ бы въ гостиную и тамъ бесѣдовалъ бы съ моею возлюбленною Мерн.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ тѣтушки очень любезный отвѣтъ на мое письмо. Она писала, что не рѣшилась еще, какинъ-образомъ ей пустить въ оборотъ свои три тысячи фунтовъ, но обвѣчала подумать о моемъ предложеніи, и просила повременить нѣсколько продажей моихъ акцій, пока она не дастъ мнѣ рѣшительнаго отвѣта.

Какъ же, думаете вы, поступилъ въ этихъ обстоятельствахъ министр Броу? Я узналъ это уже гораздо поздиѣе, въ 1830 году, когда ни о немъ, ни о вестдальскаго обществѣ уже и въ поминѣ не было.

— Кто занимается стрижествомъ въ Словертонъ? спросилъ онъ меня небрежно, будто такъ, мимоходомъ.

— Мистръ Рокъ изъ торіевъ, оказалъ я, и мистръ Годжъ и Синтерсъ изъ виговъ.

Я хорошо зналъ этихъ господъ, и даже, до прибытія Мери Смитъ въ наши стороны, имѣлъ нѣкоторую слабость къ мисъ Годжъ и ея кружнымъ золотымъ кудрямъ, но пріѣхавъ Мери, и совершенно выгѣснила ее изъ моего сердца.

— А вы къ какой партіи принадлежите?

— Мы, сэръ,—къ вигамъ.

Мнѣ отчасти совѣстно было сказать это, потому-что я зналъ, что мистръ Броу былъ отчаянный торі; но Годжъ и Синтерсъ очень почтенные люди и съ большимъ умомъ въ своемъ сословіи. Я даже привезъ отъ нихъ панетъ Гиксону, Диксону, Паксону и Джаксону, нашимъ стражамъ и ихъ лондонскимъ пореснодентамъ.

Мистръ Броу сказалъ только: — Неужели! — и не говорилъ болѣе ни слова объ этомъ предметѣ, а сталъ расхваливать мою бриллантовую булавку.

— Титшарпъ, любезный другъ, сказалъ онъ, у меня въ Фулгемъ есть молодая дѣвица, на которую, уверю васъ, стоитъ взглянуть, и которая такъ много слышалась объ васъ отъ своего отца, — гдѣ я люблю васъ, и не скрываю этого, — что она съ нетерпѣніемъ желаетъ васъ видѣть. Какъ вы думаете, чтобы вамъ пріѣхать недѣлку погостить у насъ? Работу вамъ между-тѣмъ справить за васъ Абеднего.

— О, сэръ, вы слишкомъ милостивы, сказалъ я.

— И такъ, по рукамъ; ты пріѣдешь къ намъ погостить; у меня есть на погребѣ свѣтлое вино, которое тебѣ понравится.... Но послушайте, другъ мой, вы не совсѣмъ прилично одѣты, не мѣшало бы вамъ принарядиться.... понимаете?

— У меня дома синий фракъ съ свѣтлыми пуговицами, сэръ!

— Ужъ не тотъ ли, что былъ на васъ на балу у мистрисъ Броу, съ тальей на лопаткахъ? — Талья моего фрака дѣйствительно была коротковата, потому-что онъ былъ шитъ въ деревнѣ и притомъ за два года. — Нѣтъ, онъ не годится. Вамъ надо вестись новымъ платкомъ, сэръ, — двумя шаржи платя.

— Сэръ, сказалъ я, я долженъ сказать вамъ правду, у меня и

тамъ уже остается немого денегъ на эту время, и я не скоро буду въ состояніи шить себѣ новое платье.

— Ба! объ этомъ не беспокойтесь. Вотъ вамъ десять фунтовъ. Или пить, лучше будетъ такъ. Ступайте къ моему портному. Я васъ завезу къ нему и, пожалуйста, не заботьтесь о динѣ счета.

И онъ въ самомъ дѣлѣ завезъ меня въ своей каретѣ, запряженной четвернею лихихъ лошадей, къ геру сонъ Штильцу, въ Клеордской улицѣ, который спялъ съ меня мѣрку и прислалъ мнѣ на квартиру двѣ пары платья, какихъ я еще отъ роду не видалъ; фракъ и скюртку самого тонкаго сукна, два жилета, одинъ бархатный, другой шелковый, и три пары панталонъ; все шитое по послѣдней модѣ. Броу велѣлъ мнѣ купить сапоги, башмаки и шелковые чулки для вечеровъ. Такимъ-образомъ, когда я собрался ѣхать въ Фульгенъ, я смотрѣлъ не хуже любого лордскаго сына, и Густя божился, что мнѣ только и водаться съ важными людьми.

Въ то же время письмо слѣдующаго содержанія было отправлено въ Слоспертонъ, господамъ Годжу и Смитерсу:

«Лондонъ. Июль, 1822 года.

«Милостивые государи,

(Тутъ слѣдовали извѣстія, относившіяся къ частнымъ дѣламъ, именно, къ тяжбамъ Диксона съ Гагерстони, Снодграса съ Рубиджемъ и другихъ, и которыхъ я поэтому не имѣю права открывать, а перехожу прямо къ концу письма.)

«Равно препровождаемъ вамъ при семъ еще нѣсколько программъ вольнаго вестидильскаго общества страхованія отъ огня и пожизненнаго страхованія, при которомъ мы имѣемъ честь состоять стрипични въ Лондонѣ. Мы писали вамъ въ прошломъ году, предлагая принять на себя слоспертовское и сомерсетское агентства онаго общества, и до этого часу ждемъ отъ васъ извѣщенія о числѣ проданныхъ вами акцій и принятыхъ застрахованій.

«Капиталъ общества, какъ вамъ извѣстно, составляетъ пять миліоновъ (5,000,000) фунтовъ стерлинговъ, и блестящее положеніе онаго позволяетъ ему возвысить комиссію своимъ агентамъ изъ адвокатскаго сословія. Мы съ удовольствіемъ представимъ вамъ по шести процентовъ съ каждой акціи цѣною до тысячи фунтовъ стерлинговъ, и по шести съ половиною процен-

товъ съ акціи выше тысячи фунтовъ, каковыя вамъ будутъ выплачены немедленно по взятіи вами акцій.

Имѣю честь быть за себя и товарищей,

Милостивые государи,

Вашимъ покорѣйшимъ слугою

Самуилъ Драксонъ.

Это письмо, какъ я уже говорилъ, попало мнѣ въ руки много лѣтъ спустя. Я ничего не зналъ о немъ въ 1822 году, въ то время какъ я наряжался въ новое, фонъ штальцевское платье, чтобы взать погостить недѣлю въ Фульгемъ, на дачѣ министра Джона Броу.

=

ВЕЛАСКЕСЬ и МУРИЛЬО.

=

I.

Это было въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мадрита.

Солнце склонялось за группы пурпуровыхъ облаковъ, словно шаръ, переброшенный нечеловѣческой рукою съ одного конца горизонта на другой. Въ этотъ торжественный и вмѣстѣ грустный часъ, три человѣка стояли на высотѣ, господствующей надъ всѣмъ пространствомъ одного изъ тѣхъ мѣстоположеній, которыя такъ нравились мрачному воображенію Сальватора-Розы, и надъ огнедышащей долиной, окаймленной съ обѣихъ сторонъ высокими утесами, позлащенными солнцемъ и изрѣдка устѣянными деревьями, которыхъ изсохшіе корни сжимались отъ зноя тропическаго солнца, какъ отъ пламени очага. Въ концѣ этой печальной дороги видѣлся древній замокъ, висѣвшій надъ пропастью; острокопечная кровля его сливалась съ позлащенными вершинами окружающихъ его утесовъ.

Мы упоминали о присутствіи трехъ человѣкъ въ этой дикой долині; по одеждѣ ихъ, съ перваго взгляда можно было узнать

семью Цыганъ, чудно дополнявшихъ мрачное и грозное величїе этой картины. То были: старуха, покрытая доскутомъ красной изодранной матерїи, которою она драпировалась съ испанской величавостью; молодой человекъ лѣтъ двадцати, съ босыми ногами, съ черными волосами, съ огненнымъ и неукротимымъ взоромъ, и двѣнадцати лѣтняя дѣвочка, лежавшая на землѣ и одѣтая еще хуже брата и матери. Всѣ они походили другъ на друга худобою, глазами, черными и сверкающими какъ у дикихъ звѣрей, цвѣтомъ лица, смуглымъ и поблекшимъ, отъ привычки скитаться по большимъ дорогамъ во время солнечнаго зноя.

Молодой человекъ, подъ хилою наружностью котораго скрывалась сила и гибкость тигра, держалъ въ правой рукѣ дубинку, и время отъ времени почесывалъ себѣ затылокъ. Старуха, стоявшая лицомъ къ противоположной сторонѣ отъ замка, внимательно смотрѣла вдаль, какъ-будто ожидая появленія предмета, нетерпѣливо желаннаго. Полунагая дѣвочка смотрѣла на брата съ неизъяснимымъ равнодушіемъ.

По временамъ эти странныя лица переглядывались, но не произносили ни одного слова. Впрочемъ они и не подозрѣвали, что въ десяти шагахъ, на нихъ устремлены были два глаза, которые съ любопытствомъ изучали ихъ одежду, движенія, выраженье лицъ, съ усніемъ, но напрасно стараясь проникнуть значеніе взглядовъ, посредствомъ которыхъ они сообщали другъ другу свои мысли.

Этотъ нескромный свидѣтель былъ молодой человекъ двадцатитрехъ или четырехъ лѣтъ, средняго роста; черты лица его, хотя не прекрасныя, но замѣчательныя однако открытымъ и умнымъ видомъ, внушали сочувствіе. Одежду свою, далеко не роскошную, носилъ онъ съ такою же беззаботностью и достоинствомъ, какъ-будто она была шелковая или бархатная. Скрывалась за гранатовымъ деревомъ, изъ-за котораго могъ смотрѣть на Цыганъ, не будучи самъ видимъ, онъ передавалъ бумагѣ лица ихъ и обстановку съ быстротою, доказывавшею большой навыкъ и необыкновенную легкость работы.

Окончивъ рисунокъ, онъ хотѣлъ встать и подойти къ своимъ моделямъ, какъ вдругъ старуха повернулась къ сыну и толкнувъ отъ нетерпѣнья ногою, сказала хриплымъ голосомъ:

— Она не ѣдетъ!

— Приѣдетъ, спокойно отвѣтилъ молодой человекъ.

— Точно ли ты уверою, что она вышла изъ дома своего отца?

— И пошла въ эту сторону. Я ее встрѣтилъ на дорогѣ; и побѣдилъ за тобою въ таборѣ.

— И ты говоришь, что она одна?

— Да, одна.

— Что у ней на рукахъ и въ ушахъ, блестящіе камни, за которые Жиды платятъ намъ такъ дорого?

— На ней ихъ больше чѣмъ на пятьсотъ червонцевъ.

— На пятьсотъ червонцевъ! проворчала старуха. Потомъ прибавила послѣ некотораго молчанія:

— Солнце уже заходитъ.... что если она не придетъ?

— Я вижу, вѣкъ тамъ, красное перо развѣвается вѣтромъ, сказала дѣвочка, по прежнему безстрастная.

Цыганъ взглянулъ по направленію, указанному сестрою.

Молодой жилицецъ поспѣдовалъ взоромъ въ ту же сторону и, сколько позволяло разстояніе, рассмотрѣлъ скачущую на лошади женщину, на которой красное перо дѣйствительно волновалось при солнечныхъ лучахъ.

— Это она! закричалъ Цыганъ.

— Такъ къ дѣлу, нечего терять времени! закричала старуха. Поди скорѣй лягъ у гранатоваго дерева и притворись спящимъ, а мы съ Полептой подождемъ здѣсь; я остановлю ее на дорогѣ и предложу погадать. У какой дѣвушки въ эти года не вертятся въ головѣ любовныя мечты? Она согласится.... Ты увидишь, продолжала она, обращаясь въ особенности къ Бешпо, я ужъ сдѣлаю такъ, что она будетъ стоять къ тебѣ спиною, а когда успѣю занять совершенно ея вниманіе, тогда....

— Тогда, прервалъ Бешпо, — мое дѣло ограбить ее до чиста и потомъ бѣжать....

И онъ подошелъ къ гранатовому дереву и легъ на землю, какъ ему сказала Цыганка.

Укрываясь за деревомъ, художникъ все слышалъ.... Онъ побѣдилъ отъ волненія, протянулъ руку къ своей палкѣ, окованной желѣзомъ и въ молчаніи ждалъ, едва осмѣливаясь дышать.

Минутъ черезъ десять, чудесный черный конь, котораго гибкая шея, вѣжвая голова, тонкія и крѣпкія ноги, явно показывали арабское происхожденіе, вдругъ остановился въ двухъ шагахъ отъ старой Цыганки. Было мгновеніе, когда она думала, что будетъ раздавлена подъ ногами лошади, скакавшей во весь опоръ.

Нужно было искусство и смѣлость, казалось, невозможныя для женщины, чтобы остановить коня. А тутъ была даже не женщина, а дѣвушка, едва ли лѣтъ осемнадцать; но большіе глаза ея, полные огня, увеличеннаго еще сознаніемъ опасности, которой добровольно подвергалась, скакавши во весь опоръ по такимъ опаснымъ мѣстамъ, яркая краска отъ быстрой ѣзды разлившаяся по ея прекрасному, смуглому лицу, гибкость и упругость членовъ и стана дивно стройнаго, все обличало въ ней одно изъ тѣхъ существъ, которыхъ пламенное сердце и неустрашная душа любить подвергаться опасностямъ, устрашающимъ воображеніе.

— Сенора, сказала ей старуха знаменительнымъ голосомъ: зачѣмъ искушать судьбу? Вы молоды, прекрасны и богаты. Быть-можетъ, блистательная будущность предназначена вамъ, а остунись ваша лошадь, и васъ нашли бы разбитою.

— Ахъ! отвѣчала молодая дѣвушка съ удивительною довѣрчивостію, я могу справиться съ лошадью, ты сейчасъ это видишь, да и Заморъ летаетъ какъ птица по этимъ утесамъ, гдѣ всякая другая лошадь едва могла бы устоять на ногахъ.

— Да, сказала старуха съ насмѣшливою улыбкою, вотъ такъ-то разсуждаютъ въ двадцать лѣтъ, между-тѣмъ какъ жизнь вамъ кажется такъ обольстительною и нескончаемою, какъ эта свѣтлая полоса, которую солнце мимолетно бросаетъ на наши поля, а смерть быть можетъ уже очень близко, подстерегаетъ, прикасается къ вамъ.... Вы гордитесь своею молодостію сенора, гордитесь силою и красотою, которыми надѣлилъ васъ Господь, а кто знаетъ? какъ я ни стара и несчастна, можетъ-быть переживу еще васъ.

— Ну, добрая женщина, сказала молодая дѣвушка, бросая старухѣ мелкую монету, которой, конечно, не заслуживало подобное предсказаніе, — это тайна будущаго.

И она ударила хлыстикомъ по воздуху: Заморъ вздрогнулъ и поднялъ уши.

— Да это тайна будущаго, сенора, возразила старуха, между-тѣмъ какъ дочь ея подымала деньги; но эту тайну вы носите съ собою, она запечатлѣна на вашей рукѣ, и если бы вамъ только угодно было сойти съ лошади и дать мнѣ на минутку свою руку, я берусь разгадать ее.

Суевѣрная какъ всѣ Испанки, молодая дѣвушка, послѣ минутной нерѣшимости, прыгнула съ лошади и подошла къ Цыганкѣ.

— Полетта, сказала старуха дѣвочкѣ, поди, сядь подлѣ брата да не разбуди его.

Дитя повсходило. Тогда старуха сѣла на камень какъ разъ противъ Бенпо и взявъ въ свою желѣзную и морщиноватую руку нѣжную ручку молодой дѣвушки, стоявшей передъ нею, начала разсматривать линіи съ величайшимъ вниманіемъ.

Видя, что молодая Испанка наблюдаетъ по выраженію лица Цыганки впечатлѣніе, которое производило на нее разсматриваніе линій, Полетта сдѣлала непримѣтный знакъ Бенпо, а тотъ тихо приподнял голову и оборотилъ ее въ ту сторону, гдѣ была мать его.

— Ты молчишь, сказала молодая дѣвушка Цыганкѣ, развѣ боишься предсказать опредѣленную мнѣ участь?

— Нѣтъ, сенора, отвѣчала старуха, напротивъ, я нахожу только линіи счастья. Посмотрите на эту... какъ она пряма и глубока, это вѣрный признакъ счастливой жизни, едва пересѣкаемой небольшими неприятностями; и бросивъ быстрый и выразительный взглядъ въ ту сторону, гдѣ былъ Бенпо, медленно приподнявшійся съ дубинкой въ рукѣ, продолжала:

— И главное, сенора, я могу завѣрить, что для васъ, не такъ какъ для другихъ дѣвушекъ, не будетъ препятствій въ любви. Хотя сперва цѣлая пропасть будетъ раздѣлять васъ отъ того, кого вы полюбите, однако вы все-таки будете его женою, и онъ принесетъ вамъ въ удѣлъ счастье и славу.

Молодая дѣвушка задумалась.

— Не обманываешь ли ты меня? сказала она Цыганкѣ.

— Какая прибыль мнѣ скрывать отъ васъ правду?

— Но увѣрена ли ты сама, что твое знаніе не ложно?

Бенпо былъ уже на ногахъ и готовый броситься. Старуха еще разъ устремила на него взоръ, свирѣпое выраженіе котораго приказывало ему немедленно болѣе....

— Клянусь моимъ счастьемъ, сказала она наконецъ молодой дѣвушкѣ, слушавшей ее съ простодушнымъ вниманіемъ, это такъ же ясно, какъ то, что глаза мои видятъ эти драгоценности, украшающія ваши пальцы и уши.

Бенпо повялъ взглядъ своей матери и какъ тигръ бросился на дѣвушку.... Но въ ту же минуту съ страшнымъ крикомъ рухнулъ на землю.

Палка художника положила его на землю.

II.

Когда старая Цыганка увидѣла сына распротертымъ на зенгѣ, съ сжатыми руками, съ искаженнымъ и поспѣвшимъ лицомъ, она заревѣла какъ дикій звѣрь, бросила на художника свирѣпый взоръ, и подбѣжала къ Беццо, чтобы вырвать у него дубинку, который онъ все еще держалъ въ правой рукѣ. Но легче было бы сломать стальную пружину. Тогда, убѣдившись, что надо отказаться отъ этого средства къ мщевію, она погрозила молодому художнику съ выраженіемъ страшной мести и удалилась скорыми шагами; за нею послѣдовала дочь, лицо которой внезапно приняло видъ страха и оцѣпенѣнія.

Такое сильное потрясеніе какъ громомъ поразило молодую сенору, которая смотрѣла на эту сцену, ничего не понимая. Она видѣла ясно только то, что Цыганъ, теперь распротертый безъ всякаго признаку жизни, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ минуту назадъ она видѣла его спящимъ, былъ почти убитъ рукою молодого человека, который стоялъ предъ нимъ съ палкой, окованной желѣзомъ. И какъ же она была поражена, когда увидѣла, что тотъ, котораго она должна была считать бандитомъ, подходилъ къ ней. Блѣдная и дрожащая, она хотѣла вспрыгнуть на свою лошадь, но силы ей измѣнили, она не могла сдѣлать движенія, чтобы избѣгнуть удара, угрожавшаго ей.

Ея ужасъ былъ такъ краснорѣчивъ, что художникъ понаглѣе ошибку и поспѣшилъ успокоить ее.

— Сенора, сказалъ онъ, по выраженію вашего лица я угадываю волнующую васъ мысль; но, благодареніе Богу, ваши опасенія не имѣютъ никакого основанія. Правда, сейчасъ ваша жизнь была въ опасности, но Провидѣніе чудесно спасло васъ быть можетъ отъ вѣрной смерти.

Молодая дѣвушка посмотрѣла на него съ нерѣшительнымъ видомъ и, казалось, нисколько не успокоилась.

— Если вамъ нужно доказательство моихъ словъ, сенора, вотъ рисунокъ, который вамъ доказываетъ, что мое настоящее призваніе состоитъ не въ томъ, чтобы убивать людей.

Онъ подалъ ей картонъ, на которомъ только-что нарисовалъ трехъ Цыганъ.

— Теперь, прибавилъ онъ, взгляните на этого человека и скажите, спать ли обыкновенно съ ножомъ въ руцѣ?

Замѣчаніе живописца, въ общности же его отырыгая, исполнила ума «визіонерія» и сравненіе съ жестокими и дикими чертами Цыгана, вдругъ раскрасилъ ужасъ прекрасной сеноры; съ живостью благодарила она своего спасителя и просила рассказать по какому предопредѣленію неба онъ явился тутъ именно для того, чтобы спасти ее отъ этой опасности.

Тогда художникъ разсказалъ ей, какъ заслупъ подъ тѣнью граватового дерева, куда по промыслу Божию пришелъ лечь Бенне, онъ увидѣлъ при своемъ пробужденіи семейство Цыганъ, неподдѣривавшихъ его присутствія, какъ они вслухъ составляли планъ, жертвою котораго она должна была едѣваться, въгѣдствіе чего онъ принялъ свои предосторожности, благоразумно выжидая удобную минуту для дѣйствія, и какъ наконецъ положеніе, которое онъ занималъ и совершенная безопасность Цыганъ, дали ему возможность спасти ее, не вступая въ борьбу, слѣдствія которой были сомнительны.

— Дѣйствительно, воскликнула тогда молодая дѣвушка, испугавшая опасностью, которой подвергалась; безъ насъ, сеноръ, безъ нашего мужества, я лежала бы теперь тутъ неподвижная и бездыханная какъ этотъ презрѣнный Цыганъ.

— Можетъ-быть эта участь и омидаетъ насъ, сенора, если бы не воспѣвшихъ сейчасъ же удалиться. Вы должны были зайти, съ нами въ видѣе оставила насъ старая колдунья; повѣрите, здѣсь стоитъ какой-нибудь таборъ этихъ презрѣнныхъ тварей; она пошла извѣстить о гибели своего сына, и скоро, въ надеждѣ отмстить за него, они прибѣгутъ сюда.

— Тамъ пойдете же, сказала молодая дѣвушка, вотъ тамъ замокъ моего отца, дон Рамоа де-Пастрана. Мы прійдемъ туда черезъ нѣсколько минутъ.

Она бросилась на лошадь, и они отправляясь; художникъ пошелъ подлѣ Загора.

Черезъ четверть часа они прійехали въ замокъ.

Когда донъ Рамоа узналъ о приключеніи, которое должно было кончатся такъ трагически для его возлюбленной дочери, онъ ощущалъ молодого художника выраженіями благодарности и требовалъ, чтобы онъ провелъ нѣсколько дней въ замкѣ. Потомъ желалъ узнать имя того, кому обязана жизнью своей дочери.

— Меня зовутъ Эстебанъ Мурнало, отвѣчалъ художникъ, я

живописецъ, и отправляюсь въ Италію для изученія образцовыхъ произведеній великихъ художниковъ.

Донъ Рамоуъ восхищался эскизомъ Цыганъ и предложилъ за него непоштрную цѣну. Но Мурильо, отгадавшій въ этомъ предложеніи намѣреніе заставить его принять вознагражденіе, учтиво отказался, и такъ не отступивъ просилъ молодую дѣвушку принять его рисунокъ, что невозможно было отказать ему.

Мурильо прожилъ три дня въ замкѣ донъ-Рамоуа де-Пастрана.

Три дня прошли въ томъ, что онъ ѣздилъ съ Долоресъ осматривать окружныя виды. Красота молодой дѣвушки съ перваго взгляда произвела живое впечатлѣніе на его душу; когда же въ дружескихъ разговорахъ онъ могъ узнать все великодушіе ея сердца, всѣ прелести ума, онъ почувствовалъ, что это впечатлѣніе быстро усиливается, и скоро понялъ, что истинная страсть овладѣла имъ. Непроходимая пропасть раздѣляла его отъ Долоресъ, и къ тому же это прекрасное дитя, казалось, и не подозрѣвало чувства, пожиравшаго его сердце. Надобно было немедля разстаться съ нею.

Уже солнце давно закатилось, когда Мурильо, противясь убѣдительношшимъ просьбамъ своихъ благородныхъ хозяевъ, удалился изъ древняго жилища донъ Рамоуа. Долоресъ хотѣла проводить его до конца аллея, ведущей къ замку. Глубокое чувство признательности, одушевлявшее ее, дѣлало это желаніе вовсе не страннымъ, какъ оно показалось бы во всякомъ другомъ случаѣ. Такимъ-образомъ они отправились вмѣстѣ при лунномъ сіяніи, сопровождаемые въ нѣкоторомъ разстояніи двумя или тремя слушателями.

На лицѣ Мурильо выражалась глубокая печаль. Онъ шелъ медленно, глаза его, устремленные вдаль, нѣрѣдко обращались украдкою на его подругу, когда думалъ, что этого не замѣчаютъ, и потомъ снова устремлялись на небо съ неизъяснимымъ выраженіемъ горести и отчаянія.

— Чтѣ съ вами сдѣлалось сегодня, сеноръ Мурильо? спросила у него Долоресъ своимъ веселымъ голоскомъ. Знаете ли, можно подумать, что вы разстанетесь со мной не другомъ, а врагомъ, судя потому, какъ вы безмолвны и мрачны — точно инквизиторъ; и однако я употребляла всѣ старанія, чтобы достойно исполнить долгъ гостепріимства; ужели я такъ несчастлива, сеноръ, что противъ воли оскорбила васъ?

— Сенора, отвѣчалъ Мурильо послѣ минутнаго молчанія, если

бы вы не были богаты и знатны, а родились бы какъ я, въ неизвестномъ и бѣдномъ состояніи, тогда я могъ бы признаться вамъ въ своей печали.... но....

— Но что же? спросила Долоресъ, съ такою трогательною кротостью, что художникъ затрепеталъ....

— Нѣтъ, сенора, отвѣчалъ онъ послѣ минутной нерѣшимости, я не скажу вамъ тайну моей печали, вы ни чѣмъ не можете помочь ей, по разстоянію, въ которомъ поставила насъ судьба. Прощайте, сенора, прощайте.... мы уже далеко отъ замка и дорога становится дурна.... не ходите далѣе, прошу васъ.

— Вы хотите этого, сеноръ, отвѣчала Долоресъ томнымъ голосомъ.... такъ прощайте.

Она подала ему свою руку.

Мурильо съ жаромъ схватилъ ее, прижалъ къ устамъ и оставался такъ нѣсколько минутъ, не имѣя силъ открыться.

Было мгновеніе, когда ему показалось, что эта рука тихо жмется его руку.... онъ съ живостью поднялъ глаза на Долоресъ.... Но лицо молодой дѣвушки оставалось по обыкновенію спокойнымъ, только она была блѣдна, и глаза ея, устремленные къ небу, выражали томность и уныніе, что молодой живописецъ приписалъ утомленію.

Стыдась безумной надежды, промелькнувшей въ душѣ его, онъ вдругъ выпустилъ руку Долоресъ, и еще разъ печально произнесъ слово прощанія, и быстрыми шагами удалился.

Долоресъ долго стояла неподвижно на томъ же мѣстѣ; когда же художникъ совершенно исчезъ изъ глазъ ея, она съела на утѣсъ, склонила на руки голову и залилась слезами.

III.

Было около шести часовъ, когда сеноръ донь Діего Веласкесъ де-Сильва намѣревался оставить свою мастерскую, чтобы отправиться во дворецъ испанскаго короля, куда имѣлъ обыкновеніе ежедневно являться съ изъясненіемъ преданности своему высокому покровителю, его величеству Филиппу-Четвертому, какъ вдругъ слуга его доложилъ о приходѣ Мурильо.

— Пусть войдетъ, сказалъ Веласкесъ, и лицо его внезапно

просило удовольствіемъ, которое ему доставляло поощреніе молодого художника.

Мурильо вошелъ и съ жаромъ спѣшилъ помазать руку, протянутую ему Веласкесомъ.

— Вы идете, сеноръ, сказалъ онъ, взглянувъ на его одежду, отличающуюся богатствомъ и изяществомъ.

Да, я ѣду во дворецъ, отвѣчалъ Веласкесъ. Король любитъ видеть меня между придворными, и если случится, что меня такъ нѣтъ, онъ это замѣчаетъ и дѣлаетъ мнѣ выговоръ.

— Ахъ! чудна ваша жизнь, съ восторгомъ воскликнулъ Мурильо. Вы любимецъ могущественнаго короля и стоите наравнѣ со всѣми знатнѣйшими вельможами, но многіе испанскіе грады могутъ сравниться съ вашимъ образомъ жизни; наконецъ вашъ дивный талантъ ставитъ васъ выше всѣхъ современныхъ живописцевъ, вы имѣете подражателей, но ни одного соперника.... Есть ли на свѣтѣ участь завиднѣе вашей?

Веласкесъ съ кротостью улыбнулся.

Да, любезный Мурильо, сказалъ онъ, есть участь, которую я предпочелъ бы моей, это — ваша.

— Вы смѣтаетесь, сеноръ, сказалъ Мурильо съ чувствомъ оскорбленной гордости.

— Я говорю совсѣмъ не шута. И какъ же иначе, другъ мой! Вамъ двадцать-пять лѣтъ, а мнѣ уже сорокъ; потому замѣтите, что въ началѣ поприща, на которомъ вы уже доказываете самыя необыкновенныя способности, ваше воображеніе можетъ обо всѣмъ мечтать, всего домогаться, тогда какъ я достигъ уже послѣдняго предѣла, за который не могу переступить. Вы можете всего ждать отъ будущаго; я же напротивъ: потому-что, если у меня теперь нѣтъ соперниковъ, завтра же можетъ явиться человекъ, котораго гевій затмитъ меня.... И тогда я не буду уже первымъ живописцемъ Испаніи, а признаюсь вамъ, Мурильо, отказаться отъ мѣста, которое я приобрѣлъ цѣною столькихъ усилій, согласиться, чтобы слава другаго набросила тѣнь на мою славу, о! это было бы выше моихъ силъ! Это богатство, породившее столько завистниковъ, эту роскошь и почести, окружающія меня, отличія, которыми я почтенъ, все это я могу потерять безъ большаго огорченія.... Но сойти на одну ступень ниже съ блестящей лѣстницы, на которую взобрался я съ такимъ трудомъ, слышать, что въ области искусства что-нибудь мнѣ гремитъ звучнѣе не-

ни Веласкеса — повторяю вамъ, Мурильо, — это будетъ ударомъ, противъ котораго у меня не станетъ ни силы, ни энергiи.

— Я понимаю это, сеноръ. Но вамъ нечего бояться этого несчастiя.

— По-крайней-мѣрѣ я хочу такъ думать. Ктому же, любезный Мурильо, я долженъ вамъ сознаться, что другая мысль теперь занимаетъ меня. Вы не знаете, что въ мои годы я сдѣлалъ непростительную глупость, — я влюбился.

— Почему же не такъ, сеноръ! Вы еще довольно молоды, чтобы думать о супружествѣ, и какое бы ни было званiе и состоянiе той, которую вы хотите избрать своей подругой, не будетъ ли для нея всегда много чести носить славное имя Веласкеса?

— Это молодая дѣвушка, прекрасная выше всякаго сравненiя. Она безъ труда согласилась отдать мнѣ свою руку.... И однако, вотъ уже нѣсколько дней, мнѣ кажется, что мои сорокъ лѣтъ внушаютъ ей болѣе уваженiя нежели любви. Ахъ! чего бы я не далъ, чтобы имѣть ваши двадцать-пять лѣтъ, Мурильо!

— Двадцать-пять лѣтъ, соединенные съ незвѣстностью, отвѣчалъ Мурильо, не важное преимущество. И я встрѣтилъ молодую дѣвушку, прекрасную какъ ангель, и полюбилъ ее; но съ моей стороны это безумiе; она не только прекрасна, но качества и знатность ея равняются красотѣ; вотъ почему только я нашелъ смѣлу не выказать передъ нею чувства, которое, можетъ быть, внушило бы ей одно состраданiе и ничего болѣе.

— Видитесь вы иногда съ нею?

— Никогда.... не думаю даже, чтобы она постоянно жила въ Мадридѣ.

— Тѣмъ лучше, что вы не имѣете никакой надежды, скорѣе забудете.

— Я никогда не забуду ее, сеноръ.

— Повѣрьте мнѣ, любезный Мурильо, въ ваши годы нѣтъ неисклнмыхъ печалей. Предайтесь труду съ жаромъ, со страстью. Изощрять умъ, вотъ лучшее средство лечить сердечныя раны.

— И по милости вашей, сеноръ, я могу трудиться съ успѣхомъ. Я хотѣлъ уже оставить Испанiю, хотѣлъ пѣшкомъ обойти всю Италию, для изученiя высокихъ произведенiй, которыя навсегда останутся образцомъ и отчаянiемъ художниковъ всѣхъ временъ, когда, благодаря вашему высокому покровительству, предоставлено мнѣ пользоваться всѣмъ, чѣмъ обладаетъ Мадридъ изъ всѣхъ произведенiй великихъ италинскихъ художниковъ. Я

могу изучать ихъ, не оставляя своего отечества. Да, я послѣдую вашему совѣту, сеноръ, буду трудиться съ усердіемъ, и можетъ быть современемъ, воспоминавіе объ этой любви изгладится изъ моего сердца.

— По чести, сказалъ Веласкесъ, я нахожу, что случай благоприятствуетъ такой благородной рѣшимости; надобно только съ пользою употребить его. Вы знаете, что конкурсъ открытъ, награды и слава ожидаютъ того, кто получитъ премію.... Почему вамъ не принять участія въ этомъ состязаніи? Вамъ остается еще двѣ недѣли, этого очень достаточно; притомъ и то уже великое преимущество, что въ продолженіе этого времени вы будете подвліяніемъ важнаго занятія, которое не допуститъ сердечной горести овладѣть вами.

— Я думалъ уже объ этомъ, отвѣчалъ Мурильо, но еще не рѣшился, потому-что признаюсь вамъ, роль избѣженнаго сильно меня унижить.

— Рисовали ли вы когда-нибудь портреты?

— Да, сеноръ. И теперь еще оканчиваю одинъ, которому придаю, какъ мнѣ кажется, довольно счастливое выраженіе.

Веласкесъ замѣтилъ, что Мурильо покраснѣлъ, произнося послѣднія слова.

— Берегитесь, сказалъ онъ, улыбаясь, глаза любовника могутъ въ этомъ случаѣ ошибаться.

— Потому-то, отвѣчалъ Мурильо, притворяясь, что не понимаетъ намека, потому-то я и намѣренъ показать вамъ мою картину прежде нежели представлю ее въ конкурсъ. Но послушайте, умоляю васъ только объ одномъ, умоляю васъ дать мнѣ общаніе....

— Какое?

— Общаніе, безъ сожалѣнія уничтожить трудъ мой, если найдете его посредственнымъ.

— Уничтожить! воскликнулъ Веласкесъ.

— Безъ всякаго сожалѣнія.... и такъ, чтобы ничего не осталось отъ него. Общайте же, сеноръ Веласкесъ.

— Если вы этого желаете. любезный Мурильо, общаю честнымъ словомъ. Если же, напротивъ, я найду ее, какъ надѣюсь, достойнымъ произведеніемъ вашего таланта, то самъ отошлю въ конкурсную залу.

— Рѣшено. Нынѣшній же вечеръ картина моя будетъ въ вашей мастерской.... Съ этой минуты участь ея въ вашихъ ру-

кахъ. Но я васъ задерживаю, вамъ слѣдовало бы уже быть во дворцѣ. Прощайте, сеноръ Веласкесъ.

— До свиданія, любезный Мурильо.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ этого разговора, Мурильо отослалъ свою картину въ мастерскую Веласкеса. Чудный вечеръ, теплый и благоуханный воздухъ располагали душу къ мечтательности. Молодой человѣкъ направилъ шаги свои къ Plaza-del-Sol.

Тамъ была ужасная толпа. Это обычное мѣсто прогулки знатныхъ вельможъ и богатыхъ гражданъ; шляпы съ перьями и мантіи встрѣчались на каждомъ шагу. Мурильо, погруженный въ свои мысли, незамѣчалъ этой толпы. Пройдя площадь, онъ уже хотѣлъ повернуть въ темную уединенную аллею, какъ вдругъ мимо его прошелъ мужчина съ женщиною, при видѣ которыхъ онъ вскрикнулъ и не могъ сдѣлать ни шагу далѣе.

Мужчина былъ Веласкесъ, женщина — сенора Долоресъ де-Пастрана, опиравшаяся на руку великаго художника. Донъ Рамонъ шелъ сзади, разговаривая съ какимъ-то старикомъ.

— И такъ, думалъ Мурильо, это она, это Долоресъ будетъ женою Веласкеса! О горе! горе мнѣ! вся надежда исчезла, я долженъ бѣжать.... я не могу оставаться болѣе ни одного дня въ Мадридѣ.

Онъ удался, блѣдный, взволнованный, терзаемый жестокимъ отчаяніемъ, безъ всякаго сознанія куда идти.

— Между-тѣмъ Веласкесъ въ восторгѣ прижималъ руку, тихо опирающуюся на него; съ гордостью проходилъ онъ эту толпу благородныхъ вельможъ и нарядныхъ сеноръ, непрерывно отвѣчая на улыбки и привѣтствія, отрадно упиваясь почестями, которыми осыпала его на каждомъ шагу, какъ великаго художника и королевскаго любимца. Скоро прошелъ для него вечеръ. Наконецъ Долоресъ и донъ Рамонъ удалились.

Было около одиннадцати часовъ, когда Веласкесъ возвратился домой. Узнавъ отъ служителя, что картина Мурильо находится въ его мастерской, онъ тотчасъ же пошелъ туда, нетерпѣливо желая оцѣнить достоинство этого произведенія, потому-что, какъ уже можно было видѣть, онъ принималъ живое участіе въ молодомъ художникѣ.

Картина Мурильо стояла посреди мастерской, заставленной картинами Веласкеса. Прв видѣ ея, онъ не могъ удержаться отъ вос-

взвѣщанія полнаго изумленія. Онъ узналъ черты Долоресъ! Потомъ другое чувство — чувство завистливаго удивленія овладѣло имъ, когда внимательно разсматривая новое произведеніе, онъ долженъ былъ признать огромный талантъ въ молодомъ человѣкѣ, въ которомъ до этого времени замѣчалъ только точность рисунка и большое искусство владѣть кистью. Чѣмъ болѣе онъ разсматривалъ это высокое произведеніе, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя уничтоженнымъ. Мурильо былъ только двадцати-пяти лѣтъ; егда впрочемъ иѣсяць какъ онъ изучалъ образцы великихъ художниковъ и уже сравнился съ ними, и Веласкесъ могъ опредѣлить время, когда имя Мурильо затмитъ всѣ другіе имена.

При этомъ неожиданномъ открытіи Веласкесъ вспомнилъ о холодности Долоресъ, замѣченной имъ по возвращеніи ея изъ деревни. Двѣ страсти поглощали все его существованіе: любовь и слава; потеря обѣихъ угрожала ему. Онъ упалъ на стулъ, какъ будто пораженный смертельнымъ ударомъ.

Потомъ быстро приподнявъ голову и устремивъ на картину сверкающіе взоры, онъ воскликнулъ:

— Но развѣ не въ моихъ рукахъ это созданіе, развѣ я не властенъ уничтожить его? и, кто знаетъ, можетъ быть остановить этотъ гений въ его полетѣ, отнявъ у него довѣріе къ самому себѣ.... Но эта мысль ужасна, Боже мой!... А когда участь этого соперника въ моей власти, поставлю ли я его собственными руками на пьедесталъ, гдѣ самъ такъ давно господствую? Нѣтъ! нѣтъ! это свыше человѣческихъ силъ!... Нѣтъ, такъ безумно я не уничтожу собственную свою славу, свою любовь, потому что нечего и сомнѣваться, если онъ восторжествуетъ, любовь Долоресъ усилится очарованіемъ славы, которая окружитъ его имя въ ущербъ моему. Нѣтъ! этого не можетъ быть.... этого не будетъ! Пусть гнѣвъ небесный поразитъ меня въ минуту жертвы, но это произведеніе будетъ уничтожено!... такъ слѣдуетъ.... прости меня, всемогущій Боже....

Веласкесъ заперся въ своей комнатѣ и не хотѣлъ никого видѣть. Слуга его, пришедшій по обыкновенію, за приказаніями передъ тѣмъ какъ онъ ложился спать, такъ напугался встрѣтившимъ его приемомъ и разстройствомъ лица господина, что тотчасъ же скрылся, не зная чему приписать подобное превращеніе. Потомъ увидавъ огонь въ мастерской и густой дымъ, выходившій изъ щелей, смѣтливый служитель думалъ, что открылъ истину и поспѣшилъ распространить по всему околотку, что его госпо-

днѣ въ сношеніяхъ съ нечистою силою и находится въ связи съ дьяволомъ.

IV.

Мурильо провелъ страшную ночь. Образъ Дolorесъ, объ руку съ его соперникомъ, не переставалъ его преслѣдовать. Отъ жестокой безсонницы онъ переходилъ къ самымъ ужаснымъ видѣніямъ.

Утромъ онъ рѣшился оставить Мадридъ, чтобы никогда уже не возвращаться.

И действительно, безъ всякаго рѣшительнаго намѣренія на достиженіе цѣли своего путешествія, онъ вышелъ изъ города не оглядываясь и на удачу.

Овлаѣвшее имъ волненіе гнало его впередъ какъ преступника или безумнаго. Онъ ничего не слышалъ, ничего не видалъ. Онъ шелъ на удачу, убѣгая прошедшаго и настоящаго, убѣгая самого себя. Онъ шелъ скоро и тяжело дышалъ.

Вдругъ онъ остановился. Мѣсто, гдѣ онъ шелъ, вдругъ приняло образъ, образъ призрака, прямо и горделиво ставшаго предъ нимъ и кричавшаго ему: Мурильо! Мурильо! не бѣги такъ скоро. Ты не можешь отказать мнѣ въ воспоминаніи и во взглядѣ, потому-что случай и звѣзда твоя привели тебя сюда.

Онъ оглядѣлся, стараясь припомнить мѣстность. Обширная, безпредѣльная долина открывалась предъ его взорами. Съ обѣихъ сторонъ мѣловые утесы окружали ее. Изуродованныя деревья, развенія, изсодшія на солнцѣ, жгучій песокъ, овраги и развалины довершали картину. Онъ узналъ мѣсто, гдѣ впервые увидалъ Дolorесъ, узналъ гранатовое дерево, за которымъ укрывалась, рисовалъ Цыганъ, наконецъ и то мѣсто, гдѣ умеръ Бенно, извергая проклятiя.

Это зрѣлище напоминало ему раждающуюся любовь, не исполненныя надежды и погибшія мечты. Онъ снова увидалъ Дolorесъ, какъ будто по магическому мановенію она явилась передъ нимъ еще прекраснѣе, еще обольстительнѣе, нежели когда-нибудь.

И однако, вмѣсто того, чтобы предаться безплодному отчаянію, душа его воспрянула отъ столкновенія этихъ грустныхъ мыслей, и онъ обрѣлъ снова въ самомъ себѣ нѣсколько мужества и энергіи.

Призракъ любимой женщины, явившійся передъ нимъ въ пустомъ пространствѣ; естественно извлечь изъ устъ его ея имя.

— Долоресъ! прощенталь овъ, о! я не умру прежде нежели увижу тебя въ послѣдній разъ!

И овъ поворотилъ назадъ.

Черезъ два часа овъ опять подошелъ къ тому мѣсту, откуда вышелъ, то-есть къ Алкальскимъ воротамъ, главнѣйшимъ и многлюдяѣйшимъ въ Мадридъ.

Дорогою Мурильо размышлялъ: онъ не могъ явиться къ дону Рамону де-Пастрана, на то не было достаточнаго предлога, такъ же ему недостовало можетъ-быть смѣлости. Но возвратиться въ городъ, гдѣ жила Долоресъ, быть близко отъ нея, этого уже было много. Онъ рѣшился идти къ Веласкесу. Но что скажетъ онъ ему? Онъ самъ ничего не зналъ. Онъ объяснится съ нимъ, хотя конечно ни ему, ни Веласкесу нельзя было надѣяться ничего лучшаго отъ этого объясненія; по-крайней мѣрѣ оно облегчитъ страшную тяжесть ихъ души. Дѣйствительно, имъ оставалось только возненавидѣть или простить другъ друга.

Новый ударъ ожидалъ его у Веласкеса. Дверь была отворена, и Мурильо вошелъ въ мастерскую, въ которой самъ поставилъ свою картину.

Картина исчезла. Очевидно, Веласкесъ, неумолимый судья, исполнилъ обѣщаніе, данное молодому живописцу, и картина уничтожена. Мурильо не могъ жаловаться. Онъ самъ требовалъ отъ Веласкеса исполненія приговора, нѣсколько варварскаго, и Веласкесъ, безъ сомнѣнія, повинувшись убѣжденію почерпнутому изъ чистаго источника любви къ искуству, равнодушно исполнилъ приговоръ. Разбросанные остатки полотна и дерева не оставляли никакого сомнѣнія.

У Мурильо выступилъ холодный потъ, и онъ обвинилъ Веласкеса въ жестокости. Ему пришла другая мысль, еще ужаснѣе. Онъ подумалъ, что Веласкесъ узналъ въ портретъ свою невѣсту Долоресъ и не добросовѣтность художника, а скорѣе ревность любовника руководила имъ въ этомъ поступкѣ необдуманно варварскомъ.

Мурильо остановился на этой мысли, какъ вдругъ шумъ нѣсколькихъ голосовъ поразилъ его — отъ одного изъ нихъ вздрогнуло все существо его.

Онъ обернулся.

Молодая сенора, въ сопровожденіи дуэньи, вошла въ мастерскую.

— Смѣю васъ увѣрить, сенора, сказалъ слуга отворявшій имъ двери, я самъ ничего тутъ не понимаю. Сегодня утромъ, сеноръ Веласкесъ уходилъ и приходилъ десять разъ, не говоря мнѣ ни слова. Вотъ и теперь, я былъ увѣренъ, что онъ дома.... но объѣзжавъ весь домъ, нигдѣ его не нашелъ. Не угодно ли вамъ будетъ подождать минуту, онъ скоро долженъ возвратиться.

— Я подожду его.

Сказавъ это, сенора сдѣлала знакъ дуэньи остаться въ передней, гдѣ ловкій слуга старался достойно занять ее. Очевидно было, что сенора, не замѣтившая присутствія Мурильо, стоявшаго за вѣшными полотномъ, на которомъ наброшенъ былъ очеркъ картины, хотѣла дожидаться Веласкеса и поговорить съ нимъ безъ свидѣтелей.

Дверь затворилась. Сенора, полагая, что находится одна, откинула воаль.

— Долоресъ! воскликнулъ Мурильо.

Безмолвно смотрѣла на него Долоресъ. Волненіе лишило ее силъ произнести слово и остановило бѣженіе сердца.

Мурильо сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, но она устремила на него печальный и изумленный взоръ.

— Я уйду, сенора, сказалъ онъ: присутствіе мое можетъ помѣшать разговору.... при которомъ я не имѣю права присутствовать.

И онъ съ живостью поднесъ руку къ глазамъ, какъ бы желая удержать на рѣсницѣ слезу, готовую упасть.

— О! вы несчастны, вы страдаете, сеноръ, сказала Долоресъ своимъ трогательнымъ голосомъ, мы давно не видались, но я сохранила право принимать участіе во всемъ, что касается до васъ. Скажите, о! скажите, что причиной вашей горести?

— Слишкомъ долго было бы рассказывать, отвѣчалъ Мурильо, притомъ же я боюсь, чтобы вы не раскаялись въ своей несходительности, сенора. Кто страдаетъ, тотъ любитъ высказать свое горе при удобномъ случаѣ, когда есть передъ кѣмъ излить свою грусть. Въ то время, когда счастье вамъ улыбается, несправедливо было бы съ моей стороны утомлять васъ своими жалобами. Прощайте, сенора....

— А если бъ я требовала.... если бъ молила васъ о той довѣренности.... въ которой вы мнѣ отказываете?

— Въ такомъ случаѣ повинуюсь вамъ, сенора, я сказалъ бы, что бѣдный Мурильо предавался безумнымъ мечтамъ, дѣлавшимъ его очень счастливымъ — а теперь проснулся среди дѣйствительности, разбившей его сердце; я сказалъ бы, что надѣялся добиться славы, и надежды мои разлетѣлись какъ дымъ; я сказалъ бы, что любилъ, какъ не всякому дано любить на землѣ, и эту любовь долженъ былъ затантъ въ сердце своемъ; тамъ съ каждымъ днемъ она превращается въ ядъ, уничтожающій меня... Вотъ что сказалъ бы я вамъ, сенора и, сознайтесь чистосердечно, прошу васъ, внимая печальному разсказу несчастливца, исполненнаго себлюбивой горечи, проклинающаго участь свою, могли ли сочувствовать ему, вы, упоенныя мыслью о счастьи, вы, вѣроятно только и помышляющія о нарядахъ, въ которыхъ скоро явитесь у алтаря, однимъ словомъ, вы — которая черезъ нѣсколько дней, можетъ быть завтра, будете прелестной и уважаемой супругой счастливаго Діега Веласкеса де Сильва?

При послѣднихъ словахъ Мурильо, Долоресъ улыбнулась, но эта улыбка была такъ странна, что онъ устремилъ на нее внимательный и пытливый взоръ.

Наступило долгое молчаніе.

— Такъ вы считаете, возразила дочь дона Рамона, подымая на Мурильо свои прекрасные глаза, вы считаете меня счастливою?

— Развѣ вы не счастливы, сенора?

— Счастлива, отвѣчала она съ горечью; я счастлива, сеноръ Мурильо, такъ счастлива, что въ эту ночь провела четыре часа жестокой бессонницы въ молитвѣ, такъ счастлива, что сегодня утромъ тшетно выплакала глаза свои, умолая отца, даже и теперь я бѣжала на цѣлый часъ изъ подъ родительскаго крова какъ виновная дочь, какъ преступная женщина, чтобы трепеща и скрываясь отъ взоровъ, придти сюда молить человека почти незнакомаго, котораго женою однако я должна сдѣлаться, молить его сжалиться надо мною, защитить меня отъ насилія, спасти меня отъ несчастія.

— Понимаю, сказалъ Мурильо, вы имѣете нужду въ покровителѣ, и очень естественно прибѣгаете къ сенору Веласкесу. Это въ порядкѣ вещей, вы не можете обратиться ни къ кому другому.

— Вы правы, сеноръ Мурильо; хотятъ принудить Долоресъ де-Пастрава быть женою дона Діега Веласкеса; она же рѣшилась

не быть его женою, следовательно ей остается только обратиться къ нему съ чистосердечнымъ признаніемъ и убѣдить его разорвать узы, при одной мысли о которыхъ она приходитъ въ ужасъ.

— Что говорите вы! воскликнулъ Мурильо, не въ силахъ будучи скрыть движенія радости. Вы не любите Веласкеса?

— Я не люблю... никого, сказала важно Долоресъ.

— О!... вы не любите... никого, тихо прошептала молодой художникъ трепѣтнымъ голосомъ.

И когда Долоресъ, приведенная въ смущеніе его видомъ, отвернулась и, казалось, желала удалиться:

— Сжальтесь, о! сжальтесь! сенора, воскликнулъ онъ, сложивъ руки, я оскорбилъ васъ, потому-что не имѣлъ права читать тайны души вашей, ни спрашивать ваше сердце. Простите, простите!

Я на васъ не сержусь, отвѣчала Долоресъ, оправившись отъ волненія, и съ моей стороны тутъ нѣтъ ни какой заслуги, сеноръ, потому-что если я не потеряла память и не забыла все чѣмъ обязана вамъ, я имѣла бы тысячу причинъ вѣрится вамъ, и была бы совершенно счастлива, открывая вамъ сокровеннѣшія мысли. Признаюсь, однако, вашъ вопросъ привелъ меня въ большое смущеніе. Простите же и вы меня. Женщина имѣетъ иногда тайны, которыя хранить съ большимъ тщаніемъ, нежели супругъ свое сокровище. Ну! да, я признаюсь, у меня есть тайна... но никому не могу открыть ее... даже вамъ.

— Сеньора...

— И вамъ неже ли кому нибудь другому... но ни въ когда. Сеноръ Веласкесъ не возвращается. Прощайте же, сеноръ Мурильо, прощайте.

Мурильо вспомнилъ, что въ день отъѣзда его изъ замка де-Па-страна, Долоресъ имѣла снисхождение протянуть ему руку и онъ впечатлѣлъ на ней поцѣлуй, воспоминавіе о которомъ заставляло его и теперь трепетать.

Одно мгновеніе онъ надѣялся такой же милости.

Но молодая сенора вдругъ удалась, какъ-будто испуганная собственными словами. Однако дойдя до двери, въ ту минуту, когда дузья, увидя ее встала, она обернулась къ Мурильо и посмотрѣла на него такимъ взглядомъ, котораго краснорѣчіе стодитъ иногда всѣхъ увѣреній и клятвъ въ мірѣ.

Минуту Мурильо оставался неподвиженъ, подавленный тлостью

столь различных впечатлѣній. Онъ упалъ на стулъ и погрузился въ мечты.

Внезапный шумъ вывелъ его изъ задумчивости. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя, но никого не было. Однако дѣйствительно ему послышался шумъ шаговъ, и большія шпалеры, раздѣлявшія мастерскую на-двое, еще колебались какъ будто кто-нибудь, проходя, задѣлъ за нихъ.

Этотъ случай сначала показался страннымъ молодому художнику, но прибытіе почти въ то же время Веласкеса заставило его забыть о немъ.

V.

Прошло нѣсколько дней. Эта неожиданная встрѣча между Долоресъ и Мурильо чрезвычайно измѣнила расположеніе духа послѣдняго, и вмѣсто того, чтобы вызвать бесполезное объясненіе отъ Веласкеса, молодой живописецъ старался по прежнему оказывать ему любовь и уваженіе. Во всякомъ случаѣ онъ избѣгалъ напоминанія о своей картинѣ, и разговоры ихъ, какъ будто по общему безмолвному согласію, касались только общихъ вопросовъ объ успѣхахъ и движеніи искусствъ; Мурильо постоянно всякій день приходилъ къ Веласкесу. Только его посѣщенія сдѣлались короче противъ прежняго, а остальное время онъ блуждалъ около дома донна Рамона или прогуливался въ Прадо, въ то время, когда прелестная молодая дѣвушка приходила туда съ отцемъ подышать вечернимъ, благоуханнымъ воздухомъ.

Но Веласкесъ казался озабоченнымъ и задумчивымъ. Онъ такъ гордившійся своимъ талантомъ, осыданный славой и почестями, теперь, казалось, страшился людей, свѣта и проклиналъ жизнь. Вотъ ужъ недѣля какъ онъ не являлся на выходъ у короля. Постоянная мысль, мысль неумолимая, не дающая покоя, вѣроятно, развивалась въ головѣ, создавшей столько образцовыхъ произведеній, разрушая и уничтожая страдальца.

Въ одно утро — именно, въ тотъ день, который назначенъ королемъ для раздачи имъ самимъ конкурсныхъ премій — живописецъ, распростершись на диванѣ, спалъ тяжелымъ сномъ, прерываемымъ тревожными сновидѣніями. Къ нему подошелъ Мурильо. Онъ услышалъ свое имя, сопровождаемое печальными и тревожными восклицаніями. Въ этомъ бреду часто произносилъ онъ

слова: *Портретъ Долоресъ*. Мурильо слегка прикоснулся къ плечу Веласкеса. Тотъ открылъ глаза.

Они пожали другъ другу руку, но Веласкесъ казался озабоченнымъ и встревоженнымъ. Любопытство Мурильо было сильно возбуждено, онъ засыпалъ его вопросами.

— Вы страдаете, сказалъ онъ Веласкесу.

— А... изъ чего вы это заключаете?

— По вашему виду; вы не похожи сами на себя, по вашимъ словамъ, въ которыхъ отзывается уже нѣсколько дней какая то тревога сердечная и душевная, по вашему приему, который уже для меня не таковъ, какъ былъ прежде.

— А! такъ вы все это замѣтили? сказалъ Веласкесъ, съ горькой улыбкою.

— Я такъ дорожу вашею благосклонностью, сеноръ; вотъ единственная и истинная причина, почему я это замѣтилъ.

— Ну! сеноръ, возразилъ Веласкесъ, каждый имѣетъ свою наблюдательность, каждому принадлежать свои мысли. Я также замѣтилъ въ васъ нѣкоторую перемѣну. Но остерегался даже намекнуть вамъ объ этомъ, полагая, что тайны сердца должны быть священны и неприкосновенны, и что къ нимъ надо имѣть все снохожденіе и уваженіе. Но такъ какъ вы сами начали говорить объ этомъ предметѣ, то позвольте мнѣ, сеноръ Мурильо, сдѣлать вамъ одинъ вопросъ?

— Я постараюсь отвѣчать на него, сказалъ художникъ.

— Ну, такъ что сказали бы вы о человѣкѣ, который пришелъ въ домъ мой и я съ любовью принялъ его, обходился съ нимъ какъ съ сыномъ, а онъ заплатилъ мнѣ за все тѣмъ, что похитилъ любовь той, которую я люблю.

— Сеноръ....

— Этотъ человѣкъ, продолжалъ Веласкесъ, этотъ человѣкъ.... вы! Но повѣрьте, вы поступили какъ безумный, и вашъ романъ не будетъ имѣть желаемой развязки, потому что я не откажусь отъ своихъ правъ, слышите ли; изъ за каприза дѣвочки я и донъ-Рамонъ не откажемся отъ твердо принятаго намѣренія, и знайте, донъ-Рамонъ отдастъ руку своей дочери не столько Веласкесу художнику, какъ Веласкесу вельможѣ, Веласкесу, имѣющему дворянскую грамоту, стоящему на ряду съ знатнѣйшими вельможами королевства. О! я не оспариваю ни одного изъ вашихъ преимуществъ, сеноръ Мурильо. Вы молоды, у васъ есть талантъ, можетъ быть даже вы... любимы. Но донъ Рамонъ де-Пастрана не от-

деть за васъ дочери своей. Эту положительную, грубую, несодержимую истину вы должны выслушать не безъ сожалѣнн, не правда ли? Но, вы, сеньоръ, сами этого хотѣли. Богъ свидѣтель, никогда не началъ бы я говорить, если бы вы такъ неблагообразно не вызвали меня на это.

— Я также призываю въ свидѣтели Бога, отвѣчалъ Мурильо съ величнмъ, внушающимъ уваженн, никогда не былъ въ отношенн къ вамъ ни замѣнникомъ, ни вѣроломнымъ. Богъ свидѣтель, что совершенно нечаянно встрѣтился здѣсь Долоресъ, и тогда только не могъ скрыть своей страсти, когда узналъ, что она сама пришла молить васъ отказаться отъ нея.... Будьте справедливы, сеньоръ Веласкесъ; какъ ни велико благоговѣнн, какое я питаю къ вамъ, но могъ ли я отказаться для васъ отъ чувства, которое составляетъ все мои радости, мое утѣшенн, мою жизнь? Если бы она сказала мнѣ, что любить васъ, о! впаюсь душою моей матери, скорѣе вырвалъ бы сердце изъ груди, нежели открылъ бы ей свою любовь. Но простите, сеньоръ, если я опять снизжу вамъ въ свое оправданн, это не такъ было; она желала реорвать союзъ, предположенный прежде, я встрѣтился съ нею тутъ, я былъ одинъ съ нею, подавленный, уничтоженный этимъ непредвидѣннымъ счастьемъ! Пожимаю свою вину, сеньоръ Веласкесъ. Я былъ въ вашемъ домѣ, чувство дочернн должно было бы внушить мнѣ болѣе осторожности. Я долженъ бы дать въ себѣ мужество, оставаться безстрастнымъ и холоднымъ, когда все соединилось, чтобы воспламенить мое сердце, умъ и чувство.... Я не имѣлъ этого мужества.... Одно слово, одно движенн быть-можетъ измѣнило мнѣ. Вотъ единственное преступленн, въ которомъ я признаю себя виновнымъ.... Удостойте по-крайней-мѣрѣ простить меня.

Веласкесъ не только хранилъ молчанн, но даже лицо его не выражало ощущенн, вѣроятно, волновавшихъ его душу, когда онъ внималъ этимъ словамъ.

— Вы, конечно, простилн бы меня, продолжалъ съ жаромъ Мурильо, если бы знали, въ какихъ обстоятельствахъ я увидѣлъ въ первый разъ сеньору Долоресъ, если бы знали, какими незабвенными узамн....

— Знаю все, холодно прервалъ Веласкесъ. Сеньора Долоресъ сама рассказала мнѣ, ведяю назадъ, все подробности нашей встрѣчи съ нею.

Въ эту минуту послышались продолжительныя восклицанн не-

редъ домоу Веласкеса. Между криками народа слышались вопльы.

— Да здравствуетъ Рубенсъ! честь и слава великому Рубенсу!

— А! сказалъ Веласкесъ, Рубенсъ, лучший другъ мой, вчера прѣхалъ въ Мадридъ, чтобы присутствовать при торжествѣ конкурса. Первый выѣздъ его былъ къ Филиппу Четвертому, а второй ко мнѣ. Оставайтесь, сеноръ Мурильо, и не сердитесь.... прошу васъ объ этомъ.

Несмотря на холодность, съ которою произнесены были эти слова, Мурильо счелъ нужнымъ принять приглашеніе Веласкеса.

Между-тѣмъ вошелъ Рубенсъ.

VI.

Рубенсъ, художникъ, котораго безъ всякой лести называли Микель-Анджело фламандской школы, питалъ къ Веласкесу уваженіе и дружбу безграничную. Странно и достойно удивленія! Оба художника, столь высоко стоявшие по своимъ достоинствамъ, столь гениальные, любили другъ друга, и никакое чувство завистливой скрытности или мелочной ревности не примѣшивалось въ эту взаимную привязанность. Эта дружба, какъ и они сами, была по образцу древнихъ героевъ.

Фламандскій живописецъ и испанскій художникъ съ жаромъ обнялись.

— Простъ, любезный Веласкесъ, что я не могъ прѣхать ранѣе, чтобы присутствовать при твоёмъ пробужденіи.... О, не смѣйся.... ты здѣсь царь въ искусствахъ и всѣ королевскія почести принадлежать тебѣ по праву. Но я не могъ противиться желанію взглянуть на дивную картину, которая сегодня должна получить премію, назначенную въ конкурсѣ королемъ Филиппомъ Четвертымъ. Съ того дня какъ приговоръ судей-принимателей тайно произнесенъ, его величество одинъ имѣетъ ключъ отъ галереи, гдѣ находится это образцовое произведеніе, и сегодня утромъ онъ повезъ меня туда въ своей каретѣ. Передъ этою картиною, по истинѣ дивной красоты, я провелъ одинъ изъ лучшихъ часовъ памятныхъ мнѣ; прямо оттуда я поѣхалъ къ тебѣ.

— Такъ ты прямо изъ Эскуриала?

— Король тамъ остался, желая самъ присутствовать при приговорахъ къ торжеству, которое, повидимому, будетъ велико-

глубоко, и съ нетерпѣніемъ ждешь тебя, ты вѣдь знаешь — начало ровно въ полдень. Но скажи, любезный Веласкесъ, справедливо ли все то, что, говорятъ, ты сдѣлалъ для побѣдителя? Мнѣ неизвѣстно его имя, но по рассказамъ, счастливый юноша въ полови- ну тебѣ обязанъ и лавровымъ вѣнкомъ и побѣдой?

— Довольно, довольно, прервалъ Веласкесъ съ неудовольствіемъ.

— Тутъ нѣтъ ничего дурнаго, слышать похвалы за благородный поступокъ, и хочешь или нѣтъ, а долженъ выслушать мое привѣтствіе.

— Я исполнилъ только долгъ свой.

— А ты думаешь, что этого мало? Ошибаешься! Но позволь мнѣ замѣтить тебѣ, любезный Веласкесъ, что долгъ, исполненный въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, нисколько не обязывалъ тебя испрашивать для молодаго человѣка милостей короля, какъ ты это сдѣлалъ, то есть, привлечь на него благосклонность, которая послужить можетъ-быть ко вреду тебѣ самому.

Мурильо закрылъ лицо руками; онъ также мечталъ о торжествѣ, о лавровомъ вѣнкѣ, и безжалостный приговоръ Веласкеса разрушилъ все его надежды, уничтоживъ твореніе, на которомъ онъ основывалъ всю свою будущность.

Веласкесъ снова пытался наложить молчаніе на Рубенса.

— Долгъ, безжалостно продолжалъ послѣдній, не обязывалъ тебѣ объявлять, что творецъ этой картины, которой, впрочемъ превосходства я не отвергаю, скоро превзойдетъ тебя.

— Если это истина, отвѣчалъ Веласкесъ измѣнившимся голосомъ, зачѣмъ же мнѣ скрывать ее отъ короля? Это значило бы заплатить неблагодарностью за благодѣянія, которыми онъ ежедневно осыпаетъ меня. Вотъ почему, когда онъ спросилъ меня, я долженъ былъ сказать истинное свое мнѣніе.

— Я нисколько не имѣю намѣренія бранить тебя за это, возразилъ Рубенсъ: твой поступокъ, напротивъ, исполняетъ меня гордостью, потому что онъ служитъ доказательствомъ того, что истинные художники также велики по благородству сердца какъ и по генію.

— Кто же? сказалъ Веласкесъ разсѣянно.

— Тотъ, кому ты покровительствуешь, тотъ, кто помилости твоей и по блистательнымъ отличіямъ, которые ты выхлопоталъ для него, перейдетъ отъ самой глубокой неизвѣстности къ блистательнѣйшей знаменитости.

Веласкесъ снова сдѣлалъ знакъ нетерпѣнія. Мурильо поблѣднѣлъ какъ смерть. Каждое слово Рубенса поражало его прямо въ сердце. Прежде чувствовалъ онъ глубокое сожалѣніе. Но скоро ужасное подозрѣніе снова овладѣло имъ и удвоило его страданіе. Онъ думалъ, что поступивъ такъ жестоко съ его картиною, показывая такое блистательное покровительство его сопернику, Веласкесъ имѣлъ въ виду не столько художника какъ соперника въ любви, и эта мнимая добродѣтель, которую такъ восхвалялъ Рубенсъ, была не что иное, какъ низкая и презрѣнная ревность, которой онъ такъ постыдно поддался. Жажда мщенія, какъ разъяренныя волны, охватила сердце Мурильо.

— Такъ мы ѣдемъ? сказалъ Рубенсъ.

— Ёдемъ, отвѣчалъ Веласкесъ.

И обратясь къ Мурильо, который, казалось, выдерживалъ внутреннюю борьбу.

— Вы поѣдете съ нами, неправда ли? сказалъ онъ.

Мурильо колебался. Печальное выраженіе лица его довольно ясно говорило, какъ тяжело ему присутствовать при торжествѣ, котораго онъ самъ домогался и надѣялся.

— Я понимаю нежеланіе ваше быть въ Эскуріаль, сказалъ тогда Веласкесъ, сильно тронутымъ голосомъ.

Мечтать о небѣ и видѣть себя прикованнымъ къ землѣ, признаюсь, это тяжелое испытаніе. Но повѣрьте мнѣ, надо превозмочь эту слабость. Пути къ искусству усеяны на каждомъ шагу терніями, которыя терзаютъ нашу гордость. Будьте мужественны, будьте сильны.... вы можете повѣрить мнѣ; повторю вамъ.... никто въ эту минуту больше меня не имѣетъ права дать вамъ подобный совѣтъ.

— Я послѣдую ему, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ самоотверженіемъ.

— Этотъ молодой человѣкъ тоже художникъ? спросилъ Рубенсъ у Веласкеса, указывая на Мурильо.

— Да, любезный Рубенсъ, и могу тебя увѣрить, что онъ не безъ дарованія. Онъ изъ Севильи, имя его Мурильо.

— Да, сеньоръ Мурильо, сказалъ Рубенсъ, успѣхъ счастливыхъ соперниковъ не можетъ привести насъ въ уныніе, если мы чувствуемъ, что сами когда нибудь будемъ достойны такого же торжества. Напротивъ, душа обновляется при этомъ высокомъ зрѣлищѣ. Ступайте въ Эскуріаль.... ступайте.

Всѣ трое готовились ѣхать. Карета, въ которой пріѣхалъ Рубенсъ, ждала ихъ у подъѣзда.

— Ахъ, любезный Мурильо, сказалъ Веласкесъ въ ту минуту, когда они выходили, отдайте одолженіе, возьмите на мольбертъ, который стоитъ близъ васъ, закрытый картонъ.

Мурильо машинально взялъ картонъ.

— Подайте его мнѣ, прибавилъ Веласкесъ. Это рисунокъ, вчерашною оконченный, я самъ хочу поднести его побѣдителю.

Эскуріаль, обширный монастырь, посвященный святому Лаврентію Филиппомъ Вторымъ, въ исполненіе обѣта, даннаго имъ въ день сраженія, котораго успѣхъ былъ сомнителенъ, построены въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мадрида, въ странѣ песчаной, пропастей и горъ. Къ нему ведетъ дорога песчаная, обнаженная и утесистая, и самый видъ зданія, казалось, совсѣмъ не оправдывалъ древнюю славу свою, если только судить по наружности. Но для возбужденія удивленія цѣлыхъ вѣковъ, достаточно однихъ рѣдкостей церкви, имѣющей подобіе греческаго креста съ высокимъ куполомъ. Самый дворецъ, хотя по наружности египетомъ массивный, заключаетъ въ себѣ однако столько скульптурныхъ богатствъ, столько первоклассныхъ произведеній великихъ художниковъ, что безъ благоговѣйнаго чувства удивленія и почтенія нельзя осматривать его. Постройка его стоила, говорятъ, девятнадцатилѣтняго труда и шестидесяти милліоновъ піастровъ. Положимъ, эти издержки огромны... но въ какомъ дворцѣ обитали подобные гости! Мы не только разумеѣмъ здѣсь принцевъ или государей, покоящихся въ его подземныхъ склепахъ, но тоже и тѣхъ безсмертныхъ художниковъ, которыхъ неуничтожающая слава сіяетъ на всѣхъ панеляхъ, на всѣхъ плафонахъ, на всѣхъ стѣнахъ Эскуріала, и которыхъ зовутъ Лука, Юрдавъ, Павелъ Веронезъ, Рубенсъ, Твиторетто и Рибейра!

Зала, приготовленная для раздачи наградъ, была украшена съ неслыханною роскошью. Драпировка на окнахъ была изъ краснаго бархата съ золотой бахромой; гирлянды цвѣтовъ, страсто обвивавшіяся около пилястръ, разливали утонченное благоуханіе.

Въ одной сторонѣ обширной залы были разставлены картины, получившія главную премію или заслужившія особенное отличіе. Но никто не могъ видѣть ихъ; огромной величины зеленая завѣса скрывала ихъ отъ любопытныхъ взоровъ, пока самъ король не подастъ знакъ снять ее. Съ другой стороны возвышался ам-

отвортъ, гдѣ свободно могли помѣститься отъ трехъ до четырехъ-сотъ зрителей.

Въ то время, когда вошелъ Веласкесъ, въ сопровожденіи Рубенса и Мурильо, всѣ ступеньки уже были покрыты многочисленною толпою. Государственные сановники въ полныхъ парадныхъ мундирахъ, дѣмы въ великолѣпнѣйшихъ нарядахъ, все, что было при дворѣ знатнѣйшаго и знаменитѣйшаго, присутствовало при торжествѣ челоуѣка, еще неизвѣстнаго, у котораго не было ни промедшаго, ни титуловъ, ни родословной, но на гениальное тело котораго, по торжественному приговору, возложутъ вѣнецъ славы. Изъ подражанія королю своему, Филиппу-Четвертому, который всѣмъ сердцемъ любилъ и чтилъ искусства, испанское дворянство преклонилось предъ высокими и неоспоримымъ превосходствомъ генія.

При появленіи Веласкеса, занявшаго мѣсто на скамьѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ королевскаго кресла, одобрительный ропотъ вробѣжалъ въ этой толпѣ, которая обратилась вся во вниманіе. Но когда великій живописецъ подалъ руку Рубенсу и поѣхалъ его подлѣ себя, восторгъ дошелъ до высшей степени и раздались рукоплесканія, относившіяся на этотъ разъ не столько къ высокимъ дарованіямъ обоихъ художниковъ, сколько къ искренней и чистосердечной дружбѣ соединявшей ихъ.

Никто и не замѣтилъ подлѣ нихъ бѣднаго юношу съ мрачнымъ и беззащитнымъ видомъ; онъ смотрѣлъ на всѣ окружающія его чудеса съ совершеннымъ равнодушіемъ; наружность его показывала только глубокую тоску или совершенное безчувствіе. То былъ Мурильо.

Однако черезъ вѣсколько минутъ лицо его вспыхнуло и взглядъ воодушевился.

Донъ Рамонъ де Пастрана появился въ залѣ и сѣлъ съ дочерью на мѣста, которыя церемоніемейстеръ, вѣроятно, по давнему приказанію, оставилъ для нихъ возлѣ самой эстрады, гдѣ побѣдитель долженъ былъ получить награду изъ рукъ самого короля.

Прошло двѣнадцать часовъ. Трубы возвѣстили о прибытіи Филиппа Четвертаго и его свиты.

Веласкесъ пошелъ на встрѣчу королю, который протянулъ ему руку и съ чрезвычайною благосклонностью сказалъ:

— Прекрасно, сеньоръ Веласкесъ! Я очень доволенъ вашею точностью. Дѣла, насъ занимающія въ настоящее время, совер-

шенно относится къ вашему вѣдомству, и безошибочно можно сказать, что вы сегодня мой первый министръ.

Потомъ, увидѣвъ графа де Пастрана:

— А! послушайте донъ Рамонъ.... мнѣ надо сказать вамъ два слова.

Донъ Рамонъ преклонился до земли. Уже давно Флишигъ Четвертый не оказывалъ ему такой чести.

— Мы знаемъ, что вы вѣроподанный и не откажетесь сдѣлать то, что могло бы принести намъ удовольствіе....

Донъ Рамонъ преклонился въ другой разъ.

— И потому мы надѣемся, что вы исполните то, чего мы потребуемъ отъ васъ.

— Приказывайте, государь, отвѣчалъ донъ Рамонъ. Я буду повиноваться.

— Картина, выигравшая премію, продолжалъ небрежно король, одна изъ удивительнѣйшихъ въ мірѣ; художникъ, написавшій ее, вѣроятно, будетъ однимъ изъ величайшихъ гениевъ моего времени. Я хочу наградить его такъ, чтобы онъ всю свою жизнь благодарилъ меня. Онъ женится на Долоресъ, донъ Рамонъ.

Мурильо и Долоресъ съ изумленіемъ взглянули другъ на друга.

— Государь, позвольте подумать....

— А ваши увѣренія въ преданности, милостивый государь? холодно возразилъ король.

— Но подумайте, государь о древности моего дома! Ваше Величество, удостойте по-крайней мѣрѣ сказать мнѣ....

— О! прервалъ король, я уже обо всемъ подумалъ. Правда, тотъ, кому я покровительствую, изъ самаго простаго званія. Но чему служила бы наша королевская власть, если бы мы не могли помочь этой бѣдѣ? Его дворянская грамота тутъ у меня въ карманѣ. Я подписалъ ее сегодня утромъ.

Долоресъ и Мурильо въ одно время поблѣдѣли, какъ-будто пораженные въ сердце однимъ ударомъ.

Донъ Рамонъ хотѣлъ еще сопротивляться, но по повеленію короля долженъ былъ замолчать; потомъ, по условленному знаку отдернули завѣсу и увѣчанная картина представилась всемъ взорамъ.

Тогда раздался единодушный крикъ одобренія. Женщины махали платками, лепестки розъ дождемъ посыпались со всѣхъ сторонъ эстрады, трубы играли какъ-будто по случаю победы, и нѣмъ по-

бдителя, провозглашенное самимъ королемъ и повторенное всѣми присутствующими, огласило древніе своды Эскуріала.

Побѣдитель былъ Эстебанъ Мурильо.

Отъ счастья не умираютъ, иначе Мурильо тотчасъ бы умеръ. Слабый какъ женщина, онъ плакалъ какъ дитя; бессознательно вознижалъ руки неожиданныхъ друзей, доставленныхъ ему торжествомъ. Онъ не дышалъ, ничего не видалъ, онъ задыхался. Всѣ превозносили, всѣ осыпали его привѣтствіями, окружили его цѣлымъ облакомъ цвѣтовъ. Среди этого упоенія, близкаго къ помѣшательству, онъ почувствовалъ крѣпкое пожатіе дружеской руки. Онъ поднялъ глаза. Веласкесъ стоялъ передъ нимъ.

— Такъ вы не сожгли ея? воскликнулъ онъ ослабѣвающимъ голосомъ, нападъ къ ногамъ его.... Ахъ, простите, простите! Я васъ обвинялъ, я васъ проклиналъ! Однако жъ скажите, вѣдь то былъ не сонъ.... я нашелъ, я видѣлъ въ вашей мастерской остатки полусожженного полотна?

— Это истина, отвѣчалъ Веласкесъ и на этомъ полотнѣ была также представлено изображеніе, назначаемое мною въ церковь Доминиканцевъ; но я не былъ доволенъ своимъ рисункомъ, взглянувъ же на ваше гениальное произведеніе, я сжегъ свою картину. Короче, я воспользовался геройскимъ средствомъ, которое вы назначали для себя.

— О благодѣтель мой! лепеталъ Мурильо.

— Скажите лучше другъ, возразилъ Веласкесъ.

И привлеки къ себѣ, онъ дружески его обнялъ. Въ то же время, открывъ картонъ, принесенный Мурильо, онъ просилъ его принять то, что заключалось въ немъ, на память его дружбы.

Мурильо съ удивленіемъ посмотрѣлъ. То былъ превосходный портретъ женщины, и та женщина была—прекрасная Долоресъ де-Пастрана.

Но блаженство, приготовленное побѣдителя счастливою звѣздою, этимъ не окончилось. Обернувшись, онъ увидѣлъ короля, подходившаго къ нему подъ руку съ Долоресъ, которой блѣдность замѣнилась самымъ нѣжнымъ и лучезарнымъ румянцемъ.

— Сеноръ Мурильо, сказалъ Флиппъ Четвертый, подавая молодому художнику пергаментъ съ государственною печатью: вотъ грамота въ совершенномъ порядкѣ, которая съ нынѣшняго дня дѣлаетъ васъ равнымъ съ знатнѣйшими кастильскими дворянами. Эта милость несколько не увеличиваетъ вашего достоинства, но она доказываетъ всю важность, какую я придаю

дворякиниъ грамотаниъ, потому-что награждаю или подобныиъ вамъ.

— Государь, сказалъ Муральо, преклонивъ колѣно.

— Встаньте, сеноръ, съ улыбкою сказалъ король.

Филиппъ сопровождалъ эти слова благосклоннымъ движениемъ и тихо передалъ Долоресъ изъ своей руки въ руки Муральо потому началъ разговаривать съ дономъ Рамономъ. Влюбленные въ молчаніи посматрѣли другъ на друга. Въ мирѣ нѣтъ словъ для выраженія подобнаго блаженства.

Силы оставили Веласкеса по совершеиіи такой жертвы. Для него настала минута жестокаго страданья и сожалѣнья. Слеза едва не измѣнила ему; къ-счастию въ это мгновеніе подошелъ Рубенсъ поздравить его и пожать ему руку.... и слеза эта тайно канула ему на сердце.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

МЫСЛИ

ОБЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

I.

Много есть задачъ, которыхъ рѣшеніе должно принадлежать уси-
ліямъ нашей русской науки.

Она есть, эта русская наука. На нее, какъ на частную долю на-
уки общечеловѣческой, имѣетъ русскій народъ право столь же ис-
ключительное, какъ и каждый другой народъ, сочувствующій усилі-
ямъ науки, на свою собственную долю. Чѣмъ народъ сильнѣе ду-
хомъ, своеобразностию, любовью къ знаніямъ, образованностию, тѣмъ
его доля въ наукѣ болѣе; но у каждаго народа, во чуждаго про-
свѣщенія, есть своя доля, есть своя народная наука. Народъ, отка-
зывающійся отъ нея, съ тѣмъ вмѣстѣ отказывается и отъ своей са-
мобытности — на столько же, какъ и отказываясь отъ своей доли въ
литературѣ и искусствѣ, въ промышленности и гражданственности.... И
главный долгъ народной науки — изслѣдовать свой народъ, его народ-
ность, его прошедшее и настоящее, его силы физическія и нравственныя,

его значеніе и назначеніе. Народная наука въ этомъ смыслѣ есть исповѣдь разума народа передъ самимъ собою и передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Народъ выражаетъ себя всего полнѣе и вѣрнѣе въ языкъ своемъ. Народъ и языкъ, одинъ безъ другаго, представленъ бытъ не можетъ. Оба вмѣстѣ обуславливаютъ иногда нераздѣльность свою въ мысли однимъ названіемъ: такъ и мы Русскіе вмѣстѣ съ другими Славянами искони соединили въ одномъ словѣ «языкъ» понятіе о говорѣ народномъ съ понятіемъ о самомъ народѣ. — Такимъ-образомъ, въ той доль науки, которую мы можемъ назвать нашей русской наукой, необходимо должны занять мѣсто и изслѣдованія о русскомъ языкѣ.

Языкъ есть собственность нераздѣльная цѣлаго народа. Переходи отъ челоука къ челоуку, отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ вѣка въ вѣкъ, онъ хранится народомъ какъ его драгоценное сокровище, которое по прихотямъ частныхъ желаній не можетъ сдѣлаться ни богаче, ни бѣднѣе, — ни умножиться, ни растратиться. Частная воля можетъ не захотѣть пользоваться имъ, отречься отъ его храненія, отречься съ этимъ вмѣстѣ отъ своего народа; но за тѣмъ не послѣдуетъ уменьшеніе цѣнности богатствъ, ей непринадлежащихъ. Независимый отъ частныхъ волей, языкъ не подверженъ въ судьбѣ своей случайностямъ. Все, что въ немъ есть, и все, что въ немъ происходитъ, и сущность его и измѣняемость, все — законно, какъ и во всякомъ произведеніи природы. Можно не понимать ихъ, можно и понять, — и разумнѣе ихъ необходимо должно озарять своимъ свѣтомъ наблюденіе подробностей языкованія.

Народъ выражаетъ себя въ языкъ своемъ. Народъ дѣйствуетъ; его дѣятельностію управляетъ умъ: — умъ и дѣятельность народа отражаются въ языкъ его. Дѣятельность есть движеніе; рядъ движеній, есть рядъ измѣненій; — измѣненія, происходящія въ умѣ и дѣятельности народа также отражаются въ языкѣ. Такимъ-образомъ, измѣняются народы, — измѣняются и языки ихъ. Какъ измѣняется языкъ въ народѣ? Что именно въ немъ измѣняется, и по какому пути идетъ рядъ измѣненій? Безъ рѣшенія этихъ вопросовъ невозможно уразумѣніе законовъ, которымъ подлежитъ языкъ, какъ особенное явленіе природы. Рѣшеніе ихъ составляетъ исторію языка; изысканія о языкѣ, входящія въ составъ народной науки, не возможны безъ напра-

вѣнія историческаго. — Исторія языка, неразрывная съ исторіей народа, должна входить въ народную науку, какъ ея необходимая часть.

II.

Первоначальное образованіе языковъ — тайна, которая вскрывается очень медленно, болѣе угадывается, чѣмъ сознательно постигается въ слѣдствіе изысканій. Впрочемъ, нѣсколько выводовъ, сдѣланныхъ изъ соображенія данныхъ о языкахъ изслѣдованныхъ, кажутся уже неподлежащими сомнѣнію. Еще менѣе подлежатъ сомнѣнію выводы о дѣйствительномъ развитіи языковъ, выводы о двухъ главныхъ періодахъ ихъ развитія.

Языкъ въ первомъ началѣ своемъ есть собраніе звуковъ безъ всякаго внутренняго строя. Немного звуковъ, немного и словъ, образованныхъ изъ нихъ, гораздо менѣе чѣмъ представленій, которыя бы могли быть ими выражены. Каждое слово стоитъ въ языкѣ отдѣльно; каждое слово есть само себѣ корень, несродный съ другими. Слова коротки, и не подлежатъ измѣненіямъ. Порядокъ ихъ во фразахъ случаенъ. Темно, неопредѣленно, безотчетно выражаетъ языкъ жизнь и мысль народа, столь же темную, неопредѣленную, безотчетную. Одно и то же слово есть вмѣстѣ названіе и предмета, и дѣйствія его, и качества, и впечатлѣнія, имъ производимаго въ умъ, точно такъ же какъ и въ умъ народа все это остается неотдѣленнымъ.

Въ этой безжизненности языка есть уже впрочемъ зачала жизни, и по времени они все болѣе развиваются. Звукъ одинъ постепенно развивается въ нѣсколько сродныхъ звуковъ, дробится, слагается и разлагается; одно слово — корень получаетъ различный выговоръ и разнообразитъ этимъ свое значеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ слова — корни прежнія умножаются новыми, иначе звучащими: многіе изъ нихъ погибаютъ; но многіе и остаются надолго, даже навсегда.

Гораздо болѣе силы жизненной даетъ языку фантазія народа, управляя словами, какъ символами понятій. Представленія, почему нибудь кажушіяся сходными, выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ; слово переходитъ отъ смысла къ смыслу, и съ приобрѣтеніемъ cadaго новаго смысла все болѣе опредѣляется. Долго эта творческая сила фантазій остается въ кругѣ видимаго міра; но переходитъ потомъ и въ міръ духовный, и становится тогда еще могуче. Сила эта никогда уже не

оставляет языкъ. Обусловливаясь влияніемъ природы, среди которой живетъ народъ, образомъ его жизни, его взглядомъ на свой міръ внѣшній и внутренній, она крепнетъ все болѣе по-мѣрѣ усиленія образованія народа.

Между-тѣмъ, число понятій народа умножается: въ умѣ народномъ они слагаются и разлагаются. Сложеніе и разложеніе понятій отражается въ языкѣ сложеніемъ и разложеніемъ словъ. Слова отдѣляются отъ корней. Корень слова, бывшій доселѣ словомъ, можетъ и остаться словомъ; но кромѣ словъ-корней являются во множествѣ слова не-корни, образованныя изъ разныхъ корней, слова опредѣленные формально. Въ такомъ образованномъ словѣ сначала всѣ части одинаково важны для опредѣлительности его значенія, но постепенно одна часть дѣлается главною, остальные сохраняютъ только придаточное значеніе. Къ одному и тому же главному корню прибавляются различныя придаточныя корни, какъ частицы опредѣлительныя, какъ члени, обусловливающіе смыслъ, выражаемый главнымъ корнемъ, срастающіеся въ нераздѣльныя слова съ тѣми словами, которые опредѣляютъ. Съ этой поры въ языкѣ является производительность, столь же разнообразная сколько и сильная. Умъ народа перестаетъ нуждаться въ средствахъ для выраженія отбѣжковъ своихъ понятій, и самъ развивается съ развитіемъ выразительности языка.

Необходимая принадлежность выразительности языка въ этомъ положеніи есть отличеніе разныхъ разрядовъ словъ — частей рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняемость болышой части словъ, отдѣльная для каждаго разряда. Являются условія отличенія трехъ родовъ, трехъ степеней сравненія, трехъ чиселъ, трехъ лицъ, трехъ главныхъ падежей, трехъ залоговъ, трехъ видовъ, трехъ главныхъ временъ, трехъ главныхъ формъ сочетаній словъ, и такъ далѣе.

И мало-по-малу все, что могло жить въ языкѣ подъ условіями опредѣленной формы, все оживаетъ и живетъ, подчиненное этимъ условіямъ, — и народъ, вполне сочувствуя формальной стройности языка своего, боится нарушить ее, бережетъ ее, какъ святыню.

Разумное начало возобладало въ языкѣ, на сколько могло выразиться строгостью формъ, — и нимало не ослабило начала поэтическаго, а только придало ему художественность. Какъ во всемъ, такъ и въ языкѣ поэтическое только тогда становится художественнымъ, когда одичаетъ закону разума. Только на условіи этого подчиненія

языкъ дѣлается художественнымъ выраженіемъ мысли народа. Художественность языка видна тогда не только въ красотѣ языка внутренней — въ прекрасно-правильномъ его соотношеніи съ мыслию и въ его живописности, но и въ красотѣ внешней — въ благозвучности. Только къ этому времени въ языкъ развивается правильная система звуковъ, — и сочетанія ихъ въ отдѣльныхъ словахъ и въ цѣлыхъ рченіяхъ становятся такъ же согласно плавны и извучи, какъ онѣ согласно выражаютъ мысль народную. Благозвучность, какъ законная принадлежность языка въ этомъ положеніи, какъ слѣдствіе разумнаго вкуса народа, сближая языкъ съ другимъ искусствомъ, владычущимъ звуками, съ музыкой, подчиняя его тѣмъ же условіямъ, которымъ подчинена и музыка, условіямъ мѣры и размѣра, производитъ въ языкъ формы стиховъ, въ которыхъ логическая связность словъ подчинена гармонической связности звуковъ....

Время развитія формъ языка составляетъ первый періодъ его исторіи. Этотъ періодъ долговъ, для иныхъ языковъ почти нескончаемъ; тѣмъ не менѣе онъ есть только первый: за нимъ долженъ послѣдовать и второй.

Этотъ второй есть періодъ превращеній. Не всегда онъ начинается тогда, когда уже совершенно оконченъ первый: онъ можетъ начаться и гораздо ранѣе, такъ что начало его совлется въ двойную нить съ продолженіемъ перваго; но рѣшительно отличный отъ перваго по основному началу, въ немъ господствующему, онъ всегда можетъ быть отличенъ отъ перваго. Съ самаго начала этого періода прежняя стройность формъ языка разстраивается; новая стройность касается не формъ, а самой матеріи, не матеріи языка, а мыслей, имъ выражаемыхъ. Все равно помощію той или другой формы, лишь бы выразилъ языкъ то, что онъ долженъ выразить. Въ народѣ остается на долго стремленіе поддерживать прежнюю формальную самостоятельность языка; но тѣ или другія обстоятельства, внутреннія и внѣшнія, потрясаютъ ее все болѣе. Связи народа промышленныя, умственные, политическія, религіозныя, кровно-родственныя съ другими народами: это самыя важныя изъ обстоятельствъ внѣшнихъ. Мысль о ненадобности грамматическихъ формъ, о возможности обойтись безъ нихъ, начинающая свое дѣйствіе смѣщеніемъ формъ, и доходящая постепенно до почти полнаго ихъ отрѣшенія и забвенія, мысль не

редко зависящая въ своемъ проявленіи отъ трудности управиться съ богатствомъ и разнообразіемъ формъ, эта мысль есть самое важное обстоятельство внутреннее. Эта мысль и заражается и крѣпнеть въ умъ народа безъ всякой зависимости отъ его сознанія, часто на-перекоръ ему, безотчетно и произвольно; но крѣпнеть по времени все болѣе, все болѣе получаетъ силу закона. Обстоятельства внѣшнія и внутреннія дѣйствуютъ на языкъ заодно, — и измѣняютъ языкъ иногда до-того, что онъ возвращается, во внѣшнемъ своемъ видѣ, къ тому хаотическому состоянію, въ которомъ былъ сначала. Онъ уже конечно не тотъ, но почти таковъ же по своей безсвязности, по раздѣльности своихъ составныхъ частей, и можетъ начать съизнова путь своего развитія... Впрочемъ только во внѣшнемъ своемъ видѣ: по содержанію, если только народъ не огрубѣетъ, отренился отъ просвѣщенія, онъ можетъ остаться вполне выразительнымъ, богатымъ и сильнымъ орудіемъ мысли. — Такъ какъ второй періодъ исторіи языка обрисовывается всегда постепеннымъ паденіемъ прежнихъ формъ, постепеннымъ замѣненіемъ ихъ другими, замѣненіемъ такими другими формами, которыя не такъ неотренимо спаеваются со словами, которыхъ употребленіе не такъ произвольно, которыя мѣняются, превращаются; то его едва ли можно назвать иначе, какъ періодомъ превращеній.

Вступая въ періодъ превращеній, языкъ прежде всего измѣняетъ свою звучность. Звуки перемѣняются, замѣняются одни другими, не берегутся по прежнему въ ихъ коренномъ значеніи; увеличиваются иногда числомъ, часто и пропадаютъ, ничѣмъ незамѣненные, слившись съ другими: увеличивается болѣе количество звуковъ сложныхъ, составныхъ, уменьшается болѣе количество звуковъ простыхъ, нераздѣльных.

Отъ измѣненій въ системѣ звуковъ измѣняется и система корней языка. Корни словъ тоже перемѣняются; первоначально различные совпадаютъ въ одно сочетаніе звуковъ; первоначально одновзвучные и однозначительные распадаются на различные, повидимому совсѣмъ не похожіе. Нѣкоторые совершенно пропадаютъ или остаются въ бѣдныхъ остаткахъ, какъ ненужные, потому-что въ языкъ нашлись другія средства для выраженія тѣхъ же идей. Связи съ другими народами облегчаютъ заимствованія чужихъ словъ, и чужія слова становятся тѣмъ необходимымъ, чѣмъ сильнѣе эти связи.

Формы образованія словъ теряютъ постепенно коренное значеніе: формы, различныя по значенію, становятся однозначительными, одно-

значительныя различия. Образованныя слова нуждаются въ приложеніи новыхъ формъ къ прежнимъ, для выраженія тѣхъ же понятій безъ малѣйшаго отгвненія, изъ-за того только, что форма прежде данная уже потеряла силу выразить это отгвненіе смысла. Слова удлиняются. Мѣсто одного слова заступаютъ иногда два, три, и на оборотъ. Къ словамъ приставляютъ особенныя независимыя частицы для опредѣленія ихъ значенія. Чужія слова принимаются въ языкъ безъ примѣненія ихъ формы къ древнему характеру языка.

Формы измѣненія словъ теряютъ также свой прежній смыслъ и важность. Разнозначительныя формы смѣшиваются въ значеніи; изъ прежнихъ формъ образуются новыя; другія погибаютъ. Погибаніе старыхъ формъ начинается частностями: нѣкоторыя слова, прежде измѣнявшіяся во всемъ для нихъ возможнымъ формамъ, остаются только въ какой-нибудь одной формѣ неподвижно, или въ немногихъ, болѣе рѣзкихъ. За частными случаями слѣдуютъ и общія перемѣны. Тройственность формъ въ измѣненіи словъ нарушается: то одно изъ чиселъ, то одинъ изъ родовъ, то одно изъ временъ становится не нужнымъ, излишнимъ. Мѣсто простыхъ заступаютъ сложныя; сложныя мѣшаются, сокращаются. Окончанія падежныя теряютъ свою выразительность, обуславливаются предлогами, потомъ и совсѣмъ исчезаютъ....

Въ слѣдствіе ослабленія формъ словоизмѣненія постоянно измѣняется и прежній характеръ формъ словосочетанія. Многія изъ нихъ по неволѣ пропадають. Мѣсто ихъ занимають другія, болѣе подвижныя. Потомъ и эти оди за другими исчезаютъ: отсутствіе формъ замѣняется условными логикой народа, вовсе независящими отъ строя языка. Формальная опредѣленность смѣняется описательностью.

Превращеніе строя языка, будучи вмѣстѣ и превращеніемъ его состава, превратитъ и логику народа, и понятія его о красотѣ выраженій внутренней и внешней. Превращеніе языка въ отношеніи къ красотѣ его выразительности отразится на всемъ складѣ рѣчи въ прозѣ и въ стихахъ. И въ отношеніи къ складу рѣчи языкъ можетъ лишиться прежняго разнообразія и прежней опредѣленности формъ, даже потерять ихъ вовсе....

Все это можетъ идти въ разныхъ языкахъ до нѣкоторой степени различно и доходить не совершенно къ одному и тому же концу; но направленіе всегда одно и то же: превращеніе, ослабленіе формъ. Въ одномъ и томъ же языкѣ не все превращается равномерно, иное скорѣе,

другое медленнее, — и въ слѣдствіе этого, языкъ становится связью частей разновременна образованныхъ, древнихъ и новыхъ; но все-таки постепеннаго превращенія нельзя не видѣть въ измѣненіи всего его строя и характера. Сродненіе народа съ народомъ можетъ привести къ языку къ полному, совершенному превращенію. Изъ двухъ или нѣсколькихъ языковъ можетъ образоваться новый языкъ, по формамъ своимъ и похожій и непохожій на тѣ, изъ которыхъ онъ произошелъ, и до такой степени новый, что законы, которыми управляютъ тѣ языки, въ своихъ формахъ могутъ до нѣкоторой степени служить только объяснѣніемъ его состава; но и въ его составѣ и въ строе господствовать должны уже не они, а другіе, и свою формальную организацію онъ начинаетъ снова.

Таковъ вообще путь, проходимый языкомъ каждаго народа, но не каждаго отдѣльно отъ другихъ народовъ. У многихъ народовъ одного происхожденія, у многихъ племенъ сродныхъ языкъ, по первоначальному своему образованію, одинъ и тотъ же. Онъ развился на много разныхъ языковъ уже послѣ, съ теченіемъ времени, въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ. Это развитіе языка въ языки и языковъ отдѣляющихся каждаго особенно идетъ однимъ и тѣмъ же путемъ, подлѣжна одному и тому же закону; но подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ выражается различно. Оттѣнки различія могутъ касаться и состава и строя языка. Языкъ одного племени можетъ вести нить развитія формъ далѣе и все болѣе умножать ихъ въ себѣ, между тѣмъ какъ языкъ другаго сроднаго племени будетъ принужденъ ранѣе начать періодъ превращеній и по богатству формъ далеко отстать отъ перваго, несмотря на одинаковость начала. Тѣмъ не менѣе начало того и другаго одно и то же: языка племени нельзя объяснить исторически безъ знанія языка семьи племенъ, изъ котораго онъ произошелъ. Какъ племена такъ и народы одного племени остаются однимъ нераздѣльнымъ народомъ до-тѣхъ-поръ, пока не отдѣляются одинъ отъ другаго, однимъ народомъ нераздѣльнымъ по условіямъ народности, по образованности, нераздѣльнымъ и по языку. Только со времени отдѣленія отъ племени своего, народъ начинаетъ свою отдѣльную жизнь, но не съ самаго начала, а продолжая жизнь прежде уже бывшую, и отражаетъ ее въ языкъ, но въ языкъ, уже готовомъ къ этому, уже до нѣкоторой степени образованномъ. Народъ развиваетъ свою жизнь народ-

ность изъ народности своего племени, и языкъ его, хотя и становящійся постепенно выраженіемъ этой отдѣльной народности, только продолжаетъ вуть уже прежде начатый. Путь этотъ можетъ быть имъ и не окончень. Этотъ отдѣльный народъ можетъ самъ разростися въ племя, раздѣлиться на народы, и каждый изъ нихъ по-своему долженъ продолжать вуть развитія языка. Языкъ не только до отдѣленія народа отъ родственныхъ народовъ, но и долго послѣ остается нарѣчіемъ другаго языка; потомъ самъ дробится на нарѣчія; каждое изъ этихъ нарѣчій можетъ въ свою очередь образоваться въ отдѣльный языкъ. — Такимъ-образомъ исторія языка каждаго отдѣльнаго народа есть только часть исторіи языка цѣлыхъ племенъ. Въ языкѣ каждаго отдѣльнаго народа остаются слѣды его прежнихъ судебъ: изъ его состава и строя можно увидѣть, въ какой онъ порѣ жизни, какую часть пути прошель онъ и тѣ у него впереди. Все его прошедшее, хотя бы и не связанное исключительно съ судьбою его народа, какъ народа отдѣльнаго, есть его прошедшее. Не разумя этого прошедшаго, нельзя уразумѣть и того что за нимъ послѣдовало. Уже въ слѣдствіе опредѣленія данныхъ относительно, такъ сказать, предварительнаго образованія языка народа, можно съ нѣкоторою отчетливостію приступить къ объясненію дальнѣйшихъ судебъ языка въ зависимости отъ развитія характера народа, его климатическаго и политическаго положенія, его образованности и тому подобное.

Такимъ-образомъ, сближая съ исторіей каждаго отдѣльнаго народа исторію его языка, наблюдатель, въ отношеніи къ этой послѣдней, долженъ имѣть въ виду два вопроса:

Одинъ вопросъ: — Что былъ языкъ народа въ то время, когда народъ, какъ часть племени, отдѣлился сначала вмѣств со всѣмъ племенемъ своимъ отъ семьи племенъ, и потомъ когда, какъ отдѣльный народъ, отдѣлился отъ другихъ народовъ своего племени?

Другой вопросъ: — Какъ постепенно измѣнялся языкъ въ народѣ, примѣняясь къ его особенному положенію, къ его личной народности, къ успѣхамъ его образованности, внешней и внутренней, какъ сохранялъ и распространялъ ее?

Оба вопроса суть только двѣ половины одной и той же задачи.

Нашей русской наукѣ принадлежитъ рѣшеніе этой задачи въ отношеніи къ языку русскому.

III.

Народъ русскій есть одинъ изъ народовъ племени славянскаго, племени, которое вмѣстѣ съ племенами литовскимъ, кельтскимъ, германскимъ, греко-романскимъ, иранскимъ, индійскимъ, принадлежитъ къ одной семьѣ народовъ, къ отрасли индо-европейской. Хотя издавна раздѣлилась эта отрасль на много племенъ и народовъ, хотя, издавна расселяясь почти по всему пространству земной суши, вѣтвями своими сроднялась узами кровнаго родства съ народами другихъ отраслей, до-сихъ-поръ однако удержала въ главныхъ чертахъ своего древняго единства. Въ языки народовъ этой отрасли, отличаясь отъ всѣхъ другихъ, поразительно сходны между собою и по составу и по строю; въ они — только разнообразныя видоизмѣненія одного языка. Первоначальный ходъ ихъ развитія принадлежитъ всѣмъ имъ сообща. Каждое племя, отдѣляясь отъ другихъ племенъ, и каждый народъ, отдѣляясь отъ другихъ народовъ соплеменныхъ, только продолжали измѣненіе языка, уже начатое, — одни скорѣе, другіе медленнѣе, — одни такъ, другіе иначе, но по одному и тому же направленію. Такъ и начало русскаго языка теряется въ глубинѣ вѣковъ давнопрошедшихъ, и его собственная, такъ сказать личная, исторія, какъ языка исключительно русскаго народа, есть только продолженіе исторіи языка племени славянскаго; а эта — продолженіе исторіи языка всей отрасли индо-европейской.

И такъ въ исторіи русскаго языка прежде всего долженъ быть рѣшенъ вопросъ:

— Что былъ языкъ русскій въ то время, когда онъ только что отдѣлился — прежде какъ мѣстная доля языка, общаго всѣмъ Славянамъ, отъ языковъ другихъ племенъ индо-европейскихъ, — а потомъ какъ одно изъ нарѣчій славянскихъ, отъ другихъ нарѣчій своего племени? Что былъ онъ тогда, по своему строю и составу, то есть въ какой поръ развитія былъ по своимъ формамъ и что выражалъ своими словами, какъ символами понятій и нравовъ, быта и обычаевъ народа?

Сколько филологи, столько же и историки, могутъ оцѣнить важность этого вопроса. Для изученія событій временъ позднѣйшихъ есть у историковъ много различныхъ матеріаловъ, — есть лѣтописи, записки современниковъ, памятники юридическіе, памятники литературы, науки,

искусствъ, живыя преданія народа. Отъ перваго же времени жизни нашего народа не сохранилось почти ничего подобнаго, — и первыя страницы нашей исторіи остаются ненаписанными. Онъ и останутся былыми до-тѣхъ-поръ, пока не приметъ въ этомъ участія филологія. Она одна можетъ написать ихъ. Пусть она и не скажетъ ничего о лицахъ дѣйствующихъ, пусть обойдется въ своемъ разсказѣ и безъ собственныхъ именъ; безо всего этого она будетъ въ состояніи разсказать многое и обо многомъ. Она передастъ быль первоначальной жизни народа, его нравовъ и обычаевъ, его внутренней связи и связей съ другими народами — теми самыми словами, которыми выражалъ ее самъ народъ, — передастъ тѣмъ върыве и подробнѣе, тѣмъ глубже проникнетъ въ смыслъ языка, въ его соотношенія съ народной жизнью, и проникнетъ тѣмъ глубже, тѣмъ большими средствами будетъ пользоваться при сравненіи языковъ и нарѣчій сродныхъ. Она не можетъ отказаться отъ возстановленія древнѣйшаго первобытнаго русскаго языка во всемъ его строе и составѣ, со всеми его формами и словами — если не со всеми безъ исключенія, то по-крайней-мѣрѣ со всеми главными. Объ этомъ думать могутъ ученые не какъ о мечтѣ, не какъ о забавѣ, за которою привольно отдыхать воображенію, утомленному мелочными изысканіями, а какъ о прямомъ своемъ долгѣ. Выполнить его окончательно, безъ-сомнѣнія, будетъ не по силамъ одного человѣка, и не одинъ изъ ученыхъ, отъ недостатка силы соображенія и знанія всего того; что слѣдуетъ сообразить, можетъ обмануть и себя и другихъ увлекательной невѣрностью своихъ выводовъ; но тернистый путь ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ, долженъ привести наконецъ къ желанной и уже видной цѣли, и раньше или позже филологія наша, со всей отчетливой правдивостью науки, покажетъ, какъ и что выражали наши древніе предки на языкѣ своемъ....

Вспомогательныя изысканія только что начаты ею; но начаты такъ разнообразно и при такомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, что и теперь можно видѣть, къ какимъ главнымъ выводамъ приведутъ они.

Позволяя себѣ остановиться на главныхъ чертахъ древняго первобытнаго русскаго языка, я ограничиваюсь на этотъ разъ немногими общими замѣчаніями о его состояніи въ то время, когда уже онъ отдѣлился отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, сдѣлавшись исключительнымъ достояніемъ русскаго народа.

Языкъ русскій этого времени, въ отношеніи къ своему строю, былъ при исходѣ развитія своихъ первобытныхъ формъ, уже началъ періодъ ихъ превращеній. Это выражалось и въ правильной системѣ звуковъ, и въ богатомъ разнообразіи формъ словообразованія и словозмѣненія, и въ опредѣленномъ различіи формъ словосочетанія. По своему составу онъ былъ уже богатъ какъ языкъ народа осѣдлаго, земледѣльческаго и до нѣкоторой степени промышленнаго, народа съ развитыми понятіями о бытѣ семейномъ и общинномъ, приготовленнаго къ соединенію въ одно цѣлое, народа съ разнообразными понятіями о природѣ и чловѣкѣ и съ вѣрованіями, хотя и закрытыми пеленой суевѣрій, но оживленными мыслію о единомъ Богѣ и безсмертіи духа. Внутреннюю силу языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народа, доказываетъ между прочимъ то, что другіе Славяне, жившіе вмѣстѣ съ Русскими, каковы были, кромѣ другихъ, переселенцы польскіе, роду лянскаго, Радичичи и Вятчи, поселись между Русскими, хотя и сохраняли нѣкоторое время свою независимость, но подѣ конецъ должны были отказаться отъ нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ особенностей своего говора, и перенявши отъ Русскихъ ихъ языкъ, не передали своего Русскимъ: на память отъ нихъ осталось только нѣсколько словъ, между которыми помѣстить надобно, можетъ-быть, и предлогъ *ы*, который въ польскомъ и другихъ сѣверо-западныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ такъ же незамѣнимъ, какъ въ югозападныхъ предлогъ *изъ*, одинаково распространенный и въ русскомъ.

Вникая въ подробности строя древняго русскаго языка, не можешь не замѣтить въ немъ чертъ, дающихъ ему право на особенное вниманіе филологів.

Между звуками гласными отличались резко широкіе и тонкіе, чистые или полные и глухіе. Защищая мнѣніе, что гласныхъ глухихъ (*ъ и ъ*) не было никогда въ языкъ русскомъ, не было какъ настоящихъ гласныхъ, а не какъ знаковъ показывающихъ значеніе предъидущихъ согласныхъ, едва ли можно его подтвердить какими-нибудь основательными доказательствами. Доказательства же мнѣнія противнаго представляются не только въ памятникахъ русскихъ, но и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ памятникахъ русскихъ даже позднѣйшаго времени, напримѣръ XIII—XIV вѣка, они стоятъ часто такъ правильно на мѣстахъ своихъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія, что употребленіе ихъ понимали особенность ихъ значенія. Въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напримѣръ въ болгарскомъ, сербскомъ, хорутанскомъ,

словакомъ, чешскомъ, они придаютъ особенный характеръ звучности даже и до-сихъ-поръ. Нельзя никакъ, съ другой стороны, допустить предположенія, что глухіе гласные звуки не были древней, коренной принадлежностью звучности языка всѣхъ Славянъ, а явились уже въ слѣдствіе измѣненія его отроа. Такое предположеніе опровергается тѣмъ, что, присматриваясь къ правильности соответствія гласныхъ глухихъ съ гласными чистыми, въ каждомъ изъ нарѣчій славянскихъ, отдѣльно и во всѣхъ вмѣстѣ, нельзя не видѣть, что не глухіе произошли изъ чистыхъ, а чистые изъ глухихъ, и что отъ этого одинъ и тотъ же глухой звукъ измѣнялся, сообразно съ мѣстными требованіями звучности, въ различныя чистые; напримеръ вмѣсто древняго *trъzъ* стали говорить *торzъ, тарzъ, терzъ*, вмѣсто *сръzъ* — *серъ, саръ*, вмѣсто *връzъ* — *връ, вуръ, вуръ, вуръ*, вмѣсто *дръzъ* — *дръ, дръ, дръ, дръ*, и прочая. Не во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ одинаково употребленіе гласныхъ глухихъ по времени уменьшалось: нѣкоторыя нарѣчія, напримеръ болгарское и хорватское, хотя и выказали до нѣкоторой степени стремленіе замѣнять глухіе чистыми, но съ другой стороны еще болѣе выказали стремленіе противоположное замѣнять гласные чистые глухими; впрочемъ это пристрастіе къ гласнымъ глухимъ нельзя не разсматривать какъ явленіе мѣстное и воздѣйствіе, недоказывающее ни мало новости происхожденія глухихъ звуковъ. — Что касается до гласныхъ носовыхъ (*ж* и *а*), то хотя ихъ выговоръ и утратился, впрочемъ, съ самаго начала отдѣленія русскаго языка отъ другихъ славянскихъ нарѣчій; но сознаніе ихъ морфнаго значенія, отличнаго отъ значенія тѣхъ гласныхъ чистыхъ (*у* и *а*), звуки которыхъ они приняли, осталось еще на дѣлѣ: и въ новомъ своемъ видѣ они сохранили свою характеристическую особенность превращаться въ согласные *ж* и *к* (например *лужь* — *дѣму*, *жати* — *жѣну*). Къ числу особенностей древней звучности русскаго языка нельзя не причислить стремленія къ перемѣнѣ кореннаго *о* въ *о* въ началѣ словъ (*одина*, *освѣтъ*, *олень* и прочая), и къ перемѣнѣ *ъ* и *а*, послѣ *р* и *л*, при соединеніи съ другою согласной, въ *дъ* и или *дъ* *о* (*берегъ*, *серебро*, *молоко*, *молоки*, *ворогъ*, *порогъ*, *галган*, *золото* и прочая). Какъ быстро проникло въ языкъ это стремленіе, рѣшить трудно; можно впрочемъ думать, что хотя оно и обнаружилось съ рѣшительною силой при началѣ отдѣленія русскаго языка отъ другихъ нарѣчій, однако не разомъ разошлось по всему составу языка, и потому то могло не тронуть нѣкоторыхъ корней, оставивши

ихъ при прежнемъ, общемъ славянскомъ ихъ произношеніи (блѣды, плѣсти, плѣшь, слѣль, слѣдь, хлѣвь, хлѣвъ, брѣдь, брѣсти, грѣсть, дрѣмати, крѣлькъ, стрѣла, стрѣля, трѣпати, трѣбуха, стрѣль, клѣсти, платъ, плакати, грань, гладькъ, красти, страхъ, трѣя, трапа, и прочая). — Гласные звуки долгіе и короткіе не смѣшивались одни съ другими, отъвѣая смыслъ рѣчи, тѣ и другіе отдѣльно по своему, и долгота гласнаго звука отличалась отъ ударенія, съ которымъ сѣщалась въ послѣдствіи: это можно заключать отчасти по тѣмъ примѣрамъ удвоенія гласныхъ, которые встрѣчаются въ намятникахъ даже позднѣйшаго времени, отчасти по самому нынѣшнему выговору простаго народа, въ которомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно строго наблюдается различіе между долготой ударенія и долготой безъ ударенія, всего же болѣе по сравненію славянскихъ нарѣчій въ ихъ прежнемъ, древнемъ видѣ и въ нынѣшнемъ. — Звуки согласные сошедшія съ гласными, удерживали правильно свою твердость и столь же правильно смягчались. Древняя, переходная смягчаемость (ѣ въ ѣх и з, к въ ч и ц, х въ ш и с, д въ ж, т въ ч, з въ ж, ы въ ч, с въ ш, и такъ далѣе) не была смѣшиваема со смягчаемостью непосредственною (ръ въ рѣ, лѣ въ лѣ, дѣ въ дѣ, сѣ въ сѣ и тому подобныя); послѣдняя, не замѣняя первой, не распространялась въ своихъ коренныхъ предѣлахъ: отъ этого ѣ, к, х не могли, при соединеніи съ ч, измѣнять ы въ и, и прочая. Многія изъ условій этой древней правильности теперь уже утрачены, но не всѣ и не всѣхъ, болѣе всего въ склоненіи, и эти остатки вмѣстѣ съ данными, представляющимися въ намятникахъ письменности русокой, и въ другихъ нарѣчіяхъ славянскихъ, достаточно убѣждаютъ, что подвижность согласныхъ звуковъ была въ древнемъ русскомъ языкѣ столь же сильна какъ и въ старославянскомъ, и въ болышой части случаевъ одна и таже.

Подчиняясь условіямъ выраженія отъвѣковъ понятій, корни древняго русскаго языка и сами по себѣ видоизмѣнялись, и легко принимали многообразныя формы словообразованія и словозмѣненія. — Такъ между прочимъ въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ, въ причастіяхъ и мѣстоимѣніяхъ строго соблюдались — и законъ наращанія, и законъ опредѣляемости: слова наращаемыя и опредѣляемыя различались въ образованіи и въ измѣненіяхъ своихъ отъ ненаращаемыхъ и неопредѣленныхъ. Съ существительными мужскаго и женскаго рода на м. (рѣльмъ, любь), мужскаго и средняго на а-на (старославянскаго а на

примѣръ: *рама, стѣма, тѣма*), средняго на *о* (напримѣръ *тѣло, небо*), женскаго на *и* (*мама, дѣчи*), принимавшими нарощенію въ косвенныхъ падежахъ, были въ соответствіи наращаемы прилагательныя сравнительной степени мужскаго рода (*святѣмъ, болѣе*) и причастія (*веды веда, елма = старославянскаго елма*), принимавшія нарощенію и въ косвенныхъ падежахъ мужскаго рода, и во всѣхъ падежахъ женскаго и средняго (именительный женскаго *будучи, елѣачи, ведыши*, именительный средняго *будуче, елѣаче, ведыше*). Прилагательныя и причастія неопредѣленныя удерживали склоненіе существительное (*чистѣ, чиста, чисту, чистомѣ, чистѣ—веды, ведуча, ведучу* и прочая), между-тѣмъ какъ опредѣленныя имѣли свое особенное (*чистыми, чистааго, чистууму, чистымѣ, чистѣмѣ,—веды, ведучааго* и прочая), а мѣстоименія свое отдѣльное (*тѣ, того, тому, тѣмѣ, томѣ* и прочіе). — Разко отличались три рода и три числа, и хотя не всѣ три принимали особенныя окончанія для каждаго изъ семи падежей склоненія; но три главныя падежа даже въ двойственномъ числѣ были различны. — Въ глаголахъ отдѣлялись правильно три вида, три залога, три наклоненія, три времени, три лица, три числа. — Наклоненіе неопредѣленное не потеряло еще своей измѣлимости и употреблялось въ двухъ особенныхъ формахъ: прямой и достигательной (на *и* и на *ѣ* или *ѣ*: *нести—несть, печи—лечи*). — Время настоящее простое употреблялось и въ значеніи будущаго, какъ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ, но за то сохранялось два прошедшихъ простыхъ: совершенное и переходящее (на *хъ* и на *ахъ*: *велѣхъ* и *велѣахъ*), и при томъ время прошедшее совершенное выражалось двумя отдѣльными формами (напримѣръ *обрѣхъ, рѣхъ, — обрѣтохъ, рекохъ*). — Времена сложныя были очень разнообразны не только для отгвненія понятій залога страдательнаго, но также и для дѣйствительнаго и средняго, особенно для выраженія условности и соотношенія дѣйствій (напримѣръ *видѣаи гесмѣ, еидѣаи бѣхъ, видѣль гесмѣ, едѣль бѣхъ, видѣль быхъ, видѣль буду, видѣти буду, видѣти зочу, видѣти и.ма.мѣ*, и прочая) и для безличныхъ формъ (напримѣръ *бѣ видѣти*). — Особенными окончаніями отдѣлялись лица: между прочимъ третье лице всегда почти удерживало при себѣ мѣстоименное окончаніе *т* (напримѣръ *виетѣ, виетѣа, виютѣ—вйтѣ, вистѣ, вишѣа (тѣ)—вишѣетѣ, вишѣа, вишѣхутѣ*).

Богатство, разнообразіе и опредѣленность словозмѣненія отражались въ складѣ рѣчи богатствомъ, разнообразіемъ и опредѣленностью

формъ словосочетанія. Для каждаго изъ трехъ главныхъ сочетаній словъ — прямаго, вопросительнаго и относительнаго — были свои отдѣльныя условія расположенія словъ. Многообразіе формъ словосочетаній помогали между прочимъ времена сложныя, формы возвратнаго глагола вмѣсто страдательныхъ (например *слышится* вмѣсто *слышимъ* *иста*), дательный-самостоятельный причастный, (например *деи бывшею, грозъ будучи*), винительный причастный (например *манитъ его умирая*), самостоятельное неопредѣленное наклоненіе въ смыслѣ повелительномъ и условномъ (например *дати ему* вмѣсто *дай ему, дати ему не дай и говориши не говори*). Особенную опредѣленность выраженіямъ придавало употребленіе падежей, изъ которыхъ ни одинъ не требовалъ передъ собою предлога непременно, и между тѣмъ каждый могъ съ нимъ соединяться: понятие принадлежности выражалось родительнымъ и дательнымъ (*рабъ господя, князь Кыясу*), орудіемъ — родительнымъ, дательнымъ, творительнымъ (*алъизъ духа, бысть чуду, кльнется небомъ*), время — винительнымъ, творительнымъ, предложнымъ (*ажмусъ, зимаю, зимь*), мѣсто — дательнымъ и предложнымъ (*идеть Кыясу, — бысть Кыясу*) и прочая.

Если сравнить древній русскій языкъ, въ отношеніи къ строю, съ другими славянскими нарѣчiami въ нихъ древнемъ видѣ, то нельзя не замѣтить, что онъ въ первобытномъ своемъ состояніи ближе всего подходилъ къ нарѣчію старославянскому и вмѣстѣ съ нимъ всего болѣе сохранялъ черты первообразнаго общаго славянскаго строя. Онъ даже превосходилъ его до некоторой степени въ этомъ отношеніи: уступалъ ему, а вмѣстѣ съ нимъ хорутанскому и польскому, въ означеніи гласныхъ носовыхъ, но върѣе сохранялъ непосредственное смягченіе согласныхъ (*р, л, с* и другихъ), употребленіе местоименнаго окончанія *тъ* для означенія третьяго лица въ спряженіи и такъ далѣе.

Почти всѣ выводы о строѣ древняго языка русскаго не иначе возможны какъ на основаніи наблюденій надъ памятниками X—XIV вѣка и еще болѣе поздними, памятниками, въ которыхъ языкъ представляется уже въ болыпей или меньшей степени уклонившимся отъ первоначальнаго своего положенія, и которые притомъ отпечатали на себѣ, одни менѣе, другіе болѣе, черты вліянія языка старославянскаго, а чрезъ него и греческаго. Не должно забывать при этомъ, что нѣкоторыя изъ нихъ писаны людьми не русскими, даже не Сл-

янами, людьми, которые худо знали по-русски, худо понимали требованія языка славянскаго, мало заботились о томъ, какъ бы избѣгать ошибокъ въ своихъ выраженіяхъ. Въ такихъ памятникахъ нельзя пользоваться одинаково всею, для опредѣленія особенностей языка даже и того времени, когда они писаны, не только времени прежняго и еще болѣе отъ насъ отдаленнаго. Тѣмъ не менѣе странно было бы отвергать возможность ими пользоваться, и все выводы изъ нихъ о древнемъ русскомъ языкѣ считать сомнительными. Русскихъ памятниковъ X—XIV вѣка, даже не прилагая къ нимъ болѣе позднихъ, довольно для того, чтобы правильно судить о языкѣ русскомъ этого времени, отличать въ нихъ элементъ старославянскій отъ чисто русскаго, не смѣшивать описокъ вольныхъ и невольныхъ съ тѣмъ, что правильно, и при сличеніи элементовъ, одного съ другимъ, видѣть, что, несмотря на ихъ отличія, было между ними и много общаго, гораздо болѣе общаго, чѣмъ между языкомъ старославянскимъ и нынѣшнимъ языкомъ русскимъ. Отдѣливши изъ языка этихъ памятниковъ все то, что немогло принадлежать языку русскому, и попалось въ нихъ или по вліянію старославянскаго или по ошибкѣ, не трудно будетъ замѣтить, что русскій языкъ X—XIV вѣка, точно такъ же какъ и другіе славянскія варьчія этого времени, былъ въ состояніи переходномъ. Древнее мѣшалось въ немъ съ новымъ; формы древнія и новыя употреблялись безразлично, новыя формы какъ выраженія того направленія, которое языкъ долженъ былъ принять въ послѣдствіи, а древнія какъ голось еще не умершаго прошедшаго. Отличать древнія формы отъ новыхъ также не трудно, если только не опускать изъ виду общаго хода измѣненія языка, понимать ходъ измѣненій другихъ родственнѣе языковъ и нарѣчій, и, не отказываясь отъ сравненій всего, что можетъ и должно быть сравниваемо, помощію методы сравнительной присматриваться въ памятникахъ къ тѣмъ отрывочнымъ остаткамъ древности, которые, какъ ни кажутся незначительны каждый въ отдельности, сближенные между собою, почти всегда очень важны для объясненія условій характера древняго языка. Если же только древнія формы языка отличены отъ новыхъ, и поняты общія качества языка, оставшіяся въ немъ, несмотря на все его измѣненія, неизмѣнными, то остается ихъ систематизировать, — и если весь трудъ ведется съ должной осторожностью, то и общіе выводы наблюдателя о

древнемъ языкѣ не могутъ подлежать сомнѣнью. Наблюдатель можетъ, безъ-сомнѣнія, надѣлать въ выводахъ ошибокъ своей правды-т ельностью при разборѣ фактовъ, своимъ незнаніемъ того, что должно знать, слабостью соображенія; но это его личная вина, которую поправятъ другіе, а не вина методы, имъ употребленной для рѣшенія вопроса. Всего болѣе можетъ мѣшать увѣренность, при которой позволяютъ себѣ оставаться многіе, что языкъ русскій, при переходѣ отъ древняго своего состоянія къ новому, измѣнился въ словахъ и слогахъ болѣе чѣмъ въ формахъ, и что въ старыхъ памятникахъ нашихъ формы языка, отличныя отъ нынѣшнихъ, чуть ли не все взяты книжниками изъ старославянскаго, а въ народѣ никогда не были. При такой увѣренности невозможно дойти до уразумѣнія русскаго языка не только въ его древнѣйшемъ первобытномъ видѣ, но и въ каждомъ изъ тѣхъ періодовъ, которые пережилъ языкъ русскій послѣ. Сравнительное изученіе славянскихъ наречій, подкрѣпленное разумнѣмъ сходства и сродства, въ характеристическихъ чертахъ и въ измѣненіяхъ, языковъ индо-европейскихъ вообще, одно можетъ побѣдить эту неосновательную увѣренность и помочь гадать на прошедшія судьбы русскаго языка не какъ на приракъ воображенія. Особенно поучительны для русскаго эололога памятники чешскаго и сербскіе XIII—XIV вѣка, какъ памятники наречій до-сихъ-порѣ живущихъ и уже однако во многомъ противъ прежняго чешско-сербскаго изъ нихъ ясно видно, что значить смѣшеніе формъ древнихъ и новыхъ и постепенное угасаніе первыхъ. Сравните формы этихъ памятниковъ съ формами памятниковъ поздневѣковыхъ, и увидите, какъ наконецъ многія древнія формы совершенно угасли, и какъ въ сдѣланіе этого языкъ получилъ новый видъ, хотя большая часть словъ и осталась та же, а въ произведеніяхъ переводныхъ, надписяхъ въ книгахъ Славянскаго Писанія, остался тотъ же и слогъ. Такое переломное состояніе было и въ языкѣ русскомъ, и, кажется, въ то же время, какъ и въ западныхъ наречіяхъ славянскихъ — въ XIII—XIV вѣкѣ. Чужіе болѣе бытъ изучены памятники русскіе этого времени и продолжатъ, тамъ, гдѣ будетъ, понять языкъ русскій въ его древнѣйшемъ состояніи.

IV.

Другой вопросъ исторіи русскаго языка :

— Какъ языкъ русскій измѣнился съ тѣхъ-порѣ, какъ народъ

русскій занялъ свое отдаленное мѣсто между народами Европы? Какимъ путемъ достигъ своего нынѣшняго положенія подъ вліяніемъ своей бытвой дѣятельности душа русскаго народа и подъ вліяніемъ обстоятельствъ внѣшнихъ?

Желая остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ этого вопроса, позволю себѣ предварительно сказать нѣсколько словъ объ измѣненіи границъ русскаго языка и о необходимости разсматривать въ исторіи русскаго языка отдаленно языкъ народа и языкъ книжный.

Границы русскаго языка измѣнялись постепенно. Не тѣ они были въ древности, что нынѣ. Съ одной стороны онъ раздвигался все далѣе на востокъ; съ другой, отодвинулся отъ запада къ востоку.

Граница пространства, которое занимали Славяне Руссіе издревле, сколько можно судить по соображенію отрывочныхъ данныхъ, на сѣверѣ шла по украину бассейну свершиль Чудский озеро, такъ что къ ней были берега Пейпуса и Волхона, и озера Ладозскаго; на востокѣ — по Тверцу она спускалась къ Волгѣ, а по Москвѣ-ракъ къ Оцѣ, потомъ отъ истоковъ Дона внизъ по Дону къ Саснѣ, ниже вершинъ Оскола къ Денку и по Орли къ Днѣпру и степямъ; на югѣ — касалась этихъ дикихъ полей, тянулась она къ устью Буга, а за Бугомъ на черноморскому побережью къ устью Дуная; на западѣ — отъ Дуная поднималась она по Серотѣ къ Боскидамъ, воротилалась по мшищамъ сѣверу къ хребту шкъ къ верховьямъ водъ Тисы и по сѣвернымъ скатамъ къ верхнему Дунайцу, далѣе черезъ восточныя верховья вѣдочата Вислы къ среднему Навио и чрезъ Вилью и Двину къ озерамъ. Тутъ на сѣверо-западѣ Славяне Руссіе соседни съ народомъ литовскимъ и съ поморскими колоніями карсаровъ балтійскихъ; на сѣверѣ и сѣверо-востока съ Чудью; на востокѣ и юго-востока съ народами турецко-татарской крови, на югѣ отчасти съ ними же, отчасти съ соседними Греками и Румынами; на западѣ принакали къ селамонитамъ славянъ, Славянамъ западнымъ. Нельзя сказать, чтобы въ этихъ границахъ всенароднонаселеніе было исключительно русское: колоніи чужеродныя не только у границъ, но кое-гдѣ и въ осрединѣ земель, были; можетъ-быть, и довольно значительны; равнымъ образомъ были и колоніи западныхъ Славянъ, вѣроятно поселеніемъ Радимичей и Велитей, происшедшихъ изъ лѣскаго рода. Тамъ не менѣе главная масса была русская, которой части отличалась болѣе многими правилами, обычаями, степенемъ образованности, чѣмъ другими и составомъ

языка. Съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы только въ этихъ границахъ и былъ заключенъ весь народъ русскій: его колоніи издревле выходили изъ этихъ границъ и на востокъ и на западъ. Къ такимъ колоніямъ русскимъ на востокъ должно, кажется, причислить славянское народонаселеніе болгарскаго Поволжья и Черноморья тму-тараканскаго. На западъ колоніи русскія были и въ земляхъ литовскихъ и въ польскихъ, и между Словаками въ горахъ карпатскихъ, и въ Венгріи, Трансильваніи, Валахіи, и въ Болгаріи, Эракіи, Македоніи, Албаніи, Элладѣ. Впрочемъ на западъ не только не удержались эти колоніи, но и пограничныя части народа русскаго, смѣшиваясь съ народонаселеніемъ не-русскимъ, отодвигали, въ продолженіе періода удѣловъ, народную границу русскую на востокъ и на сѣверъ. Сильно было и вліяніе Литовцевъ, Венгровъ, Поляковъ, Румуновъ, и вліяніе степныхъ Ордынцевъ. Уже послѣ періода удѣловъ и еще болѣе съ XVI—XVII вѣка границы языка русскаго на западъ, преимущественно на юго-западъ, стали опять раздвигаться и наконецъ дошли до береговъ Чернаго моря и Дуная. На сѣверо-востокъ и юго-востокъ, хотя вкотрѣхъ колоніи и были въ древнее время задавлены наплывомъ чужеродцевъ, но за-то позже новыя колоніи промышленниковъ русскихъ все болѣе увеличивались, все болѣе стѣсняли жилища прежнихъ обитателей, распространяли между ними знаніе русскаго языка, въ замѣнъ ихъ природнаго, достигли морей Бѣлаго и Каспійскаго и хребта Урала, и потомъ перешли въ Азію. Исторія довольно подробно написала въ своихъ страницахъ это и дальнѣйшее распространеніе русскаго языка вмѣстѣ съ ходомъ развитія политическаго могущества Россіи. И кому не извѣстно, какъ то, что дѣлалось прежде безсознательно торговымъ духомъ купцовъ новгородскихъ и вонскимъ духомъ ватагъ казацкихъ, получило новый характеръ, силу и прочность, съ-тѣхъ-поръ, какъ расселеніемъ Русскихъ и распространеніемъ русскаго языка на востокъ стало управлять правительство русское, употребляя русскій языкъ какъ орудіе просвѣщенія и образованности. Нельзя при этомъ не замѣтить, что несмотря на разнородныя сближенія русскаго языка съ иноплеменными, въ очень немногихъ пограничныхъ краяхъ образовались тѣ смѣшанные говоры, въ которыхъ оба языка смѣшивающіеся одинаково тратятъ самостоятельность своего строя. Несравненно болѣе примѣровъ тому, что и русскіе переселенцы, при сближеніи съ инородцами, и инородцы, сближавшіеся съ Русскими,

только обогащали свой природный языкъ словами для выраженія понятій и предметовъ, прежде для нихъ чуждыхъ, и что за этимъ следовало почти постоянно то, что инопородцы принимали русскій языкъ, только примѣняя его къ своему выговору.

Какъ бы то ни было, исторія русскаго языка, слѣдя за географическимъ измѣненіемъ его пространства, при обзорѣни его измѣненій, не можетъ не отдѣлять языка собственно народнаго отъ языка книгъ и людей, образуемыхъ книгами.

Исторія многихъ народовъ запада и востока представляетъ разительные примѣры силы обстоятельствъ, заставлявшихъ вѣру, законъ, науку и искусство чуждаться общенародности выраженія своихъ положеній, узаконять для себя языкъ, совершенно непонятный народу, и книгу, существующую для жизни, оставаться хоть и подлѣ, но внѣ народной жизни. Такъ было на востокъ браминскомъ, буддѣйскомъ, магометанскомъ; такъ было и на латинскомъ западѣ, гдѣ слѣды этого остаются еще и до-сихъ-поръ. У насъ было не такъ. Русскій народъ, сколько ни испытывалъ волненій въ бытѣ политическомъ, всегда однако твердо удерживалъ свою самобытность, никогда не поддавался насильственному господству другихъ народовъ, никогда не подчинялъ своего языка игу другихъ языковъ, никогда не былъ принужденъ признавать языка, чужаго своему смыслу, орудіемъ вѣры, закона и литературы. Въ христіанствѣ православномъ, прежде чѣмъ русскій народъ сдѣлался его причастникомъ, уже поднятъ былъ вопросъ о выраженіи его вѣчноживыхъ истинъ живымъ народнымъ словомъ. Вѣроятно, не слишкомъ долго спустя послѣ Готевъ, и Славяне стали пытаться передавать на своемъ языкѣ мѣста изъ книгъ Священнаго Писанія и молитвы. Славяне юго-западные могли начать эти попытки въ VI—VII вѣкахъ, Славяне сѣверо-западные и восточные въ IX. О русскомъ переводчикѣ Евангелія и Псалтыря сохранилось преданіе, какъ о современникѣ первоучителей славянскихъ, братьевъ Константина и Меодія, совершившемъ свой подвигъ прежде, чѣмъ начали свой подвигъ для Славянъ эти святые братья; чешскія глосы къ латинскому тексту Евангелія Іоанна также современны Константину и Меодію. Подобныя попытки Славянъ переводить Слово вѣры на свой языкъ не могли не содѣйствовать водворенію мысли о народности богослуженія, такъ удачно защищенной братьями первоучителями передъ своими латинскими противниками, — и когда русскій народъ обратилъ

ся къ христіанству, онъ нашель уже все книги, необходимыя для богослуженія и для поученія въ вѣрѣ, на нарѣ отличавшемся отъ его народнаго нарѣчія очень немногимъ. Книги эти послужили основаніемъ письменности русской: она пошла по пути, указанному ими, удерживая постоянно въ близкомъ сродствѣ языкъ свой съ языкомъ народа.

Несмотря впрочемъ на то, что многое, повидимому, содѣйствовало постоянной близости книгъ и народа, въ языкъ русскомъ постепенно отделились одинъ отъ другаго, какъ два нарѣчія, языкъ книжный и языкъ простонародный. Главная причина этого отдѣленія заключалась въ необходимой неподвижности языка, освященнаго Церковію: какимъ бы измѣненіямъ ни долженъ былъ подвергаться языкъ народа, языкъ книгъ богослужебныхъ долженъ былъ оставаться тѣмъ же самымъ, чѣмъ былъ сначала; самъ народъ, чѣмъ болѣе крѣпъ въ вѣрѣ и благочестіи, тѣмъ болѣе почиталъ этотъ языкъ, и сохраняя его особенности, сколько могъ понимать ихъ, нарушалъ ихъ въ пользу своего народнаго только безсознательно. Скорѣе могли быть допущены въ этотъ священный языкъ заимствованія изъ чужихъ языковъ, не нарушавшія важности его, чѣмъ заимствованія изъ языка обыденнаго, болѣе богатаго жизнію, но за то и болѣе связаннаго съ мелочами жизни. Наука, оставаясь подъ покровомъ вѣры, также должна была держаться языка принятаго вѣрой, и по мѣрѣ какъ нуждалась въ выраженіи своихъ положеній, развивала этотъ языкъ, не заботясь о томъ, что тѣмъ удаляла его все болѣе отъ языка народнаго. А между-тѣмъ, въ слѣдствіе связей съ западомъ, вліяніе иноземное на вкусъ и понятія высшихъ классовъ вообще и особенно людей, въ рукахъ которыхъ была письменность, возрастало все болѣе и все сильнѣе отражалось на языкъ книгъ и образованнаго общества: языкъ этотъ умножалъ свой составъ массами словъ, болѣе чуждыми для народа по звукамъ и значенію, чѣмъ самыя понятія, которыя выражаемы были ими; а вслѣдъ за словами принималъ въ себя и обороты и формы общаго склада рѣчи, столько же чуждыя обычаю народному. Съ другой стороны языкъ народный самъ подчинялся обстоятельствамъ удалявшимъ его отъ прежней близости съ языкомъ книгъ. Подчиненный внутреннему закону измѣняемости, онъ шель все далѣе по пути измѣненій въ своемъ составѣ и строѣ. Вліяніе тѣхъ народовъ, съ которыми вступалъ онъ въ связи въ разныхъ краяхъ своего пространства, отражалось на немъ такъ же сильно и разнообразно, какъ вліяніе

чужезарной образеи прѣйти на языкъ книжномъ. Причины внутреннія и внѣшнія дробили языкъ народа на мѣстные говоры и нарѣчія. Такъ съ теченіемъ времени должны были языкъ книгъ и языкъ народа отдѣляться одинъ отъ другаго довольно рѣзкими особенностями, — и только въ слѣдствіе иныхъ благопріятныхъ причинъ могли они опять сблизиться хотя до нѣкоторой степени въ одно цѣлое. — Такимъ-образомъ исторія русскаго языка представляется связью нѣсколькихъ исторій отдѣльныхъ, и двѣ главныя изъ нихъ — исторія языка простонароднаго и исторія языка книжнаго, литературнаго. На ту и на другую филологъ долженъ обращать вниманіе отдѣльно, и такъ какъ жизнь языка въ книгѣ возможна только потому, что есть или была жизнь языка въ народѣ, то исторію народнаго языка онъ долженъ изучать прежде и даже болѣе, чѣмъ исторію книжнаго.

V.

Доказывая, что народный языкъ русскій теперь уже далеко не тотъ, что былъ въ древности, довольно обратить вниманіе на его мѣстные оттънки, на нарѣчія и говоры, въ которыхъ его строй и составъ представляются въ такомъ многообразномъ развитіи, какое конечно никто не станетъ предполагать возможнымъ для языка древняго, точно также, какъ никто не станетъ защищать, что и нарѣчія славянскія и всѣ сродные языки Европы всегда различались одни отъ другихъ на столько, на сколько различаются теперь. Давни, но не ископны черты, отдѣляющія одно отъ другаго нарѣчія сѣверное и южное — великорусское и малорусское; не столь уже давни черты, разрознившія на сѣверъ нарѣчія восточное — собственно великорусское и западное — белорусское, а на югъ нарѣчія восточное — собственно малорусское и западное — русинское, карпатское; еще новѣе черты отличія говоровъ мѣстныхъ, на которое развилось каждое изъ нарѣчій русскихъ. Конечно всѣ эти нарѣчія и говоры остаются до-сихъ-поръ только оттънками одного и того же нарѣчія и ни мало не нарушаютъ своимъ несходствомъ единства русскаго языка и народа. Ихъ несходство во-все не такъ велико, какъ можетъ показаться тому, кто не обращалъ вниманія на разнообразіе мѣстныхъ говоровъ въ другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, напримѣръ въ языкъ итальянскомъ, французскомъ, англійскомъ, немецкомъ, въ нарѣчія хорутанскомъ, словацкомъ, серб-

лужицкомъ, польскомъ. Очевидно, что хотя мѣстныя обстоятельства и имели свое вліяніе на русскій языкъ, но, сравнительно, вовсе не столь рѣзкое и сильное какъ въ другихъ языкахъ. Все это правда; тѣмъ не менѣе правда и то, что мѣстныя обстоятельства дѣйствовали и на измѣненія русскаго языка, что не каждое изъ его мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ одинаково сохранило то, что въ немъ было прежде, что всякое нарѣчіе къ тому, что было прежде, прибавило свое новое, что только въ немъ одномъ и есть. У каждаго нарѣчія была своя собственная судьба, болѣе или менѣе отличная отъ судьбы другихъ. Каждое нарѣчіе отличалось отъ другихъ не только особенными словами и выраженіями, но и формами образованія, измѣненія и сочетанія словъ, болѣе всего впрочемъ выговоромъ, и каждый говоръ отъ другихъ близкихъ почти исключительно однимъ выговоромъ.

Нарѣчіе великорусское отдѣлялось отъ малорусскаго болѣе всего необходимою смягчаемостью согласныхъ при ихъ сліяніи съ гласными тонкими и неудареніемъ кореннаго выговора гласныхъ, неопредѣляемыхъ удареніемъ. Въ слѣдствіе необходимости смягчать согласныя передъ гласными тонкими, буквы *г, к, х* потеряли свое природное свойство оставаться постоянно твердыми: и послѣ нихъ стало невозможно. Въ слѣдствіе неударенія кореннаго выговора гласныхъ, на которыхъ нѣтъ силы ударенія, *е* безъ ударенія выговаривается то какъ *а*, то какъ *и*, въ обоихъ случаяхъ удерживая передъ собою согласную мягкую, *о* безъ ударенія выговаривается во многихъ мѣстахъ какъ *а*, а въ некоторыхъ случаяхъ даже какъ *у*. Къ этому прибавить еще должно, что смягчаемость согласныхъ переходная при измѣненіи словъ во многихъ случаяхъ и во многихъ мѣстахъ пропала тамъ; гдѣ бы ее можно было ожидать (*ръкъ* вмѣсто *ръць*, *роги* вмѣсто *рози*, *блѣтитъ* вмѣсто *блѣжить* и тому подобное). Вмѣстѣ съ тѣмъ она появлялась тамъ, гдѣ прежде выговоръ народный могъ обойтись и безъ нее: хотя и не на всемъ пространствѣ нарѣчія, однако во многихъ мѣстахъ вмѣсто *дѣ* и *тѣ* стали выговаривать *дѣь* и *цѣь* (*говорицѣь* вмѣсто *говоритъ*, *радѣцѣь* вмѣсто *радѣтъ* и тому подобное). Это «цвяканье», какъ обыкновенно говорится въ народѣ, считаютъ исключительною особенностью говора бѣлорусскаго, и столь важною, что по одной ей дали говору бѣлорусскому названіе особеннаго нарѣчія, въ слѣдствіе чего и дѣлятъ народный русскій языкъ на три главныхъ нарѣчія, а не на два. Но «цвяканье» можно слышать не въ однихъ западныхъ краяхъ велико-

русскаго нарѣчія : на востокъ, по Окъ и dalje къ Волгѣ оно также въ обычаѣ, и придавая собою звучности рѣчи какую-то рѣзкость, отмѣчается народомъ, къ нему непривычнымъ, какъ что-то отвратительное или по-крайней-мѣрѣ смѣшное. Къ этой особенноти говора бѣлорусскаго прибавляютъ въ дополненіе нѣсколько другихъ, какъ на-примѣръ перемѣниваніе *у* и *е*, выговоръ *г* какъ *н*, и тому подобное; но все это можно слышать въ разныхъ мѣстныхъ говорахъ великорусскихъ. Вообще до-сихъ-поръ не отмѣчено въ бѣлорусскомъ говорѣ ни одной такой черты, которая бы не повторилась хотя гдѣ-нибудь въ Великой Руси. Вотъ почему, кажется, гораздо правильнѣе бѣлорусскій говоръ считать мѣстнымъ говоромъ великорусскаго нарѣчія, а не отдѣльнымъ нарѣчіемъ. Въ бѣлорусскомъ есть, конечно, много особенныхъ словъ, непонятныхъ каждому Великооруссу; но и всякій другой говоръ богатъ ими.

Нарѣчіе малорусское отдѣлилось отъ великорусскаго преимуще-ственно сжатостью выговора согласныхъ твердыхъ и переходомъ разныхъ гласныхъ широкихъ изъ кореннаго звука въ другой. Въ слѣдствіе сжатости выговора согласныхъ твердыхъ, нѣкоторые изъ нихъ утратили свой полный звукъ: такъ между прочимъ *л* твердый или переходитъ въ *у* полугласное (*говориу*, *поуный*) или выговаривается какъ западное *l*. Отъ сжатости же согласныхъ произошла и утрата *ы*, которое смѣшалось съ *и* (*мило* и *мыло*, *лисъ* и *лысъ*) выговариваются одинаково). Что касается до перехода гласныхъ широкихъ изъ кореннаго звука въ другой, то въ этомъ отношеніи болѣе всего замѣчательна буква *о*: на востокъ она переходитъ въ *и*, смягчающее предъидущую согласную, не только коренную, но и призывную, а на западъ чаще въ *у*, кое-гдѣ не смягчающее и болѣею частію смягчающее согласную (вмѣсто *богъ* говорятъ *биг*, *буг*, *буиг*, *бјуг*, вмѣсто *отъ* — *вид*, *вуд*, *вјуд*, вмѣсто — *овца* — *вивця*, *вувця*, *вјуця* и тому подобное). Переходъ *о* въ *и* повторился еще только въ одномъ нарѣчій славянскомъ, въ нарѣчій уже исчезающемъ Славянъ эльбскихъ, люнебургскихъ. Въ числѣ важныхъ особенностей малороссійскаго нарѣчія ставятъ и выговоръ *ь* какъ *и*; но это повторяется и въ говорахъ великорусскихъ. Гораздо важнѣе то, что Малоруссы сохранили несравненно болѣе чемъ Великооруссы переходную смягчаемость согласныхъ (*бережи* — береги, *на рици* — на рѣкѣ, *на порози* — на порогѣ и тому подобное), не перемѣнили *ы* и *и* на *о* и

е въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этимъ отличили отъ старославянскаго свой выговоръ Великоруссы (*крыти*—*крыю, крыѣ*, а не *кряю, крѣѣ*,—*мыти*—*мыю, мый*, а не *мою, мой*,—*лити*—*лѣѣ*, а не *лей*,—*вити*—*вѣѣ*, а не *вей*, *хромый*, а не *хромой*, *кый* а не *кой*, *сѣѣ* а не *сѣѣ*). Также очень важно сохраненіе нѣкоторыхъ формъ измѣненія словъ, на примѣръ особеннаго окончанія звательнаго падежа (*сестронько, козаچه, братику*), будущаго сложнаго съ помощью глагола *имю-имешь* (на примѣръ *знат-имю, знат-имешь, знат-иметь*—буду знать и тому подобное) Мѣстные говоры малорусскіе также разнообразны какъ и великорусскіе, и болѣе другихъ замѣчательны своими особенностями говоры западные—въ Черниговской губерніи, въ Галиціи и Венгріи, преимущественно говоры горцевъ бескидскихъ. Тамъ, гдѣ сблизилось малорусское нарѣчіе съ говоромъ бѣлорусскимъ, образовались особенные смѣшанные говоры; это явленіе повторилось отчасти и въ другихъ границахъ великорусскаго нарѣчія; на примѣръ въ губерніи Воронежской. Тоже самое нельзя не замѣтить и на западныхъ границахъ нарѣчія малорусскаго въ Венгріи: тамъ сближеніе Малоруссовъ со Словаками породило нѣсколько говоромъ словацко-русокихъ и русско-словацкихъ.

Довольно обратить вниманіе на мѣстныя видоизмѣненія русскаго языка, чтобы указать что народный русскій языкъ теперь уже далеко не тотъ, что былъ въ древности, довольно, если бы даже и не было возможности узнать ни одного факта касательно древняго русскаго языка. Но однимъ изученіемъ нынѣшняго разнообразія мѣстныхъ нарѣчій и говоромъ не можетъ ограничиться филологъ, если у него въ виду объяснить историческій ходъ измѣненій русскаго языка въ народѣ. Въмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ языка на мѣстныя нарѣчія, шло и его общее постепенное удаленіе отъ первоначальнаго его вида на всемъ его пространствѣ. Идя путемъ превращеній, онъ всюду терялъ, хотя и не въ одно и то же время, свои древнія формы и слова, и вмѣсто ветшающихъ принималъ новыя, хотя и не всюду совершенно одны и тѣ же, но всюду сходныя, и въ этомъ ходѣ превращеній зависѣлъ не отъ мѣстныхъ причинъ, подъ влияніемъ которыхъ отчасти образовывались нарѣчія, а отъ общихъ законовъ измѣняемости языковъ. На каждомъ изъ нарѣчій отпечатывался общій ходъ измѣненій языка, но только отчасти, и такъ, что многое, что было въ языкѣ прежде, не сохранилось ни въ одномъ изъ нихъ.

Въ измѣненіяхъ своихъ русскій языкъ шелъ тѣмъ самымъ путемъ, которыймъ шли и воь остальныхъ славянскія нарѣчія. Почти все, что было въ немъ прежде, было и въ нихъ; многое, что по времени терялъ и вновь приобреталъ онъ, теряли и вновь приобретали также и они. Всѣ нарѣчія славянскія, тѣмъ болѣе измѣнялись, чѣмъ болѣе удалялись одни отъ другихъ, и взаимное удаленіе ихъ во многомъ зависѣло отъ первоначальнаго вида подѣ влияніемъ причинъ мѣстныхъ; тѣмъ не мѣнѣ ходъ измѣненій въ его главныхъ чертахъ и условіяхъ былъ одинъ и тотъ же, и только примѣнялся къ обстоятельствамъ мѣстнымъ.

Такъ измѣненія звучности языка представляютъ слѣдующіе факты:

— Измѣнялась постепенно вся система звуковъ гласныхъ:—Одни изъ нихъ—именно носовыя ж и љ, глухіе ѣ и ѥ, широкое ы—постепенно выходили изъ употребленія, прежде огранчивали кругъ своего значенія, потомъ и совершенно пропадали, другіе звуки — именно: двугласные и средніе — являлись вновь, все болѣе умножаясь числомъ и расширяя кругъ значенія. Удаленіе гласныхъ звуковъ отъ первоначальнаго своего значенія выразилось переходомъ ихъ однихъ въ другіе, превращеніемъ въ согласные, выпущеніемъ изъ словъ и приставкою къ словамъ, гдѣ ихъ требуетъ не смыслъ, а понятіе народа о гармоніи или нужда облегчить выговоръ слова. Кроме всего этого, звуки гласные долгіе утрачивали свой характеръ, смѣшивались съ ударенными: ударенія тоже теряли свое прежнее значеніе, подчиняясь условіямъ вышнимъ, независимымъ отъ значенія слова. — Вотъ нѣсколько частныхъ замѣчаній объ этихъ измѣненіяхъ въ системѣ звуковъ гласныхъ:

«Гласные звуки долгіе и короткіе, съ удареніемъ и безъ ударенія слышны во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но вовсе не съ одинаковымъ значеніемъ. Въ нарѣчіяхъ югозападныхъ, равно и въ ченскомъ и словацкомъ, долгота отличается отъ ударенія, и гласные долгіе выговариваются вдвое длиннѣе противъ гласныхъ короткихъ; въ одномъ словѣ можетъ быть на одной изъ гласныхъ долгота, а на другой удареніе, въ некоторыхъ словахъ слышны только долгіе звуки, въ другихъ только короткіе, въ некоторыхъ долгота соединена съ удареніемъ на одномъ слогѣ, и всюду, гдѣ употребляется, употребляется какъ необходимость. Въ нарѣчіяхъ польскомъ, лужицкомъ, полабскомъ долгота уже не необходимость, а только украшеніе, совершенно произвольное, такъ сказать риторическое, принадлежащее почти исключительно слогамъ, обозначеннымъ удареніемъ, и зависящее въ употребленіи отъ воли говорящаго, а

не отъ требованій звучности языка. — Равнымъ образомъ и удареніе нево всѣхъ нарѣчійхъ одинаково сохранило давній свой характеръ. Съ кор-ней ихъ стали переносить въ словахъ на слоги прибавочные, и на-ко-нецъ, подчинивши ихъ вышнимъ условіямъ образованія словъ, оста-вили ихъ неподвижно на опредѣленномъ мѣстѣ во всѣхъ словахъ оди-наково, вовсе безъ отношенія къ составнымъ частямъ и формамъ об-разованія словъ. Такъ въ нарѣчійхъ югозападныхъ большая часть словъ удерживаютъ удареніе на предпоследнемъ или на первомъ сло-гѣ; въ нарѣчій польскомъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ сдѣлаюся необходимою; въ нарѣчій лужицкомъ слова двусложныя и трехсложныя удерживаютъ удареніе на первомъ слогѣ, а слова, состоящія бо-лее чѣмъ изъ трехъ слоговъ на третьемъ отъ конца; въ чешскомъ однимъ кажется необходимою обозначать удареніемъ первый слогъ слова, другимъ произносить слова вовсе безъ ударенія. — Въ русскомъ для ударенія нѣтъ опредѣленнаго мѣста, и дозваться до правилъ упо-требленія ударенія очень трудно: слоги и первые, и послѣдніе, и сред-ніе, коренные и придаточные, и тѣ, на которыхъ была, и на кото-рыхъ не была въ древности долгота, одинаково могутъ быть обозна-чаемы удареніемъ. По-видимому, много произвола должно было замѣшаться въ употребленіе удареній; тѣмъ не менѣе на всемъ простран-ствѣ русскаго языка большая часть словъ произносятся въ отношеніи къ ударенію одинаково. Равно и долгота слоговъ во всемъ русскомъ народѣ одинаково сдѣлалась принадлежностью реторики народной, не-зависимой отъ строя языка.

• Звуки *носовые* уцѣляли теперь только въ польскомъ и то уже не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы можно было ихъ ожидать: полный, ясный выговоръ ихъ сталъ зависѣть отъ ихъ положенія въ словѣ, и число словъ, въ которыхъ они перестаютъ быть слышны, все болѣе увеличиваются: такъ въ концѣ словъ (*sa, ida, ręka, mię, mę*), и пе-редъ окончательнымъ *l* (*wziął, dął*) они выговариваются глухо, въ иныхъ краяхъ безъ всякаго оттенка носоваго продолженія; такъ въ-которыя производныя слова отъ корней съ носовымъ звукомъ остает-ся безъ него (*gusta, nudzić, piekrzyć, sobota, trud*). Еще въ боль-шей степени нарушено было правильное употребленіе носовыхъ зву-ковъ въ нарѣчій балтійскихъ Славянъ. Въ другихъ нарѣчійхъ остались они только въ нѣкоторыхъ словахъ: такъ въ хорутанскомъ въ Ка-ринтіи, въ болгарскомъ въ Македоніи, и такъ далѣе. Въ большей ча-сти нарѣчій мѣсто носовыхъ заняли чистые или глухой *ъ*: въ серб-скомъ *у* и *е*, въ хорутанскомъ *о* и *е*, въ чешскомъ *у*, *а*, *е*, *и*, въ бол-гарскомъ *а*, *ъ*, *у*, *е*. — Въ русскомъ носовыхъ звуковъ не было, ка-

жется, уже при самомъ началѣ его отдѣленія отъ нарѣчій западныхъ: широкій носовой звукъ ж замѣненъ въ немъ посредствомъ у (*судъъ, рука, беру, воду, водою*, то есть *водоу*), а тонкій л посредствомъ а, смягчающаго предъидушую согласную (*мясо = мјасо, имя = имја, летятъ = летјатъ*).

Звуки *глухіе* хотя еще и сохраняются, слившись въ одинъ (ъ), въ сербскомъ, чешскомъ, словацкомъ, но только въ тѣхъ словахъ, гдѣ ихъ выговору помогаютъ р и л, и то не вездѣ съ одинаковою силою. Въ хорутанскомъ и болгарскомъ глухой гласный ѣ слышенъ несравненно чаще, но не вездѣ тамъ, гдѣ бы его можно было ожидать, а на мѣствъ другихъ гласныхъ звуковъ: болгарское нарѣчіе замѣняетъ носовые звуки; хорутанское — всѣ гласныя безъ исключенія, доводя это пристрастіе къ глухому звуку въ некоторыхъ краяхъ до такой крайности, что въ иныхъ выраженіяхъ нѣтъ вовсе никакихъ гласныхъ кромѣ глухаго ѣ (Вотъ для примѣра поговорка: въ вѣрв къ сѣмвѣрт вѣргъ, сѣм сѣ тѣрдъ тѣрн въ пѣрст вѣрл, пишуть ее впрочемъ иначе: *ko sim věrv v vērt vērgel, sim si tērdi tērn v'pērst vđērl*), нигдѣ и никогда такъ не выговаривая, какъ пишется). Во всѣхъ другихъ нарѣчійхъ его нѣтъ: въ хорватскомъ мѣсто его заняли е, у, въ лужицкомъ о, е, въ полабскомъ о, е, а, въ польскомъ о, е, а, у, и. И въ чешскомъ вездѣ, гдѣ нѣтъ подѣлъ ѣ ни р, ни л, онъ выговаривается какъ е или у, въ словацкомъ какъ о, е, у, а, въ сербскомъ какъ а. Равно и въ болгарскомъ мѣсто ѣ заступаетъ не рѣдко о, е, а, а въ хорутанскомъ о, е. Во всѣхъ нарѣчійхъ, кромѣ этого, есть обычай совершенно опускать глухой гласный звукъ, ничѣмъ его не замѣняя: болѣе другихъ замѣчательно въ этомъ отношеніи нарѣчіе польское, въ которомъ это опущеніе возможно и тамъ, гдѣ бы, казалось, ему должно было помѣщать стеченіе согласныхъ (*brwi, grzmi, dcwa, trwoga*). — Въ русскомъ глухіе гласные звуки оставались долго: ихъ употребляли довольно правильно еще и въ XIV вѣкѣ; хотя впрочемъ и въ памяти какъ XIII вѣка есть уже ясныя слѣды уклоненія отъ нихъ выговора народнаго. Въ послѣдствіи времени они совершенно пропали, будучи или замѣнены чистыми гласными о и е, или же совершенно выпавши изъ выговора (*листокъ — листка, падка — палокъ, левъ — льва, тѣма — тельма*). Буквы ѣ и ѣ правописаніе удерживаетъ, но дало имъ совершенно другой характеръ, характеръ не звуковъ отдѣльно выговариваемыхъ, а звуковъ, показывающихъ, какъ должна быть произнесена предъидущая согласная, твердо или мягко. Выговариваніе глухаго звука (*гмъ, бръ, чълаекъ* вмѣсто *человѣкъ*, сравни древнее Ст. Слав. *чъловѣкъ, сътъ* вмѣсто *говорить*), безъ-сомнѣнія замѣчательно, какъ

остатокъ старины, но такихъ словъ очень немного. Нельзя также опускать изъ виду, что въ некоторыхъ местныхъ говорахъ русскихъ, такъ какъ и въ нарѣчій хорутанскомъ, обнаруживается стремленіе замѣнять глухимъ звукомъ въ всѣ гласныя широкія, и звукомъ в гласныя тонкія, если на нихъ нѣтъ ударенія; впрочемъ это стремленіе не получило еще, кажется, нигдѣ характера востойннаго обычая, такъ что одинъ и тотъ же человекъ въ томъ же словѣ произнесетъ и звукъ глухой и гласный чистый.

Широкое *ы* остается на западѣ въ общенародномъ выговорѣ только въ нарѣчій польскомъ и отчасти лужицкомъ. Въ другихъ западно-славянскихъ краяхъ его можно слышать только въ немногихъ местныхъ говорахъ — болѣе всего въ долинахъ между горъ, гдѣ народъ упрямо удерживаетъ свой старинный бытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старинный языкъ и выговоръ. Чехи правильно отличали *ы* отъ *и* въ XV и даже въ XVI вѣкѣ; теперь же хотя и удерживаютъ его въ православіи, но этому должны учиться, также какъ мы правильному употребленію буквы *ь*. Долгое *ы* они выговариваютъ какъ *еи* (*бешти, мьлмти* вмѣсто *быти, мылмти*); но этимъ однако не отличились у нихъ *ы* отъ *и*, которое тоже обращается въ двугласное *еи*. Сербы правильно употребляли *ы*, не омынивая съ *и*, въ XIII—XIV вѣкѣ; и теперь еще они стыдятся выбросить его изъ азбуки, но уже вовсе не понимаютъ его значенія, и пишутъ гдѣ случится, очень часто не впопадъ. Русскіе равнымъ образомъ уже не все сохранили *ы*: его удержали Белоруссы и отчасти западные Малоруссы въ горахъ карпатскихъ; но Вѣлоруссы теряютъ все болѣе, а восточные Малоруссы утрачиваютъ совершенно, выговаривая безразлично *ы* и *и*, не считаясь предъидущей согласной, какъ замѣчено было прежде. Впрочемъ и Восторуссы, сохранивши звукъ *ы* въ выговорѣ, не удержали его вездѣ, гдѣ была она въ древности: очень издавна, по крайней мѣрѣ съ XIII—XIV вѣка, мѣсто его заступило *о* въ прилагательныхъ мужского рода именительнаго падежа (*великой* вмѣсто *великий*), въ именномъ и повелительномъ глаголахъ на *ы-ти* (*кры-ти—прою, крѣй*).

Появленіе *двугласныхъ* довольно давно: слѣды ихъ есть въ чешскихъ памятникахъ XIII—XIV вѣка и въ хорутанскихъ намѣстникахъ XV вѣка. Теперь двугласные слышны уже во многихъ нарѣчій: въ чешскомъ есть *оу, еи*, въ словацкомъ *оу, уе, еи*, въ лужицкомъ *иу*, въ хорутанскомъ *оу, оа, уе; уе, еи*, въ сербскомъ *ије*. Вездѣ они занимаютъ мѣсто гласныхъ чистыхъ и носовыхъ долгихъ. Въ белорусскомъ двугласные вообще не обычны (кроме такихъ случаевъ какъ *ае* въ словѣ *челаска*); но въ малорусскомъ на западѣ они уже стали

необходимостью: *уи, уа*, замѣняютъ мѣсто долгатаго *о* (вмѣсто *конь* говорятъ *куинь, куань*).

Гласные *средніе*, въ лѣтвицѣ звуковъ занимающіе середину между гласными чистыми, сдѣлались также необходимою некоторыхъ мѣстныхъ говоровъ въ разныхъ нарѣчіяхъ. Между ними болѣе другихъ замѣтны по употребленію: *â*, занимающее середину между *а* и *о*, слышно въ хорутанскомъ; *ô*, среднее между *о* и *у* — въ хорутанскомъ, лужицкомъ, словацкомъ, и польскомъ; *ä*, среднее между *а* и *е* — въ хорватскомъ, хорутанскомъ; *ö*, среднее между *о* и *е* — тамъ же; *ÿ*, среднее между *у* и *и* — въ хорутанскомъ, словацкомъ; *é*, среднее между *е* и *и* въ польскомъ и прочая. — Употребленіе этихъ среднихъ звуковъ уже проникло и въ говоры русскіе: въ великорусскомъ на югъ слышны *â* и *ä*, на сѣверѣ *ô*; въ малорусскомъ *ä*, *é*; и другіе.

Изъ другихъ гласныхъ звуковъ ранѣе прочихъ подверглась удаленію отъ первоначальнаго звука буква *ь*. Переводъ *ь* въ *а* и въ *и* замѣтъ въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскихъ, и теперь повторяется во многихъ нарѣчіяхъ: въ *и* болѣе всего въ сербскомъ у римско-католиковъ и въ чешскомъ всегда, когда оно должно выговариваться протяжно (*ида, ира*); въ *а* болѣе всего въ польскомъ (*ида, иага*). Кроме того въ сербскомъ оно выговаривается какъ *иъ* (*орижда, мижесто*), въ хорутанскомъ какъ *еи* (*среида, мѣсто*). Замѣненіе *ь* посредствомъ *и* обычно и въ русскомъ во всѣхъ краяхъ (*дѣлал... дѣла, дѣра - дѣра*); на сѣверозападѣ въ великорусскомъ и въ малорусскомъ, оно сдѣлалось необходимою принадлежностью именглагола. Замѣненіе *ь* посредствомъ *а* не такъ часто, однако встрѣчается не только теперь въ говорѣ народа великорусскаго, но и въ древнихъ памятникахъ.

Звукъ *а* перешелъ теперь въ чешскомъ въ *е* во всѣхъ случаяхъ, когда соединенъ въ одинъ слогъ съ предъидущею согласною мягкою (*душа, праца* вмѣсто *душа, праца*), а иногда даже и безъ этого условія (например *тайнй* вмѣсто *тайный, шей* вмѣсто *наш* и тому подобно). Тоже повторилось и въ западномъ малорусскомъ (*конѣ, рѣб* вмѣсто *кона, рѣб*).

Звукъ *е* довольно часто замѣняется въ лужицкомъ посредствомъ *ä* (*сѣаор* вмѣсто *сечерь, јаден* вмѣсто *јединь*), въ лужицкомъ и чешскомъ посредствомъ долгатаго *и* (*швалени* вмѣсто *шваленје*), въ польскомъ посредствомъ *ө* (*шюде, бюге* вмѣсто *содж берн*). — Въ этихъ трехъ формахъ удаленіе *е* отъ кореннаго звука повторилось и въ русскомъ. Мѣсто *е* заступаетъ *а* или *и* съ предъидущей согласной мягкой не только въ великорусскомъ восточномъ и западномъ (благ

русскомъ), если на немъ нѣтъ ударенія (*вѣляк, лѣжко, нѣсасу* вместо *великъ, легко, несусь*; *хочиш, будиш, минѣ* вместо *хочешь, будешь, мнѣ*, но отчасти и въ малорусскомъ (*щчѣстѣ, здоровлѣ* вместо *счастье, здоровье* — *вечир, симь*, вместо *вечеръ, семь*). Мѣсто *е* въ великорусскомъ, хотя и не во всѣхъ говорахъ, заступаетъ *о* почти всегда, когда на немъ должно опираться удареніе слова (*лѣон, идѣот, вечор, самъ-сѣом* вместо *лень = льнь, идетъ, вечеръ, самъ-семь*), а въ малорусскомъ иногда и безъ этого условія (*јого, јому, чога*), *чаму* вместо *его, ему*), *чега, чему*).

«Есть случай перехода и въ *е* въ болгарскомъ (*прерода, стотена*, вместо *природа, стотина*), въ *еј* въ чешскомъ (*вѣйма, сејто* вместо *зима, сито*). — Несравненно послѣдовательнѣе, какъ важная особенность нарѣчій великорусскаго, представляется переходъ и въ *е* въ нарѣчій великорусскомъ, будучи необходимъ въ именительномъ надежъ существительныхъ и прилагательныхъ мужскаго рода, и въ повелительномъ глаголовъ, если вслѣдъ за *и* будетъ *й* (*соловей, сей, чей, нижней* вместо *соловій, сій, чій, нижній*, — *вей, вейте* вместо *вій, вийте*, какъ удержалось въ нарѣчій малорусскомъ). Въ некоторыхъ случаяхъ *и* совершенно пропало: въ существительныхъ женскаго и средняго рода, въ неопредѣленномъ наклоненіи, во второмъ лицѣ настоящаго времени (напримѣръ *мать, дочь* вместо *мати, дѣчи, веселье*, вместо *веселие, быть* вместо *быти, ходиш* вместо *ходиши*), хотя и не до такой степени, какъ кажется: народъ не только въ Малороссіи, но и въ очень многихъ краяхъ Великороссіи удерживаетъ и въ неопредѣленномъ наклоненіи (*быти, ходити*) равно и въ словѣ *мати*, и тому подобное.

«Звукъ *у* перешелъ въ чешскомъ послѣ всякой согласной мягкой въ *и* (*јитро, либ, чити* вместо *јутро, луб, чути*), въ хорутанскомъ на сѣверовостокъ въ *ѳ* (= французское *и*, напримѣръ *круѳ, глѳн*, вместо *круѳъ, глѳнъ*). Всякое долгое *у* превратилось въ чешскомъ въ двугласное *оу* (*лоуч, оудолѣ* вместо *лучь, удалѣ*). Передъ согласными во многихъ нарѣчійхъ *у* стало выговариваться какъ *е* (*вѣсе* вместо *уже*). — Въ русскомъ повторяется тоже (*завтра* вместо *заутра, вѣсе* вместо *уже* и тому подобное).

«Звукъ *о* переходитъ въ *а* въ хорутанскомъ (*аче, панижши* вместо *отьче, понижшн*). Въ чешскомъ, польскомъ, лужицкомъ всякое долгое *о* перешло въ *у* (*кура, деур, буг* вместо *кора, дворъ, богъ*); тоже замѣтно и въ хорутанскомъ нижнеукраинскомъ (*куч, сирота* вместо *ночь, сирота*); въ болгарскомъ (*голему чуду* вместо *големо чудо*). Въ полабскомъ вместо долгаго *о* употреблялось *и* (*нис, сли-*

ви вмѣсто *носъ, слово*). Въ хорутанскомъ долгое *о* перешло кое-гдѣ въ *уо*, также какъ и въ словацкомъ (*буог, деур, куора*) или въ *оа* (*боаг, двоар, коара*), а въ польскомъ кашубскомъ въ *уе* (*буег, нуеч*). — Почти всѣ эти формы замѣненія кореннаго *о* другими звуками повторились и въ русскомъ языкѣ. Такъ въ южномъ великорусскомъ и въ белорусскомъ *о* безъ ударенія перешло въ *а* (*салава, тараню*); въ малорусскомъ западномъ, за Карпатами, *о* долгое перешло въ *у* (*буг, рудный* вмѣсто *богъ, водный*: сравнить великорусское *муравей* вмѣсто *меровей*); въ малорусскомъ восточномъ и въ некоторыхъ краяхъ западнаго *о* долгое перешло въ *и*, смягчающее предыдущую согласную (*биг, пид, рид, кинь* вмѣсто *богъ, подъ, родъ, конь*), а въ некоторыхъ мѣстахъ въ *уи* и въ *уа* (*буиг=буаг, кучи=куань*).

— Въ системѣ звуковъ согласныхъ происходилъ подобный превращенія: одни изъ гласныхъ пропадали, другіе вновь появлялись, пропали болѣе согласные простые, появились вновь согласные сложные и средніе; терялось равновѣсіе между согласными твердыми и мягкими; въ употребленіи согласныхъ мягкихъ смѣшивались взаимно двѣ различныя формы смягченія — смягченіе непосредственное (*дъ* въ *дъ*) и посредственное (*дъ* въ *ждъ=жз=э*); нѣкоторые изъ согласныхъ (*в, н, л, ж, з*) стали употребляться какъ евфоническія придыханія къ гласнымъ все чаще. Вотъ нѣсколько подробностей объ этихъ измѣненіяхъ въ системѣ согласныхъ:

•Согласныхъ простыхъ — *г (g) г' (h), к, х, ж, ш, з, с, д, т, р, л, н, м, б, п, в, ф* — ни одно изъ нарѣчій славянскихъ не удержало всѣхъ сполна, такъ какъ это должно было быть прежде. Звукъ *ф*, хотя и слышится во многихъ нарѣчіяхъ, но ни въ одномъ его нѣтъ въ коренныхъ словахъ: вмѣсто его видимъ *в, б, п*, (сравните: *fergeo—вру, faba—бобъ fodio—боду, ferio—перу, flamma—пламя, faust,—пестъ* и прочая) Случайное удержаніе *ф* въ очень немногихъ корняхъ (напримѣръ польское *ufac*) есть исключеніе. Звукъ *ф* слышится только какъ отзвукъ звука *в* тамъ, гдѣ *в* не можетъ быть произнесено (напримѣръ *всякъ* по неволѣ выговаривается какъ *фсякъ, ровъ* какъ *роф, лавка* какъ *лафка*). Ни въ одномъ нарѣчій не удержалось правильнаго различенія *г (g)* и *г' (h)*; напротивъ того въ однихъ нарѣчіяхъ, какъ и въ польскомъ, нижнемъ лужицкомъ, во всѣхъ югозападныхъ господствуетъ *г (g)*, а въ другихъ, какъ въ чешскомъ, словацкомъ, верхнемъ лужицкомъ — *г' (h)*. Во многихъ нарѣчіяхъ сла-

внскихъ совершенно пропалъ чистый твердый звукъ *л* и чистый мягкий *ль*. — Въ русскомъ слышится *г* и *г'*, но въ немногихъ говорахъ одно при другомъ, а большею частию преобладаетъ одно изъ двухъ: въ большой части говоровъ великорусскихъ *г*, въ малорусскомъ нарѣчьи *г'*. Исторію этой пары звуковъ въ русскомъ языкѣ прослѣдить очень трудно, потому что азбука никогда не отличала ихъ. Что касается до западныхъ славянскихъ нарѣчій, то болѣе другихъ замѣчательные факты представляются въ нарѣчьяхъ верхнемъ лужицкомъ и чешскомъ: въ первомъ господствуетъ теперь *г'*, между-тѣмъ въ собственныхъ именахъ мѣстностей сосѣдніе Нѣмцы издавна писали и теперь выговариваютъ *г*; во второмъ *г* теперь остается въ немногихъ словахъ, а древнѣйшіе памятники (Судъ Любуши и Евангеліе Іоанна, IX—X вѣка) не представляютъ ни одного *h*, но постоянно *g*. Изъ этого можно бы заключать, что *г* древнѣе чѣмъ *г'*; но едва ли такое заключеніе совершенно справедливо. Мнѣ кажется, справедливѣе думать, что оба звука для славянскаго языка одинаково древни также, какъ одинаково древни два подобныя звука — *к* и *х*.

«Звуки сложные (*дж*, *дз*, *жд* — *ждж*, — *тш*—*ч*, *тс*—*ц*, *шт*—*шш*—*щ*) не все одинаково употребляются во всехъ нарѣчьяхъ. Общи всемъ нарѣчьямъ только три: *ч*, *ц*, *щ* (последній различно выговаривается, гдѣ какъ *шт*, а гдѣ какъ *шч*). Замѣчательно, что все три принадлежатъ къ разряду отзвучныхъ. Три другіе — звучные — слышны только въ некоторыхъ нарѣчьяхъ (*дз* преимущественно въ польскомъ, *жд* — въ болгарскомъ). И между тѣмъ, предположивши что одинаково древни *г* и *г'*, какъ *к* и *х*, надобно предположить, что такъ же древни *дж* и *ж*, *дз* и *з*, какъ *тш*—*ч* и *ш*, *тс*—*ц* и *с*; потому-что въ лѣтвицѣ звуковъ *дж* и *дз* относится къ *г* (*g*) а *ж* и *з* къ *г'* (*h*) такъ же, какъ *тш*—*ч* и *тс*—*ц* къ *к*, а *ш* и *с* къ *х*; равнымъ образомъ и *жд*—*ждж* на столько же должно предположить рядомъ къ *д* и съ *зг*, какъ *шт* — *шш*—*щ* рядомъ съ *т* и съ *ск*. Несмотря однако на древность этихъ сложныхъ звуковъ, большая часть случаевъ ихъ употребленія въ нарѣчьяхъ не должна быть отнесена къ древнѣйшему времени (таковы между прочимъ польскіе *дз* и *тс*—*ц*, сербскіе и серболужицкіе *дж* и *ч*, употребляемые вместо мягкихъ *дъ*, *тъ*. Кромѣ этихъ сложныхъ, издавна бывшихъ, появились вновь прежде небывшіе сложные звуки. Между ними особеннаго вниманія достойно шепелявое *р*, состоящее изъ соединенія *р* съ *ж* или *ш*: въ чешскомъ и польскомъ оно сдѣлалось необходимымъ, какъ единственная форма смягченія твердаго *р*, въ лужицкомъ оно принадлежитъ также къ числу звуковъ очень обычныхъ. Что звукъ *р* не древній, это очевидно доказывается лу-

жизнимъ нѣмецкимъ выговоромъ чистаго *p* въ тѣхъ мѣстныхъ названіяхъ, гдѣ лужицкій выговоръ требуетъ *p* вмѣсто *p̣*; въ чешскомъ — древнѣйшими памятниками (IX — X вѣка), въ которыхъ употребленъ одинъ чистый *p*, а для показанія его смягченія написано послѣ него *i*; въ польскомъ — народнымъ обычаемъ выговаривать, при произношеніи, напримѣръ русскихъ словъ, вмѣсто *рѣ* всегда или твердое *p* или *p̣*. Къ числу согласныхъ сложныхъ должно отнести и тѣ согласные, которые соединяются съ *j*, *l*, и вмѣсто того, чтобы непосредственно смягчиться. Соединеніе губныхъ согласныхъ съ *l* во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ (напримѣръ *земли-а*, *капли-а*, *вспль*, *погубл-ати*, *лови-ен*). Вмѣсто *l* употребляется для такого же смягченія предъидущихъ согласныхъ и звукъ *j* почти во всѣхъ нарѣчіяхъ. Не столь распространены сложные звуки — *кх*, употребляемый въ верхнемъ лужицкомъ вмѣсто чистаго *к*, — *тх* (что то въ родѣ *ѳ*), употребляемый въ среднемъ лужицкомъ вмѣсто мягкаго *ть*, и такъ далѣе; не стоитъ доказывать, что это — явленіе послѣдующее. — Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ западныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, съ теченіемъ времени появились звуки сложные. Особенно замѣтны соединенія согласныхъ чистыхъ съ *j*, *лѣ*, и *нѣ*, для выраженія ихъ смягченія. Смягченія согласныхъ посредствомъ послѣдующей *лѣ* есть такая же принадлежность русскаго языка какъ и нарѣчій югозападныхъ; *земля* вмѣсто *земля*, *каплетъ* вмѣсто *капеть*, *люблю* вмѣсто *любю*, и тому подобное. Въ малорусскомъ говорится и *здоровлѣ* вмѣсто *здоровье*. Въ такомъ же смыслѣ употребляется *нѣ* въ нарѣчій малорусскомъ (напримѣръ *мясо* вмѣсто *мясо*), а *j* и въ малорусскомъ и въ многихъ говорахъ великорусскихъ (напримѣръ *вѣяну* вмѣсто *вяну*). — Звуки согласные сложные вообще нельзя не сравнивать въ историческомъ отношеніи съ звуками гласными сложными, то есть двугласными: тѣ и другіе, отсутствуя въ первобытномъ переводѣ развитія языка, сдѣлались его необходимою принадлежностью уже въ послѣдствіи времени, когда въ языкѣ стала превращаться древняя система звучности.

Къ числу послѣдующихъ явленій звучности языка надобно отнести, подобно гласнымъ среднимъ, и согласные средніе. Въ западныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ такихъ согласныхъ среднихъ есть уже довольно много, хотя и нѣтъ знаковъ для ихъ выраженія ни въ одной изъ азбукъ славянскихъ. Между ними всѣхъ замѣтнѣе звукъ средній *l*, ясно выражающійся буквой латинской: теряя способность смягчать и удерживать твердость звука *л* (то есть отличать *лѣ* отъ *лѣ*), многія изъ нарѣчій стали вмѣсто *лѣ* и *лѣ* употреблять одинъ *l*. Такъ чешское нарѣчіе удержало теперь только его, и уже Гусъ жаловался на пре-

небреженіе Чеховъ къ правильному отличенію *ль* отъ *лѣ* и на употребленіе *л* вмѣсто того и другаго. Другія западныя нарѣчія славянскія, за исключеніемъ польскаго и нѣкоторыхъ говоровъ словацкихъ, тоже включили въ свою систему звуковъ этотъ *л*, употребляя его вмѣсто твердаго *ль*. Даже и въ польскомъ *е* требуетъ передъ собою *л* средний. Въ русскомъ языкѣ вездѣ еще слышны *ль* и *лѣ*, но слышного уже и *л*: въ малорусскомъ съ *е*, *и* можетъ соединиться только одинъ *л*. Такимъ же образомъ *е*, *и* измѣнили передъ собою въ малорусскомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, выговоръ *н*, *м*, *б*, *п*, и прочая, сдѣлавши ихъ изъ твердыхъ средними.

«Какъ гласные звуки издревле въ языкѣ славянскомъ раздѣлялись на долгіе и короткіе, такъ согласные — на твердые и мягкіе; — и въ самыхъ древнихъ памятникахъ Славянскихъ можно отличить два рода смягченія согласныхъ: одно посредственное, переходное смягченіе, предполагавшее необходимость перехода звука въ другой (напримѣръ *з* въ *ж*, *к* въ *ч*), другое — непосредственное (*ль* въ *лѣ*, *нѣ* въ *нѣ*). Первый родъ смягченія, кажется, древнѣе; по-крайней-мѣрѣ его необходимость проникла въ строй и составъ каждаго изъ нарѣчій славянскихъ; впрочемъ издревле существовалъ и второй. Для каждаго рода смягченія было свое особенное мѣсто въ языкѣ: согласные гортанные подчинялись исключительно смягченію посредственному — переходу въ соответственные шипящіе и свистящіе (*з* въ *ж*, *з*; — *х* въ *ш*, *с*, — *к* въ *ч*, *ц*); согласные губные, зубные и язычные подлежали преимущественно смягченію непосредственному, до-тѣхъ-поръ пока не потеряли силы смягчаться и не стали нуждаться въ помощи *ль* или *лѣ*, или же въ помощи звука шипящаго для соединенія съ гласными, требовавшими передъ собою согласныхъ мягкихъ. Той и другой смягчаемости согласныхъ не потеряло вполнѣ ни одно изъ нарѣчій славянскихъ; особенно хранилась смягчаемость переходная, оставившись всюду необходимою принадлежностью видоизмѣненій корней и образованія словъ; но прежняя правильность употребленія согласныхъ мягкихъ все болѣе тратилась: оба рода смягченія взаимно мѣшались, и смягчаемость непосредственная постепенно исчезала. Такъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нарѣчія старославянскаго замѣтны слѣды пренебреженія къ сохраненію мягкихъ *з*, *с*, *ч*, *р* (*кѣнѣза* и *кѣнѣзага*, *вѣсѣакъ* и *вѣсѣакъ*, *царѣа* и *цара* и такъ далѣе). Въ нынѣшнихъ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ утраты смягчаемости согласныхъ несравненно болѣе чувствительны: такъ въ польскомъ нѣтъ *жѣ*, *шѣ*, *зѣ*, *тѣ*, *рѣ*; въ чешскомъ изъ согласныхъ чистыхъ остались при смягченіи непосредственномъ только *дѣ*, *тѣ*, *нѣ*, *лѣ*; въ сербскомъ только

нь, ль, j Лужицкое нарѣчіе болѣе другихъ сохранило смягчаемость согласныхъ, но и въ немъ далеко не всегда она слышна тамъ, гдѣ бы ее должно было ожидать. — Языкъ русскій въ этомъ отношеніи также потерялъ многое. Въ говорахъ великорусскихъ все чувствительнѣе становится пренебреженіе и къ переходному смягченію согласныхъ (на *рлкь* вмѣсто на *ръць*, *лягемь* вмѣсто *ляжемь* и къ смягченію непереходному (*лицо*, *лица*, *лицомь* вмѣсто *лиця*, *лицю*, *лицемь*, *боюся* вмѣсто *боюся*, *купець*, *отець* вмѣсто *кульць*, *отьць*, *хочеть* вмѣсто *хочеть*): случаи это го пренебреженія мягкихъ встрѣчаются и въ древнихъ памятникахъ, но въ сравненіи съ нынѣшнимъ состояніемъ языка очень рѣдко.

Употребленіе придыханій тамъ, гдѣ онѣ не требовались обще-славянскими условіями звучности словъ, съ теченіемъ времени все увеличивалось. Нарѣчія славянскія въ этомъ отношеніи хотя и пользовались однимъ и тѣмъ же числомъ согласныхъ, именно пятью — *j*, *л*, *н*, *в*, *г'*; но каждое по своему. Только *j* и *н* удержались вездѣ въ тѣхъ границахъ, какъ было и въ древности (напримѣръ *јего*, *јему*, — *ни-его* *ни-ему* и тому подобное). Вмѣсто *j* употребляется *л* въ говорахъ польскихъ и Словацкихъ (напримѣръ *ледѣа* = *ледвь* вмѣсто *l-едва*). Что касается до *г'* и *в*, то они употребительны преимущественно передъ *о* (*г'остры* = *востры* вмѣсто *остры*). Придыханіе *в* употребительно впрочемъ и передъ другими гласными: такъ въ польскомъ всякое слово, начинающееся кореннымъ носовымъ звукомъ, требуетъ передъ нимъ придыханія *в* (*węgiel*, *wątroba*). — Придыханія господствуютъ издавна и въ русскомъ языкѣ, попадаясь впрочемъ въ древнихъ памятникахъ гораздо рѣже чѣмъ въ позднѣйшихъ, и теперь гораздо чаще чѣмъ прежде (*юдоль*, *союзъ*, *юха* вмѣсто *удоль*, *сгузъ* = *сгнужъ*, *уха*, — *Вольга*, *вонъ*, *вотчина*, *воспа*, *восемь*, вмѣсто *Ольга*, *онъ*, *отьчина*, *осьпа*, *осьмь*, — *параскевѣша*, *гето*, *генварь* вмѣсто *Езва*, *параскевѣша*, *ето*, *генварь*). Между говорами русскими есть въ этомъ отношеніи и довольно чувствительная разница (напримѣръ *онъ* = *вонъ* = *ѡнъ* = *юнъ* = *'гонъ*).

Изъ представленныхъ примѣровъ уже довольно ясно, что согласные переходили одни въ другіе по времени все болѣе. Согласные равныхъ образомъ переходили и въ гласные. Важнѣе другихъ случаевъ — переходъ твердаго *л* въ гласные *у*, *о*, *а* и въ согласное *в*. Въ древнихъ памятникахъ славянскихъ такого перехода не замѣчено; въ памятникахъ XIII — XIV вѣка попадаютъ примѣры этого, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ довольно часто. Теперь почти каждое изъ нарѣчій славянскихъ представляется съ особенными условіями такого перехода.

Ученое правописание большею частью не признаетъ надобности и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ подобныхъ, отличать требованій выговора народнаго; но требованія народнаго выговора отъ этого не слабѣютъ. Особенно рѣзко отличаются силою такихъ требованій выговора нарѣчія сербское, хорутанское, словацкое и польское: во всѣхъ четырехъ, въ большей части говоровъ, каждое *лз*, окончивающее слогъ, выговаривается какъ одинъ изъ означенныхъ переходныхъ звуковъ (например *ходио=ходив.—ходиу=ходиа* вмѣсто *ходилъ, коао=кота=коату—коту=коцѣов* вмѣсто *котълз* и такъ далѣе); въ которыхъ, особенно на сѣверъ, даже и при соединеніи съ гласною въ одинъ слогъ, твердое *л* выговаривается какъ *у* или *в* (например *шов. шва, шво*, вмѣсто *шь.лз, шь.ла, шь.ло*). — Въ русскомъ языкѣ повторяется то же самое на югъ и на западъ въ малорусскомъ нарѣчьи и во многихъ говорахъ бѣлорусскихъ: твердый *лз*, окончивая слогъ, выговаривается какъ *в* или почти какъ *у* — пока еще не всегда, а только въ некоторыхъ определенныхъ случаяхъ (преимущественно въ прошедшихъ причастіяхъ на *лз*), но съ очевиднымъ стремленіемъ измѣнять все болѣе свой первобытный звукъ.

— Формы словообразованія и словоизмѣненія утрачивали постепенно свой видъ, значеніе и употребленіе. Видъ этихъ формъ измѣнялся отъ произношенія, въ однихъ случаяхъ сокращался, въ другихъ растягивался. Значеніе формъ измѣнялось такъ, что слова, уже опредѣленные какою-нибудь формою, для того чтобы сохранить свою прежнюю опредѣленность, принимали къ прежней формѣ еще другую: слова опредѣленные безъ члена стали требовать члена; падежъ, ясно выражавшій свое значеніе безъ предлога, сталъ требовать предлога, и такъ далѣе. Употребленіе некоторыхъ формъ все болѣе тратилось: вездѣ утрачивались постепенно прилагательныя опредѣленные, неокончательное достигабельное, некоторые изъ падежей, во многихъ нарѣчьяхъ простыя прошедшія, двойственное число; мѣсто причастій стали заступать вновь явившіяся дьепричастія и такъ далѣе. Позволяя себѣ остановиться на некоторыхъ изъ подробностей измѣненій западныхъ нарѣчій славянскихъ и языка русскаго въ отношеніи къ значенію и употребленію формъ словообразованія и словоизмѣненія.

«Древній обычай отличать въ наращаемыхъ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ и въ причастіяхъ именительный падежъ единственнаго числа отъ падежей косвенныхъ, одинаково слабѣлъ съ теченіемъ времени во всѣхъ нарѣчьяхъ славянскихъ. Это удаленіе словъ

отъ древней первобытной формы пошло двумя путями: или забываясь была совершенно идея наращенія, и слово измѣняться стало въ косвенныхъ падежахъ какъ будто не наращаемое, или же и падежъ именительный получалъ форму наращенную. Случаевъ послѣдняго рода гораздо болѣе, но есть и первые: такъ среднія имена на *o* (*тѣло, небо*) въ большей части славянскихъ нарѣчій потеряли наращаемость по-крайней-мѣрѣ въ единственномъ числѣ; въ нарѣчійхъ югозападныхъ удержалась она только для множественнаго числа и то не безъ исключеній, и только въ хорутанскомъ, да кое-гдѣ въ хорватскомъ не совсѣмъ забыта въ числѣ единственномъ (*око*, родительный *ока* и *очеса*). Нарашеніе принято и для именительнаго падежа вездѣ для именъ мужскаго и женскаго рода на *ы* (*камень=камен*, *црква=церква: црквев=церкев*): въ хорутанскомъ удержало форму наращенную только *кры* (въ родительномъ *крѣви*). Слово *мать* удержалось вездѣ въ именительномъ также безъ наращенія а *дочь* только въ нарѣчійхъ югозападныхъ, и то не безъ исключеній, въ сѣверозападныхъ же нарѣчійхъ приняло *p* (*дцера, цера=цора=цурка*). Имена средняго рода съ наращеніемъ *n* и *m* удержались въ именительномъ падежѣ безъ наращенія въ большей части нарѣчій, впрочемъ въ чешскомъ и словацкомъ наращеніе *n* господствуетъ уже въ народѣ, все болѣе уничтожая изъ обычая именительный безъ наращенія (*рамено, племено, имено*). Прилагательныя сравнительной степени вездѣ потеряли возможность являться въ томъ видѣ, въ которомъ видимъ мы ихъ въ древнихъ памятникахъ: въ нѣкоторыхъ нарѣчійхъ, особенно въ сербскомъ, образовались они, безъ помощи наращенія, на *и'* со смягченіемъ предъидущей согласной (*манѣи'*, *болѣи'*, *дужи, тарѣджѣи'*) или сдѣлались неизмѣнными нарѣчійми (*болѣе, манѣе*), а во всѣхъ другихъ приняли и для именительнаго падежа наращеніе *и* (*худши=худѣйши, бѣльши=бѣльйши*). Тоже самое превращеніе испытали и причастія прошедшаго времени, принимавшія наращеніе *и*: они или превратились въ неизмѣняемыя дѣепричастія (*знав=знавши*) или, принявши определенное окончаніе для каждаго изъ родовъ, сдѣлались обыкновенными прилагательными. Замѣчательное уклоненіе отъ этого представляется въ чешскомъ нарѣчій: сдѣлавшись дѣепричастіями, они однако сохранили возможность принимать на себя знакъ числа (единственное *знав=знавши*, множественное *знавше*). Въ такомъ же положеніи находятся теперь и причастія настоящего времени, принимавшія наращеніе *и*; въ сѣверозападныхъ нарѣчійхъ, принимая окончаніе рода, съ наращеніемъ въ именительномъ падежѣ, они сдѣлались прилагательными (напримѣръ въ пол-

скомъ *rijęsu*, *znojęsu*, въ лужичкомъ: *rijęsu*, *znojęsu*, въ чешскомъ *rijęsi*, *znojęsi*), или, не принимая знака рода, превращались въ дъепричастія (польское *znajęc*, лужичское *znaję*), отличая: только въ чешскомъ нарѣчїи единственное число отъ множественнаго (единственное *buda*, *budouc*, множественное *budouce*); въ нарѣчїяхъ югозападныхъ совершенно потеряли изменяемость (например въ хорутанскомъ *delaje*, *delajo*, *delajoc*, въ сербскомъ *чарајучи*).—Въ русскомъ языкѣ законъ наращаемости именъ и причастій долго былъ въ силѣ; нѣтъ сомнѣнїя, что не только въ XIV вѣкѣ, но и позже былъ онъ въ памяти народа; но потомъ все болѣе былъ забываемъ, и теперь представляеть въ говорахъ народныхъ только бѣдные остатки. Во многихъ именахъ наращеніе срослось съ именительнымъ падежемъ (какъ например *колесо*, *веретено*, *кольцо*, *мать*, *домъ*, *церковь* = *церква*, *любовь*, *ремень*); во многихъ другихъ оно пропало совершенно (например *небо*, *слово*, *ухо*, *дерево*); въ некоторыхъ только — именно средняго рода, наращаемыхъ посредствомъ *т* и *н*, кое-гдѣ удерживается въ косвенныхъ падежахъ, но и то уже все болѣе колеблясь (говорится *стрѣя* и *стрѣмень*, *вымя* и *вымень*, *темя* и *темень*, *дитятью* и *дитю*). Имена прилагательныя сравнительной степени или обратились въ нарѣчїя, или, получивши характеръ степени превосходной, приняли наращеніе и для именительнаго мужескаго (*нижшїй*, *вышшїй*, *большїй*, — *ниже*, *выше*, *болше*). Причастія дѣйствительныя настоящія равнымъ образомъ сдѣлались или неизмѣнными дъепричастїями, или прилагательными, въ первомъ случаѣ безъ необходимости принимать наращеніе (*ведя*, *ведучи*, *плывучїй мостъ*, *толкучїй рынокъ*, *сылчїй песокъ*). Причастія прошедшїя сохранили болѣе свой прежшїй характеръ, не отдѣлившись отъ глаголовъ до такой степени какъ причастія настоящїя; но и они или сдѣлались неизмѣнными дъепричастїями, или приняли наращеніе и для именительнаго падежа мужескаго рода (*ведши*, — *ведшїй*). Некоторые изъ нихъ даже получили характеръ настоящїихъ прилагательныхъ именъ.

«Отличеніе прилагательныхъ и причастїй опредѣленныхъ отъ неопредѣленныхъ, столь яркое въ древнихъ памятникахъ славянскихъ нарѣчїй, проникавшее во весь строй ихъ склоненїя, постепенно терялось: опредѣленные все чаще употреблялись вмѣсто неопредѣленныхъ, а неопредѣленные все болѣе выходили изъ употребленїя. И въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются случаи этого смѣшенїя однихъ съ другими, но рѣдко. Въ памятникахъ болѣе позднихъ такихъ случаевъ уже много. Теперь въ большей части нарѣчїй славянскихъ или вовсе утрати-

лась неопределенная форма, или сохранилась въ некоторыхъ падежахъ и въ некоторыхъ поговорочныхъ выраженiяхъ. Больше всѣхъ другихъ наречiй удержало особенности прилагательныхъ неопределенныхъ наречiе сербское, потому что почти каждое прилагательное можетъ быть поставлено въ формѣ неопределенной и определенной (*добар, добра, добра, — добри, добра'. добро'*); но и въ немъ уже невозможно просклонять неопределеннаго во всѣхъ падежахъ безъ помощи определенныхъ окончаний: въ единственномъ числѣ творительный мужескаго рода, дательный и предложный женскаго, а во множественномъ всѣ падежи кромѣ именительнаго и винительнаго принадлежатъ склоненно-определенному. Наречiе чешское удержало склоненiе неопределенное почти только для прилагательныхъ притяжательныхъ и то не во всѣхъ и не для всѣхъ падежей склоненiя: самыя правильныя изъ нихъ склоняются какъ существительныя въ единственномъ числѣ, за исключенiемъ падежа предложнаго, а во множественномъ только въ именительномъ и винительномъ; другiе только въ именительномъ, винительномъ и по требованiю глагола въ дательномъ, (*welik—welika—weliku*). Въ другихъ наречiяхъ пропало склоненiе неопределенное почти все сплозна. Русский языкъ въ народѣ сохраняетъ еще некоторые падежи неопределенныхъ прилагательныхъ почти исключительно для единственнаго числа, но и въ немъ они все болѣе выходятъ изъ обычая: въ псняхъ, сказкахъ, пословицахъ они встрѣчаются гораздо чаще чѣмъ въ живомъ разговорѣ. Въ единственномъ числѣ можно употребить всѣ падежи, во множественномъ только именительный и винительный, но уже смыслъ ихъ до такой степени смышался съ падежами определенной формы, что тѣ и другiе можно употреблять безразлично, если только имя прилагательное можетъ принять форму определенную въ именительномъ. Впрочемъ и здѣсь народъ уже не такъ строгъ какъ правила литературнаго языка: даже и притяжательныя, безъ различiя формъ ихъ образованiя, начинаютъ принимать форму определенную; некоторые даже не могутъ быть безъ нея (напримѣръ тѣ, которые оканчиваются на *ск: отцовской, дѣтской*; даже и окончанiе *ск* въ названiяхъ городовъ перемѣняется на *ской: Курской, въ Курскомъ*). Примеры смѣшенiя прилагательныхъ неопределенныхъ и определенныхъ попадаются уже въ памятникахъ русскихъ XIV вѣка.

• Въ измѣненiяхъ, которыя потерѣли наречiя славянскiя въ отношенiи къ склоненiямъ, болѣе многого другаго замѣчательна потеря двойственнаго числа. Что оно было во всѣхъ наречiяхъ, это очевидно отчасти изъ древнихъ памятниковъ, отчасти изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ его употребленiя въ говорѣ народномъ. Примеры правильнаго

употребленія двойственнаго числа видимъ въ чешскихъ памятникахъ не только IX—X, но и XIII—XIV вѣка, въ сербскихъ памятникахъ XIII—XIV вѣка, въ Польскихъ памятникахъ XIV вѣка и позже. Теперь двойственное число сохранилось въ цѣлости, какъ необходимая принадлежность языка народнаго, только у Сербовъ-Лужичанъ и у Хорутанскихъ Словенцевъ, но и то не въ полнѣ: родительный падежъ совпалъ съ родительнымъ множественнаго (въ лужицкомъ *rakow, zenow*, въ хорутанскомъ *rakow, zen*). Въ другихъ нарѣчьяхъ уцѣлѣли только напоминанія о его прежней жизни въ народѣ — въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ: такъ Полякъ досель говоритъ *driesie* — а не *dwa sta, rękoma, uszami*, а не *rękami, uszami*; такъ и Чехъ говоритъ *dweste, dve ruce* — а не *dve ruky, rukou, rukama, — kolenou, kolenama* — а не *ruk, rukach, rukam, kolen, kolenach, kolenam, — oči, očima* — а не *oka, oku* и такъ далѣе. — Такъ потерялось двойственное число и изъ русскаго языка: въ XIV вѣкѣ смыслъ его былъ еще принимается; но послѣ оно было все болѣе забываемо, и теперь забыто уже до такой степени, что нечаянныхъ случаевъ его употребленія даже менѣе чѣмъ въ западныхъ нарѣчьяхъ славянскихъ: двойственное число очевидно только въ словахъ *дѣвять* вмѣсто *два ста* (какъ *триста*), *уши, очи* — вмѣсто *уха, oka* или *ухи, очи* (какъ *окна* или *окны*) и въ очень немногихъ подобныхъ. Соединеніе существительнаго въ родительномъ единственнаго съ числительнымъ *два — двѣ, три, четыре* (*два, три, четыре слова, двѣ, три, четыре руки*) можетъ казаться тоже остаткомъ двойственнаго, но только казаться: эта странная особенность славянскаго словосочетанія можетъ быть и сродна съ употребленіемъ двойственнаго числа, но получила вездѣ издавна свое независимое значеніе.

«Не менѣе потери двойственнаго числа замѣчательно смѣшеніе склоненія мужескаго и женскаго. Въ древнѣйшихъ памятникахъ есть уже слѣды неотличенія родовъ въ склоненіи, но болѣе неотличенія, заимствованнаго отъ коренныхъ правилъ славянскаго склоненія. Такъ напримѣръ въ старославянскомъ одинаковы для всѣхъ трехъ родовъ именъ существительныхъ окончанія предложнаго падежа единственнаго числа, родительнаго и предложнаго двойственнаго числа, родительнаго множественнаго, — и для всѣхъ трехъ родовъ именъ прилагательныхъ опредѣленныхъ и мѣстоименій — окончанія родительнаго, предложнаго, дательнаго и творительнаго двойственнаго и множественнаго числа; для мужескаго и женскаго рода одинаковы окончанія винительнаго множественнаго числа; для средняго и женскаго — именительнаго двойственнаго числа. Не смотря на это, въ древности славянскія нарѣчья

представляли много признаковъ, резко отдѣлявшихъ роды, собственно мужескій и женскій. Съ теченіемъ времени каждое изъ нарѣчій по своему уменьшало число этихъ признаковъ, и теперь нѣтъ уже ни одного нарѣчія, въ которомъ бы сохранились они ненарушимо. Лучше другихъ удержали древній строй нарѣчія польское и чешское; но и въ нихъ есть уже отпаденія отъ старины. Такъ между прочимъ въ Польскомъ смѣшались признаки отличія рода мужескаго и женскаго во всѣхъ падежахъ кромѣ родительнаго: въ именительномъ смягченіе предъидущей согласной съ мужескаго перешло отчасти и на женскій, и не вполнѣ удержалось для мужескаго, въ предложномъ и въ творительномъ женское окончаніе *ахъ* и *ами* сдѣлались общими для всѣхъ трехъ родовъ, также какъ въ дательномъ мужеское окончаніе *омъ*. Въ лужицкомъ смѣшеніе несравненно рѣзче: въ двойственномъ числѣ приняты для женскаго рода почти исключительно окончанія мужескаго рода (*оа*, *омай*), равно и во множественномъ въ падежахъ предложномъ, дательномъ и творительномъ (*амъ*, *ахъ*, *ами*), а въ падежъ родительномъ множественнаго числа женскій родъ принялъ окончаніе мужескаго (*женов*, вмѣсто *жен*). Въ нарѣчіяхъ югозападныхъ во множественномъ числѣ господствуютъ преимущественно женскія окончанія. — Русский языкъ отклонился отъ древняго своего вида не менѣе другихъ соплеменныхъ нарѣчій, особенно во множественномъ числѣ: именительный мужескаго рода уже во многихъ случаяхъ не обозначается мягкостью послѣдней согласной по примѣру женскаго рода (*воины*, *миры* — какъ и *воды*, *жены*), и притомъ въ именахъ прилагательныхъ принимаетъ для всѣхъ трехъ родовъ окончательное *и* (*свѣтлыи* — *лучи*, *зори*, *лицы*); предложный, дательный, творительный приняли тоже окончанія женскія (*ахъ*, *амъ*, *ами*: *воинахъ*, *воинамъ*, *воинами*, какъ *водахъ*, *водамъ*, *водами*). Въ нѣкоторыхъ только поговорочныхъ выраженіяхъ сохранились старыя формы (*пять человекъ* вмѣсто *человѣковъ*, *по дѣломъ* вмѣсто *по дѣламъ*, *мы ради* вмѣсто *мы рады*, и тому подобное).

«Падежи равнымъ образомъ не удержались все въ томъ видѣ какъ были въ древности, хотя впрочемъ и въ древности ихъ отличительные признаки уже нѣсколько перемѣнялись въ своихъ значеніяхъ: такъ между прочимъ въ старославянскомъ падежи родительный и предложный, отличенные во многихъ случаяхъ особенными признаками въ склоненіи существительныхъ именъ, въ склоненіи прилагательныхъ и мѣстоименій множественнаго числа смѣшались въ одно окончаніе (*великимъхъ*, *оасъ*); звательный падежъ, удерживалъ свое собственное окончаніе только въ единственномъ для существительныхъ, и такъ да-

лве: Что касается до предложнаго множественнаго числа, равнаго по окончанію съ родительнымъ, то въ этомъ отношеніи замѣчательные другія нарѣчія сербоков, удержавшее окончаніе это исключительно для родительнаго падежа (*човѣкахъ, срѣдѣцахъ, женахъ* вмѣсто *човѣковъ, срѣдѣцъ, женъ*). Вмѣстѣ съ этимъ сербское нарѣчіе смѣшало въ одномъ окончаніи творительнаго (двойственнаго числа) падежа творительный, дательный и предложный множественнаго числа (*јеленима званигъ* — оленямъ, оленями, оленяхъ). Звательный падежъ еще сохранился для существительныхъ единственнаго числа въ нарѣчіяхъ сербованадскихъ и въ сербскомъ; но и то уже не во всѣхъ случаяхъ; въ хорутанскомъ и хорватскомъ онъ почти пропалъ. Болгарское нарѣчіе почти совершенно потеряло измѣняемость словъ по падежамъ: бѣдные остатки падежей остаются почти исключительно только въ мѣстоименіяхъ, въ существительныхъ отличается только звательный. — Значительныя утраты понесъ въ отношеніи къ падежамъ и русскій языкъ: звательный сохранился еще въ малорусскомъ, но въ великорусскомъ объ немъ напоминаютъ только нѣкоторые слова (*Боже, Господи*). Родительный падежъ единственнаго числа женскаго рода въ существительныхъ мягкаго окончанія и въ прилагательныхъ окончанія твердаго и мягкаго принялъ окончаніе предложнаго и дательнаго (*земли — твоей — пахатной*) — еще не вездѣ, но въ большей части говоровъ мѣстныхъ, такъ что и тамъ гдѣ еще слышится старый родительный (на *іа*, *іе* вмѣсто старославянскаго **Ѧ**: *земли-а, твоей-е — пахатной-е*) онъ уже употребляется съ исключеніями (особенно въ существительныхъ) и смѣшанно съ предложнымъ и дательнымъ. Винительный множественнаго числа слился совершенно съ именительнымъ и родительнымъ. Это ослабленіе значенія формъ падежныхъ показалось въ языкѣ русскомъ уже издавна: его можно замѣтить уже и въ памятникахъ XIII—XIV вѣка. Расширяя все болѣе свой кругъ, оно дошло теперь до такихъ, какъ называется, неправильностей, которыя не могутъ не поражать людей, знакомыхъ съ языкомъ старымъ или съ правилами книжнаго языка. Такъ между прочимъ и окончаніе дательнаго множественнаго числа (*амъ*) употребляется во многихъ краяхъ вмѣсто творительнаго (*съ намъ* вмѣсто *съ нами*).

• Наклоненіе неопредѣленное довольно долгое время сохраняло свою достигательную форму (на *ъ* и *ь*): примѣры его сознательнаго употребленія находятся въ памятникахъ XIV и даже XV вѣка. Теперь эта форма сохранилась только въ нарѣчіяхъ хорутанскомъ и хорватскомъ, но и въ этихъ нарѣчіяхъ уже она не всегда выражается ясно: въ хорутанскомъ окончательное *и* выговаривается въ нѣкихъ мѣстахъ какъ

гласный в отъезду глухо, почти несильно (*борити* = *беритъ* (три слога) = *борит* (два слога)); а въ хорватскомъ и употребляется и опускается часто по произволу (вмѣсто *идем га зват* — можно слышать и *идем га звати* вмѣсто *не стою звати* — *не стою зват*). Въ чешскомъ нарѣчьи можно тоже замѣтить только темное воспоминаніе о формѣ достигательной: вездѣ слышно выраженіе *jdi spat*, даже и тамъ, гдѣ окончательное *и* въ неопредѣленномъ наклоненіи не отбрасывается, или гдѣ послѣднее *т* не выговаривается твердо; но съ одной стороны такія выраженія очень немногія, а съ другой немногія и такія мѣсть, гдѣ бы народъ удерживалъ окончательное *и*. — Въ русскомъ, удерживается ли *и*, или при онущеніи его смятается согласная *т* въ *ть* (ч) или *ць*, объ отличеніи достигательной формы вѣтъ уже никакого помыслу. Даже и въ старыхъ памятникахъ она соблюдается не всегда правильно.

Два простыя формы времени прошедшаго въ изъяснительномъ наклоненіи были въ древности въ общемъ употребленіи у востокъ Славянъ, и уже довольно поздно, въ XIV—XV вѣкъ, стали быть пренебрегаемы все болѣе и болѣе, будучи замѣняемы формами сложными. Впрочемъ и до-сихъ-поръ! онѣ еще не забыты въ большей части нарѣчій славянскихъ. Во востокъ югозападныхъ нарѣчій онѣ хотя и перестаютъ быть необходимою, но еще твердо удерживаются обычаемъ народнымъ. Болѣе всего онѣ обычны у коренныхъ Сербовъ, которые правильно отличаютъ форму прошедшую (*онъ игра, они играше, он би, они биаше*) отъ формы переходящей (*онъ играетъ, они играютъ, он биѣаше* = *беше, они биѣаху* = *бесу*). У Славянъ, живущихъ на востокъ и западъ отъ нихъ, то есть съ одной стороны у Българъ, съ другой у Хорватовъ и Керутанскихъ Словенцевъ, объ эти формы отчасти перемѣшиваются въ значеніи, отчасти замѣняются сложными. У Болгаръ есть объ формы, но отличаются въ единственномъ числѣ (*играхъ* — *игра, би* — *биса*, — *играхъ* — *играние, бехъ* — *беха*). Мѣль всего онѣ обычны въ хорутанскомъ нарѣчьи: каждый Словенецъ понимаетъ ихъ значеніе, но уже немногіе употребляютъ ихъ сами; только въ нѣкоторыхъ горныхъ говорахъ можно слышать ихъ, и то болѣе въ поговоркахъ, чѣмъ въ простомъ разговорѣ, или же въ значеніи не прошедшаго а настоящаго времени (*учисте, дѣласте* вмѣсто *учите, дѣласте*). Что касается нарѣчій сѣверозападныхъ, то изъ нихъ простая прошедшая форма употребляется народомъ, какъ необходимая принадлежность глагола, только въ нарѣчьи лужицкомъ; но уже одна переходящая (*волахъ, волаше, волаху*). Въ нарѣчьи чешскомъ простыя формы были объ, но уже слышаны были одна съ другою (такъ

что въ третьемъ лицѣ множественнаго и переходящее и прошедшее принимали одинаковое окончаніе *ху: несѣяху — несеху*). Теперь онѣ избыты, и остатки ихъ (*bych, bys, bychom, byste*) получили характеръ сослагательный. Въ такомъ же смыслѣ употребляются остатки ихъ и въ нарѣчии польскомъ (*byt и bych, byś, byśmy и bychmy, byście*), имѣя впрочемъ (безъ прибавленія *by*) значеніе и настоящаго времени (*spotą śmy szczęśliwi — мы счастливы добродѣтелью*). При этомъ нельзя незамѣтить особенной сложной формы настоящаго времени, сохраняющейся въ мѣстныхъ говорахъ польскихъ; *jam jest, tyś jest, myśmy są, wy ście są*, то есть я *есмь есмь*, ты *еси есмь*, мы *есмы сьмы*, вы *есте сьмы*, болѣе правильной, чѣмъ употребительная въ другихъ говорахъ и въ литературномъ языкѣ: *jestem, jesteś jest, jesteśmy, jesteście, są*, въ которой съ помощію *jest* вмѣсто *są* образованы и два лица множественнаго числа. Форма эта, замѣчательная отчасти и для объясненія образованія формы прошедшей, употреблялась прежде и у писателей: такъ у Кохановскаго читаемъ — *spotą śmy są szczęśliwi*. — Въ русскомъ языкѣ простыя формы прошедшаго времени господствовали еще и въ XIV вѣкѣ. Въ памятникахъ не только XIV, но XIII и XII вѣка, встрѣчаются, правда, ошибки противъ ихъ правильнаго употребленія, въ которыхъ выражается незнаніе отличій лицъ; но ихъ вообще такъ немного въ сравненіи съ тѣми случаями, гдѣ бы ошибки могли повториться и однако не повторялись, что этого достаточно для доказательства, что ошибки сдѣланы переписчиками позднѣйшаго времени. Въ Слова Давида Заточника есть выраженіе «умъ мой яко нощны врагъ на вырши забдахъ»; но то, что въ немъ кажется ошибкой, произошло не по ошибкѣ, а во желанію дословно внести выраженіе священнаго Писанія (Псал. 101; 7 — 8) «яко нощный врагъ на нариши. (за-) бдахъ». Въ некоторыхъ спискахъ Хожденія Давида есть выраженія явно ошибочныя: «тогда окъ поклонихся; азъ ту стояше»; но всѣ списки Хожденія Давида такъ воздвигаютъ, что въ нихъ подобныхъ ошибокъ нельзя не ожидать. Такъ и въ спискахъ Сказанія о побойцѣ Мамоевомъ выраженіе «Дмитрій же слышахъ» есть очевидная оплошка поздняго вѣсца. Для того чтобы убѣдиться, что это оплошка, а не ошибки сочинителя, стоитъ сравнить списки, и не въ томъ такъ въ другомъ найдется и правильное чтеніе. Какъ бы впрочемъ то ни было, въ XIV вѣкѣ простыя формы прошедшаго были народомъ оставлены, такъ же какъ и въ некоторыхъ западныхъ нарѣчьяхъ, и сохранились только въ бѣдныхъ остаткахъ. Къ числу этихъ остатковъ должно отнести форму условную, образуемую посредствомъ *by*; хотя, лишившись видоизмѣненности во лицамъ

и числамъ, это бы могло показаться союзомъ, тѣмъ не менѣе оно точно такъ же образуетъ сложное время какъ образовывало и прошедшее *быхъ* въ языкъ древнемъ (я писалъ есть сокращеніе древней формы: я (язъ) *есмь* писалъ; такъ и я бы писалъ употреблено вмѣсто древняго: я (язъ) *быхъ* писалъ: писалъ въ обоихъ случаяхъ есть причастіе, только соединенное съ двумя разными формами вспомогательнаго глагола). Мы не измѣняемъ бы на томъ же основаніи, какъ не измѣняемъ и *есть*, употребляя это третье лице единственнаго для всѣхъ трехъ лицъ обоихъ чиселъ. И какъ не вездѣ въ языкъ русскомъ осталось неизмѣннымъ *есть*, такъ не вездѣ осталось неизмѣннымъ и *бы*. Въ великорусскомъ осталось еще *еси* не въ однихъ пѣсняхъ (*гой ты еси*) какъ знакъ втораго лица; въ малорусскомъ восточномъ еще чаще слышится *еси* и *есте*, въ малорусскомъ западномъ употребительны не только вторыя лица, но и первыя: *емь*, *есмо*=*смо*; такъ и въ сослагательной формѣ въ белорусскомъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ собственно великорусскаго еще слышно *биси*=*бись*, въ малорусскомъ восточномъ *бись* и *бисте*, а въ малорусскомъ западномъ и *бимь*, *бисмо* (отличныя отъ *бывъ емъ*, *бывъ си*, *были смо*, *были сте*). Къ числу остатковъ простыхъ формъ прошедшаго времени должно отнести и *буде*=*будеть*, употребляемое теперь безлично, то есть въ третьемъ лицѣ единственнаго. Форма *буду*, *будешь* хотя осталась издавна въ значеніи будущаго во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, есть однако форма настоящаго времени на столько же, какъ и *иду*, *веду*, *хожу*, *ношу*, и прочая, и предполагаетъ подобныя формы для выраженія прошедшаго. Какъ отъ *иду* было *идохъ* и *идіахъ*, такъ и отъ *буду* — *будохъ* и *будіахъ*. Отъ *будіахъ* третье лице единственнаго *будіше* извѣстно (напримѣръ изъ лѣтописи Нестора: *Аще ли будіше нужное орудіе, то оконцьемъ малымъ бесподоваше* Л. 79. *Хотя видѣти абые узленъ будіше*. 62. *Сбудішеться старче слово*. 81). Отъ *будохъ* третье лице единственнаго было бы *буде* или съ оканчаніемъ на *т*—*будеть*, какъ отъ *идохъ*—*иде* или *идеть*. Это *буде*=*будеть* такое же прошедшее совершенное какъ и *бы*, и такъ же какъ бы могло употребляться въ смыслѣ соглаголительномъ или условномъ. Но оно издавна утратило уже свою измѣняемость, получивши смыслъ безличный (въ Русской Правдѣ есть *будеть видили*), а потому легко могло смѣшаться съ настоящимъ — будущимъ и замѣниться имъ (какъ и въ Русской Правдѣ *будуть крали* вмѣстѣ *будоша крали*). Не одинъ русский языкъ представляетъ формы *будіахъ* и *будохъ*. Въ чешскихъ старыхъ памятникахъ *budjech*—*budjese* встрѣчается довольно

чтого (например у Далмита: *w starsich budješe rada, — w karpeli je zmyjeschu, tak wsje nemosi zrubjeschu*, и прочая) Въ лужицкомъ *budźich—budziše* въ смыслъ сослагательномъ измѣняется вполне и столько же обычно въ простомъ разговорѣ, какъ и другая форма прошедшаго простаго—*běch, běše*. Въ болгарскомъ есть *быдох—быде*, тоже для всѣхъ лицъ обонхъ чиселъ, отличное отъ *бех—беше*; а по мѣстамъ слышно и *будѣх—будѣше* то же въ смыслѣ сослагательномъ.

Формы сложныя очень разнообразныя представляются и въ самыхъ древнихъ памятникахъ славянскихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ постепенно вышли изъ употребленія; но другія, болѣе сложныя, появились позже, на ихъ мѣсто, прежде чѣмъ тѣ были забыты. Теперь формы сложныя не такъ разнообразны по составу, но за то числомъ ихъ болѣе. Въ числѣ вышедшихъ изъ употребленія особеннаго вниманія достойны тѣ, которыя составлялись помощію причастій дѣйствительныхъ наращаемыхъ. Соединеніе причастія дѣйствительнаго настоящаго со вспомогательнымъ глаголомъ *быть* было въ древнемъ языкѣ также обычно какъ и соединеніе съ этимъ глаголомъ причастія настоящаго страдательнаго: примѣры его можно найти и въ памятникахъ старославянскихъ (например въ Остромировомъ Евангелии: *и бѣ уча въ сѣботы*), и въ чешскихъ (например въ одномъ изъ очень старыхъ списковъ псалтыря: *peni kto dobuda duše mé = нѣсть взыская душу мою. Псал. 141, 5.*), и въ русскихъ (например у Нестора: *ближе около града лѣсъ и блху ловяще зѣръ*). Форма эта не совершенно погибла: въ приморскомъ сербскомъ и хорватскомъ ее можно еще слышать, хотя мѣсто причастія и заступило дѣеипричастіе (например *онъ же ходечъ био, када га позвали* — онъ былъ ходя, когда его возвали). Что касается до причастія дѣйствительнаго прошедшаго, то его окончаніе *въ* сравнивали съ окончаніемъ перваго лица прошедшаго простаго на *хъ*; думали, что оба эти окончанія, вмѣстѣ съ окончаніемъ прошедшаго причастія на *лѣ*, значать одно и тоже, «какъ придыханія для устройства слоговъ», и что поэтому-то употреблялись будто бы безъ различія. Съ этимъ никакъ не лзя согласиться: *хъ* есть знакъ перваго лица, равный по смыслу съ *мѣ* (срав. *ego—me*, герм. *ich—mich*, лит. *as* и *tas—mene*, слав. *азъ—мя*), между тѣмъ какъ *лѣ* и *въ*—мѣстоименія указательныя, употребленныя для образованія причастій, какъ прилагательныхъ отлагольныхъ. Замечено было, что *спявъ* стоитъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто *спялъ* тамъ, гдѣ теперь мы употребляемъ *спялъ* (Матѣ: XXV, 26). Примѣровъ подобныхъ можно представить много изъ древнихъ памятни-

говъ русскнхъ (например у Нестора: *Игорь же совокупивъ вои многи и шати у нхъ поля, — Русь подоша и приплуша, и всю страну никомидийскую полъннвше и судъ весь пожьгоша, — Володимеръ слышавъ, яви ать бысть Василько, ужасеся, и всплакавъ, и рече, и прочая*). Въ русскомъ языкѣ эта форма не погибла и теперь: въ северныхъ говорахъ нарвчя великорусскаго, она сохранилась, хотя и не сохранивши своей пражней опредѣленности, отъ того что вмѣсто причастія, согласованнаго съ подлежащимъ въ родъ и число, употребляется неизмѣненное дзепричастіе (*онъ ужъ вставши, вы была вставши* и тому подобное). Какъ теперь такъ и прежде въ этомъ случаѣ настоящее время вспомогательнаго глагола часто опускалось, также какъ опускается у насъ въ приведенномъ, составленномъ помощію причастія на *лз* (*онъ спялъ* вмѣсто *онъ есть спялъ*); но въ чешскомъ старомъ оно часто оставалось такъ же какъ и другія времена (*jest zavlezeo, vidi živ* и тому подобное). — Древніе памятники славянскіе представляютъ сложныя времена, образованныя помощію глаголовъ: *быть, имѣть, начать, хотѣть*. Въ памятникахъ позднѣйшаго времени, равно какъ и въ нынѣшнихъ нарвчяхъ славянскихъ употребленіе послѣднихъ трехъ глаголовъ уже далеко не такъ обще: ихъ мѣсто вступилъ въ большей части случаевъ глаголь *быть*. Впрочемъ и теперь глаголы *имѣть* и *хотѣть* еще употребляются для образованія будущаго времени: *иму думать* вмѣсто *буду думать, стану думать, долженъ думать*, можно слышать въ нарвчяхъ чешскомъ, лужицкомъ, польскомъ. *Хочу думать* въ томъ же смыслѣ слышится въ нарвчии болгарскомъ и сербскомъ; Болгаринъ вмѣсто этого еще употребляетъ форму *хочу да думаю* и кромѣ того испорченную форму *хочеть думаю*, такъ что *думаю* будетъ измѣняться по лицамъ и числамъ, а *хочеть* останется неизмѣннымъ для всехъ лицъ обонхъ чиселъ. Въ русскомъ народномъ употребленіи глаголовъ вспомогательныхъ тоже измѣнилось. Глаголы *хотѣть* и *начать* потеряли характеръ вспомогательности; а глаголь *стать* получилъ ее. Глаголь *имѣть* сохранился какъ вспомогательный для образованія будущаго только въ малорусскомъ: *иму думать (думатиму)* вмѣсто *буду* или *стану думать*. Что касается до глагола *быть*, то съ усиленіемъ его вспомогательной силы образовались, въ дополненіе къ формамъ древнимъ, новыя формы, болѣе сложныя. Формы *есмы думалъ* и *буду думать* остаются во всехъ нарвчяхъ, хотя и не безъ измѣненій: *есмы* опускается подразумѣваясь, а *блѣтъ* употребляется безъ личныхъ окончаній какъ неизмѣнное *бы*; *блѣтъ думалъ* остается въ болгарскомъ, сербскомъ, лужицкомъ; *есмы*

былъ думалъ въ сербскомъ, хорутанскомъ, чешскомъ; ^{три} былъ думалъ въ хорутанскомъ, чешскомъ, польскомъ; ^{бы} есмь бы былъ думалъ въ сербскомъ; буду думалъ въ хорватскомъ, хорутанскомъ, польскомъ; буду былъ думалъ въ хорватскомъ. Въ русскомъ большая часть этихъ формъ совершенно исчезла изъ говора народа.

«Превращеніе славянскаго языка при переходѣ изъ древняго состоянія къ новому очень яркими чертами отразилось въ глаголахъ на свособъ выраженія чиселъ, родовъ и лицъ.—Вмѣсто трехъ чиселъ, бывшихъ въ древности необходимымъ достояніемъ славянскаго спряженія, и большей части нарвчій осталось только два: двойственное сохранилось теперь только въ лужицкомъ и хорутанскомъ. Въ польскомъ характеристическія окончанія двойственнаго числа тоже уцѣлели въ народѣ, но употребляются вмѣсто множественнаго (*pojdzna, pojdzta* вмѣсто *rodziem, ródzcie*). Въ русскомъ остались они только въ несколькихъ словахъ: *пожалуйста* тоже, что въ старомъ польскомъ *pożalujszta*, по формѣ второе лицо, двойственнаго; *вы ста ради* вмѣсто *вы есте ради* тоже остатокъ двойственнаго. Отличеніе родовъ въ спряженіи потеряно очень давно: въ самыхъ древнихъ памятникахъ славянскихъ находимъ отличеніе родовъ только въ двойственномъ; оно сохранилось въ двойственномъ и до-сихъ-поръ тамъ, гдѣ уцѣлело употребленіе двойственнаго числа. Въ русскомъ задолго прежде, нежели погубило двойственное, окончаніе рода мужскаго и женскаго смѣшались, и *есвъ, ествъ* стали употребляться въ мужескомъ вмѣсто *есва, еста*.—Что касается до лицъ, то особеннаго вниманія достойно третье. Древній знакъ его *тъ* сталъ выходить изъ употребленія уже очень издавна: такъ въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскихъ уже не видимъ, кромѣ немногихъ случаевъ, употребленія его въ прошедшемъ времени (*да, дааше, даша, даху* вмѣсто *дана, даашеть, дашатъ, дахуть*: только въ некоторыхъ глаголахъ первообразныхъ видимъ *тъ* вмѣсто *тъ* въ третьемъ лицѣ единственнаго прошедшаго времени (*ятъ, жатъ* и тому подобное). Также и въ древнѣйшихъ памятникахъ чешскихъ. Только въ русскомъ языкѣ удерживалось въ этихъ случаяхъ довольно долго употребленіе *тъ*; но и то почти исключительно въ преходящемъ (*дашеть, дахуть*). Въ настоящемъ долго удерживался знакъ этотъ въ старославянскомъ, чешскомъ, такъ же какъ въ русскомъ; но и въ русскомъ какъ въ другихъ нарвчійхъ онъ не удержался какъ необходимая принадлежность спряженія. Въ западныхъ нарвчійхъ онъ сохранился теперь почти только въ нарвчій болгарскомъ и то для одного множественнаго

(он думает, они думают). Въ русскомъ народномъ хотя и не погибло еще употребленіе *тъ* совершенно, но во многихъ говорахъ вмѣсто *тъ* слышно *тѣ*, а въ другихъ для единственнаго числа уже не слышно ни того ни другаго, или же, если и употребляется, то самопроизвольно такъ, что можно и опустить *тъ* (*иде* и *идеть*).

— Столь же значительныя потери въ отношеніи къ опредѣленности формъ потерпѣли нарѣчія славянскія и въ формахъ словосочиненія. Между явленіями, происшедшими въ слѣдствіе превращенія древняго строя, особенно замѣчательны: опущеніе управляющихъ глаголовъ, необходимость сочетанія падежей съ предлогами, потеря падежей самостоятельныхъ.

• Случаи опущенія глаголовъ управляющихъ, преимущественно существительнаго глагола *быть*, попадаются и въ древнѣйшихъ памятникахъ, особенно въ третьемъ лицѣ единственнаго настоящаго времени. Теперь въ большей части нарѣчій это опущеніе допущено для третьяго лица обоихъ чиселъ. Въ русскомъ оно стало въ большей части говоровъ почти необходимою для всѣхъ трехъ лицъ обоихъ чиселъ.

• Употребленіе падежей безъ предлоговъ все болѣе ограничивается. Такъ между-прочимъ въ хорутанскомъ, чешскомъ и особенно въ лужицкомъ даже творительный, означающій орудіе, требуетъ передъ собою предлога *съ* (*съ ножемъ рѣзать* вмѣсто *ножемъ рѣзать*). Предложный безъ предлога сохранился только въ лужицкомъ (*Будишинь* вмѣсто *въ Будишинь*). Дательный мѣста сохранился почти только въ горномъ хорутанскомъ (*Бляку* вмѣсто *къ Бляку*, *въ Блякъ*—*in Villach*). Въ русскомъ безпредложный падежъ предложный сохранился только въ поговорочныхъ выраженіяхъ (напримѣръ *зимь*, *лѣтъ* вмѣсто *въ зимь*, *въ лѣтъ*, *зимой*, *лѣтомъ*).

• Употребленіе падежей самостоятельныхъ было не очень распространено въ славянскомъ языкѣ: такъ между-прочимъ только въ отношеніи къ старославянскому и древнему русскому не остается никакого сомнѣнія, что дательный самостоятельный употреблялся какъ форма необходимая. Въ старыхъ чешскихъ памятникахъ есть случаи самостоятельнаго употребленія не только дательнаго, но и родительнаго (напримѣръ въ сгорьльскихъ отрывкахъ Евангелія Іоанна: *Iesus, pozdwiżeny ma osima w nebe, reče: XVII, 1.*—*Otpoćiwajicim dwëmanadeti nêedlnikom pokazal, sje jim Ježiš, Mar. XIV, 14.*—*Aješ-će jich newer'icich ale diwucich pro weselé, wese jim, Лук. XXIV, 41*); но ихъ такъ мало и употребленіе ихъ такъ принужденно, что едва

ди не должно считать эти случаи ослышками влияния несомненности старославянской. Въ русскомъ употребленіе дательнаго обстоятельнаго сохранялось еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ, но уже не съ такою требовательностію какъ прежде, и теперь осталось въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ случайно (напримѣръ въ ванадско-малорусской пословицѣ *самому тебѣ в лѣси, товарища не найдеш*: ясно что при выраженіи *самому тебѣ* подразумевать должно причастіе *будучу*).

Составъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и русскаго языка, измѣнялся постоянно все болѣе — съ одной стороны отъ утраты старыхъ корней и отъ заимствованія словъ, произведенныхъ отъ нихъ, новыми словами, произведенными отъ корней, болѣе обычныхъ, — съ другой стороны отъ заимствованій изъ языковъ иностранныхъ. Утраты были впрочемъ вовсе не такъ велики, какъ можно думать, не обращая вниманія на богатства народнаго языка. Чѣмъ болѣе известны становятся западныя славянскія нарѣчія и нашъ народный языкъ, тѣмъ съ большею доверенностію и отчетливостію прислушиваемся къ говору простаго народа; тѣмъ болѣе отыскиваемъ словъ и выраженій древнихъ, считавшихся утраченными, и тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться, что и другія, еще необъясненныя или вовсе неизвѣстныя и важныя для объясненія древняго быта, будутъ также найдены въ той же неизчерпаемой сокровищницѣ — памяти народной. Утратъ болѣе кажущихся чѣмъ действительныхъ: многа слова, прежде измѣнявшіяся по разнымъ формамъ, остались неподвижными въ какой-нибудь одной формѣ; многа частицы, напримѣръ предлоги: *на, съ, безъ, ра*, потерявъ свое незаконное значеніе, сохранились въ словахъ сложныхъ (*нажизнь, сурожь, беспѣда, радуга*), и тому подобно.

Разсматривая множество словъ вновь образованныхъ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на то, что какъ въ западныхъ нарѣчійхъ славянскихъ, такъ едва ли даже не болѣе въ нашемъ русскомъ, создаются до-сихъ-поръ слова совершенно новыя, безъ всякаго видимаго пособія прежнихъ общеупотребляемыхъ корней. Воображеніе народа творить ихъ внезапно, безотчетно, и между-тѣмъ нередко такъ удачно, такъ ловко выражая понятія, что несмотря на свое какъ-будто случайное появленіе, они остаются въ памяти народной и занимаютъ въ ней мѣсто между словами необходимыми. Въ минуту одушевленной бесѣды, они срываются съ языка себесъдвникомъ такъ же невольнаго какъ и всѣ другія слова, давно знакомыя; но приводить

впечатлѣнія слышя другихъ, дѣлаются любимыми, расходятся изъ дома въ домъ, изъ села въ село, все далѣе, и потомъ — не одно изъ нихъ уже заставляло этимологовъ задумываться, отъ какихъ бы корней могли они произойти. Едва ли впрочемъ можно считать несомнѣннымъ, что всѣ такія слова — произведенія чистой случайности или личнаго воображенія тѣхъ, кто въ первый разъ ихъ высказалъ; нельзя по крайней-мѣрѣ опустить изъ виду, что некоторые изъ такихъ словъ, какъ ни безотчетно срывались они съ языка, какъ ни были далеки своею звучностью отъ всѣхъ другихъ словъ, извѣстныхъ тому, кто ихъ произносилъ въ первый разъ, находили себѣ подобныя въ другихъ нарѣчιάхъ. Основываясь на этихъ извѣданныхъ примѣрахъ, надобно допустить возможность, что одно и то же такое слово въ одномъ или почти одномъ и томъ же смыслѣ, можетъ быть высказано нѣсколькими людьми въ разныхъ мѣстахъ, совершенно независимо и съ тѣмъ особеннымъ оттънкомъ звучности, который требуется характеромъ мѣстнаго выговора.

Что касается до словъ, занятыхъ отъ другихъ народовъ, то какъ ихъ ни много въ нѣкоторыхъ нарѣчιάхъ славянскихъ, число ихъ далеко не такъ велико, какъ можно думать, довѣряя нѣкоторымъ простодушнымъ составителямъ словарей: многія изъ нихъ считались занятыми только потому что людямъ, поставившимъ ихъ въ это число, незнакомы были языки, изъ которыхъ они были ими выводимы. Сравненіе нарѣчій славянскихъ привело бы ихъ совершенно къ другимъ заключеніямъ. Высшій классъ общества принималъ не всегда съ сопротивленіемъ слова и обороты чужіе; но и онъ — болѣе по требованію моды, по случайному увлеченію, очень часто только на время; массы народа, напротивъ того, постоянно уклонялись отъ этихъ заимствованій, а если брали чужое, то почти всегда передѣлывая сообразно съ характеромъ своего языка.

Къ числу очень замѣчательныхъ явленій въ исторіи народнаго русскаго языка принадлежитъ образованіе такъ называемаго афинскаго или оѣнскаго нарѣчія, почти совершенно непонятнаго по составу своему и совершенно правильнаго по строю. Употребляемое ходячками, странствующими продавцами, мастеровыми и извопниками, оно считается у насъ языкомъ нарочно составленнымъ для того, что бы можно было скрывать имъ свои мысли и намѣренія, языкомъ разбойниковъ, обманщиковъ и тому подобное. Едва ли это мнѣніе совершен-

но справедливо. Безспорно, что оно бывает употребляемо и съ такою цѣлю; но такъ употреблять можетъ быть всякій неизвѣстный языкъ, каково бы нибыло его происхожденіе. Безспорно также, что въ афинское нарѣчіе введены теперь и такія слова, которыя, происходя отъ русскихъ корней, повторяютъ только ихъ въ вывороченномъ видѣ; но такихъ словъ въ сравненіи съ остальными не много. Съ другой стороны также безспорно, что афинское нарѣчіе есть нарѣчіе мѣстное — костромское и владимірское, — что очень многія слова его въ общемъ ходу не только въ губерніяхъ костромской, ярославской, владимірской и другихъ окрестныхъ, но и въ другихъ сѣверныхъ, а нѣкоторыя известны въ разныхъ другихъ краяхъ, — что никто изъ знающихъ его не думаетъ скрывать его какъ тайну, такъ что и дѣти говорятъ по-афински, и всякому воля ему выучиться, лишь была бы охота, — что мошенники и разбойники не вели имъ никогда, сколько известно, своихъ тайныхъ разговоровъ, а употребляли для него ломаный татарскій языкъ. Всматриваясь же внимательно въ составъ афинскаго нарѣчія, нельзя не остановиться на такихъ словахъ, которыя были въ старомъ русскомъ, или до-сихъ-поръ находятся въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, или же относятся къ древнѣйшему достоянію европейскихъ языковъ. Въ немъ не одно слово заслуживаетъ вниманія филолога, — и жаль, если ни одинъ изъ нашихъ филологовъ, оставаясь при мнѣніи, что оно не стоитъ серьезнаго вниманія, не захочетъ сдѣлать его предметомъ особеннаго изученія....

Возвращаясь отъ современнаго состоянія языка все далѣе назадъ въ вѣка прошедшіе, наблюдатель видитъ въ немъ тѣмъ менѣе признаковъ превращенія, чѣмъ онъ древнѣе. Въ первыя времена отдѣленія нарѣчій славянскихъ, этихъ признаковъ было мало, съ тѣмъ вмѣстѣ мало было и чертъ различія между нарѣчіями. Еще одинъ шагъ назадъ, и всѣ нарѣчія не могутъ не представляться наблюдателю однимъ нераздѣльнымъ нарѣчіемъ.

И. СРЕЗНЕВСКІЙ.

==

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ЗЕМСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Общественная жизнь Славянъ, населившихъ Русскую землю, первоначально ограничивалась жизнью въ союзъ кровномъ подѣ властью старшаго въ родѣ, потомъ въ общинномъ—подѣ властью вѣча. Изъ этихъ общественныхъ отношеній — изъ родового и племеннаго быта русскаго народа возникло раздѣленіе Русской земли на племенные земли или волости. Развитіе и устанавленіе земскихъ отношеній продолжалось и послѣ, при князьяхъ, изъ тѣхъ же началъ, особо отъ вліянія власти князей и княжескихъ дружинъ.

Раздѣленіе древней Руси, происшедшее прямо изъ началъ народной жизни, часто принималось за основаніе дѣленія русской земли между князьями въ періодъ удѣловъ. Правда, хотя народное дѣленіе Руси на племенные области и княжеское—на волости княжескія или княженія, оба существовали въ одно и то же время, часто независимо одно отъ другаго;—тѣмъ не менѣе однако жъ оба они находились въ ближайшемъ взаимномъ соотношеніи. И много явленій удѣльнаго періода объяснилось бы, много свѣта пролилось бы на отношенія между князьями, еслибъ тогдашнія земскія условія Руси были вполне разъяснены.

Но, сколько намъ известно, земское единство волостей еще не было подвергнуто специальному изслѣдованію. По скудости современныхъ сказаній этотъ предметъ требуетъ самыхъ точныхъ изысканій и различныхъ соображеній. На первый разъ мы представимъ нѣсколько мыслей объ немъ, на сколько это можетъ облегчить рѣшеніе вопроса объ удѣльномъ, между княжескомъ правѣ, вопроса, который въ недавнее время обратилъ на себя особенное вниманіе изслѣдователей русской древности.

Такъ-какъ развитіе и образованіе земскихъ отношеній Руси находится въ непосредственной связи съ развитіемъ общественнаго быта славянскихъ племенъ, населившихъ русскую землю, то мы должны прежде всего указать на главные ступени развитія народнаго. Главныя формы общественной жизни Славянъ были: родъ, община, волость, государство. И такъ предметомъ предлагаемаго изслѣдованія будетъ жизнь Славянъ въ союзѣ родовомъ, общинномъ и земскомъ.

Состояніе племенъ до образованія союза родоваго есть состояніе непосредственное. Племя живетъ какъ стадо звѣрей, или какъ стая перелетныхъ птицъ, — это бытъ племенной, первоначальный. Такое состояніе Славянъ уже само-по-себѣ представляетъ слишкомъ мало занимательности, да и преданій объ немъ, какъ увидимъ, не сохранилось. Славяне важнѣе для насъ въ быту родовомъ, когда уже признаны умы кровн, когда родъ отделился отъ рода и призналъ надъ собою власть старѣйшаго въ родѣ.

Первоначально родъ заключенъ въ себѣ самомъ. Онъ знаетъ и признаетъ только себя, и ничего не признаетъ внѣ себя. — Окончательное образованіе и установленіе рода въ своихъ собственныхъ предѣлахъ есть родовое единство. Въ такомъ быту Славяне въ первый разъ появляются на поприщѣ исторіи.

Но родъ не можетъ навсегда остаться заключеннымъ въ себѣ самомъ. Раздѣленіе племени, основанное на кровномъ родствѣ въ отдельныхъ родахъ, должно въ свое время уступить мѣсто единенію по всемірному закону общенія. Одноплеменность Славянъ, единство ихъ вѣры и языка, взаимная нужда, выгоды, враги и вообще всѣ внѣшнія обстоятельства способствовали этому общенію. Оно происходило посредствомъ централизаціи. Народонаселеніе разбросанныхъ жилищъ и удаленныхъ сель стекалось къ храму, сначала на-время для религіозныхъ цѣлей, а потомъ на постоянное жительство; храмы вмѣстѣ съ тѣмъ служили

нѣмъ общей защиты для одноплемennыхъ родовъ. Сосѣдство родовъ, къ общимъ интересамъ, вело къ частнымъ сношеніямъ, которыя влекли за собою появленіе взаимныхъ нуждъ и сознаніе выгоды сожителства. Постепенно слабѣло отчужденіе отдельныхъ родовыхъ союзовъ, наконецъ, и все они потомъ сливались въ одинъ союзъ. Соединенію родовъ также содѣйствовали и другія внѣшнія обстоятельства. Общая опасность отталкивала разнородцевъ въ лѣсахъ, болотахъ и неприступныхъ мѣстахъ, побуждала ихъ на-время соединиться для общей защиты. Изъ временнаго соединенія происходило сожителство. Удобство положенія также сводило роды на одно мѣсто; за сосѣдствомъ слѣдовало общеніе, прекращеніе взаимнаго отчужденія, вносилъ забвеніе неродственности и происхожденіе одного общаго союза родовъ. Такимъ-образомъ все было въ пользу общенія, и слова нашего лѣтописца «живущимъ особъ, волюдвюцимъ роды... живяху каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ», современнымъ получаютъ значеніе историческое: роды начинаютъ селиться въ одномъ мѣстѣ. Укрѣпленное для обороны оно у Славянъ называлось городомъ. Изъ такого соединенія родовъ происходитъ союзъ общинный, въ противоположность прежнему союзу кровному.

Кромѣ централизаціи община происходила еще и другимъ путемъ, изъ одного рода. За размноженіемъ рода слѣдовало распаденіе его на отрасли, изъ которыхъ каждая дѣлалась самостоятельнымъ родомъ подъ властью отдельнаго старшйшины. Затѣмъ мало-по-малу исчезала память о единствѣ ихъ происхожденія, или сохранялась только въ общемъ племенномъ названіи. Новые роды, раздѣлившись такимъ-образомъ по отношенію къ общей родовой власти, которая до-тѣхъ-поръ связывала въ одно цѣлое, продолжали жить на прежнемъ мѣстѣ. Сношенія между ними, возникшія вслѣдствіе указанныхъ нами причинъ, происходятъ какъ между отдельными родами, другъ другу чуждыми. Тѣ же причины приводятъ ихъ къ единству и раздѣленные роды снова сливаются въ одинъ союзъ. Но уже не кровь связываетъ такой союзъ, и потому это союзъ не кровный, а также общинный.

Не вдругъ община достигаетъ единства. Въ первый моментъ соединенія родовъ согласить интересы ихъ немудрено, какъ интересы родовъ немногихъ. Этотъ трудъ берутъ на себя представители родовъ. Взаимное соглашеніе старшинъ рываетъ общія дѣла. Въ этомъ соглашеніи и въ необходимомъ условливающимъ его предварительномъ совѣ-

щани заключается начало вѣча. Съ размноженіемъ родовъ рази-
 вается вѣче. Родъ распадается на вѣтви; понятіе о единствѣ ихъ сла-
 буетъ: вслѣдствіе этого появляются новые роды и съ ними новые
 старѣйшины. Собранія становятся многочисленнѣе — соглашеніе
 интересовъ трудяе: здѣсь начало борьбы между отдѣльными родами.
 Внутри рода также могла возникнуть борьба вслѣдствіе права родичей
 избирать себѣ изъ рода владыку * и слѣдовательно возможность перехе-
 да родовой власти къ кому-либо, не въ очередь, мимо старшаго, такъ-
 какъ это было соединено съ нарушеніемъ обычныхъ правъ старшаго **
 по возрасту и вело къ распаденію рода ***. Слѣдствіемъ этой всеобщей
 борьбы, вѣшной и внутренней, есть ослабленіе родоваго начала. Далѣе
 съ постепеннымъ наплывомъ новаго народонаселенія, представленіе о
 родствѣ замираетъ и наконецъ остается только въ названіяхъ, зам-
 ствованныхъ изъ прежняго кровнаго быта, — все роды, все жители горо-
 да сливаются въ одинъ союзъ общинный. Въ общинномъ союзѣ увели-
 чивается кругъ правъ отдѣльнаго лица. Каждый изъ гражданъ при-
 нимаетъ участіе въ дѣлахъ цѣлой общины. Граждане избираютъ ста-
 рѣйшинъ. Вѣче получаетъ видъ народнаго собранія, а не совѣщанія
 старѣйшинъ, опредѣленіемъ котораго безусловно покорялись все роди-
 чи. Каждый изъ гражданъ имѣетъ право говорить на вѣчѣ и мнѣніе
 его могло быть принято ****. Народъ изъявляетъ согласіе на рѣшеніе
 старшинъ. Впрочемъ, прежній кровный бытъ, отсутствіе личности
 родичей и отрицательная жизнь ихъ глубоко пустили корни и
 потому правило «что старѣйшинъ сдумаютъ на томъ пригородѣ ста-
 нуть» *****, относится, безъ-сомнѣнія, не къ однимъ только юриди-
 скимъ лицамъ: совѣщаніе и рѣшеніе общинныхъ дѣлъ на вѣчѣ было во
 преимуществу дѣломъ старѣйшинъ. Но званіе старѣйшины теперь уже
 не имѣетъ значенія родоваго: старѣйшинъ избираетъ народъ, и избра-
 ніе это основано только на уваженіи къ возрасту и къ личнымъ до-
 стоинствамъ. Начало общинное окончательно торжествуетъ надъ на-

* Судъ Любушп.

** Соловьевъ, Объ отношеніи Новг. къ великимъ князьямъ. Москва.
 1846. Стр. 7—8.

*** Такъ въ родѣ русскихъ князей переходъ старшинства къ Монома-
 ху, не въ очередь, имѣлъ слѣдствіемъ распаденіе рода Ярославова.

**** Ипат. 32—35.

***** Лавр. 160.

чаюмъ кровнѣмъ, и слѣдствіемъ этого торжества есть единство общинное, вторая ступень развитія народнаго.

Къ городу принадлежитъ земля, предназначенная для общаго пользования жителей. Населеніе города по времени умножается, образуются новые роды. Нѣсколько такихъ родовъ выходитъ за стѣны города и селится вокругъ селами. Далѣе на обширной землѣ, принадлежащей городу, селятся новые роды, пришлые или потомки размножившихся горожанъ. Появляются новые города, и здѣсь возникаетъ та же борьба началъ. Результатъ ея одинъ и тотъ же: паденіе родоваго начала и возобладанія общиннаго. Но и отдѣльныя общины не остаются заключенными въ самихъ себѣ, и между ними также происходитъ общеніе. Связь между городами и жителями известнаго пространства земли обуславливаетъ известныя отношенія ихъ другъ къ другу: съ одной стороны отношеніе старшинства, а съ другой известнаго подчиненія, въ слѣдствіе признанія этого старшинства. Основаніе такого отношенія заключается въ происхожденіи одного города отъ другаго, посредствомъ выселенія, въ единоплеменности жителей известнаго пространства земли, въ поселеніи родовъ на городской землѣ и въ сравнительной давности городовъ. Нѣсколько мѣстъ поселенія, взаимныхъ между собою известными отношеніями, составляетъ *землю* или *волость*. Установленіе этихъ отношеній младшихъ городовъ къ старшему, есть единство земское, — третья ступень развитія народнаго.

Основаніемъ этого единства есть также власть, но уже не патриархальная, не власть одного только вѣча общиннаго, а власть вѣча земскаго. Общественная власть въ рукахъ этого вѣча не упрочиваетъ еще благосостоянія волости. Единство вѣча тѣмъ труднѣе, чѣмъ волость пространнѣе и чѣмъ многочисленнѣе ея населеніе. Беспорядки народовластиа и физическое ослабленіе, какъ слѣдствіе этихъ беспорядковъ, вызываютъ чувство необходимости «наряда», нужду въ общемъ судѣи и защитникѣ, — въ князѣ и его власти, необходимой для достиженія единства. Пространство, на которомъ дѣйствуетъ власть князя, по времени увеличиваетъ ся, подъ эту власть пристають новыя земли и племена, — и она соединяетъ ихъ собою въ одно цѣлое, въ одинъ союзъ государственный. Въ окончательномъ устройствѣ и образованіи княжеской власти и въ общеніи цѣлыхъ племенъ, до того чуждыхъ другу или даже разнородныхъ, заключается единство государственное. Оно первоначально является какъ

отрицательное и формальное: государство чувствует себя единым лицом юридическимъ только въ противоположеніи себя съ другимъ подобнымъ лицомъ, въ то самое время, когда внутри его происходятъ еще броженіе (единеніе) разнородныхъ элементовъ. Единство его основано на единствѣ государственной власти. Сліянію этихъ элементовъ въ одну націю есть единство государственное, внутреннее, матеріальное.

Таковы въ общихъ чертахъ были фазы жизни славянскихъ племенъ, населявшихъ русскую землю. Начало родовое, общинное, земское и государственное, преобладали у нихъ поочередно. Но начала эти не сменяли другъ друга правильно, а напротивъ, иногда дѣйствовали все или нѣкоторые въ одно и то же время. Такъ въ одно и то же время, когда у Славянъ новгородскихъ *родъ* возставалъ на *родъ* (начало родовое), тогда происходило совѣщаніе старѣйшихъ въ городѣ (начало общинное) о «народѣ» въ цѣлой племенной землѣ (начало земское), и это вѣче порывило призваніе князя (начало государственное). Вѣче общинное и земское продолжали существовать и послѣ, въ одно время съ княжескою властью *. Отъ столкновенія разнородныхъ началъ происходила ихъ взаимная борьба, которая оканчивалась или примиреніемъ со взаимными уступками, или наконецъ паденіемъ начала низшаго и торжествомъ высшаго.

Раздѣленіе народа на племенные союзы и русской земли на земли или волости, какъ замѣчено выше, имѣло соотношеніе съ дѣленіемъ ея между князьями. Мы остановимся на этомъ предметѣ и укажемъ на нѣкоторые дошедшіе до насъ факты общественной жизни Славянъ на ея различныхъ ступеняхъ, показанныхъ нами, и потомъ рассмотримъ союзъ общинный и земскій. Для пополненія недосказаннаго современными памятниками о Славянахъ русскихъ и, для сравненія, мы будемъ пользоваться источниками исторіи Славянъ западныхъ.

1. Жизнь Славянъ до образованія родового союза.

Преданіе не застаётъ уже Славянъ на степени народа, не признававшего узъ крови. Все дошедшія до насъ извѣстія о первобытномъ образѣ

жизни славянскихъ племенъ относятся къ тому времени, когда у нихъ господствовалъ бытъ патриархальный. Жизнь Славянъ въ первоначальномъ состояніи дикости, при несуществованіи у нихъ союза родового, вовсе неизвестна.

Правда хотя летописецъ говорить о Радимичахъ, Вятичахъ и Съзрянцахъ, что они «живяху въ лѣсъ яко же волкѣи звѣрь, ядуще все нечистое», но тутъ же прибавляетъ: «срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снэхими», а эти названія показываютъ, что узы родства у нихъ существовали. Далѣе Несторъ говоритъ о тѣхъ же племенахъ: «брати не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Сложакхуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовская игрища и ту умываху жены собѣ, съ немю же кто съвѣщашеся. Имяху же по двѣ и по три жены». Потомъ упомянутая объ обычаяхъ этихъ племенъ, летописецъ продолжаетъ: «аще кто умрише, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възаожакхутъ и на кладу мертвеца, сожъжакху, а по семъ собравше кости, вложакху въ судину малу и поставяху на столпъ на путехъ, еже творятъ Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочи поганин, не вѣдуще закона Божія, но творяще сами собѣ законъ.»* Изъ этихъ словъ летописи ясно, что даже у самыхъ грубыхъ между племенами Славянъ признавался родство и существовалъ бракъ въ видѣ многоженства; что браки происходили между жителями разныхъ селъ, следовательно не въ степеняхъ родства ** и совершались по взаимному согласію женщины съ невѣстой, на игрищахъ, которыя летописецъ называетъ «бѣсовскими», — а такой эпитетъ въ устахъ христіанина указываетъ на языческое ихъ значеніе, на зависимость брака у сказанныхъ племенъ. Кроме того, какъ видно изъ приведеннаго мѣста летописи, не одни только лѣса служили имъ жилищемъ, но также и села, а следовательно было умѣнье строить, ставить столпы, также какъ и умѣнье дѣлать сосуды. Плясанье и игрища у этихъ племенъ происходили между селами. И такъ, религиозные обряды совершались жителями нѣсколькихъ селъ вмѣстѣ — тутъ видно уже общеніе религиозное, основанное на единствѣ веры въ цѣломъ племени. Общеніе родовъ свѣршалось браками; притомъ оно не было уже только временнымъ соединеніемъ племени для цѣлей религиозныхъ, но по-

* Лавр. 6.

** См. ниже.

стоиннымъ, какъ должно заключать изъ существованія *путей* между селами. Наконецъ въ каждомъ изъ этихъ племенъ были «обычай свои», которые сохранились до позднѣйшаго-времени, «законъ отецъ своихъ и преданья». Самое названіе «Радимичи и Вятичи», какъ объясняетъ его лѣтописецъ, противорѣчитъ сказанному о нихъ дикости и звѣрствъ: «бѣста бо 2 брата въ Лясъхъ, Радимъ, а другій Вятко; и пришедши съдоста, Радимъ на Съжи, прозвашася Радимичи, а Вятко съде съ *родомъ своимъ* по Оцъ, отъ него же прозвашася Вятичи». Образование этихъ словъ, окончаніе на *чи*, заставляетъ думать, что это извѣстіе не совсемъ сказка, тѣмъ болѣе, что племена, какъ говоритъ лѣтописецъ, по большою части получали прозванія отъ того, «гдѣ съдше, на которомъ мѣсть». Если Радимъ и Вятко существовали, то гдѣ же могло сохраняться преданіе объ этомъ, какъ не въ ихъ *родахъ*, которые впоследствии размножились въ многочисленныя племена. — Все, сказанное доселѣ о Радимичахъ, Вятичахъ, Сѣверянахъ, Кривичахъ, указываетъ на степень гражданственности выше той, на которой находятся племена при отсутствіи родоваго союза. И только объ однихъ Древянахъ говоритъ Несторъ, что они жили «звѣриньскимъ образомъ, живуще еכותьски: убиваху другъ друга, ядуще все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху уводы дѣвица» *. Но по этому еще нельзя положительно заключать объ отсутствіи у нихъ родоваго союза, тѣмъ болѣе, что еще прежде этого извѣстія объ образъ жизни Древянъ, лѣтописецъ сказалъ, что у нихъ было «княженъе свое» **. Къ тому же, онъ говорилъ о язычникахъ, и если не признавалъ у нихъ религіи, считалъ ихъ беззаконниками, то естественно, что и на многобрачіе этихъ племенъ могъ глядѣть какъ на безбрачіе, и не хотѣлъ видѣть брачныхъ обычаевъ тамъ, гдѣ они состояли въ уводахъ дѣвицъ, или гдѣ бракъ совершался во время *бѣсовскихъ* игръ и плясаній. Притомъ Древяне, которымъ Несторъ приписываетъ скотскій образъ жизни, были народъ воинственный, хищный; ясно, что обычай этого племени не могли такъ согласоваться съ понятіями лѣтописца, какъ обычай мирныхъ и кроткихъ Полянъ, вполне преданныхъ патриархальному образу жизни. Вотъ также одна изъ причинъ обыванія Древянъ въ звѣрствъ.

* Лавр. 6.

** Тамъ же. 5

О жизни Славянъ безъ родственнаго союза молчатъ Византійцы, а изъ западныхъ лѣтописцевъ говорятъ объ ней только Далемилъ да Козьма Пражскій, и то первый только разъ упомянулъ въ своей рѣчмонанной хроникѣ о томъ, что Славяне «не знали брака»*, но изъ этого ещенельзя ничего заключать: лѣтописецъ слишкомъ коротко и не ясно высказалъ свою мысль, и невидно, что онъ разумѣлъ подъ этими словами, рѣшительное ли безбрачіе и состояніе скотства, или только многобрачіе и непостоянство языческихъ браковъ. Судя потому, что онъ говоритъ о Славянахъ вообще, и какъ хвалитъ ихъ обычан, надо полагать последнее.

Козьма Пражскій въ поэтическомъ предисловіи къ свой хроникѣ, написанномъ чуть не пентаметромъ, рассказываетъ о первобытной жизни Славянъ въ Богеміи. «Преступленія у нихъ» говоритъ онъ «были неизвѣстны, и жили они въ состояніи невинности; никогда не видали они чужаго оружія, а своимъ были только скотъ**». Не знали они также словъ *мое* и *твое*: все, что у нихъ было, называли *наше*. Какъ у монастырской братіи, такъ у нихъ, все было общее. Какъ солнца свѣтъ, какъ прохлада ночи, такъ пастбища и земные плоды, такъ даже и самыя жены принадлежали имъ всѣмъ обща. Брачный союзъ длился лишь съ вечера до зари, а тамъ разрывались узы грацій и оковы амура»... Другими словами, брака у Славянъ не было***.

Едва ли исторія въ правѣ пользоваться приведеннымъ мѣстомъ хроники, которое написано не лѣтописцемъ, а скорѣе вдохновеннымъ поэтомъ, и напоминаетъ сказку о небываломъ золотомъ вѣкъ. Но такъ-какъ сказанное о безбрачіи Чеховъ не разъ еще повторяется у Козьмы Пражскаго****, то должно обратить вниманіе на это извѣстіе и рассмотреть его подробнѣе. Откуда взялись въ этой

* Dalemilowa Kronika ceska. Cap. 2. «jeden zly obycej imechu ze manželstwa nadrzechu».

** Scriptorum rerum Bohemicarum T. 1. Cosmae Pragensis chronicon. Pragaе, 1783, p. 8 - 9.

*** Ibid 8. «Ut Solis splendor vel aquae humor, sic arva et nemora; quin etiam et ipsa concubia erant illis communia. Nam more pecudum singulas ad noctes novos probant hymeneos, et surgente aurora trium gratiarum copulam, et ferrea amoris rumpunt vincula, et ubi nox quemque occuparat, ibi fususper herbam frondosae arboris sub umbra dulces carpebat somnos».

**** Cos. Prag. chr. 57-57, 72.

странъ такіе счастливые люди? Преданіе говоритъ, что они произошли отъ Чеха, который пришелъ туда не одинъ, но, взявъ жену, съ родомъ своимъ, и былъ въ немъ старѣйшимъ и господиномъ. Описавъ поэтически мѣстность Богемія, Козьма Прагскій пересказываетъ это преданіе. «Прибывъ туда *старѣйшина*, обратился къ сопровождавшимъ его, сказалъ: Товарищи, не разъ приходилось вамъ переносить тяжкіе труды, не разъ изнеможеньные останавливались вы на непроходимомъ пути: теперь благодарите боговъ, приносите жертвы — вы пришли наконецъ въ обжитую землю; въ отчизну, издавна предназначенную вамъ судьбою. Вотъ она, вотъ та земля, которую я вамъ обещалъ.... дѣвственная, обильная.... текущая медомъ и млекоу.... придумайте, какъ ее назвать. Тогда они въ одинъ голосъ отвѣчали: нѣтъ ей лучшаго имени, чѣмъ твое, — какъ ты, *отецъ*, называешься Богемомъ, то пусть и страна эта называется Богеміей.... и онъ въ радости поцѣловалъ землю.... Потомъ, поднявъ руки къ небу, сказалъ: привѣтъ тебѣ земля обжитая, испрошенная тысячами нашихъ молитвъ... со времени потопа лишенная человека, теперь.... храни насъ и умножай *родъ* нашъ изъ поколѣнія въ поколѣніе».... Такой характеръ разсказа Козьмы сильно колеблетъ довѣріе къ его словамъ. Затѣмъ въ хроникѣ этой слѣдуетъ описаніе образа жизни неробитныхъ Чеховъ, гдѣ между прочимъ говорится о томъ, что они не знали земледѣлія, а занимались скотоводствомъ **. Далѣе упоминается о *жмилницѣхъ* ***, а это не позволяетъ приписать жителямъ Чехіи даже кочевого образа жизни. — И такъ преданіе застаётъ ихъ уже на степеніи народа пастушескаго. При самомъ вступленіи на поприще исторіи, у нихъ была религія, существовалъ родовой союзъ и признавалась власть *старѣйшаго* (*senior*): можно ли при этомъ допустить состояніе скотства? Или же наконецъ должно предположить совершенное огрубнѣніе народа, разрушеніе союза. Но этому противорѣчитъ и та невинность, которую описалъ Козь-

* Ibid. 7. «Senior, quem alii quasi dominum comitabantur». ep. Dalem. cap. 2. «ten Cech junicijose bratrow sest pro nez imirjese moc i cesi».

** Cos. chr. 8. «Ceteris et Baethii munera haud porant... Sova praedia solvebant glande vel ferina carne». — Ibid. 9. «Nallius gentis arma videre tantum tummodo sagittas, et has propter ferientias ferus habere».

*** Ibid. 8. «Ad stabula non erant ropagula, nec portam inspi clauderant, quia neque fur, neque latro, neque inops quisquam erat».

ма Пражскій, и дѣльныйиіи разсказъ его хроники. «Скоро» говорить онъ, — «прѣшло у нихъ время невинности, появились несогласія; общность собственности исчезла, частыя нарушенія права вызывали мѣсть, и тогда для рѣшенія споровъ стали прибѣгать къ достойнѣйшимъ мужамъ, каждый въ своемъ племени или родѣ. Изъ числа такихъ мужей прославился Кроккъ; къ нему прибѣгали отовсюду и такимъ-образомъ сталъ онъ творить судъ не только въ своемъ племени, но и во всемъ народѣ». Судебная власть Крокка перешла въ дочери его, знаменитой Любушѣ, по наследству, по завѣщанію и по избранію всего народа. Ясно, что тутъ летописецъ высказывалъ свои философскія понятія о происхожденіи гражданскихъ обществъ, и потому словамъ его нельзя придавать значенія. Во всякомъ случаѣ это явленіе — не что иное, какъ раздѣленіе рода, который разчленился до того, что въ немъ не могло уже быть единства родового, которое поддерживалось бы въ отдельныхъ отрасляхъ этого рода, связанныхъ представленіемъ относительно ближайшаго родства своего, — отсюда образованіе новыхъ родовъ и племенъ. Чтобы поддержать всеобщее единство ихъ нужна была уже иная власть, не родовая, — отсюда начало образованія гражданского общества. И такъ тѣ племена или роды (*tribus v. generationes*), на которые распался родъ Чеха, были уже на готовѣ, — изъ этого видно, что огрубнѣніа народа не было, и что кровный союзъ не прекращался, но существовалъ и поддерживался постоянно.

Все говорить въ пользу родового союза. Можно ли при этомъ допустить безбрачіе, когда бракъ служитъ основою родственнаго союза? Ясно, что бракъ, временной или постоянной, въ видѣ полигаміи или одноженства, существовалъ. А потому подъ общностью браковъ у Козьмы Пражскаго не должно разумѣть безбрачіа. Слово *coniubinia* можно объяснить изъ другихъ мѣстъ его хроники. Такъ подъ 990 годомъ приводитъ онъ слова архіепископа пражскаго Адалберта, который жалуясь на невѣріе и развратъ народа, много разсказывалъ о порочныхъ союзахъ непозволительныхъ разводахъ, непостоянствѣ брака и тому подобномъ и, чувствуя себя не въ силахъ обратитъ свою паству на путь истины, ринулся оставить ее гибнуть въ грѣ-

хахъ и удалиться въ монастырь *». Въ другомъ мѣстѣ (р. 71—72), летописецъ говоритъ о герцогѣ Одаляркѣ, что «дѣтей отъ законнаго брака у него не было по неплодію жены, а былъ отъ одной женщины, именемъ Божены (Boziena), сынъ Брячиславъ. Эту женщину, однажды возвращаясь съ охоты, герцогъ увидѣлъ у колодезя, прельстился ею и взялъ къ себѣ, но не разошелся съ прежними женами, такъ какъ въ это время (то есть въ 1002 году)», продолжаетъ Козьма Прагскій, «всякій кто хотѣлъ (prout cuique placuit) могъ имѣть двухъ и трехъ женъ; не было неприличнымъ жениться на замужней или выйти за женатаго, и даже считалось безчестіемъ, если мужъ довольствовался одною женою, или жена однимъ мужемъ: тогда жили еще какъ дикіе звѣри и браки у всѣхъ были общими**». — И такъ теперь уже видно, что должно понимать подъ словами «*communio conjugia*», — это не безбрачіе, а многоженство и повтореніе брака по смерти одного изъ супруговъ, что также было противно строгимъ христіанскимъ понятіямъ. Что же касается до этого, то обычай Славянъ имѣть по нѣскольکو женъ, подтверждается и изъ другихъ источниковъ временъ язычества. Вотъ слова одной древней чешской пѣсни:

Otcik zajde k otcem
ostawi w djedinje
djétky swoje,
i swoje lubice....

.....
I priide cuzi
usilno w djedinu
i cuzimi slowy zapowida
i kak sje zdje w cuzej vlasti
ot jutra powecer,
tako bjese zdjeti
djétkam i zenám
i jedinu družu
nám imjet porúti
z Wesny po Morana ***.

* Cos. pr. 56—57.

** Ibid. 72. «...Vivebant enim quasi bruta animalia, connubia habentes communia». Ср. слова Нестора (Лавр. 6). «Живяху звѣринскимъ образомъ... и брака у нихъ не бываше».

*** Краевед. рукоп. мзд. Соколова, Казань 1846, стр. 98—100.

Смыслъ тотъ, что отецъ умеръ, оставивъ своихъ сиротъ и вдовъ; на рукахъ чужаго, а чужой сталъ вводить чужіе обычаи и заповѣдалъ всѣмъ имѣть на всю жизнь по одной женѣ, какъ дѣлалось только въ чужой землѣ. Здѣсь тоже должно понимать запрещеніе не одного только многоженства, но также и повторенія брака.

Выше мы приводили свидѣтельство Нестора, что у Славянъ бывало по двѣ и по три жены **. Самъ Козьма Пражскій въ указанномъ мѣстѣ говорить, что взявъ Божену, Одальрикъ не развелся съ прежними женами ***, — следовательно до того уже Одальрикъ имѣлъ не одну жену. Сыновья русскаго князя Святослава не были дѣтьми одной матери. Женатый сынъ его Ярополкъ собирався вновь отъ живой жены жениться на Рогвѣдѣ; но братъ его Владиміръ, также женатый, взялъ себѣ его невѣсту. Число языческихъ женъ Владиміра возбуждало негодованіе западныхъ лѣтописцевъ ****, а Несторъ смотрѣлъ на это снисходительно только за введеніе христіанства. Восточные писатели насчитываютъ у Славянъна до двадцати женъ и болѣе †. Вообще обычай многоженства такъ сильно былъ вкорененъ между Славянами, что и самое христіанство не могло его вдругъ уничтожить и даже въ—послѣдствіи дѣти князей, рожденныя отъ наложницъ, ни мало не теряли отъ этого своихъ правъ ††.

Несмотря однако жъ на всѣ свидѣтельства въ пользу многобрачія Славянъ, есть факты, которые этому противорѣчатъ, и ясно говорятъ въ пользу одноженства. Такъ напримѣръ, цѣломудріе женъ и привязанность къ мужьямъ, о которой свидѣлствуютъ Маврикій ††† и Масуди††††, — значеніе женщины у Славянъ, гдѣ она могла судить, княжить (Любуна у Чеховъ, Ольга у Русскихъ) и предводительствовать на-

* Lubice — милыхъ, то есть любовницъ, женъ, — и такъ ихъ у него было нѣсколько.

** Лавр. 6.

*** Сов. Pr. 72. «Nec. tamen antiqua soloit connubis».

**** Thietmari chron. VII, 52. «Erat. enim fornicator immensus et crudelis».

† Абу-Ганидъ-эль-Андалуси у Шарноа, въ «Mém. de l'Acad. des sciences».. (Т. II, р. 343. — Sefr. 77. Giefrecht, Wend. Gesch. I. 38).

†† Ср. въ Лавр. г. 1077 о Мстиславѣ Святополчицѣ, рожденномъ отъ наложницы.

††† Strateg. См. Grāhn, Z. Forlan's Berichte. стр. 11 и слѣд., гдѣ упоминается о сожженіи женъ съ мужьями.

†††† Charmoy, 317.

родомъ (Туга и Буга у Хорватовъ) *, относительное равенство мужчинъ и женщинъ въ правахъ, чего также не могло быть при исключительномъ многобрачїи, гдѣ обыкновенно бываетъ унижена женщина; одинаковое право женщинъ и мужчинъ повторять бракъ также отчасти подтверждаетъ ихъ взаимное равенство **. — Согласить свидѣтельства, подтверждающія многобрачїе съ фактами, отвергающими его, можно, допустивъ *преобладаніе* одноженства, при чемъ многобрачїе остается только *дозволеннымъ*. Такъ Козма Пражскій говоритъ: «кому было угодно, тотъ могъ жениться на двухъ и на трехъ женахъ». Следовательно, кому не было угодно, тотъ былъ доволенъ и одною, тѣмъ болѣе если не былъ въ состояніи пользоваться дозволеніемъ обычая имѣть нѣсколькихъ; но такъ какъ это было признакомъ бѣдности, то не мудрено, что богатые люди могли считать одноженство для себя неприличнымъ ***. Соглашеніе противорѣчащихъ свидѣтельствъ мы найдемъ еще, допустивъ, также на основаніи источниковъ, разницу между женами и наложницами. Такъ и другихъ различаютъ Несторъ †, Ибнъ-Фоцлянъ †† и другіе. Нажницъ могло быть много; тогда-какъ число женъ было весьма ограничено. Такъ у великаго князя Владиміра наши лѣтописи насчитываютъ шесть языческихъ женъ †††; между-тѣмъ какъ наложницъ въ одномъ Выпгородѣ было у него триста, да въ Бѣлгородѣ столько же, да еще двѣсти въ Берестовомъ селѣ. Если такъ немного было женъ у великаго князя, то тѣмъ менѣе ихъ могло быть у того, чьи средства содержать женъ были несравненно ограниченнѣе. Различіе женъ и наложницъ состояло въ томъ, что для законнаго брака съ женою требовалось исполненіе извѣстныхъ языческихъ обра-

* Const. Porph. «De admin. imp. 30».

** Cosmae chr. 72.

*** Ibid. «Et quod nunc adscribitur pudori, hoc tunc magno fuit dedecori si vir una conjuge aut conjux uno viro contenti viverent».

† Лавр. 34. «Бѣ же Володимерь побѣженъ похотью женскою, и была ему водимья: Рогнѣдъ, отъ нея же роди 4 сыны... а отъ Болгарыни Бориса и Глѣба, а *наложницъ* бѣ у него 300... Бѣ бо женолюбець, яко же и Соломанъ, бѣ бо рече, у Соломана *женъ* 700 а *наложницъ* 300».

†† Ибнъ, З. Foßlan's Berichte, 1825, стр. 5 и. 7.

††† Олова варяжская (по Іоакиму) Рогнеда, Грекиня (вдова Ярополка), Малѣрида (Лавр. г. 6508. Татищ. II, 88). Аделъ (Іоак.) и Болгарыня.

добръ", въ чемъ не было нужды для союза съ наложницею; кроме того, законной жень мужъ сообщалъ нѣкоторыя права, и дѣти жень пользовались предпочтеніемъ передъ дѣтьми наложницъ, хотя впрочемъ не пользовались никакими особенными правами и преимуществами **. Вѣроятно, что самый законъ языческій и обычай, только *дозволяя* многоженство, въ тоже время предписывали тахитиш числа жень, — иначе какъ объяснить несоразмѣрность количества жень съ числомъ наложницъ Владиміра, когда какъ тѣ такъ и другія одинаково содержались на счетъ княжескій? Потому-то Несторъ вообще ограничиваетъ число жень двумя или тремя ***; съ этимъ вполне согласны свидѣтельства Козьмы Пражскаго, который, говоря, что у Славянина могло быть двѣ или три жены, только одну изъ нихъ называетъ законною ****. У Балтійскихъ Славянъ только одна изъ жень была законною; а остальные считались наложницами. Какъ у нѣкоторыхъ изъ славянскихъ племенъ одноженство преобладало, такъ у другихъ оно господствовало исключительно; о полянахъ Несторъ говоритъ, что они «брачный обычай имяху *****». Этихъ словъ достаточно уже для того, чтобы безошибочно заключить объ одноженствѣ у Полянъ, потому-что вслѣдъ затѣмъ лѣтописецъ древлянское двое и троюженство на-

* Напр. Лавр. 6. «Не дохаше зять по вѣвѣсту, но ириводоху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней что владуче (у Полянъ). Древлѣне «умыкиваху уводы дѣвѣнця... Радницичи, Вятичи и Сѣверяне «схожахуся на игрища на плясанье... и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся»... Charney, 343. «Leurs filles... sortent de leur maison la tête dé couverte... celui qui sent de l'inclination pour une d'elle lui jette une coëffe sur la tête et elle devient son épouse».

** Ксм. 67—68. Въ отвѣтъ на сватовство Владиміра, Рогнѣда отвѣчала: «не хачю розути робичича, но Ярополка хочю». Тѣмъ не менше однако жъ Владиміръ, смѣвъ ключищны Малуши, робичичъ, имѣлъ право на княженъе варагивъ съ своими братьями, рожденными въ законномъ бракѣ.

*** Лавр. 6. «Имяху по двѣ и по три жены».

**** Cos. Pr. 72. «...Quia tunc temporis... binas vel ternas conjuges habere licuit...» Выше онъ же говоритъ объ Адальрикѣ: «Huic ex legitimo matrimonio non est nata soboles propter infœcunditatem conjugis. Слѣдовательно законная супруга была у него одна. (Sefr. 79. 83. — (Gjefbr. I. 98.)

***** Лавр. 6.

зываетъ безбрачїемъ * — ясно, какъ послѣ этого должно понимать сказанное о Полянѣхъ.

Изъ всего этого видно, что такъ-какъ въ современныхъ извѣстіяхъ упоминается о женахъ Славянъ, то значить, что у Славянъ существовалъ бракъ, въ какой бы то ни было формѣ, преимущественно же въ формѣ одноженства; а если былъ бракъ, то былъ и кровный родственный союзъ, тѣмъ болѣе тѣсный, что преобладало одноженство, которое, какъ извѣстно, всегда служитъ основою взаимной привязанности между супругами, прочности союза и способствуетъ большей любви между нисходящими **.

И такъ мы снова приходимъ къ заключенію, что первобытное состояніе славянскихъ племенъ до образованія союза родового вовсе неизвѣстно, и если мы не будемъ смотреть на нихъ глазами современниковъ-монаховъ, то даже у самыхъ грубыхъ Славянъ, стоявшихъ на сравнительно-нижайшей степени гражданственности, мы найдемъ союзъ супружескій, а слѣдовательно союзъ родственннй, и не увидимъ у нихъ отсутствіе брака и того состоянія звѣрства, какое находятъ тамъ христіане-современники, которые такъ называли единственно состояніе народа, не озареннаго свѣтомъ истинной вѣры. Во всякомъ случаѣ, если бы первобытное состояніе дикости Славянъ было несомнѣнно извѣстно, то все-таки оно слишкомъ мало представляетъ интереса для изслѣдователя историка и юриста. Повторяемъ, Славяне въ такомъ быту неизвѣстны и не интересны.

2. Бытъ родовоі.

Что касается до жизни Славянъ въ союзѣ родственномъ, то она представляетъ нѣкоторыя особенности. — Всякій кровный союзъ мо-

* Тамъ же б. «Браци не бываху въ нихъ... имяху же по двѣ и по три жены.

** Лавр. 69. Такъ Ярославъ въ завѣщаніи дѣтямъ именно указывалъ имъ на родство по матери, какъ на поводъ ко взаимной любви между ними. «Сынове мои, имѣйте въ собѣ любовь понеже вы *братья* одного отца и матери». См. тамъ же с. 59. Сынъ Владиміра Святаго, Глѣбъ, узнавъ о смерти единоутробнаго брата своего Бориса, сказалъ: «что ради остахъ азъ *сдмль*» — слѣдовательно дѣтей остальныхъ женъ своего отца Глѣбъ какъ бы не считалъ своими братьями.

жить состоятъ или изъ однихъ только нисходящихъ подъ властью отца или главы семейства, и это — собственно семья, или же изъ нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ подъ властью старшаго въ родѣ, старѣйшины, — это родъ. Тотъ и другой видъ родственнаго союза у Славянъ одинаково назывался *родомъ* *.

И такъ въ жизни ихъ не было различія между семьею и родомъ, другими словами, союзъ семейный отдѣльно отъ союза родоваго былъ имъ неизвѣстенъ; и если онъ былъ такъ малочисленъ, что состоялъ изъ однихъ родителей и дѣтей, былъ у Славянъ не семьею, а также родомъ, но только начинавшимся, и власть отца въ немъ носила на себѣ характеръ власти родоваго старшины, безъ той строгости, которой въ семьѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ подлежать нисходящіе, посредственно или непосредственно обязанные жизнью своею главѣ семейства или отцу. Вотъ почему славянское семейство не распадалось со смертію отца, а напротивъ, продолжало сожителство. Родные братья съ своими женами и дѣтьми, не испытавъ ига тягостной семейной власти отца, по смерти его не разлучались, не стремились къ тому, чтобы въ свою очередь осуществлять такую власть надъ своими нисходящими: имъ нечего было вознаграждать себя за стѣсненіе при жизни отца, за абсолютную зависимость, за семейное рабство, потому-что они ничего подобнаго не испытали; напротивъ они чувствовали недостатокъ общей родовой власти надъ собою, и замѣняли умершаго отца кѣмъ-либо изъ среды себя, преимущественно старшимъ. По смерти этого старѣйшины являлся новый, а между-тѣмъ союзъ лицъ, подвластныхъ, съ каждымъ годомъ дѣлался многочисленнѣе и разнообразнѣе. Всѣ эти лица, всѣ родичи восходящіе, нисходящіе и боковые, одинаково подчинялись общей родовой власти своего старѣйшины, и не прекращали сожителства. Каждый родовой старѣйшина *володѣлъ* своимъ родомъ и жилъ съ нимъ на своемъ мѣстѣ. Въ этомъ собственно и состоялъ патриархальный бытъ древнихъ Славянъ. Слѣды его можно видѣть у нѣкоторыхъ племенъ даже и теперь

Первоначальная общественная жизнь Славянъ ограничивалась жизнью патриархальною. Родъ сперва былъ заключенъ въ себѣ самомъ и составлялъ какъ бы отдѣльное государство, и потому неудивитель-

но, что летописцы и писатели, современные Славянам, смешивали въ одно понятіи власти общественной и кровной. Сперва не было сношеній между отдельными родами, если и происходили между ними нечаянныя столкновения, то сначала большее частью враждебныя *, и много прошло времени, пока роды преодолели взаимное отчужденіе и вступили въ общеніе. Объ этой раздельности родовъ за одно съ Несторомъ свидѣтельствуютъ писатели восточные. Масуди говоритъ, что Славяне разделены были на роды или племена (gases) и часто вели между собою войны **: Абу-Абемъ-эль-Бекри прибавляетъ, что такое дѣленіе Славянъ на роды (tribus) вредно имъ, и было причиной того, что они подпадали подъ власть другихъ народовъ ***. Объ этомъ же дѣленіи Славянъ на роды (tribus v. generationes) есть также извѣстіе у Козьмы Пражскаго †. Такой раздельности родовъ вполне соответствовало поселеніе Славянъ на обширномъ пространствѣ земли разсѣянными селеніями и жильями, какъ о томъ говорятъ Византійцы †† и «особь, каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ», какъ подтверждаетъ Несторъ †††.

Первоначально не было у Славянъ общей власти надъ нѣсколькими родами, которая бы соединяла ихъ въ одно цѣлое. Власть общинная, а за нею княжеская появились уже впоследствии. Та и другая застали еще родовой бытъ, въ теченіе извѣстнаго періода совмѣщались съ нимъ; наконецъ время рѣшило паденіе его и возвышеніе власти народной, а потомъ княжеской. Но это не относится къ роду исключительно патриархальному, и потому теперь мы рассмотримъ внутреннее устройство рода: родовую власть права и

* Maur. Strateg. «Neminem ferunt imperitantem, neque matro prosequantur odio». — Charmoy p. 340.

** Charmoy, p. 312.

*** Ib. 353. «S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre de races et de tribus différentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête». — Cf. ib. 340.

† Cos. Prag. 9.

†† Procop. «De bello gothico» III. 14. «Sparsim et rare positis tabernaculis regionem obtinent: quod sit ut magnum occupent spacium.... intuguris habitant vñibus et rare sparsis». Maur. Strat.

††† Лавр. 3, 4, 5.

обязанности лицъ подвластныхъ, отношенія ихъ къ старшинамъ и другъ къ другу, родовыя отношенія личныя и по имуществу.

Существованіе родовой власти у Славянъ въ тѣ времена подтверждается также какъ и существованіе раздѣльныхъ родовъ, тѣми же источниками. Такъ Несторъ говоритъ о Полянахъ, что они владѣли роды своими, владѣюще каждо родомъ своимъ *. Объ этой власти говорится также въ начальныхъ стихахъ пѣсни о судѣ Любуши **. Въ началѣ хроники Козьмы Прагскаго упоминается о Чехѣ, который въ отношеніи къ сопровождавшимъ его названъ старейшиной и господиномъ ***. Восточные писатели тоже упоминаютъ о власти надъ славянскими родами. Масуди, говоря о раздѣленіи Славянъ на племена или роды (по переводу Шармоа «gases» и «tribus» у Абу-Абидъ-эль-Бекри †), прибавляетъ, что въ каждомъ изъ нихъ былъ свой князь или царь (goi) ††. Что разумѣть подъ словами gases и gois, вѣрно ли передалъ Шармоа значеніе ихъ на свой языкъ, объ этомъ судить ориенталистамъ. Выше мы замѣтили, что власть родовая и государственная могли быть соединены современниками въ одно понятіе, такъ-какъ родъ былъ прежде почти исключительно формою общественной жизни. Вѣроятнѣе всего подъ этими словами должно разумѣть роды и родоначальниковъ †††. Изъ Византійцевъ у Ма-

* Лавр. 4.

** Крал. рук. изд. Сок. с. 154.

*** Сов. Pr. 7. «Senior, quem alii quasi Dominum comitabantur».

† Charmoу, 353.

†† Ibid. 312 — 313.

††† Въ доказательство того, что въ-самомъ-дѣлѣ такъ надо понимать значеніе слова gases, мы приведемъ одно мѣсто изъ Масуди по переводу Шармоа, гдѣ Масуди говоритъ о древнемъ родѣ славянскихъ князей: «ils (les Slaves) se partagent en diverses races dont une entre autres les dominait toutes dans les temps primordiaux.... c'était à elle qu'appartenait l'autorité souveraine et tous leurs rois étaient soumis». Les rois étaient soumis à la race — невѣроятно, чтобъ у Славянъ было цѣлое племя, цѣлый народъ властителей или князей, и потомуподъ «gases» должно разумѣть только родъ (роду) князей, которому могли быть подчинены остальные старшины (gois) славянскихъ родовъ. — О возможности соединенія на-время княжеской власти съ родовымъ бытомъ, мы уже замѣтили выше. Хотя такія gases какъ Serbine, Khogwaine и тому подобныя, заставляютъ сомнѣваться, чтобъ это были только роды, а не цѣлыя племена, за то мы тамъ же (Char. p. 316) читаемъ: les

врикія находимъ извѣстiе о множествѣ славянскихъ правителей *, которыхъ Константинъ Порфирородный называетъ старшйшннами, seniores, Patriarchi. На основанiи всѣхъ этихъ указанiй вопросъ о томъ, была ли у Славянъ родовая власть, рѣшается утвердительно.

Для лица, облеченнаго этою властью у Славянъ, были различныя названiя : отъ отчикъ , отецъ глава челядина владыка баты ** старшйшина ***, господинъ и другiе. У русскихъ князей старшина назывался тоже различно : отецъ , братъ и отецъ , господинъ отецъ и братъ старшйшнй старшй въ братъ старшйшина ****, великiй князь и прочая. — Кромъ того названiе племенное у Славянскихъ племенъ принадлежало по преимуществу родовымъ старшинамъ , а подвластные лица назывались собирательнымъ именемъ ихъ рода. Такъ напримѣръ у Нестора *Полянами* названы только тѣ, которые владѣли своими *родами* *****.

Slaves se partagent en une multitude de races et espèces différentes: cet ouvrage ne contiendra la description de leurs nombreuses espèces ni la ramification de leurs diverses branches.... И такъ если не одно, такъ другое изъ этихъ словъ непременно выражаетъ понятiе рода.

* Strat. «Multi inter eos sunt reguli».

** Крамелдв. рукоп. изд. Сокол. стр. 154. *Wszak ot swęj celedi wojewodi*

Muzje razu zeu ruby stroja.

I umre li glawa celedina

Djeti wze tu shozjem wjedno wladu,

Wladiku si z roda wyberuce.

Тамъ же 98 :

Otcik zajde k otcem...

Ne rece nikomu :

Batjo ty mlwi k njem

Oteckymi slowy !...

Ипат. 89. «Отдаваетъ ти *баты* Черниговъ». Батей названъ здѣсь отецъ ; у другихъ славянскихъ племенъ баты значитъ старшйшнй братъ.

*** Лавр. 87.

**** Ипат. 41. Лавр. 164. 57.

***** Лавр. 4. Слѣды этого сохранились и послѣ : племенное имя или производное отъ собственнаго имени города принадлежало преимущественно городскимъ старшйшннамъ , лучшимъ мужамъ или городской войску, хотя вообще и присвоивалось каждому лицу въ отдѣльности. Какъ Несторъ Полянами называлъ однихъ старшинъ , а остальныхъ ихъ подвластныхъ собирательнымъ именемъ рода, такъ иногда новгородскiй лѣтописецъ названiе Новгородцевъ давалъ только лучшимъ мужамъ , а

Общія названія для лицъ, подвластныхъ патриарху были: родъ, дѣти *, чада, челядь или чадь **, родины, свои ***, сродники, сердоболѣ ****, и прочая. Кроме того они носили имя своего родоначальника, съ прибавленіемъ окончанія на *чи*, напримѣръ: Радимичи, Ольговичи и тому подобное. Между собою различались родичи по отношенію къ родовому значенію, которое условливалось или старшинствомъ по возрасту, или сравнительною близостью по крови съ родоначальникомъ; различались еще и касательно близости родства между собою безъ отношенія къ старшинѣ. Сюда принадлежатъ названія: старшіе *****
вѣтчи †, бѣлшіе, моложшіе, меншіе, ближніе ††, ближники †††, ужичи ††††, свои ††††† и другіе. Сюда же должно отнести слово *племля*, которымъ внутри рода означалась совокупность нѣсколькихъ лицъ, тѣсно связанныхъ между собою происхожденіемъ отъ одного изъ

остальную массу народа называлъ собирательнымъ именемъ Новгородъ, См. Новг. III, 212: «много молиша его *Новгородцы* всѣмъ *Носымъ гордолю*; тамъ же 229 «ѣздиша *изъ Новгорода люди молодые* на Волгу, безъ *новгородскаго* слова. Лавр. 61 (г. 1015) Вставше Новгородцы, и избивша Варягы... и разгнѣвался Ярославъ... и позва къ себѣ *нарочитые мужи*... обшествовъ и шече... Заутра же собравъ *избытокъ Новгородцевъ*... И такъ Новгородцами тутъ вазваны нарочитые мужи, а остатокъ (избытокъ) Новгородцевъ значить остатокъ отъ лучшихъ мужей, избитыхъ накануне.

* Крал. рук. изд. Сокол. с. 98—100.

** Узак от *вгѣj celedi vojevodі*. О перемѣнѣ значенія слова «челядь» см. ниже.

*** Лавр. 96.

**** Лавр. 76 «Рече Янъ повозникомъ: ни кому васъ кто *людинь* убіенъ отъ сею? Они же реша: нѣ мати, другому сестра, шному роженъе. Онъ же рече нѣ шьстите *своишъ*.

***** Ипат. 140 «Ростиславъ Рюриковичъ... посла Ростиславу Володимиричю, река ему: брате!... отци наша далече суть, а шные *старшійшнѣ* нѣтъ, а булева за *старшійшалъ*» Лавр. 156 «А тѣмъ серебромъ подѣли (великій князь) братью отъ *старшійшнѣ* и до *мѣншнѣ*».

† Тоже что старшіе: вѣтшіи сыны, значить старшіи сыны. См. Новг. I. 49.

†† Ипат. 122 «...А въ Володимери племени тотъ добръ, кто ни ближнѣ».

††† Лавр. 168. «Овѣтъ братья избита... а другимъ отци и ближники».

†††† Тамъ же 47. Такъ названы братья въ отношеніи къ сестрѣ. Ср.

Ипат. 164: «ужика сый Роману отъ племени Володимера прврокомъ Монохаха. — Ипат. 189, «ужика ни сватъ еси». — Тамъ же: 194. Ужика ни еси и свождъ».

††††† Ипат. 24. «Свой ни еси сестричичъ.» — Лавр. 182.

членовъ этого рода *. Въ особенности развита была терминологія различныхъ родственниковъ. Сюда относятся слова: прадѣдъ, дѣдъ, бабка, родитель **, отецъ, мать (мати), мачеха, мужъ, жена, роженъ ***, дѣтя ****, чадо, сынъ дщи (дѣчерь, дочь) мачешничъ *****; пасытокъ, внукъ, правнукъ, братъ, братеникъ. *****, братанъ, братанья†, братичичъ††, братиучадо, сестра, сесричичъ, стрый(строй)††† стрыня, уй††††, негій, сыновець†††††, сынокъ, своякъ, шюрятъ, шюрята, деверь, ятровь или ятры††††††, тесь (тьсть), те ща, свать,

* Такъ въ княжескомъ родѣ были племена Ольгово, Мономахово и тому подобныя. Ипат. 55, 144, 145, 146, 149 и прочая.

** Преимущественно названіе отца: Лавр. 6. «Поляне бо ..обычай имуть кротокъ и тихъ и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестранъ къ *матеремъ* и къ *родителемъ* своимъ.... Радничи.... живяху въ лѣтѣ.. еранословье въ нихъ предъ *отци* и предъ *снохами*».

*** См. выше (Лавр. 76). — Впослѣдствіи роженемъ называли родню, отчизну. См. Ипат. 74.

**** Такъ кажется назывались малолѣтніе дѣтя обоюго пола, преимущественно дочери; въ Ипат. 78 говорится, что жена Юрія пріѣхала изъ Суздаля въ Русь «съ *дѣтми*» въ то время какъ сыновья Юрія (по-крайней-мѣрѣ старшіе) находились при немъ. Ер. «Тамъ же 136. и Створи Игорь свадьбу *сыну* и вѣнча его и съ *дѣтятемъ*».

***** Ипат. 78, ср. 73, 74. Такъ названъ сынъ отъ втораго брака въ отношеніи къ дѣтямъ отъ перваго брака.

***** Лавр. 207.

† Ипат. 121.

†† Братанъ и братичичъ одно и то же; см. Ипат. 78 Такъ назывался сынъ брата въ отношеніи къ своему дядѣ. Братучадоиъ могла назваться и дочь брата, такъ какъ названіе съ окончаніемъ на *го* не могло принадлежать женщинѣ. Ипат. 185. «Бѣ бо *братуцадо* его за ниль (за мужемъ) *доги* Александрова».

††† Дядя по отцу, то есть братъ отца. Стрыня — жена такого дяди. Различіе между теткой свойственницей и родственницей по рою не означено въ лѣтописяхъ; это различіе нынѣ сохранилось на Украинѣ: жена дяди въ отличіе отъ тетки (то есть сестры дяди) называется у Малороссіянъ «*диденъ ѿ*».

†††† Дядя по матери.

††††† То же что братичичъ, или братанъ.

†††††† Ип. 101. Ятровь — жена брата, Ип. 27. Слово, употребительное и теперь въ Малороссіи (ятривка).

свекоръ, свекровь, зять, сватья *, сноха и прочая. Разнообразіе родственныхъ названій у Славянъ явно указываетъ на господство родового союза, гдѣ массу родичей соединяетъ одна патриархальная власть и поддерживается между ними сознание единства и родства, и гдѣ съ размноженіемъ и съ развитіемъ рода появляются самыя отдаленныя родичи и самыя дальнія отношенія родства, которыя тѣмъ не менше признаются и существуютъ и каждое изъ нихъ имѣетъ для себя особое наименованіе. Не то бываетъ въ семейномъ союзѣ родителей и дѣтей, гдѣ признается одна только ближайшая, непосредственная связь лицъ по крови. Такъ въ особенности было въ Руси послѣ ослабленія господства родового союза: тогда даже внуки не считались довольно близкими своему дѣду для права наследовать въ дѣдовскомъ имуществѣ **. Не всѣ изъ приведенныхъ названій родственниковъ встрѣчаются у лѣтописца именно тамъ, гдѣ онъ говоритъ о первоначальномъ образѣ жизни славянскихъ племенъ — многіе изъ этихъ именъ заимствованы нами изъ княжескаго быта. Мы думаемъ, что родовыя отношенія князей могутъ въ известной степени служить для объясненія жизни Славянъ въ союзѣ кровномъ, такъ какъ родовое начало, хотя и не совершенно въ томъ видѣ сохранилось между князьями во время, замѣченное на страницахъ лѣтописей. Притомъ если Несторъ упоминаетъ о родителяхъ, снохахъ, невестахъ, зятяхъ, деверяхъ и свекрахъ у Полянъ и о снохахъ даже у Радимичей, Вятчей, Сѣверянъ, гдѣ по словамъ его вовсе не было брака, то кажется мы въ правѣ заключать, что у Славянъ были въ то время и другія родственныя названія, о которыхъ лѣтописецъ не имѣлъ случая упомянуть тогда, но которыя употребляли тамъ, гдѣ долже сохранялось кровное начало, то есть у князей.

Когда родовыя отношенія въ славянскомъ народѣ утратили свою первобытную важность и свое исключительное значеніе, тогда многія названія, оставшіяся отъ прежняго времени, бывъ примѣнены къ новымъ отношеніямъ, или вовсе потеряли свой прежній смыслъ и получили новыя; или же сохранивъ прежнія свои значенія, сверхъ того еще приобрѣтали новыя, обширнѣйшія или тѣснѣйшія. Объясненіе нѣ-

* Ипат. 125.

** На этомъ основано отсутствіе права представленія въ древнихъ русскихъ законахъ о наследствѣ.

которыхъ словъ, пережившихъ кровный бытъ, важно при объясненіи некоторыхъ фактовъ въ между-княжескомъ правѣ. Здѣсь представляется случай заняться этимъ, не слишкомъ удаляясь отъ настоящаго предмета изслѣдованія, то есть разсмотрѣнія родственныхъ отношеній въ племенахъ Славянъ. И такъ, представивъ различныя названія, взятые изъ кровнаго быта, мы укажемъ на измѣненія ихъ значеній при перемѣнѣ общественныхъ условій.

Словомъ *родъ*, какъ мы видѣли, означалъ союзъ лицъ живыхъ, происшедшихъ отъ одного родоначальника и находившихся подъ властью одного старинины; кромѣ того такъ назывался союзъ родителей и дѣтей, то есть родъ въ наименѣ сложномъ видѣ, неразвинившійся, — семейство *. Потомъ этимъ же словомъ означалась совокупность всѣхъ лицъ живыхъ и умершихъ, у которыхъ былъ одинъ общій родоначальникъ **. Въ такомъ смыслѣ *сродниками* могли назваться лица, отдаленныя другъ отъ друга на нѣсколько вѣковъ, напримѣръ: Святополкъ—Окаянный рязанскимъ князьямъ XIII столѣтія ***, сыновья ка-Владимира—Святаго, Борисъ и Глѣбъ—Александрѣ Невскому ****. Родомъ кого-либо лица называлась совокупность его нисходящихъ—его потомство †, всѣ родственники ††, и всѣ единоплеменники, соотечественники этого лица †††, также мѣсто рожденіе его, или отчизна ††††.

* Новг. III. 212, годъ 1077. «Пришли три пѣвцы изъ Греки съ *родомъ своимъ*», то есть вѣроятно съ семействами. Лавр. 27. Ольга говорила: «аше Богъ хоцетъ помилovati рода моего и земля Рускѣ». *Родъ* Ольги состоялъ тогда изъ единственнаго сына, Святослава.

** Лавр. 134. «Обаче не дальо *нашему роду* тако и преже было же: Святополкъ проволостъ же ци не уби Бориса и Глѣба»... Это говорилъ Андрей, сынъ Моношаха, въ 1139 году.

*** Лавр. 186 (годъ 1217).

**** Тамъ же см. 205, С. тамъ же 87. Тѣ же Борисъ и Глѣбъ названы *братъями* Ярополку Изяславичу, жившему въ 1086 году.

† Тамъ же 5. «По силѣ братьи (то есть послѣ Кія, Щека и Хорива), почаша родъ ихъ княжене держати». См. тамъ же с. 30. И видна ему (Святославу Греки) дань; инашесть же и за убиенныя, глагола: яко его родъ возметь.

†† Лавр. 141.

††† Тамъ же 205. «Старѣйшина земля Жжерской восприятъ крещеніе... живаше посреди роду своего погана суца».

†††† Лавр. 96. «Отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: азъ бѣхъ сего рода, и другіа: азъ селъ вся; тако съупрашаются *родъ* свой повѣдаше».

Это слово встрѣчается въ лѣтописяхъ еще въ другомъ обширнѣйшемъ значеніи, напримѣръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «*ди суть людѣ Ноугородци отъ рода Варяжска * мы отъ рода Русскаго ***». Здѣсь имъ назвать цѣлый народъ ***, и происхождение отъ народа. Такъ Олегъ, выдавая себя за безъимяннаго гостя варяжскаго, тѣмъ самымъ даетъ себѣ право назваться *родомъ* Аскольда и Дира †, княжившихъ въ Кіевѣ. Степень или поколѣніе то же называлась *родомъ* ††. Наконецъ слово это употреблялось въ такомъ значеніи, въ какомъ нынче мы употребляемъ слова *вѣкъ*, *поколѣніе* въ выраженіяхъ: наше время, прошлый вѣкъ, современное поколѣніе ††† и тому подобное.

Такимъ образомъ на самыхъ первыхъ страницахъ лѣтописи слово *родъ* выражалъ не одно только первоначальное понятіе кровной связи лицъ, но употреблялось еще и въ другихъ болѣе обширныхъ значеніяхъ. Въ первомъ случаѣ оно замѣнено словомъ *племя*, во второмъ *родъ* значилъ то же, что *языкъ*, народъ. Такъ въ лѣтописи всѣ славянскіе

* Тамъ же.

** Догов. «Ол. Иг. съ Грек. Лавр 13 и 19 ср. Тамъ же 5. Поляномъ сущимъ отъ *рода* Словѣнска».

*** Ср. Ипат. 101. Въ 1172 г. «Половци диши Концакъ *съ родомъ своимъ*» приходили на помощь къ князю Давиду; Здѣсь *родъ* Кончака означаетъ войско изъ единоплеменниковъ его, Половцевъ.

† Лавр 10. «И присла ко Асколду и Дирови глаголя: яко гость есмь, идехъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря кважича; да придѣта къ намъ къ *родомъ своимъ*». Такіе же точно были *роды* Рюрика, пришедшіе съ нимъ изъ числа которыхъ были Аскольдъ и Диръ, не принадлежавшіе къ его *племеню* (тамъ же, 8—9), и отпросившіеся у Рюрика на Югъ съ *родомъ своимъ* то есть съ родственниками своими, или можетъ — быть съ своею особою дружиною и кліентами.

†† Ипат. 153. «Мнози самодержци преѣдоша державѣи столъ княженія кіевскаго, отъ того же боголюбиваго Всеволода (сына Ярослава Великаго 13), *родомъ гетыри*. Сей же князь Рюрикъ пятый бысть отъ того... Всеволодъ бо роди Володимера (Мономаха), Володимиръ же роди Мъстислава, Мъстиславъ же роди Ростислава, Ростиславъ же роди Рюрика и братью его.

††† Лавр. 77. Паче же женами бѣсовская волъшвеня бываютъ, *искожи* бо бѣсъ жену прелести, си же мужа, тако *съ си роды* много волхвуютъ жены. Но и мужи прелещени бываютъ отъ бѣсовъ невѣрніи; яко и *съ верою едны* при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ и прочая. См. «Слово Полку Игоревъ»; то было въ тѣ *роды* о сицей рати не слышано.

народы называются славянскимъ *языкомъ* *, а въ другомъ мѣстѣ сказано, что Поляне были «отъ *роду словѣньска* **.

Племенемъ какого-либо лица называлось его потомство; если потомство было уже слишкомъ отдаленное, то связь его съ своимъ родоначальникомъ означалась словомъ *колыно*. Слова *колыно* и *племя* почти всегда встрѣчаются при имени опредѣленнаго лица, тогда какъ слова *языкъ* и *родъ* почти никогда, или весьма рѣдко, такъ какъ ими выражалось не происхожденіе отъ какого-нибудь лица, а принадлежаніе къ известному народу или къ известной категоріи лицъ. Это можно видѣть изъ сравненія слѣдующихъ выраженій: «отъ племени (колына) Асотова—отъ рода Словѣньска, племя Олгово—родъ нашъ (князей), племени его (Рюрика)—роду княжа» *** и тому подобное.

Когда умножилось число русскихъ князей до того, что не стало уже родственныхъ именъ для означенія забытой кровной связи между лицами, тогда все-таки не исчезала мысль о единствѣ княжескаго рода: князья назывались *братъею*, *сродниками*, *родомъ*, хотя уже вовсе не считали другъ друга родичами, женили своихъ дѣтей, и только породнившись такимъ образомъ, величали другъ друга родственными именами. Умноженіе князей влекло за собою образованіе отдѣльныхъ родственныхъ союзовъ между князьями, или вѣтвей одного и того же рода. Эти союзы назывались *племенами*, а совокупность всѣхъ княжескихъ племенъ называлась княжескимъ *родомъ*. Такихъ племенъ или отдѣ-

* Лавр. 3. Описавъ разселеніе Полявъ, Древлявъ, Дреговичей, Полочанъ и другихъ лѣтописецъ говоритъ: «И тако разидеся словѣньскій языкъ. —См. тамъ же 5: «Се бо токмо словѣньскъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Ноугородци, Полочане, Дреговичи, Стверь, Бужане; а се суть иншія языци: Чюдь, Меря... си суть свой языкъ ииуще. Тамъ же, 107. «Люде же Югра есть языкъ нѣтъ». И такъ *языкъ* было общее названіе народовъ, говорившихъ однимъ языкомъ. Тамъ же 2—3. «Умножившесья чловѣкомъ на земли, и создама столпъ... и рече Господь: се *родъ единъ* и *языкъ единъ*. И смѣси Богъ языки и раздѣл на 70 и 2 языка, и разся по всей земли». См. тамъ же 12.—Ипат. 107, 150, 144. «Языкомъ назывался военнопламенный, котораго допрашивали о состояніи непріятеля.

** Лавр. 5.

*** Лавр. 1, 5, 9, 10, 111, 134. Ср. 3. «Языка Словѣньскы отъ племени Асотова, Норци (Илюрци) еще суть Словѣне».

вѣдъ княжескихъ родовъ было нѣсколько. Изясливци Полоцкіе или Кривскіе, племя Ольговичей, Мономаховичи, Рязанскіе князья, Галицкіе и другіе. Выдѣль отрасли изъ рода и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣль части изъ русовой земли проходили у князей не только естественнымъ путемъ, но и ускореннымъ вследствие другіяхъ историческихъ обстоятельствъ, причинъ, которыя зависали отъ союзовъ, вѣнчаній, принадлежавшихъ княжескому роду. Такихъ-образомъ въ древней русовой землѣ племя было понятіемъ нижнимъ, а родъ высшимъ, тогда какъ теперь у насъ это совершенно на оборотъ: родъ и племь помешались своими значеніями.

Что касается до другихъ словъ, уцѣльвинныхъ отъ родового быта, то они также болѣе или менѣе потеряли измѣненіе въ своемъ значеніи. Не выражая уже собою отношеній родства, они приобрѣли смыслъ общирнѣе прежняго. Такъ названіе *челяди*, относившееся прежде къ членамъ рода, подвластнымъ старшимъ, распространилось впоследствии на всѣхъ вообще зависимыхъ людей, безъ всякаго отношенія къ родству. Челядью вообще назывались простые жители земли *, не принадлежавшіе къ войску и бывшіе въ распоряженіи князя **. Въ княжескомъ дворѣ челядью называлась дворня, княжескіе люди ***. Вся-

* Ипат. 48. «Что будетъ пограблено стага или челядь». Тамъ же 83: «Много ала створи волости Полотской, воюя, и скоты и челядью.» Тамъ же 85: «Мстиславъ же зая товару много Изяслави дружины, золота и серебра, и челяди и ковий и скота.» И такъ къ *товару* Изяславовыхъ дружинниковъ между прочимъ принадлежала и *челядь*. Тамъ же 28: «Только взяша полона множество, якоже всияхъ вошь наполнился до избытка и колодники, и чаганы, и дѣти ихъ, и челядью, и скоты и коняи.»

** Лавр. 26. «Иприсла къ ней (къ Ольгѣ) царь греческій глагола: яко много дарихъ ты; ты бо глаголише ко мнѣ, яко аще возвращюся въ Русь, многи дары приешю ты, *челядь*, воскъ; и скыру, и *вои* въ помощь. Ипат. 169. «Сотвориша клятву: послати Ляхомъ русское челяди, ни Руси Лядской.» Тамъ же 28: «Что судеть Игоревъ въ той волости, челядь ли товаръ ли, то мое, а что судеть *Святославль челяди* и товара та раздѣли.»

*** Ипат. 27. «И ту дворъ Святославль раздѣли на 4 чести... и не оставиша ни аще же *челяди*, но все раздѣлиша и *челяди* 700. И гряде

нѣй, принадлежавшій къ челяди назывался *челядиномъ*. У каждаго изъ дружины княжеской и у каждаго князя была своя челядь.

Чадь и челядь, кажется, одно и то же слово въ различныхъ видахъ, но въ первомъ видѣ оно осталось нѣсколько ближе къ своему первоначальному значенію. Слово чадь во большей части встрѣчается при имени какого-либо лица и вѣроятно означало людей, которые вслѣдъ за родъ свой отъ этого лица. Такъ между жителями Новгород-Великаго различались чади Борисова, Милонъжкова, Миронъчична и другихъ *. Точно также Луциная чадь между жителями Владиміра на Казымы ** . Люди находившіеся подъ чинъ-либо начальствомъ или покровительствомъ (кліенты), были чадью своего предводителя, начальника или покровителя *** . Собрательнымъ именемъ чади назывались все люди вообще, и въ этомъ смыслѣ слова различались чадь нарочитая, чадь старая, чадь простая **** . Наконецъ каждый отдѣльный человекъ, воинъ, свой

Святославу вѣсть, оже Изяславъ Мстиславичъ пришелъ и городъ его взялъ, и вся яже въ немъ о Святославе». Это сдѣлалъ Изяславъ въ Путивлѣ, будучи принятъ Путивльцами и цѣловавъ къ нимъ крестъ. Такими дѣйствіями Изяславъ не нарушилъ своей клятвы, слѣдственно челядь Святославова, находившаяся тамъ во время его отсутствія, была какъ бы отдѣльнымъ сословіемъ, отличнымъ отъ путивльскихъ горожанъ.

* Новг. I, 48. Лавр. 162. 175.

** Лавр. 157. Игуменъ съ Луциною чадью и съ Володимерциѣхана по князя въ Боголюбое.

*** Въ Никон. I. 118 и Соф. Врем. I 96. Путишней чадью названы Вынгородцы, бывшіе подъ начальствомъ Путыши, кажется, Святополкова посадника. См. Лавр. 57 (г. 1015. См. также Ипат. с. 106. Чадь Чаргова. См. 99 и 100 чадь, Бастѣва (с. 97 Бастія). — Лавр. 97 и Поуч. Мономаху тамъ же 104. Чадь Итларева, тамъ же 103, Глѣбова чадь и во многихъ другихъ мѣстахъ летописей.

**** Лавр. 51. Нача (Владиміръ-Святый) помнати у нарочитое *чади дѣти* и дати нача на ученѣ книжное, матерѣ же сихъ *чади* плакахуся по нихъ. Соф. Вр. I. 150. Всташа вѣлси въ Суждали избиваху *старую чадь* бобы. Новг. I с. 44. «Дьяволъ воздвиже кривоу велику *арестую чадь*; и состворше вѣче ... помдн...»

или чужой, или простой житель города или волости, также назывался, чадю *.

Остальные названія подвластныхъ родовому старшинѣ, какъ-то чада, дѣти, сыны въпослѣдствіи удержали преимущественно только буквальный свой смыслъ, или выражалось уже не патриархальное отношеніе лицъ къ старшинѣ, а прямое отношеніе къ власти отеческой. Съ другой стороны эти самыя слова въ иныхъ случаяхъ получали обширнѣешее примѣненіе и тогда уже вовсе не означали кровной связи между лицами, — такъ напримѣръ чадами назывались върующіе въ отношеніи къ епископу, сынами новгородскими — всѣ жители Новгорода ** и тому подобное.

Названіе съ окончаніемъ на *чи* или *вичи*, производное отъ имени какого-либо лица, тоже не всегда выражало происхожденіе носившихъ такое названіе отъ этого лица. Такъ напримѣръ: у летописца Васильковичами названы люди стоявшіе за Василька, его приверженцы; въ другомъ мѣстѣ Мстиславичами названо войско Мстислава ***.

Старшиними, вичиними, большими, меншими, молодыми, молодыми, стали послѣ называться не одни старшіе и младшіе родичи, но также и знатные и незнатные горожане, именитые люди, бояре и простые люди, простые воины, которые еще имѣли и другія подобныя наименованія, напримѣръ черные люди †, молодые, молодъ, молодцы †† мевышница †††.

Жители разныхъ родовъ въ отношеніи другъ друга также назы-

* Ипат. 30. Бѣшася и отѣша 400 чадѣ (у Половецѣхъ). Лавр. 151 Боякъ исполчи вон своѣ.... и пусти на верошъ Алтунау съ 50 чадѣ. Тамъ же 155. Половъ свой отѣша и чадѣ пустиша во своѣхъ. Тамъ же 74 чадѣ, иже бѣша выѣски Всеслава изъ поруба. Тамъ же 171. Зарази громъ 2 чадѣ и храниву.

** Ипат. 176. Лавр. 162.

*** Лавр. 114 и 139.

† Ипат. 131.

†† Тамъ же 124. 148. 43. Нов. I, 19. 54,

††† Тамъ же 129.

звались подобными именами, надпримарь старые люди, старшая дружина, давнии, старыишии, и новии люди, мезини *.

Изъ отдельныхъ родственныхъ именъ болѣе обширное примѣненіе получили слова *братъ*, *сынъ* и *отецъ*, въ особенности у князей. Весь княжескій родъ былъ одна *братья*; въ частности братьями были князья, принадлежавшіе къ одному племени; такъ Ольговичи были свои братья, Мономаховичи своя. Все князья, не бывшіе въ прямолинейномъ родствѣ, величали другъ друга братьями, также отцами и сыновьями, смотря по относительному старинству, сверхъ-того еще сложными именами стрый и отецъ, стрый и отецъ братъ старый, братъ и отецъ, братъ и сынъ. На это не было опредѣленнаго закона, кромѣ относительнаго старинства. Въ отличіе отъ этого условнаго родства, братья родные назывались «роженными» **. Названіе отца принадлежало старшему брату, дядя и вообще всѣмъ старшимъ; — оно приобреталось усыновленіемъ въ церкви, гдѣ князья клялись другъ другу, одинъ быть отцомъ, а другой сыномъ ***. Отцомъ могъ назваться и младшій князь старшему, если послѣдній былъ подъ защитою перваго, и потому въ некоторой зависимости отъ него ****. Родственные имена употреблялись князьями не только между собою, но и въ княжескаго рода: такъ братьями князья звали своихъ вѣнцовъ и гражданъ *****.

* Лавр. 160.

** Ипат. 57—58. «Богъ помози ти, *брате*, оже намъ еси тако похотѣ, только можеть тако учинити *братъ роженный*, или сынъ отцю».

*** Ипат. 50. Вячеславъ Мономашичъ съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ «цѣлюбаста крестъ у святоу мученику на гробѣ на томъ: Изяславу нѣти отцемъ Вячислава, а Вячиславу нѣти сыномъ Изяслава». Послѣ этого лѣтопись вездѣ называетъ ихъ сыномъ и отцомъ: «Изяславъ же поклонился *отцю* своему Вячиславу, река: ты еси, отце не трудн... Тамъ же 51. Приѣха къ отцю своему Вячеславу.» Тамъ же 56—57. «Посла у Вышгородъ къ отцю своему Вячеславу и рече ему: отце! аче ни Богъ отца моего Мстислава отъялъ, а ты ни еси отенъ». Однакожъ родной братъ Изяслава, неусыновленный Вячеславомъ называется въ лѣтописи его *сыновцемъ*. Тамъ же 58. Приде Ростиславъ къ *стрпоси* своему Вячеславу, видивъ же Вячеславъ *сыновца* своего Ростислава.»

**** Ипат. 27. Союзники Святослава Ольговича говорили ему: «помди въ лѣсную землю, и оттудѣ ти еси близъ слати къ *отцю* своему Гюргевн.

***** Ип. 110.

Владимиръ-Святѣй обещалъ Блуду имѣть его «въ отцѣ мѣсто» *); а Данилю Романовичу велѣлъ отцемъ Котляни Половецкаго **). Одинокъ называли назваъ граждане и все его подданные. ***).

Но у однихъ названій, но и въ народѣ единственно распространено было употребленіе родственнаго имени безъ различія значеній ****), и не только жила: одного города звали другъ друга братьями, но и жители разныхъ городов †, даже жители цѣлой волости назывались братьями и сестрами ††. Есть примѣръ, что названіе братьевъ распространялось на цѣлые города, какъ юридическія лица;—такъ известно, что Псковъ назывался молодымъ братомъ Новгороду-Великому †††).

Ясно, что все эти слова при такомъ обширномъ примѣненіи не могли сохранить одно только прежнее свое определенное значеніе, другія даже вовсе потеряли его при перемѣнѣ условій жизни народа русскаго. Такова была, какъ мы видѣли, судьба словъ челядь, чадь; такова же была участь словъ отроки и пасынки, — ими выражалось подчиненное отношеніе болѣе служебное, нежели родственное. Тѣмъ-не-менѣе эти

* Лавр. 32.

.. Ипат. 167. «Данилова бо творящуся миръ сотворити... и ѣха въ Ляхи по помощь, а Павла своего посла ко Котляневи, река: *отце!* измяти войну ею, прими мя въ любовь собѣ».

*** Ипат. 66. Прислашася Полотьчани ко Святославу Олговичу съ любовію яко имѣти отцемъ собѣ и ходити въ послушаніи его. — Тамъ же 74. Плакалась по немъ (Изяславѣ, вся Русская земля и вся червн Клобуци, яко по цари и господниѣ своемъ, наипаче яко по отци.

**** Ипат. 176.

† Лавр. 57. «Святополкъ... съзва Кыяны... и не бѣ сердце ихъ сънви яко *братья ихъ* бѣша съ Борисомъ». Здѣсь братьями Кіевлянъ названы воины, которыхъ Борисъ повелъ изъ Кіева на Печенѣговъ. См. тамъ же 61. «Избытокъ» Новгородцевъ, умерщвленныхъ Ярославомъ, говорили князю своему на вѣчѣ: «аще, княже, *братья наша* исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти.» См. Новг. I. 43. Псковичи говорили князю новгородскому, который требовалъ выдачи вѣкоторыхъ изъ нихъ: тобѣ ся *клянемъ и братьи Новгородцевъ*, на путь не идемъ, а *братьи своети* не выдаемъ... Новгородцы же князю рекоша: мы безъ *своети братьи*, безъ *Плесковитей* не инаемся ва Ригу. Тамъ же 43. А тѣхъ кто шмалъ придатъкъ у Ярослава выгнаша изъ Пльскова: пойдите ко князи своему, *нама есте не братья*».

†† Новг. I. 46.

††† Новг. III. 227. «назваша *братью* молодыхъ Навугороду Псковъ»..

Остатки родственныхъ именъ и вообще родство на словахъ несомненно свидѣтельствуютъ о прошедшемъ, о значеніи крови у Славянъ и когда-то бывшемъ повсемѣстномъ господствѣ у нихъ родового быта, который вмѣстѣ съ словами внесъ свои начала въ новыя формы народной жизни, завѣщавъ и отдавъ въ наследство союзу общинному свой родственный духъ и сообщивъ этому новому союзу свой патриархальный характеръ.

А. ТЮРИНЪ.

=

АНДЖЕЛИКА КАТАЛАНИ.

=

Нѣсколько мѣсяцевъ тому, умерла холерой, въ Парижѣ, одна изъ самыхъ знаменитыхъ пѣвицъ девятнадцатаго столѣтiя. — Кто не слыжалъ о Каталани, объ этой чудной сиренѣ, очаровывавшей Европу? Изъ свѣдѣнiй вѣрныхъ, доставленныхъ родными знаменитой пѣвицы, расскажемъ мы жизнь, которая займетъ примѣчательное мѣсто въ лѣтописяхъ искусства.

Анджелика Каталани родилась въ Синигальи, небольшомъ городкѣ Церковной Области, въ октябрѣ 1779. Отецъ ея, человекъ очень почтенный, былъ уѣзднымъ еудьею и съ трудомъ воспитывалъ многочисленное семейство, состоявшее изъ четырехъ дочерей и двухъ сыновей. Чтобы дополнить недостаточное жалованье, отецъ будущей примадонны торговалъ брилліантами. Такое соединеніе званій казалось совершенно естественнымъ въ странѣ, гдѣ и теперь еще находится самая значительная ярмарка въ Италіи. Однако, чтобы облегчить бремя, казавшееся ему слишкомъ тяжелымъ, Каталани былъ принужденъ отдать дочь свою Анджелику въ монастырь, гдѣ она должна была, позже, произнести торжественный обѣтъ. Анджелика вступила въ монастырь Святой-Лукии, въ Губбiо, въ недалекомъ разстоянiи отъ Синигальи, и чтобы заставить принять дочь свою въ заведеніе, исключительно по

священное образованію дѣвицъ благородныхъ, Каталани надо было сослаться на нѣсколько дальнее родство съ домомъ Маста, котораго знаменитой главою состоитъ теперь Пій - Девятый.

Анджелика получила первыя познанія въ музыкальномъ искусствѣ въ монастырѣ Святой Лукіи. Итальянскій монастырь въ концѣ семнадцатаго столѣтія былъ родомъ консерваторіи, гдѣ молитва, музыка и любовь составляли единственное занятіе. Въ монастырѣ Святой-Лукіи пѣли много. Каждое воскресенье и въ большіе праздники, подъ сводами капеллы раздавались благочестивыя гимны монахинь и послушницъ. Среди этихъ свѣжихъ и дѣвственныхъ голосовъ скоро замѣтили голосъ Анджелики Каталани, котораго звукъ, обширность и гибкость приводили въ изумленіе ея подругъ. Монахини, желая воспользоваться столь рѣдкими способностями, заставляли ее пѣть небольшія сола, привлекаяшія большое стеченіе поклонниковъ въ монастырь Святой-Лукіи. — Пойдемъ послушать *traçavignosa Angelica*, говорили въ горло въ торжественные праздники, и толпа осаждала двери капеллы, гдѣ впрочемъ было больше званыхъ, чѣмъ избранныхъ. Успѣхи Анджелики оскорбляли наконецъ благочестивыя души, и епископъ приказалъ настоятелю прекратить сола молодой послушницы. Вѣроятно, этотъ епископъ не любилъ музыки. Къ счастью, настоятельница монастыря Святой-Лукіи не раздѣляла его строгихъ правилъ; она не хотѣла лишиться успѣха, приносявшаго пользу и бѣднымъ и истинному благочестію, и помѣстила Анджелику Каталани за группой послушницъ, которыя скрывали подругу отъ взоровъ любопытныхъ и умѣряли звучность голоса, долженствовавшаго нѣкогда восхищать Европу. Слушателей не останавливало это препятствіе: они поднимались на цыпочки, чтобы увидать лицо очаровывавшей ихъ дѣвушки. Волненіе дошло даже до энтузіазма, въ одинъ большой праздникъ, когда прелестная Анджелика въ платьѣ, такомъ же бѣлосвѣтномъ какъ душа ея, пропѣла *Ave Maria stella*, растрогавшую всѣ сердца. Каждый хотѣлъ видѣть и обнять *la virgine* Ма, которую Богъ такъ богато одарилъ.

Анджелика оставалась въ монастырѣ до четырнадцати лѣтъ. Отецъ ея, несмотря на живѣйшія убѣжденія, обращаемыя къ нему со всѣхъ сторонъ, не могъ рѣшиться употребить дарованіе Анджелики для мірской цѣли. Его чрезвычайная необходимость, ея званіе, заставляли его смотрѣть съ отращеніемъ на все, что касалось театра. Наконецъ, побѣжденный слезами Анджелики и

жидѣйшии убѣжденіи всего своего семейства, Каталани, согласная подать дочь во Флоренцію, брать уроки у Маркески, знаменитаго цѣлителя, одного изъ известнѣйшихъ итальянскихъ *соврачистовъ*.

Маркески была, впрочемъ такой учитель, какого требовалось для Анджелики Каталани, чтобы приготовить ее къ знаменитой оперъ-сценѣ. Флорентинскій прелестью шаржа, сильныи и чудно-легкими волосомъ шезо-воршаръ, пѣвщица, которая отличалась въ особенностяхъ блескомъ и великолѣпіемъ вокализаціи. Родившись въ Миланѣ въ 1755, оцъ дебютировалъ въ Римѣ въ 1773, въ женской роли, съ величайшимъ успѣхомъ; потомъ объѣхалъ Италію и посѣтить первыя столицы Европы, увлекая всѣ сердца. Въ первый разъ, какъ пѣлъ въ Вѣнѣ, онъ возбудилъ такой восторгъ, что всѣ придворныя дамы захотѣли имѣть его портретъ.

Анджелика Каталани училась у Маркески два года. Она научилась ее умѣрять чрезвычайную легкость ея голоса, обширнаго, громкаго, украсила память множествомъ *gorgheggi*, одна многосложнѣе другой, и передала ей также по нечастію свою страсть къ напыщенностямъ и блескамъ итальянской вокализаціи. Между тѣмъ какъ Анджелика готовилась завладѣть блистательной славой, доставшейся въ послѣдствіи ей на долю, она имѣла случай слышать въ Флоренціи знаменитую пѣвицу, которая чуть ли была не Габріелли. Она произвела на нее такое глубокое впечатлѣніе, что въ восторгѣ отъ голоса и таланта артистки, Анджелика залилась слезами и вскричала съ прелестнымъ простодушіемъ: «Боже мой! Боже мой! я никогда не достигну до такого совершенства!» Модная пѣвица захотѣла видѣть дѣвушку, сдѣлавшую ей такой лестный комплиментъ, заставила ее пѣть, и обнявъ съ нѣжностью, сказала: — «Успокойтесь, дитя мое; черезъ нѣсколько лѣтъ вы меня превзойдете, и я въ свою очередь стану плакать отъ вашихъ успѣховъ».

Каталани дебютировала на театрѣ *la Fenice* (Фениче) въ Венеціи, въ 1795, въ одной изъ оперъ *Николини*. Ей было шестнадцать лѣтъ. Высокій, стройный станъ, чудныя плечи, бѣлая какъ албастръ, лебединая шея, большіе голубые глаза, кроткіе, сѣтые, *riccioli*, е а *погег раччи*... благородныя, прелестныя черты, составили изъ молодежьей пѣвицы созданіе вѣхитительное. Въ этомъ тѣлѣ, блистающемъ юностью и красотой, природа помѣстила самый чудный голосовой индструментъ, когда либо суще-

ствовавший сопрано — пространствомъ почти въ три октавы, отъ *la* третьей фортепианной до *fa* шестой октавы. Огромная эта клавиатура отличалась удивительной ровностью и гибкостью, совершенно необыкновенною. Понятно что съ такими преуспеяствами успѣхъ Каталани въ Венеціи былъ необыкновенно блистателенъ. Окруженная родными и учителями своимъ Маркони, который хотѣлъ ободрить первые шаги ея въ новой карьерѣ, Анджалина была принята съ восторгомъ, и слава ея пролетѣла какъ молнія по всей Европѣ.

Всѣ биографы Каталани утверждаютъ, что послѣ ея дебютовъ — одни говорятъ въ Венеціи, другіе въ Миланѣ — юная пѣвица съ торжествомъ объѣхала главные города Италіи и уже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ путешествія была ангажирована на итальянскій театръ въ Лиссабонѣ, въ 1801. Съ другой стороны, Каталани всегда говорила своимъ дѣтиямъ, что ей едва исполнилось семнадцать лѣтъ, когда она пріѣхала къ португальскому двору; а родившись въ 1779, стало бытъ она оставила Италію въ 1796, то есть, почти тотчасъ послѣ появленія на театрѣ Фениче въ Венеціи. Последнее кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что Каталани сначала была причислена къ капеллѣ принца регента, большаго любителя музыки, какъ весь Браганскій домъ, отъ его знаменитаго основателя до императора донъ-Педро. Вѣроятно чувства благочестія и скромности, которыхъ былъ всегда исполненъ господинъ Каталани, побудили этого почтеннаго человѣка увести дочь изъ отчизны и устранить ее отъ трескучей и опасной славы драматическаго поприща. Очень можетъ быть также, что исполненная граціи неловкость и чрезвычайная робость, всегда мѣшавшія Каталани имѣть полный успѣхъ въ театрѣ, имѣли вліяніе на рѣшимость ея отца. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что Анджалина, послуживъ въ капеллѣ португальскаго короля, рѣшилась опять вступить на сцену, потому что жалованье, которое она получала какъ комнатная пѣвица, не было достаточно на необходимыя потребности многочисленнаго семейства, котораго она была единственной опорой.

Въ труппѣ итальянскихъ пѣвцовъ, пріѣхавшей играть на лиссабонскомъ театрѣ въ 1779, находились Гаффорини, чудный контральто, и Кресцентини, послѣдній сопранистъ высокаго достоинства въ Италіи. Въ кругу подобныхъ виртуозовъ, добродѣтель и красота Каталани блистали живѣйшимъ блескомъ. Особенно при-

миръ и совѣты Крестентини необыкновенно помогли Анджеликѣ. Въ школѣ этого учителя, несравненно болѣе строгой, чѣмъ была школа Маркези, Каталани научилась лучше произносить музыкальныя фразы и поправила нѣкоторые недостатки своей чудной вокализаци. Шесть лѣтъ Каталани была идоломъ Лиссабона. Скрывость обращенія, набожность, рѣдкая доброта сердца, заставляли всѣхъ окружающихъ обожать ее. Регентъ обходился съ ней какъ съ дочерью.

Когда генералъ Ланнъ пріѣхалъ посломъ Франціи въ Португалію, съ нимъ былъ молодой французскій офицеръ, которому суждено было имѣть большое вліяніе на судьбу знаменитой пѣвицы. Де-Валабрегъ, капитанъ осьмаго гусарскаго полка, былъ человѣкъ любезный, съ отлично благородными манерами. Наружныя преимущества, живость ума и особенно красивый мундиръ, сдѣлали впечатлѣніе на Каталани, которую онъ часто встрѣчалъ въ гостинной французскаго посла. Де-Валабрегъ безъ труда раздѣлялъ внушенныя имъ чувства, и понявъ къ тому же, что голосъ молодой пѣвицы можетъ сдѣлаться источникомъ богатства, сталъ просить ея руки. Родные и многочисленные друзья Каталани смотрѣли на этотъ союзъ съ чрезвычайнымъ отвращеніемъ. На всѣ возраженія противъ этого брака, Каталани отвѣчала, опустивъ глаза: *Ma che bell' ufficiale!* Прекрасный офицеръ точно одержалъ верхъ и обвѣнчался съ Анджеликой въ придворной цѣркви. Принц-регентъ и генералъ Ланнъ были посаженными отцами. Мадамъ де Валабрегъ, сохранявшая всегда свою прежнюю фамилію въ свѣтѣ и въ музыкальномъ мірѣ, оставила Лиссабонъ въ началѣ 1806. Она заключила чрезвычайно выгодный контрактъ съ итальянскимъ театромъ въ Лондонѣ, но сначала поѣхала въ Мадридъ, гдѣ дала нѣсколько концертовъ, доставившихъ ей значительную сумму; потомъ, проѣхавъ Францію, прибыла въ Парижъ въ первыхъ числахъ іюня 1806. Слава предшествовала ей, и тогдашніе журналы возвѣстили объ ея пріѣздѣ, живо подстрекнувъ любопытство публики. Каталани дала въ оперномъ театрѣ три концерта, которые привлекли значительную толпу. Цѣна мѣстамъ была утроена. Въ первомъ концертѣ 22 іюля, Каталани пѣла двѣ аріи Чимарозы и арію изъ «*Semiramis*» Порто-Галло: «*Son regina*»; во второмъ концертѣ, 11 августа, она выбрала арію изъ «*Vascanali di Roma*», Николинни, другую изъ *Заир* Порто-Галло и опять изъ «*Semiramis*» того же композитора; въ третьемъ концертѣ 3 сентября, Каталани прибавила къ прежнимъ пьесамъ арію Паччини: «*Se il ciel mi divide*»,

которой отрогой отплыли были ей носѣе знамена. Обширности, силы и блеску голоса Каталани, богатство вокализаций и прелестью наружности возбуждали живѣйшіи восторги. Только похвалениіе Паганини могло сравниться съ эссекомъ, произведеннымъ произведеніемъ Каталани. Однако, парижскую критику, не обезоруживъ столько, обольщивъ и среди всеобщаго удивленія, она сдѣлала не сколько дѣльныхъ замѣчаній.

Наполеонъ также слышалъ Каталани и жедая удержать въ столицѣ пѣвицу, которая бы отвлекала вниманіе публики отъ важныхъ заботъ, онъ призвалъ Каталани въ Тюильри. Бѣдная женщина никогда не видала вблизи этого страшнаго виртуоза военнаго дѣла, который наполнялъ Европу шумомъ своихъ fugitives; она трепетала всѣми членами, когда явилась передъ нимъ.—Куда вы ѣдете? спросилъ онъ своимъ повелительнымъ голосомъ.—Въ Лондонъ, государь.—Оставайтесь-ка въ Парижѣ, здѣсь вамъ хорошо заплатятъ и лучше оцѣнятъ вашъ талантъ. Вамъ дадутъ *сто тысячъ франковъ* въ годъ и два мѣсяца отпуску; это рѣшено, прощайте. Пѣвица вышла ни жива ни мертва, не смѣя сказать, что ей невозможно не сдержать обязательства, заключеннаго съ англійскимъ посломъ въ Португаліи. Если бы Наполеонъ зналъ это, онъ наложилъ бы embargo на прелестную пѣвицу, которую считалъ бы военной добычей, но Каталани все-таки была принуждена бѣжать изъ Франціи безъ паспорта. Она отправилась украдкой изъ Марсѣ на суднѣ, пришедшемъ за разнѣномъ плѣнныхъ и которому она заплатила полтораста лундоровъ. Свиданіе съ Наполеономъ сдѣлало такое впечатлѣніе на Каталани, что она часто говорила, будто въ цѣлую жизнь не испытывала такого смятенія.

Она пріѣхала въ Лондонъ въ декабрѣ 1806. Парижане, народъ, по свидѣтельству Берліоза, самый тупой на музыку, самый неспособный чувствовать и цѣнить ея, взяли въ національную привычку отпускать при каждомъ случаѣ вошлыя количества и насмѣшки надъ музыкальностью Англичанъ и представлять ихъ *варварами* во части уха и вкусу. Нѣмцы, пошире парижскихъ острооты за невѣдѣніемъ своихъ, охотно повторяють всѣ эти глупости. Мы, Русскіе, разумѣется вѣрнимъ на слово парижскихъ сужденіямъ, печально напнтавшись съ молодю предрезудками и вздорамъ посподствующей литературы. Между тѣмъ, нигдѣ, не исключая и самой Германіи, не найдете и не услышите въ бытѣ музыки и лучшей музыки во всѣхъ родахъ и въ самыхъ дѣльнѣ-

дѣльныхъ развѣрахъ, какъ въ Лондонѣ, и нигдѣ виртуозы не пріяты такъ отлщчно, не награждаются такъ щедро, какъ въ Англии. Въ одной только Англии и дѣлаются состоянія музыкою или музыкальными предпріятіями, повсюду въ другихъ мѣстахъ безплодными. Сколько тамъ музыкальныхъ обществъ, какія музыкальныя празднества! Въ Англии вкусъ къ музыкѣ и итальянскимъ виртуозамъ начался съ очень отдаленной эпохи. Въ шестнадцатомъ столѣтіи вианы игроки на лютнѣ, пѣвцы мадригаловъ и сапозетте да всѣхъ блестящихъ праздникахъ, даваемыхъ королевѣ Елизаветѣ, этой странной женщицѣ, которая столько же любила мнелогію, сколько ненавидѣла палкизмъ. Опера итальянская существуетъ въ Лондонѣ съ начала осемнадцатаго столѣтія и на этомъ театрѣ, посѣщаемомъ всегда высшими классами общества, блистали постепенно самыя знаменитыя пѣвцы школъ неаполитанской, римской, бодоньской и венеціанской. Тамъ-то происходили эти меполнискія состязанія Карестини съ Фаринелли, Фаустины съ Кучцони, Марра съ Банти, Беллингтовъ съ Грассини, Тоди съ Марра; состязанія прелестныя, возобновившіяся въ наше время между Пастой и Малибранъ, Женни Линдъ и Альбони. Политическія партіи примѣшивались къ этимъ фантастическимъ войнамъ, поддерживая одного или другаго противника. Тори, напримѣръ, съ восторгомъ апплодировали арпеджіямъ, хроматическимъ гаммамъ и фессорическимъ тремъ Марра, между-тѣмъ какъ шириній, патетическій стиль Тоди, возбуждалъ энтузіазмъ виговъ. Это соперничество зашло такъ далеко въ первую половину осемнадцатаго столѣтія, что каждая партія захотѣла имѣть свой итальянскій театръ. Гендель дирижировалъ придворнымъ, гдѣ заставлялъ слушать свои образцовыя произведенія, такъ чудно передаваемыи Сенецио, между-тѣмъ какъ Буонончини, съ помощью Фаринелли привлекла толпу въ театръ оппозиціонный. Несмотря на превосходство своего гениа, Гендель изнемогъ въ этой отчаянной борьбѣ, гдѣ потерялъ и состояніе и помой. Знаете ли, чѣмъ занимался лордъ Кастльрѣ въ Парижѣ въ 1814 году?—Онъ шѣлъ итальянскіе дуэты съ Грассини, передъ пріителемъ своимъ герцогомъ Вальштейномъ, который, смотря на прелестныя глаза артистки, находилъ голосъ перваго министра очень пріятнымъ.

Ни одна пѣвица не имѣла въ Лондонѣ такого успѣху, какъ Кателья. Поезденіе этой знаменитой женщины въ городъ, гдѣ галалась самыя чудныя артисты осемнадцатаго столѣтія, было почти государственнымъ событіемъ. Удивительная обширность

голосъ, ровнаго, сильнаго, великолѣпнаго, *brío* этой вокализаціи, разсыпаннѣея свѣтозарными букетами какъ фонтанъ, благородство наружности и характера, возбудили всеобщій восторгъ. Каталани осемь лѣтъ была идоломъ Англіи. Ее принимали въ кругу высшей аристократіи, признательной за то, что она устояла противъ оболженій Наполеона; за ней ухаживали торіи, ею восхищались виги, она держала цѣлую націю подъ очароваціей своихъ хроматическихъ гаммъ и упительныхъ *gorgheggi*. Когда время удовольствій кончалось въ Лондонѣ, Каталани объѣзжала Англію, вездѣ давая концерты, приносящія ей значительныя суммы. Имъ ея, запечатанное на афишѣ, было неодолимымъ талисманомъ, который заставлялъ сбѣгаться толпу въ самый вѣтхой городишко британскаго королевства. Ирландія, даже сама бѣдная Ирландія, продавала свои рубища, чтобы послушать эту чудную сврену, которой *i lamp di gola*, горловыя молніи оглушали уши и очаровывали сердца.

Эффектъ, который Каталани производила на англійскую публику былъ такъ могучъ, что правительство, въ своей борьбѣ съ Наполеономъ, часто прибѣгало къ таланту пѣвицы, чтобы оживить духъ народа! Распространялся ли въ Лондонѣ слухъ, что Наполеонъ одержалъ побѣду, тотчасъ министерство приказывало объявить о концертѣ въ дрюри-ленскомъ театрѣ, гдѣ Каталани будетъ пѣть *con fochi*, «God save the King» и «Rule Britannia». Когда ея великолѣпный голосъ бросалъ на трепещущую толпу эти горделивыя слова: *Send him victorious, happy and glorious* публика поднималась разомъ и съ восторгомъ аплодировала прелестной пѣвицѣ; которую сравнивала съ Ююной, вздымающей повелительнымъ взглядомъ морскія волны.

Каталани пріѣхала въ Парижъ въ 1814 четвертаго февраля. Въ 1815 она дала концертъ въ пользу бѣдныхъ въ оперѣ, гдѣ усѣлъ ея былъ также блистателенъ какъ въ 1806. Она исчезла во время Ста-Дней и отправилась въ Гандъ съ Людовикомъ Осемнадцатымъ, котораго знала въ Англіи и который удостоивалъ пѣвицу своей королевской благосклонности. Домъ ея былъ сборнищемъ самыхъ знаменитыхъ эмигрантовъ. После поѣздки въ Голландію и Бельгію, Каталани воротилась въ Парижъ при вторичномъ возвращеніи Бурбоновъ. Тогда-то Людовикъ-Осемнадцатый, желая наградить привязанность Каталани и къ своей особѣ и къ законной власти, отдалъ ей въ управленіе итальянскій театръ со

ста шестидесятью тысячами вспоможенія. Это предпріятіе было для пѣвицы источникомъ непріятностей и огорченій всякаго рода. Находясь подъ властью безпокойнаго характера своего мужа, старавшагося удалить отъ итальянскаго театра всѣхъ артистовъ, которыхъ талантъ могъ затмѣвать славу жены, Каталани была принуждена оставить эту несчастную дирекцію, потерявъ тамъ съ благосклонностью парижской публики, пять сотъ тысячъ франковъ своихъ собственныхъ. Чтобы вознаграить этотъ двойной ущербъ, знаменитая пѣвица предприняла большое путешествіе по сѣверной Европѣ. Она посетила Давію, Швецію, съ торжествомъ объѣхала Германію, давая концерты, доставившіе ей значительныя суммы. Среди этого энтузіазма, среди живаго свѣту, которымъ она ослѣпляла изумленную толпу, нѣмецкая критика нахмурила брови и вздумала разбирать эту чудную птичку земли, зари и солнца по толстымъ правиламъ своей осоловѣлой эстетики. Это значило подвергнуть арабески Рафаэла лѣстобойнѣ чистаго разума Канта. Несмотря на злую статью въ *Музыкальной лейпцигской газетѣ*, несмотря на болѣе чѣмъ холодный приемъ, сдѣланный ей мюнхенскими музыкантами, она оставила Германію, съ богатой жатвой славы и денегъ.

Въ 1817, Каталани поѣхала въ Венецію, гдѣ расцвѣла тридцать лѣтъ назадъ ея юность и слава. Паччіаротти, который еще жилъ, и слышалъ тогда Каталани въ первый разъ, не былъ въ числѣ ея большихъ поклонниковъ. Мы не будемъ больше слѣдовать за неутомимой путешественницей, которая посетила самые отдаленные уголки Европы. Мы скажемъ только, что въ 1823, Каталани была въ Россіи, гдѣ ея приняли съ особенной благосклонностью. Она произвела у насъ эффектъ, не изгладившіея до сихъ поръ. Ея голосъ и ея талантъ вошли въ пословицу. Нѣсколько лѣтъ тому, одинъ знаменитый и заслуженный врачъ-хирургъ, присутствовалъ въ Царскомъ-Селѣ при весьма трудной операціи, совершенной славною рукою Пирогова; онъ былъ въ неописанномъ восторгѣ отъ ловкости, вѣрности, чистоты, ученой точности и гениальной смѣлости этого неподражаемаго ножа спасенія, и на желѣзной дорогѣ изъяслялъ удивленіе свое словами: «Ай да, Пироговъ! чудно! невѣроятно!... невообразимо!... рѣжетъ словно кружева плететь!... словно Каталани поетъ». Въ послѣдній разъ Каталани пѣла для публики, въ концертѣ 1828, въ Дублинѣ.

Очаровывая свѣтъ въ продолженіе почти сорока лѣтъ, Каталани

удалась въ прелестное владѣніе свое въ окрестностяхъ Флоренціи, гдѣ протекли послѣдніе годы ея жизни, среди изобилія и общественнаго уваженія, которое она заслужила достоинствомъ характера, ясностью души и нестерпаемой добротой сердца. Въ прелестномъ уединеніи, которое себѣ устроила, она не переставала заниматься музыкой, которую любила страстно. Она пѣла для собственнаго своего удовольствія, для удовольствія друзей и особенно для несчастныхъ, прибѣгавшихъ къ чародѣйству ея пѣсньи. Когда флорентійскіе студенты гуляли воокъ холма, на вершинѣ котораго находился домъ Каталани, они слышали иногда несравненный голосъ, изумлявшій Бароу. Появленіе холеры въ Италіи заставало Каталани искать убѣжища въ Парижѣ удѣтой, тамъ поселившись и принадлежавшихъ Франціи по праву, переданному отцомъ ихъ де Валабрегомъ. Язва, которой она болѣла, и которая, можетъ быть пошла бы ее во Флоренціи, внезапно похитила ее въ Парижѣ двѣнадцатаго іюня 1849 шестидесяти-девяти лѣтъ отъ роду.

За нѣсколько дней до смерти, Каталани, находясь въ своей гостиной, и нисколько не предчувствуя близкую смерть, увидѣла незнакомую даму, которая не хотѣла сказать лакею своего имени. Подойдя къ Каталани, незнакомка поклонилась и сказала: «Я пришла поклониться знаменитѣйшей изъ пѣвицъ нашего времени и благороднѣйшей изъ женщинъ; благословите меня, я — Жени Ландъ». Каталани, тронутая до слезъ, долго прижимала къ сердцу эту до-той-поры соизвѣстельницу ея.

Каталани была довольно слабая музыкантша. Воспитаніе ея было такъ небрежно, что она не могла съ перваго разу разобрать самой простой контральто. Она не играла ни на какомъ инструмента, ей всегда нуженъ былъ артистъ для аккомпанированія, привыкшій слѣдовать за причудами ея фантазіи. Она была та, что Итальянцы называютъ чудной *orgeschante*. Вытвердивъ піесу, Каталани знала ее въ совершенствѣ и никогда недостаткомъ памяти не помѣшалъ вгнѣ ея воображенія. Каталани не имѣла успѣху на театрѣ. Сцена приводила ее въ робость, ей тамъ не доставало естественности и одушевленія. Ея великолѣпный голосъ, разнѣвавшійся звучными и свѣтлыми волнами какъ горный потокъ, не увлекалъ въ своемъ теченіи ни крыла страсти, ни конической некры. Каталани была въ строгомъ смыслѣ слова пѣвица *da-camera* (комнатная), мастерица голосовыхъ дѣлъ, занимавшаяся искусствомъ для искусства, заботившаяся только о томъ, чтобы

очаровать и изумить слушателей. Репертоаръ ея былъ не слишкомъ разнообразенъ, ни слишкомъ строго выбранъ: онъ состоялъ изъ дюжины каватинъ, которыя она пѣла всегда и вездѣ. Особенно любила она слѣдующія піесы, обошедшія Европу: *Sop regina* изъ «*Semiramide*», *Porto-Gallo*, написанную этимъ композиторомъ для нея въ Лиссабонѣ; арію *Delle Trombe*, изъ оперы «Три Султанши» Пиччини; вариационъ *Re de Nel cor piu non mi sento* изъ «*Molipaga*» Павзілло, изящная мелодія, которой удивительную простоту Каталани нѣсколько портитъ ложными узорами. Она пѣла также много разъ въ Парижѣ ролю графини изъ «Свадьбы Фигаро», но геній Моцарта былъ ей знакомъ еще менѣе генія Пиччини и другихъ великихъ маэстро старой итальянской школы. Каталани осталась чужда перевероту, произведенному Россини; ея недостаточное образованіе и неспособность къ игрѣ на сценѣ не допустила ее принять участіе въ великомъ обновленіи драматической музыки.

Вокализациа Каталани была истинно удивительна. Между безчисленными украшеніями, которыя она пѣла съ рѣдкимъ изяществомъ, особенно замѣчательны легкость, съ какою дѣлала она хроматическія гаммы, помѣщая на каждую ноту трель, блиставшую какъ брилліантъ самой чистой воды. То она ударила его сильно, подражая острымъ шелканіемъ жаворонка, то покрывала его мелодическимъ газомъ, смягчая звукъ. Любила также расцвѣтять ноту нѣсколькими приѣмами голоса, перерывисто граціозными, которые составляли любимую блеску искусства Минготти, одной изъ знаменитѣйшихъ пѣвицъ первой половины прошедшаго столѣтія. Умѣла выдыхать воздухъ ровно, долго и бережливо, Каталани могла придавать каждой мелодической фразѣ достаточный горизонтъ и растѣивать звукъ, всегда блестящій и *postoso*. Особенно превосходна бывала она въ контрастныхъ эффектахъ, переходя вдругъ изъ самаго громкаго, свѣтлаго, полнаго взрыву голоса, въ полу-голосъ, самый тихій. Неровное судорожное движеніе подбородка было единственное пятно этого невѣроятнаго пѣнія, такого богатаго, такого лучезарнаго. Это горькое движеніе, неприятное для глазъ, показываетъ недостатокъ вокальнаго образованія, и такъ обыкновенно въ наше время, что оно замѣчается у самыхъ знаменитыхъ артистовъ.

Одаренная счастливымъ инстинктомъ, владѣя самымъ обширнымъ, самымъ звучнымъ и гибкимъ сопрано, прелестная райская

птичка, которой нѣнѣ равнялось великолѣпію персей, Каталани была скорѣе чудомъ природы, чѣмъ произведеніемъ искусства. Она *играла* голосомъ какъ Паганини на скрипкѣ, но не имѣла его пылкаго и фантастическаго генія. Словно сладкозвучная сирена, она наводила обаяніе на прохожихъ, и можно было сказать объ ея мелодіи, что сказано о діалектикѣ стариннаго софиста, что «она ходитъ кругомъ сердца, но въ сердце не попадаетъ.»

==

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МАКБЕТѢ ШЕКСПИРА.

=

Много было писано о содержаніи знаменитой трагедіи Шекспира: нѣкоторые полагаютъ, что онъ взялъ содержаніе Макбета цѣлкомъ изъ исторіи, другіе, что онъ взялъ изъ исторіи только главное происшествіе и далъ ему драматическую обстановку; но ни одно изъ предположеній комментаторовъ Шекспира не отличается такою смѣлостью, какъ предположеніе, напечатанное въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ, издаваемыхъ въ Россіи, именно въ „Sendungen der furländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst“. Мы не завели бы рѣчи о содержаніи произведенія Шекспира, потому что содержаніе во всякомъ литературномъ произведеніи должно быть только предлогомъ къ тому, чтобъ очертить характеръ или высказать мысль. Не все ли равно, имѣетъ ли трагедія Шекспира историческое основаніе или нѣтъ? Она написана не для того, чтобъ по ней учиться исторіи, и кромѣ того исторія Шотландіи въ девятомъ вѣкѣ до такой степени суха и такъ мало связана со всѣми послѣдующими, что знаніе ея не подавляетъ человѣка ни на одинъ шагъ. Въ искусствѣ главное — исполненіе; содержаніе же есть только матеріалъ или средство исполненія. По-этому о содержаніи Макбета мы не сказали бы ни слова, еслибъ не были вызваны къ тому странницею предположеніемъ о происхожденіи этой трагедіи; а такъ какъ заблужденія и ошибки даже въ вещахъ маловажныхъ должны быть по возможности исправлены, то мы рѣшились

сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ, имѣя подъ рукою всѣ необходимыя для этого матеріалы.

Хотя весьма многимъ извѣстно содержаніе Макбета, но для большей ясности того, что будетъ сказано объ этой трагедіи, мы расскажем ея содержаніе, потомъ изложимъ предположеніе о происхожденіи ея, и въ заключеніе покажемъ, что въ этой трагедіи дѣйствительно заимствовано изъ исторіи, и что въ ней вымыселъ.

Дѣйствіе трагедіи Шекспира происходитъ въ половинѣ девятаго вѣка. Дунканъ, король шотландскій, отразилъ нападеніе норвежскаго короля Свенона, съ помощью своихъ полководцевъ Макбета и Банко. Полководцы, возвращаясь съ поля битвы, встрѣчаютъ трехъ вѣдьмъ. Первая привѣтствуетъ Макбета таномъ * Гламиса, вторая таномъ Кавдора, третья привѣтствуетъ его королемъ. Банко же предсказываетъ, что онъ будетъ родоначальникомъ королей, хотя не будетъ королемъ. Послѣ такихъ предсказаній вѣдьмы исчезаютъ, оставивъ въ недоумѣніи Макбета и Банко. — Первое привѣтствіе уже сбылось: Макбетъ наследовалъ тавство Гламиса отъ отца своего Синеля. Въ то время, когда они разсуждаютъ о несбыточности остальныхъ предсказаній, является посланный Дункана, танъ Россе, и привѣтствуетъ Макбета таномъ Кавдора, который казненъ за измѣну отечеству. Два предсказанія исполнились, остается третье—главнѣйшее. Между тѣмъ Дунканъ, въ избыткѣ радости послѣ блистательной побѣды, одержанной его полководцами, назначаетъ своимъ наследникомъ старшаго сына Малькольма, и ѣдетъ торжествовать побѣду въ Инвернесъ, въ замокъ Макбета. Въ душѣ Макбета уже созрѣлъ преступный замыселъ умертвить Дункана; въ намѣреніи этомъ еще болѣе утверждаетъ его леди-Макбетъ. Вспомоществуемый своею женою, онъ убиваетъ своего благодѣтеля. Сыновья Дункана, подозрѣваемые въ отцеубійствѣ, спасаются бѣгствомъ, Малькольмъ въ Англію, Дональдъ въ Ирландію. Макбетъ провозглашенъ королемъ. Но предсказаніе, что потомки Банко будутъ королями, не даетъ ему покоя. Его тревожитъ мысль, что на чело его возложили вѣнецъ безнаследственный, и что онъ только для потомковъ Банко осквернилъ свою душу: онъ рѣшается умертвить

* Танъ — древнее шотландское титуло, соответствующее барону. Послѣ водворенія Англо-Саксовъ въ Британнію, титуло это было даваемо всякому непосредственному вассалу короля, слѣдовательно было выше, чѣмъ earl или графъ.

Банко, и посылаетъ къ нему убійцъ. Они нападаютъ на него ночью близъ замка и убиваютъ; сынъ его Флиансъ спасается бѣгствомъ. Макбетъ, узнавъ о бѣгствѣ Флианса, снова поддается оvasеніямъ и страху. За уживомъ ему яляется тѣнь Банко, и садится на его мѣсто. Видѣніе это нѣсколько разъ пугаетъ его. Между-тѣмъ смущеніе короля уже замѣчено присутствующими, уже до него дошли слухи, что танъ Макдуффъ не хочетъ ему повиноваться. Но Макбетъ, не разбирая средствъ, рѣшился на все. Голова его полна страшныхъ замысловъ, которые такъ и рвутся перелти въ руку, и онъ рѣшается отправиться къ вѣщимъ сеестрамъ, чтобъ узнать будущее. Послѣ таинственныхъ заклинаній въ темной пещерѣ яляется голова въ шлемѣ, которая говоритъ Макбету: «Берегись Макдуффа, тана айфскаго». Потомъ яляется окровавленный ребенокъ, который предсказываетъ Макбету, что никто рожденный женщиной, не можетъ вредить ему. За нимъ яляется увѣнчанное дитя съ вѣтвью въ рукѣ, и говоритъ Макбету, что онъ непобѣдимъ, пока бирнамскій лѣсъ не двинется на него къ холму донсиванскому. Наконецъ яляются осемь королей и проходятъ мимо Макбета одинъ за другимъ; послѣдній держитъ зеркало; за нимъ слѣдуетъ Банко. Послѣ предсказаній Макбетъ получаетъ извѣстіе, что Макдуффъ бѣжалъ въ Англію. Макбетъ беретъ замокъ Макдуффа и убиваетъ жену и дѣтей его. Между-тѣмъ въ Англіи Малькольмъ и Макдуффъ уже готовятъ противодѣйствіе похитителю престола. Англійскій король Эдуардъ даетъ имъ въ помощь десять тысячъ войска подъ предводительствомъ Сиварда. Два враждебныя войска встрѣчаются у Довсинана. Малькольмъ, проходя мимо бирнамскаго лѣса, приказываетъ своимъ воинамъ срубить по вѣтви и нести предъ собою, чтобы скрыть такимъ-образомъ число войска и обмануть лазутчиковъ. Макбетъ ожидаетъ непріятеля въ донсиванскомъ замкѣ; непріятельское войско подвигается къ замку съ вѣтвями въ рукахъ. Часовой, испуганный этимъ явленіемъ, доноситъ Макбету, что бирнамскій лѣсъ подвигается. Начинается битва. Макбету страшна только не рожденная женщиной. Въ битвѣ онъ встрѣчается въ Макдуффомъ, и говоритъ, что ему мечъ не страшенъ, что жизнь его зачарована. Но Макдуффъ не рожденъ женщиной: онъ преждевременно вырванъ изъ чрева матери. Они сражаются, и черезъ нѣсколько времени Макдуффъ яляется къ побѣдоносному войску съ головой Макбета. Малькольмъ, какъ законный наследникъ, провозглашенъ королемъ Шотландіи.

Вотъ содержаніе трагедіи Шекспира. Теперь перейдемъ къ объясненію этого содержанія и къ предположенію о его происхожденіи.

Въ журналъ: „Sendungen der furländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst“ издаваемомъ въ Митау, напечатано сравненіе этой трагедіи Шекспира съ германскимъ народнымъ сказаніемъ о королѣ Грюневальдѣ. Авторъ этой статьи (не называемъ его, потому что говоримъ не о немъ самомъ, а о его странномъ предположеніи) находитъ, что содержаніе трагедіи Макбетъ въ сущности согласно съ германскимъ народнымъ сказаніемъ о королѣ Грюневальдѣ. Онъ говоритъ, что въ трагедіи Шекспира, сообразно съ мѣстомъ дѣйствія, встрѣчаются шотландскія имена, но и трагедія и сказаніе имѣютъ одну общую основную мысль.

Первое сходство между трагедіею и преданіемъ, или народными германскими преданіями вообще, по мнѣнію автора, состоитъ въ томъ, что въ трагедіи Шекспира вѣдьмы соотвѣтствуютъ дѣвкамъ судьбы (die Jungfrauen des Schicksals), являющимися въ германскихъ сагахъ.

Но расскажем содержаніе народной сказки. Суровый король долго и храбро защищается въ своемъ замкѣ. Предводитель неприятельскаго войска приближается къ замку, приказывая каждому воину держать въ рукѣ по зеленой вѣтви. Тогда дочь осажденнаго короля говоритъ:

Vater, gib Dich nun gefangen,

König Grünwald kommt schon gegangen!

Послѣ этого замокъ взятъ приступомъ. То, что въ этомъ преданіи сказано вкратцѣ, говоритъ авторъ, надлежащимъ образомъ распространено въ трагедіи. Значеніе этого сказанія, говоритъ онъ, не трудно угадать всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ сагами, и объясняетъ его слѣдующимъ образомъ: король Грюневальдъ — лѣто, а тиранъ, осажденный въ своемъ замкѣ — зима. Покореніе замка — начало лѣта, когда распускаются березы (die Maizeit) *. Во всѣхъ сагахъ зима представляется жестокимъ и кровожаднымъ тираномъ. Самое за все саги: „König Grünwald“ (царь Зеленый-Лѣсъ) показываетъ, что въ ней идетъ споръ между жестокой и суровой зимой и благодѣтельнымъ лѣтомъ. Въ трагедіи эта борьба соотвѣтственно выражается Мак-

* Въ Германіи маленькія зеленыя березы называются Maizen, что имѣетъ одинаковое значеніе съ словомъ Birkenbäumchen, какъ видно изъ слѣдующей пѣсни: „Schmückt das schöne Fest mit Maizen!“

бетонъ и Макдуссенъ *. Подобно тому, какъ въ трагедіи Макдуссъ надѣваетъ на колъ и несетъ голову Макбета, — въ германскихъ сказаніяхъ и обрядахъ погибель зимы изображается иносказательно. Магнуссенъ въ сочиненіи своемъ: „Der erste November“ говоритъ, что въ славянскихъ земляхъ имѣютъ обыкновеніе перваго марта, какъ въ первый весенній день, сожигать зиму подъ видомъ чучела, и что обыкновеніе это перешло и германскій народъ, у котораго это дѣлалось въ воскресенье на четвертой педѣлѣ поста **. Несмотря на очевидную несообразность этихъ предположеній, авторъ думаетъ, что Шекспиру было извѣстно значеніе этой саги, и въ заключеніе говоритъ, что онъ воспользовался этой сагой для своей трагедіи, удержавъ изображеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и что это можетъ служить примѣромъ того, какимъ-образомъ подобныя народныя сказанія переходили на сцену.

Спрашиваемъ: есть ли какое-нибудь сходство между трагедіей Шекспира и рассказомъ о томъ, что какой-то король осаждалъ другаго короля? Неужели движеніе бирнамскаго лѣса считали основною мыслью трагедіи Шекспира? по-крайней-мѣрѣ авторъ разбираемой нами статьи говоритъ, что оба эти произведенія имѣютъ одну общую основную мысль, а въ нихъ это только и есть общаго. Кромѣ того, какъ могло придти въ голову, чтобы такое стройное и величественное произведеніе, какъ Макбетъ, могло имѣть источникомъ глупую сказку, въ которой едва можно доискаться смысла. По всей вѣроятности, Шекспиръ и не подозрѣвалъ о существованіи германскихъ народныхъ сказаній, а еслибъ и подозрѣвалъ, то не могъ бы ими воспользоваться, потому что зналъ только родной языкъ и латинскій. Но главное, почему нельзя допустить такого предположенія, — то, что произведенія послѣдняго періода его дѣятельности, къ числу которыхъ принадлежатъ и Макбетъ, взяты изъ исторіи.

* Сходство это авторъ нашелъ, какъ онъ самъ объясняетъ, по тому, что слогъ нас на шотландскомъ и ирландскомъ значитъ сынъ.

** Вотъ текстъ изъ сочиненія Магнуссена: „In slawischen Ländern pflegt man am ersten März, als dem ersten Frühlingstage, den Winter auszubrennen in Gestalt eines Strohmannes, gleichsam den Winterhüte in effigie, mit einer Festsfeuer. Das deutsche Volk hat denselben Gebrauch übergetragen auf Martinsfest Sonntag. Sonntag Laetare, sonst auch genannt Todten-Sonntag, da des Winters oder Toddens Bild auf gleiche Weise verbrannt, gehangen oder verjagt wird.“

Такъ какъ уже заведена рѣчь объ этомъ, то покажемъ, въ какой степени произведеніе Шекспира взято изъ исторіи, и въ чѣмъ состоитъ сдѣланныя имъ отступленія.

Вотъ что говорится въ трагедіи о побѣдѣ, одержанной Макбетомъ.

Во второй сценѣ перваго дѣйствія, Дунканъ и Малькольмъ спрашиваютъ римскаго воина, въ какомъ положеніи находилась битва, когда онъ ее оставилъ. Воинъ отвѣчаетъ:

«Въ весьма сомнительномъ; въ положеніи двухъ утомленныхъ шловцевъ, когда они, схватившись, ищутъ другъ друга. Къ безпощадному Макдонвалду — по множеству другихъ врожденныхъ пороковъ, какъ-бы созданному быть бунтовщикомъ, — подошло съ западныхъ острововъ сильное подкрѣпленіе Кернаи и Галозлассаи, и Фортуна, улыбаясь гудамъ труповъ, которые громоздилъ проклятый, сдѣлалась наложницей бунтовщика. Но все напрасно. Презирая Фортуной, храбрый Макбетъ — онъ вполне заслуживаетъ это прозваніе, — какъ истый любимецъ мужества, проложилъ себѣ дорогу къ измѣннику мечемъ, дымившимся отъ кровавой работы, и не потрясъ ему руки, не сказалъ прости, пока не разсѣкъ головы его отъ темени до челюстей и не поднялъ ее на копье».

«Но какъ, отсюда же, откуда солнце начинаетъ свое теченіе навоятся иногда и сокрушительныя бури и страшныя громы, такъ точно изъ того же самаго источника, изъ котораго, казалось, вытекало наше благо, хлынули на насъ новыя напасти. — Слушай, король Шотландіи! слушай! — Только что право, вооруженное храбростью, заставило быстроногихъ Керновъ искать спасенія въ бѣгствѣ — норвежскій король, выжидавшій только благоприятнаго случая, напалъ на насъ съ новыми силами, въ досѣхъ еще чистыхъ, сверкающихъ».

Входитъ танъ Россе и продолжаетъ рассказъ о битвѣ. Дунканъ спрашиваетъ его: «откуда, достойный танъ?»

«Изъ Файфа, гдѣ такъ еще недавно норвежскія знамена издвигались надъ небесами и охлаждали пылъ нашихъ воиновъ. Самъ властитель Норвегій, съ многочисленнымъ войскомъ, въспомоществуемый подлымъ, вѣроломнымъ такомъ Кавдора, началъ страшную сѣчу; по грозный, закованный въ непроницаемыя досѣхи обрученецъ Беллоны, смирилъ кичливый духъ его, сразившись съ нимъ, противопоставивъ свой мечъ мечу; руку рукъ возмутителя. Однимъ словомъ — побѣда наша!»

«Свенонъ, король Норвегій, проситъ теперь мира. Мы не по-

звали ему похоронить даже его убитыхъ, пока онъ не отсчиталъ намъ, на островѣ Сентъ-Кольмъ, десять тысячъ долларовъ».

Дунканъ приказываетъ Россѣ произнести смертнѣйшій приговоръ тѣлу Кавдора, а саномъ и областью его поздравить Макбета.

Россѣ, возвѣщая Макбету о милостяхъ короля, говоритъ: «Вѣсть о твоихъ побѣдахъ, Макбетъ, дошла до короля. При разсказѣ о личной отвагѣ твоей въ битвѣ съ буйтовщиками, удивленіе его спорило въ немъ съ достойными хвалами тебѣ. Но онъ совсѣмъ овѣмѣлъ отъ изумленія, когда — обозрѣвая остальные событія этого дня, — увидѣлъ тебя въ рядахъ отчаянныхъ Норвежцевъ, нѣсколько не запуганнаго страшными картинами смерти, которыми ты самъ окружалъ себя. Быстро, какъ въ сказкѣ, приходила вѣсть за вѣстью, и каждая, вычисливъ твои подвиги въ великой защитѣ королевства, повергала ихъ къ ногамъ его».

Приведенные нами отрывки показываютъ, что Шекспиръ соединилъ въ одну или смѣшалъ три войны, бывшія въ царствованіе Дункана. Войны эти вѣдены были съ возмущившимся Макдональдомъ, съ Норвежцами и Датчанами.

Разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ каждую изъ нихъ.

Шотландскій король Дунканъ отличался справедливостью. Онъ каждый годъ обозрѣвалъ области своего государства, выслушивалъ просьбы и жалобы подданныхъ и не позволялъ богатымъ притѣснять бѣдныхъ. Но справедливость эта, доставляя ему съ одной стороны любовь и уваженіе, была причиною ненависти къ нему притѣснителей и нарушителей порядка. Неудовольствія и безпокойства прежде всего произошли въ области, называвшейся Loch-Abug, таномъ которой былъ Банко, строгій блюститель правосудія. Неумолчный въ преслѣдованіи преступленій и строгій въ наказаніяхъ, онъ навлекъ на себя ненависть многихъ. Противъ него составилъ заговоръ, имѣніе его было разграблено, онъ былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній и сильно израненный, едва остался живъ. Нѣсколько оправившись отъ ранъ, онъ поѣхалъ къ королю и разсказалъ ему о случившемся. Посланный королемъ для наказанія виновныхъ, претерпѣлъ разные оскорбленія и былъ убитъ. Это было поводомъ къ дальнѣйшимъ безпорядкамъ. Предводитель мятежниковъ Макдуальдъ, или Макдональдъ, отчаяваясь въ прощеніи, приготовился къ открытой войнѣ. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь жителей остро-

вовъ, всегда готовыхъ къ возмущенію, въ надеждѣ на добычу. Онъ внушалъ имъ, что при такомъ изнѣженномъ и слабомъ королѣ, нечего бояться наказаній, а можно рассчитывать на большую добычу. Многіе изъ Шотландцевъ, скучая продолжительнымъ миромъ, также присоединились къ мятежникамъ. Успѣшное начало ободрило возмутителей и увеличило ихъ число. Король, для усмиренія ихъ, послалъ съ войскомъ одного изъ своихъ приближенныхъ, Малькольма; но войско было разбито, а предводившій имъ попался въ плѣнъ и былъ обезглавленъ. Король, встревоженный этой неудачей, созвалъ совѣтъ, на которомъ родственникъ короля, Макбетъ, приписывая всѣ неудачи нерадѣнію, далъ обѣщаніе успокоить государство, если главное начальство надъ войскомъ будетъ поручено ему и Банко, хорошо знакомому съ мѣстностью и потребностями страны. Когда главное начальство вѣрсно было Макбету, многіе изъ мятежниковъ такъ были испуганы, что скрылись въ пещерахъ и другихъ отдаленныхъ мѣстахъ. Войско мятежниковъ было разбито совершенно. Макдональдъ съ немногими изъ нихъ бѣжалъ въ ближайшій замокъ, и въ отчаяніи лишилъ себя жизни. Макбетъ, не довольствуясь этимъ, приказалъ отрѣзать ему голову и послалъ ее къ королю въ Пертъ, а тѣло его повѣсилъ на открытой мѣстѣ *.

Изъ краткаго очерка этой войны видно, что Макдональдъ не былъ союзникомъ Свенона, какъ сказано въ трагедіи; Макдональдъ самъ себя лишилъ жизни, и не былъ казненъ Дунканомъ, и наконецъ послѣ всего рассказаннаго странно, что Макбетъ, зная о смерти Макдональда, когда его привѣтствуютъ тѣмъ Кавдора, говоритъ: «танъ Кавдора живъ еще. Зачѣмъ облакаете вы меня въ чужія одежды?» (Сцена 3, въ первомъ дѣйствіи).

Но едва только были прекращены внутренніе беспорядки, внѣшніе непріатели стали безноконтъ Шотландію. Могущественный король Датчанъ, Свенъ или Свенонъ, умиралъ, раздѣливъ три государства между своими тремя сыновьями. Англія досталась Гарольду, Норвегія Свенону, а Данія Кануту. Гарольдъ скоро умеръ, и по смерти его Англія перешла во власть Канута. Свенонъ, король норвежскій, завидуя воинской славѣ своего брата, снарядилъ огромный флотъ и высадился въ Файфъ, въ Шотландію. Лишь только разнесся слухъ о его приближеніи, Макбетъ былъ посланъ набирать войско. Другой полководецъ, Банко, вы-

* The History of Scotland, written in Latin, by George Buchanan, faithfully rendered into english. London, 1199.

ствѣ съ королемъ долженъ былъ встрѣтить непріятеля. Оба войска встрѣтились близъ Куларосса (замокъ на рѣкѣ Фортѣ, въ граствѣ пертскомъ), и сражались съ ожесточеннымъ мужествомъ. Однакожъ Шотландцы были побѣждены, хотя причиной побѣды было больше неудобство мѣста, чѣмъ искусство и храбрость противниковъ, и отступили къ Перту, чтобы тамъ съ остальными силами выжидать движенія непріятеля. Свенонъ, полагая, что успѣхъ дѣла зависить отъ скорости нападенія, придвинулся со всѣмъ войскомъ къ Перту, чтобъ осадить Дункана, корабли же свои послалъ по рѣкѣ Тею, чтобы встрѣтиться съ ними у Перта. Дунканъ спокойно ожидалъ непріятеля, знаа, что вблизи находится Макбетъ, съ свѣжимъ подкрѣпленіемъ; но по совѣту Банко онъ прибѣгнулъ къ военной хитрости: онъ послалъ двухъ гонцовъ, одного къ Макбету съ приказаніемъ ему не двигаться съ мѣста, а другаго къ Свенону для переговоровъ о сдачѣ города. При переговорахъ о мирѣ, уполномоченнымъ Свенона объявлено было, что король шотландскій намѣренъ послать провизію въ непріятельскій станъ. Норвежцы, хотя не нуждались въ этомъ, но приняли это предложеніе охотно, потому что видѣли въ немъ знакъ боязни и покорности. Огромное количество хлѣба и вина принесено было въ лагерь непріятельскій. Въ вино былъ примѣшанъ сокъ ядовитаго усыпляющаго растенія, называемаго *Somniferous Night-shade (solanum, сонная трава, сонная одурь, toffel, det Nachtſchatten)* въ изобиліи растущій въ Шотландіи. Стволъ этого растенія имѣеть около двухъ футовъ длины; верхняя часть его раздѣляется на вѣтви, листья большіе и имѣють слабый зеленый цвѣтъ. Ягоды очень крупны и когда созрѣють — чернаго цвѣта; онѣ образуются на стволѣ подъ стебельками листьевъ. Вкусъ ихъ сладокъ и почти приторенъ. Свойство плода, корня и особенно сѣмянн этого растенія — снотворность, которая доходитъ до безчувствія, если принять этой травы въ большомъ количествѣ. Принесшіе провизію, для отвращенія подозрѣнія въ обманѣ, пробовали ее передо всѣми. Свенонъ первый подаль примѣръ своимъ подданнымъ, и они безъ опасенія стали употреблять ее въ большомъ количествѣ. Между-тѣмъ Дунканъ, чтобъ увеличить свои силы, приказалъ Макбету приблизиться съ своимъ войскомъ къ городу, и впустилъ его въ ворота, болѣе отдаленныя отъ непріятельскаго лагеря. Узнавъ черезъ лазутчиковъ, что непріятелемъ овладѣлъ сонъ, Дунканъ выслалъ большую часть войска подъ предводительствомъ Банко, хорошо знавшаго мѣстность страны, а остальному войску при-

казалъ быть въ засадѣ. Шотландское войско съ шумомъ бросилось въ непріятельскій лагерь. Норвежцы, непонимая причины безпорядка, бѣжали какъ безумные, и были убиваемы безъ сопротивленія; многіе изъ нихъ убиты сонные. Король ихъ, потерявшій всякое сознаніе, былъ вынесенъ изъ битвы оставшимися еще въ силахъ, положенъ на лошадь и такимъ образомъ отправленъ до кораблей. Большая часть людей, бывшихъ на корабляхъ, также была убита, такъ что ихъ не доставало даже для управленія однимъ кораблемъ. Однакожъ несмотря на это, король спасся. Многіе корабли при сильномъ вѣтрѣ сталкивались другъ съ другомъ и тонули; остальные разбились у мелей (называемыхъ Drumilaw Sands) въ устьѣ рѣки Тей.

Когда Шотландцы праздновали эту побѣду, разнеслась вѣсть о приближеніи датскаго флота, посланнаго Канутомъ для помощи Свенону. Войско высадилось близъ Файфа и уже опустошало страну и грабило жителей, отдававшихъ свое имущество безъ сопротивленія. Дунканъ выслалъ противъ него Банко, который снова разбилъ непріятеля. Говорятъ, что онъ принудилъ непріятеля заплатить огромную сумму денегъ за дозволеніе похоронить убитыхъ, на островѣ Эмоиѣ или Инкъ-Кольмѣ. — Говорятъ, что Датчане, видя неуспѣшность своихъ нападений на Шотландію, дали торжественную клятву, никогда не возвращаться въ нее непріятелями *.

Этотъ краткій обзоръ военныхъ дѣйствій въ царствованіе Дункана, показываетъ, что Шекспиръ, въ приведенномъ нами разсказѣ война, смѣшалъ и соединилъ эти три войны. Подобныя отступленія отъ исторіи встрѣчаются у него безпрестанно, и разумѣется ни сколько не уменьшаютъ достоинства его произведеній, потому что все его вниманіе обращено не на происшествіе, не на дѣйствіе, но на дѣйствующихъ. Онъ не заботится объ истинѣ исторической, но не отступаетъ ни на шагъ отъ истины драматической. Заимствуя для своихъ произведеній факты изъ исторіи, онъ не дѣлаетъ мелочныхъ изысканій, не доискивается причинъ явленія и сопровождающихъ его обстоятельствъ. Это только ткань, канва драмы. Онъ беретъ фактъ, какъ ему передають его, и руководимый имъ, доходитъ до самыхъ сокровенныхъ впечатлѣній, производимыхъ этимъ явленіемъ на душу

* The History of Scotland by George Buchanan; De origine, moribus et rebus gestis Scotorum autore Joanne Lescaeo, episcopo Rossensi. Romae. Anno Domini MDCLXXV.

человѣка. Его занимаетъ не *что*, но *какъ*. Поэтому все чисто фактическое играетъ ничтожную роль въ произведеніяхъ Шекспира, а разсказъ война въ Макбетѣ есть не что иное, какъ вступленіе въ трагедію, какъ точка отправления.

Но будемъ продолжать наши изысканія о оодержаніи этой трагедіи. Главнѣйшій вопросъ, который намъ представляется, состоитъ въ томъ, убили ли Макбетъ Дункана? Для рѣшенія этого вопроса, нужно объяснить, кто были Дунканъ и Макбетъ, и въ какомъ отношеніи они находились другъ къ другу.

Въ концѣ десятаго вѣка (отъ 977 до 1000 г.) въ Шотландіи царствовалъ король Кеннетъ-Третій. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ его трагическая кончина. Онъ умертвилъ молодаго принца Малькольма Дунга, имѣвшаго притязанія на престолъ и преграждавшаго къ нему дорогу сыновьямъ Кеннета. Это убійство мучило его совѣсть. Рѣзь, ночью, онъ былъ испуганъ страшнымъ видѣніемъ и слышалъ чей-то голосъ, который сказалъ ему, что онъ самъ не избѣгнетъ насильственной смерти. Для успокоенія совѣсти, по совѣту монаховъ, онъ отправился на поклоненіе гробу Святаго Палладія въ Форбунѣ. На возвратномъ пути онъ былъ приглашенъ въ замокъ Феттеркарнъ, владѣтельницай его Фенеллой, которая рѣшилась отомстить королю за убійство ея родственниковъ, и въ числѣ ихъ сына. Она пригласила Кеннета осмотрѣть башню своего замка, въ которой находилась бронзовая статуя Кеннета съ золотымъ яблокомъ въ рукѣ, осыпаннымъ драгоценными каменьями. Подведя его къ статуѣ, Фенелла сказала: это изображеніе поставлено здѣсь въ твою честь, Кеннетъ, чтобы доказать свѣту мое уваженіе къ тебѣ. Драгоценное яблоко это назначено тебѣ въ даръ, — удостой взять его изъ рукъ статуи. Едва онъ дотронулся до яблока, нѣсколько стрѣлъ воззались ему въ сердце*. По смерти Кеннета, несмотря на то, что онъ оставилъ сына Малькольма, наслѣдство перешло въ другую линію. Престолъ наследовалъ Константинъ, котораго убилъ Кеннетъ-Четвертый. Кен-

* De origine, moribus et rebus gestis Scotorum. — Johannes Major — Hector Boetius. — Crimes and remarkable trials in Scotland. — Нѣкоторые историки, напримѣръ Winton и Buchanan разсказываютъ иначе это происшествіе. Они говорятъ, что Кеннетъ былъ убитъ нѣсколькими всадниками, ждавшими его въ засадѣ, и бросившимися на него по знаку, поданному Фенеллою. Предположеніе это, какъ болѣе простое, кажется вѣроятнѣе, хотя нельзя поручиться за справедливость обѣихъ.

нетъ къ свою очередь быть убитъ... момъ, который такъ-
образомъ вступилъ въ лагерь отца. Дунканъ былъ сынъ
дочери этого Малъкольма, какъ и то есть внукомъ убитой королевы. До-
черь. Отецъ Дунъ, что весьма стра- сонные. Король ихъ,
го званія. Четвертый (дъ с. десень изъ битвы остав-
тый дѣдомъ Дункана, Малъкольмомъ да... лошадь и такъ об-
у котораго была дочь именемъ Груа. часть людей, бывшихъ
внукомъ Малъкольма со стороны сына. Ихъ не доставало да-
жетъ узнать леди Макбетъ. Такъ ос... чажоужъ несмотря на
ди дѣв враждебныя соперничающія... вѣтръ сталкива-
станно отнимали другъ у друга престолъ... рые разбились у
равное на него право: если Дунканъ былъ въ рѣки Тей.
го, короля, то Груахъ была дочерью сына дру... (звнеслась въсть о
лѣе услышались, когда она вышла замужъ за... оми для помощи
его называютъ Macbethus или Macbeth, ... тошаръ...
почти независимымъ граствомъ, росскимъ, ... въ войско. Въ
старинныхъ церковныхъ актахъ сохранилась ларственная запись
въ пользу монастыря святаго Сервана; Макбетъ и леди Макбетъ,
сдѣлавше пожертвованіе, названы въ этомъ документѣ: «Macha-
bet filius Finlach, et Gruach filia Bodbae — Rex et Regina Scoti-
gum» (Макбетъ и Груахъ — король и королева Шотландцевъ).
Объ отцѣ Макбета ничего положительнаго не извѣстно. Andrew
Wynkou, въ одной изъ своихъ странныхъ легендъ, говоритъ объ
отцѣ Макбета, но ея описаніе нисколько не удовлетворительно.
Весьма вероятно, что онъ былъ потомокъ той же самой Фе-
цельды, которая умерла въ прадѣлѣ Дункана, Кеннета-Т-стѣго.

* Registrum Prioratus Sancti Andree.

** Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этой легенды:

«But, as we fynd be some stories,
Potten the a wair fairly wy;
Min medyt; to woodis made off repairs,
For, the delyte of halesome air;
Ewa she passed upon a day
Til a wood; her for to play,
Scho met of eaz with a fairman
(Never, none so fain as she thought than
Before than, had she seen with sight)
Of beauty pleasaunt, and of height
Proportioned, wale in, all measure,
Of limb and lytt a fair figure.»

Показавъ отношеніе Дунканъ къ Макбету другъ къ другу и ихъ общественное положеніе, перейдемъ въ первую вопроса, убилъ ли Макбетъ, и разскажемъ, какъ и если убилъ, то есть имъ-образомъ и какъ наступленіе въ трагедію, и какому тому причинъ.

Но будемъ продолжать въ историческія сочиненія о Шотландіи всѣ гдѣ. Главнѣйшій вопросъ въ томъ, что Дунканъ былъ убитъ Макбетомъ въ томъ, убилъ ли Макбетъ, подтверждаютъ это. Два враждовавшія вопроса, нужно объяснить, почему другъ престола, смотрѣли другъ на какомъ отношеніи они были, а потому весьма понятно, что на

Въ концѣ десятилетія Макбетъ какъ на похитителя, а на леди Макбетоваль король Кеннетъ и новую королеву. Въ такихъ обстоятельствахъ трагическая кончина Макбетоваль; следовательно, фактъ этотъ Дунканъ, имѣвшіе по какому сомнѣнію. Для разрѣшенія вопроса о дороге сыновьямъ Макбетоваль убійства, пересмотримъ важнѣшіе историческія бытія того времени. Хроникки до такой степени кратко говорятъ объ этомъ происшествіи, что изъ нихъ видно только, что оно было, но какъ и почему, — неизвѣстно. Летописецъ Фордунъ говоритъ только, что Дунканъ былъ убитъ, «occisus scelestus». * Въ реестрѣ пріорства святаго Андрея, сказано тоже самое, только другими словами: «interfectus est». Въ летописи Тейгермака сказано: «trucidatus est. Wynnoun, вождь, о которомъ мы уже упоминали, знаменитый въ свое время, но не заслуживающій этой знаменитости, говоритъ объ этомъ также съ достойною Квинтиана краткостью:

« He murthrified him in Elgyne,

His Kunrik he usurped sune,»

Придѣлая этой краткости заключаемся въ томъ, что хроникки бытія написаны, спустя три или четыре столѣтія послѣ этого проис-

* Hic autem pius occisus est scelestus generis occisorum tam aui quam proavi, quoniam praecipuus erat Machabida (Machabaeus) filius Fineth, à quo latenter a. ut Bartholomaeus (Lothgessanus, ecclesia Heamili) vulnecatus ad mortem, et apud Elgin delatus occubuit et in insula domus arguitur est. De quo habentur haec versus:

Althannus genuit Duncanum nomini natum

Qui senis annis rex erat Albanie.

A Fineth natus percussit cum Machabeda

Vulnecet letali: rex apud Elgin obit.

(Johannis de Fordun Scotichronicon cum supplementis et continuatione Walteri Boweri, in usulo Sancti Columbæ Abbatis. Vol. I. Edinburgi. MDCCLII).

шествiя, и потому оно не могло сохраниться съ подробностями. Историки должны объяснить намъ нѣсколько это событiе, и потому обратимся къ нимъ. Иоаннъ Леслей, который уже нѣсколько разъ служилъ намъ пособiемъ, въ этомъ случаѣ не совсѣмъ удовлетворителенъ. Вотъ что говоритъ онъ объ убiйствѣ Дункана въ своемъ сочиненiи: «*De origine moribus et rebus gestis Scotorum*: Verum spiritus ita Machabaeo inflavit inanis quaedam gloria, animumque vesana quaedam dominandi libido distinxit, ut (uxore illum mediculosum spe felicitis eventus excitante) Duncanum sanctissimum Regem (qui illum tanto honore ornat) impiissime trucidarit, anno ejus regni sexto. Duo ejus filii, Malcolmus Canmor, ac Donaldus, maximum ex paterna caede timorem concipientes, fuga sibi prudentissime consuluerunt». Пропустивъ другихъ историковъ, показанiя которыхъ также неудовлетворительны, обратимся къ Георгу Буханану, какъ къ самому подробному и достоверному, тѣмъ болѣе, что его рассказъ объяснить намъ, что подаю Шекспиру мысль вывести на сцену въ началѣ трагедiи трехъ вѣдьмъ, и показать, что даже и въ этомъ случаѣ Шекспиръ поступилъ не совсѣмъ произвольно, а имѣлъ историческое основанiе. Бухананъ говоритъ, что Макбетъ, чувствовавшiй всегда отвращенiе къ бездѣйствию и влости короля, и имѣвшiй тайную надежду занять его мѣсто, былъ одобренъ въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ слѣдующимъ событiемъ: онъ видѣлъ трехъ женщинъ величественной и поразительной красоты. Первая изъ нихъ привѣтствовала его тавомъ Авгуса, вторая тавомъ Муррай: а третья королею Шотландiи. Мучимый желанiемъ и надеждой, онъ былъ ободренъ этимъ сномъ, и ждалъ его исполненiя. Побуждаемый своею женою къ скорѣйшему достиженiю предсказанiй, онъ сообщилъ свои намѣренiя нѣкоторымъ изъ своихъ друзей и въ томъ числѣ Банко. Случай ему скоро представился. При проѣздѣ Дункана чрезъ Инвернессъ, онъ убилъ его и, собравъ войско, отправился короноваться въ Слену. Сыновья Дункана, пораженные неожиданнымъ несчастiемъ и видя на престолѣ убiйцу своего отца, спаслись бѣгствомъ: Мальвольмъ убѣжалъ въ Кумберлендъ, а Дональдъ къ союзникамъ своего отца, на острова Эбудскiе. Шекспиръ позволилъ себѣ только исключить Банко отъ всякаго участiя въ убiйствѣ Дункана, вѣроятно, изъ угодливости Якову-Первому, потомуку Банко. Послѣ этого рассказа, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнiя въ томъ, что Шекспиръ въ своей трагедiи строго слѣдовалъ историческому факту. Для подтвержденiя сказаннаго нами, будемъ

продолжать доказательства, и для этого возьмемъ три остальные эпизода трагедіи: убійство Банко, бѣгство Макдуфа и убіеніе его семейства и дѣяніе бирманскаго лѣса.

Первою жертвою жестокости Макбета былъ Банко, его участникъ въ убіеніи Дунзана. Макбета смущала молва о томъ, что Банко имѣлъ предсказаніе, что его потомки будутъ на престолѣ. Зная, что Банко человѣкъ дѣятельный и властолюбивый, и опасаясь, чтобы онъ не послѣдовалъ поданному имъ примѣру, Макбетъ рѣшился погубить его, и употребилъ для этого слѣдующую хитрость: онъ пригласилъ его съ сыномъ къ ужину, и далъ приказаніе убить его на возвратномъ пути. Сынъ Банко, Флансъ (у Буханана Fleance), не замѣченный въ темнотѣ, успѣлъ спастись, и узнавъ отъ своихъ друзей объ убійствѣ отца, тайно бѣжалъ въ Валлисъ. Это жестокое и варварское убійство до такой степени привело въ ужасъ дворянъ, что всѣ они отпразднели въ свои помѣстья, и только нѣкоторые изъ нихъ, и то весьма рѣдко шривѣжали ко двору. Такимъ-образомъ взаимный страхъ и ненависть поселились между королемъ и дворянствомъ. Не зная способовъ примириться, онъ перешелъ къ явной жестокости. Богатые и бѣдные, за самыя легкія, иногда даже подорѣзавшя только преступленія, наказывались смертію. Командованными имуществомъ ихъ служили средствомъ къ содержанию толпы негодяевъ. При всемъ этомъ, не считая себя вполнѣ безопаснымъ, ему вздумалось выстроить замокъ на вершинѣ холма дошнанаекаго, съ котораго былъ открытый видъ на огромное пространство кругомъ. Такъ-какъ постройка шла тихо по причинѣ затруднительней подвозки матеріаловъ, то Макбетъ приказалъ всѣмъ танамъ королевства, лично наблюдать за работами. Въ это время Макдуфъ, человѣкъ весьма сильный по вліянію, былъ таномъ Файфа. Не желая попасться въ руки короля, онъ не явился самъ, а послалъ туда работниковъ, и надзоръ за ними поручилъ нѣкоторымъ изъ друзей. Король, изъ желанія ли видѣть работы, или для того, чтобы придраться къ Макдуфу, котораго онъ боялся, приходитъ на мѣсто постройки, и видя что волю Макдуфа не въ состояніи втащить на гору навьюченной на нихъ тяжести, говоритъ, что ему уже давно извѣстенъ непокорный нравъ Макдуфа, что онъ рѣшился его наказать, и для примѣра другимъ угрожалъ запречь его самага, вмѣсто быковъ. Макдуфъ, услыжавъ объ этомъ, поручилъ жонѣ нести о семействѣ, а самъ немедленно сѣлъ на ко-

рабъ и отправился въ Англію. Король, узнавъ о его намѣреніи бѣжать, поспѣшилъ въ Файфъ съ сильнымъ отрядомъ войска, но не заставъ его, вошелъ въ замокъ, и Макдуффъ излилъ весь свой гнѣвъ на жену и дѣтей. Имѣніе было конфисковано, онъ былъ объявленъ измѣнникомъ, и наказаніе угрожало всякому, кто имѣлъ какія-нибудь съ нимъ сношенія. Макдуффъ, пріѣхавъ въ Англію, встрѣтилъ тамъ Малькольма, который самымъ почетнымъ образомъ былъ принятъ королемъ Эдуардомъ. Макдуффъ говоритъ Малькольму, что пора уже свергнуть похитителя и освободить отечество отъ его тиранства. Въ этомъ эпизодѣ вѣрность Шекспира исторіи просто поразительна. У Баханава цѣликомъ находимъ разговоръ Макдуффа съ Малькольмомъ, описанный Шекспиромъ въ третьей сценѣ четвертаго дѣйствія. Нѣтъ сомнѣнія что Шекспиръ заимствовалъ факты для своей трагедіи изъ того же самаго источника. Это достаточно доказываетъ разговоръ Макдуффа и Малькольма, который слово въ слово находится въ исторіи Буханана. Доказательство это будетъ еще яснѣе, если вспомнимъ, что Георгъ Бухананъ родился только 58 лѣтъ раньше Шекспира; именно Бухананъ родился 1 февраля 1506 года, а Шекспиръ 23 апрѣля 1564. Макбетъ написанъ около 1606 года, и потому весьма вѣроятно, что Шекспиръ воспользовался только-что написанною и можетъ-быть въ то время единственною исторіею *. Нѣкоторые говорятъ, что единственный источникъ, которымъ пользовался Шекспиръ — это сочиненія Рафаэля Голлиншеда, но не имѣя ихъ подъ рукою, мы не можемъ сказать въ какой степени это справедливо.

Разительное сходство трагедіи Шекспира съ исторіею доказы-

* Въ *Scotichronicon Johannis Fordun cum supplementis et continuatione Walteri Boweri, insulae sancti Columbæ Abbat. Vol. I. Edinburgi. MDCCLII (1752)* также находится этотъ разговоръ, и такъ подробно, что ему посвящены первыя четыре главы пятой книги этого сочиненія. Вотъ ихъ заглавія:

Cap. I. De Macduff suadente Malcolm Camore reditum ad regnum et ejus prima temptatione.

Cap. II. De variis exemplis per Malcolmum positiss, quod multi reges propter luxuriam amiserunt regna.

Cap. III. De responsis Macduff ponentis exemplum Octaviani luxuriosi et tamen felicissimi.

Cap. IV. De secunda temptatione Malcolmi se furem asserentis et responsis Macduff huic vitio remedium ponentis.

вается даже движеніемъ бирнамскаго лѣса, этимъ незначительнымъ эпизодомъ, которому авторъ статьи, помѣщенной въ „Scheidung“ придаетъ почему-то значеніе основной мысли. Почти всѣ историки говорятъ о хитрости, которую употребилъ Малькольмъ, чтобъ скрыть отъ непріятелей число войска. Въ трагедіи Шекспира Малькольмъ, подходя къ Донсиану говоритъ: «Пусть каждый воинъ срубить сукъ и нестеть его передъ собою. Такимъ-образомъ мы скроемъ число наше, обманемъ лазутчиковъ» *. Шекспиръ при описаніи этой битвы въ одномъ только не согласенъ съ исторіею. Въ трагедіи сраженіе происходитъ въ Донсианѣ, между-тѣмъ какъ всѣ хроники единогласно утверждаютъ, что оно происходило въ Лонфананѣ. Это разногласіе произошло, вѣроятно, оттого, что Шекспиръ, не зная хорошо мѣстности, предполагалъ, что Лонфананъ находится возлѣ Донсиана, и не хотѣлъ замедлять дѣйствія своей трагедіи бесполезной перемѣной сцены. Лонфананъ лежитъ на сѣверъ отъ рѣки Ди, на разстояніи пятидесяти миль въ прямой линіи отъ Донсиана. Между этими мѣстечками проходитъ хребетъ горъ **. Фактическимъ доказательствомъ того, что битва происходила въ Лонфананѣ, могутъ служить между-прочимъ различныя оружія и снаряды того времени, находимые въ этомъ мѣстѣ при обработкѣ земли ***. Когда побѣда была уже рѣшена, Макдуффъ отнесъ голову Макбета къ Малькольму въ Кинкардинъ—тогда увеселительное мѣстечко, а теперь довольно обширный городъ ****. Въ трагедіи же Шекспира

* Переводъ Кетчера.

** Историки самымъ краткимъ образомъ говорятъ объ этомъ сраженіи. Обстоятельнѣе другихъ говоритъ о немъ Johannes Fordun въ своей *Scottichronicon* (1752). Вотъ подлинный текстъ: «Malcolmus, cum sua militia celerins properans, non quievit donec, hinc inde junctis agminibus, fortem exercitum confecisset. Ex his autem multi, qui Machabedam prius sequuntur, ab eo statim deficientes, Malcolmo totis viribus adhæserunt. Quotidie deinceps summum minui robur, ejus quidem augeri cernens partibus subito relictis australibus, boreales petiit, ubi terrarum angustis amfractibus, et silvarum abditis, tutius sperabat se tueri. Insuperati tamen festino gressu Malcolmus ipsum ultra montes et usque Lunfanan insequitur, ac ibidem repente levi bello transeptum, cum paucis resistentibus interfecit, anno Domini millesimo quinquagesimo sexto, mense Decem bri die quinto.

*** Blackwood's Edinburgh Magazine, Marche 1848, Crimes and remarkable Trials in Scotland.

**** Ibid.

Макдуэчъ является съ головою Макбета на ногѣхъ передъ замкомъ въ Донсинагъ.

Вотъ всѣ отступленія отъ исторіи, сдѣланныя Шекспиромъ. Все онъ, какъ было показано, весьма значительны. Большая часть изъ нихъ была необходима для единства и быстроты дѣйствія. Напримеръ въ романсѣ жена о бичѣ (въ первомъ дѣйствіи) мы находимъ промѣстои трихъ воиновъ, бывшихъ въ царствованіе Дункана. Нельзя же было Шекспиру слѣдовать въ этотъ случай исторіи, иначе онъ долженъ былъ бы слишкомъ растянуть свою трагедію и наскучить, можетъ-быть, своихъ читателейъ и слушателей. Да и къ чему новоса бы подобная точность?

По поводу страннаго сближенія этой трагедіи съ германскими народными сказаніемъ, мы разобрали ее по частямъ и показали въ какой степени она заимствована изъ исторіи и какъ далеко отъ замысловатыхъ предположеній автора статьи, напечатанной въ „Sendungen der furländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst“. Результатъ нашихъ изслѣдованій тотъ, что каждый эпизодъ этой трагедіи основанъ на историческихъ данныхъ.

В. Г.

==

МЫСЛИ

ОВЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

=

СТАТІЯ ВТОРАЯ.

=

VI.

Къ тому времени, когда нарѣчія славянскія отличались одно отъ другаго очень немногими чертами, принадлежать первые памятники письменности славянской и первое начало образованія книжнаго языка. Вотъ почему съ такою легкостію распространялось у всѣхъ Славянъ христіанское ученіе, когда проповѣдывали его братья первоучители, Константинъ и Меодій, и ученики ихъ: они могли проповѣдывать на своемъ мѣстномъ нарѣчіи всюду, куда ни заходили, оставаясь всюду совершенно понятными. Вотъ почему и нарѣчіе это, разъ освященное Церковью, могло утвердиться какъ языкъ веры и науки всюду, гдѣ этому не помѣшали обстоятельства внѣшнія. Стоило примѣнить его къ требованіямъ того или другаго мѣстнаго нарѣчія въ отношеніи къ употребленію нѣкоторыхъ, очень немногихъ звуковъ и нѣкоторыхъ, очень немногихъ формъ и словъ, — и между нимъ и этимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ не оставалось никакой разницы. Всего легче было утвержденіе старославянскаго нарѣчія въ русской письменности, потому-что русскій языкъ къ старославянскому нарѣчію былъ гораздо ближе всѣхъ другихъ нарѣчій славянскихъ и по составу и по строю. Отъ этого, сколько ни мѣшались Digitized by Google

другимъ элементы старославянскій и чисто русскій въ произведеніяхъ письменности, языкъ этихъ произведеній сохранялъ свою правильную стройность всегда, когда вмѣстѣ съ элементомъ старославянскимъ не проникалъ въ него насильственно элементъ греческій — византійскіе обороты рѣчи, византійскій слогъ, и когда иритомъ писавшій имъ былъ не чужестранецъ, не умѣвшій выражаться правильно по-славянски. Всего менѣе можно было ожидать полной стройности языка отъ переводовъ съ греческаго и отъ сочиненій Грековъ; всего болѣе — отъ произведеній тѣхъ изъ Русскихъ, которые писали безъ старанія подражать языку переводовъ. Такъ какъ переводимо было болѣе, чѣмъ сочиняемо, и въ числѣ писавшихъ бывали нередко Греки, то некоторыя уклоненія отъ правилъ общеславянской стройности языка не могли не войти въ обычай и не утвердиться въ языкъ письменномъ. Эти уклоненія, сначала касавшіяся только слога, потомъ и некоторыхъ правилъ словосочетанія, положили первое начало отдѣленію языка письменнаго отъ языка народнаго. Столько же важно было въ этомъ отношеніи и введеніе въ языкъ письменный словъ чисто греческихъ и взятыхъ изъ книгъ греческихъ, или буквально переведенныхъ со словъ греческихъ, для выраженія тѣхъ понятій вѣры и науки, которыя не могли быть извѣстны народу. Впрочемъ до тѣхъ поръ, пока въ языкъ народномъ сохранялись еще древнія формы, языкъ книжный поддерживался съ нимъ въ равновѣсін, составляя съ нимъ одно цѣлое. Другъ другу они служили взаимнымъ дополненіемъ. Народная чистота одного и ученое богатство другаго были въ противоположности, но не болѣе какъ языкъ людей простыхъ и людей образованныхъ. Дѣйствительное отдѣленіе языка книгъ отъ языка народа началось уже съ того времени, когда въ говорѣ народа болѣе и болѣе стали вѣтнать древнія формы, когда языкъ народа сталъ рѣшительно превращаться въ строгъ своемъ. Языкъ въ народѣ измѣнялся и все на всемъ своемъ пространствѣ и по разнымъ мѣстностямъ, различаясь на говоры и нарѣчія; а въ книгахъ вольно и неволью удерживался языкъ древній, неизмѣнный языкъ вѣры и Церкви. Писавшіе по книжному хотя и позволяли себѣ вводить въ него слова изъ языка народнаго, однако характеръ его строя, кромѣ употребленія звуковъ, оставляли почти совершенно неизрѣкосновеннымъ, нарушая его только нечаянно, случайно, по безсознательной забывчивости. Его

чистоту беряло болѣе духовенство, потому-что имѣло болѣе нуж-
ды знать его какъ языкъ вѣры; его чистоту нарушали болѣе люди
свѣтскіе, менѣе къ нему привыканіе, но и они нарушали ее не по
волѣ, читали его какъ языкъ вѣры, какъ языкъ высшей образованно-
сти, отъявляли имъ свой живой народный языкъ не только на псалмъ,
но и въ изустномъ разговорѣ, и вмѣстѣ боялись отъянками народ-
наго языка портить языкъ книги — тѣмъ болѣе, чѣмъ важнѣе было
предметъ, о которомъ писали, чѣмъ нужнѣе казалось поддержать
важность рѣчи. Прочное начало образованію книжнаго языка рус-
скаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено
было въ XIII — XIV вѣкѣ, тогда же какъ народный русскій языкъ
подвергся рѣзкому превращенію древняго своего строя. До XIII
вѣка языкъ собственно книжный — языкъ произведеній духовныхъ,
языкъ летописей и языкъ администраціи былъ одинъ и тотъ же, до-
того что и слово Луки Жидаты, и поученія Иларіона, и Русскую
Правду, и Духовную Монаха, и Слово Данила Заточника, и Слово
о волку Игоревомъ, и Грамоту Мстислава Смоленскаго нѣкоторые
возводили себѣ считать написанными одинаково на нарѣчьи не рус-
скомъ, а старославянскомъ. Если бы языкъ народный въ то время,
когда были писаны все эти вещи, отличался отъ книжнаго, то онъ
не могъ бы не показать себя хоть кое-гдѣ своими особенностями —
во-крайней-мѣрѣ на столько, на сколько народные языки западной
Европы въ то же время показывали свои особенности въ книжномъ
латинскомъ. Въ XIII—XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и летописей,
въ которомъ господствовалъ элементъ народный, уже примѣтно
отдался отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV — XVI
вѣка отлечія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ
ни какого труда ихъ отдѣлить. Эти отлечія увеличивались сколько отъ
удержанія въ книгахъ древняго строя языка, столько и отъ изме-
неній, которымъ подвергался книжный языкъ независимо отъ народ-
наго. Не неподвижнымъ оставался языкъ книжный. Съ одной сто-
роны, съ расширеніемъ круга литературной дѣятельности, трудно
было писателю ограничиваться въ кругу понятій ученыхъ, для кото-
рыхъ прежде придуманы были приличные выраженія: по образцу не
народному, а старославянскому, хотя и съ примѣсью къ языку
русскому, постепенно составлялись новыя слова производныя и слож-
ныя, — и число этихъ словъ увеличало съ теченіемъ времени соотвѣ-

книжного языка на третью долю, если не больше. Съ другой стороны, въ-слѣдствіе связей съ иностранцами, занимаемы были все больше слова и обороты изъ чужихъ языковъ, особенно изъ латинскаго — одни съ примѣненіемъ къ характеру русскаго языка, другіе цѣлкомъ. Въ-слѣдствіе всего этого языкъ книжный окончательно отдѣлился отъ народнаго. Время отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго составляетъ первый періодъ его развитія.

Прежде окончанія этого перваго періода, начался второй періодъ его развитія — періодъ его возвратнаго сближенія съ языкомъ народнымъ. Чѣмъ больше превращался языкъ живой народный, чѣмъ больше исчезали въ немъ изъ обычая и сознанія древнія формы, тѣмъ больше подъ его вліяніемъ терялъ свою древнюю систему языкъ книжный. Въ XVI вѣкѣ языкъ древній въ отношеніи къ народному былъ уже на такой степени противоположности, что только очень образованные писатели умѣли владѣть имъ не смѣшивая съ языкомъ народнымъ. Чѣмъ больше умножалось образованіе и письменность, чѣмъ больше яснила мысль обобщенія литературы, тѣмъ больше элементовъ языка народнаго, часто противъ воли книжниковъ, заходило въ языкъ книжный, — и тѣмъ легче были эти заимствованія, чѣмъ менѣе отзывались простонародностью. Изъ народнаго языка вошло въ книги постепенно очень много словъ для выраженія тѣхъ понятій народныхъ, которыя трудно было передать словами языка церковнаго. Изъ народнаго языка въ книжный заходили тоже и многіе обороты, тѣмъ съ большей легкостью, чѣмъ менѣе твердо было у писателя знаніе языка церковнаго. Тогда вмѣсто одного языка книжнаго явилось два: одинъ — древній, оставался ненарушимымъ въ своемъ строѣ, только нѣсколько отгвнялся отъ первоначальнаго своего вида вліяніемъ народнаго; другой — новый былъ смѣсью старославянскаго съ живымъ народнымъ. А такъ какъ народный языкъ уже дѣлился на нарѣчія, то и этотъ новый книжный языкъ не могъ быть вездѣ одинъ и тотъ же, и тѣмъ больше удалялся отъ старославянскаго, чѣмъ больше рѣзки становились черты мѣстныхъ отличій народнаго говора. Временное отдѣленіе Руси западной отъ восточной не могло между-прочимъ не наложить печати на мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ новаго книжнаго языка: въ XVI — XVII вѣкѣ его западное видоизмѣненіе, довольно ярко отдѣлилось отъ видоизмѣненія восточнаго. Потомъ, когда обѣ части Руси опять соеди-

наивъ въ одно цѣлое, когда почти вся масса русскаго народа политически сосредоточилась въ Москвѣ, хотя и стали всѣ мѣстныя видоизмѣненія новаго книжнаго языка сближаться подъ однимъ вліяніемъ народнаго нарѣчія великорусскаго; но это сближеніе могло происходить только медленно, и столько же медленно пріобрѣтало свои права на ународованіе книжнаго языка господствующее нарѣчіе великорусское. Множество словъ и оборотовъ, хотя и образованныхъ Русскими, но по формамъ давно устарѣлымъ или по образцамъ чужимъ — греческимъ, латинскимъ, ино-славянскимъ, успѣли укорениться такъ сильно въ книгахъ, что потомъ легче было прервать равносильными имъ словами и оборотами живонародными, чѣмъ имъ замѣнить вновь то, что было хотя и чуждо народу, но освящено давностію. Легче было допоялять языкъ книжный заимствованіями изъ языка народнаго, чѣмъ отвергать изъ книжнаго то, что уже считалось его принадлежностію. Побѣды народности шли и идутъ медленно: каждая отвергнутая форма, каждое отвергнутое слово стоило и стоитъ борьбы, иногда и долговременной и всегда болѣе или менѣе упорной. И между-тѣмъ какъ все отвергнутое не трудно пересчитать, неотвергнутыми остаются цѣлыя громады. Было время, когда вопросъ о словахъ *понеже*, *поелику*, *поколику* и имъ подобныхъ дѣлалъ нишущихъ на двѣ противоположныя стороны, не шутя спорившія между собою, быть ли этимъ словамъ или не быть, — и тогда же лучшіе писатели, отвергавшіе эти слова, въ число законныхъ «вольностей поэтическихъ» позволяли себѣ включать употребленіе родительнаго падежа женскаго рода въ единственномъ числѣ на *ыя*, *ія*, *ея* (напримѣръ: кичлив*ыя* жены супругъ), и другія столько же устарѣлыя формы. Недавно такой же вопросъ возбудили слова *сей* и *оный*: а между-тѣмъ тѣ, для которыхъ они сдѣлались совершенно невозможными, ни сколько не задумываясь, употребляли слова, въ которыхъ, протівно требованію языка народнаго, обычай книжный допустилъ *щ* и *жд* вмѣсто *ч* и *ж* или *ре* и *ле* вмѣсто *ере* и *еле*, *оло* (напримѣръ: рождество вмѣсто рожество, предъ вмѣсто передъ), и тому подобныя. Въ такомъ родѣ были болѣею частію побѣды народности надъ языкомъ книжнымъ. Нельзя притомъ не замѣтить, что побѣды эти состояли болѣе въ отверженіи изъ языка книжнаго тѣхъ формъ и словъ, которыхъ не знаетъ народъ, чѣмъ во введеніи тѣхъ формъ и словъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись языкъ

народный, и, которыхъ не достаетъ въ языкъ книжномъ. Такъ между прочимъ до-сихъ-поръ еще остаются въ изгнаніи слова: *ишный*, *неникъ*, хотъ ихъ и не чѣмъ замѣнить; такъ неправою сличаеся сочетаніе двѣнадцати съ глаголомъ существительнымъ, столько употребительное въ северномъ нарѣчій великорусскомъ. Победы народного языка надъ ненародною частію книжнаго были и есть, тѣмъ тѣже, что и въ нашаму мнѣяетъ видѣніе: языковъ, западной Европы: вѣсть съ образовательною, западно-европейскою, переходили въ языкъ нашихъ вышнихъ классовъ и книгъ слова и обороты чужіе, нужные и не нужные, и затрудняли его; сближеніе съ языкомъ народнымъ. Эта отдаляющая языка книжнаго отъ народного при развитіи нарѣчій и распространеніи письменности и любви къ зачатіямъ литературнымъ пробудила охоту къ попыткамъ употреблять въ книгахъ языкъ чисто народный. Явилось и продолжаютъ являться въ разныхъ краяхъ Россіи писатели, которые стараются выражаться совершенно такъ, какъ говорить простой народъ; но ихъ усилія на книжный языкъ производятъ до-сихъ-поръ вліянія не столько, какъ бы можно было ожидать, по-крайней-мѣрѣ потому, что ихъ самихъ было мало. Въ-сладствіе ихъ вліянія вошло въ книжный языкъ нѣсколько словъ, болѣею частію техническихъ, и нѣсколько поговорочныхъ выраженій, — но болѣе. Сила старыхъ книжныхъ привычекъ до-сихъ-поръ такъ сильна, что даже писатели, старавшіеся употреблять чисто народный языкъ, не могли и не могутъ оставаться въ кругу, имъ для себя назначенномъ, и чуть только перестаютъ говорить по-мушкетеру, какъ печально, противъ воли, мѣняются въ свой языкъ разныя мелочи изъ языка книжнаго. Такимъ-образомъ новый періодъ исторіи книжнаго русскаго языка, представляя рядъ побѣдъ народности живой надъ тѣмъ, что уже отжило, далеко еще не окончилъ своего цикла. Цѣль впереди, — и видна, и далека.

И точно ли то цѣль, что ею кажется? То, что ею кажется, не косвенное ли только ея отраженіе?... По-крайней-мѣрѣ, сомнѣваться можно въ томъ, что весь ходъ побѣдъ народного языка надъ письменнымъ долженъ состоять только въ отверженіи словъ и грамматическихкихъ формъ, отвергнутыхъ народомъ, или ему неизвѣстныхъ. Указаніе однихъ только составяній о словахъ и формахъ не могутъ наполнить всю исторію письменнаго языка въ его соотношеніи съ народнымъ. Она не можетъ довольствоваться тѣлыми кругами

грамматикѣ, законногратіи; она должна обращать вниманіе на народную, языкѣ, предельнаго подзависимостію слога народнаго: на постепенное усиленіе требованій народнаго вкуса, народной риторикѣ и стилистикѣ, требованій несравненно болѣе законныхъ и положительныхъ, чѣмъ въ требованіяхъ риторикѣ и стилистикѣ, въ книжномъ и литературномъ. Глядя вглубь, увидѣть русскаго языка народнаго, видѣть всенародныхъ и громаднѣе важнѣе, замѣчательнѣе и даже утонченнѣе. Уже въ веріодъ древности народность бералась со вкусомъ и вѣдѣтійонимъ и все болѣе уадило. Въ XVI — XVII вѣкѣ; бореніе съ латинскимъ вкусомъ было еще удачно. Въ XVIII вѣкѣ началось вліяніе германское; а позже, въ второй половинѣ вѣка, французское. То и другое было сильно, но было уже въ то время, когда образованность приняла на себя людей изъ всѣхъ слоевъ народа, и следовательно не могла не становиться все болѣе народною, своеобразно русскою. То и другое вліяніе новаго запада довершило: упадокъ вкуса, среднихъ вѣсѣвъ, освободило вкусъ отъ ига несовременности и этимъ возбудило силы его противъ себя, само стало упадать все болѣе... Цѣль побѣды вкуса народнаго, полное образованіе своеобразнаго русскаго слога въ книжномъ языкѣ еще впереди; цѣль эта далека; но видна, — и видна сама цѣль, а не призракъ. Глядя съ этой точки зрѣнія на исторію языка, нельзя не видѣть ея близкой связи съ исторіей литературы.

VII.

Съ судьбами языка всегда остаются въ близкой связи и судьбы литературы. Словесность народная, вездѣ и всегда составляющая принадлежность необходимую жизни народной у самыхъ необразованныхъ народовъ, хранимая памятью народа безъ пособія письменъ, принадлежащая къ преданіямъ народа какъ часть одной нераздельной единицы, неразрывно связана съ языкомъ и народностью народа, и совершенно зависитъ въ судьбахъ своихъ отъ тѣхъ условій, которымъ подлежатъ и судьбы языка народа, и всѣ главныя черты его народности. Ея исторія, будучи разсматриваема отдѣльно отъ исторіи языка народа, всегда оставаться будетъ наборомъ отрывочныхъ замѣчаній, которымъ можно дать только внѣшній порядокъ

повременный, но не общій смыслъ. Словесность письменная, книжная, литература — какъ ее обыкновенно называютъ, принадлежитъ не всему народу, а только части его, въ своихъ направленіяхъ и измѣненіяхъ можетъ подлежать многимъ условіямъ постороннимъ, внешнимъ, независимымъ отъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ находится масса народа; но и она въ своемъ содержаніи и развитіи представлена быть не можетъ безъ языка, который избрала своимъ орудіемъ, и, если этотъ языкъ происходитъ отъ народнаго, можетъ быть разсматриваема исторически только вмѣстѣ съ исторіей языка. Старая по языку своему, она стареетъ и не духу, и какъ бы ни были превосходны нѣкоторыя изъ ея созданій, на нихъ всегда остается отпечатокъ времени.

Тѣ же періоды, которые резко отдѣляются въ исторіи русскаго языка, нельзя не отдѣлить и въ исторіи литературы русской. Періоду образованія народнаго языка русскаго въ его древнемъ, первоначальномъ видѣ соответствуетъ періодъ первоначальнаго образованія народной словесности; періоду отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго соответствуетъ періодъ отдѣленія книжной литературы отъ народной словесности; а періоду возвратнаго сближенія книжнаго языка съ народнымъ — періодъ сближенія книжной литературы съ народной словесностью.

Для исторіи древней народной словесности русской прямыхъ, непосредственныхъ матеріаловъ меньше, чѣмъ для исторіи народнаго русскаго языка; тѣмъ не меньше есть средства и пособія дать отвѣты по-крайней-мѣрѣ на главные изъ ея вопросовъ. Одно изученіе тѣхъ памятниковъ народной словесности, которые записаны въ прежнее время или сохраняются досель въ памяти народной, изученіе внимательное ихъ характера, содержанія и формъ, подкрепленное знаніемъ древностей русскихъ, представляетъ возможность уразумѣть главные черты древней народной словесности русской. Доказательства и объясненія выводовъ, сдѣланныхъ въ слѣдствіе этого изученія, находятся съ одной стороны въ памятникахъ древней и старой книжной литературы нашей, съ другой — въ памятникахъ книжной литературы и народной словесности нашихъ западныхъ соплеменниковъ. Особенно важно сближеніе фактовъ, представляемыхъ памятниками народной словесности разныхъ славянскихъ народовъ: факты эти, нисколько не противорѣча другъ другу,

довольняются одни другими взаимно, давая возможность изучать историю русской народной словесности съ общей славянской точки зрѣнія. Разсматривая эти факты въ отношеніи къ языку, ихъ можно раздѣлить вообще на два отдѣла: одни касаются гармоніи языка, другіе — слога.

— Требования гармоніи языка всего болѣе отразились въ сочетаніи слоговъ долгихъ и короткихъ, съ удареніями и безъ удареній, въ мѣрности рѣчи. Образованіе мѣрной рѣчи должно отнести къ тому же отдаленному времени, когда языкъ у всѣхъ Славянъ, еще не переходя въ періодъ превращеній, продолжалъ развитіе своихъ первоначальныхъ древнихъ формъ. Это можно заключать отчасти по древнимъ чешскимъ памятникамъ IX — XIII вѣка, отчасти по сравненію разныхъ славянскихъ пѣсенъ позднѣйшаго времени. Въ тѣхъ и другіхъ главная идея о размѣрѣ стиха повторяется одна и та же. Древнѣйшій и у всѣхъ Славянъ одинаково распространенный эпическій стихъ заключаетъ въ себя десять слоговъ съ двумя удареніями, такъ что или къ каждому слогу, обозначенному удареніемъ, относится одинаково по четыре слога безъ удареній (напримѣръ: ужъ какъ палъ туманъ — на синѣ морѣ), или же къ одному изъ слоговъ съ удареніемъ относится три, а къ другому пять слоговъ безъ ударенія (напримѣръ. *Aj Wl'tawo — se mutisi wodu*, — Два се звука — у брѣлогу колѣу). Древнѣйшій и также у всѣхъ Славянъ распространенный лирическій стихъ заключаетъ въ себя шесть или восемь слоговъ, тоже съ двумя удареніями, такъ что къ каждому принадлежитъ по два или по три слога безъ удареній. Позже появились стихи съ тремя удареніями въ двѣнадцать и болѣе слоговъ и съ однимъ удареніемъ на четыре и пять слоговъ. Каждая стопа, то есть каждая часть стиха, отмѣченная отдѣльнымъ удареніемъ и заключающая въ себя определенное количество слоговъ, должна была быть и по содержанію отдѣльною частію мысли или фразы; съ окончаніемъ стопы должно было оканчиваться и слово. Мѣсто для слога съ удареніемъ сначала едва ли было определенное: удареніе не могло быть только на первомъ и на последнемъ слогѣ стопы. Впрочемъ, къ древнимъ чертамъ развитія славянскаго стиха должно отнести стараніе помѣстить удареніе какъ можно ближе къ серединѣ стопы: такъ въ русскомъ эпическомъ стихѣ слогъ съ удареніемъ издавна ставится въ серединѣ между двумя парами слоговъ безъ удареній. На томъ же условіи

соединенія; по которому въ одномъ и томъ же стихѣ могла быть одна стопа о четырехъ, а другая о шести слогахъ, образовалось такъ же издревле сочетаніе пары стиховъ, изъ которыхъ въ одномъ семь, а въ другомъ шесть, или же въ одномъ семь или шесть слоговъ, а въ другомъ пять или четыре. Вместе съ парованьемъ стиховъ началось начало куметамъ: два равные стиха, составляли сами по себѣ куметь; такъ что къ каждому стиху, отнеслась половина музыкальнаго наглаго пѣнья; два неравные стиха, сочетавались съ такою же другою парою неравныхъ стиховъ, и въ такомъ случаѣ на половину пѣнья приходилось по два стиха. Дальнейшее развитіе формъ куметовъ принадлежитъ къ позднѣйшему времени. Изъ этого надобно исключить только употребленіе призывовъ, которые издревле были въ обычаѣ не только при окончаніи куплета, но и каждаго стиха и даже каждой строки. Нѣкоторые изъ этихъ призывовъ сочетались послѣдними своими звуками, съ послѣдними звуками той части стиха, за которою повторялись: это положило начало употребленію рифмъ. Нельзя сказать, что рифма есть изобретеніе новое: въ древнѣйшихъ словесахъ славянскихъ, сохранившихся у многихъ Славянъ въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ, видимъ рифмы; въ сказочныхъ предсказкахъ, неизмѣняемыхъ по воли разсказчика, всюду повторяемыхъ дословно, тоже встрѣчаются рифмы. Тѣмъ не менѣе рифмованіе стиховъ въ пѣсняхъ есть явленіе позднее: многіе Славяне до сихъ поръ или совсѣмъ не знаютъ обычая украшать стихи своихъ пѣсень рифмами, или употребляютъ рифмы очень рѣдко. У Великоруссовъ и у восточныхъ югозападныхъ Славянъ употребленіе рифмъ очень мало; у Малоруссовъ и у Славянъ сѣверозападныхъ, за исключеніемъ Сербовъ, Лужичанъ, рифмы очень употребительны, но и у нихъ не вездѣ: такъ между прочимъ, большая часть пѣсень обрядныхъ у восточныхъ народовъ славянскихъ, остается безъ рифмъ. — До какой степени въ древнее время имѣло участіе въ размѣрѣ употребленіе гласныхъ долгихъ, определить трудно; но сомнѣваться нельзя, что оно было издавна и въ послѣдствіи времени, развилось очень сильно — и въ стихахъ, и еще болѣе въ марной прозѣ. Это заключать можно по тому, что даже въ прежнихъ памятникахъ (например въ нѣкоторыхъ поэмахъ Чешской, Кракедорской рукописи), вместе со стихами правильно десятисложными попадаются довольно часто с. ии: менѣе и болѣе чѣмъ въ десять слоговъ: стихи, морза-

чѣмъ въ десять слоговъ, перемѣненные съ десятиложными, по-
казываютъ, что въ нѣкѣ слогѣ долгие получали значеніе двухъ или
трехъ короткихъ; а стихи болѣе чѣмъ въ десять слоговъ вѣдѣе съ
десятисловными, могли бытъ допускаемы только въ такомъ случаѣ,
когда нѣсколько слоговъ короткихъ можно было считать какъ бы
за одинъ слогъ. Мирная проза старинныхъ сказокъ у востокъ сла-
вянскихъ народовъ представляеть столько же осязательное доказа-
тельство тому, что въ разнрѣ у Славянъ издавна принято было
въ ррэднсти различіе слоговъ долгихъ и короткихъ; на основаніи воз-
можности уравнѣвать по нѣскольку слоговъ короткихъ съ однимъ
долгимъ, образовывались мирныя фразы скажетнаго разказа, равныя
одна другой по разнрѣ, хоть и очень различныя по количеству сло-
говъ. Различіе короткости и долготы слоговъ развило въ мало-по-
малу въ языкѣ такъ же какъ и въ музыкѣ, гдѣ одинъ и тотъ же
отдѣльный звукъ можетъ имѣть значеніе и цѣлаго такта, и четверти-
его, и шестнадцатой доли, и менше. Такую мирную прозу, въ до-
бавокъ еще и рнмованную и правильно подчиненную музыкальному
названію, видимъ въ малорусскихъ «думакъ», въ сербскихъ «нари-
цањяхъ» надъ умеренными, въ нѣкоторыхъ хорутанскихъ «пѣваньяхъ»
и прочая. — Свобода не соблюдать въ стихахъ пѣсню опредѣленнаго
количества слоговъ на опредѣленное количество удареній вмѣстѣ со
свободой не соблюдать мирной рѣчи въ пересказѣ сказокъ, увеличи-
валась все болѣе, увеличивалась одновременно съ отдаленіемъ языка
отъ своего первообразнаго древняго вида, — и языкъ народной сло-
весности, удаляясь отъ древнихъ условій гармоніи, все болѣе сбли-
жался съ языкомъ прстаго, обыденнаго разговора. Въ слвдствіе
этого сдѣлались возможными такіа народныя пѣсни, которыя отли-
чаются отъ обыкновенной разговорной рѣчи только музыкальнымъ
названіемъ, и въ которыхъ выраженія по своей формѣ такъ мало за-
висятъ даже отъ названія, что одну и ту же пѣсню можно прилажи-
вать къ названію и такъ и иначе, и вставляя слова и выпуская, и
мѣня нѣкъ порядокъ. У Хорутанъ между прочимъ нѣкоторыя «пѣ-
ванья» поются такъ произвольно, что самыя названья отъ этого теря-
ють свою мѣрность: одинъ тактъ поется скорѣе, другой медленнѣе,
нѣкѣ такты опускаются, другіе прибавляются. Тоже самое видимъ и
въ пѣсняхъ нашихъ русскихъ славнцовъ: въ нѣкоторыхъ остаются
одна замѣтные остатки прежней стройности названія; въ другія на

память о ней осталось только то, что онъ не просто говорится, а напѣваются, между-тѣмъ какъ въ этомъ напѣваньи нѣтъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ мелодіи.

— Подобное превращеніе замѣчаемъ и въ слогъ произведеній народной словесности. Разсматривая ихъ, въ отношеніи къ слогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ содержанію, въ томъ видѣ, какъ они представляются теперь у разныхъ славянскихъ народовъ, замѣчаемъ, что ихъ вообще два рода: одни отличаются эпической важностью изложенія, художественнымъ достоинствомъ образовъ и выраженій, другіи напротивъ того — шутивостью, нередко переходящею всѣ границы приличій, какъ ихъ понимаетъ самъ народъ, или даже безобразностью оборотовъ и выраженій. Тѣ первые остаются собственностью всего народа, обоихъ половъ, и повторяются или слушаются стариками всегда одинаково, съ такою же любовью, какъ и молодежью; эти вторые слышны болѣе тамъ, гдѣ народъ позволяетъ себѣ не соблюдать привычныхъ условій приличій. У некоторыхъ Славянъ болѣе первыхъ и менѣе послѣднихъ, у другихъ напротивъ; но не всегда такъ было. Чѣмъ гдѣ болѣе первыхъ, тѣмъ болѣе процвѣтаетъ тамъ народная словесность, все болѣе обогащаясь памятниками, достойными вниманія образованныхъ людей, и съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе удержались вообще нравы и обычаи старой народности; а гдѣ ихъ менѣе, тамъ народъ менѣе любитъ свою народную словесность, бѣднѣе въ ней памятниками, не лишенными художественнаго смысла, и сохранилъ менѣе чертъ своей племенной общеславянской народности. Изъ этого одного можно заключать, что прежде, когда всюду у Славянъ народные нравы и обычаи не были подвержены вліянію чуженародности, всюду у Славянъ господствовало эпическое достоинство въ произведеніяхъ народной словесности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народная словесность была богаче, необходимѣе для народа. То же самое доказывается и уцѣлѣвшими древними памятниками народной словесности славянской, и историческими напомниманіями о нихъ. Такъ изъ лѣтописей чешскихъ и изъ памятниковъ чешской письменности IX — XIII вѣка знаемъ, что Чехи были въ то время богаты народными эпосами, въ которыхъ эпическое достоинство содержанія и изложенія своею художественностью во всякое время могло бы удовлетворить самому прихотливому требованію образованнаго художника; теперь же Чехи въ отношеніи къ народной

словесности буднве всѣхъ другихъ Славянъ: Чехъ мало и поеть, мало и рассказываетъ; мало припоминаеть и пословиць, и тѣмъ, что поеть и припоминаеть въ рассказъ, рѣдко можетъ порадовать художественный смыслъ и своей и другаго Славянина. А между-тѣмъ сѣверный сосѣдь Чеха, Сербъ-Лужичанинъ, сохранившій болѣе народности, хотя и болѣе Чеха образованный, все еще любитъ свои поэтическіе напѣвы и рассказы, не можетъ жить безъ нихъ, и не смотря на то, что многое уже утратилъ изъ памятниковъ своей народной словесности, все еще богатъ ими, и дорожитъ въ нихъ эпическимъ достоинствомъ. Хорутанскій Словенець и карпатскій Словакъ также дорожатъ остатками своихъ старинныхъ эпоей; по этимъ остаткамъ можно судить, что ихъ эпоевъ были столько же прекрасны, какъ и древніа чешскія. У Поляка уже нѣтъ ихъ и въ остаткахъ: но изъ летописцевъ знаемъ, что онъ были, и что въ нихъ сохраняла память народа были отдаленной древности. Сербы богаты эпоеями еще и теперь, изумляя множествомъ ихъ и художественностью содержанія и слога всякаго, кто сколько-нибудь привыкъ понимать значеніе народной словесности. Эпическая народная словесность русская достойна не меньшаго вниманія: теперь она не такъ строго подчинена условіямъ мѣры стихотворной, богаче произведеніями сложенными мѣрной прозой, чѣмъ правильными стихами; но древній характеръ слога въ ней все еще виденъ, а содержаніемъ своимъ она обнимаетъ почти весь періодъ исторіи народа. Какъ у русскихъ такъ и у другихъ Славянъ, сохранившихъ менше или болѣе любовь къ народной эпоеѣ, сохраняется въ той же мѣрѣ достоинство эпического слога и въ другихъ пѣсняхъ. Напротивъ того, чѣмъ гдѣ менше любви къ эпоеѣ, тѣмъ менше тамъ въ народной словесности и того достоинства изложенія, той отчетливости въ выборѣ словъ и выраженій, которою дорожитъ народъ, любящій свою словесность, какъ одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ своей нравственной жизни. Удаленіе языка народной словесности отъ условій, сохраняющихъ въ немъ его эпическое достоинство, приближеніе къ обыкновенному простому разговору — такъ же важно, какъ и удаленіе языка ея отъ условій гармоніи, отъ правильности размѣра. Нельзя при этомъ не замѣтить факта, повторяющагося въ исторіи всѣхъ народовъ: народы, у которыхъ языки еще не пережили періода превращенія своихъ древнихъ формъ, сохраняютъ вмѣстѣ съ древними

формамъ языка своего и мѣрность его, и важность изложения даже въ простомъ разговорѣ. Въ послѣдствіи, съ утратами древнихъ особенностей языка, тратятся постепенно и условія мѣрности, и тотъ важный слогъ, который, несмотря на различіе вліяній климата, народнаго темперамента и другихъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ на развитіе народа, все-таки видимъ въ древнихъ памятникахъ словесности народной. Такъ и въ древней русской словесности народной должно было господствовать этическое достоинство слога, гармонизовавшее съ правильностію размѣра: Оно выражалось, какъ и въ древней словесности другихъ славянскихъ народовъ, картинностію и отчетливою полнотою отдѣльныхъ выраженій и плавностію общаго слога рѣчи. Свобода оцѣнокъ сужденій, связывающихъ предложенія въ періоды, и свобода употребленія предложеній окрашенныхъ допускалась такъ же, какъ и передача словъ разныхъ лицъ, несомнѣемая необходимостію обозначать, кто именно говоритъ то, что говорится; но и то и другое далеко не въ той мѣрѣ, какъ стало послѣ. Сладъ рѣчи не представлялъ тѣхъ долгихъ періодовъ, которые потомъ вошли въ обычай въ языкъ книгъ; но не было въ обычаяхъ вести рѣчь тѣми отрывочными предложеніями, которыхъ употребленіе сдѣлалось такъ обще тогда, когда плавность этического слога подчинилась вліянію слога разговорнаго. До насъ не дошло — сколько до-сихъ поръ известно — произведеній древней народной словесности нашей въ неизмѣненномъ видѣ; но и изъ тѣхъ сокращеній ихъ, которыя сохранились въ летописяхъ и новостяхъ, и изъ тѣхъ передѣлокъ ихъ, которыя сохранила память народная и старинные книжники, можемъ судить, что въ русскомъ народѣ было умѣнье выбирать достойные предметы и содержаніе для народныхъ эпиче-скихъ произведеній, и что въ нихъ было гдѣ развиваться искусству слога. Что это древнее основаніе было прочно, это доказываютъ и созданія народной словесности послѣдующаго времени — XVI и XVII вѣка, — великорусскія «быльницы» о временахъ Юанна Грознаго и самозванцевъ и малорусскія «думы» о событіяхъ уніятской войны. Меньше художественности изложенія и слога видимъ въ созданіяхъ новыхъ, такъ же какъ меньше и правильности размѣра.

Несомнѣннымъ считать можно, что въ то время, когда началось на Руси письменность христіанская и книжная литература, народная словесность русская была столько же богата содержаніемъ и ли-

нейной силой, сколько и языкъ — древними формами и силой выражать народныя думы и были словомъ мѣрнымъ и изящнымъ. И какъ не имѣла нужды письменность чуждаться формъ народнаго языка, такъ не имѣла она нужды чуждаться и формъ народнаго слога: слогъ и языкъ были одинаково сообразны съ требованіями ея приличій. Не только въ подлинныхъ произведеніяхъ русскихъ книжниковъ, но и въ переводахъ, чѣмъ они древнѣе, тѣмъ болѣе видимъ народности въ выраженіи мыслей и образовъ. Меньше всего была возможна народность слога въ переводахъ произведеній духовной литературы; но и въ нихъ встрѣчаются иногда покушенія сохранить ее. Болѣе народности слога видимъ въ поученіяхъ нашихъ древнихъ учителей — тамъ, гдѣ они не передавали дословно чужихъ мыслей и выраженій. Еще болѣе въ такихъ произведеніяхъ какъ Духовная Владимирѣ Мономаха, Слово Данила Заточника, Хожденіе Данила Паломника и тому подобное: всего болѣе въ лѣтописяхъ и повѣстяхъ. Въ лѣтописяхъ она тѣмъ болѣе сильна, чѣмъ подробнѣе пересказаны событія, чѣмъ болѣе могъ лѣтописецъ увлекаться своимъ рассказомъ. Тою же народностью проникнуть слогъ и Слова о полку Игоревомъ, хотя на него и налегла въ некоторыхъ мѣстахъ рука книжника позднѣйшаго времени, какъ налегала она не разъ и на рассказы лѣтописные. Въ Повѣсти о побѣдѣ Мамаевомъ видимъ уже бореніе народнаго слога съ искусственнымъ книжнымъ; въ повѣсти объ осадѣ Пскова — полную побѣду послѣдняго. Стараніе книжниковъ удержать въ книгѣ древній языкъ, повѣдшее за собою удаленіе книжнаго языка отъ народнаго, повело за собою и удаленіе отъ народнаго слога. А такъ какъ творенія отцевъ Церкви и греческихъ богослововъ и ученыхъ не могли не цѣниться болѣе произведеній домашнихъ, такъ какъ образцовъ и языка и слога въ то время, когда языкъ книгъ отсталъ уже отъ народнаго, не могли не искать въ переводахъ этихъ твореній, такъ же слабо отразившихъ на себя древнюю народность слога какъ усильно передававшихъ слогъ подлинниковъ; то въ книжной литературѣ русской не могъ не укореняться все болѣе слогъ не-русскій. Этимъ преобладаемъ требованій литературы греческой въ книжной литературѣ среднихъ вѣковъ, все болѣе утверждавшимся, объясняется и то отсутствіе въ ней стихотворнаго отдѣла, которымъ она такъ отличается отъ литературъ западныхъ того времени. Съ одной стороны, въ Византіи не цѣлю стихотворство, стихотворцевъ-художниковъ не было:

не было ихъ между книжниками и тамъ, гдѣ господствовало вліяніе византійской литературы. Какъ не было литераторовъ-стихотворцевъ на Руси, такъ не было ихъ и у Сербовъ православныхъ, и у Болгаръ, между-тѣмъ какъ у Сербовъ въ приморьи адриатическомъ развило стихотворство уже въ XV вѣкѣ. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что и у Сербовъ и Болгаръ, и у насъ не было прежде любви къ стихамъ въ народѣ: пѣсни пѣлись болѣе чѣмъ послѣ, въ нихъ повторялись и дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой, и событія современные; но книжной литературѣ, организованной въ своемъ составѣ по мѣркѣ византійской, до нихъ не было дѣла. Съ другой стороны, — между-тѣмъ какъ размѣръ русскаго народнаго стиха не могъ въ ней казаться приличнымъ, не могъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе отдѣлялся языкъ и слогъ этого стиха отъ языка и слога книжной прозы, — не могли утвердиться въ ней и размѣры стиха, допущенные шиткой византійской: они были слишкомъ не народны, слишкомъ дикі для смысла русскаго челоуѣка. Какъ не могла русская литература допустить изъ народной словесности ничего, что явно противорѣчило требованіямъ литературы византійской, такъ не могла она допустить и изъ византійской того, что явно противорѣчило народному вкусу. Были, правда, попытки подражать и греческимъ стихамъ, но попытки слабыя, увлекінія очень немногихъ. До XVI — XVII вѣка литература русская оставалась безъ стихотворнаго отдѣла. Только съ ослабленіемъ византійскаго вліянія на нашу литературу, могло прекратиться въ ней отреченіе отъ стихотворнаго ладу; только въ слѣдствіе сближенія русской литературы съ западной европейской, гдѣ господствовали размѣры стиховъ болѣе сходные съ нашимъ народнымъ, и гдѣ болѣе было развито искусство пользоваться ими для произведеній поэзіи, могло возродиться стихотворное направленіе въ нашей литературѣ.

Не питаемая народной почвой, литература русская, вмѣстѣ съ языкомъ своимъ, отчуждилась отъ народа; удаленная отъ современности въ отношеніи къ развитію понятій о требованіяхъ вкуса, оставаясь неизмѣнно при однихъ и тѣхъ же образцахъ, и вмѣстѣ съ твореніями, которыя навсегда сохраняютъ свое художественное достоинство, считая за образцы такія произведенія, въ которыхъ изложеніе и образъ выраженія только въ силу давней привычки могли казаться достойными подражанія, она остановилась въ своемъ развитіи. Такъ

долженъ былъ окончиться для нея первый періодъ, вмѣстѣ съ первымъ періодомъ исторіи книжнаго языка...

И какъ для языка, такъ и для литературы, прежде окончанія этого періода, начался новый — періодъ ея возвратнаго сближенія съ народнымъ вкусомъ, съ условіями народной словесности. Между-тѣмъ какъ въ народѣ все болѣе распространялась образованность, все болѣе пробуждалась и потребность литературы, которая была бы народу своя и по духу и по языку. Безсознательно стали нѣкоторые ученые вводить народный элементъ въ языкъ книжный; такъ же безсознательно вводили вмѣстѣ съ народнымъ языкомъ въ литературу и народную мысль. Тому и другому мѣшало отчасти сближеніе съ западомъ... Вліяніе византійское еще не окончилось, какъ началось вліяніе западной литературы: сначала новая латинская, позже нѣмецкая, еще позже французская и англійская литературы подчинили нашу литературную дѣятельность своимъ требованіямъ до такой степени, что не только въ XVII — XVIII вѣкѣ, но даже и позже, даже еще и недавно считалось у насъ необходимымъ слѣдовать имъ, какъ безусловнымъ законамъ и считать въ литературѣ дозволеннымъ только то, что не нарушало ихъ, и все, что ими дозволяемо было. Какъ прежде не могло не казаться лживымъ и противозаконнымъ всякое нововведеніе, нарушавшее силу вѣками утвержденныхъ правилъ изложенія и выраженія; такъ послѣ дико и противозаконно стало — не измѣнять своихъ понятій объ искусствѣ писать, сообразно модѣ, на короткій срокъ утверждавшей свое господство на западѣ. Это пристрастіе къ модамъ литературнымъ, раждающимся и умирающимъ внѣ всякаго соотношенія съ развитіемъ нашихъ домашнихъ понятій о народности и условіяхъ вкуса или нашей народной образованности, это пристрастіе къ чужому западному въ литературѣ остается у насъ еще и теперь. Но и теперь, и прежде оно мѣшало развитію народнаго вкуса только до нѣкоторой степени. Во вліяніи запада и то уже было въ пользу развитія нашей литературы, что оно утверждало въ ней силу современности. При томъ же это не было вліяніе одного какого-нибудь народа, а соединеніе нѣсколькихъ различныхъ вліяній, взаимно одно другое ослаблявшихъ. Съ развитіемъ образованности народной, каждое изъ нихъ все болѣе принимается ко вкусу народному и вызывало его къ дѣятельности. Новая мода убивала силу вліянія, защищае-

маго прежней модой, но убивало только силу изуча пришедшую. а не ту долю народного вкуса, которая пробуждена была ею къ жизни. По этимъ частнымъ долямъ вкусъ народный проникалъ все болѣе въ литературу, такъ же какъ по частнымъ долямъ., медленно и однако все болѣе проникалъ въ книги языкъ народный. Усиленіе народности языка и слога, вкуса и понятій было въ литературѣ нашей одновременно. И какъ ни далеки другъ отъ друга кажутся вопросъ о развитіи литературы и вопросъ о развитіи языка, тутъ они складятся въ одинъ неразрывный. Главныя эпохи нашей новой литературы, эпохи Прокоповича и Кантемира, Ломоносова и Сумарокова, Державина и Фонъ-Визина, Карамзина и Крылова, Жуковского и Пушкина — это эпохи развитія народности въ книжномъ языкѣ болѣе даже чѣмъ эпохи усовершенствованія литературы по ея содержанію, эпохи развитія народности литературнаго языка въ отношеніи къ словамъ и оборотамъ, къ складу и слогу и т. п. Переходя съ одной изъ этихъ эпохъ на другую, наша литература восходила какъ по ступенямъ все выше къ своей цѣли. Цѣль еще впереди, — и далека, но видна. Увлеченіе западомъ остываетъ; сознаніе своихъ собственныхъ силъ зрѣетъ все болѣе. Подражать чужому, какъ прежде подражали, мы уже не можемъ. не умѣемъ. Наша ученость и наша беллетристика, наши взгляды на предметы науки и искусства похожи на западныя, но отличаются отъ нихъ — такъ же какъ и народность наша отличается отъ западной. Часто противъ воли нашей, мы остаемся тѣмъ, чѣмъ созданы, безсильно стараясь быть инымъ, и возвышаемся къ самобытности, нимало не поддерживая себя опорой, на которую стараемся опираться. Еще народный русскій складъ рѣчи не считается годнымъ для важныхъ истинъ науки, еще народный русскій размѣръ слишкомъ простъ для высокой поэзіи; но и тотъ и другой уже получили законность въ литературѣ, уже стали необходимы. Достигнувши самобытности и въ литературномъ языкѣ, мы достигнемъ самобытности и въ литературномъ вкусѣ, — и будемъ наконецъ имѣть свою русскую литературу — не по одному звуку, но и по духу. Само собою разумѣется, что какъ странно, не возможно, не должно достигать въ книжномъ языкѣ полной простонародности словъ и оборотовъ, отвергая отъ него все, чего нѣтъ въ языкѣ простаго народа, и вводя все что въ немъ есть; такъ странно, не возможно, не должно ограничивать и кругъ литературныхъ идей только тѣмъ, что не чуждо въ этомъ отношеніи народу. Останется и вновь прибавится въ нашу

книжномъ языкѣ, чего не было и не будетъ въ языкѣ простаго народа, — и все-таки онъ будетъ народнымъ по духу, вполне русскимъ; останется и вновь прибавится и въ содержаніи литературы нашей, чего не было и не будетъ въ изустной словесности простаго народа, — и все-таки она будетъ народною по духу, вполне русскою — будетъ, когда языкъ ея сдѣлается народнымъ.

Теперь мы въ счастливой порѣ пути къ этой желанной цѣли. Нѣтъ въ литературѣ нашей дѣятелей гениальныхъ, одинаково и сильно даровитыхъ, и образованныхъ, и неусыпныхъ къ труду, каковы были въ свое время Прокоповичъ, Ломоносовъ, Карамзинъ; но есть много дѣятелей, приготовляющихъ своею дѣятельностью поприще для преемника этихъ исполнителей нашей литературы. Дѣятельность литературная все болѣе получаетъ характеръ отчетливости, сознательности, стройности. Стройности мѣшаетъ, конечно, съ одной стороны — вольное и невольное отрѣшеніе большей части ученыхъ литераторовъ отъ старанія привлечь къ себѣ общее вниманіе, съ другой стороны — вольное и невольное отрѣшеніе большей части литераторовъ-беллетристовъ отъ старанія писать не для одного дня, отъ увлеченія своимъ дѣломъ, какъ дѣломъ самаго тяжелаго изъ художествъ. Одни пишутъ менѣе и медленнѣе, чѣмъ бы должны были и могли, будто жалѣя разставаться съ трудомъ привычнымъ; другіе гораздо болѣе и скорѣе, торопясь оканчивать начатое и будто боясь не начать неначатаго. Стройности мѣшаетъ и недостатокъ критики: кто бы могъ быть судьей, часто молчать; кто, безъ обиды себѣ, самъ себя можетъ считать вѣнъ права судьи, часто судить съ полною рѣшимостью рѣшать дѣло своимъ приговоромъ. Все однако нельзя не видѣть стройности въ дѣятельности литературной. Произведенія долговѣтныхъ трудовъ выходятъ одни за другими постоянно и все чаще, принимаются иногда холодно, оцѣняются иногда легкомысленно, но это не ослабляетъ дѣятельности преданныхъ такимъ трудамъ. Произведенія легкія, какъ ны спѣшно пишутся, пишутся нерѣдко съ той внимательностью, которая не далека отъ художническаго навыка и старанія искать лучшаго. Пишутъ не всѣ, кто можетъ, и не всякій можетъ, кто пишетъ; но иначе и не можетъ быть тамъ, гдѣ въ обществѣ литература сдѣлалась потребностью, и вмѣстѣ развились литературныя понятія: сила потребности не можетъ не возбуждать охоту трудиться въ непризван-

ныхъ, а сила требованій не можетъ не отвлекать отъ труда и призванныхъ, если они не увзрены въ своемъ умъннн угодить этимъ требованіямъ. Съ каждымъ годомъ выступаютъ на поприще дятельности литературной—новые ряды молодыхъ людей, у которыхъ дарованія подкрвпляютъ основательной образованностью, знаніемъ языковъ и литературу иностранныхъ.... Литературныя мнвнія въ обществъ упрочиваются.... Всего утвшительнве въ нашей современной литературъ направленіе ученое, все болве въ ней укореняющееся, и помогающее развитію нашей народной науки русской. Русская исторія, памятники русской древности и старины, памятники русской народности, народная русская словесность, исторія русской литературы несравненно болве всего другаго обращаютъ на себя вниманіе и литераторовъ и слвдщихъ за литературой. Не могъ внъ этого вниманія остаться и русскій языкъ — для однихъ какъ орудіе литературы, для другихъ какъ предметъ науки. Академія не напрасно поспвшила изданіемъ словаря, въ которомъ все нуждались, — и дятельно продолжаетъ свои труды, зная какъ они необходимы при современномъ состояніи литературы; а между-твмъ постоянно появляются труды частныя, обогащающіе новыми матеріалами и изслдованіями науку русскаго языка. Не забыта между-прочимъ и исторія русскаго языка. Карамзинъ первый указалъ на эту часть русской науки. Востоковъ, Калайдовичъ, Гречъ, Рейфъ, Павскій, Давыдовъ, Полевой, Надеждинъ, Погодинъ, Шевыревъ, Снегиревъ, Сахаровъ, Беренниковъ, Катковъ, Буслаевъ, Аксаковъ и другіе содвйствовали къ развитію понятій о ней — одни изданіемъ памятниковъ языка, другіе замчаніями о развитіи его строя и состава. Запасъ пособій для исторіи русскаго языка уже довольно великъ; онъ все болве увеличивается подъ покровомъ правительства, заботящагося объ изданіи памятниковъ отечественной старины; — и въ то время, когда вся русская наука вызывается къ свѣту постоянно возрастающимъ къ ней сочувствіемъ общества, исторія русскаго языка, какъ необходимая часть русской науки, не можетъ остаться въ твни. Время для ея обработки настало, — и не напрасны будутъ усилія всякаго, кто съ любовію посвятитъ ей свое время, знанія и дарованія. Не напрасны, потому-что для однихъ предварительныхъ трудовъ по исторіи русскаго языка надо много времени и многихъ дарованій. Труды эти разнообразны и не для всякаго легки, требуютъ много навыка и терпвнія, много внимательности

и осторожности, много любви къ филологическимъ работамъ, хотя и важнымъ, но повидимому мелочнымъ, скоро утомляющимъ того, кто за ними забываетъ о цѣли, къ которой ведутъ они. Для того, чтобы матеріалы для исторіи русскаго языка были приготовлены вполнѣ, нужно многое....

— Каждый изъ старыхъ памятниковъ языка долженъ быть разобранъ отдѣльно въ отношеніи лексикальномъ, грамматическомъ и историко-литературномъ. По сличеніи лучшихъ списковъ, надобно составить для него особенный полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттѣнка его значенія, и особенную полную и подробную грамматику, не пропуская ни одной формы, ни одной особенности формы. Въ томъ и другомъ должно быть отмѣчено вліяніе чужестранныхъ языковъ. То же вліяніе иностранныхъ элементовъ должно быть отмѣнено и при историко-литературномъ разборѣ памятника со стороны его содержанія, изложенія и слога.

— По каждому изъ нарѣчій русскихъ и ихъ мѣстныхъ оттѣнковъ олжны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ зсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и тому подобнаго и для каждаго отдѣльно особенная грамматика съ разборомъ памятниковъ на одной словесности въ отношеніи къ слогу, мѣрѣ, формамъ изложенія и содержанію. Развитіе языка въ мѣстныхъ видоизмѣненія должно быть слѣдовано въ частныхъ монографіяхъ такъ же отчетливо, какъ и развитіе языка повременное по памятникамъ, оставшимся отъ разныхъ ковъ. Вліяніе элементовъ иностранныхъ должно быть отличено въ каждомъ нарѣчій и мѣстномъ говорѣ отдѣльно.

— Современный языкъ литературы и образованнаго общества долженъ разобрать также отдѣльно и подробно въ отношеніяхъ лексикальномъ, грамматическомъ, литературномъ, не забывая ни писателей обрцовыхъ, заботившихся о своемъ языкѣ и слогѣ, ни писателей небрежныхъ, бессознательно повторявшихъ худое и хорошее изъ привычекъ языка книгъ и общества, не забывая также вліянія иностраннаго, вѣчно и невольна проникавшаго въ составъ и формы языка, въ слогъ и къ далѣе:

Только въ-слѣдствіе такого отчетливаго монографическаго перебора памятниковъ языка стараго и современнаго, книжнаго и народнаго, возможно составленіе историческаго словаря и исторической грамматики только въ-слѣдствіе соображенія матеріаловъ, собранныхъ въ

такомъ словарь и въ такой грамматикѣ, возможно приступить къ полной и подробной исторіи языка. Не помѣнаютъ, конечно, попытки написать исторію языка и прежде полной обдѣлки всѣхъ этихъ матеріаловъ; но ранѣе или позже матеріалы должны быть приготовлены....

И всѣхъ этихъ матеріаловъ будетъ еще мало для того, кто займется исторіею русскаго языка какъ трудомъ достойнымъ своего предмета по исполненію. Русскій языкъ не можетъ быть разсматриваемъ исторически отдѣльно отъ другихъ соплеменныхъ нарѣчій и сродныхъ языковъ: несмотря на множество филологическихъ трудовъ иностранныхъ, которые облегчатъ сличенія русскаго языка съ другими, придется трудиться и самимъ Русскимъ, дополняя массу собранныхъ матеріаловъ. Такъ, между-прочимъ, по нѣкоторымъ изъ нарѣчій славянскихъ еще нѣтъ словарей и грамматикъ, годныхъ для филолога, — и едва ли кто другой, кромѣ русскихъ филологовъ, можетъ за нихъ взяться. И общимъ сравнительнымъ словаремъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій заняться едва ли кому удобнѣе, какъ русскому ученому, который всегда можетъ посвятить себя этому огромному труду под покровительствомъ просвѣщеннаго правительства нашего, благодѣтельно споспѣшствующаго всякой добросовѣстной дѣятельности въ области русской науки.

Разнообразны и огромны труды, безъ которыхъ не возможно написать полную исторію русскаго языка; но и сама она такъ важна, такъ необходима, такъ достойна общаго вниманія, что для трудовъ этихъ всегда будутъ люди съ умъемъ и охотой за нихъ взяться.... И ранѣе или позже изъ-подъ пера писателя, овладѣвшаго совѣстливо и отчетливо вопросами исторіи русскаго языка и средствами для ихъ рѣшенія, она выйдетъ картиной, столько же богатой содержаніемъ, сколько и занимательной для всѣхъ насъ, любящихъ свое отечество и его прошедшее

И. СРЕЗНЕВСКІЙ

ГЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДОРОГИ

КЪ ВОДОПАДУ ИМАТРЫ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Опять объ Иматрѣ! скажеть, безъ-сомнѣнія, читатель. Неужели профессоръ не все еще высказалъ, что знаетъ объ этой финской красавицѣ его умъ, и что ощущало его сердце?

Далеко не все, благосклонный читатель! и ты легко поймешь почему, если припомнишь себѣ то время, когда еще слушалъ учителей, и на твое счастье былъ хоть одинъ, котораго приходъ всегда радовалъ тебя, котораго живое слово приковывало все твое вниманіе, потому-что всякій разъ открывало предъ тобою новыя истины, ясныя какъ день и теплыя какъ лучи солнца. Натуралистъ можетъ назвать себя вполне счастливымъ, потому-что никогда не перестаетъ учиться, и учитель его, величайшій изъ учителей въ мірѣ, неистощимый богатствомъ ума своего, неподражаемый въ простотѣ и свѣтѣ рѣчи своей. Этотъ знаменитый учитель—сама природа. Стоить только обратиться къ ней и она непременно развернетъ предъ вами что-либо новое, долготѣ не замѣченное.

Кто разъ видѣлъ Иматру, на того она наводитъ пріятную тоску, желаніе еще хоть разъ свидѣться съ нею. Въ началѣ нынѣшней осени мнѣ удалось опять полюбоваться ею и высмотрѣть кой-что новаго, которымъ читатель да позволить мнѣ поделиться съ нимъ, потому-что оно, какъ мнѣ кажется, пояснитъ нѣкоторые факты нашей первой бесѣды.

Прежде всего мы предлагаемъ планъ водопада для того, чтобы дать о немъ общее понятіе и точнѣе познакомиться съ различ-

ными мѣстностями, съ которыхъ необходимо надобно любоваться водопадомъ и изучать элементы его.

Рисунокъ 1.

a, a, a почтовая дорога изъ Выборга на станцію Сатолу, лежащую въ четырехъ верстахъ выше водопада на правомъ берегу

Воксы; отсюда идетъ паромъ, вплоть у бойкихъ и весьма красивыхъ пороговъ, гдѣ быстрая Вокса шумитъ между подводными гранитными валунами. Переправившись на лѣвый берегъ, путешественникъ ѣдетъ внизъ рѣки по дорогѣ *b, b, b*, вьющейся почти у самаго берега и безпрестанно видитъ предъ собою переборы, пороги, исполнинскіе граниты и небольшіе островки, покрытые роскошною зеленью. Наконецъ, онъ останавливается у двухъ или трехъ изъбъ, которыя носятъ названіе Иматры (1), и отсюда небольшою тропинкою, сначала ровнымъ лугомъ, а потомъ лѣсомъ по голымъ буграмъ гранитовъ пробирается къ бельведеру (2), насупротивъ гостиницы (3) праваго берега. Этою же дорогою *b, b, b* можно проѣхать почти прямо къ берегу, къ тому мѣсту, гдѣ насупротивъ деревни Мельдоли обнажены глинистыя пласты, заключающіе фигурчатые камни. Здѣсь и въ рѣкѣ ихъ много.

с Островъ, за которымъ книзу переборы между гранитными валунами и потомъ тѣснина рѣки, или собственно водопадъ, котораго правая гранитная стѣна (*d, d*), отклоненная отъ воды видна на планѣ.

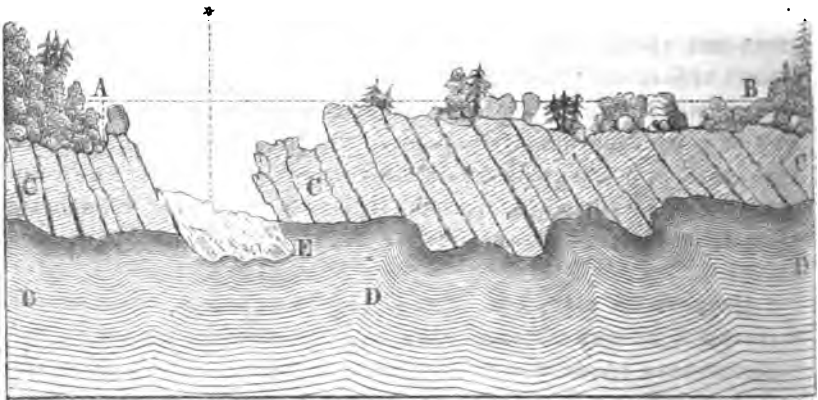
На голой гранитной вершинѣ, на которой стоитъ бельведеръ (2), есть нѣсколько плоскихъ, едва початыхъ исполнинскихъ горшковъ, и шаговъ десять далѣе въ невысокомъ хребтѣ (*e*), фигурою похожемъ на скалу пьедестала конной статуи Петра-Великаго, можно видѣть четыре очень глубокихъ и болѣе аршина въ поперечникѣ исполнинскихъ колодезь*, изъ которыхъ два находятся съ боку хребта, одинъ на скатѣ и въ немъ, какъ въ горшкѣ, красуется рослая береза, и наконецъ четвертый колодезь находится у подножія ската горы, отверстіе его въ уровень съ почвою и потому онъ засоренъ почти совершенно. Нѣсколько шаговъ отъ этого послѣдняго лежитъ гранитный валунъ (*f*), въ которомъ также колодезь.

Кстати скажемъ, что по дорогѣ изъ Петербурга въ Выборгъ на 14 верстѣ отъ станціи Кироя къ Готакѣ, вплоть у лѣвой стороны дороги лежитъ большой гранитный валунъ съ неглубокимъ горшкомъ верхкомъ шесть въ поперечникѣ. Отъ него вѣво большое озеро Мола-Ерви (*Mola-järvi*).

Черезъ планъ, чрезъ ту гору, въ которой находятся исполнинскіе колодезы, проведена пунктированная линія А В; представьте себѣ,

* Въ первой статьѣ нашей упомянуто о двухъ только колодезяхъ, по тому-что прежде столько было отмысано нами.

что по этой линіи оба берега и русло рѣки разрѣзаны вертикально до такой глубины, которая доступна наблюденію, и вы получите геогностическій разрѣзъ Иматры.

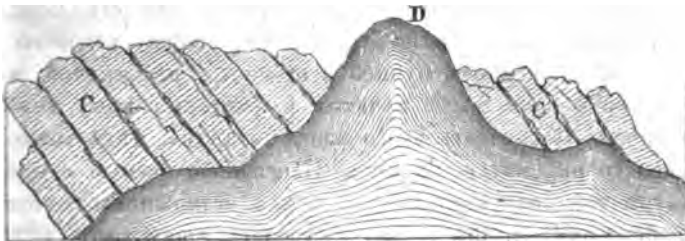
Рисунокъ 2.

На этомъ разрѣзѣ * линія АВ означаетъ тотъ высокій уровеньъ водъ Воксы, на которомъ она стояла въ геологическія времена, когда водовороты ея, при помощи малыхъ камешковъ, просверливали исполнинскіе горшки и колодцы. По обѣимъ сторонамъ этого уровня, то есть отъ А налѣво и отъ В направо, поднимаются наносы, которые были тогда берегами ея.

Отъ значка * протянута вертикальная линія до теперешняго уровня водопада. С, С, С разрѣзъ гранитовъ, которыхъ пласты на правомъ берегу отклоняются отъ воды, а на лѣвомъ нависли надъ нею. D, D, D тонкіе, волнистые пластики гнейса, залегаю-

* Планъ и разрѣзъ водопада Иматры сдѣланъ былъ въ 1818 году извѣстнымъ геогностомъ Странгвейсомъ; они вообще очень вѣрны, но отъ перваго наблюдателя ускользнули многіе факты, такъ напримѣръ Странгвейсъ не замѣтилъ гнейса подъ гранитами, не изучалъ элементовъ самаго паденія, исполнинскій горшокъ видѣлъ только въ одномъ валуѣ и не опредѣлилъ угла паденія гранитныхъ пластовъ, поэтому естественно, что наши оба рисунка разнятся отъ Странгвейсовыхъ, перепечатанныхъ изъ «Transactions of the Geological Society», въ трудахъ здѣшняго минералогическаго общества, въ 1830 году.

шіе подъ гранитомъ. Въ первой статьѣ нашей (стр. 72), мы уже сказали, что этотъ гнейсъ можно видѣть стоя на правомъ берегу и наблюдая отвѣсъ лѣваго въ тѣ моменты, когда Вокса, взлетѣвъ на пологіе граниты праваго берега, отхлынываетъ отъ лѣваго такъ сильно, что подъ нимъ образуются огромныя пучины, обнажающія гнейсъ. Такое мѣсто, напримѣръ у точки Е. Шаговъ сто выше того хребта, въ которомъ находятся колодцы, недалеко отъ берега, гнейсъ выступаетъ многими купами или сводами сквозь гранитъ. Слѣдующій вертикальный (умственный) разрѣзъ (рис. 3) одного изъ такихъ пунктовъ ясно представляетъ это отношеніе сводовъ гнейса D, прорывающихъ гранитъ С.

Рисунокъ 3.

Водопадъ Иматы такъ величественъ и единственъ въ своемъ родѣ, что заслуживаетъ вполне, чтобъ надъ нимъ потрудились кисть художника; но онъ принадлежитъ къ числу весьма сложныхъ пейзажей, которые трудно передаются на полотно. Пейзажъ, въ составъ котораго входятъ предметы неподвижные, горы, долины, деревья, тихія воды, — самый легкій; для исполненія его не требуется особеннаго таланта наблюдать и понимать природу, но если бъ въ составъ его долженъ былъ войти, напримѣръ юривистый вѣтеръ, который гонитъ предъ собою облака и гнетъ ершияны деревья, то на передачу его потребовалось бы гораздо болѣе того, чѣмъ обыкновенно довольствуются художники. Они агнутъ въ одинъ уровень всѣ деревья, нарисуютъ черныя облака и очень довольны своимъ произведеніемъ, если только солюдена перспектива и рельефность, достоинства, которыя при совершенномъ состояніи художества доведены почти до механи-

ческих приемов. Если бы художник почаще наблюдал небо во время бури, то он увидял бы, что густая облака гонятся вѣтромъ цѣлою массою впередъ, оставляя на небѣ ясные пробѣлы, а болѣе легкіе разбиваются имъ на длинныя клочья, какъ бы волоса, развѣивающіеся по волѣ вѣтра и въ одномъ направленіи съ его движеніемъ. Точно также и лѣсъ представляетъ большое разнообразіе, когда по верхамъ его пробѣжитъ порывистый вѣтеръ. На пути его одни деревья уже приподнялись, другія слегка выпрямляются и наконецъ, впереди движенія, все согнулось и ломается подъ полною силою урагана. Если къ этому еще художникъ вброситъ кой-гдѣ деревья различной стойкости, то получитъ картину оживленную, выражающую цѣлую драму игры вѣтра.

Точно также и водопадъ, въ составъ котораго входитъ только одинъ главный элементъ, то есть паденіе, весьма легко передается. Не такова Иматра; разсматривая ее, видишь какой-то смѣшанный, ужасный хаосъ бурной и шумной, необъятной массы воды, которая тѣмъ болѣе пучится и растетъ, тѣмъ долѣе на нее смотришь. Нарисовать этого хаоса, кажется, нѣтъ возможности, сколько ни смотри на него. Нынѣшнюю осенью я провѣлъ на Иматрѣ три дня, изучая ее со всѣхъ возможныхъ точекъ на обохъ берегахъ, и мнѣ, кажется, удалось высмотрѣть всѣ элементы, изъ которыхъ сосавляется ужасная и величественная драма этого водопада. Элементы эти слѣдующіе:

1) Огромная масса воды, которая тѣмъ очевиднѣе, что ложбина ея очень тѣсна и граниты лѣваго берега нависли надъ рѣкою, между-тѣмъ, какъ на правомъ они отогнуты отъ нея. Это послѣднее обстоятельство производитъ два другихъ элемента, то есть:

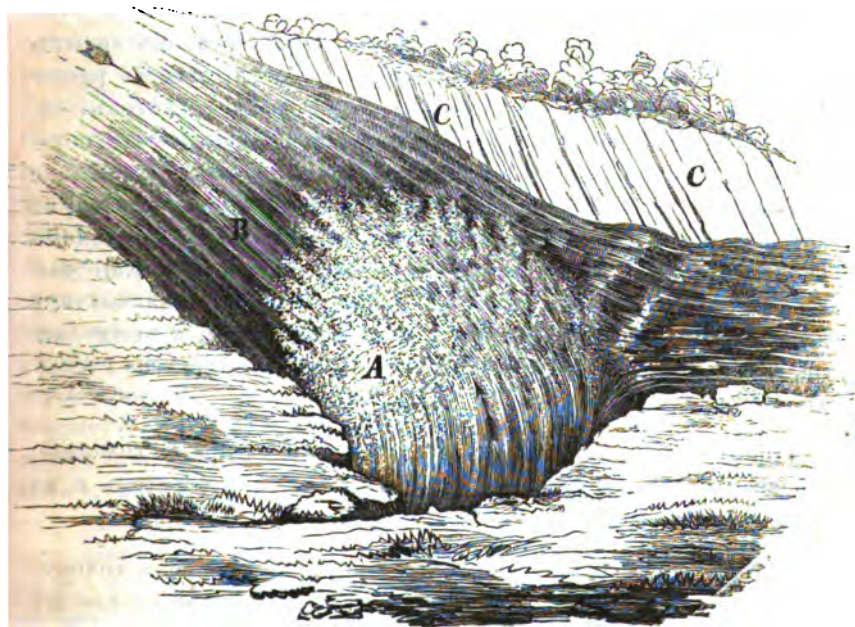
2) Вода съ яростью мчится на пологіе граниты праваго берега, вскакивая на нихъ выше и выше. На картинѣ этотъ элементъ выразится очень ясно, если выбрать нѣсколько одна за другою слѣдующихъ точекъ, съ постепенно возрастающимъ взрывомъ волнъ на граниты.

3) Въ то же самое время, отъ противоположнаго, нависшаго берега, волны съ такою же яростью отхлынывають, образуя шумную, которая въ особенности тамъ глубока и обширна, гдѣ надъ рѣкою есть уступъ.

4) Четвертый элементъ составляетъ уступы, которыхъ замѣ-

та маскируется для глаза, какъ тремя предыдущими, такъ въ особенности послѣднимъ элементомъ.

5) Наконецъ, послѣдній и самый важный элементъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Рисунокъ 4.

Гранитная трещина, въ которой здѣсь течетъ Вокса, образуетъ попеременно, то на правомъ, то на лѣвомъ берегу частыя излучины или изгибы, и потому часть бѣгущей сверху воды, ударяясь объ эту излучину, отражается ею назадъ и образуетъ короткое, но чрезвычайно сильное и порывистое возвратное или верхнее теченіе А, подъ которое непрерывно подкатывается верхнее теченіе В, поднимая и вспучивая его въ дѣлыя горы и разбивая края его въ пѣну и въ тончайшую водяную пыль. Этотъ элементъ — самый красивый и поразительный во всей драмѣ водопада; со стороны противоположной излучинѣ онъ

рѣзко обрисовывается непрерывнымъ, какъ молнія быстрымъ стремленіемъ воды впередъ, нѣсколько ниже обыкновенно падающей съ уступа.

Растительность, по всему паденію Воксы, очень богатая для Финляндіи, и даже пышная, чему причиною обильная водяная пыль, увлажжающая землю, и наклоненіе водопада къ югу, чѣмъ необыкновенно увеличивается теплота почвы. Послѣ дождя, при яркомъ солнцѣ, я доставалъ изъ подъ травы землянику, и рукѣ моей было такъ тепло, какъ будто въ оранжерейномъ грунтѣ, подогрѣваемомъ снизу, или въ парникѣ. Растительность распадается такъ: Поверхъ той полосы береговыхъ гранитовъ, которая попеременно то оmyвается волнами, то сосыхаетъ и потому чернаго, какъ бы закоптѣлаго цвѣта, стелются сѣрые и желтые *лишай* (*lichines*), между-тѣмъ, какъ трещины и щели, въ которыя вафивается земля, заросли пышнымъ зеленымъ мохомъ и брусничникомъ съ сочными, ярко-красными ягодами. Еще выше за верхнимъ краемъ гранитовъ, гнѣздится кустистая ольха, и изрѣдка красуется свѣжая зелень ели; далѣе сосны, и между ними, кой-гдѣ березки. Вся эта растительность расположена густыми кучами.

Чтобъ хорошо понять изложенныя выше элементы водопада, его необходимо надобно разсматривать съ обоихъ береговъ и на каждомъ съ различныхъ точекъ (см. рис 1):

А) На правомъ берегу, по-крайней-мѣрѣ съ четырехъ точекъ:

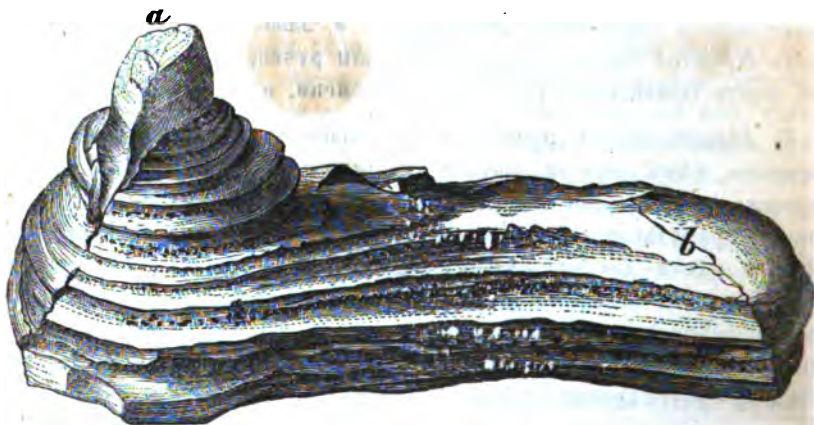
- 1) Шаговъ пятьдесятъ выше гостиницы (3), сойдя къ самому нижнему уступу гранита. Здѣсь видѣнъ островокъ (с), поросшій лѣсомъ, предъ нимъ первый уступъ паденія рѣки и еще ближе, видѣнъ лучше чѣмъ гдѣ-либо, во всей своей красѣ и во всей величинѣ, пятый элементъ водопада, то есть *возвратное* или *верховое теченіе*, и *передовое* или *нижнее*.
- 2) Съ бельведера (4), что ниже гостиницы, куда сходять по лѣстницѣ въ пятьдесятъ большихъ ступеней. Смотря кверху, получаешь ясное понятіе о трехъ главныхъ уступахъ паденія, а прямо, подъ нависшими гранитами лѣваго берега, образуется въ водѣ пропасть, открывающая вертикальные разрѣзы волнистыхъ пластовъ гнейса.
- 3) Шаговъ тридцать ниже этого бельведера, рѣка падаетъ въ послѣдній разъ (5) и вдругъ расширяется, образуя на этомъ (правомъ) берегу довольно глубокую бухту, въ которой боковое теченіе, ударяясь объ излучину берега, дугою возвращается назадъ къ *пункту* (5).

такъ-что брошенное здѣсь бревно, обойдя кругомъ бухту, непременно приходитъ назадъ; однимъ словомъ, здѣсь образуется водоворотъ (6) огромнаго размѣра 4). Наконецъ, еще шаговъ на сто ниже, берегъ становится низменнымъ и заваленъ валунами; по немъ струится едва замѣтный болотный ручей, въ который Вокса, черезъ правильные промежутки времени, вливаетъ воды свои.

В) Лѣвый берегъ представляетъ виды болѣе обширныя на водопадъ, чѣмъ правый, потому-что глазъ окидываетъ здѣсь все протяженіе той части воды, которая съ яростью вскакиваетъ на пологіе граниты праваго берега, отчего водопадъ кажется шире. Лучшія мѣста для видовъ на водопадъ, слѣдующія: 1) Шаговъ двадцать выше бельведера (2), при небольшой излучинѣ (7), можно сойти такъ близко къ водѣ, что водопадъ явится у самыхъ ногъ вашихъ, которыя, впрочемъ, совершенно въ безопасности, потому-что гранитъ склоняется здѣсь къ Воксѣ и не позволяетъ ей метаться слишкомъ вверхъ. Здѣсь, по чрезвычайной близости, васъ поражаетъ ярость, грохотъ и масса воды; два противоположныя чувства смѣняются у васъ; сравнивъ свое ничтожное тѣло съ необъятною массою и силою воды, вы чувствуете совершенное ничтожество; но взглянувъ опытнымъ глазомъ на твердость и безопасность своего гранитнаго пьедестала, вами же выбраннаго, вы съ гордостью смотрите на эту величественную сцену, потому-что изучаете ее по вашему произволу и понимаете ее; даже вы могли бы взять часть этой силы Воксы въ свое распоряженіе, и заставить вращать колеса машинъ въ вашей фабрикѣ. Чудное существо человѣкъ, и опять, чудное только умомъ своимъ, развитымъ, обогащеннымъ, никогда неугасающимъ свѣтомъ наукъ. 2) Другой видъ съ бельведера (2) необыкновенно величественъ и обширенъ; вы получаете въ одинъ обзоръ впечатлѣніе цѣлаго, всѣ частности сливаются въистѣ. 3) Съ выступа (8), на которомъ скамейка, въ видѣ буквы П, сдѣе болѣе обширный общій видъ. 4) Наконецъ, чтобы заключить наблюденіе, сойдите еще ниже, гдѣ Вокса уже начинаетъ стихать, и приближа къ берегу цѣлыя груды большихъ гранитныхъ валуновъ (9), между которыми, при всякомъ повтореніи прилива и отлива воды, безъ умолку катаются на одномъ и томъ же мѣстѣ малые голыши, и пробуравливаютъ зачатки исполненныхъ горшковъ.

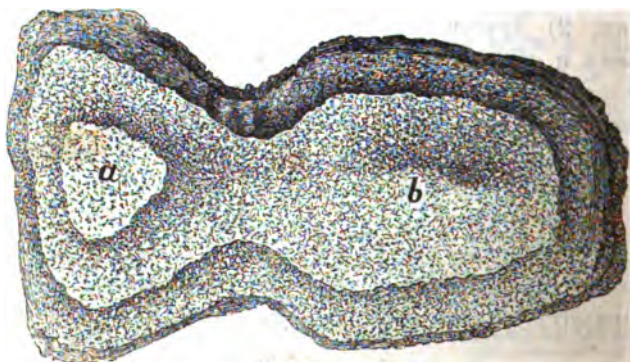
Какъ бы ни отчетливо было описаніе, но всегда хочется увидѣть предметъ или по-крайней-мѣрѣ его изображеніе; по этому, мы предлагаемъ здѣсь рисунки иматровскихъ фигурчатыхъ кам-

ней, о которыхъ уже было говорено въ нашей первой статьѣ (стр. 76).

Рисунокъ 5.

Этотъ рисунокъ представляетъ фигурчатый камень, вынутый изъ глинистыхъ пластовъ высокаго лѣваго берега Воксы, еще небывавшій во второй, теперешней обдѣлкѣ волнъ, и потому шероховатый, съ рѣзкими снаружи пластами, и еще съ кускомъ минерала, который этотъ камень вынесъ изъ своего мѣсторожденія въ горахъ, отъ которыхъ онъ нѣкогда былъ оторванъ. Этотъ минералъ (а) зеленовато-желтый, кристаллическій, известковый шпатъ, обмытый и обтертый снаружи, по тѣмъ же направленіямъ, какъ и самый камень.

Рисунокъ 6.

Digitized by Google

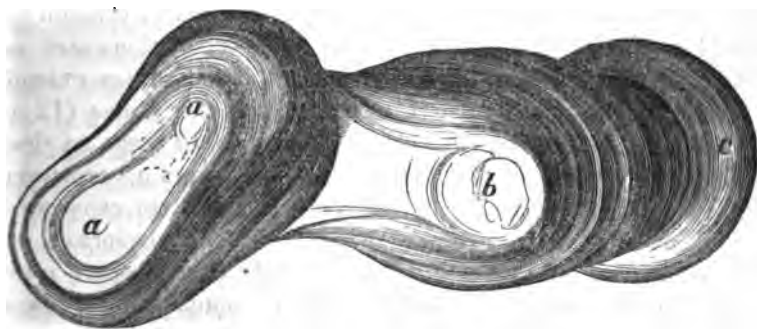
Рисунокъ шестой, также фигурчатый камень, вынутый изъ пла-

ство, съ двумя твердѣйшими центрами, *a* и *b* и потому видомъ похожій на бисквитъ, точно также какъ и предъидущій.

Рисунокъ 7.

Фигурчатый камень съ однимъ твердѣйшимъ центромъ, какъ самая обыкновенная форма, добытый изъ воды Воксы, а потому отдѣланный и обмытый начисто.

Рисунокъ 8.

Этотъ рисунокъ представляетъ одну изъ самыхъ сложныхъ формъ, три бисквито-образныхъ камня *aa*, *b* и *c*, соединены въ направленіи своихъ твердѣйшихъ центровъ, подъ тупыми углами. Этотъ камень поучителенъ между-прочимъ потому, что на немъ ясно видно, какъ твердѣйшіе центры пластинокъ одного и того же бисквита, никогда совершенно не совпадаютъ, или не лежатъ въ одной и той же линіи, вертикальной къ пластинкамъ.

Наконецъ, мы должны еще, въ добавокъ къ прежнему, погово-

рять о самой дорогѣ отъ Выборга къ Иматрѣ и обратно. Блѣжайшія окрестности Выборга, при общемъ взглядѣ на нихъ, представляютъ ужасный видъ разрушенія геологической эпохи; растительность небогата, и всюду выставляются голыя гранитныя вершины съ обсыпающею поверхностью, или необъятныя груды исполненныхъ кусковъ гранита, наваленныхъ другъ на друга, устилающихъ цѣлыя площади и загружающихъ многочисленныя отроги моря. Отличная, широкая почтовая дорога идетъ черезъ петербургскій форштатъ, до станціи Яппи (16 верстѣ), потомъ до Видикъ (15 верстѣ), до Кульмо-Погіо (14 верстѣ) и до Иматры (14 верстѣ), всего 59 верстѣ. Вся эта дорога очень пріятна для глазъ, она весьма гориста и съ крутыми спусками въ долины; съ обѣихъ сторонъ громоздятся горы, покрытыя густымъ сосновымъ лѣсомъ, изъ котораго мѣстами выставляются голыя купы точно такого же гранита рапа-киви (гнилой камень) какъ и въ-близии Выборга: тамъ и сямъ, и всегда очень далеко отъ дороги, открываются тѣсныя и обширныя долины; подъ коленъ дороги, видѣются мѣстами отроги или боковыя залды Ворды.

Чтобъ не возвращаться тою же дорогою въ Выборгъ, можно выбрать другую, не многимъ подлиннѣе, но за то интересную во многихъ отношеніяхъ. Эта дорога идетъ сначала къ станціи Ситолѣ (4 вер.); потомъ поворачивается на С.-З., приближалась все болѣе и болѣе къ южному берегу озера Саймы, черезъ станцію Ютсенъ (18 вер.), до великолѣпной новой станціи Сайма (12 в.), гдѣ начало канала, который проводится изъ этого озера въ Финскій заливъ, у Выборга. Рапа-киви на всемъ этомъ пространствѣ нигдѣ не видно; песчавые наносы такъ велики, что скрываютъ въ себѣ все гранитныя горы, за исключеніемъ немногихъ дысьвъ, лежащихъ въ уровень съ дорогою. По этому, дорога очень удобна, ровна и пряма, кромѣ послѣдняго конца передъ салонъ Ютсенъ, гдѣ крутой подъемъ. На восьмой верстѣ, за Ситолой, тотчасъ за верстовымъ столбомъ, оканчивается на лѣвой сторонѣ лѣсъ, и взору открывается обширная и глубокая долина, вся покрытая яркою зеленью и оживленная множествомъ разбросанныхъ деревень. Общій видъ ея напоминаетъ знаменитую Байдарскую долину въ Крыму. На 10 верстѣ, прямо у дороги, на лѣво, почти въ уровень съ почвою, выставляется длинная льсенна гнейса, отлично полированная и съ чрезвычайно рѣзкими царапинами по политурѣ, идущими какъ по шнуру, прямо съ С.-З. на Ю.-В. На 13 верстѣ, вдругъ открывается необозримое зеркало озера Саймы, со множествомъ льсенныхъ острововъ и чудными да-

нии видами, которые сопровождаютъ весь почти до самой станціи Саймы, гдѣ озеро заслоняется лѣсами.

У станціи Саймы можно осмотрѣть гигантскія работы канала и шлюзовъ, съ гранитными стѣнами, и полюбоваться геогностическимъ разрѣзомъ, сдѣланнымъ работами глубокаго канала, въ стѣнахъ котораго сверху, видны наносный песокъ съ мелкими валунами; подъ нимъ слой черно-бураго, сухаго турфа, въ сажени толщиною, а подъ нимъ глянцистый песокъ, и мѣстами чистая сѣрая галца. Наконецъ, вся эта толща наноснаго образованія, докочется на округлыхъ вершинахъ гранитовъ, почти вездѣ какъ зеркало отполированныхъ и избородченныхъ царапинами, плунами съ С.-З. на Ю.-В. Турфъ здѣсь также замѣчательное явленіе по способу своего происхожденія. Мы уже прежде говорили о томъ, что почва Финляндіи, дѣйствіемъ подземнаго огня, безостановочно подымается и теперь, отъ чего озеро мелѣютъ; Сайма испытывала и теперь испытываетъ ту же участь; берегъ его мелѣетъ; на немъ образуется болото, покрывающееся растительностью, которой многія отжившія генераціи образуютъ наконецъ турфъ, заглушающій болото, которое вслѣдствіе дальнѣйшихъ подъемовъ, совершенно высыхаетъ, постепенно покрываясь наноснымъ пескомъ и глиною. Точно такія же явленія, но въ большемъ размѣрѣ, можно видѣть на южномъ берегу Ладожскаго озера, по низовью рѣкъ Волхова, Сяси и въ особенности Паши и Ояги.

Здѣшній гранитъ мелко зернистый, безъ видимаго сподумена, и потому не легко разрушающійся. Въ немъ, при взрывѣ порохомъ, открываются гнѣзда полеваго шпата, въ которомъ огромные, какъ гигантскіе столбы, кристаллы кварца.

Отъ Саймы, ближайшая дорога до Выборга идетъ сначала по направленію канала, нѣсколько разъ пересѣкая его, чрезъ станцію Консола (14 вер.) и Кананоя (14½ в.). Эта дорога хороша, но узка, потому-что построена собственно для перевозокъ матеріаловъ для канала; по ней все мелкозернистый гранитъ. Послѣдняя станція уже на большой дорогѣ, ведущей изъ города Вильманстранда въ Выборгъ; отъ нея снова начинаются граниты рапа-киви, съ ихъ видами разрушенія и развалинъ. За Кананоя слѣдуетъ станція Ганги-Юки (14 вер.), за которой, на среднѣ третьей версты, тотчасъ на-лѣво у дороги, лѣсна гранита съ довольно ясною еще политурою и царапинами. Наконецъ, отъ этой станціи до Выборга 13 вер., такъ-что вся эта дорога, отъ Иматры до Выборга 89½ верстъ. Отъ Петербурга до Выборга 141 верста,

поэтому, вся дорога отъ Петербурга до Иматры, и отсюда через каналъ Саймы, въ Выборгъ и, наконецъ, обратно въ Петербургъ, составитъ 430½ верстъ, разстояніе конечно, не шуточное, но если взять въ расчетъ, что вся собственно Финляндская дорога, гладка какъ садовая дорожка, и что по ней не только можно, но лучше ъздить на таратайкѣ въ одну лошадь; если сообразить, что ни на станціяхъ и нигдѣ въ Финляндіи не будетъ ни малѣйшаго неудовольствія; если наконецъ взвѣсить тотъ интересъ для ума и слѣдовательно удовольствіе, которое доставитъ вамъ путешествіе, то это разстояніе покажется вамъ просто тремя цифрами чисто нарицательнаго достоинства.

С. КЮТТОГА.

=

ЖИВОПИСЬ ВО ФРАНЦИИ

ВЪ ОСЕМНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Буше.

Исторія французской живописи семнадцатаго и осемнадцатаго столѣтій представляетъ двѣ школы, или, правильнѣе, двѣ семьи живописцевъ, возникшія почти въ одно время и господствовавшія поочередно одна вслѣдъ за другою: одна изъ этихъ школъ исполнена величія и возникаетъ въ источникъ священныхъ вдохновеній Бога и природы: она возвышаетъ земную красоту воспоминаніемъ о небѣ и сознаніемъ истинно прекраснаго; другая школа, полная прелести и граціи, не ищетъ высокихъ вдохновеній, а ограничивается миловидностью, прелестью и тѣмъ, что можетъ только льстить чувству, плѣнять и восхищать, хотя бы въ ущербъ истинѣ и величію. Она не ищетъ и простой чистой красоты, въ которой отражается возвышенное чувство: она хочетъ только прельщать и увлекать. Первая изъ этихъ школъ являетъ искусство въ высшемъ его значеніи, вторая — представляетъ искусство какъ искусственность, злоупотребленіе или подобіе искусства. Въ семнадцатомъ вѣкѣ Пуссенъ и Миньяръ являются въ члѣ

этихъ двухъ противоположныхъ школъ ; одинъ обладаетъ красотою силы и простоты, другой прелестью граціи и остроумія. Эта столь рѣзкая противоположность отразилась , хотя въ слабой степени, и въ осемнадцатомъ вѣкѣ въ произведеніяхъ братьевъ Ванло и Бушѣ. Ванло, потому ли что не дождался минуты вдохновенія, или потому, что не могли достигнуть высоты истинно прекраснаго, но они вступивъ на художественное поприще съ благороднымъ рвеніемъ Пуссена, въ произведеніяхъ своихъ достигли только величія театральнаго; они остановились на половинѣ поприща, но всегда сохраняли, по-крайней-мѣрѣ, воспоминаніе о его началѣ. За недостаткомъ истиннаго таланта, цѣль, къ которой художникъ стремится, часто спасаетъ произведенія его отъ забвенія. Имена Ванло, какъ истинныхъ артистовъ, перенесшихъ съ собою во Францію свѣжесть своихъ фландрскихъ луговъ, сохранялись въ памяти потомства. Несмотря однако жъ на ихъ благородныя попытка, истинное искусство вскорѣ исчезло, вытѣсненное, какъ мы видѣли, игривою школою Ватто. Ватто, первенствовавшій во время регенства, придалъ, такъ сказать, колоритъ своему времени. При всемъ томъ, истиннымъ представителемъ живописи осемнадцатаго вѣка почитается Бушѣ. Не любопытно ли изучать въ произведеніяхъ его направленіе вѣка, отличавшагося развращеніемъ нравовъ, отсутствіемъ вкуса, изысканностью и неестественностью, — направленіе, господствовавшее самовластно, не опираясь на прошедшее и не имѣя будущаго? Каковы бы ни были негодованіе однихъ и пристрастіе другихъ, но Бушѣ всегда будетъ имѣть право на почетное мѣсто въ исторіи искусства. Нельзя оставить безъ вниманія живописца, который первенствовалъ въ теченіе сорока лѣтъ, пользуясь богатствомъ и извѣстностью; который, отвергнувъ существовавшія до него эстетическія понятія, основалъ школу, пагубную для всего благороднаго, великаго и прекраснаго, но не-лишенную нѣкоторой кокетливою граціи, какого-то волшебства колерита и неизвѣстнаго до-тѣхъ-поръ очарованія. Его ученикъ Давидъ, посреди своихъ холодныхъ Римлянъ, всегда припоминалъ улыбающіяся лица картинъ Бушѣ; самъ Жироде, искавшій въ простотѣ величія и чувства, всегда уважалъ произведенія Бушѣ. Онъ тщательно собиралъ всѣ его рисунки, задумывался надъ ними какъ надъ воспоминаніями безумной молодости. «Мы состарѣлись, говорилъ онъ, глядя на изображенія придворныхъ пастушковъ; встрѣтимся ли мы съ ними опять когда-нибудь? Это вѣтренныя, давно забытыя любовницы, которыя являются намъ среди однеобразнѣй

сѣмейной жизни». Строгіе цѣнители изящнаго не признають до-стоинствъ Буше, понимая изящное въ истинномъ, строгомъ его значеніи; но въ глазахъ добросовѣстнаго критика, Буше занимаетъ себѣ мѣсто въ искусствѣ.

Изъ французскихъ живописцевъ, Миньяръ *, первый увлекся обманомъ свѣтской граціи, которую отвергаетъ искусство. Искусствомъ допускается только тотъ обманъ, который называется идеаломъ, то есть все то, что облагораживаетъ, возвышаетъ и поэтизируетъ истину. Снимая портреты съ придворныхъ дамъ, Миньяръ не писалъ ихъ такими какъ онѣ были, но такими какими онѣ желали бы быть. Отсюда всѣ эти неземныя обворожительныя улыбки, эти взгляды, обращенныя къ небу, но все еще полныя земнаго сладострастія. Понятно, что онъ былъ осыпаемъ похвалами болѣе нежели всѣ другіе портретныя живописцы; онъ обманывалъ; всѣ это знали, начиная съ его моделей до его самаго; но никто не рѣшался упрекать его за обязательную угодливость; не было ни одной герцогини, которая бы не находила поразительнаго сходства въ своемъ портретѣ. Живописцы — льстецы, это живописцы женщинъ. Вотъ почему Миньяръ не только составилъ огромное состояніе, но и основалъ школу, прекрасную, однако пагубную, которая рухнула только потому, что слишкомъ употребила во зло свое ложное направленіе. Въ слѣдъ за Миньяромъ, но съ нѣкоторыми утонченными оттѣнками, блисталъ на художественномъ поприщѣ Ваттò. Миньяръ безобразилъ или украшалъ знатныхъ придворныхъ дамъ; Ваттò обратился къ актрисамъ, мѣщанкамъ и крестьянкамъ; и сколько игривыхъ и очаро-

* Миньяръ (Николай) родился въ Троя (Troyes), въ Шампани, въ 1608 году, умеръ въ Парижѣ въ 1668 году. Онъ былъ ученикомъ Ивана Буше, живописца изъ Буржа и изучалъ искусство по античнымъ статуямъ и картинамъ Ру (Roux), сохранившимся въ замкѣ Фонтенебло. Потомъ путешествовалъ по Италіи и женился въ Авиньонѣ. Оттуда онъ отправился въ Римъ для усовершенствованія себя въ живописи. Возвратясь въ отечество, написалъ для тюльрійскаго дворца множество картинъ историческаго содержанія. Но онъ не могъ вполнѣ предаться этому роду живописи, будучи безпрестанно занятъ портретами, составившими его славу. Около пятидесяти картинъ его извѣстны по гравюрамъ; въ томъ числѣ наиболѣе замѣчательны портретъ графа д'Аркура, извѣстнаго подъ именемъ «Cadet de la perle» и «Святое Семейство», — выгравированные Массономъ.

вательныхъ маскарадныхъ фигуръ создано имъ шута! Явился другой обманщикъ, — Лемоанъ: онъ дѣлалъ обманы болѣе серьезныя, обманы историческіе; но самое любопытное и самое знаменитое его произведеніе — это Францискъ Бушѣ, его ученикъ, лжецъ по превосходству, самый вѣрный портретъ своего времени.

Лемоанъ изучалъ въ особенности школу Рубенса; подобно этому знаменитому мастеру онъ жертвовалъ чистотою линий яркости и блеску колорита. Плафонъ часовни Богородицы въ Св. Сульпиціи и Геркулесова зала въ Версали составляютъ главныя произведенія Лемоана. Судя по такимъ произведеніямъ, это, конечно, былъ художникъ, не лишенный силы и граціи, но онъ подмергнулъ ложному направленію, и въ картинахъ своихъ изображалъ болѣе пышности, нежели величія, болѣе очарованія, нежели красоты. Лафоссъ *, Жувене, Лемоанъ, Койпель ** и де-Троа были тогда въ челѣ школы; Ваттò, превосходившій всѣхъ ихъ по искусству, былъ въ ихъ глазахъ простымъ опернымъ декораторомъ. А между-тѣмъ, несмотря на его ложное направленіе, въ произведеніяхъ его было болѣе истины, нежели въ произведеніяхъ всѣхъ этихъ коноводовъ школы, которые все изображали наизушку. Послѣ смерти Лесюера ***, во Франціи не было великаго живописца. Отъ Пуссена и Лесюера, которыхъ высокія достоинства

* Лафоссъ (Jean-Baptiste-Joseph de la Fosse) родился въ Парижѣ въ 1721 году, и былъ ученикомъ Фессара. Онъ гравировалъ преимущественно по рисункамъ Кармонтеля, любителя искусствъ, котораго портреты имѣютъ большія достоинства.

** Койпель (Antoine Coypel) родился въ Парижѣ въ 1661 году, умеръ тамъ же въ 1722. По таланту, онъ былъ выше многихъ своихъ современниковъ, но плата данъ вѣку и его требованіямъ, въ произведеніяхъ своихъ выразилъ всѣ недостатки своего времени: манерность и отсутствіе строгой истины. (Не должно смѣшивать его съ Noël Coypel, извѣстнымъ картиною своею: «Prévoyance d'Alexandre Sévère», украшающею одну изъ залъ версальскаго дворца).

*** Лесюёръ (Eustache le Sueur) родился въ Парижѣ въ 1617, а умеръ въ 1655. Онъ изучалъ живопись по высокимъ образцамъ италіанской школы. Благородная простота его композицій, изящество и истина рисунка и драпировки, приобрѣли ему названіе французскаго Рафаэля. Болѣе осьмидесяти картинъ его выгравированы лучшими художниками Франціи.

не были еще вполне оценены, общее вниманіе обратилось на Лебрена *. Въ то время учились на удачу, то въ Римѣ по Кар-

* Лебренъ (Charles le Brun) родился въ Парижѣ въ 1618, а умеръ въ 1690 году. Онъ учился въ Италіи. Возвратясь во Францію, былъ живописцемъ Людовика-Четырнадцатаго и директоромъ гобеленовой фабрики; произвелъ нѣсколько картинъ, поставившихъ его на ряду съ первыми живописцами Европы; и дѣйствительно онъ былъ однимъ изъ величайшихъ живописцевъ французской школы. Въ твореніяхъ своихъ онъ воспроизводилъ преимущественно предметы высокіе. Миньяръ завидовалъ ему и порицалъ его произведенія. Между-тѣмъ онъ украсилъ большую версальскую галлерей изображеніемъ исторіи Людовика-Четырнадцатаго съ 1661—1678 годъ. Тайльсонъ (Tailasson) сказалъ о Лебренѣ: Подобно быстрымъ движеніямъ арій Тюрена и Конде, его пылокъ изображеніе покрыло своды дворцовъ Людовика-Четырнадцатаго великолѣпными изображеніями побѣдъ его. Богатствомъ идей, аллегоріями, полными ума, ясности и благородства, онъ показалъ въ огромныхъ работахъ все разнообразіе своего возвышеннаго генія. Это обиліе и богатство — отличительные признаки его самостоятельнаго таланта. Съ раннихъ лѣтъ поставленный судьбою въ королевскіе чертоги, онъ зрѣлъ подъ вліяніемъ блеска и пышности, сообщившимъ характеру его гордую независимость, отразившуюся во всѣхъ его произведеніяхъ. Расположеніе въ картинахъ его полно свободы и величія; нигдѣ не встрѣчаете ливній, оскорбляющихъ или утомляющихъ чувство изящнаго, но за то нѣтъ и простоты, которая умилаетъ и трогаетъ. Картины его возбуждаютъ удивленіе, и глядя на нихъ, чувствуешь то удовольствіе, которое доставляетъ созерцаніе великолѣпныхъ зрѣлищъ, пышныхъ обрядовъ, торжественныхъ шествій. Онъ какъ-будто воспроизводилъ въ живописи преимущественно то, на что любилъ смотрѣть Людовикъ-Четырнадцатый. Расположеніе группъ у него легко и благородно; онъ очерченъ всегда прекрасными ливіями и полны эффекта; постановка фигуръ превосходная; онъ не очень заботился объ отчетливости въ одеждахъ, но это происходило не отъ незнанія, а оттого, что онъ употреблялъ въ картинахъ только тѣ костюмы, которые ему нравились. Хотя видна какая-то ненатуральность въ исполненіи драпировокъ и ихъ употребленіи, но при всемъ томъ въ нихъ много величественнаго, роскошнаго и характеристическаго. Его рисункъ искусный, правильный и оригинальный; формы благородныя; но имъ справедливо ставятъ въ упрекъ тяжеловатость и отсутствіе занимательности и разнообразія. Заваленному вѣчно огромными работами, ему, конечно, некогда было совѣщаться съ природою. Подобно побѣдителямъ, которыхъ онъ изображалъ,

лу Марату и Албану, которыхъ считали великими живописцами, то въ Парижѣ по Леброну и Миньяру, почитавшимся выше Пуссена и Лесюёра. Въ 1750 году, до выхода въ свѣтъ критики Дидро, маркизь д'Аржансъ, человекъ необыкновеннаго ума, основываясь на понятіяхъ своего времени, провозгласилъ Миньяра равнымъ Корреджіо, Леброна — Микель-Анджело, и Лемоана — Рубенсу.

Послѣ смерти Миньяра и Леброна, Лемоанъ занялъ первое мѣсто въ области искусства; онъ былъ болѣе его достоинъ, нежели де-Троа и Койпель. Онъ одинъ оставилъ достойнаго ученика своего, Франциска Бушѣ, о которомъ маркизь д'Аржансъ говоритъ такъ: «Это всеобъемлющій геній, заключающій въ себѣ таланты Веронеза и Гаспра, избирающій въ природѣ самые граціозныя предметы».

Бушѣ родился * въ то время, когда умеръ Боссюэтъ. Одинъ Фонтенель, этотъ предвѣстникъ осемнадцатаго вѣка, стоялъ подобно Пигмею, на могилахъ Корнеля, Пуссена, Мольера, Лесюёра и Лафонтена. Франція истощилась, производя знаменитыхъ чадъ своихъ. И кто бы могъ подумать? Бушѣ былъ однимъ изъ самыхъ поразительныхъ выраженій цѣлаго вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, осемнадцатый вѣкъ не представлялъ ли подобно Бушѣ, нѣчто въ родѣ вѣтрепка, который смѣется надъ всѣмъ, переходитъ отъ прихоти къ насмѣшкѣ, упивается игривыми выдумками, замѣняетъ искусство искусственностью, живетъ безпечно день за день, безъ воспоминаній, безъ надеждъ, предпочитая грацію силѣ, ослѣпляя и другихъ и самого себя поддѣльными красками? Когда поэзія и вкусъ приняли такое направленіе съ легкой руки аббата Воазенона и Жантиль-Бернара, когда вокальное искусство выражалось голосомъ Филлора, то не должно удивляться, что представителемъ живописи явился Бушѣ.

его гордый и неутомимый геній хотѣлъ овладѣть всеми работами, не довольствуясь уже порученными, которыхъ другой на хвѣстѣ его не въ состояніи былъ бы исполнить. Онъ не славился колоритомъ, который впрочемъ часто не лишень красота и вездѣ блеститъ силою и гармоніею.

* Въ Парижѣ 1704 года.

При взглядѣ хотѣ на одну изъ его картинъ, тотчасъ чувствуешь, что она возникла между каменными стѣнами, а не на лонѣ природы. Онъ никогда не тратилъ времени на созерцаніе великолѣпнаго зрѣнища неба, рѣки, луговъ и лѣсовъ; сомнѣваешься даже, чтобы онъ когда нибудь видѣлъ человѣка, женщину или дитя такими, какъ они созданы Богомъ. Бушѣ изображалъ новый міръ, міръ фей, гдѣ все живетъ, любитъ, улыбается не по земному. Это волшебникъ, который васъ забавляетъ и ослѣпляетъ, наперекоръ разсудку, вкусу и искусству; онъ нѣсколько напоминаетъ стихъ Берниса, поэта достойнаго подобнаго живописца:

A force d'art, l'art lui-même est banni .

И прежде того были живописцы, принадлежавшіе къ фамиліи Бушѣ: между прочимъ одинъ изъ нихъ, оставившій чудные рисунки, сдѣланные краснымъ карандашомъ (*dessins à la sanguine*), сюжеты которыхъ заимствованы изъ мифологіи. Онъ былъ учителемъ Миньяра, у котораго учился Лемоанъ, а этотъ послѣдній въ свою очередь руководилъ Франциска Бушѣ, такъ что этому послѣднему передавались, по преданіямъ, уроки его предка. Къ несчастію изъ всѣхъ этихъ уроковъ, онъ умѣлъ усвоить только ложное направленіе, которое сообщили искусству Миньяръ и Лемоанъ.

Бушѣ никогда не одушевлялся истинною любовью къ искусству. Онъ сдѣлался живописцемъ также легко, какъ могъ бы сдѣлаться архитекторомъ. Это было то неблагоприятное время, когда художникъ навлекъ бы на себя насмѣшки, если бъ занимался серьезно искусствомъ, нося въ груди громадныя замыслы! Онъ предпочелъ подчиниться условіямъ своего вѣка, и своихъ лѣтъ. Онъ началъ съ того, что заплатилъ дань молодости, бросая на произволъ перваго вѣтра всѣ розы своего двадцатилѣтняго возраста. У него были двѣ мастерскія: одна у Лемоана, другая, которую онъ посѣщалъ гораздо усерднѣе, — была опера. Не здѣсь ли Бушѣ былъ въ своей настоящей сферѣ? Не въ оперѣ ли находилъ онъ пейзажи и лица для картинъ своихъ? Оперные пейзажи, оперныя лица, оперныя чувства, вотъ почти весь Бушѣ. Эти двѣ мастерскія отличались разительною противоположностью. Въ одной изъ нихъ Лемоанъ, важный, грустный, снѣдаемый завистью и гордостью, недовольный всѣмъ, своими учениками и самимъ собою;

въ другой—игривый радъ людскихъ заблужденій, золото и шелкъ, умъ и сладострастіе, улыбающіяся губки и легкія одежды, волнующія вѣтромъ. Это было то достопамятное время, когда Камарго находила свои платья слишкомъ длинными, чтобъ танцовать гаргульяду (*gargouillade*). Чтобъ видѣть поближе весь этотъ міръ очарованья, Бушѣ просилъ, какъ милости, позволить ему написать одну декорацию. Онъ вооружился искрометною кистью Ваттѣ, чтобъ въ смѣлыхъ очертаніяхъ изобразить нимфъ и наядъ. Къ нему присоединился еще Карлъ Ванло; чрезъ нѣсколько времени имъ принадлежали какъ всѣ декорации, такъ и всѣ шпалерники (*les esparliers*, какъ называли въ то время фигурантокъ).

Въ-ту-пору процвѣталъ въ свѣтскомъ обществѣ и внѣ его кружокъ остряковъ (*beaux esprits*), какъ напримѣръ графъ де-Келюсъ *, Дюкло, Понтъ-де-Вейль, Морпа (*Maugeras*), Манкрювъ, Воазенонъ и Кребиллонъ, прозванный веселымъ (*le gai*), Колле и нѣсколько другихъ веселыхъ ребятъ (*enfants prodigues*), принадлежавшихъ къ среднему сословію, допускались въ этотъ кружокъ, ради ума ихъ или веселаго характера. Тутъ на все сочиняли куплеты и пѣсни въ видѣ газетъ, которыя распространялись по городу и при дворѣ; шутки, разигрывавшіяся въ гостиныхъ и на открытомъ воздухѣ, соблазнительныя сказки, переходившія отъ одного къ другому какъ текущія извѣстія. То была настоящая оперная литература; вотъ почему Бушѣ былъ благосклонно принятъ въ общество *этихъ господъ*, какъ они сами себя называли. Въ послѣдствіи д'Аламберъ судилъ объ этихъ господахъ немного строго, говоря объ ихъ незначительныхъ сочиненіяхъ: «это скорѣе опьяненіе нежели злоупотребленіе ума». Дюкло былъ однимъ изъ представителей этой академіи дурнаго вкуса....

* Келюсъ (*Anne-Claude-Philippe, comte de Caylus*), почетный членъ академіи изящной словесности (*belles lettres*) и живописи, граверъ и знаменитый любитель художествъ, родился въ Парижѣ въ 1692 году, а скончался въ 1765 году. Кромѣ искусствъ, онъ занимался науками и заслужилъ почетное мѣсто между антикваріями. Извѣстно его сочиненіе по этой части подъ заглавіемъ: «*Recueil d'Antiquités Egyptiennes, Grecques, Romaines et Gauloises*», въ семи частяхъ, in-4°. — Число изданныхъ имъ гравюръ простирается до 3,200.

Въместо того, чтобы слѣдить шагъ за шагомъ въ живописаніи, полномъ любовныхъ похожденій, расскажемъ лучше происшествіе, которое показываетъ Бушэ въ самое цвѣтущее время его жизни, когда онъ искалъ искусства и любви въ истинѣ, уби́гая отъ нихъ съ той минуты, какъ находилъ ихъ и предавался потомъ снова и ложному искусству и поддѣльной любви. Не станемъ рассказывать всѣхъ приключеній Бушэ въ оперѣ, веселыхъ и свободныхъ увлеченій, которыми сердце его было не причастно. Это уже обветшавшая тема; всѣ авторы мемуаровъ непременно касались ея; мы не будемъ слѣдовать ихъ примѣру. Къ чему, впрочемъ, обращаться воспоминаніемъ къ бездушной, холодной, чувственной любви, метавшей одиѣ тупыя стрѣлы? Послѣдуемъ лучше за Бушэ въ тѣ рѣдкіе дни, когда сердце его было не чуждо его дѣлу, когда его талантъ становился почти строгимъ. Блаженъ, кто былъ молодъ и веселъ; но что можетъ быть печальнѣе участи человѣка, которому суждено вѣчно смѣяться, или, какъ говорить Софья Чацкому (въ «Горе отъ ума»):

Шутить и вѣкъ шутить!

Бушэ самому скоро все надоѣло, и опера и этотъ родъ живописи, создаваемой имъ какъ бы волшебствомъ для обстановки «Кастора и Поллукса» и этотъ родъ любви, которою онъ наслаждался, — и увядшія розы безъ шиповъ: онъ не извѣдалъ силы шиповъ, защищающихъ розу!—Эти призраки любви и искусства кружили ему голову, ослѣпляли, очаровывали во все время, пока нѣжная рука молодости, полной пылкаго увлеченія, сѣяла цвѣты на пути его. Но чѣмъ молодость роскошнѣе и расточительнѣе, тѣмъ она скорѣе увядаетъ и исчезаетъ: въ одно прекрасное утро Бушэ проснулся съ чувствомъ грусти и разочарованія, самъ не зная отчего. Наконецъ онъ повѣлъ, что до-сихъ-поръ онъ осквернял и свое сердце и свое искусство, что такимъ-образомъ онъ утратилъ всю блестящую зарю своей жизни. Въ немъ пробудился остатокъ врожденной гордости; раскаяніе проникло въ его душу. «Поступать благородно никогда не поздно», сказалъ онъ однажды своему учителю, у котораго только изрѣдка бралъ уроки. Онъ обратилъ свой будоаръ въ мастерскую, переправилъ всѣ свои неконченныя картины, развѣшанныя по стѣнамъ: тутъ были *амуръ птицеловъ*, *амуръ охнець*, *амуръ виноградарь*, словомъ, вся *игрѣ*

вая и полная жизни поэма, въ которой амуръ главное дѣйствующее лицо. Бушѣ искалъ вдохновеній вездѣ, рѣшившись исходить городъ во всѣхъ направленіяхъ, рѣшившись даже, если понадобится, идти изучать природу въ поляхъ, на лугу, естественномъ солнцемъ илѣ подъ сѣнью простой деревенской церкви. Почти три недѣли онъ жлъ въ уединеніи и кончилъ тѣмъ, что мало-по-малу разстался со всѣми своими укоротительными оперными воспоминаніями. «Что вы подѣлываете?» спросилъ его однажды графъ де-Кедюсъ. — «Каюсь», отвѣчалъ онъ разсѣяно.

Воля—могущественнѣйшій властелинъ міра. Человѣкъ съ непреломною волею можетъ усвоить себѣ все: возвышенную добродѣтель, громкую славу, даже гений, эту безконечную лѣстницу, которую оудьба ставитъ иногда для соединенія неба съ землею, и которую отнимаетъ, когда человѣкъ поднимается по ней слишкомъ быстро или слишкомъ медленно. Силою воли, — кто бы подумалъ? — Бушѣ набросилъ покрывало на свое прошлое, разбилъ обманчивыя призмы, которыя ему показывали міръ въ ложномъ видѣ, открылъ новый горизонтъ, новый свѣтъ. И все это произошло оттого, что одна дѣвушка, его сосѣдка, которую до-сихъ-поръ онъ едва замѣчалъ, — до такой степени глупыми и приторными казалась ему ея скромность и простосердіе, — эта дѣвушка вдругъ предстала предъ нимъ во всемъ величїи и блескѣ своей могущественной красоты.

Его мастерская находилась въ улицѣ Ришліе. Недалеко оттуда, по улицѣ Сентъ-Антоанъ, проходилъ онъ почти каждый день, мимо фруктовой лавки; часто онъ видѣлъ въ дверяхъ молодую дѣвушку, не обращая на нея особеннаго вниманія, несмотря на то, что она была прекрасна и поразительна своею простотою. — Но разъ обвороженный граціею дѣвушки, могъ ли онъ быть нечувствителемъ къ красотѣ столь кроткой и дѣственной? Однажды, послѣ трехъ-недѣльнаго строгаго заключенія, онъ оставившись, очарованный, передъ фруктовою лавкою. То была пора, въ которую поспѣваютъ вишни. Корзины, наполненныя свѣжими фруктами и ягодами, привлекали взоры проходящихъ; пучки листьевъ полузакрывали плодъ еще не совсемъ созрѣвшій. Но не для вишенъ остановился Бушѣ. Когда онъ проходилъ, дочь торговки, съ обнаженными руками, распушенными волосами, подавала одной сосѣдкѣ фрукты. Надобно было видѣть,

съ какою граціею брала она вѣжною рукою вишни, передавая ихъ безъ всякихъ вѣсовъ сосѣдкѣ, и какою восхитительною улыбкою награждала ее за нѣсколько мелкихъ монеть, которыя отъ нея подучала. Живописецъ заплатилъ бы дорого за вишни, за ружку, которая ихъ подавала и въ особенности за эту чудную улыбку. Когда сосѣдка удалась, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, самъ не зная, что станеть говорить. Онъ слылъ большимъ мастеромъ въ искусствѣ нравиться; не было женщины, къ которой бы онъ не умѣлъ приступить съ слабой стороны, прямо, въ профиль, или повернувшись къ ней спиною; онъ вышелъ изъ хорошей школы; въ отношеніи къ врагамъ, имъ принято было за правило, усвоенное въ послѣдствіи Дантономъ. «Смѣлость, смѣлость и еще смѣлость!» Онъ былъ правъ; смотрѣть на женщину какъ на врага, не значитъ ли побѣждать ее? Отчего однако жъ Бушѣ на этотъ разъ потерялъ всю свою силу и смѣлость при видѣ дѣвушки слабой и простой? Оттого, что сила пробуждается только передъ силою. Змѣй, погубившій Еву, оттого только воспользовался ея слабостію, что духъ зла зналъ природу женщины.

Бушѣ пошелъ отважно впередъ, какъ человекъ увѣренный въ успѣхѣхъ, переступилъ черезъ порогъ лавки, блѣдный, смущенный, самъ не зная, что сказать. Спокойный и ясный взглядъ дѣвушки немногого его ободрилъ; онъ пришелъ въ себя, спросилъ вѣщенья, тотчасъ оправившись, попросилъ дѣвушку, въ особенное для него одолженіе, позволить нарисовать съ нея портретъ. Она ничего на это не отвѣчала; между-тѣмъ пришла мать. Такъ-какъ Бушѣ былъ человекъ съ изящными манерами, а эта женщина была отцвѣтшая конетка, то онъ легко получалъ позволеніе сдѣлать портретъ дочери. Мать и дочь явились на другой день въ мастерскую живописца. Бушѣ не сталъ удерживать мать, посадилъ дочь на диванъ, очинилъ карандашъ и принялся съ радостію за работу.

Розина принадлежала къ числу красавиць, которыя, сами того не зная, болѣе трогаютъ нежели очаровываютъ. Правильный ея профиль напоминалъ благородныя античныя линіи. Она была смугла, но волосы ея принимали при свѣтѣ тѣ прекрасныя золотистыя оттѣнки, которыми такъ восхищался Тиціанъ. Глаза ея были того неопредѣленнаго цвѣта, какой иногда видимъ въ осеннемъ небѣ; губы ея, можетъ-быть нѣсколько большія, имѣли

дивное выраженіе чистосердечія; « выраженіе, говоритъ Бушѣ, которое Розина нарушала во время разговора, и скорѣе словами, нежели движеніемъ губъ. Зато, самые пріятные часы, которые я съ ней проводилъ, были и самые безмолвные; я всегда любилъ то, что она намѣревалась сказать и почти никогда не любилъ того, что она говорила».

Бушѣ видѣлъ сначала передъ собою только восхитительную идею; хотя преданный въ то время всею душою искусству, онъ однако жъ сталъ видѣть въ Розинѣ наконецъ только женщину. Его сердце, никогда не имѣвшее до той поры досуга любить въ омутѣ чувственныхъ страстей и порочныхъ заблужденій, почувствовало наконецъ, что оно не совершенно охолодѣло; цвѣты любви показались въ немъ изъ подъ пламени сладострастія. Бушѣ влюбился въ Розину, не такъ какъ человѣкъ, который смотритъ на любовь какъ на игрушку, но какъ поэтъ, который любитъ со слезами на глазахъ; въ немъ пробудилась любовь нѣжная, чистая, достойная неба, къ которому она стремится и откуда нисходитъ на землю. Розина также полюбила Бушѣ. И какъ было ей не любить человѣка, который вдвойнѣ говорилъ, что она прекрасна: и словами и произведеніями кисти. И въ самомъ дѣлѣ Розина стала почитать себя красавницею только съ той поры, какъ увидѣла свои черты на полотнѣ. Но что же наконецъ вышло? Вы догадываетесь: они любили другъ друга, и сдѣлали взаимныя признанія. Однажды, послѣ слишкомъ нѣжныхъ взглядовъ, кисть вдругъ выпала изъ рукъ артиста, дѣвушка потупила глаза.... «Ахъ! бѣдная Розина, сказалъ Дидро, размышляя объ этомъ послѣ; зачѣмъ не продавала ты въ этотъ день вишень!»

Портретъ Розины, который долженствовалъ быть образнымъ произведеніемъ Бушѣ, оставался неконченнымъ; лицо было прекрасно, но живописецъ еще не могъ выразить въ немъ то возвышенное чувство, которое составляло задачу этого произведенія. Онъ то надѣялся, то приходилъ въ отчаяніе, то задумывался, то въ умиленіи смотрѣлъ на Розину; наконецъ очутился у той роковой преграды, преграды генія, предъ которою останавливаются безвильные таланты, и которую широкій случай помогаетъ переступить наиболѣе смѣлымъ. Любовь къ искусству или къ Розинѣ, не могла его возвести до такой высоты; въ немъ не доставало религіознаго чувства, которое одно могло бы отрѣшить его отъ земной существенности; онъ обожалъ въ Розинѣ

нѣ прекрасную дочь земли. Онъ колебался между любовью, поддерживаемою надеждою, и страстью, живущею воспоминаніями; колебался между строгимъ искусствомъ, которое поражаетъ величіемъ, и искусствомъ легкимъ и улыбающимся, восхищающимъ игривою граціею. Въ такомъ положеніи находилось его произведеніе, когда явилось новое лицо и дало идеямъ его и таланту другое направленіе.

Уже пятнадцать дней прошло съ-тѣхъ-поръ какъ Розина служила натурщицею для своего портрета, и не было еще и двухъ сутокъ съ той минуты, когда, при одномъ взглядѣ дѣвушки, живописецъ уронилъ свою кисть. Въ одно утро, около одиннадцати часовъ, Бушѣ приготовлялъ палитру, Розина распускала свои волосы. Вдругъ позвонили въ дверяхъ мастерской; Розина пошла отворить, какъ будто у себя дома. «Здѣсь господинъ Бушѣ?» спросила молодая дама и краснѣя переступила черезъ порогъ. Что вамъ угодно? спросилъ Бушѣ, смотря на приближающую въ зеркало. Увидя ее, онъ пошелъ къ ней на встрѣчу. «Господинъ Бушѣ, я бѣдная дѣвушка, немѣющая пропитанія. Еслибъ моя матушка не была больна и не нуждалась, то я могла бы жить своей работой; но для маменьки я рѣшаюсь сдѣлаться натурщицей. Мнѣ сказали, что у меня хорошая рука, и что и лицомъ я не дурна; посмотрите милостивый государь, и скажите, гожусь ли я въ модель для вашихъ картинъ?»

Незнакомка говорила съ видомъ величайшаго смущенія; но что особенно поразило живописца, это ея очаровательная красота. Прощай Розина, прощай любовь простая и возвышенная! Новая! красавица явилась передъ художникомъ какъ чудное видѣніе, о которомъ онъ до-сихъ-поръ мечталъ. Это была именно желанная муза, болѣе милая, чѣмъ прекрасная, болѣе граціозна нежели очаровательная, которой онъ искалъ такъ долго и такъ тщетно. Въ этомъ лицѣ соединилось выраженіе не земное и то, которое встрѣчается въ лицахъ оперныхъ пѣвицъ, которое волнуетъ въ одно время и сердце и уста, и наконецъ что-то неопредѣленное, нѣчто такое, что приводитъ душу въ восторгъ и упоеніе, не вознося ее до высокихъ помысловъ. Она была одѣта какъ одѣваются простолюдинки, что немного противорѣчило пѣвности ея чертъ, достоинству и благородству осанки. Хотя Бушѣ былъ довольно хорошій фizioномистъ, но онъ не открылъ въ этой красавицѣ ни заученой роли, ни притворства; искусство и заученныя манеры скрыты были подъ видомъ

простоты и наивности. Онъ вдался въ обманъ. Но кто этоу станетъ удивляться, вспомнивъ, что онъ думалъ найти природу и истину въ мастерской Лемоана или въ оперѣ? Розина послужила ему первымъ истиннымъ урокомъ; въ ней была природа во всемъ своемъ простомъ и истинномъ величїи; но врожденный инстинктъ живописца, обманчивый или искаженный, не могъ возвыситься до ея сознанїа. Увидѣвъ незнакомку, онъ воображалъ, что встрѣтилъ знакомое лицо, лицо видѣнное нѣтъ въ другой странѣ или даже въ другомъ мїрѣ. Вотъ отъ чего, не смотря на простоту ея наряда, онъ ее принялъ съ большимъ радушемъ и предупредительностью. «Какъ! сударыня, сказалъ онъ ей съ видомъ удивленїа, вы говорите, что вы довольно хороши собою? скажите лучше, вы очаровательно прекрасны!» — Советивъ вѣтъ, отвѣчала она съ самою прелестною улыбкой. — «Вы пришли кстати какъ нельзя больше, и именно затруднялся выразить высокое чувство въ этой картинѣ; можетъ-быть я найду его въ васъ. Наклоните немного голову къ сердцу, положите вашу руку на это кресло.—Розина, отяните красный занавѣсъ».

Бушѣ не замѣтилъ печальнаго взгляда, брошеннаго ему Розиною; она безмолвно повиновалась, спрашивая сама себя, неужели она годна только для того, чтобъ отдергивать занавѣсъ? Она сѣла въ углу мастерской, чтобъ не бывать видимой, глядѣть на ту, которая пришла возмущать ея блаженство. Но едва она сѣла на диванъ, какъ Бушѣ, любившій уединенїе вдвоемъ, посоветовалъ ей возвратиться къ матери, требуя однако жъ, чтобъ она непременно пришла къ нему на другой день пораньше. Она ушла не говоря ни слова; сердце ея взрывалось, она предчувствовала, что будетъ забыта для той, которая осталась на-единѣ съ ея милымъ. Сойдя съ лѣстницы, она отерла слезы. «Ахъ! что скажетъ матушка, увидѣвъ меня такую печальною?» Она стала идти по улицѣ, чтобъ успокоиться отъ горестнаго чувства. «Впрочемъ, думала она, подождавъ немного, посмотрю, какъ онъ въ свою очередь уйдетъ; узнаю, что происходитъ въ ея сердцѣ».

Она стала дожидаться. Прешло болѣе часу; новая натурщица все-еще не выходила. Бушѣ нарочно портилъ прекрасное лицо Розины, желая въ немъ соединить два типа. Наконецъ незнакомка вышла въ какомъ-то замѣшательствѣ, съ такимъ видомъ, какъ-будто сдѣлала дурное дѣло. Утромъ шелъ дождь, улица была почти непроходима для прекрасныхъ ея ножекъ. Легкая какъ птичка, она побѣжала къ Пале-Роялю. Остановившись передъ домомъ бѣдной наружности, она подала золотую монету нищему,

посмотрѣла вокругъ себя съ недоувѣрчивостію и исчезла подъ воротами. Розина слѣдовала за ней; но видя, что она скрылась, зашѣтала домъ, и не смѣя предаваться болѣе своему любопытству, рѣшилась отправиться домой. Но невидимая сила удерживала ее противъ воли; ей непремѣнно хотѣлось посмотрѣть въ окна этого дома: предчувствіе говорило ей, что она увидитъ свою соперницу. Въ-самомъ дѣлѣ, вдругъ, къ величайшему ея удивленію, незнакомка вышла совершенно въ другомъ нарядѣ. На этотъ разъ, она была одѣта какъ знатная дама: шелковое платье со шлейфомъ, который она старалась прибрать въ карманъ, воаль (mantelet), красныя каблучки и прочія принадлежности. «Куда же она идетъ въ этомъ нарядѣ?», подумала Розина, слѣдовавшая за ней почти шагъ за шагомъ. Между-тѣмъ дама шла прямо къ раззолоченой каретѣ, которая ее дожидалась у Пале-Рояля. Лакей бросился отворять ей дверцы. Она порхнула въ карету, какъ женщина, привыкшая въ нее садиться всякій день. «Я отгадала, думала Розина: въ ея приѣмахъ, въ ея произношеніи, въ этой застенной гордости взгляда, было что-то такое, что меня удивляло. Напрасно принимала она на себя личности, ее все-таки можно было узнать. А онъ, узналъ ли онъ ее?»

На другой день Розина немного опоздала; однако жъ увидѣвъ ее, Бушѣ не сказалъ ей пріятливаго слова, въ утѣшеніе за долгое отсутствіе: — «Я васъ ждалъ».

— Что же, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, вы мнѣ ничего не говорите объ вашей знатной дамѣ?

— Объ моей знатной дамѣ? Я васъ не понимаю?

— Такъ вы не догадались? Это была не простая дѣвушка, какъ она говорила, но важная дама, которая приходила сюда отъ нечего дѣлать. Я видѣла какъ она сѣла въ карету. И что за карета! что за лошади! что за лакеи!

— Да что вы толкуете? Вы хотите меня обмануть; это ложь.

— Нѣтъ, это сущая правда. Извольте вѣрить послѣ этого наружной наивности!

— Какое странное приключеніе! сказалъ Бушѣ, потирая лобъ рукою. Придетъ ли она опять?

Въ эту минуту, Розина оперлась руками на плечо живописца.

— Она у васъ ничего не просила, сказала она съ печальнымъ видомъ.

Бушѣ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ничего, кромѣ экию за сеансъ; это загадка, я тутъ рѣшительно ничего не понимаю.

- Ахъ, она прійдетъ опять.
- Кто знаетъ? Она должна была прійти сегодня утромъ.
- Сегодня уже я не пойду отворять дверь.
- Отчего? Какое ребячество! Не ревнуете ли вы?
- Вы жестокий человѣкъ! А вы сами пойдете отпереть дверь?
- Да.

Розина удалилась со вздохомъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказала она со слезами на глазахъ, дверь эта для меня не будетъ болѣе отворяться.

Розина, проливавшая слезы любви и ревности, была очаровательно прекрасна; но Бушѣ къ ея и своему несчастію, думалъ только о таинственной незнакомкѣ. «Розина, вы сами не знаете, что говорите, это безуміе». Слова эти произнесены были съ холодностью; бѣдная дѣвушка, пораженная въ самое сердце, подошла къ дверямъ и слабымъ голосомъ прошептала печальное «прости». Конечно, она надѣялась, что онъ не пуститъ ея, что подойдетъ къ дверямъ, обвинить ее и утѣшить поцѣлуемъ; но онъ ничего этого не сдѣлалъ: онъ, неблагодарный, забылъ, что Розина была не хористка, бнѣ думалъ, что она притворяется, какъ всѣ актрисы безъ сердца и безъ совѣсти. Но Розина притворяться не умѣла; она повиновалась своему простому и наивному характеру; она отдала ему все, что могла отдать, болѣе нежели свое сердце, болѣе нежели свою душу; поэтому не удивительно, что она возмущилась, увидя, что онъ любитъ такъ легкомысленно и вѣтрово. Она остановилась въ дверяхъ, посмотрѣла на Бушѣ; одинъ ласковый взглядъ воротилъ бы ее къ нему; но онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ, какъ привыкъ говорить первой встрѣчной: «Полноте чиниться». Слова эти привели Розину въ негодованіе. «Теперь все кончено!» сказала она и въ ту же минуту затворила за собою дверь. Шумъ ея шаговъ доходилъ до сердца Бушѣ; онъ хотѣлъ броситься на лѣстницу, но остановился, думая, что она сама воротится. Другая бы вернулась, но не Розина. Съ нею Бушѣ потерялъ всю надежду на истинный талантъ. Истина являлась передъ нимъ во всей своей силѣ, величій и красотѣ; но онъ не могъ до нея возмѣститься. Онъ сталъ отыскивать таинственное явленіе, такъ поэтически олицетворявшее его музу.

Напрасно онъ посѣщалъ большой свѣтъ вмѣстѣ съ Понъ-де-Вейлемъ и графомъ Келюсомъ. Онъ присутствовалъ на всѣхъ праздникахъ, въ спектакляхъ, на гуляньяхъ и ужинахъ; онъ все-таки не открылъ слѣда той, которую искалъ съ такимъ безу-

ный увлеченіемъ. Розина не совсѣмъ изгнана была изъ его сердца; во воспоминаніе объ ней всегда смѣшивалось съ воспоминаніемъ о незнакомѣ. Впрочемъ, однажды, когда онъ смотрѣлъ на неоконченную картину, онъ почувствовалъ, что Розина еще живетъ въ душѣ его, упрекалъ себя, что оставилъ ее и рѣшился тотчасъ отправиться къ ней и сказать, что онъ ее любитъ и не переставалъ любить. Онъ сошелъ съ лѣстницы и отправился въ улицу Святой-Анны, несмотря на то, что она была заставлена множествомъ фіакровъ и каретъ. Дѣвушка, съ корзиною въ рукѣ, проходила по другой сторонѣ улицы. Онъ узналъ въ ней Розину. Увы! это была только тѣнь Розины; печаль свѣдала ее, равнодушіе милого произвело на нее разрушительное вліаніе. Онъ хотѣлъ перейти черезъ улицу, чтобъ догнать Розину, но карета помѣшала ему идти впередъ и, какая-то дама выглянула въ окошко. «Это она!» закричалъ онъ въ себя. Онъ забылъ Розину и бѣжалъ за каретою, готовый рѣшиться на все; между тѣмъ карета подѣхала къ одному богатому дому въ улицѣ Святого-Доминика. Живописецъ смѣло явился туда полчаса спустя. Онъ былъ принятъ со всевозможными учтивостями. «Миѣ кажется, графъ, я слышалъ, что графиня не прочь имѣть свой портретъ моей работы». — «Она миѣ объ этомъ ничего не говорила, но я васъ провожу на ея половину». Не смотря на всю свою отважность, Бушѣ почти хотѣлъ вернуться; но какъ воротиться безъ причины было также не ловко какъ и идти на встрѣчу опасности, то онъ отправился съ графомъ въ галерею графини.

То была она, та самая блѣдная дѣвушка, которая жаловалась, что не имѣетъ насущнаго хлѣба. Она сказала Бушѣ, что любопытство, къ которому присоединялась отчасти скука, привело ее въ его мастерскую, чтобъ представить свою красоту на судъ человѣка безпристрастнаго, которому нѣтъ причины лгать. «Я вамъ тогда заплатилъ за сеансъ, сказалъ Бушѣ, съ увлеченіемъ, теперь ваша очередь заплатить миѣ за другой сеансъ». Рѣшено было писать портретъ графини. Онъ ее любилъ: въ то время еще позволяли себя любить.

Послѣ упоеній этой страсти, покинутая дѣвушка снова стала являться въ воспоминаніяхъ Бушѣ. Глядя на главное лицо своей картины, въ которомъ вѣтреный артистъ смѣшалъ выраженіе двухъ красотъ, онъ увидѣлъ, что Розина была прекраснѣе графини, но эта внушила ему страсть болѣе пылкую нежели Розина; когда же прошелъ первый пылъ очарованія, онъ снова сталъ постигать, что Розина обладала идеальной красотой, которая приводитъ

въ восторгъ пылкихъ юношей и вдохновляетъ художниковъ. «Да, говорилъ онъ съ сожалѣнiемъ, я себя обманывалъ какъ ребенокъ; красота божественная и земная, чувство небесное, все это соединялось въ Розинѣ; — обольщенiе, обманъ, выраженiе чуждое и небу и сердцу, — это олицетворяла графиня. Я испортилъ мой трудъ, какъ безумный; еще есть однако жъ время». Но уже было поздно. Онъ побѣжалъ къ торговкѣ и спросилъ объ Розинѣ.

— Она умерла, отвѣчала ему мать.

— Умерла! вскричалъ Бушѣ поблѣднѣвъ.

— Да, господишь живописецъ, умерла, какъ умираютъ въ осеннадцать лѣтъ, отъ сердечнаго горя. Я говорю только по слухамъ, но она призналась своей теткѣ, которая за ней ходила перель кончиной, что умираетъ отъ того, что слишкомъ сильно любила. Кстати, вы забыли сдѣлать мой портретъ? А ея? я объ немъ совсѣмъ забыла.

— Онъ не конченъ, сказалъ живописецъ, виѣ себя отъ внутренняго волненiя.

Возвратясь въ мастерскую, онъ предался всей своей горести; онъ бросился на колѣна передъ неконченнымъ образомъ Мадонны, проклиналъ пагубную страсть, которая его удалила отъ Розины, поклялся жить съ-этнхъ-поръ воспоминанiемъ, посвященнымъ этому благородному созданiю. Проведя въ слезахъ и рыданiяхъ около часа, онъ хотѣлъ какъ-бы по внезапному вдохновенiю, поправить что-то въ своей картинѣ. «Нѣтъ! нѣтъ! сказалъ онъ вдругъ, желая уничтожить черты графини: развѣ вѣсть съ тѣмъ я не уничтожу дивныя черты несчастной Розины?» Онъ снялъ картину съ мольберта, повесъ ее слабыми руками въ другой конецъ мастерской, и повѣсилъ надъ собою, гдѣ садилась Розина передъ нимъ въ послѣднiй разъ. Онъ повѣрилъ свою глубокую печаль только тремъ прiятелямъ, графу Келюсу, Понъ-де-Вейлю и Дюкло. Когда дѣлали ему замѣчанiя о неоконченной картинѣ, онъ ограничивался отвѣтомъ: «Не говорите мнѣ объ-этомъ, вы мнѣ напоминаете, что часы вдохновенiя для меня мпновались».

Въ то счастливое время, всѣ, кромѣ Розинъ, скоро утѣшались, и Бушѣ также утѣшился. Онъ снова и еще съ большимъ безумiемъ предался всѣмъ увлеченiямъ свѣтской жизни. Ни чловѣкъ въ безыскусственной простотѣ своей, ни пейзажъ озаренный безыскусственными лучами солнца не привлекали его вниманiя. Природа не находила отголоска въ душѣ его. Однажды въ

минуты благороднаго успокоенія,—это былъ лишь слабый его отблескъ, — онъ оставилъ Парижъ въ первый разъ со времени своего дѣтства. Куда направлялъ онъ путь свой? Онъ самъ не сказалъ; но судя по письму къ Ланкре, природа показалась ему весьма непріятною, сдѣшкомъ зеленою, плохо освѣщенною. Не странно ли, что такой талантливый художникъ какъ Бушѣ, находилъ несовершенства въ созданіи самаго высокаго художника, съ которымъ никто не можетъ сравниться въ силѣ колорита и освѣщенія. Рафаэль и Микель-Анжело были жестоко отомщены, потому что Бушѣ этимъ не ограничилъ своей критики. По забавнѣ всего слова Ланкре въ отвѣтъ на письмо Бушѣ: «Я совершенно съ вами согласенъ; въ природѣ не достаетъ гармоніи и очарованія». И вотъ Бушѣ, окруженный истинной, но нѣсколько суровой природою, тщетно старается постигнуть значеніе этого высокаго зрѣлища, достойнаго своего создателя; ему неповяты гимны любви, возсылаемые природою къ дебу въ шумѣ рѣкъ и лѣсовъ, въ пѣньи птицъ, въ благоуханш цвѣтовъ; онъ не замѣчаетъ дивной гармоніи, соединяющей твореніе Бога и челоуѣка. Посреди всѣхъ этихъ чудесъ, Бушѣ продолжалъ путь какъ дзгманникъ, попирающій чуждую землю. Онъ искалъ своихъ боговъ. Гдѣ Панъ? гдѣ Нарцисъ? гдѣ Діана? Онъ звалъ ихъ, но никто, и даже эхо не отвѣчало ему. Онъ сталъ искать своихъ знакомыхъ смертныхъ, но гдѣ они? гдѣ веселые сельскіе праздники? Онъ даже не встрѣтилъ на лугу ни одной пастушки. Возвратясь въ свою мастерскую, онъ конечно былъ внѣ себя отъ радости, увидѣвъ опять свои хорошенькія розовыя лица, гдѣ все дышало очарованіемъ. Его справедливо называли также какъ и Корреджіа живописцемъ грацій: онъ жилъ, любилъ, рисовалъ только въ мірѣ фей.

Послѣ этихъ двухъ рѣшительныхъ неудачъ, Бушѣ предался бодѣ тѣмъ когда-нибудь рѣзвымъ причудамъ и манерной граціи своего таланта. Его мастерская снова превратилась въ будоаръ, очень часто посѣщаемый актрисами. Ему не было еще 26 лѣтъ и все его приглашали на-перерывъ, какъ ради его таланта, такъ и ради его красивой наружности. Одни академики ненавидѣли его за то, что въ обращеніи съ ними онъ обнаруживалъ надменность знатнаго челоуѣка и часто насмѣхался надъ ихъ важностью; они не жаловали его можетъ-быть еще и за то, что онъ смѣялся надъ искусствомъ. Но что за люди были тогдашніе академики? Имѣли ли они право, исключая Жанъ-Батиста Вавло и Булоа порицать Бушѣ?

По приговору всѣхъ здравомыслящихъ судей, Бушѣ принадлежала римская премія; между-тѣмъ академія судила объ этомъ иначе. Онъ однако жъ отправился въ Римъ: это была третья и послѣдняя попытка его изучить искусство и природу; но онъ оправдалъ мнѣніе объ немъ академіи, потому-что и въ столицѣ искусствъ тратилъ свое время безплодно. Рафаэль показался ему приторнымъ, а Микель-Анджело — шероховатымъ; онъ осмѣлился говорить это во всеуслышаніе!

Бушѣ, отправившись въ Римъ съ Карломъ Ванло, воротился въ Парижъ одинъ, безъ денегъ, безъ картинъ, отвергая всѣ образцовыя произведенія искусства. Что можно было предсказать тогда о такомъ живописцѣ? Однако жъ за него не отчаявались. «Его умъ погубилъ его, и умъ этотъ будетъ его спасителемъ». говорилъ графъ Келюсъ: замѣчаніе истинное и глубокое, которое превосходно выражаетъ талантъ Бушѣ. Въ самомъ дѣлѣ, возвратясь изъ путешествія, онъ тотчасъ вошелъ въ моду; ему стоило только работать, чтобъ быть осыпану похвалами, онъ имѣлъ заказы отъ двора, отъ церквей и театровъ; барскіе хоромы, пышные замки раскрылись для его таланта. Онъ работалъ день и ночь, подсмѣиваясь надъ всѣми и надъ самимъ собою, создавая какъ-бы волшебствомъ купидоновъ и амуровъ. Онъ мчался подобно вихрю, оканчивая въ одинъ день образъ «Благовѣщенія» для церкви Севъ-Жермевъ-де-Пре, «Венеру на Цитеръ» для Версаля, рисунокъ для оперныхъ декораций, портретъ герцогини и картину легкаго содержания, — вдохновляемый то небомъ, то землею, потерявъ въру въ славу и предаваясь душой и тѣломъ общему идолу — золоту. Въ послѣднее время своей жизни, онъ получалъ не менѣе пятидесяти тысячъ ливровъ дохода. Однако не смотря на значительность своихъ доходовъ, онъ дѣлалъ еще долги; онъ усвоилъ философію своего времени; насмѣхался надъ всѣмъ благороднымъ, почтеннымъ и возвышеннымъ; сомнѣвался въ непорочности сердца и вдохновеніяхъ души. Онъ давалъ великолѣпные праздники; между ними памятенъ одинъ, который стоилъ ему денегъ, вырученныхъ трудами цѣлаго года, — знаменитый праздникъ, названный *праздникомъ боговъ*. Онъ вздумалъ представить Олимпъ и всѣ языческія божества. Самъ онъ взялъ роль Юпитера, его пріятельница роль Гебы, разливавшей всю ночь нектаръ богамъ и богинямъ. Академики, удивленные такими великими подвигами, рѣшились наконецъ принять въ число своихъ членовъ и Бушѣ, котораго свободная, шумная школа затмила академію. Назначенный въ

академики, Бушэ однако на дѣлѣ не былъ имъ. Онъ продолжалъ вести жизнь блуднаго сына и работать какъ артистъ, чуждый убѣжденія.

Онъ не довольствовался живописью, и занимался искусствомъ гравированія и скульптуры. Онъ выгравировалъ множество сюжетовъ Ватто; дѣлалъ въ миниатюрѣ группы и маленькія фигурки для Севрской фабрики. Его рѣзба и скульптурныя работы достойны лучшихъ его картинъ, и онѣ, какъ и его картины, запечатлѣны граціею, одушевленіемъ и гармоніею. Его многочисленныя и разнородныя произведенія распространялись повсюду: его толстошекіе амурсы попадались на рѣшеткахъ каминовъ, нимфы — на столовыхъ часахъ, гравюры въ книгахъ, а картины — вездѣ. Бушэ продававшій свои произведенія не очень дорого, обязанъ былъ своимъ доходами лишь удивительной скорости, съ которою работалъ. Госпожа Жофренъ заплатила за двѣ лучшія его картины двѣ тысячи экю, и цѣна эта была впрочемъ еще изрядная. Императрица Екатерина II купила ихъ въ свою очередь у госпожи Жофренъ за 30,000 ливровъ. Госпожа Жофренъ тотчасъ отправилась къ Бушэ съ словами: «Я вѣдь вамъ говорила, что картины выставлены у меня за большіе проценты; вотъ 24,000 ливровъ, которые вамъ слѣдуютъ за *l'Augote* и *Thétis*». Не въ первые добрая госпожа Жофренъ совершала такую выгодную сдѣлку; она начала этотъ родъ промышленности еще съ Карломъ Ванло.

Вскорѣ послѣ возвращенія своего изъ Рима, Бушэ влюбился въ одну дѣвушку, принадлежавшую къ среднему сословію, по имени Марію Пердрижонъ. Судя по мемоарамъ того времени, это была одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ во Франціи, и можетъ быть не имѣла въ красотѣ соперницъ. Портретъ ея находится въ Версали. Рау представилъ ее въ видѣ весталки, поддерживающей священный огонь; чей священный огонь? конечно не огонь Бушэ, ни ея самой, потому что если есть священной огонь въ этой картинѣ, то онъ заключается во взорѣ весталки. Бушэ любилъ ее такъ страстно, что рѣшился на ней жениться; «хотя, говорилъ онъ, шутя, женитьба не входила въ его привычки». Сдѣлавшись его женою, она часто служила ему моделью для его *Мадонъ* и *Венеръ*; въ его произведеніяхъ безпрестанно попадаетъ лицо ея. Плодомъ ихъ любви было двое дѣтей, двое прелестныхъ малютокъ, которыя какъ будто созданы были по самымъ прекраснымъ картинамъ живописца. Она умерла 24 лѣтъ; она

была слишкомъ прекрасна, говорилъ неутѣшный Бушэ, чтобъ жить долѣе подъ парижскимъ небомъ». Спустя около 17 лѣтъ послѣ своей женитьбы, Бушэ выдалъ замужъ своихъ дочерей и двухъ живописцевъ, не принадлежавшихъ къ его школѣ, Дезей (Deshay), художника почти гениальнаго, и Бодуэна (Baudouin), который былъ бы Лафонтеномъ въ живописи, еслибъ обладалъ простотою знаменитаго баснописца. Жена Бушэ и ея дочери провели свою жизнь въ шумѣ свѣта и въ слезахъ. Хотя онѣ были прекрасны и милы, но мужа часто забывали ихъ для оперныхъ актрисъ или первыхъ попадавшихся женщинъ. Бушэ, Дезей и Бодуэнъ были напитаны самыми порочными страстями; они не долго были чувствительны къ прелестямъ и добродѣтелямъ своихъ супруговъ; нѣломудренная сѣнь семейнаго очага не представляла очарованія ихъ сердцу; ихъ порочныя души жаждали безумныхъ упоеній, оскверненныхъ уста ихъ привыкли вкушать изъ не столь чистой чаши. Нѣжныя ласки супруговъ не могли приковать къ себѣ ихъ любви, они искали восторженныхъ объятій, жгучихъ поцелуевъ, прощающихъ окозъ сладострастія. Въ продолженіе мѣсяца года они сдѣлались жертвами необузданныхъ страстей; прежде всѣхъ скончался тотъ, который былъ всѣхъ моложе; Бушэ умеръ послѣдній, бывъ свидѣлемъ отчаянія товарищей своего безумства. Дезей былъ можетъ-статься единственнымъ истиннымъ живописцемъ послѣ Лессюера; въ 1750 году онъ обладалъ чувствомъ красоты и величія. За то Бушэ, человекъ подъ часъ не безъ здраваго смысла, видя въ своей мастерской подобнаго ученика, поостерегся давать ему уроки; онъ ограничился тѣмъ, что отдалъ ему свою дочь, сказавъ въ шутку: «Учись съ ней». Что касается до Бодуэна, то это былъ Грѣзъ и Бушэ въ миниатюрѣ, или, по словамъ Дидро, «Фонтенель съ примѣсю Теокрита».

Бушэ продолжалъ свое поприще, слѣдуя пагубному направленію, на которомъ онъ заблуждался въ слѣдъ за своимъ учителемъ. Несмотря на избытокъ выручаемыхъ имъ денегъ и ежедневное удовлетвореніе своему тщеславію, онъ никогда не былъ счастливъ: ему никогда не доставало сознанія своихъ слѣдъ. Въ немъ преобладало чувство собственныхъ заблужденій какъ человека и какъ живописца; онъ понималъ, что растрачивалъ въ ничтожныхъ проблескахъ частицу божественнаго огня, возжженного въ душѣ его въ прекрасные дни юности; онъ предчувствовалъ, что созданіе его поглотитъ вмѣстѣ съ нимъ. Для разсканія этихъ

врачныхъ мыслей, онъ черпалъ до дна источникъ наслажденій. Подъ конецъ своей жизни онъ сблизился нѣсколько съ природою; воздвигъ въ честь ея родъ храма, то есть кабинетъ естественной исторіи, въ которомъ часто занимался Бюффонъ. По смерти Бюше кабинетъ былъ проданъ за 100,000 ливровъ. Это былъ единственный остатокъ огромнаго его состоянія. Это назнчалось, по словамъ его, на расходы при его похоронахъ.

Онъ не переставалъ выѣзжать въ свѣтъ. У госпожи Жофренъ обѣдали по понедѣльникамъ артисты, а по средамъ литераторы. Мармонтель, который въ то время обѣдалъ только съ условіемъ обѣдать въ гостяхъ, являлся къ столу госпожи Жофренъ по понедѣльникамъ и по средамъ. Въ запискахъ своихъ онъ упоминаетъ объ ея гостяхъ; объ артистахъ онъ говоритъ такъ: «Замѣтно было, что при врожденномъ умѣ, почти всѣмъ имъ недоставало образованія и воспитанія. Добрый Карлъ Ванло обладалъ въ высшей степени талантомъ, какой только можетъ имѣть живописецъ при отсутствіи гевія; но ему не доставало вдохновенія, и чтобъ его замѣнить, онъ изучалъ мало высокыхъ образцовъ, которые возвышаютъ душу и наполняютъ воображеніе великими образами и возвышенными идеями. Верне *, удивительный мастеръ изображать воду, воздухъ, свѣтъ и игру этихъ стихій, живо представлялъ въ воображеніи ихъ образцы, но въ этомъ, несмотря на довольно веселый характеръ, это былъ человѣкъ обыкновенный. Латуръ былъ человѣкъ съ энтузіазмомъ,

* Верне (Joseph Vernet), знаменитый морской пейзажистъ, родился въ Авньонѣ въ 1714 году, умеръ въ Парижѣ въ 1789 году. Большую часть жизни своей провелъ въ Римѣ и Неаполѣ. Пейзажамъ своимъ онъ умѣлъ сообщать прелесть природы, не подражая ей безусловно, съ эффектомъ соединялъ *нестину* освѣщенія и оживлялъ фигуры на картинахъ своихъ свойственнымъ ему одному умомъ. Верне былъ призванъ Людовикомъ-Четырнадцатымъ въ отечество, гдѣ ему поручено было написать виды всѣхъ портовъ Франціи: трудъ повидимому неблагоприятный, подобно всякой работѣ, останавливающей свободное стремленіе таланта художника; но ему однако жъ удалось въ пейзажахъ своихъ при условіи необыкновенной точности и подробностей, соединить живописность, одушевленіе и отличительный характеръ каждаго вида. Потому онъ снова предался изображенію своихъ любимыхъ италіанскихъ пейзажей, предмета его первыхъ вдохновеній.

но съ головой набитой политикою и правоученіемъ; онъ судилъ объ нихъ съ видомъ знатока и оскорблялся, когда съ нимъ заговаривали о живописи. Онъ рѣшился сдѣлать мой портретъ, только изъ благодарности за снисхожденіе, съ какимъ я выслушивалъ рассказы, въ которыхъ онъ располагалъ судьбами Европы. Бушѣ обладалъ пылкостью воображенія, но ему не доставало ни истины, ни благородства; онъ не имѣлъ понятія о благородной граціи; онъ писалъ Венеру и Мадону по закулиснымъ намекамъ, и его рѣчи также какъ и его картины носили отпечатокъ нравовъ его образцовъ и тона его мастерской.

Маркиза де-Помпадуръ * и госпожа Дюбарри любили талантъ Бушѣ. И это въ порядкѣ вещей. Талантъ этотъ не былъ ли созданъ для того, чтобъ писать портретъ этихъ случайныхъ царицъ? Не были ли онѣ также одні изъ тѣхъ музъ, отъ которыхъ Бушѣ ожидалъ вдохновенія? Не было ли въ нихъ кокетливой граціи, обворожительнаго взгляда и улыбающихся губокъ, составлявшихъ очарованіе женщинъ Бушѣ?

По смерти Карла Ванло, Бушѣ сдѣланъ былъ первымъ живописцемъ короля, и это возвышеніе никого не удивило. Въ то время, когда на престолѣ Бланки-Кастльской возсѣдала Дюбарри, никто ничему не удивлялся.

Изъ всего этого поколѣнія, увѣнчаннаго увядшими розами,

* Помпадуръ (Jeanne Antoinette Poisson, Marquise de Pompadour), принадлежить къ числу французскихъ граверовъ. Родилась въ Парижѣ въ 1720 году, скончалась въ 1764 году. Отецъ ея былъ негодіантомъ. Вышедъ замужъ за господина Этіоля, она попала въ милость къ Людовику-Пятнадцатому и хотя пользовалась большимъ вліяніемъ при его дворѣ, но не была счастливѣе госпожи Ментенонъ. Она покровительствовала изящнымъ искусствамъ, которыми занималась съ дѣтства; любила Карла Ванло, написавшаго прекрасную аллегорическую картину на ея выздоровленіе и была постоянною благодѣтельницею Кошена; Буше и Эйзенъ также пользовались ея благосклонностью. — Не ограничиваясь покровительствомъ художниковъ, Помпадуръ стала сама въ ряды ихъ. Она выгравировала болѣе шестидесяти картинъ Буше, Эйзена и другихъ. — Дидро, говоря о Помпадуръ, спрашиваетъ: «Что же осталось послѣ знаменитой женщины? версальскій трактатъ и его послѣдствія; нѣсколько гравюръ, хорошая картинка Ванло, на которую иногда будутъ смотрѣть, и горсть праха!»

Бушэ умеръ первый, весною 1770 года *, съ кистью въ рукѣ, хотя уже давно одержимъ былъ болѣзвью. Онъ былъ одинъ въ своей мастерской; одинъ изъ его учениковъ хотѣлъ туда войти. «Не входите», сказалъ Бушэ, чувствовавшій, можетъ быть, приближеніе смерти. Ученикъ затворилъ дверь и удалился. Часъ спустя, живописца Франциска Бушэ нашли при послѣднемъ издыханіи передъ картиною: «Одѣвающаяся Венера **».

За Буше послѣдовали въ царство тѣней всѣ любезники, живописцы, аббаты, поэты и въ главѣ ихъ чтецъ французскаго короля, Монкрюфъ, который никогда ничего не читалъ, и знаменитый королевскій бібліотекаръ Жантиль-Бернаръ, посѣщавшій больше оперу чѣмъ бібліотеку. Полупечальное и полусмѣшное зрѣлище представляла толпа этихъ людей, которые весело отправлялись на тотъ свѣтъ, заботясь передъ смертію единственно о томъ, чтобъ, закрывая на вѣки глаза, сказать острое словцо (*bon-mot*), чтобъ умереть такъ, какъ жили. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сошли въ могилу всѣ представители веселаго, умнаго, развратнаго и безумнаго осемнадцатаго вѣка. Не говоря уже о господахъ Помпадуръ, о Буше, и о знаменитыхъ актрисахъ Фаваръ и Госсенъ, въ погребальномъ шествіи возникаютъ передъ нами тѣни Кребильона съ его безнравственными повѣстями, Мариво съ его остроумными комедіями, аббата Прево съ его любезной Манонъ, Панара съ его водевилями, Пирона съ его остротами, Дората съ его мадригалами, аббата Воазенона съ дѣтьми Фаваръ... Затѣмъ кто еще слѣдуетъ? Рамо, Гельвецій, Дюкло, Вольтеръ, Жанъ-Жакъ-Руссо; довольно ли?

* Некоторые относятъ смерть Буше къ 1768 году; но въ числѣ рисунковъ его, выгравированныхъ Демарто (*Demarteau*), намъ попался одинъ: «*la danse allemande*». На этомъ рисункѣ есть подпись: *Boucher f. 1769*; слѣдовательно гораздо основательнѣе относить смерть его къ 1770 году.

** Передъ нами гравюра съ рисунка этой картины, слѣдланнаго самимъ Буше: Венера, окруженная принадлежностями своего наряда, сидя передъ зеркаломъ, обратилась къ Амуру, подающему ей кажется духи или помаду. И тутъ, какъ во всемъ другомъ, видѣнъ Буше: положеніе Венеры лишено наивной граціи, въ очертаніи тѣла и подробностей неестественность и натяжка. Амуръ набросанъ болѣе смѣлымъ и бойкимъ карандашомъ.

Жизнь Буше имѣетъ логическую послѣдовательность; жизнь живописца отражается въ его работахъ; въ его любви такое же отсутствіе истины какъ и въ его живописи; надобно однако смотрѣть на ту и на другую какъ на выраженіе эпохи. Этимъ однимъ, впрочемъ, Буше обязанъ сдѣлаться о немъ въ потомствѣ. Жизнь его, какъ замѣчательной личности семнадцатаго вѣка, выражаетъ главную отличительную его черту, то есть отсутствіе истины и убѣжденій. Произведенія его не имѣютъ положительнаго значенія въ лѣтописяхъ искусства; работы его составляютъ не болѣе какъ любопытный эпизодъ, показывающій паденіе искусства. Между двумя строгими эпохами, этотъ легкій періодъ сглаживается. — Семнадцатый вѣкъ — блудный сынъ вѣка, полнаго важности и достоинства. Буше имѣетъ такое значеніе въ отношеніи къ Лесюеру, какъ Фонтенель къ Корнелю. Изысканность безобразна первообразы, умъ вредилъ естественности, и красота, этотъ непреложный законъ искусства, стала не болѣе какъ игривый произволъ.

Заслуживаетъ ли Буше болѣе строгаго суда? Сказавъ, что онъ былъ живописцемъ игривыхъ грацій, не все ли этимъ сказано? Но разсмотрѣвъ внимательнѣе его личность и его произведенія, нельзя остановиться на такомъ приговорѣ: часто истинное вдохновеніе осязало его душу. При воспоминаніи о Розинѣ часто трепетало его сердце. Природа имѣетъ надъ нами права непреложныя; сколько мы отъ ихъ ни бѣгаемъ, они все-таки покрываютъ насъ своему владычеству. Не будемъ же судить о Буше вскользь, но разсмотримъ труды его терпѣливо и внимательно. Развѣ ничего нѣтъ ни великаго, ни прекраснаго подъ этой прелестной, повидимому обманчивой оболочкой? Развѣ лучи солнца и искусства никогда не озаряли этихъ пейзажей и фигуръ? Развѣ Буше ни разу не удалось выразить истину и извѣдать надъ собой силу истиннаго вдохновенія?

Въ большой луврской галереѣ нѣтъ ни одной его картины. Кажется, однако жъ, что онъ вполне заслужилъ мѣстечко, въ выгодномъ свѣтѣ, между своими пріятелями Ватто и Грессомъ. Кому не пріятно было бы видѣть, какъ рисовалъ сто лѣтъ тому назадъ тотъ, который былъ первымъ живописцемъ короля, директоромъ академіи и Гобеленовой фабрики. Изучающіе живопись могли бы дѣлать любопытныя сравненія; простые любители искусства нашли бы въ произведеніяхъ Буше много пищи для эстетическаго чувства. Французы, подобно намъ Русскимъ, до-

вообще странно понимаютъ народность. Передъ иностранцами они расточаютъ столько радушія и гостепримства, что землякамъ за ними дѣваться некуда. Правда, нѣсколько лѣтъ тому, картинѣ Бушѣ удостоились помѣщенія въ одной дурно освѣщенной галлерей Лувра, которая весьма походитъ на кладбище искусства, судя по царствующимъ въ ней ираку и мертвой тишинѣ.

Здѣсь, въ Петербургѣ, мы видѣли двѣ картины живописца Людовика-Патнадцатаго, первыя главы его «Пастушеской любви»*. Тутъ все пріятно пѣжитъ взоры: очарованный подходишь къ картинѣ, глазъ терлется въ таинственномъ сумракѣ пейзажа; весело глядѣть на этихъ королевъ, нарядившихся въ пастушекъ; невольно отрѣшаешься отъ настоящаго, переносишься въ вѣкъ минувшій и, совершенно взволнованный, терлешься среди благоухающихъ рошицъ. Но мечта непродолжительна; этотъ рай земной нигдѣ и никогда не существовалъ; пастушки эти никогда не жили; то блѣдныя тѣни Ватто, воскресшія подъ кистью Бушѣ. Отъ нихъ удаляешься скоро, не унося очаровательнаго впечатлѣнія, овладѣвающаго чувствомъ при первомъ на нихъ взглядѣ; невольно улыбаешься однако жъ какому-то непостижимому волшебству, которымъ Бушѣ умѣлъ прикрывать все свои недостатки.

Передъ нами многіе рисунки Бушѣ, мастерски выгравированные Демарто. Вотъ знаменитая «Корзинка съ цвѣтами»: пастушка Астрея, безъ обуви, и съ распущенными волосами, дремлетъ въ двухъ шагахъ отъ ручья, прислонясь къ вѣтвистому плетню безъ сучковъ; по-крайней-мѣрѣ сучковъ не видно; красивыя бѣлыя овечки щиплютъ травку или бѣгаютъ на лугу, на которомъ болѣе цвѣтутъ нежели травы; собака, обвѣшанная лентами, стережетъ и стадо и не-осторожную пастушку; небо необыкновенно ясно. Между-тѣмъ кой-гдѣ показываются облака, облака любви. Тишина почти ночная, едва слышно дыханіе вѣтерка, но не слышно ли бѣшенія сердца Астреи? она дремлетъ, но видитъ сонъ; по трепетанію ея хорошенькихъ ножекъ можно догадаться, что это сонъ любви. Но погодите, картина оживляется: пастушокъ Амнать выходитъ изъ сосѣдней роши, настоящей роши Цитеры; онъ несетъ корзинку съ чудными цвѣтами всѣхъ временъ года; живо-

* См. ниже.

писецъ собралъ ихъ не открывая своего альбома. Въ этомъ букетѣ есть даже цвѣтокъ совершенно новый, полузакрытый другими цвѣтами; цвѣтокъ этотъ портитъ нѣсколько букетъ, но нисколько не портитъ дѣла: это раздушенная записочка. Пастушокъ подходитъ тихонько, улыбается сторожевой собакѣ, вѣшаетъ свою корзинку на плетень возлѣ спящей красавицы, которая уже проснулась, но прикинулась спящею. Пусть та, которая никогда не притворялась при такихъ случаяхъ, первая броситъ въ нее камень. И вотъ Астрея слушаетъ съ закрытыми глазами, она слышитъ шумъ вѣтра, колеблющаго тростникъ; свѣжее журчаніе источника, и что еще? Вы догадываетесь: она слышитъ воркованіе дикаго голубя и вздохи Аминта; она вдыхаетъ въ себя воздухъ полей и въ особенности упительное благоуханіе цвѣтовъ въ корзинкѣ. О, неопытная невинность! берегись Амура, онъ уже готовитъ свои стрѣлы! Аминтъ приблизился къ ней на одинъ шагъ, а уста его на два; въ это время собака лаетъ, несмотря на ласки пастушка, но собака поздно будитъ спящую пастушку, поцалуй уже сорванъ. Въ этой картинѣ выразилась почти весь Бушѣ; тутъ его влюбчивый умъ, его искусственная грація, пейзажъ, одушевленный и озаренный улыбкою.

Но лучшія гравюры, снятыя съ его картинъ, въ томъ числѣ нѣкоторыя, сдѣланныя имъ самимъ, находятся въ Парижѣ; въ числѣ ихъ есть мастерски выгравированный имъ единственный хорошій портретъ Ваттò. Арсенъ Гуссе (Houssaye), известный писатель по части искусствъ, въ книгѣ своей: «Galerie de portraits du XVIII siècle», говоритъ, что «глядя на изображенія двухъ художниковъ Ваттò и Бушѣ, не можешь разгадать характера ихъ таланта; они лишены грація и почти выраженія ума: Ваттò суровъ и тяжелъ, Бушѣ похожъ нѣсколько на Римлянина. Смотри на нихъ и на ихъ произведенія, самъ Лафатеръ не зналъ бы, что сказать. Что касается до Бушѣ, то по одной его одеждѣ фнзиономистъ оправдалъ бы усвоенную имъ методу живописи; дѣйствительно Бушѣ одѣвался какъ Дорать и съ такимъ же вкусомъ и изысканностью».

Изъ эстамповъ Бушѣ наиболѣе замѣчательны: «Спаситель», «Снятiе со креста», въ которомъ видно вліяніе Святiа со креста Куртиля; «Святые», «Рахиль», напоминающая нѣсколько Розуву, «Стихи и времена года», представленныя въ видѣ полнощекихъ Амуровъ; «Музы», которыя не въ состоявіи никого вдохновить; «Похищеніе Европы», напоминающее госпожу Бушѣ; «Венера» во всѣхъ

возрастахъ; нѣсколько довольно любопытныхъ подражаній Давиду Теньеру; портретъ самаго Бушэ въ то время, когда онъ готовился быть фламандскимъ живописцемъ: онъ изображенъ въ полномъ сельскомъ одѣвѣн, въ шубѣ, съ бумажнымъ колпакомъ на головѣ. Но вотъ нѣсколько сельскихъ картинъ: это образцовыя произведенія Бушэ. Въ составѣ и расположеніи ихъ виднѣн вкусъ, особенная легкость и игривость идей, особенная прелесть отдѣлки и удачное расположеніе фигуръ и околнчностей. Въ картинахъ этихъ все прельщаетъ ваше воображеніе: нѣга, грація, волшебство и даже пейзажъ. За тѣмъ прелестныя фигуры собирательницъ винограда, садовницъ, нищенокъ, жницъ, молотницъ — выразительныя силуэты, достойныя Каллота. Бушэ былъ также мастеръ писать Китайвокъ, которыя какъ-будто отдѣляются отъ ширинъ, отъ вѣтра или восточнаго фарфора. Посмотрите, вотъ настоящая комедія, комедія Мольера, всѣ сцены ея подмѣчены ловко и выражены почти согласно съ истинною. Валеры и Селимены умерли не всѣ. Драматическіе артисты наши бы тутъ чему поучиться.

Мы сказали, что Бушэ называли живописцемъ грацій. Изображенію ихъ онъ много посвятилъ работъ своихъ: вотъ граціи въ купальнѣ, граціи вездѣ, за тѣмъ слѣдуетъ «Купидонъ», вѣчный Купидонъ, но на этотъ разъ граціи его приковали слѣдующими стихами кардинала Берни:

Que de volages enchainés
Avec la ceinture des Grâces.

Поясъ грацій, это гирлянда изъ цвѣтовъ. Потомъ слѣдуетъ, встать какъ нельзя больше, госпожа Помпадуръ; но живописецъ представилъ ее въ такіе годы, когда она уже не годилась больше въ Граціи *. Сцена перемѣняется: передъ нами нѣмецкія гра-

* Портретъ Помпадуръ, о которомъ здѣсь говорится, находится въ Петербургѣ; онъ приобрѣтенъ у извѣстнаго продавца картинъ господина Негри однимъ высокимъ любителемъ художествъ. Теперь у господина Негри есть еще двѣ картины Бушэ: одна изображающая двухъ пастушекъ въ роскошномъ нарядѣ, напудренныхъ и нарумяненныхъ; онѣ полулежатъ на муравѣ, заваленныя множествомъ самыхъ пестрыхъ и разно-

виоры, сдѣланныя по рисункамъ Бушэ. Работы Бушэ, выгравированные серьезными Нѣмцами : какое странное сближеніе!

Всѣ эти произведенія не составляютъ замѣчательныхъ твореній, но вмѣстѣ съ тѣмъ не свидѣтельствуютъ ли они о томъ, до какой степени неправы тѣ, которые отзываются о работахъ Бушэ съ неуваженіемъ. Чтобъ судить основательно о художникѣ, надобно смотрѣть на него не только съ точки зрѣнія нашего времени, но необходимо перевестись въ его вѣкъ, поставить себя лицомъ къ лицу и притомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, отъ его созданій и современниковъ. Надобно его самого выслушать, а не произносить приговоръ наобумъ. Если бы Бушэ могъ съ нами говорить, онъ бы сказалъ : «Я былъ свидѣтелемъ происходившаго вокругъ меня; я видѣлъ, что все великое угасало, упадало, исчезало. Могъ ли я возвыситься до генія посреди этихъ пигмеевъ; притомъ были ли у меня на то средства? Я только не отставалъ отъ другихъ. Другіе смѣлялись, влюблялись и упивались жизнью, и я дѣлалъ тоже; все это отразилось въ моихъ картинахъ. Я не сдѣлалъ вреда никому, по-крайней-мѣрѣ съ умысломъ. Я кистью заработалъ у богачей два милліона, и сдѣлалъ изъ этого богатства такое прекрасное употребленіе, что умираю, едва оставилъ столько, сколько нужно было на похороны. Теперь, если хотите знать, кому я обязанъ своимъ плохимъ талантомъ, то я вамъ скажу, что не знаю; я любилъ Ватто, любилъ Рубенса, любилъ Кусту».

Ватто, Рубенсъ, Кусту, вотъ три учителя Бушэ; но у него никогда не было свѣтлой мысли творца «Fêtes galantes», ни роскошной отдѣлки великаго фламандскаго колориста, ни очаровательнаго благородства французскаго скульптора. Произведенія Бушэ могутъ однако жъ отчасти выдержать сравненіе съ произведеніями этихъ трехъ мастеровъ; многіе любители прошедшаго съ улыбкой взглянуть на картины его, полныя кокетливой граціи, игриваго воображенія; они полюбуются голубой неопредѣленной далью его пейзажей, таинственными сѣнями его рошицъ, этими румя-

родныхъ цвѣтовъ; другая картина, оконченная тщательнѣе первой — представляетъ Діану и Эндиміона. Надъ ними носится группа Амуровъ, тѣхъ Амуровъ, въ изображеніи которыхъ Бушэ не имѣлъ соперниковъ.

ными лицами, которыя, по выраженію одного древняго писателя, какъ-будто вскормлены на розахъ. Дидро не любилъ Бушэ; не хотѣлъ признавать никакихъ достоинствъ въ живописцѣ Помпадуръ и Дюбарри, тѣмъ - болѣе, что онъ въ живописи отчасти руководствовался мнѣніями Грѣза, заклятаго врага Бушэ. Впрочемъ, вотъ откровенное мнѣніе Дидро объ нашемъ живописцѣ: «Смѣю сказать, что Бушэ не видалъ природы ни на одно мгновеніе, по-крайней-мѣрѣ той природы, которая трогаетъ вашу душу и мою, душу благовоспитаннаго юноши, душу женщины, умѣющей чувствовать; изъ множества доказательствъ тому, я представлю одно, котораго будетъ достаточно: въ огромномъ числѣ его мужчинъ и женщинъ, не найдется, я увѣренъ, и четырехъ, годныхъ для барельефа и тѣмъ менѣе для статуй. Во всемъ этомъ строгій глазъ знатока видитъ слишкомъ много изысканности, жеманства, манерности. Напрасно онъ представляетъ ихъ нагими, я все-таки вижу румяны, мушки, мелочныя украшенія, всѣ принадлежности туалета. Не думайте, чтобъ онъ когда-нибудь былъ вдохновленъ этимъ благороднымъ, чуднымъ образомъ Пётрарки:

«E'l riso, e'l canto, e'l parlar dolce, humano».

«Эти тонкія и нѣжныя подобія, вызывающія предметы на полотно и соединяющія ихъ непримѣтными нитями, къ-сожалѣнію, были для него недослаемы. Всѣ эти композиціи производятъ на зрителя самое непріятное впечатлѣніе, они составляютъ совершенную противоположность съ тишиною и спокойствіемъ. Когда онъ рисуетъ дѣтей, онъ ихъ группируетъ прекрасно, но они непременно рѣзвятся в вѣтвяхъ облакахъ; однако во всемъ этомъ безчисленномъ семействѣ, вы не найдете ни одного дитяти, которое можно бы было извести на землю, которое бы могло учить урокъ, читать, писать, словомъ заниматься чѣмъ-нибудь. Это созданія романтическія, идеальныя, какія то изчадія Бахуса и Силены. Этимъ дѣтямъ, впрочемъ, нашлось бы приличное мѣсто въ произведеніяхъ скульптуры, для барельефнаго украшенія какой-нибудь античной вазы. Они полненькія, толстощекія, кругленькія: можетъ ли нашъ художникъ быть ваятелемъ, — легко видѣть. Онъ однако же не безъ достоинствъ;

онъ неукротившій живописецъ, такъ точно какъ бываютъ неукротивные остряки. Въ немъ не развиты идея истиннаго искусства, а преобладаютъ мысли блестящія, но ошибочныя.

Послѣ этого предисловія, Дидро рѣшился однако жъ признаться, по поводу четырехъ сельскихъ картинъ, что «у Бушѣ есть минуты разумныя, что въ картинахъ этихъ онъ создалъ прелестную поэму». Потому онъ смягчаетъ нѣсколько свой приговоръ. «Я сказалъ слишкомъ много дурнаго о Бушѣ, сознаюсь въ этомъ, между тѣмъ я видѣлъ его дѣтей, и они показались мнѣ дѣтьми самыми наивными. Буше граціозенъ, но не строгъ, вѣдъ трудно соединить грацію со строгостью».

По словамъ другаго критика, Ватле (Watelet), дикою болѣе Буше не употреблялъ во зло своихъ блестящихъ способностей, никогда ни одинъ живописецъ не обнаруживалъ болѣе презрѣнія къ истинной красотѣ, представляемой намъ избранною природою, красотѣ, которую чувствовали и выражали въ своихъ твореніяхъ, древніе греческіе ваятели и Рафаэль. Но Бушѣ усвоилъ въ высокой степени механизмъ живописи; онъ доказалъ это нѣкоторыми своими картинами, а въ особенности эскизами, по которымъ его считали гениемъ. Картины Бушѣ доказываютъ, что онъ не въ состояніи былъ сообщить произведеніямъ своимъ красоты и выраженія, необходимыхъ для того, чтобъ изъ эскизовъ сдѣлать картины гениальныя. Чтò за важность, что фигуры въ его рисункахъ расположены картинно? Но для воспроизведенія ихъ на полотнѣ достойнымъ образомъ, обладалъ ли онъ душою Рафаэля или Доменикини? Даже въ сельскихъ картинахъ Бушѣ, составлявшихъ безспорно его славу, болѣе вкуса въ композиціи и въ особености въ расположеніи группъ, нежели истиннаго искусства: видны признаки идеи, но она нигдѣ вполне не выражена. Бушѣ, имѣвшій болѣе ста учениковъ, не оставилъ послѣ себя школы. Только Фрагонаръ, одинъ изъ его учениковъ, напоминаетъ отчасти манеру своего учителя; за то Фрагонаръ, хотя одаренный высокими природными способностями, никакъ не можетъ забыть. Грѣзь, пренебрегавшій Бушѣ, подобно другу своему Дидро, въ картинахъ своихъ приписываетъ также свѣтлость красокъ этого живописца. И дѣйствительно, развѣ не видно свѣтлості Бушѣ въ «Разбитомъ ушнѣшѣ»?

Давидъ * былъ также ученикомъ Бушэ, съе сомнѣнія потому-то они были двоюродные братья; но уроки учителя не оставили въ ученикѣ никакихъ слѣдовъ. Любя Бушэ, Давидъ болелъ однако жъ слѣдовать его примѣру. Таково пагубное усиліе крайности въ искусствахъ, что вызываемое ею противодѣйствіе приводитъ непременно къ другимъ противоположнымъ крайностямъ. Для умовъ строгихъ, конецъ артистическаго поприща Бушэ объясняетъ, можетъ-быть, возникавшій талантъ Давида. Давидъ доводитъ величіе до жесткости и холодности, между-тѣмъ какъ другой придавалъ граціи слишкомъ много жеманнаго. Буше, украшая природу, могъ быть только живописцемъ фантазій; Давидъ чаще всего является живописцемъ условныхъ правилъ, потому-что искалъ истины въ строгихъ образцахъ идеальныхъ изваяній. Поэтому ни тотъ ни другой не достигали цѣли и трудились не для торжества искусства. Между-тѣмъ они окружены были природой, расточавшей свои чудеса у ногъ ихъ и открывавшей за горами свою безпредѣльную даль: но они прошли мимо, не удостоивъ ее взгляда.

Несмотря на то, Бушэ не умереть въ исторіи французской живописи. Конечно, онъ не возвысился до генія, осѣняющаго

* Давидъ (Jacques-Louis), родился въ Парижѣ въ 1748 году. Онъ былъ, по желанію матери своей, нѣкоторое время ученикомъ Буше; потомъ бралъ уроки у Брене (Brenet), посредственнаго художника, но довольно хорошаго учителя; затѣмъ перешелъ къ Виену (Vien), обратившемуся къ изученію природы и древнихъ образцовъ. Въ 1775 году отправился съ своимъ учителемъ въ Римъ и тамъ предавался изученію классической живописи. Возвратясь во Францію въ 1780 году, женился и вскорѣ былъ назначенъ академикомъ. Потомъ опять поѣхалъ въ Римъ и тамъ окончилъ свою картину: «Le Serment des Horaces», замѣчательную по простотѣ и благородству позъ и по величайшему сходству съ характеромъ древнихъ. Возвратясь съ картиною этою въ отечество, онъ далъ другое направленіе господствовавшей тамъ живописи. Когда утихла тревога безпорядковъ, онъ принялся за знаменитое свое произведеніе: «Битва Сабинокъ съ Римлянами», упрочившее его славу: въ этой картинѣ, съ чистотою рисунка соединяется идеальная красота античныхъ статуй. — Давидъ написалъ портретъ Наполеона во время перехода его черезъ Сенъ-Бернаръ, произведеніе, находящееся нынѣ въ Берлинѣ. Умеръ въ Брюсселѣ, въ 1825 году, 77 лѣтъ.

чело Пуссена и Лесюера; ему недоступно было божественное чувство, вдохновлявшее всѣхъ великихъ живописцевъ Франціи, отъ Пуссена до Жериколя, и озарившее Лесюера и другихъ не нѣе строгихъ художниковъ; но какъ новый Анакреонтъ, Бундъ украсилъ голову свою виноградною лозою, и безпечною рукою коснулся гирлянды, опоясывающей Граціи....

Д. МАЦКЕВИЧЪ.

=

ДОНИЦЕТТИ

И ИТАЛЬЯНСКАЯ ШКОЛА СО ВРЕМЕНЪ РОССИНИ.

=

Музыкальное искусство в Италіи понесли въ прошломъ году горестную потерю: Доницетти умеръ въ Бергамѣ. Авторъ «Anna Bolena», «Lucia di Lamermoor», «La Favorite», «Elessire d'amore», «Don Pasquale» и столькихъ другихъ легкихъ и прелестныхъ партитуръ, которыя были переведены на всѣ языки и пѣты на всѣхъ европейскихъ театрахъ,—уснулъ, изнуренный трудомъ, лихорадкой поэтовъ и, можетъ-быть, также злоупотребленіемъ наслажденій, во всей силѣ возраста и во всей полнотѣ таланта.

Доницетти принадлежитъ къ тому поколѣнію драматическихъ композиторовъ, которые овладѣли итальянской школой съ тѣхъ-поръ какъ Россіяи наложилъ безмолвіе на свой гений. Пѣвецъ «Лучія», Беллини, Меркаданти, Пачини и Верди составляютъ группу замѣчательныхъ и различныхъ талантовъ, раздѣляющихъ вниманіе публики съ тѣхъ-поръ какъ учитель Пезара презрительно бросилъ перо, которымъ написалъ свое послѣднее образцовое произведеніе, «Вильгельмъ Телль». Каково свойство музыкальнаго движенія, совершившагося въ Италіи въ послѣдніе девятнадцать лѣтъ? Какова важность произведеній Доницетти, чѣмъ отличается онъ отъ своихъ соперниковъ и какое мѣсто долженъ занимать въ исторіи искусства? Вотъ вопросы, которые мы постараемся разрѣшить.

Газетамъ Доницетти родился въ 1798 году въ Бергамѣ. Городъ этотъ знаменитъ какъ мѣсто рожденія многихъ извѣстныхъ пѣвцовъ, изъ которыхъ мы назовемъ только двухъ теноровъ, Давида отца и Рубини. Хотя сынъ мелкаго чиновника, содержавшаго многочисленное семейство только жалованьемъ, Доницетти однако получилъ отличное образованіе. Прозваніе его къ искусствамъ проявилось очень рано; но, странное дѣло, не музыка взяла перевѣсъ въ его юномъ сердечкѣ. Доницетти хотѣлъ быть архи-

текторомъ , любилъ страстно рисованіе и не переставалъ заниматься имъ всю жизнь съ необыкновеннымъ вкусомъ и усѣхомъ. Отецъ съ своей стороны, желалъ, чтобы сынъ вступилъ на поприще законовѣдѣнія, какъ на самую вѣрную дорогу, для достиженія благосостоянія и почета. Между природнымъ инстинктомъ и отцовскою властью произошла та сильная борьба, которая часто начинается въ колыбели великихъ артистовъ , какъ будто Провидѣнію угодно приготовить ихъ заранѣе къ той борьбѣ, которую имъ придется однажды поддерживать для завоеванія идеаловъ. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, Доппетти получилъ наконецъ позволеніе слѣдовать наклонностямъ своей души. Онъ изучилъ начала музыки въ музыкальномъ институтѣ роднаго города, институтѣ, основанномъ 18 марта 1805 года , и преобразованномъ 6 іюля 1811 года подъ дирекціей Іоанна-Симона-Майера. Майеръ, знаменитый драматическій композиторъ , пользовавшійся тогда большою репутациею, посвятилъ юнаго Доппетти въ первыя тайны гармоніи. Онъ далъ ему уроки акомпанимента, научилъ понимать и цѣнить великія произведенія, развязалъ языкъ и облегчилъ полетъ воображенія. Приготовленный такимъ образомъ практическими и полезными совѣтами замѣчательнаго чловѣка, котораго Доппетти всегда уважалъ какъ отца и съ которыми никогда не переставалъ находиться въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ , онъ поѣхалъ въ Болонью окончить тамъ свое музыкальное образованіе подъ руководствомъ аббата Маттеа Станиславъ Маттеа, бывшій монахъ ордена Бернардинцевъ, продолжалъ въ музыкальномъ образованіи Болоньи преданіе padre Мартини, котораго былъ возлюбленнымъ ученикомъ. Этотъ патеръ Мартини, оставившій намъ «Исторію музыки» и очень уважаемые труды о теоріи искусства, былъ однимъ изъ ученѣйшихъ музыкантовъ осемнадцатаго столѣтія. Впродолженіе пятидесяти-девяти лѣтъ онъ находился капельмейстеромъ въ церкви Святаго-Франциска въ Болоньи, гдѣ основалъ школу, сдѣлавшуюся знаменитой—прочностью преподаваемаго тамъ ученія и множествомъ превосходныхъ профессоровъ музыки, вышедшихъ оттуда. Патеръ Мартини пользовался извѣстностью европейской, былъ въ перепискѣ съ великими людьми того времени, съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вторымъ и съ папой Климентомъ-Четырнадцатымъ. Самые ученые люди, самые знаменитые композиторы совѣтовались съ нимъ съ уваженіемъ и опирались на его приговоры, какъ сдѣлалъ это Глюкъ въ одномъ важномъ обстоятельствѣ. Патеръ Мартини, умершій въ преклонномъ возрастѣ 4 августа 1784 г.

да, имѣлъ также честь благословить и увѣнчать чудное дѣтство Моцарта. Автору «Донъ Жуана» было четырнадцать лѣтъ, когда онъ получилъ изъ рукъ этого ученаго старца въ 1770 году дипломъ на званіе члена филармонической академіи въ Болоньѣ.

Во время уничтоженія монастырей въ Италіи въ 1798 году, аббатъ Маттеи, получившій отъ своего учителя едаль хорошихъ преданій, былъ принужденъ жить уединенно съ матерью старухой, давая уроки композиціи. Его преподаваніе скоро приобрѣло извѣстность. Городской музыкальный лицей былъ основанъ въ Болоньѣ въ 1804 году и аббатъ Маттеи назначенъ тамъ профессоромъ контрапункта. Въ этомъ-то заведеніи, подъ превосходнымъ руководствомъ аббата Маттеи, воспитывалось множество знаменитыхъ композиторовъ нашего вѣка, Пилотти, Тезеи, Тадоллини, Морлаки, Пачини, Россини и Доницетти. Увѣряютъ, что по возвращеніи въ Болонью, Россини посвящаетъ свои досуги возстановленію хорошаго ученія въ школъ, бывшей колыбелью его генія. И такъ, въ тридцатилѣтній промежутокъ времени, въ Болонью принесли великое челобитье мудрецамъ преданія эти два избранные судьбою ребенка, котсырымъ предназначено было изумить міръ и смѣнить одинъ другаго въ исторіи искусства созданіемъ «Свадьбы Фигаро» и «Донъ-Жуана», «Севильскаго цирюльника» и «Вильгельма Теля».

Доницетти отправился въ Болонью въ 1815 году. Тогда Россини уже нѣсколько лѣтъ удался оттуда, и «Tancredi» уже сдѣлалъ извѣстнымъ его имя. Послѣ трехлѣтняго ученія, Доницетти также вступилъ на поприще и дебютировалъ въ Венеціи въ 1818 году оперой, подъ названіемъ: «Erpico di Borgogna», которая была принята благосклонно. Ему было тогда едва двадцать лѣтъ. Въ 1822 году онъ написалъ въ Римѣ «Zoraide di Grecia» и блистательному успѣху этого творенія одолженъ исключеніемъ изъ конскрипціи, какъ австрійскій подданный. Онъ пробѣгалъ такимъ образомъ различные города Италіи, импровизируя вездѣ новыя партитуры, съ этой невѣроятной легкостью, которою обладаетъ большая часть его соотечественниковъ, легкостью, производяшею иногда образцовыя піесы, просто изумительныя, какъ «Нина» Папзіелло и «Тайный бракъ» Чимарозы, но которая часто ослабляетъ самыя даровитыя натуры.

Въ 1831 году, Доницетти, находясь въ Миланѣ въ одно время съ Пастой, Рубини и Галли, сочинилъ для этихъ трехъ знаменитыхъ виртуозовъ оперу «Anna Bolena», составляющую эпоху въ исторіи его таланта. Это сочиненіе имѣло огромный успѣхъ, не-

смотря на присутствіе Беллини, и восторгъ, который возбудило его образцовое твореніе «La Sonnambula», только-что написанное также для Пасты и Рубини. Съ-тѣхъ-поръ Доницетти в Беллини оспаривали вѣнецъ, отъ котораго отрекся Россини, отбросивъ его какъ докучливую тяжесть. Въ 1833 году Доницетти написалъ во Флоренціи «Parisina» для Унгеръ, Дюпрэ и Козелли, превосходнаго баритона. На слѣдующій годъ онъ воротился въ Миланъ, гдѣ написалъ «Lucresia Borgia», заключающую множество замѣчательныхъ мѣстъ. Въ началѣ 1835 года Доницетти пріѣхалъ въ Парижъ въ первый разъ. Беллини уже два года находился тамъ и его вѣжная мелопея пріобрѣла ему сердца всѣхъ женщинъ. Доницетти стоило большаго труда разсѣять неблагоприятныя предубѣжденія противъ его таланта и несмотря на дѣйствительныя красоты, которыя знатоки отличали въ «Magno Faliero», принятомъ довольно благосклонно въ первыхъ представленія, эта опера не могла поддержаться возлѣ «Пуританъ», данныхъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ въ январѣ 1835 года. Образцовое произведеніе Беллини вскружило всѣ головы, поглотило весь энтузіазмъ диллетантовъ. Доницетти долженъ былъ уѣхать въ Италію, оставивъ соперника полнымъ побѣдителемъ. Онъ отправился въ Неаполь во второй половинѣ того же года. Тамъ ему посчастливилось найти подъ рукою Персіани, Дюпрэ и Козелли, трехъ артистовъ, которыхъ таланты онъ зналъ. Владѣя интереснымъ либретто, онъ тотчасъ принялся за работу и въ шесть недѣль создалъ одну изъ прелестнѣйшихъ партій нашего вѣка «Lucia di Lamermoor», образцовое произведеніе, гдѣ онъ излилъ вѣжнѣйшія мелодіи своего сердца и развилъ блестящія достоинства своей манеры. Эта опера, сначала получившая сомнительный успѣхъ, возбудила потомъ восторгъ всей Европы. Дюпрэ явился въ ней пѣвцомъ первокласнымъ и должно предполагать, что обширный и строгій стиль этого великаго артиста, имѣлъ благоприятное вліяніе на вдохновеніе композитора.

Доницетти воротился въ Парижъ въ 1840 году, предшествующій, на этотъ разъ, огромной извѣстностью, которой былъ одоженъ своей «Lucia», переведенной на французскій языкъ и представленной на театрѣ Renaissance. Беллини уже не существовалъ, онъ умеръ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ появленія «Пуританъ», доказавъ, что его элегическій геній могъ, въ случаѣ нужды, найти болѣе глубокіе и болѣе разнообразныя оттѣнки. Доницетти привезъ съ собою три новыя произведенія, съ которыми располагался еще разъ явиться передъ парижскою публикой,

которой симпатии не могъ возбудить за нѣсколько лѣтъ назадъ. Эти три оперы были: «La fille du régiment», «Les Martyrs», «La Favorite». «Les Martyrs» были сочинены въ Неаполѣ для бѣднаго Нурри, который самъ начерталъ либретто по Корпелеву «Poleucte». Въ Неаполѣ не могла быть дана «La Favorite», которая подъ названіемъ «Ange de Nisida», была назначена для другаго парижскаго театра и передѣлана для театра Большой оперы, четвертый актъ былъ прибавленъ къ тремъ, составлявшихъ первоначальную партитуру. Ни одно изъ этихъ трехъ сочиненій, представленныхъ одно послѣ другаго, въ одномъ и томъ же году, не было принято съ рѣшительной благосклонностью. Даже «La Favorite» эта прелестная партитура, которая теперь составляетъ одно изъ самыхъ милыхъ приобрѣтеній лирической сцены, медленно упрочило свою славу.

Насладившись нѣсколько мѣсяцевъ успѣхомъ «Фаворитки», Доницетти уѣхалъ въ Италію. Въ 1842 году онъ отправился въ Вѣну, гдѣ написалъ «Linda di Chamouni», принятую съ восторгомъ этимъ музыкальнымъ народонаселеніемъ, и доставившую композитору званіе капельмейстера при императорскомъ дворѣ. Онъ воротился въ Парижъ въ 1843 году. Едва вышедъ изъ кареты, онъ принялся импровизировать для италіянскаго театра оперу «Don Pasquale», котораго живая и плѣнительная музыка слушается такъ же легко какъ она сочинилась. Увѣряютъ, будто «Don Pasquale» стоилъ Доницетти только одной недѣли труда, что заставило его сказать шутливо, когда онъ услышалъ, что Россини двѣ недѣли писалъ «Севильскаго Цирюльника»: и это меня не удивляетъ, онъ такъ лѣнивъ!»

Еще смѣялись гаерствамъ стараго «Don Pasquale», котораго Даблашъ игралъ восхитительно, когда дирекція оперы, находясь въ бѣдѣ, и не зная какъ провести зиму, обратилась къ Доницетти за новымъ твореніемъ. Маэстро принялъ предложеніе съ обычной развязностью своего характера, и черезъ два мѣсяца написалъ огромную партитуру «Don Sebastian». Эта опера, заключающая въ себѣ множество прекрасныхъ мѣстъ, не имѣла успѣха въ публикѣ и по причинѣ либретто, лишеннаго интереса и по случаю разныхъ приключеній при постановкѣ на сцену и дурнаго выполненія. Торопливое сочиненіе «Don Sebastian», котораго вырвали у Доницетти еще свѣжіе листки, нанесла пагубный ударъ его здоровью. Выйдя съ генеральной репетиціи, онъ сказалъ сопровождавшему его пріятелю: «я чувствую себя очень дурно! «Don Sebastian» меня убиваетъ».

Однако онъ сдѣлалъ еще одну поѣздку въ Вѣну, куда прѣезжалъ его должность придворнаго канцеляриста. Принятый въ этомъ городѣ очень радушно всеми тѣми, кто его зналъ, особенно императорской фамиліей, Дошицетти скоро обнаружилъ несомнѣнные знаки помѣшательства. Онъ воротился въ Парижъ въ 1845 году. Горестно было встрѣчать его на улицѣ въ сопровожденіи слуги, съ потухшимъ взоромъ, съ челомъ, смраченнымъ злобиднымъ покровомъ. Его перенесли въ январѣ 1846 года, въ больницу умалишенныхъ, въ Иври, близъ Парижа, гдѣ онъ оставался до мая 1847 года. Потомъ перешелъ въ другую больницу на Шатобриановскомъ проспектѣ, а въ сентябрѣ того же года воротился въ отечество. Въ Брюсселѣ разбилъ его параличъ, возобновившійся въ Бергамѣ перваго апрѣля 1848 года, и черезъ недѣлю прекратившій жизнь его на пятидесятомъ году отъ рожденія. Весь городъ приустроивалъ на его похоровахъ, происходившихъ съ большою торжественностью. О любезномъ, пріятномъ человѣкѣ такъ же сожалѣли какъ о знаменитомъ композиторѣ.

Кроткій, вѣжливый, обязательный, съ живымъ, образованнымъ умомъ, съ пріятнымъ обхожденіемъ. Дошицетти оправдывалъ такое сочувствіе своимъ характеромъ столько же какъ и талантомъ. Австрійская императорская фамилія обходилась съ нимъ какъ съ роднымъ и эрцгерцогъ Карлъ удостоилъ принять его въ свой дружескій кругъ. Любезными качествами, заставившими любить его въ свѣтѣ, авторъ «Lucia» выдѣль и въ семейномъ кругу; онъ сохранялъ глубокое уваженіе къ памяти отца и благоговѣйно хранилъ нѣсколько залоговъ его нѣжности. У Дошицетти было нѣсколько сестеръ и три брата, изъ которыхъ старшій — директоръ всей военной музыки въ оттоманской имперіи. Дошицетти женился въ Римѣ на дочери тамошняго адвоката, которая умерла отъ холеры въ 1835 году; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ замужества онъ имѣлъ отъ нея двоихъ дѣтей, но лишился ихъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Вся его привязанность обратилась тогда на брата жены, Вассели, съ которымъ онъ обходился какъ съ роднымъ сыномъ. Живая и нѣшая организація артиста придавала новую прелесть всемъ этимъ качествамъ. Дошицетти былъ со вкусомъ, какъ почти все итальянскіе композиторы и специально занимался механизмомъ человеческого голоса, о которомъ даже представлялъ сочиненіе французскому институту. Онъ аккомпанировалъ въ совершенствѣ и читалъ чужую музыку, какъ собственную свою, съ легкостью невѣроятною. Чрезвычайно чувствительный

въ утѣху, онъ все сомнѣвался въ самомъ себѣ и дурно предполагалъ пріемъ, съ какими будутъ приняты его сочиненія. Въ день перваго представленія «Фаворитки», онъ гулялъ въ Елансейскихъ поляхъ далеко за полночь, не желая присутствовать при этомъ томительномъ зрѣлищѣ, гдѣ самыя задушевыя вдохновенія преданы на судъ людей совершенно чуждыхъ. Онъ былъ первый изъ италіянскихъ композиторовъ, отказавшійся явиться въ оркестръ въ первый три представленія новой оперы, какъ требовалъ этого обычай съ незапамятныхъ временъ.

Сочиненія Доницетти многочисленны. Они состоятъ изъ множества отдѣльныхъ пьесъ для пѣнія, кантатъ, мессъ, и шестидесяти съ чѣмъ-то оперъ; послѣ него осталась еще неизданная небольшая опера въ одномъ актѣ и партитура «Duc d'Albe», не конченная. Попробуемъ оцѣнить достоинство, понять характеръ этого блестящаго и легкаго музыканта, котораго полному развитію можетъ быть помѣшала преждевременная смерть.

Когда Доницетти вступалъ на драматическое поприще въ 1818 году, Россіинъ былъ въ полной славѣ, потому что написалъ уже «Tancredi», «Севиальскаго Цирюльника», «La gazza ladra» и «Otello». Онъ вступалъ во второй періодъ своего генія, которому «La Donna del lago», «Mosè», «Lelmira» и «Semiramide» служатъ блистательнымъ доказательствомъ. Чтобы устоять противъ восторга, возбужденнаго въ Италіи такимъ родомъ образцовыхъ произведеній, чтобы не ослѣпиться блескомъ такого живаго свѣту, надо было имѣть натуру сильную, твердую; будь даже Доницетти одаренъ этой могучей оригинальностью, присвоившей себѣ все, что она поглощаетъ, онъ и то не избѣгнулъ бы вліянія, которое творенія Россіини должны были имѣть на его талантъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ исторіи изящныхъ искусствъ нѣтъ ничего обыкновеннѣе видѣть, что самыя могучіе гении начинаютъ подражаніемъ наставникамъ, пользующимся благосклонностью публики или тѣмъ, къ которымъ ихъ влечетъ тайное средство натуры. Юность рѣдко оригинальна, она живетъ сначала чувствами и идеями, которыя почерпала въ семействѣ и въ общественной средѣ, гдѣ судьба произвела ее на свѣтъ. Только медленно, совершивъ лѣта, вышія существа разрываютъ оболочку, удерживавшую ихъ въ плѣну, очищаютъ веселыя въ себя стихіи и освобождаютъ свою личность. Всякій человѣкъ, составляющій эпоху въ исторіи человѣческаго ума, долженъ былъ лепетать языкомъ кормилицы, прежде чѣмъ заговоритъ языкомъ души. Мецаръ образовалъ очаровательный стиль своей подражаніемъ

въ юности, Георгу Бетца, Эммануэлу Баху, Генделю, Глюку и Гайдну; Бетговенъ вдохновился Моцартомъ, и Россини ограбилъ половиною своихъ современниковъ, Майера, Пара, Джезерли, которыхъ оставилъ далеко за собою и которыхъ мелодическія заимствованія смѣшалъ съ заимствованіями инструментировки итальской школы. Подражаніе — необходимость человѣческой натуры. Это дѣйствіе, которымъ жизнь угасающихъ поколѣній передается поколѣніямъ наступающимъ. Люди обыкновенные овладѣваютъ идеями прошедшаго и передаютъ ихъ цѣлкомъ, не прибавляя къ нимъ ничего, между-тѣмъ какъ существа избранныя уплодотворяютъ вѣковое наслѣдіе дѣятельностью своего генія. Такъ всегда настоящее усовершенствованіе идетъ впередъ, не дѣлая разрыву съ преданіями прошедшаго. Однако есть два рода подражанія, два способа присвоить мысль, которая не принадлежитъ вамъ первоначально, одинъ естественный, происходящій отъ вдохновенія, онъ — слѣдствіе сродства, кровной связи геніевъ; другой — умысленный, обдуманый волею, воображающей, что можетъ уловить тайну жизни и скрытно овладѣть чужимъ добромъ, чтобы имъ чваниться. Первый способъ законный и плодосносный: тутъ духъ угадывается духомъ, душевному намѣренію подсказываетъ тайно другая душа, умственные породы увѣковѣчиваются, исполняется просто основной законъ успѣховъ чело-вѣческаго разума. Второй безплоденъ и обманчивъ, потому-что тѣ, которые его употребляютъ, впадаютъ въ букву творенія, которому хотятъ подражать и неспособные воодушевиться, обманываютъ себя самихъ, поднимаясь на чувство, чуждое ихъ сердцу и передразнивая любовь штукарствомъ. Древніе выразили этотъ двойной феноменъ подражанія въ отношеніи къ разуму и формѣ прелестью, исполненной глубины баснью. Когда Прометей принялъ безумное намѣреніе создать чело-вѣка изъ глины и воды, онъ заключилъ, что существо, составленное имъ, имѣло одинъ небольшой недостатокъ, одинаковый съ недостаткомъ лошади Реланда: оно не ходило. Прометей былъ принужденъ возвратиться на небо за искрой жизни, которой бы могъ оживить свое холодное твореніе. Точно также и съ поддѣльщиками: они могутъ похитить у образцовыхъ наставниковъ тонкости ихъ слога; но только одинъ законный сынъ владѣетъ способностью воспроизвести геній отца.

Короткая и блестящая карьера Доницетти можетъ раздѣлиться на двѣ довольно различныя эпохи: въ первой, продолжающейся съ 1818 до 1831 года, онъ только подражаетъ съ большиною

меньшимъ счастиемъ и ловкостью идеямъ и манерамъ Россини; во второй, продолжающейся до 1845 года, не отступаясь совершенно отъ своего предшественника, Доницетти развиваетъ достоинства, свойственныя его дарованію, которыя онъ прибавляетъ къ отцовскому наслѣдію. Изъ шестидесяти съ чѣмъ-то оперъ, вышедшихъ изъ подъ его слишкомъ легкаго пера, самыя замѣчательныя и самыя извѣстныя: «Anna Bolena», «Parisina», «Lucrecia Borgia», «Lucia», «Marino Faliero», «La Favorite», «L'Essire d'amore» и «Don Pasquale». Въ каждомъ изъ этихъ сочиненій, есть мѣста превосходныя, а въ «Marino Faliero», «Lucrecia Borgia», «Les Martyrs» цѣлыя страницы высокаго и чуднаго созданія. Однако намъ кажется, что лучшія достоинства автора сосредоточены въ «Anna Bolena», «Lucia», «La Favorite»; въ серьезномъ родѣ и въ «L'Essire d'amore» и «Don Pasquale», — въ комическомъ.

«Anna Bolena», какъ мы уже сказали, была написана въ Миланѣ для Пасты, Рубини и Галии. Сюжетъ либретто, взятый изъ англійской исторіи, былъ удивительно удачно выбранъ для того, чтобъ выказать главныя достоинства этихъ трехъ артистовъ. Въ первомъ актѣ замѣчателенъ прелестный романсъ «Deh! non voler costringere», такой сладкій, такой милый, и арія бѣдной Анны, «Come innocente giovane», гдѣ воспоминанія дѣтства, сожалѣнія о первой любви и разочарованіе въ величій выраженія такъ трогательно. Потомъ столь извѣстная арія «Da quel di che lei perduta», которую поетъ Перси, тайный обожатель королевы. Мѣсто аккомпанирующее эти слова:

Ogni terra ov'io m'assi
La mia tomba mi sembró

запечатлѣно раздирающей грустью и аллегро этой изящной аріи можетъ быть еще выше предшествующаго ему анданте. Надо еще упомянуть о превосходномъ квинтетѣ и финалѣ перваго акта. Особенно прелестно въ квинтетѣ адажіо, а въ финальной стреттѣ, уже находится это удачное расположеніе голосовъ, эта свободная и изящная манера сочетать ихъ и постепенно увеличивать звучность, которая составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ Доницетти. Во второмъ актѣ, мы назовемъ арію «Vivi tu, te ne scongiuro», которую Рубини пѣлъ неподражаемо. Кто не слышалъ этого великаго артиста въ этомъ отрывкѣ, исполненномъ граціи, мечтательности и страсти, не можетъ составить себѣ понятіе о могуществѣ пѣвческаго искусства.

«Lucia di Lamermoor» безспорно лучшее твореніе Доницетти. Эта партитура и лучше задумана и лучше написана изъ всѣхъ, имъ

оставленныхъ; въ ней находится болѣе единства и встрѣчаются чудныя вдохновенія его сердца. Каждое мѣсто восхитительно и отлично сообразуется съ положеніемъ. Интродукція, въ которой обрисовывается могучій характеръ Аштона, прекраснаго стиля, и совершенно гармонируетъ съ мрачной и нѣжной драмой, готовящейся развиться. Дуэтъ Лучи и Эдгара исполненъ страсти, особенно аллеgro, сдѣлавшееся общенароднымъ. Также очень замѣчательнъ дуэтъ для баритона и сопрано, между Лучией и братомъ ея Аштономъ, хотя онъ напоминаетъ идеи, знакомыя и особенно дуэтъ «Elisa e Claudio» Меркаданта. Въ финалѣ перваго акта заключаются достоинства первоклассныя. Вставленный въ эту рамку секстетъ безспорно одинъ изъ самыхъ драматическихъ образцовъ сложнаго пѣнія. Есть ли что трогательнѣе этой фразы въ партіи Эдгара :

T'amo, ingrata, t'amo ancora.

Каждое слово — вопль горести, волнующій васъ до глубины души. Въ этомъ чудномъ секстетѣ голоса сгруппированы съ изумительнымъ искусствомъ. Доницетти въслѣдствіи часто повторялъ гармоническій узоръ этого превосходнаго секстета. Финальная стретта исполнена силы. Конечно вы не забыли проклятія, которое Рубини извергалъ съ такою яростью :

Maledetto sia l'istante !

Во второмъ актѣ есть еще прекраснѣйшій дуэтъ, и потомъ финальная арія, которую поетъ Эдгардъ, умирающій у воротъ замка своей возлюбленной. Никогда никто не выражалъ лучше высокаго вопля любви, цѣломудреннаго сладострастія и божественныхъ надеждъ сердца, стремящагося въ лучшій міръ. Замѣнитый теноръ Моріани пустилъ въ ходъ по всей Італіи эту арію, которую передавалъ замѣчательнымъ образомъ ; слушая его, казалось будто это мелодія Платона, воспѣваемая католической душой.

Опера «Фаворитка» не такъ удачна и не такъ полна. Стиль ея не ровенъ, идеи слишкомъ обыкновенныя смѣшиваются съ самыми благородными вдохновеніями и портятъ это единство съ концепціи, которое составляетъ печать великаго, истинно прекраснаго творенія. Романсъ въ первомъ актѣ «Un ange, une femme inconnue», трогателенъ, въ дуэтѣ Фернанда и Леоноры замѣчательно только аллеgro «Тоіша seule amie». Романсъ «Pour un d'atout», короля Альфонса, въ третьемъ актѣ, пріятныя кантаты для артиста. Анданте, въ арии Леоноры, «O mon Ferdinand», и др.

но запечатлѣно болѣе строгимъ вкусомъ, но слѣдующее за тѣмъ аллегро плохая кабалетта. Финаль третьяго акта и предшествующій ему хоръ очень силенъ и съ прекраснымъ драматическимъ эффектомъ. Танцовальныя аріи легки и изящны. Въ четвертомъ и послѣднемъ актѣ, написанномъ въ Парижѣ въ удачныя минуты, композиторъ нашелъ снова всю нѣжность своего гения. Хоръ, открывающій сцену «*Les cieux s'emplissent d'étoiles*» замѣчательнъ религіознымъ выраженіемъ. Романсъ «*Ange si pur*», принадлежавшій сначала къ неоконченной партитурѣ «*Duc d'Albe*», вдохновеніе восхитительное. Что до финальнаго дуэта Леоноры и Фернанда, особенно же аллегро

*C'est mon rêve perdu
Qui rayonne et m'enivre,*

это одинъ изъ самыхъ чудныхъ порывовъ страсти, которые когда либо передавались музыкой.

Комическая часть твореній Доницетти не такъ важна и въ особенности не такъ оригинальна, какъ его серьезныя оперы. Подражаніе Россини встрѣчается на каждой страницѣ. Въ «*Elisire d'amore*» замѣчательнъ, въ первомъ актѣ, очень хорошепкій дуэтъ шарлатана Дулькамара и поселавина Неморино и потомъ финаль — мѣсто прелестное, исполненное плѣнительныхъ подробностей, легкой и нѣжной веселости. Во второмъ актѣ есть еще милецкій дуэтъ шарлатана и рѣзвой Аяны и всѣмъ извѣстный хорошепкій романсъ, «*Una furtiva lacrima*».

Опера «*Don Pasquale*» далеко не такъ замѣчательна какъ «*Elisire d'amore*». Въ ней есть однако два прекрасные дуэта, прелестный квартетъ и восхитительная серенада.

Инструментировка Доницетти блестяща, иногда сильна, но рѣдко оригинальна. Она не отличается ни удачнымъ выборомъ тембровъ и замысловатостью модуляцій, ни новизной гармоній. Чувствуешь, что онъ вводитъ оркестръ въ дѣло слишкомъ посредственно, что писалъ для оркестра слишкомъ скоро, не давая себѣ времени подобрать краски и расположить оттѣнки. Онъ чудесно понимаетъ искусство аккомпанировать голосамъ, не утомля ихъ, но употребляетъ но зло формулы и всѣмъ извѣстныя постепенности, *crescendo*, ритмы, крикливые инструменты, которые раздражаютъ первую чувствительность, и доставляютъ упоеніе уху на счетъ волненій сердца и удовольствій разума. Доницетти слишкомъ торопится жить и творить, чтобы безмолвно ожидать благословеннаго часа вдохновенія. Поступивъ въ миръ

нѣсколькими годами позже Россіи, Доницетти сначала испиталъ надъ собою власть этого могучаго владыки звуковъ и воспроизводитъ его идеи и формулы съ примѣливымъ добродушіемъ и приторствомъ. Успѣхи Беллини, явившагося въ 1827 году тоже сдѣлали на него впечатлѣніе, и подъ двойнымъ вліяніемъ этихъ двухъ столь различныхъ гениевъ, онъ написалъ «Anna Boloni», гдѣ невозможно не узнать третатакой мечтательности и италіанской мелодіи; отличающіе автора «Pirata», «Sonambula» и «Pulcinella». Созрѣвши опытною, во всеѣ силѣ возраста и таланта, Доницетти умлохилъ наконецъ отъ вѣдшихъ впечатлѣній, и въ высокія мгновенія создалъ образцовое твореніе «Lucia di Lammermoor», гдѣ сосредоточилъ самыя удачныя свои вдохновенія и лучшій свой стиль. Все, что онъ написалъ послѣ, носитъ болѣе или менѣе явный отпечатокъ этой восхитительной партитуры — плодъ литературныхъ идей и музыкальнаго движенія въ Италіи отъ 1830 года, то есть послѣ удаленія Россіи. Здѣсь кѣстаті изобразить въ нѣсколькихъ словахъ это движеніе и оцѣнить достоинство главныхъ композиторовъ, которые или произвели его или увлеклись имъ.

Когда явился Россіи въ 1812 году, великіе италіанскіе учителя, второй половины прошлаго столѣтія, уже не существовали, или по-крайней мѣрѣ перестали писать, потому-что Паизиелло умеръ только въ 1816 году. Среди многочисленныхъ и блѣдныхъ подражателей, раздѣлвшихъ между собою ихъ остатки и воспроизведшихъ ихъ разслабленныя формы, три композитора съ талантомъ болѣе оригинальнымъ оспаривали владычество моды: Майеръ, Паръ, Дженсрали. Майеръ, родившійся въ Ваваріи, въ какой-то деревнѣ, дебютировалъ на италіанской сценѣ въ 1794 году; онъ приобрѣлъ извѣстность тремя или четырьмя партитурами: «Ginevra di Scozia», «Medea», «la Rosa bianca», «la Rossa», которыя не забыты знатоками. Оркестрировка нѣсколько болѣе полная, чѣмъ у другихъ современниковъ, нѣкоторая опытность въ искусствѣ обдѣлывать многоголосныя мѣста, мелодическія идеи, нѣсколько короткія, но не лишеныя ни блеску, ни возвышенности, ни даже этого чувства немножко туманнаго и какъ бы сквозящаго отблескомъ нѣмецкой сентиментальности; таковы качества, замѣчательныя въ операхъ Майера. Паръ, скончавшійся въ Парижѣ 3 мая 1839 года, членомъ института, былъ какъ музыкантъ искусство Майера и съ воображеніемъ болѣе разнообразнымъ. Онъ родился въ Пармѣ 1771 года, и въ 1797 году былъ призванъ въ Вѣну, гдѣ имѣлъ случай слышать оперы Моцарта;

который сдѣлалъ на него большое впечатлѣніе и внушилъ вкусъ къ инструментировкѣ болѣе энергической и болѣе колоритной, чѣмъ у его современниковъ. «La Griselda», «Camilla» и «Агнеса», лучшіе его произведенія — уже результатъ этого двойного напряженія его таланта, нѣкоторый родъ сдѣлки между итальянскою и итальянскою школами. Джизелла, напротивъ, весь Итальянецъ. У него уже есть брио, мерцаютъ мелодія, пробивается порой живая сила того, кому онъ предшествовалъ.

Среди-то этихъ идей и музыкальных формъ, витанутыхъ и домыслимыхъ, явился Россини, полный юности, отваги, готовности пользоваться всякимъ добромъ и благомъ, и мастеръ присваивать себѣ похитаемое. Его творенія и значительны и разнообразны, замѣчательны блескомъ воображенія, изобиліемъ и свѣжестью мотивовъ, силою аккомпаниментовъ, возвышенной гармоніей, пылкостью и любовью, которая ему придаетъ языкъ страсти. Гений истинно итальянскій, весь пропитанный шумными и чувственными духомъ своей эпохи, Россини дѣлаетъ вдругъ разрывъ съ учителями прошедшаго вѣка, выдвигаетъ силы свои изъ тайныхъ ущелій восемнадцатаго вѣка и устремляется на будущее съ нетерпѣніемъ завоевателя.

Послѣ паденія Наполеона и водворенія всеобщаго мира, философія духа, науки, словесности, искусства начала обновляться во всей Европѣ. Прошедшій вѣкъ проигралъ при Ватерлоо послѣднее свое сраженіе: полъ знаменами императора Французовъ и вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ былъ сосланъ на островъ Святой Елены, гдѣ они и скончались въ объятіяхъ другъ друга. Повсюду вспыхнули новыя понятія. Шекспиръ, Байронъ и Вальтеръ Скоттъ довершили побѣду Веллингтона и подчинили Европу англійскимъ понятіямъ, чувствамъ и вдохновеніямъ, которыя уже произвели въ Германіи два колоссальныхъ явленія, Гете и Шиллера. Повсюду старались придать литературамъ характеръ болѣе важный, степенный, дължудревный, благоразумный, очистить и освѣжить формы поэзій и производства воображенія. Послѣ безбожія и самыхъ грубыхъ, невыгодныхъ понятій о человечествѣ, пошли восторженные мечтанія о высокомъ чинѣ его, объ идеалѣ, о безусловныхъ правахъ духа, смѣсь странныхъ ученій, частью религіозно-мистическихъ, а частью положительныхъ, добываемыхъ преимущественно изъ исторій, обновленной особенно философіей и горячо обожающей замѣчанія среднихъ вѣковъ, дотошъ презираемые какъ варварскія: Добродушная мечтательность, трогательное вѣрованіе, спитуализмъ, чистосердечіе, вѣжливость, сдѣлались модными. Му-

зыка не замедлила послѣдовать за всеобщей настроенностью умовъ, и Беллини первый попытался свершить это преобразование.

Съ тонкой и деликатной натурой, съ мелодическимъ гениемъ, болѣе нѣжнымъ чѣмъ сальватори, болѣе трогательнымъ чѣмъ разнообразнымъ, Беллини избѣгнувъ влияния Россіи и вдохновился учителями осемнадцатаго вѣка.

Родившись въ Катаніи третьяго ноября 1802 года, Виченцо Беллини получилъ первое музыкальное образованіе въ неаполитанской консерваторіи, подъ руководствомъ Тритто и потомъ Цингарелли. Послѣ успѣха его оперы «Vincenzo Ferrando», представленной на театрѣ Санъ-Карло, въ 1826 году, онъ былъ призванъ въ Миланъ, гдѣ сочинилъ «Pigata» для Пасты и Рубини. Эта опера умѣла очень большой успѣхъ и прослывила въ Италіи имена Беллини и его дивнаго истолкователя. Въ 1828 году онъ въ томъ же городѣ сочинилъ «La Straniera», и потомъ «La Sonnambula», въ 1831 году. Эта прекрасная партитура, также написанная для Пасты и Рубини, возбудила живѣйшій восторгъ. Образованный такими легкими успѣхами, онъ попытался увеличить размѣры своего стиля, въ «Norma», послѣднемъ твореніи для Пасты, и потомъ пріѣхалъ въ Парижъ въ 1833 году. Послѣ непродолжительной поѣздки въ Лондонъ, онъ воротился въ Парижъ въ 1834 году и написалъ «Les Puritains» для четырехъ знаменитыхъ артистовъ, составлявшихъ тогда торжество парижскаго италіянскаго театра — для Гризи, Тамбурни, Лаблаша и Рубини, любимаго своего пѣвца. Онъ умеръ черезъ полгода послѣ сочиненія этой прелестной оперы. Музыкантъ съ удачнымъ инстинктомъ, недостаточно развитымъ воспитаніемъ, Беллини не въ одномъ сердцѣ находилъ изящныя и оригинальныя мелодіи, но встрѣчалъ также гармоніи интересныя какъ въ чудномъ квартетѣ «Пуританъ», лучшимъ его произведеніи. Его инструментировка вообще слабая, не лишена впрочемъ нѣкотораго благородства. По большей части онъ въ ней замѣтуетъ начала у Россіи, иногда у Вебера, какъ напримѣръ въ интродукціи «Пуританъ». Творенія его, не слишкомъ разнообразныя, скорѣе элегическаго чѣмъ драматическаго характера, отличаются декламаціей воздержной, благопріимчивой, въ которой течетъ искреннее чувство, пѣніемъ мало развитымъ, въ которомъ нѣтъ великолѣпнаго блеску Россіи, но оно трогаетъ васъ глубоко, потому что дѣйствительное изліяніе души, а не произведеніе искусства. Родясь въ блестящей странѣ, гдѣ ухо съ дѣтства очаровывается жалобными мело-

дѣлны, повторяемыми съ незапамятныхъ временъ сицилійскими пастухами, съ сердцемъ, исполненнымъ этой ясной меланхоліей, которую внушаютъ вамъ; въ странахъ, любимыхъ солнцемъ, въ лучезарныхъ тѣни вечера и безграницный горизонтъ моря, этой меланхоліи, которой выраженіе встрѣчается уже у Теокрыта, въ нѣсколькихъ мадригалахъ Джезувальдо, въ шестнадцатомъ вѣкѣ, но особенно у Перголезе и Пачиелло, Беллини смѣшиваетъ родныя звуки южнаго гевія съ мечтательностью, съ туманнымъ стремленіемъ, нѣмецкой и англійской литературы и составляетъ изъ всего этого изящное цѣлое, полное очарованія и таинственности.

У Верди, послѣдняго изъ итальянскихъ композиторовъ, талантъ совершенно противоположный съ талантомъ Беллини. Онъ родился въ окрестностяхъ Милана и увѣряютъ, что научился началамъ музыки у старика дяди, деревенскаго священника, который съ равнаго возраста приучилъ его составлять аккорды на органѣ тамошней церкви; природа и опытность довершила остальное. Первое твореніе, сдѣлавшее его известнымъ — «Навуходоносоръ», представленный въ Миланѣ съ большимъ успѣхомъ. Онъ написалъ потомъ около дюжины партитуръ, принятыхъ съ восторгомъ во всѣхъ городахъ Италіи, исключая Неаполя. Въ отчизнѣ Россіи только и поютъ музыку Верди; его мелодіи раздаются на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ. Авторъ «Навуходоносора», «Герани», «Двухъ Фоскари», «Ломбарди», соединяетъ умъ серьезный съ воображеніемъ возвышеннымъ. Въ идеяхъ его много блеску и силы. Это гевій оригинальный, который сдѣлаетъ переворотъ въ музыкѣ, несмотря на преграду, которую стараются противопоставить его торжествующему ходу. Онъ ищетъ драматическихъ эффектовъ и часто осуществляетъ ихъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Предразсудки старыхъ школъ, дрожая передъ его успѣхами, обременяютъ его упреками, доказывающими только то, какъ глупъ весь родъ предразсудковъ, который ни въ чемъ добромъ не хочетъ видѣть ничего хорошаго и добровольно лишаетъ себя наслажденій, происходящихъ отъ незнакомаго прекраснаго, чтобы предаваться горечи безсмысленной критики. Главнѣйшій порокъ Верди — если непременно нужно отыскать порокъ въ томъ, чего еще не успѣли ни оцѣнить, ни даже понять, состоятъ въ насильственномъ естественнаго ходу и объему живыхъ, физическихъ инструментовъ; онъ, какъ увѣряютъ парки, истощаетъ груди и быстро портитъ голоса своими эффектными мелодіями. Но кто вышче не насильствуетъ своего инструмента? Скрипачи, форте-

ниансисты, ваариетисты, валторнисты, даже контрабасисты, каждый старается добыть что-нибудь сверхъ силъ и возможности въ то, что у него въ рукахъ. Таковъ духъ вѣка.

Что до Джованни Пачини, автора «Niobe», «Ukino giorno di Romolo», «Salo» и тридцати другихъ оперъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, это только подражатель Россини. Остаются Меркаданти, ученый и искусный музыкантъ, до которому природа отказала въ даръ оригинальности. Сначала онъ шелъ по слѣдамъ Россини, потомъ пытался воспроизвести манеру Беллини, а теперь добавляется слава Верди. Опера «Elisa e Claudio» — лучшее его произведение.

Характеръ итальянской школы, какъ мы видѣли, значительно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ Россини пересталъ писать. Вліяніе иностранной литературы и новыя теоріи драматическаго искусства побудили композиторовъ отъизвы Чимарозы гнаться за сильнымъ выраженіемъ страсти, бросить картину вѣжныхъ чувствъ для мрачныхъ увлеченій души. Какой-то мистицизмъ овладѣлъ яснымъ воображеніемъ Итальянцевъ. Ихъ мелодіи, болѣе воздержныя, глубже проникающія въ душу, не такъ развиты, не такъ пышны, не такъ возвышенны, какъ стиль Россини. Дуэты, тріо, и вообще всѣ мѣста своднаго пѣнія, задуманы но плаву болѣе сжато. Искусство вести тему и развивать ея послѣдствія, сѣвленіемъ эпизодовъ и модуляцій, осталось въ пренебреженіи, инструментировка стала грубѣе и не имѣетъ этой полноты и того изящнаго разнообразія, которыми удивляются въ «Отелло» и «Семирамидѣ».

Въ этой-то атмосферѣ проявился Донизетти. Музыкантъ болѣе искусный, болѣе мощный, но не такъ оригинальный, какъ Беллини, съ талантомъ болѣе плодовитымъ и болѣе разнообразнымъ чѣмъ Меркаданти, несравненно выше Пачини и другихъ композиторовъ этого разряда, Донизетти долженъ занять первое мѣсто послѣ главнаго мѣста, принадлежащаго гелію. Онъ будетъ поставленъ въ исторіи драматическаго искусства тотчасъ послѣ Россини, и если руссіневская школа переживетъ Верди, своего осязѣйшаго истребителя, онъ будетъ жить въ потомствѣ своей «Лучией», самой прелестной партитурой нашего вѣка. Чтобы опредѣлить и благородство его характера и вѣжность таланта, надо бы подписать подъ его портретомъ слова «финальной арии «Лучія»:

O bell' alma inamorata!

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Обзоръ дѣятельности Ярославцевъ въ предѣлахъ губерніи, очеркъ ихъ хозяйства и занятій ремеслами, хотя и даютъ понятіе о направленіи промышленнаго духа жителей губерніи, но еще не вполне опредѣляютъ мѣру его развитія. Губернія слишкомъ тѣсна для дѣятельности Ярославецъ.... Гонимая за трудомъ, какъ охотникъ за звѣремъ, онъ не разбираетъ разстояній.... побывать въ Крыму, въ Финляндіи—ему нипочемъ....и между Татарами и между Финнами Ярославецъ и какъ ремесленникъ, и какъ промышленникъ вѣчно—на первомъ планѣ....и въ томъ, и въ другомъ мѣстѣ не надвигается его уму и смѣтливости. Извѣстно, что около шестидесяти тысячъ человекъ лучшаго народонаселенія губерніи ежегодно отправляются изъ нея для заработковъ въ разныя мѣста Россіи. Нѣкоторые изъ этихъ людей по нѣскольку лѣтъ не возвращаются на родину.

Мы уже замѣтили, что въ промышленной дѣятельности Ярославцевъ чрезвычайно развито общинное раздѣленіе труда.... есть цѣлыя деревни кожевниковъ, огородниковъ, каменщиковъ, плотниковъ, кузнецовъ, и тому подобныхъ. Отправляясь на заработки, крестьяне идутъ не поодиначкѣ, а также общинами, артелями.

Способнѣйшіе, зажиточнѣйшіе изъ нихъ, бываютъ обыкновенно подрядчиками и часто берутъ на себя огромныя работы. Кто-нибудь хочетъ выстроить, напримѣръ, въ Петербургѣ, домъ, отъискиваетъ подрядчика, предлагаетъ ему свои планы и желаніе, торгуется съ нимъ и, наконецъ, условливается на известной суммѣ. Тогда подрядчикъ собираетъ своихъ товарищей и уговаривается съ ними насчетъ работы и доли въ барышѣ. Здѣсь вѣтъ поденщины, каждый работникъ участвуетъ въ подрядѣ, если не деньгами, то трудомъ, а иногда и деньгами, потому-что часто бываютъ и такіе крестьяне-подрядчики, которые, получивъ задатки, берутъ на себя подряды какъ по части работъ, такъ и по части поставки матеріаловъ. Нерѣдко, подрядчики изъ богатыхъ большихъ селеній, взявъ на себя производство какихъ-нибудь значительныхъ работъ, отправляются съ нѣсколькими товарищами на родину, въ свою деревню, и тамъ собираютъ деньги, нужные для предпріятія, собираютъ ихъ не замомобразно, а тоже на правлахъ общинныхъ, для соразмѣрнаго дѣлежа по окончаніи предпріятія. И все это дѣлается на-слово, на честь, на вѣру.... а между-тѣмъ объ обманахъ почти и не слышно. Подрядчикъ городской, напримѣръ, какой-нибудь купецъ, мѣщанинъ—голова своей артели. Городской подрядчикъ считаетъ весь барышъ своей собственностью, платя рабочимъ поденщину, между-тѣмъ какъ подрядчикъ-ремесленникъ всѣ барыши свои честно дѣлитъ съ товарищами, — каждый получаетъ по-мѣрѣ своихъ трудовъ, по степеніи искусства.... чрезвычайное правильное направленіе промышленной дѣятельности! Особенности значительныя, по числу рабочихъ, артели каменщиковъ, плотниковъ, всѣхъ, такъ сказать, гуртовыхъ рабочихъ. Много народу промышляетъ извозомъ.... прежде Ярославцы часто ѣзжали съ обозами даже на лейпцигскую ярмарку, — теперь ихъ тамъ не видать, но и Россія не угломъ сошлась.... есть гдѣ вѣздить. Разносчики по большей части Ярославцы, изъ ростовскаго уѣзда, а частью и изъ другихъ значительное число людей расходится по Россіи, подъ названіемъ зеленщиковъ и огородниковъ. Въ Ригѣ, Петербургѣ, Москвѣ, они нанимаютъ на лѣто у горо- довъ или горожанъ землю, тщательно ее обрабатываютъ, произращаютъ всѣ огородные овощи и корни. Это славный трудолюбивый народъ. Изъ имѣнія графа Мамонова и окрестностей много идутъ въ Москву въ пекарни. Этихъ же мѣстъ люди известны за хорошихъ кучеровъ и извозчиковъ. Въ Москвѣ особенно славятся по расторопности и смѣливости мужики казен-

наго мѣстѣ Сидорово; ихъ тамъ иначе не называютъ какъ Ярославцами.... титулъ, какъ извѣстно, почетный для русскаго крестьянина. Изъ этихъ Сидоровцевъ много славныхъ столаровъ и плотниковъ. Наконецъ, кто не знаетъ огромнаго числа Ярославцевъ, занимающихъ разныя трактирныя должности, отъ половаго до хозяина.... Большая часть содержателей гостинницъ, рестораций— все Ярославцы. Такое огромное ежегодное переселеніе жителей губерніи въ другія вѣсколко не уменьшаетъ въ нихъ любви къ родинѣ. Если Ярославецъ способенъ провести три-четыре года вдаль отъ своей семьи, то это еще не значитъ, что бы онъ по временамъ не рвался къ ней, не скучалъ по ней. Даже и у тѣхъ, которые, повидимому, навсегда оставляютъ родину, и у тѣхъ надолго сохраняется къ ней чувство привязанности. Посмотрите — мужикъ разбогатѣлъ, записался въ купцы, мѣстѣ вѣсколко домовъ въ столицѣ, а все-таки есть у него изба въ своей деревушкѣ, все-таки онъ держитъ тягло, платитъ двойную подать; ему жаль разорвать всѣ связи съ родной... А жить на ней не приходится: съ одной стороны промышленное направленіе гонитъ Ярослава за три-девять земель, съ другой — что ему и дѣлать въ своей губерніи, когда онъ отвыкъ отъ земледѣлія, когда извѣдалъ опытомъ, что на чужбинѣ заработаетъ втрое, вчетверо. А если у Ярослава не такъ ярко бросается въ глаза его привязанность къ родинѣ, какъ у какого-нибудь Финна, горца, то на это есть другія причины. И Русскаго возметъ тоска по родинѣ между какими-нибудь Чухнами; но въ Россіи для Ярослава всюду родина: отъ Архангельска до Одессы, отъ Тобольска до Кіева; вездѣ онъ слышитъ родной, понятный ему языкъ, вездѣ одни и тѣже храмы Божіи.... куда не придетъ, вездѣ какъ дома, какъ будто въ пяти или шести верстахъ отъ своей деревни.... любовь къ родинѣ здѣсь сливается съ любовью къ отечеству.... Выходы на заработки, составляютъ сильное средство для укрѣпленія внутренней связи между отдаленными краями государства и для пробужденія и поддержанія народнаго чувства. За наживой идутъ изъ губерніи не одни мастеровые, — люди хорошо знающіе какое-нибудь ремесло, — идетъ много и такихъ, которые еще не пробовали себя ни въ какомъ ремеслѣ: въ артели найдете дѣло всякому. Переходы промышленниковъ бываютъ и въ другихъ странахъ Европы, но никогда въ томъ видѣ, о которомъ мы говорили сейчасъ. Тамъ народъ идетъ изъ одного мѣста въ другое, всегда для какого-нибудь опредѣленнаго промысла. Андалузцы идутъ водонисами въ Мадридъ, Овернцы и Савояры въ Парижъ, Вест-

Фальцы идутъ въ Голландію жвцами, Итальянцы разсыпаются по Европѣ съ гипсовыми фигурами, Гессенцы съ метелками, каршартскіе Словаки, Альпійцы далеко расходятся съ мышеловками, и прочая. Но это вообще необыкновенныя ремесла, которыя извѣстны хорошо и основательно только въ тѣхъ краяхъ, гдѣ эти люди родились. Да и число подобныхъ промышленниковъ не велико. Но чтобы мастеровые самыхъ обыкновенныхъ ремеселъ, каковы плотники, каменщики, портные и тому подобныя, ходили съ мѣста на мѣсто, для наживы, или чтобы молодежь, ничему не ученая, но на все способная, отыскивала работу за тысячу, за полторы тысячи верстъ — этого нигдѣ нѣтъ. У Ярославцевъ, у Костромичей болѣе нежели гдѣ-нибудь развита охота, какъ говорится, испытать счастья. Кто не идетъ на заработки въ другія губерніи, тотъ пытается счастья въ своей, лишь-бы не воиться съ сохою, не отстать отъ сосѣдей.

Нерасположеніемъ Ярославцевъ къ земледѣльческимъ работамъ и ихъ промышленнымъ духомъ не могли не воспользоваться капиталисты; съ развитіемъ заводской и фабричной дѣятельности вообще въ Россіи, дѣятельность эта сильно начала развиваться и въ ярославской губерніи. Каково здѣсь было развитіе мануфактурной дѣятельности, это вопросъ, на который нельзя отвѣчать въ нѣсколькихъ строкахъ. Какъ бы то ни было, теперь заводская и фабричная дѣятельность въ ярославской губерніи находится въ блестящемъ положеніи. Всѣхъ фабричныхъ заводовъ въ губерніи по свѣдѣніямъ за 1847 годъ 177, а производство на нихъ простирается до 2,232,000 рублей серебромъ.

На первомъ планѣ, по цѣнности производства, стоятъ винокуренныя заводы; 8 этихъ заводовъ выкуриваютъ вина на сумму 600,000 рублей серебромъ; наибольшій заводъ, производящій на 225,000 руб. сер., находится въ селѣ Никольскомъ, пошехонскаго уѣзда. Впрочемъ количество выкуреннаго вина не всегда бываетъ одинаково, а зависитъ отъ требованій откупщиковъ. — Вслѣдъ за винокуренными заводами идутъ кожевенныя, которыхъ 37, а производство ихъ доходитъ до суммы 390,500 рублей серебромъ; болѣе развито кожевенное производство въ городѣ Угличѣ: три тамошнихъ завода выдѣлываютъ кожъ на сумму до 155,500 рублей серебромъ. — Третье мѣсто по производству на сумму до 201,000 рублей серебромъ, занимаютъ свѣчечныя заводы — ихъ 26. Въ особенности замѣчательны ростовскіе заводы: они производятъ на сумму болѣе 136,000 рублей серебромъ. Хлопчатобумажное производство сильно развито въ гу-

берии.—Если взять выдѣлку всѣхъ хлопчато-бумажныхъ произведеній вообще, начиная съ пряденія до отдѣлки тканей, то фабриканція этого предмета (простираясь на сумму 300,000 рублей серебромъ), займетъ не четвертое мѣсто, а третье. Удивительно, какъ глубоко водворилась у насъ хлопчато-бумажная промышленность.... чуждый продуктъ сдѣлался совершенно народнымъ и съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе усваивается между крестьянами. О употребленіи въ Россіи хлопчато-бумажныхъ тканей упоминаютъ еще путешественники семнадцатаго столѣтія;—теперь у рѣдкаго ярославскаго парня нѣтъ пестрой рубахи.... такая рубаха составляетъ необходимую принадлежность національнаго костюма у каждаго порядочнаго крестьянина. Самое обширное хлопчато-бумажное заведеніе въ губерніи — ниткальный заводъ въ Ростовѣ, производящій на сумму до 185,000 рублей серебромъ; въ ростовскомъ же уездѣ, въ селѣ Троицкомъ, устроенъ и бумагопряильный заводъ, вырабатывающій на сумму до 100,800 рублей серебромъ. Писчебумажное и оберточнобумажное производство также значительны; на 8 фабрикахъ этого рода выдѣлывается на сумму до 207,000 рублей серебромъ. Замѣчательнѣйшая изъ этихъ фабрикъ находится при селѣ Плешеевѣ, князя Гагарина; на ней готовится въ годъ болѣе 50,000 стопъ писчей бумаги разнаго сорта. Полотняныя фабрики замѣчательны не столько по количеству производства, сколько по добротѣ и отдѣлкѣ своихъ произведеній. Ярославскія полотна считаются лучшими въ цѣлой Россіи. Цѣнность ежегоднаго производства на этихъ фабрикахъ простирается иногда до 150,000, и обыкновенно до 100,000 рублей серебромъ.—Замѣчательна также производительность свѣчевосковыхъ заводовъ: она простирается на 6 заводахъ до 60,000' рублей серебромъ. Восковыя свѣчи, какъ извѣстно, теперь назначаются почти исключительно для церковнаго употребленія....и вотъ на сколько ихъ готовится въ одномъ Ярославлѣ! — Табачныя фабрики также значительны; ихъ 3 въ Ярославлѣ, и производятъ на сумму 50.000 рублей серебромъ: это фабрики простаго грубаго табаку—значитъ назначаются исключительно для употребленія простаго народа.....—Для производства шелковыхъ тканей только 1 заводъ, вырабатывающій на сумму до 23,000 рублей серебромъ. Изъ другихъ заводовъ по цѣнности производства обращаютъ на себя вниманіе салотопенные, мѣдные, чугунолитейные, наточные, водочные, бѣлильные, солодовенные и другіе.

Изъ числа товаровъ и издѣлій, производимыхъ описанными

фабриками и заводами, приготовляются собственно для потребления въ губерніи: сальныя и восковыя свѣчи, изразцы, кирпичъ, — частью же: писчая и оберточная бумага, табакъ, солодъ, крупа и кожи; остальные же предметы отправляются преимущественно на нижегородскую и ростовскую ярмарки, или въ Москву, Петербургъ и другіе города.

Матерьялы для фабрикъ, кромѣ льняной пражы, которая скучается у жителей, — получаютъ изъ тѣхъ же мѣстъ.

Для полноты свѣдѣній объ обрабатывающей промышленности замѣтить, что мукомольныхъ мельницъ по уѣздамъ довольно много; изъ нихъ болѣе замѣчательны, какъ по устройству, такъ и по величинѣ и цѣнности помола, крупчатки, на которыхъ перемалываютъ часть пшеницы, привозимой въ Рыбинскъ изъ низовыхъ губерній.

Водяныхъ мельницъ находится: въ ярославскомъ уѣздѣ 29, ростовскомъ 39, угличскомъ 26, рыбинскомъ 25, мышкинскомъ 16, романовъ борисоглѣбскомъ 23, мологскомъ 22, любимскомъ 41 и даншловскомъ 11.

Вѣтряныхъ же мельницъ и такъ называемыхъ колотовокъ и толчей, очень много.

Уже одинъ очеркъ промышленной дѣятельности ярославской губерніи ведетъ къ прямому заключенію, что въ ней должна процвѣтать и торговля; тамъ, гдѣ каждый житейскій предметъ обрабатывается общинами, — должно быть все основано на обществѣ труда; но для полнаго понятія о мѣрѣ развитія торговой дѣятельности губерніи, надобно къ этому важному двигателю прибавить еще географическое положеніе губерніи. Находясь недалеко отъ Петербурга, на пути къ нему изъ богатѣйшихъ и хлѣбороднѣйшихъ губерній Россіи, находясь вблизи нижегородской ярмарки, пересѣкаясь Волгою — матерью русскихъ рѣкъ, и заключая въ своихъ предѣлахъ устья Мологи, Шексны, губернія владѣетъ не только главными судоходными путями Имперіи, но еще заключаетъ въ своихъ предѣлахъ важнѣйшіе складочные пункты, — и пункты перегрузки товаровъ. Здѣсь Ростовъ, Ярославль и Рыбинскъ. Какіе почетные, могучіе представители внутренней торговли губерніи! Эта торговля производится на ярмаркахъ и главнѣйшихъ пристаняхъ, находящихся въ губерніи. Ярмарокъ бываетъ ежегодно до 60. Торговые обороты на нихъ простираются до 5,500,000 рублей серебромъ. Изъ ярмарокъ замѣчательны одна въ Ярославлѣ, двѣ въ Рыбинскѣ, 2 въ Мышкинѣ, 3 въ Мологѣ, 2 въ Пошехоннѣ, 1 въ Любимѣ, 1 въ Борисоглѣбскѣ и 4 въ

селѣ Великомѣ, ярославскаго уѣзда, но надъ всѣми ими вышается ростовская ярмарка. Обороты ея составляютъ почти четыре пятыхъ всѣхъ ярмарочныхъ оборотовъ губерніи. Отчего это? Подумаешь, чрезвычайно выгодное мѣстоположеніе города сзываетъ сюда торговцевъ....ни чуть не бывало: Ростовъ, напротивъ, можетъ жаловаться на свое географическое положеніе.... съ одной стороны у него подъ бокомъ Москва, съ другой онъ далеко отъ Волги.... Но народъ стекается сюда на поклоненіе святымъ угодникамъ, а купцы пользуются этимъ случаемъ и везуть товары съ твердой увѣренностью въ возможности сбыта и городъ богатѣетъ. Въ началѣ вынѣшняго столѣтія, обороты ростовской ярмарки были значительно вынѣшнихъ; еще въ 1821 году привозъ на нее товаровъ простирался до суммы 8,570,000 руб. сереб.; съ тѣхъ-поръ ярмарка начала было замѣтно упадать, такъ что въ 1825 году привозъ уменьшился до 2,000,000 рублей серебромъ; но съ этого времени ярмарка снова поднялась и въ 1841 году на нее было привезено товаровъ уже на сумму до 5,091,000 рублей серебромъ. Такое колебаніе ярмарочныхъ оборотовъ произошло съ одной стороны вслѣдствіе учрежденія ярмарокъ въ другихъ городахъ, которыя торговцамъ отдаленныхъ отъ Ростова мѣстъ представляли болѣе удобствъ запасаться необходимыми товарами; вслѣдствіе распространенія постоянныхъ сношеній торговцевъ съ производителями многихъ мануфактурныхъ издѣлій, и наконецъ вслѣдствіе усиленія въ городахъ и селеніяхъ постоянной торговли, которая, доставляя потребителямъ все необходимое на самомъ мѣстѣ ихъ пребыванія, отвлекаетъ ихъ отъ посѣщенія ярмарокъ; а съ другой стороны возвышеніе ярмарочныхъ оборотовъ произошло отъ необыкновеннаго разпротраненія въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ мануфактурной промышленности въ городахъ и селеніяхъ, какъ ярославской такъ и смежныхъ съ нею костромской, владимірской и московской губерній и преимущественно усиленію выдѣлки бумажныхъ матерій. Это оправдывается увеличившимся привозомъ на ярмарку какъ матеріаловъ, необходимыхъ для фабрикаціи бумажныхъ тканей, такъ и самыхъ тканей.

Чтобы дать понятіе вообще о предметахъ ярмарочной торговли, разсмотримъ какіе товары были привезены на ростовскую ярмарку въ 1848 году и какіе продаются. — По цѣнности и привоза и продажи, первое мѣсто занимаетъ между ними чай: его привезено на ярмарку на 500,000 руб. сер. и на столько же продано. Чаемъ торгуютъ здѣсь преимущественно московскіе оптовые

торговцы, которые, кромѣ распродажи привезеннаго чая, не шло продають его съ условіемъ доставки прямо изъ Москвы. Второе и третье мѣсто по продажѣ занимають кубовая краска, бумажныя издѣлія и пряденая бумага. Кубовой краски (индиго) привезено на ярмарку на 450,000, продано на 400,000; бумажнымъ издѣліямъ и пряденой бумаги привезено на 503,000, продано на 384,000 руб. сер. Пряденая бумага, преимущественно красная, идетъ въ наибольшемъ количествѣ изъ Александрова (владимірской губерніи), именно до 4,000 пудовъ, изъ Москвы и изъ Астрахани. Она употребляется въ-особенности при выдѣлкѣ такъ-называемой нестради, въ которой на основу плутъ льняныя нитки, а на утокъ бумага. И здѣсь, также какъ и при торговлѣ, много заврѣдается по образчикамъ. Прежде, лѣтъ 11 назадъ, красная бумага почти исключительно привозилась на ростовскую ярмарку Армянами изъ Астрахани. Съ 1838 года стали распространяться и улучшаться красильни Александровской мануфактуры; искорѣ красильни эти стали на такую степень, что сами Армяне, оставивъ окраску бухарской пряжи, начали закупать ее у александровскихъ мануфактуристовъ. Перевѣсъ, который получила въ торговлѣ эта пряжа, есть результатъ не только болѣе усовершенствованныхъ способовъ окраски, введенныхъ на александровскихъ красильныхъ, но и особыхъ торговыхъ оборотовъ къ полученію по выгоднѣйшей цѣнѣ главнаго матеріала для окраски — марены (крапа). Еще до 1841 года закупалась для александровскихъ красильнъ болѣею частью настоящая французская марена. Теперь почти все потребное количество марены получается александровскими мануфактуристами изъ кавказскаго края и преимущественно изъ Дербента; оттого марена обходится имъ до 40 процентовъ дешевле, что дало возможность дешевле продавать и крашеную бумагу. Пятое мѣсто по привозу (на 200,000) и распродажѣ (170,000 с. р.) занимають кожевенный товаръ и издѣлія; невыдѣланныя кожи доставляются преимущественно изъ средневолжскихъ губерній. Металловъ и металлическихъ издѣлій въ 1848 году привезено на сумму 169,000 рублей серебромъ, продано на 138,000. Москательныхъ товаровъ на 125,000 иностранныхъ и на 70,000 р. с. русскихъ. Медовъ (на 125,000) и сахару (на 20,000), сколько было привезено, столько же и продано. Русскихъ шелковыхъ и полуселковыхъ издѣлій привезено на 129,000, продано на 91,000 руб. сер., иностранныхъ привезено на 30,000, продано на 18,000; мягкой рухляди, сырой, выдѣланной и вытой, привезено на 102,000, продано на 89,000. Хлѣбнаго товара привезено на 80,000,

на столько же и продано. Хотя количество разнаго рода хлѣба, привозимаго на ростовскую ярмарку крестьянами преимущественно нижегородской губернии и не очень значительно, такъ что оно и идетъ почти все на продовольствіе ближайшихъ къ Ростову мѣстъ, тѣмъ не менѣ эта ярмарка имѣетъ вообще весьма важное значеніе въ хлѣбной торговлѣ государства. Платежи по всѣмъ сдѣлкамъ между хлѣбными торговцами верховыхъ и нижнихъ городахъ производится обыкновенно въ два главные срока: лѣтомъ, при самомъ принятіи первыми торговцами хлѣба въ Рыбинскѣ или въ другихъ верховыхъ пристаняхъ, и въ неходъ зимы на ростовской ярмаркѣ. Свѣзжающіеся сюда со всѣхъ сторонъ хлѣбные торговцы не ограничиваютъ здѣсь своихъ занятій одними вексельными дѣлами. Рыбинскіе и нижние торговцы, у которыхъ хлѣбъ сложенъ въ Рыбинскѣ и другихъ верховыхъ пристаняхъ, продаютъ на ярмаркѣ не малое его количество по привозимымъ образцамъ. Достойны замѣчанія цѣны, назначаемыя при такой продажѣ: опредѣляясь частью состояніемъ озимей въ послѣднюю осень и слѣдовательно видами на урожай текущаго года, и частью обширностью закупокъ, производимыхъ на низовыхъ пристаняхъ, онѣ служатъ нѣкоторымъ выраженіемъ тѣхъ цѣнъ, которыхъ можно ожидать въ наступающее лѣто. Воску и свѣчъ было привезено на ярмарку на 89,000, продано на 79,000 руб. сер. Шерстяныхъ издѣлій привезено на ярмарку: русскихъ на 76,000 руб. сер., иностранныхъ на 19,000, продано того и другаго на 57,500. Дегтю привезено и продано только на 49,000 руб. сер. Этими товарамъ торгуютъ преимущественно вологодскіе купцы, закупающіе его въ лѣсахъ сѣверной полосы Россіи. Количество привозимаго дегтя равно и цѣны его много зависятъ отъ ранней или поздней зимы, отъ продолжительности ея и отъ качества зимнихъ дорогъ. Изъ другихъ товаровъ, сбываемыхъ на ярмаркѣ, замѣчательны, въ русскихъ: крестьянскій холстъ, пряжа и тряпье (сбытъ на 51,000 руб. сер.), золотокружевные издѣлія (на 47,000 рублей сер.), табакъ, помада и духи (на 50,000), рыбный товаръ (на 50,000 руб. сер.), разныя постылыя масла (на 42,000 руб. сер.), камни жерновые и точильные (40,000), льняныя издѣлія (на 20,000 руб. сер.), зеркала и посуда (29,000), шляпный товаръ (16,000), галантерейный товаръ (15,000), чулочный; перчаточный (20,000), книги и картины (14,000), бумага писчая и оберточная (30,000), мыло (18,000), само топленое (18,500), мочалы, рогожи и веревки (25,000) и сѣмена огородныя (20,000 руб. сер.). Изъ европейскихъ колоніальныхъ това-

ромъ, кромѣ показанныхъ, замѣчательны: деревянное масло (на 35,000 руб. сер.), виноградныя вина, ромъ (на 26,000) и козе (на 15,000 руб. сер.). Кромѣ того въ 1848 приведено было на ярмарку лошадей заводскихъ 420 штукъ, крестьянскихъ до 1,600 штукъ. Круглымъ числомъ русскихъ товаровъ на ярмаркѣ было въ привозѣ на 2,425,000, въ продажѣ на 2,078,000 руб. сер. Европейскихъ и колоніальныхъ въ привозѣ — на 784,800 руб. сер., въ продажѣ на 712,600; азіатскихъ въ привозѣ—на 516,000 и на столько же въ продажѣ. Такимъ-образомъ всего товару на ярмаркѣ въ привозѣ было на 3,779,000, въ продажѣ на 3,512,000 руб. сер. Сравнивая этотъ итогъ оборотовъ съ итогами за прежніе годы, напримѣръ за 1841 и 1845 (показаны въ таблицѣ ярмарокъ) видимъ его уменьшеніе, что весьма утѣшительно, потому-что свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ возрастаніи и успѣхахъ торговли государства. Чѣмъ менѣе значеніе ярмарокъ, тѣмъ, значитъ, болѣе повсемѣстно развита постоянная торговля въ городахъ и селеніяхъ. — Пріѣзжихъ на ростовскую ярмарку въ 1848 году было: дворянъ и чиновниковъ 59, купцовъ до 4,000, прочаго народа до 14,000 человекъ. Въ Ростовѣ почти шестая доля (152) каменныхъ домовъ, до 790 купеческихъ лавокъ и городскіе доходы простираются до 22,000 руб. сер.

Купечество начинаетъ съѣзжаться на ростовскую ярмарку съ середины первой недѣли Великаго поста и разъѣзжается въ исходѣ третьей недѣли. По измѣняемости въ каждомъ году числа, съ котораго начинается Великій постъ, и самая ярмарка бываетъ въ разное время: начинаясь иногда съ половины февраля, а иногда въ первыхъ числахъ марта.

Такая измѣняемость времени составляетъ конечно весьма важное неудобство. Съ первыхъ чиселъ марта начинается обыкновенно портиться зимній путь, и тогда подвозъ и въ-особенности отвозъ товаровъ бывають сопряжены съ немалыми затрудненіями и издержками. Если бы зима, по непредвидимому случаю, была необыкновенно продолжительна, то неблагонадежность пути составляетъ и тогда купечество, желающее отправить свои товары въ Ростовъ, заботиться о своевременномъ прибытіи ихъ на ярмарку. Это обстоятельство поясняетъ отчасти значительную разницу, происходящую въ количествѣ товаровъ, бывающихъ въ привозѣ на ростовской ярмаркѣ. По этому нѣтъ сомнѣній, что если бы ярмарка начиналась всегда въ одинъ опредѣленный срокъ, и притомъ такой, когда подвозка и отвозка товаровъ по зимнему пути возможна и удобна, то это послужило-бы къ нево-

нѣднкой пользѣ торгующаго купечества и къ возвышенію оборотовъ и выгодъ самой ярмарки. Впрочемъ этотъ срокъ, ни въ какомъ случаѣ, не долженъ быть слишкомъ отдаленъ отъ настоящаго. Вѣковая привычка расположила всѣ обстоятельства такъ, что середина февраля мѣсяца — самое удобнѣйшее время для производства ярмарки въ Ростовѣ. Этотъ срокъ не совпадаетъ со сроками ближайшихъ къ Ростову значительныхъ ярмарокъ крещенскихъ (начинающихся съ шестаго января), именно вологодской и весьегонской, ни со срокомъ сибирской, которая, открываясь въ одніе числа съ ростовскою, при усиленіи своемъ въ послѣдніе годы, отыекла отъ Ростова многихъ торговцевъ изъ средне-вожскихъ губерній. Сверхъ того, ростовская ярмарка находится въ особенной тѣсной связи съ крещенскою харьковскою, гдѣ закупается почти все количество бакалейныхъ товаровъ и малороссійскихъ медовъ, идущихъ въ Ростовъ. При нынѣшнемъ разстояніи времени между этими двумя ярмарками, если ростовская начинается въ мартѣ, означенные товары складываются обыкновенно на время въ Москвѣ; въ февралѣ же они всегда могутъ слѣдовать безъ остановки въ Ростовъ и поспѣвать на ярмарку. Этотъ очеркъ характеристики ростовской ярмарки и рода привозимыхъ на нее товаровъ, даетъ понятіе и о другихъ ярмаркахъ губерніи.

Главнѣйшіе предметы вывоза изъ ярославской губерніи — полотна, крестьянскіе товары, выдѣланные кожи, писчая бумага, восковыя и сальныя свѣчи, разныя огородныя произведенія и, наконецъ, куриныя яйца.

Большая часть этихъ товаровъ отправляется съ ростовской ярмарки въ Петербургъ и Москву, а также въ различныя губерніи.

Послѣдніе предметы въ большомъ количествѣ отправляются въ Петербургъ: — яйца изъ города Мышкина и его окрестностей, гдѣ грузится ихъ ежегодно около шести, семи милліоновъ штукъ. Огородныя овощи и сѣмяна — изъ города Ростова и его окрестностей; мяса отправляются большею частью изъ ростовскаго и ярославскаго уѣздовъ преимущественно въ Москву, зимнимъ путемъ: количество же и цѣнность каждаго изъ предметовъ привоза и вывоза изъ губерніи, по недостатку свѣдѣній, опредѣлить невозможно.

Судоходство по Волгѣ составляетъ главнѣйшую отрасль транзитной торговли ярославской губерніи.

Эта торговля имѣетъ большое вліяніе на благосостояніе жителей, требуя много рукъ и приводя въ движеніе капиталы. Чтобы

видѣть мѣру того и другаго, чтобы также показать, гдѣ движеніе, производимое транзитною торговлею, сильнѣе, гдѣ слабѣе, посмотримъ съ какихъ пристаней по сколько отправляется и по сколько на какия пристани приходитъ судовъ. Въ предѣлахъ Ярославской губерніи на Волгѣ семь замѣчательныхъ пристаней. Изъ нихъ на углицкой въ 1845 году грузилось (и отправлено) 90 судовъ съ товаромъ, котораго цѣнность простиралась до 563,560 руб. сер.; къ той же пристани пришло 184 судна съ грузомъ на 317,850 руб. сер. При городѣ Мышкинѣ грузилось 93 судна (304,100 руб. сер.), пришло 110 судовъ (164,600). При городѣ Мологѣ грузилось 328 судовъ (375,000), пришло 473 судна (581,300). При городецкой мельницѣ на рѣкѣ Охотѣ грузилось 18 судовъ (43,600); при устьѣ рѣки Сутки грузилось 41 судно (115,000), пришло 6 судовъ (17,140). При деревняхъ Проповѣ, Конриѣ, и Слицовой вотчинѣ грузилось 13 судовъ (2,138 руб. сер.), пришло 43 суда (6,410 руб. сер.). При городѣ Ярославлѣ грузилось 458 судовъ (на 1,469,000 руб. сер.) пришло 475 судовъ (на 1,332,400 руб. сер.). При городѣ Рыбинскѣ и устьѣ рѣки Шексы грузилось 9,301 судно (на 25,248,560 руб. сер.), въ этомъ числѣ казеннаго хлѣба на 4,943,000 руб. сер.; пришло 2,395 судовъ (на 19,182,660 руб. сер.). Таково торговое движеніе на Волгѣ. Кромѣ того сколько судовъ ходитъ по Мологѣ, Шексѣ, Сорожѣ, Кдторости, сколько плотовъ сплавляется по Костромѣ, Янѣ, Югу, Маткомѣ и другимъ. Все предполагаетъ сильное движеніе капиталовъ: нужна постройка судовъ, производство предметовъ для оснастки ихъ, наемъ лоцмановъ, коноводовъ, крестниковъ для перегрузки товаровъ и прочая, доставляющее прибрежнымъ жителямъ и капиталистамъ многочисленныя выгоды. Для образчика выгодъ отъ транзитной торговли, достигающихся на долю собственно ярославскаго крестьянина, расскажемъ, что платится за доставку товаровъ изъ Рыбинска въ обыкновенныя мѣста ихъ сбыта.

Все Рыбинскъ и Рыбинскъ! — Чудную роль играетъ этотъ городокъ въ русской промышленности и дѣятельности.... Куда ѣдутъ суда изъ Саратова, Казани, Моршанска?—въ Рыбинскъ.... Спросите въ Петербургѣ, Твери, Вологдѣ, Сомнѣ, Вытегрѣ: откуда эти барки? — Изъ Рыбинска, скажутъ вамъ.... А Рыбинскъ такъ себѣ небольшой городокъ, едва уѣздный, не то что какой-нибудь Ростовъ, Суздаль.... городокъ, обратившій на себя вниманіе сначала рыбными промыслами, а потомъ золотымъ мѣстоположеніемъ, у самаго сердца Волги, которая всегда будетъ привлекать къ

нему судоходство или для отдыха, или для торговли съ нимъ и въ земь. Чудное мѣстоположеніе: внизъ отъ Рыбинска богатѣйшія губерніи поволжскія, которыя за-дешево сбываютъ ему избытки природы и своихъ трудовъ, а верховья — области имперіи, всегдашнія даянцы его торговли. Стѣитъ поговорить о промышленной дѣятельности этого города.

Рыбинскій портъ состоитъ изъ нѣсколькихъ пристаней, лежащихъ отъ устья Черемхи вверхъ по обѣимъ сторонамъ Волги и по Шекснѣ. Всѣхъ пристаней считается девять: Рыбинская или главная, Пески, Бутырки, Тоговщинская, Мягкинская, Васильевская, Петровская, Лосевская и Николаевская. Главную пристань порта составляетъ Рыбинская, занимающая все протяженіе Волги противъ города отъ устья Шексны до устья Черемхи и считающаяся первокласною въ ряду пристаней поволжскихъ.

Вслѣдствіе поворота Волги и усиленія ея водами Шексны, рыбинскій портъ служитъ единственнымъ пунктомъ, раздѣляющимъ судоходство на «верховое» и «низовое». * То и другое имѣетъ свои особыя суда, различныя устройствомъ и названіями: по различію мѣсть, гдѣ строятся, и по глубинѣ водъ, которыми плывутъ къ Волгѣ и самую Волгою.

По низовому судоходству употребляютъ большею частью: «конно-машинныя суда», помѣщающія на себѣ груза отъ 35 до 45 тысячъ пудовъ, да столько же на причаленныхъ къ нимъ судахъ; «мокшаны» или «суда мокшанскія», приходящія изъ тамбовской губерніи съ грузомъ отъ 30 до 40 тысячъ пудовъ; «гуслики орловскія», поднимающія отъ 40 до 50 или отъ 20 до 30 тысячъ пудовъ, соответственно большому или меньшему ихъ размеру; «расшивы», употребляемыя персскою, саратовскою, симбирскою, казанскою, пензенскою, нижегородскою и костремскою губерніями, съ грузомъ до 20 тысячъ пудовъ; «бѣявы» или «сураки», «коломенки», «шитики», «барки», «полубарки», «лодки складныя», или городецкія и другія. Низовыя суда, исключая машинныхъ, подымаются различными средствами для движенія къ Рыбинску противъ теченія Волги: бурлацкою тягою на бичевнѣ, завозами якоря и парусами; послѣдніе ускоряютъ ходъ на 10 верстъ въ часъ, но суда волжскія не способны къ лавировкѣ, и слѣдственно могутъ пользоваться ими только при совершенно попутномъ и благоприятномъ вѣтрѣ.

* До Рыбинска снизу, суда могутъ ходить по Волгѣ на глубину отъ 1 до 5½ аршинъ; выше же Рыбинска, не болѣе какъ на 14 вершковъ.

Изъ приходящихъ къ Рыбинску судовъ, однѣ останавливаются для разгрузки и распродажи товаровъ, а другія только для перегрузки. Суда съ товарами, назначенными для распродажи при самомъ Рыбинскѣ, помѣщаются на главной пристани, противъ самаго города и частью подъ Песками, при выгонной городской землѣ. Прочія же суда, для разгрузки въ озерныя и другія суда къ вернему ходу, размѣщаются по остальнымъ пристанямъ, изъ которыхъ при Васильевской разгружается большею частью казенный провiантъ, а въ Никольской складывается казенная запасная соль. При попутномъ вѣтрѣ низовыя суда такъ дружно подходятъ, что иногда скопляется ихъ у береговъ до 2,000, почему для отвращенiя несчастныхъ столкновенiй при скопленiи судовъ, приходящихъ снизу и подводимыхъ къ нимъ для перегрузки къ дальнѣйшему ходу, они располагаются линiями и колоннами съ десяти-саженными промежутками или пролетами, уравниваясь по указанiю вѣхъ, нарочно разставленныхъ на берегу.

Суда для верхняго хода имѣютъ узаконенный объемъ; въ длину отъ 8 до 17, въ ширину отъ 2 до 4 сажень; боковая высота простирается отъ 8 до 12 четвертей. Они извѣстны подъ именемъ «верхнихъ барокъ», «полубарокъ» и «лодокъ вышневолоцкихъ, тихвинскихъ и смоленскихъ». По назначаемой для груза мѣрѣ, онѣ поднимаютъ неравномѣрныя тяжести: барки отъ 5 до 7, полубарки отъ 4, а лодки отъ 2 до 4½ тысячъ пудовъ. Мѣра для груза къ верхнему ходу назначается по состоянiю тамошнихъ водъ, на основанiи «Учрежденiя о судоходствѣ», въ которомъ постановлено, чтобы суда отходящiя вверхъ отъ Рыбинска отпускать съ 14 вершками груза съ открытiя судоходства до iюня, а съ того числа до окончанiя судоходства съ грузомъ не выше 12 вершковъ. Правло, это впрочемъ, измѣняется, если вверху Волги появляются мели, могущiя затруднить ходъ судовъ при проходѣ черезъ нихъ.

На этихъ условiяхъ, товары, назначаемые для хода на Волгѣ и Шекснѣ и далѣе по шлюзнымъ системамъ каналовъ вышневолоцкаго, тихвинскаго и маринскаго, или перегружаются въ верховыя суда или отправляются въ прежнихъ съ облегченiемъ груза и приведенiемъ его въ узаконенную или опредѣляемую начальствомъ мѣру. Впрочемъ изъ низовыхъ судовъ только барки, полубарки, лодки, и частью коломенки употребляются для верхняго судоходства; мокшаны же, гусянки, шитки, расшивы, машинныя суда и прочiя, съ окончанiемъ перегрузки или распродажи, отправляются въ обратный путь. Верховое судоходство

отличается от низоваго самымъ средствомъ движенія: суда тянутся вверхъ рѣкъ бичевою посредствомъ лошадей.

Хотя въ числѣ товаровъ привозимыхъ, въ Рыбинскѣ, бываетъ большая часть транзитныхъ, но за всеѣмъ тѣмъ этотъ городъ самъ ежегодно закупаетъ и отпускаетъ ихъ на значительную сумму, и сверхъ того запасается ими на зиму, для весеннихъ, по коммерческихъ разсчетахъ, отправленій до прибытія еще транспортовъ изъ низовыхъ губерній. Кромѣ рыбинскихъ купцовъ, промышленники разныхъ городовъ, какъ-то Мологи, Мышкина, Углича, Колязина, Кашина, Твери, Ржева, Торжка, Устюжны, Весьегонска, Тихвина, Бѣлозерска, Петрозаводска и другихъ городовъ скупаютъ въ Рыбинскѣ товары не только для расхода по своимъ городамъ и уѣздамъ, но и для отпуска отъ себя въ разныя мѣста; караваны ихъ отходятъ изъ Рыбинска въ общемъ итогѣ судовъ отправляющихся по тремъ системамъ. По мѣстнымъ свѣдѣніямъ, сумма товаровъ, распродаваемыхъ въ самомъ Рыбинскѣ и покупаемыхъ здѣшними купцами для отпуска и мѣстнаго расхода, простирается ежегодно до 7,000,000 руб. сер.

Вотъ въ какихъ размѣрахъ свершается торговля въ Рыбинскѣ.

Рыбинскъ и Ростовъ, стало-быть два пункта, на которыхъ наиболѣе сосредоточивается огромное движеніе народа и капиталовъ губерніи. Это однако же не значитъ, чтобы который-нибудь изъ этихъ городовъ занималъ первое мѣсто въ губерніи по важности и объему торговли, производимой исключительно мѣстнымъ купечествомъ; и въ томъ и въ другомъ, какъ мы уже замѣтили, много дѣятелей чужихъ, пріѣзжихъ. По богатству и размѣру оборотовъ мѣстнаго купечества, первое мѣсто въ губерніи принадлежитъ Ярославлю. Тамошнее купечество, кромѣ участія въ ближайшихъ ярмаркахъ, производитъ значительныя закупки хлѣба въ низовыхъ губерніяхъ, желѣзо въ Нижнемъ-Новгородѣ, рыбы на нижнихъ частяхъ Волги и Урала и снабжаетъ этими товарами не только свою губернію, но также костромскую, вологодскую и частью архангельскую. Годовой оборотъ всей торговли Ярославля полагаютъ приблизительно отъ 10 до 12,000,000 рублей серебромъ. Лавокъ въ городѣ 800. Такимъ-образомъ Ростовъ и Рыбинскъ, по оборотамъ своего купечества, занимаютъ второе и третье мѣсто въ губерніи. Ростовское купечество кромѣ торговли на ярмаркѣ занимается покупкою сала, поташа въ Казани и Нижнемъ, и перепродажею ихъ въ Петербургъ, — торгуетъ на оренбургской линіи, даже въ Хивѣ и Бухарѣ, и вышѣнные товары сбываютъ на нижегородской и ростовской ярмаркахъ.

Лавокъ въ городѣ въ обыкновенное время 224. У рыбническаго купечества, важнѣйшая торговля состоитъ въ хлѣбѣ и судостроеніи. Въ слѣдствіе значительной прибыли лѣтомъ иногородныхъ торгующихъ людей и чернорабочихъ, въ то время производится тамъ значительная мелочная торговля, дающая большія выгоды жителямъ. Поэтому-то ярмарка, бывающая съ 22 іюня по 6 іюля, то есть во время наибольшей прибыли судовъ, — годъ отъ году развивается; но по незначительности оптовыхъ сбытовъ, занимаетъ мѣсто второстепенное. Лавокъ въ городѣ всего 486, но онѣ всѣ заняты только во время ярмарки.

Угличское купечество ведетъ главную торговлю кожевными и холщевымъ товаромъ, — произведеніями своего уѣзда, которые въ значительномъ количествѣ отпускаются въ Петербургъ, гдѣ и продаются. Внутренняя же торговля его удовлетворяетъ потребностямъ окрестныхъ жителей, и годовою оборотъ ея простирается до 295,000 руб. сер. Лавокъ въ городѣ 86.

Помехонское купечество производитъ значительную мелочную торговлю какъ въ городѣ, такъ и по окрестнымъ ярмаркамъ, годовою оборотъ которой простирается до 140,000 р. с. Скупаютъ хлѣбъ, а также въ значительномъ количествѣ коровье масло, которое отправляется для продажи въ Петербургъ. Лавокъ 65.

Торговля остальныхъ городовъ не значительна.

Такова ярославская губернія въ промышленномъ отношеніи. Вездѣ, во всѣхъ развѣтвленіяхъ народной дѣятельности видна мощь, бойкость духовной природы Ярославца и умѣнье пользоваться всякимъ средствомъ, предоставленнымъ на долю его природою!

=

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БЕССАРАВСКОЙ ОБЛАСТИ.

==
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.
==

Ничто такъ рѣзко, осязательно не напоминаетъ о громадности, неистощимости и удивительномъ разнообразіи средствъ, величіи и могуществѣ Россіи, какъ географическо-статистическія о ней изслѣдованія.

Съ другой стороны ничто столько не внушаетъ уваженія, довѣренности и благодарности къ дѣйствіямъ правительства, какъ историческое изученіе географическо-статистическихъ данныхъ. Взгляните на Россію лѣтъ 50—80 назадъ и на Россію нынѣшнюю... Хранимая Провидѣніемъ и вѣдомая мощною и мудрою рукою своихъ Государей, она видимо цвѣтетъ и зрѣетъ. Промышленность во всѣхъ концахъ государства идетъ впередъ исполненными шагами; отношенія между сословіями устанавливаются прочно и основательно; народное образованіе такъ сильно двинуто, что рассказы отцовъ кажутся намъ прапрадѣдовскими. Всѣ вопросы государственнаго

благоденствія тропуты — и настоящее исполнѣ ручается за будущее.

Наша обязанность слѣдить за этимъ настоящимъ и передавать его нашимъ соотечественникамъ.

На этотъ разъ мы хотимъ рассказать о промышленной дѣятельности Бессарабін. — Эта область, какъ извѣстно, присоединена къ Россіи по бухарестскому трактату 16 мая 1812 года. Она составляетъ юго-западную оконечность Имперіи и прилегаетъ къ австрійскимъ владѣніямъ, Галиціи и Буковинѣ, къ княжеству Молдавіи, находящемуся подъ покровительствомъ Россіи и Турціи, и къ турецкой имперіи.

Бессарабская область входитъ въ составъ Новороссійскаго края и управляется новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, котораго управленіе находится въ городѣ Одессѣ. Блжайшее же управленіе Бессарабін сосредоточено въ областномъ городѣ Кишиневѣ, подъ вѣдомствомъ военнаго губернатора, которому съ 1836 года подчинено также и измашьское градоначальство. Область въ нынѣшнемъ ея составѣ раздѣляется на восемь уѣздовъ, или цыпутовъ: хотинскій, яскій, сорокскій, оргѣвскій, кишиневскій, бендерскій, кагульскій, аккерманскій, и одно градоначальство измашьское съ посадомъ вильковымъ. Земское управленіе по уѣздамъ находится въ вѣдѣніи земскаго начальника, назначаемаго отъ короны. Бессарабскіе колонисты находятся подъ управленіемъ попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ Россіи, состоящемъ въ городѣ Одессѣ. Въ вѣденіи комитета состоятъ въ Бессарабін восемь округовъ колонистовъ. Сверхъ-того въ Бессарабін находятся особые управленія: 1) Войсковое управленіе донскаго казачьяго войска, состоящее въ городѣ Аккерманѣ, которому подчинены поселенные въ Бессарабін казаки, содержащіе кордоны, при усиленіи цѣпи кордонной стражи на границѣ. Къ нимъ въ 1789 году причислены кордоновые Цыгане. 2) Управленіе государственныхъ имѣній, состоящее въ завѣдываніи палаты государственныхъ имуществъ; оно раздѣляется на четыре округа: аккерманскій, бендерскій, кагульскій и хотинскій.

Пространство, занимаемое областью, съ точностію не опредѣлено. Въ ней по Кенпену до 41,511 квадр. верстъ, а по исчисленіямъ, сдѣланнымъ по картѣ, составленной изъ топографическихъ съемокъ, до 39,911 квадр. верстъ.

Народонаселеніе Бессарабін, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, простирается до 812,000 человекъ, изъ числа которыхъ 426,000 муж-

скаго пола. Города и мѣстечки занимаютъ преимущественно Евреи въ обѣихъ частяхъ Бессарабіи. Кромѣ того въ Бессарабіи, особенно въ южной, находится значительное число иностранцевъ: они занимаются управленіемъ мѣтей, ремеслами и торговлею.

По топографическимъ свойствамъ также какъ и по народонаселенію, Бессарабія дѣлится на двѣ половинны — сѣверную и южную. Чертою разграниченія между ними можно принять верхній Трояновъ валь. Сѣверная половина гориста, прорѣзана источниками и ручьями, текущими въ глубокихъ долинахъ и мѣстами обильна лѣсомъ; южная, напротивъ того, представляетъ глубокую, открытую равнину, по которой протекаютъ степныя рѣчки, оканчивающіяся болѣею частью солеными или пресными озерами. Первая есть отрасль Карпатскихъ горъ, входящихъ въ Бессарабію въ видѣ холмистой мѣстности въ узкое пространство сѣверо-западной части, между Днѣстромъ и Прутѣмъ; вторая — какъ бы продолженіе степей Новороссійскаго края.

Сѣверо-западная оконечность первой половинны, хотинскій уѣздъ, значительно возвышена надъ уровнемъ моря, такъ что климатъ этого уѣзда замѣтно суровѣе климата даже яскаго и сорокесскаго уѣздовъ. Возвышеніе упомянутаго пространства надъ долиною Днѣстра, можно опредѣлять примѣрно отъ пятидесяти до шестидесяти сажень; весна открывается въ долинѣ дней десять и болѣе раньше нежели въ горахъ. Въ лѣсахъ, покрывающихъ пространство отъ сухой границы до Хотина, посреди густыхъ группъ бука, дуба и граба, растутъ, хотя въ небольшомъ количествѣ береза, тогда какъ въ сотнѣ верстахъ оттуда, близъ Могилева, уже могутъ производиться довольно удачныя виноградныя плантаціи. Отрасли хотинской возвышенности простираются въ яскскій и оргѣвскій уѣзды. Грунтъ всего этого пространства составляютъ глина и мергель, покрытые черноземомъ. Долина Реута представляетъ мѣстность другаго свойства: она открыта, плоска и имѣетъ грунтъ земли, состоящей преимущественно изъ мергеля и солончакѣвъ. Обширныя невоздѣланныя степи свидѣтельствуя о малой населенности этого пространства, составляющаго въ особенности яскскій уѣздъ. Пространство къ югу отъ бассейна Реута и почти до самаго Троянова вала (верхняго) представляетъ отдѣльную, собственно Бессарабіи принадлежащую группу горъ (ясско-оргѣвскую), характеръ которой имѣетъ сходство съ хотинскими горами: сѣверные скаты круче и скалистѣе нежели южные, и вершины и скаты почти сплошь покры-

ты лѣсомъ. За Троиновымъ валомъ, какъ мы уже сказали, лежитъ равнина въ двѣсти верстъ длины и болѣе пятидесяти верстъ ширины, пересѣченная рѣчками, текущими въ неглубокихъ долинахъ. Грунтъ этой равнины составляетъ толстый слой чернозема.

Въ долинахъ Прута и Днѣпра тянутся болота и пересѣки, а южная часть области, около Дуная, усѣяна озерами и имѣетъ грунтъ болѣе глинистый и иловатый, у самаго же Дуная болотистый, въ особенности ниже озеръ Катлабуга и Китаю. Острова, образуемые дунайскими гирлами: Георгиевскій, Лета и Четага, называемые главными, покрыты камышомъ, кустарникомъ и лѣсомъ.

Сообразно различнымъ мѣстнымъ свойствамъ страны и естественныя ея произведенія разнообразны. Полезнѣйшія изъ нихъ — изъ царства ископаемаго: гранитъ, песчаникъ, известнякъ почти всѣхъ родовъ, между которыми замѣчательнѣйшіе — оалитъ, шиферъ, алебастръ, и въ большомъ количествѣ лучшая известь; они разрабатываются въ разныхъ мѣстахъ области, и не только употребляются на мѣстѣ, но и вывозятся въ херсонскую губернію. Соль въ приморскихъ озерахъ составляетъ отрасль государственнаго богатства. Изъ царства растительнаго: всѣ роды зерноваго хлѣба, преимущественно кукуруза и пшеница, потомъ рожь, ячмень, овесъ, гречиха; масляныя растенія: рыцинь, рапсъ, ленъ, конопля; огородныя: лукъ, чеснокъ, фасоль, нагутъ (турецкій горохъ), арбузы и дыни, табакъ, принадлежащій къ числу важныхъ промысловъ края; множество травъ лекарственныхъ, кермекъ, ланаялъ (мачинный корень), пополняющихъ мѣстныя аптеки; травы красильныя, какъ крапъ, зановатъ (дрокъ), материнка, служащая жителямъ для крашенія простаго сукна и ковровъ; травы кормовыя, между которыми кормовой горошекъ и трилистникъ въ особенности любилы; онѣ доставляютъ тучныя пажити владѣльцамъ стадъ; тростникъ, растущій по болотамъ, доставляетъ огромныя средства топлива жителямъ при дунайскихъ и при прутскихъ мѣстахъ; изъ деревьевъ, лѣсныхъ: дубъ, грабъ, букъ, ясень, кленъ, осина, употребляемыя на постройки и уголь, составляютъ промыслъ средней, частью сѣверной Бессарабин; изъ садовыхъ: сливы, продаваемыя въ сушеномъ видѣ подъ названіемъ кишинскаго чернослива, и виноградъ, доставляющій жителямъ весьма хорошее вино, отправляемое въ значительномъ количествѣ во внутреннія губерніи. Изъ царства животнаго между вѣсковыми: испанская муха, собираемая для аптекъ; между рыбами: сѣра-

лдь, бѣлуга, сомъ, щука, коропъ, карась, сельдь, находимыя въ изобиліи, которыя даютъ государству одну изъ важныхъ оброчныхъ статей; между птицами и четвероногими, всё домашнія породы, важнѣйшій источникъ богатства край, въ которомъ земледѣліе хотя и составляетъ главный промыселъ народа, но еще столько невоздѣланной земли, что на выгонахъ могутъ откармливаться огромныя стада рогатаго скота и овецъ, и табуны лошадей; изъ дикихъ породъ: волки, лисицы, кабаны и козы.

Климатъ въ Бессарабіи умеренный, здоровый; средняя температура, по наблюденіямъ за 1846 и 1847 годы, по Реомюру лѣтомъ въ Хотинѣ 17 градусовъ, въ Кишиневѣ 19 градусовъ, зимою въ Хотинѣ, 1,593 градуса, въ Кишиневѣ 1 градусъ. Самые большіе холода, простираются въ Хотинѣ — 20, въ Кишиневѣ 15 градусовъ; жары въ Хотинѣ 27, въ Кишиневѣ 28 градусовъ. Кромѣ географическаго положенія и климата разныхъ мѣстъ области много зависитъ и отъ топографическихъ свойствъ края и отъ свойствъ прележащихъ мѣстностей: на него имѣетъ сильное вліяніе близость карпатскихъ горъ, Чернаго моря и обширныхъ херсонскихъ степей. Такъ, въ Аккерманѣ, близость моря ослабляетъ степень холода зимою и степень жара лѣтомъ, и дѣлаетъ климатъ болѣе ровнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ къ провращенію южныхъ растений, невыдерживающихъ вліянія морозовъ, какъ напримѣръ винограду и табаку. Такъ климатъ въ Хотинѣ суровѣе нежели въ Кишиневѣ и Аккерманѣ не потому, чтобы лѣтніе жары были менѣе, а потому что зима холоднѣе и продолжительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ близъ Хотина находится берега; виноградъ доспѣваетъ рѣдко.

Весна въ Бессарабіи начинается обыкновенно въ первыхъ или послѣднихъ числахъ марта мѣсяца, лѣто съ іюня, осень въ первыхъ числахъ октября, зима въ первыхъ числахъ декабря мѣсяца, или въ послѣднихъ ноября. Послѣднія числа апрѣля и май мѣсяць весною, а сентябрь и половина октября осенью, бываютъ самые умеренные по температурѣ воздуха.

Черта, проходящая по хребту яско-оргѣвскихъ горъ разграничиваетъ Бессарабію въ климатическомъ отношеніи на двѣ части, сѣверную и южную, отличающіяся одна отъ другой необыкновенно рѣзко. Съ переваломъ чрезъ яско оргѣвскія горы, и уже по склону ихъ, обращенному къ югу, разница въ климатѣ дѣлается мгновенно такъ ощутительна, какъ будто вы вдругъ перемещены въ другую сторону, въ другое время года. Въ Кишиневѣ и къ югу отъ него до самаго Дуная волошскіе орѣхи, ви-

поградъ, бивы, табакъ, достигаютъ совершенно и бываютъ превосходныхъ сортовъ, разведеніе шелковичныхъ червей и тонкорунныхъ овецъ составляютъ значительныя отрасли промышленности. Въ сѣверной части Бессарабіи, хотинскій уѣздъ, имѣющій положеніе относительно уровня моря высшее, нежели всѣ другія мѣста Бессарабіи, значительно холоднѣе прочихъ. Но здѣсь также, какъ въ Бѣльцкомъ и оргѣвскомъ уѣздахъ, положеніе мѣсть имѣетъ весьма большое вліяніе на ихъ климатъ. Замѣчательнѣйшія мѣста по своей теплотѣ въ этой части Бессарабіи принадлежатъ Телеештской долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ значительными горами и долинѣ рѣки Днѣстра, гдѣ деревья начинаютъ цвѣсти обыкновенно двумя недѣлями раньше нежели на высотахъ. Черта разграниченія проходитъ по самому хребту и рѣзко отдѣляетъ эти двѣ части Бессарабіи.

Воздухъ въ Бессарабіи благоприятенъ для здоровья жителей, въ особенности въ хотинскомъ, сорокскомъ и оргѣвскомъ уѣздахъ. Есть однако же мѣста, напримѣръ: дунайскіе острова, крѣпость Килія, селенія по Пруту въ пегавештской и леовской дистанціяхъ, мѣстечко Рени, которыя справедливо считаются вредными для здоровья, такъ-какъ кромѣ измѣнчивости температуры и заразительныхъ испареній отъ гниющихъ растительныхъ веществъ въ камышахъ, тамъ чувствуется недостатокъ въ хорошей ключевой водѣ.

Сдѣланный нами короткій очеркъ бессарабской мѣстности съ ея климатомъ и произведеніями, а также состава жителей области, даетъ уже нѣкоторое понятіе о направленіи промышленной дѣятельности края. Съ одной стороны толстый неистощимо-плодородный слой чернозема, съ другой обширныя степи, устланныя солончаками, необходимо должны были послужить къ развитію въ краѣ въ особенности отраслей промышленной дѣятельности хлѣбопашества и скотоводства. Этому много способствовала также легкость сбыта произведеній этихъ двухъ отраслей промышленности и большое требованіе на нихъ въ Одессѣ, Измаилѣ и Рени, откуда отправляются хлѣбъ и сало за границу, и близость Галиціи, гдѣ закупаютъ рогатый скотъ для доставки въ Вѣну. Хлѣбопашество беретъ, однако же, годъ отъ году верхъ надъ скотоводствомъ, потому-что съ умноженіемъ народонаселенія, пустопорожнія мѣста, служившія прежде выгонами, обращаются въ пахатныя поля. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Бессарабіи уже утвердилось мнѣніе, что посѣвъ пшеницы и льну, несмотря на дороговизну и трудъ воздѣлыванія земли, доставляютъ болѣе выгодъ, нежели то же количество земли, занятое пастбищами. Въ

южныхъ уѣздахъ по недостатку рукъ и слишкомъ дорогой поденной платѣ, земля до-сихъ-поръ еще лучше оплачивается сѣнокосами и пашами (выгонами), нежели земледѣіемъ. Но это только по недостатку рукъ, а природа почти вездѣ щедро надѣлила Бессарабію отличными средствами для успѣховъ земледѣія. Несмотря на то, самое земледѣіе въ Бессарабіи до-сихъ-поръ еще на низкой степенн.

Поля заѣваются безъ всякой системы, — всѣ правила сельскаго хозяйства заключаются въ обычай. Этотъ обычай образовалъ нѣкоторыя полезныя мѣстныя правила; принято, напримѣръ, пшеницу сѣять послѣ кукурузы, которая, требуя двойнаго сапанья (окучиванія), разрыхляетъ землю; принято еще, подымая цѣлину, то есть, обращая въ поле новыя земли, сѣять на ней преимущественно ленъ и кукурузу. Въ мѣстахъ, болѣе населенныхъ, гдѣ уже цѣлины мало, сѣютъ попеременно озимый и яровой хлѣбъ на одномъ полѣ, а цѣлину оставляютъ подъ баштавы, дающіе огромный доходъ съ десятины. Приготовленіе пахатнаго поля весьма несовершенно, все стараніе земледѣльца состоитъ въ томъ, чтобы пахать глубже; для этого запрягаютъ на цѣлины четыре и шесть паръ воловъ въ малороссійскій плугъ; но потомъ не разрыхляютъ земли ни ралами, ни боровами. Маленькіе плужки и сохи до-сихъ-поръ не входятъ въ употребленіе. Часто случается, что сѣютъ хлѣбъ безъ приготовленія на кукурузинѣ, то есть, на полѣ, съ котораго снята кукуруза, и почва такъ богата, что сборъ бываетъ и на такомъ посѣвѣ удовлетворителенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самое это плодородіе почвы замедляетъ ходъ усовершенствованія земледѣія. Нѣмецкіе и болгарскіе колонисты, а послѣ нихъ и крестьяне государственныхъ имуществъ, составляютъ однако же исключеніе, потому что у нихъ введены нѣкоторыя усовершенствованія рациональнаго хозяйства. На десятину обыкновенно сѣется ржи и пшеницы по полторы четверти, кукурузы два съ половиною четверика. Кукуруза и пшеница главные изъ предметовъ сельской промышленности. Первою заѣвается болѣе трети всей земли, занимаемой пахатнымъ полемъ. Кромѣ зерна она доставляетъ превосходный кормъ для скота и стволы ея употребляются жителями для топки. Притомъ урожай ея въ Бессарабіи почти непремѣнный. Она даетъ самъ-30 й, а иногда самъ-40-й и самъ-60-й. Окучиваніе кукурузы составляетъ работу, на которую обращено болѣе всего вниманія въ хозяйствѣ, и на нее тратится много времени. Поселяне скондаются по нѣсколько хозевъ, выходятъ цѣлыми семействами, и очищаютъ такимъ обра-

зомъ другъ у друга поля кукурузы отъ сорныхъ травъ. Сборъ хлѣба дѣлается отчасти клѣками. Молотѣба производится частью ценомъ, но предпочтительнѣе *трѣромъ*, чѣсть лошадыи. Последній способъ имѣеть то преимущество передъ первымъ, что молотѣба производится скорѣе, и стоитъ дешевле, особенно въ мѣстахъ, гдѣ содержаніе лошадей дешево, хотя колосья не выбиваются такъ чисто. Въ Бессарабін весьма мало встрѣчается ригъ или клунъ: обыкновенно токъ устраивается на мѣстѣ открытомъ. Хлѣбъ стараются вымолотить осевью; остальной держится въ скирдахъ до первыхъ весеннихъ дней. Нынѣ стали заводить въ Бессарабін молотильныя машины, которыя непременно должны скорѣе войти тамъ во всеобщее употребленіе, требуя меньше рукъ.

Количество пахатныхъ полей по уѣздамъ слѣдующее: въ хотинскомъ уѣздѣ 141,966, въ яескомъ 147,652, въ сорокскомъ 157,100, въ орѣвскомъ 115,281, въ кншневскомъ 156,894, въ бендерскомъ 81,064, въ аккерманскомъ 64,330, въ кагульскомъ 423,999, въ измаильскомъ градовачальствѣ 4,300 десятинъ.

Изъ этого видно, что въ Бессарабін подъ хлѣбопашествомъ находится $\frac{1}{3175}$ всего ея пространства, и что принимая въ расчетъ однихъ хлѣбопашцевъ, за исключеніемъ стариковъ и дѣтей, въ бессарабей области приходится на каждаго работника и работницу по четыре десятины пахатнаго поля.

Изъ зерноваго хлѣба болѣе всего сѣется кукуруза, потомъ пшеница, въ сѣверной Бессарабін озимая, въ южной, въ особенности между Болгарами, яровія; остальные хлѣба по количеству посѣва должны быть поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ: рожь, ячмень, овесъ, гречиха. Картофель слабо распространяется въ Бессарабін; онъ исключительно принятъ какъ полевой посѣвъ только въ нѣмецкихъ колоніяхъ, у Молдаванъ же и Болгаръ его сажаютъ, какъ огородную овощь. Тоже должно сказать и о свеклѣ. Сахарная свекла еще неизвѣстна въ Бессарабін. По свѣдѣніямъ за 1844, 1845 и 1846 годъ, средній посѣвъ озимаго былъ 148,000 четвертей, урожаи 609,000; яроваго посѣвъ 308,000, урожаи 1,274,000 четвертей.

Изъ трехлѣтней сложности посѣвовъ и урожаевъ выходятъ: 1) что средній урожай озимаго хлѣба должно положить сѣмь-четверть съ половиною, а яроваго сѣмь-четверть; 2) что на каждую мужскую и женскую душу въ Бессарабін приходится по двѣ съ половиною четверти. Изъ этого должно заключить, что хлѣба производимаго въ этой области болѣе нежели достаточно для собственнаго ея употребленія. Избытокъ, который долженъ бы

состоять не больше какъ въ 200,000 четвертей, не соответствуетъ тому обширному торгу хлѣбомъ, который ведетъ Бессарабія за границу, посредствомъ портовъ одесскаго, вимольскаго и ренивскаго, и таможенъ новоселицкой, екулинской и леовской: почти все показанное количество четвертей вывозится ежегодно только въ Австрію, Турцію и Молдавію. Нельзя опредѣлить цифрами, сколько именно вывозится изъ Бессарабіи въ Одессу, но можно положить безошибочно, что вдвое болѣе противъ отправляемаго черезъ всѣ другіе пункты вывоза. Если прибавить къ этому количество ржи и кукурузы, выкуриваемыхъ на водку, продовольствіе квартирующихъ войскъ, пополняемое отчасти бессарабскимъ хлѣбомъ и прочее, то цифра посѣва и урожая показывается слишкомъ мала. Принимая въ соображеніе число десятинъ, показанныхъ въ области подъ полями, и полагая, что ихъ засѣваютъ только двѣ трети, в урожай — самъ третей, выходитъ избытокъ противъ количества, необходимаго для потребленія жителей, въ 1.600,000 четвертей. Въ случаѣ недостатка, могущаго произойти мѣстами отъ неурожая, онъ пополняется изъ прилежащихъ уѣздовъ плодородныхъ губерній подольской и херсонской.

Мѣры, принимаемыя правительствомъ, на случай неурожая въ Бессарабіи, состоятъ въ учрежденіи запасныхъ магазиновъ, которые содержатся въ должной исправности. Всѣхъ запасныхъ магазиновъ въ области 288; въ нихъ по свѣдѣніямъ за 1846 годъ, до 90,000 четвертей озимаго хлѣба и до 75,000 четвертей яроваго. Число душъ, подлежащихъ сбору хлѣба, простирается до 284,650. Денежные запасные капиталы простираются до 153,000 рублей серебромъ. Число душъ, съ которыхъ собирается этотъ капиталъ, простирается до 366,220.

Среднія торговыя цѣны на разные роды хлѣба въ разныхъ уѣздахъ и въ разное время года неодинаковы. По большей части зимою и весною цѣны выше. Самыя высшія цѣны на хлѣбъ въ кипшевскомъ уѣздѣ; тамъ зимою рожь стоитъ 3 руб. 50 коп. сер., пшеница 4 руб. 65 коп., кукуруза 2 руб. 50 коп.; вотомъ цѣны значительны въ бендерскомъ уѣздѣ, въ аккерманскомъ, хотиновомъ, кагульскомъ, сорокскомъ, оргѣвскомъ и наконецъ лескомъ, гдѣ зимою рожь продается по 2 руб. сер., четверть, пшеница по 3 руб. 5 коп., кукуруза по 2 руб. 70 коп.

Вообще должно сказать, что въ Бессарабіи не бываетъ слич-

комъ большаго колебанія цѣнъ, столь вреднаго для хлѣбонашества, и обнаруживающагося большею частію въ мѣстахъ, неимѣющихъ удобныхъ сообщеній, и удаленныхъ отъ пунктовъ вѣтхеной торговли. Однако же бываетъ время пониженія и новышнія цѣнъ.

На шепелю отъ 4 до 10 руб. серебр. кило.

— рожь — 3 — 6 — —

— кукурузу — 2 — 7 — —

— ячмень — 1½ — 5 — —

— овесъ — 1½ — 4 — —

Но большею частію бываетъ цѣна средняя, а именно:

Пшеница 6 руб. сер. кило.

Рожь 4 — — —

Кукуруза 4 — — —

Ячмень и овесъ 2 — — —

Кило имѣетъ двѣ съ половиною казенныя четверти.

Въ Бессарабіи принято однако же за общее правило считать въ кило двадцать одинъ четверикъ, то есть прибавляется двадцатый процентъ на разсыпку во время перевозки и на мѣру, которая, въ Одессѣ, вѣскольکو болѣе бессарабской.

Поденная плата рабочимъ въ Бессарабіи довольно значительна. Въ хотинскомъ уѣздѣ она бываетъ въ зимнее время 10 коп. сер., въ лѣтнее отъ 15 до 20; въ яскомъ — въ зимнее время 15 коп.; а въ лѣтнее отъ 20 до 25 коп. серебр., въ бендерскомъ, аккерманскомъ и кагульскомъ въ зимнее время 30 коп. а въ лѣтнее до 50 коп. серебромъ. Такая поденная плата не можетъ однако же приниматься въ расчетъ при опредѣленіи стоимости земледѣльческихъ произведеній. Для земледѣльческихъ работъ нанчиваются обыкновенно не по днямъ, а отъ участка земли. Для взмѣренія земли въ Бессарабіи еще существуетъ особая мѣра: за единицу, для плосности, принимается *фальчевая пражина*. Пражина — линейная мѣра, и имѣетъ двадцать четыре фармака (почти три сажени). Фальчевая пражина имѣетъ четыре линейныя пражинны въ длину и одну пражину въ ширину. Фальча имѣетъ восемьдесятъ фальчевыхъ пражинъ. Это составляетъ почти 2,880 нашихъ квадратныхъ сажень. Следовательно фальча относится къ десятии, почти какъ 6: 5. Среднюю цѣну работъ можно положить слѣдующую:

хотинскомъ уѣздѣ, и отъ 10 до 14 въ кагульскомъ и аккерманскомъ.

Таково состояніе хлѣбнашества въ области; значить, отъ него многого еще можно ожидать въ будущемъ при умноженіи народонаселенія и при распространеніи хозяйственныхъ знаній.

Изъ другихъ отраслей земледѣлія замѣчательно огородничество. Въ сѣверной части хотинскаго уѣзда, а также въ сѣверной и южной Бессарабін, почти каждое селеніе имѣетъ свою специальность относительно огороднаго промысла; такъ нѣкоторые селенія занимаются преимущественно разведеніемъ чеснока, другіе анису, третьи нагугу (особый родъ гороху) и фасолу, четвертыя картофелю, какъ нѣмецкіе колонисты, пятые табуку. Нѣкоторые изъ нихъ ведутъ довольно значительный торгъ этими произведеніями. Колонисты отправляютъ свои огородныя овощи въ Измаилъ, Рени, Кагуль, Болгардъ, а частью и въ Одессу. Въ селеніяхъ по берегу Днѣстра и во всей средней Бессарабін отъ устьи хомъ занимаются разведеніемъ табуку, довольно хорошаго сорта, извѣстнаго подъ названіемъ: бессарабскаго. Поселеніе, по снати листьевъ, даютъ имъ нѣскольکو побродать, и надѣвъ на шпуръ, (швары), высушиваютъ въ тѣни. Вотъ все ихъ приготовленіе. Промышленники перепродаютъ табуку болѣею частью въ томъ же самомъ видѣ, въ шварахъ. Нынѣ однако же обращено болѣе вниманія на этотъ важный предметъ. Есть промышленники, которые складываютъ табуку въ пакки для втораго броженія, и укладывая въ тюки, пресуютъ. Табуку, приготовленную такимъ образомъ, отправляется въ Каменецъ, Бердичевъ и Кіевъ. Тамъ онъ сортируется на фабрикахъ, и продается въ бандоролахъ подъ именемъ табуку домашняго заведенія, или даже въ сѣвахъ съ турецкимъ подъ именемъ послѣдняго. Лучшій сортъ табуку разводится близъ Дубоссаръ, въ селеніи Пригородкѣ, близъ Хотина, и въ окрестностяхъ Кишенева. Вообще эта отрасль промышленности со времени вложенія акциза на привозный табуку, по выгодности сбыта, годъ отъ году увеличивается и улучшается.

Разведеніе винограда принадлежитъ собственно средней и южной Бессарабін. Въ урожайные годы въ этихъ уѣздахъ собирается вина до 700.000 ведеръ. Вино выдѣлывается вообще самыми простыми способами, безъ надлежащей сортировки и продается молодое, неперебродившее. Нынѣ многіе бессарабскіе помещики начинаютъ улучшать винопроизводство. Замѣчательнѣйшія заведенія находятся въ мѣстечкахъ Паславчѣ, Теленештахъ, Каушанкахъ и Аккерманъ, а также въ Квлинъ, Измаилъ, Рени, Кагуль и Коломи-

яхъ. Бессарабское вино легкое, но пріятное, употребляется болѣею частью на мѣстѣ. Однако же Аккерманъ уже вѣсколько лѣтъ снабжаетъ своимъ виномъ одесскую промышленность, производящую изъ нихъ шипучія вина, обыкновенно носишія имя шампанскихъ. Изъ оргѣвскаго уѣзда вывозится ежегодно въ подольскую и херсонскую губерніи до 100,000 ведеръ вина. Выморозки бессарабскаго вина продаются въ бутылкахъ подъ названіями французскихъ винъ.

Въ болгарскихъ колоніяхъ винодѣліе составляетъ одну изъ главнѣйшихъ отраслей промышленности и для многихъ колоній служитъ главнымъ источникомъ дохода. Виноградныхъ кустовъ въ колоніяхъ находится 4,651,634; вина выдѣлывается болѣе 100 тысячъ ведеръ ежегодно.

Садоводство также составляетъ замѣчательную отрасль сельскаго хозяйства Бессарабіи, хотя тамошніе фруктовые сады и не отличаются ни особенною обширностію, ни замѣчательными плодами; во нихъ вообще много и они приносятъ довольно хорошія доходы, преимущественно въ уѣздахъ оргѣвскомъ, хотинскомъ, кишиневскомъ и бендерскомъ. Лучшіе плоды яблоки, называемыя довшеты, и въ особенности черносливъ, разведеніе котораго составляетъ въ Бессарабіи не маловажную отрасль сельскаго хозяйства; промышленники закупаютъ его, валятъ на мѣстѣ, и въ такомъ видѣ развозятъ во внутреннія губерніи, гдѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ молдавскаго чернослива. Въ Буджакѣ, гдѣ до 1809 года не существовало ни одного деревца, нынѣ въ нѣмецкихъ и болгарскихъ колоніяхъ садоводство возникло и утвердилось. Количество плодовыхъ деревьевъ простирается свыше милліона въ однихъ только болгарскихъ колоніяхъ.

Мы уже говорили, что въ Бессарабіи, кромѣ хлѣбопашества, первостепенную отрасль промышленности составляетъ и скотоводство. Необходимое условіе послѣдняго — богатство пастбищъ, развитіе луговодства. И дѣйствительно, подъ лугами въ Бессарабіи находится болѣе $\frac{1}{4}$ пространства всей области и только $\frac{1}{12}$ меньше нежели подъ полями. Луга болѣею частью степные; луговые пастбища находятся только по берегамъ Прута, Реута и части Днѣстра. Только по берегамъ Прута луга постоянно заливаются водою въ половодіе.

Бендерскій, кагульскій и аккерманскій уѣзды изобилуютъ наиболѣе степными лугами, по причинѣ малонаселенности этихъ мѣстъ. Травосѣяніе не введено въ Бессарабіи, и въ немъ еще

не видится необходимости, въ Бессарабїи еще такъ мало рукъ, что едва успеваютъ засеивать поля хлѣбомъ. Луга же сами собою даютъ обильные сѣнокосы. Время сѣнокоса наступаетъ обыкновенно въ южной Бессарабїи въ маѣ мѣсяцѣ, а въ сѣверной въ началѣ юни. Въ средній урожай собирается съ двухъ фалетъ три стога въ тридцать копенъ каждый, или до 700 пудовъ сухаго сѣна. Принимая, что половина луговъ занимается подъ сѣнокосы, а другая половина подъ выпасъ, выходитъ, что Бессарабїя приготовляетъ сѣна до 175 милліоновъ пудовъ — количество, достаточное для прокорма 100,000 лошадей, 600,000 рогатаго скота и до полутора милліона овецъ, принимая въ соображеніе, что въ сѣверныхъ уѣздахъ Бессарабїи зима продолжается четыре съ половиною мѣсяца, а въ южныхъ три; остальное количество земли, опредѣленное для выгоновъ, достаточно также для подножнаго корма означеннаго количества лошадей, рогатаго скота и овецъ. Изъ этого должно заключать, что Бессарабїя не только не нуждается въ сѣнѣ, но и производитъ его съ избыткомъ. При урожаѣ, сѣно бываетъ чрезвычайно дешево; стогъ сѣна въ 250 пудовъ платится четыре и два рубля; но бывають года, когда цѣна его возвышается до десяти, пятнадцати и двадцати рублей серебромъ. Луговая десятинна отдается въ наемъ подъ выпасъ на цѣлое лѣто въ сѣверныхъ уѣздахъ отъ рубля до двухъ, въ южныхъ отъ полтины до рубля серебромъ.

V.

К Р И Т И К А.

=

РУССКАЯ ФАУНА, или описаніе и изображеніе животныхъ, воднящихся въ Имперіи Россійской. Составленное Ю. Симашко. Санктпетербургъ, 1849. Тетради 1—10.

Въ объявленіи объ изданіи своемъ, господинъ Симашко говоритъ, что трудъ его назначается не только для спеціаль-но занимающихся зоологіей, но и для всѣхъ образованныхъ и любознательныхъ людей. Эта двойственная цѣль заставляетъ требовать отъ сочиненія достоинствъ чрезвычайно разнообразныхъ; поэтому мы и рассмотримъ, что и какъ сдѣлано авторомъ для каждой изъ этихъ цѣлей. Потому, при подобномъ сочиненіи необходимы рисунки, потому-что безъ нихъ большая часть наблюденій останется непонятою или ускользнетъ изъ памяти; слѣдовательно мы должны раз-смотреть, какъ выполняется въ настоящемъ случаѣ и это рѣшительно необходимое условіе. — Мы начнемъ съ рѣшю-щихъ, потому-что они одинаково важны и въ спеціальномъ

сочиненіи и въ популярномъ, и должны поэтому одинаково хорошо удовлетворять обѣимъ цѣлямъ Русской Фауны. Обыкновенно требованія относительно рисунковъ бываютъ совершенно различны у специально ученыхъ и у диллетантовъ. Первые требуютъ прежде всего вѣрности природѣ, отчетливости признаковъ, на изящную же сторону рисунка мало обращаютъ вниманія, потому-что слишкомъ мало избалованы подобной роскошью; она, по ихъ понятію недостижима вмѣстѣ съ выполненіемъ главнаго достоинства. Диллетанты науки требуютъ отъ рисунка совершенно другихъ достоинствъ, потому-что не могутъ вполне оцѣнить его вѣрности и обращаютъ вниманіе только на художественную отдѣлку: прежде всего имъ нужна хорошая картинка. Въ слѣдствіе всего этого явились даже двѣ школы живописцевъ по части естественной исторіи. Школа нѣмецкая болѣе удовлетворяетъ вѣрности рисунковъ; французская же особенно прельщаетъ глазъ яркостью красокъ, выборомъ положеній, почти всегда даже во вредъ истинѣ.

Въ мартовской книжкѣ этого изданія мы упомянули о первой тетради «Русской Фауны», замѣтивъ, что мы смотримъ на нее только какъ на prospectus изданія. Въ-самомъ-дѣлѣ намъ оставалось желать, чтобы издатели выполнили другія тетради, съ такою же добросовѣстностію и искусствомъ. При появленіи второй тетради мы были очень пріятно удивлены тѣмъ, что таблицы вышли гораздо лучше первыхъ, которыя были только хороши, — эти же превосходны и по полнотѣ содержанія и по нѣжности гравировки и по вѣрности и изящности раскраски. Явленіе третьей тетради опять поразило насъ, но къ-несчастью совершенно въ другомъ родѣ. Прежнія достоинства рѣшительно пропали; издатели по-видимому убѣдились, что они сдѣлали все должное, давши нѣсколько превосходныхъ рисунковъ, и рѣшились опочить на лаврахъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ всѣ четыре таблицы очень бѣдны, положенія животныхъ не натуральны и не граціозны. На пер-

вой таблицѣ изображена лань. Правая задняя нога у нея переломлена и вывернута. На второмъ планѣ ландшафта лежить другая лань, убитая, которая, впрочемъ, представляется спящей. — Такъ, что косуля, помѣщенная вверху на первой же таблицѣ, имѣетъ совсѣмъ другую физиономію. Съ перваго взгляда видно, что она балованное дитя гравера: она сдѣлана гораздо лучше лани, все-таки имѣетъ мало сходства съ природой, что ясно выражается во всей ея посадкѣ, чрезвычайно манерной, и особенно въ заднихъ ногахъ... Лѣвая передняя нога ея приводитъ насъ окончательно въ отчаяніе: животное держитъ ее какъ собака, дѣлающая стойку, а всѣмъ извѣстно, что косуля отъ природы вовсе не назначена къ такимъ подвигамъ.

Вторая таблица гораздо лучше первой, хотя также имѣетъ свои недостатки, изъ которыхъ главный — бѣдность. Рисунокъ окуня, прекрасно сдѣланный, испорченъ слишкомъ яркой и густой окраской плавниковъ; рисунокъ судака, помѣщенный рядомъ, сдѣланъ въ масштабѣ гораздо меньшемъ.

На третьей таблицѣ одинъ (!) рисунокъ орлана, такъ-что таблица почти совсѣмъ пустая. Ландшафтъ этого рисунка прекрасно сдѣланъ, выбранъ чрезвычайно удачно и очень поучителенъ; но яйцо орлана, помѣщенное вверху таблицы, портитъ весь эффектъ: оно какъ-будто воздушный шаръ паритъ въ воздухѣ. Последняя, четвертая таблица, точно также въ высшей степени бѣдна, хотя очень картина.

Четвертая тетрадь точно также мало насъ утѣшила, во-первыхъ тѣмъ, что чрезвычайно долго не выходила — съ половины апрѣля до половины іюня. На первой таблицѣ рисунокъ ежа весьма дурно скопированъ съ англійскаго сочиненія (*Naturalist Library*), тогда-какъ животное это легко было срисовать съ природы, оно всегда можетъ быть получено живымъ. На всѣхъ трехъ фигурахъ сдѣланы какіе-то пучки, явно назначенные замѣнить усы, на которые они всего менѣе похожи, и которыхъ у ежей нѣтъ.

Вторая таблица содержитъ въ себѣ летучихъ мышей. Ске-

леть, помещенный сверху, слѣланъ очень невѣрно, а помещенный подъ нимъ отдѣльный черепъ рѣшительно *luzus patigae*. Въ природѣ нѣтъ ни одного черепа съ задней частью затылка, до такой степени нелѣпою. Впрочемъ, мы замѣтили, что этотъ послѣдній рисунокъ попалъ только къ небольшому числу экземпляровъ; въ большей части ихъ онъ замѣненъ другимъ, гораздо лучшимъ. Очень дурна еще послѣдняя таблица этой тетради — первая, принадлежащая къ введенію.

Пятая тетрадь явилась съ именемъ одного только издателя, а другой совершенно исчезъ съ обертки. Это обстоятельство положило всѣ разнообразныя труды такого огромнаго предпріятія на одного господина Симашко, за котораго, признаться, намъ стало страшно. Но та же самая тетрадь пріятнымъ образомъ насъ успокоила; всѣ таблицы ея довольно полны, контуры точны и нѣжны, раскраска красива и притомъ вѣрна съ природой. Къ тетради приложены объясненія таблицъ, — улучшение небольшое, но важное. Эта пятая тетрадь успокоила насъ за будущность изданія; въ ней въ-особенности хороши черепахи и по красотѣ рисунка и по его натуральности. — Таблица летучихъ мышей съ перваго взгляда однообразна и не красива, потому что наполнена одними контурами, но всѣ они слѣланы, кажется, вѣрно и самая многочисленность ихъ составляетъ важное достоинство, тѣмъ болѣе, что всѣ они нарисованы съ натуры, чего мы не видали въ первыхъ тетрадяхъ «Русской Фауны», гдѣ все были копіи.

Въ шестой тетради совѣтуемъ обратить вниманіе на первую таблицу (пятую по общей нумераціи введенія); это *chef-d'œuvre* гравированія на камнѣ. — Впрочемъ, всѣ таблицы прекрасны; онѣ менѣе бросаются въ глаза, потому только, что представляютъ анатомію — предметъ небогатый разнообразіемъ красокъ. Кромѣ объясненія таблицъ этой тетради, приложено еще объясненіе къ первой тетради. Этотъ

Фактъ удостовѣрилъ насъ, что господинъ Симашко готовъ поправить даже самыя незначительныя недостатки своего изданія. Всѣ слѣдующія тетради постоянно были лучше и лучше: въ каждой изъ нихъ можно примѣтить какое-нибудь улучшеніе; съ осмой тетради начали являться таблицы, гравированныя на мѣди. Съ выходомъ девятой тетради, всѣ таблицы получили свои объясненія. При десятой тетради опять явились ежи, которые должны замѣнить своихъ соотечественниковъ, попавшихъ въ несчастную четвертую тетрадь. Рисунки ежей имѣютъ неслыханныя достоинства: обыкновенный ежъ сдѣланъ съ натуры, какъ видно по анатоміи, прямо выражающей робкій его характеръ. Вторая фигура прекрасно представляетъ намъ тѣ два чучела, которыя красуются въ зоологическомъ музеѣ Академіи Наукъ. Чтобы оцѣнить этотъ рисунокъ вполнѣ, надо знать, что животное изображено было только одинъ разъ еще Палласомъ, и то довольно неудачно. Третій рисунокъ — *черноватаго ежа*, еще важнѣе потому-что не встрѣчался еще нигдѣ. Единственный въ мірѣ экземпляръ этого животнаго находится въ музеѣ Академіи, и оно извѣстно ученому міру только по краткому описанію академика Брандта, сдѣланному 1836 года, въ академическомъ «бюллетенѣ».

По разсмотрѣніи перемѣнъ, происходившихъ съ рисунками «Русской Фауны», намъ остается сказать о нихъ нѣсколько словъ вообще. Въ этомъ отношеніи мы не только не имѣли ни одного подобнаго сочиненія, но даже не допускали и возможности его у насъ. Въ-самомъ-дѣлѣ эти рисунки превосходятъ болѣею частью даже иностранныя по своей красотѣ; только нѣкоторыя, чрезвычайно немногія изъ французскихъ изданій могутъ спорить съ ними въ этомъ отношеніи, но зато далеко уступаютъ имъ въ точности и вѣрности. Мы видѣли различія въ изображеніи однихъ и тѣхъ же животныхъ, взятыхъ изъ «Русской Фауны» и изъ знаменитаго «Le règne animal»: вѣрность была на сторонѣ нашей фауны, хотя французскіе рисунки иногда красивѣе.

Намъ остается сказать еще о текстѣ изданія господина Симашко. При девятой тетради вышло наставленіе, какъ расположить листы, чтобы привести въ порядокъ разные отдѣлы сочиненія, начатыя и продолжаемыя одновременно. Прежде всего обратимъ вниманіе на введеніе, которое приложено собственно для того только, чтобы дать возможность людямъ незанимавшимся зоологіей, вполне понимать прочіе отдѣлы сочиненія. Хотя авторъ только это и обѣщаль, но введеніе нельзя разсматривать какъ простое изложеніе начальныхъ основаній анатоміи и физиологіи животныхъ, въ такой мѣрѣ, какъ они нужны для пониманія терминовъ, употребляемыхъ въ описательной зоологіи. Авторъ соображаясь въ этомъ случаѣ съ потребностью русской публики, которая до-сихъ-поръ не имѣетъ ни одного сколько-нибудь порядочнаго руководства по этой части, далъ ей вмѣсто сухаго объясненія зоологической терминологіи, полное изложеніе началъ анатоміи и физиологіи въ современномъ ихъ состояніи. Въ то же время это введеніе достигаетъ вполне первоначальной своей цѣли, потому-что изложеніе такъ ясно и понятно, что его можетъ читать и ребенокъ и человекъ взрослый, имѣющій только самыя элементарныя познанія въ физикѣ и химіи.

Это же введеніе служитъ лучшимъ доказательствомъ, что наука всегда можетъ достигнуть своей цѣли. Начало всякаго курса естественной исторіи, именно раздѣленіе природы на царства, обыкновенно столь сухое и скучное, изложено въ этомъ сочиненіи довольно систематически, ясно и, кажется, совершенно въ новомъ видѣ. Самые знаменитые писатели часто затруднялись въ этомъ случаѣ и прибѣгали къ различнымъ средствамъ (мало соответствующимъ цѣли), чтобы выразить научнымъ образомъ то, что всякій чувствуетъ. Всѣ они излагали признаки, отличающіе одно царство природы отъ другаго, въ видѣ отрывочныхъ афоризмовъ и вовсе не старались или не могли найти внутренней связи, вслѣдствіе которой можно было бы по-

казать, какимъ образомъ одинъ признакъ вытекаетъ изъ другого. Этому недостатка, какъ видно и старался избѣгнуть господинъ Симашко, излагая совершенно новымъ и оригинальнымъ образомъ свои собственные мнѣнія о различіи царствъ природы. Прежде всего онъ ясно показываетъ, что нельзя искать такого рѣзкаго различія между царствами растительнымъ и животнымъ, какое мы видимъ между органическимъ, составленнымъ изъ обонхъ этихъ царствъ и неорганическимъ. Послѣ этого онъ всѣ признаки, отличающіе царство органическое отъ неорганическаго, выводитъ изъ одного основнаго понятія, именно—отсутствія органовъ въ одномъ и присутствія ихъ въ другомъ; но тутъ мы считаемъ за лучшее предоставить говорить самому автору:

«Каждый органъ, составляя часть органическаго тѣла, и имѣя свое особое назначеніе, долженъ имѣть также особое строеніе внутреннее и отличительную форму внѣшнюю; такъ, напримѣръ, органъ зрѣнія, глазъ, различенъ отъ органа осязанія, руки. Такимъ образомъ, тѣла органическія состоятъ изъ частей, весьма различныхъ формою и внутреннимъ составомъ (какъ-то у животныхъ: голова, крылья, ноги, перья, кости, легкія и такъ далѣе, а у растений: корень, стебель, цвѣты и прочее); между тѣмъ тѣла неорганическія, лишены всякихъ органовъ, непремѣнно болѣе или менѣе однообразны во всѣхъ частяхъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ.

«Это даетъ возможность, съ перваго взгляда почти безошибочно различать эти двѣ группы тѣлъ. Кроме того, присутствіе или отсутствіе органовъ влечетъ за собою множество послѣдствій, изъ которыхъ каждое принимается, и дѣйствительно можетъ служить признакомъ для отличія тѣлъ органическихъ отъ неорганическихъ.

«Дѣйствительно, *есть тѣла органическія*, теряя постепенно одинъ органъ за другимъ, существуютъ только нѣкоторый, опредѣленный періодъ времени, и, потерявъ важные органы, или лишившись употребленія ихъ, *необходимо должны умереть*. Для поддержанія относительнаго равновѣсія въ природѣ тѣлъ органическихъ съ неорганическими, необходимъ общій законъ: всѣ органическія тѣла, прежде своей смерти, должны произвестъ новое

поколѣнія тѣлъ подобныхъ себѣ, или другими словами, все органическія тѣла *должны размножаться*. Слѣдовательно, одно органическое тѣло происходитъ отъ другаго, и само собою разумется, что, при началѣ своего существованія, оно должно быть менѣе того, отъ котораго происходитъ, и котораго составляло часть. Но чтобы, въ свою очередь, поколѣнія не вырождались и были въ состояніи производить существа себѣ подобныя, то тѣла органическія должны постепенно развиваться или *рости*, то есть увеличиваться и въ общемъ объемѣ, и въ каждой своей части отдѣльно, а для этого необходимо, чтобы они принимали въ себя тѣла постороннія. Какъ этимъ постороннимъ тѣламъ надо присоединиться къ разнороднымъ частямъ органическаго тѣла, то они должны напередъ угодиться ему и быть для этого подготовлены внутренними органами. Это дѣйствіе, посредствомъ котораго органическое тѣло принимаетъ въ себя части постороннія, называется *питаніемъ*. Слѣдовательно органическія тѣла, увеличиваясь въ своемъ объемѣ, питаются и *растутъ* внутреннимъ путемъ, или, какъ говорятъ, *изънутри наружу*.

«И такъ, всякое органическое тѣло *состоитъ изъ частей разнообразныхъ, существуетъ только опредѣленный періодъ времени, размножается, происходитъ отъ себя подобныхъ, питается и растетъ изънутри наружу*.

«Совершенно другія явленія представляютъ тѣла неорганическія. Состоятъ изъ частей болѣе или менѣе однородныхъ, не подчиненныхъ одна другой, а имѣющихъ одинаковыя значенія (какъ напримѣръ, мѣль, известнякъ и тому подобное), они могутъ уменьшаться въ своемъ объемѣ, не прекращая своего существованія. По этому, тѣла неорганическія не умираютъ, а существуютъ вѣчно (относительно), и не имѣютъ, слѣдовательно, надобности ни въ размноженіи, ни во всѣхъ связанныхъ съ нимъ явленіяхъ жизни: прозябаніи, питаніи и такъ далѣе.

«Конечно, неорганическая природа, подобно органической, вѣчно дѣятельная, создаетъ новыя тѣла изъ разрушившихся и измѣненныхъ прежнихъ; но вновь происшедшія, по большей части, нисколько не похожи на тѣ, отъ которыхъ они произошли, и неорганическія *не происходятъ отъ себя подобныхъ, а если и увеличиваются, то всегда прилѣпленіемъ частей снаружи, осажденіемъ и тому подобными дѣйствіями, не имѣющими никакого сходства съ возрастаніемъ тѣлъ органическихъ*.

«Благовна, тѣла органическія живутъ, наружныя или внутреннія части ихъ непрерывно дѣтельны, непрерывно измѣняются; между тѣмъ неорганическія мертвы, и въ частяхъ ихъ не представляется подобной дѣтельности, они остаются неизмѣнными».

Мы конечно, согласны съ авторомъ, во всѣхъ идеяхъ, которыя онъ здѣсь высказываетъ и увѣрены, что эти идеи выражены такъ, что не только всякій, сколько-нибудь образованный человекъ, но и ребенокъ, разумѣется, не пятилѣтній, легко пойметъ и усвоитъ ихъ себѣ. Вообще можно сказать, что вся эта статья отличается такимъ богатствомъ и оригинальностью взгляда, что даже одна она независимо отъ прочихъ можетъ принести пользу не только людямъ еще незнакомымъ съ естественной исторіей, но и натуралистамъ, которые не ищутъ въ наукѣ только сухаго изложенія мертвыхъ фактовъ, но требуютъ идей, которыя давали бы и жизнь и смыслъ этимъ фактамъ. Во всей этой статьѣ мы нашли одно только мнѣніе, съ которымъ нельзя вполне согласиться. Авторъ, говоря о различіи животныхъ и растений, считаетъ полезнымъ и возможнымъ установленіе третьяго органическаго царства, промежуточнаго между растительнымъ и животнымъ; мы съ своей стороны думаемъ, что это мнѣніе въ научномъ отношеніи рѣшительно несправедливо, уже потому, что это царство надо составить изъ такихъ организмовъ, которыхъ мы не можемъ отнести ни къ животнымъ, ни къ растениямъ именно, вслѣдствіе нежизни ихъ организаціи, а изъ неизвѣстныхъ организмовъ можно составить только неизвѣстное царство. Вѣроятно, впрочемъ, что въ этомъ случаѣ авторъ имѣлъ въ виду только ту пользу, которую это установленіе принесло наукѣ, заставивъ большее число ученыхъ заниматься низшими организмами, такъ интересными и къ сожалѣнію такъ мало изслѣдованными.

Сравнивая жизнь животныхъ съ жизнью растений, авторъ дѣлаетъ весьма естественный переходъ къ раздѣленію от-

направленій животнаго тѣла на двѣ главныя группы и этимъ заключаетъ вступительную статью своего введенія. Такимъ образомъ, разобравъ подробно эту статью, мы видимъ, что она вполне удовлетворяетъ двойкой цѣли изданія «Русской Фауны». Мы уже замѣтили, что она заключаетъ много поучительнаго даже для самыхъ натуралистовъ и въ то же время совершенно доступна для людей неученыхъ. Истинны, въ ней заключающіяся, вытекаютъ просто и естественно изъ фактовъ всѣмъ извѣстныхъ, такъ-что читая статью, по-видимому, самъ размышляешь, авторъ только направляетъ это размышленіе и показываеъ точку, съ которой нужно смотрѣть на предметы; извѣстно, что подобнаго рода чтеніе, ни сколько не утомляя ума, возбуждаетъ его къ дѣятельности, что и составляетъ высшее достоинство всякой науки въ истинномъ ея значеніи.

Объ остальныхъ статьяхъ введенія, мы должны сказать, что всѣ онѣ болѣе или менѣе проникнуты основною идеею автора, вполне выражаютъ его взглядъ на науку и мы думаемъ, что распространеніе его составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ и существенныхъ заслугъ «Русской Фауны.» В-самомъ-дѣлѣ очевидно, что наука, изложенная на подобныхъ основаніяхъ и въ такомъ духѣ, не только не оттолкнетъ отъ себя никого, что къ-несчастью случается чрезвычайно часто, но напротивъ того, привлечетъ къ себѣ всякаго мыслящаго человѣка и возбудитъ въ немъ охоту къ зоологическимъ изслѣдованіямъ. Тогда всякій будетъ увѣренъ, что его работа не увеличитъ только число извѣстныхъ фактовъ, которое и безъ того весьма велико, но будетъ способствовать къ усовершенствованію нашихъ понятій о природѣ и слѣдовательно не останется бесплоднымъ.

Мы не можемъ разсматривать всѣхъ напечатанныхъ статей введенія, потому-что онѣ еще не кончены, а скажемъ только о пищевареніи въ той мѣрѣ, на сколько это возможно въ отдаленности отъ прочихъ отправленій витанія. — Зубы,

столь важные въ описательной зоологіи, описаны авторомъ хотя коротко, но такъ, что дѣлается совершенно яснымъ для всякаго и значеніе ихъ въ отношеніи къ различнымъ родамъ пищи и къ находящимся съ ними въ тѣсной связи различнымъ правамъ животныхъ. Дальнѣйшее развитіе этихъ основаній мы находимъ въ частныхъ описаніяхъ родовъ. Вообще во всей статьѣ о пищевареніи мы видимъ, что наука беспрестанно приводится въ соприкосновеніе съ дѣйствительною жизнью, и вездѣ, гдѣ только это возможно, истины ея являются какъ объясненіе ежедневныхъ явленій, поэтому-то и запоминаніе этихъ истинъ не составляетъ никакого труда.

Анатомическое описаніе пищеварительныхъ органовъ отличается ясностью и полнотою. Въ отношеніи этой полноты встрѣчается одинъ фактъ, который съ перваго взгляду покажется странвымъ, но при внимательномъ разсмотрѣніи видимъ, что и тутъ издатель остался совершенно вѣренъ своей идеѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, многихъ можетъ удивить, что анатомическія подробности, которыя находимъ на рисункахъ и въ ихъ объясненіи, вовсе не упомянуты въ текстѣ; но причина этого безъ-сомнѣнія та, что онѣ интересны только для ученаго; для публики же не имѣютъ смысла, потому-что ихъ нельзя связать никакой идеей.

Перейдемъ теперь собственно къ «Русской Фаунѣ».

Въ отдѣлѣ млекопитающихъ, авторъ пропускаетъ рядъ четыре-рукихъ, какъ не имѣющихъ представителей въ Россіи. Въ отношеніи общаго плана онъ совершенно правъ, потому, что издаетъ «Русскую Фауну»; но сочиненіе его имѣетъ еще то достоинство, что съ величайшимъ успѣхомъ можетъ быть употреблено какъ руководство къ изученію зоологіи. Въ этомъ смыслѣ недостатокъ четыре-рукихъ будетъ очень чувствителенъ. Повторяемъ еще разъ, что этого нельзя ставить сочиненію въ вину, но авторъ такъ избаловалъ

знать, что мы надѣемся — онъ сдѣлаетъ новое снисхожденіе русской публикѣ — дастъ ей описание нѣлаго отряда чети-ре-рукихъ, хотя въ отдѣльномъ прибавленіи. Вѣдь онъ же далъ введене, не будучи обязанъ къ этому общимъ пла-томъ сочиненія.

Разрядъ *плотоядныхъ* начинается общемою статьею, въ которой удачно выраженъ общій характеръ этихъ живот-ныхъ, такъ-что въ глазахъ читателя совершенно ясно ри-суется ихъ физиономія. Здѣсь авторъ старается защитить ихъ отъ несправедливаго упрека въ *излишней* кровожадно-сти; вотъ его слова:

«Несправедливо мнѣніе, будто всѣ плотоядныя одарены кро-вожадностью, ничѣмъ неискоренимою; напротивъ, опыты доказали несомнѣнно, что до-сихъ-поръ не нашлось ни одного животного, въ которомъ не могъ бы быть подавленъ инстинктъ кровожа-дности, и которое нельзя бы было приучить. Всѣ рассказы о не-укротимой лютой тигровъ, гіенъ и тому подобныхъ должны от-нести къ баснямъ. Хотя многія * изъ этихъ животныхъ, топи-мая голодомъ, дѣйствительно, съ большою жадностью едятъ на бѣдную жертву, избранную ими для пищи; но если удоме-твораютъ естественнымъ потребностямъ, то всегда можно учи-чтожить эту свирѣпость и превратить хищное животное въ крот-кое и миролюбивое. Вѣдь бывали примѣры, что даже человекъ, мучимый голодомъ, поѣдалъ существа себѣ подобныя, даже соб-ственныхъ своихъ дѣтей, а между тѣмъ никто не станетъ при-числять людей къ хищнымъ животнымъ. Конечно, плотоядныя, способныя питаться только мясомъ, чаще всѣхъ другихъ живот-ныхъ нападаютъ на существа болѣе слабыя, но отнюдь не жи-вуть той непобѣдимой склонности къ кровопролитію, какую мы обыкновенно приписываемъ; напротивъ, всякое плотоядное жи-вотное можно приучить, подобно собакѣ или кошкѣ».

Въ концѣ этой статьи помѣщена таблица, показывающая дѣленіе этихъ животныхъ на семейства, — частное описаніе которыхъ начинается рукокрылыми. Это семейство въ выс-

* Пословица: какъ волка ни корми, онъ все въ дѣсь смотритъ.

ной степени благодарное для общедоступнаго изложения, потому что въ этомъ отношеніи наука обладаетъ чрезвычайно небольшимъ запасомъ наблюдений. Господинъ Сивининъ знаетъ это и бьется самъ сухости изложения, но мы ни-гдѣ еще не встрѣчали такой милой статьи объ этихъ животныхъ, какую находимъ въ «Русской Фаунѣ.» Недостатокъ наблюдений надъ нравами, замѣняется здѣсь точностью и ясностью принадога. Если эта статья менѣе интересна для публики, зато рѣшительно необходима для каждаго, кому придется опредѣлять летучихъ мышей; признаніе въ сведеніи искусно и на таблицахъ находится множество оригинальныхъ рисунковъ, слѣдственныхъ въ увеличенномъ видѣ.

При началѣ описанія насѣкомоядныхъ, которыми начинается рядъ животныхъ, снабженныхъ костями, авторъ довольно остроумно изложилъ тѣ условія организаціи, которыя должны быть слѣдствіемъ присутствія костей. Общія черты нравовъ этихъ животныхъ вытекаютъ какъ бы сами собою изъ такихъ условій; такъ что несмотря на все разнообразіе формъ, въ этой группѣ (напримеръ заяцъ и собака, мышь и левъ), въ воображеніи читателя ясно рисуется общая ихъ фizioномія и всѣ отношенія къ вѣнне-му міру дѣлаются понятными, какъ необходимыя слѣдствія организаціи. Вводя въ эту картину новые элементы, именно питаніе насѣкомыми, авторъ также просто и ясно выводитъ намъ фizioномію и нравы втораго семейства — *насѣкомоядныхъ*. Вся эта статья, вѣроятно, принадлежитъ самому автору. Для спеціально ученыхъ въ особенности важно въ ней описаніе зубовъ насѣкомоядныхъ животныхъ, что до сихъ-поръ вездѣ находимъ чрезвычайно сбивчиво и темно.

Далѣе слѣдуетъ семейство *пальцеходящихъ*, первыми представителями которыхъ являются *хорьки*. Этотъ родъ былъ помѣщенъ въ первой тетради и мы высказали наше мнѣніе о немъ и даже помѣстили цѣлое описаніе *горностая*.

Третье семейство — *лосеобразных*, въ которомъ описаніе перваго рода — *олений*, начинается мастерски очерченною ихъ физиономію, — что вообще составляетъ самый важный и самый трудный вопросъ описательной зоологіи. Въ-самомъ-дѣлѣ всякое хорошо извѣстное животное мы очень легко отличаемъ отъ всѣхъ другихъ, а между-тѣмъ зоографы почти всегда даютъ намъ признаки, по которымъ или вовсе нельзя опредѣлить животное или по-крайней-мѣрѣ очень трудно сдѣлать это. Тутъ нужно имѣть особенную наблюдательность, особенную способность вѣрно схватывать самыя характеристическія черты физиономіи, и этой-то способности не чуждъ и господинъ Симанко.

Далѣ слѣдуетъ любопытное описаніе строенія волоса, къ которому приложены оригинальные рисунки при увеличеніи его во сто разъ. — Слѣдующая статья о рогахъ очень интересна: въ ней въ-особенности хорошо развита зависимость роговъ отъ физиологическихъ отправленій животнаго.

Все семейство лосеобразныхъ описано очень пространно. Въ-самомъ-дѣлѣ авторъ очень подробно говоритъ даже объ охотѣ на этихъ животныхъ, разсматриваетъ продукты, получаемые отъ нихъ, особенности быта нѣкоторыхъ кочующихъ племенъ, прямо зависящихъ отъ огромныхъ стадъ домашнихъ оленей, которыми они обладаютъ. Въ особености поразило насъ мнѣніе автора о причинахъ дурнаго достоинства русской замши.

«Естественными врагами оленей считаются волки, оводы (*Oestrus*, *Tagandi*), называемые у Самоѣдовъ *уграми*, и комары. Олени гибнутъ отъ многихъ болѣзней, противъ которыхъ Самоѣды рѣдко употребляютъ средства.

«Оводы кладутъ лички подъ кожу спины оленя, и также какъ у лося, вышедшія личинки впоследствии прорываютъ кожу и вся спина оленя покрывается множествомъ ранокъ. Хотя оленю эти оводы вредятъ только въ то время, когда бываютъ подъ кожей шен, но тѣмъ не менѣе они составляютъ животныхъ весьма вред-

ныхъ Самоёдамъ, и вообще сѣвернымъ племенамъ *. Прорывая кожу животного, они такъ портятъ ее, что выдѣлываемая изъ нея русская замша продается, по-крайней-мѣрѣ, вдвое дешевле американской. Хребтовая, лучшая часть кожи американскихъ оленей представляетъ на русской замшѣ или дыры, какъ бы пробитыя дробью, или бѣлыя, тонкія, но жесткія осепины, смотря по времени, когда убитъ олень.

«Мы объясняемъ себѣ это очень просто, и увѣрены въ правотѣ: оленей бьютъ болѣею частью въ октябрѣ, когда раньи только что начинаютъ затягиваться тонкою кожей, которая на выдѣланной шкурѣ означается крапинками. Ясно: если убивать оленей зимою, когда не остается слѣдовъ ранъ и кожа въ этихъ мѣстахъ покрывается уже шерстью, то шкура вмѣсто полутора и двухъ рублей серебромъ, какъ цѣнится теперь, подымется въ цѣнѣ, по-крайней-мѣрѣ на равнѣ со шкурами сѣверо-американскихъ оленей (отъ четырехъ до шести руб. серб.). Замша ландшадскаго оленя больше американской, притомъ на бокахъ она также почти крѣпка, какъ на спинѣ; между-тѣмъ американская тоньше, въ особенности въ пахахъ и рѣдко цѣлкомъ употребляется въ дѣло. Такимъ образомъ безъ увеличенія издержекъ можно утроить доходы, получаемые теперь. Замша по болѣею части выдѣлывается туземцами на заводахъ, которыхъ въ одной Ижемской волости считается около пятидесяти пяти. За обдѣлку шкуры платится 18 коп. серб. — Цѣна ничтожная сравнительно съ здѣшнею, и если наши купцы выписываютъ сюда сырыя кожи, то единственно предполагая, что низкое достоинство замши происходитъ отъ дурной выдѣлки; опыты однако же показали, что при всякой выдѣлкѣ рѣдко кожи нашихъ оленей бываютъ хороши, точно также, какъ рѣдко, чтобы американскіе кожи были худы, потому, что въ Сѣверной Америкѣ бьютъ оленей только зимою. Точно также наши лоси доставляютъ, по болѣею части, очень хорошую замшу единственно потому, что ихъ бьютъ болѣе зимою нежели осенью.

«Въ одной Ижемской волости выдѣлывается ежегодно около сорока тысячъ шкуръ, продаваемыхъ теперь по полутора и два рубля серебромъ за штуку; при такомъ огромномъ количествѣ

* Другой видъ овода *Oestrus Trompe* забивается сѣверному оленю въ носъ, и кладетъ лички, изъ которыхъ вышедшія личинки заползаютъ къ основанію лызка и даже въ лобную пазуху (*Sinus frontalis*).

много; зачать для торговцев продать ли шауру по две или по пяти рублей серебромъ. Мы желаемъ, чтобы на эти страни обращено было вниманіе тѣхъ, кто можетъ указать туземцамъ ихъ ошибку, исправить ее и привести пользу цѣлому краю:

«Важность сѣвернаго оленя для туземныхъ жителей побудила насъ обратить вниманіе на охоту. Открытою олюю, поманію; сдѣлать многого нельзя, поэтому всѣ сѣверныя племена употребляютъ различныя хитрости. Тамъ, по словамъ Пеллеса, Самоѣды ловятъ ихъ оленей и олѣнни; въ другихъ мѣстахъ, замѣтивъ холмъ, на которомъ насуетъ дикіе олени, окружаютъ его шестами, на которыхъ навѣшены тринки или гуенчалы краснаго животнаго волоса; начинаютъ бѣгать по краю этого круга, не смѣя изъ него выйти и тогда, находящіеся въ засадѣ охотники убиваютъ ихъ всѣхъ.

«Иногда Самоѣды приучаютъ четырехъ или пятиркихъ сѣверныхъ оленей ходить возле охотника: одного впереди, одного сзади и двухъ по бокамъ; передняго и задняго Самоѣды держатъ за веревки, а боковыя бываютъ привязаны къ его поясу. Одѣтый во оленью шауру, и закрытый со всѣхъ сторонъ, охотникъ, согнувшись, приближается къ стаду дикихъ оленей, и выбираетъ лучшаго, убиваетъ его».

Въ концѣ статьи о лосеобразныхъ представлена любопытная оравнительная таблица размѣровъ разныхъ частей тѣла этихъ животныхъ, полезная и даже необходимая при опредѣленіи видовъ.

Чтобы вѣрно судить на сколько наша русская Фауна погнулась впередъ, прочтемъ какъ у насъ описывали семейство лосеобразныхъ за 45 лѣтъ.

О лосъ (Alces).

«1. Лосъ животное сѣево сѣверное, и великое: множество таковыхъ находится въ гвсахъ, какъ сѣверныхъ въ русскихъ, такъ и около Дона и Дуная. Аристотель о семъ животномъ ничего не упоминаетъ, какъ и Плиній не вычислило положенія, на природы не описуетъ, но только полагаетъ одно ея имя.

«2. Лесъ выше сора, олея, при томъ и мохнатѣе, и шибетѣ шерсть, почти походитъ на оошкуру, какъ заключаетъ справедливо и Свалигера: почему Швейцары называютъ его олономъ, а нѣмъ конемоловомъ (Equisetum).

«3. Походить на козъ, что касаются до шарунаго положенія и до шерсти; но однако пожеже весь почти видъ есть олений, и самое сіе животное выше коней, то и можетъ называться по: колономъ.

«4. Лобъ его весьма широкій простирается на двѣ ладони:

«5. Губу верхнюю имѣетъ большую.

«6. Голеви имѣетъ безъ суставовъ, или безъ гибкихъ членовъ.

«7. Роги имѣетъ, но болѣе выдавшіеся на сиву, въ корнѣхъ или при самомъ началѣ очень тонкіе и круглые, но въ распространѣніи такъ широкіе, что въ нихъ дѣлаются шарки, ложки и стулья.

«8. Въ копытахъ у ногъ сего животнаго свыше есть вѣликая особливая вѣкая сила, понеже вычитываютъ родницы и другія вѣкія прищедки у младенцовъ, почему оныя великою цѣною покупаются, и въ золото и въ серебро оправляются. Но площадные лѣкари вмѣсто сихъ продають копыты бычачьи, которыя удобно распознаются, пожеже поскобленныя дурной запахъ издають.

«9. Голосъ издаетъ весьма плачевной и жалостной, и если бы не видѣнъ былъ, тобы почелся за младенца.

«10. Усмирять ихъ стараются для верховой ѣзды, и для припращки въ сани. Но толикая есть въ немъ скорость, что въ одинъ день болѣе перебѣгаетъ, нежели лошадь почти въ три дни, наконецъ по льду, какъ у сѣверныхъ народовъ, гдѣ болѣе перебѣгаетъ въ одинъ день, нежели во многіе другіе дни по самой землѣ.

«11. На пасьбѣ всегда назадъ отступаетъ, дабы, ежели впередъ поступить, и всегда стремиться будетъ далѣе на пасьбу, но внизъ съ задн въ обманы охотниковъ.

«Сіи суть главнѣйшія свойства сего животнаго, въ которыхъ многія могутъ приложены быть къ христіанамъ. Ибо 1) какъ голени имѣетъ безъ гибкихъ составовъ и безъ частей, и когда упадаетъ, не можетъ удобно вставать: такъ христіане суть чужды коварствъ, и въ сей жнзни не имѣють украшенныхъ домовъ, не бываютъ ограждены внѣшнимъ могуществомъ, и когда выпадаютъ въ бѣдствія, сами себя не могутъ высвободить.

«2. Какъ сіи животныя на пасьбѣ назадъ отступаютъ, дабы

идущи впередъ не были пониманы: такъ христіане весьма осторожны, дабы нечестивыми о вещахъ тлѣнныхъ не были сдѣланы.

3. Какъ сн животныя скорѣ бѣгаютъ по льду, нежели по землѣ: такъ и церковь болѣе успѣваетъ, и сильнѣе возрастаетъ въ бѣдствіяхъ, нежели въ другое время.

4. Какъ лось плачевной имѣетъ голосъ: такъ и состояніе церкви по большой части есть оплакиваніе достойно.

5. Какъ копыты ногъ сего животнаго выстѣиваютъ родинцы и другіе припадки: такъ и обращенія съ христіанами нецѣляютъ всякаго рода пороки, такъ какъ болѣзни душевныя.

Многіе могутъ выведены быть статьи такихъ уподобленій по произволію всякаго. И вообще ко судьямъ и адвокатамъ, и ко всѣмъ людямъ по всякимъ должностямъ сн свойства не не пристойно приложатся, дабы, то есть, всѣ они въ исполненіи дѣлъ своихъ, какъ на пасьбѣ, были осмотрительны, въ произведеніяхъ скоры, и намѣренія свои скрывали. Ибо великій есть въ человѣкѣ даръ изобрести добрый совѣтъ, и изобретенный скоро исполнить: понеже ни въ какомъ дѣлѣ не пользуется медленіе, кромѣ какъ во гнѣвѣ: и наконецъ въ молчаніи содержать тайны сердца своего.»

Общая фізіономія хищныхъ птицъ развита, хотя коротко, но натурально и ясно. Не менѣ замѣчательны описанія отдѣльныхъ породъ; всюду признаки тѣсно связываются съ характеромъ и образомъ жизни животнаго. Такое постоянное стремленіе автора, замѣчаемое вездѣ, не влечетъ за собою повторенія одного и того же нѣсколько разъ; напротивъ, при всякомъ новомъ случаѣ кругъ умственной дѣятельности читателя распространяется, потому что ему безпрестанно представляется огромная масса новыхъ фактовъ. Старымъ остается только одно общее направленіе, что и составляетъ главное достоинство всякаго сочиненія. Чтобы яснѣе доказать все это и наконецъ привести примѣръ описательнаго таланта господина Симашко, выписываемъ часть характеристики орлана.

«Кормится (орланъ) веществами различными, смотря по времени года. Лѣтомъ ѣсть предпочтительно большихъ рыбъ, по этому часто медленно летаетъ надъ водою, или, расправивъ крылья остается на одномъ мѣстѣ неподвиженъ, и замѣти рыбу, мгновенно слу-

скается на нее, хватается когтями и спокойно, плавно летитъ къ берегу, гдѣ или садится на какое-либо возвышеніе и съѣдаетъ ее, или улетаетъ вмѣстѣ съ нею къ себѣ въ гнѣздо. Никогда не случается, чтобы бѣлохвость даромъ спускался въ воду, — завидная добыча не избѣгнетъ его когтей, такъ они остры и крѣпки, и такъ быстры его нападенія. Но случается, что онъ вцѣпится въ рыбу весьма большую, которая увлекаетъ его въ воду, и если онъ не успѣетъ выправить изъ тѣла жертвы своихъ когтей, то самъ дѣлается жертвою дружественной ему стихіи. Подобныхъ примѣровъ приводятъ нѣсколько. Если крѣпкіе и острые когти и голое плечо показываютъ способность его ловить рыбу, то общая форма тѣла указываетъ въ немъ возможность кормиться вообще животными веществами; въ-самомъ-дѣлѣ, зимою, когда большая часть европейскихъ рѣкъ замерзаетъ, бѣлохвость кормится небольшими или молодыми млекопитающими и нападаетъ не только на зайцевъ, полевокъ, кротовъ и тому подобныхъ, но даже на лисецъ, песцовъ, и какъ увѣряютъ, даже на молодыхъ оленей. Птицы, особенно живущія вблизи водъ, какъ-то утки, поганки, крахали составляютъ для него пищу, повидимому столь же пріятную, какъ и рыбы; ловить и уносить даже гусей, и кажется, тѣмъ охотнѣе нападаетъ на птицу, чѣмъ она больше. На охоту летаетъ въ неопредѣленные періоды времени, и одинаково видитъ, какъ днемъ, такъ и ночью.

«Взглядъ бѣлохвоста хотя дикъ и суровъ, но смѣшанъ съ нѣкоторымъ величіемъ и какъ-бы съ сознаниемъ собственной силы. Полетъ и всѣ движенія его вообще медленны, но не лѣнны; на мѣстѣ остается иногда долго, особенно сытый, и подпускаетъ близко не только прохожаго или земледѣльца, но даже охотника съ ружьемъ. Летаетъ медленно, иногда сдѣлавъ нѣсколько ударовъ, долго летитъ, не двигая крыльями; иногда усиливаетъ удары по воздуху, и поднимается подобно орламъ».

Въ статьѣ о черепашныхъ отличительные признаки видовъ сведены довольно искусно. Многіе диагнозы имѣютъ еще то достоинство, что пополнены признаками, данными самимъ господиномъ Симашко.

Вся статья не менѣе любопытна и для публики, потому что такъ называемая черепаха, извѣстный матеріалъ чрезвычайна многихъ мелкихъ вещей есть произведеніе этикъ

животныхъ, а авторъ очень много говоритъ о ихъ добычѣ и даже обработываніи.

Вообще господишь Симашко никогда не пропускаетъ случая говорить о практическомъ примѣненіи естественныхъ произведеній и это очень похвально, потому-что для большей части читателей животное важно на столько, на сколько оно приноситъ матеріалы для удовлетворенія нуждъ человѣка.

Рыбы составляютъ самый необработанный классъ изъ всего типа позвоночныхъ животныхъ. Плодотворныя идеи Кювье о соотношеніи характеровъ, для нихъ какъ-будто не существовали. До-сихъ-поръ мы едва умѣемъ найти связь общей формы рыбъ и главныхъ характеровъ ихъ организаціи съ жизнью ихъ въ водѣ. А между-тѣмъ рыбы едва ли изъ всѣхъ позвоночныхъ не представляютъ наибольшее разнообразіе формъ. Но это разнообразіе для насъ въ настоящее время не имѣетъ почти смысла, потому-что мы рѣшительно не можемъ опредѣлить, какое вліяніе имѣютъ эти измѣненія формъ на образъ жизни и, слѣдовательно, на всю организацію каждой рыбы. Нельзя сказать, чтобы естествоиспытатели вовсе не занимались рыбами, напротивъ, особенно въ послѣднее время анатомія рыбъ сдѣлала огромные успѣхи, но зато на нравы ихъ обращали такъ мало вниманія, что можно положительно сказать, почти ничего не сдѣлано со временъ Блока. Сочиненія Блока, написанныя еще въ осемнадцатомъ вѣкѣ, служатъ почти единственнымъ источникомъ для описанія нравовъ рыбъ; послѣ того только кое-что объ этомъ предметѣ можно найти въ различныхъ сочиненіяхъ объ ужении, но здѣсь встрѣчаемъ только описанія нравовъ тѣхъ рыбъ, которыя важны въ хозяйствѣ и кромѣ того односторонняя и вовсе не ученая цѣль этихъ сочиненій сообщаетъ имъ характеръ неполноты, такъ-что изъ этихъ наблюденій только нѣкоторая часть можетъ сдѣлаться достояніемъ науки. Съ этой точки мы должны смотрѣть и на описаніе рыбъ, помѣщенное въ «Русской Фаунѣ». Поэтому требовать отъ автора того же, что онъ далъ намъ въ млекопитающихъ, птицахъ и гадахъ, требовать, чтобы онъ съ одинаковымъ успѣхомъ тамъ и здѣсь превелъ свою идею,

невозможно. Рыбами занимался съ особеннымъ тщаніемъ Кювье; онъ оставилъ намъ объ нихъ тринадцать томовъ, но читая это сочиненіе, вы не узнаете болѣе генія Кювье. Что же представляетъ нашъ молодой ученый? Видно, что мертвое ученіе о рыбахъ поразило его; онъ прилагаетъ и сюда свои идеи и прилагаетъ удачно; такъ въ описаніи отряда иглоносовыхъ находимъ связь ихъ главнаго характера, то есть, ключихъ лучей спиннаго плавника съ образомъ жизни. Фактъ, повидимому, не важный, но побольше такихъ фактовъ, по болѣе такихъ идей, такихъ сближеній, и авторъ «Русской Фауны» смѣло можетъ гордиться осмысленіемъ янсеа-рыбъ. Разумѣется, что при трудности наблюденій нравовъ рыбъ, подобный трудъ свыше силъ одного человѣка; даже, если бы вся жизнь его была посвящена однимъ рыбамъ; но мы вполне увѣрены, что прочное основаніе и здѣсь выразить вѣрный, прямой взглядъ на науку. Въ изложеніи признаковъ мы замѣчаемъ стремленіе сообщить диагнозу ихъ настоящій характеръ, то есть, чтобы они были достаточны для полнаго и безошибочнаго опредѣленія видовъ, безъ сравненія одного вида съ другимъ, какъ это дѣлается.

И въ этомъ отношеніи авторъ сдѣлалъ все что могъ, то есть, представилъ въ своемъ сочиненіи все, что было сдѣлано. Кромѣ того во многихъ статьяхъ можно найти любопытныя подробности о практической пользѣ различныхъ породъ рыбъ въ общежитіи, напримѣръ добываніе клея изъ кожи окуня.

Вышедшее до-сихъ-поръ описаніе насѣкомыхъ (*мотыльковъ*), составляетъ такую незначительную часть всей естественной исторіи ихъ, что по этому отрывку вовсе нельзя судить о цѣломъ сочиненіи. Замѣтимъ только, что тутъ издателю предстоитъ бороться еще съ болѣшими трудностями, чѣмъ въ описаніи рыбъ; потому-что, если насѣкомыя не представляютъ такихъ трудностей при наблюденіи ихъ нравовъ, въ-особенности въ совершенномъ ихъ состояніи, то съ другой стороны постоянно увеличивающееся число видовъ, и въ слѣдствіе того мелочность отличительныхъ ихъ

признаковъ, — представляютъ огромныя трудности тому, кто захочетъ найти смыслъ и значеніе въ экономіи животнаго этихъ признаковъ.

Въ заключеніе скажемъ, что судя по духу и направленію «Русской Фауны» сочиненіе это принесетъ большую пользу изученію естественныхъ наукъ въ Россіи и смѣло можно сказать, что кромѣ ученаго значенія, оно принесетъ еще важную пользу въ отношеніи художественномъ. Мы вполне увѣрены, что надобно имѣть много энергіи и твердости характера, чтобы вести подобное предпріятіе, потому-что трудности, какія оно представляетъ, многочисленны; но пускай издатель дѣлаетъ свое дѣло: публика, мы увѣрены, оцѣнитъ его труды вполне.

=

MÉMOIRES DE LA SOCIÉTÉ ROYALE DES ANTIQUAIRES DU
NORD (*Записки Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ*.
1840—1848. Копенгагенъ, 2 части).

Съ самаго начала существованія «Библіотеки для Чтенія», этотъ журналъ сопровождалъ живѣйшимъ сочувствіемъ любопытныя труды ученаго Общества, основавшагося въ столицѣ одного изъ скандинавскихъ государствъ для раскрытія древностей и преданій Сѣвера. Во многихъ отношеніяхъ это важное учрежденіе, не только въ правѣ привлекать къ себѣ вниманіе Русскихъ, но и можетъ назваться почти полу-русскимъ. Начало обширнаго списка основателей и благотворителей Общества украшено Августѣйшимъ Именемъ Россійскаго Монарха, послѣ котораго встрѣчаются еще въ примѣчательномъ изобиліи извѣстѣйшія русскія имена, государственныя и литературныя. Множество русскихъ ученыхъ принадлежатъ къ числу членовъ и сотрудниковъ Общества. Наконецъ при немъ существуетъ особенное отдѣленіе, подъ названіемъ *русскаго*, Section russe, которое предпочтительно занимается собираніемъ, разборомъ и изданіемъ памятниковъ древней Скандинавіи, относящихся къ исторіи нашей земли.

О трудахъ этого отдѣленія, и другихъ также, по мѣрѣ обнаруженія, неоднократно бывала рѣчь въ этомъ журналѣ, и примѣчательнѣйшіе изъ нихъ были даже помѣщены въ немъ, какъ напримѣръ Эймундова сага и изслѣдованія господина Рафна объ открытіи Америки Норманнами въ началѣ одиннадцатаго столѣтія и о поселеніяхъ Скандинавовъ на Новомъ-Свѣтѣ до Колумба.

Двѣ вновь полученныя нами части «Записокъ Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ», обнимающія

періодъ времени отъ 1840 до 1848 года, кромѣ общаго, очень разнообразнаго интереса, имѣютъ столько же права на русское любопытство по предметамъ, касающимся непосредственно нашей отечественной исторіи. Они, между прочимъ, содержатъ въ себѣ опытъ родословной Рурика, основателя Руси, извлеченной изъ скандинавскихъ преданій и лѣтописей среднихъ вѣковъ. Дѣло о пришествіи трехъ мурманскихъ князей въ землю нашу, широкую и обильную, но въ которой уряду не имѣлось, какъ каждый видитъ, принимаетъ серьезный оборотъ. Между-тѣмъ какъ многіе изъ нашихъ историческихъ критиковъ стараются опровергнуть, не только существованіе первыхъ норманскихъ князей древней Руси, но даже и подлинность Несторовой лѣтописи, изслѣдователи скандинавскихъ памятниковъ представляютъ имъ, по этимъ документамъ, правильную геральдическую роспись предметамъ и ближайшимъ роднымъ Рурика и его сподвижниковъ. Мы сейчасъ увидимъ эту роспись. Прежде скажемъ нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ Общества и о содержаніи двухъ частей «Записокъ».

Исландія, Гренландія, остатки древнихъ оружій, сосудовъ и гробницъ въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, рунические надписи, открытыя и открываемыя на скандинавскихъ полуостровахъ, въ Финляндіи и въ Америкѣ, и слѣды путешествій и поселеній Норманновъ въ Сѣверной Америкѣ до Колумба, доставляютъ постоянно, послѣ драгоцѣннаго собранія старинныхъ сказаній Сѣвера, предметъ изслѣдованій, предпринимаемымъ Обществомъ или представляемымъ ему, для обсужденія и изданія, членами его и посторонними учеными. Скандинавская почва, такъ же какъ и наша русская, богата монетами стараго Востока, особенно Средней Азіи. Отъ Каспійскаго Моря и Волги идутъ съ одной стороны черезъ Кіевъ и Новгородъ, съ другою по теченію Волги черезъ Бѣлозеро, двѣ полосы земли, усыяныя монетами восточныхъ государствъ, принадлежащими къ первымъ вѣкамъ исламизма, переходятъ за *Русское Море*. — такъ Восточные называли Балтійское. — и распространяются потомъ на оба скандинавскіе полуострова, покажи-

вая направленіе торговых путей Сѣвера въ тѣ безвѣстныя намъ времена. Разборъ такихъ монетъ, найденныхъ въ Россіи, пролилъ уже живой свѣтъ, и на состояніе цашей земли вскорѣ послѣ начала среднихъ вѣковъ и на многіе вопросы исторіи самаго Востока, доставивъ блестящую знаменитость одному изъ искуснѣйшихъ нумизматиковъ нашего времени, господину академику Френу, котораго труды по этой части подлинно безцѣнны. Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ, съ своей стороны, не оставило безъ вниманія этого роду памятниковъ на послѣднихъ сѣверо-западныхъ предѣлахъ Европы, и нынче оно обладаетъ однимъ изъ богатѣйшихъ собраній магометанскихъ монетъ и медалей, открытыхъ почти исключительно въ скандинавской землѣ. Въ «Запискахъ» Общества находится составленное господиномъ Линдбергомъ обзорнѣе одной части этого собранія, именно монетъ, съ куфическими надписями, чеканенныхъ въ нынѣшнихъ Бухаринъ и Персіи эмирами изъ роду Бундовъ и подвластными имъ владѣтелями.

Самое обширное и, конечно, по новости своей, самое любопытное изслѣдованіе, помѣщенное въ одной изъ этихъ двухъ книгъ, относится не совсѣмъ къ Сѣверу: напротивъ, ничего южнѣе быть не можетъ какъ разсужденіе одного изъ извѣстнѣйшихъ членовъ Общества, именно, господина Вестергаарда, о гвоздеобразныхъ надписяхъ Даріевъ и Ксеркесовъ, сохранившихся въ областяхъ Азій, смежныхъ съ Персидскимъ Заливомъ, и опытъ разбору мидійской грамоты. Почти не нужно напоминать, что надписи эти содержатъ въ себѣ всегда по три столбца, наполненные буквами трехъ черковъ, между которыми главную наружную разницу составляетъ группировка чертъ, похожихъ на гвозди или стрѣлки и образующихъ различнымъ положеніемъ своимъ три различные вида буквъ. Давно уже предполагается, что это — три перевода одного и того же данаго текста на три главные языка древней Персіи, арійскій или старо-персидскій, ассирійскій и мидійскій. Нѣкогда господинъ Вестергаардъ усердно, и даже съ примѣчательнымъ успѣхомъ, занимался разборомъ столбцовъ арійской грамоты, какъ гла-

ной, наравнѣ съ господами Лассеномъ и Ролипсономъ, самымъ счастливымъ истолкователемъ ея. Въ этомъ же разсужденіи, онъ принялся за мидійскій столбецъ и мидійскую гвоздеобразную грамоту. Едва ли можно задумать что-нибудь новѣе и любопытнѣе возможнаго результата подобнаго предпріятія, если бы оно увѣнчалось полною побѣдою всѣхъ его трудностей: изъ этой дешифровки вдругъ узнали бы мы, что такое былъ мидійскій языкъ и къ какому племени принадлежали Миды или, правильнѣе, *Меды*. Изъ языка ихъ мы знаемъ съ достовѣрностью, помнится, всего одно только слово: у Геродота сказано мимоходомъ, что *собака*, на арійскомъ, то есть, настоящемъ древнемъ персидскомъ языкѣ *сака*, у Мидовъ называлась *спака* или *сбака*, что явственно состоитъ въ связи съ русскою собакою. Изъ этого можно было бы заключить, что мидійскій языкъ былъ довольно похожій на старо-персидскій, потому *сака* и *спака* или *сбака* рѣшительно одно и то же слово: только, персидское с превращалось въ произношеніи Мидовъ въ *сп* или *сб*, и все тутъ — случай весьма обыкновенный въ сродныхъ языкахъ. Неумѣстно было бы произносить мимоходомъ, среди рѣчи о совершенно другихъ предметахъ, приговоръ о степени успѣху, которой достигъ господинъ Вестергаардъ въ разборѣ этой мидійской грамоты, представлявшемъ такія страшныя трудности смѣлому и неутомимому датскому гезде-ислѣдователю. Должно удовольствоваться тѣмъ простымъ замѣчаніемъ, что если добытыя дешифрѣрскимъ искусствомъ господина Вестергаарда слова представляютъ чистый мидійскій языкъ, то Мидійцы говорили престраннымъ языкомъ. Напримѣръ:

....Dahyusch pschati tzat yutu ppo Dariyawusch ru berischta nida zapoyusch kchatu t'chap kkuvatti biovi t'chniti wothirar pchasaran zata.... yuthzra t'chniti.... ch' chabe duzzat'chuida....

Вотъ ужъ языкъ не похожій ни на какой въ свѣтѣ! Онъ имѣетъ неотъемлемое право называться самостоятельнымъ. Въ извиненіе его можно было бы, только, привести *рассказъ*

одного древняго арабскаго географа, который увѣряетъ, что еще въ его время въ нынѣшней Хивѣ и въ Хорасанѣ, гдѣ прежде жили Мидійцы, люди говорили *языками положими на кваканіе лямушекъ*. Впрочемъ въ произведеніи лешифровки господина Вестергаарда примѣчательно то, что слова этого языка, жесткою и насильственной группировкою звуковъ своихъ, очень напоминаютъ грузинскій, армянскій и другіе языки кавказской страны, которые, какъ бы ни было, произошли однакожъ отъ персидскаго, очень мягкаго и плавнаго. Не трудно было бы даже представить благовидныя доказательства, что и древній фригійскій языкъ принадлежалъ къ тому же разряду, уподобляясь болѣе или менѣе языкамъ Грузиновъ и Лазовъ. На мидійскомъ языкѣ господина Вестергаарда *государь* говорилось *кю*, во множественномъ *кюрю*; это напоминаетъ греческое *кюръ* и *кюриосъ*, *куг*, *кугиос*, и собственное имя Кира, *Кугос*. *Великій* говорилось *нашараръ*, сынъ, — *шари* сказалъ — *наари*, и прочая. Странно однакожъ то, что Мидійцы не умѣли правильно произнести собственного своего народнаго имени. Греки, Римляне и Персы согласно называли ихъ *Медами*, и господинъ Вестергаардъ очень справедливо удивляется, зачѣмъ въ гвоздеобразныхъ своихъ твореніяхъ вдругъ вздумали они писаться.... Уатна!

Разсужденіе доктора Лунда о костистыхъ пещерахъ, открытыхъ имъ въ Бразиліи, занимательное въ естество-испытательномъ отношеніи, тоже не очень тѣсно связано съ древностями Сѣвера.

Но разысканія господъ Бредсдорфа и Крузе о предкахъ Рурика по исландскимъ сагамъ и по латинскимъ лѣтописямъ среднихъ вѣковъ, въ высшей степени интересны для нашей иперборейской учености. Какъ уже сказано, выведена полная родословная нашего Рурика, съ показаніемъ его предковъ, дѣдовъ, дядей и племянниковъ; надо еще сказать, что опредѣлено и мѣсто рожденія его, показано его поведеніе въ юности, не совершенно достохвальное впрочемъ, потому что онъ былъ крещенъ и опять оборотился язычникомъ, открыты его невѣсты и жены, сведены и перечислены всѣ его подвиги, въ Нидерландахъ, Франціи, Даніи и

Россіи, такъ, что дѣло рѣшено окончательно и безапелляционно, въ послѣдней инстанціи, и издержки на безконечную тяжбу о подлинности первоначальной исторіи Руси должны внести противники Нестора, съ пенями и проторами.

Не занимательно было бы для общаго читающаго любопытства, да и бесполезно для тѣхъ замѣчаній, которыя имѣются у насъ въ виду, входить въ подробности антикварскаго производства, посредствомъ котораго, сперва господинъ Бредсдорфъ, а потомъ профессоръ Крузе, привели въ такую пожделенную ясность родъ Рурика, съ небольшими различіями въ результатѣ. Совершенно достаточно представить, просто и чисто, послѣдній, *усовершенствованный*, выводъ. Онъ принадлежитъ профессору Крузе. Ученый изслѣдователь этотъ находитъ одного *конунга*, князя или царя Рурика между норманскими князьями, сражавшимися во Франціи при сыновьяхъ Карла-Великаго. Рурикъ этотъ былъ, по сказаніямъ Исландцевъ и по лѣтописямъ Франковъ, сыномъ Горика или Гарека (Horig, Harek, Erik), товарища Гаральда, и подобно ему *царя Норманновъ* (rex Normannorum), то есть, одного изъ датскихъ конунговъ, или удѣльныхъ князей, а братомъ Герольда и Геминга, которыхъ отцомъ показанъ Галфданъ или Галптанъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ владѣтелей Дании при Сигфридѣ, главномъ князѣ или королѣ Дании. Съ дружинами своими эти Норманны поселились было во Франціи и учинили присягу въ дружбѣ и вѣрности императору Франковъ. Впослѣдствіи они приняли или принуждены были принять Святое Крещеніе. Но Лотарь, сынъ Карла-Великаго, вооружаясь противъ братьевъ, чтобы привязать къ себѣ ловокрещеныхъ Норманновъ и Саксонцевъ предоставилъ имъ на произволъ оставаться христіанами или возвратиться къ язычеству. Эти опасные союзники толпами стали отказываться отъ новой вѣры. Въ числѣ отступниковъ находились сыновья Галптана или Галфдана, Гемингъ и Рурикъ. Послѣ смерти Геминга, Рурикъ принялъ начальство надъ этою дружиною и наследовалъ графскую волость, пожалованную имъ Лотаромъ во Франціи, но вскорѣ началъ мятежничать и навлекъ на себя гнѣвъ французскаго короля, по-

орый хотѣлъ посадить его въ тюрьму. Рурику, собравъ свою ружину и свои ладьи, бѣжалъ на морѣ, напалъ на Фризію и опустошилъ Нидерланды. Вскорѣ потомъ этотъ Рурикъ является опять союзникомъ и вассаломъ Лотара и княземъ (орестадамскимъ во Фризиі) вмѣстѣ съ братомъ Герьолдомъ. Но въ послѣдствіи онъ удаляется съ флотомъ и войми въ Данію въ надеждѣ овладѣть главнымъ ея престоломъ, перепешимъ отъ Сигфрида въ родъ Галпдановъ къ старшимъ братьямъ Рурика. Предпріятіе не удается. Въ это же время начинаются набѣги Норманновъ на земли Славянскія и у Византійцевъ становится извѣстнымъ имя *Русь*. Ясно, что не сто иной какъ тотъ же самый Рурикъ, сынъ Голптана и одинъ изъ претендентовъ на престолъ короля Сигфрида, былъ ихъ предводителемъ въ этой сторонѣ, гдѣ, послѣ неудачи своей въ Даніи, съ горя и основалъ русское государство. Вотъ точная хронологическая роспись его семейству и его дѣйствіямъ.

Галптанъ.

Галптановъ возрастъ.

762	годъ. Галптанъ или Галеданъ родился около этого времени.....	1
792.	Гемингъ, сынъ, родился у него въ этомъ году. Онъ же въ 812 году былъ плѣнникомъ Карла-Великаго. Галптану тогда могло быть лѣтъ.....	30
793.	Рожденіе другаго сына, Сиварда Ринга, прозваннаго латинскими лѣтописцами. <i>Anulo, Кольцо (Ring)</i> , который въ 812 году воевалъ противъ Сигфрида за датскій престолъ.....	31
794.	Рожденіе третьяго сына, Герьольда, бывшаго уже королемъ Даніи въ 813 году.....	32
795.	Рожденіе четвертаго сына, Регинфреда, бывшаго вмѣстѣ съ Герьольдомъ королемъ въ 813 году.....	33
812.	Рожденіе пятаго сына, Рурика, который лѣтъ четырнадцати отъ роду поплылъ во Францію съ братьями и былъ тамъ крещенъ, попавъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Гемингомъ.....	50
813.	Рожденіе шестаго сына, по Нестору Трувора, о которомъ западные сказочники лѣтописцы ничего не знаютъ.....	51
814.	Рожденіе седьмаго сына, Синеуса, извѣстнаго также одному только Нестору.....	52
817.	Смерть Галптана.	

Любопытно, что у князя Галптана до 795 год. регулярно каждый год рождалось по сынку, и потомъ н: семнадцать лѣтъ пошелъ неурожай на дѣтей, а съ 1 года, то есть, съ пришествія на свѣтъ Рурика, опять — годъ то сынъ. Почему западнымъ преданіямъ и лѣтописи вичего не извѣстно о двухъ послѣднихъ сынахъ Галптановъ, родившихся такъ отлагательно, это также вопросъ, не трнутый господиномъ Крузе, по вполне достойный его генеалогическихъ соображеній. На вѣроятную причину этой неизвестности мы укажемъ потомъ. Она быть-можетъ нѣсколько будетъ противорѣчить идеямъ господъ Бредсдорфа и Крузе, но всѣ же не могутъ стоять на одной и той же точкѣ зрѣнія; о вкусахъ и исторіяхъ спорить невозможно.

РУРИКЪ.

	Возрастъ Рурика
812. годъ. Ровно за тысячу лѣтъ до нашествія Франковъ и съ ними двѣнадцати языковъ на Россію и сожженія Москвы, рождается основатель Русь.....	
826. Нападаетъ съ братьями на царство Франковъ, которые берутъ его въ плѣнъ и крестятъ въ Ингельгеймѣ. Ему тогда было лѣтъ.....	1
827. Получаетъ отъ царя Франковъ волость Рюстръ въ стѣ съ старшимъ братомъ Герьольдомъ.....	107
837. Послѣ одиннадцати лѣтней службы съ дружиною въ Франціи, гдѣ онъ виѣтѣ съ Герьольдомъ и братьями участвовалъ въ междуусобныхъ сраженіяхъ сыновей Карла Великаго и храбро охранялъ Ренсъ, Рурикъ, принужденный спастись, разорлетъ Нидерланды и получаетъ съ братомъ Герьольдомъ дорестадаское владѣніе.	
841. Соединяется съ княземъ Горникомъ (Эрикомъ) и нападаетъ на Лотарингію. Принужденъ удалиться, и пропадаетъ на долгое время.....	3м
852. Приходитъ изъ Даніи съ новымъ флотомъ, грабитъ опять Нидерланды съ племянникомъ Готфредомъ и опять ратно получаетъ отъ Лотара Дорестада и друдія скія графства.....	40т
852. Первое нападеніе Норманновъ на земли славянскія. Первое появленіе имени Русь у Византійцевъ.....	79
855. Предпринимаетъ неудачный походъ въ Данію въ надеждѣ овладѣть тамошнимъ престоломъ, и возвращается во Фризію.....	40
857. Рорикъ Норманецъ, съ соизволенія короля Лотара отправляется съ флотомъ въ Данію и, по соглашенію	

- ... съ Горникомъ (Эрикомъ I), владѣеть съ товарищи областями между моремъ и Ютландіей. Другіе Норманны между тѣмъ грабятъ Парижъ и Фризію..... 45
359. Варяги Русы берутъ дань съ Чуди, Словеновъ, Кривичей и Веси, по Нестору..... 47
362. Они прогнаны. Но освободившіеся данники перессорились между собою. Уряду у нихъ нѣтъ и они согласились послать за море искать себѣ князей. Рурику, Труворю и Синеусу опять приходать на Русь..... 50
363. Рурику не сидится на Руси. Онъ снова въ Дорестадѣ. 51
364. Рурику владѣтель всей Россіи..... 52
365. Посылаетъ Оскольда и Дира, воеводъ своихъ, черезъ Кіевъ, на Константинополь..... 53
367. Рурику опять во Фризіи и женится на прекрасной княжнѣ Ингридѣ..... 55
368. Рожденіе Игоря или Ингера..... 56
373. Рурику, какъ *fidelis*, то есть, *вѣрнопоподанный Карла Лисаго*, посѣщаетъ своего короля и милостиво имъ принять, а племянникъ его Рудольфъ умерщвленъ за мятежъ и измѣну..... 61
374. Фризландцы бьютъ Норманновъ и прогоняютъ ихъ вмѣстѣ съ старикомъ Рурикомъ..... 62
379. Рурику умираетъ въ Россіи и болѣе нѣтъ объ немъ рѣчи на Западѣ. Ему тогда было лѣтъ..... 67

Такова странная исторія князя Рурика Галптановича, который, по остроумнымъ открытіямъ двухъ отличныхъ дѣиспытателей, царствовалъ въ одно и то же время въ Россіи, Даніи и Фризландіи, былъ повелителемъ широкой и обильной Руси и вассаломъ Франковъ, фризландскимъ графомъ, вѣрнопоподаннымъ царя французскаго; годъ жывалъ въ Новгородѣ, между чернохлѣбными Словенами, годъ въ Дорестадѣ, на сайкахъ и фряжскомъ винѣ, среди кружевъ и парчей, между жирными и розовыми Фламанками, и женился не развѣкъ на седьмомъ десяткѣ. По числа годовъ всѣ вѣрившія и затрудненія искусно устранены, и цѣлая эпоха приведена въ достождный порядокъ. Для исторіи болѣе и не требуется.

Разумѣется, не всѣ будутъ довольны такою исторіею. Эта безпримѣрная дѣятельность Рурика не всякому покажется правдоподобною, такъ же какъ и семнадцати-лѣтнее бездѣтство князя Галптана или безвѣстность западныхъ лѣтописямъ результата вдругъ возстановившейся въ домѣ

его плодовитости, которую нужно допустить для связи Рурика, Трувора и Синеуса Несторовыхъ съ Рурикомъ Эгварда и другихъ. Не увлеклись ли изслѣдователи случайнымъ тождествомъ имени? Нужно ли непременно вѣрить, что при глазахъ достовѣрной исторіи всего на все существовалъ одинъ только Рурикъ?... или что Несторовъ Рурикъ — историческое лицо, хотя и лѣтопись Нестора отлично подлинная и драгоценный матеріалъ для исторіи?

Руриковъ въ-самомъ-дѣлѣ встрѣчаемъ мы часто въ сказаніяхъ Сѣвера, сохраненныхъ Исландцами: я говорю о сказаніяхъ до-историческихъ, которыхъ дѣйствіе происходитъ въ неопредѣленную эпоху, до введенія христіанства и письменности, въ романическіе вѣка язычества; о настоящихъ сказаніяхъ. Въ сказаніяхъ историческихъ или полу-историческихъ о витязяхъ и государяхъ письменной, христіанской, положительной эпохи, есть одинъ Рурикъ; но это — Рурикъ живой, подлинный, дѣйствительный, котораго многіе видѣли, и который тѣмъ самымъ уже не имѣетъ никакой связи съ сказочными, невиданными Руриками языческаго и безграмотнаго времени, рассказывавшаго притчи, а не происшествія, прельщавшагося символами, а не фактами. Этого историческаго Рурика хотятъ наши ученые дѣе-испытатели утожествить съ языческимъ, сказочнымъ Рурикомъ Нестора. Возможно ли это?

Язычество исповѣдывало аллегорію: у него каждое лицо, божеское и геройское — идеалъ чего-нибудь. Христіанство исповѣдуетъ истину и учитъ народы уважать ее во всемъ. Въ историческихъ изслѣдованіяхъ никогда не должно выпускать изъ виду этого основнаго различія между сказаніями временъ языческихъ и сказаніями христіанской эпохи. Въ первыхъ дѣйствуютъ витязи-притчи, богатыри-идеи, герой-символы, во вторыхъ рѣчь идетъ о настоящихъ людяхъ, объ истинныхъ событіяхъ, съ примѣсю бѣльнаго или мѣншаго количества легковѣрности, свойственной періодамъ переходу отъ безграмотности къ ученому и ремесленному письмоводству.

Руриковъ въ языческой эпохѣ сказанія показываютъ и

сколькихъ, однако всѣ они одно и то же лицо. Сколько ихъ не видишь въ сагахъ, каждый изъ нихъ—государь отлично распорядительный, съ твердою волей, съ сильнымъ и строгимъ характеромъ, съ мечомъ страшнымъ для бунтовщиковъ и безпокойныхъ людей, которые всюду смиряются передъ ними. Дѣло всегда имѣютъ они съ каверзою, непослушаніемъ, мятежомъ, но они не уступаютъ и, послѣ жестокой борьбы, все стихаетъ передъ ними. Оттого-то они и называются *Rö-gik*, *Тихо-мірами*: *rö*, произносили почти какъ *ру*, тишина, покой, *Ruhe*; *gik*, міръ, народъ, царство. Не изъ этого ли разряду Руриковъ и языческій Рурикъ Нестора? Не принадлежитъ ли онъ къ такимъ символическимъ князьямъ *Тихо-мірамъ*, которыхъ сказочная мудрость предвзначала подворять тишину и покой повсюду, гдѣ *уряду* нѣтъ? Пусть всякой рѣшитъ самъ. Чудь, Словене и Вельсвергли съ себя власть воинственныхъ припельцевъ: но что же вышло? Непривычные управляться сами собою, эти племена предались ссорамъ, насиліямъ, смятеніямъ. Области ихъ наполнились безпорядками. Уряду ни какого не было. И *согласились* они (!?) — *согласились* въ то время какъ ссорились и дрались!... самая удобная минута къ *соглашеніямъ*! — согласились воротиться подъ владычество храбрыхъ чужестранцевъ, скорѣе чѣмъ терпѣть такое гбре отъ собственного своего самоуправства. И послали за *море* искать себѣ князей, смысленыхъ въ искусствѣ *володѣть*. И пришелъ къ нимъ храбрый и твердый князь *Тихоміръ*, *Rö-gik*, передъ которымъ все притихло. А для полного *уряду* пришелъ съ нимъ и братъ его, поборникъ правды, по имени *Правдоборъ*, *Truvog*, да еще третій братъ, князь *Милостивоустъ*, *Sinneds*. И сѣли на трехъ городахъ, и начали править дружно, но-братски, и пошелъ отличный *урядъ*. Разберите хорошенько: *tru*, англійское *true*, германское *Treue*, *правда*; *vog*, *veog*, или *wog*, *vog*, *var*, *bar*, *защитникъ*, *поборникъ*, — откуда и славянское окончаніе многихъ собственныхъ именъ *боръ*; *sinni*, *милость*, *кротость*, *ds* (произносил между *осъ* и *усть*), уста, губы, — славянское окончаніе *устъ*, — *siuni-ds*, *милостивоустъ*, *милуустъ*, *кроткоустъ*. Вѣдь все это чистыя

норманскія слова, безъ малѣйшей натяжки, безъ всякаго корнесловнаго насилія! Не явная ли это аллегорія, которою добродушная древность желала показать сущность отличнаго государственнаго управления и выразить идеаль уряду? Нуженъ только князь твердый, рѣшительный, передъ которымъ бы міръ стоялъ *тихо*, да нужно чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ поборникъ и защитникъ *правды*, вѣрный стражъ закона; да чтобы, дѣйствуя строго гдѣ придется, умѣлъ въ большей части случаевъ сказать *милостивое слово* недовольнымъ, увлечь обиженныхъ кроткою и сладкою рѣчью, примирить враговъ ласковымъ обхожденіемъ: такъ и будетъ *урядъ!* Притча преумная, какъ вообще всѣ древнія народныя притчи: но самая замысловатость ея показываетъ въ то же время, что она стара какъ свѣтъ, не Несторомъ выдумана, а взята имъ изъ народныхъ сказаній, и не съ девятаго столѣтія началась по случаю какого-нибудь призваннаго или незваннаго норманскаго князя, а ходила по Сѣверу отъ сотворенія Скиевъ и «Царствующихъ Щитовъ», Руссовъ, skoloti, gerrhi, bo-russi, благороднѣйшихъ изъ всѣхъ Скиевъ и *которымъ всѣ прочіе скиевскіе народы — искони рабы и данники*, какъ говоритъ Геродотъ.

Зачѣмъ не взять дѣла просто, какъ оно было? Самые первые историки говорятъ намъ положительно, что все въ этой землѣ изстари привыкло повиноваться одному воинственному племени, которое повсюду управляетъ ею. Разнаго названія Готы, или Норманны, явственно были этимъ племенемъ во всѣ времена вселенной, и при Геродотѣ и при Несторѣ. Дружины и династіи ихъ владѣли Скиевъ, постоянно съ незапамятныхъ временъ, и тѣ же иноплеменники объясняли подвластнымъ своимъ народамъ, или подвластные народы объясняли сами себѣ, причину ихъ пришествія и владычества притчею о князѣ *Тихомірѣ* и братьяхъ его князѣ *Правдоборѣ* и князѣ *Милостивоустѣ*, какъ необходимыхъ элементахъ всякаго *уряду*. Такова всегда исторія безграмотныхъ народовъ. Пока письменность не сдѣлается ремесломъ, другой и не бываетъ у людей. А при учрежденіи

правильной письменности тѣ же притчи прежде всего записываются въ лѣтописи и, для начинающихъ читать, становятся историческими фактами. Такимъ именно образомъ Рурикъ, Труворъ и Синеусъ попали въ основатели русскаго государства. Несторъ или его продолжатели прибавили къ нимъ только хронологію, по обычаю лѣтописцевъ переходныхъ періодовъ: нельзя же лѣтописи быть безъ годовъ! По своимъ соображеніямъ это символическое событіе, пришествіе Рурика съ братьями для учрежденія уряду, отнесли они къ половинѣ девятаго столѣтія, къ эпохѣ перваго знакомства Византійцевъ, ихъ учителей и образцовъ, съ Руссами-Варягами. Но будемте правосудны. Могъ-ли Несторъ, если только самъ онъ выставилъ числа годовъ, знать что и когда именно дѣлалось на языческой Руси лѣтъ за триста назадъ, когда при немъ уже не знали навѣрное, и спорили, гдѣ крестился Владиміръ, отъ котораго однако жъ началась здѣсь письменность и нѣкоторая образованность? Событія и лица не проживаютъ трехъ столѣтій въ памяти неученыхъ народовъ. Человѣкъ, въ естественномъ состояніи, не заботится вовсе о фактѣ и его дѣятелѣ. Фактъ и лицо для него ничего; идея—все; онъ выражаетъ ее притчею, и она переживаетъ вѣка и народы, между-тѣмъ какъ память событій и героев встреляется быстро и невозвратно.

Въ нашъ вѣкъ образованности и учености, въ самыхъ прославленныхъ просвѣщеніемъ своимъ частяхъ свѣта нѣтъ народа, въ которомъ бы классъ, такъ называемый необразованный могъ рассказать, что происходило въ его отечествѣ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ и въ какомъ порядкѣ царствовали его государи. Огромнѣйшія политическія событія совершенно изгладились изъ памяти народной. А сказки, притчи, пословицы, суевѣрныя сплетни, живутъ въ этой же самой памяти десятки столѣтій безъ значительныхъ измѣненій!... потому что они для ней представляютъ идеи, какія бы то ни было. Дотога историческія имена и дѣйствительные факты не интересны для необразованнаго человѣчества, которое и живетъ только символомъ.

Имѣлъ ли физическую возможность первый русскій лѣтописецъ знать, что дѣлалось на Руси за три столѣтія назадъ, когда до введенія христіанства все что здѣсь жило, состояло изъ такого же необразованнаго класса, не говоря уже о возможности опредѣлить годъ каждому событію? Этотъ вопросъ не нуждается даже въ отвѣтѣ. Нѣсколько достоверная русская исторія не можетъ начинаться ближе какъ съ Игоря; и то потому, что имя его записалъ у себя случайно грамотный и образованный народъ, Греки. Если бы римская грамотность по ремеслу не описывала подвиговъ наслѣдниковъ Цезаря, кто изъ насъ зналъ бы нынче, какіе народы жили нѣкогда на этой землѣ, въ Скиѣи, кто могъ бы назвать Роксолановъ, Сарматовъ, Гунновъ, Готовъ, Авровъ, Угровъ, кто бы слышалъ имена Атиаллы или Боянхана? Сколько великихъ государей, гениальныхъ завоевателей, необыкновенныхъ героевъ, колоссальныхъ царствъ, существовало въ разныя времена въ Средней Азійи и изгладилось изъ памяти людей тѣхъ странъ совершенно! Грамотные Китайцы, имѣвшіе дѣла съ ними, отмѣтили ихъ мимоходомъ въ своихъ лѣтописяхъ, но прозвали по-своему, и мы теперь, при всей помощи напряженной учености, не умѣемъ сказать, какіе это были народы и какъ собственно назывались эти великіе люди. Въ родной странѣ Чингисхана давно уже не было бы свѣдѣнія объ немъ, если бы случай и честолюбіе не привели его въ соприкосновеніе съ образованными народами. Потомки этого великаго человѣка узнали не иначе какъ черезъ Китайцевъ и мусульманскихъ лѣтописцевъ о томъ, что нѣкогда былъ на свѣтѣ Чингисханъ. Но и при всей бдительности образованныхъ племенъ, при всей страсти къ писательству у грамотныхъ и ученыхъ народовъ, мало ли рядомъ съ ними пропало безъ вѣсти владѣній, династій, пренітересныхъ для исторіи именъ и событій, которыхъ слѣды, спустя тысячелѣтія, случайно открыли въ землѣ пувизматика и антикварское искусство? Исторія — вовсе не такое естественное дѣло для человѣчества, какъ нынче кажется ремесленной учености: нормальное умственное занятіе его — сказка, аллегорія, идея, выраженная словами.

Объ историческихъ памятникахъ и книгахъ оно никогда не заботилось: эти гнили всегда первые въ великихъ переворотахъ, изъ которыхъ оно заботливо спасало только замысловатыя сказки и притчи, басни Локмана или Эзопа, поэмы Гомера, Тысячу одну Ночь или Романъ о Лисциѣ, потому что въ нихъ заключались, не факты, а идеи. Эти памятники существуютъ нетлѣнно отъ потопа донынѣ: покажите, гдѣ другіе? гдѣ исторія Египта, Финикійцевъ, Карфагенцевъ, Этрусковъ?

Многіе, очень образованные и умные народы, даже и все не писали своей собственной исторіи, и потѣшную грамотность посвящали исключительно вымыслу и сказкѣ. Индѣйцы и древніе Персы систематически отвергали нужду и позволительность писанной, правдивой исторіи. Спустя двѣсти или триста лѣтъ въ столицѣ Персіи странникамъ показывали изваянную на высокой скалѣ картину, изображающую подвиги великаго Дарія и уже не помнили того, что она Даріева: ее приписывали сказочной Семирамидѣ.

Да чего болѣе? Настоящая исторія Александра-Великаго въ Греціи почти неизвѣстна: она совершенно искажена вымыслами воображенія или невѣжества его грамотныхъ историковъ. На стѣнахъ всей древности расписаны были его сраженія съ небывалою ратью Амазонокъ, а что стало съ покоренной имъ Персіей, что въ ней происходило при немъ и послѣ него, того никто не зналъ и не умѣлъ сказать скорѣ послѣ его смерти.

Мнимые подвиги, мечтательныя битвы слыли въ преданіяхъ всѣхъ народовъ, живя нетлѣнною жизнью идей, — покореніе сказочной Трои — сраженіе при Термопилахъ, — сраженіе при Бравалѣ, — а подлинно случившіяся сотрясенія и перевороты третьему четвертому поколѣнію становились уже неизвѣстными. Помнили ли Греки, кто построилъ тѣ громадныя зданія, которыя они наслѣдовали въ своей землѣ отъ прежнихъ ея обитателей, Мексиканцы — кто воздвигъ нѣкогда опустошенные ими города и храмы, Египтяне — кто соорудилъ ихъ пирамиды? Ничего не помнили! Греки приписывали эти памятники то Титанамъ, то одноглазымъ ги-

гантамъ, то просто *Ветхиль, Danaï*, Мексиканцы—страдающему народу Каменщиковъ, *Aztek*, Египтяне своимъ древнимъ царямъ, явственно баснословнымъ. Развѣ, послѣ самыхъ тщательныхъ справокъ, нынѣшняя ученость не принуждена сознаться, что пирамиды не могутъ принадлежать тому народу, который древность знала подъ названіемъ Египтянъ, а составляютъ остатокъ совсѣмъ другой образованности, предшествовавшей поселенію египетскаго племени на берегахъ Нила, подобно киклопскимъ или пеласгическимъ сооруженіямъ въ Греціи?.. Не поразительно ли для вниманія, свободнаго отъ гнету предвзятыхъ положеній, что тогда какъ державы и могущественные народы уничтожались, не оставляя слѣдовъ своего имени, извѣстія, повидимому нелѣпыя, о народѣ съ однимъ глазомъ, о народѣ съ одной ногою, о народѣ съ собачьими головами, прожили упорно въ преданіяхъ всѣхъ странъ почти до послѣдняго столѣтія? Да эти извѣстія были собственно символическими понятіями и выражали собою нѣкоторыя религіозныя идеи древняго міра. Это были притчи. Въ противномъ случаѣ они и не могли бы укорениться. Они совсѣмъ не глупы, только потеряли настоящее значеніе, мы ихъ не понимаемъ, и оттого они кажутся намъ дикими.

Народныя сказанія, особенно языческія, надо учиться понимать въ ихъ собственномъ смыслѣ, но никогда не должно искать въ нихъ фактовъ и исторіи, сколько бы они ни казались похожими на истинныя событія. Всей греческой исторіи до эпохи, современной Геродоту, можно смѣло не вѣрить: самъ онъ говоритъ, что сочиняетъ ее по *ложографамъ*, по сборникамъ народныхъ сказаній, то есть, сознается, что притчамъ придаетъ видъ и колоритъ настоящихъ событій или фактовъ, басню помощью дивнаго искусства грамоты превращаетъ въ исторію.

Мы боимся, что господа Бредсдорфъ и Крузе и ступили точно также съ замысловатою притчею, подобранною Несторомъ въ народныхъ сказаніяхъ, о князяхъ Рурикѣ, Труворѣ и Сивнеусѣ, вызванныхъ заводить *урядъ* на безладнѣ; но что они еще перещеголяли отца исторіи. Этотъ по край-

ней-мѣрѣ шгдѣ и не пытается выставлять хронологическія числа, хоть и подобно имъ очень смышленъ въ добываніи родословныхъ изъ сказочекъ, одѣваемыхъ въ торжественную мантию исторіи.

Очень понятно, почему въ историческихъ и полу-историческихъ свѣдѣніяхъ о Галптановомъ родѣ, возлѣ имени *Рурика*, не являются тотчасъ же имена *Трувора* и *Синнеуса*, которыя у Нестора стоятъ рядомъ съ этимъ же именемъ и современно съ *Рурикомъ* Галптановичемъ. Это — *Рурикъ* настоящій, фактическій, а *Труворъ* и *Синнеусъ* — братья сказочному, иносказательному или идеальному *Рурику*, *Рурику-Тихоміру*, и сопутствуютъ ему только туда, гдѣ сказанію нужно водворить *урядъ*.

LES ANTIQUITÉS RUSSES D'APRÈS LES MONUMENTS HISTORIQUES DES ISLANDAIS ET DES ANCIENS SCANDINAVES, *éditées par la Société Royale des Antiquaires du Nord. (Русскія древности Копенгагенскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ)* *.

Когда-то, давнымъ давно, вѣрно не за память многимъ изъ нынѣшнихъ читателей «Библиотеки для Чтенія», было въ ней слово объ этихъ древностяхъ русскихъ, была высказана мечта объ ихъ изданіи: «Чтобы дать понятіе о чрезвычайной важности скандинавскихъ сказаній для нашей исторіи», вслѣдъ за датскимъ изданіемъ одной изъ сагъ — «Саги объ Эймуудѣ», столь любопытной во всѣхъ своихъ частяхъ, столь новымъ и прекраснымъ свѣтомъ озаряющей нашъ одиннадцатый вѣкъ и въ особенности княженіе Ярослава Владиміровича, «Библиотека для Чтенія» внесла въ свои листы всю эту сагу въ переводѣ съ подлинника, съ самымъ подлинникомъ и съ объясненіями, которыя казались нужными для разумнѣня смысла и значенія этого важнаго остатка скандинавской старины. Издавая эту сагу, нельзя было не вспомнить и о другихъ памятникахъ исландскихъ, и о томъ, что «весьма было бы желательно издать особое собраніе всѣхъ такихъ сагъ и разбросанныхъ по другимъ сказаніямъ многочисленныхъ свѣдѣній о Руси и предъ-русской эпохѣ нашихъ странъ».

* Доставлено профессоромъ Н. И. Срезневскимъ.

Съ-тѣхъ-поръ прошло шестнадцать зимъ, вышло ровно двѣсти книжекъ «Библіотеки», и въ двухсотой, наконецъ, есть возможность напомнить старому читателю, какъ старому другу, что не всѣ мечты не сбываются, что и древности русскія по скандинавскимъ памятникамъ, уже не мечта, а вещь — и по вѣсу даже очень тяжелая вещь. Сборникъ всего, что въ памятникахъ древней скандинавской словесности можетъ быть цѣнно для археолога русскаго, явился подъ давно ожидаемымъ заглавіемъ.

Мы бы, можетъ быть, должны были молчать объ этой рѣдкости, потому-что у насъ еще идетъ 1849 годъ, а на книгѣ рисуется уже его преемникъ 1850; но новость такъ занимательна, такъ утѣшительна, что трудно отказаться отъ нея, по-крайней-мѣрѣ какъ отъ желанія поговорить о ней подробнѣе тогда, какъ и 1850 годъ изъ міра мечтаній перейдетъ въ міръ дѣйствительности.

Будетъ о чемъ говорить: томъ древностей русскихъ, и пока еще только первый — фоліантъ или, по меньшей-мѣрѣ, кварталъ въ 525 страницъ....

Мы успѣли только слегка пересмотрѣть его, и откладывая до будущаго 1850 года всѣ подробности о его содержаніи и вышески изъ него, еще любуемся изданіемъ. Изданіе великолѣпно, роскошно, удивительно, чудесно, вполнѣ достойно своего названія. Вглядываясь въ строчки, на которыхъ такъ осязательно отразилась нѣжная заботливость братьевъ Берлиговъ, печатавшихъ эту книгу, любуясь въ ней каждымъ словомъ, каждой буквой, невольно хочешь вѣрить всему, что высказываютъ эти слова и буквы, и тонешь въ наслажденіи. Воображаю себѣ, какъ бы насладились, глядя на эту прелестную книгу, Самуэль Сигфуссонъ, слагатель старой Эдды или современный ему нашъ Несторъ, и думаю, что я наслаждаюсь не меньше.

Какъ могло достигнуть общество сѣверныхъ антикваріевъ до возможности печатать такое великолѣпное изданіе?... Какъ не могло? — можно отвѣчать на вопросъ вопросомъ. Инаго изданія и ожидать было невозможно отъ Русскаго Отдѣленія этого Общества, которое имѣетъ счастье быть подъ высокимъ покровительствомъ нашего Августѣйшаго Государя Императора, а почетнымъ своимъ президентомъ имѣть — Государя Наслѣдника, и въ которомъ между именами членовъ-основателей читаемъ имена графовъ Адлерберга, Блудова, Уварова, князей Голицына, Меншикова, Стурдзы и другихъ, а въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ — большую часть нашихъ просвѣщенныхъ любителей науки и просвѣщенія.

Издание, поддержанное при самомъ началѣ своемъ русскою любовью къ отечеству, не могло не быть достойно этой любви, — и по внѣшнему виду и по внутренней цѣнности.

Но заглянемъ же хоть мелькомъ въ этотъ драгоценный подарокъ на новый годъ нашимъ археологамъ и филологамъ.

Томъ начинается введеніемъ — introduction — на французскомъ языкѣ. «Le grand empire de Russie ressemble par son étendue, sa force et sa puissance à celui des anciens Romains». Это начало извѣстно уже изъ проспекта объ изданіи «Древностей Русскихъ», изданнаго обществомъ сѣверныхъ антикваріевъ въ маѣ 1843 года, съ перемѣнами только того, что годилось для проспекта, говорившаго о будущемъ, и не годилось бы во введеніи къ книгѣ, уже напечатанной. За тѣмъ: «La Scandinavie — dit il (O. J. Senkovsky) — fut regardée comme la patrie commune des Russes».... Это продолженіе введенія также извѣстно изъ приложенія къ проспекту, повторившаго слова «Библиотеки для Чтенія» (1834 года, I. Отд. III. стр. 30). Въ концѣ введешя почтенный секретарь общества, К. К. Рафнъ говоритъ о томъ, какъ, чьими трудами составленъ сборникъ «Древностей русскихъ». Сначала онъ вспоминалъ о томъ, какъ трудился онъ вмѣстѣ съ Финномъ Магнусеномъ надъ изданіемъ «Древностей Американскихъ» (1837 г.); потомъ, какъ пришло ему на мысль собрать изъ тѣхъ же памятниковъ скандинавскихъ все, что касается древней Руси, и какъ трудился онъ надъ этимъ, тоже вмѣстѣ съ Финномъ Магнусеномъ, до самой смерти его въ 1847 году, а послѣ съ такимъ же ученымъ другомъ П. А. Мухомъ. Впрочемъ, всѣ главные труды по редакціи текста лежали постоянно на самомъ Рафнѣ: только въ мелкихъ работахъ ему помогали I. Сигурдсонъ и Б. Споррасонъ. Болѣе помощи было Рафну со стороны тѣхъ ученыхъ, которые занимались переводомъ. Латинскій переводъ текста и примѣчанія къ нему сдѣланы С. Эгильсономъ. Французскій переводъ Эймулдовой саги (она займетъ мѣсто во II томѣ) приготовленъ господиномъ де-Меза. Описаніе руническихъ камней составлено Л. Вестфельтомъ. Почтеннѣйшій Рафнъ заключаетъ свое введеніе увѣренностью, «que la grande et noble nation de la Russie, en parvenant à bien apprécier toute l'importance de ces monuments historiques pour l'étude des premières périodes de l'histoire russe, conviendra qu'il existe dans l'ancienne langue et la littérature de l'antiquité du Nord Scandinave assez de rapport, avec l'âge primitif du peuple russe pour y reconnaître une affinité nationale».

За этимъ введеніемъ слѣдуетъ обзоръ рукописей, изъ которыхъ напечатанъ текстъ сагъ и поэмъ. Всего описано девять:

- *Sacmundar edda* — половины тринадцатаго вѣка.
- *Snorra edda* — около 1300 года,
- *Sögnbrot of fornu konúngom* — начала четырнадцатаго вѣка или конца тринадцатаго,
- *Hauksbók* — начала четырнадцатаго вѣка,
- *Heimskringla* — то же,
- *Olafs Saga of Gunnlaugi munk* — первой половины четырнадцатаго вѣка.
- *Olafs Saga of Oddi munk* — начала четырнадцатаго столѣтія или конца тринадцатаго.
- *Olafs Saga tins Halga* — начала тринадцатаго вѣка.
- *Agrip of Sögn tins Helga Olofs* — можетъ быть второй половины двѣнадцатаго вѣка.

Само-собою разумѣется, что это только древнѣйшія рукописи, которыя стоили подробнаго палеографическаго описанія. Всѣхъ же рукописей скандинавскихъ столько, что и простой ихъ перечень занялъ бы порядочную книгу. Отъ одного Арне Магнуссона осталось ихъ около двухъ тысячъ, не считая писемъ на пергаментѣ. Кромѣ этого богатаго собранія, есть множество ихъ въ королевскихъ бібліотекахъ Копенгагена и Стокгольма, въ бібліотекѣ упсальскаго университета и въ частныхъ рукахъ.

Вслѣдъ за этимъ обзорѣмъ рукописей, конечно скучнымъ для непосвященныхъ въ таинства палеографіи и вообще филологій, а впрочемъ очень, очень занимательнымъ, читатель не-филологъ можетъ наконецъ отдохнуть на самыхъ пѣсняхъ и сагахъ, и вѣроятно, съ радостью прочтетъ заглавіе: «*Les deux Eddas en extraits*», а за нимъ и описаніе обѣихъ Эддъ на французскомъ языкѣ; но черезъ шесть страницъ увлекательнаго чтенія онъ встрѣтитъ фразу: «*Freya commence le dialogue en éveillant la magicienne qu'elle nomme sa sœur par les cinq couplets premiers qui portent l'empreinte de l'esprit particulier du paganisme, — и потомъ :*

Vaki maer meyia

Vaki min vina

Hyndla syrtir

er í helli byr!

Vigilet virgo virginum

Vigilet mea amica

Hyndla soror

quae in antro habitat...

И такъ далѣе: неландскій текстъ, латинскій переводъ, подстрочные комментаріи, и—только комментаріи на французскомъ языкѣ.

Такъ составлена вся книга: по-французски написаны только предисловія къ пьесамъ и примѣчанія. Кто не знаетъ ни древняго сѣвернаго языка, ни языка латинскаго, тотъ поневолѣ долженъ начать учиться хоть одному изъ нихъ, и конечно начнетъ учиться, лишь бы прочесть эту чудесную книгу, книгу — по преимуществу русскую, слѣдовательно необходимую для каждаго изъ Русскихъ. Но — учиться! учиться, можетъ-быть въ тѣ лѣта, когда скучнымъ становится всякое ученье, когда подъ часъ не хочется собирать даже и зрѣлую жатву, не только заѣввать новую ниву! Нѣтъ, почтеннѣйшій Рафинъ безжалостно пошутилъ надъ тѣми, которые не были приготовлены встрѣтить его «Русскія древности» на языкахъ не русскихъ, не понятныхъ для русскихъ людей. Въ проспектѣ 1843 года была подана утѣшительная надежда, что «on ajoutera une version exacte latine et, comme on l'espère, aussi une version française des anciens écrits islandais et danois». Тутъ же было прибавлено: «c'était d'abord notre intention de rédiger l'ouvrage en latin, mais pour céder au désir exprimé assez généralement par la plupart des membres en Russie, on a résolu de donner la préférence à la langue française». Но это рѣшеніе было отложено за невозможностью исполненія, и текстъ памятниковъ появился безъ французскаго перевода.

Впрочемъ, по пословицѣ: все къ лучшему, и это можетъ повести за собою не совсѣмъ дурныя послѣдствія. Нѣтъ французскаго перевода, такъ будетъ русскій. Онъ будетъ, онъ уже начатъ, и работа хоть и не кипитъ, но не останавливается. — Мѣста, очевидно болѣе важныя для русской исторіи, будутъ представлены читателямъ въ непродолжительномъ времени, а между тѣмъ мы не перестанемъ желать и домогаться, чтобы переведенъ былъ прямо съ исландскаго и весь текстъ этихъ «Русскихъ древностей».

Какъ бы то ни было, вотъ чтó вошло въ содержаніе перваго тома:

— Отрывки изъ «Обѣихъ Эддъ»: одиннадцать отрывковъ изъ старой Эдды Сэмунда Сигфуссона, жившаго, какъ извѣстно, во второй половинѣ одиннадцатаго вѣка, и въ томъ числѣ «Путешествіе Бривгильды въ царство мертвыхъ», все вполнѣ; изъ новой Эдды Снорра Стурлесона, жившаго въ первой половинѣ тринадцатаго вѣка, два отрывка.

— Саги мифо-историческія. Двѣ саги цѣликомъ: Sögnbrot и Негварagsaga, и изъ одиннадцати извлеченія: это — саги объ Альфѣ, о Рагнарѣ и о Кракѣ, о Гримѣ Волохатомъ, объ Ор-

варродѣ, о Норнагестѣ, объ Эгплѣ и Асмундѣ, о заселеніи Норвегіи, о Рольфѣ Гаутрексовѣ, о Герраудѣ и Бозѣ, о Гаунчу Рольфѣ, о Сѳрлѣ.

— *Saги историческія.* Десять отрывковъ изъ Генмскригльмъ Снорра Стурлесона, четыре отрывка изъ сагъ объ Олафѣ Триггвасонѣ, одинъ изъ Луча Эйгора, тоже объ Олафѣ.

Всѣ эти поэмы и саги въ подлинникѣ изданы были уже прежде, такъ что новаго для ученыхъ, которымъ знакомъ исландскій языкъ и исландская литература, нѣтъ ничего; но много новаго и для тѣхъ, которые читали скандинавскіе памятники въ переводахъ латинскомъ, датскомъ и даже нѣмецкомъ. Но все, что здѣсь помѣщено вмѣстѣ, какъ важное для археологовъ русскихъ, было прежде разбросано по разнымъ изданіямъ и безъ объясненій, нужныхъ для древней русской исторіи, объясненій, которыя и теперь уже рисуются очень въ пользу дѣятельнаго Рафна, а во второмъ томѣ, безъ сомнѣнія, будутъ еще важнѣе.

Къ концу тома прибавлены генеалогическія таблицы и чудесныя снимки съ рукописей: первыхъ шесть, — и первая изъ нихъ, о домѣ Рюрика, а послѣднихъ девять. Да не подумаютъ, впрочемъ, читатели, что въ таблицѣ дома Рюрика есть что-нибудь о предкахъ Рюрика. Дѣло начинается очень просто: былъ Рюрикъ, котораго отецъ неизвѣстенъ, у него сынъ Игорь, у Игоря Святославъ, и такъ далѣе. И не странно ли, о нашемъ величавомъ Святославѣ, такую роскошною кистью обрисованномъ въ лѣтописяхъ нашихъ, въ скандинавскихъ сагахъ нѣтъ ни одного слова.... Кто былъ Олегъ, основатель кievскаго престола, остается тоже закрытымъ тьмою непроницаемой. Въ сагахъ болѣе извѣстій о Руси десятаго — одиннадцатаго вѣка, еще болѣе объ одиннадцатомъ — двѣнадцатомъ вѣкѣ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ мы скажемъ какъ и слѣдуетъ, въ 1850 году. Теперь это было бы не кстати. Пусть между-тѣмъ «Les Antiquités Russes», которыхъ получено здѣсь еще очень не много экземпляровъ, займутъ свое приличное мѣсто между кипсеками, и другими изданіями роскоши. Переглядѣвши книгу, читатель съ большимъ любопытствомъ заглянетъ въ статьи о ней, которыхъ, вѣрно, будетъ не мало, — а мы сообщая извѣстіе о книгѣ, пока желаемъ только того, чтобы читатель запасся ею и положилъ ее между своими литературными драгоценностями.

Н О Я Б Р Ъ , 1849.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И .

=

Вотъ короткая лѣтопись нашей литературы за ноябрь мѣсяць. Изъ книжныхъ магазиновъ, куда мы посылали за новыми сочиненіями — принесли намъ три дѣтскія историческія повѣсти: «*Близкій бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ*», «*Григорій Александровичъ Потемкинъ*», и *Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій*», сочиненія господина Фурмана, изобрѣтателя «романа для дѣтей», издавныя въ прошломъ 1848 году, «*Путешествіе съ дѣтьми по Святой Земль*», съ атласомъ картшюкъ, напечатанное вновь вторымъ изданіемъ, «исправленнымъ и дополненнымъ», нѣсколько томовъ издаваемого Смирдинымъ «*Полнаго собранія русскихъ авторовъ*», переводы «*Сербскихъ пьесъ*» и «*Краледворской рукописи*», изданныя госпожиномъ Бергомъ въ Москвѣ, въ 1846 и 1847 годахъ и «*Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ*», почтеннаго протоіерея и кавалера Василья Гречулевича. Любопытно видѣть, какъ прилагается къ важнымъ, возвышеннымъ, духовнымъ предметамъ малороссійское нарѣчіе, которое донынѣ употреблялось весьма рѣдко въ печати. Оказывается, что оно прилагается къ такимъ предметамъ превосходно, способное изъясняться съ достоинствомъ и изяществомъ, можетъ прекрасно выразить прекрасныя мысли. Благодаря таланту и вкусу почтеннаго Отца Василія, мы увидѣли передъ собою совсѣмъ новый языкъ, и изъ его книга почти выучилась по-малороссійски.

=

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЧЕТВЕРО-ЕВАНГЕЛІЯ ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ, какъ пособіе къ изученію евангельской исторіи, по самому Священному Писанію безъ помощи учебника, съ картою Палестины, изображающею путешествія Господа нашего Иисуса Христа и указателемъ вслѣхъ церковныхъ чтеній изъ четырехъ Евангелистовъ. Изданіе священника и законоучителя Василія Гречулевича (Спб., 1849). — Содержаніе этой тетради состоитъ изъ однихъ ссылокъ и таблицъ. Она предназначена исключительно къ учебному употребленію.

О значеніи словъ: ВАРЯГЪ, КАЗАКЪ, РОССЪ И РЕТЬ, или какъ должно понимать слова эти въ исторіи (Тифлисъ, 1849). — Историческое разсужденіе, основанное на корнесловіи, за кавказскими тонкостями котораго невозможно слѣдовать въ этомъ мѣстѣ.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— На французскомъ языкѣ вышло здѣсь въ свѣтъ чрезвычайное примѣчательное твореніе Н. И. Пирогова, книга важная для врачей и хирурговъ, написанная съ свойственнымъ знаменитому русскому анатому, хирургу и профессору талантомъ, подъ заглавіемъ: «RAPPORT MÉDICAL D'UN VOYAGE AU CAUCASE, contenant la statistique comparative des amputations, des recherches expérimentales sur les blessures d'armes à feu, ainsi que l'exposition détaillée des résultats d'anesthésiation obtenus sur le champ de bataille et dans différens hôpitaux de la Russie, par N. Piragoff, 1849, 4-to.» Къ сочиненію этому приложены анатомическіе рисунки и въ то же время издана авторомъ, въ видѣ атласа рисунковъ, форматомъ въ большой листъ, съ объяснительными текстами, его «Патологическая анатомія азіатской холеры».

— Смирдинское «Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ» умвожилось втеченіе мѣсяца пятью новыми томами. Два изъ нихъ содержатъ въ себѣ русскія «Сочиненія Императрицы Екатерины Второй». Въ трехъ прочихъ помѣщены «Сочиненія Тредіаковскаго».

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И .

=

ОКТАБРЬ, 1849.

=

изъ дѣйствительной жизни. *Стихотворенія 1848 года.*
X. Н. Шкурина. (Москва, 1849).

Нѣкоторые люди всегда жаловались на дѣйствительную жизнь, что это — ужасная проза; а надо еще знать, что эти люди, говоря о прозѣ, имѣютъ всегда въ виду самую скверную прозу, ту, которую сами они пишутъ ежедневно, прозу бездарную, безграмотную, бессмысленную. Хорошо долженъ быть ихъ рисунокъ дѣйствительной жизни! Въ-самомъ-дѣлѣ, нѣтъ ничего въ мѣрѣ безцвѣтнѣе, безобразнѣе, скучнѣе. Ни толку, ни связи, ни порядку, ни гармоніи. Такая, просто чепуха, что изъ рукъ вонъ. Это, эту-то скуку, эту-то чепуху, господинъ Шкуринъ, примѣчательнѣйшій изъ современныхъ поэтовъ дѣйствительной жизни, переложилъ въ стихи съ неподражаемою вѣрностью натурѣ.

«Овса пять четвертей!

Кланяется Пантелей,

Т. ХСVIII. — Отд. VI.

Онъ вѣстникъ новостей,
 А самъ въ двери скорѣй
 Бѣжитъ Пантелей,
 Разинувши ротъ, изъ гостей
 Мама и Софья такъ проводили время въ день лѣтній;
 Никто не проѣзжалъ, не бывши имъ извѣстной,
 И кругъ ихъ семейный
 Въ разговорахъ былъ очень интересной.
 Не ускользнулъ отъ глазъ сосѣдей
 И предводитель губерскій.
 Онъ, по состоянію и чину, человекъ извѣстный,
 Управляетъ должностію почетною,
 И въ губерніи женихъ первый.
 Наступило время поры осенней,
 Дни ненастья и дождей,
 Машѣ и Софьѣ въ деревнѣ сдѣлалась жизньъ скучнѣй.
 Сколько неприятныхъ впечатлѣній,
 Столько въ душѣ горестей;
 Ведите запрягать лошадей,
 Поѣдемъ въ губерскій г. скорѣй,
 И — въ дорнезъ, четверней....»

Не возможно придумать лучшихъ стиховъ. Прекрасно! безобразно!

Со времени Пушкина вошло у насъ въ моду — у насъ, жителей безконечныхъ равнинъ — восхищаться безъ памяти Камозомъ, потому только, что это — куча горъ. Въ этой безобразной громадѣ утесовъ и снѣговъ увидали мы всѣ возможныя красоты и помѣстили всѣ поэзии. Какое ослѣпленіе! Лучшій изъ нашихъ поэтовъ, господинъ Шкуринъ, первый изобразилъ горную величину стихами, совершенно ему приличными.

•Какой видъ разитъ пришельца
 Изъ святой Руси, страны родной,
 На Кавказѣ, подъ сводомъ небосклона голубаго,
 При погодѣ дневною порой,
 Нестерпимый отъ солнечныхъ лучей зной,
 И въ часъ полуночный
 Съ горъ пронзаеть рѣзкій воздухъ, холодный,

Съ пасірною погодою,
 Подъ густою, туманною мглою
 Спутники не зрять подобнаго предъ собою;
 Съ стихією бурною,
 Съ порывомъ сильныхъ вихрей,
 Отъ нештася дождливаго
 Путешественникъ буркою закрытъ,
 Едва пробирается нагорною тропишкою.
 Видъ природы угрюмъ и дикій
 Играеть жертвою судьбы его неутомимій,
 Что шагъ, и бездна пропасти предъ нимъ раскрыта,
 Грозить погибелью въ странѣ дикой;
 Надъ головою его висить утѣсь, громомъ разбитый,
 И каждая минута готова прекратить жизнь его
 Низверженіемъ свѣжыхъ лавины,
 Рѣка Терекъ, въ потокахъ шумливый,
 Реветь по камнямъ пѣною сердитою,
 Странникъ прибѣгаетъ къ нему съ жаждою неутомимою;
 Его обдаеть безчисленными множествомъ холодными брызгами.
 Тутъ за скалою и аулъ Черкесовъ неспранный;
 Горецъ съ винтовкою слѣдитъ за жертвою невинною;
 И отъ мѣткой пули достается ему добычею нештасный.
 О Кавказъ! Ты страна.....»

Каковы стихи! Очень умно! Одинъ только господинъ Шкуринъ умѣеть изобразить чисто и отчетливо эту шекотливую бессмыслицу, которая обыкновенно относится къ опасной статьѣ воспоминавій. Замѣтимъ, что даръ памяти повсюду — въ большой чести на свѣтѣ, въ этой пещерѣ прозы, въ этой юдоли дѣйствительной жизни. А между тѣмъ нѣтъ, вообще, ничего глупѣе памяти. Она никогда не умѣеть забыть то, чего не должно помнить. Но самое главное — приличія — она безпрестанно забываетъ. Такова дѣйствительная жизнь! Память проказничаетъ въ ней очень. Иногда, не то что бѣ въ безумные годы юности, когда еще вспоминать не объ чемъ, но уже въ эпоху ума, благоразумія и мудрости, она вдругъ занесетъ вамъ такой вздоръ, что, не будь это дѣйствительная жизнь и стихи перваго ея поэта, Х. Н. Шкурина, ушамъ своимъ нельзя было бы повѣрять. Напримѣръ: *пролетѣли давнымъ давно золотыя дни, когда былъ рай души поэта дѣйствительной жизни,* и

когда у него юной жизни цветы надеждою непоколебимо росли,
а между-тѣмъ онъ все-таки помнить.... какъ бы вамъ сказать
это....

«Я помню восторга часы
Въ кругу любезной семьи,
И упительныя ласки.... жены,
Среди которыхъ незаметно исчезали
Длиныя ночи зимы;
И тѣ невинныя забавы,
Когда прелестной Клавдіи
Романъ читали.
Хозяйка граціозно сѣла на диванѣ,
Разбросивъ по немъ платья живописныя вуалы
И нѣзъ подъ розовой кисеей
Заметно волненіе ея полной груди,
Она черными глазами
Пересѣяла плѣнительныя взоры;
Они вокругъ искали отрады,
И для всѣхъ были строги,
О женщина! Твои чувства непонятны,
Сладкихъ рѣчей звуки обманчивы,
А губокъ розовыхъ улыбки
Очаровываютъ инаго и до могилы,
И часто обожатели твоей красоты
Носить красныя очки,
Въ угожденіе любезной жены;
Никакія дѣятельныя мѣры
Не предостерегутъ твою хитрости....»

И замѣтите, что —

«Онѣ *genio* неизвѣстны,
И обмануты ими
Не вѣрятъ себѣ сами».

Я помню, продолжаетъ поэтъ дѣйствительной жизни —

«Помню прелестной Клавдіи застѣ,
Когда за ломберными столами,
Партіями многими,

Мы въ карты играли,
 Какъ искусныя ручки,
 Перетасовавши ихъ здавали,
 И подъ картами на тонкой бумагѣ,
 Записочки летали;
 Онѣ рандеву вамъ назначали
 И въ уединеніи васъ услаждали».

Даже поэтъ дѣйствительной жизни помнить прелестной Клавдіи пожатіе подъ столомъ руки.

«..... тѣмъ были знаки давы
 Выйти скорѣй изъ общей залы;
 Они двумъ сердцамъ восторгъ предвѣщали».

*Даже онъ помнить прелестной Клавдіи умышленны замыслы,
 о томъ, какъ, они вдвоемъ съ намѣреніемъ мужа обыграли.*

«Черезъ что прежде времени
 Мужу покойнаго сна пожелаали,
 И долго, долго за полночь одни оставались сами
 Тихимъ разговоромъ покой мужа не нарушали,
 И отъ искренней души
 Надъ проигрышемъ его хохотали,
 О потерѣ ему забвенія желали
 И въ горячихъ поцѣлуяхъ вдвоемъ утро встрѣчали».

Вотъ вамъ дѣйствительная жизнь, съ ея подлинными стихами и ея умными воспоминаніями, которыхъ даже я и не прописываю. Надѣюсь, что, прочитавъ это, вы перестанете жить ею.

Но какъ доселѣ всѣ мы, не знаю почему, живемъ дѣйствительною жизнью, то позвольте и мнѣ одно маленькое воспоминаніе. Я помню.... или, лучше, стихами господина Шкуркина.

Я помню какъ

Одна молоденькая русская барышня при мнѣ говорила:

«Что это?... англійскій романъ?... я терпѣть не могу англійскихъ романовъ; я ихъ не навяжу!...

«Что вы въ нихъ находите?... Ничего! жизнь

«Какъ она есть!... Они все только описываютъ

«Дѣйствительную жизнь. Что же тутъ любопытнаго?

«Я и сама знаю жизнь какъ она есть. Такая скука!...

«Вотъ французскіе романы... прелесть!...
 «И всегда съ наслажденіемъ ихъ читаю,
 «И объ нихъ съ восторгомъ вспоминаю,
 «И лучше ничего не понимаю.
 «Тутъ по-крайней-мѣрѣ все необыкновенно,
 «Все любопытно; ничего похожего не видите вы въ дѣйствительной
 жизни,
 «Ни дома, ни въ обществѣ; такихъ лицъ,
 «Такихъ характеровъ,
 «Такихъ происшествій и чувствованій
 «Нигдѣ не встрѣчаете,
 «Черезъ что большое наслажденіе опущаете
 «И въ удивленіи безсонныя ночи мыслями услаждаете».

Эта русская барышня, себѣ невѣдомо, высказала въ своей не-
 знанности, вѣстующую характеристику двухъ главныхъ видовъ ро-
 мана, и самымъ строгій, самый невыгодный судъ о французскомъ
 романѣ, обожаемомъ ея интереснымъ незнаніемъ жизни. Она не
 читала «Стихотворенія изъ дѣйствительной жизни, 1848 года».
 Тутъ-то бы она просвѣтлась! Но едва-ли, послѣ такого чтенія,
 дѣйствительная жизнь — жизнь какъ она описана — не стала
 бы ей еще незнаемтѣе прежняго. Если цѣлью поэта было на-
 добѣсть читателямъ дѣйствительною жизнью, то предпріятіе его
 увѣнчалось необыкновеннымъ успѣхомъ.

Мнѣ очень прискорбно — но я долженъ доложить вамъ по со-
 вѣсти, въ этой чудной поэмѣ заключается вся наша изысканная сло-
 весность нынѣшняго мѣсяца. Нынѣшній мѣсяць — рѣшительно
 нелитературный.

Остальное состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадокъ, изданныхъ на
 французскомъ языкѣ и не подлежащихъ чтенію, и двухъ брошюръ.
 Тетрадки, о которыхъ рѣчь, называются —

CLEF DE LA LANGUE FRANÇAISE, ou Guide de l'enseignement
 élémentaire de cette langue dans la pratique. Par M. Ferry de Pigny
 (St-Petersbourg, 1849, 6 cahiers).

Ключъ въ французскому языку: мысль заглавія понятна всяко-
 му. Но не думайте, чтобы, купивъ этотъ ключъ, вы тотчасъ же
 и отперли имъ себѣ французскій языкъ, по своему усмотрѣнію.
 Замкъ — съ секретомъ, и одинъ господинъ Ферри-де-Пиньи
 знаетъ, въ чемъ секретъ состоитъ, одинъ онъ умѣетъ поворо-
 тить его въ дыркѣ. Я повертывалъ его во все стороны и на-
 какъ не могъ отворить имъ себѣ входу во французскій языкъ:

каждый раз отпиралось ниъ что-нибудь другое — то Азія въ лицѣ Кира-Великаго, то Египетъ въ образѣ Юсіа-Прекраснаго, то жизнь Эзона, то біографія Меньшикова или Баара. Однажды, поворотивъ покрѣиче — слышу — замокъ играетъ куранты!... двадцать четыре мелодіи на самыя странныя напѣвы!... Чтò это такое? Просто, волшебство, а не ключъ! Въслѣдствіи только узналъ я, изъ особеннаго объявленія, приложеннаго къ «Ключу», что значить этотъ музыкальный сюрпризъ въ ящикѣ глаголовъ и дѣепричастій: господину Ферри-де-Пиньи *желательно, для неожиданнаго развѣтія въ юной груди звучности и вѣрной интонаціи при ожидаемомъ познаніи тайнъ французской грамматики, чтобы родители и наставники заставляли дѣтей пѣть хоромъ слѣдующее и слѣдующему подобныя*

T U T T I .

„Je vois bondir les agneaux bien-gardés
Et sur les rocs les flots des cascadeles,
Dans la forêt la timide gazelle,
Et dans mon cœur bondit un cœur charmé“.

Для такой *неожиданной* цѣли приложены и ноты въ особенной тетради. Весело! звучно!... а французскій языкъ все-таки не отпирается этимъ «ключомъ», и не видно, съ которой стороны можетъ онъ имъ отвориться. Но — погодите — господинъ Ферри-де-Пиньи проситъ матерей и гувернантокъ пожаловать къ нему съ дѣтьми осенью, однажды въ недѣлю, часа на два не больше: тутъ онъ покажетъ имъ настоящій способъ употребить «Ключъ» и, самъ лично, отворить передъ ними французскій языкъ настежь. Вся компанія войдетъ туда торжественною процессіей, — господинъ Ферри-де-Пиньи въ головѣ — распѣвая хоромъ, съ *неожиданною* звучностью, приличное случаю tutti, номеръ 24 ый.

«Vive le merveilleux!
Le miraculeux !
Les faits romanesques !
Ah! loin de nous surtout
Les plaisirs sans goût
Qu'on a partout !

J'aime les accidens,
Les incidens,
Les faits burlesques,

De ces traits imprévus
 Qu'on n'a point vus,
 Qu'on ne croit plus !

Un bonheur trop égal,
 Un bien sans mal,
 Est fade
 Et maussade.

La victoire n'a pas
 Beaucoup d'appâts
 Sans vifs combats.

Je crains peu les revers,
 S'il brille au travers
 D'aimables surprises,
 Mais de celles ou l'art
 A moins de part
 Que le hasard.

Хоръ удивительно приспособленный ко вкусу матерей и гувернантокъ, равно какъ и къ понятіямъ подвластныхъ имъ ребятшекъ. Поется *allegretto*, въ тонѣ *soll maggiore: tra la, la, la, la!* — *la la, gi gi, ga!*... и такъ далѣе.

Такой замысловатый способъ отпирать французскій языкъ долженъ всѣмъ понравиться, и съ этой стороны авторъ не боится упрековъ. Критика можетъ напасть на другое и сказать, что въ этомъ способѣ *нѣтъ ничего новаго*. Авторъ предвидѣлъ возраженіе и отвѣчаетъ на него заранѣе, что именно въ отсутствіи всякой новости и состоитъ достоинство его «Ключа»....

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

О СУДЕБНО-ХИМИЧЕСКОМЪ ИЗСЛѢДОВАНИИ ЯДОВИТЫХЪ ВЕЩЕСТВЪ ВООБЩЕ И МЫШЬЯКА ВЪ ОСОБЕННОСТИ. Изложилъ К. Лейпардъ. (Спб., 1849).—Знаменитый процессъ объ отравленіи Лафаржа, во Франціи, подалъ химикамъ разныхъ народовъ поводъ къ переслѣдованію способовъ, употребляемыхъ судебной медициной къ открытію малѣйшихъ количествъ ядовъ въ изверженіяхъ и во внутренности отравленныхъ. Мышьякъ былъ особен-

нымъ предметомъ вниманія. Вѣрность прибора, изобрѣтеннаго Маршемъ (March) для обнаруженія присутствія этого губительнаго металла въ малыхъ количествахъ, подверглась сомнѣнью. Господа Орвилла, Пельтиё, Шевалиё, Барсъ, Вёлеръ и другіе, занимались рѣшеніемъ интереснаго въ то время вопросу. Слѣдствіемъ этихъ трудовъ были многія усовершенствованія въ способахъ открывать яды послѣ отравленія и окончательное утвержденіе пользы Маршева аппарата, который получилъ также нѣсколько улучшеній. Всѣ эти результаты, очень важные для судебной медицины и для правосудія, но донынѣ разбросанные по разнымъ журналамъ, собраны ученымъ русскимъ врачомъ, господиномъ Лейпардомъ, и изложены съ технической точностью въ изданной имъ брошюрѣ, которая совершенно заслуживаетъ вниманія медиковъ, занимающихъ официальные должности.

ЖЕНСКАЯ ПРАВДА, или еще нѣсколько софтовъ молодымъ мужчинамъ, холостымъ и женатымъ. Необходимая книга для cadaго молодого мужчины (Спб., 1849). — Эта книга, необходимая для всякаго молодого мужчины — самая капельная книжечка, какую только могутъ работать паутинные женскіе пальчики. *Женскою правдою* она названа потому, что одна благонамѣренная русская дама, что значитъ иногда и «женщина», сочинительница другой такой же *необходимой* книжечки, изданной уже подъ заглавіемъ «Софты молодымъ мужчинамъ, холостымъ и женатымъ», рѣшилась досказать вамъ, до ижды, всю правду, которой мы стоимъ и которую при первомъ случаѣ не выполнѣ она изложила, и довершить этимъ наше воспитаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что женщины имѣютъ всевозможное право наговорить вамъ бездну правды, и правды самой жестокой: но вопросъ, если уже станемъ разсчитываться по правдѣ, состоятъ въ томъ, способны ли онѣ говорить правду — я хочу сказать, такую правду, которая была бы правдою для насъ, для мужчинъ? Ихъ правда — правда женскаго пола, которая, по-женски, *разсуждаетъ сердцемъ*, любимымъ образомъ разсужденія женщинъ, то есть, которая просто и прямо требуетъ, чтобы такъ было непремѣнно, какъ женскому сердцу хочется, и конецъ всякому разсужденію; а наша правда — правда радикально мужская, ходитъ съ усамъ, брѣетъ бороду, носитъ всѣ тяжести жизни, въ томъ числѣ и женщину, и по части разсужденія справляется съ воз-

возможностью, съ необходимостью, съ коренными условиями бытія, словомъ сказать, съ толкомъ, что, въ училищахъ, именуется *лекикою*. Это — двѣ правды совершенно противоположныя: между тѣмъ и та и другая — настоящія правды, только, одна — правда женской работы и служить исключительно женщинамъ, какъ основаніе ихъ воздушныхъ убѣжденій, ихъ кружевной философіи, а другая — правда мужской точки зрѣнія, предназначенная исключительно къ разсужденію мужчинъ, къ руководству ихъ особеннаго разума. Я позволю себѣ поставить сочинительницѣ *необходимыхъ* книжекъ на видъ одно только это обстоятельство: если бы правда была одна на свѣтѣ, вѣдь сочинительница не имѣла бы тогда ни какой нужды и ни какого повода говорить мужчинамъ правду отъ имени женщины или *женскую правду*! Давнымъ давно мужчины сказали бы ее сами себѣ тѣми же словами, и два пола жили бы совершенно согласно. Но я смѣю увѣрить ее, мною тупымъ мужскимъ разумомъ, что съ одной правдой было бы ужасно скучно на свѣтѣ, особенно ея сестрицамъ, женщинамъ, и стань мы, мужчины, сегодня думать обо всемъ и чувствовать все какъ думаютъ и чувствуютъ женщины, вы сами, сударыни, закричите первыя: «Нѣтъ! нѣтъ! не нужно!... *ѣ!* какіе вы несносные! какіе вялые, слабые, пугливые!... *ѣ!* какъ къ вамъ идетъ это выпревшее благоправіе!... ради Бога, перестаньте!... мы умираемъ! вы насъ убиваете! Думайте и чувствуйте по-своему, по мужскому: оно гадко, мерзко, ужасно, безчеловѣчно, но по крайней-мѣрѣ оно что-нибудь другое, сильное, сотрясающее, коротко сказать мужское. Ну, Богъ съ вами! обманывайте насъ, только льстите намъ пріятно, ползайте передъ нами, и исполняйте наши прихоти; будьте по прежнему изверги и тираны, только доставляйте намъ глубокія впечатлѣнія; раздрайте наши сердца... давайте намъ случай поплакать: это такъ весело!... Слезы душатъ насъ отъ великаго счастья, слѣдствія пересозданія насъ по точному нашему желанію. Да обманывайте же поскорѣе!... что жъ вы стоите какъ статуи добродѣтели и не обманываете?... Вотъ не далѣе взять какъ дружба: могутъ ли мужчины, безубыточно для себя, своихъ чувствъ и своего мужскаго достоинства, согласиться на такую дружбу, о какой часто мечтаютъ восторженныя женщины, добродѣтельно пугающіяся слова «любовь» и ищущія въ другѣ простой жертвы своему благоправному кокетству?... Сочинительница утверждаетъ, что дружба *мысли не существуетъ*. А я, съ моей стороны, утверждаю, что *она* и никогда не существовало на свѣтѣ въ томъ видѣ, какъ *обманыва-*

не дружбу понимают нечестливыя женщины, которыя любовь хотѣли бы, по особеннымъ причинамъ, замѣнить дружбою, съ условіемъ получать отъ дружбы всё очарованія, доставляемыя любовью. Я утверждаю, что это — физическая невозможность. Чего опять сочинительница требуетъ отъ брака, я вовсе не понимаю. По моей мужской философіи, бракъ не можетъ быть иначе какъ онъ есть, какъ былъ всегда и какъ вѣчно будетъ. Въ полномъ объемѣ, со всѣми своими бѣдами и бѣдствіями, онъ — совершенство. Переправить въ немъ нельзя ни одной запятой, и самое разнообразіе брачныхъ судебъ — неисчерпаемый источникъ счастья для роду человѣческаго. Вотъ было бы мило, если бы всё браки дѣлалось и шли какъ женевскіе часы, по одной формѣ и одному меридіану! если бы человѣческая природа должна была дѣйствовать какъ мѣдное колесо, неуклонно и однообразно! если бы все совершалось по церемоніалу печатнаго правоученія! если бы женщину лишитъ удовольствія быть по возможности несчастною — а главное — похвастаться въ удобномъ случаѣ своимъ несчастіемъ и являться, смотря по обстоятельствамъ, интересною или великою, чтобы возбуждать участіе или удивленіе къ себѣ! Что тогда значила бы женщина? что стало бы съ ея добродѣтелью? куда бы дѣвалось все высокое и сверхъестественное въ ея слабомъ существѣ?

Хорошъ бы былъ Божій свѣтъ, если бы писателямъ и писательницамъ правоученій такъ же далось передѣлывать его на свой благоправный ладъ, какъ дается охота сочинять правила добродѣтели и счастья для этого многогрѣшнаго свѣта! Исправляя, они бы все перепортили вконецъ.

Но за прекрасную защиту «писателей» вообще, всё, кому только злой рокъ судилъ писать, въ томъ числѣ и я, смиренный летописецъ, несказанно благодарны *необходимой* книжечкѣ. Одно только женское сердце можетъ такъ горячо и краснорѣчиво заступаться за писателей. Мужскія сердца утопили бы всѣхъ ихъ въ чернильцахъ, не содрогнувшись.

==

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Третій и послѣдній томъ «Одиссеи Гомера», въ переводѣ В. А. Жуковскаго, вышелъ изъ печати. Разсужденіе объ этомъ переводѣ и объ *Одиссеей* вообще начатое въ Б. для Ч. было

прервано необходимостью; въ которой находился авторъ, занять-ся прежде всего, возстановленіемъ своего здоровья: но оно не забыто. Онъ наирѣнъ скорѣй возвратится къ нему съ новыми трудами и болѣе положительными доводами.

— Начальство Санктпетербургской Полиціи оказало жителямъ здѣшней столицы и, можно сказать, всей Имперіи чрезвычайно пріятную услугу изданіемъ вѣрной и отчетливой картины этого города подъ названіемъ *«Атласа тринадцати частей Санктпетербурга, съ подробнымъ изображеніемъ набережныхъ, улицъ, переулковъ, казенныхъ и обывательскихъ домовъ.»* Изданіе это состоитъ почти изъ четырехъ сотъ гравированныхъ листовъ, кромѣ печатныхъ приложений, и, слѣдовательно, потребовало на себя весьма значительной суммы, которую просвѣщенное Начальство Полиціи охотно пожертвовало, чтобы доставить публикѣ пособие и руководство, необходимыя для всякаго въ ежедневной жизни, въ дѣлахъ и въ письменныхъ сношеніяхъ. Составленіе этого Атласа поручено было неутомимому и общеуважаемому члену нашей Полиціи, господину приставу Цылову, извѣстному уже нѣсколькими прекрасными трудами въ томъ же родѣ. Каждый участокъ города изображенъ на отдѣльной картѣ, съ означеніемъ положенія и формы домовъ, ихъ номерокъ, и фамилій домохозяевъ. Не только мѣстный житель, но и новопріѣзжій, вовсе незнающій города, даже иногородный, живущій въ отдаленной провинціи и никогда въ немъ не бывавшій, при помощи этого Атласа и приложеннаго къ нему тома алфавитныхъ списковъ, можетъ мгновенно отыскать улицу и домъ, которые ему нужны и сообразить вѣрно ихъ положеніе. Не найти чего-нибудь въ Петербургѣ, ошибиться въ адресѣ или заблудиться въ незнакомыхъ улицахъ невозможно съ такимъ пособіемъ. Для полноты великаго городо-описательнаго подвига теперь остается только издать книгу частныхъ петербургскихъ адресовъ. Навѣрное послѣ такого Атласа и это послѣднее дополнительное пособіе, такъ давно и такъ живо всѣми желаемое, не заставитъ ждать себя при полезной щедрости Начальства Полиціи и при усердномъ трудолюбіи господина Цылова.

VII.

С М Ъ С Ь.

=

РАЗВЕДЕНИЕ ЧАЮ НА ГИМАЛАЙСКИХЪ ГОРАХЪ. Донинѣ Китай пользуется исключительнымъ правомъ снабжать чаемъ цѣлую половину образованнаго міра, которая употребляетъ это дивное зелье, и долго никому не приходило въ голову оспаривать у Небесной имперіи исключительное обладаніе напиткомъ, замѣнявшимъ у нея нектаръ древнихъ языческихъ боговъ. Только лѣтъ двадцать назадъ, остъ-индская компанія вздумала позавидовать барышамъ своихъ сосѣдей и подѣлиться ими съ нею, перенесши чай на свою почву. Къ затрудненіямъ, съ которыми ей предстояло бороться, принадлежало и то, что даже величайшіе ботаники не имѣли никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о растеніяхъ, которыя даютъ въ Китаѣ черный и зеленый чай, и диаметрально противорѣчили другъ другу въ своихъ предположеніяхъ: одни смотрѣли на эти два сорта какъ на искусственное видоизмѣненіе одного и того же листа и увѣрили, что отъ одного куста можно по произволу получать богеа и гейзанъ, между-тѣмъ какъ другіе утверждали, что *thea viridis* или зеленое чайное растеніе, совершенно особенный видъ, котораго никакъ не должно смѣшивать съ *thea bohea*, или чернымъ чайнымъ растеніемъ.

Первыя попытки развести чай въ Индіи были неудачны; изъ посаженныхъ сѣмянъ только небольшое число дало ростки. Наконецъ разведены расадники въ разныхъ частяхъ Гималайскихъ

горь, на высотѣ отъ 2,500 до 6,500 футовъ, и сюда пересажены чайные кусты, полученные отъ китайскихъ сѣмянъ въ калкутскомъ ботаническомъ саду. Они дали обильную жатву, и оставалось только приготовить листь такимъ образомъ, чтобы его можно было пустить въ торговлю. Для этого выписали девять знающихъ и опытныхъ Китайцевъ, которые въ апрѣлѣ 1842 года прибыли на мѣсто назначенія, въ камоанскія плантаціи. Они нашли, что разведенное здѣсь растеніе — настоящее китайское чайное растеніе, и несравненно лучше ассамскаго дикаго чаю, но что оно, однако же, даетъ еще не настоящій чайный листь. Поэтому они посоветовали всѣ кусты срѣзать по самый корень, затѣмъ, чтобы они весною 1843 года пустили новые ростки, которые одни могли быть совершенно удовлетворительны. Впрочемъ уже въ концѣ осени они изготовили небольшое количество чаю и послали образцы его въ Англію; лондонскіе чайные маклера признали ихъ совершенно сходными съ китайскимъ чаемъ сулонгъ, хотя не столь ароматными. Калкутская торговая палата также отозвалась о нихъ съ похвалою, и была увѣрена, что на этотъ чай охотно найдутся въ Англіи покупатели.

Съ этого времени разсадники ввѣрены надзору и управленію доктора Джемсона, который значительно распространилъ ихъ и развелъ нѣсколько новыхъ. Въ отчетѣ своемъ отъ марта мѣсяца 1844 года, онъ доноситъ, что въ предъидущемъ году собрано 190 фунтовъ чаю; что число кустовъ простиралось до 150,000, и онъ надѣется, что число это будетъ съ каждымъ годомъ увеличиваться вдвое и втрое. Китайскіе мастера увѣряли, что они могутъ изготовлять по произволу изъ одного и того же листа зеленый чай и черный, если только ихъ снабдятъ потребными орудіями. Чайные кусты были въ полномъ цвѣтѣ, и докторъ Джемсонъ разсчитывалъ, что каждый акръ дастъ болѣе 22 фунтовъ чаю, между-тѣмъ посылались пробы въ Лондонъ, и чайные маклера принимали ихъ очень благопріятно, дѣлая этому чаю единственный упрекъ, что онъ казался пережженнымъ.

Въ сентябрѣ 1846 года къ пространству, уже находившемуся подъ чайными плантаціями, прибавлено еще 176 акровъ; число кустовъ — 322,579, распределенныхъ по разнымъ плантаціямъ на пространствѣ четырехъ градусовъ широты и трехъ долготы. Разсчитывали, что въ одномъ дейрскомъ округѣ находилось 100,000 акровъ земли, отлично годныхъ для разведенія чаю. Тотъ же листь, изъ котораго до-тѣхъ-поръ выдѣлывали одинъ черный чай, стали употреблять и на выдѣлку зеленого чаю, *Смѣсь* *послѣ*

примѣнъ какого-либо красильнаго вещества. Господинъ Форчюнтъ, ѣздившій около того времени по порученію остъ-индской компаніи во внутреннія области Китайской имперіи, также убѣдился на мѣстѣ, что въ южныхъ округахъ thea bohea даетъ и черный и зеленый чай, точно также, какъ въ сѣверныхъ частяхъ thea viridis, единственная произрастающая тамъ порода. Чайное растеніе, разведенное по большей части въ гималайскихъ разсаднякахъ, есть thea bohea.

Въ іюль 1847 года, докторъ Джемсонъ доносилъ, что по его мнѣнію чайное растеніе удалось въ этотъ годъ лучше чѣмъ когда-либо, и онъ намѣревался распространить свои плантаціи еще на тысячу акровъ. На чайномъ аукціонѣ въ Альмарвизѣ зеленый чай продавался по 9 — 10 шиллинговъ (отъ 2 р. 70 коп. до 3 р. 15 коп. серебромъ), черный чай по 4 — 7 шиллинговъ (отъ 1 руб. 30 коп. до 2 руб. сер.) фунтъ. Генералъ-губернаторъ нашелъ, что чай 1847 года не уступалъ лучшему китайскому чаю, какой ему случалось когда-либо пить; и докторъ Джемсонъ заключаетъ свой отчетъ утвержденіемъ, что чай со временемъ можетъ и долженъ сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ продуктовъ сѣверо-западныхъ частей Остъ-Индіи. То же самое говорятъ докторъ Ройль, которому поручено было остъ-индскою компаніею осмотрѣть гималайскія чайныя плантаціи, и присоединяетъ слѣдующее замѣчаніе: «Не подлежитъ сомнѣнію, что если достать экземпляры лучшихъ породъ чаю изъ сѣверныхъ областей Китая и пригласить нѣсколько мастеровъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ чай готовится наилучшимъ образомъ, то его можно будетъ поставлять на Гималайскихъ горахъ въ такомъ же хорошемъ качествѣ и такъ же дешево, какъ въ Китаѣ, потому-что почва и климатъ тѣ же, и притомъ Остъ-Индія можетъ располагать огромными рабочими силами по очень умѣренной цѣнѣ, и транспортъ до Калькутты обходится сравнительно очень дешево. Сама Индія и другія части Азіи однѣ потребятъ все количество чаю, какое дадутъ Гималайскія горы, если пустить его по довольно умѣреннымъ цѣнамъ».

Изъ послѣднихъ писемъ доктора Джемсона, отъ 29 января 1849 года, видно, что въ прошедшемъ году онъ собралъ 2,656 фунтовъ чаю, изъ котораго 600 фунтовъ, какъ зеленого такъ и черного, отправлено въ Англію, и найдены несравненно лучшими противъ прежнихъ присылокъ. Число кустовъ чрезвычайно увеличилось и плантаціи распространились.

Между-прочимъ эти попытки несомнѣнно доказали, что зеле-

ный и черный чай получаютъ отъ одного и того же растенія. Для того, чтобы придать листу зеленый цвѣтъ, его должно, при сушкѣ, держать въ постоянномъ движеніи; если же его сушить въ сколько возможно спокойномъ положеніи, то по совершенной высушкѣ, на что требуется въ этомъ случаѣ болѣе времени, онъ получаетъ черный цвѣтъ.

ДВА ПИСЬМА ФРАНЦА ЛИСТА. Въ парижскомъ апелляціонномъ судѣ, по полицейско-исправительному отдѣленію, производится въ мѣсяцъ тому назадъ уголовное дѣло, въ которомъ играли важную роль два письма Франца Листа. На скамьѣ обвиненныхъ сидѣла молоденькая и хорошенькая женщина, очень хорошо и даже щедролѣвато одѣтая, по имени П***. Она была приговорена судомъ первой инстанціи къ трехмѣсячному тюремному заключенію за то, что, обѣдая за общимъ столомъ, тихонько сняла черныиъ холст со шляпы другой дамы, и передала его какой-то мадамъ Перкотъ, которая, въ свою очередь, продала его разнощицѣ какого-то товару, а эта признала его краденнымъ. Обвиненная оправдывалась передъ апелляціоннымъ судомъ тѣмъ, что она на нѣтъ никакой нужды покушаться на воровство, получая отъ господина Листа, черезъ секретаря его, Беллони, пенсію по триста франковъ въ мѣсяцъ, и въ доказательство того представляла два письма знаменитаго артиста, которыя и были перепечатаны во всѣхъ французскихъ газетахъ. Одно изъ нихъ писано изъ Ратибора, отъ 30 марта 1848 года, другое изъ *Kisjaourtz*, отъ 6 апрѣля 1849 года; послѣднее названіе есть, по всей вѣроятности, изуродованное Французами *Кржижановичъ*, названіе помѣстья покойнаго князя Феликса Лихновскаго; дѣйствительно, Листъ гостил тамъ прошлую весною, незадолго передъ отъѣздомъ князя во Франкфуртъ. Въ первомъ письмѣ Листъ назначаетъ ей получить двадцать талеровъ отъ музыкальнаго издателя Шлеангера; во второмъ препровождастъ ей тратту на почтамтъ въ сорокъ талеровъ, и присоединяетъ, что онъ въ настоящее время самъ на немъ, и ждетъ высылки свѣжаго запаса денегъ; оба письма очевидно адресованы въ Берлинъ. Въ послѣднемъ письмѣ онъ говоритъ еще, между прочимъ, о вышней въ подарокъ ему ко дню рожденія Ирландіи, и сомнѣвается, чтобы ему готовились еще въ будущемъ лайры и ширты, потому что онъ довольствуется старымъ *repasé* (анютиными глазами). Несмотря однако же на эти два письма, которыя носятъ на себѣ печать благотворительнаго сердца и ума знаменитаго артиста, апелляціонный судъ не ошаманѣлъ

казательства обвиненной вцѣлѣ удовлетворительнымъ, и утвердилъ приговоръ суда первой инстанціи.

АНГЛІЙСКІЕ ФЛОРИНЫ. Лондонскій королевскій монетный дворъ выпустилъ недавно новый родъ серебряной монеты, цѣнностью въ два шиллинга, и съ изображеніемъ королевы Викторіи; монета эта названа «флориномъ». Еще въ царствованіе короля Эдуарда-Третьяго, чеканились въ Англіи флорины, florences, но тѣ были цѣнностью въ шесть съ половиною шиллинговъ (около двухъ рублей серебромъ). Названіе флориновъ происходитъ отъ старинной прекрасной монеты, которая была въ первый разъ выбита во Флоренціи, въ 1250 году, и пользовалась такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что почти всѣ государства, Имперія, Франція, Венгрія, Богемія, Баварія, Римъ, начали чеканить подобную монету подъ названіемъ флориновъ. Первоначально florences, флоринъ, былъ золотой, цѣнностью около червонца; почему и названъ у Нѣмцевъ золотымъ талеромъ или просто золотымъ, Guldener Thaler или Gulden; отсюда же вѣроятно и названіе «золотый», употребительное у западныхъ Славянъ. Въ семнадцатомъ столѣтіи, вскорѣ послѣ тридцатилѣтней войны, начали въ Германіи выбивать, на образецъ флорина, серебряный гульденъ, Silbergulden; а старыи, для отличія отъ новаго, получили названіе золотого гульдена, Goldgulden.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ АЛЖИРА. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, отъ 31 марта 1849 года, европейское народонаселеніе, за исключеніемъ войска, составляетъ 117,362 души, изъ которыхъ Французовъ считается не много больше половины, 33,573 души; остальное состоитъ изъ Европейцевъ всѣхъ концовъ Европы: 33,263 Испанца, 6,793 Итальянца, 6,719 Англо-Мальтійцевъ, 3,905 Нѣмцевъ (въ томъ числѣ однихъ Пруссаковъ 1,346), 1,092 Швейцарца, 614 Англо-Испанцевъ (изъ Гибралтара), 325 Бельгійцевъ и Голландцевъ, 200 Поляковъ, 139 Англичанъ, 81 Ирландецъ, 81 Грекъ, 16 Русскихъ и 345 душъ различныхъ другихъ племенъ. На 48,627 мужчинъ приходится только 34,101 женщина и 34,634 ребенка. Избытокъ мужчинъ, если вздумалъ бы жениться, принужденъ будетъ прибѣгать къ туземкамъ, то есть Мавританкамъ и Жидовкамъ. Нѣмецкому народонаселенію предстоитъ значительная прибавка изъ нѣмецкихъ солдатъ, перешедшихъ во Францію послѣ безпокойствъ, бывшихъ въ Баденскомъ великомъ герцогствѣ. Большую часть ихъ

прочать въ алжирскій иностранный отрядъ, что имъ будетъ очень неутѣшительно, потому-что, по единогласному описанію всѣхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Алжиръ, военная служба, въ особенности въ оранскомъ и константинскомъ округахъ, чрезвычайно тяжела и строга, и положеніе служащихъ самое незавидное. Французскіе солдаты смотрятъ на назначеніе въ алжирскій корпусъ, какъ на ссылку, на наказаніе, и они готовы пожелать, чтобы явилось побольше чужеземныхъ выходцевъ, которые освободили бы ихъ и ихъ соотечественниковъ отъ этой тяжелой обязанности.

ПАМЯТНИКЪ ВЕРГЕЛАНДУ ВЪ ХРИСТИАНІИ. Осьмнадцатаго іюня нынѣшняго года открытъ въ Христианіи памятникъ, воздвигнутый шведскими и норвежскими Евреями въ честь своему знаменитому соплеменнику Вергеланду. По приглашенію общества студентовъ, распорядившагося торжествомъ, всѣ студенты, почетные жители Христианіи и приглашенные нарочно на этотъ случай изъ Стокгольма три Еврея, доктора Левертинъ, Ламъ и Липмансовъ, отправились процессіею къ памятнику, гдѣ нашли множество собравшихся зрителей, особенно дамъ. Вокругъ памятника сдѣланы были украшенія изъ вѣтвей и цвѣтовъ, между которыми развѣвались норвежскіе и шведскіе флаги и была устроена трибуна; вся площадь была усыяна цвѣтами. Торжество началось гимномъ, сочиненія кандидата Мюллера, пропѣтымъ членами пѣвческаго общества; за тѣмъ президентъ общества студентовъ, кандидатъ Фрисъ, произнесъ передъ открытіемъ памятника рѣчь. По открытіи памятника взошелъ на кафедру докторъ Липмансовъ. Краснорѣчиво изобразивъ чувства, которыя должны наполнять сердца его единовѣрцевъ на могилахъ Вергеланда, ораторъ съ достоинствомъ выразилъ надежду, что скоро падетъ предрасудокъ, который донынѣ не дозволяетъ Евреямъ вѣздъ въ Норвегію безъ особенной опасной грамоты. Самъ ораторъ и другіе два Еврея, приглашенные изъ Швеціи должны были, также на основаніи второй статьи Норвежскаго уложенія, истребовать отъ правительства такіа грамоты на проѣздъ въ Христианію, чѣмъ и объясняется то, что кромѣ ихъ, не было ни одного Еврея при этомъ торжествѣ. Другой гимнъ, также сочиненія кандидата Мюллера, заключилъ торжество. Въ тотъ же вечеръ данъ былъ приглашеннымъ ученымъ Евреямъ большой обѣдъ, на полтораста приборовъ, за которыми кандидатъ Шмидтъ, докторъ Левертинъ, штатсревизоръ Даа, докторъ Ланнеръ, пасторъ Лан-

Бергъ и лекторъ Монрадъ поочередно говорили соответствен-
нымъ собранному ихъ случаю рѣчи.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГУ АНГЛІИ. Государственный кредитъ составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ дѣятелей въ новой исторіи европейскихъ государствъ, но нигдѣ не играетъ онъ такой огромной роли, какъ въ исторіи Англіи; на немъ зиждется сила, могущество, богатство и благоденствіе великобританскаго королевства, и онъ дошелъ до цифры, которую можно бы почесть баснословною, еслибъ факты не были на лицо. Ученый историкъ Англіи Алисонъ составилъ таблицу колебаній и постепеннаго возрастанія государственнаго долга и доходовъ Англіи, изъ которой видно, что въ полтора ста лѣтъ, съ возшествія на престолъ Вильгельма, до 1832 года, государственный долгъ увеличился въ 1178 разъ, между-тѣмъ какъ доходы увеличились только въ двадцать-пять разъ; въ 1688 году весь долгъ составлялъ одну треть доходовъ, между-тѣмъ какъ въ 1832 году одни проценты государственнаго долга составляютъ гораздо больше половины доходовъ. Вотъ эта таблица:

	Долгъ. Фунтовъ	Проценты. Старлинговъ.	Доходы.
Положеніе финансовъ во время революціи 1688 года	664,263	39,865	2,001,885
Въ царствованіе Вильгельма-Третьяго прибавилось	15,729,439	1,271,087	—
Положеніе финансовъ при вступленіи на престолъ королевы Анны (1702)	16,394,702	1,310,952	3,895,805
Въ управленіе королевы Анны прибавилось	37,750,661	2,040,416	—
Положеніе финансовъ при вступленіи на престолъ Георга-Перваго (1714) . .	54,145,363	3,351,368	5,691,803
Въ управленіе Георга-Перваго убавилось.	2,053,128	133,807	—
Положеніе финансовъ при вступленіи на престолъ Георга II (1727)	52,092,255	3,217,561	6,762,463
Въ продолженіе мира убавилось . . .	5,137,612	253,526	—
Положеніе финансовъ при открытіи войны 1739 года	49,954,623	2,964,035	6,874,000
Въ продолженіе войны прибавилось . .	31,338,689	1,096,979	—
Положеніе финансовъ при заключеніи мира 1748 года	78,293,312	4,061,014	6,923,000
Въ продолженіе мира убавилось . . .	3,721,472	664,277	—

	Долгъ.	Проценты. Фунтъ стерлинговъ.	Доходы.
Положеніе финансовъ при открытіи вой- ны 1756 года	74,571,840	3,396,737	7,127,164
Въ продолженіе войны прибавилось . .	72,111,004	2,444,104	—
Положеніе финансовъ при заключеніи мира 1763 года	146,682,844	5,840,841	8,523,440
Въ продолженіе мира убавилось	10,759,793	314,000	—
Положеніе финансовъ при открытіи американской войны (1776).	135,143,051	5,476,841	10,265,405
Въ продолженіе войны прибавилось . .	102,541,819	3,843,084	—
Положеніе финансовъ при заключеніи мира 1783 года	238,484,870	9,319,925	11,962,000
Въ продолженіе мира убавилось	4,751,261	143,569	—
Положеніе финансовъ при открытіи вой- ны 1793 года	233,733,609	9,176,356	16,658,814
Въ продолженіе войны прибавилось . .	295,105,668	10,252,152	—
Положеніе финансовъ при заключеніи аміенскаго мира (1 февраля 1801) . . .	528,839,277	19,428,508	34,113,146
Во вторую войну прибавилось	535,983,164	12,796,796	—
Положеніе финансовъ при заключеніи парижскаго мира (1 февраля 1816) . . .	864,822,441	32,225,304	72,210,512
Въ продолженіе мира убавилось	82,155,207	3,883,841	—
Положеніе финансовъ 5 января 1832 г.	782,667,234	28,341,463	50,990,000

ОТКРЫТИЕ ДИКОЙ РЖИ. Историческая и ботаническая вѣро-
вѣность заставляютъ ученыхъ предполагать, что всѣ наши хлѣбныя
растенія происходятъ изъ Западной и Средней Азии. Къ сожа-
лѣнію, очень трудно подтвердить это предположеніе фактами. Для
этого требовалось бы отыскать дикіе колосья въ такихъ мѣстахъ,
куда они не могли бы быть занесены рукой человѣка или слу-
чаемъ. Ботаникъ Мишю-Старшій нашелъ полбу (*triticum spelta*)
на одной горѣ, въ четырехъ дняхъ пути на сѣверъ отъ Гамаданъ.
Оливье, шедшій съ караваномъ по правому берегу Евфрата отъ
Анаха до Латакізъ, рассказываетъ, что во многихъ лощинахъ
встрѣчалъ дикіе колосья пшеницы, ячменя и полбы. Доззльеръ
Делоншанъ, въ книгѣ своей о хлѣбныхъ растеніяхъ, вышедшей
въ 1843 году, говоритъ: «Первоначальная родина нашихъ хлѣ-
бовъ могла быть очень обширна; и какъ ихъ, по всѣмъ вѣро-
вѣностямъ, очень рано начали воздѣлывать, то естественно, что
всегда было трудно отличать дикіе колосья отъ сѣвальныхъ; за-
ключеніе, дикіе колосья должны были уже имѣть свойство нашихъ

воздѣланныхъ хлѣбныхъ растеній, иначе человѣку не могло бы вѣснать на мысли сѣять ихъ, чтобы извлекать изъ нихъ большую пользу; слыхано-ли, чтобы какой-либо дикій народъ сѣялъ растеніе, не представляющее никакой очевидной пользы? — Но ни въ одномъ сочиненіи, касающемся этого вопроса, не упоминается собственно о ржи; развѣ только скажутъ, что родина ея неизвѣстна, и что по аналогіи она должна происходить въ Западной Азій. Эдъ Делоншанъ полагаетъ первоначальное ея мѣсто-пробываніе на Левантѣ, а Кунтъ — на берегахъ Каспійскаго моря, но ни тотъ, ни другой не приводитъ никакихъ доказательствъ. Недавно только одинъ путешественникъ, ботаникъ Кохъ, обходившій Анатолію, Арменію, Кавказъ и Крымъ, дѣйствительно нашелъ дикую рожь. «Въ хемшинской области, въ Малой Азій, говоритъ онъ, близъ деревни Джимилъ, по дорогѣ, пролегающей черезъ горы на высотѣ отъ пяти до шести тысячъ футовъ, нашелъ я во многихъ мѣстахъ нашу обыкновенную рожь. Колосья были тощи, и имѣли отъ одного до двухъ съ половиною дюймовъ. Никто не помнилъ, чтобы около этихъ мѣстъ когда-либо воздѣлывали рожь; даже никто изъ окрестныхъ поселянъ не подозревалъ, чтобы это растеніе могло служить въ пищу. Господинъ Тюрке прислалъ мнѣ изъ Бруссы нѣсколько точно такихъ же тощихъ и короткихъ колосьевъ, которые, сколько я припомню, онъ собралъ на Олимпѣ. Впрочемъ, во всемъ своемъ путешествіи, я почти не видалъ, чтобы воздѣлывали рожь; только развѣ въ окрестностяхъ Кура, Артабана и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ».

Открытіемъ господина Коха рѣшается, кажется, вопросъ о первоначальномъ мѣсторожденіи ржи, и рѣшается совершенно согласно съ догадками исторіи и растительной географіи.

СТАТИСТИКА НОРВЕЖСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Библіотекаръ университета въ Христіаніи, Мартинъ Ниссенъ, издалъ недавно подробный каталогъ книгъ, вышедшихъ на норвежскомъ языкѣ съ 1814 по 1847 годъ. Каталогъ этотъ представляетъ очень любопытный статистическій обзоръ литературной дѣятельности въ Норвегіи въ этотъ промежутокъ времени. Изъ него видно, что въ это время вышло всего въ Норвегіи 2,812 сочиненій; изъ нихъ приходится на первые семнадцать лѣтъ среднимъ числомъ по 57, а на послѣдніе семнадцать лѣтъ по 108 въ годъ. Самый богатый отдѣлъ составляютъ богословскія и душеспасительныя книги, которыхъ вышло 591 сочиненіе, цѣною, среднимъ числомъ,

по 37 шиллинговъ. Проповѣдей Рециуса и «Часы благоговѣнія» Вексельса разошлось семь изданій, а краткая библейская исторія Герслеба выдержала двѣнадцать изданій. Собственно литературныхъ произведеній и по части искусствъ, считается 441 сочиненіе, цѣною, среднимъ числомъ по 58 шиллинговъ. Изъ нихъ самый значительный сбытъ имѣла «Флора или языкъ цвѣтовъ», выдержавшая пять изданій. Третье мѣсто по числу занимаютъ книги историческаго содержанія: 440 сочиненій, среднею цѣною по 95 шиллинговъ; сюда принадлежатъ и географія Платоу, вышедшая шестью изданіями, и его же извлеченіе изъ этой географіи, выдержавшее двѣнадцать изданій. Юридическихъ книгъ 365, среднею цѣною по 117 шиллинговъ; самая замѣчательная изъ нихъ «Ручная книга юриспруденціи», Гольста, имѣвшая семь изданій. Прочія науки несравненно бѣднѣе. Педагогическихъ сочиненій вышло 176, изъ которыхъ «Дѣтское чтеніе» Грѣгард, имѣло всего двѣнадцать изданій; технологическихъ 157; политическихъ и политико-экономическихъ 140; филологическихъ 110; по части сельскаго хозяйства и домоводства 99; послѣднія имѣютъ самый значительный сбытъ: «Хозяйка», Банга, выдержала четыре, а «Новѣйшая поваренная книга», пять изданій. Медицинскихъ книгъ вышло 73; философскихъ 69, число довольно значительное, если бъ не принимать въ соображеніе, что тутъ сочтены всѣ посредственности. Къ разряду философскихъ книгъ относится «Катихизисъ самообузданія», Андерсена, который послѣ катихизисовъ, проповѣдей и псалтырей имѣетъ самый огромный сбытъ въ Норвегіи; его было печатано осемь изданій, около осмидесяти тысячъ экземпляровъ, и почти всѣ уже раскуплены. По части естественныхъ наукъ вышло 57; по части математики 51 сочиненіе; наконецъ сочиненій различнаго содержанія 43.

Переводы и перепечатанія старыхъ книгъ относятся къ оригинальнымъ сочиненіямъ, какъ 1: 4,05. Отношеніе это, впрочемъ чрезвычайно различно въ разныхъ разрядахъ литературы; предѣлы его съ одной стороны книги математическія и юридическія, въ которыхъ оно составляетъ 1: 50 и 1: 39,5, а съ другой книги медицинскія и богословскія, въ которыхъ оно составляетъ 1: 1, 5 и 1: 2, 4. Сочиненія, дожившія до новыхъ изданій, относятся къ общей массѣ какъ 1: 11. На полное собраніе всѣхъ сочиненій, вышедшихъ въ Норвегіи съ 1814 до 1847 годъ, по одному экземпляру каждаго, потребно 1,925 спеціал-талеровъ и 20 шиллинговъ, или въ годъ, среднимъ числомъ, 56 спеціал-та-

леровъ и 67 шиллинговъ; впрочемъ на сочиненіи, вышедшія въ первый семнадцать лѣтъ, приходилось по 33 специі-талеровъ и 32 шиллинга, а на вышедшія въ послѣдніе семнадцать лѣтъ по 70 специі-талеровъ и 103 шиллинга въ годъ. Цѣнность всѣхъ этихъ книгъ авторъ каталога полагаетъ въ 600,000 специі-талеровъ, принимая, что каждое изданіи разоидется среднимъ числомъ триста экземпляровъ. Слѣдовательно средняя цѣнность ихъ въ годъ составляетъ отъ 17 до 18,000 специі-талеровъ.

Изъ всего этого видно, что литературная дѣятельность значительно возросла въ Норвегін съ 1814 года. Но это несравненно ошутительнѣе въ журнальной литературѣ. Въ 1814 году во всей Норвегін выходило шесть ежедневныхъ газетъ; въ томъ числѣ три въ Христіаніи; въ 1848 году ихъ было уже сорокъ. Подписная цѣна на всѣ эти газеты вмѣстѣ составляетъ 121 специі-талеровъ и 96 шиллинговъ, то есть, на каждую среднимъ числомъ по 3 специі-талеровъ и 5 шиллинговъ. Если положить на каждую, среднимъ числомъ, по триста подписчиковъ, то общая цѣнность годоваго изданія газетъ составитъ 56,540 специі-талеровъ.

Число всѣхъ норвежскихъ писателей за это время 622, изъ которыхъ 110 только издатели или переводчики. Наиболѣе отличался своею литературною дѣятельностью Генрихъ Вергеландъ, издавшій семьдесятъ оригинальныхъ сочиненій, и болѣе или менѣе участвовавшій въ двѣнадцати другихъ, какъ издатель или какъ переводчикъ. За нимъ слѣдуютъ: М. К. Гансенъ, В. А. Вексельсъ, К. М. Фальсенъ, Н. Вергеландъ, П. А. Мювхъ, Г. Н. Гауге, Л. Марябё, П. Т. Гансонъ, К. Н. Швахъ, I. Н. Брунъ, Н. С. Шульцъ, Л. К. Даа, Б. Г. Мунта, Моргенстернъ, С. Сваррупъ, П. А. Гойбаргъ, Г. П. Бломъ, Г. Гансонъ, М. Э. Бангъ, Л. С. Платоу, М. Н. Аальгольмъ, Хр. Гантсенъ, Э. Н. Сагильдъ, и С. I. Стенерсенъ.

Въ 1814 году было въ Норвегін всего шесть типографій, и въ томъ числѣ три въ Христіаніи; въ 1849 году ихъ считается во всемъ государствѣ пятьдесятъ три; въ томъ числѣ четырнадцать въ одной Христіаніи, съ четырьмя механическими и тридцатью ручными станками; онѣ занимаютъ 141 работника и превосходятъ своею дѣятельностью всѣ остальные типографіи во всемъ государствѣ, какъ видно изъ того, что изъ 2,812 книгъ, вышедшихъ во всей Норвегін, 2,015 печатано въ Христіаніи.

СТАВАТЪ МАТЕК. Въ Свѣтлое воскресенье тысяча семисотъ-ты́ринадцатого года, въ то время, когда жители деревни Назорія, близъ Пеллола, или въ церковь, въ комнату небольшого домика, обруженнаго садомъ, проснулся ребенокъ, при веселомъ и самомъ громкомъ трезвонѣ колоколовъ. Сперва онъ сталъ протирать себѣ глаза, потомъ, когда увидѣлъ лучи прекраснаго весенняго солнца, проникавшіе въ комнату, радостно захлопалъ въ ладоши и закричалъ:

— Ахъ! какой чудесный день! вотъ счастье, я пойду гулять.

Чтобы понять это восклицаніе, надобно знать, что Батиста, такъ звали ребенка, только-что сталъ оправляться послѣ продолжительной болѣзни, отъ которой быть-можетъ одна только молодость могла спасти его: но почувствовавъ съ выздоровленіемъ возвращеніе силъ, и получивъ отъ доктора позволеніе вставать и понемногу ѣсть, онъ вообразилъ, что совершенно выздоровѣлъ, и взявъ обѣщаніе съ своей тѣтки, у которой воспитывался, что она пуститъ его гулять въ Свѣтлое воскресенье, если будетъ хорошая погода. Вотъ почему Батиста проснулся такъ радостно въ это столь желанное утро.

— Какое счастье оставить эту гадкую комнату, гдѣ я такъ долго скучалъ, сказалъ онъ; какъ я буду бѣгать въ полѣ съ кузницей!

И ставъ на своей постели, онъ сталъ кричать:

— Тереза, Тереза! принеси мнѣ платье; я хочу вставать.

— Останешься ли ты въ покоѣ? отвѣчала служанка.

— Ну да, я буду покоенъ; только скажи тѣтѣ, чтобы она дала мнѣ мое платье, я хочу встать.

— Вотъ оно, сказала Тереза, подавая платье.

— Но, съ живостью возразилъ Батиста, я у тебя спрашиваю мое праздничное платье; ты знаешь, что я сегодня пойду со двора.

— Нѣтъ, тебѣ еще нельзя выходить; докторъ запретилъ; холодно, это будетъ тебѣ вредно.

— Ну полно! что за холодно, перестань. Чудесное солнце свѣтитъ, ктому же тѣтя обѣщала взять меня съ собою къ обѣднѣ.

— Ужъ она ушла съ часъ тому назадъ.

— Неправда, сказалъ Батиста съ горичностью; я сейчасъ слышалъ ея голосъ; и онъ сталъ кричать: тѣтя, тѣтя!

— Говорю тебѣ, что она въ церкви съ дядей и кузницей.

Какъ все дѣти, желанія которыхъ не исполняются, Батиста надулся и спряталъ голову подъ одеяло, сказалъ Терезѣ:

— Какая ты злоя;—принеси мнѣ мой завтракъ.

Въ ту же минуту чистый голосокъ, громко его звавшій, заставилъ Батиста приподнять голову.

— Это ты, Пьетро, сказалъ онъ двѣнадцатилѣтнему мальчику, входящему въ комнату.

— Я, отвѣчалъ тотъ, я встрѣтился съ твоею тѣтей и она сказала, чтобы я пошелъ играть съ тобою; вотъ я и пришелъ.

— Ахъ, спасибо тебѣ.... Скажи пожалуйста, Пьетро, правда ли, что сегодня холодно?

Напрасно Тереза старалась знаками показать Пьетро, чтобы онъ отвѣчалъ утвердительно; онъ не понималъ ея и отвѣчалъ Батистѣ :

— Холодно! Кто это тебѣ сказалъ? Холодно, ну какъ же! апельсинны почти-поспѣли.

— А что, луговья, сказалъ тогда Батиста Терезѣ съ справедливымъ гнѣвомъ: слышишь ты?

Вѣсто отвѣта она сказала ему:

— Я пойду приготовлю тебѣ завтракъ, и вышла.

Когда они остались одни, Пьетро сказалъ своему товарищу:

— А отъ чего ты не идешь гулять сегодня ?

— Тѣтя не позволила, отвѣчалъ онъ жалобно. Тереза говоритъ, что докторъ не приказалъ; однако вчера онъ мнѣ позволилъ, и потому я очень доволенъ, что вижу тебя; я очень скучалъ бы здѣсь одинъ. Вотъ ужъ недѣля какъ я все надѣялся гулять и повеселиться сегодня; какъ хорошо должно быть на дворѣ, а въ церкви какъ прекрасно!

— Конечно, сказалъ Пьетро, но въ Неаполѣ, еще будетъ лучше. Весь дворъ пойдетъ къ обѣдин и чудесная музыка тамъ будетъ.

— А! сказалъ Батиста съ большимъ вниманіемъ, да,—органы.

— И скрипки и пѣвчіе, и по-крайней-мѣрѣ сто музыкантовъ, чудо будетъ какъ хорошо; я долженъ былъ туда идти, но отецъ не захотѣлъ взять меня.

— Такъ ты думаешь, что тамъ будетъ много музыкантовъ? съ живостью опять началъ Батиста.

— Ну да, вѣдь тамъ будетъ дворъ.

— Знаешь ли, Пьетро?

— Что?

— Намъ оставили здѣсь обонхъ?

— Ну такъ что жъ?

— Если ты только хочешь, такъ мы пойдемъ въ Неаполь.

— Затѣмъ?

— Чтобы послушать музыку, отвѣчалъ Батиста, котораго глаза постепенно разгорались. Пойдемъ, хочешь?

— Но какъ же мы уйдемъ? Тереза увидитъ. И можетъ-быть тебѣ отъ этого еще хуже будетъ. Вѣдь отсюда до Неаполя по-крайней-мѣрѣ двѣ мили. Это очень далеко, и притомъ дорогою мы можемъ встрѣтить моего отца. Онъ туда поѣхалъ, еказалъ со страхомъ Пьетро.

— Нечего бояться, возразилъ Батиста, чтобъ убѣдить своего товарища, котораго ему хотѣлось сдѣлать своимъ соучастникомъ: я хожу скоро. Двѣ мили не долго пройти; мы пойдемъ черезъ садъ и Тереза насъ не увидитъ. Мы возвратимся очень скоро, тотчасъ же какъ обѣдня кончится; никто и не будетъ знать, что мы уходимъ. А если и замѣтятъ, ну что жъ, тѣмъ хуже; насъ только побранятъ. Меня ужъ никакъ не накажутъ, потому-что я боленъ.

— Да, а меня-то? сказалъ Пьетро.

— Ну такъ и ты притворись больнымъ, тебя и простятъ, а мы услышимъ чудную музыку. Ну, пойдемъ! Разговаривая такъ, Батиста одѣлся и увлекъ съ собою Пьетро, полуубѣжденного, но все еще нерѣшавшагося.

Они вышли изъ дома такъ, что Тереза ихъ не замѣтила, но когда они прошли деревню и вышли на большую дорогу, желудокъ напомнилъ Батистѣ, что онъ со вчерашняго дня ничего не ѣлъ.

— Каково, сказалъ онъ своему товарищу, я забылъ позавтракать,—тѣмъ хуже—я пообѣдаю лучше. И они во всю прыть поѣхали въ Неаполь. Послѣ часовой ходьбы, они пришли въ столицу всѣ въ поту и едва держась на ногахъ отъ усталости. Не смотря на это, они вошли въ первую попавшуюся церковь, и именно въ ту, гдѣ присутствовалъ дворъ.

Для такого торжественнаго дня, храмъ былъ великолѣпно украшенъ, и лучи итальянскаго солнца, проникая сквозь разрисованныя стекла пятнадцатаго столѣтїя, разливали торжественный и религіозный свѣтъ на церковную трапезу и нижнюю часть церкви, гдѣ вѣрующіе съ благоговѣніемъ преклоняли колѣна. Хоры, обтупенные бархатомъ съ королевскими гербами, обращенные къ эстрадѣ, гдѣ находились оркестръ и пѣвчіе, были заняты дворомъ.

Только-что Батиста и Пьетро нашли себѣ маленькое мѣстечко, на органѣ раздались первые аккорды Kyrie Eleison. Съ этой минуты Батиста не пошевельнулся какъ колонна, къ которой приклонился. Онъ забылъ свою усталость. Все наружное великолѣпїе божественной службы исчезло въ его глазахъ. Онъ весь такъ сказать обратился въ одно чувство — въ слухъ, и между-тѣмъ какъ

его товарищъ любопытными взорами пробѣгалъ отъ королевской эстрады къ хорамъ, блестящимъ отъ свѣчей, Батиста ничего не видѣлъ и не слышалъ кромѣ музыки и пѣнія.

Онъ былъ такъ углубленъ, что въ ту минуту, когда священникъ поднялъ Святые дары, онъ забылъ преклонить колѣна, въ одно время со всею толпою. Преступная невнимательность, за которую онъ получилъ выговоръ отъ одной старушки, стоявшей возлѣ него.

Напрасно Пьетро толкалъ его локтемъ, чтобы обратить его вниманіе на блестящихъ особъ, входившихъ на хоры, онъ ему не отвѣчалъ, чтобы не потерять ни одного звука изъ этой священной гармоніи, исчезавшей въ высотѣ храма. Наконецъ обѣдня кончилась, и музыка прекратилась; толпа начала выходить, а Батиста, неподвижный какъ статуя, все еще слушалъ прислонившись къ колоннѣ. Пьетро долженъ былъ дернуть его за руку, чтобы наконецъ дать ему замѣтить, что они останутся одни, и что ужъ время было возвратиться въ Казорія. Наконецъ Батиста рѣшился слѣдовать за нимъ; но когда онъ выходилъ изъ церкви, внезапный трепетъ охватилъ его съ головы до ногъ.

— Я озябъ, сказалъ онъ слабымъ голосомъ Пьетро.

— О! мы побѣжимъ и ты согрѣешься.

— Нѣтъ я не могу, у меня ознобъ; дай я посижу немного на этой ступенькѣ, на солнышкѣ, и онъ сѣлъ; но ознобъ усиливался, зубы его стучали съ такою силою, онъ такъ поблѣднѣлъ, что испуганный Пьетро сталъ просить помощи у людей, выходившихъ изъ церкви.

Около двухъ дѣтей столпились, и сострадательные люди хотѣли уже взять къ себѣ Батиста, чтобы сколько-нибудь помочь ему, какъ вдругъ какой-то человекъ, протѣснившись сквозь толпу, подошелъ прямо къ Пьетро, и схвативъ его за-ухо, спросилъ у него грубымъ голосомъ:

— Ты что тутъ дѣлаешь?

Это былъ отецъ Пьетро, такъ начавшій отеческое исправленіе. Бѣдный ребенокъ, еще болѣе испуганный, не думалъ, что было время рассказывать подробности своего поступка; онъ показывалъ отцу на сидѣвшаго Батиста, блѣднаго какъ полотно.

— Папенька, прошу тебя, сказалъ онъ, помоги Батистѣ, онъ умираетъ.

— Правда, сказалъ отецъ: ахъ, племянникъ моей сосѣдки; онъ видно очень болѣенъ. Подожди меня минутку, Пьетро. Черезъ минуту онъ подѣхалъ съ своей одноколкой, посадилъ туда обо-

ихъ дѣтей, ударилъ по лошади, и поѣхалъ рысью по дорогѣ въ Казоріа.

Въ тотъ-же день, вечеромъ, Батиста лежалъ въ постели, съ которой убѣжалъ утромъ. У изголовья его сидѣла встревоженная тѣтка и слушала доктора, говорившаго ей:

— Сударыня, эта болѣзнь будетъ продолжительнѣе и опаснѣе прежней; племянникъ вашъ за свою неосторожность поплатится жестокимъ колотьемъ.... Однако съ большими стараніями мы можемъ спасти его.

Но послушаемъ, что онъ говоритъ:

Батиста былъ въ бреду, онъ говорилъ громко отрывистыми словами. Тѣтка и докторъ, наклонившись надъ его постелью, прислушивались какъ онъ напѣвалъ какія-то мелодіи, прерываемыя часто повторяемымъ восклицаніемъ;

— Боже мой! какъ это хорошо!

Онъ восхищался музыкою Падестрины, которую слышалъ въ Неаполѣ, гдѣ исполняли знаменитую обѣдню этого великаго маэстро, известную подъ именемъ «Обѣдня папы Марала», и слушая ее, съ такимъ вниманіемъ, съ какими нѣкогда Корреджіо глядѣлъ въ картину Рафаэля, воскликнулъ: «И я тоже живописецъ!» Батиста, котораго мы назовемъ Перголезе, сказалъ:

— И я буду музыкантомъ!

Пятнадцать лѣтъ спустя, въ прекрасный апрѣльскій вечеръ, и въ той самой комнатѣ, гдѣ чуть было онъ не умеръ вслѣдствіе своей неосторожности, Джіо-Батиста Перголезе, сидѣлъ передъ клавикордами, изъ которыхъ извлекалъ звуки своими гибкими пальцами. Иногда среди какого-нибудь мотива онъ вдругъ прерывалъ себя и топалъ ногою отъ нетерпѣнія, какъ человѣкъ, который не находитъ того, чего ищетъ. Словомъ, онъ сочинялъ.

Тайный голосъ, сказавшій ему въ церкви въ Неаполѣ, что онъ будетъ музыкантомъ, не обманулъ его. Спасенный чуднымъ образомъ отъ болѣзни, однажды, когда родственники спросили его, чѣмъ онъ хочетъ быть, онъ рѣшительно отвѣчалъ имъ:

— Я хочу быть музыкантомъ!

Тщетно старались противиться его призванію; ребенокъ устоялъ съ такимъ упорствомъ, что принуждены были отдать его тринадцати лѣтъ въ неаполитанскую консерваторію. Природа одарила его тѣмъ, чего невозможно приобрести, если она вамъ въ томъ откажетъ, то есть, гениемъ. Успѣхи его были необычайные, и вскорѣ Батиста могъ оставить консерваторію, чтобы убо-

вершенствоваться пользуясь уроками знаменитыхъ учителей, которыми такъ богата Италия.

Когда ему исполнилось двадцать лѣтъ, въ Римѣ представили его первую оперу, не имѣвшую большаго успѣха, хотя въ ней заключались поразительныя красоты. Съ новымъ жаромъ предался онъ наукѣ, и его «Olympiada» имѣла неслыханный успѣхъ. Скоро имя Перголезе стало извѣстно во всей Италиі. Его религиозныя сочиненія въ-особенности такъ повралились папѣ, что онъ призвалъ молодаго музыканта въ Ватиканъ и пожелалъ, чтобы Перголезе написалъ «Stabat Mater» къ Страстной пятницѣ.

Испросивъ три мѣсяца сроку, Перголезе отправился писать это произведеніе въ домъ, гдѣ протекло его дѣтство, принадлежавшій теперь его двоюродной сестрѣ Маріи, давно уже вышедшей замужъ. Но время, когда онъ долженъ былъ представить свое «Stabat» приближалось, а Перголезе не написалъ еще ни одной ноты; все, что ни было написано, онъ находилъ недостойнымъ возвышенности своего предмета. Въ ту минуту, когда мы снова находимъ его за піано, по одному его челу, освѣщенному блѣднымъ свѣтомъ лампы, висѣвшей на потолокъ, можно было догадаться, сколько требовалось мужества, постоянства и твердой воли, чтобы достигнуть своей цѣли. Въ тридцать три года лицо Перголезе было уже покрыто преждевременными морщинами и станъ слегка согбенъ. Это постоянныя занятія наукою такъ преждевременно состарили его.

— Нѣтъ, говорилъ онъ, прохаживаясь съ волненіемъ по комнатѣ, нѣтъ, этой музыкѣ недостааетъ выраженія, это слишкомъ шумно; здѣсь нужно болѣе печальной простоты. И онъ снова сѣлъ за свои клавикорды, чтобы сыграть новый мотивъ, который аккомпанировалъ тихимъ голосомъ: «Stabat Mater dolorosa!»— Холодно, все еще холодно, воскликнулъ онъ вдругъ, съ силою ударяя по инструменту. Что дѣлать? Черезъ недѣлю страстная пятница, и если впродолженіе этого времени я не напишу этой музыки, что скажетъ святѣйшій отецъ? какъ возвратиться въ Римъ? и какое торжество для моихъ соперниковъ! Нѣтъ, я не хочу доставить имъ радости повсюду разсказывать, что я не сдержалъ своего обѣщанія. Ну, опять за дѣло, слава моя отъ этого зависить. И онъ сѣлъ за клавикорды еще съ большимъ рвеніемъ. Одно мгновеніе онъ думалъ уже, что нашелъ, и увлеченный огнемъ творчества, сталъ громко пѣть. Послѣ, какъ че-

ловѣкъ, вспомнившій о томъ, что въ минуту забылъ, онъ вдругъ остановился, говоря:

— Но что я дѣлаю? я забылъ, что дочь Маріи больна, этотъ шумъ разбудитъ ее, и онъ началъ нѣтъ тише, однако все-еще не былъ доволенъ, потому-что опять остановился, и сказалъ затворилъ клавикорды:

— Нѣтъ, нѣтъ, это не то, надобно изобразить тишину, а не шумъ; слезы, а не звуки.

— О, Рафаэль! о, Рубенсъ! о, Микель-Анджело! воскликнулъ онъ, что вы дѣлали, когда рисовали такую страшную истину, высокую печаль Пресвятой Дѣвы, плачущей надъ своимъ распятымъ Сыномъ? Что дѣлали вы, чтобы выразить эту сцену матерней горести такъ живо, такъ ужасно, такъ умилительно? Откуда взяли вы это отчаяніе, гдѣ нашли вы эти слезы? Великіе художники! вы нарисовали «Stabat Mater», а я — я не могу его спѣть! Гдѣ найду я четыре ноты, которыя заставили бы плакать слушателей, какъ почти заставляетъ плакать печаль Пресвятой Дѣвы тѣхъ, которые благоговѣютъ передъ нею въ нашихъ картинахъ? О! уже ли вдохновеніе не сойдетъ на меня!

И онъ началъ читать вслухъ гимнъ «Stabat», какъ-будто для того, чтобы проникнуться духомъ этихъ словъ. Окончивъ чтеніе, онъ на нѣсколько минутъ погрузился въ размышленіе, и начиналъ уже снова сочинять, какъ-вдругъ послышались шаги по лѣстницѣ. Это былъ мужъ его сестры; войдя въ комнату, онъ сказалъ Перголезе голосомъ, измѣнившимся отъ волненія:

— Батиста! Батиста! сойди скорее, дочь моя умираетъ....

Перголезе ничего не отвѣчалъ, но печально послѣдовалъ за горестнымъ отцомъ.

Когда подходилъ онъ къ колыбели ребенка, первое, что поразило его прежде всего, было то, что сестра его Маріа бросилась къ ногамъ доктора, и говорила ему сухимъ и отрывистымъ голосомъ, въ которомъ однако жъ слышалось все мученіе матерки.

— Не правда-ли, вы спасете ее? Не правда ли, она будетъ жива?

Докторъ печально покачалъ головою, и, наклонясь къ уху Перголезе, сказалъ ему тихо:

— Всѣ матери такovy, они не понимаютъ, что дѣти ихъ могутъ умереть.... Этой малюткѣ остается жить не болѣе десяти минутъ.

Но Маріа приняла движеніе доктора за знакъ надежды и почти уже съ улыбкою обернулась къ колыбели; но когда она губы

прикоснулся къ челу малютки, оно было холодно; она уже умерла.

Мать вскрикнула и упала безъ чувствъ; докторъ старался помочь ей. Мало-по-малу она пришла въ себя, подошла къ колыбели, взяла руки ребенка, какъ-будто желала согрѣть его.

Докторъ утѣшалъ отца, плакавшаго въ углу. Перголезе ничего не говорилъ, но сердце его сжалось; онъ стоялъ неподвижно, устремивъ взоры на Марію.

Она, какъ справедливо сказалъ докторъ, не вѣрила, что дочь ея можетъ умереть; но когда разсмотрѣла потускнѣвшіе глаза своего ребенка, и почувствовала какъ маленькіе пальчики, уже охолодѣвшіе, костенѣли въ ея рукахъ, она не могла уже болѣе сомнѣваться.

— Дочь моя! дочь моя! закричала она съ воплемъ. Дитя мое! моя Марьетта!

И печаль доброй матери сдѣлалась дотого раздражающею, что докторъ сталъ неблагоразумнымъ оставлять ее долѣе въ комнатѣ, и хотѣлъ силою отвлечь отъ колыбели. Но это было напрасно; бѣдняжка такъ крѣпко ухватилась за нее, что надобно было отказаться отъ этого намѣренія, и утѣшать мужа, вдвойнѣ огорченнаго.

Перголезе все стоялъ неподвижный; только глаза его, также влажные, блистали необыкновеннымъ свѣтомъ. Съ горестью созерцалъ онъ эту сцену, гдѣ всѣ вопли отчаянной матери отзывались въ его сердцѣ, которое все болѣе и болѣе стѣнялось; волненіе его дотого усилилось, что съ нимъ случилось то, что случается почти со всѣми художниками, то есть, оно пробудило въ немъ вдохновеніе, такъ желанное часъ тому назадъ. И какъ это почти всегда случается, вдохновеніе потребило въ немъ чувство порознѣвшее его. Словомъ, Перголезе заставилъ молчать свою печаль для того, чтобы ничего не потерять изъ той печали, которая такъ сильно говорила его сердцу. Въ эту минуту, комната, въ которой рыдающая Марія склонилась надъ колыбелью, превратилась для него въ Голгову, гдѣ Пресвятая Дѣва орошала слезами измученное тѣло Спасителя, распростертое на крестѣ.

Весь «Stabat Mater» былъ у него передъ глазами, и онъ погружился въ него для того, чтобы напитать имъ свою душу. Однимъ словомъ, человѣкъ уступилъ мѣсто художнику. И какъ его присутствіе было уже бесполезно, онъ воспользовался мгновеніемъ, когда Марія была спокойнѣе, и ушелъ къ себѣ. Войдя въ свою комнату, онъ тотчасъ же сѣлъ за клавикорды, потому-что вло-

хиновеніе кипѣло въ его головѣ; но въ ту же минуту, когда онъ положилъ свои пальцы на клавиши, вопль отчаянія матери достигъ до него.

— О! нѣтъ, сказалъ онъ вставая, нѣтъ! не здѣсь; бѣдная Марія! бѣдное дитя! это было бы оскверненіе! Нѣтъ! не въ силахъ у меня будетъ недостатокъ, сказалъ онъ отирая глаза, и взявъ виолончель, сошелъ въ садъ и сѣлъ подъ навѣсомъ, довольно отдаленнымъ отъ дома, и тамъ подъ небомъ усыяннымъ звѣздами, въ свѣтлую ночь, имѣя передъ глазами на горизонтѣ только Неаполитанскій заливъ, да червѣй силуэтъ Везувія, онъ началъ сочинять.

Ночной вѣтеръ доносилъ вопли Маріи до того мѣста, гдѣ Перголезе съ пылающей головой, охватываемый ночнымъ холоднымъ вѣтромъ, также заставлялъ плакать виолончель, подъ вдохновеннымъ смычкомъ.

Окончивъ первую строфу скорбнаго гимна, онъ заплѣлъ его громко, чтобы испытать эффектъ; нѣкоторые звуки услышаны были сосѣдами, уже знавшими о смерти маленькой Марьетты, и они, внимая этому пѣнію,—такъ оно было прекрасно,—думали, что то были голоса ангеловъ, пришедшихъ за душою ребенка, чтобы вознести ее на небо.

Но въ полночь Перголезе принужденъ былъ остановиться; холодъ проникъ его и руки дотога дрожали, что онъ не могъ держать смычка.

— Я кончу завтра, сказалъ онъ.

И онъ пошелъ домой; проходя мимо комнаты, гдѣ лежало тѣло, онъ набожно перекрестился, сказавъ:

— Бѣдная мать! бѣдное дитя!

Войдя въ свою комнату, онъ съ трудомъ могъ написать на нотной бумагѣ свое сочиненіе; холодная дрожь пробѣгала во всему его тѣлу, и потому онъ тотчасъ же легъ, когда кончилъ эту работу, занимавшую его еще довольно долго.

Это происходитъ отъ волненія и усталости, думалъ онъ; сестра простить, что я не сошелъ къ ней.... ктому же мои утѣшенія ни кчему не послужили бы.... въ отчаяніи, она не станетъ меня слушать. Засыпая, онъ все еще тихо шепталъ: «Stabat mater dolorosa».

Три дня спустя послѣ погребенія маленькой дочери Маріи, вырыли могилу и для Перголезе. Охваченный холодомъ въ то время, когда сочинялъ на открытомъ воздухѣ, онъ получилъ желоть, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и умеръ, окончивъ твореніе, внушенное ему смертью.

Въ Страстную пятницу на слѣдующей недѣлѣ «Stabat mater» Перголезе было исполнено въ Сикстовой капеллѣ церкви Святаго Петра въ Римѣ.

Музыка и поэзія. Когда гармоническія слова *музыка* и *поэзія* звучать въ ухахъ нашихъ, не кажется ли намъ, будто мы видимъ два небесныя существа, двѣ сестры блистающія славою и надеждою; два пылкія воображенія, стремящіяся въ идеальный міръ, гдѣ дарованіе цѣнится, гдѣ душѣ благородной и прекрасной нечего бороться ни съ ненавистью, ни съ завистью?

Это было одно изъ тѣхъ свѣжихъ весеннихъ утръ, когда сельскія окрестности начинаютъ являться веселыми и кокетливыми. Нѣсколько солнечныхъ лучей проникли въ одну небольшую комнату, словно принося туда счастье и радость. Молодая дѣвушка съ южнымъ цвѣтомъ лица, со взоромъ, исполненнымъ огня и генія, сладостно вдыхала чистый весенній воздухъ. При душистомъ вѣтеркѣ, благоухающемъ запахомъ цвѣтущаго боярышника, она какъ-будто вѣрjala будущему свои мечты, а вѣтерокъ, игравшій локонами ея длинныхъ черныхъ волосъ, причудливо кружился надъ нею, то оставляя ее, то снова возвращаясь наполнять ее упоеніемъ. Она не знала, бѣдное дитя, что вѣтерокъ, уполившій ее, былъ изображеніемъ свѣта, котораго похвалы такъ легкомысленны и непостоянны, что онъ разрушаетъ вчерашній кумиръ, дѣлая изъ него пьедесталъ завтрашнему кумиру.

Приятный и свѣжій голосокъ вывелъ ее изъ глубокой задумчивости.

— Милая Элиза, говорилъ этотъ голосъ, зачѣмъ ты такъ грустно смотришь на колокольню нашего хорошенькаго городка?... развѣ тебѣ не нравится ея красивый шпигъ, поднимающійся до облаковъ, какъ золотой вѣнецъ?...

Дѣвушка, говорившая такимъ образомъ, была молоденькая блондинка съ голубыми глазками, ангельское созданье, словно родившееся только улыбаться. Ей было шестнадцать лѣтъ — возрастъ мечты и отдаленныхъ радостей. И потому для нея солнце всегда сіяло весело, а цвѣты казались свѣжи и блестящи.

— Ты ошибаешься, Марія, отвѣчала Элиза, я не грущу, смотря на Нантъ и нашъ домикъ; но развѣ ты не чувствуешь, не испытываешь ничего, что ты не можешь опредѣлить?... А я, я жажду славы и генія; мнѣ нужно обширное пространство, новый міръ. Поэзія течетъ, пылая въ моихъ жилахъ, и я люблю тебя сильно и страстно. Еще вчера ты показывала мнѣ на небѣ бле-

ствая и лучезарныя звѣзды, и говорила мнѣ: «Это наши дѣя судьбы!» Марія, ты была права. Мы должны быть такими блестящими, нашъ свѣтъ долженъ простекать отъ божественнаго свѣта! Ты будешь звучать на твоей арфѣ, а я буду поэтомъ! Мы поѣдемъ въ Парижъ, городъ талантовъ, городъ чудесъ, мы поѣдемъ въ Парижъ, чтобы добиться славы и имени! Понимаешь ли ты, что такое имя для бѣдной, неизвѣстной дѣвушки?.... Потому у насъ будетъ вѣнецъ, не брачный, но вѣнецъ изъ вѣнца и нимфотелей.

Марія смотрѣла на нее съ восторгомъ, потому что она была прелестна, эта вдохновенная дѣвушка. Она ожала ей руки и показывая на цѣвущія долины Нанта, на бѣлые и зеленые домики, на добрыхъ жителей, кланяющихся нѣтъ съ улыбкой, проходила мимо: сказала:

— Гдѣ найдемъ мы больше привязанности, больше счастья? О! останемся здѣсь, все здѣсь чисто и спокойно, гдѣ почерпну я свое вдохновеніе, когда у меня не станетъ ни моего чудеснаго лѣса, ни пѣсни соловья, для измѣненія моихъ звуковъ? Останемся здѣсь, Элиза, умоляю тебя.

— Дитя, остаться здѣсь!... тебѣ страшно! Ну, такъ я уѣду первая, проложу для насъ обѣихъ дорогу къ славѣ и ты скоро бросишься, надѣюсь, по пути, начертанному мною. Завтра я оставлю Нантъ и можетъ быть имя Элизы Меркёръ долетитъ до тебя на крыльяхъ славы.

Такъ дѣвушка предавалась надеждѣ и своему пылкому воображенію, и уѣхала.

Протекло нѣсколько мѣсяцевъ. Элиза наняла очень простую и небольшую квартиру для себя и для матери; но ея скромная каматка, бѣлыя занавѣси, столикъ, книги, все казалось ей прекраснѣе позолоченаго дворца, потому что тамъ обитали два ангела: поэзія и надежда. Скоро имя молодой дѣвушки раздалось въ гостиныхъ столицы. Сначала похвалы съшались градомъ, стихи ея читались съ жадностью. Элиза трудилась непрерывно; она шавла Парижъ такимъ какъ воображала: тамъ умоляла ее слава, тамъ она сіяла вокругъ нея! И потому письма ея къ Маріи были исполнены безумной радостію.

«Привѣдай же, дорогой другъ, повторяла она безпрестанно, привѣдай; только тебя недостаетъ для полнаго моего счастья».

Мало-по-малу шумъ славы угнахалъ, забыли и молодую дѣвушку и ея сочиненія. Прихоть, новизна, привели ее въ общество и царство ея продолжалось не долго. Бѣдная Элиза!... она вост-

ища тѣю трудомъ и бѣднѣемъ; глаза ея потеряли свой блескъ и синеватые круги окружили ихъ; медленная дѣхорадка скрытно изкуряла ее. Понапрасну обращаясь нѣсколько разъ къ книгопродавцамъ, долго ласкавшимъ ее тщетными надеждами, истощивъ немногія, остававшіяся ей средства, Элиза впаде въ глубокое отчаяніе.

— О, мечты мои! говорила она, мои добрые фантазіе друзья, гдѣ вы?

Каждый день опадалъ цвѣтокъ изъ ея вѣнца; душа ея, разбитая разочарованіемъ, готова была отдать Господу божественный огонь, которымъ онъ вдохновилъ ее.

Однако она не могла такъ умереть: жизнь ея была связана съ жизнью другой дѣвушки. До сихъ-поръ у нихъ были однѣ радости, одно горе; зачѣмъ же Марія не пріѣзжала?...

Уже цѣлый мѣсяцъ Марія не получала писемъ отъ Элизы, ни одной строки привязанности или воспоминавія.

— О! я это предвидѣла, говорила она съ горечью: свѣтъ очаровалъ и обольстилъ ее. Теперь у ней есть имя; звѣзда ея блеститъ ярче моей. Вчера я еще смотрѣла на нихъ на небѣ, и она была такая блѣдная и дрожащая, что я трепетала и плакала. Ну, и я также уѣду, если въ Парижѣ находятъ славу и счастье!

И Марія простилась съ подругами, нѣсколько разъ поцѣловала свои цвѣты, которые любила съ упоеніемъ, и съ душой исполненной надежды, еще не помраченной разочарованіемъ, она весело пріѣхала въ столицу.

О! какъ билось ея сердце, волнуемое страхомъ и надеждой!... какъ стремилось къ Элизѣ, которую она думала найти богатой и обсыпанной почестями! Ей казалось, что подруга будетъ привѣтствовать ее съ гордостью, что всѣ уста должны знать имя Элизы, что колокола должны имъ звучать. И пылкая дѣвушка ощущала восторгъ, походившій на безуміе; чистыя и гармоническія пѣсни, свѣжія и сладостныя мелодіи звучали въ ея душѣ. Марія питала къ музыкѣ ту же пылкость, тотъ же огонь, какъ Элиза къ поэзіи!

Она спрашивала объ улицѣ, гдѣ жила Элиза Меркёръ, и ее привели въ мрачную и грустную улицу. Ни солнечнаго луча, ни прекрасныхъ зеленыхъ деревьевъ, какъ въ Пантѣ; домъ почернѣлъ отъ времени и сырости, а тотъ, гдѣ жила Элиза, казался бѣднѣе другихъ.

— О! Боже мой, говорила Марія, это невозможно. Элиза Мер-

кѣръ не можеть здѣсь жить; я боюсь этого до... что наши дѣ
нетъ холодомъ и смертью. ... такими бл...

Говоря такимъ образомъ, дѣвушка входила по ... жественнаго
лѣстницѣ. Однако по волненію своему она чуждую буду позтомъ!
за тутъ. Она собрала все свое мужество и с... одъ чудесь, ны
Дверь отворилась. Обѣ дѣвушки очутились въ... ени! Понимаеш
друга и рыданія и поцѣлуй доказали, что счастье... ушки?... Не-
слезы. Потомъ нѣсколько успокоившись отъ во... щей изъ мя-
нялись разсматривать другъ друга. Марія томилася...
Элиза была блѣдна какъ тѣнь; щеки ея впали, глаза по... да были
и поблекли.

— О! не пугайся, сказала Элиза; конечно, я очень переи́ни-
лась, но время и трудъ развѣ не напечатлѣваютъ незгладныхъ
морщинъ? съ тобою не будетъ такъ, веселая и прелестная Ма-
рiя: ты здорова, свѣжа, не честолюбива, любишь пѣть, потому-
что пѣніе придастъ лицу твоему прелесть, и потому слава тебѣ
улыбнется; а я блѣдна и грустна, только одни кипарисы могутъ
склониться надъ моею могилой. Послушай, что я скажу тебѣ:
помнишь наши мечты, наши надежды? мои облетѣли одна по од-
ной и послѣдній весенній вѣтерокъ унесъ ихъ навсегда. Нача-
ла юная душа моя не была довольно велика, чтобы вмѣстить все
мое упоеніе. Это была слава съ своимъ солнцемъ, хвала, которая
упоаетъ насъ, громко провозглашаетъ наше имя, звучитъ чѣмъ
надъ нашими ушами, даже тогда какъ мы предаемся сп... лю-
томъ миѣ сказали: «Трудись, дитя, трудись...» И я трудилась
безпошадно, безостановочно. Часто, когда мое тѣло, утомленное
бдѣніемъ, начинало ослабѣвать, между имъ и душою по... ла-
лась страшная борьба, въ которой душа всегда оставалась по-
бѣдительницей. Это потому, что я думала о будущемъ, думала о
матушкѣ!... Теперь все кончено. Я чувствую, что сердце мое
поражено смертельно и Богъ наказываетъ меня за то, что я
слишкомъ поспѣшно хотѣла жить.

О! я была очень неблагоприятна, что не предохранила сердце
и умъ противъ этихъ суетныхъ похвалъ, отъ которыхъ они за-
блудились въ слишкомъ возвышенной сферѣ!... Зачѣмъ не оста-
лась я въ Нантѣ скромно проводить время за вышиваньемъ и
воспѣвать въ простыхъ стихахъ несчастія бѣдныхъ, и уговари-
вать богатыхъ быть щедрыми. Тогда я не имѣла бы ни за-
вистянковъ, ни соревнователей, и даже тѣ, которые отвергнули
меня, приняли бы стихи мои какъ простое приношеніе простаго и
скромнаго сердца. Не надо, добрая Марiя, трудиться ни для сла-

ища тѣло трудолюбиваго, слава—это слишкомъ чудесное, слишкомъ воз- и снѣватые, избранныхъ мало; а люди!.... О! они упоютъ по изурала сначала превозносятъ насъ, чтобы паденіе наше было гонимымъ, а принимаютъ, что молоденькая дѣвушка, съ серд- щимъ немногімъ, дѣтъ смерть стыду. Ступай же, милая Марія, въ водъ отчаяніе. Горькій я такъ любила; звучи весело твоей лирой,

— О, мечты, лихорадочное состояніе, потому что прелестное гдѣ вы? Сердце увянетъ, а глаза потеряютъ отблескъ и лазурь.

Каждый день плакала на груди подруги.

Такая реченька, говорила она, нѣтъ, Элиза, ты не умрешь! у насъ одна звѣзда, одна душа въ этомъ мірѣ; ты не умрешь, я прѣвхала, чтобы заставить тебя надѣяться.

Элиза грустно покачала головою и благородная дѣвушка умѣла извлечь изъ души своей нѣсколько искръ, чтобы успокоить Марію и скрыть отъ нея часть своей нищеты и страданій.

Въ консерваторіи назначалась премія за фортепианную игру. Двѣ дѣвушки состязались. Назначенъ былъ день. Музыкаль- ные значности должны были опредѣлить дарованіе юныхъ артистокъ. Одна изъ дѣвицъ была наша молоденькая и веселенькая Марія, поврежденная свѣженькая и хорошенькая. Однако почти лихорадочное волненіе разурмявило ея личико, обыкновенно такъ блѣдое, и большіе голубые глаза ея блистали огнемъ необычай- нымъ.

«Ободришься, говорила ей Элиза, твоя святая покровительница поможетъ тебѣ, Марія, ты получишь вѣнокъ. Развѣ ты не за- служиваешь его? Твой трудъ, твои быстрые успѣхи, и особенно твои таланты дадутъ тебѣ первенство. Ободришься, твое счастье отра- зится на мнѣ такъ дурно.... очень дурно!...»

И дѣвушка поднесла руку къ сердцу, чтобы почувствовать, бьется-ли еще оно и позволять-ли присутствовать при торжествѣ друга. Марія уѣхала.

Все мѣста были заняты, въ консерваторіи была несмѣтная толпа. Головокруженіе схватило Марію, когда она вошла въ залу. Ей пока- залось, что вся эта толпа волновалась около нея, что она слышала странныя магическія слова. Ей стало страшно на одно мгновеніе, но она подумала объ умирающей Элизѣ и эта мысль возвратила ей бодрость. — «Если я буду имѣть успѣхъ, я можетъ быть спасу ее!» Она бросилась къ фортепіано, пальцы ея зазвучали съ си- лой и энергіей, игра ея была жива и блистательна; потомъ она извлекла слезы у слушателей своимъ грустнымъ и мелодическимъ выраженіемъ. Ее осыпали многочисленными рукоплесканіями и

ния ея повторялось среди восторженныхъ браво. Вѣнны и бусеты падали къ ея ногамъ.

Она схватила вѣнокъ свой съ восторгомъ, прижала къ сердцу и, поглотившись, исчезла отъ любопытныхъ взоровъ толпы, она вызывавшей ее. Она бросилась къ Элизѣ, обезумѣвъ отъ радости и счастья. Войдя въ ея маленькую квартиру, Марія увидѣла, что старая служанка горько плакала и отвѣчала только рыданиями и вздохами на ея разспросы. Ужасное предчувствіе овладѣло Маріей. Она не смѣла думать, а все надѣялась.... Но когда она вошла въ комнату Элизы, когда увидѣла, что та въ страданіяхъ предсмертныхъ и призываетъ ее громкими криками, чтобы избавиться отъ горя и нищеты, о! тогда она вернулась надѣяться и начала молиться. Элиза увидѣла ее и протянула ей руки. Марія обняла ее, спрятавъ вѣнокъ, но Элиза потребовала его и надѣла на голову Маріи:

— О! благодарю тебя, мой Боже! вскрывала она, я могу теперь умереть счастливо и спокойно! Марія, обожаемая сестра, поручаю тебѣ престарѣлую мать мою, будь ея дочерью и люби ее такъ, какъ я любила тебя!

Голосъ ея ослабѣвъ, едва замѣтный крикъ вырвался изъ груди; имена матери и Маріи прозвучали въ послѣднемъ прощаніи, потомъ все смолкло. Элиза Мёркеръ умерла!...

И такъ дѣвушка, которая имѣла болѣе вѣры въ будущее, которая бросилась по дорогѣ славы не оглядываясь назадъ, эта дѣвушка была поражена въ сердце разочарованіемъ и нищетой, между тѣмъ какъ Марія, меньше честолюбивая, надѣявшаяся только потому, что Элиза сказала ей «надѣйся!» очутилась на верху славы, и счастье начинало ей улыбаться!

Марія исполнила желаніе друга; не оставила бѣдную мать Элизы Мёркеръ. Она положила вѣнокъ свой на могилу подруги, какъ послѣднее воспоминаніе дружбы, и теперь она одна изъ замѣтельныхъ артистокъ.

ПРОДАЖА ИМУЩЕСТВА ТОРВАЛЬДСЕНА. Всѣхъ любителей искусства очень занимаетъ объявленный въ датскихъ газетахъ аукціонъ. Извѣстно, что Торвальдсенъ отказалъ все свое имущество въ пользу копенгагенской академіи художествъ, и что имущества оставшихся послѣ него скульптурныхъ произведеній, какъ его собственной работы, такъ и другихъ, составляетъ особенный музей подъ названіемъ «Торвальдсенова музея». Нынче часть этого имущества назначена въ продажу съ публичнаго торгу; она со-

стоитъ частью изъ дублетовъ Торвальдсеновыхъ и другихъ произведеній, находящихся уже въ музей, и такихъ произведеній, которыя слишкомъ ничтожны по достоинству, чтобы храниться въ музей, частью изъ другихъ вещей, оставшихся послѣ Торвальдсена. Аукціонъ будетъ раздѣленъ на двѣ части; первой уже составлена опись; она заключаетъ самыя цѣныя изъ вещей, назначенныхъ въ продажу. Изъ собственныхъ произведеній Торвальдсена тутъ находятя извѣстныя изъ мрамора: группа «Ганниада съ орломъ»; статуи: «Меркурій, убійца Аргуса», и «Эротъ съ лукомъ въ рукахъ»; двѣнадцать барельефовъ: «Грація, слушающая пѣніе Эрота», «Ночь», «Эротъ со львомъ», «Эротъ, записывающій законы Юпитера», «Эротъ съ собакою», «Эротъ съ сѣтью», «Вакханка съ маленькимъ сатиромъ», «Панъ съ маленькимъ сатиромъ», «Панъ и лѣсная нимфа», «Весна», «Лѣто». Три порхающіе ангела (назначенныя для купели); камины, украшенный двумя каріатидами и рельефными амурами, держащими гирлянду. Всѣ эти вещи изваяны изъ бѣлаго мрамора и совершенно окончены Торвальдсеномъ. Сюда же принадлежитъ множество болѣе или менѣе оконченныхъ мраморныхъ работъ. Далѣе въ описи значится множество pedestales и кусковъ мрамору, картинъ, гравюръ и книгъ, медалей, золотыхъ табакерокъ, брилліантовъ, между прочимъ одинъ солитеръ, оцѣненный въ 3,500 риздалеровъ, разныя скульптурныя орудія, частью помѣченныя вѣзельемъ знаменитаго художника, А. Т., и прочая. Вторая часть каталога, еще не напечатанная, будетъ заключать огромное собраніе книгъ, но большей части доставшеся Торвальдсену по смерти ученаго Брѣнстедта.

БАНКРОТСТВО ПАРИЖСКОЙ ВОЛЬНОЙ ОПЕРЫ. Парижская Большая опера, основанная Людовикомъ-Четырнадцатымъ въ 1671 году, подъ названіемъ «Académie Royale de musique», и переименованная послѣ февральской революціи въ «Théâtre de la République», уже нѣсколько недѣль закрыта, sous cause de réparation, какъ гласитъ афиша. Но люди знающіе, утверждаютъ, что недугъ, которымъ страдаетъ Большая опера, неизлечимъ, и что это учрежденіе, существующее уже сто семьдесятъ-семь лѣтъ, на которомъ являлось впервые столько великихъ музыкальных произведеній, и которое считаетъ въ числѣ своихъ директоровъ и членовъ столько знаменитыхъ композиторовъ и пѣвцовъ, рѣшительно клонится къ паденію. Къ вліянію политическихъ событій присоединилась и козера, чтобы охладить страсть Парижана къ

театру, и такимъ образомъ февральская революція имѣла слѣдствіе, котораго даже не имѣлъ терроризмъ первой французской революціи, какъ извѣстно, пощадившій Большую оперу и Théâtre-Français. Впрочемъ, начало упадка Большой оперы принадлежитъ еще 1840 году; до того времени она вполнѣ покрывала расходы сборами и дополнительною суммою въ 620,000 франковъ, которую отпускало ей правительство; но съ тѣхъ-поръ сталъ оказываться съ каждымъ годомъ все болѣе дефицитъ, и февральскія происшествія только довершили ея бѣдственное положеніе и ускорили ея банкротство. Надѣются однако же, что и настоящее правительство не допуститъ искусство до совершеннаго паденія, и поддержитъ три образцовые театра столицы. Для того, чтобы драматическое искусство не сошло на степень простаго ремесла и сохранило свое нравственное значеніе, необходимо существованіе театровъ, на которыхъ достойнымъ образомъ исполнялись бы произведенія отцовъ и представителей французской драмы, Корнеля и Расина, Мольера и Гретри, Глюка и Керубини. Поэтому всѣ истинные любители искусства искренно желаютъ, чтобы французское правительство взяло въ собственное свое завѣдываніе Французскій театръ, и Большую комическую оперу, не стѣсняя, впрочемъ, свободы прочихъ театровъ.

РЕБЕНОКЪ ЗА ТРИ ФРАНКА. Одинъ странный случай, наполняющій столбцы всѣхъ парижскихъ газетъ, напоминаетъ знаменитую исторію знатной дамы, которая была арестована въ Парки за то, что купила, черезъ посредство повивальной бабки, новорожденного ребенка, и хотѣла, неизвѣстно съ какою цѣлью, вести его въ свое отечество. Настоящій случай совершенно въ томъ же родѣ. Одна съ виду очень порядочная дама, одѣвающаяся богато и съ отличнымъ вкусомъ и называющая себя графиней Фоль-Витенбахъ, обращалась къ разнымъ повивальнымъ бабкамъ съ предложеніемъ, чтобы онѣ убѣжденіями или за деньги добыли ей новорожденного младенца. Коммисаръ того квартала, узнавъ объ этомъ, велѣлъ обыскать мнимую графиню, жившую въ гостиницѣ. Посланный, войдя въ ея комнату, нашелъ у нея младенца, которымъ ей уже удалось записаться, и всего болѣе его изумило, то, что она сама казалась беременною, и близкою къ разрѣшенію; это обстоятельство какъ-то не вязалось съ желаніемъ ея добыть чужаго ребенка. Но парижскій коммисаръ не скоро дастъ себя провести. Ему удалось уличить мнимую графиню въ томъ, что беременность ея была под-

дѣльна, а письмо, найденное въ ея бумагахъ, объяснило вполне разыгрываемую ею комедію. Минная графиня называлась просто Кёнигъ, и оказалась крестьянскою дочерью изъ Витенбаха, въ Швейцаріи. Она была любовницею одного богатаго человѣка въ Эльзасѣ, и хотѣла еще болѣе привязать его къ себѣ, подаривъ его сыномъ. Съ этою мыслью пріѣхала она въ Парижъ, чтобы добыть младенца за деньги, что ей и удалось. Она отыскала въ Бельвилѣ женщину, которая продала ей собственнаго младенца, за баснословную цѣну, — за три франка. Мамзель Кёнигъ тотчасъ отправили въ тюрьму.

ЗАМОКЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА. Романы Вальтеръ-Скотта много способствуютъ любопытству, которое оживляетъ путешественника, посѣщающаго Шотландію, и памяти знаменитаго романиста обыкновенно платили дань первой поѣздки послѣ осмотра Эдинбурга. Нѣтъ ни одного иностранца, который бы не спѣшилъ посѣтить замокъ Абботсфордъ, построенный Вальтеръ-Скоттомъ, гдѣ онъ жилъ, писалъ, умеръ, и который принадлежитъ теперь его внуку, офицеру гвардіи королевы Викторіи.

Абботсфордъ, расположенный внизу дороги, на полупригоркѣ, окруженъ холмами; сначала входишь въ паркъ, небольшой, но богато насаженный и старательно содержимый, потомъ слѣдуешь по крутому и извилистому склону аллеи, окруженныхъ густымъ лѣскомъ и только у самой рѣшетки садика, окружающаго жилище, примѣчаешь на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, замокъ, построенный въ стилѣ среднихъ вѣковъ, какъ большая часть владѣльческихъ замковъ, загородныхъ домовъ и публичныхъ зданій, недавно построенныхъ въ Шотландіи и Англіи. Симметріи и правильности тутъ нѣтъ нисколько; это собраніе башенъ, башенокъ, террасъ, зубцовъ, причудливо группированныхъ и составляющихъ граціозное и живописное цѣлое. Фантазія романиста, помощью искуснаго архитектора чудно достигла этой цѣли. Абботсфордскій замокъ въ скромныхъ размѣрахъ образцовое произведеніе въ этомъ родѣ и не будь этого цвѣту камней, не сохранись они въ такой цѣлости, не будь числа 1822 на фасадѣ, его бы можно принять за зданіе, современное флоренскому сраженію.

Подъ окнами замка течетъ Твидъ, знаменитая рѣка, раздѣляющая далѣе Шотландію и Англію и которой берега были театромъ столькихъ историческихъ происшествій.

При первомъ ударѣ звонка, достойный привратникъ замка является съ связкой ключей, отворяетъ, кланяется, говорить. «ми-

лости просить, съ-поисѣшностью и учтивостью, которыми нельзя довольно хвалиться. Сверзь-того этотъ образецъ привратникова говорить по-французски очень сносно, а это дарованіе весьма рѣдкое въ Шотландіи, даже и въ высшемъ обществѣ, простолюдины же не говорятъ и по-англійски; городскіе и сельскіе жители употребляютъ странное саксонское просторѣчіе; а горцы сѣверной Шотландіи сохранили кельтійское нарѣчіе во всей его древности.

Съ обязательнымъ чичероне, который въ отсутствіе хозяевъ показываетъ иностранцамъ Абботсфордъ, вы проходите садъ. Возлѣ главной двери замка есть надгробный камень съ извѣстнымъ изображеніемъ борзой собаки—это гробница и статуя Манды, одной изъ трехъ любимыхъ собакъ Вальтеръ-Скотта. Двухъ другихъ звали Кемпъ и Бранъ. Въ его портретахъ и памятникахъ, посвященныхъ его славѣ, Вальтеръ-Скотта всегда представляютъ съ однимъ изъ этихъ вѣрныхъ товарищей. Но дверь открыта: войдемъ.

Нижній этажъ Абботсфорда — музей, необыкновенно богатый, заключающій остатки всѣхъ временъ, пройденныхъ писателемъ, всѣхъ рассказанныхъ имъ происшествій, всѣхъ лицъ выведенныхъ имъ на сцену. Это гардеробъ и арсеналъ, гдѣ всѣ его герои могли бы одѣться и вооружиться съ головы до ногъ. Тутъ есть оружія всѣхъ эпохъ, военныя и охотничьи; копья, шквы, луки, дротыки, пищали, каски drík шотландскихъ горцевъ, сѣвиря Лохлабера, бердышъ retinab slauimore, мушкеты и ружья всѣхъ видовъ, пистолеты всѣхъ калибровъ, лошадинныя упряжи, кирасы, щиты, мечи, кинжалы, воинскія сбруи чудной работы, и легкія, тонкія, гибкія какъ шелковая ткань, но непроницаемыя для самой острой стали, кольчуги. Большая часть этихъ вооруженій принадлежала знаменитымъ людямъ — это сабля Дугласа, каска Перси, кираса Монмута, ружье Робъ-Роя, пистолеть Клеввергоуза;— все это подлинно и достоверно подъ поручительствомъ Вальтеръ-Скота.

Есть также другіе предметы, не менѣе любопытныя, музыкальные инструменты, уборы, сундучки, мебель, утварь, драгоценности среднихъ вѣковъ, отъ герцогиньной короны до серебрянаго свистка, которыми знатныя дамы призывали слугъ до изобрѣтенія колокольчиковъ; — отъ солонки, стоявшей на столѣ Стюартовъ въ Голдрудѣ до желѣзнаго стакана, изъ котораго Палась пилъ usquebaugh (напитокъ съ шафраномъ). Потомъ есть картины всѣхъ временъ и всѣхъ художниковъ; древніе и драго-

цѣлые портреты; герои Вальтеръ-Скотта, писанные съ натуры; виды самыхъ замѣчательныхъ мѣстоположеній Шотландіи, главныя сцены, описанныя романистомъ или представленные на театрѣ въ пьесахъ, заимствованныхъ изъ его романовъ. Въ гостиной висятъ фамильные портреты: Вальтеръ-Скоттъ, его мать, жена, дочь въ испанскомъ костюмѣ. Библіотека украшена драгоценными мебелями — тамъ столъ, подаренный королю; другой столикъ — ордонъ Байрономъ: готическіе стулья чудно изваянные и между многими другими предметами искусства, бюстъ Вальтера-Скотта, такой же какъ тотъ, который украшаетъ одну изъ залъ вандорскаго дворца и портретъ вышшняго владѣтеля Абботсворда, сара Вальтеръ-Скоттъ-Локарта, внука знаменитаго романиста, его единственнаго вотожка и единственнаго наслѣдника.

Рабочій кабинетъ таковъ какъ онъ его оставилъ; книги въ томъ же порядкѣ; бюро и большое кожаное кресло стоятъ у окна, откуда виднѣнъ Твидъ, извиающійся по долигѣ. Вамъ покажутъ, въ столовой, мѣсто, куда была перенесена кровать умирающаго Вальтеръ-Скотта и гдѣ онъ испустилъ послѣдній вздохъ. Тщательно сохраняется множество вещей, служившихъ къ его ежедневному употребленію; чернилица, перочинный ножичекъ, ножикъ, трѣсть, охотничьи ружья, великолѣпная шага, подаренная ему горными кланами, которыхъ онъ имѣлъ честь представить Георгу Четвертому, когда этотъ государь посѣщалъ Эдинбургъ. Сохраняютъ также съ чрезвычайнымъ уваженіемъ и показываютъ въ стеклянномъ шкафу, послѣднюю одежду Вальтеръ Скотта: — охотничій сертукъ изъ коричневаго сукна съ стальными пуговицами, шляпъ изъ козьего пуху, съ мелкими полосками, панталоны съ мелкими бѣлыми и черными клѣтками, суконныя штаны орховаго цвѣту, толстые черныя башмаки и сѣрую шляпу.

Абботсвордъ былъ выкупленъ по поднескѣ многочисленныхъ читателей Вальтеръ-Скотта, когда, по разстроившимъ обстоятельствамъ, знаменитый романистъ долженъ былъ заложить его, тогда какъ книгопродавцы обогащались по его милости. Каждый разъ, когда новый романъ его былъ въ печати, судно готовилось къ отплытію въ эдинбургской гавани и едва сочиненіе вышло въ свѣтъ, корабль распускалъ паруса и увозилъ двадцать тысячъ кассетаровъ въ англійскія колоніи. Англія и Шотландія поглощали такое же количество. Судите же, сколько зарабатывали тутъ книгопродавцы.

Что до артистическихъ сокровищъ Абботсворда, то это по

большей части подарки, сдѣланные писателю. Фамилія, которыхъ предковъ онъ выводилъ на сцену, снѣшила поднести ему каіе-нибудь остатки этого героя; города, которые прославлялъ онъ, подносили ему подобныя же дары. Не находилось въ Шотландіи ни малѣйшаго обломка древности, безъ того, чтобы Вальтеръ-Скоттъ не имѣлъ тутъ своей доли; не разрушали ни одного стараго зданія, замка, дворца, церкви, монастыря или темницы безъ того, чтобы онъ не получилъ какого-нибудь отломка. Такимъ-то образомъ усталъ онъ монументальными камнями стѣны своего сада и помѣстилъ въ одной изъ башенъ замка желѣзную дверь Эдинбургской темницы, поднесенную ему городскимъ начальствомъ, когда эта темница была сломана.

Городъ Эдинбургъ и правительство обязаны были сдѣлать ему какой-нибудь подарочекъ въ награду за его услугу и за великодушный подарокъ, сдѣланный имъ. — Во время переворотовъ, возмущившихъ Шотландію, пропали древніе королевскіе ключи; розьиски были напрасны; думали, что эти сокровища были похищены, что было довольно вѣроятно, и что воры конечно поспѣшили растопить золото и вынуть камни. Около двухъ столѣтій протекло послѣ этой пропажи, и подозрѣніе въ грабежѣ было внесено въ исторію какъ дозванный фактъ. Но росъ въ старинныхъ лѣтописяхъ для отысканія свѣдѣній, необходимыхъ для его сочиненій, изучая съ мелочнымъ стараніемъ бурную эпоху, когда исчезли сокровища, Вальтеръ-Скоттъ сталъ думать, что толки о грабежѣ, до-сихъ-поръ принимаемые за истину, были предположеніемъ неосновательнымъ, что эти драгоценности, считаемыя разломанными и потерянными, были благоразумно помѣщены въ надежное мѣсто и должны гдѣ-нибудь находиться; — но гдѣ? Какъ открыть этотъ тайникъ, избѣгнувшій и розьисковъ, и случайнаго открытія, обвитый мракомъ тайны и времени? Романистъ съ терпѣніемъ, отличавшимъ его дарованіе, справился съ происшествіями той эпохи, слѣдовалъ за ними шагъ за шагомъ и его трудолюбивыя и ученые изслѣдованія привели его къ воротамъ эдинбургскаго замка, гдѣ онъ остановился, говоря: «Тутъ!» Его руководило это второе зрѣніе, которое разумъ и трудъ придаютъ вѣрѣе чѣмъ искусство и токъ магнетизера пробуждаютъ въ грезахъ сомнамбулизма. Оставалось узнать, въ какомъ уголѣ обширной цитадели спрятано сокровище. Вальтеръ-Скоттъ изучилъ планъ крѣпости съ тѣмъ глубокимъ и сильнымъ размышленіемъ, съ которымъ Христофоръ-Колумбъ изучалъ неполную планисферу пятнадцатаго столѣтія, и подобно план-

телю, романистъ, искусно осмотрѣвъ мѣстность, достигнувъ цѣли своихъ расчетовъ, положилъ палецъ на карту и сказалъ: — «Тутъ!»

Въ это время Вальтеръ-Скоттъ былъ уже знаменитъ, такъ что когда онъ сообщилъ британскому правительству свое мнѣніе, его не сочли мечтателемъ, и когда онъ просилъ средствъ осуществить свое открытіе, поспѣшили дать ему всѣ необходимыя пособія и предоставить полную и совершенную свободу извѣстать крѣпость лопаткой и молоткомъ. Романистъ взялъ четырехъ рудокоповъ, велѣлъ имъ раскрыть небольшой прокопъ, сарывавшій стѣну, въ которой сдѣлавъ проломъ, вошли въ тайную комнату, заложенную уже два столѣтія. Въ этой комнатѣ стоялъ большой дубовый сундукъ, окованный желѣзомъ, съ двумя огромными замками. Призвали городское начальство, сломали замки, подняли тяжелую крышку, и мракъ подземелья освѣтился блескомъ золота и огнемъ камней; въ сундукѣ находились королевскія украшенія, корона, діадема, два скиптра, большая шпага, ожерелья, алмазные уборы и множество другихъ драгоценныхъ предметовъ.

Для Вальтеръ-Скотта это послужило новымъ правомъ къ признательности его соотечественниковъ, которые питали къ нему фанатическое обожаніе.

ПАРИЖСКІЯ ГРИЗЕТКИ. Кому не извѣстна хотя по имени гризетка, это веселое дитя Франціи, особенное существо, соединяющее въ себѣ самыя разнородныя качества? У насъ въ Россіи, слово гризетокъ, не существуетъ. По этому-то мы и стараемся дать читателю понятіе о гризеткахъ парижскихъ. Онѣ часто отличаются красотою, насмѣшливостію, вѣтреностію, чувствительностію, добротою и даже какою-то особенною скромностію

Съ распространеніемъ просвѣщенія, съ-тѣхъ-поръ, какъ во Франціи введено взаимное обученіе и какъ самыя бѣдныя ремесленницы умѣютъ отказывать себѣ въ удобствахъ жизни, лишь бы доставить воспитаніе своимъ дѣтямъ, тамъ стало гораздо менѣе собственно такъ-называемыхъ гризетокъ, нежели ихъ было прежде.

Какой-нибудь привратникъ или привратница отдають дочь свою въ пансіонъ; обучаютъ ее изящнымъ искусствамъ. Дѣвушка чувствуетъ или воображаетъ, что чувствуетъ призваніе къ театру; ей удастся поступить въ консерваторію. Не даровитая, но не дурная собой, она найдетъ себѣ покровителя, который устроитъ

для нея небольшой квартиру и будет снабжать швабами. Может-быть она была бы настоящей гризеткой; но вместо того теперь она принимает на себя важный вид, который вовсе ей не идет и наряжается въ платья, которые ей не въ лицу. Нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже двусмысленнаго положенія; говорите и ведите всегда дѣла ясно, чтобъ все могли понимать васъ. Если у гризетки есть богатый покровитель, то она старается, чтобы у нея была карета, брилліанты: она намечетъ на себя нечѣ порціаній, если сверхъ-того съумѣетъ нажить состояніе; если же она ищетъ однихъ удовольствій, то пусть остается гризеткой, она будетъ менѣе связана въ своихъ пріемахъ, менѣе связана въ корсетѣ, менѣе изыскана въ разговорѣ. Ей будетъ очень хорошо въ партерѣ театра de la Gaité, она будетъ предаваться своимъ своимъ душевнымъ движеніямъ; будетъ смѣяться или плакать, когда мужъ тиранъ постоитъ, принцеса впадаетъ въ несчастіе или глупецъ забавенъ; она заведетъ разговоръ съ соседомъ, и, если онъ не дуренъ собой, и усмѣетъ ей понравиться, позволить ему, во время спектакля, пожимать свою ручку, это еще болѣе увеличиваетъ волненіе, производимое пьесой. Въ антрактахъ, если ей захочется покушать,—гризетка всегда хочется чего-нибудь поѣсть или выпить,—она можетъ уйти, закушнуть собою пирожковъ или яблокъ, потомъ возвратясь скушаетъ или въ театрѣ. Вотъ сколько наслажденій гризетка вкушаетъ вдругъ! Въ театрѣ она можетъ стоять или сидѣть на свободѣ; снимаетъ свой чепчикъ или гребень, если ей въ нихъ неловко; смѣется или плачетъ, смотря по содержанію пьесы; слушаетъ признаніе молодого человѣка, который уже пылаетъ къ ней страстью. Она пожимаетъ слегка его ручку; она отвѣчаетъ ему тѣмъ же, или оказываетъ ему свое невниманіе. Да, все эти преимущества, эта свобода поступковъ и движеній, все это стоить турецкой шапки, тока, перьевъ....

Вообще такъ-называемыя гризетки обыкновенно швесы; можно впрочемъ быть швеей и не принадлежать къ числу гризетокъ. Такъ не признаются гризетками швесы, сохранившія любовь къ порядку, къ бережливости, которыя выходятъ изъ своего магазина, возвращаются носкорѣе къ матери и по воскресеньямъ уходятъ изъ дому не иначе, какъ въ сопровожденіи родителей. Истинная гризетка любитъ независимость; у нея есть своя отдѣльная комната, свой домъ; она скромна до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ красиваго или любезнаго молодого человѣка, который давно созданъ ей воображеніемъ. Но она не любитъ, чтобъ ей измѣнили; въ

противномъ случаѣ, она сумѣетъ отомстить за себя, и жести бы нѣтъ предѣловъ.

Въ Парижѣ гризетки живутъ довольно часто вдвоемъ. Для нихъ достаточно одной комнаты: въ ней всегда довольно мѣста для ихъ пожитковъ; плата у нихъ общая, онѣ наблюдаютъ бережливость; а гризеткамъ надо быть бережливыми!

Проникнемъ съ вами, благосклонный читатель, въ жилище гризетки, въ высшей степени любопытное. Комната, занимаемая двумя гризетками, представляетъ взорамъ наблюдателя нѣчто поразительное. Надобно замѣтить, что любовь къ порядку вообще не составляетъ принадлежности характера гризетокъ. При томъ онѣ уходятъ изъ дому въ магазинъ такъ рано, что имъ недостаетъ времени прибрать комнату, а вечеромъ и безъ того есть о чемъ позаботиться.

Представьте себѣ маленькую комнатку, обитую самыми дешевыми бумажными обоями, которые бѣльшую частью разклеились или разорваны; оконки безъ занавѣсъ, но съ протянутою веревкою, на которой вѣтно просушивается юбка или рубашка съ парю чулковъ.

Кухетка, а иногда кровать на ремняхъ, также безъ занавѣсъ, но съ поперечнымъ валикомъ; подушки здѣсь рѣдки, потому что это принадлежность роскоши; маленький орѣзовый столикъ, которого ящикъ полуоткрытъ, и куда вкладется гребень, оловянный столовый приборъ, ночникъ, почтовая бунага, перья, соль и перецъ, куски фестоновъ, старыя перчатки, кожи, помада, зубочистки, баншачная щетка, выкройки платьевъ, англійская вакса и конфеты.

Четыре стула, изъ которыхъ два безъ подушекъ, третій о двухъ ногахъ, а послѣдній безъ спинки.

Иногда комодъ, но съ ящиками безъ замковъ, — признакъ добря и неженерченности нравовъ. Оба нижние верхіе ящика бывають обыкновенно наполнены тряпками и хлебными корками; въ нижнемъ ящикѣ лежитъ платье и два платка, а два другіе ящика пусты.

Самымъ опрятнымъ мѣстомъ въ комнатѣ бываетъ каминъ: кухонная посуда, горшокъ для воды, маленький котелъ, жестяная кострюлька, три или четыре тарелки съ зазубринами, все это навалено въ углу возлѣ двухъ головешекъ, которыми иногда разводять огонь, но которыя никогда не сожигаются совершенно.

Нѣсколько выше, маленькое зеркальцо пляшетъ въ своей рамкѣ; двѣ разрозненныя чашни, подсвѣчникъ, спички съ огнемъ и,

наконецъ, два голубые графинна съ цѣтани. Цѣты — вещь необходимая для гризетокъ; онѣ чрезвычайно любятъ ихъ, неслишкомъ гоняясь за самыми лучшими; былъ бы левкой или рюда, и для нихъ довольно; онѣ ихъ ставятъ пучками въ графинны: это *должно* издавать благовоице цѣлую недѣлю.

Затѣмъ всегда найдется два или три тома какого-нибудь романа или театральной пьесы; книги эти разбросаны по стульямъ, на кровати и на комодѣ; пара или двѣ изношенныхъ башмаковъ валяются тамъ и сямъ; старая юбка, ночной чепецъ, косынка, все это развѣшано гдѣ-нибудь, и какъ-нибудь; на столѣ красуется остатокъ хлѣба и сыра; напильотки изъ пропускной бумаги разбросаны по полу. Наконецъ среди всего этого живописнаго безобразя расхаживаетъ котъ; онъ валяется то въ золѣ, то на постелѣ, играя съ книгой или съ кускомъ сыра: по всему видно, что это почти хозяинъ дома.

Не думайте однако жъ, чтобъ комната, столь небогато убранная, была обителью печали: напротивъ въ ней раздаются веселыя пѣсни, съ самаго утра, лишь только хозяйки этого жилища откроютъ глаза. Та, которая проснется прежде, старается разными продѣлками помѣшкать спать другой; эта бормочеть, бранится, говоря сквозь зубы:

— Ну, полно, дай мнѣ немножко поспать.

Но это едва ли возможно: ей проводятъ по губамъ перогъ, щекочутъ въ носу спичкой, поютъ у самыхъ ушей, толкаютъ ее, шиплютъ, и смѣются во все горло. Поневоля бѣдняжка просыпается. Тогда начинаются рассказы о томъ, что происходило наканунѣ.

— Эрнестъ былъ вчера чрезвычайно милъ, на немъ былъ черный галстухъ, который ему очень къ лицу.... Не знаю одни ли у насъ съ тобою вкусы? Я безъ ума отъ черныхъ галстуховъ.... это придаетъ мужчинѣ нѣчто мужественное и величественное.

— Чтѣ касается до меня, то мнѣ нравятся панталоны со штрипками.... Я сказала Политу, чтобъ онъ надѣлъ такіе панталоны въ воскресенье.

— Скажи пожалуйста, привазинокъ изъ магазина, чтѣ напротивъ насъ, преслѣдовалъ меня вчера и даже со мной говорилъ; онъ хочетъ непременно отправиться со мною куда-нибудь обѣдать, повести меня въ оперу. Не знаю, куда бы онъ меня не повелъ, если бы я его послушалась.

— А ты не хочешь слушать его?

— Разумѣется, моя милая, вѣдь ты знаешь, какъ я люблю мо-

его Эрнеста!... Ахъ, миленькій Эрнестъ, какъ я тебя люблю! безъ ума отъ тебя.... Да, признаться, этотъ приказчикъ ужъ слишкомъ не красивъ, косою и одѣвается какъ провинціалъ. Но знаю какъ ты, а на меня нарядъ производить большее вліяніе.

— Я хочу отправиться съ Политомъ на этой недѣлѣ къ Франкони.... Ахъ, моя милая, это мой любимый спектакль....

— Ну, а лошади?

— О, я тамъ смотрю не на лошадей.... Ахъ, Богъ мой! Вотъ ужъ семь часовъ, а мы еще не одѣты. Вымоютъ намъ голову въ магазинѣ.

— А еще говорятъ, что есть счастливыя женщины, которыя могутъ спать по произволу до двѣнадцати часовъ!... Ахъ! когда я подумаю объ этомъ!... Надобно посократить расходъ, мнѣ хочется разбогатѣть.

— Вотъ что! а я такъ не гонюсь за богатствомъ, только мое платье высохло къ воскресенью.... Что жъ это? я нашла одинъ только чулокъ, вечеромъ однако была пара.

— Посмотри, вотъ Мумуть съ нимъ играетъ.

— А! гадкій котъ, все беретъ, что ни попало; онъ вымелъ комнату моимъ чулкомъ, куда какъ весело! Вчера онъ вознася съ косынкою, а сегодня съ чулкомъ.... Вотъ, погляди, сколько диръ надѣлалъ своимъ проклятымъ когтями.

— Ничего, это на пяткѣ, ея не видно.... Что бы намъ теперь позавтракать? Не хочешь ли итальянскаго сыру?

— Нѣтъ, надобно ужъ мнѣ этотъ итальянскій сыръ. Я бы охотнѣе полакомилась шеколадомъ.... У тебя деньги есть?

— Есть еще семьдесятъ пять копѣекъ.

— Ну, мы купимъ на нихъ двѣ пятачки шеколаду въ мелочной лавочкѣ. Съ булкой это очень вкусно.

— Поскорѣе, уже поздно.

— А постель-то неубрана!

— Ну, это мы сдѣлаемъ вечеромъ.

— А въ комнатѣ не прибрано.

— Для кошки н это довольно хорошо: а въ воскресенье мы приберемъ ее чудесно.... Я вымою полъ, а ты его натрешь.

Наконецъ наши гризетки, напѣвая куплетъ изъ послѣдняго водевиля театра Gumpase, — гризетки очень любятъ Gumpase, — отправляются въ магазинъ, прыгая на самыхъ пальчикахъ и смѣясь въ лицо тѣмъ прохожимъ, которые имъ кажутся смѣшными. Гризетки вообще насмѣшливы, но это не мѣшаетъ имъ быть сострадательными, щедрыми; онѣ отдадутъ свой завтракъ и

квасенокъ бѣдой: мендицы, которая сважета, что она дѣти умирать: съ голоду и ползомъ нѣкую недѣлю; вѣсто шеполду будутъ доваметствовать хлѣбомъ да водой; но это не возмутитъ ихъ привычкою веселости и не возбудитъ въ нихъ тосканіе. Онѣ скорѣе всего забываютъ добро, которое дѣлаютъ.

Воскресенье для нихъ настоящее торжество: въ этотъ вожденный день, зимой, онѣ непременно отправляются въ спектакль, а лѣтомъ танцуютъ. Если у нихъ есть другъ, то ему вѣшается въ обязанность вести ихъ на какой-нибудь балъ въ городѣ или за заставой; если друга нѣтъ, то у нихъ рождается желаніе одерживать побѣды для забавы. или для того, чтобъ не отстать отъ своихъ подругъ. Но высочайшее торжество для гризетки — это побѣда надъ актеромъ; въ ихъ глазахъ актеръ не такой человекъ какъ прочіе; это существо необыкновенное, полубогъ или даже цѣлый мифологическій богъ, и по этому не удивительно, что та, которая любима Жюаномъ Саваромъ или Тресличнымъ чельвикомъ, возбуждаетъ зависть всѣхъ своихъ подругъ.

Послѣ этого, кто знаетъ одну гризетку, тотъ знаетъ всѣхъ ихъ. Разницы немного между тѣми, которыя посѣщаютъ эрмитажъ и тѣми, которыя предпочитаютъ ему бельвильскую гору; немного отличаются между собою швен предместья Сенъ Дени и Сент-антоанской улицы. Кокетство и лакомство, вотъ рычагъ, на которомъ онѣ вертятся. Удовлетворите ихъ тщеславію и обжорству, и побѣда надъ ними несомнѣнна; само-собою разумеется, что при этомъ надо быть хорошо одѣтымъ и заваливать ихъ пирожками; рѣдко случается, чтобъ имъ не понравились юшоны въ лайковыхъ перчаткахъ, съ конфетами въ карманѣ.

Иногда гризетка любитъ не шута, любитъ биженою любовью, такъ что иной не знаетъ какъ отъ нея отдѣлаться; она продастъ свои вещи, если у любимого ею человека нѣтъ денегъ, согласится провести съ нимъ воскресенье дома, если онъ не можетъ отправиться съ нею въ театръ. Но подобные случаи рѣдки, и нѣтъ правила безъ исключенія. Вообще гризетки чаще увлекаются жадною удовольствіемъ, нежели корыстными видами. Онѣ предпочитаютъ любовь молодого человека недурнаго собой любви пожилого богача.

ВОЛОСЫ МАДАМЪ РЕКАМЬЕ. Графъ де-Форбенъ, бывшій директоръ музея, очень остроумный рассказчикъ анекдотовъ, любилъ говорить о своемъ первомъ посѣщеніи мадамъ Рекамье.

Я прѣдлагалъ въ Парижѣ, говоритъ онъ, съ нами рѣшиться одѣлать

бы состояніе; съ желаніемъ достигнуть славы, но особенно любовитствуя познакомиться съ свѣтомъ и его удовольствіями.

Одинъ изъ моихъ земляковъ, проавсальскій дворянинъ, предложилъ представить меня мадамъ Рекаміе: это было для меня истиннымъ праздникомъ.

Мадамъ Рекаміе сіяла тогда полнымъ блескомъ, была царицей моды, а гостиняя ея — первою въ Парижѣ.

Войдя туда, я былъ ослѣпленъ не только роскошью, но въ-особенности собраніемъ прелестныхъ женщинъ, которыхъ хозяйка затѣвала всѣхъ. Она владычествовала тутъ съ очаровательнымъ величіемъ. Ее просили танцовать гавоть, она отказала, подъ предлогомъ нездоровья; нѣкоторые изъ ея угодниковъ стали упрашивать ее на колѣнахъ. Эти колѣнопреклоненія были въ нравахъ тогдашняго времени, то-и-дѣло, что шеголи бросались къ ногамъ дамъ.

Мадамъ Рекаміе, привыкшая къ просьбамъ такого рода, согласилась наконецъ, встала съ улыбкой на губахъ, небрежно вошла въ кругъ зрителей, изъ которыхъ послѣдній рядъ взлѣзъ на стулья и все замолкло, словно приготовлялись слушать Гаря.

Танцовщица начала поклономъ чудно граціознымъ, потомъ съ бубномъ въ рукѣ принялась танцовать этотъ знаменитый танецъ, который былъ тогда въ такой модѣ. Самыя извѣстныя балетныя артистки позавидовали бы легкости мадамъ Рекаміе, прелести ея позъ, гармоніи движеній; маленькія ножки едва касались пола, хорошенькіе пальчики порхали по бубну съ серебряными погремушками. Зрители были въ восторгѣ, но вдругъ волосы танцовщицы, завязанные простой лентой, развязались и мадамъ Рекаміе исчезла въ волнахъ своихъ чудныхъ кудрей. Ее, казалось, очень смутило это происшествіе и она оставила гостиную въ сопровожденіи двухъ или трехъ короткихъ друзей.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась и общество было допущено переступить порогъ спальни, наполненной цвѣтами и слабо освѣщенной алебастровыми лампами и жирандолями съ розовыми свѣчами. Мадамъ Рекаміе лежала на постели, въ прелестномъ negligée; черты ея дышали нѣжной томностью, прелестные волосы покрывали все изголовье.

Какъ я выказалъ простодушное безпокойство о здоровьи прелестной хозяйки, нѣсколько короткихъ знакомыхъ успокоили меня, говоря, что эта сцена пзвѣстна и возобновляется довольно часто, безъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій. Гавоть мадамъ

Реканіе всегда оканчивался распушеніемъ волосъ и отдохновеніемъ на парадной постели.

Счастлива знаменитая женщина, которую можно урекнуть только подобными забавами! Какъ не простить безвинное кокетство женщинѣ, окруженной такими употельными угожденіями, и которая могла тщеславиться и гордиться, будучи царицей красоты въ такое время, когда въ парижскомъ свѣтѣ блистало столько восхитительныхъ красавицъ!

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогильныя Записки Шатобріана. Часть одиннадцатая.* Новая и большая горестъ постигнула меня въ Вильнёвѣ. Чтобы рассказать о ней, надо воротиться нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, до путешествія моего въ Швейцарію. Я еще жилъ въ Мироменильской улицѣ, когда осенью 1804 года сестра моя, графиня де-Ко, пріѣхала въ Парижъ. Смерть графини де-Бомонъ окончательно разстроила рассудокъ Люсиіи; она почти не вѣрила этой смерти, чуть не подозрѣвала тайны въ этомъ ислезновеніи. У ней ничего не было: я взялъ ей квартиру въ улицѣ Комартенъ, обманувъ и въ цѣнѣ квартиры и въ уговорѣ съ трактирщикомъ, доставлявшимъ ей столъ. Какъ пламя, готовое погаснуть, геній ея бросалъ живой блескъ; она была вся освѣщена имъ, набрасывала нѣсколько строчекъ, кидала ихъ потомъ въ огонь или списывала изъ нѣкоторыхъ сочиненій мысли, соотвѣтствующія расположенію ея души. Она не долго оставалась въ Комартенской улицѣ и поселилась у Сент-Мишельскихъ монахинь, въ улицѣ Сент-Жакскаго предмѣстья: мадамъ де-Наваръ была настоятельницей этого монастыря. Люсиія жила въ небольшой кельѣ съ окнами въ садъ: я замѣтилъ, что она слѣдовала взоромъ съ какими-то мрачнымъ желаніемъ за монахинями, которыя прогуливались въ оградѣ около овожныхъ грядъ. Я освящу эти «Записки», вложивъ въ нихъ письма сестры, писанныя до того какъ она отлетѣла въ вѣчную отчизну.

17 января.

«Я полагаю счастье мое въ тебѣ и въ графинѣ де-Бомонъ, пряталась въ мысли объ васъ отъ скуки и огорченій: все мое занятіе было — любить васъ. Нынѣшнюю ночь я долго размышляла о характерѣ твоёмъ и обращеніи. Такъ какъ мы съ тобой по прежнему сосѣди, я думаю, что надо довольно времени, чтобы узнать меня, столько различныхъ мыслей въ го-

ювѣ моей! дотою моя робость и наружная слабость противоложны внутренней силѣ! Этого для меня слишкомъ. Знаменитый братъ мой, прими живѣйшую признательность за всё твоё угожденіе и всё знаки дружбы, которые ты не перестаешь мнѣ оказывать. Это письмо будетъ послѣднимъ въ это утро. Напрасно я стараюсь удѣлать тебѣ мои мысли, онѣ остаются у меня».

Безъ числа.

« Серьезно ли считаешь ты меня въ безопасности отъ какой-нибудь наглости Шендолѣ? Я твердо намѣрена не просить его продолжать свои посѣщенія, и во-вторникъ онъ былъ у меня въ послѣдній разъ. Не хочу стѣснять его учтивости. Я закрываю навсегда книгу судьбы моей, запечатаю ее печатью разсудка, не стану справляться съ страницами ни о пустыхъ ни о важныхъ дѣлахъ моей жизни, отказываюсь отъ безумныхъ идей, не хочу ни заниматься ни огорчаться идеями другихъ, очерта голову предаю всѣмъ случайностямъ моего странствованія въ этомъ мірѣ. Какой вздоръ, что столько хлопочу о себѣ! Никто уже не можетъ огорчить меня тобою, благодарю Бога за драгоценный и милый даръ, который Онъ сдѣлалъ мнѣ въ лицѣ твоей особы и за то, что сохранилъ незапятнанною жизнь мою: вотъ всё мое сокровище. Я бы могла избрать эмблемой моей жизни луну въ облакахъ съ этимъ девизомъ: «часто закрывается тучами, но никогда не терять блеску». Прощай, другъ мой. Можетъ-быть тебя удивляетъ языкъ мой со вчерашняго утра. Послѣ того, какъ я видѣлась съ тобою, сердце мое вознеслось къ Богу и я положила его къ подножію креста, его единственнаго и настоящаго мѣста».

Четвергъ.

« Здравствуй, другъ мой, какого цвѣту мысли твои сегодня утромъ? А я такъ помню, что единственная особа, которая могла облегчить меня, когда я боялась за жизнь графини де-Фарси, былъ ты, который сказалъ мнѣ: Но вѣдь въ порядкѣ вещей, чтобы вы умерли прежде нея. Можно ли было паразитъ вѣрнѣе? Ничто болѣе идеи о смерти, другъ мой, не можетъ избавить меня отъ будущаго. Слышу избавить тебя отъ себя нынче утромъ, потому-что я въ духѣ и готова наговорить тебѣ премилыхъ вещей. Прощай, бѣдный братъ. Будь здоровъ и веселъ».

Безъ числа.

« Когда была жива графиня де-Фарен, я всегда находилась съ нею и не принимала необходимости быть въ сообществѣ нѣсколькихъ съ кѣмъ-нибудь. Я обладала этимъ благомъ, не подозревая того. Но какое мученіе, когда не можешь освѣжить и обновить умъ свободю, а я это испытала съ тѣхъ поръ, какъ мы лишились сестры и обстоятельства разлучили меня съ тобою. Чувствую, что я больна мыслями, если не могу ихъ взять; это навѣрно происходитъ отъ моей плохой организаціи. Однако я довольна со вчерашняго дня моимъ мужествомъ, не обращаю ни малѣйшаго вниманія на мою гордость и на какой-то внутренний обморокъ. Я сама себя покинула. Продолжай быть любезнымъ со мною: окажешь человѣколюбіе въ настоящее время. Прощай, другъ мой! Надѣюсь, что вѣдаломо ».

Безъ числа.

« Будь спокоенъ, другъ; здоровье мое приѣтно укрѣпляется. Часто спрашиваю себя, зачѣмъ я такъ забочусь объ немъ. Я похожа на безумнаго, который вздумалъ строить крѣпость въ пустынь. Прощай, бѣдный братъ ».

Безъ числа.

« Тамъ какъ нынче вечеромъ у меня очень болитъ голова, те я хочу просто написать тебѣ, на-удачу, нѣсколько мыслей изъ Фенелона, чтобы исполнить свое обязательство:

« — Тѣсно, какъ запрешься въ самомъ себѣ. Напротивъ, тѣсно и привольно, когда выйдешь изъ этой темницы въ безграничность Бога.

« — Мы найдемъ скоро—чего лишились. Каждый день приближаемся къ тому скорыми шагами. Еще нѣсколько времени, и намъ не о чемъ будетъ плакать; сами умремъ: то, что мы любимъ, живетъ и не умираетъ.

« — Вы принисываете себѣ обманчивыя силы, какія горячка придаетъ больному. Въ васъ видно уже нѣсколько дней судорожное движеніе, чтобы показать твердость и веселость среди мученій кончины ».

« Вотъ что голова и плохое перо позволяютъ написать мнѣ нынче вечеромъ. Если хочешь, я завтра разскажу тебѣ болѣе. Добрый вечеръ, другъ. Я не перестану говорить тебѣ, что сердце мое преклоняется передъ Фенелономъ, котораго нѣжность кажется мнѣ такъ глубокою, а добродѣтель такъ возвышенною. Прощай, другъ.

« Говоришь тебѣ, пробудившись, тысячу глупостей, позымаешь отъ благословеній. Я здорова ничто утронъ и безпомощна, будешь ли ты читать мое писанье, поправится ли тебѣ выборъ мыслей Фенелона. Боюсь, что мое сердце приняло слишкомъ большое участіе въ этомъ выборѣ».

Безъ числа.

« Можешь ли ты вообразить, какое сумасбродство! чѣмъ я занимаюсь со вчерашняго дня? поправляю тебя! Блоссаки дали мнѣ, подя большимъ секретомъ, одинъ изъ твоихъ романсовъ. Я не видѣла, чтобы ты въ этомъ романсѣ воспользовался твоими идеями и пытаюсь передать ихъ во всемъ ихъ достоинствѣ. Можно ли далѣе простираеть дерзость? Иавини, великій человекъ и припомни, что я твоя сестра, что мнѣ позволено злоупотреблять твоимъ богатством».

Въ Сень-Мишель.

« Я не скажу тебѣ: Не приходи ко мнѣ — потому что оставался только на нѣсколько дней въ Парижѣ, я чувствую, что твое присутствіе мнѣ необходимо. Но не приходи прежде четырехъ часовъ. Меня не будетъ дома до-тѣхъ-поръ. Другъ мой, у меня въ головѣ тысячи противорѣчащихъ мыслей о вещахъ, которыя, кажется и существуютъ и не существуютъ, и представляются мнѣ какъ бы видѣніями въ зеркалѣ: удостовѣриться въ нихъ нельзя, а видишь ихъ ясно. Не хочу больше ничѣмъ заниматься, предаюсь праздности. Я не могу, какъ ты, отчалить отъ одного берега и поплыть вдоль другаго, но чувствую въ себѣ мужество не приписывать никакой важности особамъ и дѣламъ моего берега и обитать въ Творцѣ всего справедливаго и всего истиннаго. Одно только было бы мнѣ больно при смерти: поразить мимоходомъ и вехотя чью-нибудь судьбу, но не по участію, которое могутъ имѣть ко мнѣ, я не довольно безумна для этого».

Сень-Мишель.

« Другъ мой, иногда звукъ твоего голоса не доставлялъ мнѣ столько удовольствія какъ вчера, когда я услышала его на глостинцѣ. Мои идеи тогда старались преодолѣть мое мужество. Я была такъ рада чувствовать тебя возлѣ; ты явился и все внутри меня вришило въ порадонъ. Иногда сердце жестоко отвращается пить свою чашу. Какъ это сердце, такое крошечное про-
Digitized by Google

Я очень недовольна собою, очень недовольна. Мои дѣла и идеи увлекаютъ меня; я уже почти не въ силахъ молиться и говорю только разъ сто въ день: Господи, посети меня услышать, потому-что духъ мой изнемогаетъ.

Безъ числа.

« Братъ, не утомляйся ни письмами моиими, ни присутствіемъ; подумай, что скоро освободишься отъ моей докучливости. Жизнь моя бросаетъ послѣдній блескъ; это лампа, которая угасла во время долгой ночи и видитъ разсвѣтъ того дня, когда она должна умереть. Удостои, братъ, бросить взглядъ на первое время нашей жизни; припомни, что часто мы сидѣли на однихъ колѣнахъ, что насъ принимали къ одной и той же груди, что ты плакалъ со мною, что съ самыхъ первыхъ дней твоей жизни ты покровительствовалъ, укрывалъ слабое существованіе мое, что мы играли вмѣстѣ, что я раздѣляла твои первые уроки. Не стану говорить тебѣ о нашей юности, о невинности нашихъ мыслей, о нашихъ радостяхъ, о взаимной необходимости безпрестанно быть вмѣстѣ. Если я говорю тебѣ о прошедшемъ, признаюсь, добродушно, братъ, это только для того, чтобы ожить болѣе въ твоемъ сердцѣ. Когда ты уѣхалъ во второй разъ изъ Франціи, ты вручилъ мнѣ свою жену, взялъ съ меня обѣщаніе не разставаться съ нею. Вѣрная этому драгоценному обязательству, я добровольно протянула руки въ оковы и вошла въ мѣста, единственно назначенныя жертвамъ, обреченнымъ на смерть. Въ этихъ жилищахъ я только беспокоилась о твоей участи, безпрестанно допрашивала о тебѣ предчувствія сердца. Когда я опять получила свободу, среди поразившихъ меня несчастій, мысль о соединеніи съ тобою одна поддерживала меня. Теперь, когда я безвозвратно теряю надежду, чтобы жизнь моя протекла съ тобою, выноси мои огорченія. Я покорюсь моей участи; я испытываю такіа жестока испытанія только потому, что спорю иногда съ нею. Но когда покорюсь этой участи.... И какой участи! Гдѣ мои друзья, благодѣтели, богатства! Кому какаа нужда де моего существованія, этого существованія, которое брошено всѣми, и тяготитъ само надъ собою? Боже мой! развѣ недовольно для моей слабости, моихъ настоящихъ страданій, затѣмъ тутъ еще прибавлять ужась будущаго? Извини, драгоценный другъ, я покорюсь, усну сномъ смерти на судьбѣ своей. Но на нѣсколко дней, которые я проведу въ этомъ городѣ, позволь мнѣ

искать въ тебѣ моихъ послѣднихъ утѣшній; позволь мнѣ вѣрить, что мое присутствіе тебѣ пріятно. Повѣрь, что между любящими тебя сердцами, ни одно не сравнится въ искренности и нѣжности съ моей бессильной дружбой. Наполни память мою пріятными воспоминаніями, которыя продлятъ возлѣ тебя мою жизнь. Вчера когда ты просилъ меня пріѣхать къ тебѣ, ты показался мнѣ безпокоенъ и серьозенъ, между-тѣмъ какъ слова были дружелюбны. Какъ, братъ, неужели для тебя я стала предметомъ отвращенія и скуки? Ты знаешь, что не я предложила тебѣ пріятную разсѣяность посѣтить тебя, что я обѣщала не употреблять ее во зло; но если ты перемѣнилъ намѣреніе, зачѣмъ не сказалъ мнѣ откровенно? У меня недостатъ мужества противъ твоихъ вѣжливостей. Прежде ты немножко отащалъ меня отъ толпы и отдавалъ мнѣ больше справедливости. Такъ какъ ты ждешь меня сегодня, я приду къ тебѣ въ одиннадцать часовъ. Мы вмѣстѣ устроимъ, все что тебѣ пріятно для будущаго. Я написала къ тебѣ въ увѣренности, что не буду имѣть смѣлости сказать тебѣ ни одного слова изъ того, что содержитсяъ въ этомъ письмѣ ».

Это столь горькое и столь удивительное письмо было послѣднимъ; оно утѣшило меня своей усугубленной печалью. Я бросилась въ сентъ-мишельскій монастырь; сестра гуляла въ саду съ мадамъ де-Наваръ; она воротилась, когда ей сказали, что я пришелъ. Она очевидно припоминала съ усиліемъ, и время отъ времени судорожно подергивала губами. Я просилъ ее возвратиться къ разсудку, не писать мнѣ такихъ несправедливыхъ вещей, и которыя раздирали мнѣ сердце, не думать, что она можетъ когда-нибудь надоѣсть мнѣ. Она какъ-будто нѣсколько успокоилась при увѣреніяхъ, которыми я осыпалъ ее, чтобы разсѣять и утѣшить. Она сказала мнѣ, что монастырская жизнь ей вредна, что ей будетъ лучше въ уединенной квартирѣ, возлѣ Jardin des Plantes, тамъ, гдѣ ей можно будетъ видѣться съ докторами и гулять. Я уговаривалъ ее исполнить это желаніе, прибавивъ, что въ помощь Виргиніи, ея горничной, я дамъ ей старина Сентъ-Жермена. Это предложеніе доставило ей большое удовольствіе, по воспоминанію къ графинѣ де-Бомонъ, и она увѣрила меня, что примется за устройство новой квартиры; спросила, какъ я располагаю этимъ лѣтомъ; я сказалъ, что поѣду въ Виши къ женѣ, потомъ къ Жуберу въ Вильнёвъ, оттуда въ Парижъ и предложилъ ей ѣхать съ нами. Она отвѣчала, что хочетъ провести лѣто одна и ото-

иметь Виргинію въ Фужеръ. Когда я оставилъ ее; она была сво- койнѣе.

Жена моя уѣхала въ Вини, я собирался къ ней. До отъѣзда я увидѣлся съ Люсианою; она была очень дружелюбна, говорила о своихъ сочиненіяхъ, которыхъ чудные отрывки вы видѣли уже въ этихъ Запискахъ. Я ободрялъ труды великаго поэта; она обняла меня, пожелала добраго пути, взяла обѣщаніе скорѣе воротиться, довела меня до мѣстницы, облокотилась на перила и спокойно смотрѣла мнѣ въ слѣдъ. Сойдя внизъ, я остановился, и поднимъ голову закричалъ несчастной, все смотрѣвшей на меня: «Прощай, милая сестра, до свиданья! береги свое здоровье. Пиши мнѣ въ Вильнёвъ. Я тоже буду писать тебѣ. Надѣюсь, что будущей зимой ты согласишься жить съ нами».

Вечеромъ я отдалъ приказанія и деньги добряку Сень-Жерме- ну, чтобы тайнѣю чопыжить цѣну тѣмъ вѣздамъ, въ которыхъ Люсианъ будетъ имѣть нужду, велѣвъ уведомлять меня обо всемъ и непремѣнно вызвать меня въ случаѣ нужды. Прошло три мѣ- сяца. По прїѣздѣ въ Вильнёвъ, я нашелъ двѣ записки, очень успокоительныя о здоровьи Люсиана; но Сень-Жерменъ забылъ написать о новой квартирѣ и новыхъ распоряженіяхъ сестры. Я началъ къ ней длинное письмо, какъ вдругъ жена моя опасно занемогла: я сидѣлъ у ея постели, когда мнѣ принесли еще пись- мо отъ Сень-Жермена, я распечаталъ: одна строчка сразила меня какъ громомъ: Люсианъ не стого!

За многими моральми въ моей жизни нѣтъ и потѣшеніе, во сестрѣ моей было суждено, что прахъ ея будетъ со временемъ размотанъ по воздуху. Я не былъ въ Парижѣ, когда она умерла, и не имѣлъ тамъ родственниковъ; опасное состояніе жены удер- жало меня въ Вильнёвъ, я не могъ летѣть къ священнымъ оста- ткамъ; приказанія, данныя вѣздамъ, пришли слишкомъ поздно, что- бы допустить общее погребеніе. Люсианою никто не зналъ, дру- зей у ней не было; она была известна только старому слугѣ графини де-Бомонъ, какъ-будто на него было возложено связать двѣ судьбы. Отъ однихъ шелъ за оставленнымъ гробомъ и самъ умеръ прежде чѣмъ страданія жены позволили мнѣ отвезти ее въ Парижъ.

Сестру похоронили между бѣдными: на какомъ кладбищѣ по- грели ее? въ какой неподвижной волнѣ океана жертвы ея была поглощена она? въ какомъ домѣ скончалась? Если бы даже я сдѣлалъ розыски, справлялся въ городскихъ архивахъ, съ при- ходскими книгами, к чему бы мнѣ это послужило? Могъ ли бы

я найти того же спарена погребальной оградой? Могу ли бы пойти того, кто вырылъ могилу безъ имени, безъ надписи? Грубыя руки, догровушавшися молью въплзъ до такой чистой порети, сохранили ли воспоминаніе о томъ? Какой духоуказатель угадалъ бы мнѣ забытую могилу? не могу ли оны принять одинъ прахъ за другой? — Если такъ было угодно вебу, пусть Люсианъ померзаетъ навсегда! Я покажу въ этомъ отсутствіи мѣста, различіе отъ погребаній другихъ моихъ друзей. Моя предшественница въ этомъ мѣрѣ и другомъ молить за меня Искупитала; она молить его среди убогихъ оставишь, съ которойни смѣшавоа ея прахъ: такъ покоится между возмиллованными Христа, мать Люсианъ и моя. Господь узнаетъ мою сестру и она, такъ мало припадешавшая землѣ, не должна была оставить здѣсь сѣдлецъ. Она покинула меня, эта гениальная и святая женщина. Не проходило дня, чтобы я не оплакивалъ ея. Люсианъ любилъ сырнваться; и изготавлялъ ей прутьяню въ носнѣ сердца: она выйдеть оттуда, когда я перестану жить.

Вотъ настояція, единственныи происшествіи моеи дѣйствительной жизни! Какая была мнѣ нужда, въ ту минуту, когда я анивался сестры, до тысячи солдатъ, нававшихъ на полѣ сраженія, и до измѣненія лица земли.

Смерть Люсианъ просочилась въ источникъ души моеи: это исчезало мое дѣтство среди родныхъ, это исчезали первые слѣды моего бытія. Наша жизнь похожа на непрочныи постройки, поддерживаемыя въ воздухѣ подпорками: онѣ разрушаются не вдругъ, но отрываются постепенно, поддерживаютъ еще галдерею, но уже обрушились полѣ иконостасомъ или подѣ корпучомъ храма. Жена моя, еще изувѣченная повелительными капридами Люсианъ, смотрѣла на смерть ея какъ на освобожденіе христіанина, достигавшей Господняго успокоенія. Будемъ кротки, если хотимъ, чтобы о насъ сожалѣли; высокіе лении и несправедливыя качества облаквиваются только ангелами. Но я не могу принять участіе въ утѣшеніи моеи жены.

Когда, возвращаясь въ Парижъ по бурговской дорогѣ, я приѣхалъ куполъ Val-de-Grâce и куполъ Sainte-Geneviève, возвышающійся надъ Jardin des Plantes, у меня надорвалоо сердце: еще одна подруга жизни оставлена на дорогѣ! Мы воротились въ отель Коаленъ, и хотя де-Фодтанъ, Жуберъ, де-Клозаль, Молѣ проводили вечера со мною; меня мучило столько мыслей и воспоминаній, что я не могу выдержать. Оставшись одинъ, вдали за милыми предметами, покинувшими меня, какъ чужестранецъ морякъ, и о

того обязательство кончилось, и у котораго нѣтъ ни крова, ни родины, я тошнулъ ногой о берегъ, горѣлъ нетерпѣніемъ брестись вплавь въ новый океанъ, чтобы освѣжиться и переспалтъ его. Питомецъ Парнасса, крестопосецъ въ Солнцѣ, я хотѣлъ поскарѣе смѣшать отдохновеніе мое съ аѳинскими руднами, а слезы съ слезами Магдалины.

Я съѣздилъ къ роднымъ въ Бретань и возвратясь въ Парижъ, уѣхалъ въ Триестъ 13 іюля 1807 года: жена проводила меня до Венеціи, куда Баллашъ прѣѣхалъ къ ней.

Жизнь моя изложена по часамъ въ «Дорожникѣ»; мнѣ нечего бы было прибавлять здѣсь, если бы у меня не оставалось нѣсколько неизвѣстныхъ писемъ, написанныхъ и полученныхъ во время и послѣ моего путешествія. Жюлиенъ, слуга и спутникъ мой, также съ своей стороны писалъ «Дорожникъ», какъ пассажиръ на кораблѣ пишутъ особенные журналы во время путешествія для открытія. Маленькая рукопись, отданная мнѣ въ мое распоряженіе, будетъ служить повѣркой моему разсказу: я буду Кукъ, онъ — Клеркъ.

Желаю выставить въ самомъ полномъ свѣтѣ разницу между впечатлѣніями, смотря по разницѣ чиновъ въ обществѣ и въ іерархіи разумовъ, я смѣшаю разсказъ мой съ разсказомъ Жюлиена. Пусть онъ говоритъ первый, потому-что описываетъ нѣсколько дней плаванія, совершеннаго безъ меня, отъ Медона до Смирны.

ДОРОЖНИКЪ ЖЮЛИЕНА.

«Мы отплыли въ пятницу, 1 августа; но вѣтеръ не благопріятствовалъ выѣзду изъ гавани, мы тамъ остались до разсвѣта другаго дня. Тогда лоцманъ объявилъ, что можетъ вывести насъ изъ гавани. Не бывъ никогда на морѣ, я составилъ собѣ прувеличенную идею объ опасности; два дни не видѣлъ никакой. Но на третій день поднялась буря; молнія, громъ, словомъ, страшная гроза застигла насъ и вдула море съ страшной силой. Нашъ экипажъ составляли только осемь матросовъ, капитанъ, офицеръ, лоцманъ, поварь, пять пассажировъ, считая барина и меня, что составляло всего на все семнадцать чело-вѣкъ. Тогда мы всѣ принялись помогать матросамъ, свертывать паруса, несмотря на дождь, скоро промочившій насъ насковъ, потому-что мы сняли платья, чтобы дѣйствовать свободнѣе. Эта работа занимала меня и заставляла забывать опасность, которая, право, гораздо страшнѣе въ воображеніи, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.»

Виродолженіе двухъ дней грѣзы смѣнялось непрерывно, это происходило меня въ первые дни плаванія; я нисколько не страдалъ. Баринъ боялся, чтобы я не захворалъ морской болѣзною; когда вѣстивалась тишь, онъ сказалъ мнѣ: «Теперь я успокоился на счетъ твоего здоровья; ты хорошо перенесъ два дня грѣзы, и можешь быть спокоенъ на всю остальную непогоду». Этого не случилось болѣе во время переѣзда до Смирны. Десятого, въ воскресенье, баринъ велѣлъ пристати у турецкаго города Модона, гдѣ высалился, чтобы отправиться въ Грецію. Между пассажирами, находившимися съ нами, были два Мдлапца, ѣхавшіе въ Смирну исправлять ремесло жестяника и плавильщика олова. Одинъ изъ нихъ, по имени Юсефъ, говорилъ довольно хорошо по-турецки; баринъ предложилъ ему ѣхать съ нимъ какъ слуга и переводчикъ; онъ упоминаетъ объ немъ въ своемъ «Дорожникѣ». Онъ сказалъ намъ на прощаньи, что путешествіе его продлится только нѣсколько дней, что онъ соединится съ нашимъ судномъ на островѣ, куда мы должны были пристать черезъ четыре или пять дней, что онъ подождетъ насъ на этомъ островѣ, если прійдетъ прежде. Какъ баринъ нашелъ въ этомъ человѣкѣ то, что было ему нужно для этого маленькаго путешествія (въ Спарту и въ Афины), онъ оставилъ меня одного продолжать дорогу до Смирны и смотрѣть за нашими вещами. Онъ далъ мнѣ рекомендательное писемко къ французскому консулу, въ случаѣ, если не соединится съ нами, что и случилось. На четвертый день мы пріѣхали къ указанному острову. Капитанъ сошелъ на землю, а барина тамъ не было. Мы продели ночь и ждали его до семи часовъ утра. Капитанъ воротился на землю сказать, что принужденъ ѣхать по попутному вѣтру, потому что долженъ отдать отчетъ въ рейсѣ; ктому же онъ видѣлъ пирата, старавшагося къ намъ приблизиться; надо было поскорѣе приготовиться къ оборонѣ. Онъ велѣлъ зарядить свои четыре пушки, вывести на палубу ружья, пистолеты и холодное оружіе, но какъ вѣтеръ былъ намъ попутный, пиратъ бросилъ насъ. Мы пріѣхали восемнадцатаго числа, въ понедельникъ, въ семь часовъ вечера, въ смирнскую гавань.

Проѣхавъ Грецію, острова Зеа и Хиосъ, я нашелъ Жюліена въ Смирнѣ. Я вижу теперь, въ моемъ воспоминаніи, Грецію, какъ одинъ изъ тѣхъ бдестащихъ круговъ, которые видишь иногда закрывъ глаза. На этомъ таинственно-фосфорномъ мерцаніи рисуются рудны тождой и чудной архитектуры, а все это становится еще ярче, еще свѣтлѣе отъ какого-то другаго сіянія музъ.

Когда встрѣчу я опять тѣмъ же горы Гинетъ, олеандръ береговъ Эврата? Одинъ изъ людей, которымъ я больше всего завидовалъ на этихъ чужестранныхъ берегахъ, былъ турецкій таможенный изъ Пирея; онъ жилъ одинъ, сторожа три пустыя порта, обводя взоромъ по голубоватымъ островамъ, по блестящимъ мысамъ, по золотистымъ морямъ. Тамъ я слышалъ только шумъ волнъ въ разрушенной гробницѣ Оемистокла и ропотъ отдаленныхъ воспоминаній: при безмолвіи развалинъ Спарты, даже слава молчитъ.

Я оставилъ въ колыбели Мелиспены моего бѣднаго драгомана Юсефа, Миланца, въ его лавочкѣ жестяныхъ издѣлій и направился къ Константинополю; проѣхалъ въ Пергамъ, желая сначала побывать въ Троѣ, изъ поэтическаго состраданія; паденіе съ лошади ожидало меня въ началѣ пути; но Пегасъ споткнулся, а я спалъ. Я припомнилъ этотъ случай въ «Дорожникъ», Жюліенъ также объ немъ рассказываетъ, дѣлая о дорогахъ и лошадяхъ замѣчанія, въ вѣрности которыхъ я ручаюсь.

ДОРОЖНИКЪ ЖЮЛІЕНА.

«Баринъ заснулъ на лошади и упалъ не проснувшись. Лошадь его тотчасъ остановилась и моя также, шедшая за нею. Я сошелъ на-земь, чтобы узнать причину, потому-что мнѣ невозможно было распознать ее на разстояніи сажени. Я вижу барина еще въ просонкахъ возлѣ своей лошади, въ удивленіи, что онъ на землѣ; онъ увѣрилъ меня, что не ушибся. Лошадь его не старалась уйти, что было бы опасно, потому-что пропасти были недалеко отъ того мѣста, на которомъ мы находились».

Выѣхавъ изъ Соммы, по выѣздѣ изъ Пергама, я поссорился съ проводникомъ, о чемъ также говорится въ «Дорожникъ». Вотъ рассказъ Жюліена:

«Мы уѣхали очень рано изъ этой деревни, запасшись виномъ и водкой. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни, я очень удивился, увидя, что баринъ сердится на проводника; я спросилъ о причинѣ. Тогда баринъ сказалъ мнѣ, что условился съ проводникомъ въ Смирнѣ, которой взяли свести его дорогой въ Троянскія долины, а теперь не соглашается, говоря, что долины наполнены разбойниками. Баринъ не хотѣлъ этому вѣрить и не слушалъ никого. Видя, что онъ разгорячается все болѣе и болѣе, я сдѣлалъ знакъ проводнику подойти къ толпѣ и къ лычару, чтобы объяснить, что ему сказали объ опасности дѣ-

лннъ, которыя баринъ хотѣлъ осмотрѣть. Проводникъ сказалъ толмачу, что его увѣрили, будто надо быть въ большомъ числѣ, чтобы не подвергнуться нападенію: янычарь то же сказалъ мнѣ. Тогда я пошелъ къ барину и повторилъ, что мнѣ сказали всѣ трое и еще то, что черезъ день пути мы найдемъ деревушку, гдѣ быдъ консулъ, который могъ сказать намъ правду. Баринъ успокоился, и мы продолжали дорогу до этого мѣста. Тотчасъ по прїѣздѣ, онъ пошелъ къ консулу, который представилъ ему, какой опасности онъ подвергнется, если захочетъ отправиться въ такомъ маломъ числѣ въ троянскія долины. Тогда баринъ былъ принужденъ отказаться отъ своего намѣренія, и мы продолжали путь въ Константинополь».

Я прїѣхалъ въ Константинополь.

МОЙ ДОРОЖНИКЪ.

«Почти совершенное отсутствіе женщинъ, колесныхъ экипажей, стан собакъ безъ хозяевъ — три отличительныя черты, поразившія меня сначала въ этомъ необыкновенномъ городѣ. Такъ-какъ ходять только въ туфляхъ, такъ-какъ не слышно шуму каретъ и повозокъ, нѣтъ ни колоколовъ ни стуку ремесленныхъ молотковъ, безмолвіе ничѣмъ непрерывается. Вы видите вокругъ молчаливую толпу, которая какъ-будто хочетъ пройти не будучи замѣченной, какъ-будто скрывается отъ глазъ преслѣдователя. Вы безпрестанно переходите отъ базара на кладбище, какъ-будто у Турковъ только и дѣла что покупать, продавать и умирать. Кладбища безъ ограды, среди улицъ, похожи на великолѣпные кипарисовые лѣса: голуби вьютъ гнѣзда въ этихъ кипарисахъ и раздѣляютъ спокойствіе мертвыхъ. Тамъ и сямъ видѣются древніе памятники, не имѣющіе никакого отношенія ни къ новѣйшимъ людямъ, ни къ новымъ памятникамъ, которыми они окружены; словно они перенесены въ этотъ восточный городъ дѣйствіемъ талисмана. Никакой звакъ радости, никакой видъ счастья не является глазамъ; то что видишь, не похоже на народъ, во на стадо, которое ведетъ нямъ, а рѣжетъ янычарь. Среди темницъ и остроговъ, возвышается сераль, капитолій рабства: тамъ священный сторожъ сохраняетъ тщательно зародышъ язвы и первоначальные законы тиранніи».

Жюлиентъ не теряется такъ въ облакахъ.

ДОРОЖНИКЪ ЖЮЛІЕНА.

« Внутренность Константинополя очень неприятна наклоно-
 стью своей къ проливу и порту; привуждены дѣлать по всѣмъ
 улицамъ, спускающимся по этому направленію (улицамъ, очень
 дурно вымощенымъ) уступы и завалы, очень близкіе одинъ къ
 другимъ, чтобы удержать землю отъ уносу стекающей воды. Ка-
 реть мало: Турки употребляютъ верховыхъ лошадей, гораздо
 больше чѣмъ всѣ другіе народы. Во французскомъ кварталѣ есть
 нѣсколько портшезовъ для дамъ. Есть также верблюды и вьюч-
 ные лошади для перевоза товаровъ. Видѣются и носильщики —
 Турки съ очень толстыми и длинными палками; они стано-
 вятся по пяти или шести съ каждаго конца и несутъ огромныя
 тяжести ровнымъ шагомъ; и одинъ человекъ также несетъ очень
 тяжелыя ноши. Родъ крючка виситъ у нихъ сзади отъ плечъ до
 поясицы, и съ удивительно искуснымъ равнолѣсіемъ, они ве-
 сать непривязанныя ноши.

Отъ Константинополя до Іерусалима.

МОЙ ДОРОЖНИКЪ.

«Насъ было на кораблѣ до двухъсотъ пассажировъ, мужчинъ,
 женщинъ, дѣтей и стариковъ. Столько же цыновокъ было разо-
 жено рядомъ съ обѣихъ сторонъ на нижней палубѣ. Въ этой рес-
 публикѣ всякій дѣлалъ, что хотѣлъ: женщины нянчились съ дѣт-
 ми, мужчины курили или готовили обѣдъ, папасы разговаривали
 между собой. Со всѣхъ сторонъ слышался звукъ мавдолинъ, скре-
 покъ и лиръ. Пѣли, плясали, смѣялись, молились. Всѣ были ве-
 селы. Мы говорили: «Іерусалимъ!» показывая на югъ, и я отвѣ-
 чалъ: «Іерусалимъ!» Словомъ, не будь страху, мы были бы са-
 стливейшими людьми въ мірѣ; но при малѣйшемъ вѣтрѣ, матре-
 сы складывали паруса, пилигримы кричали: *Christos, Kyrie elei-
 son!* Гроза переставала, мы снова становились смѣлы».

«Здѣсь Жюліенъ заткнулъ меня за поясъ.

ДОРОЖНИКЪ ЖЮЛІЕНА.

«Надо было запяться приготовленіями къ отъѣзду въ Ясу,
 который воспослѣдовалъ въ четвергъ 18 сентября. Мы отплыли
 на греческомъ суднѣ, гдѣ было по-крайней мѣрѣ и мужчинъ и

женщинъ сто-пятьдесятъ Грековъ, отправлявшихся на поселеніе въ Іерусалимъ; отъ этого возня на палубѣ была ужасная.

«У насъ какъ и у другихъ пассажировъ были живность и кухонная посуда, которыя я купилъ въ Константинополѣ. Кроме того у меня былъ другой полный запасъ, который далъ намъ посланникъ и состоялъ изъ очень хорошихъ сухарей, окороковъ, сосисокъ, колбасъ, различнаго сорту вина, рому, сахару, лимонновъ, даже вина, настоеннаго на хининѣ, противъ лихорадки. Я былъ снабженъ очень обильными запасами, который употребилъ весьма экономно, зная, что вѣкъ предстоитъ не одинъ этотъ переѣздъ: все было спрятано тамъ, куда ни одинъ пассажиръ не могъ войти.

«Нашъ переѣздъ, продолжавшійся только три дня, показался мнѣ очень долготъ по различнымъ непріятностямъ и нечистотамъ на суднѣ. Впродолженіе нѣсколькихъ дней непогоды, женщины и дѣти страдали сильной рвотой, такъ-что мы принуждены были оставить нашу каюту и ночевать на палубѣ. Мы тамъ ѣли гораздо удобнѣе, выждавъ, пока всѣ наши Греки не кончили своей начкотни».

Я проѣхалъ Дарданельскій проливъ, останавливаясь на Родостѣ, и взялъ лоцмана къ сирійскому берегу. Насъ остановила тишь на азійскомъ материкѣ почти напротивъ древняго мыса Хелидоніи. Мы оставались два дни на морѣ, не зная гдѣ мы.

мой дорожникъ.

«Погода была такъ хороша, воздухъ такъ тепелъ, что всѣ пассажиры оставались ночью на палубѣ. Мнѣ пришлось оспаривать мѣсто не вдалекѣ отъ руля, у двухъ толстыхъ каютеровъ, которые уступили мнѣ ворта. Тамъ-то спалъ я 30 сентября, въ шесть часовъ утра, когда меня пробудилъ смѣшанный шумъ голосовъ: я открылъ глаза и пріятнѣлъ пилгримовъ, смотрѣвшихъ на носъ корабля. Я спросилъ о причинѣ, мнѣ закричали: *Signor, il Carmele!* Кармель! Вѣтеръ поднялся наканунѣ съ осьми часовъ вечера и ночью мы были въ виду сирійскихъ береговъ. Такъ какъ я спалъ совсѣмъ одѣтый, то скоро былъ на ногахъ, разсержившая о свѣщенной горѣ. Каждый спѣшилъ показать мнѣ рукою, но я ничего не видѣлъ, потому-что солнце всходило прямо противъ насъ. Въ этой минутѣ было что-то религіозное и величественное; всѣ пилгримы съ четками въ рукахъ стояли безмолвно въ одномъ положеніи, ожидая появленія святой земли; на-

чальникъ папасовъ громко молился: только и слышно было эту молитву и шумъ корабля, гонимаго благопріятнымъ вѣтромъ на блестящемъ морѣ. Время отъ времени съ носа корабля поднимался крикъ, когда показывался Кармель. Наконецъ я самъ увидѣлъ эту гору, какъ круглое пятно подъ солнечными лучами. Ия тотчасъ сталъ на колѣна, по латинскому обряду. Я не почувствовалъ такого волненія какъ при открытіи береговъ Греціи; но видъ колыбели Израильтянъ и отчизны христіанъ наполнилъ меня радостью и благоговѣніемъ.

«Вѣтеръ пересталъ въ полдень и поднялся снова въ четыре часа: но по невѣдѣнію лоцмана, мы перешли цѣль. Въ два часа пополудни увидали мы снова Яфу.»

«Лодка отчалила отъ берега съ тремя монахами. Я сошелъ съ ними въ шлюбку; въ гавань въѣхали мы въ отверстіе, продѣланное между скалами и даже опасное для каяки.

«Арабы съ берега вошли въ воду до пояса, чтобы взять насъ на плечи. Тутъ произошла довольно смѣшная сцена: слуга мой былъ въ сюртукѣ бѣловатаго цвѣту, а у Арабовъ бѣлый—благородный цвѣтъ; они приняли Жюліена за шейха, схватили его и повесли торжественнымъ ходомъ, несмотря на его увѣренія; между-тѣмъ какъ я, благодаря своей синей одеждѣ, долженъ былъ смиренно довольствоваться спиною оборваннаго нищаго.»

Теперь послушаемъ Жюліена, главнаго актера сцены:

ДОРОЖНИКЪ ЖЮЛІЕНА.

«Меня очень удивило, что шесть Арабовъ понесли меня на землю, между-тѣмъ какъ барина взяли только два; его очень забавляло-видѣть, что меня несутъ какъ идола. Не знаю, одежда ли моя показалась имъ блестящею одеждою барина; на немъ былъ коричневый сюртукъ съ такими же пуговицами, а мой былъ цвѣту бѣловатаго, съ пуговицами изъ аплике, бросающими довольно большой блескъ на солнцѣ; это, конечно, и было причиною ихъ ошибки.»

«Мы были въ среду, 1 октября, у лѣвскихъ монаховъ, ордена Бернардиновъ, говорящихъ по-латыни и по-италиянски, но очень мало по-французски. Они приняли насъ очень хорошо и старались доставить намъ все, что намъ было необходимо.»

Я пріѣхалъ въ Іерусалимъ. По совѣту монастырскихъ братій, я скоро прошелъ святой градъ и отправился въ Іордану. Остановившись въ вилеемскомъ монастырѣ, уѣхалъ съ конвоемъ

Арабовъ и остановился въ монастырѣ Святаго Саввы. Въ полночь былъ на берегу Мертваго Моря.

МОЙ ДОРОЖНИКЪ.

«Когда путешествуешь по Иудеи, сначала большая грусть овладѣваетъ сердцемъ, но когда переходя отъ пустыни къ пустыни, пространство разстигается безгранично передъ вами, мало-по-малу скука разсѣивается, чувствуешь тайный ужасъ, который не только не смущаетъ души, но придаетъ бодрость и возвышаетъ духъ. Необыкновенные виды открываютъ со всѣхъ сторонъ землю, воздѣланную чудесами: жгучее солнце, буйный орелъ, безплодная смоковница, вся поэзія, всѣ картины Священнаго Писанія тутъ передъ вами. Каждое названіе заключаетъ тайну; каждый гротъ возвѣщаетъ будущее; каждая вершина звучитъ голосомъ пророковъ. Самъ Господь говорилъ на этихъ берегахъ: высохшіе потоки, треснувшія скалы, полуоткрытыя гробницы, свидѣлствуютъ о чудесахъ; пустыня кажется еще безмолвною отъ ужаса, словно она не посмѣла прервать безмолвіе послѣ того, какъ слышала гласъ Превѣчнаго.

«Мы сошли съ вершины горы провести ночь на берегу Мертваго Моря и потомъ пробраться до Иордана».

ДОРОЖНИКЪ ЖЮЛИЕНА.

«Мы сошли съ лошадей, чтобы дать имъ отдохнуть и поѣсть; у насъ тоже былъ славный запасъ водки и вина отъ іерусалимскихъ монаховъ. Послѣ закуски, Арабы отошли на нѣкоторое разстояніе отъ насъ, чтобы послушать, прижавъ ухо къ землѣ, не слышно ли какого шума: увѣривъ насъ, что мы можемъ быть спокойны, всѣ предалися сну. Хотя я лежалъ на камняхъ, однако выспался славно. Баринъ разбудилъ меня въ пять часовъ утра, и велѣлъ сказать всѣмъ нашимъ людямъ, чтобы они приготовлялись къ отъѣзду. Онъ уже наполнилъ жестяную бутылку, содѣлавшую около трехъ кружекъ воды изъ Мертваго Моря, чтобы отвезти ее въ Парижъ.

МОЙ ДОРОЖНИКЪ.

«Мы сняли палатки, или часа полтора съ чрезвычайнымъ трудомъ по бѣлому и мелкому песку, и подошли къ небольшому

лѣску изъ бальсамовыхъ и тамариндовыхъ деревь, который въ великому моему удивленію, возвышался на безплодной почвѣ. Вдругъ Вилеесмы остановились и показали мнѣ рукою на дѣл оврага, что-то еще не прирѣченное мною. Не зная, что это такое, я примѣтилъ что-то похожее на движущійся песокъ на неподвижной почвѣ. Подойдя къ этому странному предмету, я увидѣлъ желтую рѣку, которую съ трудомъ можно было различить отъ песку обоихъ береговъ. Она была глубоко врыта въ горы и катилась медленно густую волну — это была Иорданъ...

«Вилеесмы раздѣлись и погрузились въ Иорданъ. Я не смѣлъ послѣдовать ихъ примѣру, но притивъ все-еще лучшей фети лихорадки».

ДОРОЖНИКЪ ЖЮЛИЕНА.

«Мы пріѣхали къ Иордану въ семь часовъ утра, по песчаной дорогѣ, гдѣ наши лошади взяли по колѣна, и рвямъ, которые онѣ переходили съ трудомъ. Мы шли по берегу до десяти часовъ, и для отдохновенія очень спокойно выкупались въ тѣни кустарниковъ, окружающихъ рѣку. Можно бы легко переплыть на другую сторону, потому-что въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы были, ширина простиралась не болѣе сорока сажень; но это было бы неблаго-разумно, потому-что тамъ находились Арабы, старавшіеся догнать насъ; въ короткое время ихъ собралось очень много. Баринъ наполнилъ другую жестяную бутылку іорданской водою».

Мы воротились въ Іерусалимъ: Жюліена не очень поразили святые мѣста; онъ сухъ какъ истинный философъ: «Кальваріи, говоритъ онъ, въ той же самой церкви, на высотѣ, подобной высотамъ, на которыя мы всходили, и откуда вдали видѣются только выгоны, а вмѣсто лѣсу хворостъ и кусты, обглоданные животными. Иосафатова Долина находится подалеже за ними, у подножьи іерусалимской стѣны и похожа на крѣпостной ровъ».

Я оставилъ Іерусалимъ, пріѣхалъ въ Ясу и отплылъ въ Александрію. Оттуда поѣхалъ въ Каиръ и оставилъ Жюліена у Дроветти, который былъ такъ добръ, что нанялъ мнѣ австрійское судно въ Тунисъ. Жюліенъ продолжаетъ свой журналъ въ Александрію. «Тамъ есть, говорятъ онъ, Жиды, промышленные лажы, какъ вездѣ, гдѣ они находятся. Въ полнѣ отъ города, есть Помпеева колонна изъ красноватаго граниту, на которой изъ тесаного камня».

МОЙ ДОРОЖНИКЪ.

« Двадцать третьяго ноября въ полдень, поднялся попутный вѣтеръ, и отправился на корабль, обнявъ Дроветти на берегу, и размыслился съ нимъ обещаніями любить и помнить другъ друга; кинце плачу своей долгъ.

« Мы подняли якорь въ два часа. Лоцманъ вывелъ насъ изъ гавани. Вѣтеръ былъ съ югу и тихъ. Мы оставались три дня въ виду Помпеевой колонны, которую усматривали на горизонтѣ; вечеромъ на третій день услышали заревои выстрѣль въ александрійской гавани. Это былъ словно сигналъ нашего окончательнаго отъѣзду, потому-что поднялся сѣверный вѣтеръ и мы поплыли къ западу.

« Перваго декабря вѣтеръ, подувшій съ запада, преградилъ намъ путь. Мало-по-малу онъ спустился къ юго-западу и превратился въ бурю, прекратившуюся только по пріѣздѣ нашемъ въ Тунисъ. Чтобы наполнить время я списывалъ и приводилъ въ порядокъ отмѣтки этого путешествія и описанія «Мучениковъ». Ночью прохаживался по палубѣ съ помощникомъ капитана, Динелли. Дни, проводимые среди волнъ, на кораблѣ, бросаеомъ бурей, не безплодны; неизвѣстность будущаго придаетъ предметамъ настоящую цѣну: земля, видимая съ бурнаго моря, похожа на жизнь, когда на нее смотреть человекъ умирая».

ДОРОЖНИКЪ ЖЮЛИЕНА.

« Послѣ нашего выѣзду изъ александрійскаго порту, намъ было нѣсколько дней довольно хорошо, но это не продолжалось, потому-что была и дурная погода и неблагоприятный вѣтеръ, во весь остальной переѣздъ. На палубѣ всегда отправляли службу ошцеръ, лоцманъ и четыре матроса. Когда въ концѣ дня мы видѣли, что будетъ дурная ночь, то выходили на палубу. Въ полночь я дѣлалъ пушшъ, подавая сперва лоцману и четыремъ матросамъ, потомъ барину, ошцеру и себя, но мы пили его не такъ спокойно какъ въ кофейной. Этотъ ошцеръ былъ образованнѣе капитана, говорилъ очень хорошо по-французски, что въ этотъ переѣздъ для насъ было очень пріятно».

Мы продолжали наше плаваніе и бросили якорь у острововъ Керкени.

МОЙ ДОРОЖНИКЪ.

• Къ нашей великой радости поднялась гроза отъ юго-востока и въ пять дней мы прибыли къ водамъ острова Мальты. Мы увидели его наканунѣ Рождества, но въ самый день Рождества, вѣтеръ, поворота болѣе къ западу, пригналъ насъ на южную сторону Лампедузы. Мы оставались осемнадцать дней на восточномъ берегу тунисскаго владѣнія, между жизнью и смертью. Никогда не забуду двадцать-осьмое декабря.

• Мы бросили якорь передъ островами Керкени, оставались недѣлю на якорѣ въ Малой-Сиртѣ, гдѣ я встрѣтилъ 1807 годъ. Подъ какими звѣздами, при какихъ различныхъ судьбахъ не возобновлялись для меня годы, которые проходятъ такъ скоро или такъ медленно текутъ! Какъ были далеки отъ меня эти времена моего дѣтства, когда я принималъ съ сердцемъ, трепещущимъ отъ радости, благословеніе и подарки родителей! Какъ я ждалъ первый день новаго года! А теперь, на иностранномъ кораблѣ, среди моря, въ виду варварской земли, этотъ первый день улеталъ для меня безъ свидѣтелей, безъ удовольствія, безъ семейныхъ поцѣлуевъ, безъ этихъ нѣжныхъ желаній счастья, которыми мать съ такою искренностью осыпаетъ сына. Этотъ день, рожденный изъ утробы бурь, сыпалъ на мою голову только заботы, сожалѣнія и бѣлые волосы».

Жюлиенъ подверженъ той же участи и ворчитъ на меня за одну изъ тѣхъ вспышекъ нетерпѣливости, отъ которыхъ по счастью я исправился.

ДОРОЖНИКЪ ЖЮЛИЕНА.

• Мы были очень близко отъ острова Мальты и опасались быть примѣчены какимъ-нибудь англійскимъ судномъ, которое могло насъ принудить войти въ гавань; но никто не вышелъ къ намъ на встрѣчу. Экипажъ нашъ очень утомился, а вѣтеръ продолжался все непопутный. Капитанъ, видя на картѣ якорную стоянку подъ названіемъ Керкени, отъ которой мы были недалеко, направился туда, не предупредивъ барина, который, увидѣвъ, что мы приближались къ этой стоянкѣ, рассердился, зачѣмъ его не спросили, говоря капитану, что онъ долженъ былъ продолжать путь, потому что видалъ погоду и по-хуже. Но мы уже отплыли такъ далеко, что нельзя было воротиться, и къ тому же благодаримъ

капитана очень одобрили, потому что въ эту ночь вѣтеръ утихъ, море стало еще хуже, мы были принуждены оставаться сутками долѣе, чѣмъ предполагали, на этой стоянкѣ; баринъ выразилъ большое неудовольствіе капитану, несмотря на справедливыя причины, которыя тотъ представлялъ.

« Мы плыли около мѣсяца, а надо было всего-то семь или осемь часовъ, чтобы достигнуть тунисскаго порта. Вдругъ вѣтеръ поднялся такой сильный, что мы принуждены были выплыть въ открытое море, и три недѣли не могли подойти къ этому порту. Тутъ опять баринъ упрекалъ капитана, зачѣмъ тотъ потерялъ тридцать-шесть часовъ на стоянкѣ. Его нельзя было убѣдить, что съ нами бы случилось еще большее несчастіе безъ предусмотрительности капитана. А бѣда состояла въ томъ, что припасы уменьшались, между-тѣмъ какъ плаванію не видно было конца».

« Наконецъ я ступилъ на карагенскую землю. У москѣ и мадамъ Деваозъ я нашелъ самое щедрое гостеримство. Жюлиень хорошо описываетъ моего хозяина, также говоритъ о загородномъ житіи и о Жидахъ: « Они молятся и плачутъ », говоритъ онъ.

На военномъ американскомъ бригѣ проѣхалъ я Тунисское озеро до Гулетты. « Дорогой, говоритъ Жюлиень, я спросилъ барина, взялъ ли онъ золото, которое положилъ въ бюро въ той комнатѣ, гдѣ спалъ; онъ отвѣчалъ, что забылъ и я былъ принужденъ воротиться въ Тунисъ ».

Деньги никогда не могутъ засѣсть у меня во лбу.

Пріѣхавъ въ Александрію, мы бросили якорь въ виду развалинъ Аннибалова города. Я смотрѣлъ на нихъ съ корабля и не могъ отгадать, что это такое. Пріѣхавъ нѣсколько хижинокъ Мавровъ; мусульманскую пустынь на краю мыса, выдавагося въ море; овцы паслись между развалинами, такъ мало видными, что я едва отличалъ ихъ отъ земли, на которой онѣ разбросаны. Это былъ Карагенъ. Я поѣхалъ его до отплытія въ Европу.

МОЙ ДОРОЖНИКЪ.

« Съ вершины Бирсы взоръ обнимаетъ карагенскія развалины, которыя гораздо многочисленнѣе, нежели обыкновенно думаютъ: онѣ похожи на развалины Спарты, ничего въ нихъ не сохранилось въ цѣлости, но онѣ занимаютъ значительное пространство. Я видѣлъ ихъ въ февралѣ; на фиговыхъ, оливковыхъ, рожковыхъ деревьяхъ видѣлись уже первые листья; огромные дягилы и аканты образовали кучки зелени, между мраморными обломка-

ли всѣхъ цвѣтовъ. Издали я обводилъ взоромъ по перешейку, по двойному морю, по отдаленнымъ островамъ, по веселой долинѣ, по синеватымъ озерамъ, по лазурнымъ горамъ; видѣлъ льва, корабли, водопроводы, швейцарскія села, магометанскія пустыни, минареты и бѣлые дома Туниса. Милліоны сиворцовъ, спускавъ въ кушъ, похожія на облака, летали у меня надъ головою. Окруженный самыми высокими и самыми трогательными воспоминаніями, я думалъ о Дидонѣ, о Софонисбѣ, о благородной супругѣ Гадрубала; любовался обширными долинами, гдѣ погребены легионы Аннибала, Сципіона, Цезари; глаза мои хотѣли узнать мѣсто дворца Утики. Увы! развалины дворца Тиверія еще существуютъ на Капрѣ, а въ Утикѣ напрасно ищешь мѣсто дому Катона! Савомы, страшные Вандалы, легкомысленные Мауры, переходили попеременно въ моей памяти, представившей мнѣ въ послѣдней картинѣ, святаго Людовика, умирающаго на развалинахъ карфагенскихъ».

Жюлиенъ кончаетъ свой журналъ тѣмъ же: списываетъ въ Карфагенѣ послѣдній видъ Африки.

ДОРОЖНИКЪ ЖЮЛИЕНА.

«Седьмого и осьмага числа мы гуляли у карфагенскихъ развалинъ, гдѣ находится еще нѣсколько фундаментовъ вровень съ почвой, доказывающихъ прочность древнихъ зданій. Есть также какъ бы слѣды башни, поглощенныхъ моремъ. Существуютъ еще прекрасныя цистерны; видны другія заваленныя землею. Малое число жителей, населяющихъ эти мѣста, обрабатываютъ землю, необходимыя для нихъ, подбираютъ различные куски мрамору, камней и медалей, которые продаютъ путешественникамъ какъ древности. Баринъ купилъ нѣсколько, чтобы отвезти во Францію».

Жюлиенъ рассказываетъ вкратцѣ переѣздъ отъ Туниса до габралтарской бухты; отъ Алхезираса онъ быстро переходитъ къ Кадиксу, отъ Кадикса въ Гренаду. Равнодушный къ Бланкѣ, онъ только замѣчаетъ, что *Альамбра и другія высокія зданія, находятся на скалахъ безмѣрной высоты. Дорожникъ мой не входитъ въ большія подробности о Гренадѣ, я только говорю:*

«Альамбра кажется мнѣ достойной вниманія, даже послѣ греческихъ храмовъ. Гренадская долина восхитительна и очень походитъ на долину спартанскую: понятно, что Мауры сожалѣютъ о такой странѣ».

Я описалъ Альамбру въ «Послѣднемъ изъ Абенсраховъ».

амбра, Хенералихе, Монте-Санто, намечтались въ головѣ моей какъ эти фантастическіе пейзажи, которые часто на разсвѣтѣ воображаешь видѣть въ первомъ прелестномъ лучѣ Авроры. Нашлось бы еще во мнѣ довольно природы, для живописи въ Вегѣ, да не смѣю попробовать, опасаясь *гренадскаго архіепископа*. Во время пребыванія моего во градѣ женъ султанскихъ, одинъ гитаристъ, прогнанный землетрясеніемъ изъ деревни, которую я проѣхалъ, присталъ ко мнѣ. Глухъ онъ былъ какъ горшокъ; слѣдовалъ за мною всюду: когда я садился на развалину во дворцѣ Мааровѣ, онъ пѣлъ стоя возлѣ меня, и аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Благозвучный нищій можетъ быть не сочинилъ бы симфоніи «Сотвореніе міра», но его смуглая грудь виднѣлась сквозь лохмотья казаккина, и ему очень было бы нужно написать, какъ Бетговеиъ писалъ къ двницѣ Брѣнницѣ:

«Высокопочтенная Элеонора, милый другъ мой, а бы следъ себѣ очень счастливымъ, если бы у меня была вязаная фуфайка дѣл кроличьего пуху, вашей работы».

Я проѣхалъ, отъ одного конца до другаго, эту Испанію, гдѣ шестнадцать лѣтъ спустя, небо предназначило мнѣ важную роль—способствовать къ прекращенію анархіи у благороднаго народа и освободить Бурбона: честь оружія нашего была возстановлена и я спасъ бы легитимистовъ, если бы легитимисты понимали условія своего владычества.

Жюліенъ не выпустилъ меня изъ рукъ и привелъ на площадь Людовика-Пятнадцатаго, пятаго іюня 1807 года, въ три часа по полудни. Изъ Гренады онъ ведетъ меня въ Аранхуесъ, въ Мадридъ, въ Эскуриальъ, откуда перепрыгиваетъ въ Байонну.

«Мы выѣхали изъ Байонны, говоритъ онъ, во вторникъ, девятаго мая, въ Пд, Тарбъ, Барежъ, Бордо, куда пріѣхали семнадцатаго числа, очень утомленные, каждый съ зародышемъ лихорадки. Выѣхали девятнадцатаго, проѣхали Ангулемъ и Туръ и пріѣхали двадцать-осьмаго въ Блоа, гдѣ ночевали. Тридцать-перваго продолжали путь до Орлеана и потомъ въ послѣдній разъ ночевали въ Анжервилѣ».

Я былъ за одну станцію отъ замка, котораго обитателей продолжительное путешествіе не заставило меня забыть. Но гдѣ были Арминды сады? Два или три раза возвращаясь въ Пиренеи, я примѣчалъ съ большой дороги и Меревильскую колонну и Помпею: она возвѣщада мнѣ пустыню; какъ мои морскія судьбы, все измѣнилось.

Я пріѣхалъ въ Парижъ прежде вѣстей, которыя давалъ о

себѣ : я опередилъ свою жизнь. Какъ ни незначительны были мои письма, я пробѣгаю ихъ, и будто смотрю на плохіе рисунки, представляющіе объѣханные мѣста. Эти записки изъ Модона, Аѳонъ, Зеи, Смирны, Константинополя, Яѳы, Іерусалима, Александріи, Туниса, Гренады, Мадрита, Бургоса, эти строчки, начертанныя на различныхъ бумажкахъ, различными чернилами, принесенныя всѣми вѣтрами, интересуютъ меня. Все, даже мои фирманы люблю пересматривать, дотрогиваюсь съ удовольствіемъ до пергаменту, слѣжу за красивымъ почеркомъ, дивлюсь пышности слога: Такъ стало быть я былъ очень важной особой! Да — мы просто ученики съ нашими письмами да съ нашими паспортами, возлѣ этихъ чамоносныхъ воеводъ.

Османъ-Сендъ, морейскій паша, даетъ знать, кому о томъ въ Мисирѣ (древней Спартѣ) и Аргосѣ вѣдать надлежитъ. тако:

«Законники мѣстечка Мисирты, да начальники, судіи, надзиратели, писцы, цѣловальники — да умножится мудрость ваша! — образцы себѣ равныхъ, сливки правительственныхъ слугъ благонравныхъ, очи высшаго начальства, тѣни его въ мѣстахъ своего вѣдомства да разбирательства, всѣ вы люди чиновные и дѣловые — да повысятся чины ваши!

«Знайте всѣ съобща и каждый въ-особенности, что предъавитель сего, образецъ бояръ христіанскихъ, цвѣтъ дворянъ Френгистанскихъ (европейскихъ), доблестный гость изъ народа Франсузми называемаго, покорнѣйше просилъ и умолялъ насъ о дозволеніи ему побывать въ вашей сторонѣ и посмотриѣтъ на разныя ваши мѣста и долины, на горы и равнины, изыскавъ, что ему желательно отправиться туда въ сопровожденіи одного храбраго лычара и одного своего служителя, а оттуда слѣдовать далѣе въ мѣстечко Аѳину, которое уже не въ нашемъ вѣдомствѣ.

«И такъ всѣ вы судіи, благочинники и прочіе чиновники вышеписанные, когда сказанный чужестранный гость прибудетъ въ ваши мѣста, имѣете оказывать ему всякую дружбу и помощь и обращаться съ нимъ любительно и по-человѣчески. О чемъ и знайте, а слово мое соблюдайте, да честно, безвзяточно и безволокитно поступайте. Писано въ году отъ побѣга пророка 1221 и прочая».

Въ моемъ паспортѣ отъ Константинополя до Іерусалима значится:

«Высоковельможный, многопышный, почтеннѣйшій, доблестнѣйшій кадій Святыни Благородной (Іерусалима), превосходительнѣйшій эфенди (государь),

«Здравъ будьте!

«Представляя вамъ въ видѣ должнаго подарка дружбы, алмазы нашихъ благословеній и яхонты всякихъ привѣтствій да поздравленій, извѣщаемъ, что цѣль нашего посланія нижеслѣдующая: нѣкто изъ бояръ французскихъ и князей порога королей парижскихъ, по имени Шатобрианъ-бей, отправляется къ вашему свѣтлому присутствію съ намѣреніемъ совершить обряды поклоненія святымъ мѣстамъ, чтобы удостоиться званія *хаджи* (паллигрима)».

Покровительствуемъ ли мы такъ неизвѣстнаго путешественника передъ мерами и жандармами, осматривающими его паспортъ? Можно также читать въ этихъ фирманахъ перевороты народовъ: сколько должно было пройти вѣковъ, чтобы татарскій невольникъ давалъ повелѣнія воеводѣ Мизитры, то есть спартанскому судѣ; чтобы мусульманинъ поручалъ христіанина покровительству кадія *Святыхи Благородной*, то есть, Іерусалима!

Дорожникъ вошелъ въ число стихій моей жизни. Когда я уѣзжалъ въ 1806 году, поѣздка въ Іерусалимъ казалась мнѣ важнымъ предпріятіемъ. Но съ тѣхъ поръ какъ толпа бросилась по моимъ слѣдамъ и всѣ успѣли въ дилижансы, прелесть исчезла: лично мнѣ остался одинъ только Тунисъ: въ ту сторону направлялись мѣнѣе, и надо признаться, что я означилъ настоящее положеніе кароагенскихъ портовъ. Слѣдующее лестное письмо это доказываетъ:

«Милостивый государь, почтеннѣйшій виконтъ!

«Я только-что получилъ планъ мѣстоположенія и развалинъ Кароагена, съ точнымъ показаніемъ всѣхъ очертаній и оттѣнковъ почвы. Планъ снятъ тригонометрически, по базису въ 1,500 метровъ и основанъ на барометрическихъ измѣреніяхъ, произведенныхъ свѣренными инструментами. Этотъ десятилѣтній плодъ внимательности и терпѣнія, подтверждаетъ вполне ваше мнѣніе о расположеніи гаваней Бирсы.

«Я вновь разсмотрѣлъ, съ этимъ вѣрнымъ планомъ передъ глазами, всѣ древніе тексты и опредѣлилъ, кажется, окружную стѣну и разныя части Коооны, Бирсы, Мегары, и прочая. Вамъ же отдаю справедливость, должную по всѣмъ уваженіямъ.

«Если васъ не ужасаетъ наѣздъ моей тригонометріи и тяжелой учености на вашъ свѣтлый геній, то я готовъ явиться къ вамъ по первому мановенію вашему. Въ литературѣ, правда, мой отецъ и я, слѣдуемъ за вами *longissimo intervallo*, но за то, съ другой стороны, мы усердно стараемся не отставать отъ васъ въ благородной независимости, которой вы подаете такой прекраснѣйшій примѣръ во Франціи.

«Имѣю честь и горжусь быть вашимъ открытымъ обозре-
демъ».

«DUREAU DE LA MALLE».

Такой повѣрки мѣсть было бы прежде достаточно, чтобы со-
ставить мнѣ имя въ географіи. На будущее время, если найдете
на меня сумасбродное желаніе, чтобы всюду обо мнѣ трубил,
не знаю куда ужъ и ѣхать для того, чтобы привлечь вниманіе
публики: можетъ быть я опять принялся бы за мой старыи про-
ектъ открытія проходу къ сѣверному полюсу; можетъ-быть по-
пытку вверхъ по Гангесу. Я увидалъ бы тамъ черную и прамую
длиню лѣсовъ, защищающихъ приступъ къ Гималаямъ, когда де-
фигнувъ ущелья, связывающаго двѣ главныя вершины Бангур-
ской горы, а бы открылъ неизмѣримый амфитеатръ вѣчныхъ
едѣговъ; когда спросилъ бы проводниковъ, какъ Геберъ, англ-
канскій епископъ въ Калькуттѣ, имена другихъ восточныхъ горъ,
они бы отфѣтели мнѣ, что онѣ окружаютъ китайскую имперію.
Вотъ это дѣло! Но пріѣхать отъ пирамидъ, все-равно, что поим-
ловать изъ-за заставы. Я вспомнилъ при этомъ, что одинъ небож-
ный антикваріи изъ окрестностей Сентъ-Дениса во Франціи, на-
писалъ мнѣ, чтобы узнать не похожъ ли Подтоазъ на Іеру-
слимъ.

Страница, оканчивающая Дорожникъ, словно написана въ ту
самую минуту, до того воспроизводитъ теперешнія мои чувства.

«Двадцать лѣтъ уже, говорилъ я, посвящаю себя наукѣ средъ
водъ случайностей и всѣхъ огорченій: *diversa exilia et desertis
quaesere terras*: много листовъ изъ книгъ моихъ были начертаны
подъ палаткой, въ пустынѣ, среди воднъ; я часто держалъ перо
самъ не зная какъ продлю на нѣсколько минутъ еще мое сущес-
твование.... Если небо даруетъ мнѣ покой, который я не вкушалъ
никогда, постараюсь воздвигнуть въ безмолвіи памятникъ мое-
му отечеству; если провидѣніе откажетъ мнѣ въ этомъ покое, я
долженъ думать только о томъ, чтобы забыть послѣдніе дни мои
отъ заботъ, отрававшихъ нервы. Я уже не молодъ, люблю въ
шуму угадать и я теперь знаю, что литература, съ которой
бесѣда такъ пріятна, когда прикрыта тайной, за ея предѣлами, не
влочаетъ насъ только въ бури и сумятицы. Во всякомъ случаѣ,
я написалъ довольно, если имя мое должно жить, слишкомъ мно-
го, если оно должно умереть».

Статья можетъ, что Дорожникъ мой останется руководителемъ
однихъ только вѣчныхъ жидовъ моего десятка. Я въ извѣ-
стную неукоснительно назначилъ всѣ ночлеги и привалы и начерталъ
дорожную карту. Всѣ путешественники въ Іерусалимъ, и всѣхъ

нѣ, поздравляя меня и благодаря за точность; я приведу свидѣтельство.

«Вы сдѣлали намъ честь, милостивый государь, принявъ меня нѣсколько недѣль тому назадъ, съ другомъ моимъ де-Сенъ-Ломеромъ; привезя вамъ письмо изъ Абу-Гоша, мы прїѣзжали сказать вамъ, сколько новыхъ достоинствъ находишь въ вашемъ «Дорожникѣ», когда читаешь его на мѣстѣ, и какъ цѣнить даже его заглавіе, какъ униженно и скромно ни выбрали вы его, видя, что онъ оправдывается на каждомъ шагу рачительной точностью описаній, вѣрныхъ и понынѣ, исключая болѣе или меньшей развалины, единственнаго измѣненія этихъ странъ, и прочая.

«Jules Folentlot.»

Моя точность—слѣдствіе прямого, здраваго смыслу; я человѣкъ породы кельтской и черепахъ, породы пѣшей; не изъ крови Тагаръ и птицъ, породъ, снабженныхъ лошадьми и крыльями. Религія, правда, похищаетъ меня иногда въ свои обятія; но когда она становитъ меня на землю, я иду опираясь на палку, отдыхая на тумбахъ, чтобы позавтракать оливками и чернымъ хлѣбомъ. Хотя я много жаждалъ въ льсахъ, какъ это любятъ Французы, я никогда не любилъ перемѣны для перемѣны; дорога мнѣ наскучаетъ; я люблю путешествіе только по причинѣ доставляемой имъ независимости, какъ я клонюсь къ селу не для села, а для уединенія. «Для меня небо вездѣ одинаково, говоритъ Монтанъ: будете жить со своими; а тамъ — умереть отправимся къ чужимъ». У меня осталось также изъ этихъ восточныхъ странъ нѣсколько другихъ писемъ, достигнувшихъ до мѣста назначенія, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того чина, въ которое они написаны. Отцы Святой Земли, консулы и семейства, предполагая, что я сталъ ужасно силенъ при Бурбокахъ, ходатайствовали передо мною каждый о принятіи его гостепрїимства: издали ошибаешься и вѣришь тому, что считаешь справедливымъ. Гаспари писалъ мнѣ въ 1806 году, прося покровительства для сына; письмо его адресовано: *Виконту де Шатобриану главноначальствующему королевскимъ университетомъ въ Парижѣ.*

Какожъ, не теряя изъ виду, что происходитъ вокругъ него, увѣдомляеть меня о вѣстяхъ всего міра изъ Александріи: «Послѣ вашего отъѣзда, страна не улучшилась, хотя царствуетъ спокойствіе. Хотя нечего бояться Мамелюковъ, все еще укрывающихъ-

ся въ Верхнемъ Египтѣ, однако должно остерегаться: Абд-Фадъ все проказничаетъ въ Меккѣ, Мануескій каналъ закрыть; Мегмета-Али будутъ вѣчно помнить въ Египтѣ за исполненіе этого проекта и прочикъ».

Тринадцатаго августа 1816 года, Пангало, сынъ, писалъ мнѣ изъ Зеа:

« Ваше превосходительство, вашъ « Дорожникъ отъ Париза до Иерусалима » достигнулъ Зеа и я читалъ въ кругу моего семейства то, что вашему превосходительству угодно было оказать обязательнаго для насъ. Ваше пребываніе было здѣсь такъ коротко, что мы почти не заслуживаемъ похвалъ вашего превосходительства и нашему слишкомъ безцеремонному приему. Мы также узнали, съ величайшимъ удовольствіемъ, что ваше превосходительство поступили опять на свое мѣсто, вслѣдствіе послѣднихъ происшествій, — мѣсто должное вашему достоинству и рожденію. Мы поздравляемъ васъ и надѣемся, что на верху почестей графъ де-Шатобрианъ удостоитъ вспомнить о Зеа, о многочисленном семействѣ старика Пангало, его хозяина, этого семейства, въ которомъ французское консульство существуетъ съ славнаго царствованія Людовика-Великаго, подписавшаго патентъ нашего прѣдѣа. Этотъ большой старикъ уже не существуетъ; я лишился отца и остался съ весьма посредственнымъ состояніемъ, обремененный семействомъ; у меня есть мать, шесть сестеръ невестъ и множество вдовъ съ дѣтьми на моемъ попеченіи. Прибѣгаю къ добротѣ вашего превосходительства, прошу подать помощь моему семейству, выхлопотавъ, чтобы вице-консульству, на островѣ Зеа, которое весьма необходимо, по случаю большаго прихода кораблей, было опредѣлено жалованье, какъ другимъ вице-консульствамъ: чтобы изъ повѣреннаго, я сталъ вице-консуломъ съ содержаніемъ, опредѣленнымъ этому званію. Я думаю, что ваше превосходительство легко получите удовлетвореніе этой просьбы въ вознагражденіе долгихъ заслугъ моихъ предковъ, если удостоите заняться этимъ. Простите обременительную короткость нашихъ зейскихъ хозяевъ, надѣющихся на вашу благосклонность.

Остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ вашего превосходительства всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга.

М. С. «Pangalo».

Если немножко веселости мелькнетъ у меня на губахъ, видный разъ наказанъ я за это какъ за проступокъ. Это именно внушило мнѣ угрызеніе, при прочтеніи одного мѣста (ослабл-

наго правда выраженіями признательности) о гостепримствѣ нашихъ консуловъ въ Левантѣ. Дѣвицы Пангало, говорю я въ «Дорожничѣ», поють не гречески:

Ah! vous dirai-je maman ?

« Пангало ревѣлъ во все горло, пѣтухи орали на-пропалую и воспоминанія объ Аристенѣ, Симонидѣ совершенно изгладились ».

Просьбы о покровительствѣ почти всегда попадали среди моихъ немощей и моихъ бѣдъ. Въ началѣ возстановленія Бурбоновъ, одиннадцатаго октября 1814 года, я получилъ изъ Парижа это письмо:

« Господинъ посолъ!

« Дѣвица Дюпонъ съ острововъ Святаго Петра и Микелона, которая имѣла честь видѣть васъ на этихъ островахъ, испрашиваетъ аудіенціи у вашего превосходительства. Зная, что вы живете въ деревнѣ, она проситъ васъ дать ей знать, когда вы будете въ Парижѣ, и гдѣ можете удостоить ее этой аудіенціей.

« Имѣю честь быть и прочая.

« Дюпонъ ».

Я не помнилъ этой дѣвицы время моего скитанія по океану, до того память неблагоприятна! Однако сохранилъ полное воспоминаніе о невѣстной дѣвушкѣ, сидѣвшей возлѣ меня на печальной ледяной кукладѣ:

« Молоденькая морячка показалась на верхнихъ склонахъ горы; не смотря на холодъ, она босикомъ шла по росѣ, и прочая ».

Обстоятельства, независящія отъ моей воли, помѣшали мнѣ видѣть дѣвицу Дюпонъ. Если неравно это была невѣста Гильюми; какое дѣйствіе четверть столѣтія произвела на нее? Настигла ли ее зима Новой-Земли или сохранила она весну цвѣтущихъ бобовъ, приютившихся во рву форта Святаго Петра?

Люблю получать заморскія письма; они словно приносятъ мнѣ какой-то шумъ вѣтру, какой-то лучъ солнца, какое-то испареніе различныхъ судебъ, раздѣляемыхъ волнами и связываемыхъ воспоминаніями о гостепримствѣ.

Желалъ ли бы я снова увидѣть эти отдаленныя страны? Одну или двѣ, можетъ-быть. Небо Аттики произвело во мнѣ отарованіе, которое не изглаживается; воображеніе мое еще раздушено миртами храма «Садовой Венеры» и рѣки Кефиса.

Фенелонъ, передъ отъѣздомъ въ Грецію, писалъ Боссюэту слѣ-

дующее письмо. Будущій авторъ «Телемака» проявляется тутъ съ горячностью миссіонера и поэта.

«Различныя обстоятельства замедляли до-сихъ-поръ возвращеніе мое въ Парижъ; но наконецъ я иду и даже чуть не лечу. Въ виду этого путешествія, замышляю о другомъ. Цѣлая Греція открывается передо мною, испуганный султанъ отступаетъ назадъ. Уже коринская церковь расцвѣтаетъ; голосъ апостола снова раздается тамъ. Я чувствую себя перенесеннымъ въ эти чудесныя мѣста, въ страну этихъ драгоцѣнныхъ развалинъ, чтобы набраться тамъ, среди любопытныхъ памятниковъ, духа древности. Ищу этотъ ареопагъ, гдѣ святой Павелъ возвѣстилъ мудрецамъ міра Бога невѣдомаго; но мірское является послѣ священнаго, и я не презираю спускаться въ Пирей Сократа, вхожу на верхушку Парнаса, собираю лавры Дельфовъ и вкушаю прелесть Темпейской долины.

«Когда же цѣлая Греція будетъ предоставлена религіи, философіи и изящнымъ искусствамъ, считающимъ ее своей отчизной?

.....Arva, beata
Petamus arva, divites et insulas.

«Не забуду тебя, островъ, освященный небесными видѣніями возлюбленнаго ученика; о счастливый Патмосъ, я пойду поцѣловать на землѣ слѣды апостола и небо покажется мнѣ отверстымъ. Тамъ я почувствую себя исполненнымъ негодованія къ живому пророку, который хотѣлъ перетолковать святыя изрѣченія настоящаго, и буду благословлять Всемогущаго, который вмѣсто того, чтобы извергнуть церковь какъ Вавилонъ, укрощаетъ цѣпями дракона и отдаетъ ей побѣду. Вижу какъ для Азіи возрадается день послѣ такой долгой ночи, вижу землю, освященную стопами Спасителя и орошенную Его кровью, освобожденную отъ своихъ осквернителей и облеченную въ новую славу; наконецъ вижу сыновъ Авраама, разсѣянныхъ по землѣ, многочисленнѣе всѣхъ звѣздъ тверди небесной, приходящихъ отъ четырехъ вѣтровъ исповѣдать Помазанника, или распятаго, и ожидать воскресенія при скончаніи вѣка. Этого довольно, ваше превосходительство, и вы будете очень рады узнавъ, что это мое послѣднее письмо и конецъ моего энтузіазма, который, можетъ-быть, вамъ надоесть. Простите моему желанію разговаривать съ вами издали; въ ожиданіи, пока буду въ состояніи исполнить это вблизи.

«Фр. де-Фенелонъ».

Вотъ истинный новыи Гомеръ, единственный, достойный воспѣть Грецію и рассказать о красотахъ ея.

У меня передъ глазами изъ мѣстоположеній Сиріи, Египта и Пунической земли, только мѣста, соотвѣтствующія моему уединенному характеру; они нравились мнѣ независимо отъ древности, искусства и исторіи. Пирамиды поражали меня не столько своей величиною, сколько пустыней, къ которой они приставлены; Діоклеціанова колонна останавливала взоръ мой менѣ чѣмъ фестоны моря вдоль ливійскихъ песковъ. У целузскаго устья Нила я бы не желалъ памятника, чтобы припомнить эту сцену, описанную Плутархомъ:

«Вольноотпущенникъ искалъ вдоль берегу и нашелъ обломокъ старой рыбацкѣй лодки, достаточной для упрятанія бѣднаго тѣла нагаго, и то еще не цѣлаго. Въ то время какъ онъ подбиралъ и собиралъ эти останки, пришелъ Римлянинъ, человекъ пожилой, который въ свои молодые годы былъ на войнѣ съ Помпеемъ. Ахъ! сказалъ Римлянинъ, ты не одинъ будешь имѣть эту честь и прошу, соблаговоли принять меня въ товарищи въ такой святой и набожной встрѣчѣ, чтобы я не имѣлъ случая жаловаться на все, и въ вознагражденіе множества претерпѣнныхъ мною несчастій, по-крайней-мѣрѣ мнѣ привелось благополучно дотронуться собственными руками и помочь погребсти самаго великаго Римскаго полководца».

У соперника Цезаря нѣтъ уже гробницы возлѣ Ливіи и молодая *ливійская* невольница получила отъ руки какой-то *Помпеи* погребеніе недалеко отъ Рима, откуда былъ изгнанъ великій Помпей. По этой игрѣ судьбы понятно, что христіане укрывались въ Эмвандѣ.

«Рожденная въ Ливіи, погребенная въ цвѣтѣ лѣтъ подъ авзонской пылью, я покоюсь возлѣ Рима вдоль песчаныхъ береговъ. Знаменитая Помпея, воспитавшая меня съ нѣжностью матери, оплакала смерть мою и положила меня въ гробницу, равняющую меня, бѣдную невольницу, съ свободными Римлянами. Огни костра моего предупредили огни Гименей. Факелъ Прозерпины обманулъ наши надежды».

Вѣтры разсѣяли людей европейскихъ, азіатскихъ, африканскихъ, среди которыхъ являлся я, и о которыхъ говорилъ вамъ: одинъ свалился съ аѳинскаго акрополя, другой бросился съ сіонской горы, тотъ уже не выйдетъ изъ нильскихъ волнъ или изъ карфагенскихъ цистернъ. Мѣста также переимѣнились: какъ въ Америкѣ возвышаются города тамъ, гдѣ я видѣлъ лѣса, такъ цар-

ство образуется въ египетскихъ аренахъ, гдѣ взоръ мой встрѣчалъ только горизонты, обнаженные и круглые какъ желѣзные щиты, говоритъ арабская поэзія, и волковъ такихъ тощихъ, что челюсти ихъ словно расколота я палка. Греція возвратила эту независимость, которую я желалъ этой землѣ, проходя ее подъ охраной янычара. Побудетъ-ли ей польза отъ этой національной независимости?

Я, въ некоторомъ образѣ, послѣдній посѣтитель турецкой имперіи въ старыхъ ея нравахъ. Перепороты, которые вездѣ непосредственно предшествовали мнѣ или слѣдовали за мною, распространились на Грецію, Сирію и Египетъ. Не образуется ли новый Востокъ? что изъ него выйдетъ? Получимъ ли заслуженное наказаніе за то, что научили новѣйшему военному искусству народы, которыхъ общественное состояніе основано на рабствѣ и многобрачїи? Прогнали ли мы вонъ образованность или вертели варварство въ христіанство? Что выйдетъ изъ новыхъ дѣлъ, новыхъ политическихъ отношеній, изъ созданія державъ, которыя могутъ возникнуть въ Левантѣ? Я не ослѣпляюсь паровыми судами, желѣзными дорогами, выставками мануфактурныхъ издѣлій и выскокомъ въ люди нѣсколькихъ французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ солдатъ, завербованныхъ на службу паши: все это необразованность. Пожалуй подъ барабанной бой регулярныхъ войскъ будущихъ Ибрагимовъ, воротятся еще опасности, угрожавшія Европѣ при Карлѣ Мартелѣ. Сожалѣю о путешественникахъ, которые послѣдуютъ за мною: гаремъ не станетъ скрывать отъ нихъ своихъ тайнъ; они не увидятъ стараго восточнаго солнца, и Магометовой чалмы. Маленькій Бединъ кричалъ мнѣ по-французски, когда я проходилъ по горамъ Иудей: «Впередъ ступай!» Приказъ былъ отданъ и востокъ пошелъ.

Что случилось съ спутникомъ Улисса, Жюліеномъ? Онъ просилъ меня, отдавъ мнѣ рукопись, взять его въ дворники въ домъ мой въ улицѣ d'Enfer: это мѣсто занималъ старый дворникъ съ семействомъ, я не могъ его отставить. Гнѣвъ небесный сдѣлалъ Жюліена своенравнымъ и пьяницей, я долго его терпѣлъ; наконецъ мы принуждены были разстаться. Я далъ ему небольшую сумму и назначилъ небольшой пенсіонъ изъ моего кармана, немножко скуднаго наличностью, но всегда туго набитаго върмами закладными на мои воздушные замки. Я помѣстилъ Жюліена по его желанію въ богадѣльню; онъ окончилъ тамъ большое и полезное путешествіе. Я пойду скоро занять пустую квартиру,

завалъ въ лагерь Эттиръ-Капи спалъ на цыновкѣ, съ которой только-что унесли убитаго мусульманина...

Жена моя была очень больна во время моего путешествія ; нѣскольکو разъ друзья считали меня погибшимъ. Въ памятныхъ запискахъ, которыя де-Клозель писалъ для своихъ дѣтей, и которыя онъ позволилъ мнѣ пробѣжать, я нахожу слѣдующее мѣсто:

«Де Шатобрианъ уѣхалъ въ Иерусалимъ въ июль 1806 года: во время его путешествія я каждый день бывалъ у мадамъ де-Шатобрианъ. Нашъ путешественникъ былъ такъ милъ, что написалъ мнѣ письмо въ нѣсколько страницъ, изъ Константинополя, которое вы найдете въ ящикѣ нашей библиотеки въ Куссергѣ. Зимой 1806 — 1807 года мы знали, что Шатобрианъ былъ въ морѣ на возвратномъ пути въ Европу; однажды я гулялъ въ тюльрийскомъ саду съ де-Фонтавомъ, въ ужасный западный вѣтеръ; мы были подъ защитою террасы на берегу воды. Де-Фонтанъ сказалъ мнѣ: — Можетъ-быть въ эту минуту, порывъ этой страшной бури раздробитъ корабль, на которомъ плыветъ Шатобрианъ. Мы послѣ узнали, что это предчувствіе чуть было не осуществилось; я замѣчаю это, чтобы объяснить живую дружбу, участіе къ литературной славѣ Шатобриана, которая должна была увеличиться послѣ этого путешествія; благородныя, глубокія, рѣдкія чувства, оживлявшія де-Фонтаня, превосходнаго человѣка, отъ котораго я также получилъ большія услуги и о которомъ поручаю вамъ вспомнить передъ Богомъ».

Если бы мнѣ еуждено было жить и еслибы я могъ заставить жить въ моихъ сочиненіяхъ дорогихъ мнѣ особъ, съ какииъ удовольствіемъ увелъ бы я съ собою всѣхъ моихъ друзей!

Полный надежды, я приносилъ подъ кровъ мой гореть моею дневной добычи; спокойствіе мое не долго продолжалось.

Вслѣдствіе разныхъ сдѣлокъ, я сталъ однимъ владѣльцемъ «Mergure», Александръ де-Лабордъ издалъ въ концѣ юня 1807 года путешествіе свое въ Испанію; въ июль я напечаталъ въ «Mergure» статью, о которой говорилъ, по случаю смерти герцога Англенскаго. Удачи Наполеона не покоряли, а возмущали меня; я почерпалъ новую энергію въ моихъ чувствахъ и въ буряхъ. Я не напрасно носилъ лицо загорѣлое отъ солнца, предавался ярости небесъ не затѣмъ, чтобы дрожать съ замараннымъ лбомъ передъ живымъ человѣкомъ. Наполеонъ порѣшилъ дѣло свое со многими повелителями, но не порѣшилъ со мной. Статья моя, попавъ среди его удачъ и чудесъ, взволновала Францію... Наполеонъ отдалъ приказъ запретить «Mergure» и арестовать меня. Моя собствен-

ность погибла; особа моя спаслась чудомъ: Бонапарте занимался миромъ; онъ забылъ меня, но я оставался подъ тяжестью угрозы.

Мое положеніе было достойно сожалѣнія: когда я думалъ, что дѣйствуя по внушенію чести, находился подъ тяжестью личной отвѣтственности и огорченій, причиняемыхъ жемъ. Мужество ея было велико, но она все-таки страдала, и буря безпрестанно призываемая на мою голову, возмущала ея жизнь. Она столько страдала за меня во время революціи, и натурально, что желала покою. Тѣмъ болѣе, что она питала къ Бонапарту безусловный восторгъ; не обманывала себя мечтами о возвращеніи законной власти и безпрестанно предсказывала мнѣ, что со мной случится при возвращеніи Бурбоновъ.

Первая книга этихъ Записокъ написана въ *Волчьей Долинѣ* четвертаго октября 1811 года: тамъ находится описаніе небольшого убѣжища, купленного мною, чтобы скрыться въ ту эпоху: оставивъ квартиру у маркизы де-Коаленъ, мы поселились въ отелѣ Лавалета, такъ называвшемся по имени хозяевъ.

Лавалетъ низенькій толстякъ, въ кафтанѣ зеленого цвѣту, съ тростью съ золотымъ набалдашникомъ, сталъ моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, которыхъ у меня не было. Онъ служилъ по буету при королевскомъ дворѣ. Я ѣлъ мало, а онъ пилъ много.

Въ концѣ ноября, видя, что поправки хижины моей не двигались, я рѣшился самъ поѣхать надсматривать за ними. Мы пріѣхали вечеромъ въ Волчью Долину. Мы ѣхали не по обыкновенной дорогѣ и въѣхали въ калитку въ нижней части сада. Земля въ аллеяхъ, смоченная дождемъ, мѣшала подвигаться лошадямъ; карета опрокинулась. Гипсовый бюстъ Гомера, лежавшій возлѣ моей жены, выскочилъ въ дверцы и сломалъ себѣ шею: дурное предзнаменованіе для «Мучениковъ», которыми я тогда занимался.

Домъ, полный работниками, которые смѣялись, пѣли, стучали, отапливаемый стружками, освѣщаемый сальными огарками, походилъ на пустынь, иллюминированную ночью пильгримами въ дѣсу. Обрадовавшись, что нашли двѣ комнаты сносно прибранныя, гдѣ былъ накрытъ столъ, мы сѣли ужинать. На другой день, пробудившись при стукѣ молотковъ и звукѣ пѣсенъ поселницъ, я увидѣлъ восходящее солнце съ меньшей заботой чѣмъ тюльрийскій владыка.

Я былъ въ безконечномъ очарованіи; не бывъ Scanned by Google

вишьё, а въ деревянныхъ башнакахъ сажалъ деревья въ грязи, проходилъ непрерывно по одиѣмъ и тѣмъ же аллеямъ, осматривалъ и пересматривалъ всё уголки, прятался вездѣ, гдѣ былъ кустикъ, представляя себѣ, что будетъ мой паркъ въ будущемъ, потому-что тогда въ будущемъ недостатку не было. Стараясь нынѣ памятью раскрыть закрывшійся горизонтъ, я нахожу не тотъ, но другіе горизонты, блуждаю въ исчезнувшихъ мысляхъ; обманы мечты, въ которые впадаю теперь, можетъ-быть также прекрасны какъ первые; только они уже не такъ юны; то, что блистало на югѣ, свѣтится на западѣ. — Если бы однако меня перестали тревожить грезы! Байяръ, отъ котораго требовали сдачи крѣпости, отвѣчалъ: «Подождите, пока я не сдѣлаю моста изъ мертвыхъ тѣлъ, чтобы пройти съ моимъ гарнизономъ». Боюсь, чтобы мнѣ не пришлось перетоптать мои мечты.

Мои, еще небольшія, деревья не собирали шелестовъ осенняго вѣтру; но весною дуновения, вѣявшія на цвѣты смежныхъ луговъ, напывались благоуханіемъ и выливали его обратно на мою долину.

Я сдѣлалъ нѣсколько пристроекъ къ хижинѣ, украсилъ ея кирпичную стѣну шортикомъ, поддерживаемымъ двумя черными мраморными колоннами, двумя женскими каріатидами изъ бѣлаго мрамору! Я помнилъ, что былъ въ Аеннахъ. Я располагалъ прибавить башню въ концѣ павильона, а покаместъ наострилъ родъ зубцовъ на стѣнѣ, отдѣлявшей меня отъ дороги; я предупреждалъ такимъ образомъ страсть къ среднимъ вѣкамъ, которая теперь намъ надобдается. Изъ всего, что изъ рукъ моихъ ускользнуло, мнѣ жаль одной только Волчьей Долины; рѣшено, что ничему у меня не быть. Потерявъ мою Долину, я завелъ больницу Маріи-Терезіи и также разстался съ нею. Нѣтъ ужъ, не привяжетъ рокъ меня теперь къ малѣйшему кусочку земли, отнынѣ мнѣ будутъ служить садомъ эти аллеи, удостоенныя такихъ прекрасныхъ названій, возлѣ Дому Инвалдовъ, гдѣ я гуляю съ моими одиручными и хромыми товарищами. Недалеко отъ этихъ аллей возвышается кипарисъ графини де-Бомонъ; въ этомъ пустынномъ пространствѣ высокая, легкая герцогиня шатильонская когда-то опиралась на мою руку. Теперь я подаю руку только времени: оно очень тяжело!

Я съ наслажденіемъ трудился надъ моими Записками, и «Мученики» подвигались; я уже читалъ нѣсколько частей де-Фонтану. Я поселился среди моихъ воспоминаній какъ въ огромной библиотекѣ: справлялся и съ этимъ и съ тѣмъ; наконецъ закрывалъ

хроникку вадьяка, потому-что примѣчалъ, что съѣтъ, враньи пуда, разрушалъ ее таинственностью. Освятите дни лавой лави, они уже не будутъ тѣмъ, тѣмъ были.

Въ июль 1808 года я занемогъ и былъ принужденъ воротиться въ Парижъ. Доктора сдѣлали болѣзнь опасною. При жизни Инократа въ еду былъ неурожай на усювахъ, говоритъ энграммъ благодаря нашимъ новѣйшимъ Инократамъ, теперь въ мертвыхъ изобиліе.

Это было единственное время, когда близкій къ смерти, я едалъ жить. Когда я чувствовалъ себя слабымъ, что со мной что случалось, я говорилъ женѣ: «Будь спокойна, я оправлюсь»; я падалъ въ обморокъ, но съ большимъ внутреннимъ терпѣніемъ, потому-что дорожилъ Богъ знаетъ чѣмъ. У меня такъ была страсть кончить то, что я считалъ и еще считаю самымъ правильнымъ изъ моихъ сочиненій. Я платилъ плодъ утопленій испитанныхъ мною въ путешествіи въ Левантъ.

Жиродѣ оканчивалъ мой портретъ, такой же мрачный, какой я былъ тогда, но наполнилъ его своимъ гениемъ. Денонъ получилъ образцовое произведеніе для выставки; какъ членъ вѣкъ благородный, онъ поставилъ его къ сторонѣ. Когда Бонапарте осматривалъ галерею, просмотрѣвъ картины, онъ сказалъ: «Гдѣ портретъ Шатобриана»? Онъ зналъ, что онъ долженъ быть тутъ: принуждены были вытаскать изгнанника изъ тайника. Бонапарте, котораго вспышка испарилась, сказалъ, смотря на портретъ: «Онъ похожъ на заговорщика, прокрадывающагося въ дымовую трубу».

Когда однажды я воротился одинъ въ Долину, Бенжанетъ, садовникъ, сазалъ мнѣ, что какой-то толстый господинъ меня спрашивалъ, но не нашедъ меня дома, объявилъ, что подождетъ, велѣлъ сдѣлать себѣ яичницу и потомъ бросился на мою кровать. Я вхожу въ свою комнату и примѣчаю, что-то огромное спитъ у меня на кровати; толкая эту глыбу, я вскричалъ: «Э! э! кто это тутъ»? Глыба задрожала и вскочила. На головѣ у ней былъ шерстяной колпакъ, пестрый шерстяной архалухъ и панталоны подъ пару, лицо запачкано табакомъ и языкъ высунуть. Это былъ двоюродный братъ мой, Морд! Я не видѣлъ его послѣ тюльвийскаго лагеря, онъ возвращался изъ Россіи и хотѣлъ вступить въ откупъ. Мой бывшій парижскій чичероне отпрощалъ умереть въ Нантъ. Такъ исчезло одно изъ первыхъ лицъ этого «Занисокъ». Надѣюсь, что на золотоцвѣтничковой постели

говорить о монахъ стихахъ къ мадамъ де-Шасси, если эта критика тѣмъ уже сошла въ Елисейскія поля.

Весною 1809 года явились «Мученики». Трудъ былъ совѣстный. Я совѣтовался съ критиками со вкусомъ и съ познаніемъ съ де-Фонтаномъ, Бертеюмъ, Боассонадомъ, Мальтъ Бриюамъ и покорился ихъ доводамъ. Сто разъ я переѣлывалъ каждую страницу. Изъ всѣхъ монахъ сочиненій, въ этомъ языкѣ всѣхъ правильнѣе.

Я не обманулся въ планѣ; нынче, когда мои идеи сдѣлались обыкновенными, никто не отрицаетъ, чтобы борьба двухъ религій, одной при концѣ, другой въ началѣ, не представляла мюзамъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ, самыхъ плодovitыхъ, самыхъ драматическихъ сюжетовъ. Я воображалъ, что могу питать черезчуръ безумныя надежды; но я забылъ успѣхъ моего перваго сочиненія: во Франціи никогда не рассчитывайте на два близкіе успѣха; одинъ уничтожаетъ другой. Если у васъ есть дарованіе къ прозѣ, не показывайте таланта къ стихамъ; если отличаетесь въ литературѣ, не суйтесь въ политику; таковъ французскій умъ и его нищета. Самолюбія въ ужасѣ зависти, въ располхѣ отъ удачнаго начала новаго писателя, составляютъ стачку и подстерегаютъ второе изданіе поэта, чтобы отомстить отличныиъ образомъ.

Tous, la main dans l'encre, jurent de se venger.

Я долженъ былъ заплатить за глупый восторгъ, который спроворилъ при появленіи «Духа христіанства»; пришлось по неволѣ отдать украденное. Увы! не надо было такъ трудиться, чтобы похитить у меня то, что я самъ считалъ незаслуженнымъ! если я освободилъ Римъ христіанскій, я просилъ только вѣнецъ обидовальный и вѣнокъ, слетенный изъ травы, сорванной въ вѣчномъ городѣ.

Палачомъ суда задѣтыхъ тщеславіи былъ Гоффманъ, прости ему, Господи! «*Journal des Debats*» не былъ уже свободенъ; владыцы его не имѣли уже власти. Гоффманъ однако пощадилъ сраженіе Франковъ и нѣкоторыя другія мѣста; но если Кимодокея показала ему миленькой, онъ былъ дотога щекотливъ, что не могъ не притти въ негодованіе отъ нѣкотораго сближенія истинъ христіанства съ истинами язычества. Велледа не спасала меня. Мнѣ поставили въ преступленіе, преобразование германской друиды Тацита въ Галлянку, какъ-будто я хотѣлъ заимствовать что-нибудь другое кромѣ гармоническаго имени! И вотъ христіане

Франціи, которыми я оказалъ такія великія услуги, возстановленіемъ ихъ алтарей, вздумали слугу разсердиться, повѣривъ на честное слово Госеману! Заглавіе «Мученики» обмануло ихъ; они вообразили найти житіе святыхъ, а какъ тутъ тигръ раздиралъ только Гомерову дѣву, такъ это я показалось имъ мерзостью мерзостей.

Истинное мученичество папы Пія-Седьмого, котораго Бонапарте привезъ плѣнникомъ въ Парижъ, не приводило ихъ въ ужась, а взволновали мои вымыслы, не совѣмъ христіанскіе, какъ говорили они. А взялъ-то на себя уничтожить ужасную нечестивость автора «Духа христіанства» шартрскій епископъ. Умъ оный долженъ прийтти, что теперь ревность его призвала къ другимъ борьбамъ.

Шартрскій епископъ, братъ моего превосходнаго друга Кюзеля, отличнаго христіанина, который не увлекся такой высокой добродѣтелью какъ критикъ.

Я считалъ должнымъ отвѣчать, какъ сдѣлать это въ отношеніи «Духа христіанства». Монтескіе защитой своего «Духа законовъ» ободрялъ меня. Я былъ неправъ. Если бы авторы, на которыхъ нападаютъ, говорили прекраснѣйшія вещи въ мірѣ, то и тогда они возбудили бы только улыбку безпристрастныхъ умовъ и насмѣшки толпы. Они становятся на неудобной позиціи; оборонительное положеніе противно французскому характеру. Когда, отвѣчая на возраженія, я показавъ, что клеимъ бранью такое то мѣсто, нападали на прекрасное античное, попавшіе въ-арсакъ старались выпутаться изъ хлопотъ тѣмъ, что «Мученики», дескать, просто поддѣлка. Если я оправдывалъ одновременное присутствіе двухъ религій примѣрами святыхъ отцовъ, возражалъ, что въ ту эпоху, въ которой я помѣстивъ дѣйствіе «Мучениковъ», язычество не существовало уже у великихъ умовъ.

Я думалъ, сочиненіе пало въ-самоу-дѣлѣ; сила нападокъ поколебала мое авторское убѣжденіе. Друзья меня утѣшали, утверждая, что осужденіе было неосновательно, что публика, рано или поздно, произнесетъ другой приговоръ; особенно де-Фонтанъ былъ твердъ: я не былъ Расиномъ, но онъ могъ быть Боало и не переставалъ мнѣ повторять: «Образуматся, стойте!» Его убѣжденіе было такъ велико на этотъ счетъ, что внушило ему прелестныя стансы:

Онъ не опасался подвергнуть опасности авторитетъ своего вкуса и суда.

Въ-самомъ-дѣлѣ «Мученики» поднялись на ноги, получили честь четырехъ изданій сряду; пользовались даже у литераторовъ особенной милостью: мнѣ были признательны за сочиненіе, показывавшее серьезное изученіе, обработку слога, большое уваженіе къ языку и вкусу.

Критику на сюжетъ скоро оставили. Сказать, что я мѣшалъ нечестивое съ священнымъ, потому-что изобразилъ два богопочитанія, существовавшія вмѣстѣ, изъ которыхъ каждое имѣло свои вѣрованія, жертвенники, своихъ священниковъ, свои обряды, это значило сказать, что я долженъ былъ отказаться отъ исторіи. За кого умирали мученики? За Иисуса Христа. Кому ихъ приносили въ жертву? богамъ языческой имперіи; стало быть было два богопочитанія.

Философическій вопросъ: вѣрили ли Римляне и Греки богамъ Гомера и не подверглось ли измѣненіямъ наружное богопочитаніе при Діоклеціанѣ, не касался меня какъ поэта; какъ исторіку мнѣ бы надо было сказать многое.

Не объ этомъ идетъ дѣло. «Мученики» остались въ живыхъ, противъ моего ожиданія и я долженъ былъ только просмотрѣть текстъ.

Недостатокъ «Мучениковъ» состоитъ въ чудесномъ, слишкомъ прямомъ, которое, по моимъ классическимъ предразсудкамъ, я не такъ употребилъ въ дѣло. Испугавшись моихъ нововведеній, я считалъ невозможнымъ обойтись безъ старой механики. Если сраженіе Франковъ, если Велледа, Іеремій, Августинъ, Эвдора, Кимодокея, если описаніе Неаполя и Греціи не исходатайствуютъ помилованіе моимъ «Мученикамъ», ихъ не спасутъ ни небо ни адъ. Слѣдующее мѣсто правилось больше всего де Фонтану:

«Кимодокея сѣла у окна темницы и положивъ на руку голову, украшенную покрываломъ мучениковъ, прошептала эти гармоническія слова :

«Легкіе корабли Авзоніи, разсѣкайте спокойное и блестящее море; невольники Нептуна, предоставьте парусъ влюбленному дыханію вѣтровъ, нагнитесь надъ легкимъ весломъ. Унесите меня подъ покровительство моего супруга и моего отца къ блаженнымъ берегамъ Памиза.

«Летите, птицы ливійскія, которыхъ тонкая шея граціозно сгибается, летите на вершины Иеомы и скажите, что дѣва Гомера ушла обратно къ лаврамъ Мессении.

«Когда опять найду я кровать мою изъ слоновой кости, двояной свѣтъ, столь драгоценный смертнымъ, луга испещренные цвѣтами, орошаемые чистою водою, украшенные дыханіемъ стыдливости!»

«Духъ христіанства» останется моимъ главнымъ твореніемъ, потому-что онъ произвелъ или рѣшилъ переворотъ и началъ новую эру литературнаго вѣка. Совсѣмъ не то въ «Мученикахъ»; они явились послѣ переворота, были лишнимъ доказательствомъ моего ученія, слогъ мой уже не былъ новостью, и даже, исключая эпизода Велледы и описанія нравовъ Франковъ, поэма не отзывается странами, въ которыхъ она жила. Классическое про-обладаетъ надъ романтическимъ.

Наконецъ, обстоятельства, способствовавшія успѣху «Духа христіанства», уже не существовали; Наполеонъ не благоволилъ, а напротивъ былъ непріязненъ ко мнѣ. «Мученики» удвоили мое преслѣдованіе: поразительные намеки въ очеркѣ Галерія и въ изображеніи Диоклеціанова двора, не могли укрыться отъ его взора; тѣмъ болѣе, что англійскій переводчикъ, которому нечего было щадить меня, которому было все равно подвергнуть меня опасности, заставилъ въ предисловіи обратить вниманіе на намеки.

Изданіе «Мучениковъ» случилось въ одно время съ однимъ несчастнымъ обстоятельствомъ. Оно не обезоружило аристарховъ: они чувствовали, что литературная критика, старавшаяся уменьшить интересъ, сопряженный съ моимъ писаніемъ, могла быть пріятна Бонапарту.

Арманъ де-Шатобрианъ, котораго въ видѣли товарищемъ моего дѣтства, встрѣтился въ арміи принцевъ съ глухо-нѣмою Ливою, остался въ Англіи. Женившись въ Джерси, онъ велъ переписку принцевъ. Уѣхавъ двадцать-пятого сентября 1808 года, онъ былъ брошенъ на свои бретанскія земли, въ тотъ же самый день, въ одиннадцать часовъ вечера, возлѣ деревни Святаго-Каста. Экипажъ судна составляли одиннадцать челоуѣкъ; только двое были Французы, Руссель и Кенталь.

Арманъ отправился къ мосье Делонѣ-Боазе-Люка, отцу, жившему въ деревнѣ Святаго-Каста, гдѣ когда-то Англичане отбѣснены были къ своимъ кораблямъ; хозяинъ совѣтовалъ ему ѣхать; но судно уже отплыло въ Джерси. Арманъ, условившись съ сыномъ Боазѣ-Люка, отдалъ ему связки писемъ, полученныя отъ Генриха Ларивьера, агента принцевъ.

«Я отправился двадцать-девятого сентября къ берегу, гдѣ говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ депрозовъ, гдѣ оставался два года,

не видя моего судна) Луна свѣтила очень ярко, я ушелъ и воротился четырнадцатаго или пятнадцатаго числа, и оставался до двадцати четвертаго, проводилъ все ночи въ скалахъ, но не направили; судно мое не приплыло; я отправился къ Боазе-Люкѣ. Те же судно, тотъ же экипажъ съ Русседемъ и Кенталемъ, должны были шрѣхать за мною. А на-счѣтъ предосторожностей, принятыхъ съ Боазе-Люка отцомъ, не было другихъ; кромѣ тѣхъ, о которыхъ я уже вамъ говорилъ.

Неустрашимый Арманъ причалилъ къ берегу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ родительскихъ полей; какъ у негостеприимнаго берега Тавриды, напрасно искалъ взоромъ на волнахъ, при лунномъ сіяніи, лодку, долженствовавшую спасти его. Прежде, давно, оставляя Комбургъ, готовый отправиться въ Восточную Индію, я обводилъ грустнымъ взоромъ по волнамъ. Со скалъ Святаго-Каста, гдѣ ночевалъ Арманъ, съ мыса Вардъ, гдѣ я сидѣлъ, нѣсколько миль моря, прелѣтаемая нашими противоположными взорами, были свидѣтелями скуки и раздѣляли судьбы двухъ чловѣкъ, соединенныхъ именемъ и кровью. Среди этихъ же самыхъ волнъ я встрѣтилъ Жериль въ послѣдній разъ. Мнѣ часто случается въ моихъ грезяхъ видѣть, какъ Жериль и Арманъ омываются равны въ пучинѣ, въ то самое время, какъ разливается у ногъ моихъ волна, съ которой мы привыкли играть вмѣстѣ *.

Арманъ успѣлъ отплыть на лодкѣ, нупленной въ Сенъ-Мало; но оттолкнутый сѣверо-западнымъ вѣтромъ, онъ опять былъ принужденъ воротиться. Наконецъ шестаго января, съ помощью матроса Жана Бриена спихнулъ на море маленькую лодку, свѣвшую на мель и поймалъ другую, плававшую на водѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ свое плаваніе, въ которомъ есть что-то сходное съ ной звѣздой и съ моими приключеніями, въ своемъ допросѣ отъ семнадцатаго марта:

«Съ десяти часовъ вечера до двухъ пополночи погода намъ благоприятствовала. Разсудивъ тогда, что мы недалеко отъ скалъ называемыхъ *Mainquiens*, мы стали на якорь, намѣреваясь дожидаться разсвѣту; но вѣтеръ сталъ свѣжѣть, и мы, опасаясь, чтобы онъ не увеличился, продолжали путь. Черезъ нѣсколько минутъ море очень вздулось и такъ-какъ компасъ разбилъ у насъ рессѣ, мы не знали по какой дорогѣ ѣдемъ. Первая земля, которую мы узнали седьмаго числа,—тогда могъ быть полдень,—былъ

* Оригиналы Арманова процесса доставила мнѣ неизвѣстная и великодушная рука.

берегъ Нормандіи и Джерси. Противные и сильныя вѣтры принудили насъ стоять на мѣстѣ во все остальное время этого дня и цѣлый слѣдующій день. Девятаго, утромъ, едва разсвѣло, и сказалъ Деспаню, что мнѣ кажется, будто вѣтеръ уменьшился, потому-что лодка наша не очень металась, и велѣлъ ему посмотреть откуда дуетъ вѣтеръ. Онъ сказалъ мнѣ, что уже не видитъ скаль, возлѣ которыхъ мы бросили якорь. Я подумалъ тогда, что мы несемся по вѣтру и вѣрно потеряли якорь. Сила бури не оставила намъ другаго средства какъ броситься на берегъ. Какъ мы не видѣли земли, я не зналъ на какомъ мы отъ нея разстояніи. Въ эту-то минуту я бросилъ въ море бумаги, къ которымъ принялъ предосторожность привязать камень. Мы поплыли съ вѣтромъ и пристали къ Bretteville-sur-Ay, къ девяти часамъ утра, въ Нормандіи.

«Насъ приняли на берегу таможенныя, которые вынули меня изъ лодки за-мертво, съ отмороженными ногами. Насъ обоихъ отнесли къ поручику бретвильской бригады. Черезъ два дня, Деспаня отвели въ кутанскую тюрьму и съ-тѣхъ-поръ я не видалъ его. Черезъ нѣсколько дней меня самого перевели въ арестантскій домъ этого города, а на другой день квартирмейстеръ отвезъ меня въ Сенъ-Лд и я цѣлую недѣлю оставался у этого квартирмейстера. Одинъ разъ являлся передъ префектомъ департамента, а 26 января поѣхалъ съ жандармскимъ капитаномъ и квартирмейстеромъ въ Парижъ, куда пріѣхалъ 28. Меня отвели въ канцелярію мосьё Демарѣ, въ министерство общей полиціи, а отуда въ тюрьму Grande-Force.

Противъ Армана были вѣтры, волны и полиція; Бонапарте былъ за одно съ бурями.

Связка бумагъ, брошенная въ море, была выброшена на берегъ Notre-Dame-d'Aloué, близъ Валони. Эти бумаги послужили обвинительными документами; ихъ было тридцать-двѣ. Кенталь, воротившись съ лодкой на британскій берегъ за Арманомъ, также по упорному предопредѣленію, потерпѣлъ кораблекрушеніе въ нормандійскихъ водахъ, за нѣсколько дней прежде моего двоюроднаго брата. Экипажъ Кенталевои лодки проболтался; префектъ Сенъ-Лд узналъ, что Шатобрианъ былъ начальникомъ предпріятія принцевъ. Когда онъ узналъ, что шлюбка только съ двумя человѣками пристала къ берегу, то не сомнѣвался, что Арманъ одинъ изъ подвергнувшихся кораблекрушенію, потому-что всѣ рыбаки говорили о немъ какъ о самомъ неустрашимомъ человѣкѣ на морѣ.

Двадцатаго января 1809 года, префектъ Манши отдалъ отчитъ

общей полиціи о задержаніи Армана. Письмо его начинается такъ:

«Предположенія мои совершенно оправдались: Шатобрианъ задержанъ, это онъ присталъ къ бретвильскому берегу и принялъ имя John-Fall.

«Безпокоясь, что несмотря на точныя приказанія, отданныя мною, John-Fall не пріѣзжалъ въ Сенъ-Адъ, я послалъ жандармскаго квартирмейстера Модюи, вѣрнаго и дѣятельнаго человека, отыскать John-Fall'я вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ и привести его ко мнѣ въ какомъ бы положеніи онъ ни находился. Онъ нашелъ его въ Кутансѣ, въ ту минуту, когда располагались перевести его въ госпиталь для пользованія его отмороженныхъ ногъ.

«Fall нынче явился передо мною. Я помѣстилъ Леліевра въ особенной комнатѣ, откуда онъ могъ видѣть Fall'я не будучи примѣченнымъ. Когда Леліевръ увидалъ его, всходящаго по ступенькамъ крыльца возлѣ этой комнаты, онъ вскричалъ, всплеснувъ руками и измѣнившись въ лицѣ:—Это Шатобрианъ! Какъ же его взяли!

«Леліевръ не зналъ ничего. Это восклицаніе вырвало у него удивленіе. Онъ просилъ меня потомъ не говорить, что онъ назвалъ Шатобриана, потому-что онъ погибнетъ.

«Я не сказалъ John-Fall'ю, что знаю кто онъ».

Армана перевезли въ Парижъ, посадили въ тюрьму Grande-Fogee, подвергли тайному допросу въ арестантскомъ домѣ Abbaye. Бертранъ, капитанъ первой полубригады ветерановъ, былъ назначенъ генераломъ Голеномъ, сдѣлавшимся комендантомъ въ Парижѣ, судьей-докладчикомъ военнаго суда, назначеннаго декретомъ отъ 25 февраля, разобрать дѣло Армана.

Тутъ были замѣшаны де Гойонъ, посланный Арманомъ въ Брестъ и Боазѣ-Люка сынъ, которому поручено было вручить письма Генриха де-Ларивіера, господамъ Лавѣ и Сикару въ Парижѣ.

Въ письмѣ къ Фушѣ, отъ 30 марта, Арманъ говоритъ: «Пусть императоръ удостоитъ возвратить свободу людямъ, которые томятся въ тюрьмѣ за оказанное мнѣ дружество. Во всякомъ случаѣ пусть возвратятъ имъ свободу. Поручаю мое несчастное семейство великодушію императора».

Я испросилъ письменную аудиенцію у Фушѣ; онъ принялъ меня, увѣряя съ отъявленной самоувѣренностью и вѣтренностью, что онъ видѣлъ Армана, что я могу быть спокоенъ, что Арманъ ему сказалъ, что умереть сплотно, и что въ-самомъ-дѣлѣ

у него былъ преотважный видъ». Если бы я предложилъ Фушэ умереть, сохранить ли бы онъ въ отношеніи самого себя, этого развязный тонъ и эту надменную беззаботность?

Я обратился къ мадамъ де-Ремюза, просилъ ее передать императрицѣ Жозефинѣ письмо съ просьбой о правосудіи и милости императора Наполеона. Герцогиня де-Сенъ-Лё рассказала мнѣ въ Арсенбергѣ объ участи моего письма: Жозефина отдала его Наполеону; онъ казался въ нерѣшимости, читая его, потомъ встрѣтилъ нѣсколько словъ, оскорбившихъ его, бросилъ письмо съ террибіишемъ въ огонь. Я забылъ, что гордымъ надо быть только для себя.

Надъ де-Гойономъ, осужденнымъ съ Арманомъ, былъ исковень приговоръ. Просили однако жъ ходатайствовать въ его пользу герцогиню де-Монморанси, дочь мадамъ де-Матинаонтъ, которой Гойоны были сродни. Мадамъ де-Гойонъ, не успѣвъ спасти мужа, спасла молодого Боазэ-Люка. Все примѣшалось къ этому несчастію, поразившему только лицъ неизвѣстныхъ; слово дѣло шло о паденіи міра: бури на волнахъ, козни на землѣ, Бокаверте, море, убійцы Людовика Шестнадцатаго, и можетъ быть какая нибудь *страсть*, таинственная душа переворотовъ міра. Даже и не примѣтили всего этого; все это поразило только меня и жило только въ моей памяти.

Въ день казни я хотѣлъ проводить товарища на его послѣднее поле сраженія; я не нашелъ экипажа и пѣшкомъ побѣжалъ въ Гренельскую долину; я прибѣжалъ въ поту, онездая одной секундой: Армана разстрѣляли противъ парижской обводной стѣны. Я пошелъ за телѣгой, которая везла тѣло Армана и его двухъ товарищей, Кенталя и Гойона, на Вожирарское кладбище, гдѣ я похоронилъ де-Лагарра. Я въ послѣдній разъ встрѣтился съ моимъ двоюроднымъ братомъ и не могъ его узнать: я не могъ видѣть на немъ опустошенія годовъ; онъ остался молодымъ въ моемъ воспоминаніи, какъ во время осады Тювеня. Онъ былъ разстрѣлянъ въ Великую Пятницу: на концѣ всѣхъ моихъ несчастій является мнѣ Распятый. Когда я гуляю на бульварѣ Гренельской долины, я останавливаюсь взглянуть на отвѣтотокъ выстрѣла, еще виднющагося на стѣнѣ.

Странное сѣтленіе судеб! Генералъ Гюмешъ, командиръ парижскій, назначилъ судъ, разстрѣлявшій Армана; а прежде онъ былъ президентомъ суда, наряженнаго надъ герцогомъ Ангюлемъ.

ОХОТНИКИ НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ *Сочиненіе маркиза де-Фураса. Часть вторая. — Покойный шапезскій аббатъ, —* этой фразой неизмѣнно начинались лучшіе рассказы стараго Дениса.

Я слишкомъ уважаю моихъ читателей, чтобы пересказывать имъ истинно фантастическія повѣсти Нестора бургонскихъ доѣзжихъ; скажу только, что я плохо имъ вѣрилъ, хотя я легко вѣренъ, какъ бретанская старуха. Но точно также какъ есть баснословная эпоха въ лѣтописяхъ народовъ, такъ была частіца истинны и въ жизни лица, біографію котораго я общалъ сообщить вамъ. Я буду говорить только объ этой, то есть истинной части его жизни.

Мы доѣзжали послѣднюю четверть лѣе долгой ретиреды, въ продолженіе которой Денпсъ старался изгладить изъ нашей памяти непріятное впечатлѣніе холоднаго ноябрьскаго дождя, и стыда потери звѣря, — когда старій графъ М** сказалъ, наклонясь къ моему уху:

— Знаете вы, — то есть знали-ли вы (потому что его нѣтъ уже, кажется, въ живыхъ) шапезскаго аббата, о которомъ Денпсъ рассказываетъ такіа невѣроятныя исторіи?

— Нѣтъ, не зналъ, и даже не отвѣчаю за его существованіе. Но рассказы Дениса меня забавляютъ, и я вѣрю ему ради собственнаго удовольствія. У меня такая манера: я ненавижу сомнѣніе, и потому никогда не спрашиваю.

— А я придерживаюсь другой методы, возразилъ графъ, и хочу спросить сегодня ввечеру отца вашего объ этомъ аббатѣ. Если онъ дѣйствительно существовалъ, отецъ вашъ долженъ его знать.

— Можетъ-быть; спросите его.

Въ эту минуту мы сошли съ коней на дворѣ замка; насъ уже полчаса ждали съ обѣдомъ.

Когда подали десертъ, дамы удалились, не потому, чтобы онѣ боялись нашихъ шутокъ, никогда невыходившихъ изъ границъ приличія, но потому, что мы вздумали дѣлать пуншъ, а дамскія лица, какъ извѣстно, предпочитаютъ ясный свѣтъ свѣчей мрачному мерцанію горящаго рома.

Мнѣ дали роль весталки при этомъ важномъ огнѣ, и покаместъ я поддерживалъ его съ помощью длинной серебряной ложки съ ручкою изъ чернаго дерева, М** сказалъ моему отцу:

— Знали ли вы, графъ, покойнаго шапезскаго аббата?

— Зналъ ли я его! отвѣчалъ отецъ мой. Я провелъ съ ниничастью моей молодости, у меня и у маркиза де-Монревеля. Зачѣмъ вы это спрашиваете?

— Затѣмъ, что Денисъ разсказывалъ намъ о немъ невѣроятнѣйшія сказки, и я сомнѣвался въ его существованіи.

— Напрасно же Денисъ вздумалъ преувеличивать; истина сама по себѣ уже довольно занимательна.

— Вы очень бы меня обязали, сообщивши мнѣ ее, сказалъ М^н.
Извольте, отвѣчалъ отецъ мой. Въ мои лѣта любятъ вспоминать прошедшее. Поболтать — это стариковское дѣло.

Я дунулъ на пламя, чтобы не развлекаться его поддержкою, наполнилъ стаканы, и отецъ мой началъ:

« Въ послѣднихъ числахъ октября 1779 года я ѣхалъ отсюда въ Брессъ къ маркизу де-Монревелю, моему родственнику, у котораго ежегодно собирались въ день святаго Губерта, помѣщики изъ всей области. Я ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи моего доѣзжачаго Дениса, камердинера и конюха; недалеко отъ городка Турню, гдѣ я хотѣлъ остановиться позавтракать, нагналъ насъ всадникъ, ѣхавшій въ одну съ нами сторону. Ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ; мужчина высокаго роста, сухощавый, крѣпкій, съ полнымъ, румянымъ и веселымъ лицомъ. На немъ былъ охотничій костюмъ, поразившій меня своею странностью: я никогда не видалъ ничего подобнаго. Зеленый цвѣтъ, бывшій тогда, какъ и теперь, въ употребленіи у охотниковъ, былъ совершенно изгнанъ изъ одежды незнакомца. Въ сапогахъ съ раструбами виднѣлись черные шелковые чулки; короткіе штаны были изъ стальностраго бархату, и широкое верхнее платье, надѣтое сверхъ черной жилетки, изъ чернаго же сукна. Ни одной блестящей пуговики, ни вершка галуна не было на его одеждѣ. На головѣ низкая шляпа съ широкими полями. Черезъ плечо рогъ; съ боку ножъ. Онъ ѣхалъ на маленькой вороной лошаdkѣ, которая казалось не отстанеть отъ монхъ англійскихъ бѣгуновъ.

« Догнавши меня, онъ учтиво поклонился и умѣрилъ рысь своей лошади.

« — Славная у васъ лошадь, сказалъ я, желая изъ учтивости вступить съ нимъ въ разговоръ.

« — Къ несчастію она уже давно такова, отвѣчалъ онъ; не знаю, чѣмъ я замѣню ее, когда она издохнетъ. Впрочемъ, надѣюсь, что она еще не скоро откажется мнѣ служить, и, главное, не выдастъ меня на предстоящей охотѣ.

« — А вы далеко ѣдете?

« — Въ Шаль, къ маркизу де-Монревелю, который сдѣлалъ мнѣ честь пригласить меня къ себѣ.

« — Я ѣду тоже туда. Очень радъ встрѣтить спутника.

«— Благодарю васъ за предложеніе, графъ. Только захочетъ ли ваша прекрасная кобыла пожалѣть коротенькія ножки моего бѣдняжки Раготена.

«— Кой чортъ, отъ чего вы меня знаете? спросилъ я его съ фамильярностью, свойственною охотникамъ, питухамъ и военнымъ.

«— Я нѣсколько разъ слѣдилъ за вашей охотой въ лѣсахъ лафертейскихъ монаховъ; только держался всегда вдали, потому что былъ въ спорѣ съ аббатомъ: онъ перекупилъ гончую, которую я торговалъ, и сманилъ у меня моего старосту.

«— Зачѣмъ? Я говорю про старосту.

«— Затѣмъ, чтобы имѣть его при себѣ доѣзжачимъ; онъ исправлялъ эту должность и при мнѣ.

«— Такъ вы....

«— Аббатъ шапезскаго прихода. Если вамъ вздумается когда-нибудь поохотиться недѣли двѣ сряду, и не потерять ни одного дня по-пусту, прошу васъ слѣлать мнѣ честь посѣтить меня.

«— Если позволите, возвратясь изъ Шаля. Могу я взять съ собой моихъ собакъ?

«— Разумѣется, чтобы можно было охотиться каждый день.

« Знакомство наше началось, какъ видите, не дурно. Мы скрѣпили его въ гостиницѣ въ Турню, за завтракомъ, откуда собирались ѣхать ночевать въ Маконъ.

« Дорогою разговоръ шелъ исключительно объ охотѣ, и спутникъ мой говорилъ съ такимъ знаніемъ дѣла и жаромъ, какихъ я никакъ не могъ ожидать отъ аббата. Въ тонѣ его разсказовъ не было и тѣни хвастовства; онъ разсказывалъ о самыхъ удивительныхъ подвигахъ такъ просто, что невозможно было въ нихъ сомнѣваться, и въ то же время очевидно былъ одушевленъ только любовью къ самой благородной и самой нравственной изъ забавъ; такъ называлъ онъ охоту.

«— Я знаю, говорилъ онъ, что сотоварищи меня осуждаютъ, что сосѣди дѣлаютъ на меня доносы епископу, что ханжи увѣряютъ, будто я не соблюдаю праздниковъ, — но пусть себѣ говорятъ, что угодно, а въ моемъ приходѣ нѣтъ ни одного бѣднаго. Если бы я не охотился, олени истребляли бы незрѣлый хлѣбъ, кабаны уничтожили бы мансъ, и волки брали бы богатую дань со стадъ.

«Все-это казалось мнѣ очень справедливо, и я безпокоился только о томъ, какъ человекъ такого простаго образа жизни уживется въ Шалѣ, гдѣ, какъ мнѣ было извѣстно, день святаго Губерта

проводать не очень скромно. Я съелъ долгомъ предупредить объ этомъ аббата.

— Я ѣду туда охотиться, отвѣчалъ онъ, а остальное до меня не касается. Вы говорите: тамъ будутъ тавцы, театръ, — что жъ такое? вечеромъ я уйду къ себѣ въ комнату и займусь своимъ дѣломъ. Если разговоръ за столомъ сдѣлается слишкомъ волеи для ушей монаховъ, я буду думать о лѣсахъ Шарола, и не услышу ни одного слова. Кромѣ того, я увѣренъ, что собѣдшники будутъ имѣть уваженіе ко мнѣ, когда узнаютъ, что страсть къ охотѣ не отклоняетъ меня отъ исполненія моихъ обязанностей. Я знаю это по опыту. Вы увидите.

«Мы прибыли въ Шаль на другой день къ обѣду. Общество тамъ было блестящее и многочисленное: самъ хозяинъ съ своими племянницами и много сосѣднихъ дворянъ съ женами, болшею частью красавицами и отчасти кокетками; мальтійскіе казначеры, весело хранившіе обѣтъ холостой жизни; капоннесъ изъ монастыря Нёвилль-ле-Дамъ, носившія крестъ на груди отъ звонка, потому что платья ихъ восходили не слишкомъ высоко къ горлу; офицеры изъ ближнихъ гарнизоновъ, весельчаки, шуты, говоруны, настоящіе герои романовъ Кребийлона Младшаго; наконецъ, для дополненія и безъ того веселаго общества, маркизъ де-Монревель пригласилъ изъ Парижа госпожу Сентъ-Губерти, первую пѣвицу итальянской комедіи, ту самую, которая была потомъ умерщвлена въ Лондонѣ съ шевалье д'Антрегомъ. Она должна была исполнить въ Шаль нѣсколько лучшихъ своихъ ролей, вмѣстѣ съ прочими гостями.

«Я пристально наблюдалъ фізіономію аббата при входѣ его въ салонъ, и, признаюсь вамъ, остался имъ вполнѣ доволенъ. Онъ снялъ свое охотничье дорожное платье и надѣлъ робу, не новую, но совершенно чистую. Волосы его были тщательно запудрены, и это придавало простому лицу его достоинство, котораго сначала я въ немъ не замѣтилъ. Онъ вошелъ безъ робости и безъ самонадѣянности, и непринужденно вмѣшался въ группу самыхъ степенныхъ особъ. Черезъ нѣсколько минутъ подои обѣдъ.

«Маркизъ де Монревель указалъ, съ ловкостью вельможи, мѣстому свое мѣсто, начиная, разумѣется, со старшихъ. Последними остались аббатъ и госпожа Сентъ-Губерти, прекрасная Нина и Коломбина итальянской комедіи. Имъ поневолѣ пришлось сѣсть рядомъ.

«Шептанье монаховъ сосѣдкомъ обратило мое вниманіе на то

Обстоятельство, и я удивился, что аббатъ, нисколько не смущаясь такимъ соседствомъ, напротивъ того, умѣлъ имъ пользоваться. Онъ весело разговаривалъ съ своею соседкой, и оказывалъ ей между-тѣмъ разныя мелкія услуги.

« — Знаете вы этого аббата? спросилъ у меня графъ Клермонъ-Монъ-Сенъ-Жанъ, молодой капитанъ вермандейскихъ гренадеровъ.

« — Я ѣхалъ съ нимъ сюда вчера и сегодня. Онъ отчаянный охотникъ.

« — Кажется онъ не только отчаянный охотникъ, но и кое-что другое, сколько можно судить по бесѣдѣ его съ Сенъ-Губерти, сказалъ Клермонъ.

« — Нѣтъ, я говорилъ съ нимъ много, — у него одна страсть, — охота.

« — При этихъ живыхъ глазахъ и этомъ румяицѣ? Невозможно! Посмотрите, съ какимъ жаромъ они разговариваютъ. Сенъ-Губерти тронута.

« — Послѣ обѣда спросимъ у нея, что ее смущало, сказалъ я, пораженный неприятною мыслью, что можетъ-быть не впопадъ повѣрилъ притворному простодушію аббата.

« Вставши изъ-за стола, я предложилъ руку госпожѣ Сенъ-Губерти. Клермонъ шелъ вслѣдъ за нами, и мы воспользовались случаемъ спросить у знаменитой актрисы, что извлекла она изъ бесѣды съ аббатомъ?

« Очень много. Я обѣщала исполнить всѣ его желанія.

« — Такъ вы хотите, чтобы мы его возненавидѣли? сказалъ Клермонъ.

« — Напротивъ того, вы поможете мнѣ исполнять его желаніе.

« — Это уже слишкомъ, сказалъ я въ свою очередь. Изъяснитесь, прелестная Нина.

« — Ничего нѣтъ легче: аббатъ, — не помню, какого онъ прихода, — аббатъ просилъ меня дать въ Маконѣ спектакль въ пользу его бѣдныхъ, и я надѣюсь, что маркизъ де-Монревель одолжитъ мнѣ для этого свою залу, а вы будете въ числѣ посѣтителей.

« — Я беру мѣсто, и даю два лундора, подхватилъ я.

« — Я даю пять, сказалъ Клермонъ, хотя вѣроятно долженъ буду возвратиться въ полкъ раньше дня представленія. А скажите: говорилъ онъ вамъ о любви?

« — Онъ говорилъ только о милосердіи.

« — Лытецъ! сказалъ Клермонъ. Онъ десятеро ловче насъ.

Сентъ-Губерти отвѣчала на этотъ милый комплиментъ улыбкой, и тѣмъ дѣло и кончилось.

« Я искалъ потомъ аббата въ залѣ, но его не было; взглянувши случайно въ окно, я увидѣлъ его съ молитвенникомъ въ рукѣхъ подъ деревомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка. Онъ не явился къ ужину, и я долженъ былъ, желая съ нимъ повидаться, идти къ нему въ комнату.

« Я засталъ его за письмомъ. Увидѣвши меня, онъ собралъ бумаги, спряталъ ихъ въ большой черный портфель, и мы начали бесѣдовать.

« — Какъ вамъ нравится здѣшнее общество? спросилъ я.

« — Прекрасное; дамы, кажется, всѣ очень любезны; мнѣ, по крайней-мѣрѣ, нельзя пожаловаться: случай доставилъ мнѣ премилую сосѣдку.

« — Вы умѣли примириться съ судьбой, а мнѣ было за васъ досадно.

« Отчего? Эта дама очень любезна и добра. Я просилъ ее дать спектакль въ пользу моихъ бѣдныхъ, и она тотчасъ же согласилась. День мой не потерянь.

« — Завтрашній будетъ не хуже, сказалъ я, указывая пальцемъ въ сторону псарни, откуда слышалось рычанье на разные голоса.

« — Эта музыка дѣйствительно чудо какъ хороша, сказалъ аббатъ съ увлеченіемъ. Если бы она продолжалась всю ночь, я и глазъ бы не сомкнулъ. Надѣюсь, что завтра, покамѣстъ я буду у обѣдни, ихъ заставятъ молчать. Вы знаете, что обѣдня назначена ровно въ семь часовъ? Сборное мѣсто далеко отсюда.

« — И такъ до завтра, любезный аббатъ!

« Отецъ мой остановился перевести духъ; потомъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я въ третій разъ наполнилъ стаканы, и продолжалъ:

« Вамъ, вѣроятно, было бы интересно узнать подробности образъ жизни въ Шалѣ, но это отвлекло бы меня отъ моего предмета и отняло бы у меня время, которое я хочу посвятить моему аббату. Если болтовня моя вамъ не наскучаетъ, я угощу васъ на дняхъ разговоромъ подъ заглавіемъ: сорокъ-осемь часовъ у Маркиза де-Монревели.

Мы взяли съ него обѣщаніе, и онъ продолжалъ:

« На другой день, ровно съ семь часовъ, звукъ колокола, гармоническій и веселый, какъ голосъ молодой дѣвушки, призвалъ насъ въ церковь замка. По корридорамъ раздались шаги и говоръ дру-

щихъ. Вставшіе шли будить лѣнливыхъ, которые не могли дозваться своихъ лакеевъ, вѣрныхъ пословицъ: каковъ попъ, таковъ и приходъ. Иные еще не являлись, хотя и вышли уже изъ своихъ комнатъ; всѣ знали, что они ждутъ, чтобы корридоры опустѣли, и тутъ всегда являлся какой-нибудь пріятель, который говорилъ: «я знаю гдѣ онъ, но туда идти за нимъ не ловко».

« Не смотря на всѣ эти замедленія и перемѣненія мѣста жительства, черезъ четверть часа всѣ были въ церкви. Аббать, съ *introibo* на устахъ, ожидалъ хозяина, который изъ учтивости являлся всегда послѣдній, и оправдывалъ тѣмъ медленность всѣхъ прочихъ. Онъ явился въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ, которыя тоже собирались на охоту, и служба началась.

« Я взглянулъ на часы; было осемнадцать минутъ осьмага; черезъ четверть часа, *ite missa est* успокоило нетерпѣніе слушателей.

« Не стану описывать вамъ завтрака, отъѣзда при звукѣ роговъ, живыхъ разговоровъ дорогою, стихавшихъ по мѣрѣ приближенія къ сборному мѣсту, и переходу прямо къ рапорту псарей.

« Они открыли кабана, который уже не разъ отгрызался отъ стан маркиза де-Монревеля. Денисъ оставилъ его не вдалекѣ, и ручался за вѣрность своихъ замѣтокъ, съ свойственною ему скромностью. Ла-Бруссаль, доѣзжачій маркиза, открылъ оленя, очень сильнаго, суда потому, сколько исходилъ онъ въ эту ночь.

« — За кѣмъ охотиться, *mesdames*? спросилъ маркизь де-Монревель.

« — Не спрашивайте насъ, отвѣчали прекрасныя Амазонки; если выйдетъ неудача, вину свалить на насъ.

« Охота за оленемъ живописнѣе, сказали молодые щеголи.

« — Но за кабаномъ драматичнѣе.

« — Кабанъ будетъ отгрызаться и зарѣжетъ десятка два собакъ.

« — Олень бросится въ мельоназскій прудъ, куда нельзя вступить безъ опасности.

« — Мы за оленя, говорили одни.

« — А мы за кабана, отвѣчали другіе.

« — Надо однако же на что-нибудь рѣшиться, сказалъ маркизь де-Монревель.

« — Я думаю, что не надо, прервалъ его аббать. Теперь только половина девятого, и намъ остается на охоту по крайней-мѣрѣ девять часовъ. Чтò же мѣшаетъ намъ напасть спер-

ва на кабана? Онъ отсюда близехонько, и вѣроятно станетъ отбиваться, какъ замѣтилъ графъ де-Монтей. Какъ только онъ остановится, дасть отпоръ собакамъ, ему всадыть въ ухо пулю, — а потомъ мы идемъ отыскивать оленя.

« Это довольно энергическое предложеніе примирло всѣхъ, и мы пошли на кабана. Осемдесятъ собакъ и двадцать роговъ заставили его выйти изъ своей берлоги и забыть свою надменную неповоротливость.

« Въ ту минуту, когда его поднимали, я взглянулъ на аббата. Лицо его сіяло; сильная рука съ трудомъ удерживала горячаго Раготена. Когда кабанъ выскочилъ, безстрашный скакунъ ринулся съ быстротою молніи, и въ нѣсколько секундъ очутился посреди стаи собакъ, летѣвшей за кабаномъ по полю, поросшему верескомъ.

« Я подумалъ, что лучше ничего не могу сдѣлать какъ слѣдовать за аббатомъ; я пустилъ поводья, и англійская кобыла моя быстро догнала Дюверже, — такъ звали моего новаго знакомца.

« Если вы никогда не охотились въ Брессъ, вы не можете себѣ представить, что это за страна. Если я вамъ скажу, что она изрѣзана тонкими дорогами, что лѣса въ ней истинныя болота, что каждый лугъ, каждое маленькое поле обнесено широкимъ ровомъ и частоколомъ, вы еще не въ состояніи представить себѣ всѣхъ препятствій, которыя испытываютъ смѣлость и ловкость охотника, особенно въ окрестностяхъ Бурга.

« Въ этотъ день, благодаря моему путеводителю, я перевозилъ всѣ затрудненія и имѣлъ счастье явиться въ числѣ первыхъ у моста обѣ одной аркѣ, подъ которой спрятался утомленный кабанъ. Мостъ этотъ огибалъ не рѣку, а родъ рва, превращающагося во время дождя или оттепели въ ручей. Въ этомъ положеніи въ кабана нельзя было пустить пулю, и собаки, имѣя мало пространства, принуждены были напасть на него спереди. Сильнѣйшія изъ нихъ заплатили уже своею кровью за честь самопожертвованія, когда аббатъ Дюверже, сошедшій съ лошади, чтобы осмотрѣть мѣстность, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

« — Я въ отчаяніи, что присовѣтовалъ эту охоту. Тутъ упадутъ всѣ собаки.

« И дѣйствительно, съ дюжину собакъ возвратились въ эту минуту въ самомъ жалкомъ состояніи; ихъ смѣнили другія, но итѣ тотчасъ же бросились назадъ, израненныя еще хуже первыхъ.

« — Это невозможно! воскликнулъ аббатъ. Эти благороднѣйшія

своими не погибнуть беззащитно, — или совѣсь будетъ упрекать меня всю жизнь.

« И прежде нежели я успѣлъ догадаться, что хочетъ онъ этимъ сказать, онъ спустился въ канаву и исчезъ подъ аркою моста. Въ одной рукѣ держалъ онъ охотничій ножъ, въ другой трубу.

« — Онъ погибъ! воскликнули всѣ, бывшіе свидѣтелями такой безумной отваги, — но крикъ ихъ былъ заглушенъ пронзительными звуками рога, раздавшимися подъ сводомъ, въ которомъ мы уже видели могилу безстрашнаго аббата.

« Кьеро зарудилъ, чтобы отвлечь вниманіе кабана отъ собакъ. Онъ не ошибся въ своемъ расчетѣ: кабанъ въ ту же минуту бросился на охотника, и собаки могли напасть на него сзади.

« Была минута ужасной неувѣстности. Звукъ рога вдругъ замолкъ, и слышался только бѣшеный лай псовъ и глухое рычанье кабана.

« Вдругъ рогъ зазвучалъ снова, и на этотъ разъ мы услышали звукъ побѣды.

« Аббатъ Дюверже появился изъ-подъ арки. Сапоги, сѣрые бархатные панталоны, черный жилетъ и верхнее платье, даже руки и лицо его были окрашены въ самый лучшій бутылочно-зеленый цвѣтъ, то есть въ цвѣтъ ручья, въ которомъ онъ выкупался. Только одна вещь, охотничій ножъ, былъ вплоть до рукоятки самаго яркаго алаго цвѣта.

« — Не ранены ли вы? спросилъ я, бросаюсь къ Дюверже.

« — Нѣтъ; только оцарапанъ... не знаю гдѣ. Увидимъ послѣ, вечеромъ.

« — Однако что за неосторожность.

« — Ничуть. Это я уже пятого беру этимъ образомъ.

« Понимаете ли вы, сколько надо было охотиться за кабанамъ, чтобы убить пятерыхъ подъ мостами?

« Когда всѣ собрались, и опоздавшіе узнали, въ чемъ дѣло, единодушный кликъ удивленія привѣтствовалъ смѣлаго аббата. Онъ сдѣлался героемъ дня, и не смотря на его званіе и густой слой покрывавшей его тины, не одинъ женскій глазъ старался открыть слабую сторону его мужества: но старанія эти, смѣю васъ увѣрить, остались безъ успѣха.

« Изъ дѣла выбыли всего собакъ двадцать; шестидесять уцѣлѣвшихъ казались такъ бодры, что маркизъ де-Монревиль рѣшился исполнить вторую часть предложенія аббата, то есть идти на оленя.

« Мы перемѣнили лошадей, и маркизъ сказалъ:

« — Господинъ аббатъ! Я велѣлъ приготовить для васъ другую лошадь. Пожалуйста, не церемоньтесь.

« Но господинъ Дюверже отказался, говоря, что эта охота не въ счетъ. Раготень дѣйствительно былъ копытомъ, какъ-будто только что выведенъ изъ конюшни.

« Оленя, испуганнаго шумомъ охоты, найти было трудно. Не когда собаки его почуяли, дѣло пошло какъ нельзя лучше. Животное, гордое и самонадѣянное какъ юность, гнушалось приближить къ хитрости, и перелетѣвши два огромные участка лѣса, перешло Эну и смѣло выбѣжало на домбскую долину. Раготень, неся по слѣдамъ собакъ впереди всѣхъ охотниковъ.

« — Въ немъ сидитъ нечистая сила, говорили одни.

« — Это самъ Люцпферъ, говорили другіе, надсаживая своихъ лошадей изъ желанія увидѣть, не падетъ ли наконецъ самъ Раготень.

« — Если онъ и выдержитъ эту скачку сегодня, замѣчали нѣкоторые, такъ завтра навѣрно свалится.

« Но неутомимый скакунъ неся все быстрѣе и быстрѣе, какъ-будто слышалъ и понималъ ихъ слова. Его не останавливали ни высокіе плетни, ни широкіе рвы, ни топкія дороги. Они даже не замедляли его бѣга, — онъ неся какъ-будто на крыльяхъ.

« Настъ четверо опередили остальныхъ охотниковъ: аббатъ, доѣзжачій Бруссаль, Денисъ и я. Олень былъ не дальше какъ шагахъ въ пятьдесятъ отъ собакъ, за которыми мы слѣдовали по пятамъ.

« Эта скачка продолжалась около часа съ четвертью, когда мы увидѣли вдали широкое пространство желтоватой воды, къ которой направлялъ бѣгъ свой олень.

« — Вотъ мельназскіе пруды, сказалъ мнѣ Денисъ. Дѣло плохо.

« — Отчего? спросилъ я.

« — Оттого, что тамъ вездѣ на три фута воды, а грязи въ нѣкихъ мѣстахъ на осемнадцать футовъ. Попавши туда, не всегда выберешься назадъ.

« Я взглянулъ на Бруссалья. Смѣлость его непоколебалась, только мнѣ показалось, что онъ блѣднѣе, нежели сколько можно было ожидать послѣ такой скачки.

« Черезъ пять минутъ олень былъ уже въ мельназскихъ прудахъ, и выбравши островокъ, покрытый тростникомъ, сталъ, чтобы встрѣтить собакъ. Мы наблюдали его съ берега.

« Охотники прискакали толпою, и затрубили въ рога; всѣ бы

и какъ-будто въ чаду, знакомомъ всякому, въ душѣ котораго пламенѣтъ священный огонь. Бруссаль, одушевленный присутствіемъ столькихъ знатоковъ, тронулся впередъ, чтобы въѣхать въ прудъ; лошадь его сначала заупрямилась, но потомъ пошла, и храбрый доѣзжачій началъ приближаться къ островку.

• Онъ почти уже достигъ своей цѣли, какъ вдругъ, онъ и лошадь его исчезли. Онъ выпутался на мгновеніе, но въ ту же минуту снова ушелъ въ болото, до самыхъ плечъ. Онъ протянулъ руки крестомъ, но это непомогло, — онъ уходилъ все дальше, и съ отчаяніемъ началъ звать на помощь.

• Мы всѣ, одинъ за другимъ, попробовали подать ее, но ни одна изъ нашихъ лошадей не отважилась ступить въ пропасть.

• Во время этихъ бесполезныхъ попытокъ Дюверже успѣшно сбросилъ съ себя сапоги, рогъ и верхнее платье, потомъ снова сѣлъ на Раготена, и послушное животное незадумываясь ринулось въ прудъ.

• Оба они прибыли благополучно на перелетъ стрѣлы отъ несчастнаго Бруссала, но тутъ начали входить въ болото, также какъ и онъ. Мощный скакунъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, но истинникъ самосохраненія одержалъ верхъ, и онъ вышелъ на островокъ, къ великой досадѣ кюра, который, во что бы то ни стало, хотѣлъ спасти доѣзжачаго.

• — Онъ погибъ! кричалъ маркизъ де-Монревель. Оставьте, ради Бога, на своемъ мѣстѣ, господинъ аббатъ! Довольно и одной жертвы.

• Но Дюверже, не обращая вниманія на его просьбу, соскочилъ съ лошади и кинулся въ прудъ.

• Тогда мы увидѣли страшное зрѣлище. Бруссаль сидѣлъ въ болотѣ до подбородка, и напрасно усиливался закинуть голову назадъ, чтобы отдалить неизбежную минуту смерти. Храбрый аббатъ приближался къ нему, но съ каждымъ шагомъ его мы видѣли, что онъ тоже уходитъ въ ненасытную бездну, и трепетали отъ ужаса. Онъ уже протягивалъ руку несчастному Бруссалу, когда тотъ, выбившись изъ силъ и можетъ-быть убѣдившись въ невозможности спасенія, пригнулся и скорѣ скрылся изъ глазъ. Въ ту минуту, когда онъ закрывалъ глаза, мы ясно видѣли, какъ аббатъ благословилъ голову, которую намъ суждено было увидѣть снова уже подъ покровомъ смерти. Тѣло было найдено и привезено въ замокъ на другой день.

• Охота кончилась трагически. Черезъ день почти всѣ разъѣхались изъ Шаля, отдавши послѣднюю почесть Бруссалу. Го-

спомни де-Сенгъ-Губерти, вѣрняя своему слову, отправилась въ Мянсонъ, и дала тѣмъ спектакль въ пользу бѣдныхъ. Черезъ нѣскольکو дней, когда я ѣхалъ къ аббату въ гости, она вручила мнѣ 1,200 франковъ, собранные на этомъ спектаклѣ.

«Теперь, продолжалъ отецъ мой, я постараюсь дать вамъ понятіе о томъ, что такое былъ шапезскій аббатъ у себя дома. Никей мнѣ еще пушу.

«Я извѣстилъ аббата, что прїѣду къ ужину, то есть около половины вечера: Но лошадь моя расковалась, я принужденъ былъ остановиться, и очутился ночью на совершенно незнакомыхъ мѣстахъ. Будь со мною Денисъ, его удивительный инстинктъ вывелъ бы насъ изъ затрудненія; но къ-несчастью я отправилъ его съ собаками впередъ, и долженъ былъ слѣдовать собственному вдохновенію. Встрѣчавшіеся мнѣ поселяне кланялись очень учтиво, но на вопросъ мой, куда мнѣ ѣхать, отвѣчали все одно и то же: «охотникъ, и не знаетъ дороги въ Шапезъ! Это все равно, что нищій, который не знаетъ дороги къ аббату. Полноте, сударь, смѣйтесь надъ поселяниномъ».

«Къ счастью погода была превосходная, и если бы я не боялся заставить себя ждать, я съ величайшимъ удовольствіемъ проѣхалъ бы холмы Шароа и села, озименныя свѣтомъ очаговъ и запахомъ ячницы. Въ-самомъ-дѣлѣ, на свѣтѣ немого таящаго наслажденія, какъ ѣзда на хорошей послушной лошади, при дѣланіи лафъ собакъ, возвышающаго о близости людей, и при звукахъ колокола, наводящихъ серіозныя думы. Все вызываетъ все тогда на размышленіе: долины, покрытыя туманомъ, одинокія точки свѣта въ темномъ пространствѣ, веселая пѣсня заходящаго путника, шумъ колесъ по каменитой дорогѣ, журчаніе воды, вой вѣтра, и горюю шепчетъ нѣжной, таинственной бесѣды за кинимъ-нибудъ плотнень. Мои воспоминанія полны такихъ подробностей.

«Будучи не въ состояніи ничего разглядѣть ясно, я ѣхалъ по слуху, какъ вдругъ мнѣ почудилось, что до меня дошелъ далекіе звуки рога. Я остановилъ лошадь, началъ прислушиваться, и убѣдился, что не ошибся; я распозналъ даже два рога вѣсто одного; я узналъ протяжные звуки Дениса, приверженца нормандской школы, и быстрыя мелодіи шапезскаго юра; реалистическаго партизана противоположной системы.

«Они звали меня. Съѣхавшись съ елутою, которого я въздвигъ осмотрѣть дорогу, я пустилъ лошадь крупною рысью, и черезъ нѣскольکو минутъ въѣхалъ на пригорокъ, съ котораго увидѣлъ

ошаренная лукою провали деревенскихъ хижинъ и пиницъ церквей. Звукъ роговъ становились все ближе и ближе, и довели меня до воротъ жинища аббата, гостепріимныя петли которыхъ, покрытыя ржавчиною, не двигались съ-тѣхъ-поръ, какъ Дюверже, вступая въ свою должность, сказалъ: «домъ мой будетъ отырытъ днемъ и ночью».

«Хозяинъ встрѣтилъ меня съ почтительнымъ радушіемъ. Лошадей моихъ поставили въ превосходную конюшню рядомъ съ царней, гдѣ уже расположились мои собаки. Потомъ аббатъ провелъ меня въ очень прилично меблированную комнату, и когда я сбросилъ съ себя охотничій ножъ, рогъ и сюртукъ, мы пошли ужинать.

«Ужинъ состоялъ всего изъ трехъ блюдъ, но я въ жизнь мою не ѣлъ вкуенте. Баранина таяла во рту, каплушъ пожелелъ на мягкомъ ложѣ изъ крестъ-салата, и рагу изъ бекаевоу кипѣло на серебряномъ блюдѣ. Вино было только одного сорта, но за то это было старое кло-де-вужо. Его прислалъ аббату отецъ-келлеръ изъ Вето при слѣдующей законической запискѣ: «Вино старое, вино доброе; дѣлайте по мѣтому—пейте его побольше. Vale».

«Я тоже послѣдовалъ этому совѣту. Послѣ ужина, оживленнаго веселою бесѣдою аббата, мы сѣли въ пухню, и застали тамъ моего камердинера Лавалла и доѣзжачаго Дениса, сидѣвшихъ за столомъ съ Жакомъ.

«— Рамо, сказалъ ему Дюверже, завтра поутру ты возьмешь Ромео и пойдешь на обыскъ въ генчошскую застѣку. Въ три четверки девятаго мы сойдемся у Рибо. На охотѣ будутъ собаки граеа.

«— А на что будетъ охота?

«— На что случится, отвѣчалъ я.

«— Я спрашиваю потому, что мы здѣсь всегда можемъ выбрать, отвѣчалъ доѣзжачій съ гордостью.

«— Такъ приготовьте намъ волна; мои собаки идутъ на него охотно.

«— Будетъ, также вѣрно какъ-то, что меня зовутъ Рамо.

«— Вотъ славное обѣщаніе! сказалъ, захохотавши аббатъ. Его зовутъ Целестинъ Піюльеръ, а Рамо — его охотничье прозвище.

«На другой день, въ осьмь часовъ, аббатъ посѣтилъ уже трехъ большихъ, роздалъ двадцать фунтовъ хлѣба двумъ бѣднымъ семействамъ, поздравилъ съ вашими покорнымъ слугою, тѣмъ на Раголема, — и мы ѣхали на сборное мѣсто.

«— Ну, Рамо, что нового?

«— Я нашелъ огромнаго волка. Онъ должно быть не голоденъ, потому что еще вчера ввечеру стащилъ овцу у Маризэ.

«— Тѣмъ лучше, онъ значитъ отажелѣлъ. Сегодня ввечеру отнеси отъ меня Маризэ два экю въ шесть ливровъ.

«Черезъ четверть часа волкъ былъ поднятъ; за нимъ гнались мон сорокъ арденнскихъ собакъ.

«Охота продолжалась осемь часовъ сряду, безъ всякой пережки. Къ четыремъ часамъ пополудни волкъ успѣлъ переважить овцу и былъ свѣжѣе, нежели поутру.

«— Чуть-ли мы не воротимся съ пустыми руками, сказалъ я. Я далъ уже два промаха.

«— Можно кончить, если хотите, отвѣчалъ аббатъ.

«— Да, жаль мучить собакъ; онѣ гонять звѣря такъ хорошо.

«— Зачѣмъ ихъ мучить? Не въ томъ дѣло: надо убить волка.

«— Легко сказать, да трудно сдѣлать.

«— Посмотримъ. Слѣдуйте за мною.

«И Раготенъ пошелъ въ галопъ. Съ полчаса скакали мы не говоря ни слова. Я думалъ, что мы потеряли охоту: лая не было уже слышно.

«— Остановимся здѣсь, сказалъ аббатъ, сходя съ лошади. Привяжемъ лошадей, осмотримъ курки и будемъ ждать.

«Мы были на полянѣ шаговъ въ триста шириною, со всѣхъ сторонъ окруженной лѣсомъ. Солнце скрылось уже за деревья и быстро наступали сумерки.

«Я хотѣлъ говорить, но аббатъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я молчалъ. Я началъ прислушиваться и скоро услышалъ приближающуюся охоту. Черезъ десять минутъ волкъ показался на опушкѣ лѣса; на мгновение онъ остановился, какъ-будто въ раздумьи, и потомъ пустился въ галопъ понерегъ поляны. Мы стояли на опушкѣ и онъ былъ отъ насъ шагахъ въ осьмидесяти.

«Когда онъ поравнялся съ нами, я выстрѣлилъ по немъ изъ обонихъ стволовъ. При первомъ выстрѣлѣ онъ прыгнулъ въ сторону, при второмъ побѣжалъ прямо отъ насъ, и мы видѣли только его спину, то есть, хвостъ.

«Дюверже приложился и выстрѣлилъ. Волкъ упалъ, какъ молодая собака, когда она шалить, но не всталъ.

«— Я вамъ говорилъ, что можно кончить, если хотите, сказалъ аббатъ и затрубилъ побѣду.

«Явились Рамо и Денисъ съ собаками. Они застали меня надъ волкомъ; я разсматривалъ его задъ и не могъ найти раны.

«— Куда же дѣвалась пуля? сказалъ я.

«— Вѣроятно вылетѣла въ нѣсть, значительно отвѣчалъ Рамо.

«— Да куда же она вошла? продолжалъ я.

«— Для пули такъ мало надо мѣста.... замѣтилъ аббатъ, потупляя глаза. Денись, собирай собакъ и поѣдемъ. До дому двѣ добрыхъ льѣ.

«Ужинъ былъ по вчерашнему сытный и изящный. На слѣдующій день рѣшили идти на оленя, съ собаками аббата.

«Олень былъ взятъ въ четыре часа. Аббатъ и въ этотъ день ѣхалъ на Раготенѣ. Когда мы возвращались, онъ попросилъ у меня позволеніе поѣхать навѣстить одного больного, за льѣ съ четвертью отъ Шанеза. Я предложилъ ему одну изъ моихъ лошадей, не бывшую въ дѣлѣ, но вмѣсто отвѣта онъ ускакалъ на Раготенѣ.

«Вечеру онъ сказалъ мнѣ на прощаньи:

«— Завтра мы ограничимся охотою на зайца. Я долженъ совершить одно важное дѣло, и это займетъ меня до полудня.

«Я присутствовалъ на вѣчаньи. Послѣ обѣда мы убили двухъ зайцевъ. Раготенѣ опять былъ на охотѣ. Мои четыре лошади выбились изъ силъ, и я принужденъ былъ просить, чтобы завтра мнѣ дали отдохнуть.

«— Хотите идти на бекаса? сказалъ аббатъ. Мои люди гонять дичь удивительно.

«Я, разумѣется, согласился, и охота была прекрасная. Староста-доѣзжачій выстроилъ мальчишекъ въ линію и когда мы стали на противоположномъ концѣ лѣсу, аббатъ подалъ сигналъ, и дѣти, стуча руками и ногами по кустамъ и по кочкамъ, начали выгонять къ намъ бекасовъ и зайцевъ. Я выстрѣлилъ тридцать разъ и убилъ одиннадцать штукъ; аббатъ выстрѣлилъ двадцать и убилъ девятнадцать.

«Это происходило въ среду; въ четвергъ мы взяли кабана, соединивши наши стан; въ пятницу лошадямъ и собакамъ данъ былъ роздыхъ.

«Я долженъ былъ уѣхать въ воскресенье, и, слѣдовательно, мнѣ оставалось поохотиться у аббата только одинъ день; надо было постараться не потерять его даромъ и тогда я могъ похвалиться, что провелъ такую недѣлю, какую удается провести рѣдкому охотнику.

«— Что мы будемъ дѣлать завтра? спросилъ я у аббата.

«— Велишь привести обѣ стан на сборное мѣсто, а тамъ что Богъ дастъ.

«— Знаете ли, что это значило? Впродолженіе девяти съ половиною часовъ мы убили оленя, дикую свинью, высокую какъ корову и тощую какъ борзая, и дикую козу, которая между прочимъ вздумала проплыть четверть льё вдоль ручья, и потомъ побѣжала по дорогѣ, пока наконецъ не была взята въ кутѣ ивросту.

«Терпѣніе, смѣтливость, выказанныя аббатомъ въ этотъ день, непостижимы, особенно теперь, когда романтизмъ проникъ даже въ искусство охоты. Я зналъ самыхъ безстрашныхъ и самыхъ ученыхъ охотниковъ Франціи; я охотился съ ихъ истинно нарскими стадами, но только разъ въ жизни случилось мнѣ быть свидѣтелемъ, что въ одинъ и тотъ же день взяты: олень, кабанъ и дикая коза, — и это случилось у аббата Дюверже. Согласитесь же, господа, что Деннсъ въ правѣ рассказывать и даже выдумывать, что ему угодно, объ этомъ необыкновенномъ членвѣкъ».

Вотъ рассказъ моего отца. Я записалъ его на другой же день стараясь сохранить его простоту; я показавъ написанное отцу и спросилъ его, не знаетъ ли онъ, что случилось съ аббатомъ.

«— Знаю, отвѣчалъ онъ, и если хочешь расскажу. Во-первыхъ, скажу тебѣ, что мы сходились аккуратно каждый годъ, то у него, то у меня. Это продолжалось лѣтъ одиннадцать до революціи. Въ ноябрѣ 1790 года я еще праздновалъ день святаго Губерта въ Шанезѣ; но цѣлую недѣлю стояла ужасная погода, и аббать былъ сильно опечаленъ несчастіемъ Франціи.

«— Все погибаетъ! говорилъ онъ. Погибаетъ религія, престоль, дворянство,—погибаетъ охота! Безъ дворянства не существовать и охотѣ; всякій начнетъ стрѣлять, и дичь будетъ истреблена... Несчастливая Франція!

«Я оставилъ Францію черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого свиданія, передъ отъѣздомъ написалъ прощальное письмо къ аббату, и отослалъ къ нему шесть моихъ лучшихъ собакъ. Я получилъ отвѣтъ его въ Лозаннѣ; письмо было грустно, — національное собраніе издало смѣшной декретъ свой объ охотѣ. «Я вамъ говорилъ!» восклицалъ аббать въ заключеніе своей записки.

«Три года спустя, около 1794 года, въ одно прекрасное осеннее утро я проѣзжалъ по дикому мѣсту въ прусской Польшѣ, и вдругъ услышалъ лай пары собакъ въ долину. Я вышелъ изъ край скалы, и увидѣлъ человека, притаившагося на опушкѣ лѣса. Маленькій лугъ, къ которому онъ стоялъ лицомъ, отдѣлялъ его отъ другаго лѣса, въ которомъ собаки гнали зайца. Тамъ

зрѣлище рѣдкость на сѣверѣ, и я тотчасъ же подумалъ, что вѣрно это охотится кто-нибудь изъ нашихъ эмигрантовъ. Эта мысль заставила меня дожидаться на скалѣ той минуты, когда изъ роши выскочили олень и лань, и побѣжали черезъ дугъ прямо на охотника. Они были отъ него еще далеко, когда въ воздухѣ поднялась струйка бѣлаго дыма, предвѣстница двойнаго выстрѣла, съ громомъ прокатившагося по пространству. Олень и лань пали рядомъ на покрытую еще рососою траву, собаки побѣжали къ нимъ съ одной стороны, охотникъ съ другой. Картина была очаровательная.

«Дорога моя шла въ долину. Я скоро прибылъ на мѣсто дѣйствія. Услышавъ топотъ моей лошади, охотникъ оглянулся, и я узналъ аббата.

«— Какъ, это вы, графъ?

«— Это вы, аббатъ?

«— Какими судьбами?

«— Я женился въ Силезіи, недалеко отсюда и живу вонъ за этими соснами. Пойдемте ко мнѣ завтракать.

«Я согласился, и провелъ у него очень пріятное утро. У аббата было еще три собаки; онъ былъ по-прежнему дѣтеленъ, добръ, снисходителенъ и всѣми любимъ.

«— Но, вообще, каково вамъ здѣсь? спросилъ я его, принимаясь за превосходный окорокъ изъ кабана.

«— Не дурно, отвѣчалъ онъ съ грустною веселостью. Народъ здѣсь прекрасный, въ лѣсахъ множество дичи всякаго рода; я молось и охочусь.... Чего же еще желать бѣдному изгнаннику?

«Мы дали другъ другу слово снова увидѣться. Увы! судьба рѣшила иначе. Добрый аббатъ палъ жертвою своего самоотверженія въ одномъ изъ пожаровъ. Приѣхавъ навѣстить его, я нашелъ только камень безъ надписи надъ его могилой. Можешь себѣ вообразить, что я воротился домой не весель. Теперь ужъ нѣтъ такихъ людей, прибавилъ отецъ мой, и Денисъ былъ правъ, говоря: *бѣдняжка покойный аббатъ!*

Теперь любезный читатель забудьте на минуту радушное гостепрѣимство маркиза де-Монревеля, баснословную охоту маркиза де-Болоня; изгоните изъ вашего воображенія, если можете, стаи въ сто пятьдесятъ собакъ, добъжачихъ въ платьѣ, обшитомъ галунами, вельможъ, усыпанныхъ блестками, какъ звѣздами; забудьте маркизъ, канониссъ и даже аббатиссъ стараго времени, — и милости просимъ заглянуть въ невинныя воспоминанія школьника.

Я расскажу вамъ, какъ спасъ я, помощью перваго убитаго мною зайца, жизнь человѣку, и кто былъ этотъ человѣкъ.

Мнѣ исполнилось ровно тринадцать лѣтъ; я любилъ уже охоту съ жаромъ, который долженъ былъ превратиться впоследствии времени въ страсть. Огнестрѣльнаго оружія мнѣ еще не давали, но я тѣмъ не менѣе неутомимо слѣдилъ за всякою охотою, какого бы рода она ни была; то пойду, бывало, въ обходъ съ полевыми сторожемъ, который несъ въ единственной рукѣ своей старый мушкетъ, и стрѣлялъ изъ него только разъ въ годъ, въ день рожденія Наполеона; то вмѣшаюсь, бывало, въ толпу деревенскихъ жителей, когда они, подъ предводительствомъ моего пріятеля, стараго Дениса, идутъ среди зимы бить зайцевъ подъ предлогомъ истребленія волковъ; залазетъ ли, бывало, въ виноградникахъ таксикъ, я тотчасъ бѣгу на перекрестокъ и прицѣливаюсь палкою въ зайца, когда онъ перелетаетъ черезъ дорогу, сверкая утреннею росой. Отецъ, видя во мнѣ эти наклонности, вспоминалъ собственную молодость, и останавливалъ меня только лишь бы успокоить свою совѣсть, то есть ограничивался тѣмъ, что не подстрекалъ моей страсти. Это очень не нравилось аббату Гаршеру, моему учителю, прекрасному и даже очень прозорливому человѣку: онъ безпрестанно повторялъ мнѣ эти слова, которыя я постарался сдѣлать пророческими:

— Вы останетесь невѣждою, если не перестанете любить охоту такъ страстно. Вчера вы не написали вашего урока, а сегодня, кажется, не намѣрены заняться переводомъ.

— Но латынь будетъ для меня совершенно бесполезна, отбѣчалъ я.

— Это отчего?

— Оттого, что батюшкѣ не угодно, чтобы я служилъ Наполеону, стало быть мнѣ остается только поступить въ духовное званіе, и вы понимаете, что тогда латынь...

— Понимаю, понимаю, негодяй, прервалъ меня аббатъ, сѣдившійся на меня за лѣность, тѣмъ болѣе, что обучая меня, самъ обучался латыни. Пойдите, вотъ я васъ...

Но я въ два скачка былъ уже внѣ комнаты, летѣлъ въ садъ, и черезъ пять минутъ стоялъ возлѣ сторожа, который передъ тѣмъ прошелъ мимо окна съ своимъ мушкетомъ.

Покаместъ я бѣгалъ по полямъ, почтенный аббатъ читалъ свой требникъ — по-французски. Къ обѣду я возвращался съ разгорѣвшимися щеками и растрепаннымъ платьемъ. Аббатъ садился возлѣ меня, съ строгимъ взглядомъ.

— Ученье шло сегодня втройно плохо, говорилъ отецъ.

— Ученья не было, отвѣчалъ аббатъ.

— А, это другое дѣло, продолжалъ отецъ; лучше ничего не дѣлать, нежели дѣлать что-нибудь худо.

Такъ шли мои занятія до 29 октября 1813 года, когда мнѣ исполнилось тринадцать лѣтъ. Аббатъ Гаршерн и я, мы брали урокъ латыни, мирно засѣдая у камина за столомъ въ комнатѣ нижняго этажа. Аббатъ былъ не въ духѣ; я попросилъ у него объясненія на одно мѣсто въ Корнеліи-Непотѣ, и онъ не былъ увѣренъ въ точности своего изъясненія.

— Не стыдно ли, говорилъ онъ, въ ваши лѣта не знать простѣйшихъ правилъ латинской грамматики? Вы никогда не выучитесь по-латыни, — а безъ этого какое образованіе!

— Выучусь, увѣряю васъ, отвѣчалъ я, косясь на окно, въ стекла котораго стучалъ бесконечный осенній дождь, извѣщая меня, что вѣтче и думать выглянуть за порогъ.

— Когда же располагаете начать учиться?

— Сію минуту.

И въ подтвержденіе моихъ словъ, я принялся рыться въ лекціонѣ.

Вдругъ дверь отворилась неизвѣстно отъ чьей руки, и въ комнату вбѣжали два прекрасные таксика, связанные шнуркомъ нѣтъ желтокраснаго шелку.

Таксики были черные съ искрой, на ирмыхъ ножкахъ, придававшихъ имъ ловкости.

Появленіе ихъ меня не столько обрадовало, сколько удивило, потому-что я и не подозрѣвалъ, въ чемъ дѣло. Вдругъ дверь растворилась, и на порогѣ явился отецъ.

Лицо его сіяло удовольствіемъ. Онъ держалъ въ рукѣ какую-то вещь, уложенную въ длинный зеленый футляръ; сердце у меня забилось при видѣ этого футляра.

— Аббатъ, сказалъ онъ, искусно притворяясь смущеннымъ, — вы будете меня бранить, но, извините, это ужъ немона такъ ведется у насъ въ семействѣ. Сыну моему пошелъ сегодня четырнадцатый годъ.

— То есть онъ долженъ быть впредь вдвое прилежитѣ.

— Согласенъ; но вѣстѣ съ тѣмъ онъ достигъ законнаго возраста для охоты, и я дарю ему пару собакъ и ружье.

Я вкрикнулъ отъ радости, бросился обнимать отца, и просилъ повторить сказанное: я не вѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ.

— Вотъ еще сумка, сказалъ отецъ, охотничій бичъ, дробница,

пороховинца, кремни и разныя мелочи, которыми ты самъ увидишь, когда онѣ понадобятся.

— Вы забыли хлопья на пыжи, сказалъ аббать. Позвольте мнѣ предложить вотъ эту тетрадь; она никуда больше не годится.

Съ этими словами онѣ подавъ мнѣ мою учебную тетрадь.

— Полноте, аббать, возразилъ отецъ мой; не портите ему удовольствія. Онѣ будетъ заниматься прилежнѣе. Нельзя же вѣчно дѣйствовать, а мечтать вѣчно можно. Вы увидите, что будете имъ довольны.

Съ тѣхъ-поръ мнѣ не разъ случалось испытывать справедливость теоріи удовлетворенныхъ страстей, и отецъ очень удачно приложилъ ее къ дѣлу въ настоящемъ случаѣ: съ этой минуты я началъ заниматься такъ хорошо, что аббать Гаршери не могъ за мною поспѣть, и принужденъ былъ уступить свое мѣсто молодому семинаристу, знавшему нѣсколько больше его, и любившему охоту еще сильнѣе чѣмъ я, если только это возможно.

Сколько подвиговъ совершили мы въ нѣсколько мѣсяцевъ, не въ ущербъ учению! Въ день было два урока: одинъ поутру отъ шести до девяти; другой по-полудни отъ двухъ до пяти. Вечеръ до осьми часовъ былъ посвящаемъ семейству, а потомъ я приготавливался къ слѣдующему дню. Каждое утро четыре часа сряду охотились мы въ виноградникахъ около замка, — охота самая невинная: мы преслѣдовали съ дерева на дерево, съ плетня на плетень, стан зябликовъ и дроздовъ. По четвергамъ послѣ единственнаго урока, укороченнаго пѣлымъ часомъ, и по воскресеньямъ послѣ обѣдни бывало иначе: слуга нашъ Генрихъ, тотъ самый, который въ послѣдствіи времени сдѣлался превосходнымъ дожачнымъ, выводилъ моихъ таксиковъ въ лѣсъ, и мы стрѣлали зайцевъ. По словамъ Генриха, мнѣ удавалось иногда убить зайца, а ранилъ я его непремѣнно каждый разъ, — только что онѣ, Генрихъ, спѣшилъ доканать его своимъ выстрѣломъ, для большей вѣрности. Прошла осень съ ея сырыми туманами; настала зима съ своими холодными дождями, снѣгомъ, гололедицей и короткими днями, но ничто не могло укротить моего рвенія, хотя его и не поддерживали успѣхи; я убилъ только нѣсколько полузамерзшихъ птицъ. Все, что являлось передо мною внезапно, все, что вылетало у меня изъ-подъ ногъ, производило во мнѣ волненіе и недовѣренность моя удваивалась. Генрихъ постоянно утверждалъ, что видѣлъ какъ полетѣла шерсть или посыпались перья, но я никогда ничего не подымалъ съ поля, что впрочемъ, не мѣшало мнѣ питать великія надежды на завтра.

Въ одинъ день, — день трижды счастливый, ярко сіяющій среди монхъ воспоминаній, — имѣлъ я счастье убить зайца безъ посторонней помощи. Таксики выгнали его изъ лѣсу; онъ перебѣжалъ поле и скрылся въ пахати. Люмино и Беллодъ искали его за каждой кочкой, какъ вдругъ онъ выскочилъ изъ-подъ монхъ ногъ. Сердце у меня дрогнуло, рука заложала; я приложился однако же пополамъ съ грѣхомъ, выстрѣлилъ на удачу, и одна шальная дробишка попала зайцу въ затылокъ. Онъ палъ какъ пораженный громомъ. Я вскрикнулъ: «какое счастье!» бросился къ зайцу, и съ торжествомъ показалъ его подошедшимъ въ это время учителю и Генриху.

Но въ ту же самую минуту подбѣжалъ къ намъ, блѣдный и встревоженный поселенинъ, и сказалъ поспѣшно:

— Графъ прислалъ сказать вамъ, чтобы вы спрятали ружья и возвратились поскорѣе въ замокъ.

Вотъ что значило это посольство:

Прошло уже недѣли двѣ 1814 года и около мѣсяца со вступленія союзныхъ войскъ во Францію. Раза три или четыре насъ посѣщали уже патрули австрійской кавалеріи; потомъ они скрылись и такъ какъ французская армія, по слухамъ, заняла Дижонъ и двинулась къ Шалону на Саонѣ, то мы и надѣялись, что не увидимъ уже непріятеля. Ружья, спрятанныя въ библіотекѣ за книгами, заняли свое прежнее мѣсто въ углу у печки, и охота, на минуту прерванная, возобновилась.

Случилось, что въ то самое время когда я убилъ перваго зайца, 150 драгуновъ, батальонъ Кроатовъ и два отряда тирольскихъ егерей заняли нашу деревню. Объ этомъ-то велѣлъ извѣстить насъ отецъ, и посланный имъ поселенинъ сказалъ намъ, чтобы мы спрятали ружья, потому-что такъ поручила ему тайкомъ матушка.

Мы въ одну минуту скрылись въ лѣсъ, и спрятали ружья и всѣ охотничьи снаряды подъ кустомъ, покрывъ ихъ сухими листьями. Зайца я не хотѣлъ бросить.

— Если его увидятъ, говорилъ учитель, то конечно догадаются, что онъ умеръ не отъ подагры, и спросятъ, куда дѣвали мы ружья. Это надѣлаетъ хлопотъ графу, а мы должны будемъ возвратиться сюда за вещами. Это будетъ стыдно и досадно.

— Я хочу, чтобы отецъ мой зналъ, что я убилъ зайца, отвѣчалъ я.

— Я скажу ему; онъ мнѣ повѣритъ.

— Однако подумайте и то, подхватилъ я живо, что вѣдь ма-

тушиль надо угостить чашечкой двадцать секунд, а зиница у нас впрямую не очень много. Заяц может пригодится

Заяцшая свое мнѣше, я смотрѣлъ вышестельно на посланикъ; какъ-будто онъ может помочь мнѣ исполнить мое желаніе, в вдругъ вспоринулъ, вдохновенный внезапною мыслюю. — Прикажите мнѣ зайца вокругъ тальи!

— Теперь дай мнѣ твою блузу, продолжалъ я, обращаясь къ поселянину, когда желаніе мое исполнили.

Блуза была длинна и широка и въ ней можно было спрятать хоть четырехъ зайцевъ. Самъ учитель согласился съ этимъ мнѣшемъ.

Такими уже давно убѣждали искать другого звѣря. Мы оставили ихъ въ покое, потому-что они всегда возвращались домой сами, и пошли въ замокъ.

Въ замкѣ царствовалъ беспорядокъ, который легче себя ообразить, нежели описать. На полянѣ, въ саду, стояли близкомъ драгуны; Кроаты расположились на заднемъ дворѣ у дровъ, то было очень удобно для ихъ стрѣлки; въ сѣняхъ стоялъ караулъ тирольскихъ егерей; главный штабъ отдыхалъ въ салонѣ; во корридорамъ тѣснилась, шумя, ординарцы, слуги, поселане: одни ешѣшили исполнять полученныя приказанія, другіе являлись съ требованіями, всѣ были озабочены или озадачены.

Я благополучно пробрался въ свою комнату, и спряталъ мѣща въ коммодъ къ учителю, ооравилъ на себя одежду и пошелъ въ салонъ.

Тамъ было много гостей, но я ожидалъ найти совсѣмъ не то. Я вообразилъ себя, что увижу людей съ звѣрскими лицами, грубыхъ, требовательныхъ, уносенныхъ побѣдою, и очутился среди офицеровъ большею частью молодыхъ, чрезвычайно утѣшительныхъ, скромныхъ до такой степени, что, казалось, мнѣ совѣстно быть побѣдителями. Отецъ представилъ меня сперва начальнику, драгунскому майору, потомъ всѣмъ прочимъ, и черезъ четверть часа я былъ съ ними въ большихъ ладахъ.

Я воспользовался минутою шумнаго говора и шепнулъ матери, что принесъ ей зайца. Она отвѣчала, что на сегодня онъ не нуженъ, но завтра, по всей вѣроятности, очень пригодится. Черезъ нѣсколько минутъ доложили, что поданъ обѣдъ, и мы пошли въ столовую. Майоръ пожелалъ, чтобы я сѣлъ возле него.

Онъ началъ разспрашивать меня о моихъ лѣтахъ, занятіяхъ, вкусахъ, и наконецъ, глядя на меня пристально, спросилъ:

— Любите вы охоту?

— Охоты.

— И часто охотитесь?

— Каждый день.

— Хорошо вы стреляете?

— Начиная стрелять порядочно, да вот долженъ теперь приостановиться.

— А что, если я дамъ вамъ позволеніе?

— Я попрошу у васъ еще два; одно для моего учителя, вонъ того, что говоритъ съ вашимъ адъютантомъ по-латынѣ, а другое вонъ для этого молодца, моего охотника, который прислуживаетъ вамъ теперь за столомъ.

— Извольте, я даю вамъ три, только съ тѣмъ условіемъ, что если случай приведетъ меня опять сюда, вы поподчуете меня дичью.

Это ободрило меня: я рассказалъ ему мое утреннее приключеніе, и обѣщался угостить его зайцемъ завтра же.

Рассказъ мой его забавлялъ; онъ перевелъ его своимъ товарищамъ; они тоже смѣялись, и я торжествовалъ, тѣмъ болѣе, что позволенія были мнѣ выданы сейчасъ же. Отъ меня зависѣло начать охоту хоть завтра.

Во время этого разговора безпрестанно приходили поселяне съ разными требованіями и жалобами. Одинъ жаловался, что у него выпила вино, другой, что у него сожгли дрова, третій, что у него отняли супъ, четвертый, что его жену чуть кто-то не обидѣлъ, и всѣ удивлялись, что майоръ поничаетъ ихъ простонародное нарѣчіе и отвѣчаетъ имъ по-французски не хуже самого аббата. Майоръ пресерьозно выслушивалъ самыя неважныя жалобы, и обращалъ на нихъ вниманіе, если только онѣ были хоть сколько-нибудь основательны.

Все это продолжалось до конца обѣда и мы уже хотѣли встать изъ-за стола, какъ въ столовую вошли четыре тирольскіе егеря съ каннѣмъ то пазынымъ, въ одеждѣ замѣтнаго мастераго; голова его была открыта, руки связаны за спиною.

Ему было лѣтъ подъ тридцать; человекъ высокаго росту, худой, блѣдный; при другихъ обстоятельствахъ, фizioномія его не пробудила бы ни въ комъ сочувствія, потому что выраженіе ея было пассивно и жестоко.

Егеря, шедшіи впереди прочихъ, стали передъ майоромъ въ почтительной позѣ, и въ отвѣтъ на его вопросъ, началъ на своемъ лѣвѣ долгій рассказъ, въ продолженіе котораго нѣсколь-

во разъ указывалъ рукою на плѣнника. Окончивши допросы, онъ снялъ свою шапку и показалъ маіору, что она прострѣлена пулею на нѣсколько линий выше головы.

При началѣ его разсказа веселое лицо маіора сдѣлалось мрачно, и несмотря на всѣ его усилія, уже не прояснилось послѣ.

Я взглянулъ вопросительно на матушку, понимавшую по-нѣмецки; она, казалось, была сильно тронута, особенно когда маіоръ сказалъ что-то, сдѣлавши знакъ, чтобы плѣннаго увели.

По уходѣ плѣнника, маіоръ, сдѣлавшійся печальнымъ, обратился къ моему отцу и сказалъ ему, возвысивши голосъ, по-французски:

— Мнѣ очень жаль, графъ, что это случилось.

— Что такое, господинъ маіоръ?

— Развѣ вы не слышали? Я думалъ, что во время вашего пребыванія въ Германіи вы выучились по-нѣмецки.

— Мало, и то забылъ, отвѣчалъ отецъ мой; теперь мнѣ трудно понять быстрый разговоръ.

Отецъ мой былъ изъ числа тѣхъ эмигрантовъ, которые говорили всѣмъ и каждому:

«Надо сознаться, что эти Нѣмцы ужасно дикій народъ: вотъ мы у нихъ уже десять лѣтъ, а онѣ все еще не выучились по-французски».

— Если вы не поняли, продолжалъ маіоръ, такъ я долженъ вамъ сказать, что этотъ человекъ не военный, и былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ; онъ стрѣлялъ по нашему патрулю.

— Можетъ-быть онъ охотился, подхватилъ отецъ.

— Я самъ желалъ бы принять его за охотника, отвѣчалъ маіоръ, но не могу. Онъ принадлежалъ къ отряду, сторожившему дорогу, покамѣстъ работники прорывали плотину, по которой намъ придется проходить завтра утромъ. Увидя приближеніе патруля, отрядъ этотъ и работники обратились въ бѣгство; только этотъ одинъ остался, чтобы выстрѣлить еще изъ ружья. Пуля, какъ вы видѣли, пробила шляпу моего сержанта; виновный не успѣлъ увернуться, былъ взятъ, и я долженъ донести объ этомъ генералу. Дѣло кончится плохо.

— Какъ? спросилъ отецъ.

— Военные законы строгі; вы это знаете, графъ, вы сами служили. *Всякаго не военнаго, кто будетъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, разстрѣливать.* Впрочемъ, я постараюсь представить это дѣло въ такомъ видѣ, чтобы онъ отдѣлся нѣсколькими десятками фухтелей.

— Если бы у него не было ни жены, ни дѣтей, для него бы

до бы лучше, чтобы его разстрѣляли, сказалъ отецъ съ запальчивостью. Мнѣ кажется, что это честный человѣкъ.

— Позвольте мнѣ съ вами не согласиться, возразилъ маіоръ чрезвычайно вѣжливо. Я пристально вглядывался ему въ лицо, и готовъ биться объ закладъ, что онъ негодилъ, которому хочется какъ-нибудь поправить свою репутацію.

— Кто-бы онъ ни былъ, отвѣчалъ отецъ, онъ мой соотечественникъ, и я прошу васъ сдѣлать все, что отъ васъ зависить, для спасенія его отъ позорнаго наказанія и смерти.

— А вы сдѣлайте вотъ что, графъ: спупайте въ Шаньи съ ординарцемъ, который повезетъ мой рапортъ. Вы найдете тамъ командующаго бригадою генерала Шейтера: это старый солдатъ, съ виду крутой, но въ сущности очень добрый. Обратитесь къ нему, и я увѣренъ, что онъ вамъ не откажетъ въ совершенномъ помилованіи. Я буду этому радъ не меньше васъ, потому что исполненіе приговора возложили бы на меня.

— Вы прекрасный человѣкъ, господинъ маіоръ. Я послѣдую вашему совѣту. Гсприхъ, прикажи мнѣ осѣдлатъ лошадь, а между-тѣмъ пойдите пить кофе. Я выпью за ваше здоровье шести-десятилѣтней водки.

Мы встали изъ за-стола, и отецъ мой воспользовался маленькою суматохою при этомъ движеніи, чтобы шепнуть мнѣ на ухо:

— Поди, посмотри, куда посадили плѣннаго, и скажи мнѣ; только чтобы никто этого не замѣтилъ.

Черезъ десять минутъ я возвратился въ салонъ: приказаніе отца мнѣ не трудно было исполнить, — и онъ притворился, что не замѣтилъ моего прихода.

— Держу пари, сказалъ маіоръ, что милый мальчикъ ходилъ осведомляться о плѣнномъ.

— Да, это правда, господинъ маіоръ! Бѣдняжка, какое несчастье!

— Съ нимъ обходятся, однако же, какъ слѣдуетъ?

— О, нѣтъ. Онъ сидитъ въ кухнѣ, въ углу у очага, съ связанными руками, и плачетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что у него есть жена и трое маленькихъ дѣтей.

Отецъ, разговаривая съ молодымъ драгунскимъ офицеромъ, умѣлъ подать мнѣ знакъ, что больше ему знать не нужно. Черезъ нѣсколько минутъ слуга доложилъ, что лошадь готова; маіоръ написалъ; между-тѣмъ, свой рапортъ, и мы гурьбою двинулись въ кухню къ унтеръ-офицерамъ, съ однимъ изъ которыхъ слѣдовало отправить бумагу.

Начинало темнѣть: но въ кухнѣ горѣлъ огонь, какой обычно-

важно разродить побѣдителя дровами побѣжденныхъ, и кухня была залита свѣтомъ какъ отъ полуденнаго полнаго солнца.

Набѣнникъ сдѣлалъ все на томъ же мѣстѣ, то есть у очага. Руки у него были связаны и онъ прислонился къ шпалетнику, стоявшему въ амбразурѣ окна, выходившаго въ садъ. Кухня, какъ всѣ кухни, была въ нижнемъ этажѣ.

Покаместъ майоръ отдавалъ приказаніе унтеръ-офицеру, отецъ мой подошелъ къ плѣннику, сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ и старался ободрить его, объяснивши ему цѣль своей поѣздки.

— Этотъ человѣкъ смотритъ негодеямъ, шепнулъ мнѣ отецъ; но все равно, я сдѣлаю все возможное, чтобы спасти его.

Я посмотрѣлъ пристально на плѣнника, и нашелъ, что лицо его дѣйствительно говоритъ не въ его пользу. Въ немъ не было ничего яснаго желанія сохранить жизнь, свойственнаго человѣку, который сознаетъ, что онъ полюбилъ ближняго. Глаза его, выглядывая изъ подолобя, вѣселили, казалось, къ милосердію его стражей, а не къ сочувствію земляковъ; низкій лобъ былъ облитъ холоднымъ потомъ страха; въ четырехъ шагахъ отъ яркаго пламени онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ; словомъ, глубокое презрѣніе примѣшивалось къ чувству состраданія, возбуждаемаго его положеніемъ.

— Не надо такъ дрожать, сказалъ ему отецъ мой. На тебя смотреть и принять тебя за труса. Майоръ, продолжалъ онъ, замѣтивши, что плѣнникъ его не понимаетъ, — у него лихорадка; не позволите ли вы уложить его въ теплую постель?

— Снизжите ему, что вы идете преслѣдовать о его понижаніи; это согрѣетъ его еще лучше.

Отецъ увидѣлъ, что майоръ догадался, въ чемъ дѣло, и кратко рассказалъ плѣннику, что онъ намѣренъ для него сдѣлать.

— Осужденныхъ на казнь не прѣщаютъ, пробормоталъ тотъ глухо.

— Какое твое званіе? спросилъ отецъ мой.

— Слуга въ Шалонѣ.

— У кого?

— У Каза.

— Я не знаю въ Шалонѣ никакого Каза. Кто это? переговоръ?

— Онъ....

Слѣдующее слово, сказанное въ полголоса, замерло на губахъ плѣнника, и я его не слышалъ. Я замѣтилъ только, что отецъ мой отшатнулся, какъ будто наступилъ на змѣю.

— Ординарецъ готовъ за вами слѣдовать, сказалъ ему майоръ.

Желаю вамъ успѣха. Генералъ сначала откажетъ, это вѣрно; но продолжайте просятъ, и онъ согласится.

Боюсь, что краснорѣчіе мое окажется слишкомъ слабо, эмась печально отецъ мой. Но все равно, ѣдемъ.

И онъ пошелъ въ сопровожденіи драгунскаго унтеръ-офицера къ крыльцу, гдѣ стояла его лошадь.

Осматривая сѣдло и удля со вниманіемъ стараго кавалерійскаго полковника, онъ шепнулъ мнѣ:.

— Я надѣюсь, что поѣздка моя будетъ имѣть успѣхъ; но я былъ бы спокоинѣе, если бы бѣднажка... догадался самъ вынутаться изъ бѣды. Окно всего на два фута отъ земли, лѣтъ изда-леко, и я на его мѣстѣ почивалъ бы сегодня дома.

— А связанныя руки?

— Это не важность; кухарка безпрестанно ходитъ то туда, то сюда, — ей не трудно перерѣзать веревки.

— Одно замѣрто.

— Можно отворить его подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

— А вы за него не отвѣчаете, если онъ убѣжитъ?

— Вотъ прекрасно. Развѣ я сторожъ при союзной арміи? Впрочемъ не мѣшайся въ это дѣло; я постараюсь выхлопотать ему прощенье, а если не удастся, такъ тогда еще посмотримъ. Прощай; не надѣлай безъ меня глупостей.

Несмотря на свою тучность и шесть десятковъ лѣтъ, онъ очень легко вскочилъ въ сѣдло и ускакалъ въ сопровожденіи унтеръ-офицера.

Въ деревнѣ жили два или три якобинца, удалившіеся отъ дѣлъ уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Увидѣвши отца, ѣдущаго съ австрійскимъ кавалеристомъ, одинъ изъ нихъ закричалъ своему сосѣду:

— Эти эмигранты вѣчно одни и тѣже, Флашо; вонъ бывший графъ ѣдетъ къ менпрятальскому генералу съ доносомъ на востныхъ людей. Но погоди! Приѣдетъ императоръ, и....

— Прощайте, Ламалль, закричалъ ему отецъ, слышавшій его слова; закройте окно; ночь холодна, а вы легко простуживаетесь.

Онъ прищипнулъ лошадь, и исчезъ въ темнотѣ.

Этотъ Ламалль былъ старинный слуга нашего дома. Онъ служилъ камердинеромъ у моего отца, и жена его кормила мою старшую сестру. Въ 1792 году онъ сбросилъ ливрею, надѣлъ карманьолку, и явился грабить замокъ изъ любви къ отчизнѣ... и къ серебряной посудѣ своихъ прежнихъ господъ.

Скажу вамъ чинеходомъ, что чрезъ мѣсяцъ послѣ рассказываемаго теперь событія, этотъ Ламалль, взятый въ заложники и отведенный въ главную квартиру принца Гессенъ Голбургскаго, въ Дижонъ, былъ освобожденъ изъ плѣна, и можетъ-быть отъ смерти отцомъ своимъ, поручившимся за него и отвезшимъ его въ своей собственной каретѣ.

Ламалль былъ человекъ очень признательный, — но еще болѣе патриотъ, и по этому-то сдѣлалъ во время ста-дневъ доносъ на моего отца. Къ-счастью для насъ, маршалъ Сюше, къ которому онъ обратился, велѣлъ его вытолкать вонъ. Тѣмъ и кончилась политическая карьера этого великаго гражданина.

Обращаюсь снова къ моему плѣннику.

Я возвратился къ нему тотчасъ по отъѣздѣ отца. Я нашелъ его еще печальнѣе прежняго, и сердце мое сжалось. Тутъ мнѣ пришли на память послѣднія слова моего отца; я взглянулъ на веревки, на окно, на кухарку съ ножомъ въ рукѣ и ножницами на шнуркѣ у пояса. Я забылъ запрещеніе мѣшаться въ дѣло, или вѣрнѣе, изобрѣталъ средства, какъ-бы отъ него отлавировать.

Я пришелъ въ залу, но былъ тамъ разсѣянъ, задумчивъ, безпокоенъ. Поутру еще непріятельское нашествіе казалось мнѣ тѣмъ-то въ родѣ военного парада, а теперь оно было въ моихъ глазахъ несчастіемъ и униженіемъ. Я подумалъ, что несчастнаго ждутъ теперь жена и дѣти, что его разстрѣляютъ можетъ-быть у насъ передъ глазами, не внимая нашимъ просьбамъ. Волненіе мое сдѣлалось такъ сильно, что маіоръ замѣтилъ его и спросилъ о причинѣ.

— Я боюсь, что отцу не удастся, отвѣчалъ я отрывисто. Это будетъ ужасно.

Вѣсто отвѣта маіоръ обнялъ меня съ жаромъ.

— Чудесный мальчикъ, клянусь честью! сказалъ онъ. Если отецъ вашъ, — какъ я въ томъ не сомнѣваюсь — выпроситъ ему помилованіе, вы объявите ему это сами и сами развяжете руки. Я хочу, чтобы мы остались съ вами друзьями. Зачѣмъ этотъ ротозей позволилъ поймать себя! прибавилъ онъ съ досадою.

— Или почему не постарается онъ бѣжать теперь? подхватилъ я.

— Это труднѣе, отвѣчалъ маіоръ, отходя отъ меня къ матери, въ другой конецъ залы.

Черезъ нѣсколько минутъ офицеры пожелади удалиться, и я проводилъ ихъ въ назначенныя для нихъ комнаты. На др...

маіоръ попросилъ меня разбудить его тотчасъ по возвращеніи отца. Я обѣщалъ и поспѣшилъ въ кухню.

Тамъ стало тише; тамъ было только четыре тирольскихъ егеря и плѣнникъ.

— Есть у васъ вино? спросилъ я.

— Да, да, дай вина, сказали егеря, показывая мнѣ пустыя бутылки.

Я побѣжалъ въ столовую и принесъ имъ огромную бутылъ водки и два графина бѣлаго крѣпкаго вина.

— Теперь ѣсть, сказали они.

Я обшарилъ всѣ ящики и шкафы въ кухнѣ, но не нашелъ ничего кромѣ хлѣба.

— Говядины, говядины! говорили егеря.

Говядины! Въ замкѣ былъ одинъ только теленокъ, котораго убили на завтра; онъ былъ еще не приготовленъ, и его положили для вѣрности въ погребъ, ключъ отъ котораго хранился у кухарки.

Вдругъ свѣтлая мысль мелькнула у меня въ умѣ: я вспомнилъ о зайцѣ, спрятанномъ въ комодѣ учителя, — и въ одинъ мигъ былъ уже въ его комнатѣ.

— Чтò вамъ? спросилъ аббатъ Пріеръ, видя, что я торопливо выдвигаю ящикъ его комода.

— Я за моимъ зайцемъ.

— За вашимъ зайцемъ! Да тамъ только мои бархатные панталоны и кафтанъ.

— Вотъ какъ можно ошибиться! отвѣчалъ я, вытаскивая изъ комода зайца.

Я бросился вонъ и прибѣжалъ въ кухню. При видѣ зайца, лица Тирольцевъ прояснились. Я даже боялся, какъ-бы они не бросились меня обвинять, что погубило бы меня во мнѣніи почтеннаго Ламалля.

Теперь я долженъ сообщить вамъ краткую топографію кухни. Печь стояла въ срединѣ углубленія, футовъ въ десять ширины, гдѣ грѣлись приходившіе въ кухню, не мѣшая кухаркѣ дѣлать свое дѣло. Очагъ былъ глубокъ, высокъ и широкъ. По лѣвую сторону углубленія было окно и маленькій буфетъ, о которомъ я уже говорилъ; тамъ сидѣлъ плѣнникъ, мрачный и неподвижный; направо стоялъ большой елѣвый, окрашенный сѣрою краскою шкафъ, и Тирольцы приставили къ нему деревянную скамью, сидя на которой, грѣлись и присматривали за плѣнникомъ. На большомъ столѣ, въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, стояли стаканы

и бутылки; но временамъ Тирольцы вставали и подходили выпить вина.

Принявши зайца, мнѣ надо было очистить его и зажарить; то и другое было не трудно: въ шкафѣ нашелся крюкъ, на которомъ его можно было повѣсить, а въ печи угля, на которые стояло только подкинуть сухихъ вѣтвей.

Двое егерей пошли за дровами, двое другихъ прицѣпили зайца къ крюку и начали его обдирать. Занятые этимъ дѣломъ, они стояли спиною къ окну и плѣннику; я смотрѣлъ на нихъ съживши руки за спиною, à la Napoléon.

Всѣмъ охотникамъ извѣстно, что заяцъ, котораго обдирають, издаетъ запахъ, очень сильный и непріятный для тѣхъ, кто не убилъ его. Мое обоняніе не страдало въ настоящемъ случаѣ, но я притворился и произнесъ нѣсколько общихъ всѣмъ языкамъ звуковъ, выражающихъ непріятное ощущение.

Потомъ, замѣтивши, что солдаты Франца-Второго поняли мои восклицанія, но не догадались о моемъ намѣреніи, я принялся за дѣло съ рѣшимостью и ловкостью парижскаго уличнаго мальчишки.

Прежде всего я зажалъ себѣ носъ и не желая задохнуться отворилъ окно. Тирольцы сдѣлали движеніе, какъ-будто хотѣли остановить меня, но догадавшись почему это сдѣлано, обратили взоры свои на веревки, связывавшія плѣнника, и продолжали свое дѣло.

Я снова заложилъ руки за спину и остался вблизи плѣнника. Пальцы мои касались его веревокъ. Открытое окно, и движеніе моихъ рукъ дали ему знать о моемъ намѣреніи. Онъ подвинулся ко мнѣ осторожно и тихо, — я чувствовалъ, что онъ дрожитъ отъ страха или надежды. Въ ту минуту я ощущалъ узелъ веревки, и принялся его развязывать. Плѣнникъ между-тѣмъ поворачивался потихоньку лицомъ къ окну.

Раза два или три Тирольцы оглянулись; тогда я, указывая головою на зайца, говорилъ *brur!* и они смѣялись.

Наконецъ узелъ развязанъ. Остальное было не мое дѣло. Я подошелъ къ Тирольцамъ, чтобы отвлечь ихъ вниманіе.

Я старался дать имъ знать знаками, не слишкомъ ясными, что зайца убилъ я, и показалъ имъ въ затылкѣ дробь, бывшую причиною его смерти.

— Да, да, говорили они, пріѣзжайте въ Тиролъ. Въ Тиролѣ много хорошихъ охотниковъ.

Въ эту минуту вошли другіе два Тирольца, и съ громомъ су-

стильн дѣй визанки дровъ. Я прислушивался, и потому этотъ шумъ не понималъ мнѣ распознать другой, болѣе слабый стукъ отъ паденія тяжелаго тѣла на сырую землю, и вслѣдъ за тѣмъ легкій шелестъ вѣтвей и поспѣшные шаги бѣгущаго.

Я оставался неподвиженъ какъ статуя. Я достягъ своей цѣли, но не хотѣлъ показаться участникомъ въ бѣгствѣ плѣннаго.

Одинъ изъ прѣисшедшихъ дрова замѣтилъ въ это время, что плѣннаго нѣтъ, и вскрикнулъ:

— Tausend Teufel! Der Gefangene ist fortgelaufen! *

Хлопотавшіе около зайца схватили свои карабины, стоявшіе въ углу у печки, бросились къ окну, выстрѣлили на удачу и закричали: *къ оружію!*

Въ мгновеніе ока отрядъ, расположенный на бивакахъ во дворѣ, былъ на ногахъ: ударили тревогу, скомандовали на коней, кухня наполнилась полуодѣтыми офицерами, прибѣжавшими узнать, что случилось. Маіору доложили, что плѣнный ушелъ въ окно.

— А кто отворилъ окно? спросилъ онъ солдатъ по-пѣмски.

Тирольцы указали на меня. Я указалъ на зайца, и сказалъ съ истинно достойнымъ всякаго уваженія хладнокровіемъ:

— Вотъ кто виноватъ, господниъ маіоръ. Этотъ заяцъ заразилъ всю атмосферу кухни.

— А вы что тутъ дѣлали среди ночи? спросилъ меня маіоръ.

— Принесъ ужинать вашимъ солдатамъ.

— Это угошеніе можетъ дорого обойтись вашему дому.

— Чтѣ это за шумъ, господниъ маіоръ? Драгуны садятся на лошадей, пѣхота строится, — не ожидаете ли вы нападенія?

— Нѣтъ графъ, но я подозреваю измѣну. Плѣнникъ мой убѣжалъ.

— Только-то? весело отвѣчалъ отецъ мой (это онъ явился на сцену); я привезъ ему полное прощеніе.

Онъ досталъ изъ кармана письмо и отдалъ его маіору, лицо котораго въ ту же минуту прояснилось.

Едва успѣлъ онъ прочесть это письмо, какъ въ кухню вошелъ гусаръ и почтительно подалъ ему другое.

Надобно было опять приняться за чтеніе; но это второе письмо доставило маіору меньше удовольствія, нежели первое.

— Чтѣ сдѣлано, то сдѣлано, сказалъ онъ. Его простили, а теперь приказываютъ разстрѣлять; я скажу, что помилованіе по-

* Тысячу чертей! Плѣнный убѣжалъ.

спѣло во время, а второй приказъ опоздалъ. Господа, продолжалъ онъ обращаясь къ окружающимъ его офицерамъ; скажите солдатамъ, что все это пустая тревога, и что всѣ распоряженія имъ остаются по вчерашнему.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кухнѣ остались только маюръ, отецъ мой и я; исчезли даже Тирольцы, не забывши, впрочемъ, взять съ собою зайца. Тогда маюръ сказалъ мнѣ :

— Обвините меня.

— Что тутъ случилось? спросилъ отецъ мой.

— Сынъ вашъ спасъ плѣнника.

— Но я привезъ ему прощеніе....

— Оно взято назадъ; черезъ пять минутъ послѣ вашего отъѣзда изъ Шаньи, генераль получилъ извѣстіе, что по патрулю стрѣляли вторично и прислалъ ко мнѣ гусара съ приказомъ ристрѣлать, для примѣра, плѣннаго. Я скажу ему, что это приказаніе опоздало.

— Какъ же ты это сдѣлалъ? спросилъ отецъ мой, обвиняя меня въ свою очередь.

Я рассказалъ, и исторія показалась ему какъ нельзя больше проста.

На слѣдующее утро матушка удивилась, что зайца не явилъ за завтракомъ въ числѣ другихъ блюдъ. Ей объяснили причину, и гордость матери заглушила тщеславіе хозяйки.

Черезъ годъ, во время втораго нашествія, я былъ съ Дикомомъ лагерѣ средѣ двадцати тысячъ зѣвакъ, смотрѣвшихъ, какъ дефилировала австрійская армія. Я смотрѣлъ на красиваго Императора, главу союза, и на побѣдителя при Ватерлоо, когда вниманіе мое привлекъ новый корпусъ войскъ, приближавшійся съ новою музыкою.

То былъ полкъ прусскихъ драгунъ, стоявшій годъ тому издалу насъ въ замкѣ. Впередѣ его ѣхалъ статный офицеръ. Онъ отдалъ честь блестящему главному штабу, потомъ обернулся въ мою сторону, узналъ меня, и привѣтствовалъ ласковою улыбкой. То былъ мой старый знакомый, добрый маюръ Вистовъ.

Теперь вамъ, вѣроятно, любопытно узнать, кто былъ плѣнникъ, для спасенія котораго я пустилъ въ дѣло всю свою изобрѣтательность? Отецъ не хотѣлъ мнѣ этого сказать; но потомъ я узналъ и расскажу вамъ этотъ случай въ видѣ эпизода.

Прошло пять лѣтъ; я былъ уже не ребенокъ, но еще и мужчина, хотя уже давно носилъ галстухъ. Я не забылъ шествія непріятелей, потому, что событіе это стало въ мнѣ

глазахъ оскорбленіемъ, съ той минуты, какъ я имѣлъ честь вступитъ во французскую армію: слабѣе помнилъ я бѣдняка, которому спасъ жизнь изъ человѣколюбія и изъ шалости, какъ чловѣкъ и какъ школьникъ. »

Я пріѣхалъ домой въ отпускъ съ юга Франціи, гдѣ полкъ мой стоялъ гарнизономъ. Я снова увидѣлъ слугу моего, Генриха, возведеннаго на степень етера; таксикъ, не отходившіе отъ печки въ кухнѣ, произвели на свѣтъ цѣлое потомство, которому безъ всякаго преувелченія можно было дать громкое названіе стан: вы знаете, что охотники въ этомъ случаѣ не очень скромны.

Однажды я пошелъ съ Генрихомъ на охоту въ салленэскій лѣсъ; зацѣпъ завелъ насъ въ самую средину красивой деревеньки Сень-Жанъ-де-Винь, расположенной предѣстіемъ у воротъ Шалона-на-Саонѣ. Огородники приняли меня, бѣгущаго по луку и капуствѣ, очень не ласково, и я принужденъ былъ кликнуть моихъ собакъ назадъ и идти домой.

Я прошелъ неутру лѣе пять или шесть; до дому оставалось еще три добрыхъ лѣе, жара была страшная, несмотря на октябрь. Въ одну сторону передо мной разстилалась безконечною лентой дорога, ведущая въ замокъ; съ другой стороны долеталъ до меня шумъ города, отстоявшаго на пять минутъ ходьбы. Идти домой значило идти часа два съ половиной сряду и придти слишкомъ поздно къ завтраку и слишкомъ рано къ обѣду; идти въ городъ, значило отравиться прямо на прекрасный обѣдъ въ *Три фазана* или въ *Дикую козу*, знаменитыя гостиницы, извѣстныя отъ Бреста до Марселя всѣмъ путешественникамъ. Я посоветовался съ моими ногами и желудкомъ, и — отправился въ Шалонъ.

Въ городѣ было сильное движеніе, чему я сначала и не удивился, узнавъ отъ Генриха, что нынче базарный день. Но проходя по улицамъ, я замѣтилъ, что толпу волновало какъ-будто ожиданіе какого то необыкновеннаго зрѣлища.

Желая выйти изъ невѣдѣнія не останавливая за воротъ никого изъ прохожихъ, я вошелъ къ знакомому парикмахеру.

— Что это у васъ сегодня? спросилъ я.

— Сегодня гильотинируютъ какого-то молодца, который засадилъ жену свою въ печь, подъ предлогомъ леченія отъ ревматизма. Кабакамъ будетъ пожива. Оставайтесь здѣсь, вы увидите побѣздъ.

Я отскочилъ назадъ и бросился вдоль улицы, какъ-будто за мною гонятся цѣлый легіонъ демоновъ.

Но бѣгство не помогло; на Кариской площади, гдѣ стояла жвазотъ, очутился я въ такой густой толпѣ народа, что не могъ двинуться ни взадъ ни впередъ.

Люди стояли на тумбахъ, мальчишки сѣдѣли верхомъ на вывѣскахъ, вокругъ меня волновался цѣлый океанъ женскихъ головъ.

Я хотѣлъ подвинуться впередъ, чтобы по-крайней-мѣрѣ гимназистина не смотрѣла на мнѣ прямо въ глаза: невозможно сдѣлать ни шагу!

Вдругъ говоръ толпы прекратился, и глаза всѣхъ обратились въ конецъ улицы, по которой я пришелъ.

Оттуда шелъ, очень развязно, преступникъ, окруженный четырьмя жандармами; за ними три человека въ-рядъ.

То были: палачъ Казъ, и его двое помощниковъ. Я обратилъ глаза на нихъ, лишь бы не смотрѣть преступника.

Поровнявшись со мною, одинъ изъ нихъ оглянулся въ мою сторону и слегка кивнулъ мнѣ привѣтливо головою, — я узналъ въ немъ съ ужасомъ моего пѣвника 1814 года.

Между Макономъ и Бургъ-анъ-Брессомъ, въ недалекомъ разстояніи отъ мѣстечка Нёвиль-ле-Дамъ, знаменитаго пѣкогда своимъ женскимъ монастыремъ, находится въ сторонѣ отъ большой дороги бѣдная деревушка, обозначенная на картѣ эскаго департамента именемъ Шалъ. Шестдесятъ домиковъ, сложенныхъ изъ глины и крытыхъ соломою, неправильно разбросаны по обѣ стороны проселочной дороги, превращающейся въ непроходимую топь, какъ только осенніе дожди начнутъ кроить рыхлаю и жирную почву Брессы, но которая лѣтомъ не хуже главныхъ аллей Булонскаго лѣса. Въ этой деревушкѣ есть довольно красивая церковь и просторный священническій домъ, рѣзко отличающіеся отъ окружающихъ ихъ лачугъ.

Мѣстность низменная и сырая. Поля, отдѣленные одно отъ другаго широкими и высокими плетнями, лѣтомъ придаютъ ей веселость, и равнина кажется съ перваго взгляда волнистою. Долина, въ которой стоитъ Шалъ, волниста, подобно всѣмъ Бюжейскимъ и домбскимъ долинамъ; волны эти образовались изъ старинныхъ рововъ, превращенныхъ трудолюбивымъ земледѣльцемъ въ отлогія ложины. За полторы лье на востокъ начинаются лѣса, за ними слѣдуютъ другія равнины съ прудами и болотами, и наконецъ нѣсколько холмовъ; тамъ начинается гористая часть Бюжея, первый образчикъ Альповъ.

Странствующій торговецъ, разнощикъ-Савояръ, поэтъ, ищущій

вдохновенія и живописецъ, высматривающій хорошіе виды, проходятъ равнодушно мимо этой деревушки, необразованные жители которой покупаютъ только разѣ альманахи. Эти прохожіе не подозрѣваютъ, что полстолѣтія тому назадъ жилъ здѣсь въ великолѣпныхъ палатахъ щедрый вельможа, который сказалъ бы приказчику: «пришлите мнѣ пятьсотъ бутылокъ лучшаго шампанскаго», — разнощику: «вотъ десять лундеровъ, оставь твою коробку среди улицы»; — вельможа, который посадилъ бы поэта на почетное мѣсто за своимъ столомъ, и шепнулъ бы на ухо живописцу: «я не могу угостить васъ ни мрачными скалами, ни быстрыми ручьями, ни полуразрушенными башнями; но если вы сдѣлаете мнѣ честь, проведете у меня недѣлю двѣ, я представлю вамъ первыхъ красавицъ провинціи».

Этотъ вельможа, дѣлавшій только добро, человекъ, о которомъ теперь вѣрно не вспоминаетъ, былъ маркизь де-Монревель, послѣдній потомокъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Фореза, маленькой провинціи, которую Генрихъ Четвертый, — а онъ зналъ въ этомъ толкъ, — называлъ разсадникомъ дворянъ.

Маркизь де-Монревель былъ правнукъ маршала де-Монревеля, пріобрѣтшаго печальную славу во время гоненій, послѣдовавшихъ за отмѣненіемъ нантскаго эдикта. Задушевный другъ Бавилля, пылкій и твердый не менѣе лангедокскаго интенданта, онъ завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ вмѣстѣ съ несмѣтнымъ богатствомъ бремя проклятій, которыми надѣляли его потомки пострадавшихъ отъ его жестокости. Маркизь де-Монревель рано почувствовалъ это положеніе и рѣшился загладить, сколько это отъ него зависѣло, дѣла послѣднихъ лѣтъ жизни правды. Онъ удалился отъ двора, и покамѣтъ строился у него въ Шалѣ замокъ, поселился въ Маконѣ, гдѣ былъ губернаторомъ.

Благородная рѣшимость и поведеніе его скоро принесли ожидаемыя плоды. Всѣ единодушно хвалили маконоскаго губернатора. Ласковый, предупредительный, добрый, онъ сдѣлался другомъ богатыхъ и бѣдныхъ. Онъ ссужалъ деньгами вельможъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и устранивалъ жизнь бѣдныхъ, которыхъ считалъ того достойными. Лѣтомъ онъ оживлялъ свою провинцію блестящими праздниками; зимою утѣшалъ ея жителей щедрою милостынею. Грозилъ ли развалиться какой-нибудь памятникъ, маркизь давалъ на его починку деньги; являлась ли надобность въ какомъ-нибудь новомъ публичномъ заведеніи, маконскій губернаторъ строилъ его на свой счетъ; и все это дѣлалось не только

безъ шуму, но даже съ небрежностью вельможи, какъ-будто жемающего ускользнуть отъ изъявленій благодарности.

Шальскій замокъ походилъ на царское жилище. Сколько бы ни наѣхало туда гостей, всѣмъ было мѣсто. Въ конюшняхъ стояло сто лошадей; съ псарней могла поспорить только псарня принца Конде въ Шантилли. Показѣсть маркизъ угощалъ своихъ гостей въ залѣ, люди его угощали ихъ слугъ.

Когда настала революція, маркизъ де-Монревель потерялъ свои должности, но не ропталъ; онъ умиралъ роскошь и удвоилъ благодѣянія. «Губернаторъ умеръ, говаривалъ онъ, дворянинъ опасно болѣвъ, но гражданинъ здоровъ какъ нельзя лучше».

Онъ устроилъ двѣнадцать кроватей въ маконской больницѣ; у города не было залы для спектаклей, онъ подарилъ ему свою; не было городского дома, онъ подарилъ ему свой великолѣпный отель. Если дорожалъ хлѣбъ, на рынкѣ тотчасъ же являлся сборъ съ его полей и продавался по цѣнамъ урожайныхъ годовъ. Это было послѣднимъ благодѣяніемъ маркиза де-Монревеля; онъ не хотѣлъ эмигрировать, и революція отрубилъ ему голову, обвинивъ его въ барышничествѣ хлѣбомъ. Она нашла вѣроятно удобнѣе взять разомъ то, что онъ отдалъ бы ей по частямъ.

Я часто слышалъ, какъ рассказывали эту исторію моему отцу и нѣкоторымъ изъ его друзей, съ наслажденіемъ вспоминавшихъ о веселой жизни въ Шалѣ до революціи. Не было конца рассказамъ, когда они касались этого предмета; охотничьи анекдоты смѣнялись любовными, и каждое похождение непременно вѣчалось успѣхомъ, не во гнѣвъ будь сказано моимъ бабушкамъ. Ноги, слѣдовавшія за этими баснословными рассказами, проводилъ я обыкновенно въ страшномъ волненіи. Вокругъ меня носились въ сновидѣніи прекрасныя маркизы въ неизмѣримыхъ фижмахъ и въ облакахъ благовонной пудры: за ними хорошенькія канониссы съ крестами на плечахъ, въ румянахъ и мушикахъ. Всѣ лепетали, кокетничали, любезничали, остряли, — и когда на другой день я сравнивалъ ихъ съ сосѣдками въ платьяхъ изъ мусселина по полтинѣ за аршинъ, можно себя представить, что я готовъ былъ промѣнять мою существенность на воспоминанія отца, хотя бы пришлось дать въ придачу молодость.

У меня была одна добрая, милая тетка, маркиза де-Шевинь, которая, не эмигрируя, прошла сквозь революцію здрава и невредима, благодаря своему мужу игроку, позаботившемуся промотать все ея имѣніе. Такъ-какъ до замужества она была канониссой, то давалась потомъ въ Нёвилль-де-Дамъ, и заняла домикъ, въ востѣ-

ровъ прежде жили мои двоюродныя бабушки, госножи де-Шоазель и де-Фудрасъ, бывшія одна послѣ другой настоятельницами этого монастыря.

Въ августѣ 1819 года отецъ мой сказалъ мнѣ однажды, что уже давно обѣщаль навѣститъ сестру, и что если у меня есть охота ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, такъ онъ отправится въ Нёвилль, котораго не видалъ съ 1789 года.

Мы провели у тетки недѣлю; время это пролетѣло быстро, потому-что братъ и сестра вспоминали многое изъ своей молодости. Разумѣется, не забыли ни походовъ владѣльца Шала, ни героинь нёвилльскаго монастыря.

Особенно по вечерамъ рассказы эти были одушевлены. Мы сидѣли обыкновенно въ красномъ салонѣ, окна котораго выходили на площадь, и были почти всегда открыты. Вправо и влево видѣлось съ дюжину красныхъ кирпичныхъ домиковъ, выстроенныхъ по одному плану и фасаду: въ нижнемъ этажѣ дверь и два окна; въ верхнемъ два окна; передъ среднимъ изъ нихъ желѣзный балконъ, на которомъ могли помѣститься два кресла.

Исторія этихъ двѣнадцати домиковъ составила бы презанIMATEльную книгу, и я напишу ее когда-нибудь, если буду живъ.

— Помнишь ли, сказала однажды тетка отцу моему, какъ пріѣхалъ ты въ первый разъ въ Шаль, когда распустили люневильскихъ жандармовъ?

.. — Помню, какъ-будто все это происходило вчера; я пріѣхалъ туда въ 1785 году, отвѣчалъ отецъ мой, съ наслажденіемъ нюхая табакъ, и отводя глаза отъ одного изъ маленькихъ балконовъ, выглядывавшихъ на площадь.

— Перваго и втораго сентября, если я не ошибаюсь.

— Именно. Право, сестра, ты была тогда очень недурна собою, хоть и готовилась уже въ бабушки.

Тетушка улыбнулась на этотъ комплиментъ и я сказалъ отцу:

— Если вы такъ живо помните это время, расскажите мнѣ подробности объ этомъ посѣщеніи.

— Изволь. Сестра, прикажи Розѣ вынести свѣчи.

Свѣчи были вынесены въ ту же минуту, и когда салонъ освѣтился мягкимъ свѣтомъ луны, отецъ мой началъ:

— Это было въ 1785 году. За годъ передъ тѣмъ мнѣ невозможно было пренеутствовать при началѣ новой охоты въ Шаль, и маркизъ де-Монревиль еще около половины іюля писалъ мнѣ, что ждетъ меня къ 31 августу на вечеръ. Кромѣ внезапной смерти, писалъ онъ, я не принимаю никакихъ извиненій.

Двое изъ моихъ друзей, Клермонъ и Мандело, и сестра мѣй графъ де-Рюлли, тоже получили приглашеніе, и мы условились съѣзжаться поутру 31 августа въ гостинилицѣ *Трехъ Базилекъ*, въ Шалонѣ-на-Саонѣ.

Всѣ мы оказались людьми аккуратными, и ровно въ девять часовъ четыре почтовыхъ коляски летѣли по маконской дорогѣ. Въ двухъ первыхъ сѣдѣли мы, въ двухъ другихъ наши слуги. Ворховыя лошади были отправлены за два дня передъ тѣмъ.

Въ Маконѣ почтовый смотритель объявилъ намъ съ жалобливою миной, что у него нѣтъ для насъ ни одной лошади. Со вчерашняго вечера онъ отправилъ въ Шаль больше двадцати экипажей.

Это привело насъ въ отчаяніе; мы рисковали опоздать къ ужи-ну. Вдругъ видимъ вдали всадника въ ливреи Монревилля; за нимъ пять почталлоновъ и десять лошадей благороднаго маркиза. Онъ предвидѣлъ этотъ случай, и позаботился о насъ.

Почталлоны были ловки, бѣлы и румяны; лошади вороныя и горячія, всѣ какъ на подборъ, одна въ одну.

Въ минуту все было готово; носильщики тронулись съ поклажей на рысяхъ, и мы переправлялись черезъ маленькій мостъ среди толпы любопытныхъ, пріѣтствовавшихъ намъ своими кликами. Мы были въ ихъ глазахъ важными особами, потому что ѣхали къ губернатору на его лошадахъ.

Меньше чѣмъ въ два часа, по дорогѣ, вовсе не похожей на теперешнія, проѣхали мы шесть убійственныхъ лѣ и прибыли въ Шаль подъ ночь.

День былъ жаркій, вечеръ очень тихъ и теплый; всѣ окна въ замкѣ были раскрыты. Проходя по аллеѣ парка, мы любовались зрѣлищемъ толпы, мельнавшей въ этихъ окнахъ. Женскіе проегли рлеовались на прозрачной ткани занавѣсовъ, грушны слились и разливались; на двухъ или трехъ балконахъ слышалась тинственнная беседа. На звукъ бичей нашихъ почталлоновъ всѣ окна вдругъ наполнились людьми, какъ-будто по мановенію волшебнаго жезла. Маркизь встрѣтилъ насъ въ сѣняхъ; онъ не думалъ уронить своего губернаторскаго сана, вышедши на встрѣчу четверемъ молодымъ человекамъ. Я представилъ ему графа де-Рюлли, пріѣхавшаго въ Шаль въ первый разъ, и любезный князь тотчасъ же проводилъ насъ въ назначенныя намъ коннаты.

Черезъ часъ мы были выбриты, напудрены и раздушены; дорожные сюртуки смѣнились изящными шелковыми богато-вышитыми кафтанами; мы прицѣпили шпаги, заложили подъ мими чляпы и вошли въ салонъ.

Тамъ собралась всѣ почетные жители, всѣ красавицы изъ-за пятидесяти миль вокругъ: графъ де-Тіаръ, образецъ вельможи конца осемнадцатаго столѣтія, вѣжливый и блестящій, какъ другъ его, герцогъ де-Лозенъ-Биронъ, и мыслитель, какъ Воленаргъ; маркизъ де-Галдее, дворянинъ стараго покроя и горячій противникъ новыхъ идей, начинавшихъ тревожить древнее французское общество; графъ де-ла-Гишъ; братья маркизъ и графъ де-Фюссей, заслуженные охотники; графъ Эдмъ де-Фудрасъ-Курсенъ, мой кузенъ; виконтъ де-Сассенъ, остроумный какъ Ривароль и фрондёръ какъ Лорагъ; наконецъ *monseigneur* дю-Шильу, шалонскій епископъ, и пріятель мой шанезскій кюрэ, разговаривавшій въ сторонѣ съ командоромъ Балатіе.

Изъ женщинъ были тутъ госпожа де-Мандело, де-ла-Гишъ, де-Монтенаръ, де-Сенозанъ, де-Мессей, де-ла-Роддъ, д'Апшіе, двѣ племянницы шалонскаго епископа, весело хранившія добровольный обѣтъ дѣвственности, и пвѣтъ Нёвлла де-Дамъ — четыре канониссы, изъ которыхъ каждая могла бы поставить весь міръ вверхъ дномъ.

Грація, умъ, красота и кокетство этихъ женщинъ достаточно искупали всѣ уродства и глупости въ мірѣ. Онѣ думали только о томъ, какъ бы поирравиться, и были увѣрены въ успѣхѣхъ; отъ того въ нихъ не проявлялось ни шероховатой ревности, ни скучнаго унынія встревоженнаго самолюбія. Жизнь была для нихъ легка какъ веро на ихъ прическѣ и блестяща какъ брильянты ихъ ожерелій. Самое соперничество ихъ было весело, и если имъ случалось полюбить, то, забывая долгъ свой, онѣ не забывали приличій; ихъ не могли не уважать даже знавшія ихъ тайны, потому-что онѣ были равно чужды цинизма порока и лицемерія ложной добродѣтели.

Ровно въ девять часовъ двери салона растворились настежь, и *мистръ-д'отель*, при шпагѣ, извѣстилъ, что кушанье подано. Кавалеры предложили дамамъ руки, и всѣ вошли въ столовую.

Когда встали изъ за стола, на дворѣ замка снова раздались хлопанье бича, и черезъ нѣсколько минутъ маркизу де-Монпревилю доложили о пріѣздѣ новаго гостя. Маркизъ вышелъ ему на встрѣчу.

Когда онъ возвратился назадъ, на лицѣ его замѣтно было неудовольствіе. Я замѣтилъ это первый и спросилъ о причинѣ.

— Ужасно досадно, отвѣчалъ онъ. Пріѣхалъ гость, который разстроитъ все веселье.

— Ужъ не прошлогодній ли Англичанинъ?

— Именно; я его не звалъ, но онъ знаетъ, что мы соберемся ежегодно въ этотъ день, и пріѣхалъ сюда изъ Италіи.

— Какъ же обойдется у нихъ дѣло съ Клермономъ?

— Право не знаю; только мнѣ это очень непріятно. Впрочемъ, на этотъ вечеръ мы по-крайней-мѣрѣ отъ него избавлены; я пригласилъ его пойти отдохнуть.

Этотъ Англичанинъ, который еще живъ, и котораго я назову по этому просто лордомъ Генри, пріѣхалъ за годъ передъ тѣмъ въ Шаль и заслужилъ всеобщее нерасположеніе своимъ причудливымъ нравомъ, щекотливостью, и претензіями всякаго рода. Онъ вздумалъ влюбиться въ милую графиню де Сенозанъ, которая не могла его терпѣть, и возненавидѣлъ любимаго ею графа де-Клермона. Клермонъ, какъ человекъ благовоспитанный, велъ себя такъ умно, что дѣло обошлось мирно, безъ шума; но онъ поклялся, что если лордъ пріѣдетъ опять, то онъ потребуетъ у него удовлетворенія при первой грубости. Вотъ что безпокоило нашего хозяина.

— Не угодно ли вамъ, господа, сказалъ намъ маркизъ, сойти въ сѣни и условиться на-счетъ завтрашней охоты?

Такъ какъ это былъ общепринятый обычай, то всѣ послѣдовали въ сѣни за хозяиномъ молча. Тамъ нашли мы главнаго конюшаго и четырехъ доѣзжачихъ маркиза, одѣтыхъ въ охотничьи костюмы, съ шляпами въ рукахъ.

— Ну, что, Рено, спросилъ маркизъ у конюшаго: хорошо будетъ завтра день?

— Кажется, погода какъ будто свѣжѣетъ.

— Что вы сегодня высмотрѣли?

— Я нашелъ нѣсколько оленей и ланей въ сенезаріатской чащѣ. Ла-Бризе высмотрѣлъ два стада кабановъ, которые уже недѣли двѣ живутъ около понбріонскихъ болотъ. Л'Эвниъ видѣлъ волка, а ла-Пленъ — дикую козу, которая, кажется, не выходитъ изъ ла-шармейской чащи.

Рено, сдѣлавши свой рапортъ, ждалъ рѣшенія маркиза.

— Выбирайте, господа, сказалъ маркизъ, обращаясь къ намъ и съ удовольствіемъ глядя на наши просіявшія лица.

— Не начать съ оленя, сказалъ графъ де-Фюссей, было бы кажется забвеніемъ всѣхъ причинъ.

Когда графъ де-Фюссей высказалъ свое мнѣніе въ дѣлахъ охоты, всѣ говорили: *аминь*, — точно также какъ когда старый герцогъ де Ришліе рѣшалъ, что кака-нибудь женщина хороша се-

бою. И такъ добромачитъ приказано отправиться въ сенсориатскую чашку.

Ничто не распространяется такъ быстро, какъ худыя вѣсти: когда мы возвратились въ салонъ, тамъ уже узнали о прѣздѣ лорда Генри, и дамы были въ отчаяннѣ.

Собравшись въ одну группу, онѣ высказывали другъ другу свои сожалѣнія шопотомъ, чтобы не огорчить хозяйна, и когда я подошелъ къ нимъ, онѣ сообщили мнѣ свое горе.

— При этомъ постномъ лицѣ нѣтъ никакой возможности смѣяться, сказала графиня де-Мандело, показавши тридцать-два прекраснѣйшихъ зуба.

— При такомъ зрителѣ нельзя будетъ и играть комедіи, сказала госпожа де-Монтенаръ, прожившая двѣ недѣли въ Парижѣ, чтобы изучить роль Селлимены съ мадамозель Контэ.

— Придется разговаривать вполголоса, прибавила госпожа де-Роддъ: онъ все думаетъ, что надъ нимъ смѣются.

— Любезная графиня, сказала госпожа де-Гишъ графинѣ Сенозанъ: вы должны бы пожертвовать собою для общаго блага. Пококетничайте съ нимъ: авось онѣ сойдеть съ ума, и сдѣлается также любезенъ какъ и всѣ прочіе.

— Прошедшій годъ я уже пробовала, отвѣчала графиня: вы знаете, какъ хорошъ вышелъ результатъ.

— Это ужасно! это убійственно! Зачѣмъ король заключилъ миръ? Кто избавитъ насъ отъ него? говорили дамы вполголоса.

— Вы спрашиваете, кто васъ отъ него избавитъ? сказалъ я. — Я!

— Вы? вы? вы? раздалось вокругъ меня. Какимъ средствомъ?

— Это моя тайна. Довольно съ васъ знать, что завтра онъ не ночуетъ уже здѣсь, и такъ какъ день проведеть онъ, вѣроятно, на охотѣ, то вамъ придется пострадать отъ него только впродолженіе завтрака. Мнѣ нужно для успѣха только одно: чтобы графиня де-Сенозанъ согласилась отправиться на охоту.

— Я и безъ того хотѣла ѣхать, отвѣчала графиня съ удивленіемъ.

— И чтобы она ѣхала на лошади моего доѣзжачаго Дениса.

— Извольте, отвѣчала рѣшительно графиня, лучшая наѣздница во Франціи.

— Теперь я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ; вы будете избавлены отъ лорда, прибавилъ я тономъ глубокаго убѣжденія. Это обѣщаніе возвратило улыбку на всѣ лица и вечеръ про-

шелъ очень весело. Не та, чтобы дамы атркии безусловно въ удачу моего плана, но впереди была у нихъ инстинктивная, а женскаго ума ничто такъ не занимаетъ, какъ тайна.

Когда всѣ разошлись, я пошелъ въ комнату къ Клермону и сообщилъ ему мой планъ, потому-что согласіе его было мнѣ необходимо. Онъ согласился и взялся даже уговорить господина де-Сенотана, предобраго человѣка, который отправлялся обыкновенно ухать рыбу, когда жена его уѣзжала на охоту.

На другой день въ девять часовъ утра всѣ собрались въ столовой. Женщины, желавшія ѣхать на охоту, были въ amazonкахъ; мужчины, всѣ кромѣ шанезскаго кюрэ, въ костюмѣ, принятомъ на шальскихъ сѣздахъ: нафтавъ à la française изъ небесно-голубаго сукна, выложенный галунами по всѣмъ швамъ, панталоны и жилетъ изъ бѣлой замши, сапоги съ раструбами, шлепа украшенная серебромъ, подобно пластью, охотничій ножъ въ ножнахъ изъ краснаго бархату и съ рукоятью изъ чернаго дерева, съ насѣтками изъ одного металла съ галунами.

Присутствіе лорда Генри было для всѣхъ неприятно, а между тѣмъ его приняли въ столовой ласково. Онъ отвѣчалъ на это какъ обыкновенно, холодно, и искалъ глазами госпожи де Сенотанъ, сидѣвшую уже за столомъ между Клермономъ и мною. Она пріятливо улыбнулась лорду, и онъ очень не ловко сѣлъ противъ нея.

— Милордъ, сказалъ ему маркизъ, я приказалъ приготовить для васъ четыре лошади.

— Благодарю васъ за вниманіе, отвѣчалъ Англичанинъ, но я не люблю ѣздить на вашихъ французскихъ лошадяхъ; онѣ не умѣютъ скакать, и не хотятъ прыгать черезъ рыи и плотни. Я приказалъ привести собѣ четырехъ изъ Англіи, и, кажется, онѣ прибыли вчера вечеромъ.

— Въ противномъ случаѣ не забудьте, что мои къ вашимъ услугамъ, учтиво возразилъ маркизъ. Онъ припомнилъ съ здѣшней мѣткостью, и это вознаграждаетъ въ нихъ недостатокъ быстроты. Впрочемъ, вотъ мой дворецкій говорить, что ваши лошади дѣйствительно прибыли вчера вечеромъ. Тѣмъ лучше.

— Позвольте ли мнѣ, графиня, пристать къ вашей свитѣ? спросилъ лордъ Генри у госпожи де-Сенотанъ.

— Очень рада, отвѣчала графиня, съ которой мы, то есть я и Клермонъ, нѣли передъ завтракомъ маленькое совѣщаніе.

— Милордъ, сказалъ я въ свою очередь, графиня сдѣлала мнѣ честь, согласилась ѣхать на одной изъ моихъ лошадей; эта обѣ-

няя лошаденка можетъ пробѣжать подѣ вашмиъ снакуномъ, — прошу васъ, пожалуйте ее.

— Я нисколько не намѣренъ опережать графиню, возразилъ лордъ Генри: просите пощады вашей лошади у нея, а не у меня.

Тѣмъ разговоръ нашъ и кончился. Всѣ встали изъ-за стола и вышли на крыльцо, на большой дворъ замка.

Картина была истинно волшебная; я не могу удержаться отъ удовольствія изобразить ее хоть въ нѣсколькихъ словахъ.

Дворъ имѣлъ форму подковы, и былъ обнесенъ превосходною рѣшеткою, сквозь которую видѣлась широкая поляна между двумя огромными чащами каштановъ, съ ихъ столѣтними вѣтвями, яркою зеленью и густыми листьями. При входѣ на поляну, по которой мы должны были ѣхать на сборное мѣсто, стояла нетерпѣливая и безмолвная стая изъ ста-двадцати собакъ. Главный егеръ Рено, четыре добъзачихъ и осемь псарей стояли на коняхъ передъ стаяй, держа въ лѣвой рукѣ поводья, въ правой рога. На дворѣ сорокъ конюховъ держали сорокъ осѣдланыхъ лошадей, безъ умолку стучавшихъ копытами по мостовой, бѣлой отъ пыли.

Наконецъ на крыльцѣ появился маркизъ, ведя подѣ руку графиню де-Сензанъ, и въ ту же минуту рога затрубили отъѣздъ. Въ одинъ мигъ всѣ сѣдлы на монахъ и двинулись, поглядывая на окна замка, въ надеждѣ увидѣть какую нибудь красавицу въ пеглиже или подиѣтитъ улыбку, обещающую вчера и обещающую счастье на завтра.

Среди этой плеяды отличныхъ лошадей, лошадѣ моего Дениса, на которую сѣла графиня, играла самую жалкую роль. Она была мала ростомъ, стара и утомлена; во въ ней скрывались достоинства, не замѣтныя даже для знатока. Сначала рысь ея была медленна, и, казалось, что она только развѣ добредеть до сборнаго мѣста. Исключая трехъ или четырехъ человекъ, знавшихъ, что это за лошадѣ, всѣ удивлялись, что я имѣлъ дерзость предложить ее лучшей и отважнѣйшей Амазонкѣ, явившейся на охотѣ маркиза де-Мокревели.

Лордъ Генри не замедилъ воспользоваться даннымъ ему позволеніемъ и галопировалъ возлѣ прекрасной графини на лошади, истинно удивительной по красотѣ статей и изящности движеній. Гордый и холодный островитянинъ не зналъ, какъ согласить ему нѣжные взгляды, которыми онъ рѣшился дарить даму своего сердца, съ презрительною улыбкой, неволью явившейся у него на губахъ при видѣ моей лошаденки, работавшей ножками какъ

мирной кони казнего-нибудь деревенскаго старосты. Я былъ при томъ, и очень хорошо понималъ, что происходило въ умѣ британскаго пера.

— Какъ это называется? спросилъ онъ меня, указывая бичемъ своимъ на лошадь графини.

— Легкая, милордъ, отвѣчалъ я самымъ скромнымъ тономъ.

— Тѣ-то, на всѣхъ она потянула бы не много, замѣтилъ онъ проницески.

— Я совершенно съ вами согласенъ, милордъ. Не если вамъ угодно держать сто лундоровъ, то я утверждаю, что вы не прослѣдите за нею цѣлаго дня.

— Я никогда не держу пари навѣрное, отвѣчалъ онъ гордо. Моя лошадь происходитъ по прямой линіи отъ арабскаго Годальфина, и мать его ни разу не была побѣждена на нью-марсетскихъ скачкахъ.

— Я увольваю пари, милордъ, разумѣется, съ позволенія графини.

— Я согласна, для чести моей родины, отвѣчала графиня. Милордъ, вы отказываетесь отъ пари, которое даетъ вамъ право слѣдовать за мною цѣлый день; это съ вашей стороны не безно.

— Напротивъ, отвѣчалъ лордъ, вздыхая, я отказываюсь, чтобы не разставаться съ вами.

— Такъ вы не хотите держать пари? спросилъ я.

— Не хочу, графъ, по-крайней-мѣрѣ сегодня. Завтра, если иша лошадь не устанетъ, я готовъ съ нею бѣжать пѣшкомъ и буду держать какое вамъ угодно пари.

Я расчелъ, что лучше не продолжать этого пренія, которое могло навести лорда на истину, и началъ говорить съ графиней о Клермонѣ.

Полчаса пролетѣли быстро, и мы приближались къ сборному мѣсту, гдѣ нашли уже егерей, ходившихъ на облаву. Она доказала, что не вдалекѣ есть семилѣтній олень. Графъ де-Фюссей медленно сдѣлалъ распоряженія для атаки, и мы тронулись. Легкая бѣжала потупивъ голову, а лошадь лорда грызла удила и шелкала зубами.

Но при первомъ лаѣ собакъ, моя бѣдная лошадевка вдругъ какъ-будто переродилась: подняла голову, наострила уши, откинула хвостъ; глаза ея засверкали, и когда рога затрубили атаку, она прыгнула какъ серна и съ быстротою мысли опередила сорокъ или пятьдесятъ лошадей, ринувшихся подобно ей впередъ.

Лордъ Генри бросилъ на меня искоса злобный и презрительный взглядъ. Олень промчался передъ нами, охота началась.

Въ первый часъ не случилось ничего особеннаго. Олень, искусно гонимый двадцатью старыми собаками, держался въ большомъ островѣ, и всѣ мы могли слѣдовать за нимъ въ галопъ. Графиня, то есть, *Леэкал*, была постоянно впереди, хотя лошадь лорда нѣсколько разъ порывалась опередить ее.

Наконецъ олень выбѣжалъ на стаю свѣжихъ собакъ; онѣ пустились за нимъ горячѣе, и скачка начала разгораться. Скоро на дорогѣ, по которой мы неслись, остались только госпожа де-Сеннозанъ, лордъ Генри, шанезскій кюрэ на своемъ Раготенѣ, и я.

Я внимательно наблюдалъ за происходившимъ, и уже не сомнѣвался въ успѣхѣ моей невинной стратагеми. Лошадь лорда, съ пламенными глазами, съ раздутыми ноздрями, пожирала пространство, но могла только держаться наравнѣ съ *Леэкою*, летѣвшею рядомъ съ нею какъ бабочка. Маленькая лошадка, для которой эта скачка была шуткою, бросалась повременамъ изъ шалости на своего сосѣда, и кусала его, какъ-будто желая дать ему знать, что она отъ него не отстанетъ. Охота безпрестанно мелькала передъ нами то справа влѣво, то слѣва вправо; лошади наши одушевлялись и бѣжали, казалось, бодрѣе чѣмъ при отъѣздѣ. Рога звучали со всѣхъ сторонъ, охотники съ крикомъ пересѣкали намъ дорогу; зрѣлище было великолѣпно и упоительно.

Вдругъ мы услышали шелканье бича; лай сталъ рѣже и слабѣе; скоро онъ прекратился совсѣмъ. Мы догадались, что собаки потеряли слѣдъ. Нашу догадку подтвердилъ графъ де-Фюссей, проскакавшій мимо насъ исправить дѣло.

Стоило много труда и времени снова наслѣдить оленя. Земля была суха, солнце палило, собаки безпрестанно отбѣгали то вправо, то влѣво, ища какой-нибудь лужицы утолить жажду и освѣжить лапы. Мы остановились на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ и отдыхали въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій.

Лошадь лорда не утратила своей силы и казалась еще красивѣе прежняго. Гордо стояла на тонкихъ, мускулистыхъ ногахъ, она вынала звукамъ роговъ, и дрожь ея доказывала, что покой ее мучитъ; сквозь кожу, тонкую какъ бархатъ, и шерсть, лоснящуюся отъ незамѣтной испарины, виднѣлась сѣтъ венъ, въ которыхъ текла кровь пламеннѣе лавы и живѣе ртути. Никогда не видывалъ я такого прекраснаго животнаго; я отдавалъ бы за него дѣлое помѣстье, но не промѣнялъ бы на него *Леэкой*.

Когда охота прервалась, Легкая приняла свою прежнюю скрюченную осанку: вытянула одну переднюю ногу, заднюю оперлась на кончикъ копыта; бока ея сильно колебались, шерсть встала, уши опустились,—точно загнанная почтовая кляча. Лордъ Генри не сдѣлалъ однако же на ея счетъ никакого замѣчанія, потому что если еще не вполне убѣдился въ ея достоинствахъ, то сталъ по крайней мѣрѣ осторожнѣе, и гордость его насыщалась какими безграничными похвалами его *Львиному-Сердцу*, какъ называлась его лошадь.

Наконецъ олень былъ отысканъ и снова поднятъ. Мы посадили едва ли не шибче прежняго. Всѣ собаки поочередно вошли въ дѣло; олень, истощившій всѣ хитрости, летѣлъ впередъ съ повѣртною быстротою, яростно преслѣдуемый собаками. Прорывалъ ли онъ густую чащу, или пролеталъ по лѣсу болѣе рѣдкому, бѣгъ его не замедлялся, и самые искусные изъ насъ не могли предвидѣть, чѣмъ это кончится. Графъ де-Фюссей, галопировавшій возлѣ насъ нѣсколько минутъ, сказалъ, что если олень не выбѣжитъ въ открытое поле, то спасется; то же думалъ и шапезскій кире, а эти господа рѣдко ошибались въ подобныхъ случаяхъ.

Легкая не только не уставала, но начала даже дѣлать среди галопу веселые прыжки, свидѣтельствовавшіе о ея силѣ больше, нежели самая быстрота бѣга. Львиное-Сердце смотрѣлъ гордо, и не было замѣтно, чтобы онъ началъ уставать; только ноздри его надулись и онъ дышалъ тяжело и слышнѣе. Я былъ тутъ же, но долженъ сказать, что воспользовался перемежкой охоты и сѣлъ на новую лошадь. Что касается до шапезскаго кире, то Раготенъ былъ ему нуженъ на слѣдующіе дни, и онъ отсталъ отъ насъ, сказавши, что ѣдетъ отыскать графа де-Фюссей. Намъ осталось трое: графиня де-Сезованъ, лордъ Генри и я.

Я желалъ, разумѣется, побѣды моей лошади, но и кромѣ того находилъ невыразимое удовольствіе смотрѣть на отвагу и грацію графини. Самыя свѣтлыя созданія фантазіи были ничто въ сравненіи съ этой дивною женщиной, которая въ эти минуты также мало походила на графиню, сколько сидѣвшую за завтракомъ, какъ *Легкая* среди пыла охоты на *Легкую*, бѣжавшую рысью на сборное мѣсто. Глаза наѣздницы сверкали, ноздри расширились, движенія сдѣлались повелительны, — она была, казалось, въ какомъ-то чаду упоенія, какъ будто для нея новаго.

Она не говорила ни слова, но одушевленное лицо ея было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Будь здѣсь Флорансъ, или же

алье Боннаръ, или Парни, они конечно, не пропустили бы случая сравнить ее съ Діаной, сошедшей на землю, и напудрившейся изъ уваженія къ принятымъ обычаямъ.

Мы все слѣдовали за охотой, а иногда были и посреди нея. Олень пробѣжалъ передъ нами разъ тридцать, и мы нѣсколько разъ врѣзывались по его слѣдамъ въ чащу; въ этихъ случаяхъ положеніе милорда было истинно плачевно: Легкая скользнула между вѣтвей какъ серна, не заботясь о томъ, что онъ ее хлещетъ, а Львиное-Сердце съ яростью кидался въ чащу и перелеталъ черезъ кусты; чувствительная кожа и огонь его восточной крови не позволяли ему переносить этихъ препятствій равнодушно, и удары, получаемые имъ случайно и приписываемые его не опытностью ѣздоку, приводили его въ бѣшенство. Однако же онъ не отставалъ, и я нѣсколько разъ назвалъ его первую юшадью въ мірѣ... послѣ Легкой.

Слѣдъ былъ потерянъ еще разъ, но не надолго, и потому охота разгорѣлась пуще прежняго. Олень выбѣжалъ изъ лѣсу въ двадцати-пяти шагахъ отъ насъ, и мы помчались въ равнину съ собаками. Это дало намъ возможность остановиться на минуту перевести духъ.

— Наконецъ-то! сказалъ лордъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила графиня, лаская свою лошадь по взбившейся гривѣ.

— То, что теперь мы будемъ охотиться какъ порядочные люди, въ виду солнца. До-сихъ поръ мы рыскали по лѣсу какъ воры;—это не благородно.

Графиня не дождалась конца этой фразы; ей стоило только опустить руку, и лошадь ея мгновенно очутилась среди собакъ.

Всѣ, охотившіеся въ Брескѣ, знаютъ, что значитъ гнаться тамъ по полю, по вѣчно сырой и жирной почвѣ, изрѣзанной рвами и метнами. Лордъ Генри испыталъ это прошедшимъ лѣтомъ, но какъ какъ теперь лѣто было очень жаркое, то онъ надѣлся, что на этотъ разъ почва окажется удобнѣе для скачки, и лошадь его одержитъ побѣду. Онъ догадался наконецъ, что прогнѣвъ него составленъ заговоръ. Любовь къ графинѣ умолкла передъ опасеніемъ, что простая французская лошадь обгонитъ одного изъ знаменитѣйшихъ англійскихъ скакуновъ, и онъ готовъ былъ пожертвовать всѣми мечтами любви, лишь бы *Легкая* пала замертво отъ усталости.

На равнинѣ зрѣлище охоты стало еще великолѣпнѣе. Со

всѣхъ сторонъ горизонта неслись охотники. Собаки мчались быстрѣе прежняго, рога не умолкали ни на секунду; имъ вторили клики охотниковъ; поселяне оставляли плугъ и аплодировали. Это была одна изъ тѣхъ сценъ, которыя остаются въ памяти охотника свѣжими до самой минуты смерти.

Мы все скакали впередъ, и перескочили не помню сколько плетней и рововъ, когда мнѣ показалось, что лордъ Генри, не хотѣвшій взять хлыста и надѣть шпоръ, началъ бить своего коня, и конь вздрагивалъ отъ ударовъ его руки. Я началъ присматриваться и увидѣлъ въ рукѣ лорда что-то блестящее и острое; то была золотая красивая зубочистка, какія употребляли въ то время.

Я понималъ, что Львиное-Сердце усталъ, и, отчасти изъ жалости, отчасти изъ мщенія, сказалъ лорду:

— Милордъ; если вы не остановитесь, черезъ часъ лошади ваша будетъ разбита; это жаль.

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ. Впрочемъ, пусть себѣ хоть издохнетъ завтра, лишь бы отслужилъ мнѣ сегодня.

И онъ снова ударилъ бѣднаго скакуна, отставшаго отъ Легкой уже на полтуловища.

Такъ выѣхали мы на низменную дорогу, которую пересѣкалъ вдаль ровъ, огороженный плетнемъ въ три фута вышиною. За нимъ разстилася сырой и низменный лугъ, величиною арпаковъ во сто. Среди этого луга олень отбивался отъ собакъ, о чемъ возвѣстилъ насъ изъ рога охотникъ, случайно поспѣвшій туда прежде прочихъ; счастье покровительствуетъ иногда трусамъ и дуракамъ.

Скоро прискакали мы ко рву и плетню.

— Остановитесь, графиня! закричалъ я. Это слишкомъ высоко, слишкомъ широко. Вы падете у берега, и....

Я не успѣлъ докончить слова:— Легкая была уже по ту сторону рва съ своею драгоценною ношею. Перелетая черезъ плетень, графиня оглянулась на меня съ улыбкой, сверкнувшей въ пространствѣ подобно молніи.

Моя лошадь не могла перепрыгнуть черезъ плетень, но пробралась насквозь. Выѣхавши въ долину, я оглянулся, и увидѣлъ лорда въ самомъ плачевномъ положеніи, въ какомъ только можетъ находиться гордецъ.

Львиное-Сердце не хотѣлъ прыгать. Онъ уперся въ землю и храпѣлъ, съ отчаяніемъ глядя на плетень; гордый взглядъ его говорилъ, что въ немъ не достаеетъ силъ, а не рѣшимости.

Лордъ Генри яростно занесъ свою руку,—зубочистка сверкнула,—знаменитый внукъ Аравитянина Годольфина сдѣлалъ отчаянное усиліе и очутился на лугу рядомъ со мною, но попалъ къ несчастію на болотистое мѣсто и ушелъ въ почву по самыя лопыжки.

Бздокъ ударилъ его снова; благородное животное издало жалобный стонъ и осталось неподвижно. Члены его дрожали, бока раздувались, прекрасная умная голова его поникла. Тогда гордый островитянинъ, убѣжденный, что *Львиное Сердце* не посмѣетъ на поле чести, бросилъ прочь свою зубочистку, соскочилъ съ сѣдла, выхватилъ ножъ и всадилъ его въ грудь скакуна по самый черенокъ; *Львиное-Сердце* пранулъ, какъ будто хотѣлъ понестись впередъ, но въ ту же секунду палъ какъ пораженный молніей.

Лордъ Генри хотѣлъ пойти къ оленю пѣшкомъ, но несчастія его еще не кончились: овъ завязъ въ болотѣ до колѣвъ. Я протянулъ ему руку помощи; онъ оттолкнулъ ее, и я ускакалъ на помощь къ собакамъ; и кромѣ-того я опасался за графиню, которая вдалась въ самую средину свалки.

Между-тѣмъ охотники стекались на мѣсто битвы, и почти всѣмъ пришлось ѣхать по той же неизменной дорогѣ, по которой ѣхали и мы съ лордомъ. Они поочередно наѣзжали на бѣднаго лорда, который нѣмъ несчастіе выслушать отъ двадцати пяти или тридцати человѣкъ фразы, въ родѣ слѣдующихъ:

— Какая жалость! такой чудесный конь!

— Ну что, милордъ? Что скажете вы о французскихъ лошадяхъ?

— Не угодно ли вамъ взяться за конецъ моего бича?

— Вотъ моя рука; вы можете на нее положиться.

На всѣ эти предложенія и вопросы Англичанинъ отвѣчалъ проклятіями, но охотники, не слушая, уносились дальше; человѣколюбіе охотниковъ въ подобныхъ случаяхъ извѣстно. Скоро о милордѣ забыли, какъ будто онъ никогда и не существовалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ рога возвѣстили о смерти оленя. Рево поднялъ правую ногу животного и спросилъ, гдѣ лордъ Генри, которому онъ хотѣлъ подать ее согласно полученному отъ маркиза приказанію.

Тогда всѣ оглянулись на болото: лорда тамъ уже не было. Онъ воспользовался минутою развязки драмы и выпутался изъ тины; но вмѣсто того, чтобы подойти къ намъ и посмѣяться надъ своимъ несчастіемъ, какъ сдѣлалъ бы умный человѣкъ, онъ

отправился въ замокъ на лошади, присланной ему маркизомъ Добрый хозяинъ былъ въ отчаяніи отъ этого случая, и не былъ въ заговорѣ графини, я думаю, онъ воспользовался бы правомъ родства, и вымылъ бы мнѣ голову.

— По крайней-мѣрѣ прошу васъ, господа, не подшучивать сегодня ввечеру, сказалъ онъ. Это не великодушно, и потому не достойно васъ.

— Это предостереженіе излишне, сказалъ графъ де-Тяръ. Онъ уѣдетъ прежде нежели мы воротимся въ замокъ.

— Вы чудесный человекъ, шепнула мнѣ графиня де-Сенюзанъ.

— Фудрасъ, сколько хочешь ты за твою лошадь? спросилъ меня Клермонъ, встревоженный тѣмъ, что графиня шепчетъ мнѣ что-то на ухо.

— Въ эту минуту тебѣ не купить ее и за твои сто тысячъ ливровъ дохода.... Я слишкомъ Французъ, и не продамъ ее, прибавилъ я, чтобы дать моимъ словамъ двойное значеніе.

Черезъ нѣсколько минутъ мы поѣхали обратно въ Шаль. Прѣзжая мимо трупа *Львиного Сердца*, затрубили похоронный маршъ, и всѣ единодушно пожалѣли о знаменитой жертвѣ британскаго самолюбія.

Обратный поѣздъ нашъ былъ веселъ какъ нельзя больше. Въ деревняхъ поселяне выходили изъ своихъ жилищъ и приветствовали насъ кликами, на которые мы отвѣчали звуками роговъ. Олена несла на носилкахъ, устланныхъ зеленью, и за нею тѣснилась стая собакъ. Госпожа де-Сенюзанъ ѣхала впереди на *Легкой*, снова бѣжавшей попросту рысцою. Графиня улыбалась, но была задумчива, и Клермонъ, слѣдовавшій за нею въ нѣсколькихъ шагахъ, былъ, казалось, не столько радъ побѣдѣ, одержанной надъ лордомъ, сколько встревоженъ моимъ участіемъ въ торжествѣ любимой имъ женщины. Мы объяснились съ ними дня черезъ два и остались по прежнему друзьями. Въ то время соперничество бывало также легко и изящно, какъ и самая страсть; и женщины бывали послушные рабы, никогда не дѣлавшіяся тиранами.

На полянѣ у замка мы встрѣтили выѣзжающій изъ воротъ берлинъ. Въ немъ сидѣлъ лордъ Генри, уже не возвращавшійся послѣ того въ Шаль.

Вечеромъ только и было разговора, что о *Легкой*, героинѣ этого дня. Ей даже предлагали воздвигнуть статую, и всѣ изъяли желаніе посѣтить ее при свѣтѣ факеловъ. Увы! Это положило ковецъ ея славы!

Воображеніе рисовало ее чудомъ изъ чудесъ, и разочарованіе было велико, когда увидѣли въ конюшнѣ тощую лошаденку, спойно жующую сѣно. Шерсть на ней была включена, такъ, что *на нее* страшно было взглянуть.

— Какъ жаль, что она такъ некрасива! воскликнули дамы. Ей не надо воздвигать статуи: потомство подумаетъ, что мы вздували утѣшительныя Россіяны.

Меся утѣшила графиня де-Сеносантъ; она вошла въ своиъ обочно зеленыхъ шелковыхъ башмачкахъ въ стойло *Легкой* и сказала ей нѣсколько ласковыхъ словъ, пріятно отозвавшихся въ коемъ сердца.

На другой день не было охоты, мы посѣтили великолѣпную церковь въ Бру, а вечеромъ былъ балъ и спектакль.

Этимъ кончился рассказъ моего отца. Тетка, слушавшая его со вниманіемъ, утверждала, что онъ многое забылъ. Отецъ не спорилъ.

— Замокъ еще существуетъ? спросилъ я.

— Мнѣ говорили, что онъ пуетъ, сказала тетка. Но я никуда не выѣзжаю и не могу сказать этого навѣрное.

— Не заѣхать ли туда на возвратномъ пути? спросилъ я отца.

— Какъ хочешь, отвѣчалъ онъ.

Въ день нашего отъѣзда, уже сѣвши въ экипажъ, я напомнилъ ему объ этомъ, и онъ указалъ кучеру куда ѣхать.

Мы пріѣхали въ Шаль черезъ часъ. Отецъ смотрѣлъ вокругъ внимательно и съ недоумѣніемъ, какъ будто опасаясь, не ошибся ли онъ.

— Нѣтъ однако же, — здѣсь! сказалъ онъ, выходя изъ экипажа.

Мы стояли среди огромнаго поля цвѣтущей гречихи; нобыло ни камня, ни дерева вокругъ.

— Гдѣ же замокъ и каштановая роща? спросилъ я.

Отецъ вонзилъ свою трость въ землю, и сказалъ:

— Вотъ замокъ!

Я наклонился и увидѣлъ обломокъ кирпича, забытый революціею. Говорите послѣ этого, что отъ нея ничему нѣтъ пощады.

А. ГРОНОВЕРГЪ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТЯ. *Пророкъ. Статья третья и последняя.* Превосходный, истинно драматическій мотивъ представляетъ сцена, въ которой Берта ищетъ убѣжища отъ преслѣдованій въ живнѣ своего жениха.

№ 6. Allegro.

Il faut donc, quand je l'a -

PIANO.

- do - re, Et me taire et me ca -

cher. Le tré - pas, Dieu, que j'im -

The first system of the musical score consists of a vocal line on a treble clef staff and a piano accompaniment on a bass clef staff. The key signature has two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is 3/4. The vocal line begins with a fermata over the first measure. The lyrics are: "cher. Le tré - pas, Dieu, que j'im -".

plo - re, Pour - ra seul m'en dé - ta -

The second system continues the musical score. The vocal line features a triplet of eighth notes in the final measure. The lyrics are: "plo - re, Pour - ra seul m'en dé - ta -".

cher, Pour - ra seul, Pourra seul m'en dé - ta - cher.

The third system concludes the musical score. The vocal line ends with a fermata. The lyrics are: "cher, Pour - ra seul, Pourra seul m'en dé - ta - cher."

The final system shows the piano accompaniment for the entire piece, with both the right and left hands. The right hand features a melodic line with some chromaticism, while the left hand provides a steady harmonic accompaniment. The piece ends with a final chord in the right hand.

Въ третьемъ дѣйствіи находятся танцы, которые производятъ ужаснѣйшій фуроръ въ Парижѣ. Прилагаю также нѣсколько мотивовъ, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ мотивъ кадрили катающихся на конькахъ.

№ 7. Allegretto moderato.

PIANO.

This musical score is arranged in six systems, each consisting of a treble clef staff and a bass clef staff. The key signature is one flat (B-flat), and the time signature is 3/4. The notation includes various rhythmic values such as eighth and sixteenth notes, as well as rests. The first system features a melodic line in the treble staff with a slur over the first two measures, and a bass line with chords. The second system continues the bass line with chords and rests. The third system returns to a melodic line in the treble staff with a slur, while the bass line has chords. The fourth system continues the bass line with chords and rests. The fifth system shows a melodic line in the treble staff with a slur, and the bass line with chords. The sixth system continues the bass line with chords and rests. The score concludes with a double bar line at the end of the sixth system.

№ 8. *Molto moderato.*

Musical score for No. 8, *Molto moderato*. The piece is in G major (one sharp) and 6/8 time. It consists of three systems of piano accompaniment. The first system shows the beginning of the piece with a treble clef and a key signature of one sharp. The second system continues the melody and accompaniment. The third system concludes with the word "etc." at the end of the treble staff.

№ 9. *Allegro animato.*

Musical score for No. 9, *Allegro animato*. The piece is in G major (one sharp) and 2/4 time. It consists of two systems of piano accompaniment. The first system shows the beginning of the piece with a treble clef and a key signature of one sharp. The second system continues the melody and accompaniment.

Невозможно замысловатѣе и вѣрнѣе передать въ музыкѣ движеніе катающихся на конькахъ, чѣмъ передано оно этою фигурою альтовъ и виолончелей. А между-тѣмъ эта живописная фигура служитъ только аккомпаниментомъ граціозной, совершенно свободной мелодіи скрипки.

Романсъ, которымъ Фидесь, въ четвертомъ дѣйствіи, проситъ удаленія на панихиду по сыну, котораго она считаетъ умершимъ, представляетъ мелодію въ высшей степени выразительную и трогательную.

№ 10. *Andantino quasi allegretto.*

LAHO.

First system of a musical score. It consists of two staves: a treble clef staff on top and a bass clef staff on the bottom. The key signature has one sharp (F#). The treble staff contains a complex, fast-moving melodic line with many beamed notes and slurs. The bass staff contains a simpler, more rhythmic accompaniment with some slurs. There are dynamic markings like 'p' and 'f' throughout.

Second system of the musical score, continuing the two-staff format. The treble staff continues with intricate melodic patterns, including triplets and slurs. The bass staff provides a steady accompaniment. The notation is dense and detailed.

Third system of the musical score, featuring a vocal line and piano accompaniment. The system is divided into two parts. The top part is a vocal line in a treble clef with the lyrics "Don - nez, don -". Above the first measure of the vocal line is the word "Fids.". The bottom part is a piano accompaniment in a bass clef, starting with a piano dynamic marking 'p'. The key signature remains one sharp.

nez pour u - ne pauvre a - me; Ou -

etc.
vrez - lui le pa - ra - dis, le pa - ra - dis!

Самая ритурнель получает уже отъ фоготовъ и виолончелей соответствующій положенію мрачный колоритъ.

Въ сценѣ вѣнчанія раздается наконецъ самостоятельно мелодія, которая уже являлась прежде въ неясномъ очеркѣ. Сначала ее поютъ только нѣжные голоса мальчиковъ, прислуживающихъ при священномъ обрядѣ; но потомъ подхватываетъ ее весь народъ.

№ 11.

Le voi - là, le roi, pro - phète,

Le voi - là, le Fils de Dieu; A ge -

noux, courbez la té - te, A ge-noux, à ge-noux, à

ge - nous De - vant son

scep - tre de feu,

De - vant son scep - - tre de feu!

Эта мелодія, съ своимъ здравымъ, свѣжимъ характеромъ, доступнымъ всевозможнымъ оттѣнкамъ и самому разнообразному развитію, настоящій кладъ для композиторовъ-виртуозовъ. Я слышу уже напередъ, какъ она просвѣчиваетъ сквозь переливы Тальберговскихъ арпеджій, или гордо выступаетъ надъ Листовскими октавными и аккордными массами. Но гимнъ этотъ превосходитъ не по одной мелодіи; обороты модуляціи придуманы какъ весьма удачныѣ. Какъ поразительно внезапное вступленіе тона f-dur, и какъ очаровательно возвращеніе темы въ первоначальный тонъ.

Одна изъ самыхъ выразительныхъ мелодій оперы представляется въ большой сценѣ четвертата дѣйствія. Фидесъ узнаетъ въ вѣнчанномъ пророкѣ своего сына, котораго она считала умершимъ. На крикъ ея «mon fils» народъ волнуется, и, угадывая обманъ, съ угрозами окружаетъ обманщика. Но онъ обращается къ матери и спрашиваетъ хладнокровно: «Quelle est cette femme?» Фидесъ, полная негодованія въ ужасу, выпрямляется и отвѣчаетъ: «Qui je suis? Moi?... qui je suis?»

№ 12 *Allegro.*

Особенно полно эмергін заключеніе этой фразы, которое служить мотивомъ всей остальной части финала:

№ 13.

Упрекъ въ недостатокъ мелодій — избитый упрекъ, который дѣлается преимущественно тѣмъ твореніямъ, которыя своими глубокими комбинаціями превосходятъ силу постиженія тушыхъ

критиковъ. Обдвинуя же самаго Моцарта въ скудости мелодіи,— Моцарта, творца и источника всякаго пѣнія. Противники Глук находили самыя чудныя, самыя выразительныя его мелодіи дикими. Въ одно представленіе «Альцесты», при дивной фразѣ:

Cet effort, ce tourment extrême
Et me déchire et m'attache le cœur!

Кто-то закричалъ вслухъ пѣвицѣ: «Ah! mademoiselle, vous m'agachez les oreilles!» Однакоже сосѣдъ успѣшилъ отвѣчать ему: «Quelle fortune, monsieur, si c'est pour vous en donner d'autres».

Нѣкоторые изъ моихъ читателей съ удивленіемъ спросятъ, можетъ-быть, почему я въ статьѣ своей не упомянулъ ни о «Силезскомъ лагерѣ», ни о музыкѣ «Струэнзе». Главная причина моего молчанія та, что эти два произведенія гораздо менѣе общезвѣстны, чѣмъ «Робертъ» и «Гугеноты»; этому же причиною то, что оба эти творенія Мейербера были представлены въ первый разъ не въ Парижѣ, а въ Берлинѣ. Впрочемъ, они оба не только вполне достойны послѣдняго періода Мейерберова творчества, но даже служатъ ему украшеніемъ. «Силезскій лагерь» былъ написанъ для открытія берлинскаго театра послѣ пожара; это прекрасная музыка, полная самыхъ глубокихъ оркестровыхъ комбинацій. Но это пьеса случайная, которая притомъ страдаетъ неисправимымъ зломъ, именно релштабовскимъ текстомъ (Берлинцы изобрѣли прилагательное *rellstabig* для означенія неслыханной, образцовой вѣрности). Когда Мейерберъ назначенъ былъ прусскимъ «генералъ-музикадиректоромъ», господинъ Релштабъ счелъ долгомъ нѣсколько смягчить прежнее свое мнѣніе о талантѣ творца «Роберта». Съ искусною постепенностью дошелъ онъ до діаметральной противоположности первому своему приговору, и даже взялся написать для Мейербера либретто «Силезскаго лагеря»; либретто вышло полное поруганій надъ искусствомъ и вѣрностей, между-тѣмъ какъ музыка превосходна.

Музыку къ «Струэнзе», трагедіи Миханла Бера, брата композитора, я знаю большею частью только изъ фортепианнаго переложенія. Это съ начала до конца величественное твореніе. Но жаль, что она связана съ представленіемъ не слишкомъ эстетичной драмы, и при такихъ представленіяхъ рѣдко удовлетворительно исполняется, и потому не можетъ быть оцѣнена по достоинству. Вѣдь и безсмертная музыка Бегховена къ «Эгмонту» стала слѣдовавшее ей уваженіе только въ концертахъ.

Самое великое событіе, которое въ послѣднее время взволновало музыкальный міръ, — это кончина знаменитаго композитора танцевъ, Іоганна Штрауса, въ Вѣнѣ. Уже болѣе пятнадцати лѣтъ имя этого художника произносилось съ благоговѣніемъ по всей Европѣ, и публика конечно не ошибалась въ своемъ сужденіи, когда она съ восхищеніемъ, почти подхлѣвнымъ къ энтузіазму, слушала вальсы, марши и кадрили Штрауса. Дѣйствительно, Штраусъ не только былъ несравненно выше всѣхъ существовавшихъ до него сочинителей танцевъ, которые имѣли меньше правъ на названіе композиторовъ, нежели портной или парикмахеръ на званіе артиста; онъ былъ не только искусный музыкантъ, вполне обладавшій всѣми теоретическими пособіями искусства и умѣвшій пользоваться ими умно; онъ былъ гораздо болѣе, — онъ былъ истинный гений.

Да, Штраусъ былъ одинъ изъ немногихъ гениальныхъ художниковъ нашего бѣднаго, со дня на день болѣе прозаическаго вѣка. Онъ не писалъ, правда, ни оперъ, ни симфоній, ни фугъ, ни сонатъ; но не въ объемѣ сочиненія заключается его достоинство, а въ содержаніи; мы же охотно отдадимъ не одну оперу въ пять томовъ толщины, и полныхъ размышленій и эффектной трескотни, за одну пьеску въ нѣсколько страницекъ, когда въ этой пьескѣ искра живаго огня, которая сіяетъ изъ глубины творческаго духа и электрическою силою сообщается сердцамъ слушателей. Сочиненія Штрауса полны такихъ признаковъ гевія. Кто, слушая музыку Штрауса, — эти мелодіи, то томныя и задумчивыя, то огненныя и бурныя, съ ихъ оригинальною, остроумною инструментовкою, съ ихъ замысловатымъ расположеніемъ среднихъ голосовъ, которое часто, разительнымъ образомъ напоминая Моцарта, возводитъ контрапунктческія формы на высшую степень граціи, — кто, будь онъ въ самомъ пасмурномъ, самомъ печальномъ настроеніи духа, не увлекался ею, и не возвращался мысленно къ веселію жизни и любви? Не болѣе какъ лѣтъ за двадцать, танцевальная музыка представляла въ своихъ тяжелыхъ, однообразныхъ формахъ такъ мало музыкальнаго содержанія, что великіе художники, когда выходили до употребленія формы вальса, прилагали все свое стараніе, чтобы произведенія ихъ нельзя было принять за настоящую танцевальную музыку. И одинъ только веселый, безпечный Моцартъ написалъ нѣсколько простодушныхъ вальсовъ и менуетовъ, которые въ его время были въ большой модѣ; Бетховенъ же и Веберъ сочиняли иногда пьесы

en forme de valse, но не написал ни одного настоящего танца. Штраусъ первый извлекъ изъ ничтожества этого презрѣннаго шарю, танцевальную музыку, и такъ пересоздалъ ее, что она нынѣ занимаетъ свое мѣсто въ искусствѣ какъ особенная, опредѣленная и полная форма его, въ которой гений точно также не жетъ достичь оригинальнаго, самостоятельнаго развитія, какъ и во всякой другой формѣ. Вальсы и кадрили, состоявшіе прежде изъ утомительнаго повторенія одной и той же двучленной мелодіи, теперь представляютъ рядъ самыхъ разнообразныхъ музыкальных образовъ, въ которыхъ выражаются въ самой поэтической формѣ всѣ ощущенія и вся прелесть танца. Даже тѣсныя границы, въ которыхъ танцевальная музыка удерживается необходимостью строгаго, однообразнаго ритма, повели Штрауса къ отысканію новыхъ красотъ. Онъ такъ хорошо умѣетъ посредствомъ синкопъ и удареній на краткихъ темпахъ, разбивать свои четырехтактные ритмы, что самымъ успѣшнымъ образомъ избѣжалъ однообразія, этого камня преткновенія въ сочиненіи танцевъ. Послѣ этого понятно, что не только сочиненія Штрауса передаются на фортепиано Тальбергомъ, Листомъ и Шопеномъ, но что онъ имѣлъ даже вліяніе на прочіе роды музыки. Какъ часто, слушая симфоніи и другія большія сочиненія, случается вспоминать его; и сколько новѣйшихъ оперныхъ финаловъ будто написаны для его танцевальнаго оркестра.

Штраусъ родился 14 марта 1804 года, въ Вѣнѣ. Воля родителей заставила его учиться переплетному мастерству; но онъ чувствовалъ призваніе свое къ музыкѣ, и, несмотря ни на какія препятствія, преданъ изученію ея съ такимъ усердіемъ, съ такою любовью, что девятнадцати лѣтъ былъ уже отличнимъ скрипачемъ. Ланнеръ, бывшій только двумя годами старше Штрауса, принялъ его въ свой оркестръ; тутъ талантъ его къ танцевальной музыкѣ необходимо долженъ былъ быстро развиться и проявиться самымъ блестящимъ образомъ. Скоро онъ разошелся съ Ланнеромъ, завелъ собственный оркестръ и сталъ соперникомъ бывшаго своего учителя. Вѣнды полюбили ученика также, какъ любили учителя, и не могли нарадоваться соревнованію двухъ соперниковъ. По преждевременной смерти Ланнера, Штраусъ остался единственнымъ кумиромъ Вѣнцевъ, охотниковъ до удовольствій; безъ него и его оркестра не могъ состояться никакой праздникъ. Въ поѣздкахъ своихъ съ оркестромъ былъ онъ всегда также счастливъ, какъ и въ родномъ городѣ. Берлинъ, Парижъ, Лондонъ встрѣчали и провожали его триумфами, и всѣ танцван-

ные оркестры всего міра бросили старую колею, чтобы идти по новой, которую открылъ вѣнскій маэстро. Смерть Штрауса поразила Вѣну какъ всеобщее, тяжелое несчастіе. При погребеніи его, общее участіе, общая горестъ проявилась самымъ трогательнымъ образомъ. Члены его оркестра несли гробъ, на которомъ лежала скринка покойнаго, съ порванными струнами и разломленнымъ смычкомъ; всѣ члены оркестра и другіе вѣнскіе артисты слѣдовали за гробомъ; лидертафель, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ музыкальныхъ учрежденій въ Германіи, пѣлъ похороннымъ вѣснн надъ его могилкою, безчисленная толпа народа провожала печальный поѣздъ, и не просто—какъ любопытные зрители, а съ горестью, какая ощущается при потерѣ милаго друга.

— Въ Парижѣ уже начался музыкальный сезонъ. Рожѣ дебютировалъ въ «Фавориткѣ» Довидзетти съ огромнымъ успѣхомъ. Мейерберъ пріѣхалъ, и скоро начнутся опять представленія его «Пророка». Итальянская опера, подъ дирекціею Ранкони, откроется перваго ноября. Комическая опера поставила новую волшебную оперу въ трехъ дѣйствіяхъ, нестоющаго Галеви, подъ названіемъ «La fée aux roses»: она производитъ фуроръ. Бермюзъ доканчиваетъ большое духовное сочиненіе. Приданъ поселился на зиму въ Парижѣ и открылъ курсъ фортепіанной игры. Ждутъ также Эрнеста и Вивье.

— У насъ, въ Петербургѣ, сезонъ также начался, и самымъ блестящимъ образомъ. Между тѣмъ какъ одна часть публики восхищается очаровательною Фанни Зальсеръ, другая толпою стремится въ итальянскую оперу, которая въ нынѣшнемъ году получила особенный блескъ отъ прибытія сивьоры Гризи и Маріо. Гризи дебютировала до сихъ поръ въ «Семирамидѣ» и въ «Нормѣ», а Маріо въ «Пуританахъ». Альтистка Мерикъ-Лавандъ также дебютировала въ «Семирамидѣ» въ роли Арзаче. Изъ прошлогоднихъ артистовъ сохранили мы въ нынѣшнемъ году сивьоръ Фрецолини и Корбари, Гардонн, Колетти и Тамбурини.

Виртуозы наши также возвратились: Вьѣтанъ и Генсельтъ изъ Курляндіи и Эстляндіи, Левн изъ Константинополя, а Рубинштейнъ изъ Нижняго-Новгорода. Послѣдній занимается въ настоящее время сочиненіемъ русской оперы, которой мы смѣло пророчимъ самый блестящій успѣхъ, если въ цѣломъ она будетъ соответствовать сообщеннымъ намъ отрывкамъ. Рубинштейнъ самый даровитый композиторъ между здѣшними пианистами, и можетъ быть не только здѣшними. Талантъ его идетъ исполнителски-

ши шагами къ совершенствованію; это одинъ изъ тѣхъ талантовъ, которые крѣпнуть въ борьбѣ, и идутъ постоянно отъ меньшаго къ еще большому. Протшою зимою онъ игралъ намъ двѣ превосходныя фортепіанныя концерта; за ними слѣдовала большая соната, которую по совѣсти надо назвать мастерскимъ произведеніемъ; жаль только, что по трудности своей она немногимъ доступна! Теперь, если ему удастся кончить оперу, чего должно ожидать, то онъ не только испытаетъ свои силы въ высшихъ родахъ композиціи, но даже выкажетъ себя въ нихъ мастеромъ, и потомъ можетъ надѣяться на самую блестящую будущность.

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи упомянуть еще объ одномъ совершенствующемся талантѣ, именно о почтенномъ нашемъ г. Бернардѣ. Онъ также, какъ извѣстно, поставилъ уже на русской сценѣ оперу, «Ольгу, русскую сироту», которая заслужила полный успѣхъ своими плавными и вполне народными мелодіями. Въ послѣднее время Бернардъ писалъ только нѣсколько сочиненій для фортепіано, которыя однако же, мы убѣждены, были очень пріятны подишечникамъ его «Нувелиста», потому что каждая изъ этихъ новыхъ пьесъ представляетъ значительный шагъ впередъ. Бернардъ уже успѣлъ образовать себѣ плавный, пріятный стиль. А какъ онъ съ тѣмъ вмѣстѣ не только обладаетъ въ высшей степени образованнымъ художественнымъ вкусомъ, но сверхъ-того прекрасно знаетъ требованія и наклонности публики, то очень естественно, что сочиненія его съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ большій кругъ любителей, особенно же любителей-дѣтъ, и безъ-сомнѣнія не менѣе другихъ содѣйствуютъ успѣху издаваемого имъ журнала. Къ лучшимъ его фортепіаннымъ сочиненіямъ принадлежатъ, по нашему мнѣнію: «варіаціи на русскую пѣсню» въ g-moll, въ которыхъ среди всѣхъ пассажей востѣншей школы весьма удачно сохранены заунывный, элегическій характеръ нашихъ народныхъ пѣсенокъ; — его «Divertissement à la russe», оригинальное произведеніе, отличающееся счастливымъ изобрѣтеніемъ, и плавнымъ, полнымъ характера изложеніемъ; — наконецъ послѣднее его сочиненіе, военное Allegro vivace, которое хотя и напоминаетъ нѣсколько «Radetzky-Marsch» Штрауса, однакоже производитъ прекрасный эффектъ своимъ плавнымъ ритмомъ и веселымъ, энергическимъ характеромъ. Всѣ эти вещи помѣщены въ музыкальномъ журналѣ «Нувелистѣ», который скоро вступитъ въ одиннадцатый годъ своего существованія: обстоятельство, которое лучше всякихъ похвалъ и рекомендацій ска-

дѣтельствуеъ достоинство журнала и благосклонное расположеніе къ нему публики,

В. ДАМКЕ

КНИГИ ПО УМѢРЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Конд. комиссіонера Императорской Библіотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петяля, № 3).

(Цѣны на серебро.)

- COURNAND.** Histoire de la littérature française, depuis son origine jusqu'à nos jours 2e édition. St. Pétersbourg 1849. 1 vol. in-12. 1 rbl. argt.
- FERRY DE PICNY.** Clef de la langue française ou Guide de l'étude pratique de cette langue. St. Pétersbourg, 1849 1 vol. in-4. 1 rbl. 50 c.
Relié en 1/4 maroquin. 2 rbls. 50 c.
- NOUËTE.** Grammaire théorique et pratique de la langue française. 1re partie: Théorie de la grammaire. 2e partie: Théorie de la syntaxe. 3e partie: Exercices sur la syntaxe. 4e partie: Corrigé des exercices. St. Pétersbourg 1849. 4 vols. in-12. 2 rbls. argt.
Chaque volume se vend séparément à 50 cop.
- RUVAULT.** (Camille). Cours pratique de langue française et de composition. St. Pétersbourg. 1 vol. in-8. 1 rbl. 25 c.
- RUVAULT.** (Nestor et Camille). Nouvelle grammaire française, avec texte russe en regard, suivie d'un tableau de locutions vicieuses particulières à la Russie. St. Pétersbourg 1849. 1 vol. in-9. 75 c.
- WARRAND.** Cours pratique de langue anglaise. 3e édition. St. Pétersbourg 1844. 1 vol. in-8. 1 rbl. 50 c.
- English extracts from the best classical authors, preceded by a new method calculated to facilitate the pronunciation of the English language. 2d edition. St. Petersburg. 1 vol. in-8. 50 c.
- ROBERTSON.** Nouveau cours de langue anglaise. Paris 1848. 3 vols. in-8. 3 rbls. 60 c.
Le 1er volume se vend séparément à 1 rbl. 20 c.
- Leçons pratiques de langue anglaise, extraites de l'ouvrage précédent. 3e édition. Paris 1844. 1 vol. in 8. 90 c.
- BELLENGER.** Nouvelles conversations françaises, anglaises et allemandes. Bruxelles 1847. 1 vol. in-18. 85 c.

- DICIONNAIRE** (nouveau) anglais-français et français-anglais, abrégé de Boyer par Thunot et Clifton. Paris 1849. 1 vol. in-8. 3 rbls.
Le même ouvrage, cartonné. 4 rbls.
- MEIDELOFF.** L'ornementation du moyen âge ou Collection d'ornements et de profils remarquables, tirés de l'architecture byzantine et du style germanique. Paris 1843-1845. 3 vols. in-4, cartonnés. 32 rbls.
- HISTOIRE** des villes de France, avec une introduction générale pour chaque province, par Guilhaert. Paris. 1844 à 1849. 6 vols. gr. in-8, avec gravures. 37 rbls.
- MONLEZUN.** Histoire de la Gascogne, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Auch 1846. 3 vols in-8. 8 rbls. 60 c.
- OLLENDORFF.** Introduction à la méthode pour apprendre à lire, à écrire et à parler la langue allemande. Paris. 1 vol. in-8. 75 c.
— Méthode pour apprendre une langue en six mois, appliquée à l'allemand, 2e édition. Paris 1848. 2 vols. in-8. 3 rbls. 50 c.
— Chef de la méthode, ou Corrigé des thèmes, sixième édition. Paris. 1 vol. in-8. 1 rbl.
- SADLER.** Nouveau dictionnaire portatif anglais-français et français-anglais. Paris 1844. 1 vol. in-12. 1 rbl. 75 c.
- CARDINI.** Dictionnaire d'hippiatrique et d'équitation. 2e édition. Paris 1848. 2 vols. gr. in-8. 5 rbls. 70 c.
- FÉNELON.** Le christianisme présenté aux hommes du monde; ouvrage recueilli et mis en ordre par l'abbé Dupanloup. 3e édition. Paris 1844. 6 vols. in-18. 4 rbls.
- GALIBERT.** L'Algérie ancienne et moderne, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris 1846. 1 vol. gr. in-8, avec gravures. 7 rbls.
- HOFFMANN.** Histoire du commerce, de la géographie et de la navigation chez tous les peuples et dans tous les États; traduit de l'allemand par Duesberg. Paris 1849. 1 vol. in-8. 2 rbls. 50 c.
- JOHNSTON.** Eléments de chimie agricole et de géologie; traduit de l'anglais par Exschaw et Rieffel. 2e édition. Paris 1849. 1 vol. in-12. 1 rbl. 15 c.
- MARTIN.** Conférences sur la prière. Paris 1849. 1 vol. in-12. 1 rbl.
- ODOLANT-DESNOS.** Mythologie pittoresque. 4e édition. Paris 1849. 1 vol. gr. in-8. 3 rbls. 50 c.
- GOLDSMITH.** Histoire d'Angleterre, traduite par Mme. Aragon, avec notes par Thierry, Baraute, Norvins et Thiers. 2e édition. Paris 1841. 4 vol. gr. in-8, avec gravures. 42 rbls.
- SAINT-ARROMAN.** De l'action du café, du thé et du chocolat sur le système. 6e édition. Paris 1849. 1 vol. in 8. 30 c.

ИЗВѢСТІЯ ОВЪ ЭКСПЕДИЦІИ, ОТПРАВЛЕННОЙ ДЛѢ ОТЪИСКАНІЯ ФРАНКЛИНА. Въ сентябрьской книжкѣ этого изданія сообщили мы читателямъ мѣры, принятыя лондонскимъ адмиралтействомъ для отысканія мужественнаго капитана Франклина, пропавшаго безъ вѣсти въ экспедиціи къ сѣверному полюсу. Недавно адмиралтейство получило и обнародовало первое извѣстіе отъ снаряженной для этой цѣли новой экспедиціи. Это письмо капитана Ричардсона, которое, какъ читатели сейчасъ увидятъ, не представляетъ еще ничего очень отраднaго. Ричардсонъ пишетъ :

Фортъ Конвенденсъ, на Большомъ Медвѣжь-
емъ озерѣ, 16 сентября 1848.

«Честь имѣю донести вамъ, для сообщенія адмиралтейству, что я съ вѣренными мнѣ судами и экипажемъ, прибылъ 3 августа къ устью восточнаго рукава Макензіевой рѣки; изслѣдовавъ весь берегъ отъ этого мѣста до рѣки Мѣдныхъ рудъ, входя почти въ каждую встрѣчавшуюся на путѣ бухту, я не нашелъ нигдѣ никакихъ признаковъ, чтобы тутъ проходила европейская экспедиція, или случилось кораблекрушеніе. Мы встрѣчали многочисленныя толпы Эскимосовъ, но они всѣ единогласно утверждали, что не видали ни кораблей, ни бѣлыхъ людей. Дружелюбіе, съ какимъ они встрѣчали насъ, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что эти дикари такъ же хорошо обошлись бы съ Европейцами, нуждающимися въ ихъ помощи.

«Отъ Макензіевой рѣки до мыса Бэтгорста, который мы обогнули 10 августа подъ 70° 37' сѣверной широты, не видали ни

льду, и растительность доказывала довольно умеренный климатъ. Эскимосы, бывшіе въ это время на разныхъ мысахъ и островахъ, для ловли бѣлыхъ и черныхъ китовъ, сказали намъ, что въ продолженіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, льду здѣсь вовсе не бываетъ. Однако же, переѣхавъ Франклинновъ заливъ, и обогнувъ мысъ Парри, мы принуждены были проходить черезъ нѣсколько помостъ шовучихъ льдовъ, которые имѣли сильное вліяніе на температуру; когда мы достигли Бекслеева мыса, то нашли проливы Дельфиновъ и Ювіонъ наполненными толстымъ льдомъ, который тѣнился около отвѣсныхъ скалъ и покрывалъ все пространство моря, какое мы могли видѣть съ высоты, даже далеко за Воми стонову землю.

«Двадцать-третьяго августа, зима, можно сказать, мгновенно установилась съ чрезвычайною суровостью; нѣсколько дней сразу были сильныя морозы и шелъ снѣгъ, который и остался. Съ этого дня до 3 сентября мы должны были пробивать себѣ путь сквозь каждую бухту; иногда мы прорубали каналы между ледянами, а иногда даже переносились сухимъ путемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ берега были круты, находили мы большія пространства свободной воды. Эти трудныя работы исполнялись подъ руководствомъ мистра Ра, котораго вѣрность сужденія, опытность и неутомимая дѣятельность, одѣ, съ помощію Божіею, давали намъ возможность сколько-нибудь подвигаться впередъ.

«Полагаясь на опытъ четырехъ путешествій въ заливъ Коронаціи (Crownation gulf), — Франклина, Дизза, Симпсона и моего, — я надѣялся, что обогнувъ Крузенштерновъ мысъ, найду открытое море до рѣки Мѣдныхъ-рудъ. Но плавая въ этихъ ужасныхъ водахъ, никогда нельзя разсчитывать впередъ; въ заливъ оказался покрытымъ льдомъ, и мы принуждены были принятъ опять за багры и топоры; работа становилась все труднѣе, а движеніе наше все медленнѣе, потому что морозъ до 3 сентября постоянно усиливался. Наконецъ, въ Медовитой бухтѣ (Seu cove), на сѣверъ отъ Кендалскаго мыса, установились новыя льды, такъ плотно сжатые, что мы уже не въ силахъ были раздвинуть ихъ. Холмообразный видъ этихъ ледяныхъ массъ, происходящій отъ отвѣсныхъ скалъ, не позволялъ намъ переѣзжать черезъ нихъ своимъ суда. Видя, что нельзя было надеяться на скорую переменъ погоды, потому что земля была уже закрыта снѣгомъ, а съ прискорбіемъ рѣшился бросить и продолжать путь къ Медвѣжьему-озеру сухимъ путемъ.

«Если бы мы достигли рѣки Мѣдныхъ-рудъ въ обыкновенномъ

обстоятельствахъ, какъ я надѣлся, мы пришли бы въ фортъ Конфиденсъ послѣ четырехъ-дневнаго нетруднаго похода, съ палатками, провіантомъ и прочая; теперь же надлежало увеличить грузъ соразмѣрно предстоявшему разстоянію. Каждому дано провіанту на тринадцать дней; кромѣ того мы должны были тащить за собою свою запасную обувь, постели, котелъ для варенія пищи, астрономическіе инструменты, аммуницію, топоры, шлюбку лейтенанта Галькета, канаты и сѣти. Мы оставили палатки, зарыли оставшіяся запасы пемикану *, и 3 сентября выступили въ походъ къ Бенову входу, котораго достигли въ тотъ же вечеръ. Тутъ къ счастью встрѣтили мы общество Эскимосовъ, которые оказали намъ огромную услугу, перевезши насъ на слѣдующее утро черезъ рѣку, имѣющую отъ трехъ до четырехъ сотъ ярдовъ ширины, — ярдъ равняется тремъ англійскимъ футамъ, — и которая, по ихъ мнѣнію, сохраняетъ эту ширину на огромномъ пространствѣ; безъ ихъ помощи, мы потеряли бы тутъ много времени, потому что пришлось бы перевозить весь экипажъ и имущество на одной шлюбкѣ лейтенанта Галькета. Я назвалъ эту рѣку, доселѣ намъ неизвѣстную, именемъ мистра Рэ. На слѣдующее утро переправились мы, съ помощью лейтенанта Галькета, черезъ Ричардсонову рѣку, которая не такъ широка, и въ тотъ же вечеръ слѣдали привалъ на берегу рѣки Мѣдныхъ-рудъ.

Я сговорился съ Джемсомъ Говомъ, туземцемъ смѣшанной крови, участвовавшимъ въ экспедиціи Диза и Симпсона, что онъ въ началѣ сентября придетъ ко мнѣ на рѣку Мѣдныхъ-рудъ съ двумя егерями изъ Иадѣйцевъ; но вьюги, бывшія около того времени, когда онъ долженъ былъ выступить, замедлили его походъ на цѣлую недѣлю, и мы съ нимъ разошлись. По всѣмъ вѣроятіямъ, мы встрѣтились на берегахъ Кендала, во время тумана и мятели, продолжавшихся цѣлый день, и прошли мимо, не видя другъ друга.

Наконецъ вчера, въ тринадцатый день своего похода, вступили мы въ Конфиденсъ; въ послѣдніе три дни удалось намъ найти проводника изъ Иадѣйцевъ, который повелъ насъ ближайшею и болѣе удобною дорогою.

По накопленію льда въ заливѣ Коронаціи и въ заливахъ Дельфинномъ и Юніонъ, и постоянному укрѣпленію его вновь прибывающими льдинами, трудно предпологать, чтобы море этотъ годъ еще открылось достаточно для проѣзду кораблей; по этому

* Сущее мясо, приготовленное на иадѣйскій манеръ. Digitized by Google

я не думаю, чтобы корабли экспедиціи могли въ нынѣшнее лѣто подвинуться въ этомъ направленіи, а полагаю скорѣе, что они прошли выше, къ западной части открытаго моря, около мыса Бетгорста, или что они возвратились въ отечество черезъ Ланкастерскій проливъ. Приведенныя обстоятельства доказываютъ, что шлюбки мои въ это неблагопріятное лѣто не могли приблизиться къ Волластоновой землѣ; но я успѣю, можетъ быть, исполнить это порученіе въ будущемъ году; и потому я постараюсь принять надлежащія мѣры, чтобы мнѣ можно было въ будущемъ іюлѣ мѣсяцѣ послать мистра Рэ съ шлюбкою и отборнымъ экипажемъ къ рѣкѣ Мѣдныхъ-рудъ, для изслѣдованія прохода между землями Викторіи и Волластоновою. Приливъ, который въ полнолуніе и на второй четверти стремится въ проливъ Дельфиновъ и Юніонъ съ быстротою трехъ узловъ въ часъ, идетъ къ востоку отъ залива Коронаціи и, слѣдовательно, долженъ сначала проходить чрезъ этотъ проходъ и между землею Викторіи и Боупіемъ, потому что это единственные пути соединенія между заливою Коронаціи и Ланкастерскимъ проливомъ съ вливающимися въ нихъ водами. Экспедиція мистра Рэ можетъ быть весьма полезна для собранія объ этомъ вѣрныхъ свѣдѣній и для подкрѣпленія отряда, который сэръ Джемсъ Россъ предполагалъ отправить по льду къ рѣкѣ Мѣдныхъ-рудъ.

«Такъ какъ средства здѣшняго поста недостаточны для содержанія всего нашего экипажа, а ледъ въ здѣшнихъ моряхъ стоитъ почти до половины августа, такъ что зимующіе здѣсь люди не могутъ въ надлежащее время поспѣть въ Іоркскую факторію, чтобы въ нынѣшнемъ же году ѣхать въ Англію, то я рѣшился тринадцать человекъ изъ прибывшихъ изъ Англіи, и шесть человекъ изъ экипажа Беля, отправить немедленно къ Макензіевой рѣкѣ, гдѣ они могутъ продовольствоваться зимою на рыболовныхъ Большаго острова, на Невольничьемъ озерѣ. Я самъ наѣтретъ отправиться туда же весною, по замерзшему озеру, и въ нѣтъ мѣсяцѣ, если Макензіева рѣка вскрыется къ тому времени, подняться по ней. Въ это путешествіе возьму я съ собою остальныхъ людей, привезенныхъ изъ Англіи, которые будутъ нужны мистру Рэ на его лѣтнія операціи. Ему же я дамъ предписаніе возвратиться сюда къ концу августа, чтобъ намъ можно было оставить поселеніе и заблаговременно послать экипажъ вверхъ по Макензіевой и Невольничьей рѣкамъ до закрытія переплаванія.

«Во время морскаго рейса мы оставили нѣкоторое кол-

честь пемикану на мысахъ Separation, Бетгореть, Парри и въ Пейслеевой бухтѣ, на сѣверной сторонѣ Крузенштернова мыса, и учредили сигнальные посты, какъ было условлено съ сэромъ Джемсомъ Россомъ.

Итѣю честь, и прочая.

Джемсъ Ричардсонъ, врачебный инспекторъ и командиръ экспедиціи.

НОВЫЙ СПОСОБЪ ПЕРЕВОДИТЬ ГРАВЮРЫ И РИСУНКИ. Коллодіонъ — называется составъ, приготовляемый изъ взрывной хлопчатой бумаги, растворенной въ эфирѣ. Составъ этотъ открытъ очень недавно и преимущественно употребляется въ медицинѣ.

Господинъ Малиновскій, дѣлая опыты надъ коллодіономъ, нашелъ, что если этичъ составомъ покрыть гравюру или литографическій рисунокъ и потомъ погрузить ихъ въ воду, окисленную сѣрной кислотой, то бумага удобно отдѣляется, а изображеніе со всѣми самыми нѣжными штрихами и оттѣнками остается на тонкой пленкѣ коллодіона — будучи отчетливо видимымъ съ обѣихъ сторонъ.

Слой коллодіона наносится на гравюру кисточкой, обмокнутой въ этотъ составъ. Гравюра или вообще рисунокъ покрывается посредствомъ кисточки два или три раза коллодіономъ и просушивается около осьми минутъ. Количество сѣрной кислоты, прибавляемой къ водѣ, въ которую погружается гравюра (покрытая коллодіономъ и высохшая), различно, смотря по толщинѣ бумаги, на которой оттиснута гравюра. Для изображеній на обыкновенной бумагѣ, господинъ Малиновскій, къ тридцати частямъ воды прибавляетъ одну часть сѣрной кислоты; для гравюръ, наклеенныхъ на картонѣ, количество кислоты должно увеличивать. Чѣмъ долѣе гравюра, покрытая коллодіономъ, пробудетъ въ водѣ, тѣмъ лучше, тѣмъ удобнѣе отдѣляется вся бумага (Господинъ Малиновскій совѣтуетъ оставлять гравюру въ окисленной водѣ, не менѣе четырнадцати часовъ сряду). Когда бумага отмокла, ее осторожно стираютъ пальцемъ или тонкимъ платкомъ, проводя имъ по задней сторонѣ изображенія, — бумага отдѣляется въ видѣ катышковъ, а изображеніе остается на пленкѣ коллодіона. Гравюра, переведенная на коллодіонъ чрезвычайно легка, упруга, гибка, почти прозрачна, не портится, ни отъ сырости, ни отъ горячей воды, ни отъ масла, ни отъ сильно разжиженныхъ кислотъ, ни отъ слабыхъ растворовъ щелочей, и ее можно обмывать холодною и горячею водою (какъ простою, такъ и съ мыломъ) для очищенія отъ пыли и грязи.

ЧУДЕСНОЕ ИЗЛЕЧЕНИЕ. Молодой и знатный Испанецъ прѣѣхалъ, въ прошломъ юль, съ матерью въ Парижъ. Едва вышли они изъ почтовой кареты, тотчасъ освѣдомились объ адресѣ знаменитаго доктора О*** и отправились къ нему.

— Мы кажется соотечественники, докторъ, сказалъ молодой человѣкъ, но насъ привела сюда въ особенности ваша европейская извѣстность, и мы предприняли продолжительное путешествіе, чтобы прибѣгнуть къ вашему искусству.

Докторъ О***, покаместъ говорилъ молодой Испанецъ, смотрѣлъ на мать, которой блѣдное лицо и потухшій взоръ выражали страшную горечь.

— Это вѣрно для вашей матушки, сказалъ онъ.

— Къ счастью, нѣтъ, перебилъ сынъ — для меня.

Мать удержала вздохъ и скрыла слезу въ складкахъ носоваго платка.

— А! для васъ! сказалъ докторъ тономъ удивленія, потому что молодой человѣкъ съ виду наслаждался совершеннымъ здоровьемъ.

— Да, докторъ, для меня.

— Расскажите же болѣзнь вашу, я слушаю съ величайшимъ вниманіемъ.

Мать пристально посмотрѣла на доктора, который ничего не понималъ, но приготовлялся понимать, какъ дѣлаютъ это всѣ люди, одаренные живой проицательностью, передъ неожиданной загадкой.

— Я самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ, докторъ, сказалъ сынъ. У меня три немоши, или недостатка, назовите ихъ какъ хотите, лишающіе меня удовольствій, которыя могли бы мнѣ доставить и лѣта и состояніе; я долженъ дрожать, являясь передъ женщиной, долженъ убѣгать общества молодыхъ людей; моя гордость Испанца и дворянина безпрестанно опасается оскорбленія въ дружбѣ и любви. Я предпочитаю жить одинъ и одиночество убиваетъ меня скукой. Посудите же, каково мое положеніе, докторъ.

Докторъ наклонилъ голову и протянулъ руки какъ человѣкъ, ожидающій чего-нибудь пояснѣе, прежде чѣмъ будетъ отвѣчать.

Мать скрестила руки и взглянула на небо, какъ-будто мысленно молясь.

— Вотъ первый мой недостатокъ, продолжалъ Испанецъ, указывая пальцемъ на свой носъ. Отъ него, мнѣ сказали, не трудно избавиться помощью операціи, недавно изобрѣтенной, и я готовъ рѣшиться на все.

Докторъ взглянулъ на носъ молодаго человѣка; онъ былъ прекрасно обрисованъ, настоящій орлиный, тонкій носъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ докторъ, вамъ долженъ быть очень неприятенъ этотъ природный недостатокъ, на самомъ видномъ мѣстѣ.

— Ахъ! докторъ! просто опротивѣла жизнь!...

— И есть отъ чего!... Вашъ носъ поразилъ меня, едва вы вошли....

— Видите, докторъ, правъ ли я!

— Конечно.... какъ жаль, подумалъ я, что такой красивый молодой человѣкъ имѣетъ такой недостатокъ!

— Всѣ это думаютъ, докторъ.

— Перейдемъ къ другимъ недостаткамъ—сказалъ докторъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ.

— Взгляните на мои щеки и подбородокъ, докторъ.

— Гляжу.

— Чтò вы видите?

— Ничего.

— Тò-то и есть! ничего! ни малѣйшаго пушка! Въ мои лѣта быть безъ бороды! Мнѣ посоветовалъ пріятель бриться два раза въ день, и я брѣюсь превосходными англійскими бритвами.

— И безуспѣшно?

— Совершенно, докторъ.

— Удивительно!

— Видите, матушка, сказалъ молодой человѣкъ, докторъ отдаетъ мнѣ должную справедливость: онъ не называетъ меня сумасшедшимъ, какъ дядюшка и братъ.

— Вашъ дядя и братъ сами сумасшедшіе, сказалъ докторъ; едва вы вошли, я подумалъ: какой красивый молодой человѣкъ! Жаль только, что у него вѣтъ бороды, какъ у нашихъ парижскихъ щеголей!... Перейдемъ къ третьему недостатку.

— А вы развѣ его не замѣтили?

— Замѣтилъ.... мнѣ показалось.... чтò-то....

— Чтò такое, докторъ?

— Да вѣскольکو странное въ....

— Въ моей походкѣ?

— Да; въ вашей походкѣ ужасный недостатокъ.

— Я думаю; я страшно хромаю; у меня лѣвая нога на четыре дюйма короче правой.

— Это бросается въ глаза, сказалъ докторъ; какая жалость, подумалъ я, что такой красивый молодой человѣкъ хромаетъ!

— Вы понимаете, что съ такими тремя недостатками жизнь невыносима.

— Именно невыносима.

— И потому я прїѣхалъ къ вамъ, божеству медицинскаго искусства, просить васъ возвратить мнѣ жизнь. Говорятъ, что у васъ есть чудныя таинства, излечивающія неизлечимое. Сжалитесь надъ моимъ положеніемъ. Дайте мнѣ жить жизнью другихъ людей. Все мое состояніе — ваше.

Бѣдная мать качала головою съ отчаянія и плакала.

— Мнѣ посчастливилось излечить недостатки поважнѣе, сказалъ докторъ, и если я найду въ васъ покорнаго и терпѣливаго больнаго, я....

— О! перебилъ Испанецъ, рубите мою кожу какъ мраморъ, я не произнесу ни одной жалобы, не испущу ни одного вздоху....

— Такъ приступимъ же къ операциіи....

Мать вытаращила глаза; докторъ сказалъ ей:

— Вы можете остаться.... Будьте спокойны; я усыплю эввропъ вашего сына, операциія совершится безъ боли.

Докторъ разложилъ на столѣ инструменты, попросилъ Испанца лечь на кушетку и принялся усыплять его. Когда онъ убылся въ нечувствительности пациента, онъ сталъ водить ему по носу разными инструментами, сдѣлавъ видъ будто положилъ что-то на серебряное блюдо. Потомъ привязалъ тяжесть къ лѣвой ногѣ и надѣлалъ много шума кусками желѣза, потрясая ихъ въ рукахъ. Мать смотрѣла и ничего не понимала.

— Сударыня, сказалъ докторъ тихо, дѣйствіе эввру прекратится черезъ три секунды. Какъ только я подамъ вамъ знакъ, бросайтесь въ объятія вашего сына и кричите: ты спасенъ!

Такъ и было сдѣлано. Докторъ также обнялъ молодого человѣка, сказавъ ему:

— Ступайте!

Испанецъ высвободилъ ногу и твердымъ шагомъ прошелъ по комнатѣ.

Докторъ съ матерью хлопали въ ладоши.

— Чтò, вамъ больно? спросилъ докторъ.

— Почти нѣтъ, отвѣчала молодой человѣкъ, въ восхищеніи.

— А теперь, сказалъ докторъ, подавая ему нѣсколько безцвѣтныхъ частичекъ на блюдѣ, теперь поглядитесь въ зеркало, вотъ чтò я у васъ отрѣзалъ. Теперь у васъ носъ какъ у индійскаго Бахуса.

— Какая удивительная операція! вскричала мать; начинавшая юннать загадку.

И она обняла доктора, который подавалъ зеркало сыну. Тотъ посмотрѣлъ въ зеркало съ видомъ Нарцисса.

— Докторъ, сказала мать, примите на первый случай и на палять этотъ перстень съ тремя гайдеръ-абадскими брилліантами.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, сказалъ докторъ громко, прибавивъ тихо: съ условіемъ, что я вамъ его возвращу.

Этотъ притворный подарокъ произвелъ удивительное дѣйствіе и довершилъ выздоровленіе.

— Намъ остается излечить третій недостатокъ, сказалъ докторъ; у васъ будутъ самые красивые усики, которые когда-либо рисовались на губахъ Кастильца.

Испанецъ вскрикнулъ отъ радости, какъ школьникъ, получившій награду.

— Возьмите этотъ пузырекъ, прибавилъ докторъ и каждое утро примачивайте себѣ лицо этой чудесной водой. Особенно же берегитесь бриться и черезъ двѣ недѣли вы будете походить на одиѣвъ изъ портретовъ Тиціана. Жду васъ черезъ двѣ недѣли.

Испанецъ хотѣлъ броситься къ ногамъ доктора, но его удержала благосклонная рука.

— Знаменитый благодѣтель мой, сказалъ онъ, я не долго останусь въ Парижѣ. Я горю нетерпѣніемъ воротиться на родину, гдѣ, благодаря вамъ, могу жениться на Терезѣ Фигерасъ.

Прощаніе было трогательное. Докторъ возвратилъ украдкой перстень, который не считалъ себя въ правѣ удержать и отказался отъ билета въ сто тысячъ франковъ, которые молодой человекъ хотѣлъ ему дать въ задатокъ.

— Когда я вылечиваю болѣзнь, сказалъ онъ, я принимаю вознагражденіе, но когда даю жизнь, не беру ничего: я вознагражденъ довольно.

Никогда разстройство воображенія, родившагося подъ тропическимъ солнцемъ, не излечивалось искуснѣе и быстрѣе. Докторъ получилъ вскорѣ отъ Испанца письмо. Онъ уведомлялъ его о своей женитьбѣ, о своей радости, о своемъ счастьи и о полномъ выздоровленіи.

Воображеніе, по словамъ доктора O***, похоже на Ахиллесово копьё, оно ранитъ и излечивается, надо только умѣть управлять имъ; вотъ въ чемъ дѣло!

горбатый жежижъ. Отецъ двухъ хорошенькихъ дочерей получилъ прошлымъ лѣтомъ, отъ своего племянника, промышленника въ Гайдеръ-Абадѣ письмо, оканчивавшееся такимъ образомъ:

«..... Я получилъ портреты двоюродныхъ сестеръ моихъ Леонтины и Леокадіи. Хотя я не имѣлъ никогда удовольствія ихъ видѣть, но увѣренъ однако, что эти портреты похожи. Я приѣду въ Парижъ въ первыхъ числахъ октября, и тотчасъ по приѣздѣ, съ вашего позволенія, рѣшусь просить руки прелестной *Leo...*

Тутъ сургучъ, припечатанный на этомъ мѣстѣ, уничтожилъ остальные буквы имени. Невозможно было отгадать, на Леонтинѣ или Леокадіи хотѣлъ жениться двоюродный братецъ. До-тѣхъ-поръ очень дружныя, сестры начали ссориться, каждая утверждая, что избранная невѣста — она. Отецъ истощалъ свое краснорѣчіе на успокоеніе раздражительности дочерей, когда слуга брата приѣхалъ изъ Гавра передовымъ, съ вѣстью, что баринъ его будетъ въ Парижъ съ утреннимъ поѣздомъ. Слугу засыпали вопросами. Онъ отвѣчалъ, что баринъ его разорился, и что у него на лѣвомъ плечѣ та неприятная выпуклость, которая причиняла столько несчастій Фригійцу Эзопу.

Сестры поклялись лучше цѣлый вѣкъ остаться въ дѣвкахъ, чѣмъ выйти за разореннаго горбуна. Въ то время, какъ онъ въ тридцатый разъ повторяли эту клятву, братецъ приѣхалъ. Дядя дружески обнялъ его; сестрицы учтиво поклонились, но отворотивъ глаза. Дядя объяснилъ приключеніе разореннаго письма и спросилъ племянника о брачныхъ намѣреніяхъ.

— Я желаю жениться на сестрѣ Леонтинѣ, отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричала Леонтина. Я довольна своимъ положеніемъ и не хочу его перемѣнять.

— Милостивая государыня, сказалъ двоюродный братецъ, я привялъ обычай страны, въ которой почти родился. Прочитайте права Гайдеръ Абада. Тамъ, когда молодому человѣку отказываютъ въ брачномъ предложеніи, онъ самъ исключаетъ себя изъ общества какъ бесполезное существо....

— Омъ убиваетъ себя! вскричала другая сестра, добрая Леокадія.

— Да-съ, убиваетъ, отвѣчалъ братецъ, тономъ человѣка, готоваго убить себя.

— Бѣдный братъ! сказала Леокадія со слезами: приѣхать такъ удалена затѣмъ, чтобы умереть!

— Я знаю, продолжалъ горбунъ, что мое безобразіе невыносимо для глазъ женщины; но со временемъ и жаскіе глаза привы-

каютъ ко всему. Я знаю также, что мое положеніе не завидно. Я вступилъ очень молодъ въ торговлю брилліантами, единственную гайдеръ-абадскую торговлю, и потерялъ тамъ состояніе моего отца; но за то я приобрѣлъ опытность, я молодъ, дѣятеленъ, трудолюбивъ.... Это также богатство своего рода.

— Да, да, горбатъ и разоренъ, прошептала Леонтина съ насмѣшкою.

— Бѣдный братъ! сказала Леокадія. Вѣдь и мнѣ также отказали, братецъ, прибавила она, а вы не обращаете на это вниманія.

— Какъ? кто? спросилъ горбунъ.

— Да вы сами.... вѣдь вы предпочли сестру.

— А что бы вы отвѣчали, если бы я сталъ просить у дялюшки вашей руки?

— Я бы уговорила батюшку не допустить васъ умереть.

— Какъ! вы бы согласились, прелестная Леокадія....

— Спаси жизнь родственника! Ни минутки бы не поколебалась.

— Очень хорошо, дочка, сказалъ отецъ, тронутый этой сценой. Тебя романы не испортили. Хоть у меня состояніе небольшое, но я однако не долженъ оставлять въ несчастіи сына моего роднаго брата. Оставайся здѣсь, любезный зять, гдѣ есть мѣсто для троихъ, найдетея и для четвертаго.

Двоюродный братецъ бросился къ ногамъ Леокадіи.

— Вы спасаете несчастнаго отъ отчаянія и смерти, сказалъ онъ.

Леокадія подняла его, а Леонтина шептала: «Что за храбрость у сестры! а по мнѣ, пусть бы умерли всѣ разоренные и горбуны!»

— Дялюшка, сказалъ молодой человѣкъ, позвольте мнѣ переодѣться до завтрака.

Онъ подѣловалъ руку Леокадіи, поклонился Леонтинѣ и пошелъ снять дорожное платье.

Дядя съ дочерью сидѣлъ за столомъ, когда онъ вошелъ въ комнату. Дѣвушки вскрикнули, но различнымъ образомъ. Онъ увидалъ стройнаго молодаго человѣка вовсе не горбатаго, который обнялъ Леокадію и поставивъ передъ ней корзинку, полную брилліантовъ, сказалъ:

— Вотъ вамъ приданое!

Горбъ обманулъ таможенныхъ, и брилліанты явились въ Парижъ безъ пошляны.

— Вотъ что я привезъ на плечахъ, сказалъ двоюродный бра-

тецъ, отъ Бомбея до Гавра, чтобы предложить той изъ сестеръ, которая возьметъ меня съ моею ложною бѣдностью и притворнымъ безобразіемъ.

Всѣ чуть не помѣшались отъ радости, даже и Леонтина, по тому-что любила сестру и была не прочь отъ брилліантовъ.

ЖЕННИ ЛИНДЪ. Въ переездъ изъ Кельна въ Кобленцъ, рассказываетъ одинъ путешественникъ, намъ сказали на пароходѣ: «если вы ѣдете въ Эмсъ, вы услышите завтра въ концертѣ Женни Линдъ».

Эмскія воды входили въ планъ моего путешествія, притомъ же я очень люблю музыку и никогда не слыхалъ Женни Линдъ.

По прїѣздѣ въ Эмсъ, прежде-чѣмъ подумать объ обѣдѣ, очень заслуженномъ осемью часами ѣзды на пароходѣ и въ каретѣ, я бросился за билетомъ въ концертъ.

Въ шесть часовъ я вошелъ первый въ концертную залу. Она обширна и обведена кругомъ галлерей. Я не стану описывать эту огромную залу съ колоннами, мнѣ такъ хочется поскорѣе говорить о музыкѣ, что некогда говорить объ архитектурѣ.

Великая артистка скромно вошла на небольшую эстраду возлѣ фортепiano аккомпанировавшаго ей музыканта. Она была въ бѣломъ платьѣ. Физиономія ея превыразительная, черты ни товыя, ни правильныя, но едва она начинаетъ пѣть, умъ или страсть придаютъ ея взору прелестную веселость или чудно-высокое выраженіе: Женни Линдъ тогда красавица.

Я слышалъ Малибранъ, Пизарони, Зонтагъ, Гризи; Женни Линдъ соединяетъ всѣ изумительныя и различныя достоинства этихъ знаменитыхъ пѣвицъ; ея обширный голосъ, смягченный искуснымъ изученіемъ, преодолеваетъ всѣ трудности, очаровываетъ и изумляетъ самыми трудными, самыми разнообразными эффектами; стиль ея высокъ, въ ней бездна энергій и чувствительности. Я слышалъ ее только въ концертѣ, а эта страстная натура совершенно раскрывается только на театрѣ.

Чтобы показать, сколько скромности и простоты въ этой великой артисткѣ, стоитъ только рассказать прїѣздъ ея въ Кобленцъ. Едва имя Женни Линдъ разнеслось по гостинницѣ, въ которой она остановилась, городская знать тотчасъ явилась къ ней съ просьбой дать концертъ. Женни Линдъ была принуждена отказать и извинилась. На слѣдующее утро она уѣзжала въ Эмсъ. Вечеромъ, послѣ обѣда, содержательница гостинницы выразила свое сожалѣніе Женни Линдъ.

— Я васъ видѣла, сказала она, а никогда не услышу; мнѣ невозможно оставить Кобленць даже на одинъ часъ.

— Право, вамъ такъ хочется меня слышать? отвѣчала Женни Ливдъ, улыбаясь, такъ велите принести сюда фортепиано, соберите ваше семейство, и я дамъ концертъ для васъ однихъ.

Женни Ливдъ пѣла въ Кобленць цѣлыхъ два часа, но только для хозяевъ «гостинницы Гиганта».

Одна изъ продѣлокъ комическаго актера. Недавно въ Парижѣ, поздно ночью, передъ рѣшеткой Сенъ-Клаудскаго парка стоялъ фiakръ. Въ воскресенье извозчики всегда разсчитываютъ на опоздавшихъ на желѣзную дорогу и ѣдутъ только, когда всѣ четыре мѣста заняты. За заставой, извозчикъ полный властелинъ и пользуется своимъ правомъ.

Одинъ превосходный комикъ театра Comedie Française, послѣ длиннаго обѣда у севрскаго пріятели, примѣтилъ, что часъ послѣдняго поѣзда желѣзной дороги уже прошелъ и, увидѣвъ гостеприимный фiakръ, сказалъ извозчику:

— Чтò, ты ѣдешь сейчасъ?

— Если вы заплатите за всѣ четыре мѣста, отвѣчалъ извозчикъ.

— Сколько?

— Двадцать франковъ.

— Это слишкомъ дорого.

— Садитесь пока; трое прочихъ вѣрно скоро прійдутъ.

Комику захотѣлось наказать непомятыйя требованія извозчика.

Онъ вошелъ въ фiakръ съ развязными приѣмами молодого челявѣка; извозчикъ заперъ дверцу и принялся смотрѣть на дорогу, не идутъ ли другіе путешественники. Покашѣвъ кучеръ подмигнулъ такимъ-образомъ, комикъ отворилъ другую дверцу, ускользнулъ въ потьмахъ, оставивъ въ фiakрѣ свое пальто и сдѣлавъ большой обходъ, подошелъ хромя къ извозчику и занкался спросить, скоро ли онъ поѣдетъ.

— Сейчасъ, отвѣчалъ извозчикъ. Васъ уже двое и другіе скоро прійдутъ.

Хромя господинъ съ трудомъ влѣзъ въ фiakръ; дверца закрылась, другая отворилась и комикъ явился передъ извозникомъ старикомъ. Этотъ превосходный актеръ владѣетъ всѣми лицами и голосами по произволу.

— Вы тотчасъ поѣдете, сказалъ кучеръ, черезъ нѣсколько минутъ. Васъ трое, а вотъ и четвертый подходитъ.

Четвертый был, как и прочие, фантастическое существо, которое не пришло бы никогда, если бы кони, одвинувшись из палаты, не явились передъ извозникомъ съ припрыжками мелодичнаго человѣка, оживленнаго парами роскошнаго обѣда.

— Ну, если вы терпите, закричалъ ему извозникъ торжествующимъ тономъ, вы поѣдете сію минуту, вѣсь полный комплектъ.

— Садись же на козлы и поѣзжай! сказалъ конникъ, отворилъ и закрылъ дверцу.

Лошади поскакали во всю прыть; онъ возанъ только одного путешественника, а хозяинъ удивлялся ихъ проворству.

Фиакръ остановился, какъ условился, на площади Согласія. Конникъ самъ отворилъ дверцу и, залативъ извознику пять франковъ, исчезъ. Извозникъ ждалъ въ двухъ шагахъ выходу другихъ путешественниковъ. Никто не выходилъ.

— Они уснули, прошепталъ извозникъ и всунулъ голову въ открытую дверцу, чтобы разбудить ихъ.

Внутри фиакра царствовалъ невзрачный врачъ. Извозникъ протянулъ руки, отыскивая ошуюю путешественниковъ.... нѣтъ никого! Онъ окаменѣлъ какъ осѣдній обаянскъ. Какимъ образомъ пропали эти три человѣка? Фиакръ скакалъ во всю прыть, четверо вошли, а одинъ только вышелъ. Вотъ чудеса! Не въ этой тайной, позагадочнѣе всѣхъ прочихъ парижскихъ тайнъ, преобладало что-то поважнѣе — потеря пятнадцати франковъ.

Если бы извозникъ не любилъ нѣмно своихъ лошадей, онъ бы бросился съ осѣдняго мосту въ воду, но какъ рѣшиться считать себя живымъ, когда оставляешь на землѣ другихъ существъ?

Домагистръ онъ стоялъ, погруженный въ размышленія, тѣмъ еще больше запутался. Старый, оборванный индѣй подошелъ къ нему, протягивая руку.

— Да! пришелъ во время! сказалъ извозникъ, я потерялъ пятнадцать франковъ!

— Вотъ они, сказалъ индѣй, подавая ему деньги, и убѣжалъ.

Конникъ встрѣтилъ ничего и послалъ его съ этимъ порученіемъ.

Извозникъ разсказалъ объ этомъ приключеніи своимъ товарищамъ; никто ему не повѣрилъ. Это участь всякой лопаты.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ ЛЮДОВИКА-ОДИННАДЦАТАГО. Въ вечеръ 1482 года, въ сумрачный и снѣжный день, мелодичный человѣкъ приближался во всю прыть къ замку Плессей, въ отдаленномъ

Людвика-Одиннадцатаго. Достигнувъ стѣны зѣнка, онъ встряхнулъ плащъ, покрытый снѣгомъ, поправилъ въ нѣсколько минутъ безпорядокъ своей идегольской одежды и, снявъ съ шеи небольшой охотничій рогъ, протрубилъ любимую пѣсню его величества.

Когда замолкъ звукъ рога, подъемный мостъ опустился, страшно зашумѣвъ вѣтрами; зазвучало множество колоколовъ и нѣсколько минутъ молодой всадникъ не видѣлъ и не слышалъ ничего, кромѣ сигналовъ и колокольнаго звону.

Шотландскій стрѣлокъ вошелъ въ приемную комнату и доложилъ о виконтѣ де-Монтаржи. Всѣ зашумѣли, со всѣхъ сторонъ послышалось: любимецъ короля!

Тому, кого такъ называли, низко кланялись стрѣлки внутренней стражи, потому его вѣжливо приняли дворяне. Онъ весело отдалъ однимъ ихъ поклоны, другимъ — привѣтствія.

Любимецъ короля былъ молодой человекъ семнадцати лѣтъ, росту средняго, но исполненный благородства, съ лицомъ бѣлымъ и розовымъ, какъ у молодой дѣвушки; блондурые волосы распадался кольцами по его золотому воротнику. Это былъ самый прелестный юноша при дворѣ, любимый пажъ короля, самый любезный изъ дворянъ.

Размѣлявшись нѣсколькими словами съ своими искренними друзьями, молодой пажъ вошелъ въ тронную залу такъ тихо, что его не замѣтили.

Изъ двухъ стариковъ, сидѣвшихъ рядомъ, старшій покоился въ огромныхъ готическихъ креслахъ; была борода его спускалась на грудь, брови соединялись одна съ другою широкой складкой, вырытой временемъ на дубу; мрачная физиономія противорѣчила блеску одежды; маловидные, свѣрые, пронизательные глаза устремлены были на донесеніе, которое онъ держалъ въ рукахъ: этотъ человекъ былъ — Людвикъ-Одиннадцатый. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялъ голову, и посмотрѣвъ на другаго старика, котораго свѣрѣное и безстрастное лицо ничего не выражало, сказалъ:

— Тристанъ, справедливо ли это донесеніе?

— Отвѣчаю головой.

— Я въ отчаяніи, гудъ, но уходи. Я пошлю гонца къ королю, надо, чтобы сынъ сталъ человекомъ, достойнымъ быть моимъ преемникомъ.

Тристанъ поклонился и вышелъ.

Молодой пажъ, продолженіе этого короткаго разговору, стоялъ

шій въ концѣ залы, подошелъ къ королю и сталъ на одно колѣно. Людовикъ поднялъ голову и примѣтилъ его.

— А! наконецъ-то, негодный! и ты смѣешь не слушаться моихъ повелѣній? Не запретилъ ли я тебѣ отлучаться изъ зѣны безъ моихъ приказаній?

— Государь...

— Молчи, волокита, я отошлю тебя въ твою провинцію, провиню навсегда. Развѣ, потому что я снисходителенъ къ твоимъ проступкамъ, ты воображаешь, что можешь самовольничать? Гей, Тристанъ!

— Государь, простите меня.

Тристанъ явился.

— Послушай, кумъ, сказалъ король, этотъ нажъ нарушилъ мои приказанія: сведи его въ сѣверную башню, чтобъ онъ не видѣлъ никого. Оставь его тамъ на цѣлый мѣсяцъ; это необходимо для такого сумасшедшаго какъ онъ.

И Тристанъ, исполнительный какъ всегда къ приказаніямъ своего господина, хотѣлъ овладѣть бѣднымъ нажемъ, чуть живымъ отъ испугу.

— Простите, простите, кричалъ юноша, я вамъ долженъ что-то открыть.

Слова эти успокоили короля; онъ сдѣлалъ Тристану знакъ выйти.

Кажъ дрожалъ всѣми членами; онъ ничего важнаго не хотѣлъ сказать королю. Слишкомъ простодушный, чтобъ солгать что ли оклеветать кого-нибудь, онъ находился въ чрезвычайномъ положеніи. Король начиналъ смотрѣть на него строго. Бѣдный юноша просто умиралъ отъ страху; онъ внутренно раскаивался во лжи; но зная, что единственное средство смягчить гнѣвъ короля, было открыть ему какую-нибудь тайну, онъ ухватился за эту мысль, надежду спасенія, какъ утопающій за послѣднюю доску, или свѣрѣ какъ за эту счастливую идею, что Богъ посылаетъ людямъ въ минуту опасности.

— Ну! что я долженъ думать о твоёмъ молчаніи?

— Государь, простите.

— Будешь ли ты говорить?

— Знайте, сказалъ нажъ поблѣднѣвъ и закрывъ глаза...

— Продолжай, или я позову Тристана.

— Принцесса Марія Бургундская умерла!

— Умерла! повторилъ монархъ кротко.

— Она упала съ лошади на охотѣ.

— Ты говоришь правду, Монтаржи? перебилъ съ живостью жороль.

— Правду, государь.

— Марія Бургундская умерла, говорилъ король, расхаживая скорыми шагами, слабый супругъ ея подпишетъ арраскій договоръ; я одержу блистательную побѣду надъ принцами крови; ихъ гордый союзъ уничтожится! Я упрочу французской державѣ Бургундію и Артуа; мои границы на сѣверѣ и востокѣ будутъ безопасны; я примирюсь съ Германіей и съ гансбургскимъ домомъ.

Потомъ, посмотрѣвъ на пажа съ веселымъ видомъ, онъ подошелъ къ нему, поднялъ, поцѣловалъ и сказалъ:

— Ты будешь радъ, господинъ шеголь, если я заставлю придворныхъ вельможъ обходиться съ тобой какъ съ взрослымъ, не правда ли? Ну, я доволенъ....

При этихъ словахъ онъ приложилъ къ губамъ серебряный свистокъ, вистѣвшій у него на шеѣ.

Вошелъ шотландскій стрѣлокъ. Король сдѣлалъ ему знакъ, и тотчасъ явились дворяне и Тристанъ также. Людовикъ-Одиннадцатый три раза обвелъ своими пронзительными глазами по собравшимся вельможамъ и потомъ сказалъ съ улыбкой и съ повелительнымъ видомъ, которые всѣмъ были извѣстны:

— Любезные господа и вѣрные мои подданные! въ вознагражденіе отличныхъ заслугъ виконта де-Монтаржи, здѣсь предстоящаго, мы жалуемъ его кавалеромъ ордена Святаго-Михаила и возлагаемъ на него знаки рыцарства.

Тристанъ подалъ господину нѣсколько шпагъ. Людовикъ-Одиннадцатый выбралъ самую богатую и подалъ виконту, виконтъ принялъ ее, преклонивъ колѣно и покраснѣвъ; потомъ король спросилъ у него, каковы были обязанности рыцаря; бывший пажъ отвѣчалъ:

— Обязанность рыцаря защищать права престола противъ всѣхъ и cadaго.

Людовикъ-Одиннадцатый далъ ему поцѣловать свою руку въ знакъ удовольствія. Новый рыцарь уронилъ на нее слезу признательности и гордости, потомъ подошелъ къ каждому дворянину и принялъ поцѣлуй по принятому обыкновенію.

Когда рыцарь остался одинъ съ королемъ, онъ бросился къ его ногамъ, оросилъ руки слезами, называлъ его своимъ ангеломъ-хранителемъ, своимъ отцемъ! Людовикъ-Одиннадцатый растрогался; скрытность и недоувѣрчивость исчезли и уступили мѣсто добро-

душію. Забывъ скиптръ и труды самодержавія, король прижалъ рыцаря къ сердцу, посадилъ его возлѣ себя; потомъ, устремивъ глаза свои, постоянно мрачныя, на красивое личико рыцаря, онъ сказалъ:

— Ты радуешься и гордишься быть рыцаремъ, не правда ли?

— Да, государь, я самый счастливѣйшій изъ вашихъ подданныхъ. Не негодуйте, что я не умѣю выразить вамъ удовольствіе души моею за этотъ высокій знакъ вашей милости. Во мнѣ кинуть столько мыслей и чувствъ, что я боюсь потерять рассудокъ.

— Успокойся, другъ мой; мнѣ пріятна твоя радость; я уже давно не былъ такъ доволенъ! Я люблю тебя всей душой, Монтаржи, не могу безъ тебя обойтись. Ты для старыхъ дѣвѣшекъ то же, что солнце для весеннихъ цвѣтовъ. Твое мужество, твои прекрасныя качества, съ дѣтскихъ лѣтъ твоихъ отаревали мнѣ умъ и сердце.

— Увы! отвѣчалъ рыцарь, вы всегда были благодѣтелемъ для бѣднаго сироты. Благодарю, тысячу разъ благодарю, государь. Да прольетъ Господь на ваше царствованіе и на престарѣлые дни ваши всѣ радости, которыя вы заслуживаете.

Говоря эти слова, молодой человекъ склонилъ бѣлокурую голову на грудь и испустилъ вздохъ, которому отвѣтилъ вздохъ короля, сидѣвшаго возлѣ Монтаржи.

— Не сожалѣй, что ты одинъ на свѣтѣ, Монтаржи, развѣ я не отецъ тебѣ?

— Зачѣмъ не обязанъ я вамъ жизнью, государь... Ахъ! и сожалѣю о томъ не изъ честолюбія, но изъ любви. Особенно теперь, когда Фортуна ласкаетъ меня концомъ своего золотого крыла, зачѣмъ у меня нѣтъ отца, чтобы положить къ ногамъ его удовольствія, горести, пораженія, победы. Ахъ! государь, прибавилъ рыцарь, уронивъ слезу на свою облетую золотомъ одежду, вы знали моего отца и мать, скажите мнѣ, благороднаго ли происхождения были они, или я одолженъ вашимъ милостямъ некое титломъ и этими галунами?

И онъ сдѣлалъ гордое движеніе, не ускользнувшее отъ короля. Людовикъ затрепеталъ.

— Благороднаго ли происхожденія были они, говоришь ты?

— Государь? скажите кто былъ мой отецъ. Будь онъ послѣднимъ населочъ бѣднаго дворянина, я почту его память!

— Очень хорошо! вскричалъ король, прижавъ къ груди рыцаря, мнѣ пріятна эта восторженность.... Я долженъ открыть тебѣ

тайну, она тѣснитъ меня, таготѣетъ надъ моимъ сердцемъ какъ черный мраморъ надъ останками мертвеца.

Молодой человѣкъ поднялъ на короля свои большіе изумленные голубые глаза и сталъ слушать со вниманіемъ. Въ эту минуту послышался шумъ. Растворилась въ стѣнѣ панель и явился Тристанъ съ своимъ бѣднымъ и костлявымъ лицомъ, подобно злому духу въ балладахъ; онъ объявлялъ, что ему надо что-то открыть королю. Людовикъ Одиннадцатый, какъ будто съ сожалѣніемъ сдѣлалъ рыцарю знакъ уйти. Молодой человѣкъ, преклонивъ колѣно, поцѣловалъ руку короля и вышелъ въ комнату дворянъ. Они приняли его какъ всегда принимаютъ любимцевъ, съ улыбкой на губахъ и съ ненавистью въ сердцахъ.

Виконтъ де Монтаржи не очень гордился своей новой побѣдой; напротивъ. на его кроткомъ лицѣ видѣлась тѣнь печали, которой причины никто не зналъ. Нѣсколько дней только и толковали о его грусти.

Король худѣлъ день ото дня; мрачный видъ его показывалъ развитіе болѣзни; расположеніе духа его безпрерывно перемѣнялось. То свиходительность его доходила до слабости, то строгость становилась жестокостью.

Въ одну ночь, Людовикъ-Одиннадцатый, чувствуя себя опасно больнымъ, велѣлъ позвать своего любимца. Подойдя къ постели, возлѣ которой уже стояли монахъ и докторъ Котье де-Поллини, Монтаржи взялъ нехудалую руку, протянутую ему королемъ, поцѣловалъ и оросилъ ее слезами.

— Успокойся, Монтаржи, сказалъ Людовикъ умирающимъ голосомъ; мнѣ надо тебѣ что-то сказать: минуты дороги и священны!

Рыданія вырвались изъ груди молодого человѣка.

— Ты богатъ и можешь жить счастливо послѣ моей смерти!

— Государь, къ чему эти горестныя мысли? Небо сохранить васъ для вашего августѣйшаго семейства, для меня, который любить васъ какъ отца.

— Монтаржи! Монтаржи! сказалъ король съ увлеченіемъ, это имя мнѣ дорого! Повтори его, повтори его, говорю тебѣ, потому что я твой отецъ!

— Вы! мой отецъ! вскричалъ рыцарь; я сынъ французскаго короля, о, мой Боже! Ты вложилъ мнѣ въ душу этотъ всемогущій воишь, который не обманывается никогда! Да, государь, сказалъ виконтъ, ставъ на колѣна, съ самаго моего дѣтства, образъ короля взглядался, чтобы уступить мѣсто лучшему изъ отцовъ.

— Мои послѣднія минуты приближаются, сынъ мой... Ахъ! зачѣмъ не могу я оставить тебя въ наследство французскую корону!

— Что мнѣ до французской короны! съ ревностью прибавилъ рыцарь съ высокомерными движеніемъ: не счастливы ли Карла Осмаго, потому что считалъ себя одинокимъ и зашелъ отца!

Едва Монтаржа окончилъ эти слова, какъ Людовикъ Одинадцатый протянулъ слабѣющія руки надъ бѣлокурою головою сына и скончался.

ПРЕМІЯ ЗА ГОЛУБИ. Если вы — сынъ, отецъ говорилъ вамъ трудись, человекъ трудолюбивый всего достигаетъ. Если вы отецъ, вы говорите вашему сыну: учись, хорошее образованіе смѣнить богатство.

Пусть будетъ такъ!

Пятнадцатаго сентября тысяча осемь сотъ тридцать седьмита года, въ семь часовъ утра, нечаянно вошелъ въ одну изъ домовъ улицы Мелѣ, самой пустой изъ парижскихъ улицъ, там она пересѣкаетъ самые шумные кварталы, и положила письма на конторку дворника, протянула руку для полученія денегъ, сказавъ:

— Письмо къ мосье Лебрену, пятнадцать копѣекъ.

— Вотъ вамъ пятнадцать копѣекъ, отвѣчала прирастная, откладывая письмо въ ящикъ жемъца, къ которому оно было адресовано.

Думали ли вы когда-нибудь о содержаніи письма, которое не могли распечатать, объ этомъ четвероугольномъ бумажномъ флигелѣ, которой приносятъ съ одного края земли на другой — радость, печаль, надежду для кого-нибудь и остается безмыслию для всѣхъ, черезъ руки которыхъ проходить до мѣста своего назначенія? Оцѣнили ли вы все благодѣтельное слѣдствіе письма? сказали ли вы сами себѣ: письмо, это мгновенное обличеніе расстояній, это пожатіе руки черезъ высокія поверхности горъ, это невидимая нѣтъ, соединяющая различные міры. Письмо имеетъ два лица, какъ Янусъ; оно болтливо и безмолвно; оно злится все; и ничего не говоритъ; оно полно участія, чувства или ума для того или той, къ кому адресовано; и неглубоко и непонятно для третьяго, случайно прочтавшаго его. Возьмите и вы ихъ — двадцать писемъ и прочтите ихъ: одно будетъ любовнаго содержанія, другое дѣловое; въ томъ извѣсть, въ томъ

приглашеніе на обѣдъ и однако всѣ, прежде нежели были распечатаны, имѣли одинаковую фizioномію, были одинаково сложены, и имѣли одну и ту же печать, то есть одинаковую маску. Не правда ли, письмо — образъ жизни? Сколько различныхъ душевныхъ движеній подъ этой всегда однообразной обложкой, которую называютъ челобкомъ! подъ этой неизмѣняющейся печатью, называемой сердцемъ! И когда-нибудь письмо, наиболѣе взволновавшее васъ при полученіи, вы бросите въ огонь и въ нѣсколько минутъ эти буквы свернутся, сожмутся подъ смертоноснымъ поцѣлуемъ пламени, и все кончено; даже не остается пепла отъ сожженного письма. Вотъ такъ и съ вашимъ сердцемъ: открывъ его съ любопытствомъ въ одинъ день, вы нашли въ немъ нѣмъ и были счастливы, потомъ это нѣмъ исчезло, а вы остались равнодушны. Но чтобы исторгнуть это нѣмъ, не надо было жечь вашего сердца, какъ письмо: нѣмъ исчезло само собою, и исписавшая страница опять стала бѣлою, но она разсыпалась бы въ прахъ, если бы вы думали еще написать на ней что нибудь.

И такъ, пятнадцатаго сентября тысяча осемь сотъ тридцать седьмага года принесли письмо къ Лебрену, въ улицу Мелѣ.

Кто же это былъ Лебрень и чтò содержало въ себѣ письмо? Вотъ вопросъ. Лебрень былъ толстякъ лѣтъ сорока пяти, который, торгуя полотномъ, составилъ себѣ порядочное состояніе, у котораго была когда-то жена, а теперь имѣлась дочь. Видите, сколько причинъ для полученія письма. Лебрень былъ очень дурень, но дочь его была прехорошенькая; Лебрень былъ глупъ, но дочь его была умна, Лебрень былъ толстъ, но дочь его была стройна; наконецъ, Лебрень былъ эгонстъ, но дочь его была добра. И такъ несмотря на всѣ эти недостатки, мадамозель Лебрень, говоря попросту, почти водила за носъ Лебрена.

Когда ключница Лебрена пошла по-утру за покупками, дворничиха отдала ей полученное письмо; по возвращеніи она отдала его своему господину, который, сядя передъ конторкой, въ ситцевомъ халатѣ съ пальмовыми узорами, на подобіе кашмиру, писалъ письма. Лебрень долго занимался торговлею, какъ мы это уже говорили, и всегда имѣлъ обыкновеніе самъ быть своимъ секретаремъ и писалъ съ осьми часовъ утра къ своимъ корреспондентамъ въ провинцію и за границу. Четыре года, какъ Лебрень не имѣлъ болѣе ни съ кѣмъ дѣла, но былъ убѣжденъ, что все еще имѣеть дѣла и не пропускалъ ни одного утра, чтобы не написать четыре или пять писемъ: какое было содержаніе этой переписки, никто не могъ бы этого объяснить, ни даже

онъ самъ; но онъ писалъ, имѣлъ озабоченный видъ, ему было что-то нужно.

Лебрень нашелъ даже на этотъ случай фразу, которою былъ доволенъ и повторялъ ее часто со смѣхомъ чловѣка, пользующагося хорошими доходами:

— Я знаю, когда умру, говаривалъ онъ.

— Когда же вы умрете? спрашивали его.

— Я умру наканунѣ того дня, когда не буду болѣе писать.

Лебрень сидѣлъ за письменнымъ столомъ, и чтобы лучше видѣть, что пишетъ, приподнялъ свои очки, потому что, вѣроятно вы уже замѣтили, что тотъ, кто носитъ очки, всегда поднимаетъ ихъ до половины лба или спускаетъ на конецъ носа, когда хочеть что-нибудь яснѣе рассмотреть.

о необыкновенной случайности, Юлія была подлѣ отца, когда ключница принесла письмо, отданное ей привратницею. Понятно, что Юлія была мадамозель Лебрень. Мы говоримъ, о необыкновенной случайности, потому что обыкновенно Юлія вставала не ранѣе половины одиннадцатаго, и завтракала въ одиннадцать. Легкая краска, покрывшая ее щеки, когда она увидѣла почеркъ письма, которое отецъ распечатывалъ, можетъ быть показала бы наблюдателю, если бы такой тутъ случился, что это раннее письмо не совсѣмъ было чуждо случаю, по которому Юлія была здѣсь въ восемь часовъ.

Мы сказали, что Юлія была прелестна и докажемъ это: она была средняго росту, волосы у нея были черные, глаза голубые, цвѣтъ лица розовый, зубы бѣлые, плечики кругленькія, талія стройная, руки прекрасныя съ тонкими пальчиками и маленькая ножка.

О, благодѣтельная тайна природы или просвѣщенія, которые даютъ хорошенькихъ дочерей безобразнымъ отцамъ!

Скажите, пожалуйста! говоритъ Лебрень, разсматривая адресъ письма, я не знаю этого почерка. Отъ кого бы оно могло быть?

И Лебрень, опрокинувшись на спинку кресель, обитыхъ сѣяномъ, сталъ кусать указательный палецъ правой руки, продолжая изучать почеркъ письма.

— Открой его, папа, ты увидишь отъ кого, сказала Юлія, положивъ свою ручку на спинку кресель и наклоняясь къ отцу съ сильнымъ біеніемъ сердца.

— Правда твоя, сказалъ отецъ, и снялъ печать; мы удерживаемъ это слово снялъ, потому что Лебрень былъ изъ тѣхъ людей, которые убѣждены, что всякое слово въ письмѣ несом-

живоенной важности, и не ломають, но осторожно снимають печать, для того, чтобы не сорвать неумѣстною торопливостію какого нибудь слова изъ посланія, за отсутствіемъ котораго письмо или по-крайней-мѣрѣ фраза, изъ какой оно вырвано, можетъ потерять часть смысла, даже весь смыслъ.

— А! это отъ москѣ Леона, сказалъ Лебрень, взглянувъ прежде всего на подпись.

— Ахъ! въ самомъ-дѣлѣ, сказала Юлія, опуская глазки.

— О чемъ бы писать ко мнѣ, этому очаровательному молодому человѣку? Посмотримъ!

И Лебрень прочелъ вслухъ:

«Милостивый Государь!»

«Быть-можетъ вы найдете письмо мое очень страннымъ и просьбу мою слишкомъ дерзкою».

— Какой славный почеркъ у этого молодца! прервалъ Лебрень, какова бы рука для бухгалтера! но, къ-несчастію для него, онъ не бухгалтеръ.

Станемъ продолжать:

«И мою просьбу слишкомъ дерзкою».... Лебрень тянулъ эти слова. «Но не могу дагѣе противиться желаніямъ сердца, и если и долженъ умереть, то пусть лучше умру отъ вашего отказа, нежели отъ неизвѣстности.»

— Что все это значитъ? опять прервалъ Лебрень, почесывая себѣ лобъ.

— Юлія не могла удержаться, чтобы не сказать: продолжайте папа, и продавецъ полотень продолжалъ чтеніе.

«Я люблю вашу дочь и думаю, что мадамозель Юлія любитъ меня.» Лебрень подпрыгнулъ на креслѣ, читая эту фразу.

— Я ее люблю, ты его любишь! воскликнулъ онъ. Такъ же и прочелъ?

— Такъ, папа.

— Такъ ты признаешься?

— Что же въ этомъ дурнаго? маменька любила васъ, я могу также любить москѣ Леона.

— Это правда; но я занимался торговлею.

— Такъ что жъ, папа! возразила Юлія съ величайшимъ хладнокровіемъ; маменька любила тебя за это, а я люблю Леона не за это.

— Но чего хочетъ онъ?

— Онъ хочетъ моей руки.

— Мнѣ кажется желаніе его слишкомъ дерзко. Но почему ты знаешь, что онъ проситъ твоей руки?

— Онъ сказалъ мнѣ вчера, что будетъ писать къ вамъ объ этомъ.

— Такъ вы имѣли тайные переговоры?

— Да, папа.

— Часто?

— Очень часто.

— О! о!

— Онъ говорилъ, что будетъ любить меня цѣлую жизнь.

— А ты что ему отвѣчала?

— Что буду любить его до конца моей жизни.

— А въ какое время вы объ этомъ говорили?

— Когда я разливала чай.

— И все это происходило въ моихъ глазахъ?

— Всегда.

— И я ничего не видалъ?

— Вы ничего не могли видѣть, папа, потому что у васъ всегда были на носу очки.

— Хорошо, сказалъ Лебрень, вставая и складывая письмо и дочитавши, очень хорошо, сударыня, собирайтесь-ка опять въ свой пансіонъ.

— Что мнѣ тамъ дѣлать? спросила Юлія робкимъ голосомъ.

— Ты будешь дожидаться, пока я найду тебѣ мужа.

— Трудно найти мужа лучше москѣ Леона.

— Такъ тебѣ нужно Леона?

— Да, папа.

— Другаго ты не хочешь?

— Нехочу, папа.

— И ты думаешь, что я соглашусь на этотъ бракъ?

— Надѣюсь, папа.

— Я напишу къ москѣ Леону, чтобъ онъ не смѣлъ ступить ногою ко мнѣ.

— Мнѣ останется одно утѣшеніе видѣть его изъ окна.

— Гдѣ же, позвольте спросить?

— Увижу его когда онъ будетъ проходить мимо нашего дома. Позвольте мнѣ написать къ нему одно лишь слово.

— Что же ты къ нему напишешь?

— Что люблю его. Вы сами нѣсколько разъ хвалили его обширныя свѣдѣнія, и прибавляли, что съ этимъ онъ можетъ быть

спокоевъ на-счетъ своей будущности. Ну, папочка, садись-ка опить, да поговоримъ съ тобою.

Лебренъ утѣлся на кресла, а Юлія къ нему на колѣна.

— Не правда ли, ты меня очень любишь, сказала молодая дѣвушка, поправляя узелъ галстука своего отца.

— Очень и только потому....

— Потому только, что меня любишь, ты не хочешь, чтобы я вышла за-мужъ за Леона, не правда ли! Ну такъ я тебѣ скажу вотъ что, папочка: надо непремѣнно, чтобы этотъ бракъ совершился.

— Не надо. У Леона ничего нѣтъ. Ты не можешь быть счастлива съ тремя тысячами ливровъ годового доходу съ той суммы, которая осталась тебѣ послѣ матери, да и то предполагая, что ты помѣстишь свои шестьдесятъ тысячъ франковъ по пяти на сто, что довольно трудно въ настоящее время. Мои жѣ сто двадцать тысячъ франковъ ты получишь только послѣ моей смерти, но такъ какъ, благодаря Бога, я совершенно здоровъ, то тебѣ нуженъ мужъ, который бы имѣлъ по-крайней-мѣрѣ столько же, сколько ты ему принесешь, шестьдесятъ тысячъ франковъ.

— Леонъ пріобрѣтетъ ихъ.

— Пусть пріобрѣтетъ, тогда мы посмотримъ.

— Если бы ты дочиталъ его письмо, ты не разсердился бы на Леона.

— Развѣ ты знаешь окончаніе этого письма?

— Конечно, вѣдь копія съ него у меня въ карманѣ.

— О! молодецкія дѣвочки какъ внимательно надо смотрѣть за вами!

Говоря это, Лебренъ снова взялъ письмо и сталъ читать:

«Быть мужемъ вашей дочери, вотъ одно честолюбіе, единственная цѣль моей жизни. Но я хочу сдѣлать ее счастливою, а она тогда только можетъ быть счастлива, когда ни въ чемъ не будетъ нуждаться и будетъ въ состояніи удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ, даже прихотямъ. Вы знаете мою ученость, знаете сколько науки и искусства дають способовъ тому, кто ими занимается. Дайте мнѣ сроку одинъ годъ. Въ-продолженіе этого времени я примусь за работу, поддерживаемый надеждою, и по истеченіи года, приду просить у васъ руки Юліи; потому-что во все это время, хотя бы я долженъ былъ не спать и питаться слѣбомъ и водою, а накоплю по-крайней-мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ; это только будетъ началомъ. *Omnia labor vincit improbus.*»

— Это что такое?

— Это значить: упорный труд все преодолеваетъ, отъиши

Юлія.

— Такъ ты знаешь по-латыни.

— Знаю papà.

— Ты знаешь по-латыни?

— Да, мосѣ Леонъ выучилъ меня этому языку. Но дочку вайте же письмо:

«Если черезъ годъ», продолжалъ Лебренъ, который не хотъ прити въ себя отъ изумленія, что дочь его знаетъ по-латыни, «не буду имѣть успѣха въ своемъ намѣреніи, то вы можете полагать рукою Юлія, а мнѣ останется только умереть».

— Ну, что вы на это скажете, papà?

— Это мнѣ кажется по-благоразумиѣ.

— Вотъ это другое дѣло! Такъ вы соглашаетесь?

— Надобно согласиться, когда ты такъ убѣдительно объ этомъ просишь.

— Черезъ годъ вы согласитесь выдать меня за-мужъ за Леонъ?

— Если онъ черезъ годъ пріобрѣтетъ и принесетъ мнѣ пятьдесятъ тысячъ франковъ.

— Онъ пріобрѣтетъ. Такъ я могу обрадовать его этой хоршей вѣсточкой и сказать, чтобы онъ пришелъ васъ поблагодарить?

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Онъ ждетъ, тамъ, на улицѣ вашего отвѣту.

— Ты видѣла его тамъ?

— Нѣтъ, но я знаю. Онъ сказалъ мнѣ вчера, что будетъ на улицѣ въ девять часовъ утра, а вотъ бьетъ девять часовъ.

Юлія подошла къ окну, отворила его, и по направленію глѣз махнувъ своей ручкою два или три раза сряду, сдѣлала движеніе, которое во всѣхъ странахъ свѣта означаетъ: придите, и тотъ кому она сдѣлала это движеніе, увидя его, вспрыгнувъ отъ радости, и бросился къ дому.

— Благодарите папочку, сказала молодая дѣвушка, тогда Леонъ къ Лебрену, онъ принимаетъ ваше предложеніе.

— Какъ долженъ я благодарить васъ! вскрикнувъ Леонъ схвативъ руки отца.

— Такъ вы очень любите мою дочь? сказалъ онъ.

— Всѣми силами души.

— И вы надѣетесь достигнуть цѣли?

— Я въ томъ увѣренъ.

— А что вы имѣете уже въ настоящее время?

— Ничего....

— Однако, вы имѣете мѣсто, вы мнѣ говорили объ этомъ нѣсколько разъ.

— Да; въ министерствѣ финансовъ.

— Что вы получаете въ мѣсяцъ?

— Сто тринадцать франковъ и семдесятъ-пять сантимовъ.

— Этого мало.

— Поэтому-то я оставляю это мѣсто.

— Смотрите! очень можетъ-быть, что вы не получите болѣе, несмотря на всѣ ваши познанія.

— Напрасно вы такъ думаете. Къ-счастію, мы живемъ въ такой вѣкъ, когда трудъ получаетъ должную награду.

— Однако до сихъ-поръ вы ничего не получили болѣе ста тринадцати франковъ и семидесяти пяти сантимовъ въ мѣсяцъ.

— До сихъ-поръ я не любилъ, и этой небольшой суммы достаточно было для удовлетворенія моихъ не большихъ желаній.

— Такъ вы имѣете большія познанія? снова началъ Лебренъ съ почтительнымъ удивленіемъ, какъ человѣкъ, знавшій только свой отечественный языкъ, да и изъ него именно только то, что было необходимо, чтобы продавать полотно, а изъ ариметики— сколько нужно, чтобы приобрести двадцать-пять или тридцать процентовъ на рубль за продаваемый товаръ.

— Да, я имѣю большія познанія.

— Говорите вы по-англійски?

— Чистымъ англійскимъ языкомъ.

— А по-нѣмецки?

— Какъ по-французски.

— А по-итальянски?

— Я знаю этотъ языкъ, какъ нельзя лучше.

— И по-испански?

— Такъ же.

— И по-латыни и по-гречески?

— Въ совершенствѣ. Я знаю даже по-арабски.

— По-арабски! каково, панъ, сказала Юлія, вотъ это такъ прекрасно! Если бы ты зналъ по-арабски, какъ бы ты былъ доволенъ!

— Какъ, вы читаете эти буквы длинныя, сухія и кривыя, такъ похожія на вермишель?

— Я читаю по-арабски à livre ouvert.

— Вы рисуете также?

— Рисую. Я хорошо копирую съ картинъ великихъ мастеровъ. Я занимаюсь немного архитектурою, очень основательно знаю ханго, знаю вообще исторію, естественную исторію; занимаюсь правомъ. И вы думаете, что въ годъ въ всего этого я не извлеку пятидесяти тысячъ франковъ!

— Пятьдесятъ тысячъ франковъ! это много денегъ; но я не отступаю отъ словъ, и сдержку обещаю. Приходите пятнадцатаго сентября тысяча осемь-сотъ тридцать-осемьдесять года. Но я сейчас отдалъ бы за васъ дочь свою, хоть бы вы вовсе ничего не знали, если бы только въ рукахъ вашихъ были деньги, истраченные вашими родителями для того, чтобы научить васъ всему тому, что вы знаете.

— И, вы, Юлія, терпѣливо будете ждать цѣлый годъ? сказалъ Леонъ молодой двушкѣ.

— Да, милый другъ, клинусь буду ждать.

— Такъ до пятнадцатаго сентября тысяча осемь-сотъ тридцать осемьдесять года, сказалъ Леонъ, прощаясь и пожмая руку своей любезной.

— Честъ нѣтъ кланяться, отвѣчалъ Лебренъ; эта фраза, повторяемая въ продолженіе двадцати лѣтъ сразу при прощаніи съ покупателями, непрерывно вертѣлась у него на языкѣ, приращенная жеманнымъ выраженіемъ голоса и ничтожного улыбка.

Спустя десять съ половиною мѣсяцевъ послѣ этой сцены, блѣдный человѣкъ съ длинной бородою, впадыми носами, почти въ лохмотьяхъ, сидѣлъ въ низенькой, темной и грязной комнатѣ дурной лондонской гостиницы. Этотъ человѣкъ, блѣдный, худой, въ лохмотьяхъ, не вѣсивъ двое сутокъ, былъ Леонъ, хотѣвшій истрѣлиться.

Письмо лежало на столѣ, на этомъ письмѣ было имя и адресъ Юлія.

Оно было слѣдующаго содержанія:

«Я все дѣлалъ, чтобы пріобрѣсти сумму, которую требовалъ вашъ отецъ, теперь я бѣднѣе чѣмъ былъ тогда, какъ выдѣлъ васъ въ послѣдній разъ, и двое сутокъ ничего не ѣлъ. Когда получите это письмо, мени уже не будетъ на свѣтѣ, я умру, думаю о васъ. Пуля довершитъ то, что сдѣлалъ бы голодъ, если-бы я еще смѣлъ надеяться.

«Будьте счастливы, Юлія, это мое послѣднее желаніе передъ смертью.

«Леонъ.»

31 Іюля 1838.

Леонъ перечиталъ въ послѣдній разъ это письмо и запечаталъ его.

— Надо избавить себя отъ шести недѣль, остающихся еще до пятнадцатаго сентября тысяча осемь-сотъ тридцать осьмага года, и, говоря это, онъ зарядилъ пистолеть, который держалъ въ рукѣ, отдалъ передъ зеркаломъ и приложилъ его къ виску, потому-что онъ, знавшій все, зналъ и то, что въ високъ, а не въ лобъ надобно выстрѣлить, когда хочешь умереть вѣрно и мгновенно.

Онъ хотѣлъ спустить курекъ, какъ вдругъ дверь его комнаты отворилась и появился толстый челоуѣкъ съ угреватымъ лицомъ, въ суконномъ кафтанѣ и бѣломъ фартукѣ съ заткнутыми углами. Этотъ полонѣтчасный моментъ былъ великій моментъ, гдѣ жилъ Леонъ въ продолженіе мѣсяца, если только это можно назвать жизнью.

Первое движеніе Леона, движеніе никогда не заисающее отъ шель, было не спустить курекъ, но отнять руку отъ положенія, въ которомъ она находилась и скрыть оружіе за спиною.

Но движеніе это не скрывшее отъ содержателя гостиницы. Онъ подошелъ къ молодому челоуѣку и сказалъ ему:

— Чтѣ вы тутъ дѣлаете?

И взялъ его за руку, въ которой былъ пистолеть.

— Вы хотѣли застрѣлиться?

Леонъ отрицалъ подтвердительный знакъ.

— А сорокъ шиллинговъ, которые вы мнѣ должны?

— У меня ихъ нѣтъ.

— Такъ вы не только мнѣ не платите, но еще хотите застрѣлиться у меня въ домѣ, то есть, вы хотите привести въ упадокъ мое заведеніе, да еще налагаете на меня заботы о мертвецѣ! Отдайте мнѣ пистолеть.

— За чѣмъ?

— Вы еще спрашиваете! за тѣмъ, чтобы помѣшать вамъ застрѣлиться.

Леонъ безъ всякаго признанія отдалъ пистолеть своему конюху, сказавъ :

— Вы правы, я вамъ долженъ, слѣдовательно вамъ принадлежу, дѣлайте со мною, чтѣ хотите. Арастуйте меня, если хотѣте.

— Такъ вы очень несчастливъ?

— Ахъ! я очень несчастливъ!

— Стало-быть вы ничего не умѣете дѣлать?

— Напротивъ, я все знаю.

— Все?

— Да, все, начиная съ арабскаго и греческаго языка до себя дѣлать хозяйственное мыло. Но совсѣмъ тѣмъ я умираю съ голоду.

— Чортъ возьми! со всѣмъ этимъ нельзя прожить, и вы не первый.

— Хотѣлъ давать уроки: мнѣ предлагали тысячу двѣсти франковъ въ годъ.

Тысячу двѣсти франковъ за то, чтобы цѣлые дни толковать съ кучею глупцовъ отъ осьми до двѣнадцати лѣтъ, одинъ друго-го безтолковѣе, противнѣе и безобразнѣе.

— Ну а потомъ?

— Потомъ, я перевелъ арабскія пѣсни, дивныя пѣсни, совершенно неизвѣстныя въ Европѣ и которыя могли бы дать другое направленіе всей литературѣ.

— Затѣмъ же дѣло стало?

— Издатель требовалъ съ меня же двѣ тысячи франковъ, чтобы напечатать мой переводъ.

— Надобно было попробовать что-нибудь другое.

— Я такъ и сдѣлалъ. Принималъ работы какой-нибудь епископа съ картины. Мнѣ предложили восемь сотъ франковъ, чтобы сдѣлать копію съ Веласкеса, а работы было на цѣлый годъ.

— Нечего сказать, очень весело! Продолжайте, сказалъ хозяинъ, подпишитесь обѣими руками и принимая, казалось, величайшее участіе въ томъ, что слышалъ.

— Васъ это занимаетъ?

— Чрезвычайно!

— И говоря это, хозяинъ гостиницы усѣлся, разсудивъ, что гораздо покойнѣе сидѣть нежели стоять; какъ Англичанинъ и кредиторъ, онъ имѣлъ двѣ причины быть эгоистомъ и не врануть себя.

— Я обратился къ журналамъ, продолжалъ Леонъ, чтобы переводить иностранныя повѣсти и писать ученые статьи. Въ концѣ мѣсяца, я получилъ восемьдесятъ франковъ, и приказаніе не писать болѣе ученыхъ статей, потому что подписчикъ объявилъ, что онъ имъ наскучилъ.

— О! я очень это понимаю. Ученныя статьи востершимъ казалъ трактирщикъ съ громкимъ смѣхомъ.

— Тогда я собрался съ послѣдними средствами и пріѣхалъ въ Англію.

— Вы хорошо сдѣлали.

— Такъ-какъ я говорю чистымъ англійскимъ языкомъ, то на-
дѣлся давать уроки французскаго языка молодымъ джентльме-
намъ; но имѣлъ неосторожность произнести слово *chemise* въ при-
сутствіи леди, матери одного изъ вашихъ соотечественниковъ, и
въ тотъ же день мнѣ отказали.

— А потомъ?

— Съ-тѣхъ-поръ я ничего не дѣлалъ. Я жилъ у васъ, и за-
юажалъ вамъ сорокъ шиллинговъ.

— Надобно было удовольствоваться первымъ представившимся
гѣстомъ, гдѣ вамъ предлагали тысячу двѣсти франковъ.

— Удольствоваться этимъ? никогда, лучше умереть.

— Я же довольствуюсь тѣмъ, чтѣ имѣю, съ гордостью сказалъ
трактирщикъ, вотъ двадцать лѣтъ, какъ я готовлю кушанье.

— Быть-можетъ и я удовольствовался бы, если бы не былъ
любленъ.

— Вы влюблены?

— Да. И чтобы обладать тою, которую люблю, мнѣ надобно
приобрѣсть пятьдесятъ тысячъ франковъ въ годъ.

— Пятьдесятъ тысячъ франковъ въ годъ, когда я въ двадцать
лѣтъ отложилъ только тысячу фунтовъ стерлинговъ, половину
того, что вамъ нужно! да вы съ ума сошли, любезнѣйшій!

— И черезъ шесть недѣль оканчивается срокъ. Вотъ почему я
хотѣлъ лучше умереть сегодня, нежели дожидаться этого времени.

Содержатель гостиницы, казалось, погрузился въ глубокое раз-
мышленіе.

— Мнѣ пришла мысль, вскричалъ онъ вдругъ.

— Вамъ?

— Мнѣ. Вамъ надобно пятьдесятъ тысячъ франковъ?

— Да.

— Если я вамъ доставлю шестьдесятъ тысячъ, дадите ли вы
мнѣ десять тысячъ?

Леопъ посмотрѣлъ на трактирщика, какъ на сумасшедшаго.

— Я говорю не шутя, возразилъ онъ, понявъ этотъ взглядъ.

— Вы можете доставить мнѣ шестьдесятъ тысячъ франковъ?

— Черезъ мѣсяць.

Леопъ вскочилъ и бросился на шею своему хозяину, а тотъ от-
дѣлывая его рукою, продолжалъ:

— У васъ здоровый желудокъ?

— Превосходный! Но что вамъ за дѣло до моего желудка?

— Объядались ли вы когда-нибудь?

— Никогда.

— Такъ вы женитесь на той, которую любите.

— Но какимъ же образомъ?

— Не унывайте, вотъ все, что нужно.

— Что это значитъ?

— Одѣвайтесь.

— У меня нѣтъ другаго платья, кромѣ того, которое вы видите на мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ доставлю другое, и пришлю цѣлую швабу, чтобы вамъ бороду. Мы отправимся къ знатному вельможѣ къ лорду, къ царю Англии.

— Который дастъ мнѣ шестьдесятъ тысячъ франковъ?

— Который доставитъ вамъ ихъ, если у васъ здоровъ желудокъ?

— Я тутъ ничего не понимаю.

— Тутъ нечего и принимать. Хорошо ли у васъ желудокъ?

— Повторяю вамъ, что хорошо.

— Любите ли вы голубей?

— Да что же тутъ дѣлать голубямъ?

— Отвѣчайте мнѣ, любите ли вы голубей?

— Обожаю!

— Вы спасены, и я выигрываю десять тысячъ франковъ. Подождите меня здѣсь, я возвращусь черезъ четверть часа.

— Что все это значитъ? сказалъ Леонъ, смотря въ слѣдъ хозяину, удаляющемуся съ веселымъ видомъ.

— Спусти двадцать минутъ послѣ этого разговора, Леонъ, выбритый, одѣтый въ платье вчетверо шире его, но поворотивъ того, которое носилъ впродолженіе цѣлаго мѣсяца, вышелъ изъ гостиницы въ сопровожденіи хозяина, не успѣвъ даже распространить своего товарища, куда вѣлъ онъ его и какое отношеніе имѣютъ голуби съ пятьюдесятью тысячами франковъ, которые были ему нужны.

Петерсъ повелъ Леона въ одну изъ лучшихъ частей Лондона и ввелъ въ богатѣйшій отель Пикадилли.

— Принимаетъ ли лордъ Левингдаль? спросилъ трактирщикъ, стоя почтительно съ шляпою въ рукѣ передъ лакеемъ въ галуахъ, къ которому обратился съ вопросомъ и подавъ знакъ Леону, сдѣлать тоже самое.

— Нѣтъ, отвѣчалъ лакей, милордъ не принимаетъ.

— Доложите его превосходительству, возразилъ Петерсъ, кто нибудь явился по дѣлу голубей.

— А! если это по дѣлу голубей, сказалъ лакей, то можете войти.

Петерсъ посмотрѣлъ на Леона съ торжествующимъ видомъ.

— Все идетъ хорошо, сказалъ онъ.

Леонъ думалъ, что все это видитъ во снѣ.

Лакей повелъ обонхъ посѣтителей въ приемную, убранную золотомъ и шелкомъ, и съ благосклонностью, до того времени не замѣтной, сказалъ:

— Я доложу его превосходительству.

Черезъ десять минутъ его превосходительство появился.

Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, высокій, худой, съ сѣдыми волосами, благородной наружности и со взглядомъ, показывавшимъ привычку покровительствовать и отвѣчать просителямъ.

— Милордъ, сказалъ Петерсъ, вставая вмѣстѣ съ Леономъ и сдѣлавъ три или четыре ночтеннѣйшихъ поклона, я пришелъ предложить вашему превосходительству господина, который желаетъ участвовать въ преміи за голубя.

Лордъ Ленксдель посмотрѣлъ на Леона, какъ натуралистъ, осматривающій животное, которое видитъ въ первый разъ въ жизни.

— Вы Французъ? спросилъ лордъ по-французски.

— Точно такъ, милордъ, отвѣчалъ Леонъ ис-англійски, что очень польстило сыну Альбіона.

— И вы хотите участвовать въ преміи за голубя?

— Не знаю, что это за премія, милордъ, но четверть часа назадъ я хотѣлъ застрѣлиться, какъ-вдругъ господинъ Петерсъ, хозяинъ мой, вошелъ въ мою комнату, и тронутый разсказомъ о моихъ несчастіяхъ, предложилъ мнѣ возможность выиграть шестьдесятъ тысячъ въ мѣсяцъ; но я еще не успѣлъ спросить его — какимъ образомъ?

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ Англичанинъ важнымъ голосомъ дипломата, разсуждающаго о самыхъ важныхъ политическихъ вопросахъ: въ Лондонѣ есть общество ученыхъ, котораго я президентомъ. Это общество, желая разъяснить всѣ стороны науки, предложило премію въ шестьдесятъ тысячъ франковъ тому, кто впродолженіи цѣлаго мѣсяца всякій день съѣсть за обѣдомъ жаренаго голубя. Съ перваго раза это кажется очень легко, но еще никто не могъ выдержать испытанія, хотя многіе пробовали. Одни отказывались послѣ десятаго голубя, другіе дѣлались больны послѣ пятнадцатаго, и мы видѣли смерть трѣхъ кандидатовъ на двадцать-второмъ и двадцать-пятномъ! Премія была тогда только въ тридцать тысячъ франковъ.

Удостоверюсь, какъ трудно ее выиграть, мы удвоили ее. Чувствуете ли, что можете выдержать этотъ опытъ?

Мы отказываемся опускывать удмеленію Леона.

— Да, милордъ, отвѣчалъ онъ, самъ не зная, что говорить, думая только о шестидесяти тысячахъ франковъ; но вы будете доставлять голубей?

— Разузнѣтся.

— Потому что средства мои не позволяютъ мнѣ этихъ издержекъ.

— Когда же вы начнете?

— Съ нынѣшняго же дня.

— Ваше имя, сказалъ лордъ, усаживаясь и открывая огромный реестръ съ англійскимъ гербомъ.

— Леонъ ***.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать.

— Ваше званіе?

— Никакого: я служилъ въ министерствѣ, но оставилъ службу для того, чтобы употребить съ пользою свои познанія другимъ образомъ.

— Такъ вы ученый?

— Да, я получилъ порядочное образованіе.

— Въ нашемъ обществѣ участвуетъ знаменитый эллинистъ, лордъ Бурлемъ.

— Я слышалъ о немъ, но онъ сдѣлалъ много ошибокъ въ своемъ переводѣ Орфея.

— У насъ и лордъ Гаструкъ, ориенталистъ.

— Который сдѣлалъ много ошибокъ въ своемъ изслѣдованіи о поэтѣ Сади.

— Такъ вы говорите по-арабски?

— Точно такъ, милордъ.

— У насъ также есть великій археологъ.

— Лордъ Старлей. Если бы я имѣлъ честь знать его, то доказалъ бы ему, что онъ ошибся два или три раза въ годахъ, которые приписываетъ египетскимъ памятникамъ.

— Не знаете ли вы также лорда Гальби?

— Астронома?

— Да.

— Очень знаю, по-крайней-мѣрѣ по его сочиненіямъ.

— Не надѣлалъ ли и онъ также ошибокъ.

— Больше нежели кто другой, потому что я открылъ ошибку

діе, котораго онъ и не подозрѣвалъ; я покажу ему, если онъ захочетъ, это созвѣздіе, которое въ четверо больше окружности земли.

— А! такъ вы все знаете!

— Почти все, милордъ.

— А теперь хотите узнать, можете ли сѣсть тридцать голубей въ мѣсяцъ?

— Нѣтъ, милордъ; я хочу только какинъ бы то ни было средствомъ, лишь бы оно было честно, добыть пятьдесятъ тысячъ франковъ въ мѣсяцъ, потому что съ такимъ только условіемъ могу жениться на той, которую люблю.

— Ну, такъ я сдѣлаю еще болѣе для васъ, если вы выиграете премію, я представлю васъ даже королю, и приму членомъ въ наше общество.

Леонъ поклонился въ знакъ благодарности.

— И такъ, мы говорили, продолжалъ лордъ Ленидель, что у васъ нѣтъ никакого званія.

— Никакого, милордъ.

— Гдѣ вы родились?

— Въ Парижѣ.

— А гдѣ вы живете теперь?

— Въ гостинницѣ Чернаго льва, въ Гарибль-стритѣ.

— Очень хорошо. Вотъ условныя статьи договора. Вы можете ѣсть и пить, чтѣ хотите; но всякій день, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, въ шесть часовъ, вы должны сѣсть жаренаго голубя. Двое изъ насъ будутъ присутствовать при вашемъ обѣдѣ, и будутъ записывать, какинъ-образомъ все будетъ происходить. Голубь долженъ быть сѣденъ совершенно. Разъ отказавшись отъ испытанія, вы уже не можете въ другой разъ участвовать въ преміи; если заболѣете вслѣдствіе этой пищи, вамъ назначутъ двадцать тысячъ на издержки во время болѣзни, если умрете, какъ три кандидата, о которыхъ я вамъ сейчасъ говорилъ, вы будете погребены на счетъ общества и на памятникѣ вырѣжутъ причину вашей смерти.

— Благодарю за всѣ эти свѣдѣнія, милордъ, но позвольте сдѣлать вамъ вопросъ?

— Говорите.

— Предлагаетъ ли иногда ваше общество преміи за разрѣшеніе какой-нибудь ученой задачи, по части земледѣлія, исторіи, астрономіи или языковъ?

— Нѣтъ. Это насъ мало интересуетъ. Мы поставляемъ глав-

вою обязанностью отдать себѣ отчетъ въ свойствахъ человеческого тѣла.

— Вы понимаете, милордъ, что мнѣ хотѣлось бы лучше употребить съ пользой свой умъ, нежели желудокъ.

— Имѣете ли вы нужду въ пятидесяти тысячахъ франковъ?

— Имѣю, милордъ.

— Ну, это единственное средство получить ихъ. Положеніе, въ которое поставили себя наши ученые, только почетное и... въ немъ одно самолюбіе остается въ выигрышѣ. И такъ, уговоръ сдѣланъ, тридцать жареныхъ голубей, сказалъ лордъ, дѣлая удареніе на послѣднее условіе, съ нынѣшняго тридцать-перваго іюля до перваго будущаго сентября.

— Гдѣ я долженъ съѣдать это кушанье?

— А гдѣ желали бы вы?

— У меня, сказалъ Петерсъ.

— Согласенъ, отвѣчалъ лордъ Ленисдель.

— А позволить ли мнѣ милордъ, спросилъ Петерсъ, если этотъ господинъ выиграетъ премію, сдѣлать объявленіе о новомъ заведеніи, въ которомъ было бы выставлено это необыкновенное происшествіе?

— Я поговорю объ этомъ обществу.

— Какъ вы милостивы, милордъ!

— Прощайте, продолжалъ баръ Англинъ, желаю вамъ успѣха, желаю искренно, какъ для пользы вашей, такъ для пользы науки, и повторяю вамъ, если вы будете имѣть успѣхъ, то будете пользоваться благосклонностью нашего общества, и знатнѣйшіе дома въ Лондонѣ откроются для васъ.

— Ну! сказалъ Леонъ, удаляясь въ сопровожденіи Петерса, стоило ли труда изучать латинскій, греческій, арабскій, итальянскій, испанскій, англійскій, нѣмецкій языки, учиться исторіи, геометріи, астрономіи, агрономіи, естественной исторіи, физикѣ и химіи, для того, чтобы съѣсть тридцать голубей въ мѣсяцъ, если хочешь жениться на моей возлюбленной и выиграть пятьдесятъ тысячъ франковъ. О, наука! ты только одно слово!

Въ тотъ же вечеръ Леонъ принялся за дѣло.

Спустя недѣлю, лордъ Бурманъ и лордъ Сторлей, желавшіе въ продолженіе цѣлаго мѣсяца быть очевидцами этихъ объѣдовъ, пришли вечеромъ въ семь часовъ къ лорду Ленисделю.

— Ну, что? сказалъ онъ имъ.

— Онъ и сегодня съѣлъ голубя.

— Всего?

— Всего.

— Какъ молодецъ!

Пятнадцатаго августа, лордъ Леннодаль, сказалъ двумъ свидѣтелямъ:

— А что машъ закладчикъ, умеръ?

— Нѣтъ.

— Она все-еще ѣсть своего голуба?

— Да.

— Жареннаго?

— Жареннаго.

— Всего?

— Всего.

— Такъ, она перешла за вторую половину.

Двадцать-пятаго августа онъ отправился самъ посмотрѣть на Леона и съ трудомъ его узналъ. У героя нашего глаза горѣли какъ въ огнѣ, у него была сильная лихорадка.

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ у него президентъ общества.

— Очень дурно, отвѣчалъ Леонъ.

— И вы хотите продолжать?

— Хочу.

— О! да вы голубиный Великостѣпъ!

— Благодарю за ободреніе, мнѣюрдъ.

Лордъ Леннодаль захотѣлъ быть свидѣтелемъ трехъ послѣднихъ обидовъ, которые Леонъ не иначе могъ събѣть, какъ заткнувши носъ, такъ ему сдѣлался противень запахъ голуба.

Кто повѣритъ, что эта птица, столь знаменитая своею вѣрностью, такъ противна при долгомъ употребленіи!

Тридцатаго августа жители Лондона толпились у дверей гостиницы Петерса. Съ трудомъ спасли Леона отъ выраженной энтузіазма, нѣтъ вынужденнаго.

Когда онъ съѣлъ послѣдняго голуба, взволнованный своею побѣдою, и задыкался отъ тошноты, онъ долженъ былъ явиться у своего окна, и раскланяться съ народонаселеніемъ цѣлаго квартала, которому Петерсъ всякій день объявлялъ бюллетени.

Многіе ученые прѣѣхали изъ Шотландіи, чтобы посмотрѣть на Леона, но могли видѣть его только сквозь замочную скважину, и за это должны были платить Петереу не менѣе лѣра.

Второго сентября пари были выиграны.

Петерсъ продалъ одному англійскому туристу, купившему дѣлѣ отъ тридцатую палку Вольтера, платъе, которое носилъ Леонъ

продолженіе опыта. Онъ продалъ это платье за сто гиней, а собиратель коллекціи не отдалъ бы за тысячу.

Наконецъ, третьяго сентября тысяча-осемьсотъ-тридцать-осмаго года было напечатано въ газетѣ Times:

«Безъ всякаго сомнѣнія читатели наши уже слышали о молодомъ Французѣ, который мѣсяць тому назадъ явился кандидатомъ на премію голубя, предложенную лордомъ Лениделемъ и всѣми членами ученаго общества.

«Мы ниѣли счастья возвѣстить, что эта премія наконецъ выиграна молодымъ Французомъ, подъ окнами котораго болѣе недѣли, да еще и теперь собирается толпа любопытныхъ и энтузіастовъ.

«Тридцать голубей были съѣдены сполна, и вѣсти сохранены для того, чтобы представить и положить ихъ, съ точнымъ описаніемъ происшествія, въ кабинетъ натуральной исторіи.

«Извѣстно уже, что прежде этого молодого человѣка болѣе ста-пятидесяти кандидатовъ отказались отъ борьбы послѣ недѣльнаго или двухъ-недѣльнаго испытанія, и даже трое изъ нихъ умерли.

«Надобно думать, что этотъ молодой человѣкъ обладаетъ очень хорошимъ желудкомъ и большою энергіею. Вчера выдали премію и золотую медаль этому молодому Французу Леону ***.

«Вотъ важная задача разрѣшена для будущаго. По этому случаю лордъ Бурлакъ, нашъ знаменитый эленистъ произнесъ рѣчь. Лордъ Ленидель самъ отвѣчалъ на эту рѣчь превосходнымъ изложеніемъ теоріи о происхожденіи языковъ.

«Мы считаемъ себя счастливыми, объявляя нашимъ читателямъ, что Леонъ *** не изъ тѣхъ обыкновенныхъ людей, которыхъ надежда выигрыша заставила предпринять испытаніе; это въ высшей степени человѣкъ ученый и просвѣщенный. Онъ приступилъ къ этому опыту чисто изъ одной любознательности, чему служитъ доказательствомъ то, что онъ далъ десять тысячъ франковъ трактирщику, жарившему для него голубей.

Пятнадцатаго сентября тысяча осемьсотъ тридцать осмаго года Леонъ явился къ Лебрену, котораго нашелъ виѣсть съ дочерью въ той самой комнатѣ, гдѣ годъ тому назадъ простился съ ними.

— Ну что? сказалъ ему отецъ.

— Вотъ семьдесятъ пять тысячъ франковъ, отвѣчалъ Леонъ, вынимая семьдесятъ пять банковыхъ билетовъ изъ кармана.

— Двадцатью пятью тысячами франковъ больше! воскликнулъ

удивленный Лебрень, между-тѣмъ, какъ Юлія блѣдѣла отъ волненія и краснѣла отъ радости.

— Да, сказалъ Леонъ, я не только, что выигралъ деньги, но получилъ и подарки, которые продалъ, отъ чего и составилъ эти двѣдцать пять тысячъ франковъ.

— И вы обязаны этимъ вашей учености?

— Да, отвѣчалъ Леонъ со вздохомъ, потому-что никакъ не хотѣлъ открыть источника своего богатства.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Юлія, бросаюсь на шею жениху, если у насъ будутъ сыновья, то мы сдѣлаемъ ихъ учеными.

— Да, да, ангелъ мой, непременно!

Онъ женился на Юліи и былъ очень счастливъ, имѣлъ двухъ сыновей, которые были уже чудомъ, и пошли по дорогѣ, въ дѣтствѣ ведущей въ академію надписей и словесныхъ наукъ.

Теперь, когда Леонъ не имѣетъ уже нужды въ своихъ познаніяхъ для существованія, онъ старается употребить ихъ въ пользу. Онъ напечаталъ свой переводъ арабскихъ пѣсень, который доставилъ ему знаменитое имя между переводчиками и принесъ ему тридцать два франка и пятьдесятъ сантимовъ, по условію, заключенному съ издателемъ, что онъ раздѣлитъ съ нимъ пополамъ барыши отъ изданія: книга принесла чистой выгоды шестдесятъ пять франковъ.

Служить ли это доказательствомъ, что надобно презирать науку? Нѣтъ. Это доказываетъ, что надобно ожидать отъ нея только того, что она можетъ дать всегдашній трудъ, иногда славу, часто неизвѣстность и никогда богатства.

Презираютъ ли любовь, которая беретъ еще больше и даетъ еще меньше?

Служить ли это доказательствомъ, что странности Англичанъ заслуживаютъ удивленія? Нѣтъ. Потому уже что странности однихъ приносятъ счастье другимъ, и всѣ дороги, ведущія къ достиженію счастья, хороши, лишь бы только достигнуть его.

Что же все это доказываетъ?

Ничего.

Ахъ нѣтъ! это доказываетъ, что голуби тяжелая пища, и что Провидѣніе употребляетъ всѣ средства, чтобы явить помощь тѣмъ, которымъ не въ чемъ себя упрекать.

трапписты. Аббатство Траппистовъ основано въ 1122 году Ротру-Вторымъ, въ воспоминаніе спасенія своего отъ караблечушенія, и по его приказанію церковь дала форма опрокинутому кораблю. Позже Седъ-Бернаръ, первый клервоескій аббатъ, перенёсся тамъ монаховъ своего ордена. Они много оуступили строгихъ правилъ, но аббатъ де-Рацсе снова возстановилъ прежній уставъ. Отъ безпорядочной жизни и горя свѣтъ ему открылся и, сдѣлавшись настоятелемъ монастырской общины Траппистовъ, онъ вознамѣрился возратить ихъ къ строгости первоначальныхъ уложеній. Онъ встрѣтилъ большія препятствія не только со стороны монаховъ, но также и отъ папы, который называлъ его предпріятіе *французскимъ сумасбродствомъ*.

Преобразование аббата де-Рацсе имѣло цѣлью удалить человека не только отъ всѣхъ радостей, но отъ всѣхъ чувственныхъ земныхъ. Усилія его клонились къ тому, чтобы жизнь походила какъ можно болѣе на смерть. Онъ искалъ одиночества только для того, чтобы дойти черезъ него до уничтоженія.

Первымъ стараніемъ его было поправить разрушенныя здания. Братія превратилась въ каменщиковъ, въ кровельщиковъ, потомъ сдѣлались земледѣльцами, чтобы воздѣлывать необработанныя земли. Де-Рацсе умеръ въ монастырѣ Траппистовъ послѣ тридцатилѣтней монашеской жизни. Реформа сдѣлала его знаменитымъ и его посѣщали въ этой живой могилѣ Іаковъ-Второй, Боссюэ, Мабильонъ и принцы королевской фамиліи.

Во Франціи еще существуетъ нѣсколько монастырей Траппистовъ. Тотъ, въ которомъ жилъ де-Рацсе, сохраняетъ названіе «Тгарре-мѣге», потому что онъ — колыбель возстановленнаго ордена и хранилище преданій.

Живущіе въ немъ монахи раздѣляются на постриженныхъ и послушниковъ. Первые занимаются только богоугодными дѣлами и садоводствомъ; другіе обрабатываютъ поля, смотрятъ за стадами и занимаются ручными работами. Постриженные носятъ бѣлую одежду, называемую «соиле», послушники — темную.

Трапписты встаютъ въ два часа по полуночи; настоятель звонитъ къ заутренѣ, послѣ которой начинается обѣдня. Священникъ въ шерстяной ризѣ, алтарь безъ всякихъ украшеній, всѣ предметы, употребляемые для священнослуженія, деревянные; пѣніе первоначальной Церкви — однообразный речитативъ.

Остальное время дня посвящается трудамъ и благочестивымъ упражненіямъ. Въ извѣстные часы монахи собираются читать

божественныя книги и громко обвинять себя въ своихъ проступкахъ. Это называютъ они *отпоядаться*.

Трапеза одна въ день, но траписты могутъ сократить часть своей порціи для вечера; кушанья готовятся на водѣ, и, следовательно, состоятъ изъ овощей и полбуланта чернаго хлѣба. У наждаго траписта есть приборъ, стаканъ, деревянная солонка и салатъ изъ сыраго холста, величиной въ шесть квадратныхъ футовъ. Одинъ изъ монаховъ читаетъ во время обѣды.

Вечеромъ они уходятъ, нажда въ келью безъ дверей. Крестную служатъ шпъ дѣя доски, тѣшить, вабитый, соломою, также жѣ, изголовье, и шерстяное одѣяло.

Траписты сохраняютъ совершенное молчаніе. Заране вырыта яма, гдѣ ждеъ на кладбищѣ веревка, которая призываетъ Господа. Когда монахъ испуститъ послѣдній вздохъ, его опускаютъ въ могилу просто въ его одѣждѣ, безъ савана, а на могилѣ ставятъ деревянный крестъ съ надписью о его духовномъ имени, о лѣтахъ и времени монастырской жизни.

Для траписта положенъ годъ искусу, по прошествіи котораго послушника ведутъ въ церковь и брѣютъ ему голову. Волоса сжигаютъ, а пепель бросаютъ въ прудъ. Съ этой минуты всякое сообщеніе между нимъ и міромъ прекращается. Только одинъ настоятель знаетъ несчастія, поражающія его семейство. Когда онъ узнаетъ, что одинъ изъ братій потерялъ родственника, то говоритъ въ церкви:

— Одинъ изъ насъ лишился отца или сестры или матери; молитесь!

И такимъ образомъ потерю одного чувствуютъ всѣ тѣ, которые оставили въ свѣтѣ какую-нибудь привязанность.

Путешественниковъ, мужавъ, принимаетъ въ трапистскомъ монастырѣ братъ гостиницкъ, сохранившій право говорить. Они могутъ осмотрѣть монастырь, присутствовать за трапезой и при всѣхъ духовныхъ занятіяхъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ КАПИТАНА ФЕРГЕСОНА. Во время недавней жестокой войны Соединенныхъ - Штатовъ съ техасскими Индѣйцами, множество волонтеровъ, неутомимыхъ охотниковъ, жадныхъ до приключеній, присоединились къ экспедиціи. Одинъ изъ нихъ, капитанъ Фергесонъ изъ Кентукки, составилъ себѣ славу въ этихъ страшныхъ охотахъ за Индѣйцами и сдѣлался тѣмъ, что Англичане и Американцы называютъ «а character». Слѣдующій эпизодъ можетъ дать идею объ этомъ человѣкѣ, также

какъ и о жестокой войнѣ между образованностью и дикимъ состояніемъ, продолжающейся въ Новомъ Свѣтѣ.

Небольшой отрядъ волонтеровъ, между которыми находились капитанъ Фергесонъ, осматривая нѣкоторыя части Техаса, забралъ далеко во внутренность этихъ земель, не встрѣтивъ ни малѣйшаго слѣда Индѣйцевъ. Утомленные этой нролюбивою экспедиціей, они рѣшились расстаться и поискать счастья, каждый съ своей стороны. И такъ на другой день, капитанъ Фергесонъ, верхомъ на сильной лошади, оставилъ товарищей и направилъ во обширному лугу къ груннѣ холмовъ, обрамленныхъ густымъ лѣсомъ. Добравъ до подошвы одного изъ этихъ холмовъ, съ отвѣснымъ утесомъ, капитанъ примѣтилъ табунъ дикихъ лошадей, медленно приближавшейся къ нему. Вдругъ лошади пустились къ нему во всю прыть. Этотъ внезапный маневръ показался подозрительнымъ капитану, который, предположивъ, что лошади могутъ преслѣдовать Индѣйцы, скрытые за холмомъ, шпорилъ лошадь, не думая уже о великолѣпнн пейзажа. Но лошади подавались впередъ и онъ уже слышалъ шумъ ихъ копытъ, ударявшихъ по землѣ съ глухимъ, но поразительно согласнымъ размѣромъ. Капитанъ обернулся и увидѣлъ ясно, что къ боку каждой лошади прильнулъ Индѣецъ, горизонтально уцѣпившись за нее рукой и ногой. Эта военная хитрость была ему известна давно. Къ счастью, онъ былъ еще на порядочномъ разстояніи отъ этой опасной кавалеріи и ктому же летѣлъ какъ стрѣла.

Не вся надежда къ спасенію была потеряна. Отгадавъ по внезапной быстротѣ его ѣзды, что они были открыты, Индѣйцы проворно влѣзли на лошадей и пустились за нашими всадниками въ погоню съ новой горячностью, испуская свой страшный военный крикъ. Оглядываясь черезъ плечо, Фергесонъ замѣтилъ, что непріатели его разсыпались по лугу съ очевиднымъ намѣреніемъ загородить ему дорогу и окружить со всѣхъ сторонъ у подошвы холмовъ, на обрывистые края которыхъ взобраться было нельзя. Онъ понялъ, что тогда только можетъ спастись, если достигнетъ первый до угла, обрисованнаго цѣпью холмовъ и доберется этимъ проходомъ до внутренности лѣсу, куда Индѣйцы не посмѣютъ за нимъ слѣдовать, изъ опасенія наткнуться на передовые посты американскихъ отрядовъ. Это была гонка страшная, потому что Индѣйцы съ своей стороны понимали, что капитанъ спасенъ, если достигнетъ этой цѣли.

Фергесонъ ни разу не обернулся назадъ и жадно устремилъ глаза на цѣль еще отдаленную, наклонился на вередокъ седла и

бѣшено вознѣлъ шпоры въ бока лошади. Крики Индѣйцевъ становились все яснѣе и яснѣе, какъ вдругъ лошадь капитана опоткнулась, но тотчасъ вскочивъ съ продолжительнымъ ржаніемъ, словно инстинктивно чувствуя опасность, угрожающую ея всаднику, сдѣлала изумительный скачокъ и съ быстротою стрѣлы пробѣжала разстояніе, раздѣлавшее ее отъ лѣса. Какъ предвидѣлъ Фергесонъ, Индѣйцы не посмѣли отважиться въ лѣсъ и внезапно остановились. Хотя, казалось, Фергесонъ былъ вѣдъ опасности, онъ однако не считалъ себя совершенно безопаснымъ и сдѣлалъ еще пять или шесть миль не останавливаясь, и когда наконецъ счелъ возможнымъ остановиться, день уже былъ на закатѣ. Не зная гдѣ находится, онъ храбро рѣшился провести ночь на открытомъ воздухѣ, отложивъ до завтра важное дѣло — отыскать дорогу. Ручеекъ, окруженный деревьями и высокой травой, протекалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него: чего лучше могъ желать Фергесонъ? Не давъ себѣ труда отыскать другаго ночлега, онъ разнуздавъ лошадь, бросилъ свое одѣяло на траву и растаянулъ на немъ съ сладострастной философіей. На разсвѣтѣ онъ пустился въ путь, слѣдуя по теченію ручья, въ надеждѣ встрѣтить какой-нибудь признакъ, по которому могъ бы найти дорогу. Едва сдѣлавъ три или четыре мили, онъ нашелъ тѣло одного изъ своихъ товарищей, распростертое безъ движенія. Несчастный былъ оскальпированъ. Первою мыслью капитана Фергесона было, что всѣ его друзья были убиты такимъ-образомъ поодначкѣ Индѣйцами. Множество слѣдовъ подкованныхъ и не подкованныхъ лошадей точно показывали недавній проѣздъ Индѣйцевъ и бѣлыхъ. Онъ медленно и съ предосторожною поѣхалъ по этимъ слѣдамъ, не встрѣтивъ ничего, но въ полдень, въѣхавъ на небольшую возвышенность, увидѣлъ въ долинѣ, на разстояніи одной мили, многочисленный станъ Индѣйцевъ. Въ эту же минуту и Индѣйцы увидѣли капитана и вскочили на лошадей. Проклиная свое неблагоразуміе, Фергесонъ повернулъ назадъ, но и съ той стороны путь былъ прегражденъ, и онъ по неволѣ долженъ былъ направиться впередъ, то есть, къ рубежу лѣса. Доѣхавъ до послѣднихъ деревьевъ, онъ увидѣлъ въ долинѣ вихрь густаго дыму, распространившійся на-право и на-лѣво на необозримое пространство. Съ ужасомъ узналъ онъ, что это горѣла степь. Чтѣ дѣлать? Вернуться назадъ? — вѣрная смерть. Подвигаться впередъ? — опять смерть. Поворотить на-право или на-лѣво? — смерть и смерть. Въ эту страшную минуту Фергесонъ не потерялъ головы и, подобно утопающему, который въ отчаяніи

цѣпляется за малѣйшую точку опоры, напуганы убитыя со-мною силой мѣлкой воли за безумную мысль, мѣлкую и вѣрную его. Онь продолжалъ дорогу прямо по направлению къ огню. Приблизившись къ черному дыму, за которымъ пламя растапало какъ чудовищный столбчатый змѣй, Фергесонъ остановил лошадь и сошелъ на землю. Разорвать отдѣло на широме луке, завязать глаза, ротъ и коды лошади, потомъ пришить лям самому себѣ, точно такимъ же образомъ, было для конника Фергесона дѣломъ одной минуты, минуты драгоценной, потому что Индѣйцы приближались, испукая крики торжества. Фергесонъ слова неслыхалъ на сѣдлѣ и, доверотивъ лошади по направлению къ огню, вращивалъ ее съ энергичей отчаянія. Благородное животное пустилось во всю прыть, и пламя скоро обдало конника, и въ бѣдѣ сила у него нашлась желѣзная, онь дернулъ лошадь, схватъ шпорами и погналъ въ опонь. Еще нѣсколько секундъ и нитка лопнула.

Наконецъ свѣжій воздухъ обманываетъ ихъ; Фергесонъ срыгаетъ помаки съ своего лица и съ лошади и прыгаетъ на землю, — онь спасенъ! Онь совершилъ подвигъ безпримѣрный! но несмотря на трескъ удаляющагося пламени, онь слышитъ крики торжества непріятелей и дѣлаетъ усиліе, чтобы отвѣчать Индѣйцамъ крикомъ вызова, но голосъ замираетъ на его губахъ.

Полузадохшись, на сѣдлѣ, ни лошадь не имѣла силы сдвинуть шагъ въ этой почернѣвшей отъ дыму долинь, однако Фергесонъ чувствуетъ, что они умрутъ оба, если не достанутъ воды. Собрать послѣдній остатокъ энергій, онь видитъ на удачу, вода лошади за поведья: вся шерсть бѣднаго животного, была обожжена, а кожа превращена въ уголь, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣлами при малѣйшемъ прикосновеніи. Тонкимъ слѣдомъ жаждой онь доташился до конца долины, но тамъ примѣтилъ стаю волковъ, приближавшихся съ страшнымъ воемъ. Эта новая опасность окликала и всадника и кова. Выше крутаго скату протекала ручей. Лошадь бросилась туда. Фергесонъ самъ съ наслажденіемъ погружился въ эту живительную ванну. Чувства его получали прекрасную дѣятельность, онь примечалъ, что волки этихъ безграничныхъ, пустынныхъ луговъ, имѣютъ привычку собираться стаями около горящей стены и дѣлать общими силами нападенія на животныхъ, спасающихся изъ объятій пожару полумертвыми и почти слѣвыми.

Фергесонъ осмотрѣлъ свою лошадь. Оживленное свѣжество воды, бѣдное животное испутило жалобное и продолжительное ры-

пе, услышавъ вой волковъ, безирестанно приближавшихся. Тронутой этимъ ржаніемъ болѣе чѣмъ какимъ бы то ни было человеческимъ крикомъ, Фергесонъ погладилъ голову вѣрнаго коня своего и видя съ наслажденіемъ, что силы его возвратились, вскоцилъ на него и поскакалъ впередъ, между тѣмъ какъ волки пустились за нимъ въ погоню черезъ ручей. Едва нѣсколько шаговъ раздѣляли его отъ страшнаго стаи, которой хриплый вой казался ему во сто разъ страшнѣе свисту пули въ сраженіи. Фергесонъ чувствовалъ, какъ дрожь леденить его члены. Ну если моя лошадь упадетъ! подумалъ онъ. Эта мысль изощрила его вниманіе, совершенно поглощенное движеніями лошади. Вслѣдствіе этой чуткости, этой лихорадочной дѣятельности, которую сообщалъ онъ своей лошади, волки постепенно отставали, потому что между быстротой лошади и бѣгомъ степнаго волка не могло быть никакого сравненія. Но мало по-малу благородное животное истощало свои послѣднія силы. Скоро дыханіе его стало короче и голова опустилась. Однако оно сдѣлало сверхъестественное усиліе, потому что до лѣсу едва оставалось нѣсколько шаговъ, и съ инстинктомъ, свойственнымъ всѣмъ степнымъ животнымъ, безотчетно чувствовало себя въ безопасности приближаясь къ мѣсту, покрытому деревьями. Наконецъ лѣсъ достигнутъ. Фергесонъ выпускаетъ радостный крикъ избавленія, потому что можетъ укрыться на деревѣ. Онъ сѣвшитъ это исполнить, привязавъ лошадь къ нижней вѣтви, потомъ заряжаетъ карабинъ и пистолеты, въ слабой надеждѣ защитить бѣдное животное, если волки покусятся на новое нападеніе. Фергесонъ карабкается на вѣтвь по-выше, чтобы посмотрѣть, приближаются ли они, и почти въ ту же минуту видитъ страшную стаю, увеличенную множествомъ бѣлыхъ волковъ. Зная ни съ чѣмъ несравнимую ярость этихъ чудовищъ съ красными глазами, онъ понялъ, что пропалъ вѣрный конь его. Онъ въ самодѣлѣ устремился на изнемогающую жертву, Фергесонъ выстрѣлилъ въ стаю, но лошадь ни какъ была разтерзана. Волки, раскрывъ пасти съ страшнымъ воемъ, окружили дерево, потому что отъ лошади досталось имъ только по одному глотку. При малѣйшемъ движеніи капитана они бросались къ нему, стараясь схватить его прежде чѣмъ онъ упадетъ на землю. Фергесонъ съ лихорадочнымъ наслажденіемъ убилъ нѣсколькихъ красновъ изъ карабина. Но приближалась ночь, и капитанъ, издуревшій усталостью, будучи даже не въ состояніи зарядить ружье, почувствовалъ сильное головокруженіе. Онъ закрылъ на минуту глаза, чтобы не свалиться съ своей зеленой

крѣпости. Въ это время на соседнемъ лугу раздался ревъ. Волки наострили уши и всѣ вѣсты бросились въ погоню за новой добычей. Открывъ глаза черезъ нѣсколько минутъ, Фергесонъ нѣтилъ въ долинѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ лѣсу, огромнаго буйвола, окруженнаго стаей волковъ, раздразнившихъ его по кусочкамъ, несмотря на его страшные удары и бѣшеные прыжки. Капитанъ, пользуясь этой счастливой диверсіей, спустился съ дерева, поспѣшно зажегъ сухія вѣтви и черезъ нѣсколько минутъ успѣлъ окружить себя огненнымъ укрѣпленіемъ. Тогда, чувствуя себя въ безопасности, онъ изжарилъ одного изъ убитыхъ волковъ, и съѣлъ кусокъ, несмотря на отвращеніе къ этому густому мясу. Потомъ, чувствуя себя довольно крѣпкимъ, сдѣлалъ запасъ дровъ на ночь. Черезъ часъ волки воротились, но безопасность Фергесона была такъ велика, благодаря его пылающему укрѣпленію, что несмотря на страшный вой, онъ заснулъ глубокимъ сномъ до утра. Когда онъ проснулся, волковъ уже не было, они вѣроятно пустились за другой болѣе вѣрной добычей, и капитанъ могъ отправиться въ путь пѣшкомъ, унося только пистолеты, ножикъ и карабинъ. Черезъ недѣлю неслыханныхъ лишеній и утомленій, онъ успѣлъ воротиться здоровъ и невредимъ въ американскій лагерь, но никогда не слышалъ ничего о своихъ товарищахъ, вѣроятно убитыхъ Индѣйцами или съѣденныхъ волками. Нѣсколько недѣль пролежалъ онъ въ постели; наконецъ болѣзнь прекратилась, но когда по выздоровленіи онъ посмотрѣлся въ зеркало, то не могъ себя узнать. Борода его осталась черною, но голова посѣдѣла.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогилмыя Заванки Шатобріана. Часть двѣнадцатая.* Тысяча-осемьсотъ-одинадцатый годъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ всей литературной карьерѣ.

Я издалъ «Дорожника отъ Парижа до Іерусалима», записалъ де-Шеніе во французскомъ институтѣ и началъ писать «Занси», которыя оканчиваю теперь.

Успѣхъ «Дорожника» былъ столько-же вѣренъ, какъ успѣхъ «Мучениковъ» сомнителенъ. Нѣтъ ни одного бумагомарателя, который бы при появленіи своего *factage*, не получилъ поздравительныхъ писемъ. Между новыми комплиментами, которыми мнѣ осыпали, я не властенъ скрыть письмо добродѣтельнаго и достойнаго человека, издавашаго два сочиненія, признанныя авторитетными, послѣ которыхъ почти не осталось ничего...

о Боссюэ и Фецелювѣ. Алезсвй епископъ, кардиналъ де Боссѣ — историкъ этихъ великихъ прелатовъ. Онъ чрезвычайно преувеличилъ мнѣ похвалы; это принятое обыкновеніе, когда пишешь къ автору, и неидеть въ счетъ; но кардиналъ даетъ чувствовать по-крайней-мѣрѣ тогдашнее общее мнѣніе о «Дорожникѣ»; онъ усматриваетъ относительно Кароагена возраженія, которыхъ мое географическое чувство будетъ предметомъ; однако это чувство превозмогло и я отыскалъ настоящія мѣста гаваней Дидоны. Пріятно будетъ найти въ этомъ письмѣ образъ изъясненія отборнаго общества, слогъ, сдѣлавшійся важнымъ и сладкимъ отъ учтивости, религіи и нравовъ; превосходство тона, отъ котораго мы теперь такъ далеки.

Двадцать-пятаго марта 1811.

«Вы должны были получить, милостивый государь, и получили справедливую дань признательности и всеобщаго удовольствія, но я могу васъ увѣрить, что никто изъ вашихъ читателей не наслаждался болѣе меня вашимъ интереснымъ сочиненіемъ. Вы первый и единственный путешественникъ, не мнѣвшій нужды въ помощи гравюръ и рисунковъ, чтобы представить глазамъ читателей мѣста и зданія, вызывающія чудныя воспоминанія. Ваша душа все перечувствовала, воля воображенія все изобразила, и читатель чувствуетъ вашей душой и видитъ вашими глазами».

«Я могу передать вамъ очень слабо впечатлѣніе, испытанное мною съ первыхъ страницъ, когда я проходилъ съ вами берега Корцирскаго острова, и видѣлъ тѣхъ *въчмыхъ* людей, которыхъ противоположныя судьбы привели туда одного за другимъ. Вамъ было достаточно нѣсколькихъ строкъ, чтобы напечатлѣть навсегда слѣды ихъ шаговъ; ихъ всегда найдутъ въ вашемъ «Дорожникѣ», который сохранитъ ихъ вѣрнѣе столькихъ мраморовъ, не умѣвшихъ сохранить великихъ именъ, нѣ вѣреннѣхъ».

«Я теперь знаю памятника древнихъ Аеннъ, какъ желалъ знать ихъ. Я видѣлъ ихъ въ прекрасныхъ гравюрахъ, любовался на нихъ, но не чувствовалъ ихъ. Слишкомъ часто забываютъ, что если архитекторамъ нужно вѣрное описаніе, мѣры и пропорціи, людямъ необходимо найти душу и геній людей, задумавшихъ эти великіе памятники.

«Вы возвратили пирамидамъ это благородное и глубокое на мѣреніе, чего вовсе не примѣтили высоконосые болтуны.

«Какъ я вамъ благодаренъ, милостивый государь, за то, что вы обрекли справедливому проклятію всѣхъ вѣковъ этотъ безсмысленный и свирѣпый народъ, который уже тысячу дѣсятъ лѣтъ составляетъ бичъ прелестѣйшихъ странъ на землѣ! Умбасшся съ вами, въ надеждѣ видѣть его возвратившимся въ пустыню, откуда онъ явился.

«Вы внушили мнѣ мимолетное чувство снисхожденія къ Арабамъ, но милости одѣланнаго вами чуднаго сближенія съ дикари Сѣверной Америки.

«Провидѣніе словно привело васъ въ Іерусалимъ присутствовать при послѣднемъ представленіи первой сцены христіаности. Если глазамъ людей не суждено уже видѣть эту гробницу, ому только, которой нечего будетъ возратить въ послѣдній день, христіане найдутъ ее въ Евангеліи, а мыслящія и чувствительныя души въ вашихъ картинахъ.

«Критики непременно станутъ упрекать васъ людьми и сентами, которыми вы покрыли карагенскія развалины, не описаныя вами, потому что онѣ уже не существуютъ; но заклинаю васъ, ограничьтесь только вопросомъ; не стали ли бы они сами сожалѣть, что не нашли ихъ въ этихъ принаслѣвательныхъ и обрашеніяхъ.

«Вы имѣете право наслаждаться родомъ славы, принадлежащій вамъ исключительно; но есть наслажденіе еще удовлетворительнѣе для такого характера какъ вашъ, наслажденіе, — пріятно надавіямъ вашего генія благородство вашей души и возвышенность чувствъ. Это упрочитъ во всѣ времена вашему имени и вашей памяти уваженіе всѣхъ друзей религій, добродѣтели и чести.

«На этомъ-то основаніи прошу васъ, милостивый государь, благосклонно принять увѣреніе въ мою совершенномъ уваженіи.

«L. F. de-Beausset».

Де-Шеніе умеръ десятаго января 1811 года. Друзьямъ своимъ пришла пагубная мысль уговорить меня замѣстить его въ статутѣ. Они увѣрили, что будучи подтвержденъ неприязненности, подозрѣніямъ и придиркамъ Наполеона, и долженъ непремѣнно вступить въ сословіе, могущественное тогда своею славою и представляющимъ его людьми; что упрямый за этиаи вѣдомъ, я буду работать спокойно.

«Я чувствовалъ непреодолимое отвращеніе заниматься какою бы то ни было мѣсто; я еще слишкомъ хорошо соображалъ, что мнѣ

своемъ первомъ. Наслѣдство Шеніе казалось мнѣ опаснымъ, я не могъ сказать всего, не подвергнувъ себя опасности, не хотѣлъ упоминать о дѣлѣ герцога Ангійскаго, хотя Камбасересъ былъ вторымъ лицомъ въ государствѣ; я рѣшился изъяснить сожалѣнія о падшей фамиліи Бурбоковъ, оплакать несчастія тѣхъ, которые остались ей вѣрными. Мои друзья отвѣчали мнѣ, что я ошибался, что нѣсколько похваляя Наполеону, необходимыхъ въ академической рѣчи, похваляя, которыхъ, въ одномъ отношеніи, я находилъ Бонапарта достойнымъ, заставить его проглотить всѣ истинны, которыя я захочу высказать, что я въ одно время буду имѣть честь поддержать мои мнѣнія, и счастье,—прекратить страхъ моей жены. Меня такъ неотвязно мучили, что я наконецъ, за неимѣніемъ силъ, сдался, объявивъ имъ однако, что они ошибались, что Бонапарте не обмануть общія мѣста о его жемѣ и славѣ; что онъ еще сильнѣе почувствуетъ урокъ, узнаетъ подавшаго въ отставку при смерти герцога Ангійскаго, что наконецъ я не покою упрочу себя, а снова возбужу преслѣдованія. Они скоро принуждены были признать истину моихъ словъ: правда, что они не предвидѣли смѣлости моей рѣчи.

Я сдѣлалъ обычные визиты членамъ Академіи. Мадамъ де-Вентиниль повезла меня къ аббату Морле. Мы нашли его въ креслахъ передъ каминомъ, онъ уснулъ и «Дорожникъ» выпалъ у него изъ рукъ. Проснувшись при шумѣ моего имени, произнесеннаго ласково, онъ поднималъ голову и вскричалъ!.. «Пропастъ длиннотъ, пропастъ длиннотъ!» Я сказалъ сибясь, что вижу это и сокращу свое изданіе. Онъ какъ добрый малый, общалъ мнѣ свой голосъ, несмотря на «Аталу». Когда впоследствии появилась книга моя о Монархіи, онъ не могъ придти въ себя отъ изумленія, что такое политическое сочиненіе припадало перу пѣнца «Флоридской дѣвы». Развѣ Гроціусъ не написалъ трагедіи «Адамъ и Ева», а Монтескіе «Храмъ Гиндскій»? Правда, что я не былъ ни Гроціусомъ ни Монтескіе.

Начались выборы; я получалъ при балотировкѣ огромное большинство голосовъ; тотчасъ принялся за рѣчь, передѣлывалъ ее двадцать разъ и все не былъ ею доволенъ: то желая сдѣлать ее возможною для чтенія, я находилъ ее слишкомъ сильной; то гнѣвъ возвращался ко мнѣ и я находилъ ее слишкомъ слабой, не зналъ, сколько отвѣсить академической похвалы. Если, несмотря на антипатію мою къ Наполеону, я захотѣлъ бы изобразить восторгъ, чувствуемый мною къ публичной сторонѣ его жизни, я не сталъ

бы къ туникъ послѣ поступленій. Милотень, котораго я прислалъ въ началѣ рѣчи, представляла мнѣ образцы; въ его «Второй-шестѣ англійскаго народа», онъ осмѣялъ Кромвеля ильминича-хвалани:

«Ты не только возмилъ дѣланіе всѣхъ великихъ королей, гонитъ онъ, но даже и ты, которая разсказываешь о великихъ баснословныхъ вероякіяхъ. Развивалай почтено о драгоценномъ самогъ, который земля, давшая тебѣ жизнь, вѣтрага твояго нечестива; независимости, которую она ожидала прежде отъ цѣлаго шроній и добродѣтелей, она осмѣялась теперь отъ тебя; истина получила ее отъ тебя единого. Почти наши живѣйшія надежды; почти заботы твоей безвѣнующейся отчужды; почти шоры и ризы твоихъ храбрыхъ товарищей, подъ твоимъ знаменемъ сѣлю прешахался за независимость; жетди твои погибшихъ на полѣ брешенія; наконецъ почти самого себя; прервѣвъ столько опасностей изъ любви къ независимости, не допусти себя шрушиши, ни чужія руди освербить ихъ».

Джонсонъ привезъ только похвалы протектору, чтобы вознѣвить республиканца въ пропорціи съ самимъ соборомъ; прервѣвъ швето, передаленное мнѣю, показывается, что составлено прервѣвъ этихъ похвалъ. Критика Джонсона забыта; защита Милотена осталась: все что происходитъ отъ умаленія партій и отъ страстей неспешной минуты, умираетъ какъ они и вышестъ съ нимъ.

Рѣчь моя была готова; меня пригласили прочитать по порученію комиссіей, назначенной для предварительнаго испытанія: онъ была отаргнута этой комиссіей, за неключеніемъ духу въ трехъ часахъ. Надо было посмотреть на умомъ слушавшихъ меня. Дарю отъездъ рѣчи въ Сентъ-Клу. Бонапарте обѣщавъ, что если бы она была пропущена, онъ запереть бы шипуту, а меня бросилъ бы въ тюрьму на всю жизнь.

Я получилъ отъ Дарю ему записку:

Сентъ-Клу, 28 апрѣля 1811 года.

«Имѣю честь уведомить васъ де Шатобриана, что когда время и обстоятельства позволятъ ему прїѣхать въ Сентъ-Клу, я отдаю ему рѣчь, которую ему угодно было вручить мнѣ. Пользуясь этимъ случаемъ, чтобы возобновить ему увѣренія въ высочайшемъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь ему кланяться».

«Дарю».

Я поѣхалъ въ Сентъ-Клу. Дарю отдалъ мнѣ рукопись, которую тамъ я снялъ, отиѣченную abigato въ скобкахъ и шип-

нѣ Буэнпартова карандаша. Дарю не скрылъ отъ меня тѣхъ Наволеона, но сказалъ что сохранилъ заключеніе, кромѣ нѣсколькихъ словъ, и измѣнилъ все остальное, и буду осыпая рукописками. Во дворцѣ списали рѣчь, исключивъ нѣкоторые мѣста и вставилъ другія. Черезъ нѣсколько времени она появилась въ провинціи, напечатанная съ измѣненіями.

Рѣчь эта лучшее доказательство независимости моихъ мнѣній и достоинства правилъ. Сюардъ, человекъ твердый, говорилъ, что если бы ее прочли въ академіи, своды залы обрушились бы отъ грома рукописаний.

Я старательно сохранилъ помраченную рукопись; но несчастію, оставивъ болышину Маріи Терезіи, я сжегъ ее съ множествомъ другихъ бумагъ. Но читатели этихъ Записокъ не будутъ лишены ея: одна изъ моихъ товарищей была такъ великодушна, что списала себѣ копію; вотъ она:

«Когда Милтонъ, издалъ «Утраченный Рай», ни одинъ голосъ въ трехъ королевствахъ Великобританіи не возвысился, чтобы похвалить сочиненіе, которое, несмотря на многочисленныя свои недостатки, все-таки одно изъ самыхъ прекрасныхъ памятниковъ человеческого ума. Англійскій Гомеръ умеръ въ забвеніи и современники его оставили будущему стараніе обезсмертить мѣста «Эдема». Не одна ли это изъ тѣхъ великихъ литературныхъ несправедливостей, которыми примѣры представляютъ всё вѣка? Есть милостивые государи; едва избѣгнувъ междоусобныхъ брашней, Англичане не могли рѣшиться прославить память человека, выказавшаго горячность своихъ мнѣній въ бѣдственное время. Что сохранимъ мы, говорили они, могли гражданина, посвящающаго себя спасенію своего отечества, если расточимъ почести праху того, кто много, много что можетъ просить у насъ великодушнаго снисхожденія? Потомство отдастъ справедливость памяти Милтона; но мы обязаны дать урокъ нашимъ сынамъ; обязаны научить ихъ нашимъ безмолвіемъ, что дарованія, — даръ пагубный, когда соединяются со страстями и что гораздо лучше обречь себя неизвѣстности, чѣмъ сдѣлаться знаменитымъ черезъ несчастія отечества.

«Послѣдовать ли мнѣ, милостивые государи, этому достопамятному примѣру или говорить вамъ о себѣ и сочиненіяхъ господина Шеніе? Чтобы согласить ваши обычаи и мои мнѣнія, я считаю должнымъ выбрать точную середину совершеннымъ молчаніемъ и строгимъ разборомъ. Но каковы бы ни были слова мои, никакая горечь не отравитъ этой рѣчи. Если вы найдете

во мнѣ откровенность Дюкло, я надеюсь доказать вамъ также, что я владѣю такой же справедливостію.

Конечно очень любопытно было бы видѣть, что человекъ въ моемъ положеніи, съ моими правилами и мнѣніями, можетъ сказать о томъ, чье мѣсто я теперь занимаю. Интересно было бы рассмотреть вліяніе государственныхъ переворотовъ на литературу, показать какъ системы могутъ привести въ заблужденіе дарованіе, бросать его въ обманчивый путь, который ведетъ какъ будто къ славѣ, а приводитъ къ забвенію. Если Мильтонъ, не смотря на свои политическія заблужденія, оставилъ творенія, которыми изумляется потомство, это потому, что Мильтонъ, отрекшись отъ заблужденій, удалился изъ общества и искалъ въ религіи облегченія своихъ бѣдствій и источника своей славы. Лишенный небеснаго свѣту, онъ создалъ себѣ новую землю, новое солнце и вышелъ, такъ сказать, изъ міра, гдѣ видѣлъ только несчастія и преступленія; онъ помѣстилъ въ рощахъ Эдема эту первоначальную невинность, это святое блаженство, которыми царствовали подъ палатками Іакова и Рахили, и сложилъ въ адъ мученіе, страсти и угрызенія тѣхъ людей, которыхъ ярость рдѣлялъ.

Къ-несчастію сочиненія Шеніе, хотя въ нихъ открываемъ зародышъ замѣчательнаго таланта, не блестятъ ни этой античной простотою, ни этимъ высокимъ величіемъ. Авторъ отличался умомъ въ высшей степени классическимъ. Никто лучше его не зналъ правилъ древней и новѣйшей литературы: театръ, краснорѣчіе, исторію, критику, сатиру, онъ все обнялъ, но его сочиненія носятъ отпечатокъ бѣдственныхъ дней, въ которые они родились. Слишкомъ часто бывали они внушаемы духомъ партій и превозноси-мы крамолою; отдѣлять ли мнѣ въ трудахъ моего предшественника то, что уже прошло какъ наши раздоры, и то, что останется какъ наша слава? Здѣсь смѣшаны пользы общества и пользы литературы. Я не могу забыть объ однихъ и заняться исключительно другими; тогда, милостивые государи, я буду принужденъ молчать или разсматривать политическіе вопросы.

Мнѣ скажутъ: разсматривайте сочиненія Шеніе только въ литературномъ отношеніи. То есть, милостивые государи, мнѣ надо употребить во зло и ваше терпѣніе и мое, и повторять общія мѣста, которыя находятся вездѣ, и которыя вы знаете лучше меня. Другія времена, другіе нравы: наследники длиннаго рѣду мирныхъ годовъ, наши предшественники, могли предаваться разборамъ чисто академическимъ, доказывавшимъ дарованіе и

еще лучше чѣмъ счастье. Но мы, несчастные остатки великаго кораблекрушенія, уже не владѣемъ тѣмъ, что необходимо для вкупенія столь совершеннаго спокойствія. Наши идеи, наши умы приняли различное направленіе. Человѣкъ замѣнилъ въ насъ академика: лишивъ литературу того, что могло въ ней быть пустою, мы смотримъ на нее сквозь ваши могущественныя воспоминанія, сквозь опытность бѣдствій. Онъ станетъ проводить легкомысленную жизнь, занимаясь грамматическими придирками, правилами вкуса, литературными сужденіями! Не покажетъ при концѣ жизни чело съ морщинами, проведенными продолжительными его трудами, важными мыслями и часто мужественными горестями, умножающими величіе человѣка! Какіе важные труды убѣдили его волосы? презрѣнныя огорченія самолюбія и ребяческія игры ума.

«Что до меня, то я не могу такъ умаляться, довести себя до ребяческаго состоянія въ возрастѣ силы и разсудка. Напримѣръ, если бъ я хотѣлъ, милостивые государи, сдѣлать похвалу литератору, неужели вы думаете, что я бы удовольствовался хвалить въ немъ этотъ французскій, легкій, замысловатый умъ, который онъ получилъ отъ своей матери и котораго послѣдній образецъ представляется среди насъ? Конечно нѣтъ: я бы еще захотѣлъ выставить въ полномъ блескѣ прекрасное имя, которое и онъ носить. Я напомнилъ бы о герцогѣ Буфлёрскомъ, который заставилъ Австрійцевъ снять осаду Генуи. Говорилъ бы о маршалѣ, его отцѣ, этомъ комендантѣ, который оспаривалъ у враговъ Франціи лильскія укрѣпленія и утѣшилъ этой достопамятной защитой несчастную старость великаго короля. Объ этомъ-то товарищѣ Тюренниа, говорила мадамъ де-Ментенонъ: «Въ немъ сердце умерло прежде всего». Наконецъ я перешелъ бы къ этому Людовику Буфлёрскому, прозванному Дюжимъ, который выказывалъ въ сраженіяхъ силу и мужество Геркулеса. И такъ я нашелъ бы на двухъ крайностяхъ этой фамиліи силу и грацію, рыцаря и трубадура. Хотятъ, чтобы Французы были сынами Гектора: мнѣ кажется скорѣе, что они происходятъ отъ Ахиллеса, потому-что владѣютъ какъ этотъ герой, и лирой и мечемъ.

«Если бы я хотѣлъ, милостивые государи, бесѣдовать съ вами о знаменитомъ поэтѣ, воспѣвшемъ природу такимъ блистательнымъ голосомъ, неужели вы думаете, что я бы ограничился выстаменіемъ вамъ чудной гибкости таланта, умѣвшаго передавать съ равномѣрнымъ достоинствомъ правильныя красоты Виргилія и неправильныя красоты Мильтона? Нѣтъ: я бы показалъ вамъ

также этого поэта, знаменитаго изгнанника среди этой толпы изгнанныхъ, которыхъ число увеличилъ я. Правда, что его гѣба и немощи, его дарованія и слова не укрыли его въ отечествѣ отъ преслѣдованій. Хотѣли заставитьъ его купить спокойствіе стихами, недостойными его музы, а муза его могла только пѣть усноительное безсмертіе души. «Успокойтесь, вы безсмертны».

«Если бы я хотѣлъ, наконецъ, милостивые государи, говорить вамъ о другѣ, драгоценномъ моему сердцу, объ одномъ изъ этихъ друзей, которые, по словамъ Цицерона, дѣлаютъ благоденствіе блистательнѣе, а бѣдствіе легче, я бы расхвалилъ тонкость и чистоту его вкуса, отборное изящество его прозы, красоту, силу, гармонию его стиховъ, которые, отлитые по великимъ моделямъ, отличаются однако жъ оригинальнымъ характеромъ. Я бы расхвалилъ это высокое дарованіе, никогда не знавши чувствъ зависти; это дарованіе, радующееся всегда чужимъ успѣхамъ, это дарованіе, которое уже десять лѣтъ чувствуетъ все, что случалось для меня лестнаго, съ простодушной и глубокой радостью, извѣстной только самымъ великодушнымъ характерамъ и самой жнѣйшей дружбѣ. Но я не упустилъ бы политической стороны моего друга; описалъ бы его въ главѣ одного изъ первыхъ государственныхъ сословій, произносящаго рѣчи—образцы приличія, умѣренности и благородства; представилъ бы его, жертвующаго сладкой бесѣдой музъ, занятіямъ, которыя конечно были бы лишены всякой прелести, если бы имъ не предавались въ надеждѣ образовывать дѣтей, способныхъ послѣдовать по знаменитымъ слѣдамъ отцовъ и избѣгнуть нашихъ заблужденій.

«И такъ, говоря о даровитыхъ людяхъ, изъ которыхъ составлено это собраніе, я не могу не разсматривать ихъ въ отношеніяхъ къ нравственности и обществу. Одинъ отличается среди васъ умомъ тонкимъ, нѣжнымъ, благоразумнымъ, вѣжливостью, столь рѣдкою нынче, и особенно достойнымъ уваженія постоянствомъ въ его умѣренныхъ мнѣніяхъ. Другой, подъ льдомъ преклоннаго возраста, нашелъ весь пылъ юности, чтобы ходатайствовать за несчастныхъ. Этотъ, изящный историкъ и пріятный поэтъ, становится для насъ и почтеннѣе и дороже по воспоминанію объ отцѣ и сынѣ, изувѣченныхъ на службѣ отечеству. Тотъ, возвращая слухъ глухимъ и слово нѣмымъ, напоминаетъ намъ чудеса евангельской вѣры, которой онъ посвятилъ себя. Пѣтъ ли, между вами, милостивые государи, свидѣтелей прежнихъ нашихъ торжествъ, которые могли бы рассказать достойному наследнику канцлера д'Агессо какъ именн его предка рундкеланди

въ этомъ собраніи? Перехожу къ любимымъ предметамъ десяти соборнаго ирриформе почтеннаго автора «Эдипа», удалившагося въ уединенное убжище, и Соокла, забывающаго въ Колонѣ славу, призывающаго его въ Афины. Какъ мы должны любить другихъ сыновъ Мельпомеи, возбужденныхъ нашею участіемъ въ коммисіонныхъ сессіяхъ отъидти! Сердце нашего Фрадуза снова трепетало при предвзвѣстіи смерти Генриха-Четвертаго. Трагическая муза возстановила честь этихъ храбрыхъ рыцарей, которыхъ вѣроломно изгнала исторія и за которыхъ благородно отмстить одинъ изъ нашихъ пофайншихъ Эврипидовъ.

«Перейдя къ проснникамъ Амазрона, я бы остановился на званіи любовномъ челоуѣкѣ, который подобно теосскому старцу, еще пересказываетъ, послѣ пятнадцати пѣтилетій, любовныя пѣсни, которыя поются въ пятнадцать лѣтъ. Я бы пошелъ, милостивые государи, искать вашу славу на этихъ бурныхъ моряхъ, которыя когда то стерегъ гигантъ Адамасоръ, и которыя умирался при прелестныхъ шменахъ Элеоноры и Виргиніи. «*Tibi tibi sequora*».

«Увы! сколько талантовъ въ нашей средѣ блуждали и странствовали! не восстала ли поэзія гармоническими стихами искусство Пештуна, это роковое искусство, которое перенесло ее на отдаленные берега? А французское краснорѣчіе, защитникъ государства и алтари, не удалется ли какъ къ своему источнику въ отчизну святаго Амвросія? Зачѣмъ не могу я здѣсь помѣстить всѣхъ членовъ этого собранія въ одной картинѣ, которой краска не улучшала тщеславіе? потому что если справедливо, что зависть затемняетъ иногда достоинства литераторовъ, еще справедливѣе, что этотъ видъ людей отличается возвышенными чувствами, безкорыстными добродѣтелями, преданностью къ дружбѣ, вѣрностью къ несчастію. Такимъ-то образомъ, милостивые государи, люблю я разсматривать предметъ со всѣхъ сторонъ, люблю сообщать словесности важность, приспособляя ее къ самымъ высокимъ предметамъ нравственности, философіи и исторіи. Съ этой независимостью духа, я стало быть не долженъ насатся сочиненій, которыхъ не возможно разсматривать, не раздраживъ страстей. Кай Грахъ, Каласъ, Генрихъ Осьмой, Февелонъ, представлял бы мнѣ во многихъ отношеніяхъ такіа же историческія неаѣрности въ подтвержденіе такихъ же ученій; если читаю сатиры, я нахожу тамъ принесенныхъ въ жертву людей, накопившихся въ первыхъ рядахъ этого собранія; хотя писанныя слогами члестыми, неащными и легкими, онѣ пріятно напоминаютъ школу Вольтера

и я похвалялъ ихъ тѣмъ съ большиною удовольствіемъ, что ни она тоже не избѣгнуло колкостей. Но оставимъ сочиненія, которыя подали бы поводъ къ прискорбнымъ нареканіямъ, и въ возмущенію памяти писателя, который былъ вашимъ товарищемъ и еще нѣчто между вами почитателей и друзей; онъ будетъ обязанъ религіи, которой не умѣлъ уважать въ писателяхъ ее защитниковъ, этихъ микромъ, который я призываю на его погубу. Но даже здѣсь, милостивые государи, не буду ли я нѣтъ неостереженіе наткнуться на подводный камень. Воздвывая господину Шеніе дань уваженія, должную всѣмъ умершимъ, я боюсь найти подъ стопами прахъ людей, заслужившихъ несравненно высшую славу. Если не слишкомъ благородныя толкованія захотятъ поставить мнѣ въ вину это невольное волненіе, я укроюсь у подножія этихъ очистительныхъ алтарей, которые могущественный монархъ воздвигаетъ праху оскорбленныхъ династій. Ахъ! въ тысячу разъ выгоднѣе было бы для господина Шеніе не участвовать въ общественныхъ бѣдствіяхъ, упавшихъ наконецъ на его голову! онъ зналъ какъ и я, каково потерять во время смуты нѣжнѣею любимого брата. Что сказали бы наши несчастные братья, если бы Богъ призывалъ ихъ въ одинъ и тотъ же день къ своему судилищу? Если бы они встрѣтились въ послѣдній часъ жизни, прежде чѣмъ смѣшали кровь свою, они бы конечно закричали намъ: «прекратите ваши междусоборія, возвратитесь къ чувствамъ любви и мира; смерть равномерно разитъ всѣ партіи, и ваши жестокія распри стоятъ намъ молодости жизни.» Таковы были бы ихъ братскіе вопли.»

«Если бы мой предшественникъ могъ слышать эти слова, утѣшительныя только для его праха, онъ былъ бы чувствителенъ къ даннѣ уваженія, воздаваемой лишь его брату, потому что онъ былъ великодушенъ по природѣ; это-то самое великодушіе характера увлекло его въ новизны, очень обольстительныя кокетство, если онъ обещали возвратитъ намъ прежнія добродѣтели. Но скоро, когда онъ обманулся въ своей надеждѣ, характеръ его сдѣлался раздражителенъ, дарованіе исказилось. Переида изъ убижища поэта въ среду интригъ, какъ могъ снѣ предаваться чувствамъ, составляющимъ прелесть жизни. Счастливъ былъ бы онъ если бы не видѣлъ другаго неба, кромѣ неба Греціи, подъ которымъ родился! если бы не смотрѣлъ на другія развалины, кромѣ развалинъ Спарты и Афинъ! Я бы можетъ быть встрѣтилъ его въ прелестной отчизнѣ его матери и мы бы поклялись въ дружбѣ на берегахъ Пермесса, или, если ужъ онъ дѣлалъ

Могъ воротиться къ отеческимъ полямъ, зачѣмъ не послѣдовалъ
а мною въ пустыни, куда бросили меня наши бури? Без-
смысленно гнѣвъ успокоило бы эту вдохновенную душу. Тщетное
желаніе! Шеніе остался на театрѣ нашихъ волненій и нашихъ
горестей. Вы видѣли, милостивые государи, какъ застигнутый
еще въ юныхъ лѣтахъ смертельною болѣзью, онъ медленно
клонился къ могилѣ и оставилъ насъ навсегда.... Миѣ не рассказали
его послѣднихъ минутъ.

«Всѣ мы, жившіе въ несчастныя времена Франціи, не избѣ-
жемъ взоромъ исторіи.

«Я исполнилъ, милостивые государи, долгъ, возложенный на ме-
ня обычаями академіи. Кончая эту рѣчь, я пораженъ грустной
мыслью; недавно еще Шеніе произносилъ надъ моими сочи-
неніями приговоры, которые готовился издать; а теперь я сузу
своего судью. Говоря со всѣмъ чистосердечіемъ, я бы лучше
желалъ подвергнуться сатирамъ врага, и жить мирно въ уеди-
неніи, чѣмъ дать вамъ замѣтить, присутствіемъ своимъ, бы-
струю смѣну людей на землѣ, внезапное явленіе смерти, кото-
рая разрушаетъ наши планы и надежды, вдругъ похищаетъ насъ
и иногда предаетъ память нашу людямъ, совершенно, противопо-
ложнымъ нашимъ чувствамъ и правиламъ. Эта каеэдра похожа
на поле сраженія, гдѣ дарованія поочередно являются блеснуть
и умереть. Сколько различныхъ геніевъ перебивало на ней! Кор-
нель, Расинъ, Боалдъ, ла Брюйеръ, Боссюзъ, Фенелонъ, Вольтеръ,
Бюфонъ, Монтескйе.... Кто не испугается, милостивые государи,
при мысли, что онъ составитъ звено въ этой блестящей цѣпи.
Подавляемый гнетомъ этихъ безсмертныхъ именъ, будучи не въ
состояніи заставить признать меня, по моимъ дарованіямъ, за за-
коннаго наслѣдника, я постараюсь, по-крайней-мѣрѣ доказать
происхожденіе мое чувствами».

«Когда придетъ моя очередь уступить мѣсто оратору, который
долженъ заговорить на моей могилѣ, онъ можетъ строго судить
мои сочиненія, но будетъ принужденъ сказать, что я востор-
женно любилъ отечество, что я согласился бы скорѣе претер-
пѣть тысячу бѣдствій, чѣмъ стоять одной слезы моей отчизнѣ,
что я не колеблясь привнесъ бы жизнь мою въ жертву этимъ бла-
городнымъ чувствамъ, которыя одни придаютъ цѣну жизни и
достоинство смерти.

«Но какое время выбралъ я, милостивые государи, чтобы го-
ворить вамъ о траурѣ и похоронахъ! Не окружены ли мы
празднествомъ? Уединенный путешественникъ, я размышлялъ въ-

сродно днѣ, тому на развалинахъ разрушенныхъ царствъ: въ вѣку, тѣмъ воздвигается новое царство. Едва окончили вѣтъ войны, гдѣ покоятся цѣлыя народы, и принимаютъ медаль, обремененную судьбою будущаго. Со всѣхъ сторонъ раздвигаются послѣдствія солдатъ. Цезарь входитъ въ Капитолій; народы расказываютъ чудеса, воздвигнутыя зацѣпъ, украшенные грады границы отчужденія, орошаемыя этими дальними морями, по которымъ неслись корабли Сципіона и этими недоступными морями, которыхъ не видѣлъ Германicus.

«Между-тѣмъ какъ побѣдитель приближается, оруженныи своими легионами, что будутъ дѣлать спокойныя дѣла мнѣ? Они пойдутъ впередъ колесницы, чтобы присоединить ослѣпловую часть мира къ побѣднымъ пальмамъ, чтобы представить побѣдному священному кубку, чтобы смѣшать съ воинственными разсказами трогательныя изображенія, заставляющія Павла Эмилія плакать о несчастіяхъ Персея.

«А ты, дочь Кесарей, выйдь изъ дворца своего съ юнымъ сыномъ на рукахъ, придѣ присоединить предѣсть къ величію, придѣ растрогать побѣду и смягчить блескъ оружія кроткимъ величіемъ королевы и матери».

Въ возвращенной мнѣ рукописи начало рѣчи, вышесказанное отношеніе къ мнѣніямъ Милтона, было перечеркнуто съ одного конца до другаго рукою Бонапарта.

Но все еще кончилось, когда мнѣ возвратили рѣчь; хотѣли принудить меня написать другую. Я объявлялъ, что держусь первой рѣчи и второй писать не стану. Комиссія объявила мнѣ тогда, что я не буду принятъ въ академію.

Особы, исполненыя великодушія, мужества, любезности, и незнакомыя мнѣ, принимали во мнѣ участіе. Мадамъ Линдезъ, которая, по возвращеніи моемъ во Францію, привезла меня изъ Бале въ Парижъ, говорила мадамъ Ге; та обратилась къ мадамъ Реньо де-Сенъ-Жакъ д'Анжелл, которая уговорила герцога Ренгю оставить меня въ сторонѣ. Женщины того времени ставили красоту свою между могуществомъ и несчастьемъ.

Весь этотъ шумъ продолжался до десятилѣтнихъ премій, до 1812 года. Бонапарте, не благоволившій ко мнѣ, велѣлъ спросить академію, по случаю этихъ премій, зачѣмъ она не внесла въ свой списокъ «Духъ Христіанства». Академія объяснилась; многіе изъ моихъ товарищей написали неблагопріятное сужденіе о моемъ сужденіи. Я бы могъ сказать имъ то, что греческій поэтъ сказалъ цитируя «Дочь Атики, выкормленная медомъ, ты, которая, подобно тѣмъ»

хорошо, ты скватываешь кузнечика такого же славнаго пѣвунка какъ ты сама и несешь его въ пищу своимъ малюткамъ. Вы оба крылатые, оба обитатели этихъ мѣстъ, оба празднуете рожденіе весны.

Эта сидась гдѣ-то и влеченія Бонапарта ко мнѣ постоянна и странна; недавно она угрожала мнѣ и вдругъ спрашиваетъ институтъ зачѣмъ не говорилъ онъ обо мнѣ по случаю десятилѣтнихъ премій. Она сдѣлала еще больше: объявила, Фонтану, что если институтъ не найдетъ меня достойнымъ преміи, онъ можетъ дать мнѣ другую награду—назначить главнымъ директоромъ всѣхъ библиотекъ во Франціи; директорство съ жалованьемъ какъ посольство перваго ранга. Первая идея Бонапарта употребить меня въ дипломатической карьерѣ не выходила у него изъ головы; онъ не хотѣлъ знать, по известнымъ ему причинамъ, что я вышелъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Однако, несмотря на эти замышляемыя щедрости, префектъ полиціи попросилъ меня, нѣсколько времени спустя, удалиться изъ Парижа, и я поѣхалъ продолжать мои «Записки» въ Ліонъ.

Какой-то Дамазъ де-Реймонъ сдѣлался моимъ рыцаремъ-защитникомъ; я пошелъ благодарить его въ Вивіенскую улицу.

Де-Помпрѣдъ, о которомъ я говорилъ въ первый мой пріѣздъ въ Парижъ, сдѣлался главнымъ директоромъ типографій и книжной торговли; я просилъ у него позволенія перепечатать весь мой «Essai». Можно видѣти мою переписку и послѣдствія ея къ предисловію къ «Essai», во второмъ томѣ полнаго собранія сочиненій. Впрочемъ, правительство было право, отказавъ мнѣ перепечатать цѣлое сочиненіе. По возвращеніи Людовика-Осемнадцатаго снова открыли «Essai»; какъ во времена имперіи хотѣли воспользоваться имъ противъ меня въ политическомъ отношеніи, при Бурбонахъ хотѣли противопоставить его мнѣ въ отношеніи религіозномъ. Я такъ торжественно отрекся отъ моихъ заблужденій въ замѣткахъ новаго изданія «Essai historique», что меня не въ чемъ упрекать. Наступитъ потомство; оно произнесетъ приговоръ и книгѣ и комментарію, если это старье еще можетъ занимать потомство. Смѣю надѣяться, что оно будетъ судить обо «Essai», какъ моя сѣдая голова о немъ судила; потому что подвигаясь на жизненномъ пути, набираешься правдивости этого будущаго, къ которому подходишь. Книга и примѣчанія ставятъ меня передъ людьми такимъ, каковъ я былъ въ началѣ моей карьеры; такимъ, каковъ я при концѣ этой карьеры.

Впрочемъ, это сочиненіе, о которомъ я судилъ съ безжалостной,

строгостью, представляетъ перечень моей жизни какъ поэта, моралиста и будущаго политика. Соку въ трудѣ бездна, смѣлости въ сомнѣнiяхъ болѣе быть не можетъ. Нельзя не сознаться, что въ различныхъ путяхъ, по которымъ я шелъ, никогда не осѣблялся никакимъ дѣломъ, что никакии выгоды не руководили меня, что рѣшенiя мои были всегда добровольны.

Въ «Essai» все рассмотрено съ разныхъ сторонъ. Это не противорѣчiя, а неизбѣжныя послѣдствiя невѣрности теорiи и невѣрности практики у людей. Надъ духомъ моимъ преобладалъ инстинктъ разсудка, приказывавшiй покориться тому, что пришло прекраснымъ: религiи, справедливости, человѣчеству, славы. То что мечтаютъ нынче о будущемъ, то что нынѣшнее поколѣнiе воображаетъ будто открыло по части предбудущаго общества, основаннаго на правахъ, совершенно различныхъ отъ прежняго общества, находится положительно предсказано въ «Essai». Я опередилъ тридцатью годами тѣхъ, которые выдаютъ себя за провозгласителей неизвѣстнаго мiра. Дѣйствию мои принадлежали старому вѣку, мысли новому, первыя по моей обязанности, вторыя по моему характеру.

Впрочемъ, я долженъ былъ преувеличить мой проступокъ и искупить идеями благомыслия столько страстныхъ идей, разбросанныхъ въ моихъ сочиненiяхъ. Боюсь, что въ началѣ моей карьеры я повредилъ юношеству: долженъ загладить это передъ нимъ или по крайней мѣрѣ обязанъ дать ему другiя наставленiя. Пусть оно знаетъ, что можно съ успѣхомъ бороться противъ возмущенной природы; нравственную красоту, красоту божественную, превосходящую всѣ земныя грѣзы, я видѣлъ; надо только немного мужества, чтобы достигнуть до нея и отъ нея не отступаться.

Чтобы окончить то, что осталось мнѣ сказать о моей литературной карьерѣ, я долженъ упомянуть о сочиненiи, которымъ началась она и которое оставалось въ рукописи до того году, когда я включилъ его въ изданiе «Oeuvres complètes».

Въ предисловiи «Начезовъ» сказано какъ это сочиненiе найдено въ Англiи старанiями и обязательными розысками мосье де-Тюэн.

Рукопись, изъ которой я могъ извлечь «Аталу», «Ренея», и множество описанiй, помѣщенныхъ въ «Духъ Христіанства», не совсемъ бесплодна. Эта первая рукопись была написана сплошь, безъ раздѣленiй; всѣ предметы въ ней смѣшаны: путешествiя, натуральная исторiя, драматическая часть и прочая, но вслѣдъ этой

сплошной рукописи, существовала другая, раздѣленная на книги. Въ этомъ второмъ трудѣ я не только приступилъ къ раздѣленію предметовъ, но тоже перемѣнилъ родъ сочиненія, сдѣлавъ изъ романа эпопею.

«Молодой человѣкъ, бросающій какъ ни попало свои идеи, изобрѣтенія, наученія, начитанности, долженъ произвести хаосъ, но также, въ этомъ хаосѣ есть нѣкоторая плодovitость, происходящая отъ силы возраста.

Со мной случилось то, что можетъ - быть никогда не случилось съ авторомъ: перечитывать черезъ тридцать лѣтъ рукопись, которую я совершенно забылъ.

Мнѣ предстояла опасность. Проводя кистью по картинѣ, я могъ погасить краски, но болѣе вѣрная и менѣе быстрая рука могла изгладить живыя черты юности: надо было сохранить въ сочиненіи его независимость и такъ сказать его пылкость; надо было оставить пѣну въ мундштукѣ молодого коня. Если въ «Начезахъ» есть вещи, на которыя нынче я отважусь дрожа, тамъ есть также то, что я не захочу написать теперь, именно письмо Ренея во второмъ томѣ. Оно написано первоначальной моею манерою и представляетъ собою всего «Ренея»: не знаю что послѣдовавшіе за мною «Ренеи» могли сказать, чтобы болѣе приблизиться къ сумасбродству.

«Начезы» начинаются воззваніемъ къ пустынь и къ ночному свѣтлу, высочайшимъ божествамъ моей юности.

«Въ тѣни американскихъ лѣсовъ, я хочу воспѣвать пѣсни уединенія, такія, какихъ еще не слышало человѣческое ухо; я хочу рассказать твои несчастія, о Начезъ! О народъ лудзіанскій, отъ котораго остались только воспоминанія! Злополучія неизвѣстнаго обитателя лѣсовъ будутъ ли имѣть меньше правъ на наши слезы, чѣмъ злополучія другихъ людей? и мавзолеи великихъ земли въ нашихъ храмахъ трогательнѣе ли гробницы Индѣйца, подъ дубомъ родины его?

«А ты, факель размысленій, свѣтило ночей, будь для меня свѣтильникомъ Пинда! Иди передо мною, по неизвѣстнымъ странамъ Новаго-Свѣта, чтобы при твоёмъ сіяніи я открылъ восхитительныя тайны этихъ пустынь!

«Мои двѣ натуры смѣшались въ этомъ странномъ сочиненіи, особенно въ первоначальномъ оригиналѣ. Тамъ находятся политическія происшествія, романтическія интриги; но сквозь весь рассказъ слышится вездѣ поющій голосъ, который словно выходитъ изъ невѣдомой страны.

Отъ 1812 до 1814 года осталось два года до конца шестидесяти, и эти два года, о которыхъ уже кое-что здѣсь сказано зарѣе, я употребилъ на разсиски о Франціи и на редакцію нѣсколькихъ книгъ изъ этихъ «Занисокъ»; но я не печаталъ больше ничего. Моя поэтическая и ученая жизнь заключилась издаіемъ трехъ большихъ моихъ сочиненій, «Духа Христіанства», «Мучениковъ» и «Дорожняка». Мои политическія сочиненія начались послѣ возстановленія Бурбоновъ; съ этими сочиненіями также началась моя политическая дѣятельная жизнь. И такъ здѣсь кончается моя литературная карьера, собственно такъ называемая; ускоренный потокомъ дѣлъ, я пропустилъ ее; только теперь, въ 1831 году, я припомнилъ времена, оставленные назадъ отъ 1800 до 1814 года.

Эта литературная карьера, какъ вы могли въ томъ убѣдиться, была возмущаема не менѣе моею карьерою путешественника и солдата; были также труды и страшныя встрѣчи; но все такъ были музы да кастильскіе ключи; моя политическая карьера была еще болѣе бурною.

Можетъ-быть какіе-нибудь обломки обозначутъ мѣсто, которое занимали мои Академовы сады. «Духъ Христіанства» началъ религіозный переворотъ противъ лжемудрости осемнадцатаго столѣтія. Я въ то же время приготовилъ переворотъ, угрожавшій нашему языку, потому-что обновленія въ идеяхъ не могли быть безъ нововведеній въ слогахъ. Будутъ ли послѣ меня другія «соры искусства, теперь неизвѣстныя? Можно ли будетъ двинуться изъ нашихъ теперешнихъ трудовъ, какъ мы двинулись изъ трудовъ прошлыхъ, чтобы сдѣлать шагъ впередъ? Есть ли границы, которыя нельзя переступить, потому-что разобьемся, ударимся о натуру вещей? Эти границы не находятся ли въ раздѣленіи новѣйшихъ языковъ, въ вѣтхости этихъ самыхъ языковъ, въ чловѣческомъ тщеславіи, какими сдѣлало его новое общество? Языки не слѣдуютъ ли движенію образованности только до эпохи ихъ усовершенствованія; достигнувъ своей апогеи, они останавливаются неподвижно на мгновеніе, выходятъ и не могутъ уже подняться.

Теперь разскажъ, который я оканчиваю, соединяется съ короткими книгами моей политической жизни, написанными прежде въ различное время. Я чувствую нѣсколько болѣе мужества, приступая къ отдѣльнымъ частямъ моего зданія. Когда я опять пришла за работу, я дрожала, чтобы въ рукѣ стараго сына Климъ не превратилась въ свинцовую золотая лопатка каменщика строившаго

ресь поддержитъ мои частныя признанія; небольшие разсказы сгруппируются вокругъ моего повѣствованія.

Бонапарте сдѣлалъ королями баварскаго, вюртембергскаго и саксонскаго курпринцевъ, отдалъ неаполитанскую корону Марату, неапанскую Иосифу, голландскую Людовигу, вестальскую Жерому; сестра его Элиза Батьони, была луввской принцессой, а сама оня императоромъ Французомъ, королемъ Италіи, куда включались Венеція, Тоскана, Парма и Пиаченца; Пиемонтское княжество присоединилось къ Франціи; Наполеонъ согласился доуступить на шведскій престолъ одного изъ своихъ генераловъ; въ силу трактата съ рейдскимъ союзомъ оня управлялъ Германіей на правахъ австрійскаго дону; произвелъ было себя въ посредника гельветическаго союза и въ этомъ званіи распорядился Швейцаріей; низложилъ Пруссію; не имѣя ни одной лодки, объявилъ великобританскія острова въ блокадномъ положении. Англія, при всѣхъ своихъ флотахъ, находилась нѣсколько вѣршн въ опасности остаться безъ гавани на твердой землѣ, чтобы выгрузить бочку своего сахара или отдать письмо на почту.

Панскія владѣнія составляли часть французской имперіи; Тибръ былъ французскимъ департаментомъ. Австрія откупилась не иначе, какъ цѣною руки своей принцессы.

Какимъ образомъ совершились эти чудеса? Какими доблестями обладалъ человекъ, который творилъ ихъ? Какихъ качествъ доставало этому человеку, чтобы ихъ довершить? Последую неотступно за огромною «ортувою Бонапарта, которая, однажды пройдла такъ скоро, что дни ея заинимаютъ только ничтожную «стичку времени, обилитаго этими «Записками». Приторныя предмелвія родословныхъ, холодныя изслѣдованія фактовъ, утомительныя справки съ числами — не легки для ииствела, skutыл долгы его службы.

Первый Бонапарте, о которомъ упоминается въ новѣйшихъ лѣтописяхъ — Яковъ Буонапарте или Бонапарте, который слово предтеча будущаго завоевателя, оставилъ намъ исторію «Римской рѣзни» въ 1527 году, которой былъ оня очевиднымъ свидѣтелемъ. Наполеонъ Людовикъ Бонапарте, старшій сынъ герцогини де-Сенъ-Лё, умершій послѣ мятежа, произведеннаго въ Романіи, перевелъ на французскій языкъ этотъ любопытный документъ; въ началѣ перевода оня помѣстилъ родословную Бонапартовъ.

Переводчикъ говоритъ, что оня удовольствуется дополнить французски предисловія кельнскаго издателя, публикуя о самикомъ Бонапарте достовѣрныя подробности; отрывки исторіи, содержащ

онъ, почти совершенно забытые, но интересные по крайней-мѣрѣ для тѣхъ, которые любятъ отъискивать въ лѣтописяхъ прошедшихъ временъ начала повѣйшей знаменитости.

Слѣдуетъ родословная, изъ которой явствуется, что нѣкоторый кавалеръ Нордилло Буонапарте, далъ втораго апрѣля 1266 года, поруку за принца Конрадина Швабскаго, когда герцогъ Анжуйскій хотѣлъ отрубить ему голову за неуплату таможенной пошлины съ вещей сказаннаго принца. Около 1225 года начались гоненія на тревизскіе, благородные роды: одна отрасль роду Буонапарте вышла въ Тоскану, и потомки ея, какъ видно по лѣтописямъ, часто занимали тамъ высшія государственныя мѣста. Людовикъ-Марія-Фортуватъ Буонапарте, изъ другой отрасли, поселившейся въ Сардинію, перешелъ въ Корсику въ 1612 году, поселился въ Аячю и сталъ родоначальникомъ корсиканскихъ Бонапартовъ. Въ гербу Буонапарте поле прорѣзано вкось двумя золотыми полосами, съ двумя звѣздочками по сторонамъ.

Есть другая родословная, которую книгопродавецъ Панкукъ помѣстилъ въ началѣ изданія сочиненій Бонапарта: она во многомъ разнится съ тою, которую далъ Наполеонъ-Людовикъ. Съ другой стороны герцогиня д'Абрантесъ благоугодно производитъ родъ Буонапарте прямо отъ роду Комненовъ, на томъ основаніи, что слово Буонапарте представляетъ буквальный переводъ греческаго слова *Каломеросъ*, прозвище Комнена.

Наполеонъ-Людовикъ счелъ должнымъ окончить свою родословную этими словами: «Я выпустилъ много подробностей, потому что дворянскіе титулы любопытны только для немногихъ, кому же фамилія Бонапартовъ не получила бы отъ этого никакого блеску.

«Qui sait bien son pays n'a pas besoin d'aïeux».

Несмотря на этотъ философскій стихъ, родословныя *существуютъ*.

Все здѣсь странно. Яковъ Бонапарте историкъ «Римской рѣзни» и задержавъ папы Климента Седьмаго солдатами конетабля Бурбонскаго, происходитъ изъ той же крови какъ Наполеонъ Бонапарте разоритель столькихъ городовъ, владѣлецъ Рима, превращеннаго въ губернскій городъ, государя всей Италіи, властелина короны Бурбоновъ и такъ далѣе. Переводчикъ сочиненія Якова Буонапарте — Наполеонъ-Людовикъ Бонапарте, племянникъ Наполео-

на, сынъ короля голландскаго, брата Наполеона; этотъ молодой человекъ умеръ въ послѣднемъ романскомъ мятежѣ, недалеко отъ двухъ городовъ, куда изгнаны мать и вдова Наполеона, въ ту минуту, когда Бурбоны лишаются престола въ третій разъ.

Не легко было доказать, что Наполеонъ — сынъ Юпитера Лимона, принявшаго образъ любимаго ужа Олимпіады, или что онъ — праправнукъ Венеры по Анхизу, Энееву батюшкѣ: такъ ученые вольноотпущенники, а въ томъ числѣ и графъ Лаказъ явились съ родословной своего издѣлія и показали Наполеону, что онъ происходитъ по прямой линіи отъ Желѣзной Маски. Губернаторъ острововъ Святой Маргариты назывался *Bonapart*; у него была дочь. Желѣзная Маска, братъ, близнецъ Людовика-Четырнадцатаго влюбился въ дочь губернатора и тайно женился на ней, по собственному показанію суда. Дѣти, родившіяся отъ этого союза, были тайно перевезены на Корсику, подъ фамильнымъ именемъ ихъ матери *Bonaparte* и превратились въ *Bonaparte* по различію языковъ. И такъ Желѣзная Маска сдѣлалась таинственнымъ прародителемъ, чугуннымъ дѣломъ великаго человѣка, происшедшаго изъ единой утробы съ великимъ королемъ.

Отрасль Франкини *Bonaparte* имѣетъ въ своемъ гербу три золотыя лиліи. Наполеонъ улыбался съ недовѣрчивымъ видомъ при этой родословной, но улыбался: все же это было предсказаніе царства для его роду. Наполеонъ выказывалъ равнодушіе, котораго не имѣлъ, потому что самъ выписалъ свою родословную изъ Тосканы (Буріены). Именно потому-что святости рожденія недостаетъ *Bonapарту*, это рожденіе чудесно: «Я видѣлъ, говорятъ Демосѣенъ, какъ этотъ Филиппъ, противъ котораго мы сражались за независимость Греціи, съ подбитымъ глазомъ, съ разбитымъ плечомъ, съ слабой рукою, съ вывернутой ляжкой, подставлялъ съ непоколебимой твердостью члены свои ударамъ судьбы, радуясь, что живетъ для чести и вѣнчается пальмами побѣды».

А Филиппъ былъ отецъ Александра; стало-быть Александръ былъ сынъ царя, и царя достойнаго короны; въ силу этого двойнаго права, Александру, родившемуся на тронѣ, не суждено было какъ Наполеону *Bonapарту*, жать по-маленьку, чтобы достигнуть великаго назначенія. Александръ не представляетъ противоположности двухъ карьеръ; наставникъ его—Аристотель; усмирять Буцефала составляло забаву дѣтства Александра. Наполеонъ учитель былъ изъ простыхъ, и лошадей для ристанія у Наполеона не было; онъ бѣдѣе всѣхъ своихъ товарищей по ученію. Этотъ артиллерійскій подпоручикъ, безъ служителей, заставить

себя всей Европой; этотъ *маленькій капралъ* призоветъ въ свою переднюю великихъ земли.

Ils ne sont pas venus nos deux rois? Qu'on leur dit
Qu'ils se font trop attendre et qu'Attila s'ennuit.

Наполеонъ, восклицавшій такъ умно: «О! еслибы я былъ сви- нѣмъ внукомъ!» не нашелъ власти въ своемъ семействѣ, а самъ создалъ ее: какихъ разнородныхъ способностей не требуется для такого созданія! Можно ли сказать, что Наполеонъ былъ только самый искусный употребитель общественнаго разума, вокругъ него разлитаго, каковъ долженъ быть человекъ, умѣющій направитъ и присвоить себѣ столько постороннихъ умственныхъ способностей и дарованій?

Однако если Наполеонъ не родился принцемъ, онъ былъ, по старинному выраженію, сынъ *хорошей фамилии*. Де-Марбѣвъ, губернаторъ Корсики, помѣтилъ Наполеона въ одинъ коллегіумъ близъ Отѣна; потомъ онъ былъ принятъ въ бриенское военное училище. Эльза, вышедшая за Бачьки, воспитывалась въ Сень-Сирѣ: Бонапарте потребовалъ выдачи сестры, когда смуты разрушили двери этихъ релігіозныхъ убѣжищъ. И такъ, одна изъ сестеръ Наполеона была въ числѣ послѣднихъ воспитанницъ заведенія, въ которомъ первыя молодыя дѣвушки пѣли передъ Людовикомъ Четырнадцатымъ хоры Расина.

Дворянское свидѣтельство, потребованное для допущенія Наполеона въ военную школу, было представлено: оно содержитъ свидѣтельство о крещеніи Карла Бонапарта, отца Наполеона, съ поименованіемъ десяти предковъ Карла; свидѣтельство главнѣйшихъ дворянъ области Аяччо, доказывающее, что фамилія Бонапарте была всегда въ числѣ самыхъ древнихъ и самыхъ благородныхъ; письменное объявленіе тосканскихъ Бонапартовъ, пользующихся правами патріата, удостоверяющее въ томъ, что они однопле- менники Бонапартовъ корсиканскихъ, и прочая.

«Во время вступленія Бонапарта въ Тревизу, говоритъ графъ Лаказъ, ему сказали, что фамилія его была тамъ въ силѣ; въ Болоньи, — что она внесена въ золотую книгу.... При свиданіи въ Дрезденѣ, императоръ Францъ сказалъ Наполеону, что родъ Бонапартовъ былъ владѣтельнымъ въ Тревизѣ, и что онъ самъ разсматривалъ документы, прибавивъ, что это открытіе безцѣнное, что надо сказать объ этомъ Маріи-Луизѣ, которая ужасно обра- дуется этому извѣстію».

Происходя отъ дворянскаго роду, имѣвшаго брачныя союзы съ родами Орсини, Ломелли, Медичи, Наполеонъ попалъ въ демократы только на одно мгновеніе; и то по причинѣ революціоннаго гнету. Самъ онъ говоритъ это въ своихъ сочиненіяхъ. Въ сдѣлствіе чувства знатности, расположеніе духа было у него аристократическое. Не Паскаль Паоли былъ крестнымъ отцомъ Наполеона, какъ утверждали, а лицо неизвѣстное, и кто Лаврентій Джубба изъ Кальви: это обстоятельство обнаружилось изъ приходскихъ книгъ, которыя держалъ монастырскій экономъ, патеръ Діаманте въ Аяччо.

Прекрасное имя Наполеонъ досталось императору Французамъ отъ одного изъ его дядей, выдавшаго дочь свою за Орнано. Святой Наполеонъ былъ мученикъ греческій. По словамъ комментаторовъ Данте, графъ Орсо былъ сыномъ Наполеона изъ Чербаин. Прежде, читая исторію, никто не останавливался на этомъ имени, которое носили многіе кардиналы; теперь оно поражаетъ. Слава человека не всходитъ въ прошедшее: она нисходитъ. Никъ при своемъ источникѣ неизвѣстенъ только немногимъ Эфиопамъ, а устье его какому народу неизвѣстно?

Доказано и неоспоримо, что настоящая фамилія Бонапарта — *Буонапарте*; онъ самъ такъ подписывался во всю италявскую кампанію, до тридцати трехъ-лѣтняго возраста. Потомъ онъ оеряпузилъ ее и сталъ подписываться Бонапарте. Оставляю ему фамилію, которую онъ самъ себя сдѣлалъ и которую вырѣзалъ на пьедесталѣ своей неразрушимой статуи.

Бонапарте отрѣзалъ ли отъ своего возрасту почти цѣлый годъ жизни, для того чтобы представиться Французомъ, то есть рѣдшимся на Борскіе уже послѣ присоединенія этого острова къ Франціи? Этотъ вопросъ рѣшевъ коротко, но основательно, господиномъ Экиаромъ; можно прочесть его брошюрку. Изъ нея слѣдуетъ, что Бонапарте родился 5 февраля 1768 года, а не 15 августа 1769 года, несмотря на положительное утвержденіе Буриса. Вотъ почему блюстительный сенатъ, въ прокламаціи своей 3 апрѣля 1814 года, называетъ Наполеона *иностранцемъ*.

Въ свидѣтельствѣ о совершеніи брака между Бонапартомъ и Маріей-Жозефой-Розой де-Ташеръ, приписанномъ въ книгахъ второй части города Парижа 9 марта 1796 года, значится, что Наполеонъ Буонапарте родился въ Аяччо 5 февраля 1768 года, и что его свидѣтельство о рожденіи, сирѣдственное городскимъ чиновникомъ, подтверждаетъ это число. Это же самое число соверши-

но согласуется съ тѣмъ, что сказано въ брачномъ свидѣтельствѣ, что супругъ двадцати-осьми лѣтъ.

Свидѣтельство о рожденіи Наполеона, представленное меру второй части, во время его женитьбы на Жозефинѣ, было взято отсюда адъютантомъ Наполеона, въ началѣ 1810 года, когда приступали къ расторженію брака Наполеона съ Жозефиной. Дювалъ, не смѣя противиться повелѣнію Наполеона, надписавъ въ то же время на одной изъ бумагъ: «Свидѣтельство о рожденіи совершенно ему въ подлинникъ, вальдетивѣ востребованія; за спорою времени, нѣтъ снять было невозможно». Годъ рожденія Жозефины подскобленъ и написаны вновь талетыми чертами, хотя въ увеличительное стекло видны слѣды прежнихъ чиселъ.

Свидѣтельство о рожденіи Наполеона, взятое адъютантомъ въ 1810 году, исчезло; всѣ розыски были безуспѣшны.

Это фактъ неоспровержимый, в потому я думаю, судя по нинѣ, что Наполеонъ родился въ Аяччо 5 февраля 1768 года. А Корсика уступлена Франціи трактатомъ отъ 15 мая 1769 года. Слѣдовательно Наполеонъ родился еще подъ италіанскимъ правленіемъ, прямымъ и неоспоримымъ Италіанцемъ. Я знаю впрочемъ затрудненія, мѣшающія исторіи принять эти числа безпрекословно.

Юсепъ, старшій братъ Наполеона, родился 5 января 1768 года; братъ его не могъ родиться въ томъ же году, равнѣ только число рожденія Юсепъ тоже неизвѣстно. Это можно предположить, потому-что всѣ документы о рожденіи, крещеніи и бракѣ Наполеона и Жозефины, подозрѣваются въ искаженіи. Несмотря на совершенную вѣроятность подлога, графъ де-Вомонъ въ своихъ «Замѣткахъ о Корсикѣ», утверждаетъ, что по книгамъ о рожденіи и смертности области Аяччо, Наполеонъ значится родившимся 15 августа 1769 года. Наконецъ, бумаги, заимствованныя мною отъ Либри, показываютъ, что самъ Бонапарте считалъ себя родившимся 15 августа 1769 года, въ то время, когда не могъ имѣть еще никакой причины желать быть моложе. Но все-таки остается officialное число въ документахъ перваго брака и истребленіе свидѣтельства о рожденіи.

Въ душѣ Бонапарте былъ Италіанецъ и прямой италіанскій патриотъ; онъ терпѣть не могъ Французамъ до того времени, когда вужество ихъ доставило ему корону. Доказательствъ этого отвращенія множество въ запискахъ, писанныхъ имъ въ юности. Въ замѣчаніи Наполеона о самоубійствѣ, находится это мѣсто:

«...Французы не довольствуются тѣмъ, что отняли у насъ все, что намъ дорого, а еще развратили наши нравы».

Письмо, писанное имъ къ Паолу въ Англію въ 1780 году, и напечатанное, начинается такимъ-образомъ: «Генераль, я родился, когда отечество мое гибло. Тридцать тысячъ Французовъ, тепшихъ моихъ соотечественниковъ въ потокахъ крови — вотъ первое зрѣлище, поразившее мой взоръ».

Предубѣжденія Наполеона противъ новаго отечества, противъ нашей Франціи, не изгладилась воишь. На престолѣ онъ забылъ о насъ, говорилъ только о себѣ, о своихъ солдатахъ, но вѣтъ никогда не упоминалъ о Французахъ; у него нерѣдко вырывалось: «Вы Французы!»

Когда я былъ посломъ въ Римѣ, въ 1828 году, кардиналъ Фешъ, показывая мнѣ свои картины и книги, сказалъ, что у него есть рукопись юныхъ годовъ Наполеона; онъ такъ ему приписывалъ имъ важности, что предложилъ мнѣ показать ихъ; я оставилъ Римъ и не имѣлъ времени рассмотреть эти документы. При кончинѣ государыни-матери и кардинала Феша, то, что осталось послѣ нихъ, было разобрано по рукамъ; портфель, заключавшій «Опыты» Наполеона, былъ привезенъ въ Ліонъ съ многими другими; онъ достался Либри, который напечаталъ въ «*Revue des Deux Mondes*» 1 марта 1842 года подробный списокъ бумагъ кардинала Феша; послѣ онъ былъ такъ добръ, что привезалъ мнѣ этотъ портфель. Я имъ воспользовался, чтобы распространить прежній текстъ моихъ «Записокъ» въ разсужденіи Наполеона, съ предоставленіемъ себѣ права пополнить со временемъ справки и свести могущія встрѣтиться разногласія и противояложныя показанія.

Бенсонъ въ своихъ «Очеркахъ Корсики» (*Sketches of Corsica*) говоритъ о загородномъ домѣ, въ которомъ жило семейство Бонапарте:

«Идя вдоль морскаго берега, къ острову Сангвинеръ, около мли отъ города, встрѣчаешь два каменные столба, остатки дери, открывавшейся на дорогу; она вела къ разрушенной виллѣ, прежде бывшей мѣстопребываніемъ брата по одной матери мамъ Бонапарте, котораго Наполеонъ сдѣлалъ кардиналомъ Фешемъ. Остатки небольшого павильона видѣются подъ скалой; входъ едва не закрытъ густымъ фиговымъ деревомъ: это былъ любимое убѣжище Бонапарте, когда время вакацій въ швейцарско-воляло ему возвращаться домой».

Любовь къ родной сторонѣ шла у Наполеона своимъ обиль-

женнымъ порядкомъ. Въ 1788 году онъ писалъ по поводу графа де Сюсси, что «Корсика представляетъ вѣчную весну»; онъ пересталъ говорить о своемъ островѣ, когда былъ счастливъ; у него даже явилось отвращеніе къ Корсикѣ, потому-что она напоминала ему слишкомъ узкую колыбель. Но на островѣ Святой-Елены онъ вспомнилъ объ отечествѣ: «Корсика имѣла тысячу прелестей для Наполеона» (Записки объ островѣ Святой Елены). Онъ любилъ рисовать большими чертами смѣлые образы ея физическаго строенія. Все тамъ было лучше, говорилъ онъ; даже запахъ почвы: ему было бы довольно этого запаха, чтобы отгадать родную почву съ закрытыми глазами. Онъ видѣлъ себя тамъ въ первыхъ своихъ лѣтахъ, во время первой любви; воображалъ себя тамъ въ молодости среди пропастей, перепрыгивающимъ возвышенныя вершины, и глубокия долины».

Колыбель Наполеона окружена романомъ; этотъ романъ начался съ Ванныны, убитой мужемъ ея Самплетро. Баронъ фонъ Нейгофъ, назвавшій себя королемъ Теодоромъ, являлся на всѣхъ берегахъ, прося помощи у Англіи, у папы, у турецкаго султана, у тунисскаго бей, послѣ коронованія своего на царство Корсиканцевъ, которые не знали кому предаться. Вольтеръ смѣется надъ этимъ. Два Паоли, Гиацинтъ и особенно Паскаль, наполнили Европу шумомъ своихъ именъ. Буттафокко просилъ Жанъ-Жака Руссо быть законодателемъ Корсики; женеваскій философъ думалъ было поселиться въ отечествѣ того, кто разломалъ Альпы, унесъ Женеву въ карманѣ. «Въ Европѣ есть еще страна, писалъ Руссо, годная для законодательства: это Корсика. Мужество и постоянство, съ которыми этотъ храбрый народъ умѣлъ поддерживать свои права, заслуживаютъ, чтобы какой-нибудь умный человѣкъ научилъ его сохранить ихъ. У меня есть какое-то предчувствіе, что пѣюгда этотъ островокъ изумитъ Европу».

Взросшій среди Корсиканцевъ, Бонапарте не принесъ намъ ни спокойствія ни страстей юнаго возраста, но умъ, уже пропитанный политическими страстями. Это измѣняетъ идею, которую составили себѣ о Наполеонѣ.

Когда человѣкъ сдѣлался знаменитымъ, ему сочиняютъ прошедшее; дѣти, предпозначенныя къ великому, по словамъ біографовъ, пылки, шумвы, неукротимы; они или учатся всему или ничему не учатся; чаще же эти дѣти грустны, не раздѣляютъ игръ товарищей, мечтаютъ въ уединеніи и уже преслѣдуются угрожающимъ имъ именованіемъ. Вотъ одинъ энтузіастъ открылъ записки Наполеона къ его дѣдушкѣ и бабушкѣ, чрезвычайно пустымъ

(конечно писанныя по-итальянски) и подчасовѣть насъ этотъ задоромъ. Предзнаменованія нашей будущности — напрасны; мы становимся тѣмъ, чѣмъ насъ дѣлають обстоятельства; будь ребенокъ веселъ или грустенъ, показывай или не показывай оныхъ способностей къ занятіямъ, изъ этого нельзя вывести никакого заключенія. Остановите ученика на шестнадцатомъ году; будь онъ понятливъ и способенъ сколько угодно, этотъ мальчикъ чудо, если ему не позволите развернуться, все-таки останется шестнадцатилѣтнимъ дуракомъ. У ребенка нѣтъ даже самой малой изъ прелестей — улыбки; онъ смѣется, а не улыбается.

Наполеонъ, мальчикомъ, несколько не отличался отъ своихъ товарищей: «Я былъ только, говоритъ онъ, упрямый и любовный ребенокъ». Онъ любилъ ранукулы и вѣлъ вишня съ медомозель Коломбіё. Оставивъ родительскій домъ, онъ звалъ только по-итальянски; его невѣжество въ языкѣ Тюренина было совершенное; какъ маршалъ графъ Саксонскій Нѣмецъ, Бонапарте Италиецъ, не писали ни одного слова правильно; Генрихъ-Четвертый, Людовикъ-Четырнадцатый и маршалъ Ришліё, которые еще могли быть извинены, писали не исправнѣ его. Очевидно, Наполеонъ сдѣлалъ свой почеркъ неразборчивымъ для того, чтобы скрыть небрежность образованія. Оставивъ Коренку девяти лѣтъ, онъ увидѣлъ родной островъ черезъ осемь лѣтъ. Въ бріенской школѣ въ немъ не замѣчалось ничего необыкновеннаго ни въ ученіи, ни въ наружности. Товарищи шутили надъ его именемъ Наполеона и надъ его отечествомъ; онъ говорилъ своему товарищу де Буріену: «Я дамъ себя знать твоимъ Французамъ!». Въ писемномъ отчетѣ королю въ 1784 году, графъ де Кералио утверждаетъ, что «молодой Бонапарте былъ бы превосходнымъ морякомъ»; фраза подозрительна, потому что этотъ отчетъ былъ выданъ только тогда, какъ Наполеонъ ревизовалъ будонскую флотилію.

Вышедъ изъ бріенской школы 14 октября 1784 года, Бонапарте перешелъ въ военную парижскую школу. Министерство двора платило за него пенсіонныя деньги; ему досадно было считаться казеннокоштнымъ воспитанникомъ; но онъ получалъ эти деньги и впоследствии, какъ это доказывается роспискою, выданною въ портфель кардинала Феша, нынче портфеля господина Либри: «Я нижеподписавшійся далъ сію росписку Біеркуру съ томъ, что сумму въ двѣсти ларовъ, пожалованную мнѣ королевемъ въ видѣ пенсіона на счетъ экономическихъ суммъ воспитаннаго училища, по званію моему бывшаго кадета Парижской школы получилъ».

Мадмоазель Фермонъ-Компенъ (герцогиня д'Абрантесъ), живя съ матерью то въ Монпелью, то въ Тулузѣ, то въ Парижѣ, не терпѣла изъ виду соотечественника своего Бонапарта: «Когда я прохожу теперь по набережной Конти, пишетъ она: не могу не взглянуть на комнатку въ третьемъ этажѣ, въ лѣвомъ углу дома; тамъ жилъ Наполеонъ каждый разъ, какъ прѣбывалъ въ мѣнѣ родителей».

Бонапарте не любилъ въ его новомъ Пританетѣ; учителя не замовали его какъ брюзгу и верчуна; онъ порицалъ все безъ пощады и подавалъ записку помощнику начальника о недостаткахъ получаемого тамъ воспитанія: «Не лучше ли бы заставлять ихъ (воспитанниковъ) служить самими себѣ, то есть, въ исключеніи суну да каша, которыхъ сами они стрѣлять не могутъ, приучать ихъ питаться солдатскимъ хлѣбомъ, чистить свое платье и сапоги?» Чтѣ онъ и ввелъ послѣ въ Фонтенеблѣ и въ Сентъ-Жерменѣ.

Избавивъ школу отъ своего присутствія, онъ былъ назначенъ младшимъ поручикомъ артиллеріи въ егерскомъ полку.

Промежутокъ времени между 1784 и 1793 занимаетъ литературная карьера Наполеона, краткая по пространству, долгая по трудамъ. Переходя съ артиллерійскимъ корпусомъ въ Оксонъ, въ Долю, въ Сѣрръ, въ Лионъ, Бонапарте невольно налеталъ на всякій шумъ, какъ тетеревъ на чучело. Внимательный къ академическимъ вопросамъ, онъ отвѣчалъ на нихъ, обращался съ увѣренностью къ могущественнымъ лицамъ, которыхъ не зналъ: становился равенъ со всѣми, прежде чѣмъ одѣвался повелителемъ всѣхъ. То онъ говорилъ подъ чужимъ именемъ, то подписывалъ собственное свое, не измѣнявшее анонима. Онъ писалъ къ аббату Рейналю, къ Неккеру, посылалъ къ министрамъ записки объ устройствѣ Корсики, о провѣтахъ укрѣпленія Сентъ-Флоранца, Ла-Мортедди, залива Аяччо, о способѣ принаровить пушки къ метанію бомбъ. Его слушали также мало какъ Мирабо, когда онъ составлялъ въ Берлинѣ проекты относительно Пруссіи и Голландіи. Наполеонъ изучалъ географію. Замѣтили, что говоря объ островѣ Святой-Елены, онъ означаетъ его только этими словами: «Маленькій островъ». Онъ занимался Китаемъ, Индіей, Арабами, трудился надъ историками, философами, экономистами, надъ Геродотомъ, Страбономъ, Диодоромъ Сицилійскимъ, Филавджіери, Мабли, Смитомъ. Луціанъ Бонапарте рассказываетъ, что онъ, Луціанъ, сдѣлалъ двѣ копіи одного разсказа, набросаннаго Наполеономъ. Рукопись этого очерка отчасти уцѣлѣла въ портфель кардинала

Феша: изысканія мало любопытны, слогъ обыкновенный, изводъ Ванины вовсе не эффектенъ. Слова Сампietro придворнымъ вельможамъ Генриха-Второго послѣ Ванины, стѣять всего разсказа Наполеона. «Что за дѣло королю Французовъ до ссоры Сампietro съ его женой!»

Бонапарте, при вступленіи въ жизнь нисколько не предчувствовалъ будущаго; не прежде какъ взлѣзши на ступень, онъ начиналъ мечтать о томъ, какъ-бы подняться на другую; но не могаясь восходить, онъ не хотѣлъ спускаться и ногу его немцы было оторвать отъ мѣста, на которое онъ однажды воставилъ ее. Три рукописныя тетради (въ портфель Феша) посвящены изслѣдованіямъ объ ученіи сорбонскаго богословскаго факультета и нововведеній галликанской церкви; тутъ же и переписка его съ Паоли, съ Салитетти и особенно съ отцомъ Дююи, бернардинцемъ, помощникомъ принципала бриенской школы, благочестивымъ и здравомыслящимъ человѣкомъ, который давалъ совѣты своему юному воспитаннику и называлъ Наполеона *любезнымъ другомъ*.

Эти неблагодарныя занятія Бонапарте переимѣшивалъ страшинами, внушаемыми воображеніемъ, говорилъ о женщинахъ, писалъ «Le masque prophète», «Le roman corse», англійскую быль «Le comte Essex»; есть у него рѣчи о любви, о которой онъ говоритъ съ презрѣніемъ, написавъ однако вчернѣ страстное письмо къ обожаемой незнакомкѣ, мало цѣнить славу и ставить на первомъ планѣ только любовь къ родинѣ, и эта родина — Корсика.

Всѣ могли видѣть въ Женевѣ требованіе, обращенное къ книгопродавцу: романическій поручикъ освѣдомлялся о «Запискахъ мадамъ де Варенсъ. Наполеонъ былъ также поэтомъ какъ Цезарь и Фридрихъ; онъ предпочиталъ Аріоста Тассу, находилъ тамъ портреты своихъ будущихъ полководцевъ и лошадей конзданную и осѣдланную для путешествія къ звѣздамъ. Бонапартъ приписываютъ слѣдующій мадригалъ мадамъ Сенъ-Губерги, игравшей роль Дидоны; идея можетъ принадлежать Наполеону, но обработка сдѣлана рукою новоскуснѣе его руки:

Romains, que vous vantez d'une illustre origine,
Voyez d'ou dépendait votre empire naissant:

Didon n'a pas d'attrait assez puissant

Pour retarder la fuite où son âme s'obstine.

Mais si l'autre Didon, ornement de ces lieux,

Eût été reine de Carthage,

Je eut pour la servir abandonné les dieux:
Et votre beau pays serait encore sauvage.

Вотъ опытъ въ другомъ родѣ; сплину буквально, для показанія
ореографіи великаго человѣка:

« FORMULLES , CERTIFICAS ET AUTRES CHOSES ESSENCIELLES RELATIVES
« A MON ÉTAT ACTUELL.

«Magiere de demander un congé.

«Lorsque l'on est en semestre et que l'on veut obtenir un congé d'été pour
« cause de maladie, l'on s'en fait dresser par un médecin de la ville et un chéru-
« gien un certificat, comme quoi avant l'époque que vous désigné. votre santé ne
« vous permet pas de rejoindre à la garnison. Vous observeré que ce certificat
« soit sur papier timbré, qu'il soit visé par le juge et le commandant de la place.
« Vous dressez alors votre memoire au ministre de la guerre de la manière
« et formule suivante:

«A Ajaccio, le 21 avril 1787.

«MEMOIRE EN DEMANDE D'UN CONGÉ.

« CORPS ROYAL
« DE L'ARTILLERIE.

«REGIMENT DE LA FÈRE.

« Le sieur Napolione de Buonaparte,
« lieutenant en seconde au régiment de
« La Fère, artillerte.

«Soupplie monseigneur le maréchal
« de Ségur de vouloir bien lui ac-
« corder un congé de 5 mois et demie
« à compter du 16 mai prochain, dont
« il a besoin pour le rétablissement de
« sa santé suivant le certificat de mé-
« decine et cherugien ci j int. Vu mon
« peu de fortune et une cure coûteuse,
« je demande la grace que le congé
« me soit accordé avec appointements.

«BUONAPARTE».

Слогъ молодаго Наполеона отзывается высокою чрънотью: замѣ-
чательна только дѣятельность неутомимаго конуна, готоваго рыть-
ся во всякомъ песку. Видъ этихъ преждевременныхъ трудовъ на-
поминаетъ мнѣ мои юношескія маравія, мои «историческіе опы-
ты», мою рукопись «Начезовъ», въ четыре тысячи страницъ in-
folio, связанныхъ шнуркомъ, но я не чертилъ на поляхъ доми-
ки, дѣтскіе рисунки, школьное маранье, какъ это видно на по-
ляхъ черновыхъ бумагъ Бонапарта.

Такимъ-образомъ есть авант-цена передъ театромъ жизни повелителя, есть неизвѣстный Бонапарте, предшествующій неизримоу Наполеону; мысль Бонапарта была въ свѣтъ прежде чѣмъ онъ явился тамъ своей особой: она тайно волновала землю; въ 1789 году чувствовалось, въ то мгновеніе, когда являлся Бонапарте, нѣчто грозное, какое-то безпокойство, въ которомъ нельзя было дать себѣ отчету. Когда земному шару угрожаетъ переворотъ, жители земли извѣщаются объ этомъ заранѣе, неяркими сотрясеніями, незовою божьей, слышишь ночью, устремляешь глаза на небо, не знаешь что дѣлается съ тобою и что должно случиться.

Наоли призвали въ Англію по предложенію Мирабо, въ 1789 году. Онъ былъ представленъ Людовику-Шестнадцатому маркизомъ де Лафайетомъ, пожалованъ генераль-поручикомъ и военнымъ комендантомъ Корсики. Послѣдовалъ ли Бонапарте за гваницкомъ, который покровительствовалъ ему и съ которымъ онъ былъ въ перепискѣ? Это предполагали. Онъ скоро поссорился съ Наоли: преступленія нашихъ первыхъ смуть охолодили стараго генерала; онъ предалъ Корсику Англіи; чтобы не попасть въ когти конвента, Бонапарте въ Аяччо сталъ членомъ клуба Якобинцевъ; образовался клубъ противоположный, и Наполеонъ былъ принужденъ бѣжать, Летиція съ дочерьми бѣжала въ пречское поселеніе Каргезе, откуда добралась до Мерседа Юкиз жвилася въ этомъ городѣ перваго августа 1792 года на вилла-зель Кларн, дочери богатаго негоціанта. Въ 1792 году военный министръ, неизвѣстный Лажаръ, уволилъ Наполеона изъ службы, за нелву на парадѣ.

Въ этомъ же 1792 году Бонапарте былъ въ Парижѣ съ Буріенемъ. Лишенный всякихъ средствъ, онъ сдѣлался промышленникомъ: вздумалъ было снять дома, строившіеся въ Монтоловской улицѣ, съ намѣреніемъ отдавать ихъ отъ себя въ наемъ по частямъ; между-тѣмъ наступило 20 іюня. Бонапарте, выходя съ Буріенемъ отъ ресторатора въ улицѣ Сентъ-Оноре, близъ Шам-Голла, увидѣлъ вѣтъ или шесть тысячъ оборванцевъ, которые съ восемъ шами въ Тюльери, онъ сказалъ Буріеню: «Идемъ за этими мерзавцами!» и сталъ на терасѣ возѣ пруда. Когда истоним толпа нахлынула въ дворцовые покои, Бонапарте вскричалъ съ негодованіемъ: «she s...! какъ же это спустили эту развалю! лежать бы сотъ пять, шесть пушками на мостовую, такъ оставные развѣшались бы пракомъ».

Двадцатаго іюня 1792 года я стоялъ волеъ Бонапарте: Digitized by Google

те, что я гулялъ въ Монморанси, между тѣмъ какъ Барреръ и Марё искали такъ же какъ я уединенія, но по другимъ причинамъ. Въ это ли время Бонапарте былъ принужденъ сбывать свой маленькій запасъ ассигнацій, называемыхъ корсетовскими? Послѣ смерти виноторговца Сентъ-Авожской уллицы, въ оплешкушества, составленной нотаріусомъ Дюмё и чиновникомъ публичной продажи, Шаріо, Бонапарте значится въ числѣ должниковъ: за нимъ считалось пятнадцать франковъ, которые съ него и потребовали: онъ не могъ ввести ихъ! Эта нищета еще увеличиваетъ его величіе. Наполеонъ сказалъ на островѣ Святой Елены: «Услышавъ объ осадѣ Тюильри, 10 августа, я побѣжалъ въ каррусель къ Фовлѣ брату Буріена, содержавшему тамъ мебельный магазинъ. Братъ Буріенна сдѣлалъ спекуляцію, которую онъ называлъ «національной продажей съ молотка». Бонапарте отдалъ туда свои часы; опасный примѣръ: сколько бѣдныхъ школьничковъ воображаютъ себя Наполеонами, оттого что отдали въ закладъ часы.

Бонапарте воротился въ Южную Францію въ 1791 году: онъ былъ тамъ до осады Тулона и написалъ два памфлета: первый — письмо къ Маттео Буттафокко, въ которомъ ругаетъ его нещадно, а пріятеля своего Паоли горько упрекаетъ за то, что онъ передалъ власть въ руки народу: «Странное заблужденіе! говорить онъ, подчинить невѣждѣ, грубому подешкику, человѣка, который по уму, по образованности, по отличному роду, по состоянію, одинъ можетъ управлять всѣми прочими!»

Бонапарте вездѣ является врагомъ черни: при всемъ томъ онъ удостоился лестныхъ похвалъ за свою брошюру отъ Миссеріи, президента патріотическаго клуба въ Аяччо.

Мы приближаемся къ осадѣ Тулона. Здѣсь открывается военная карьера Бонапарта. О томъ, какой имѣлъ тогда Наполеонъ, въ портфѣлѣ кардинала Феша заключается странный документъ: это дипломъ на званіе капитана артиллеріи, пожалованный Наполеону 30 августа 1792 года, Людовикомъ Шестнадцатымъ, черезъ три недѣли послѣ 10 августа. Людовикъ съ тринадцатаго числа находился въ Тамплѣ. Въ дипломѣ сказано, что старшинство должно считаться съ 16 прошлаго февраля.

Несчастные бываютъ часто предвѣщателями; но на этотъ разъ предвѣстіе мученика не провикало будущей славы Наполеона. Еще существуютъ, въ военномъ министерствѣ, бланки для дипломовъ, заблаговременно подписанныхъ Людовикомъ Шестнадца-

тѣмъ; нужно только вставить имя и фамилію искателя: вѣроятно такого же роду было и сказанное пожалованіе.

Время диплома опредѣляется скрѣпно: скрѣпиль дипломъ — Серванъ. Серванъ былъ назначенъ военнымъ министромъ 8 мая 1792 года и отставленъ 13 іюня того же года. Дюмуріе владѣлъ портфелемъ до 18 іюля; послѣ него Лажаръ былъ министромъ до 23 іюля; Добанкуръ смѣнилъ его до 10 августа: въ этотъ день національное собраніе снова назначило Сервана, подавшаго въ отставку 3 октября.

Дипломъ Наполеона не могъ быть выданъ въ первое министерство Сервана, потому-что въ бумагѣ отиѣчено число 30 августа 1792 года; онъ долженъ быть выданъ въ его второе министерство; однако есть письмо Лажара, отъ 12 іюля, адресованное «капитану артиллеріи Бонапарту». Объясняйте это, какъ хотите. Добылъ ли Бонапартъ этотъ документъ подкупивъ писца, при безпорядкахъ того времени? Какой покровитель подвигалъ впередъ этого Корсикавца? Этимъ покровителемъ былъ самъ Богъ силъ. Мы должны вознестъ руки къ небу и преклонить головы передъ его велѣніями.

Тулонъ призналъ королемъ Людовика-Семнадцатаго и открылъ свой гавани англійскому флоту. Карто съ одной стороны и генералъ Лапозанъ съ другой, вытребованные представителями Фрерономъ, Баррасомъ, Рикоромъ, Саличетти, приближались къ Тулону; Наполеонъ, прибывшій служить подъ начальствомъ Карто, въ Авиньонъ и призванный къ военному совѣту, утверждалъ, что надо овладѣть фортомъ Murgtave, выстроенномъ Англичанами на холму, называемомъ Saige и помѣстить на двухъ мысахъ Eguillette и Valaguiet батареи, которыя, разгромивъ большой и малый рейды, принудили бы непріятельскій флотъ оставить ихъ. Все случилось какъ Наполеонъ предсказывалъ: тутъ уже открылся первый видъ на его будущую судьбу.

Мадамъ Буріонъ включила нѣсколько замѣчаній въ записки ея мужа; я приведу одно мѣсто, которое показываетъ, каковъ былъ Бонапартъ передъ Тулономъ.

«Я замѣтила, говоритъ она, что въ это время (1795 года, въ Парижѣ) характеръ его былъ холоденъ и часто мраченъ, улыбка притворна, и часто неумѣстна; я помню, что въ это же самое время, черезъ нѣсколько дней послѣ нашего возвращенія, съ нимъ случилась одна изъ тѣхъ вспышекъ дикой веселости, отъ которой становится дурно на душѣ: послѣ нея я не очень была расположена къ нему. Онъ разсказалъ намъ съ прошлой

веселостью, что когда онъ командовалъ артиллеріей передъ Тулономъ, къ одному офицеру его подчиненному, прѣѣхала жена, на которой тотъ былъ женатъ недавно и которую нѣжно любилъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Бонапарте получилъ повелѣніе произвести новую атаку на городъ, и офицеръ былъ откомандированъ. Жена его пришла къ генералу Бонапарте и просила его со слезами уволить мужа на этотъ день отъ службы. Генералъ остался нечувствителенъ, какъ онъ самъ намъ говорилъ съ очень милою и жестокой веселостью. Минута атаки наступила и этимъ офицеромъ, который всегда былъ храбръ необыкновенно, какъ говорилъ самъ Бонапарте, овладѣло предчувствіе близкой смерти, онъ блѣднѣлъ, дрожалъ. Онъ стоялъ возлѣ генерала, и въ ту минуту, какъ огонь изъ города усилился, Бонапарте сказалъ ему: «Берегитесь, къ намъ летитъ бомба!» Офицеръ, прибавилъ онъ, вмѣсто того, чтобы посторониться, нагнулся и бомба разрѣзала его пополамъ. Бонапарте громко хохоталъ....»

Послѣ взятія Тулона собрали осемь сотъ жертвъ на военной площади и истребили ихъ картечью. Коммисары конвента выступили впередъ и закричали: «Тѣ, которые не убиты, могутъ встать: республика прощаетъ ихъ»; раненые поднялись и были убиты. Эта сцена была такъ неподобна, что повторилась въ Лионѣ послѣ осады.

Бонапарте командовалъ ли лично при исполненіи этой казни въ качествѣ артиллерійскаго начальника? Человѣколюбіе не оставило бы его, хотя по склонности онъ не былъ жестокъ.

Въ «Semaine», газетѣ издаваемой Мальтъ-Брѣномъ было напечатано въ первый разъ одно письмо Наполеона. Виконтесса де-Форъ, (псевдонимъ) включила это письмо въ свои «Memoires», прибавивъ, что оно было написано на барабанѣ; Фабри приводитъ его въ статьѣ Bonaпарте, въ «Biographie des hommes vivans»; Ройо, въ «Histoire de France», объявляетъ, что неизвѣстно изъ чьихъ устъ раздался страшный крикъ; Фабри говоритъ въ «Missionnaires» 93, что одиѣ приписываютъ этотъ крикъ Фрерону, другіе Бонапарту. Кто же, на конецъ концовъ, былъ сочинителемъ перваго бюлетена о наполеоновскихъ побѣдахъ? Наполеонъ или его братъ? Луціанъ, горько упрекаетъ себя за свои заблужденія въ своихъ запискахъ. Онъ говоритъ: какой-то памфлетъ приписалъ Наполеону имя Брута, но оно принадлежало мнѣ. Наполеонъ думалъ возвысить свое собственное имя надъ именами древней исторіи и

если бы хотѣлъ закричать въ этихъ маскарадахъ, не думая, чтобы онъ назвалъ себя Брутомъ».

Въ этомъ признаніи есть мужество. Бонапарте, въ «Памятной Запискѣ острова Святой-Елены», хранитъ глубокое молчаніе объ этой части своей жизни. Это молчаніе, по мнѣнію герцогини д'Абра-тесъ, изъясняется трудностью его положенія: «Наполеонъ Бонапарте поставилъ себя болѣе на виду, чѣмъ его братъ Луціанъ, говоритъ она, и хотя съ тѣхъ поръ онъ очень старался поставить Луціана на свое мѣсто, тогда въ этомъ нельзя было ошибиться. «Memorial de Sainte-Hélène», думалъ онъ, будетъ читаться миллио-нами людей, между которыми сочтутъ едва ли тысячу человекъ, знающихъ происшествія, неурядиціи мнѣ. Эта тысяча сохра-нить въ изустномъ преданіи память объ этихъ происшествіяхъ. Да преданія не опасны. Слѣдовательно, «Памятная Записка» оста-нется неопровержимою».

Положимъ, что разсказчикъ подвиговъ Наполеона былъ Лу-ціанъ, президентъ сенъ-максиминскаго комитета, всё таки изъ этого слѣдуетъ, что первые пушечные выстрѣлы были сдѣланы Бонапартомъ противъ Французовъ.

Робеспіеръ Младшій полюбилъ Бонапарта и хотѣлъ назначить его комендантомъ Парижа на мѣсто Ганріо. Семейство Наполеона поселилось въ Саллѣ близъ Антиба. «Я пріѣхалъ туда изъ Сенъ-Максимиена, говоритъ Луціанъ, провести нѣсколько дней съ род-ными и братомъ. Мы были всѣ вмѣстѣ и генералъ посвящалъ намъ всѣ минуты, которыми могъ располагать. Однажды онъ пріѣхалъ озабоченнѣе обыкновеннаго и, прогуливаясь съ Юсифомъ и со мною, объявилъ, что отъ него зависитъ пристроить всѣхъ насъ въ Парижѣ выгоднымъ образомъ. Меня это извѣстіе воспи-тало; добравшись, наконецъ, до столицы казалось мнѣ такія бл-гомя, котораго ничто не могло перевѣсить. Мнѣ предлагаятъ, сказалъ Наполеонъ, мѣсто Ганріо. Я долженъ дать отвѣтъ се-годня вечеромъ. Что вы на это скажете? Мы колебались съ не-дугоу. Ну! ну! продолжалъ генералъ, объ этомъ стѣбитъ подумать: не въ томъ дѣло, чтобы представляться энтузіастомъ: въ Па-рижѣ не такъ легко снасти свою голову какъ въ Сенъ-Максими-нѣ. Робеспіеръ младшій честенъ, но братъ его не любитъ шу-тять. Надо будетъ угождать ему. А чтобы я сталъ поддерживать этого человѣка! нѣтъ, никогда! Я знаю, какъ я былъ бы ему ве-лезенъ, заступивъ мѣсто его дурака, нынѣшняго парижскаго ко-менданта. Да я не хочу этого. Не время! Въ эту минуту пре-личнаго для меня нѣтъ вгдѣ, кромѣ въ арміи: погодите! я онъ

уду командовать въ Парижъ». Таковы были слова Наполеона. Потому онъ выразилъ намъ свое негодованіе противъ правителей шаса и предсказалъ скорое ихъ паденіе, и наконецъ повторилъ несколько разъ полу-мрачно, полу-весело: «Да что мнѣ дѣлать въ этой банѣ».

Бонапарте, послѣ осады Тулона, былъ увлеченъ военными движеніями нашей альпійской арміи. Онъ получилъ повелѣніе отправиться въ Геную: тайное предписаніе повелѣвало ему разузнать оложеніе и состояніе крѣпости Савоны, собрать свѣдѣнія о вѣрности генуэзскаго губернатора относительно къ составлявшемуся противъ Франціи союзу. Эти предписанія, данныя въ Лоано 15 мессидора втораго года республики, подписаны Рикоромъ. Бонапарте исполнилъ порученіе. Наступило 9 термидора: депутаты-жасники были замѣщены Албиттомъ, Саличетти и Лапортюмъ. Вдругъ они объявили, отъ имени французскаго народа, что генералъ Бонапарте, командиръ артиллеріи въ итальянской арміи, совершенно лишился ихъ довѣрія поведеніемъ болѣе чѣмъ подорвательнымъ и особенно послѣднимъ путешествіемъ своимъ въ Геную.

Опредѣленіе, состоявшееся въ Барселонетѣ, 9 термидора втораго года республики, гласитъ: «что генералъ Бонапарте нибѣтъ быть арестованъ и отправленъ въ Парижъ, подъ надежнымъ колюемъ, для представленія его комитету общественной безопасности». Саличетти разсмотрѣлъ бумаги Бонапарта и отвѣчалъ принявшимъ участіе въ арестованномъ, что онъ принужденъ дѣйствовать съ строгостью въ слѣдствіе обвиненія въ шпіонствѣ, полученнаго изъ Ницы и изъ Корсики. Это обвиненіе было слѣдствіемъ тайныхъ предписаній, данныхъ Рикоромъ: не труднѣ было впушить, что вмѣсто того, чтобы служить Франціи, Наполеонъ служилъ иностранцамъ.

Наполеонъ, защищаясь, говорилъ представителямъ: «Саличетти, ты меня знаешь.... Албиттъ, ты меня не знаешь, но тебѣ однако должно быть извѣстно, какъ искусство иногда шпіить зибѣй клевета. Выслушайте меня; возвратите мнѣ уваженіе патриотовъ; черезъ часъ, если злые люди хотятъ моей жизни.... я такъ мало ею дорожу! такъ часто ее презиралъ!»

Вдругъ состоялся оправдательный приговоръ. Между документами, которые, въ эти годы, послужили свидѣтельствомъ въ хорошемъ поведеніи Бонапарта, находится удостовѣреніе Воццо

ди-Борго. Бонапарте только на время была возвращена свободн, но въ это время онъ успѣлъ обезпокоить мѣръ.

Салличетти, обвинитель, скоро привязался къ обвиненному, но Бонапарте никогда не довѣрялъ своему прежнему врагу. Позже онъ писалъ къ генералу Дюма: «Пусть онъ (Салличетти) остается въ Неаполѣ; ему должно быть тамъ хорошо, онъ обуздаль ладзароновъ; я думаю, онъ ихъ напугалъ, онъ злѣе ихъ. Пусть онъ знаетъ, что не въ моей власти охранить отъ всеобщаго презрѣнія и негодованія людей, подавшихъ голоса противъ Людовика-Шестнадцатаго».

Бонапарте прискакалъ въ Парижъ, поселился въ улицѣ Mail, въ той самой, гдѣ остановился я, прѣхавъ изъ Бретани съ мамъ Розой. Буріенъ присоединился къ нему, Мюрать тоже, подозрѣваемый въ терроризмъ и оставившій свой ибильскій гарнизонъ. Правительство пыталось преобразовать Наполеона въ генерала пѣхотной бригады и хотѣло послать его въ Вандею; онъ отклонилъ честь подъ предлогомъ, что не хотѣлъ переходить въ другой родъ службы. Комитетъ общественной безопасности вычеркнулъ отказавшагося изъ списка дѣйствующихъ генераловъ. Въ числѣ подписавшихъ опредѣленіе былъ Камбасересъ, впоследствии второе лицо въ Наполеоновской имперіи.

Раздраженный преслѣдованіями, Наполеонъ вздумалъ эмигрировать; Волней не допустилъ его. Еслибы онъ исполнилъ свое намѣреніе, изгнанные и кочующіе Бурбоны не удостоили бы его вниманія, съ этой стороны нельзя было добраться до короны; у меня былъ бы огромный товарищъ, гигантъ, согнувшійся въ три погибели возлѣ моего низенькаго плеча въ изгнаніи.

Оставивъ мысль объ эмиграціи, Бонапарте обратился къ Востоку. Онъ сочинилъ бумагу, въ которой предлагалъ свои услуги турецкому султану; бездѣйствіе и неизвѣстность были для него смертельны. «Я буду полезенъ моей родиѣ, восклицалъ онъ, когда слышу силу Турковъ опасною для Европы». Правительство не отвѣчало на записку этого сумасшедшаго, какъ говорили.

Обманутый въ различныхъ своихъ проектахъ, Бонапарте видѣлъ какъ увеличивалась его бѣдность; помочь ему было трудно, онъ дурно принималъ одолженія, негодовалъ на тѣхъ, кому больше его благопріятствовала фортуна: въ душѣ человѣка, для котораго сокровища народовъ должны были истощиться, нельзя движенія ненависти. Бонапарте особенно не могъ терпѣть франтовъ, которыхъ называли тогда muscadins, и incroyables и которыхъ причесывали волосы à la tête coupée. Ему было пріятно улизн

ихъ чванство. Онъ былъ въ дружеской связи съ Батистомъ старшимъ и познакомился съ Тальмой: гарнизонная праздность часто приводила Наполеона въ театръ.

Необходимость переходить черѣзъ мелочныя условія придаетъ что-то пошлое жизни; рѣдкая мысль принуждена выражаться языкомъ пошлымъ, гений закованъ въ простоту. Когда хочешь возвысить нѣкоторыя слабыя стороны Наполеона примѣрами, взятыми изъ древности, встрѣчаешь только сына Агриппины, однако же легіоны обожали супруга Октавіи и римская имперія трепетала при его воспоминаніи.

Бонапарте нашелъ въ Парижѣ мадмоазель де-Фермонъ-Компентъ, вышедшую замужъ за Жюно, съ которымъ Наполеонъ подружился на югѣ.

«Въ это время, говоритъ герцогиня д'Абрантесъ, Наполеонъ былъ дурень. Послѣ въ немъ сдѣлалась совершенная перемѣна. Не говорю объ обольстительномъ сіяніи его славы и разумію только физическую перемѣну, совершавшуюся постепенно въ теченіе семи лѣтъ. Все что въ немъ было костляваго, желтаго, даже болѣзненнаго, округлилось, прояснилось, улучшилось. Черты его, прежде угловатыя, острыя, округлились, потому-что покрылись тѣломъ, котораго прежде почти не было вовсе. Взглядъ и улыбка оставались всегда восхитительны; вся его особа измѣнилась. Прическа, странная для насъ теперь въ гравюрахъ, была тогда очень проста, потому-что эти самые франты, противъ которыхъ онъ такъ кричалъ, носили волосы еще длиннѣе; но цвѣтъ лица его былъ очень желтъ въ это время, ктому же онъ такъ мало заботился о себѣ, что его дурно причесанные, дурно напудренные волосы придавали ему непріятный видъ. Маленькія руки его также подверглись перемѣнѣ; тогда онѣ были худы, длинны, черны. Извѣстно, до какой степени онъ послѣ тщеславился ими, и справедливо. Наконецъ когда я представляю себѣ какъ Наполеонъ входилъ въ 1795 году въ дворъ трактира *hôtel de la Tranquillité*, въ улицѣ Оминныхъ-Дѣвъ, какъ приходилъ неловкимъ и невѣрнымъ шагомъ, въ дражной круглой шляпѣ, надвинутой на глаза, выпуска изъ подъ нея свои два *oreilles de chiens*, дурно напудренные и упавшія на воротникъ этого сѣраго сюртука, который послѣ сталъ для его вонновъ славнымъ знаменемъ, по-крайней-мѣрѣ также знаменитымъ, какъ бѣлое перо Генриха-Четвертаго; безъ перчатокъ, которыя онъ называлъ лишней тратой, въ дурно сшитыхъ, дурно вычищенныхъ сапогахъ, когда представляю себѣ все это болѣзненное цѣлое, свидѣствіе

его худобы и желтаго цвѣта лица; когда възымаю воспоминаніе о немъ въ ту эпоху и смотрю на него въ послѣдствіи, не могу видѣть одного и того же челоука въ этихъ двухъ портретахъ.

Бонапарте сохранилъ большую и самую дурную часть друзей, съ которыми подружился на югѣ; они поцѣбно ему укрѣпились въ столицу. Салитетти, оставшіеся въ силѣ, сблизился съ Наполеономъ; Фреронъ, желая жениться на Полиѣ Бонапарте (княгиня Боргезе), поддерживалъ молодого генерала.

Вдали отъ шума безпорядковъ, Бонапарте прогуливался однажды вечеромъ въ ботаническомъ саду съ Жюно. Жюно говорилъ ему о своей страсти къ Полиѣ, Наполеонъ повѣрялъ ему привязанность свою къ мадамъ де-Богарнѣ: въ гнѣздѣ событій вылинулся великій челоуекъ. Мадамъ де-Богарнѣ находившійся въ дружескихъ сношеніяхъ съ Баррасомъ; вѣроятно, эта дружеская связь помогла воспоминанію комиссара конвента, когда наступили рѣшительные дни.

Конвентъ, угрожаемый всеобщей ненавистью, видѣлъ, что должно защищаться: Дамьяну она противопоставила Барраса, назначеннаго начальникомъ военной силы, находящейся въ Парижѣ и провинціяхъ. Встрѣтивъ Бонапарта въ Тулонѣ, Баррасъ, которому мадамъ Богарнѣ напомнила о Наполеонѣ, былъ пораженъ, какою подмогою можетъ быть для него такой челоуекъ: онъ взялъ его въ помощники. Будущій директоръ, донося конвенту о ванденіерскихъ происшествіяхъ, обмывилъ, что учеными и быстрыми распоряженіями Бонапарта были одолжены спасеніемъ гряды, вокругъ которой онъ очень искусно расположилъ посты. Наполеонъ разгромилъ сенцію и сказалъ: «Я наложилъ печать мою на Францію». Аттала сказалъ: «Я молотокъ вселенной, ego malleus orbis».

Послѣ успѣха, Наполеонъ вдругъ испугался, что этихъ погубилъ себя въ народномъ мнѣніи. Онъ говорилъ, что охотно отдалъ бы нѣсколько годовъ жизни, чтобы вырастить эту страну изъ своей исторіи.

Кажется, что Бонапарте не надѣялся извлечь большой пользы изъ своей побѣды надъ сенціями, потому что писалъ Буріеню: «Принци небольшое мнѣніе въ твоей прелестной Юнкской домнѣ, я куплю его какъ только будутъ деньги, но не забывай, что я не хочу государственныиъ имуществъ».

Черезъ четыре мѣсяца послѣ ванденіерскихъ происшествій 9 марта, Бонапарте женился на Маріи-Жозефъ-Розѣ де-Ташеръ. Въ свидѣтельствѣ не упоминается о вдовѣ графинѣ де-Б-

гарне. Тайонъ и Баррасъ подписались свидѣтелями въ брачномъ контрактѣ. Въ юнѣ, Бонапарта назначили главнокомандующимъ надъ войсками, расположенными въ приморскихъ Альпахъ; Карто оспариваетъ у Барраса честь этого назначенія.

Наполеонъ выходитъ торжественно на поприще чудесъ своихъ; ему были нужны люди, теперь онъ будетъ нуженъ людямъ; онъ былъ произведеніемъ событій, теперь самъ будетъ производить ихъ.

Теперь онъ прошелъ эти бѣдствія, на которыя осуждены высшія существа, прежде чѣмъ ихъ признаютъ, принужденныя унижаться передъ посредственностью, которой некровительство имъ необходимо: зародышъ самой высокой пальмы сначала укрываетъ Арабомъ подъ глинянымъ сосудомъ.

Пріѣхавъ въ Ниццу, въ главную квартиру италіанской арміи, Бонапарте находитъ недостатокъ во всемъ: солдаты оборваны, безъ сапогъ, безъ хлѣба, безъ дисциплины. Ему было двадцать-осемь лѣтъ; подъ его начальствомъ, Массена командовалъ тридцатью-шестью тысячами войска. Это было въ 1796 году. Онъ открылъ первую кампанію двадцатаго марта, число знаменитое, которое должно было нѣсколько разъ напечатлѣться въ его жизни. Онъ разбилъ Боліе при Монтенотте; черезъ два дня при Миланно разсѣкъ на двое арміи австрійскую и сардинскую. При Чевѣ, Мондови, Фоссано, Кераско, успѣхи продолжались; самъ геній войны сошелъ на него. Въ этой прокламаціи слышенъ также голосъ новый какъ въ сраженіяхъ видѣнъ былъ новый чловѣкъ.

«Войны! вы одержали въ двѣ недѣли шесть побѣдъ, взяли двадцать-одно знамя, пятьдесятъ пять пушекъ, пятнадцать тысячъ лѣнныхъ, убили или ранили болѣе десяти тысячъ чловѣкъ. Вы ыиграли сраженія безъ пушекъ, прошли рѣки безъ мостовъ, совершили усиленные марши безъ обуви, стояли на бивоокахъ безъ юдки и часто безъ хлѣба. Спасибо вамъ, войны!...»

Съ пятнадцатаго мая миръ заключенъ между французской республикой и сардинскимъ королемъ; Савоя уступлена Франціи въ Ниццою и Тендомъ. Наполеонъ все подвигался впередъ и написалъ Карно!

«Изъ главной квартиры, Пиаченца».

«Наконецъ, девятаго мая 1796 года мы перешли По: началась новая кампанія: Боліе сбить съ толку, онъ разсчитываетъ плоть и безпрестанно попадаетъ въ наши западни. Можетъ-быть онъ

вздумаеть дать сраженіе, потому-что этимъ человѣкомъ владѣеть дерзость бѣшенаго, а не смѣлость генія. Еще побѣда, и мы властелины Италіи. Какъ только остановимъ наши движенія, мы заново одѣнемъ войско. Все еще, какъ посмотримъ на него, такъ просто ужасъ, но всѣ толстѣютъ; солдаты ѣдятъ только булки да отличную говядину.... Дисциплина возстанавливается каждый день, но надо часто разстрѣливать, потому-что есть люди, съ которыми сладить невозможно. Чтѣ мы отняли у непріятеля — нечестливо. Чѣмъ больше вы пришлете мнѣ людей, тѣмъ легче мнѣ будетъ кормить ихъ. Я переслалъ вамъ двадцать картинъ первыхъ художниковъ, Корреджіа и Микель-Анджело. Я обязанъ вамъ особенной признательностью за вниманіе, которымъ вы удостоиваете мою жену. Поручаю ее вамъ, она искренняя патріотка и я люблю ее до безумія. Надѣюсь, что все идетъ хорошо, когда я могу выслать вамъ милліоновъ съ дюжину въ Парижъ; это вамъ будетъ не дурно для рейнской арміи. Пришлите мнѣ четыре тысячи кавалеристовъ пѣшкомъ; лошадей имъ здѣсь я добуду. Не скрою отъ васъ, что со смерти Штенгеля я не видалъ еще кавалерійскаго штабъ-офцера въ сраженіи.

«Я желалъ бы, чтобы вы могли прислать мнѣ двухъ, трехъ начальниковъ штаба, которые бывали въ сраженіяхъ и *рѣшительно не склонны къ ученымъ отступленіямъ.*»

Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ писемъ Наполеона. Какая живость! какое разнообразіе генія! Съ геройскими вѣстями, разбросаны тамъ и сямъ въ торжественномъ изобиліи картины Микель-Анджело, ловкіе острофы на счетъ соперниковъ, по случаю одного изъ начальниковъ штаба, которые были бы *рѣшительно не склонны къ ученымъ отступленіямъ.* Въ тотъ самый день Бонапарте увѣдомилъ директорію о перемиріи, заключенномъ съ герцогомъ пармскимъ и объ отсылкѣ «Святаго Иеронима», Корреджію. Одиннадцатаго мая донесъ Карно о переходѣ моста Лоди, сдѣлавшаго насъ обладателями Ломбардіи. Если онъ не сейчасъ отправляется въ Миланъ, то потому, что хочетъ преслѣдовать Баліо и докончить его. «Если я возьму Мантую, ничто не помѣшаетъ мнѣ проникнуть въ Баварію; въ двадцать дней могу очутиться въ сердцѣ Германіи. Если двѣ рейнскія арміи выступятъ въ походъ, прошу васъ увѣдомить меня о ихъ положеніи. Было бы достойно республики подписать мирный договоръ трехъ арій соединенныхъ въ сердцѣ изумленныхъ Баваріи и Австріи.»

Орелъ не идетъ, а летитъ, съ перевязями славы на шеѣ и на крыльяхъ.

Онъ жалуется, что ему хотять дать въ помощники Келлермана. «Я не могу охотно служить съ человѣкомъ, воображающимъ себя первымъ полководцемъ въ Европѣ, и думаю, что одинъ дурной полководецъ лучше хорошихъ двухъ».

Перваго іюня 1796 года, Австрійцы совершенно вытѣснены изъ Италіи и наши аванъ-посты освѣщаютъ своими огнями германскія горы. «Наши гренадеры и карабинеры, пишетъ Наполеонъ директорѣн, играютъ и смѣются со смертью. Съ нихъ неустрашимостью можетъ сравниться только веселость, съ которой они дѣлають усиленные марши. Вы думаете, что разположившись на бивоакахъ, они помышляютъ о снѣ? ни чуть не бывало; каждый сочиняетъ себѣ сказку или планъ дѣйствій для будующаго дня и часто нѣкоторые попадаютъ удачно.

Солдаты въ разговорахъ между-собою производили своего командира въ чины: при Лоди онъ былъ у нихъ капралъ, при Кастильоне — сержантъ.

Семнадцатаго ноября двигаются на Арколе; юный генералъ прошелъ мостъ, сдѣлавшій его знаменитымъ: десять тысячъ чело-вѣкъ остались на мѣстѣ. «Это пѣснь Илиады!» восклицалъ Бонапарте, при одномъ воспоминаніи объ этомъ дѣлѣ.

Въ германіи Морцъ совершалъ знаменитую ретираду, которую Наполеонъ называлъ *сержантскимъ отступленіемъ*. Этотъ при-готовлялся сказать своему сопернику, разбивъ эрцгерцога Карла:

Je suivrai d'assez près notre illustre retraite
Pour traiter avec lui sans besoin d'interprète.

Шестнадцатаго января 1797 года, враждебныя дѣйствія возобновились риволоійскимъ сраженіемъ. Двѣ битвы противъ Вурисера, при Санъ Джорджіо и при Фаворитѣ, повлекли за собою для непріятеля потерю пяти тысячъ убитыхъ и двадцати тысячъ плѣнныхъ; остальные запираются въ Мантуѣ; городъ, стѣсненный блокадою, сдается на капитуляцію; Вурисеръ съ остальными двѣнадцатю тысячами, сдается.

Скоро Анконская маршіа занята; нѣсколько позже толентинскій договоръ отдаетъ намъ жемчугъ, брилліанты, драгоценныя рукописи, картину «Преображенія», «Лаокоона», «Аполлона Бельведерскаго» и оканчиваетъ этотъ рядъ военныхъ дѣйствій, которы-

мѣ меньше чѣмъ въ годъ истреблены четыре австрійскія арміи, покорена Верхняя Италия и почти Тироль: прѣдвѣдѣнныя не успѣваютъ осмотрѣться: молнія, громъ разражаются надъ ними и въ одно и то же мгновеніе.

Эрцгерцогъ Карлъ, прибѣжавшій защищать передовыя области Австріи съ новою арміею, стѣсненъ при переходѣ черезъ Талиментъ. Градиска падаетъ; Триестъ взятъ; предварительный статъи мирнаго договора между Франціею и Австріею подписаны въ Лѣйбахѣ.

Венеція, образовавшаяся среди паденія римской имперіи, урѣненная измѣнами и мятежами, открыла наизъ свои лагуны и дворцы; въ Генуѣ, ея соперницѣ, совершился политическій переворотъ, тридцать перваго мая 1797 года возродилась лигурийская республика. Бонапарте очень бы удивился, если бы среди своихъ завоеваній могъ предвидѣть, что овладѣлъ Венеціею для Австріи, легаціями для Рима, Неаполемъ для Бурбоновъ, Генуею для Пьемонта, Испаніею для Англіи, Вестфаліею для Пруссіи, подобно тѣмъ солдатамъ, которые, при грабежѣ города, черезъ слуг обременяются добычей и принуждены бросить ее, за невозможностью унести съ собою, между-тѣмъ какъ въ то же самое время теряютъ свое отечество.

Девятаго іюля цизальпинская республика провозгласила свое существованіе. Въ перепискѣ Бонапарта челнокъ ткача новыхъ географическихъ разводовъ бѣгаетъ поперегъ основы изъ переворотовъ.

Въ изображеніи своихъ общихъ движеній, Бонапарте не упускаетъ ни какой подробности: то боится, чтобы *старушки* (то есть старыя картины) великихъ живописцевъ Венеціи, Болоньи, Милана, не промокли, проходя гору Сени; то беспокоится, чтобы рукопись на папирусѣ изъ амвросіанской бібліотеки не затерялась: проситъ министра внутреннихъ дѣлъ уведомить его, дошла ли рукопись до національной бібліотеки. Даетъ исполнительній директоріи свое мѣніе о генералахъ:

«Бертіе: дарованіе, дѣятельность, мужество, характеръ, все у него есть.

«Ожеро: много характера, мужества, твердости, дѣятельности, любимъ солдатами, счастливъ въ дѣйствіяхъ.

«Массена: дѣтелевъ, неутомимъ, владѣеть отвагою, вѣрными взглядомъ, быстротою въ рѣшеніяхъ.

«Серюріе: дерется какъ солдатъ, ничего не беретъ на себя;

твердъ; не очень выгоднаго мнѣнія о своихъ войскахъ; большой.

«Депица: вялъ, ни дѣятельности, ни отваги нѣтъ; война не его ремесло; не любитъ солдатами, не сражается впереди ихъ; шпротень разума не низкаго, умнѣть, политическія правила его често-ительны, хороше для командованія ввутри.

«Соре: хороший, очень хороший солдатъ; не довольно просвѣщенъ, чтобы быть генераломъ; не очень счастливъ.

«Абатутчи и полсетней человекѣми командовать не годится» и прочая.

Бонапарте пишетъ предводителю Майнотовъ: «Французы уважаютъ малочисленный, но храбрый народъ, который одинъ изъ народовъ древней Греціи сохранилъ добродѣтель достойныхъ потомковъ Спарты, и которому недостаетъ для пріобрѣтенія знаменитости своихъ предковъ, болѣе обширной сцены». Онъ уведомилъ начальство о взятіи Корфу: «Островъ Корцира, замѣчается онъ, былъ, по словамъ Гомера, отечествомъ принцессы Навсиккан». Послалъ мирный договоръ, заключенный съ Венеціей: «нашъ флотъ пріобрѣтетъ четыре или пять военныхъ кораблей, три или четыре фрегата, да три или четыре милліона веревокъ. Пусть пришлютъ ко мнѣ французскихъ или корсиканскихъ матросовъ, я захвачу матросовъ Мантуи и Гварды. Милліонъ для Тулона, о которомъ я вамъ говорилъ, отправляется завтра; два милліона и прочая, составятъ сумму пяти милліоновъ, которою итальянская армія снабдитъ васъ для будущей войны. Я поручалъ... отправиться въ Сионъ и постараться открыть переговоры съ Вalezцами. Послалъ отличнаго инженера посмотреть, какъ бы взорвать утесъ, подъ который прячется Рона и тѣмъ получить возможность пользоваться строевымъ лѣсомъ Валлескаго кантона и Савонъ. Увѣдомляетъ, что отправилъ изъ Триеста грузъ пшеницы и стальныхъ вещей. Даритъ скодринскому пашѣ четыре ящика ружей, въ знакъ дружбы. Приказываетъ отослать изъ Милана подозрительныхъ людей и задержать нѣкоторыхъ. Пишетъ гражданину Гроньяру, инспектору флота въ Тулонъ: «Я не судія вашъ, но если бы вы служили подъ моимъ начальствомъ, я бы арестовалъ васъ за то, что вы послушались смѣшнаго предписанія».

«Все это переѣшивается переговорами съ новыми республиками, съ подробностями празднествъ для Виргилія и Аріоста, съ пояснительными списками двадцати картинъ и пяти-сотъ венеціанскихъ рукописей; все это происходитъ въ Италіи, оглушен-

ной шумомъ сраженій, въ Италиі, сдѣлавшейся горниломъ, въ которомъ наша гренадеры жили въ огнѣ какъ саламандры.

Во время этого вихрю дѣлъ и успѣховъ, наступило 18 фруктидора, которому много споспѣшествовали, прокламаціи Бонапарта и разсужденія его арміи, завидующей арміи испанской. Тогда исчезъ тотъ, который можетъ-быть понапрасну считался изобрѣтателемъ плановъ республиканскихъ побѣдъ; увѣряютъ, что Даннессю, Лаэиттъ, д'Арсонъ, трое распоряжались операциями этихъ плановъ: Карно былъ изгнанъ властіемъ Бонапарта.

Семнадцатаго октября, Наполеонъ подписалъ мирный договоръ въ Кампо-Форміо.

Въ Рейхштатѣ собрался конгрессъ, и Бонапарте, назначенный директоріей представителемъ при этомъ конгрессѣ, простился съ итальянской арміей. «Я только утѣшусь, говорилъ онъ, надеждою скоро увидѣться съ вами, въ борьбѣ съ новыми опасностями». Шестнадцатаго ноября 1797 года, изъ его дневнаго приказа видно, что онъ оставилъ Миланъ для начальства французской миссіей въ конгрессѣ и послалъ директоріи знамя итальянской арміи.

На одной сторонѣ этого знамени, Бонапарте велѣлъ начертать перечень своихъ побѣдъ: «Сто пятьдесятъ тысячъ плѣнныхъ, семнадцать тысячъ лошадей, пятьсотъ-пятьдесятъ осадныхъ орудій, пять поитонныхъ экипажей, девять пятидесяти-четыре-пушечныхъ кораблей, двѣнадцать тридцати-двухъ-пушечныхъ фрегатовъ, двѣнадцать корветтъ, осемнадцать галеръ; перемиріе съ сардинскимъ королемъ, договоръ съ Генуей; перемиріе съ герцогами пармскимъ и моденскимъ, съ королемъ неаполитанскимъ, съ папой; предварительный договоръ въ Лайбахѣ; договоръ Монтебелло съ генуэзской республикой; мирный договоръ съ Австріей въ Кампо-Форміо; освобождены Феррара, Модена, Масса-Каррара, Романія, Ломбардія, Брешія, Бергамо, Мантуя, Кремона, часть веронской области, Кіавенна, Борміо, Вальтелина, Генуя, ленныя владѣнія имперіи, департаменты корцирскій, эгейскій и оеакскій.

«Отосланы въ Парижъ всѣ образцовыя произведенія Микель-Анжело, Гверчино, Тиціана, Павла Веровеза, Корреджіо, Альбано, Карраччи, Рафаэля, Леонарда да-Винчи и прочая.

«Этотъ памятникъ итальянской арміи, говоритъ дневной приказъ, будетъ повѣшенъ на сводахъ залы публичныхъ засѣданій

директоріи и станеть свидѣтельствовать о подвигахъ нашихъ воиновъ, когда исчезнетъ настоящее поколѣніе».

Послѣ договора чисто военнаго, которымъ условлена была выдача Майнца войскамъ республики, а Венеціи войскамъ австрійскимъ, Бонапарте уѣхалъ изъ Рейхштата, предоставивъ окончательныя дѣла конгресса Трейгарду и Бонніѣ.

Въ послѣднее время италіанской кампаніи, Бонапарте много страдалъ отъ зависти генераловъ и директоріи: два раза подавалъ онъ въ отставку; члены правленія желали и не смѣли принять ее. Чувства Бонапарте не слѣдовали за наклономъ вѣка; отсюда противорѣчіе его дѣйствій и идей.

Возвратясь въ Парижъ, онъ остановился въ своемъ домѣ, въ Шантеренской улицѣ, которая приняла и теперь еще носитъ названіе *улицы Побѣды*. Совѣтъ старѣйшихъ вздумалъ подарить Наполеону Шанборъ, твореніе Франциска Перваго, напоминающее изгнаніе послѣдняго сына Людовика-Святаго. Бонапарте былъ представленъ директоріи, 10 декабря 1795 года, на дворѣ люксанбургскаго дворца. Среди этого двора возвышался жертвенникъ отечеству. Завоеванныя знамена составляли балдахинъ надъ нятью директорами, одѣтыми по-античному; тѣнь побѣды спускалась съ этихъ знаменъ, подъ которыми Франція остановилась на мгновеніе. Бонапарте былъ въ томъ самомъ мундирѣ какъ при Лоди и Арколѣ. Талейранъ принялъ побѣдителя возлѣ жертвенника. Бѣглець, возвратившійся изъ Соединенныхъ-Штатовъ и получившій, по протекціи Шеніѣ, министерство иностранныхъ дѣлъ, отѣнскій епископъ, съ саблей на боку, въ шляпѣ à la Henri-Quatre: обстоятельства не позволяли хохотать при видѣ этихъ дурацкихъ перереженій.

Прелать сказалъ похвальную рѣчь завоевателю Италіи: «Онъ любить, говорилъ онъ съ грустью, пѣсни Оссіана, особенно потому что онѣ отдѣляютъ отъ земли. Не только нечего намъ бояться его честолюбія, но даже придется когда-нибудь подстрекнуть въ немъ его, чтобы исторгнуть изъ ученаго уединенія. Цѣлая Франція будетъ свободна, а онъ, можетъ-быть — никогда; такова судьба его!»

Чудно угалано!

Братъ Людовика-Святаго при Гранделлѣ, Карлъ-Осьмой при Форну, Людовикъ-Двѣнадцатый при Аньяделѣ, Францискъ-Первый при Марьяннѣ, Лотрекъ при Равеннѣ, Катина при Туринѣ, далеко отстали отъ новаго генерала. Успѣхи Наполеона не были себѣ равныхъ.

Директоры видѣли съ безпокойствомъ нечесты, обманавшима Наполеону, помышляя, какъ-бы избавиться отъ его присутствія и благопріятствовали страстному желанію его сдѣлать экспедицію на Востокъ. Онъ говоритъ: «Европа — претовая пѣра. Большая царства и большіе перевороты водятся только на Востокъ; нѣтъ не откуда болѣе добыть себѣ славы. Въ этой крошечной Европѣ не достанешь ея сколько нужно». Наполеонъ радомался какъ ребенокъ, что его выбрали членомъ института. Онъ просилъ только шесть лѣтъ, чтобы съѣздить въ Индію и воротиться.

Назначенный главнокомандующимъ арміей, называемой англійской, которой корпуса были разбросаны отъ Бреста до Антверпена, Бонапарте проводилъ время, дѣлая смотры и визиты гражданскимъ и ученымъ властямъ, пока собирался войска, составившія египетскую армію. Тутъ случилась суматоха по поводу трехцвѣтнаго знамени и красной шапки, которыми носилъ нѣтъ въ Вѣнѣ, генералъ Бернадотъ, повѣсилъ у дверей своего дворца. Директорія располагалась удержать Наполеона для собиравшейся новой войны, когда Кобенцель отвратилъ раздоръ и Бонапарте получилъ приказаніе ѣхать. Миръ оставилъ Франціи солдатъ, безмощныхъ, и въ своей трусливой предусмотрительности директорія поспѣшила удалить побѣдителя. Египетская экспедиція изгнана вдругъ и «фортуну и гемій Наполеона, озаривъ этотъ гемій, и безъ того уже необыкновенно блестящій, лучемъ солнца озарившаго огненный столбъ небесный.

ПРОКЛАМАЦІЯ.

«Вонны,

«Вы составляете одно крыло арміи, назначенной къ покоренію Англій.

«Вы сражались въ горахъ, на равнинахъ, при осадахъ: теперь вамъ остается только приморская война.

«Римскіе легіоны, которыхъ примѣру вы повременамъ слѣдовали, но съ которыми еще не поровнялись, побороли Каррагенъ, то на этомъ морѣ, то на замскихъ равнинахъ. Побѣда никогда не оставляла ихъ, потому что они были постоянно храбры, терпѣливо переносили труды, соблюдали дисциплину и дѣйствовали согласно и дружно.

«Вонны, глаза всей Европы обращены на васъ! вамъ предстоитъ исполнить великія судьбы, дать сраженія, побѣдить: они-

костя и труды. Вы совершите еще больше того, что совершили для благоденствія отечества: осветите счастье челоуѣчества и возъ собственную славу».

Послѣ этой прокламаціи, исполненной воспоминаній, Наполеонъ садится на корабль: точно Гомеръ или герой, заправшій въ слотой являть пѣснопѣвіа Меоніада. Этотъ челоуѣкъ подвигается не медленными шагами: едва переломилъ Италію къ своимъ ногамъ, какъ вотъ уже онъ — въ Египтъ: романтическій эпизодъ, которымъ онъ увеличилъ дѣйствительную жизнь. Какъ Карлъ-Великій; онъ соединилъ эпопею съ своей исторіей. Въ бібліотекѣ, каковой нѣтъ съ собою, находились, «Вѣтхій Заветъ», «Оссіанъ», «Вертеръ» и «Новая Элоиза»: указаніе хаоса въ головѣ Наполеона. Онъ смѣшивалъ положительныя идеи съ романтическими чувствами, системы съ хамерами, важныя ученныя занятія съ порывами воображенія, мудрость съ сумасбродствомъ. Изъ безладныхъ произведеній вѣка, онъ вывелъ имперію; сновидѣніе неизмѣримое, но такое же быстролетное какъ беспорядочная ночь, породившая его.

Вступивъ въ Тулонъ 9 мая 1798 года, Наполеонъ останавливается въ гостиницѣ l'Hotel de la Magine; черезъ десять дней садится на адмиральскій корабль l'Orient; 19 мая отплываетъ и несетя впередъ отъ черты, на которой впервые пролилъ кровь и притомъ кровь французскую; онъ увозилъ съ собою генераловъ, первенцевъ своей славы: Бертіе, Каффарелли, Клебера, Дезе, Ланна, Мирата, Мону. Тринадцать линейныхъ кораблей, четырнадцать фрегатовъ, четыреста транспортныхъ судовъ сопровождали его.

Наполеонъ упустилъ его изъ гавани и не догналъ на волнахъ, хотя однажды наши суда были только въ шести миляхъ отъ англійскихъ. Съ водъ сицилійскихъ Наполеонъ привѣтилъ апенинскія вершины и сказалъ: «Я не могу безъ волненія смотрѣть на землю Италіи; вотъ Востокъ—иду туда». При видѣ Иды—вспышка удивленія Мисосу и древней мудрости. Во время переѣзда, Бошарше любилъ собирать ученыхъ и подстрекать ихъ къ спорамъ; обыкновенно принималъ онъ сторону самаго негѣпаго или самаго сѣлаго мѣнѣя; спрашивалъ обитаемы ли планеты, когда онѣ будутъ истреблены и чѣмъ, огнемъ или водою, какъ-будто былъ произведенъ въ генералъ-инспекторы армій всего мірo-зданія.

Остановился на островѣ Мальтѣ, всполошилъ старое рыцарство, засѣвшее въ недоступномъ гнѣздѣ на вершинѣ морской ска-

ды; потомъ сошелъ на берегъ у развалинъ Александрова града. На разсвѣтѣ увидалъ Помпеюву колесницу, которую я пригнѣтилъ съ корабля моего, удаляясь отъ Ливіи. Съ подвижія памятника, сдѣланнаго безсмертнымъ, великимъ и печальнымъ именемъ, онъ бродитъ, беретъ приступомъ стѣны, за которыми находилось прежде, *храмилище лекарствъ души, и иголки Клеопатры, вышивавшей гранитными бровями, эти некогда блестящія и священные ободки, которые теперь лежатъ въ прахѣ между тощими собаками.* Ворота Розетты выломаны; наши войска бросаются на обѣ пристани и на Фаросъ. Страшная рѣзня. Начальникъ главнаго штаба Бойе пишетъ къ роднымъ: «Турки, прогоняемые со всѣхъ сторонъ, бѣгутъ къ Аллаху и его пророку, укрываются въ мечетяхъ: мужчины, женщины, старики, дѣти — всѣ убиты».

Бонапарте сказалъ мальтійскому епископу: «Можете увѣрить вашу паству, что католическая религія не только будетъ уважена, но ея служители получатъ особенное покровительство». Прибывъ въ Египетъ, онъ сказалъ: «Люди египетскіе! болѣе вашихъ Мамлюковъ я почитаю Аллаха, его пророка и Алкоранъ. Французы друзья Мусульманъ. Если Египетъ откушное владѣніе Мамлюковъ, пусть они покажутъ на то записъ отъ Аллаха».

Наполеонъ идетъ къ пирамидамъ и кричитъ солдатамъ: «Подумайте, что съ вершинъ этихъ памятниковъ сорокъ столѣтій смотрятъ на васъ». Онъ вступаетъ въ Каиръ, флотъ его взлетаетъ на воздухъ при Абукирѣ; восточная армія отдѣлена отъ Европы. Жюліенъ (изъ дромскаго департамента), сынъ Жюліена, члена конвента, свидѣтель бѣдствія, отмѣчаетъ его съ минуты на минуту.

«Семь часовъ, наступаетъ ночь, а стрѣльба все усиливается. Въ девять часовъ, корабль взлетѣлъ на воздухъ. Десять часовъ, стрѣльба уменьшилась и взошла луна на право отъ того мѣста, гдѣ произошелъ взрывъ корабля».

Бонапарте въ Каирѣ объявляетъ головѣ законниковъ, что будетъ возстановителемъ мечетей и посылаетъ трубить свое имя въ Аравію, Эіопію, въ Индію. Каиръ возмущается, онъ бомбардируетъ его во время грозы и, принимая видъ вдохновеннаго, кричитъ правовѣрнымъ: «Я могу потребовать отъ каждаго изъ васъ отчету въ самыхъ тайныхъ чувствахъ сердца, потому что знаю все, даже то, что вы не говорили никому». Великій шерифъ Мекки, именуется его въ письмѣ, *охранителемъ Каабы*; папа въ своемъ посланіи называетъ — *возлюбленный сынъ мой*.

По особенному недугу характера, Бонапарте ставилъ свою и-

лочную сторону выше своей великой стороны. Партія, которую онъ могъ выиграть разомъ, не занимала его. Рука, разрушавшая міръ, любила шукарство; онъ былъ увѣренъ, что пустынь въ дѣло всѣ свои способности, онъ вознаградитъ себя за потери; геній поправлялъ у него дѣйствіе характера. Зачѣмъ не явился онъ тотчасъ какъ наслѣдникъ рыцарей?

Когда я проѣзжала Каиръ, въ немъ сохранились слѣды Французовъ: публичный садъ, наше твореніе, былъ насаженъ пальмами; прежде его окружали рестораціи. Къ-несчастью, подобно древнимъ Египтянамъ, солдаты наши носили гробъ вокругъ ихъ ширшествъ.

Какая достопамятная сцена, если вѣрить ей! Бонапарте, сидящій внутри Хеопсовой пирамиды, на гробницѣ фараона, котораго мумія исчезла, и разговаривающій съ муфтіями и съ имамами. Возьмемъ рассказъ изъ *Moniteur*, какъ трудъ музыки. Если это не матеріальная исторія Наполеона — такъ это исторія его разума; это стѣнъ того. Послушаемъ, въ утробѣ гробницы, голосъ, которій услышать всѣ вѣка.

Moniteur, 27 ноября 1798 года.

«Сегодня 28 теридора шестаго года французской республики, что 28 число мѣсяца мохаррама 1213 года гиджры, главнокомандующій, въ сопровожденіи многихъ офицеровъ главнаго штаба и членовъ національнаго института, отправился въ большую пирамиду, называемую Хеопсовой, гдѣ его ожидали муфтіи и имамы, на которыхъ было возложено показать ему внутреннюю постройку.

«Послѣдняя хранина, въ которую вошелъ главнокомандующій, была съ плоскимъ сводомъ, тридцати-двухъ футовъ длины, шестнадцать ширины, и девятнадцать вышины. Онъ нашелъ тамъ только ящикъ изъ граниту футовъ осьми длины и четырехъ толщины, заключавшій мумію фараона. Онъ сѣлъ на гранитный отрубокъ, посадилъ возлѣ себя муфтія и имамовъ, Сюлеймана, Ибрагима, Магомета, и въ присутствіи своей свиты имѣлъ съ ними слѣдующій разговоръ:

«БОНАПАРТЕ. Богъ великъ, а творенія его чудны. Вотъ твореніе рукъ человѣческихъ! Какую имѣлъ цѣль построившій эту пирамиду?

«СЮЛЕЙМАНЪ. Это былъ могущественный король Египта, который назывался, какъ полагаютъ, Хеопсомъ. Онъ хотѣлъ недоуститъ святотатству возмутить покой его праха.

«БОНАПАРТЕ. Великій Киръ велѣлъ погребсти себя на откры-

томъ воздухѣ, чтобы тѣло его воротилось къ стихіямъ. Какъ ты думаешь, не лучше ли всего это? Ну, какъ ты думаешь?

«сЮлейманъ. Мы всё отъ Аллаха и всё къ нему воротимся!

«Бонапарте. Аллахъ великъ! нѣтъ божества кромѣ Аллаха; Магометъ пророкъ его, а я другъ Магомету.

«Ибрагимъ. Ангелы побѣды да сметутъ прахъ враговъ съ пути твоего: и да сбѣнятъ тебя своими крыльями. Мамлюкъ — себака и стоитъ, чтобы убить его.

«Бонапарте. И пусть ему не дають въ гробу покою черные духи Мункаръ и Накиръ.

«сЮлейманъ. Мамлюкъ протянулъ руку грабежа на наши земли, жатвы, на лошадей и коровъ бѣднаго творенія Божьяго.

«Бонапарте. Въ удѣлъ вашъ достанутся богатства, искусства и дружба Франковъ, прежде чѣмъ Аллахъ возьметъ васъ на седьмое небо, прежде чѣмъ посадитъ онъ васъ возгѣ чернобровыхъ гурій, всегда огненныхъ и всегда дѣвственныхъ, подъ тѣнью дерева лаба, котораго вѣтви гнутся подъ бременемъ всѣхъ возможныхъ плодовъ, какихъ только правовѣрная душа пожелать можетъ».

Такия гаерства не уменьшаютъ нисколько сансвятости и чина.

Vingt siècles, descendus dans l'éternelle nuit,

Y sont sans mouvement, sans lumière et sans bruit.

Бонапарте, замѣщая собою Хеопса въ этой вѣковой могилѣ, могъ бы увеличить ея неизмѣримость. Но онъ никогда не тоскался по этимъ переднимъ смерти.

«Во время нашего плаванія по Нилу, говорю я въ «Дорожникѣ», я оставался любоваться на эти гробницы.... Великія памятники составляютъ главную часть славы каждаго человѣческаго общества: они переносятъ память народа за предѣлы собственнаго бытія своего, и дѣлаютъ его современникомъ поколѣній, вселяющихся въ этихъ оставленныхъ поляхъ».

Поблагодаримъ Бонапарте въ Пирамидахъ, что онъ насъ оградалъ, насъ крошечныхъ государственныхъ человѣковъ, занятыхъ поэзіей, которые ловимъ въ рунахъ драгнныя враки, для потѣхи толпы.

Судя по прокламаціямъ, по дневнымъ приказамъ, по рѣчамъ Бонапарта, ясно, что онъ мѣтилъ въ посланники небосвѣта, подобно Александру-Великому. Калиссену, съ которымъ Македонскій обошелся въ послѣдствіи такъ немилосердно, конечно въ завяз-

ніе за лесть философа, приказано было доказать, что сынъ Филиппа былъ сыномъ Юпитера, что видно изъ Калисѣенова отрывка, сохраненнаго Страбономъ. Пакиѳ написалъ «Александрову бесѣду» въ видѣ разговору между мертвыми. Разсуждаютъ Александръ, великій завоеватель, и Раблѳ, великій насмѣшникъ. «Пробѣги глазами, говоритъ Александръ Раблѳ, всѣ эти страны, которыя видишь тамъ внизу, ты не увидишь ни одного порядочнаго человѣка, который бы, для приданія важности своимъ идеямъ, не готовъ былъ намекнуть, что онъ подцѣпилъ ихъ у боговъ, въ дружеской бесѣдѣ съ ними». Раблѳ отвѣчаетъ. «Александръ! сказать тебѣ правду, я не люблю придирается къ мелочамъ, даже и по части вина. Но что тебѣ пользительности отъ этого величія теперь? Сожалѣть ты долженъ страшно, и сожалѣніе то, вѣрно, причиняетъ такое мучительство, что любительнѣе было бы тебѣ выгнѣть съ тѣломъ потерять и память».

Однако, занимаясь Александромъ, Бонапарте обманывался и на счетъ себя, и на счетъ времени, и на счетъ религій: нынче нельзя выдать себя за божество. Что до подвиговъ Наполеона въ Левантѣ, то къ нимъ еще не примѣшивалось завоеваніе Европы; они не достигали еще такихъ великихъ результатовъ, чтобы изъ за нихъ исламская толпа прокричала его *султаномъ огня*. «Александръ, двадцати-трехъ лѣтъ, говоритъ Монтанъ, прошелъ побѣдителемъ всю обитаемую землю и въ полжизни достигъ крайняго направленія человѣческаго разума. Больше королей и принцевъ писали объ его дѣяніяхъ, чѣмъ другіе историки писали о дѣяніяхъ другихъ королей».

Бонапарте отправился изъ Каира въ Суэзъ, видѣлъ море, которое разсѣкъ Моисей, и которое сомкнулось на фараона, узналъ слѣды канала, начатаго Сезострисомъ, расширеннаго Персами, продолжаемаго вторымъ изъ Птолемеевъ, снова начатаго египетскими султанами, съ намѣреніемъ перенести въ Средиземное Море торговлю Моря Чермнаго. Онъ замыслилъ своротить одинъ рукавъ Нила въ Аравійскій Заливъ, опредѣлилъ мѣсто для новаго Офира, гдѣ бы каждый годъ была ярмарка для торговцевъ духами, ароматами, шелковыми матеріями, для всѣхъ драгоценныхъ предметовъ Маската, Китая, Цейлана, Суматры, Филиппинскихъ острововъ и Индіи. Монахи сходятъ съ Синайской Горы и просятъ его вписать свое имя возлѣ имени Саладина въ книгѣ ихъ «жалованныхъ грамотъ».

Возвратившись въ Каиръ, Бонапарте празднуетъ годовщину осно-

ванія республики, обращаясь къ солдатамъ съ этими словами: «Пять лѣтъ тому независимости французскаго народа угрожалъ опасность, но вы взяли Тулонъ. Это было предзнаменованіемъ гибели вашихъ враговъ. Черезъ годъ вы разбили Австрійцевъ при Дего; въ слѣдующемъ году были на вершинѣ Альповъ; два года тому сражались съ Мантуей и одержали славную побѣду при Санъ-Джорджю; въ прошломъ году были у источниковъ Дравы и Исонцо по возвращеніи изъ Германіи. Кто сказалъ бы тогда, что нынѣ вы будете на берегахъ Нила, въ сердцѣ стараго материка?»

Но Бонапарте, среди заботъ и проектовъ, имѣлъ ли рѣшительную идею? Между тѣмъ какъ онъ, казалось, желалъ остаться въ Египтѣ, мечта не затмивала у него существенности, и онъ писалъ къ брату своему Люсьфу: «Черезъ два мѣсяца я думаю быть во Франціи; сдѣлай такимъ образомъ, что бы у меня была дѣла по прѣвадѣ или возлѣ Нарвижа или въ Бургундіи: я хочу провести тамъ зиму». Бонапарте не рассчитывалъ, что могло помѣшать его возвращенію: его воля была его судьбой и фортуной. Это переписка попала въ адмиралтейству, и Англичане осмѣлились утверждать, что Наполеону было поручено погубить все его войско.

Французы въ Египтѣ тѣмъ болѣе были мужественны, тѣмъ живѣе чувствовали свои бѣдствія. Одинъ квартирмейстеръ писалъ своему другу: «Скажи Леду, чтобы онъ не дурачился и никогда не думалъ ѣхать въ эту проклятую землю».

Авріери: «Все прѣзжающіе говорятъ, что Александрія прекраснѣйшій городъ: увы! что же должно быть остальное? Представьте себѣ беспорядочную груду одно-этажныхъ, дурно встроенныхъ домовъ; надъ комнатами тотчасъ плоская крыша; дверь маленькая, деревянная, замокъ тоже; вмѣсто оконъ деревянная рѣшетка, такая частая, что сквозь нея нельзя ничего разсмотрѣть. Улицы узкія, за исключеніемъ квартала Франковъ и боснійской стороны. Жители бѣдны, по болѣеи части; въ натуральной одеждѣ, кромѣ короткой синей рубахи, кушака и изорваннаго тюрбана. Эта прелестная страна ужасно мнѣ надоѣла. Бѣшусь, зачѣмъ я здѣсь. Проклятый Египетъ! Вездѣ песокъ! Ну, промахнулись наши въ своихъ расчетахъ, другъ мой любезный! Все эти искатели добра Божьяго повѣсили носъ; они хотѣли бы воротиться откуда пришли: еще бы!»

Капитанъ Розн: «Насъ остается уже немного! да въ эту»

еще въ войнѣ господствуетъ всеобщее неудовольствіе; притѣсненія никогда не доходили до такой степени какъ теперь.

Имя Таліона окончить спискомъ писемъ, нынѣ почти неизвѣстныхъ:

ТАЛІОНЪ КЪ ЖЕНѢ.

«Что до меня, моя милая, я здѣсь, какъ тебѣ извѣстно, противъ воли; положеніе мое становится непріятнѣе день ото дня, потому-что вдали отъ родины, отъ всего что мнѣ дорого, я не предвижу, когда могу соединиться съ ними».

«Признаюсь тебѣ откровенно я бы въ тысячу разъ лучше желалъ удалиться съ тобою и твоею дочерью въ какой-нибудь уголокъ земли, вдали отъ всѣхъ страстей, отъ всѣхъ интригъ и увѣрю тебя, что если я буду имѣть счастье снова вступить на родную землю, я никогда не разстанусь съ ней. *Между сорока тысячами Французовъ, здѣсь находящихся, не наберется и четырехъ, которые думали бы иначе*».

«Ничего не можетъ-быть грустнѣе нашей жизни! Во всемъ недостатокъ. Пять сутокъ не смыкалъ я глазъ; сплю на голомъ полу; мухи, клопы, муравьи, комары, всѣ насѣкомыя пожираютъ насъ, и разъ двадцать въ день я сожалею о нашей прелестной хижинкѣ. Пожалуйста, другъ мой, не продавай ея».

«Прощай, добрая Тереза, слезы орошаютъ бумагу, сладостныя воспоминанія о твоей добротѣ, о нашей любви, о надеждѣ найти тебя по-прежнему любезной, по-прежнему вѣрной, обнять милую дочь мою, одни поддерживаютъ злополучнаго».

Ну, вѣрность тутъ конечно была въ сторонѣ!

Это единогласіе жалобъ — преувеличеніе, свойственное людямъ, упавшимъ съ высоты своихъ надеждъ: Французы всегда мечтали о Востока; рыцарство проложило имъ туда дорогу. Солдаты, побѣдители Италіи, надѣялись захватить богатую землю, ограбить караваны, завоевать лошадей, оружія и серали; романисты усматривали антиохійскую принцессу, а ученые прибавляли свои грѣзы къ энтузіазму поэтовъ. Даже и «Путешествіе Антенора» сначала было принято за ученую дѣятельность: готовились проникнуть таинственный Египетъ, спуститься въ катакомбы, извѣдать внутренность пирамидъ, найти неизвѣстные рукописи, разобрать неизвѣстные іероглифы и разбудить Оерзиосири. Когда вмѣсто всего этого, въ то время какъ институтъ со всей своей мудростью наиннулъ на пирамиды, солдаты увидѣли, что въ землѣ фараоновъ ни-

чего нѣтъ кромѣ оборванныхъ или и совсѣмъ нагихъ оселковъ и землянокъ, изъ высушенной на солнцѣ грязи; когда еще лицомъ къ лицу встрѣтились они съ чумой, Бедуинами, Мамлюками, разочарованіе было огромное. Но страданіе судить криво оно не предвидѣло конечнаго результата. Французы посѣяли въ египетской почвѣ сѣмяна той образованности, которую Мегметъ-Али-паша потомъ вырастилъ; слава Бонапарта увеличилась; лучъ свѣта проникъ въ мракъ исламизма, и въ варварствѣ сдѣлалъ проломъ.

ОХОТНИКИ НОВАЙШАГО ВРЕМЕНИ. Сочиненіе маркиза де-Фудраса. Часть третья. Клянусь честью охотника, эпоха жизни, учтиво называемая среднимъ возрастомъ, очень хорошее дѣло. Молодость миновалась, старость еще не пришла; человекъ не привзывается исключительно къ настоящему, не удивляется исключительно прошедшему; съ миновавшимъ онъ связанъ воспоминаніемъ, съ настоящимъ дѣятельностью; онъ хвалитъ или порицаетъ безъ лицепріятія, потому-что равно принадлежитъ прошедшему и настоящему.

Я отважился написать эти строки, чтобы объяснить читателю, почему считаю себя въ правѣ говорить о поколѣніи, къ которому, къ истинному моему сожалѣнію, я не имѣлъ чести принадлежать. Я не зналъ лично всѣхъ знаменитостей, которыхъ старую спасти отъ забвенія, но часто слышалъ рассказы о ихъ подвигахъ, и сравнивая ихъ съ тѣмъ, что дѣлается передъ моиими глазами, я долженъ сказать, положа руку на сердце, что въ охотѣ и въ любви мы поотстали отъ нашихъ предковъ. Нѣсколько исключеній, — замѣчательныя личности, принадлежащія къ прошедшему времени больше, нежели они сами думаютъ — не заставляютъ меня отказаться отъ этого мнѣнія. Я удивляюсь имъ, я во разъ отдалъ имъ должное на страницахъ этой книги, но ихъ можно перечестъ по пальцамъ, и потомъ по неволѣ возвратиться къ охотникамъ стараго времени.

Не вздумаете ли вы заключить изъ всего сказаннаго, что теперь, по моему мнѣнію, не умѣютъ охотиться? Въ такомъ случаѣ вы поняли меня дурно, и я протестую. Въ наше время охотятся много; нѣсколько набранныхъ охотятся дажео чень хорошо, — но только всѣмъ этимъ охотникамъ недостаетъ страсти. Укажите мнѣ на какогонибудь маркиза де-Болона, или шанезского аббата, или многихъ другихъ, которыхъ всѣхъ не перечестъ отъ восхода до заката

солнца. Ихъ занимало въ жизни одно, — охота; любовь, политика, дѣла, все сливалось для нихъ въ удовольствіи убивать птицъ и звѣрей. Попадетъ ли кто въ опалу, — онъ оставляетъ все и идетъ охотиться; обманетъ ли кого любезная, — онъ ѣдетъ охотиться; надѣлаетъ ли сынъ его долговъ, — онъ ѣдетъ охотиться. Охота вездѣ и всегда; безъ нея и радость не въ радость, съ нею и горе не почему. Какъ вы думаете, господа, есть ли въ васъ столько страсти?

Но, скажете вы, охота стѣитъ дорого, и ваши охотники должны были разориться. Ну да, они разорились, и это не мѣшало имъ продолжать охотиться. Они продавали свои замки, земли, луга, и оставляли себѣ псарню и лѣсъ. Если приходилось разстаться и съ этими обломками прошедшаго богатства, они оставляли себѣ стаю собакъ, закидывали за плеча рога, садились на клячу, обракованную Жидами, и отправлялись охотиться въ лѣса своихъ пріятелей, которые принимали ихъ съ радостью и не считали несчастными, потому что они могли забыть свои финансовыя неудачи въ шумѣ охотничьей тревоги.

Миръ принадлежитъ тому, кто одушевленъ глубокою и сильною страстью. Разорившійся, но страстный охотникъ думалъ, скача по чужому лѣсу: «Я не могу вырубить этихъ дубовъ и проиграть ихъ въ фараонъ; но живущіе въ немъ олени и кабаны принадлежатъ мнѣ, потому что мнѣ позволено за ними охотиться. Я богатъ и счастливъ»....

Благородные, безпечные люди! Вы были истинные сыны храбрыхъ Галловъ, которыхъ такъ трудно было побѣдить Цезарю! Гдѣ ваши мужественныя добрыя лѣща, ваши веселыя выходы, ваше благородно-неразсчетливое великодушіе, ваша любезность, внушающая больше уваженія, нежели угрюмость теперешнихъ миниатюрныхъ вельможъ Франціи.

Графъ и маркизъ де Фюссей были совершеннымъ типомъ этихъ бравыхъ охотниковъ. Они можетъ-быть не имѣли чести разорить сами себя, но состояніе ихъ, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, далеко не соответствовало ихъ сану; особенно меньшій былъ почти бѣденъ. Они родомъ изъ Бургони, гдѣ ихъ всегда считали отраслю очень высокой фамиліи. Старый баронъ де-Журсанво, ученый генеалогъ, увѣрялъ, что они одного происхожденія съ Сомбернонами, младшею линіею незнаю какого-то дома бургонскихъ королей или герцоговъ. Вѣрно то, что эти Фюссеи происходятъ черезъ Линьевилей отъ однихъ предковъ съ домомъ Кон-

де, и что они вступили въ родство въ послѣднемъ столѣтїи съ фамилією Бове, а въ пятнадцатомъ съ Малесами, лицами оцѣдимицатыми при вѣнцѣвѣннѣмъ дворѣ Карла-Сѣмлаго.

Вѣрнѣе обычаиъ предковъ, братья Фюссей, (я говорю о графѣ и маркизѣ), жили въ Бургоннѣ, и оставили тамъ по себѣ имѣть, драгоценную для всякаго истиннаго охотника. Никто не изучилъ такъ глубоко, какъ они, на практикѣ и въ теорїи, изуми простодушнаго и ученаго Фульу; вся жизнь ихъ была не что иное какъ охотничья экспедиція, продолжавшаяся три четверти вѣка. Несмотря на подагру, вѣнчившую себѣ въ обязанность посѣтить ихъ подѣ старость, братья Фюссей были одарены сложесіемъ какъ нельзя болѣе годнымъ для избраннаго ими рода жизни. Тѣлесная сила, мужество для борьбы съ превратностями случая, стойкость, терпѣніе, наблюдательность, зрѣніе столь острое, что они могли перечесть отростки на рогахъ оленя за три четверти лѣе, слухъ столь тонкій, что они слышали, казалось, какъ растеть трава, — у нихъ было все, что нужно для успѣшной войны съ жильцами лѣсовъ; какъ говорили поэты имперїи. Мно случалось, въ молодости, слышать рассказы старыхъ охотниковъ: они отзывались о Фюссейхъ съ особеннымъ уваженіемъ. Одинъ видѣлъ, какъ маркизъ на всемъ скаку сдѣлалъ двойной выстрѣлъ по кабанамъ; другой рассказываетъ съ гордостью, что его выучилъ слѣдить звѣря самъ графъ; одинъ ѣздилъ съ братьями въ Англию, куда они отправлялись по временамъ для покупки лошадей и собакъ; другой хранилъ у себя какъ реликвию старый рогъ, измятый ихъ геройскимъ дыханіемъ; не было конца рассказамъ о ихъ подвигахъ, о ихъ открытіяхъ и секретахъ, умевшихъ съ ними въ могилу. Пока они жили, ярость, зтогъ сонникъ науки, никогда не похищала жертвъ; защита кабана, какъ бы ни была она упорна, никогда не стоила жизни внодной собакѣ.

Любознательность ихъ не пренебрегала ничѣмъ, опытность рѣдко ихъ обманывала; они узнавали лошадь глядя, какъ она ѣтъ сѣно, и борзую, какъ она хлебаеть сунъ. Къ нимъ приводили въ за тридцати лѣе цѣлыя стаи гончихъ для обученїа, укушенныхъ бѣшевыми собаками для излеченїа, доѣзжачихъ на испытанїе, птичникѣвъ для преобразованїа ихъ въ псарк; они же, всегда готовые служить, когда дѣло касалось ихъ единственной страсти, не отказывали ни въ чемъ, и всегда находили средство чему-нибудь научиться, уча или одождая другихъ. Мы не хотимъ увижать никого, во, по совѣсти, о комъ изъ нашихъ современниковъ можно сказать то же?

Промѣтыя обонхъ братьевъ Фюссей были болѣе или менѣе заложены, но это не мѣшало дѣлу; они охотились почти всегда вмѣстѣ, то въ Эбожи у маркиза, то въ Бартенэ у графа, то у кого-нибудь изъ друзей, которые на-перерывъ приглашали ихъ каждый къ себѣ. Не было ни одного лѣса на двадцать лѣй вокругъ, гдѣ бы имъ не позволено было охотиться; впрочемъ, еслибы позволеніе и не было имъ дано, они дали бы его сами себѣ, — и результатъ вышелъ бы тотъ же.

Братьевъ Фюссей связывала не только общая страсть къ охотѣ, но и совершенное сходство характеровъ и образа мыслей. Они были постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ, и у нихъ выходили иногда пресмѣшныя сцены. Такъ, маркизь продалъ однажды графу дрянную сѣрую лошадь, за которую заплатилъ по ошибкѣ очень дорого. Графъ не жаловался на эту штуку, а посмѣялся вмѣстѣ съ братомъ, и сказалъ ему, что уже успѣлъ перепродать ее въ третьи руки. Теперь, говорить подобныхъ вещей уже не случается, но тогда онѣ дѣлались иногда... между своими. Прошло нѣсколько недѣль. Графъ съѣздилъ между-тѣмъ въ Англію и привезъ оттуда, какъ обыкновенно, лошадей и собакъ. Въ числѣ первыхъ была прекрасная цѣгая лошадь, которую одинъ знаменитый норфолькскій охотникъ продалъ графу на вѣсь золота. Генеалогія благороднаго коня не подлежала никакому сомнѣнію, и слава его гремѣла по всей Великобританіи. Не было въ соединенныхъ королевствахъ ни одного ристалища, пылью котораго онъ не забрасывалъ бы глаза отставшимъ состязателямъ. Онъ перепрыгивалъ черезъ что угодно, и никогда не уставалъ. Словомъ, это было чудо.

— Ты бы продалъ мнѣ эту лошадь, сказалъ маркизь графу, небрежно рассказавшему ему всѣ подвиги Лютаго, такъ звали этого коня.

— Да, онъ мнѣ стоитъ страшно дорого.

— А сколько ты хочешь барыша, кромѣ путевыхъ издержекъ?

— Мнѣ не хотѣлось бы его продавать.

— Промѣняй мнѣ его на Мандрена и Белизантү.

Мандренъ былъ борзой кобель, какого еще не бывало, а Белизанта гончая сука, какой и не будетъ.

— Изволь, возьми, отвѣчалъ графъ. Только тебѣ уступаю.

Лютый переселился въ конюшню маркиза, который вообразилъ себѣ, что сдѣлалъ чудо какою выгодною покупку.

На другое утро конюхъ его вошелъ къ нему въ спальню съ разстроеннымъ лицомъ.

— Господинъ маркизь, сказалъ онъ, Лютый...

— Болѣнъ? прервалъ его маркизь поспѣшно.

— Нѣтъ.

— Такъ что же ты смотришь, какъ будто пришелъ съ того свѣта?

— Лютый не настоящей масти. Я повелъ его купать пѣгми, а привелъ домой бѣлымъ какъ Бикальонъ, котораго вы продали графу.

Маркизь сбросилъ одѣяло, надѣлъ туфли, натянулъ шлефрокъ и побѣжалъ въ конюшню.

— Да это самъ Бикальонъ! воскликнулъ онъ, нѣсколько секундъ посмотрѣвши на норфольское чудо. Bravo, графъ! ловко поддѣлъ!

Графъ стоялъ въ углу и едва могъ удержаться отъ смѣха. Увидѣвши, что братъ не сердится, онъ выбѣжалъ къ нему и они обнялись.

— А Мандрень и Белзанта остаются у меня, сказалъ графъ.

Нѣтъ возможности пересказать всѣхъ анекдотовъ объ этихъ братьяхъ, сохранившихъ въ груди своей священный огонь до самой смерти. Волей или неволей, однако же, вы должны выслушать два разказа, потому что они исключительно касаются охоты.

Графъ собирався жениться. Онъ былъ въ короткихъ связяхъ съ своимъ отцомъ, и готовился сдѣлаться членомъ его семейства, женившись на одной изъ его племянницъ, единственной дочери маркизы де Шевинье, о которой я говорилъ, кажется, въ «сорока осми часахъ у маркиза де-Монревеля». Свадьбу положили праздновать въ Деминьи, у моего отца, и женихъ уже около двухъ недѣль жилъ въ замкѣ, подъ предлогомъ ухаживанья за невѣстою, которая только-что вышла изъ монастыря, и которой онъ до-тѣхъ-поръ не видалъ. Сусаннѣ де-Шевинье было пятнадцать лѣтъ; она была мила какъ всѣ тогдашнія женщины.

Само собою разумѣется, что графъ де-Фюссей былъ страстно влюбленъ въ нее ежедневно отъ шести до одиннадцати часовъ вечера. Остальное время графъ проводилъ на охотѣ. Онъ привелъ съ собою своихъ собакъ, съ которыми никогда не расставался, и кромѣ того могъ распорядиться стадами моего отца и Дениса. Сегодня травили кабана въ Жержийскомъ лѣсу; завтра двую козу въ Шаньи, потомъ стрѣляли зайцевъ или бакасовъ.

Этого, согласитесь, довольно, чтобы терпѣливо ждать великаго событія бракосочетанія.

Наконецъ, настала этотъ торжественный день! Рано поутру графъ де-Фюссей былъ уже выбритъ, напудренъ, надушенъ и ему оставалось только надѣть шитый кастанъ и явиться къ прекрасной трепещущей невѣстѣ, — какъ вдругъ кто-то скромно постучался къ нему въ двери.

— А, это ты, Боннаръ! что тебѣ надо? сегодня вѣдь не будемъ охотиться.

Боннаръ былъ доѣзжачій графа; въ сравненіи съ Денисомъ, онъ былъ тоже, что Тюренъ въ сравненіи съ Кондѣ.

— Я желалъ бы знать, долго ли продлится служба, сказалъ Боннаръ.

— Объ этомъ спроси у служанки аббата, а мнѣ какъ это знать? Но зачѣмъ тебѣ?

— Я высмотрѣлъ кабана въ Моризъ, отвѣчалъ доѣзжачій.

— Ты сдѣлалъ глупость; ты знаешь, что мы не можемъ сегодня охотиться. Что жъ это за звѣрь?

— Огромный кабанъ, должно быть трехлѣтокъ.

— Пойдемъ на него завтра.

— Завтра будетъ поздно, это прибудокъ. Денисъ знаетъ всѣхъ звѣрей въ этомъ лѣсу, и говоритъ, что это не здѣшній.

— А! произнесъ маркизъ тономъ, выражавшимъ сильное волненіе.

— Если вы позволите, мы съ Денисомъ возьмемъ его.

— Нѣтъ, я не позволю моимъ людямъ охотиться въ день моей свадьбы.

— Но мы отправимся послѣ вѣнца; по этому-то я и спросилъ, долго ли продлится служба.

— Такъ Денисъ увѣренъ, что кабанъ тутъ не останется?

— Говорить, что такъ.

— Можетъ-быть его можно будетъ убить при выходѣ изъ лѣсу?

— Очень легко; ему есть только два выхода.

Въ эту минуту графа извѣстили, что аббатъ прибылъ, что въ церкви зажигаютъ свѣчи, и что гости и родственники собираются въ залу.

— Не уходи послѣ службы, сказалъ онъ Боннару, давая ему знакъ удалиться. Сегодня моей стаѣ охотиться неприлично.

Боннаръ ушелъ очень недовольный, и графъ вошелъ въ залу къ невѣстѣ.

Никогда еще Сузенна де-Шевинье не была так мала. Восторг молодости, умрелный волнением от предстоящей церемонии, привнесла къ ней взоры всякъ присутствовавшихъ.

— Ты счастливецъ, женивъ маркизъ своему брату. Невеста твоя чудо какъ хороша!

— Боншаръ высмотрѣлъ кабака, отвѣчалъ ему графъ.

— Что за пошка! продолжалъ маркизъ.

— Огромный звѣрь, отвѣчалъ графъ.

— Черезъ нѣсколько часовъ всё будутъ тебѣ завидовать.

— Онъ за десять минутъ отсюда, въ Мориз; послѣ стѣнча жех-во на минуту улизнуть, и....

— Какъ? ты вахрешь....

— Чѣмъ больше удовольствія въ одинъ день, тѣмъ лучше, и такъ-какъ я уже столько счастливъ....

Мадмоазель де-Шевинье бросила вѣжливый взглядъ на своего жениха и опустила глаза. Она слышала только послѣднюю колочену фразы.

По окончаніи церемоніи всё возвратилось въ залу, и братья незамедлили ускользнуть вонъ.

Черезъ четверть часа они уже гнали въ Мориз; Боншаръ и Дешисъ вели тайкомъ стаю моего отца, чтобы никто не могъ сказать, что стая графа охотилась въ день его свадьбы.

Такъ-какъ условились постараться убить звѣря при его выходѣ изъ лѣса, то братья стали у выходовъ, и графъ занялъ лучшей постъ.

— Я не желаю, говорилъ онъ, чтобы кабака ускользнулъ, потому-что хочу воротиться къ обѣду, то есть къ двумъ часамъ.

Случай послужилъ ему какъ нельзя лучше: минуты черезъ двѣ послѣ того, какъ звѣря подняли, онъ выбѣжалъ прямо на новобрачнаго. Графъ прицѣлился; нѣсколько секундъ колебался онъ, всадить ли ему пулю въ ухо или подъ лопатку; потому, вмѣсто того, чтобы спустить курокъ, онъ схватилъ рогъ и затрубилъ атаку.

— Такъ онъ пробѣжалъ слишкомъ далеко? спросилъ праскававшій маркизъ.

— Въ десяти шагахъ! но если бы я выстрѣлилъ, охота бы была кончена; а это право жаль: погода такая чудесная! Впередъ мы можемъ его взять въ два часа!

— Ты хорошо сдѣлалъ! отвѣчалъ маркизъ. Теперь еще нѣтъ двѣнадцати.

Кабака былъ сильный и умный звѣрь; онъ не захотѣлъ пр-

вить своиѣ силѣ на бѣготню впередъ и назадъ, не побѣждалъ прямо впередъ, переплылъ Саону, вошелъ въ маринскій лѣсъ, и возвратился въ Бресль, отнуда прибылъ можетъ-статьею таме на свадьбу охотника.

Братья отъ него не отставали, и къ ночи очутились за ономъ добрыхъ лѣтъ отъ зѣмка Деминьн.

— Какъ жаль, что мы такъ далеко! сказала графъ со вздохомъ.

— Это правда, отвѣчалъ маркизъ, жена твоя....

— Могла бы прислать мнѣ мою сгаю; завтра ей можно охотиться, и мы кончили бы съ этииъ проклятымъ кабаномъ.

— Все равно, графъ, отвѣчалъ Девнсъ, мои собаки не устали.

Охотники переночевали на постояломъ дворѣ, и на другой день снова пустились за кабаномъ. Онъ былъ взятъ, и даже былъ столько любезенъ, что снова приблизился подъ конецъ къ деминьскому лѣсу. Можетъ-быть, его привело туда воспоминаніе.

Вечеру графъ привезъ своей жентъ чудовищную ногу кабана.

— Вы будете перломъ мужей, сказала весело маркиза де-Шевиньне, бывшая не очень счастливою въ своемъ замужствѣ.

— Простишь ли ты меня, Сусанна? прибавилъ графъ.

— За что мнѣ на васъ сердаться, если вамъ было весело? отвѣчала невинная двѣушка.

— Моп сгер Фюссей, сказалъ отецъ мой, не заставляй себя часто просить извиненія за подобныя отлучки. Лучшая вещь дѣлается дурною, если не знать ей мѣры.

Графъ не послѣдовалъ этому совѣту, но справедливость требуетъ сказать, что изъ этого не вышло ничего дурнаго: суицидское счастье графа нарушено не было.

Когда начались беспорядки, братья Фюссей не вдругъ перестали охотиться. Не то, чтобы они остались равнодушны къ несчастіямъ отечества, но они не были ни военные, ни депутаты, и не находили другаго средства утѣшиться въ своей бесполезности, какъ предаться своей страсти съ большимъ противъ прежняго жаромъ. Постановленіе 1790 года повергло ихъ въ уныніе. Они поняли, что въ скоромъ времени у всѣхъ заведутся своры, и это было въ ихъ глазахъ неисправимымъ несчастіемъ. Съ этого дня они считали Францію погибшею. Дѣйствительно, сторожа сдѣлались наглы и прикidyвались неподкупными, можетъ-быть только затѣмъ, чтобы имъ платили дороже прежняго. Гостепріимство въ зѣмкахъ стало рѣже. Браконьеры, которыхъ никто не смѣлъ останавливать, истребляли дичь. Приближалась минута, когда нуж-

но было оставить отечество. Но куда ѣхать? Вотъ вопросъ, который задали себѣ братья Фюссей. Въ Англіи охотятся только за лисицами, и то безъ всякаго искусства. Въ Германіи убиваютъ только бить звѣрей, оутанннхъ товетами. Въ Италіи и Испаніи вовсе не охотятся. Чтѣ тутъ дѣлать? Жестокая неизвѣстность, отъ которой въ первый разъ пала энергія братьевъ!

Меньшой, сдѣлавшійся по жегѣ племянникомъ моего отца, почти не выѣзжалъ изъ Денинни, и рѣшился наконецъ оттуда убраться. Уже былъ назначенъ день отъѣзда; срокъ былъ уже такъ близокъ, что будущій изгнанникъ досадовалъ на припадокъ подагры, грозившей помучить его дорогою или даже и задержать, если усилится. Обстоятельства были затруднительныя, будущность грозна, малѣйшее замедленіе могло сдѣлать выѣздъ изъ королевства невозможнымъ. Благодаря охотѣ, братья Фюссей нашли много завистниковъ, которые, воспользовавшись смутами, преобразились въ сильныхъ враговъ; не живи графъ у моего отца, любимаго всею провинціей, ему пришлось бы очень плохо.

Медикъ, которому онъ довѣрилъ свое намѣреніе бѣжать, засталъ его однажды въ лучшемъ положеніи, и сказалъ, что припадокъ, по его мнѣнію, миновался, и не воротится, если большой будетъ вести себя какъ слѣдуетъ.

— Не употребляйте возбуждающихъ напитковъ, прибавилъ онъ уходя, и берегитесь сырости. Съ этими условіями я отвѣчаю за все.

Де Фюссей былъ очень воздерженъ, и ему не трудно было исполнить первое изъ этихъ условій; что же касается до втораго, то оно было еще легче, потому что больной не выходилъ изъ комнаты, очень сухой и теплой.

Это происходило въ октябрѣ. Графъ лежалъ въ широкихъ креслахъ, закутанный въ теплый халатъ; ноги его были обернуты въ мягкое одѣяло; онъ читалъ какую-то старую охотничью книгу; вдругъ ему послышался голосъ Дениса, разговаривающаго въ сосѣдней комнатѣ. Тамъ жилъ кавалеръ де Ріоле, пріятель моего отца, тоже страстный любитель охоты. Графъ началъ прислушиваться.

— Такъ ты говоришь, что ихъ пара? спросилъ Ріоле.

— Да, отвѣчалъ Денисъ, олень и его самка.

— Жаль, если ихъ подстережетъ какой нибудь санкилоттъ.

— Конечно, жаль.

— Такъ возьми дюжину собакъ и мы поймемъ эту парочку при помощи Фюзиліо.

Это значило, что кавалеръ Риоле намѣренъ стрѣлять.

— Только чтобы графъ ничего не зналъ, прибавилъ онъ; а не то подагра бросится ему въ сердце. Сколько ходьбы до замѣтокъ?

— Минутъ двадцать. Они близъ Батара.

— Собирай своры. Я иду сію минуту.

— А, подумалъ графъ, такъ-то вы, голубчикъ, обманываете бѣдныхъ людей! Хорошо же, посмотримъ!

Онъ сбросилъ съ ногъ одѣяло, и заперъ на задвижку дверь, чтобы никто ему не помѣшалъ.

Потомъ онъ досталъ самыя широкіе сапоги. Здоровую ногу онъ обулъ безъ труда; но когда дѣло дошло до больной, боль оказалась такъ нестерпима, что не было никакой возможности надѣть сапогъ.

— Что жъ такое! подумалъ графъ. Эта нога останется въ туфлѣ.

И онъ побѣжалъ въ уборную, гдѣ хранились охотничьи платья. Слуга ее заперъ и взялъ ключъ съ собою.

— Вотъ еще! сказалъ графъ. Поѣду въ халатѣ. Теперь такое время, что можно все себѣ позволить.

Къ счастью, ружья графа не были замкнуты. Онъ зарядилъ двустволку и сталъ выжидать удобной минуты, когда можно будетъ выйти такъ, чтобы никто не замѣтилъ.

Въ это время кавалеръ Риоле закричалъ ему, проходя мимо его двери:

— Прощайте, Фюссей; я иду къ аббату на партію триктрака.

— Смотрите, не проиграйте, отвѣчалъ ему графъ.

Когда Риоле и Денисъ, по его расчету, должны были быть уже вѣзъ замка, онъ вышелъ на цыпочкахъ, что было для него не легко, пробрался въ конюшню, осѣдлалъ первую попавшуюся ему лошадь, и выѣхалъ задними воротами въ поле.

Денисъ не успѣлъ еще спустить собакъ, какъ графъ стоялъ уже на своемъ постѣ. Онъ выбралъ такое мѣсто, что можно было держать тысячу противъ одного, что олени тутъ пробѣгутъ. Такъ и случилось: они выбѣжали прямо на графа, — какъ вдругъ на нихъ бросилась откуда-то пастушья собака. Олени кинулись въ другую сторону и побѣжали шибче. Графъ вскоцѣлъ на лошадь, чтобы посѣять на другой постѣ, отъ зачатія котораго зависѣла удача.

Олени дѣйствъ съ быстротою зѣбра; еще нѣтъ минуты, и нѣтъ невозможно будетъ настигнуть.

Было однако же вѣрное средство пресѣчь нѣтъ доругу: переплыть прудъ, вѣдето того, чтобы обманать его берегомъ.

Графъ не полюбилъ ни минуты. Онъ зналъ, что ножныя заны подагрикамъ запрещены, но подумалъ, что ванна для всего тѣла можетъ-быть не повредить.

Денисъ и Риоле неслась между-тѣмъ во весь оверъ, чтобы обогнать оленей. Вдругъ они слышатъ: пашь! пашь! Два выстрѣла одинъ за другимъ раздались рѣзко и шѣрно; слышно было, что сгрыбала мастеръ своего дѣла.

— Если бы я не зналъ, что графъ въ своихъ просянъ, ослезалъ Денисъ, оставившись, и подумалъ бы, что это оавъ. Во всякомъ случаѣ олени убивъ, потому-что собаки замолкли. Педомко.

Они поѣхали, и мы уже знаемъ, кого нашли. Графъ де Фиссеи, мокрый какъ утля, окоченѣлый какъ трупъ, указалъ нѣтъ на оленей, лежащихъ въ пятидесяти шагахъ отъ него.

— Ваша персія въ транкранъ продолжалась недолго, ослезъ отъ Риоле.

— А ванна, податра, кажется, тоже прошла.

— Увидимъ завтра. Пожалуйста, посадите меня на лошадь. Я не могу сдвигать ни шагу.

Это была послѣдняя окота грива де-Фиссеи. Вечеръ потонъ онъ уѣхалъ больной въ Англию, гдѣ уже были братья его; такъ онъ споре и умерли, потому-что въ Англии шложа окота, говорилъ они.

князь мет-лицигъ. При первыхъ безпорядкахъ во Франціи въ половинѣ 1789 года отецъ молодого Меттерниха искалъ къ сѣбѣ, чтобы онъ оставилъ Страсбургъ и ѣхалъ прямо въ Вѣну по службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Бросивъ послѣдній взглядъ на городъ, гдѣ провелъ нѣсколько счастливыхъ годовъ, которые должны были считаться счастливыми въ его жизни, Меттернихъ прошепталъ послѣдніи слова нѣтъ счастья своего отцу:

«Твоя студентческая жизнь — жизнь юности — кончилась, жизнь дипломата начинается», и сѣлъ въ дорожную коляску. Проѣхавъ нѣсколько миль вѣсть, два товарищи по страсбургскому университету разотались; Лидоръ, не столько честолюбивый какъ другъ, ничего не могъ вообразить себѣ выше чести носить, не

добно одну своему, золотой камергерскій ключъ, во дворцѣ виртембергскаго курфюрста, и потому направилъ путь свой въ Штутгартъ; напрасно Меттернихъ уговаривалъ его ѣхать вмѣстѣ въ Вѣну, рисуя удовольствія, ожидавшія ихъ въ столицѣ Австріи, обѣщая ввести его въ блистательнѣйшія гостиныя. Виртембергскій дворянинъ сдѣлалъ увидѣться съ своимъ семействомъ, сдѣлалъ обнять отца. Казалось, какое то предчувствіе заставило его рѣшительно отказаться отъ предложеній, сдѣланныхъ ему товарищемъ и, дѣйствительно, онъ пріѣхалъ въ Штутгартъ во-время, чтобы услышать послѣдній вздохъ камергера своего отца, на золотый ключъ котораго онъ былъ единственнымъ и законнымъ наследникомъ.

Дружба, соединявшая двухъ прежнихъ студентовъ, была самая искренняя; поѣздка въ Парижъ и опасности, которымъ они тамъ подвергались вмѣстѣ, еще болѣе скрѣпили эти узы; дружба, основанная на одинаковыхъ склонностяхъ, гораздо продолжительнѣе обыкновенныхъ школьныхъ связей, аначалѣ такихъ пламенныхъ и такъ скоро уничтожаемыхъ равнодушіемъ и забвеніемъ.

Меттернихъ былъ очень огорченъ разлукою съ своимъ пріателемъ; въ первый разъ онъ остался одинъ, и никогда еще общество друга не казалось ему такъ необходимымъ какъ въ настоящемъ положеніи. Несмотря на весь интересъ новаго зрѣльца, представляющагося ему въ совершенно незнакомомъ городѣ, во въ мрачной перспективѣ тогда являлась ему Вѣна какъ безпредѣльно грустное одиночество.

И притомъ чистосердечно ли участіе, принимаемое въ немъ первымъ министромъ? могъ ли онъ польститься на обѣщанія человѣка, доступнаго предубѣжденію, и котораго прихотливый нравъ могъ измѣнить благосклонное расположеніе самымъ неприятнымъ образомъ для будущности молодаго человѣка; барону не безызвѣстенъ былъ надменный и странный характеръ князя Кауница, и эгоистическое жестокосердіе, съ которымъ онъ обходился съ своимъ семействомъ.

Отъ этихъ размышленій уныніе заступило мѣсто довѣрчивости; онъ страшился минуты, въ которую долженъ явиться передъ этимъ надмѣннымъ человѣкомъ, къ которому онъ, впрочемъ, питалъ не очень большое уваженіе; онъ почти уже раскаявался, что поѣхалъ въ Вѣну.

При въѣздѣ въ Аусбургъ, почтовая коляска его сломалась; онъ принужденъ былъ простоять нѣкѣлыя сутки въ этомъ городѣ; эта остановка была очень неприятна; но наконецъ онъ покорился

судьбѣ и отправился въ гостиницу Мальту ожидать, пока его экипажъ будетъ поправленъ.

Въ ту минуту, когда онъ вошелъ въ гостиницу, предпочтася ему всѣми знатными путешественниками, прѣзжавшими черезъ Аугсбургъ, и пока говорилъ съ содержателемъ ея, Венсаномъ, Французомъ, поселившимся въ этомъ городѣ, другой путешественникъ вошелъ, по той же причинѣ какъ и Меттернихъ, въ залу.

Этотъ человѣкъ, котораго строгая наружность, важный видъ и одежда внушали почтеніе, былъ около пятидесяти лѣтъ; лицо его, выражавшее вмѣстѣ благородство и кротость, было окружено длинными волосами, преждевременная сѣдина которыхъ показывала утомленіе отъ глубокомысленныхъ трудовъ и ученыхъ размышленій; пронизательный взоръ его, останавливаясь на комъ-нибудь, казалось изучалъ всю фizioномію, чтобы уловить въ ней задушевную мысль; но этотъ взглядъ заставлялъ прощать его любопытство, и любезною благосклонностью предупреждалъ въ-которымъ образомъ упрекъ въ докучливости или нескромности; такимъ показался этотъ человѣкъ Меттерниху, когда онъ подошелъ къ содержателю гостиницы и разбѣялся съ нимъ нѣсколькими словами.

И самъ баронъ, хотя совершенно неучаствовавшій въ этомъ разговорѣ, не могъ избѣгнуть быстрой наблюдательности этого пытливаго зора; онъ старался угадать, какое могло быть званіе этого человѣка, и на минуту подумалъ, что такой любопытный наблюдатель очень могъ принадлежать къ баварской полиціи. Но взглянувъ на него съ болѣею внимательностью, онъ удалилъ изъ своего ума это предположеніе и твердо рѣшился, если будетъ имѣть время, разрѣшить свои сомнѣнія.

Неожиданный случай благопріятствовалъ его намѣренію и желанію. Вопросъ, сдѣланный ему Венсаномъ, принудилъ его облизаться съ новопріѣзжимъ.

— Не имѣлъ ли я чести докладывать вамъ, сударь, сказалъ ему хозяинъ гостиницы, что на эту ночь въ моемъ домѣ оставалась только одна небольшая комната во второмъ этажѣ?

— Да, вы говорили, но мнѣ что за дѣло? Я здѣсь только на однѣ сутки, и если вы меня помѣстите даже на чердакѣ....

— О, милостивый государь, такая знатная особа....

— Безъ комплиментовъ, любезнѣйшій; ну, все ли вы мнѣ сказали? Проводите меня, пожалуйста, въ назначенную комнату, и

главное, прикажите дать мнѣ поужинать, потому что я умираю съ голоду.

Венсанъ, нѣсколько удивленный этими словами, прервавши его обычныя учтивости, не рѣшался обратиться къ нему съ просьбою; но желаніе выгоды одержало верхъ надъ всѣми разсужденіями.

— Милостивый государь, осмѣлюсь ли я обратиться къ вамъ съ просьбою объ услугѣ?...

— Объ услугѣ, ко мнѣ?....

— Не для себя я прибѣгаю къ вашей милости, а вотъ для этого господина.

И онъ оборотился къ человѣку, одѣтому въ черное съ головы до ногъ, который стоялъ неподвижно въ нѣкоторомъ отдаленіи, но не безъ занятія: его пронзительный взоръ переходилъ попеременно отъ молодаго путешественника къ содержателю гостиницы.

— Да, милостивый государь, прошу васъ уважить затруднительное положеніе этого господина.... очень достойнаго почтенія; по моему мнѣнію, онъ долженъ быть по крайней мѣрѣ профессоромъ какого-нибудь германскаго университета....

— Ну, чтѣ вы хотите этимъ сказать? Чтѣ я могу сдѣлать для этого путешественника, въ которомъ вы повидимому принимаете такое участіе?

— О Боже мой! дѣло только въ томъ, чтобы вы раздѣлили съ нимъ по поламъ свою комнату....

— И можетъ быть также ужинъ.... не такъ ли?

— Можетъ-быть.... Но это значило бы употреблять во зло ваше снисхожденіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не люблю дѣлать въ половину; охотно подѣлюсь комнатою и ужиномъ.... Довольны ли вы?

— Какъ же мнѣ не быть довольнымъ? По истинѣ, мнѣ трудно было отказать этому почтенному человѣку, у котораго такое славное лицо.

— Конечно, его наружность говорить въ его пользу; но физиономіи бывають иногда очень обманчивы.

— Не для всѣхъ, милостивый государь, не для всѣхъ.

Последнія слова были сказаны третьимъ лицомъ, путешественникомъ, за котораго Венсанъ ходатайствовалъ съ успѣхомъ.

Баронъ раскаялся въ неосторожномъ замѣчаніи, которое пріѣзжій могъ принять за намѣреніе оскорбить его; но путешествен-

никъ привалъ его въ хорошую сторону, и не думалъ сердиться; онъ вѣжливо подошелъ къ Меттерниху поблагодарить за обязательную услужливость.

— Милостивый государь, прибавилъ онъ, не зная меня, повѣривъ на слово хозяину гостиницы, который тоже меня со-вѣтъ не знаетъ, вы соглашаетесь раздѣлить со мною комнату и столъ; надѣюсь, что не нарушу доброе мнѣніе, которое вы составили себѣ по моей физиономіи; но долженъ вамъ сказать кто я таковъ, быть-можетъ, вамъ не безызвѣстно мое имя; меня зовутъ Лафатеромъ, я пасторъ изъ Цюриха....

Въ первый разъ, милостивый государь, я слышу это имя, но что нужды!

Лафатеръ не слишкомъ былъ скромнень, этотъ отвѣтъ оскорбилъ его самолюбіе, онъ и не подозревалъ, что отвѣтъ могъ быть слѣдствіемъ разсчитаннаго намѣренія со стороны нѣмецкаго дворянина, онъ думалъ, что это происходило отъ дѣйствительнаго невѣжества его.

— Такъ вы не читаете газетъ? спросилъ онъ съ выраженіемъ удивительнаго простодушія.

— Очень мало, потому-что я очень занятъ.

— Такъ это понятно.... Видите ли, обо мнѣ много говорятъ въ газетахъ.... и даже въ другихъ мѣстахъ; моя система имѣетъ почти столько же противниковъ, сколько почитателей.

— Не всѣ изобрѣтатели системъ пользуются такимъ счастіемъ; но вы, безъ сомнѣнія, будете столько добры, чтобы объяснить мнѣ свою систему?

— Буду очень счастливъ, если удостоите своимъ вниманіемъ.

— И такъ, господинъ Лафатеръ, прежде поуживаемъ, а потомъ уже поговоримъ о вашей системѣ.... Но какъ вы присматриваетесь ко мнѣ!.... Можно подумать, что мое лицо вамъ напоминаетъ кого нибудь изъ знакомыхъ.

Меттернихъ много слышалъ о Лафатерѣ, но не вѣрилъ его знанію; онъ притворился невѣждою, надѣясь выиграть этимъ для удовольствія своего любопытства. Ему хотѣлось позабавиться на-счетъ знаменитаго физиономиста. Но упорство взоровъ, изучавшихъ или скорѣе анализировавшихъ всѣ его черты, начинало ему наскучать. Лафатеръ, казалось, не понялъ провническаго замѣчанія барона. Онъ продолжалъ свое изученіе, что казалось очень занимало его, когда Меттернихъ, выведенный изъ терпѣнія, сдѣлалъ ему знакъ слѣдовать за нимъ ужинать въ отведенную комнату, гдѣ должны были почевать оба путешественника.

Когда они сѣли за столъ, Меттернихъ замѣтилъ значительную переѣну въ обращеніи Лафатера. Онъ казался безпокойнымъ, печальнымъ; съ трудомъ отвѣчалъ нѣсколькими словами на вопросы Меттерниха, напрасно старавшагося услышать отъ него объясненіе теоріи фнзіономики. Утомившись отъ бесполезныхъ усилій, встрѣтивъ препятствіе своимъ намѣреніямъ въ осторожности своего собесѣдника, онъ не могъ скрыть своего нетерпѣнія.

— По истинѣ, милостивый государь, сказалъ онъ Лафатеру, мнѣ очень трудно, если не сказать невозможно, понять что вѣдь въ этой наукѣ, которую своею системою вы думали сдѣлать доступною для всѣхъ; признаюсь вамъ, что прежде нежели я имѣлъ честь встрѣтить васъ и говорить съ вами, я сомнѣвался: теперь я не вѣрю.

Лафатеръ, отъ природы проникательный, очень хорошо замѣтилъ, что имѣеть дѣло съ человѣкомъ, который въ состояніи поколебать его понятія въ предметахъ изслѣдованія, стоившихъ ему многихъ лѣтъ жизни, въ которыхъ онъ самъ сознавалъ иногда собственное заблужденіе, не открылъ любимой мечты своей о фнзіономіяхъ Меттерниху, и тѣмъ прекратился разговоръ ихъ.

Пріѣхавъ въ Вѣну, Меттернихъ посѣщилъ написать первому министру, что готовъ къ его распоряженіямъ; письмо свидѣтельствоvalo о его нетерпѣніи; оно было сочинено со стараніемъ и даже съ бѣльшимъ искусствомъ, нежели какое можно было ожидать отъ молодаго неопытнаго человѣка. Баронъ, призванный въ Вѣну княземъ Кауницемъ, долженъ былъ предполагать, что князь тотчасъ же назначитъ ему аудіенцію для сообщенія своихъ намѣреній въ отношеніи сына дипломата, и въ этомъ случаѣ только важное назначеніе могло быть удѣломъ барона Меттерниха; такъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ, и потому уже притотвилъ благодарственное привѣтствіе.

Однако много дней прошло, а отвѣта отъ министра не было. Какъ объяснить это молчаніе? Можетъ-быть письмо не дошло по адресу. Однако онъ самъ отвезъ его въ канцелярію.

Велико было недоумѣніе молодаго человѣка, онъ терялся въ предположеніяхъ на-счетъ молчанія князя Кауница; наконецъ рѣшился написать ему другое письмо, въ которомъ упоминалъ о первомъ.

Не скорѣе первый министръ отвѣчалъ и на это письмо. Что было дѣлать барону? Должно ли ждать неопредѣленное время? нужно ли написать въ третій разъ письмо? Онъ вооружился му-

жествомъ, и принявъ геройскую рѣшимость, явился въ канцелярію и вызвалъ господина Аверсберга, одного изъ начальниковъ, котораго сынъ былъ товарищемъ молодого Меттерниха по страсбургскому университету.

— Есть ли, господинъ баронъ, спросилъ швейцаръ, приглашенный билетъ?

— Нѣтъ, я жду его; но я желалъ бы говорить съ господиномъ д'Аверсбергомъ, начальникомъ счетной части въ канцеляріи.

— Очень хорошо; но имѣете ли вы приглашенный билетъ?

— Знаю очень хорошо, но вы хотите говорить съ господиномъ д'Аверсбергомъ, не такъ ли?

— Точно.

— Ну, такъ вы не можете войти, если д'Аверсбергъ не назначитъ вамъ дня, въ который можетъ принять васъ; такъ уже принято и надо съ этимъ сообразоваться. Видно, что вы этого еще не знаете. Господинъ д'Аверсбергъ очень занятъ, и не имѣлъ бы времени принимать всѣхъ, кто къ нему приходитъ; потому, лицо, съ которымъ онъ имѣетъ надобность говорить, предварительно приглашается особою повѣсткою.

— Уважаю принятое обыкновеніе и приказаніе правительства; но думаю, что этотъ приказъ не касается меня; я баронъ Меттернихъ, сынъ графа Меттерниха, министра его императорскаго величества въ вестфальскомъ округѣ.

Швейцаръ подвинулъ руку къ шляпѣ и почтительно поклонившись отвѣчалъ:

— Я въ отчаяніи, баронъ, что не могу впустить васъ; приказаніе прежде всего!

— Надо было удаваться, что и сдѣлалъ Меттернихъ.

— Я попрошу аудиенціи у д'Аверсберга и, вѣроятно, онъ мнѣ не откажетъ.

Баронъ униженный, въ уныніи возвратился домой, составивъ тысячи плановъ въ головѣ; было уже около двухъ нѣсاعاتъ, какъ онъ жилъ въ Вѣнѣ, ожидая отвѣта отъ перваго министра, дѣшевыя средства его истощились, а онъ не рѣшался уведомить отца о своемъ настоящемъ положеніи, боясь огорчить его. Тотъ же писалъ къ нему, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, онъ не можетъ пріѣхать къ нему въ Вѣну, но что можетъ совершенно положиться на благосклонность князя Кауница. Ба-

ронъ не смѣлъ уведомить отца о настоящемъ положеніи дѣла и даже старался поддерживать свои мечты, лаская его самолюбіе.

Въ припадкѣ унынія мелькнула у него мысль тотчасъ же оставить Вѣну и отправиться въ Кобленцъ, чтобы сказать отцу о своемъ отреченіи отъ дипломатическаго поприща. Онъ даже началъ уже писать письмо, въ которомъ очень горячо жаловался, что первый министръ забылъ его.

Это письмо должно было быть отдано князю Кауницю особою, на вѣрность которой баронъ могъ положиться; это единственное мнѣніе, которымъ хотѣлъ онъ отплатить за пренебреженіе его снательства.

Окончивъ письмо, онъ легъ и скоро заснулъ, но если утро вечера мудренѣе, какъ говоритъ пословица, то сонъ утѣшитель несчастныхъ. Молодой Меттернихъ спалъ прекрасно, и проснулся съ другими мыслями: оставусь въ Вѣнѣ! воскликнулъ баронъ! Вскочивъ съ постели, онъ подбѣжалъ къ своему письменному столу, схватилъ письмо, написанное къ князю Кауницю, и разорвалъ его:

— Я остаюсь, повторилъ онъ, и наконецъ доберусь таки до перваго министра!

Покорившись ожиданію, онъ не хотѣлъ однако упустить никакого средства, которое могло бы привести его какъ можно скорѣе къ цѣли, онъ написалъ къ д'Аверсбергу, испрашивая позволенія явиться къ нему.

Правитель канцеляріи, человѣкъ чрезвычайно вѣжливый, пригласилъ Меттерниха въ канцелярію, и снабженный паспортомъ, баронъ могъ наконецъ надѣяться узнать причину молчанія князя Кауница.

д'Аверсбергъ очень благосклонно принялъ барона, отца котораго хорошо зналъ.

— Чѣмъ могу служить вамъ, баронъ? сказалъ онъ ему: я весь къ вашимъ услугамъ.

— Я желалъ бы знать, милостивый государь, какими-образомъ могу увидѣться съ княземъ Кауницемъ?...

— Гмъ! Это не такъ легко, предупреждаю васъ; однако имъ выше, ваши достоинства могутъ побѣдить препятствія, непреодолимые для другихъ; имѣете ли вы какую нибудь особенно важную причину, чтобы получить аудіенцію?

— Да, милостивый государь, причина, побудившая меня прійти въ Вѣну, очень важна.

— Такъ напишите къ князю...

— Я уже писалъ.

— Очень хорошо сдѣлали.

— Но онъ мнѣ не отвѣчалъ.

— Прекрасно.

— Я написалъ къ нему въ другой разъ, и болѣе двухъ мѣсяцевъ жду аудіенціи.

— Прекрасно, вы сдѣлали все, что должно.

— Но, милостивый государь, подумайте: это уже болѣе двухъ мѣсяцевъ....

— Два мѣсяца! что это значитъ? но будьте покойны, князь вамъ будетъ отвѣчать.

Баронъ на минуту подумалъ, что правитель канцеляріи хотѣлъ посмѣяться надъ нимъ.

— Я и забылъ сказать вамъ, что пріѣхалъ въ Вѣну по именному и прямому приглашенію самаго канцлера.

— Тѣмъ болѣе имѣете право получить аудіенцію, баронъ.

— Но призывая меня въ столицу, первый министръ приказывалъ мнѣ немедленно явиться.... Это приказаніе было отдано вѣроятно не для того, чтобы оставить меня въ недоумѣніи болѣе двухъ мѣсяцевъ.

— Почему знать? намѣренія перваго министра непроницаемы.

— Такъ вы думаете, милостивый государь, что я не долженъ удивляться продолжительному молчанію князя?

— Конечно нѣтъ; если его сіятельство еще не отвѣчалъ вамъ, такъ потому, что имѣетъ на это свои причины.... Онъ знаетъ, что вы повиновались его приказанію, что вы въ Вѣнѣ, этого для него довольно; помните, баронъ, что поприще, на которое вы вступаете, всего болѣе требуетъ терпѣнія и самоотверженія.

Но что мнѣ дѣлать здѣсь? въ ожиданіи пока первый министръ рѣшитъ мою участь....

— Э, Боже мой?! въ ваши лѣта не имѣютъ недостатка въ развлеченіяхъ, въ увеселеніяхъ, въ особенности же въ большой столицѣ.

— Благодарю васъ за добрые совѣты; я воспользуюсь ими... однако, если я еще напишу къ канцлеру....

— Не дѣлайте этого, баронъ, не дѣлайте — эта ошибка будетъ стоять вамъ дорого. Терпѣніе и покорность!

Баронъ принялъ наконецъ рѣшительное намѣреніе; онъ опять благодарилъ д'Аверсберга, провожавшаго его съ увѣреніями въ совершенной преданности, и вышелъ, съ твердымъ намѣреніемъ

никогда не подвергать ее испытанію. Словомъ, онъ сдѣлался терпѣливымъ и покорнымъ.

Но онъ вспоминалъ также о средствахъ, предложенныхъ д'Аверсбергомъ, терпѣливо выждать рѣшенія князя Кауница; онъ любилъ удовольствія и не отказывался отъ нихъ; онъ часто посѣщалъ общество нѣкоторыхъ прежнихъ страсбургскихъ товарищей, и веселая жизнь, которую проводилъ съ ними, заставляла его иногда желать неопредѣленной отсрочки отвѣта перваго министра.

Но какъ пребываніе въ столицѣ требовало большихъ расходовъ, то онъ прибѣгалъ, по примѣру своихъ товарищей, къ кошелку вѣнскихъ жидовъ и къ концу трехъ мѣсяцевъ задолжалъ до двѣнадцати тысячъ франковъ подъ залогъ перваго посольства, которое возложить на него князь Кауницъ при первомъ свиданіи.

Къ счастью, отецъ его все еще оставался на дипломатическомъ постѣ, удерживаемый важными переговорами. Французская эмиграція, поселявшаяся на берегахъ Рейна, интриги, бывшія слѣдствіемъ стеченія людей, требовали присутствія нѣмецкаго министра въ Кобленцѣ для наблюденія.

Осемь мѣсяцевъ протекли со времени пріѣзда барона въ Вѣну, какъ однажды вечеромъ, когда онъ лорнировалъ въ театрѣ маленькую актрису, дебютировавшую въ трагедіи Шиллера, слуга его принесъ письмо, котораго министерскій видъ дипломатъ тотчасъ узналъ; это былъ пригласительный билетъ.

Баронъ такъ безропотно покорился положенію, въ которое поставленъ былъ молчаніемъ князя Кауница, что не рассчитывалъ болѣе на отвѣтъ перваго министра, и получивъ дозволеніе явиться, онъ почти былъ недоволенъ, потому что дозволеніе пришло именно въ то время, когда ему совѣтъ было не до дипломатіи: оно ему напомнило, что онъ вызванъ въ Вѣну совѣтъ не для того, чтобы развѣзжать по гостямъ, по баламъ и театрамъ, влочиться за актрисами, дебютировавшими на столичныхъ театрахъ; въ то время, Меттернихъ готовъ былъ забыть и дипломатію и перваго министра.

Едва бросивъ взглядъ на двѣ или три фразы письма, онъ измалъ его въ рукахъ и положилъ его въ карманъ.

Дебютантка появилась на сценѣ, и баронъ не думалъ болѣе ни о князѣ Кауницѣ ни о дозволеніи явиться къ нему.

На другой день, онъ явился въ канцелярію и предъявилъ разрѣшеніе швейцару, тотчасъ же узнавшему молодаго просителя,

котораго выпроводилъ, когда тотъ хотѣлъ видѣть перваго вице-истра, не получивъ на это особеннаго дозволенія. Онъ не могъ не улыбнуться, увидавъ барона. Можетъ-быть онъ хотѣлъ ему сказать что-нибудь, но Меттернихъ прошелъ мимо и вошелъ въ переднюю канцелярію.

Тамъ было очень не много людей, что позволяло Меттерниху надѣяться, что ему недолго нужно ждать.

Черезъ часъ настала очередь Меттерниха; человекъ, стоявшій у двери кабинета, произнесъ его имя и ввелъ его къ Кауницю.

Это былъ маленькій старикъ, котораго лицо, прорѣзанное глубокими морщинами, имѣло такое жесткое выраженіе, что могло бы испугать самаго неустрашимаго просителя. Нарядъ его былъ изысканный, и голова, казалось склонялась подъ тяжестью огромнаго напудреннаго парика. Меттернихъ вошелъ въ кабинетъ, а князь Кауницъ и не подвинулъ головы; онъ пробѣгалъ письмо, которое держалъ въ рукѣ; баронъ стоялъ неподвижно въ почтительномъ разстояніи отъ стола, передъ которымъ сѣдѣлъ первый министръ. Послѣ пяти или шести-минутнаго молчанія, князь Кауницъ поднялъ глаза, осмотрѣлъ съ головы до ногъ Меттерниха, потомъ сдѣлалъ ему знакъ сѣсть, что баронъ исполнилъ очень ловко. Тогда министръ бросилъ на столъ прочтанный письмо и, обращаясь къ Меттерниху, сказалъ:

Господинъ Меттернихъ, вы познакомились немножко съ Франціею, не правда ли?

Этотъ вопросъ всякого привелъ бы въ замѣшательство, кромѣ барона; но онъ и въ то время имѣлъ уже много самоувѣренности, и зналъ, что никогда не надо робѣть передъ министрами.

— Точно такъ, ваша свѣтлость, я знаю ее немного.

— Вы прожили тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ?

— Я слушалъ курсъ въ страсбургскомъ университетѣ....

— Знаю.... Были ли вы въ Парижѣ, господинъ Меттернихъ?

Сдѣлавъ этотъ вопросъ барону, князь Кауницъ пристально посмотрѣлъ на него; положеніе Меттерниха дѣлалось очень опасно; если бы онъ отвѣчалъ отрицательно, то министръ могъ изблечь его во лжи; утвердительный отвѣтъ могъ также имѣть свои опасности. Баронъ вдругъ принялъ рѣшительное намѣреніе.

— Точно такъ, ваша свѣтлость, я ѣздилъ въ Парижъ....

— А, а, молодой человекъ, такъ и вы ѣздили въ Парижъ... И вѣроятно безъ позволенія?

Усмѣшка старика ясно говорила барону, что первому министру

было очень извѣстно путешествіе Меттерниха изъ Страсбурга въ Парижъ.

— Ваша свѣтлость, удостойте извинить любопытство...

— По чести, Меттернихъ, на вашемъ мѣстѣ, я сдѣлалъ бы тоже самое: такъ за что же мнѣ братья васъ; а если бы мнѣ и вздумалось побранить васъ, то откровенность извиняла бы васъ въ моихъ глазахъ. Но, къ несчастію, вы не имѣли времени изучить Парижъ; мнѣ это досадно за васъ и за себя. Быть-можетъ, вы должны бы были продолжать тамъ ваше пребываніе... Конечно, что вы тамъ видѣли, не могло похвалиться вамъ; но есть обстоятельства, когда надобно сохранять хладнокровіе, побѣждать волненіе; заставить молчать свое предубѣжденіе, чтобы какъ слѣдуетъ исполнять роль наблюдателя; съ этимъ только условіемъ можно быть политикомъ и государственнымъ человекомъ, дипломатомъ.

— Благоговѣю предъ справедливостью и глубиною основательности замѣчанія вашей свѣтлости; но ваша свѣтлость изволили забыть, что я не имѣлъ позволенія... и я не хотѣлъ увѣличивать своего простука...

— Это правда, Меттернихъ. Но поговоримъ о другомъ, то есть о причинѣ, побудившей меня призвать васъ въ Вѣну. Я оставилъ васъ довольно долго безъ всякаго увѣдомленія, не правдали? Но мнѣ хотѣлось имѣть васъ подъ рукою; я ждалъ случая испытать ваши способности.

Князь Кауницъ угадалъ способности молодого Меттерниха, котораго обращеніе, отвѣты и чрезвычайно пріятная наружность очаровали его; этотъ человекъ почувствовалъ къ барону влеченіе и благосклонную вѣжность.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ молчанія, первый министръ на-скоро пробѣгалъ нѣкоторыя бумаги, нарочно передъ нимъ положенныя.

— Я имѣю нужду въ человекѣ, который заслуживалъ бы все мое довѣріе, для одного очень труднаго и щекотливаго порученія... и обратилъ вниманіе на васъ, любезный Меттернихъ. Родина ваша въ трирскомъ курфюршества, и курфюрстъ всегда оказывалъ благосклонность вашему семейству...

— Я родился въ Кобленцѣ, и у отца моего есть помѣстья въ окрестностяхъ его...

— Графиня Меттернихъ все еще живетъ въ этомъ городѣ?

— Точно такъ, ваша свѣтлость.

— Такъ вы скоро будете имѣть удовольствіе видѣться съ

нею. Вамъ извѣстно, что тврской кѹрфиретъ далъ убѣжище въ своихъ владѣнїяхъ многимъ французскимъ эмигрантамъ, которые обладаютъ всею, что можетъ подвергнуть опасности ихъ дѣло... которое, думаю, совершенно справедливо.... сборище этихъ эмигрантовъ сдѣлалось центромъ интригъ, потрясающихъ всю Германїю; я наблюдаю за ихъ дѣйствїями; за этими сплетнями....

Первый министръ на минуту оставовился, потомъ продолжалъ свою филиппику на эмигрантовъ, поселившихся въ тврскомъ курфвршествѣ.

— Вы знаете мое мнѣнїе о людяхъ, дѣлахъ, обстоятельствахъ; теперь я долженъ объяснить, чего ожидаю отъ васъ. Вы поѣдете въ Кобленцъ подъ предлогомъ свиданїя съ вашею матушкой, и будете со вниманїемъ наблюдать все, что вокругъ васъ дѣлается. Не пропустите также случая побывать въ шенборнлустскомъ замкѣ; именно на этомъ пунктѣ должно сосредоточиться исключительное вниманїе ваше.

— Благодарю за довѣрїе, которымъ ваша свѣтлость удостоиваете меня почтить, сказалъ онъ съ обычною самоувѣренностью; когда прикажетъ ваша свѣтлость, я уѣду.

— Приготовтесь къ отъезду черезъ недѣлю, то есть, когда возложенный мною на васъ трудъ будетъ оконченъ.

— Но ваша свѣтлость не изволили еще сказать мнѣ въ какомъ званїи угодно вамъ будетъ облечь меня для приличнаго выполненїя возложеннаго порученїя.

Князь Кауницъ наморщилъ брови:

— Вы хотите званїя!... подумали ли вы объ этомъ, молодой человекъ? какое званїе я могу дать вамъ? Я васъ посылаю туда заняться дипломатїею только какъ любителя... послѣ мы увидимъ!

Сухой тонъ, которымъ первый министръ произнесъ эти послѣднїя слова, показалъ Меттерниху, что его противорѣчїе неприяту Кауницу.

Что же касается до жалованья, то предоставьте мнѣ заботу обезпечить васъ приличнымъ образомъ; но не забывайте, Меттернихъ, что ваша будущность зависитъ отъ того, какъ вы исполните возложенное на васъ порученїе.

Меттернихъ почтительно разкланялся и вышелъ.

Князь Кауницъ не напрасно имѣлъ хорошее мнѣнїе о его искренности и честности.

Черезъ недѣлю послѣ аудїенцїи, Меттернихъ поднесъ князю Кауницу требованную записку.

Онъ думалъ, что представивъ эту записку первому министру, могъ тотчасъ же отправиться въ Кобленцъ, и прежде не увидитъ Кауница, пока не исполнитъ порученія, возложеннаго на него; но князь до того былъ восхищенъ чтеніемъ записки, что тотчасъ же послалъ за Меттернихомъ, уже садившимся въ почтовую коляску, и хотѣлъ выразить ему свое удовольствіе. Баронъ немедленно отправился въ канцелярію, гдѣ Кауницъ принялъ его чрезвычайно милостиво и пріѣтствовалъ похвалою за составленіе записки.

Меттернихъ былъ очень благодаренъ за эти объясненія, отвѣчалъ на нихъ въ учтивыхъ выраженіяхъ, и откланялся министру, сказавшему ему, вмѣсто прощанія, слѣдующія слова:

— Помните, что вы должны написать ко мнѣ на другой же день послѣ пріѣзда въ Кобленцъ.

Печально было его путешествіе: почти всѣ мечты его разрушились; девять мѣсяцевъ жилъ онъ ожиданіями, надѣлалъ кучу долговъ, и теперь оставлялъ Вѣну съ назначеніемъ, которое долженъ скрывать.

Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Кобленцъ, какъ понялъ справедливость словъ Кауница. Кобленцъ былъ наполненъ эмигрантами; пестрота военныхъ мундировъ придавала странный видъ городу; но болѣе всего забавляло молодого наблюдателя множество французскихъ генераловъ и офицеровъ, толпившихся по улицамъ; вездѣ только эполеты и ни одного солдата.

Меттернихъ тотчасъ же пошелъ къ матери, которая приводила его въ большое замѣшательство своими вопросами, но онъ нашелъ средство отложить на время свой отвѣтъ; на другой же день по пріѣздѣ, онъ долженъ былъ писать первое письмо къ князю Кауницу.

Онъ вышелъ изъ дому, занимаемаго графинею Меттернихъ, самъ не зная куда направить шаги свои, когда на поворотѣ Архіепископской улицы онъ почувствовалъ легкое прикосновеніе руки къ плечу. Онъ съ живостью обернулся:

— Ахъ! это ты, маркизь, сказалъ онъ, узнавъ своего страсбургскаго товарища.

То былъ молодой маркизь Тюмьёръ, сынъ парламентскаго совѣтника въ Тулузѣ.

— Да, я, сказалъ маркизь, и клянусь честью, я не думалъ встрѣтить здѣсь стараго товарища.

Баронъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на военный костюмъ маркиза.

— Что, любезный Венцеславъ, сказалъ тотъ со снѣхоу, каковъ я тебѣ какусь въ мундирѣ?

— Прекрасно, любезный другъ, прекрасно, но я думала, что ты вступишь въ оудейское званіе?

Маркизь расхохотался.

— Въ оудейское званіе! отвѣчалъ онъ снѣясь все болѣе; маркизь де-Тюмьёръ могъ ли хоть на минуту колобаться, могъ ли не соединиться съ благороднымъ дворянствомъ, немедленно вступающимъ противъ мятежниковъ. Я вступаю въ военную службу.

— Въ добрый часъ! но мнѣ кажется, что твое повышеніе очень быстро; на тебѣ, кажется, знаки отличія, генеральскіе эполеты...

— Я только полковникъ....

— Уже!

— Да, уже около шести мѣсяцевъ.... Правда, я купилъ этотъ чинъ не много дорого... шестьдесятъ тысячъ ливровъ в отдалъ Калонну.

— А твой полкъ?... гдѣ онъ стоитъ?

— Мой полкъ!... о, я ничего не знаю.

— А Калонна знаетъ?

— Я забылъ спросить у него объ этомъ.... но ты бы не жалея я кавалерійскій полковникъ... Кстати — но ты мнѣ не говорила, что ты тутъ дѣлаешь....

— Ну, милый Венцеславъ, вотъ мы опять товарищи, и чтобы свѣршить новое братство, отправимся обѣдать ко мнѣ.

— Охотно, милый другъ.

И старинные страсбургскіе товарищи отправились праздновать съ стаканомъ въ рукѣ счастливое свиданіе. Меттернихъ много облегчилъ свое назначеніе, вызвавъ довѣренность молодого человѣка, повѣрившаго чистосердечію и неокривности стараго товарища по ученію; одинъ часъ разговора съ маркизомъ доставилъ ему чѣмъ наполнить десять страницъ очень любопытныхъ и занимательныхъ объ эмигрантахъ, собравшихся въ Кобленцѣ и его окрестностяхъ.

Маркизь де-Тюмьёръ былъ въ восхищеніи, что видитъ австрійскаго дворянина, предавшагося дѣлу французскаго дворянства, общалъ ввести Меттерниха въ важнѣйшія общества эмигрантовъ, находившихся въ настоящее время въ Кобленцѣ, и даже общалъ представить его Калонну, размѣстившему отдѣленія различныхъ министерствъ въ замкѣ Шенборлауствъ, уступленномъ главному штабу эмиграціи трирскому курфирсту, гдѣ Мет-

тернихъ провелъ свое дѣтство. Онъ не имѣлъ нужды упрасивать легковѣрнаго Тюмъера, поспѣшившаго ввести его въ главную резиденцію.

Благодаря усердію своего услужливаго чичероне, баронъ повсюду былъ принятъ съ необыкновенною благосклонностью; его присутствіе въ лагерѣ считали за счастливое предзнаменованіе.

Баронъ разыгрывалъ свою роль съ необыкновеннымъ искусствомъ и внушилъ такую довѣренность, что отъ него не скрывали никакой тайны, даже иногда совѣтовались, и находя превосходными совѣты его, исполняли ихъ; за-то съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ его писемъ въ Вѣнѣ первый министръ, никогда не нашедшій ихъ слѣдствіемъ длинными.

Меттернихъ чрезвычайно много насмѣхался надъ эмигрантами и надъ обычаями политическихъ и военныхъ Донъ-Кихотовъ; всего же болѣе доставалось Калонну, котораго планы были прескисны.

Однажды баронъ получилъ изъ Вѣны письмо, которое означивалось слѣдующими словами: «Здѣсь отдають должную справедливость вашему уму и дѣятельности, но находятъ, что вы рѣдко бываете у дамъ. Чтѣ это за графиня де-Бальби, которая слыветъ за важную картежницу и большую интригантку?»

Меттернихъ снова прибѣгнулъ къ маркизу Тюмъеру, чтобы быть представленнымъ графинѣ де-Бальби.

Она была когда-то хороша, а теперь утѣшала и вознаграждала себя въ потерѣ прелестей и молодости большимъ умомъ; она была любима графомъ Прованскимъ, братомъ Людовика-Шестнадцатаго. Нѣсколькими днями прежде принца она выѣхала за границу и въ Брюссель они съѣхались. Она послѣдовала за нимъ въ Кобленцъ. Ея домъ былъ мѣстомъ свиданія всѣхъ дворянъ, преданныхъ графу Прованскому.

Но гостиная мадамъ де-Бальби не для всѣхъ была доступна; она была очень взыскательна въ выборѣ особъ, которыхъ принимала, и не любила иностранцевъ, на которыхъ, по ея мнѣнію, эмиграція имѣла большое право жаловаться. Маркизу стоило большаго труда включить въ число пенсіонариковъ своего пріятеля, котораго отталкивали страшныя предубѣжденія противъ подданныхъ германскаго императора; но онъ съ такимъ жаромъ говорилъ въ пользу своего стараго товарища, что побѣдилъ сопротивление графини де-Бальби.

— Ну, любезный маркизъ, сказала она молодому полковнику безъ полка, такъ какъ вы намъ ручаетесь за своего австрійскаго

барона, то представьте мнѣ его; это, впрочемъ, ни къ чему меня не обязываетъ, и если вашъ баронъ не понравится мнѣ, я буду умѣть такъ отдѣлаться отъ него, что въ другой разъ нога его здѣсь не будетъ.

Маркизь поспѣшилъ объявить эту пріятную вѣсть Меттерниху, который, казалось, былъ восхищенъ отъ неожиданнаго усѣха своего друга.

Официальное представленіе должно было произойти немедленно и Тюмбѣру поручено было объявить барону назначенный графинею день для этого представленія.

Наконецъ отверзлись для барона двери гостиной, обѣщавшей ему обильную жатву анекдотовъ. Сколько разнородныхъ оригиналовъ явятся передъ живописцемъ столь уже искуснымъ на то, чтобы уловить смѣшныя стороны! Меттернихъ былъ въ восторгѣ.

Но была одна особа, которая дивилась и огорчалась долгимъ пребываніемъ Меттерниха въ городѣ, гдѣ предполагала, что онъ предавался только однимъ удовольствіямъ. Напрасно спрашивала графиня Меттернихъ своего сына о послѣдствіяхъ его поѣздки въ Вѣну и его свиданіи съ первымъ министромъ. Баронъ старался перемѣнить направленіе мыслей матери, онъ говорилъ ей, что князь Кауницъ очень благоволитъ къ нему и обѣщавъ скорое назначеніе на довольно значительный постъ; во дни и даже мѣсяцы проходили, а назначенія не было.

Объясненія сына совѣтъ не удовлетворяли графиню; она истощалась въ догадкахъ объ образѣ жизни, которую онъ велъ въ Кобленцѣ, о его постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ со многими эмигрантами, о его частыхъ поѣздкахъ въ Шенборнлусть.

Наконецъ, однажды, когда въ отвѣтахъ сына выразилось нетерпѣніе и неудовольствіе, графиня вспомнила, что какъ мать, она имѣетъ право говорить съ строгостью.

— Сынъ мой, сказала она ему, пора уже сказать тебѣ, что всѣ причины и отговорки твои не обмануть меня. Ты никогда не говоришь мнѣ правды.

Да, ты меня обманываешь.... тебя удерживаешь здѣсь какая-нибудь безразсудная страсть, заставляющая тебя забывать свои обязанности.... страсть, которая губитъ твою будущность; въ такомъ случаѣ ты сейчасъ же долженъ ѣхать въ Гагу къ отцу, котораго совѣты и примѣръ тебѣ такъ необходимы.

— О, такія предположенія слишкомъ жестоки для моего сердца.

— Безъ фразъ, милый Венцеславъ, безъ фразъ, прошу тебя; но отвѣчай мнѣ чистосердечно, зачѣмъ ты живешь здѣсь?

— Князь Кауницъ предоставилъ на мой выборъ въ Кобленцѣ или въ Вѣнѣ дожидаться назначенія дипломатическаго поста. Я предпочелъ жить въ Кобленцѣ... потому-что тутъ мать моя... и потому-что здѣсь требуется не такъ много расходовъ, какъ въ Вѣнѣ.

Эти слова, произнесенныя съ увѣренностью, казалось, сдѣлали впечатлѣніе на графиню Меттернихъ.

— Правду ли ты говоришь, милый Венцеславъ?...

— Правду, и очень жалѣю, что вы ранѣе не вызвали этого объясненія, я избѣгнулъ бы сомнѣній, глубоко меня оскорбившихъ, не скрываю этого отъ васъ... но наконецъ они должны разсѣяться и я надѣюсь, что вы возаратите мнѣ всю вашу любовь.

— Ты ее никогда не терялъ, сынъ мой... но въ сердцѣ моемъ чѣд-то говорить сильнѣе материнской любви... это честь... честь, сынъ мой, дороже всѣхъ титуловъ, всѣхъ достоинствъ; помни это, Венцеславъ.

Баронъ склонилъ голову; благородныя слова графини Меттернихъ проникли въ сердце ея сына; они пробудили въ немъ какое-то великодушное чувство.

Представленіе барона къ графинѣ де-Бальби совершилось подъ покровительствомъ маркиза де-Тюмьера, и не аккредитованный дипломатъ имѣлъ большой успѣхъ. Графиня де-Бальби только и говорила о молодомъ, любезномъ Германцѣ, о его прекрасной наружности, благородномъ обращеніи и умѣ его.

— Знаете ли, сказала она маркизу, спустя нѣсколько дней послѣ представленія, что этотъ молодой иностранецъ, другъ вашъ, очарователенъ. Какъ жаль, что онъ австрійскій подданный!...

— Но, графиня, отвѣчалъ маркизъ, баронъ Меттернихъ Французъ по сердцу; онъ получилъ воспитаніе во Франціи.

— Увѣрены ли въ томъ, маркизъ?

— Помилуйте, графиня, онъ былъ моимъ товарищемъ въ страбургскомъ университетѣ; хотя онъ австрійскій подданный, но преданъ нашему дѣлу, и готовъ доказать свою преданность.

— Но не родственникъ ли онъ одного графа Меттерниха, который, кажется, теперь австрійскимъ посланникомъ въ Нидерландахъ?

— Да, графиня, это сынъ его.

Графиня де-Бальби покачала головою и присоединила къ этому знаку недовѣрчивости нѣсколько восклицаній, показавшихся неприятными маркизу.

— Я вамъ ручаюсь, графиня, что баронъ Меттернихъ изъ нашихъ, и готовъ биться объ закладъ, что если завтра мы получимъ приказъ о вступленіи во Францію, онъ вѣдетъ съ нами пойдетъ; наконецъ, графиня, я предлагаю себя порукою за него друга.

— Ну, милый маркизъ, хотите ли, чтобы я откровенно сказала вамъ, что думаю?... Я нахожу вашего молодого друга слишкомъ любопытнымъ для своего возраста....

— Ахъ! графиня, вы ставите въ преступленіе барону, что онъ старается заставить забыть его имя, рожденіе, семейство.... чтобы казаться только Французомъ?....

— Знаете ли, маркизъ, вы были бы превосходнымъ адвокатомъ.... ну, вы выиграли свое дѣло, или скорѣе дѣло своего друга, и притомъ же, если вы ручаетесь за него, то нечего говорить. Скажите отъ меня барону Меттерниху, что я буду всегда рада его видѣть у себя.... хотя онъ и Австріецъ.

Маркизъ де-Тюмьёръ пересказалъ своему пріятелю разговоръ съ графиней де-Бальби; но ни слова не сказалъ о предубѣжденіи, высказанномъ ею противъ него.

— А ты, любезный Венцеславъ, какъ находишь графиню? нравится ли она тебѣ?

— Графиня, конечно, не хороша, но умна какъ настоящий демонъ. Съ какою некуствою и въ то же время съ какою тактомъ она ведетъ свои дѣла! Ея остроты, ея эпиграммы никогда не выходятъ за предѣлы хорошаго тона; однако между нами сказать, она мнѣ кажется немного недоувѣрчивою и осторожною въ дѣлахъ политики, точно государственный человѣкъ. Я предполагаю, что она имѣетъ большое вліяніе на графа Прованскаго.

— Говорятъ, и я готовъ этому вѣрить.

— Говорятъ, что знатнѣйшія особы, наиболѣе имѣющія вліяніе въ Шенборнствѣ часто совѣтуются съ нею: она слышитъ вниманіемъ Эгерію принца.

— Вообще ей приписываютъ эту роль.... однако....

— Оканчивай, не останавливайся, пожалуйста, прошу тебя.

— По чести, любезный другъ, здѣсь скрывается страшная исторія, которую я когда-нибудь расскажу тебѣ.

— Заранѣ благодарю тебя; гдѣ же теперь графъ Прованскій?... я бы очень желалъ его видѣть.

— Говорятъ, что онъ теперь въ Брюссель.

— Или въ Литтлхъ.... и что онъ тамъ дѣлаетъ?

Графиня никогда не любила распросовъ молодыхъ людей; съ

особенности молодыхъ иностранцевъ, но она любила принимать ихъ угожденія; и хотя она была уже не молода, тѣмъ не менѣе оставалась кокеткою, а пріятная наружность барона Меттерниха, его любезность, изящныя манеры, произвели на нее сильное впечатлѣніе; она очень изумилась, когда Меттернихъ обратился въ челоуѣка серьезнаго, холоднаго и молчаливаго; самолюбіе ея было сильно затронута, когда замѣтила, что онъ сдѣлался равнодушнѣе къ парѣ прекраснѣйшихъ глазъ въ мірѣ, казалось, искавшихъ его взоровъ, не нужно было болѣе, чтобы возбудить, если не любовь, то чувство, которое иногда можно принять за любовь.

Проницательность наблюдательнаго барона отгадала причину досады, которую напрасно старался скрыть, но онъ не хотѣлъ легкомысленно начать любовную интригу, которой развязка кому же представляла въ будущемъ мало привлекательнаго для молодаго челоуѣка, управляемаго скорѣе самолюбіемъ, нежели сердцемъ въ дѣлахъ такого рода.

Графиня де-Бальби представала тогда барону въ настоящемъ видѣ; въ его глазахъ она была только интригантной зыснаго разряда, окруженная очарованіемъ знатности. Но графиня де-Бальби имѣла еще другой недостатокъ въ глазахъ молодаго челоуѣка, уже знаменитаго своими любовными приключеніями — она была не молода.

И такъ, баронъ Меттернихъ рѣшился отвѣчать на все задержки и обольщенія холодною учтивостію. Конечно, онъ очень хорошо зналъ, что это лишить его многихъ преимуществъ, но онъ находилъ, что за все это слишкомъ дорого пришлось бы платить.

Онъ посылалъ извѣстіе въ Вѣну о новыхъ своихъ усилкахъ, приобретенныхъ тѣмъ, что гостинная графини де-Бальби открыта ему, и о томъ, чего онъ можетъ надѣяться оттого въ будущемъ. Причина его обманутой надежды извѣстна; онъ старался объяснить ее первому министру болѣе или менѣе правдоподобными предположеніями. Но выведенный изъ терпѣнія сухостію перошиски, въ которой Меттернихъ тщетно старался замѣнить недостатокъ провѣстій предположеніями и догадками, Кауницъ узналъ по доносеніямъ своихъ агентовъ, настоящее положеніе дѣлъ.

— Надобно умиѣть, баронъ, говорить несводнымъ пераго министра, надобно умиѣть для исполненія своихъ обязанностей, приносить въ жертву свою разборчивость и даже отвращеніе, которыя могутъ разрушить самыя искусныя разчеты, наилучшихъ

образомъ составленные планы. Безъ сомнѣнiя, вы можете, вы должны сказать надъ бѣдною графиней, которая любитъ васъ, а вы къ ней непомѣрно жестоки.

Баронъ тотчасъ понялъ значенiе этихъ нѣсколько загадочныхъ словъ; онъ угадалъ, чего требовали отъ него, что надобно было дѣлать для удовлетворенiя перваго министра.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Множество экипажей и безчисленная толпа окружали въ Парижѣ, церковь Святой-Магдалины, куда впускали только по пригласительнымъ билетамъ. Траурныя драпировки обличали погребальную церемонiю, и при видѣ этой наружной пышности, этого стеченiя экипажей, любопытные спрашивали:

— Какого это хоронятъ вельможу?

Въ церкви собранiе было отличное; отборное парижское общество, всѣ знаменитые иностранцы находились тутъ, и чтобы придать церемонiи блескъ ни съ чѣмъ несравнимый, самые искусные пѣвцы исполнили въ честь покойнаго одно изъ образцовыхъ произведенiй церковной музыки — «Реквiемъ» Моцарта. Полевольтъ надо было повторить вопросъ: кого это такъ величально погребаютъ? — пианиста Фредерика Шопеня.

Онъ умеръ 5 (17) октября въ два часа утра, при искреннихъ друзьяхъ и вѣжно-любимой сестрѣ, прѣхавшей нарочно издалека, чтобы присутствовать при послѣднихъ минутахъ артиста и усладить ихъ своимъ присутствiемъ и попеченiями.

Вскрытiе тѣла показало, что Шопень умеръ не отъ чахотки, какъ полагали, а отъ болѣзни сердца. Съ самого юношескаго возраста Шопень казался умирающимъ, его койчива продолжалась двадцать лѣтъ. Доктора лечили его отъ чахотки, а онъ умиралъ отъ аневризма.

Въ концѣ прошлаго лѣта, больной понялъ, что борьба не продолжится. Привыкнувъ къ мысли о смерти, онъ оставался твердъ и спокоенъ въ послѣднiе дни свои, но вокругъ него сколько сожалѣнiй! сколько преданности! сколько грустныхъ, отчаянныхъ попеченiй! Если бы онъ не зналъ этого прежде, то теперь могъ бы убѣдиться, что онъ былъ имовно пианистомъ женщины. Къ любимому имъ артисту прилетѣли сердца, которыя онъ заставлялъ биться, прекрасные глаза, увлажнившиеся слезами отъ его аккордовъ, бодрствовали надъ его взголовьемъ; бѣлыя ручки, аплодировавшiя ему, подавали лекарство. За нимъ ухаживали самыя знатныя парижскiя дамы — двѣ изъ нихъ носятъ княже-

ское званіе. Юныя, и прелестныя, онѣ наполняли нѣжнымъ благоуханіемъ и сладкимъ ропотомъ комнату умирающаго, съ улыбкой угасающаго на рукахъ этихъ очаровательныхъ сестеръ шко-сердія.

Какая завидная смерть! Какой артистъ не захочетъ умереть такимъ образомъ, воспользовавшись всею славою, которую могъ дать свѣтъ и при кощѣ улетающей молодости!

Шопенъ не оставилъ послѣ себя невзданныхъ сочиненій, хотя портфель его былъ туго набитъ рукописями. За нѣсколько дней до смерти, слушая княгиню П**, игравшую на фортепіано въ его комнатѣ, онъ попросилъ ее подать портфель, бросилъ послѣдній, прощальный взглядъ на рукописныя страницы и сказалъ княгинѣ:

— Теперь надо все это сжечь.

Его старались отвлечь отъ этого намѣренія.

— Только я одинъ, отвѣчалъ онъ, могъ повясть эту музыку. Дайте же мнѣ унести ее съ собою.

Не смѣли настаивать, и пламя уничтожило драгоценныя листки.

Піанистъ женщинъ сжегъ потомъ множество писемъ, сохраняемыхъ съ любовью до послѣдней минуты. Это были также мелодіи — мелодіи сердца, сочиненныя для него одного; онѣ не должны были оставаться на свѣтъ. Между этими письмами находились чудныя страницы, начертанныя перомъ краснорѣчивымъ и подписанныя именемъ знаменитымъ.

Всѣ желанія, всѣ прихоти послѣднихъ минутъ его были свято исполнены. Ему хотѣлось, чтобы память его почтили исполненіемъ «Реквіема» Моцарта и артисты концертнаго общества Консерваторіи подъ дирекцію Гривора, капельмейстера Французской Оперы, исполнили на похоронахъ его съ примѣчательнымъ совершенствомъ это глубокое вдохновеніе, послѣдній проблескъ гевія Моцарта. Довольно сказать, что соло пѣлъ Лаблашъ, Дюпонъ, Виардъ-Гарсія и Каstellанъ. Лефевръ-Велли, органистъ церкви Святой Магдалины, исполнилъ три сочиненія Шопена, перенесенныя и аранжированныя для органа. Первая изъ этихъ пьесъ — *improvisé*, которой поэтическая мелодія живетъ въ памяти всѣхъ піанистовъ. Двѣ другія пьесы невзданы, это послѣднія мысли автора; онѣ запечатлѣны нѣжной меланхоліей.

Изъ этихъ фортепіанныхъ пьесъ извлекли все, что прилично стилю органа, замѣнивъ продолжающимися аккордами, арпеджіо, невозможныя на серіозномъ церковномъ инструментѣ. Одно мѣсто особенно было поразительно сочетаніемъ звуковъ. Это игра

голосовъ, смѣшанныхъ съ игрою гобоевъ, жужжащихъ вдали шерстяныхъ жалобнымъ пѣніемъ. Въ этихъ тонахъ было что роковое, ледовито странное.

Ровно въ полдень тѣло вынесли на катафалкъ, при звукѣ шерстянаго марша, извѣстнаго изъ сонаты Шопена для фортепиано и оркестрированнаго Реберомъ. Въ удивлялись трогательной простотѣ одной чудной скрипичной фразы, вылетающей какъ жалобный и отчаянный крикъ души. Сколько было пролито слезъ надъ черными воалами, сколько женщинъ пріѣхало изъ Лондона, Вѣны и Берлина отдать послѣднюю почесть своему любимому артисту! Въ числѣ особъ, державшихъ нити гробоваго покрывала, находился знаменитый творецъ «Пророка» — Мейерберъ.

Немногимъ замѣчательнымъ людямъ дано представлять въ наружности своей олицетвореніе нравственныхъ качествъ. Сколько людей скрываютъ тонкій умъ и возвышенные мысли подъ ничтожной оболочкой, подъ чертами менѣе чѣмъ обыкновенными. Шопенъ же владѣлъ рѣдкимъ преимуществомъ быть живымъ образомъ своего таланта. Съ перваго взгляду можно было узнать трогательнаго поэта, страстнаго артиста. На челѣ его виднѣлась грусть, въ улыбкѣ меланхолія, во взорѣ пѣжность. При взглядѣ на него рождалось впечатлѣніе, дополнявшееся при слушаніи его игры. Особенно женщины не могли не трогаться при видѣ этого блѣднаго и томнаго молодого человека, въ которомъ жизнь своею поддерживалась только усиленіемъ души и огнемъ гевія.

Шопенъ былъ талантъ самостоятельный. Его игра не походила ни на чью игру.

Она отличалась поэтическимъ увлеченіемъ, получавшимъ все свое очарованіе отъ мгновеннаго вдохновенія: слышать одну пѣсню, два раза игравшую Шопеномъ, значило слышать двѣ пѣсни совершенно различныя. Сочиненія этого артиста отзывались его нравственнымъ состояніемъ и терлись иногда въ этихъ неуловимыхъ мечтаніяхъ, которыя составляютъ послѣднія границы экспрессіи. По свойству своего таланта, онъ не былъ способенъ блистать въ большихъ собраніяхъ, гдѣ подробности и тонкость всегда теряются. Какъ у живописца, у музыки также есть свои законы перспективы, которыхъ нарушать нельзя. Пѣснь, соединяющая въ себѣ всѣ условія для успѣху при исполненіи въ гостиной, можетъ потерять, въ огромной залѣ, самыя драгоценныя достоинства. Шопена можно было оцѣнить только въ гостиной, передъ небольшимъ числомъ слушателей, при условіи глубокаго безмолвія и постоянного вниманія. Тогда только и то

мало по-малу, слушатели начинали сочувствовать пианисту, который, наконецъ, овладѣвалъ ими совершенно и подобно магнетизеру проникалъ поэтическимъ токомъ, испарявшимся изъ его вдохновенныхъ пальцевъ, собраніе, совершенно очарованное идеальной музыкой.

Шопенъ долго давалъ уроки, но не образовалъ ни одного воспитанника, то есть пианиста, который бы набрался качества своего учителя. Шопенъ издалъ около осмидесяти твореній, между которыми замѣчательны три концерта, множество нѣсъ съ оркестромъ, тріо для фортепіано, скрипки и виолончели, восхитительные вальсы, этюды, пользующіеся большой славой, и сорокъ-три мазурки. Мазурки Шопена — образцовыя произведенія граціи, меланхоліи и оригинальности. Только самъ онъ да Листъ умѣли выразить вполне грустную ихъ прелесть.

— Вы уже знаете о смерти и похоронахъ Штрауса; мы прибавимъ еще, что шесть-сотъ молодыхъ вѣнскихъ женщинъ, въ бальномъ платьѣ слѣдовали за гробомъ его. Это также былъ любимый артистъ женщинъ, не грустныхъ и нервныхъ, но живыхъ, вѣтреныхъ, страстныхъ охотницъ до бала. Штраусъ былъ кумиромъ таннующаго міра. Его мелодическіе аккорды придавали крылья вальсу. Ноги, головы, сердца, все вертѣлось при неодолимыхъ звукахъ его скрипки.

КНИГИ ПО УМЪРЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Комп., комиссіонера Императорской Библіотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петляля, № 3.)

(Цѣны на серебро).

ALMANACH de Gotha pour 1850. 1 vol. in-18. cartonné.

— Le même ouvrage relié en maroquin, avec étui, tranches dorées et ornements en or

COLLIN (Mme). Manuel de l'institutrice. Paris 1848. 1 vol. in-8. 1 rbl. 25 c.

DRUMMOND HAY. Le Maroc et des tribus nomades; traduit de l'anglais, avec notes et introduction par Mme Belloc. Paris 1844. 1 vol. in-8. 2 rbls.

DURAND-SAINT-AMAND. Manuel des courtiers de commerce, suivi d'un commentaire. Paris 1845. 1 vol. in-8. 2 rbls. 15 c.

- WARSTEN**, Manuel de la métallurgie du fer; traduit de l'allemand par Culmann, 2e édition. Metz 1830. 3 vol. in-8. 7 rbls.
- ZAMPADIUS**, Manuel de métallurgie générale, suivi d'additions; traduit de l'allemand par Arrault. Paris 1840. 2 vol. in-8. 4 rbls. 50 c.
- ZOLLER**, Manuel de physiologie; traduit de l'allemand avec des annotations, par Jourdan. Paris 1845. 2 vol. in-8. avec gravures. 6 rbls.
- ZODEL**, Médecine du bœuf, ou traité des maladies les plus meurtrières des bêtes bovines. Paris 1829. 1 vol. in-8. 1 rbl.
- ZACHAÏLE**, Les médecins de Paris jugés par leurs œuvres. Paris 1846. 1 vol. in-8. 1 rbl. 75 c.
- ZSCHWERS**, Manuel de l'agriculteur commençant; traduit de l'allemand par Villeroy. Paris 1844. 1 vol. in-8. 1 rbl.
- ZIMMENGAND frères et Amoureux**, Nouveau cours raisonné de dessin industriel appliqué principalement à la mécanique et à l'architecture. Paris 1848. 1 vol. gr. in-8. et atlas in-fol. 10 rbls.
- ZAMPANTIER (Mlle)**, Enseignement pratique dans les écoles maternelles ou premières leçons à donner aux petits enfants. Paris 1849. 1 vol. in-8. 1 rbl. 60 c.
- ZAUSSIN DE PERCEVAL**, Essai sur l'histoire des Arabes. Paris 1847. 3 vol. in-8. 8 rbls.
- ZAVOS**, Traité de la construction des théâtres. Paris 1847. 1 vol. in-4 et atlas in-fol. 8 rbls. 55 c.
- ZAUDEL**, Introduction à la science de l'ingénieur. Paris 1849. 1 vol. in-8. 2 rbls. 70 c.
- ZOBERT**, Traité de chirurgie plastique. Paris 1849. 2 vol. in-8 et atlas in-fol. cartonné. 16 rbls.
- ZEBERT**, Traité pratique des maladies scrofuleuses et tuberculeuses. Paris 1849. 1 vol. in-8. 2 rbls. 75 c.
- ZAIN-ARROMAN**, De l'action du café, du thé et du chocolat sur la santé. 6e édition. Paris 1849. 1 vol. in-8. 30 c.
- ZÉDILLOT**, De l'infection purulente ou pyémie. Paris 1849. 1 vol. in-8. 2 rbls. 50 c.
- ZCHILLINGS**, Traité pratique du service de l'exploitation des chemins de fer. Paris 1848. 1 vol. in-8. 90 c.
- ZOMMER**, Manuel de style épistolaire. Paris 1849. 2 vol. in-18. 1 rbl. 15 c.
- Petit dictionnaire des synonymes français. Paris 1849. 1 vol. in-18 cartonné. 75 c.
- ZAUDOUT**, Atlas de l'herbier des demoiselles, contenant 122 planches coloriées. Paris 1849. 1 vol. in-4. oblong. 6 rbls.
- ZHAVÉE**, Lexicologie indo-européenne ou essai sur la science des mots

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕВЯНОСТО-ОСЬМАГО ТОМА.

—

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Гвая-Лиръ. Этюдъ изъ быта Мехики. Ночь вторая и третья. <i>Гр.—Данилевскаго</i>	9	✓
Житейская школа. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Дѣйствіе первое и второе. <i>П. Н. Григорьева 1-го</i>	29	✓
Замосковная дѣтоньса о нашихъ женскихъ дѣлахъ и о другихъ. Бюгги вторыя. Статья первая. <i>Лейлы</i>	103	
Коробочка. Повѣсть <i>А. Бранта</i>	187	✓
Житейская школа. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Дѣйствіе третье. <i>П. Н. Григорьева 1-го</i>	223	✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Плѣвники. Комедія Марка Акція Плавта. <i>А. Кроненберга</i>	1	✓
Ришліе и его племянница. Разсказъ <i>П. де Мюссе</i> . Часть третья	49	✓

✓ Ринлиё и его племянница. Разсказъ П. де-Мюссё. Часть четвертая и послѣдняя	95
✓ Самуэль Титмаршъ и его большой гоггартіевскій алмазь. Повѣсть Тэкерел. Часть первая	193
Веласкесъ и Мурильо	245

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Мысли объ исторіи русскаго языка. Статья первая. <i>И. Срезневскаго</i>	1
✓ Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Русі. Статья первая. <i>А. Тюринна</i>	55
✓ Анджелика Каталани	87
✓ Нѣсколько словъ о Макбетѣ Шекспира. <i>В. Г.</i>	99
✓ Мысли объ исторіи русскаго языка. Статья вторая и послѣдняя. <i>И. Срезневскаго</i>	117
Геологическій очеркъ дороги къ водопаду Иматръ. Статья вторая и послѣдняя. <i>С. Куторги</i>	139
Живопись во Франціи въ осемнадцатомъ столѣтіи. Бушё. Статья вторая. <i>Д. Мацкевича</i>	153
✓ Доннцетти и его итальянская школа со временъ Россіи.	187

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Промышленность ярославской губерніи. Статья вторая и послѣдняя.	4
Промышленность Бессарабской области. Статья первая.	17

V.

КРИТИКА.

Русская Фауна или описаніе и изображеніе животныхъ, водившихся въ Имперіи Россійской. Составленное Ю. Сивашко. Санктпетербургъ. 1849. Тетради 1—10.

Mémoires de la Société royale des antiquaires du Nord. (Записки Королевскаго Общества Сѣверныхъ антикваріевъ. 1840—1848. Копенгагенъ, 2 части).	22
Les antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves, éditées par la Société Royale des Antiquaires du Nord.	39

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Октябрь, 1849. Новая книга	1
— — Разныя извѣстія.	11
Ноябрь, 1849. Новая книга и брошюры.	19
— — Разныя извѣстія.	14

VII.

С М Ъ С Ъ.

Н О Я Б Р Ъ.

Разведеніе чаю на Гималайскихъ горахъ.	1
Два письма Франца Листа	4
Англійскіе флоринны	5
Европейское гражданское народонаселеніе Алжира	5
Памятникъ Вергеланду въ Христіаніи	6
Исторія государственнаго долга Англіи	7
Открытіе дикой ржи	8
Статистика норвежской литературы.	9
Stabat-Mater	12
Музыка и поэзія	12
Продажа имущества Торвальдсена	26
Банкротство парижской Большой-Оперы	27
Ребенокъ за три франка	28
Замокъ Вальтеръ-Скотта	29
Парижскіе гризетки.	33
Волосы мадамъ Рекаміе.	38
Литературныя новости во Франціи. Замогильныя Записки Шатобріана. Часть девятая.	40
Охотники новѣйшаго времени. Сочиненіе маркиза де-Фудраса. Часть вторая. А. Кронеберга.	83

Музыкальныя новости. Пророкъ. Статья третья и послѣдняя.	134
Новыя музыкальныя сочиненія.	152
Моды.	159

ДЕКАБРЬ.

Извѣстiя объ экспедици, отправленной для отысканiя Франклина	161
Новый способъ переводить гравюры и рисунки	165
Чудесное излеченiе	166
Сербатый женихъ	170
Женни Линдъ	172
Одна изъ продѣлокъ комическаго актера	173
Послѣднiя минуты Людовика Одиннадцатаго	174
Премiя за голубя	180
Трапцисты	200
Приключенiе капитана Фергесона.	201
Литературныя новости во Францiи. Замогильныя Записки Шатобриана. Часть двѣнадцатая	206
Охотники новѣйшаго времени. Сочиненiе маркиза де-Фудраса. Часть третья. <i>А. Кроисборга</i>	268
Князь Меттернихъ	270
Музыкальныя новости	290
Французскiя книги.	293
Новыя музыкальныя сочиненiя.	296
Моды.	304

JAN 24 1930

